

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том XV

Государственное Издательство

ПЕТЕРБУРГ • 1920

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ XV

1862 г.

(№№ 1766—1990)

Государственное Издательство

Петербургъ. — 1920.

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Оглавленіе.

1862.

№№		СТР.
1766.	Mortuos plango	3
**1767.	Иродъ Панинъ	10
**1768.	Путятинъ, какъ ораторъ.	—
**1769.	Новѣйшія открытія академика Шувалова и смерт- ная казнь тифомъ	—
**1770.	Упорная болѣзнь	11
**1771.	М. А. Бакунинъ въ Лондонъ	—
*1772.	Записка кн. къ Ю. Н. Голицыну.	12
**1773.	Письмо къ И. С. Тургеневу	13
**1774.	Письмо къ Центральному Комитету Демократиче- скаго Общества	—
**1775.	Письмо къ И. С. Тургеневу	15
1776.	М. А. Бакунинъ	17
**1777.	Головнинъ—министръ просвѣщенія	21
**1778.	[Отъ издателя]	22
**1779.	Похищеніе студента!	—
**1780.	Процессъ князя П. В. Долгорукова	23
**1781.	Злодѣй-капитанъ русскаго корабля	25
**1782.	(Извѣщеніе)	26
**1783.	Годовщина четырнадцатаго декабря въ С.-Петер- бургѣ	—
**1784.	Студентское дѣло	30
1785.	Мясо освобожденія	31
**1786.	Юбилей	36
**1787.	Еще о „Генераль-Адмиралъ“	38
**1788.	„Подчиненные“ давали объѣдъ	—
**1789.	Второй разъ	39

№№	Ст
**1790. Обмѣнъ журнала	39
*1791. Письмо къ Ж. Мишле	47
**1792. Письмо къ И. С. Тургеневу	48
**1793. Тоже	49
*1794. Письмо къ А. Таландые	53
**1795. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
**1796. Тоже	55
**1797. Капитанъ-палачъ	—
**1798. Политическое преслѣдованіе въ Пруссіи	—
**1799. Въ министерствѣ финансовъ свой Путятинъ	56
**1800. Столбовой олигархъ нашего времени	—
**1801. Ерническій тонъ русскихъ газетъ	63
**1802. Не будь ни А-поллосовъ, ни Павловъ	64
**1803. Возобновленіе клеймъ	65
**1804. Статья М. А. Бакунина	—
*1805. Приписка къ М. К. Рейхель	66
**1806. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
**1807. Тоже	67
**1808. Русская заграничная литература	—
**1809. (Императорская жога и отмороженная рука солдата)	68
**1810. Ученая Москва	—
**1811. „Ятаганъ“, убитый аукціономъ	70
**1812. Безъ масокъ	—
*1813. Письмо къ М. К. Рейхель	71
**1814. Письмо къ И. С. Тургеневу	78
**1815. Прогрессъ въ Россіи	99
**1816. „Взглядъ на дѣла Россіи“	—
**1817. Письма, отвѣты, поправки и пр.	100
**1818. Прогрессъ въ почтѣ	101
**1819. [Смерть гр. А. ЗамоЙскаго]	—
*1820. Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1821. Солидарность съ нѣмцами	103
**1822. Преступные мальчишки въ Твери	—
**1823. (Брошюра Шедо-Ферроти).	104
**1824. Отъ издателей	105
**1825. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
**1826. Отъ редакціи	108
**1827. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
**1828. Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма	111
**1829. [„Indépendance“].	116
**1830. [Изъ дневника]	—
**1831. Отвѣты М. И. Михайлова	117

ММ	СТР.
**1832. Чудотворное дѣйствіе императора	124
**1833. Similia similibus	125
**1834. (Объясненіе)	—
**1835. The Foreign Revolutionists in England.	126
Иностранные революціонеры въ Англіи	—
**1836. [Отъ редакціи]	127
**1837. Отъ издателей	—
**1838. Письмо къ И. С. Тургеневу	128
**1839. Отъ издателей	129
**1840. Ultimatum	—
**1841. [Отъ редакціи]	131
**1842. Смерть Піотровскаго, доносы Филарета, инквизиція на всѣхъ парахъ	132
**1843. Письмо къ И. С. Тургеневу	136
*1844. Тоже	—
*1845. Приписка къ сыну	139
*1846. Письмо къ Ж. Мишле	—
1847. Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ	141
**1848. [Отъ издателя]	182
**1849. Письмо отъ офицеровъ	—
**1850. Москва намъ не сочувствуетъ	183
**1851. Руфинъ Піотровскій	187
**1852. А. В. Поджіо и его племянники	192
**1853. Личное объясненіе	—
*1854. Письмо къ Н. А. Огаревой	194
*1855. Письмо къ кн. Роману Чарторижскому	196
**1856. Письмо къ К. Д. Кавелину	197
*1857. Письмо къ старшимъ дѣтямъ	202
*1858. Письмо къ сыну	208
*1859. Тоже	205
*1860. Письмо къ Н. П. Огареву	206
*1861. Письмо къ сыну	—
*1862. Тоже	208
**1863. Письмо къ Н. П. Огареву	209
**1864. Панинъ и смѣшеніе половъ	211
*1865. Письмо къ К. Д. Кавелину	—
*1866. Письмо къ Н. П. Огареву	213
*1867. Письмо къ сыну	217
*1868. Тоже	218
**1869. Письмо къ Н. А. Серно-Соловьевичу	—
**1870. Приписка къ Н. А. Серно-Соловьевичу	219
**1871. Письмо къ Н. А. Огаревой	220
**1872. (Зарево)	222
1873. Дурныя оружія	226
**1874. Новая тюрьма	232

№№	стр.
*1875. Старая исторія	235
**1876. (Что-то сдѣлаеть Константинъ Николаевичъ?)	236
**1877. Злодѣйство бѣлевской помѣщицы Муромцевой	237
**1878. Отъ редакціи	—
*1879. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
*1880. Письмо къ М. Мейзенбугъ	239
1881. Концы и начала	—
**1882. Отъ редакціи	310
**1883. Письмо къ В. В. Стасову	—
**1884. Молодая и старая Россія	310
**1885. Выстрѣлы, раны и убійства	334
**1886. Адлербергъ I, какъ хозяинъ, судья и золотопро- мышленникъ	337
**1887. Подрядчики русскаго посольства въ Лондонѣ	338
**1888. Князья-безсребреники	339
**1889. Павелъ Гагаринъ	—
**1890. Келлеры!	340
**1891. Письмо гг. Каткову и Леонтьеву	—
**1892. Отъ издателей	342
*1893. Письмо къ Н. П. Огареву	354
*1894. Тоже	358
*1895. Письмо къ сыну	359
*1896. Письмо къ Н. П. Огареву и сыну	—
**1897. Арнольдтъ, Сливицкій и Ростовскій	360
**1898. Министерская поправка	368
**1899. [Отъ редакціи]	—
**1900. (Извѣщеніе)	—
**1901. Письмо къ В. В. Стасову	369
**1902. Отъ издателей	—
**1903. [Къ слѣдствію о пожарахъ]	—
**1904. Журналисты и террористы	371
**1905. Хроника террора	378
**1906. (Списокъ лицъ, которыхъ правительство велѣло аре- стовать при возвращеніи изъ-за границы)	379
**1907. Осада Нижняго	389
*1908. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*1909. Тоже	—
*1910. Письмо къ гр. Е. В. Салиасъ де Турнемиръ	390
**1911. Письмо къ И. С. Тургеневу	407
**1912. Перечисленіе св. Митрофанія воронежскаго съ то- варищи въ лица менѣ замѣчательныя	418
**1913. Первый и послѣдній русскій дворянинъ	—
**1914. Министръ юстиціи будущаго тысячелѣтія Россіи	—

№№		СТР.
**1915.	По поводу крѣпкихъ словъ г. Каткова и слабостей генерала Потапова	419
**1916.	Три талера изъ Вильны	461
**1917.	[Къ списку подлежащихъ задержанію]	—
**1918.	„Записки“ декабристовъ	462
**1919.	Висѣлица въ Варшавѣ	463
**1920.	По экзамену „единица“	—
**1921.	Ей Богу, надоѣло	465
**1922.	Ah, les misérables!	466
**1923.	Письмо къ Н. А. Огаревой	—
**1924.	Письмо къ В. В. Стасову	467
**1925.	Отвѣтъ „Г. Поляку“ на статью и письмо	468
**1926.	Валуевъ и Головинъ	470
**1927.	Клевета	—
**1928.	Письмо къ Н. М. Сатину	473
**1929.	(300 руб. въ фондъ)	474
**1930.	Общій фондъ	—
**1931.	Новая побѣда Путятина	—
**1932.	(Стихотворенія Михайлова).	478
**1933.	A Monsieur le rédacteur de „La Cloche“	—
	Господину редактору „La Cloche“	479
**1934.	Письмо къ И. С. Тургеневу	480
*1935.	Письмо къ С. Тхоржевскому	500
**1936.	(Изъ Варшавы)	503
**1937.	[О поджогахъ].	506
**1938.	Праздникъ тысячелѣтія	—
**1939.	Нѣмцы не были	—
**1940.	[„Наше Время“].	507
**1941.	Общій фондъ	—
**1942.	„La Cloche“	—
**1943.	Центральному Польскому Комитету въ Варшавѣ	508
**1944.	Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ	513
**1945.	[Отъ редакціи]	519
**1946.	Философское управленіе Олонецкою и Курскою губерніями	—
**1947.	Тайныя типографіи	520
**1948.	Предостереженіе Гутцейту и ему подобнымъ по-мѣщикамъ	523
**1949.	„Конституція, самодержавіе и Земская Дума“	528
**1950.	[Общій фондъ]	—
*1951.	Надпись для Н. А. Герценъ	—
**1952.	Къ офицерамъ	529

№№	СТР.
**1953. [Общій фондъ]	531
*1954. Письмо къ В. Т. Кельсиевой	—
*1955. Письмо къ Юсифу Цвериякевичу	532
*1956. Письмо къ Н. А. Герценъ	536
**1957. Письмо къ И. С. Тургеневу	537
**1958. (Четвертый запросъ отъ издателей „Колокола“)	—
**1959. Смертный приговоръ	—
**1960. (Головинская цензура)	538
**1961. Письмо къ И. С. Тургеневу	539
**1962. [Общій фондъ]	540
*1963. Письмо къ С. Тхоржевскому	—
**1964. Общій фондъ	545
**1965. („Не мое дѣло“)	—
**1966. Съ кѣмъ война?	—
**1967. Терроръ по губерніямъ и новый способъ лѣчить отъ чахотки	—
**1968. Письмо къ И. С. Тургеневу	549
**1969. То же	551
**1970. Подтасованный наборъ	555
**1971. Потеря сотрудника	557
**1972. [Отъ редакціи]	—
*1973. Письмо къ А. Ѳ. Фримену	—
**1974. Une réponse	558
Отвѣтъ	—
*1975. Письмо къ Н. А. Герценъ	562
**1976. Письмо къ И. С. Тургеневу	565
**1977. Письмо къ В. Н. Кашперову	567
*1978. Приписка къ В. И. Баксту	568
**1979. Пути! Пути!	569
**1980. Канцлеръ-памфлетистъ	574
**1981. („Daily Telegraph“)	576
**1982. [Цензура указовъ]	—
**1983. („Сѣверная Пчела“)	—
**1984. Нашего полка прибыло	577
**1985. (Общій фондъ)	578
*1986. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*1987. Письмо къ старшимъ дочерямъ	579
**1988. [Къ адресу русскихъ офицеровъ въ Польшѣ]	580
*1989. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ	588
*1990. Письмо къ старшимъ дочерямъ	584
Библиографическій комментарий	606
Опечатки и дополненія	620

1862

1766. Mortuos plango... ¹⁾

«Поминать, такъ поминать!»
Пушкинъ ²⁾.

I.

Новый годъ, какъ верстовой столбъ, всякій разъ заставляетъ подумать, скоро ли доѣдешь, и вспомнить, какова была дорога... Плоха и очень плоха была, а вотъ и доѣхали до 1862 года, и на русской душѣ нашей, словно, легче и свѣтлѣе...

Когда я сравню теперешнее время съ тѣмъ, что было десять лѣтъ тому назадъ, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ,—нѣтъ, не все, что прошло, будетъ мило... Тогда было такъ тяжело, такъ тяжело, что одно желаніе и, оставалось: «Бѣжать, уйти куда-нибудь, уничтожиться безслѣдно, безсознательно, лишь бы отдохнуть, лишь бы не видать, что дѣлается вокругъ» ³⁾; такъ тяжело, что, когда разразился *последній ударъ*, невольно вырвался изъ груди радостный крикъ: «vive la mort!» ⁴⁾.

Съ этимъ крикомъ вступили мы въ новый, 1852 годъ.

Слишкомъ много было страданій, стонровъ вокругъ, какая-то духота,—похороны все лучше.

Что было потомъ,—трудно сказать. Какая-то нравственная холера, нервы олустились, мысли потускли, тамъ-сямъ спасались люди, кто въ Англію, кто въ Америку; впрочемъ, свирѣпыхъ гоне-

¹⁾ Оплакиваю мертвыхъ. Средняя часть эпитафии знаменитой шиллеровской «Пѣсни о колоколѣ» (см. стр. 529 т. VIII).

²⁾ Стихотвореніе «Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ».

³⁾ «Письма изъ Франціи», XIV, 31 дек. 1851 и «Съ того берега», «Эпилогъ 1849 года». А. И. Г.

⁴⁾ Да здравствуетъ смерть!

ній, ужасныхъ казней и отвагъ, этой послѣдней поэзіи мрачныхъ эпохъ, не было. Люди изнашивались, затомлялись какъ-то исподволь пошлыми неприятностями, мелкими лишеніями; они старѣли, не вынося съ собой выкупомъ за страданія тѣхъ страшныхъ образовъ бурь и урагановъ, которыми тѣшится морякъ, сидя на берегу. Объ этомъ времени *нѣтъ воспоминаній*.

...Хоронили Веллингтона ¹⁾).

...Прусскій король ²⁾ сошелъ съ ума...

...А возлѣ хоронили цѣлый міръ идей и стремленій, не замѣчая того, и цѣлый міръ, если не сходилъ съ ума, то суживался въ умѣ. Легкомысленное непоминаніе того, что совершалось, надменное самодовольство передовыхъ людей, передовыхъ журналовъ, общественнаго мнѣнія новодило тоску и ужась. На откровенныя слова, указывавшія грядущія бѣды, отвѣчали свистомъ и насмѣшками. У насъ въ Россіи разные доктринеры тоже натягивали на себя западную тупость; это явленіе, вызванное негодованіемъ, оппозиціей, у насъ не имѣло корней; но видѣть на мѣстѣ, дома обтерханыхъ людей, которые съ надменностью Донъ Цезаря де Базана ³⁾ величественно завертываются въ грязный продырявленный плащъ, съ полной увѣренностью, что ихъ дѣла завтра пойдутъ блестящимъ образомъ, и знать, что они завтра пойдутъ еще хуже и все хуже,—это ужасно!

Годы шли и шли... Все больше дрогъ, распущенныхъ шляпъ, факеловъ... Мало-по-малу мы стали догадываться, что это все хоронять *чужихъ* или дальнихъ родственниковъ, отъ которыхъ мы получаемъ въ наслѣдство все, за исключеніемъ горести объ умершемъ,—*мы*, осмѣлившіеся надѣяться, когда ночь кругомъ становилась темнѣе, мы, вѣровавшіе въ Россію тогда, когда вѣра въ нее была безуміемъ, когда Россія была однимъ обширнымъ острогомъ, къ обмерзшимъ дверямъ котораго былъ приваженъ Николай.

II.

А не пощадила Донъ Цезаря де Базана судьба, не обошла его ни одной каплей горечи, ни однимъ униженіемъ, ни однимъ ударомъ.

Была у гордаго старика одна мечта, одна надежда... казалось, въ самомъ дѣлѣ, сбыточная. Онъ утѣшался, какъ король Лиръ.

¹⁾ Въ 1852 г.

²⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

³⁾ Дѣйствующее лицо въ драмѣ В. Гюго «Ruy Blas».

мыслью, что у него вдали есть дочь—богатая и вольная, которой онъ при жизни завѣщалъ свое лучшее достояніе; она-то, думалъ онъ, исполнить его послѣднюю волю. И въ тѣ минуты, когда старику дома становилось тяжело, онъ мечталъ объ ней и собирался къ ней перебраться.

Мы сами были увлечены и вѣрили въ нее.

Но не Корделей оказалась и эта дочь.

... Разверните лѣтописи міра, отъ потопа, отъ Мелхиседека до вчерашняго дня, и найдите на югѣ, на востокѣ, гдѣ хотите, знамя гнуснѣе того, на которомъ написано: «*Рабство или Смерть!*»: Было ли что-нибудь чудовищнѣе въ библейскихъ бойняхъ, въ уничтоженіи альбигойцевъ, во времена инквизиціи, исламизма... Что передъ этимъ *самодержавіе*, во имя котораго убивалъ народы Николай, что передъ этимъ сумасшедшій бредъ *умнаго* прусскаго короля въ Кенигсбергѣ, отбросившаго Германію за вестфальскій миръ?

Война за рабство! «За наше *святое дѣло!*», какъ выразился южный президент ¹⁾ въ рѣчи своей.

До Сѣверо- и Юго-Американскихъ Штатовъ было рабство и крѣпостное состояніе, неправая война и неправое стяжаніе, но этотъ цинизмъ, эта наглость, эта преступная простота, это безстыдное обнаженіе,—это ново и принадлежитъ Америкѣ.

— Та ли эта Америка? Та ли Франція? Какъ онѣ могли такъ измѣниться?

— Онѣ не измѣнились, только мы ихъ не знали прежде. Мы смотрѣли картинки, читали вывѣски... Революція проѣхала, какъ императрица: картонныя избы упали, декораціи сельскаго благосостоянія сняты, новые кафтаны обобраны. Что же осталось?—Истина.

Страна Вильберфорса ²⁾ оснащаетъ корабли, нехотя становясь за рабство; рѣками, можетъ, польется кровь въ Атлантическій океанъ, корабли погрузнутъ на его дно, «святая основа» южныхъ республикъ будетъ принята всей Европой.

А въ это время развѣ *она* ³⁾ будетъ сидѣть сложа руки?

...Римъ, Рейнгъ, Бельгія, Востокъ—*Ave, Caesar!* ⁴⁾

¹⁾ Джефферсонъ Дэвисъ (Davis).

²⁾ Вильямъ, англійскій дѣятель, борецъ за освобожденіе негровъ въ англійскихъ колоніяхъ.

³⁾ Наполеонъ III.

⁴⁾ Первые слова привѣтствія, которымъ гладиаторы встрѣчали императора при его появленіи въ циркѣ: «*Ave, Caesar imperator, morituri te saluant,*» то-есть «Гряди, Цезарь! Осужденные на смерть привѣтствуютъ тебя».

Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ это—пятое дѣйствіе трагедіи, начавшейся въ 1789?

— Если же такъ, куда послѣ театра?

— Не знаемъ, куда актеры, а мы ко дворамъ.

III.

У насъ въ стары годы все перекладывали французскіе веде-
вили на русскіе нравы. Какъ бы не случилось теперь того же съ
европейской трагедіей!

Она выйдетъ у насъ грубѣе, но гораздо проще. У насъ *ста-
рое-то ново* и не пустило корней; у насъ морщины на кожѣ, но
кровь молода.

Упорная живучесть всего существующаго въ Европѣ прочно
основана на всемъ быломъ ея. Ея многосложный бытъ сложился
самъ по себѣ, выработался въ длинной и тяжелой борьбѣ; онъ ей
естествененъ, у ней есть другіе *идеалы*, но другого *быта* нѣтъ. Къ
тому жъ въ обветшалыхъ и узкихъ формахъ ея захвачена бездна
изящнаго и хорошаго. Оно-то и утратилось при *переложеніи на
наши нравы*,—удивляться этому нельзя.

Европейскій бытъ и цивилизація были надѣты на насъ въ томъ
родѣ, какъ въ Лондонѣ мальчишки зашивають для продажи пле-
бейскаго происхожденія щенка въ волнистую шкуру аристократи-
ческой собачонки; щенокъ, вымытый и расчесанный, бѣгаетъ въ
своемъ *болонскомъ* кафтанѣ по гостинымъ, спитъ на диванахъ,—
но, увы, онъ растеть, и чужая шубенка лопаеть по швамъ.

Какъ бы то ни было, но теперь вопросъ, собственно, вотъ
въ чемъ: имѣя западный фасадъ и формы безъ лучшей стороны
содержанія, что намъ придется: разбить ли чужія формы или усвоить
чужое содержаніе?

То, что въ Европѣ есть общечеловѣческаго, т.е. наука и
больше ничего, само собою принадлежитъ всѣмъ, какъ воздухъ
принадлежитъ каждому, имѣющему легкія. Стало-быть, рѣчь не о
наукѣ, а о томъ, могутъ ли другіе результаты западнаго развитія
усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту, или мы
разовьемъ какіе-нибудь иные историческіе элементы?

Конечно, было бы лучше воспользоваться тѣмъ и другимъ.
Человѣкъ скупъ, стяжателенъ, ему жаль терять, онъ завистливъ,
ему хотѣлось бы всего, всего. Но силъ нѣтъ на обладаніе; нельзя
же, въ самомъ дѣлѣ, быть разомъ средневѣковымъ монахомъ и
Алкивиадомъ, кастильянскимъ грандомъ въ шляпѣ и якобинцемъ
въ красной шапкѣ,—такъ, какъ нельзя, переѣзжая изъ города въ

деревню, захватить съ собой всё городскія удобства; довольно того, что въ городѣ вмѣстѣ съ ними останется и зараженный воздухъ, и пыль, и противная толкотня.

Не все юное и свѣтлое изъ жизни Эллады перешло въ Римъ, не все изящное античнаго міра осталось въ христіанствѣ, и не все граціозное аристократической Европы сохранилось въ мѣщанской. И въ этомъ лежитъ великая печать личной самобытности каждой эпохи и ея художественная замкнутость.

Природа постоянно идетъ этими путями,—развиваясь въ разныя стороны лучами, диагоналями, кривыми. Молча благоухаетъ роза, славно поетъ соловей, но совсѣмъ не пахнетъ. Не смѣйтесь надъ этимъ примѣромъ. Дѣло въ томъ, что все, *удавшееся* въ природѣ, сохраняетъ свои особенности съ упорнымъ консерватизмомъ побѣдителя, поддерживая свои династическіе интересы и предоставляя новымъ *parvenus* ¹⁾ доискиваться иныхъ завоеваній и формъ. На этомъ-то и основано страшное множество видовъ и родовъ. Въ природѣ нѣтъ табели о рангахъ, ни перевода изъ класса въ классъ, иначе давнымъ давно всё животныя дослужились бы до человѣческихъ чиновъ, и на островѣ Цейлонѣ или на берегахъ Евфрата цвѣла бы демократическая и социальная Атлантида.

Иными словами, переходъ отъ менѣ совершенныхъ видовъ къ болѣе совершеннымъ, вообще, не дѣлается развитіемъ *наименѣе несовершеннаго* вида въ болѣе развитой. *Онъ и такъ хорошъ*, и такъ дорого стоилъ, пусть же онъ и остается самъ по себѣ въ то время, какъ ряды другихъ попытокъ направо, налево, со всѣхъ сторонъ тянутся, гибнуть, отстаютъ, *обходятъ, забываютъ* существующій видъ.

Каждый видъ представляетъ поступательное развитіе, съ одной стороны, и, съ другой,—предѣлъ, т.-е. препятствія, на которыя онъ натолкнулся съ *стремленіемъ ихъ перейти*. Это безсиліе нисколько не мѣшаетъ другому виду, можетъ, бѣднѣе организованному въ чемъ-нибудь иномъ, перешагнуть именно *это* препятствіе.

— «Мы понимаемъ, но гдѣ же предѣлъ европейскаго развитія, гдѣ препятствія, за которыя оно запнулось?»

Во-первыхъ, въ сознаніи необходимости коренного переворота, въ сознаніи нелѣпости государственной, юридической и экономической, жизни, отставшей вѣками отъ общественной и научной; во-вторыхъ, *въ немогутъ не только совершить этотъ социальный переворотъ, но даже формулировать его.*

Вотъ на чемъ оборвались реформаци и революціи, республики и конституціи, вотъ порогъ, за который запнулся смѣлый бѣгъ

¹⁾ Выскочкамъ.

Запада и, смутившись, бросился въ цезаризмъ, націонализмъ и въ тупой смѣхъ надъ соціальными вопросами, напоминающій намъ тупой смѣхъ римскихъ патриціевъ и доктринеровъ надъ назарейми. Плакать надобно, а не смѣяться. Мы ждали четырнадцать лѣтъ. Слово, если и было сковано, мысль не была скована, да и есть слова и мысли, которыхъ не скуешь ни смертью на Голгоѣ, ни погребеніемъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Гдѣ это слово? Гдѣ эта мысль? Что прибавилось къ торжественному протесту противъ общественной лжи и неправды, сдѣланному сенъ-симонистами и ихъ товарищами? что—къ грозному обличенію, раздавшемуся середь кровавой бури Юньскихъ дней?

Соціализмъ стоитъ тѣмъ же гнѣвнымъ Данииломъ, указывая страшныя, огненные буквы, которыхъ полнаго смысла мы не знаемъ, которыя пророчать бѣду и молчать объ искупленіи...

Вотъ предѣлъ...

IV.

Но предѣлъ ли это для насъ, приемышей, пасынковъ западной цивилизаціи?

Прошедшее Запада обязываетъ *его*,—не насъ. Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго, съ тѣнями дорогими ему,—не намъ. Свѣтлыя человѣческія стороны современной европейской жизни выросли въ тѣсныхъ средневѣковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ; онѣ срослись со старыми dospѣхами, рясами и жильями, разсчитанными совсѣмъ для другою быта,—разнять ихъ опасно: тѣ же артеріи пробѣгаютъ по нимъ. Западъ въ неудобствахъ наслѣдственныхъ формъ уважаетъ свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мѣшаютъ камни, но камни эти—памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты.

У насъ ничего подобнаго. Наши преданія впереди. На нашихъ старинныхъ зданіяхъ извѣсть не обсохла, наши развалины составились не отъ лѣтъ, а оттого, что фундамента нѣтъ. Мы еще не обстѣивались, и это превосходно: военныя поселенія ужасно легко переходятъ опять въ деревню.

Въ самомъ дѣлѣ, какой камень, какую улицу намъ жалѣть? Тотъ ли, изъ котораго построены Зимній дворецъ, или тотъ, который пошелъ на Петропавловскую крѣпость? Царицынъ лугъ, гдѣ полтора года лѣтъ ежедневно били палками солдатъ, или Старую-Руссу, гдѣ ихъ засѣкали десятками? Не съѣзжія ли—господскіе дома, эти омуты, эти паутины, въ которыхъ выбились изъ силъ, зачахли цѣлыя поколѣнія, гдѣ засѣкали старцевъ и насилывали дѣтей годъ тому назадъ, а, можетъ, и ближе?

Нѣтъ, ужъ объ *нашу-то* Европу мы не запомнимъ; мы слишкомъ дорого заплатили за науку, чтобъ такъ малымъ довольствоваться.

Полтора ста дѣтъ безчеловѣчнѣйшихъ истязаній, униженій, слышанныхъ въ лѣтописяхъ міра, полтора ста лѣтъ пытки, застѣнка, — и все это только для того, чтобъ стать на краю пропасти, на которой стоятъ всѣ западныя государства, и дѣлать ихъ судьбу, не имѣя взаимнѣ ни логическаго оправданія въ прошедшемъ, ни удобствъ настоящаго... Нѣтъ, или сѣченіе не стоило шпицрутеновъ!

— И, будто, вамъ не жаль?

— Жаль? Кому и что?

Насъ двое, разнo взрощенныхъ. По воспитанію можно судить о степени нашей чувствительности.

Мы, на примѣръ, внуки людей, издѣвавшихся надъ своими отцами, когда ихъ насильно брили, — людей, собственными руками пытавшихъ по застѣнкамъ, казвившихъ стрѣльцовъ, людей, представлявшихъ разомъ гаероу, холоповъ, вельможъ и доносчиковъ, — мы выросли возлѣ конюшенъ, гдѣ наши отцы и дѣды сѣкли дворовыхъ, и возлѣ дѣвичьихъ, гдѣ они *отдыхали* отъ трудовъ. Они тоже въ свое время были палачами солдатъ, грабили цѣлыя губерніи и безропотно ссылали на каторгу своихъ дѣтей и чужихъ, въ угоду коронованному звѣрю... И вы воображаете, что, если у кого-нибудь изъ дѣтей ихъ уцѣлѣла живая душа, такъ онъ будетъ сухими глазами смотрѣть, какъ смиренный домъ нашего просвѣщенія загорится со всѣхъ четырехъ сторонъ? У дѣтей, у которыхъ съ первымъ пробужденіемъ человѣческаго, святаго чувства любви къ ближнему и слабому сочеталась ненависть къ отцу, матери и ко всей семьѣ, не ищите сожалѣнія въ *эту сторону*: они слишкомъ жалѣли *другую*.

... А *другой*, тотъ, котораго дѣда и отца сѣкли, которому брили лобъ, котораго брали во дворъ, котораго жена, сестра, дочь были обезчещены, какъ вы думаете, пожалѣетъ?

Можетъ, вамъ страшно?.. Ну, такъ переходите къ намъ — мѣсто есть. Съ народомъ не погибнете, народъ приметъ васъ и стараго не помянетъ... Оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ... Ихъ не воскресите... ихъ можно только *оплакивать*; звать надобно живыхъ, мы и зовемъ васъ... Откликайтесь же, есть ли въ полѣ живъ челоуѣкъ?

Vivos voce! ¹⁾

31 декабря 1861.

¹⁾ Призываю живыхъ!

1767. Иродъ Панинь.

Государь, боясь необузданной доброты своего мягкаго сердца, поручилъ Панину составить обвинительный актъ противъ студентовъ. «Нордъ» говоритъ, что Панинь такую хватилъ промеморю, что самъ государь испугался. Какой шутникъ Александръ Николаевичъ! ¹

◆◆ 1. Документъ къ «панинской» юриспруденціи. Когда министръ вн. дѣлъ обратился къ нему 15 ноября 1861 г. съ запросомъ объ уваженіи просьбы витебскаго губернатора по поводу удаленія изъ губерніи засѣдателя гражд. палаты Антонія Корсака, «имѣющаго сильное вліяніе на молодыхъ чиновниковъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ и гимназистовъ и постоянно подстрекающаго ихъ къ заявленію противоправительственныхъ убѣжденій»,—Панинь отвѣтилъ ему 21 ноября, что Корсакъ подлежитъ преданію уголовному суду, «но, если признано будетъ, что мѣра эта не можетъ быть приведена въ исполненіе по недостатку юридическихъ данныхъ къ сужденію Корсака, или по другимъ, заслуживающимъ уваженія причинамъ, то я признавалъ бы нужнымъ представить государю императору отъ министерства вн. дѣлъ и юстиціи общій всепод. докладъ, какъ объ увольненіи Корсака отъ службы, такъ и послѣдующихъ относительно его мѣрахъ» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 63).

1768. Путятинъ, какъ ораторъ.

«Times» отъ 27 помѣстилъ въ чрезвычайно интересной корреспонденціи изъ Москвы (отъ 11 декабря) слѣдующую рѣчь нашего Нептуна посвященія къ московскимъ профессорамъ: «Господа! Я пріѣхалъ сюда благодарить васъ. Я не рѣшился бы сдѣлать этого отъ себя, но я присланъ государемъ. Е. в. благодаритъ васъ за то, что вы вліяніемъ вашимъ возстановили порядокъ въ университетѣ. Дурные люди (bad people) распространили слухъ, что власти (начальство? по-англійски the authorities)—враги посвященія, *но я прошу васъ* не вѣрить этому».

Какое трезубецъ краснорѣчія у адмирала?!... «Прошу васъ не вѣрить!».. Если любишь, такъ повѣрь!.. Отчего же это петербургскихъ профессоровъ не благодарили?

Бѣдные петербургскіе профессора!

1769. Новѣйшія открытія академика Шувалова и смертная казнь тифомъ.

«Times» отъ 25 декабря говоритъ объ открытіи «Колокола» у морскихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ, объ ихъ арестѣ (мы предупреждали Константина Николаевича о появленіи шпионовъ въ Кронштадтѣ). «Indépen-

dance» отъ 23 дек. рассказываетъ объ открытіи издателей «Великорусса»... А студентское дѣло идетъ своимъ чередомъ. Студентовъ начинаютъ убивать тифомъ... «Nord» 25-го извѣщаетъ о кончинѣ Спасскаго. ¹

◆◆ 1. 10 января 1862 г. «С-te L». написалъ шефу жандармовъ большое письмо, съ предложеніемъ услугъ къ обнаруженію предпріятій заграничныхъ злоумышленниковъ противъ нашего правительства и, конечно, въ ихъ числѣ и Герцена. Это былъ Наполеонъ Zutogorski, который съ 1834 г. интриговалъ противъ Россіи за границей и не заслуживалъ, по отзыву Бруннова, никакого довѣрія (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. I эксп. 1862 г., дѣло № 21).

1770. Упорная болѣзнь.

Путятинъ, по послѣднимъ извѣстіямъ,—еще министръ народнаго просвѣщенія! Не скоро сдвинешь это судно съ мели!

1771. М. А. Бакунинъ въ Лондонѣ.

М. А. БАКУНИНЪ ПРИѢХАЛЪ 27 ДЕКАБРЯ ВЪ ЛОНДОНЪ. ¹

◆◆ 1. По свидѣтельству одного близкаго къ Герцену лица, онъ ожидалъ осложненій, которыя Бакунинъ внесетъ въ дѣятельность «Колокола» («Письма Бакунина», стр. LXXI), что и совершенно понятно. Письма бѣжавшаго изъ Сибири друга дышали тою же энергіей и сумбурностью, которыми онъ отличался до ссылки. Огарева говоритъ то же самое. Самый приѣздъ Бакунина она описываетъ такъ:

«Быль девятый часъ вечера; всѣ сидѣли за столомъ, а я, по нездоровью, обѣдала въ той же комнатѣ, лежа на диванѣ. Услыша сильный звонокъ, Жюль побѣжалъ ко входной двери наверхъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сопровожденіи посетителя. Это былъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ... При появленіи Бакунина всѣ встали. Мужчины обнимали другъ друга, Герценъ представилъ Бакунину дѣтей и Мейзенбургъ, которая случайно обѣдала съ нами. Поздоровавшись со всѣми, Бакунинъ подошелъ ко мнѣ. Вспомнилъ о нашемъ свиданіи въ Берлинѣ незадолго до дрезденскихъ баррикадъ, гдѣ онъ былъ взятъ и переданъ австрійцамъ.

«— Не хорошо лежать,—говорилъ онъ мнѣ съ оживленіемъ,—выздоровливайте, надо дѣйствовать, а не лежать.

«Бакунинъ сѣлъ тоже за столъ, обѣдъ сталъ очень оживленъ» (стр. 195).

Н. А. Поповъ, о достовѣрности показаній котораго я уже имѣлъ случай высказаться, и о прїѣздѣ Бакунина сообщаетъ слова, якобы, слышанныя имъ самимъ отъ Герцена, но сочиненность ихъ совершенно не подлежитъ сомнѣнію, особенно въ связи со всѣмъ, сказаннымъ о Бакунинѣ этимъ «очевидцемъ», рѣшившимъ переложить сплетни въ лично слышанное и даже видѣнное, чего ужъ никакъ не могло быть («Истор. Вѣстникъ» 1908, VII, 143—145).

«Ждали Бакунина въ Лондонѣ,—говоритъ Кельсевъ;—насталъ день его прїѣзда. Мнѣ не терпѣлось видѣть его, но, не желая мѣшать его встрѣчѣ съ старыми друзьями, я отправился къ Герцену попозднѣе, давъ имъ наговориться и высказать другъ другу то, чего, можетъ быть, имъ не захотѣлось бы говорить при новичкѣ. Я засталъ ихъ при разговорѣ, какой обыкновенно ведется между старыми знакомыми, не видавшимися долгое время: Бакунинъ разспрашивалъ, что дѣлаетъ такой-то, этотъ живъ ли, тотъ гдѣ и т. п. Разговоръ, наконецъ, перешелъ на современную политику.

«Въ Польшѣ только демонстраціи», сказалъ Герценъ, «да, авось, поляки облагоразумятся, поймутъ, что нельзя жъ подыматься, когда государь только-что освободилъ крестьянъ. Собирается туча, но надобно желать, чтобъ она разошлась».—«А въ Италіи?»—«Тихо».—«А въ Австріи?»—«Тихо».—«А въ Турціи?»—«Вездѣ тихо, и ничего даже не предвидится».—«Что жъ тогда дѣлать?», сказалъ въ недоумѣніи Бакунинъ. «Неужели жъ ѣхать куда-нибудь въ Персію или въ Индію и тамъ подымать дѣло?! Эдакъ съ ума сойдешь,—я безъ дѣла сидѣть не могу» («Исповѣдь»).

1772. Записка нн. Ю. Н. Голицыну ¹⁾.

(1—2 января 1862).

«Накаунѣ» вашего отъѣзда прошу васъ зайти въ мое «Затишье» и взять отъ меня, какъ величайшаго «охотника до записокъ», такую, вмѣсто «Разговора на большой дорогѣ» «Двухъ прїятелей» изъ «Дворянскаго гнѣзда».

«Постояльцѣ дворѣ», гдѣ живетъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, находится въ *Rue Rivoli, № 210*.

¹⁾ Поставленное въ кавычкахъ—названія различныхъ сочиненій Тургенева.

1773. Письмо М. С. Тургеневу.

3 января 1862.
Orsett House.

Любезный Тургеневъ. Чтобы доказать тебѣ, что я три раза въ недѣлю пишу къ тебѣ и четыре—жду тебя, пишу сіе *третье* (считая бакунинское вторымъ) и, между прочимъ, вручаю его кн. Юрію Николаевичу Голицыну, желающему представиться вашему могуществу.

Лондонскій временно-обязанный
рабъ вашъ
А. Г.

1774. Письмо къ Центральному Комитету Демократическаго Общества.

Kochani! panowie! Z najgorętszem uczuciem chwytam za pióro, aby powitać razem z tobą dzień rocznicy 29 listopada 1830 r. pod zupełnie odmienną wróżbą od przeszłych. Nie są to już próżne nadzieje, ale w istocie zbliżenie do ich urzeczywistnienia.

Samowładna władza chwije się nawet w Petersburgu. Tutejsze stronnictwo czynu, możesz być o tem przekonanym, gorąco pragnie najzupełniejszej wolności Polski. I nie jestże to uwagi godnem wydarzeniem, że człowiek, który w 1849 r. pierwszy zapoczątkował zjednoczenie wszystkich wolnomyślnych Rosyan z patryotycznymi Polakami, na ziemi wygnania, człowiek skazany na śmierć przez króla saskońskiego, wydany przez niego w ręce Austrii, a przez Austryę w ręce cara Mikołaja, od r. 1849 żywcem zagrzebany w murach Schlüsselburgu i pustyniach Sybiru—ten bohaterski mąż, stracony—zaprzeczony—umarty Mikołaj ¹⁾ Bakunin zjawił się znówu wpośród nas wolny, żywy w pełni siły, z drugiej strony Spokojnego oceanu witając świtanie polskiej niepodległości i rosyjskiej wolności? W imieniu naszego przyjaciela, imieniu naszego wskrzeszonego męczennika, wzywam życzliwość wszystkich obywateli zebranych w imieniu Polski i w imieniu naszych tutejszych przyjaciół do jednozgodnego okrzyku: «Niech żyje Polska».

Wasz prawdziwy *Alexander Herzen*,
redaktor «Kołokoła»

¹⁾ Ошибка переводившаго письмо съ русскаго.

Переводъ.

Милостивые Государи! Съ горячимъ чувствомъ хватаюсь за перо, чтобы привѣтствовать вмѣстѣ съ Вами день годовщины 29 ноября 1830 г., который теперь является съ инымъ предзнаменованіемъ, чѣмъ въ прошломъ. Это—не пустая надежды, а, дѣйствительно, приближеніе къ ихъ осуществленію.

Самодержавная власть колеблется даже въ Петербургѣ. Мѣстная партія дѣла, можете быть въ этомъ убѣждены, горячо желаетъ полнѣйшей свободы Польши. И не достойно ли вниманія то событіе, что человекъ, который въ 1849 г. первый положилъ начало объединенію всѣхъ вольномыслящихъ русскихъ съ польскими патриотами на землѣ изгнанія,—человекъ, осужденный на смерть саксонскимъ королемъ, переданный имъ въ руки Австріи, а Австріей—въ руки царя Николая, съ 1849 г. заживо погребенный въ стѣнахъ Шлиссельбурга и пустыняхъ Сибири,—этотъ богатырь, казненный, обреченный, умершій, Михаилъ Бакунинъ, появился опять среди насъ, свободный, живой, полный силъ, съ той стороны Тихаго океана, привѣтствуя зарю польской независимости и русской свободы? Отъ имени нашего друга, отъ имени нашего воскресшаго мученика призываю всѣхъ гражданъ, собранныхъ именемъ Польши и именемъ нашихъ здѣшнихъ друзей, къ единому, согласному возгласу: «Да здравствуетъ Польша!»

Вашъ искренній *Александръ Герценъ,*

редакторъ «Колокола».¹

◆◆ 1. 19 января виленскій ген.-губернаторъ Назимовъ телеграфировалъ Валуеву: «Депеша, показываемая Тышкевичемъ, по объявленію его, была слѣдующая, что вы кончили съ государемъ вопросъ о всенародной баллотировкѣ, принадлежитъ ли Литва Россіи или Польшѣ». Другая телеграмма: «Вслѣдствіе вашей депеши былъ выданъ гр. Тышкевичу заграничный паспортъ, но, пробывъ здѣсь больше двухъ недѣль, вчера выѣхалъ за границу, а въ СПб. показывалъ многимъ полученную отъ васъ шифрованную телеграмму. По разысканію начальникомъ станціи, ни виленскимъ, ни динабургскимъ телеграфомъ, на который Тышкевичъ самъ указалъ, никакой депеши ему передано не было. Подозрѣвая въ этомъ подлогъ, я приказалъ произвести слѣдствіе. Подробности по почтѣ». 27 января Валуевъ телеграфировалъ Назимову: «Обнаружено ли вполнѣ, что Тышкевичъ показывалъ ложную депешу и разглашалъ ложныя вѣсти?» (Архивъ мин. в. дѣлъ, особое дѣло канц. мин. № 45).

1775. Письмо къ М. С. Тургеневу.

(До 12 января 1862).

Прежде, чѣмъ ты уѣхалъ въ Лондонъ, спѣшу тебѣ дать порученіе. Узнай самъ или черезъ Трубецкаго ¹⁾, или черезъ кого хочешь (Труб. можешь сказать, что я прошу его), можно ли Головнину сдѣлать вопросъ: «на какомъ основаніи мой сынъ, *medicinae doctor* и натуралистъ, можетъ возвратиться въ Россію и снова получить тамъ права гражданства?».

Онъ очень хочетъ; я не прочь его отпустить.

Постороннимъ—ни слова.

Завтра, въ 2 часа у меня въ Orsett House Бакунинъ принимаетъ депутацію англійскихъ работниковъ, являющихся его поздравить съ пріѣздомъ. Можешь передать это для печати Делавѣ ²⁾.

Имѣешь даже право узнать о дѣлѣ моего сына мнѣніе князя Орлова ³⁾, даже можно бы спросить Киселева. ¹

О Долгорукомъ писать трудно, но, можетъ, строчку черкну ⁴⁾.

Прощай.

Огаревъ кланяется, а ты—Боткину.

Кстати, кажется, Солдатенковъ ⁵⁾ будетъ въ Парижѣ; съ него непременно возьми денегъ для Бакунина,—наконецъ, стыдъ и срамъ, если вся партія ⁶⁾ не вышлетъ ему по 1500 руб. сер. въ годъ. Нельзя же мнѣ на все разрываться одному.

◆ 1. 25 января Тургеневъ отвѣчалъ Герцену: «О твоёмъ сынѣ уже пошелъ запросъ къ Головнину черезъ кн. Орлова. По словамъ себѣ послѣдняго, онъ не предвидитъ препятствій къ исполненію его желанія» («Письма», 143).

22 января 1862 г. III Отдѣленіе запросило у московскаго ген.-губернатора свѣдѣнія о Герценѣ и его семействѣ. 2 февраля царю была доложена справка, въ которой указано, что, по смыслу нашего законодательства, дѣти не отвѣчаютъ за преступленія отца и суть прямые наслѣдники оставшагося послѣ него имущества; но

¹⁾ Кн. Петръ Никитичъ, служившій въ нашей парижской миссіи.

²⁾ H. Delaveau.

³⁾ Николай Алексѣевичъ.

⁴⁾ Объ исходѣ процесса, см. № 1780.

⁵⁾ Козьма Терентьевичъ.

⁶⁾ Т.-е. всѣ единомышленники.

права свои на наслѣдство могутъ представлять лично отъ себя только по достиженіи совершеннолѣтія, до того же времени, состоя во власти родителей, не могутъ вчинять никакого иска; даже положенный законами 10-лѣтній срокъ для вызова наслѣдниковъ на получение имѣнія, для несовершеннолѣтнихъ начинается только со времени достиженія ими совершеннолѣтія. Иностранцы по имуществу подлежатъ дѣйствию россійскихъ законовъ. Сынъ Герцена никакими правами въ Россіи пользоваться не можетъ. Если онъ родился до приговора, коимъ отецъ его лишенъ правъ состоянія, то онъ можетъ, по достиженіи совершеннолѣтія, просить о дозволеніи ему возвратиться въ Россію и принять россійское подданство, но до того времени не могутъ быть уважены никакія о томъ ходатайства лица, которое само не пользуется въ Россіи правами состоянія. Независимо отъ сихъ общихъ соображеній, нельзя не принять во вниманіе, что при извѣстной недобросовѣстности Герцена и той неблагодарности, которую онъ явилъ при жизни покойнаго государя, когда изгнаннику было возвращено достояніе его матери, несмотря на политическое его направленіе, можно опасаться, что отправленіе сына Герцена въ Россію имѣетъ цѣлью сдѣлать изъ него проводника возмутительныхъ наущеній, которыя могутъ быть тѣмъ вреднѣе, что, какъ видно изъ дѣлъ о петербургскихъ и московскихъ студентахъ, въ неправильномъ образѣ мыслей и въ покушеніяхъ къ безпорядкамъ участвовали многіе студенты Медико-Хирургической академіи». Рукою Долгорукова на этой справкѣ помѣчено: «секретно» и «доложено его величеству».

Тогда же шефомъ жандармовъ было доложено и письмо къ нему министра просвѣщенія Головина отъ 27 января: «Всѣ эти дни я много думалъ о двухъ просьбахъ Герцена, вслѣдствіе того сильнаго вліянія его на наше молодое поколѣніе,—вліянія, которое необходимо парализовать. Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе вижу, какъ распространены его изданія въ нашихъ училищахъ. Посему я весьма просилъ бы В. С., *если вы изволите признать справедливымъ*, исходатайствовать соизволеніе государя, *прежде окончательнаго рѣшенія*, доложить его величеству *въ вашемъ присутствіи* мои мысли по этому предмету».

Какъ результатъ всего доклада, Долгоруковъ записалъ: «рѣшено, что если сынъ Герцена обратится съ просьбой о дозволеніи ему возвратиться въ Россію, къ законнымъ властямъ, то просьба его будетъ удовлетворена, буде онъ окажется достойнымъ снисхожденія, по закону же. Объ этомъ т. с. Головину сообщено» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 77).

1776. М. А. Бакунинъ.

Бакунинъ въ Лондонѣ. Бакунинъ, погребенный въ казематахъ, потерянный въ восточной Сибири, является бодрый и свѣжій среди насъ — *Redivivus et Ultor*¹⁾, сказали бы мы въ подражаніе Емельяну Пугачёву... Но ни Бакунину, ни намъ не до мести, — слишкомъ много дѣла. Бакунинъ приходитъ къ намъ съ удвоенной любовью къ народу русскому, съ несокрушимой энергіей надеждъ и силъ, закаленныхъ здоровымъ, свѣжимъ, молодымъ воздухомъ Сибири.

Видно, скоро весна, коли старые знакомые прилетаютъ изъ-за Тихаго океана!

Съ Бакунинымъ невольно оживаютъ стаи тѣней и образовъ *бурнаго года*... И мы съ вновь разбуженнымъ ожиданіемъ смотримъ на соплеменный намъ востокъ Европы, и снова, будто, слышится, какъ разбѣдаетъ и трещитъ штучная вѣнская имперія, какъ двигается и закипаетъ славянской міръ, какъ четвергованная Польша, срастаясь около независимой Варшавы, протягиваетъ руку забвенія и братства русскому народу...

Мечты 1848 года! Да, мечты... но «еще одно сказанье»... и мечты 1848 года, обогнувъ трехъ гордыхъ стариковъ цивилизаціи²⁾, осуществятся отъ Мессинскаго пролива до Дуная и Вислы, до Волги и Урала... 1848 годъ не умеръ, онъ переѣхалъ на другую квартиру.

Дѣятельность Бакунина до кенигштейнской цитадели³⁾ была сначала отвлеченно-философская, потомъ вообще социальнореволюціонная, теперь она будетъ, надѣемся мы, исключительно славяно-русская. Объ этомъ мы поговоримъ въ другое время, теперь напомнимъ самымъ сжатымъ образомъ прохожденіе его службы, его *формулярный списокъ*.

Бакунинъ оставилъ Россію въ 1841 году; въ 1845 онъ попалъ въ швейцарскій процессъ социалистовъ; Блюнчли⁴⁾ указавъ на него русскому правительству. Ему велѣли немедленно возвратиться, — онъ не поѣхалъ. Николай велѣлъ его судить. Сенатъ лишилъ его офицерскаго чина, дворянства и пр. Онъ уѣхалъ въ Парижъ.

¹⁾ Воскресшій и иститель.

²⁾ Францію, Пруссію и Австрію.

³⁾ Königstein — крѣпость въ Саксоніи, бывшая мѣстомъ заключенія политическихъ преступниковъ.

⁴⁾ Иоганнъ-Каспаръ, извѣстный профессоръ государственнаго права.

Тамъ въ 1847 году, 29 ноября, Бакунинъ произнесъ свою извѣстную рѣчь на польской трибунѣ въ день годовщины варшавскаго возстанія. Въ первый разъ увидѣли русскаго, открыто протягивавшаго братскую руку полякамъ и всенародно отрекавшагося отъ петербургскаго правительства. Вліяніе его рѣчи было огромно. Гизо его выслалъ изъ Парижа, но едва Бакунинъ осмотрѣлся въ Брюсселѣ, Парижъ, въ свою очередь, выслалъ Гизо и Людовика-Филиппа изъ Франціи. Бакунинъ возвратился въ Парижъ и бросился съ увлеченіемъ въ раскрывшуюся тогда политическую жизнь. Ламартино-маррастовское правительство косо смотрѣло на людей, принявшихъ республику за слишкомъ серьезную правду, и охотно сплавляло ихъ направо и налево, лишь бы вонъ изъ Франціи. Оно обрадовалось, что Бакунинъ уѣхалъ. Въ затишьи славянскаго міра закипала тогда новая жизнь, въ Бреславлѣ собирался польско-славянскій съѣздъ. На немъ и еще болѣе на пражскомъ конгрессѣ Бакунинъ уже является сильнымъ дѣятелемъ; тамъ написалъ онъ свою соціально-славянскую программу, которую до сихъ поръ чехи не забыли, и дѣйствовалъ за одно со славянами ¹⁾ до тѣхъ поръ, пока Виндишгрець ²⁾ не разогналъ конгресса австрійскими пушками. Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому ³⁾, соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ пріѣзжалъ графъ Л. Телеки. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которую никогда не отрицали его враги; послѣ взятія Дрездена пруссаками, Бакунинъ отступилъ. Въ Хемницѣ онъ былъ предательски схваченъ съ двумя изъ своихъ товарищей и отправленъ въ Кенигштейнъ. Отсюда начинается его длинный мученичество.

Замѣтимъ мимоходомъ, что Бакунинъ такъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобъ онъ презиралъ свой народъ и

¹⁾ На конгрессѣ въ Прагѣ Бакунинъ не былъ одинъ русскій: съ нимъ вмѣстѣ участвовалъ въ немъ одинъ старовѣрческій инокъ. А. И. Г.

²⁾ Австрійскій фельдмаршалъ, извѣстенъ чрезвычайной жестокостью, проявленной имъ въ 1848 г. при подавленіи пражскаго возстанія.

³⁾ Французъ, чешскій полит. дѣятель и историкъ.

несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ, забывая, что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Куръ, Эст- и Лиф-ляндія, а у чеховъ и западныхъ славянъ—Австрія.

Въ то самое время, какъ саксонскій король держалъ въ рукахъ перо, чтобъ подписать смертный приговоръ Бакунину, Гейбнеру ¹⁾ и Реккелю ²⁾, нѣмецкіе публицисты писали въ журналахъ, что Бакунинъ — русскій агентъ, т. е. агентъ русскаго правительства. Король пріостановился и измѣнилъ плаху на вѣчную тюрьму; Umwälzungsmänner'ы ³⁾ не остановились и года черезъ два-три повторяли свои обвиненія.

Въ маѣ 1850 Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго *на вѣчную тюрьму* узнать тайны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать; его около года оставили въ Грачинѣ, ничего не спрашивая. Въ мартѣ 1851, испугавшись слуха, что Бакунина хотятъ освободить, его перевели въ Ольмюць; тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, *прикованный къ стѣнѣ*. Затѣмъ австрійское правительство выдало его русскому. Носился слухъ, что Бакунина, привезеннаго скованнымъ по рукамъ и ногамъ на русскую границу, расковали. Такихъ нѣжностей Николай не дѣлалъ. Австрійскія цѣпи были сняты съ него, какъ имперская собственность, и замѣнены отечественными, вдвое тяжелѣйшими желѣзами.

Три томныхъ года просидѣлъ Бакунинъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и вышелъ изъ него въ 1854 году для того, чтобъ ѣхать въ Шлиссельбургъ. Николай боялся, какъ бы Чарльсъ Непиръ ⁴⁾ не освободилъ узника...

Воцарился Александръ II; разныя амнистіи, половинныя и неловкія, были обнародованы,—о Бакунинѣ ни слова. Государь его самъ вымаралъ изъ списка; мать Бакунина улучила минуту и подала просьбу государю. Онъ принялъ ее и благодушно сказалъ: «tant que votre fils vivra, madame, il ne sera jamais libre» ⁵⁾. Въ 1857 году Бакунинъ былъ отправленъ на житье въ Восточную Сибирь.

¹⁾ Отто-Леонгардъ, саксонскій политич. дѣятель, членъ франкфуртскаго парламента 1848 г.

²⁾ Карль-Августъ, капельмейстеръ, принималъ участіе въ возстаніи 1849 г.

³⁾ «Дѣлатели переворота».

⁴⁾ Англійскій адмиралъ, въ 1854 г. командовалъ британскимъ флотомъ, блокировавшимъ берега и порты Балтійскаго моря.

⁵⁾ «Пока сынъ вашъ будетъ живъ, сударыня, до тѣхъ поръ онъ не будетъ свободенъ».

Въ 1860 былъ сдѣланъ еще разъ опытъ выпросить Бакунину разрѣшеніе переѣхать въ Россію; государь снова отказалъ, прибавивъ, указывая на его письмо, *писанное къ Николаю въ 1851*: «я не вижу въ немъ раскаянія!». Но, не разрѣшая ему возвратиться, государь даровалъ ему право *вступить въ службу канцелярскимъ чиновникомъ 4-го разряда*. Это какая-то особенная категория писцовъ, выдуманная для нѣжинскихъ грековъ и цыганъ. Бакунинъ не нашелъ себя способнымъ воспользоваться этой царской милостью 4-го разряда.

Ему, послѣ восьмилѣтнихъ казематъ и четырехлѣтней ссылки, предстояла, послѣ отказа, мрачная анфилада лѣтъ въ Сибири.

Трепетъ новѣй жизни пробѣгалъ по Россіи; разбитая Австрія отступила; итальянское знамя развѣвалось въ Миланѣ. Бакунинъ рѣзкоказывалъ намъ жадность, съ которой онъ въ Иркутскѣ слѣдилъ за Гарибальди, за полуостровомъ, выступившимъ ярче и ярче на свѣтъ свободы. Обречь себя на эту роль страдательнаго зрителя въ дальней ссылкѣ, въ 47 лѣтъ отроду и чувствуя полный пульсъ, было тяжело. Довольно заплатилъ онъ за молодя увлеченія, за вѣру въ возможность союза съ нѣмецкими демократами... Онъ рѣшился тайно оставить Сибирь.

Подъ предлогомъ торговаго дѣла, онъ пробрался на Амуръ, съѣлъ на американскій клиперъ и приплылъ въ Юкогаму въ Японію. Чуть ли онъ—не первый социалистъ, первый политическій изгнанникъ, искавшій убѣжища у японцевъ.

Изъ Японіи онъ приплылъ въ С.-Франциско и перебрался черезъ панамскій перешеекъ въ Сѣверные Штаты. Изъ Нью-Йорка онъ 26 декабря приплылъ въ Ливерпуль и 27 былъ встрѣченъ нами въ Лондонѣ.

Но, чтобъ ничего не недоставало, человекъ этотъ, выходя, послѣ 14 лѣтъ страданій, со знаками отъ цѣпей, которые не прошли еще, утомленный путемъ кругъ свѣта, не только былъ встрѣченъ старыми друзьями, но и обвиненіями одной радикальной нѣмецкой газеты, напоминавшей, что онъ «ein verdächtiger Charakter»¹⁾.

А, впрочемъ, пожалуй, нѣмцы и правы! Бакунинъ и мы—агенты *русскаго народа*, мы работаемъ для него, ему принадлежатъ наши силы, наша вѣра и никакому народу, развѣ его. Жаль только, что нѣмцы забываютъ, что петербургское правительство—нѣмецкое.

¹⁾ Подозрительный типъ.

На первый случай довольно. Заклучимъ наши строки искреннимъ желаніемъ, чтобъ пророчество, сдѣланное императоромъ Александромъ крестьянамъ, *что имъ не будетъ другой воли*, такъ же быстро не сбылось, какъ его пророчество о нашемъ другѣ Бакунинѣ.

1777. Головнинъ—министръ просвѣщенія.

Головнинъ ¹⁾ приобрѣлъ извѣстность человѣка благонамѣреннаго, образованнаго, современнаго, — что-то онъ сдѣлаеть министромъ? Наслѣднику преступнаго и безобразнаго министерства Путятина, призваннаго на то, чтобъ по-японски морскимъ кортикомъ разрѣзать животь университетамъ, легко, сдѣлать много пользы и еще легче — бездну вреда. Желали бы мы съ надеждой встрѣтить появленіе Головнина въ министерствѣ, но мы застращены и предпочитаемъ молча ждать, что онъ сдѣлаеть!

На первый случай минуй его «луше всѣхъ печалей» ²⁾ три язвы эндемическія въ нашемъ министерствѣ просвѣщенія: *свѣтскіе попы, русскіе нѣмцы* и блудныя дѣти ихъ — *доктринеры*: доктринеры бюрократы, полисократы, централизаторы, цивилизаторы, теоретическіе Аракчеевы, поклонники шпицрутеновъ, Панины въ новомъ изданіи въ восьмушку и пр. и пр. Пусть грозная тѣнь морского омара Путятина, какъ тѣнь Банко, выплываетъ изъ тины и грязи передъ Головнинимъ всякій разъ, когда онъ будетъ садиться за министерскій столъ свой. ¹

◆ 1. Репутація Головнина, этой тѣни в. кн. Константина Николаевича, до сихъ поръ очень вздута. Опубликованные мною въ разныхъ работахъ документы ясно доказываютъ двойственность, лукавство и просто непорядочность этого администратора, къ тому же лишеннаго широкаго взгляда. Очень интересенъ разскавъ А. М. Унковскаго. Въ моментъ, назначенія Головнина министромъ послѣдній былъ въ Москвѣ. «И. С. Аксаковъ, очевидно, мало зная Головнина, пришелъ въ такой восторгъ, что утромъ однажды прибѣжалъ ко мнѣ (я былъ въ постели) и будить. «Я, говоритъ, захотѣлъ сказать, что Герцена сдѣлали министромъ народнаго просвѣщенія». Спросонья я не разобралъ, но потомъ спрашиваю въ недоумѣніи: какъ Герцена? — «То-есть не Герцена, а человѣка, ко-

¹⁾ Александръ Васильевичъ.

²⁾ «Горе отъ ума».

торый все равно, что Герценъ,—Головнина», поправился мой ранній гость. Не думаю, чтобъ Головнинъ, походя на Герцена, могъ быть министромъ,—сомнѣвался я, больше недоумѣвая. «Головнинъ, Головнинъ,—увѣряю васъ, Алексѣй Михайловичъ, это все равно, что Герценъ. Свобода, никакой цензуры, печатай, высказывайся сполна,—вотъ счастье, понимаете!» Восторженнаго гостя трудно было увѣрить, что Головнинъ и Герценъ—двѣ величины несомвѣстимыя» («Рус. Мысль» 1906, VII, 95).

1778. [Отъ издателя].

¹⁾ Странно, да развѣ не Тучковъ управлялъ городомъ во время бойни студентовъ? развѣ бойня не была передъ окнами его дома, и развѣ не видали его жену и Исакова у окна въ самое время преступленій? Далѣе, если писанное корреспондентомъ объ полицмейстерѣ Огаревѣ справедливо, что же, Тучковъ отдалъ его подъ судъ?...

²⁾ Неужели правда?... Въ другомъ письмѣ намъ пишутъ, что есть циркуляръ по цензурному вѣдомству, воспрещающій печатать возраженія на вступительную лекцію профессора Чичерина. Присимъ его прислать.

1779. Похищеніе студента!

Говорятъ, что многіе, бывшіе на вечерѣ у Альбертини ³⁾ и выданные какимъ-то шпиономъ за политическихъ заговорщиковъ, не могутъ найти студента Варшавчика; нѣтъ его между арестованными, нѣтъ его между свободными. Другіе прибавляютъ, что Паткуль ⁴⁾ похитилъ его. ¹

¹⁾ Въ статьѣ «Изъ Москвы» приводятся отрывки изъ двухъ писемъ разныхъ корреспондентовъ; одинъ изъ нихъ дѣлалъ московскаго ген.-губернатора Тучкова какъ бы неповиннымъ въ звѣрскомъ отношеніи къ студентамъ полицмейстера Огарева.

²⁾ Другой корреспондентъ говорилъ о защитѣ Ю. О. Самаринимъ и Чичеринимъ тѣлесныхъ наказаній для солдатъ.

³⁾ Николай Викентьевичъ, литераторъ.

⁴⁾ Спб. оберъ-полицмейстеръ.

◆ 1. Въ октябрѣ 1861 г. у Альбертини былъ произведенъ обыскъ по подозрѣнію, что у него студенты составляли адресъ. Они были арестованы, отправлены въ крѣпость, а Альбертини былъ посаженъ въ сѣзжій домъ, изъ котораго, за недоказанностью виновности, скорѣ и освобожденъ. Высоч. утвержденнымъ 4 декабря рѣшеніемъ было опредѣлено: «обстоятельства сего дѣла, относящіяся до Альбертини, за отзывомъ Спб. оберъ-полицмейстера, отказавшагося, по особымъ уваженіямъ, доставить учрежденной по означенному дѣлу комиссіи нужныя свѣдѣнія о бывшемъ въ квартирѣ Альбертини собраніи студентовъ, сообщить на распоряженіе III Отдѣленія, со стороны котораго и учреждено было негласное наблюденіе за симъ чиновникомъ». Въ началѣ 1862 г. онъ былъ отпущенъ за границу. Въ числѣ бумагъ, взятыхъ въ іюнѣ у П. Баллода, было найдено воззваніе, писанное рукою Альбертини. 9 іюля было предписано обыскать его на границѣ, а о вызоѣ изъ-за границы распорядилась слѣдственная комиссія кн. Голицына. 22 февраля 1863 г. Альбертини былъ обысканъ въ Вержболовѣ; при немъ были найдены иностранныя научныя книги, 50 распечатанныхъ и одно нераспечатанное письмо. Самъ онъ не былъ задержанъ, общая, прибывъ въ Спб., немедленно явиться въ III Отдѣленіе. 25 февраля онъ далъ тамъ подписку явиться въ сенатъ на слѣдующій день (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 31).

1780. Процессъ князя П. В. Долгорукова.

До насъ доходятъ крики радости русской аристократической сволочи, живущей въ Парижѣ, о томъ что, натянувши всевозможныя вліянія, имъ удалось получить какое-то безсмысленное осужденіе кн. Долгорукова. Не знаемъ, насколько прилична или неприлична эта радость, — нравы передней намъ мало знакомы, — но что французскимъ юристамъ не до смѣха отъ такого приговора, въ этомъ мы увѣрены. Процессъ этотъ дѣлаетъ своего рода черту въ ихъ традиціи. *Независимые* отъ положительныхъ доказательствъ судъ рѣдко поступалъ внѣ той страны, въ которой судьи избираются изъ русской аристократической сволочи, живущей въ *Россіи*.¹

◆ 1. Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго изданія сочиненія кн. П. В. Долгорукова «La vérité sur la Russie», въ парижской газетѣ «Courrier du Dimanche», 29 апрѣля 1860 г., была помещена библиографическая замѣтка о ней за подписью А. Мишенскаго. Рецензентъ писалъ, между прочимъ: «Недавно мы имѣли

намѣреніе приступить къ разбору одной книги, которая съ перваго взгляда казалась намъ очень любопытной. Содержаніе ея—родословныя біографіи аристократическихъ родовъ одной иностранной земли. Но вдругъ намъ сообщили письмо отъ автора этой книги къ одному изъ значительныхъ лицъ, родословная котораго должна была появиться въ его сочиненіи. Этимъ письмомъ категорически предлагалось заплатить автору сумму въ 50 т. рублей, за что онъ обязывается уничтожить бывшіе у него документы, дѣлавшіе, по его мнѣнію, сомнительнымъ прямое происхожденіе и родъ того лица, къ которому письмо было обращено. Это лицо, въ благородномъ негодованіи, видя въ такомъ предложеніи постыдную продѣлку, велѣло снять фотографическіе снимки съ наглой записки автора и разослало ихъ въ тысячахъ экземпляровъ. Одинъ изъ этихъ снимковъ попалъ къ намъ въ руки и, показавъ намъ нравственное значеніе писателя, заставилъ насъ отказаться отъ задуманнаго разбора его сочиненія, которое въ нашихъ глазахъ было не что иное, какъ низкій пасквиль».

Дальше шли похвалы книгѣ, которую Мишенскій находилъ, все-таки, заслуживающей серьезнаго вниманія.

6 мая въ той же газетѣ былъ помѣщенъ отвѣтъ Долгорукова:

«Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Россіи я издалъ на русскомъ языкѣ 4 тома родословной. Это сочиненіе возбудило много неудовольствій и создало мнѣ многочисленныхъ враговъ. Въ числѣ лицъ, древнее родоприсхожденіе которыхъ невозможно было допустить, и котораго они, между тѣмъ, добивались, былъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Воронцовъ. Въ 1856 г. онъ, въ послѣднюю свою бытность въ Петербургѣ, не переставалъ заискивать и просить меня, чтобы въ IV томѣ, который я готовился выдать въ свѣтъ, я сказалъ, что теперешніе Воронцовы происходятъ отъ древнихъ бояръ Воронцовыхъ (фамилія которыхъ исчезла въ концѣ XVI вѣка). Онъ утверждалъ, что въ доказательство имѣетъ документы. Я зналъ, что это домогательство его противно истинѣ, но не могъ въ немъ прямо отказать изъ уваженія къ сѣдинамъ восьмидесятилѣтняго старца. Поэтому всякій разъ, когда онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, я отвѣчалъ, что очень желалъ бы видѣть и разобрать документы, на которые онъ ссылался. Послѣ того я поѣхалъ въ деревню и, рассчитывая по возвращеніи въ Петербургъ, печатать свой IV томъ, счелъ приличнымъ, съ своей стороны, въ память любезностей, оказанныхъ мнѣ фельдмаршаломъ, написать ему о скоромъ появленіи этого тома и выразить искреннее сожалѣніе, что не могу удовлетворить его желанію, такъ какъ онъ не доставилъ мнѣ случая видѣть документы».

Далѣ Долгоруковъ излагалъ, какъ онъ былъ огорошенъ, когда въ отвѣтъ Воронцова нашелъ упоминаніе о какой-то запискѣ, вложенной въ его письмо къ фельдмаршалу, въ которой говорилось о какихъ-то 50.000 рублѣхъ за исполненіе его завѣтнаго желанія. Долгоруковъ просилъ Воронцова немедленно прислать ему эту наглуую записку, чтобы принять мѣры къ отысканію ея автора. Кромѣ того, вернувшись въ Петербургъ, онъ отправился къ шефу жандармовъ, просилъ доложить обо всемъ государю и ходатайствовать о назначеніи немедленнаго слѣдствія. Жандармскій начальникъ отнесся къ дѣлу довольно равнодушно, сказавъ, что Воронцовъ, какъ андреевскій кавалеръ и фельдмаршалъ, избавленъ отъ всякаго слѣдствія. Черезъ нѣсколько дней Воронцовъ умираетъ. Дѣло это, казалось, предано было забвенію...

Рецензія Мишенскаго и отвѣтъ на нее Долгорукова дали поводъ сыну Воронцова начать противъ Долгорукова дѣло. Передавъ процессъ въ руки парижскаго адвоката Матье, онъ обратился въ гражданскій судъ, избѣгнувъ, такимъ образомъ, суда присяжныхъ. На судъ, состоявшій изъ чиновниковъ, несомнѣнно, могъ вліять президентъ законодательнаго корпуса Шарль Морни, женатый на княгинѣ Трубецкой, родной племянницѣ княгини М. В. Воронцовой. Долгорукова защищалъ адвокатъ Мари. Матье старался доказать, что записка о деньгахъ была написана самимъ Долгоруковымъ, и въ доказательство ссылался на сходство почерковъ. Мари доказывалъ невозможность такого случая и указывалъ на политическую сторону процесса: именитое но не признанное древнимъ, родовымъ, русское дворянство мстило Долгорукову, для чего пользовалось очень некрасивыми средствами. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, 3 января 1862 г. французскій судъ призналъ Долгорукова поносителемъ чести фельдмаршала Воронцова, клеветникомъ и авторомъ анонимной записки, вслѣдствіе чего присудилъ его къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и къ опубликованію приговора на его счетъ въ пяти повременныхъ изданіяхъ, по выбору Воронцова.

1781. Злодѣй-капитанъ русскаго корабля.

«Times» отъ 10 января извѣщаетъ, что русскій посолъ въ Лондонѣ былъ увѣдомленъ изъ Гулля, что какой-то капитанъ звѣрски истязалъ мальчика 11 лѣтъ. Что сдѣлаетъ Брунновъ, мы не знаемъ; вѣроятно, ничего. Мы же, съ своей стороны, просимъ русскихъ, находящихся въ Англии, сообщить намъ имя корабля и кому онъ принадлежитъ, а еще всего — фамилію капитана, для того, чтобы ее помѣстить въ число *практическихъ* защитниковъ тѣлесныхъ наказаній и съ тѣмъ вмѣстѣ выставить къ позорному столбу.

1782. (Извѣщеніе).

Считаемъ полезнымъ извѣстить нашихъ читателей о чрезвычайномъ увеличеніи *тайныхъ членовъ у Спб. почтоваго вѣдомства*. Мы ожидаемъ ихъ списка для того, чтобъ скромная дѣятельность подпечатыванія не осталась подъ спудомъ.

1783. Годовщина четырнадцатаго декабря въ С.-Петербургѣ.

Утромъ четырнадцатаго (26) декабря прочли передъ Сытнымъ рынкомъ приговоръ Михайлову; онъ осужденъ *въ рудники на 6 лѣтъ*, и государь утвердилъ *каторжную* работу за нѣсколько независимыхъ словъ... На сколько ступеней сошелъ онъ внизъ къ Николаю съ тѣхъ поръ, какъ краснѣя, велѣлъ выпустить изъ крѣпости невинно посаженнаго туда Огрызко? Сенаторъ Бутурлинъ хотѣлъ еще полиѣе отпраздновать годовщину: онъ предлагалъ Михайлова повѣсить.

Шесть лѣтъ каторжной работы за то, что изъ груди, переполненной любви и негодованія, вырвалась страстная рѣчь... а, впрочемъ,—лишь бы физическія силы выдержали.

Иди же съ упованіемъ, молодой страдалецъ, въ могилу рудниковъ; въ подземной ночи ихъ, между ударами молота и скрипомъ тачки, ты еще ближе услышишь стонъ народа русскаго, а иной разъ долетятъ до тебя и голоса твоихъ друзей — ихъ благословенье, ихъ слезы, ихъ любовь, ихъ гордость тобою. А тамъ... мало ли, что можетъ быть въ шесть лѣтъ! ¹

◆◆ 1. Передъ этой статьей помѣщены стихотворенія: Огарева «Михайлову», написанное студентами изъ крѣпости «Узнику» и «Отвѣтъ» имъ самого Михайлова. Огаревъ такъ же, какъ и Герценъ, ободрялъ сосланнаго:

..... За тобой
Сомкнется грозно юный строй;
Не побоится палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылки, ни смертей.
Твой подвигъ даромъ не пропасть—
Онъ чары страха разорвалъ.
Иди жъ на каторгу бодрѣй,
Ты дѣло сдѣлалъ — не жалѣй.
.....
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Въ дополненіе къ описанію дѣла Михайлова, данному въ моей книгѣ «Политическіе процессы» etc., приведу нѣкоторыя данныя изъ архива III Отдѣленія, ставшія мнѣ извѣстными гораздо позже.

4 сентября 1861 г. ген.-ад. Игнатъевъ телеграфировалъ кн. Долгорукову въ Ливадію, что вечеромъ 3-го была распространена по городу прокламація «Къ молодому поколѣнію» — «бумага и шрифтъ лондонскіе». 5 сентября гр. Шуваловъ успокоилъ Долгорукова: «распространеніе воззванія по возможности приостановлено; полагаю, что воззваніе разошлось въ ограниченномъ числѣ; до солдатъ гвардіи оно не проникло, а только оказалось у офицеровъ; приняты дѣятельныя мѣры къ пресѣченію дальнѣйшаго распространенія воззванія».

7 сентября бар. М. А. Корфъ доставилъ въ III Отдѣленіе экземпляръ, полученный по городской почтѣ состоящимъ при немъ ст. сов. В. В. Стасовымъ. Шуваловъ далъ указанія Спб. оберъ-полицимейстеру Паткулю «поднять на ноги всю петербургскую полицію» и, въ случаѣ успѣха въ обнаруженіи распространителей, «обѣщаль значительное награжденіе открывателю».

На обыскѣ 14 сентября у Михайлова и Шелгунова были отобраны, между прочимъ: у перваго альбомъ съ запиской Искандера и нѣсколькими листами изъ его сочиненія «Былое и думы» и рукопись Огарева, а у втораго конверты, похожіе на тѣ, въ которыхъ прокламація была разослана по почтѣ, и печатка одинаковая съ печатью, положенною на конвертахъ, сданныхъ почтѣ.

20 августа Вс. Костомаровъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Спб. по своимъ дѣламъ и былъ у Михайлова, который показалъ ему прокламацію. Допросъ Костомарова въ III Отдѣленіи сдѣланъ былъ 20 сентября.

25 августа Вс. Костомаровъ писалъ Якову Алексѣвичу Ростовцеву: «Дорогой другъ Я. Алекс. Дѣло мое гораздо хуже, чѣмъ я предполагалъ. Братъ (Николай — М. Л.) не только донесъ на меня, но и захватилъ коечкія бумаги, которыя я не успѣлъ уничтожить. Одна изъ нихъ писана рукою М. Мих. и можетъ сильно компрометировать его. Ради Бога, сходите къ П (Лещеву — М. Л.), узнайте отъ него адресъ М. и, побѣжайте въ Пегерб., скажите ему все это. Пусть онъ приметъ всѣ мѣры, какія найдетъ возможными и во всякомъ случаѣ уничтожить всѣ до одного экземпляра М. П. Онъ пойметъ, въ чемъ дѣло. Ради Бога, не забывайте мою бѣдную старуху. Я буду арестованъ вѣроятно сегодня. Братъ ушелъ съ утра, съ угрозами и проклятіями, прямо къ Житкову. Мнѣ дѣлать нечего и вѣроятно придется полагаться. По дѣлу съ 14 дек. запирается невозможно да я и не хочу. Господь этихъ братья знаетъ всѣхъ наперечетъ да они и не стоятъ того, чтобы подставлять за нихъ спину; скажу все, что знаю. А во всемъ остальномъ буду держаться крѣпко... Одного не знаю, какъ поладить съ этимъ

несчастливымъ «автографомъ»... Голова идетъ кругомъ. Ну, да увидимъ. Да однимъ словомъ не выдамъ ничего, кромѣ гадкой спекуляціи съ Корфомъ, въ которой по грѣхамъ моимъ я замѣшанъ. Вы не ходите уже ко мнѣ. За мной, вѣроятно, уже слѣдятъ и мнѣ будетъ неприятно, чтобы вы еще были замѣшаны. Письмо это я посылаю съ Александрой; что будетъ нужно, напишите мнѣ съ ней же. Прощайте, до огой другъ; Богъ знаетъ, увидимся ли мы. Не забывайте же мою бѣдную старуху.

Вашъ К.

P. S. Мнѣ не лучше. Я не встаю съ постели: жаръ, и ознобъ и всякая гадость».

Письмо было заказано и, по уговору, якобы, перехвачено III Отдѣленіемъ въ лицѣ его московскихъ агентовъ, на самомъ дѣлѣ получено изъ рукъ въ руки около 12—13 сентября.

16 сентября гр. Шуваловъ телеграфировалъ вел. кн. Михаилу Николаевичу въ Александрію: «Не угодно ли будетъ вашему высочеству отложить засѣданіе совѣта на нѣсколько дней. Розысканія прокламацій принимаютъ особенно важный характеръ; нѣтъ ни минуты приготовиться къ докладу засѣданія, боюсь упустить болѣе важное».

18 сентября, получивъ ходатайство сотрудниковъ «Энциклопед. словаря», Путятинъ запросилъ по содержанию его гр. Шувалова 24 сент. послѣдній сообщилъ ему, что послѣ личнаго совѣщанія съ Валуевымъ, находитъ это ходатайство не подлежащимъ удовлетворенію.

30 сентября Долгоруковъ писалъ изъ Ливадіи гр. Путятину, что, прочитавъ письмо къ нему 30 литераторовъ, государь «сизволилъ найти оное совершенно неумѣстнымъ и потому высоч. повелѣлъ, если оно дѣйствительно подано вамъ было, какъ дошло до свѣдѣнія его величества, камеръ-юнкеромъ гр. Кушелевымъ-Безбородко, г. Громекою и г. Краевскимъ, чтобы вы сдѣлали сношеніе съ надлежащими главными начальниками объ исключеніи гр. Кушелева-Безбородко изъ числа камеръ-юнкеровъ, увольненіи г. Громеко отъ службы и выдержаніи г. Краевскаго на гауптвахтѣ въ теченіе недѣли; прочимъ же лицамъ, подписавшимъ письмо, чтобы вы сдѣлали отъ имени государя императора строгій выговоръ». Однако, письмо это, съ особаго высоч. разрѣшенія, послано по назначенію не было.

7 октября Шуваловъ телеграфировалъ Долгорукову, что, увидя дѣло, совѣтъ положилъ «просить разрѣшенія немедленно предать Михайлова уголовному суду, по указанію министра юстиціи».

Исходъ этотъ весьма желателенъ въ опроверженіе слуха, что М. у насъ отравленъ и похороненъ безъ вскрытія». Тогда же онъ телеграфировалъ, что высоч. повелѣніе, изложенное въ письмѣ Долгорукова къ Путятину, получено. «Дѣло это давно забыто, умы вообще успокаиваются, опасаясь тяжелаго впечатлѣнія, не будетъ ли разрѣшено приостановиться исполненіемъ до личнаго объясненія всѣхъ обстоятельствъ. Таково мнѣніе и великаго князя. Ожидаю отвѣта».

9 октября шефъ жандармовъ телеграфировалъ, что государь разрѣшилъ письмо Путятину не посылать, «предать Михайлова уголовному суду, возложивъ на министра самоскорѣйшее производство дѣла, такъ какъ преступленіе выходитъ изъ обыкновенныхъ. Гдѣ полагается содержать Михайлова? не лучше ли въ крѣпости?»

10 ноября 1861 г. Крейцъ писалъ Потапову: «Сейчасъ былъ у меня Путилинъ и сказалъ мнѣ, что Костомаровъ, по тому, что онъ слышалъ въ комиссіи, подлежитъ къ освобожденію, и узнавъ отъ меня, что я ожидаю отъ тебя бумаги, чтобы отправить Костомарова въ С.П.Б. Путилинъ поручилъ тебѣ передать, что Костомарова бы лучше не отправлять въ С.П.Б., а освободить здѣсь, что это также мнѣніе самого Костомарова. Слѣшу передать тебѣ это, присовокупляя, что я не входилъ ни въ какія дальнѣйшіе разговоры съ Путилинымъ по этому предмету».

25 ноября 1861 г. была составлена памятная записка со словъ агента, изъ которой видно, что Благосвѣтловъ, собиравшій на похоронахъ Добролюбова какія-то деньги, не то на памятникъ Добролюбову, не то для Михайлова, которому, вообще, уже собрано до 5000 р., и его пріятель Героглифовъ «принадлежать къ обществу Чернышевскаго и компаніи». «Сей послѣдній уходилъ вчера со двора въ 9¹/₂ ч. и вернулся домой въ 2¹/₂ ч. Пріѣзжій изъ Москвы вовсе не отлучался изъ квартиры Чернышевскаго, а занимался у него въ кабинетѣ до 3 ч. ночи. Вечеромъ въ числѣ 6 посѣтителей, у Чернышевскаго были артиллерійскій офицеръ и студентъ».

Суворовъ допустилъ къ прощанію съ Михайловымъ въ присутствіи коменданта крѣпости: Я. П. Полонскаго, А. Н. Пыпина, Шелгуновыхъ, Пекарскаго, Некрасова, Чернышевскаго, А. Серно-Соловьевича и Н. В. Гербеля.

Записка отъ 20 декабря 1861 г.: «Должно полагать, что студенты и лица, которыя, бывъ прикосновенны къ студентскому дѣлу, содержались въ Петропавловской крѣпости, имѣли тамъ чрезъ прислугу сношеніе съ Михайловымъ. Это предположеніе основано на томъ положительномъ фактѣ, что къ одному изъ подоб-

ныхъ лицъ, чиновнику. выпущенному вмѣстѣ со студентами, приходилъ на дняхъ тотъ солдатъ, который прислуживалъ въ крѣпости Михайлову. Солдатъ этотъ рассказывалъ означенному чиновнику, что онъ заковывалъ Михайлова, который оставилъ ему на прощанье какіе-то стихи. Для какой надобности солдатъ этотъ приходилъ къ чиновнику и гдѣ онъ съ нимъ познакомился, неизвѣстно, но слышно, что чиновникъ этотъ, лишившійся послѣ освобожденія изъ крѣпости мѣста, находился нѣкоторое время въ госпиталѣ вмѣстѣ съ умершимъ студентомъ Спасскимъ; что онъ рассказывалъ ужасныя вещи, происходившія въ госпиталѣ въ бытность его тамъ, гдѣ нѣсколько другихъ арестантовъ, лежавшихъ тамъ въ кандалахъ, покушались зарѣзать двухъ-трехъ больныхъ, единственно съ цѣлью попасть въ каторжную работу, а не въ арестантскія роты; что студентъ Спасскій умеръ вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него этимъ приключеніемъ и что онъ самъ жаловался кн. Суворову на несправедливость его заарестованія».

Михайловъ былъ доставленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость утромъ 15 декабря и тогда же отправленъ дальше.

Въ январѣ 1862 г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ цензуру, что считаетъ несвоевременнымъ изданіе Н. Серно-Соловьевичемъ сочиненій Михайлова (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1861 г., дѣло № 274). Въ связи съ документами, опубликованными мною въ № 14 «Былого» 1919 г., дѣлается ясно, что подлая роль В. Костомарова начата имъ именно въ дѣлѣ Михайлова.

1784. Студентское дѣло.

Старое, грязное пятно на царскомъ мундирѣ снова выступило, и Путьятинъ *не объявляя его*: Панинъ явился во всей мачтовой красотѣ своей въ дѣлѣ студентовъ. Его мнѣніе восторжествовало. Ни Волянский, предсѣдатель одной изъ комиссій, ни князь Суворовъ ничего не могли сдѣлать. Случайности нѣтъ въ его торжествѣ: благодусный монархъ *хотѣлъ этого*, иначе онъ отстранилъ бы Панина отъ сужденія въ собственномъ дѣлѣ. Рядъ мѣръ, которыми жабы олигархій хотѣли сломить, обезчестить юношество Россіи и на приведеніе которыхъ въ дѣйствіе выписали Путьятинъ, придуманъ Строгановымъ, Долгоруковымъ и Панинымъ. Доказательствомъ закулисной стачки государя съ Панинымъ служить засѣданіе въ совѣтѣ министровъ. Большинство было противъ предложенія Панина, съ нимъ согласились только заявленные тормазы — *Строгановъ*,

Муравьевъ, Анненковъ, Чекинь и самъ бенефициантъ Путятинъ. Во все время мягкосердый монархъ молчалъ да и утвердилъ мнѣніе *меньшинства*—вотъ и польза совѣта ¹⁾.

Во всемъ этомъ уродливомъ приговорѣ благодушный монархъ согласился съ мнѣніемъ меньшинства. Его величество гораздо радикальнѣе «Колокола». Мы признавали единогласіе рѣшеній, слѣдственно, не исключали право меньшинства на голосъ, но рѣшеніе по меньшинству голосовъ—это такъ громадно, что ни въ какой странѣ не сыщешь, и никакой мозгъ человѣческій не въ состояніи понять. Это, дѣйствительно, дѣлаетъ честь государственнымъ способностямъ и человѣколюбію Александра II.

1785. Мясо освобожденія.

Отъ русскихъ доктринеровъ и прогрессивныхъ консерваторовъ, отъ очень молодыхъ людей, ищущихъ для скорости авторитетовъ, и отъ очень лѣнливыхъ людей, любящихъ готовый хлѣбъ, слышали мы много разъ упрекъ, зачѣмъ, вмѣсто разбора существующаго, у насъ нѣтъ программы будущаго, зачѣмъ мы порицаемъ то, что есть, а не поучаемъ тому, что должно быть. Словомъ, зачѣмъ мы рушимъ, не созидая... Косвенно мы отвѣчали нѣсколько разъ на эти нападки и вовсе не готовились говорить объ нихъ теперь. Но упреки переѣхали за границу. Аугсбургская, подслѣпая, сѣдая старушонка, съ качающейся головой и вѣнскимъ бѣльмомъ на глазу ²⁾, начала ворчать о томъ же; за ней близорукой листъ ³⁾, скроенный нѣмецкими работниками по французскимъ выкройкамъ, зеленѣющей близъ лабораторіи, въ которой *Johann-Maria Farina* ⁴⁾ тронитъ для вселенной свою воду, сталь намъ читать выговоры, а тутъ, черезъ *естественную границу* Франціи, вѣсти дошли до Парижа, и тамъ подхватили кельнскую воду съ аугсбургскимъ букетомъ—и давай насъ кропить да поливать, поливать да присказывать, что «мы, нравственно ломая старыя императорскія учрежденія и нападая на нихъ, не предлагаемъ никакихъ новыхъ порядковъ, которымъ бы народъ повиновался и уважалъ бы, и пр.» ⁵⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ приказъ по петербургской полиціи, излагавшій все высочайшее повелѣніе отъ 4 декабря 1861 г. по дѣлу о беспорядкахъ въ петербургскомъ университетѣ. Примѣчанія къ приказу составлены Огаревымъ.

²⁾ «Allgemeine Zeitung».

³⁾ «Koelnische Zeitung».

⁴⁾ Фабрикантъ одеколона.

⁵⁾ «Siècle», 8 Janv. 1862. А. И. Г.

Особеннаго вниманія мы и на это не обратили бы, не потому, чтобъ мы не дорожили мнѣніемъ на Западѣ, но потому, что мы убѣдились, что журналисты не знаютъ ничего о Россіи и не хотятъ серьезно знать ¹⁾; къ тому жъ у насъ есть интересы гораздо ближе, роднѣе намъ, чѣмъ желаніе оправдываться передъ ними.

Когда еще намъ были новы
Парижъ и Кельнъ и шумъ дубровы ²⁾,

въ которой общественное мнѣніе шелеститъ печатными листами,—
отвѣчали и мы, воображая, что наше призваніе — поучать Россію.

Helas, ce temps n'est plus,
Il reviendra, peut-être;
En attendant... ³⁾

мы будемъ говорить съ своими и для нихъ теперь начинаемъ рѣчь. Путешествующій упрекъ скоро воротится изъ Парижа домой, удесятеренный силой верженія. Мы видали, какъ гордо возвращается домой изъ Англій отправляемая туда изъ Архангельска русская щетина и продается уже вчетверо дороже. Въ отклоненіе такого усиленнаго рикошетнаго удара, мы рѣшили сказать нѣсколько словъ.

Упрекъ этотъ, во первыхъ, несправедливъ: передъ вами два тома «За пять лѣтъ», передъ вами «Колоколь» за прошлый годъ; въ нихъ нѣтъ законодательныхъ диссертаций, нѣтъ доктринерской схоластики, но вы найдете въ нихъ наше мнѣніе о томъ, что нужно народу, войску, помѣщикамъ и пр. ²

— Да нѣтъ, это все не то. Отчего вы *просто* не предлагаете проектъ цѣлаго уложенія, ну, по крайней мѣрѣ, Code pénal, уголовный сводъ?

— Душой бы рады, да не знаемъ ни того, ни другого.

¹⁾ Мы говоримъ всего больше о журналахъ псевдо-республиканской декламаціи, правительственныхъ демократій, нѣмецкой руссобоязни... Въ серьезныхъ періодическихъ изданіяхъ бывають замѣчательныя статьи о Россіи. Не далѣе, какъ во 2-й январской книжкѣ «Revue des Deux Mondes» помѣщена очень интересная статья Charles de Mazade: «La Russie sous le règne ³⁾ d'Alexandre II». Мы поговоримъ объ ней въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ. А. Н. Г. ¹

²⁾ Передѣлка стиховъ: «Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣнья бытія—и взоры дѣвъ, и шумъ дубровы...» («Демонъ» Пушкина).

³⁾ Увы, прошло это время; можетъ быть оно вернется, а пока....

⁴⁾ Невѣрно: «sous l'empereur Alexandre II».

— Ну, а не знаете, такъ и не критикуйте существующаго; нельзя же шестидесяти милліонамъ жить безъ учрежденій, безъ суда, въ ожиданіи будущихъ благъ.

— И то... вотъ поляки въ XVIII столѣтіи, дѣйствительно, хорошо догадались: дома неурядица, согласиться не могутъ, — они взяли да и пошли къ Жанъ-Жаку Руссо, — потрудитесь, молъ, написать намъ конституцію. Ну, Жанъ-Жакъ и написалъ.

— И что же?

— То же, что поляки *прочитали*, т.-е. не всѣ поляки, а тѣ, которые знали по-французски.

...Нѣтъ, господа, полно намъ изъ себя представлять громовержцевъ и Моисеевъ, возвѣщающихъ молніей и трескомъ волю Сожью, полно представлять пастырей мудрыхъ стадъ людскихъ! Метода *просвѣщеній* и *освобожденій*, придуманныхъ за спиною народа и втѣсняющихъ ему *его неотвѣтлемыя* права и *его* благосостояніе топоромъ и кнутомъ, исчерпана Петромъ I и французскимъ терроромъ.

Манна не падаетъ съ неба, это — дѣтская сказка; она вырастаетъ изъ почвы; вызывайте ее умѣйте слушать, какъ растеть трава, и не учите ее *колосу*, а помогите ему развиться, устраните препятствія, — вотъ все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, и это за глаза довольно. Скромнѣе надо быть, полно воспитывать цѣлые народы, полно кичиться *просвѣщеннымъ* умомъ и абстрактнымъ пониманіемъ. Много сдѣлала Франція своими указами равенства и свободы, много Германія — априоричнымъ построеніемъ государства и доктринерской догматикой права?

Намъ досталось печальное богатство, но богатство; горькимъ чужимъ опытомъ мы богаты, тяжело нажитой мудростью старшихъ, ихъ бѣдами мы богаты. Это — юбилейная выгода бѣдныхъ народовъ, вступающихъ послѣ жнитва на историческую ниву. Въ этомъ вся сущность преемственно-кругового поученія народовъ, называемаго совершенствованіемъ. Не спасетъ никакой опытъ и никакая мудрость вступающіе въ полную жизнь народы отъ увлеченій, отъ отклоненій, отъ всякихъ глупостей, но пусть же глупости эти будутъ *не тѣ же самыя*; если намъ суждено разбиться объ утесъ, такъ не о тотъ же, о который разбился цѣлый рядъ шкунъ, барокъ, линейныхъ кораблей.

«Общественный договоръ», «объявленіе человѣческихъ правъ», «уложеніе» III года, VII года, опыты всеобщаго гражданскаго устройства и проч. имѣютъ совсѣмъ иное историческое значеніе, чѣмъ отвлеченная схоластика нѣмцевъ, но вовсе не въ практическомъ примѣненіи. Сознаніе людское отрѣшалось ими отъ религиозно-обя-

зательной, несвободной традиціи, отъ рокового, безапелляціоннаго государственнаго быта. Значеніе «Contrat social» только и было важно, какъ великій фактъ освобожденія мысли, совѣсти въ сознаніи человѣческомъ, какъ утренняя заря, освѣтившая вершины... Человѣку, видящему свѣтъ, страшно тяжело оставить другихъ во тьмѣ. Проповѣдь тиха, изученіе медленно, а власть быстра, и передовые люди съ полной любовью и вѣрой *приказали* другимъ видѣть въ темнотѣ, утѣшаясь, какъ наши предки, тѣмъ, что «поживутъ вмѣстѣ — слюбятся». Великая основная мысль революціи, несмотря ни на философскія опредѣленія, ни на римско-спартанскіе орнаменты своихъ декретовъ, быстро перегнула въ пслицію, инквизицію, терроръ; желая *возстановить* свободу народа и признать его совершеннодѣтіе, для скорости обращались съ нимъ, какъ съ матеріаломъ благосостоянія, какъ съ *мясомъ освобожденія*, *chair au bonheur public* ¹⁾, въ родѣ наполеоновскаго пушечнаго мяса.

А тутъ, по несчастью, оказалось, что у народа именно мясото на костяхъ мало, да до того мало, что онъ на всѣ реформы, революціи, объявленія правъ отвѣчалъ:

Голодно, странничекъ, голодно!
Голодно, родименькій, голодно! ²⁾

А, вѣдь, законодатели не только ломали, но и строили, не только обличали, но и поучали, да мало, что поучали—заставляли учиться, и, что, можетъ, всего печальнѣе въ большихъ случаяхъ, они были правы...

За собственнымъ шумомъ и собственными рѣчами добрые квартальные правъ человѣческихъ и Петры I свободы, равенства, и братства долго не слышали, что говоритъ *государь-народъ*; потомъ разсердились за навуходоносоровскій матеріализмъ его... Однако, и тутъ не спросили его, въ чемъ дѣло.

Они были убѣждены, что лучше народъ поучать, чѣмъ учиться у него; что лучше строить, чѣмъ ломать; что лучше писать у себя въ кабинетѣ счетъ безъ хозяина, чѣмъ его спрашивать у него... Не только Сіэйесъ и Сперанскій писали всякаго рода блѣдныя конституціи, но нѣмцы-то, нѣмцы что ихъ написали и что возвели въ науку!? А пропасть между ними и народомъ не только не уменьшалась, но увеличивалась, и это вслѣдствіе трагической, неотвратимой необходимости. Всякій успѣхъ, всякій шагъ впередъ увлекаетъ свѣтлый берегъ, онъ двигается быстрѣе, быстрѣе и ста-

¹⁾ Мясо общественнаго благополучія.

²⁾ «Коробейники» Некрасова.

новится дальше и дальше отъ темнаго берега и тѣмнаго люда. Чѣмъ тутъ наполнишь пропасть, какимъ доктринерскимъ схоластицизмомъ тутъ поможешь, какая догматическая регламентація, какое академическое упражненіе хватить черезъ нее? Сдѣланъ былъ опытъ, не удался и опять-таки потому, что социалисты учили прежде, чѣмъ знали, устраивали фаланстеры, не отыскавъ нигдѣ такой породы людей, которая хотѣла бы жить въ рабочихъ домахъ.

И вотъ изъ этой-то пропасти выходятъ, выплываютъ гильотины, красныя шапки на пикахъ, Наполеоны арміи, арміи, легитимисты, орлеанисты, другая республика и, наконецъ, *іюньскіе дни*,—дни, ничего не создавшіе, ничего не уложившіе, дни, въ которые самыя лучшіе и самыя несчастныя изъ народа, гонимые нуждой и отчаяніемъ, вышли безумно; безъ плана, безъ цѣли отъ отчаянія и сказали своимъ опекунамъ-законодателямъ и воспитателямъ: *Мы васъ не знаемъ!* Мы были голодны,—вы намъ дали парламентскую болтовню; мы были наги,—вы насъ послали на границу убивать другихъ голодныхъ и нагихъ; мы просили совѣта, мы просили научить насъ, какъ выйти изъ нашего положенія,—вы научили насъ риторикѣ. Мы возвращаемся въ тьму сырыхъ подваловъ нашихъ, часть насъ ляжетъ въ неравномъ бою, но прежде мы *вамъ*, книжники революціи, скажемъ громко и ясно:

Народъ не съ вами!

◆◆ 1. Въ этой статьѣ Герценъ, по словамъ Тургенева, «окружень ореоломъ,—да такъ и слѣдуетъ» («Письма», 143—144). Дѣйствительно, вотъ что говоритъ тамъ Мазадъ: «Власть Герцена въ Россіи необычайна; это—дѣйствительный диктаторъ новаго поколѣнія, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что его нравственная сила выше, чѣмъ матеріальная сила самого правительства. Онъ безъ хвастовства можетъ сказать, что въ состояніи помѣриться съ Александромъ II и можетъ обращаться съ нимъ, какъ равный съ равнымъ. Но, помимо всего этого, Герценъ—литературный талантъ, полный силы и страсти; у него есть краснорѣчіе ироніи и обвиненія; онъ родился агитаторомъ; онъ удивительно умѣетъ убѣждать соотечественниковъ, приводитъ въ движеніе всѣ пружины ихъ національнаго ума и, говорятъ, до такой степени, что ни одинъ русскій не можетъ сопротивляться влиянію его слова. Герценъ никоимъ образомъ не принадлежитъ къ тѣмъ вульгарнымъ демагогамъ, полнымъ ненависти и зависти, для которыхъ всѣ средства хороши; это—человѣкъ независимый по своему положенію,

человѣкъ глубокаго убѣжденія, горячей любви къ своей родинѣ и возвышеннаго характера, признаваемаго даже самыми крайними его врагами—чиновниками русскаго правительства, признающими его высокое благородство. «Колоколу» приписываютъ распространение социализма въ Россіи, но это, повидимому, не вполне вѣрно. Герцень, конечно, въ глубинѣ души социалистъ, въ томъ смыслѣ, что по отношенію къ Россіи у него есть идеалъ социальной организациі будущаго, но въ данный моментъ у него болѣе практическія цѣли: онъ стремится къ самому скорому и къ тому, что наиболѣе осуществимо. Герцень признаетъ современное правительство, но требуетъ, чтобы это правительство перемѣнило систему и отказалось отъ николаевскихъ традицій... Герцень допускаетъ даже, если угодно, конституцію, но какъ временную форму» («*Revue des Deux Mondes*» 1862, II).

2. «Что нужно помѣщикамъ?» напечатано сначала въ 115 л. «Колокола» (8 декабря 1861 г.), потомъ было выпущено въ переверткѣ того же набора небольшой брошюрой. По всей вѣроятности, эта статья написана Огаревымъ. Въ февралѣ 1862 г. гамбургскій консулъ Кудрявскій увѣдомилъ министерство иностр. дѣлъ о выпускѣ брошюры, — поднята была очередная тревога по всѣмъ вѣдомствамъ, призваннымъ охранять общественное спокойствіе.

7 февраля шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что вскорѣ по Россіи должны быть распространены воззванія. «Что надо дѣлать войску?» (оно было распространено еще въ декабрѣ 1861 г.) и «Что надо дѣлать духовенству?», поэтому онъ предупредилъ министра финансовъ, пограничныхъ ген.-губернаторовъ и намѣстника Ц. Польскаго. Министръ 10 февраля предписалъ весьма секретнымъ печатнымъ циркуляромъ всѣмъ губернаторамъ и т. п. принять необходимыя мѣры. 30 марта харьковскій губернаторъ донесъ, что воззваніе «Что нужно помѣщикамъ?» уже получено въ губерніи по почтѣ, въ конвертахъ (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1862 г. № 178).

1786. Юбилей.

...Юбилей Княжевича, юбилей Вяземскаго, юбилей Адлерберга, юбилей Сухозанета и, наконецъ, юбилей Россіи! Какъ ни смѣшна сама по себѣ мысль праздновать день въ день зачатіе какого-нибудь государства, особенно, когда это зачатіе совершилось въ такой тиши и въ такой глуши, что знающіе люди, спорятъ до сихъ

поръ, кто былъ и кто не былъ отцомъ ¹⁾, но нападать на это мы не станемъ, какъ на дѣло невинное ²⁾. Можно было бы возразить, что всякаго рода излишнія траты теперь неумѣстны, но, взявъ въ соображеніе, что юбилей какого-нибудь бесполезнѣйшаго, ничтожнѣйшаго человѣка, котораго всѣ заслуги состоятъ à la Maniloff въ нѣжной дружбѣ къ Николаю, стоитъ дороже десяти памятниковъ, мы готовы примириться и съ тратой. Намъ обижаетъ продолженіе лжи въ прошедшемъ, насъ обижаютъ барельефные обманы. Есть что-то малодушное и тупоумное въ преднамѣренномъ искаженіи исторіи по высочайшему повелѣнію. Скрылъ ли Николай участіе Ермолова и Толя въ бородинскомъ сраженіи тѣмъ, что выпустилъ на памятникѣ ихъ имена, скрылъ ли онъ отъ потомства, что Варшаву взялъ Толь, а не Паскевича? Для чего же это возведеніе во *временно-великіе люди* Ртищева, Бецкаго, Потемкина, Кочубея, Воронцова, Паскевича, Лазарева, Корнилова, Нахимова и пр., и пр.?

Мы ужъ не говоримъ о толпѣ всякаго рода архіереевъ, названныхъ *просвѣтителеми*, и которыхъ каменосѣчныя обличія явятся въ числѣ историческихъ знаменитостей. Въ ихъ числѣ есть лица, о которыхъ никто не слыхивалъ: Гурій, Варсонофій; и есть такіе, о которыхъ мы привыкли слышать съ дурной стороны, въ родѣ интригана Теофана Прокоповича.

Если дѣло сдѣлано, и каменосѣчныя обличія заказаны, то мы предлагаемъ дѣлать барельефы для *временно-великихъ людей* на подвижныхъ дощечкахъ, такъ, чтобъ по мѣрѣ надобности и отшествія къ праотцамъ новыхъ знаменитостей замѣнять ихъ.

Тихона Задонскаго постника—*Адлербергомъ*—отцомъ.

Митрофана Воронежскаго дѣвственника—*Барятинскимъ*.

Бездарнѣйшаго изъ военныхъ, *Паскевича*—еще болѣе бездарнымъ изъ статскихъ, *Панинымъ*.

Гурія и Варсонофія—*Путягинымъ и Аскоченскимъ*.

Ртищева, устроившаго въ 1648 году общество переводовъ съ греческаго—*Похитоновымъ*, устроившимъ въ 1858 году общество переводовъ со всѣхъ языковъ.

Лѣтъ черезъ пять и этихъ выбросить и вставить новыя дощечки... да такъ и мѣнять до осѣдлости мнѣній и утвержденія за-

¹⁾ Пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что у насъ la recherche de la paternité ⁰⁾ не воспрещена, какъ во французскомъ кодексѣ. А. И. Г.

²⁾ 8 сентября 1862 г. было отпраздновано 1000-лѣтіе Россіи. Въ Новгородѣ воздвигался памятникъ по проекту Микѣшина, о которомъ и говорить Герценъ.

⁰⁾ Розыскъ отца.

конной мѣры для великихъ людей, когда народъ русскій, въ свою очередь, прокричитъ:

Ловъ или затылокъ! ¹⁾

1787. Еще о «Генераль-Адмиралъ».

Намъ очень жаль, но мы должны отказаться отъ помѣщенія послѣднихъ свѣдѣній о «Генераль-Адмиралъ», о поведеніи Шестакова, Штофрегена и пр. Факты, приводимые въ письмахъ, не выходятъ изъ общаго уровня безчеловѣчнаго обращенія съ нижними чинами и грубаго съ офицерами. Мы говорили объ нихъ; нашлись защитники Шестакова; защитники вызвали рядъ писемъ еще болѣе обличительныхъ; мы упомянули и объ нихъ. Если морское вѣдомство хотѣло обратить вниманіе, оно могло; для большинства читателей интересъ исчерпанъ.

Корреспондентамъ нашимъ со стороны истязаемыхъ мы можемъ сказать въ утѣшеніе, что слухъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ и во флотѣ подтверждается. Не только Константинъ Николаевичъ, но и наследники, говорятъ, за отмигну ихъ.

1788. «Подчиненные» давали обѣдъ.

«Подчиненные давали обѣдъ своему прежнему начальнику»,—такъ говорятъ «Спб. Вѣдомости» объ обѣдѣ, который давали остзейцы князю Суворову. Не дурно было бы, чтобъ къ тысячелѣтнему возрасту нашъ печатный языкъ не такъ рѣзко напоминалъ бы намъ учтивость передней и почтительность повтыря. Журналъ, такъ хорошо понимающій тысячелѣтіе, какъ «Спб. Вѣдом.», долженъ подавать примѣръ. Что значить слово *подчиненный* въ отношеніи къ неслужащему гражданину? Подчиненный неслужащій значить *покоренный*. Такъ, *Золотоордынскія Вѣдомости* могли сказать, что такого-то числа «подчиненные великіе князья русскіе давали попойку Батю при его отъѣздѣ въ столицу». Вообразите на минуту, что было бы въ Лондонѣ, если-бъ послѣ какого-нибудь обѣда, даннаго лордомъ-мэромъ и обществомъ Гладстону или Росселю, «Times» сказали бы, «что градской голова и другіе подчиненные министра давали ему прощальный обѣдъ». Ну, вообразите!.. Или почему по поводу суворовскаго обѣда не ска-

¹⁾ Форма памятника намъ очень польстила: огромный *колоколь*, поставленный такъ, чтобъ звонить нельзя было. Все же, колоколь! Но какой? Вѣчевой ли, новгородскій, или нашъ лондонскій? Намъ кажется, что ни тотъ, ни другой, а колоколь очень *сладкій*; его облѣпило видимо-невидимо всякихъ фигурокъ, въ томъ числѣ одна приклеилась крыльями и такъ пламенно рвется прочь, что даже на головѣ загорѣлась какая-то плошка ^o) (*Зри Спб. «Мѣсяцословъ на 1862 годъ»*). А. И. Г.

^o) «Православная вѣра, какъ главное основаніе нравственнаго возвышенія русскаго народа».

затѣ съ военной откровенностью: «*Покоренные* остзейцы давали главноначальствовавшему непріятельской арміей въ ихъ краѣ обѣдъ въ благодарность, что онъ не такъ *изрядно воевалъ Лифлянды*, какъ графъ Шереметевъ при Петрѣ I».

Неужели наши отцы-учителя вѣмцы не протестовали противъ подлаго слова «подчиненныхъ»?

1789. Второй разъ.

Въ прошломъ листѣ мы просили русскихъ, живущихъ въ Англіи, сообщить намъ имя злодѣя-капитана какого-то русскаго судна, истязавшаго ребенка въ Гуллѣ. Неужели его поступокъ находится или такое сочувствіе или такое равнодушіе, что никто не далъ себѣ труда исполнить нашу просьбу?

1790. Обмѣнъ журнала.

Съ нынѣшняго года мы будемъ посылать постоянно въ редакцію «Сѣверной Почты»¹⁾ «Колоколь»; благоволитъ оная редакція въ обмѣнъ высылать «Сѣверную Почту» въ Русскую типографію въ Лондонъ, 136 & 138, Caledonian Road, N. 1

◆◆ 1. По заявленію министра вн. дѣлъ Валуева, «правительство искало способъ дѣйствовать путемъ печати на умственное настроеніе общества» и нашло лучшимъ изъ нихъ основаніе своего органа подъ старымъ александровскимъ названіемъ «Сѣверная Почта». Однако, черезъ нѣкоторое время вдохновитель этой газеты понялъ, что «она не пользуется и не можетъ пользоваться сколько-нибудь замѣтнымъ вліяніемъ». «При основаніи предполагалась возможность непосредственнаго содѣйствія съ стороны другихъ гражданскихъ вѣдомствъ. Это предположеніе не оправдалось. Министерство финансовъ, почтовое управленіе и министерство народнаго просвѣщенія избрали себѣ другіе органы между частными изданіями («Спбургскія» и «Биржевыя Вѣдомости»). Притомъ «Сѣв. Почта» вынуждена отказываться отъ, такъ называемыхъ, передовыхъ статей и оставаться, по возможности, безцвѣтною, чтобъ не обнаруживать безъ надобности въ глазахъ публики различія взглядовъ разныхъ вѣдомствъ на одинъ и тотъ же предметъ. При такомъ положеніи дѣла правительственная пресса можетъ приносить большею частію только отрицательную пользу, отвлекая часть

¹⁾ Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, основанный П. А. Валуевымъ подѣ редакціей Никитенка, потомъ И. А. Гончарова.

публики отъ неблагонадежныхъ частныхъ изданій и препятствуя разглашенію невѣрныхъ или преднамѣренно искаженныхъ свѣдѣній. То же самое и по тѣмъ же причинамъ можно сказать и о частныхъ газетахъ, на которыя правительство приобрѣло вліяніе. Эти газеты также отвлекаютъ извѣстную долю публики отъ другихъ газетъ и не помѣщаютъ на своихъ столбцахъ тѣхъ статей, которымъ ихъ редакторы, конечно, дали бы мѣсто, если бы не опасались лишиться оказываемыхъ имъ льготъ или пособій. Но онѣ не получаютъ общаго направленія отъ правительства. Систематически дѣйствовать черезъ нихъ на общественное мнѣніе теперь еще невозможно» (непубликованный всепод. отчетъ министра вн. дѣлъ за 1861—63 гг., архивъ П. Я. Дашкова).

Публикѣ официально появленіе газеты было объяснено, конечно, иначе:

«Въ настоящее время, при быстромъ развитіи общественной дѣятельности во всѣхъ ея отрасляхъ и при вниманіи, обращаемомъ всѣми образованными людьми на разнообразныя явленія нашего общественнаго и государственнаго быта, обнаруживается потребность въ усиленіи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ могутъ быть почерпаемы вѣрныя данныя. Министерство внутреннихъ дѣлъ, находя нынѣ издаваемый имъ ежемѣсячный журналъ неудобнымъ для удовлетворенія этой потребности, рѣшилось замѣнить его газетою, которая будетъ выходить въ свѣтъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ. Оно предполагаетъ издавать эту газету съ 1 января будущаго, 1862 года, подъ тѣмъ самымъ названіемъ, какое было усвоено первоначальному періодическому изданію министерства, а именно подъ названіемъ: «*Сѣверная Почта*», *газета министерства внутреннихъ дѣлъ*» (объявленіе въ газетахъ и особо отпечатанное).

Въ архивѣ А. В. Никитенка находятся кое-какіе документы, проливающіе свѣтъ на первые шаги «Сѣв. Почты». Приведу изъ нихъ самое существенное, характерное и интересное.

4 ноября 1861 г. Валуевъ увѣдомилъ Никитенку, что накануне государь утвердилъ его въ должности главнаго редактора газеты, повелѣвъ оставить его при прежнихъ занятіяхъ, съ освобожденіемъ лишь, по должности члена главнаго управленія цензуры, отъ участія въ дѣлахъ, касающихся повременныхъ изданій. Никитенко, совершенно неопытный въ газетномъ дѣлѣ, даже и при тогдашней ея несложности, началъ работать, но ему удалось сдѣлать мало, особенно въ направленіи подбора сотрудниковъ. Порядочные литераторы уже сторонились официальной публицистики. Министерскіе чиновники вмѣшивались въ дѣло, зная, что оно зани-

маеть министра. Вотъ, напр., письмо Никитенка къ А. Г. Тройницкому: «Вчера я имѣлъ честь изъяснить в. пр—ву о неудобствѣ напечатанія именъ редакторовъ въ «С. П.» подъ отдѣлами внутренней лѣтописи и политики. Въ дополненіе къ сему долгомъ считаю повторить, что это непременно сознается для публики источникомъ разныхъ недоумѣній и толковъ. Она не будетъ знать, что этимъ хотятъ сказать..... Но для ней, конечно, важно не это обезпеченіе, а то, которое будетъ читать въ заглавіи каждаго номера газеты: «Газета министра внутреннихъ дѣлъ». Далѣе встрѣчается вопросъ: кто будетъ объясняться съ публикою, или съ другими издателями и писателями,—къ чему, конечно, представятся частые поводы,—главная редакція или частныя, каждая по своему отдѣлу? Если главная, то къ чему выдвинуты частныя редакторы передъ читающимъ міромъ? Если частныя, то какая же роль будетъ главной, или общей, редакціи? Въ глазахъ публики единство и интересъ изданія заключатся въ общей редакціи; раздроблять его на самостоятельные отдѣлы подъ гарантію печатно поставленныхъ именъ, значитъ возбудить въ ней мысль объ отсутствіи единства и неблагонадежности интереса цѣлаго изданія. Наконецъ, допущеніемъ мѣры, которая служить предметомъ этого письма, главная редакція будетъ только лишнимъ бременемъ для газеты. Если колесо надѣто на оси для того, чтобы оно не обращалось около ней, то не лучше ли его бросить и замѣнить другимъ устройствомъ въ машинѣ, которое бы болѣе соотвѣтствовало задачѣ ея? Въ заключеніе позвольте сказать еще нѣсколько словъ. В. пр—во весьма справедливо замѣтили о необходимости редактору имѣть право *вето*. Но вотъ вопросъ: можетъ ли главный редакторъ, разумѣется, со всевозможною осторожностью и уваженіемъ къ нему, для сохраненія единства и достоинства изложенія, исправить или измѣнить слово, фразу въ отдѣлѣ редакціи?».

Первые нумера газеты не удовлетворили Валуева, мечтавшаго о чемъ-то въ родѣ помѣси «*Moniteur*» и «*Times*». Онъ изложилъ свое мнѣніе въ небольшой запискѣ, посланной Никитенку. Последній принялъ ее очень близко къ сердцу и отвѣтилъ громаднымъ письмомъ отъ 9 января, которое привожу съ сокращеніями.

«Газета въ первыхъ своихъ нумерахъ является неудовлетворительною. Я это предвидѣлъ и, смѣю сказать, надобно было имѣть много мужества, чтобы съ этимъ предвидѣніемъ итти навстрѣчу дѣлу, на которое обращены глаза всей Россіи и которое не можетъ быть не замѣченнымъ въ Европѣ. У насъ рѣшительно не было ничего подготовленнаго для успѣшнаго начала: ни людей, ни матеріаловъ, ни типографіи, приспособленной къ цѣли. Самая ре-

дакція со своимъ обширнымъ и сложнымъ механизмомъ слагалась почти наканунѣ выхода въ свѣтъ газеты. Армія, съ которою мнѣ предстояло открыть кампанію и одерживать побѣды, формировалась на походѣ. Нельзя мнѣ быть столько неопытнымъ и столь чуждымъ понятія о дѣлахъ, чтобы не видѣть всего этого, и, однакожь, я не поколебался принять изъ рукъ вашихъ жезлъ начальствованія. Такое невниманіе къ самому себѣ для всѣхъ близкихъ ко мнѣ было непостижимымъ; для меня одного это не было тайною... Я былъ глубоко пораженъ быстро развивающеюся деморализаціей въ кругу нашей печати. Меня сильно начала занимать мысль объ органѣ, который бы, соединивъ въ себѣ съ авторитетомъ правительственной силы авторитетъ нравственный и умственный, могъ бы дѣйствовать, съ одной стороны, на распространеніе здравыхъ идей въ обществѣ, а съ другой — противодѣйствовать напору идей опасныхъ и нелѣпыхъ. В. в—во, какъ бы въ соотвѣтствіе самымъ завѣтнымъ внутреннимъ моимъ стремленіямъ, предложили мнѣ редакцію «С. П.». Съ первыхъ же объясненій моихъ съ вами, я убѣдился, что вы одни въ состояніи предпринять и поддерживать это дѣло. Я думалъ и продолжаю такъ думать. Тутъ важно не одно положеніе ваше, тутъ важны умъ, образованность, характеръ, которые мнѣ представились въ особѣ вашей. И вотъ причины того неблагоприятнаго поступка, который я сдѣлалъ, вѣривъ мое имя и силы предпріятію, самому по себѣ весьма шаткому, при условіяхъ крайне неблагоприятныхъ; вотъ причины, почему я выступилъ на арену, на которой не было мѣста, гдѣ бы твердо можно было поставить ногу. Въ лицѣ вашемъ мнѣ улыбалась будущность прекраснаго дѣла, и во имя этой будущности я презрѣлъ настоящее и съ бодрымъ духомъ, оживленнымъ великостію мысли и надеждами, я пошелъ навстрѣчу имъ сквозь расшатанные и неустроенные типографскіе станки, съ немногими помощниками, которыхъ вы мнѣ дали, и которыхъ тутъ я увидѣлъ въ первый разъ, не имѣя клочка матеріаловъ въ моемъ портфелѣ, принимая на себя удары съ первыхъ шаговъ за всякую типографскую ошибку, за непорядокъ въ какой-нибудь разстановкѣ статей, за неприсылку такого-то номера подписчику и проч., проч. Проведенныя совершенно безъ сна многія ночи, безконечныя тревоги цѣлыхъ дней, опасенія моего семейства, трепетавшаго за мое здоровье при такихъ усиленныхъ и напряженныхъ работахъ,—ничто не приводило меня въ уныніе. Мнѣ улыбалась будущность въ лицѣ вашемъ.

«Но минута — и такое благоприятное состояніе духа должно было кончиться; его уничтожила записка в. в—ва. В. в—во говорите о разладѣ въ редакціи. Говоря откровенно, я его не вижу;

я не вижу его, по крайней мѣрѣ, между мною и главными или, лучше сказать, единственными въ настоящее время дѣятелями, гг. Ржевскимъ и Арсеньевымъ. О г. Варадиновѣ я не говорю, потому что его часть не есть самая трудная, хотя и онъ принадлежитъ къ числу не разлаживающихъ. О Ржевскомъ и Арсеньевѣ могу сказать по совѣсти, что они одни вмѣстѣ со мною выносятъ дѣло на своихъ плечахъ. Между нами до сихъ поръ не встрѣтилось ни малѣйшихъ недоразумѣній или разногласія, да, правду сказать, намъ некогда и заниматься какими-нибудь хитростями: мы ежедневно очень заняты тѣмъ, что выйдетъ ли въ надлежащее время завтрашній номеръ и какъ онъ выйдетъ. В. в.—во изволите замѣчать, что гг. Ржевскій и Арсеньевъ не убѣждены вполне въ рѣшимости вашей настоять на томъ, чтобы внутренняя организація газеты осталась за вами. Оба они люди умные, и я не могу, никакъ не могу представить себѣ, чтобы въ головахъ ихъ могло поселиться какое-нибудь серьезное сомнѣніе въ авгоритетѣ вашемъ относительно газеты. Они могутъ имѣть свои взгляды на вещи, свои соображенія о томъ или другомъ вопросѣ, входящемъ въ кругъ ихъ дѣятельности,—нельзя же умныхъ людей осудить на безмысліе потому только, что они обязаны что-нибудь дѣлать,—но могу торжественно свидѣтельствовать передъ вами, что я не замѣтилъ въ нихъ ни тѣни чего-нибудь похожего на малѣйшее противодѣйствіе вашимъ видамъ. Что могутъ думать они или говорить внѣ круга моихъ отношеній съ ними, это до меня не касается: я не разыскиватель тайнъ, не относящихся къ дѣлу. Въ ближайшихъ моихъ помощникахъ мнѣ нужны: живое сочувствіе къ нему, способности и добросовѣстный трудъ; все прочее, по выраженію Софокла, не стоитъ тѣни дыма, да оно и разлетается, какъ дымъ, не оставляющій по себѣ и слѣда въ воздухѣ. Но во всякомъ случаѣ, развѣ я допустилъ бы какое-нибудь противорѣчіе вашимъ намѣреніямъ или критику на ваше распоряженіе со стороны тѣхъ, на которыхъ простирается мое вліяніе тамъ, гдѣ вы глава предпріятія? Развѣ я не оберегатель принциповъ его и ихъ послѣдствій не только по мѣсту, мною занимаемому, но и по моимъ убѣжденіямъ? Не сойдутся эти убѣжденія съ принципами тѣми, я тотчасъ слагаю мой начальственный жезлъ въ ваши руки—и тогда мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла.

«Ваше в—во изволите замѣчать, что есть признаки стремленій затруднить гг. Вернадскому и Фуксу исполненіе ихъ обязанностей. Это, конечно, я долженъ уже принять прямо на свой счетъ. Значитъ, на меня была жалоба; справедливость требуетъ поставить меня лицомъ къ лицу съ этими жалобами и ихъ виновниками. Я

прошу в. в—во объ этомъ. Я обязанъ принести вамъ эту просьбу изъ уваженія къ самому себѣ и изъ весьма естественнаго желанія сохранить ваше уваженіе. Я могу пренебречь мелкими ухищреніями и казнями людей, которые не могутъ понять, какъ можно служить дѣлу больше, чѣмъ своимъ интересамъ. Кто знаетъ людей изъ продолжительныхъ опытовъ жизни, того это не удивить и не остановитъ на его пути, но проводить какими бы то ни было тайными путями мысль, что я дѣло, которому взялся служить съ такою любовью и, смѣю сказать, съ самопожертвованіемъ, котораго успѣхи мнѣ дороги, какъ моя честь, что это дѣло я поражаю въ самое сердце, отталкивая отъ него людей необходимыхъ и полезныхъ,—проводить эту мысль такъ далеко, что она могла достигнуть даже до вашего кабинета,—это болѣе, чѣмъ нелѣпость, это—клевета.

«...Сперва о г. Вернадскомъ. Съ перваго шага своего въ редакцію онъ сталъ въ странное какое-то къ ней отношеніе. Я просилъ его принять участіе въ нашихъ работахъ доставленіемъ матеріаловъ для отдѣла, ему ввѣреннаго; онъ отвѣчалъ мнѣ, что у него ничего нѣтъ, и это повторялъ каждый разъ, когда я просилъ о томъ, такъ что я пересталъ ему и напоминать уже. Меня это, наконецъ, не удивило, когда онъ далъ мнѣ понять, что онъ самъ не считаетъ ни мало себя вполне принадлежащимъ газетѣ, что онъ сперва посмотритъ, какое она получитъ направленіе, и тогда, можетъ быть, будетъ въ состояніи что-нибудь для нея дѣлать. Не думаю, чтобы можно было одобрить такой индиферентизмъ къ дѣлу, къ которому онъ, однако, рѣшился принадлежать номинально—и когда? Когда участіе его особенно было бы намъ дорого, въ самыя горькія минуты затрудненія въ матеріалахъ. Вѣдь, это значить имѣть въ виду жатву, не сѣявши. Пусть г. Вернадскій самъ скажетъ, изъяснилъ ли я ему что-нибудь похожее на укоръ или неудовольствіе словомъ, взглядомъ, жестомъ. Зная, что ему должно быть немножко совѣстно получать 1500 р., ничего не дѣлая, смѣю сказать, по утонченной деликатности, я посылалъ ему кое-какія вещи на просмотръ, выбирая ихъ съ величайшимъ усиленіемъ изъ нашихъ скудныхъ матеріаловъ именно только для того, чтобы дать ему возможность казаться дѣлающимъ. Теперь о г. Фуксѣ. В. в—во, безъ сомнѣнія, согласитесь, что интеллектуальная сторона газеты есть главный и первый предметъ моей заботливости; изданіе, во главѣ котораго стоитъ имя управляемаго вами министерства, а внизу подъ каждымъ печатнымъ листомъ—мое, должно имѣть также литературное достоинство, какъ и достоинство своего благороднаго направленія и правдивости. Могу ли [я, не говоря уже объ официальной въ этомъ отношеніи отвѣтственности, могу ли,

не краснѣя передъ вами, допустить на страницахъ газеты какое-нибудь литературное безобразіе,—передъ вами, котораго просвѣщенный судъ и литературный вкусъ я уважалъ прежде, чѣмъ увидѣлъ въ васъ и началъ уважать государственнаго человѣка? Какъ же мнѣ не быть внимательнымъ къ тому, что готовится взойти на столбцы «С. П.»? Я имѣю въ виду привлечь къ ней замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы со временемъ, когда честное ея направленіе и литературное достоинство разовьется вполне. Г. Фуксу достался отдѣлъ самый взыскательный, самый щекотливый въ литературномъ отношеніи, требующій особенной наблюдательности, требующій особенно живого, легкаго, одушевленнаго и чистаго пера. Съ первыхъ опытовъ г. Фукса я убѣдился, что этотъ отдѣлъ совершенно не по немъ. Первая статья, помѣщенная въ 1 №, привела меня въ отчаяніе. Я получилъ ее ночью, набранною уже, передъ выходомъ газеты въ свѣтъ; ее нельзя было не помѣстить, а помѣстить, съ такимъ особенно концомъ, какимъ она была довершена, значило произвести скандалъ. Я долженъ былъ уничтоженное мною мѣсто замѣнить написаннымъ мною въ третьемъ часу ночи. Я простеръ мою деликатность, однако, до того, что къ утру на другой день, несмотря на крайній недосугъ, поѣхалъ самъ къ нему, чтобы объяснить ему со всею, могу сказать, нѣжною пощадою самолюбія, почему статья его не могла явиться въ своемъ первоначальномъ видѣ. Другая статья также требовала моего исправленія. Несмотря на мои просьбы, я не могу дожидаться обдѣлки нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ происшествій по губерніямъ,—обдѣлки, о которой мы съ нимъ условились, а между тѣмъ, новое становится старымъ. Также у меня, въ рукахъ его театральная хроника. Я прошу в. в.—во позволеніе представить ее вамъ: удостойте рѣшить сами, можетъ ли она быть напечатана въ газетѣ, не компрометируя ея жесточайшимъ образомъ. Все это не доказываетъ, что г. Фуксъ лишень дарованій, познаній и т. п., но онъ, по несчастію, имѣетъ претензію думать, что владѣетъ литературнымъ перомъ да еще въ родѣ легкомъ, эстетическомъ, а этого-то ему недостаетъ. Въ прошедшую субботу я докладывалъ вамъ о необходимости долю отдѣла, по крайней мѣрѣ, поручить другому лицу, и вы благосклонно выслушали мои соображенія и разрѣшили мнѣ даже представить вамъ планъ этой мѣры. На другой день я прочиталъ въ вашей запискѣ, что г. Фукса затрудняютъ въ исполненіи его обязанностей.....

«При такихъ условіяхъ, какія, повидимому, нынѣ настаютъ для меня и какія выражены въ предыдущихъ строкахъ, я не въ состояніи буду заниматься возложеннымъ на меня в. в.—вомъ.

дѣломъ, и если вы не изволите найти правильными изложенныя здѣсь мысли и убѣжденія, то мнѣ ничего болѣе не остается, какъ просить васъ уволить меня отъ званія главнаго редактора «С. П.». Произношу это съ истинною скорбію въ сердцѣ, но, дай Богъ, чтобы это прекрасное дѣло впало въ руки болѣе моихъ способныя и столь же честныя, какъ мои».

Объ отвѣтѣ министра можно судить только по помѣткѣ Никитенка на копіи своего письма: «полученъ отвѣтъ 10-го, въ 10 ч. утра, весьма благопріятный». А дѣло, все-таки, не шло, потому что—и этого не понимали основатели—и не могло итти.

Вотъ письмо Никитенка Валуеву отъ 13 мая: «Какъ литературный основатель «С. П.» и доселѣ главный ея редакторъ, я не могу не принимать живого участія въ настоящемъ ея кризисѣ, который можетъ существенно измѣнить ея первоначальный планъ и характеръ и имѣть рѣшительное вліяніе на ея будущность. Я прошу позволенія у в. в.—ва высказать по этому поводу нѣсколько мыслей, внушенныхъ мнѣ столько же необходимостью настоящаго положенія вещей, какъ и стремленіемъ къ пользѣ дѣла, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Предпріятіе, глубоко вами задуманное и въ обширныхъ размѣрахъ, оказалось совершенно согласнымъ съ потребностями времени. Успѣхъ газеты, особенно въ губерніяхъ, какъ мнѣ это положительно извѣстно, не подлежитъ сомнѣнію. Но успѣхъ этотъ, говоря буквально, купленъ дорогою цѣною: газетѣ угрожаетъ огромный дефицитъ. Онъ не могъ не обратить на себя вниманія в. в.—ва. Въ порядкѣ вещей нѣтъ закона, чтобы можно было сѣять и пожинать въ одно время. Дефицитъ на перьямъ годѣ во всякомъ большемъ изданіи, особенно такомъ, какое предпринято вами, неизбѣженъ и неотразимъ. Но, какъ вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, важнѣе не онъ, а его цифра,—необходимо положить предѣлы ея увеличенію. В. в.—во справедливо и неприятно озабочены этимъ среди многочисленныхъ другихъ заботъ вашихъ и мнѣ крайне прискорбно, что редація устранена отъ чести облегчить ихъ настолько, сколько возможно и сколько позволяетъ ей участіе ея въ дѣлѣ. Входя въ ваши виды, сколько это было можно по краткости времени и по невѣдѣнію вновь образовавшихся общихъ финансовыхъ условій для газеты, редація не могла, однако, вдругъ передвинуть и перемѣнить пружины въ машинѣ, вполнѣ сложившейся и заведенной, уничтожить или уменьшить иностранныя корреспонденціи, остановить внутреннія и особенно воспользоваться усовершенствованіемъ отъ измѣненія, предпринятаго вами во внутреннемъ отдѣлѣ. Между тѣмъ, по изданію мимо редакціи дѣлаются распоряженія, которыхъ слѣдствія не-

премѣнно должны отразиться на судьбѣ газеты; не бывъ соображены съ потребностями интеллектуальной части ея, отрывочныя и случайныя, о и могутъ повести къ рѣшительному ея паденію. Одно уже то составитъ величайшее неудобство, что редакція будетъ, какъ и теперь, находится постоянно въ тревожномъ, лихорадочномъ состояніи, изъ опасенія навлечь на себя негодованіе за излишнюю издержку, которой цифра неопредѣлена.

«Такое состояніе вещей не можетъ и не должно продолжаться. Что сокращеніе издержекъ должно быть доведено до возможнаго уменьшенія дефицита, въ этомъ редакція глубоко убѣждена и готова содѣйствовать осуществленію вашихъ намѣреній всѣми своими силами. Это иначе и быть не можетъ. Если редакція знаетъ, что она есть разумъ газеты, то ей также очень хорошо извѣстно, что теории этого разума, въ примѣненіи своемъ, зависятъ отъ того, кто далъ ей бытіе. Но отрывочными мѣрами тутъ ничего полезнаго нельзя достигнуть, а можно только крайне повредить дѣлу. Нужны опредѣленная, тщательно соображенная система правилъ и единство дѣйствій. Прежде всего надобно рѣшить, до какой степени сокращеніе издержекъ можетъ простираться? Должно ли оно быть допущено въ ущербъ внутреннему достоинству газеты, или есть способъ достигнуть его, не подвергая ея этой опасности? Я полагаю, что есть. Соотвѣтственно сему, слѣдуетъ вычислить приблизительно всѣ издержки по содержанію газеты, ниже которыхъ спускаться нельзя, не роняя ее потомъ, при содѣйствіи, напр., товарища в. в—ва, который самъ былъ редакторомъ газеты, съ просвѣщеннымъ умомъ, соединяетъ и нужную въ подобныхъ дѣлахъ опытность, опредѣлитъ стоимость номера нормальною цифрою и предоставитъ затѣмъ редакціи распорядиться самостоятельно, не выходя изъ предѣловъ положенной суммы. Такихъ соображеній никто не въ состояніи сдѣлать лучше ея самой, на основаніи какъ общихъ требованій въ изданіяхъ подобнаго рода, такъ и четырехмѣсячнаго опыта. Если в. в—ву угодно, то редакція немедленно займется означенными соображеніями и проектъ свой представитъ вамъ».

1791. Письмо къ Ж. Мишле.

1 Fevrier 1862.

Orsett House, Westbourne terrace.

Cher Monsieur, le départ du frère de notre ami Bakounine—derechef libre et dans notre milieu, me donne l'idée de vous offrir le

portrait de Bakounine — qui est excellent, et le mien aussi—en les acceptant, Vous nous ferez un grand plaisir.*

M. Delaveau imprime le III vol. de mes bavardages—je l'ai prié de Vous envoyer immédiatement un exemplaire.

Notre propagande va parfaitement bien. Savez-Vous que votre volume sur la Renaissance et le suivant sont publiés en Russie à Petersbourg?

Votre tout dévoué

Al. Herzen.

Переводъ.

1 февраля 1862.

Дорогой другъ! Отъездъ брата нашего друга Бакунина, опять свободнаго и находящагося среди насъ, подаль мнѣ мысль преподнести вамъ превосходный портретъ Бакунина, а также и мой. ¹

Принявъ ихъ, вы доставите намъ большое удовольствіе.

Г. Делаво печатаетъ III томъ моей болтовни; я его попросилъ, чтобы онъ немедленно послалъ вамъ одинъ экземпляръ.

Пропаганда наша идетъ превосходно. Знаете ли вы, что ваша книга о ренессансѣ и слѣдующая напечатаны въ Россіи, въ Петербургѣ?

Преданный вамъ

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. Братъ М. А. Бакунина Александръ Александровичъ пріѣзжалъ въ Лондонъ для свиданія съ нимъ въ серединѣ января; русское правительство дало ему заграничный паспортъ на поѣздку для лѣченія.

1792. Письмо къ И. С. Тургеневу.

¹ 3 февраля (1862).

Orsett House, Westbourne terr.

Во-первыхъ, за всѣ ваши справки приношу рапскую благодарность; во-вторыхъ, за то, что у васъ животики поправились, молю Иверскую Божию мать. Въ силу начальническихъ распоряженій вашихъ, о князь Петрѣ ¹⁾ писалъ ²⁾, и за то отъ него почилъ такое

¹⁾ П. В. Долгоруковъ.

²⁾ См. № 1780.

Bruder, treue Schwesterliebe
Widmet dir mein Herz ¹⁾,

что упадешь.

Онъ ужъ хочетъ «Будущность» издавать у Трюбнера,—я написалъ эпиграфъ:

Trübner's Zukunft ist so trübe ²⁾.

Скажи, пожалуйста, видалъ ли ты въ твою долгую жизнь охотника звѣря болѣе скучнаго, какъ дромадеръ Бакунинъ-jun.? Неужели мы съ тобой говорили этимъ чугуннымъ языкомъ съ свинцовой подливкой?

Я, кажется, потеряю часть состоянія въ Америкѣ,—это досадно.

Затѣмъ, прощай.

P. S. Скажи, пожалуйста, какъ тебѣ по вкусу «Мясо освобожденія» и «Юбилей», а также и Вас. Пет. ³⁾?

Я теперь написалъ IV главы исторической болтовни о временахъ Алекс. I ⁴⁾. Полагаю, что тебѣ необходимо знать заглавіе главъ:

1—«Донъ Карлосъ», траг. Шиллера.

2—Маркизь Поза (Каразинъ).

3—«Die Schuld» ⁵⁾, траг. Мильнера.

4—(не придумаль).

1793. Письмо къ И. С. Тургеневу.

Воскресенье, 9 февраля (1862).
Orsett House, Westb. terr.

Любезный Тургеневъ, пишу къ тебѣ по разнымъ дѣламъ и прошу сейчасъ отвѣчать. 1-е. Правда ли, что «Колок.» запрещенъ,

¹⁾ Цитата неточна; у Шиллера (баллада «Ritter Toggenburg») эти стихи читаются такъ:

«Ritter, treue Schwesterliebe
Widmet Euch dies Herz»,

т.-е.: «Рыцарь, только вѣрную любовь сестры можетъ дать вамъ это сердце».

²⁾ Т.-е. «Будущность Трюбнера такъ мрачна»; игра словъ: Trübner—фамилія издателя, trübe—мрачный.

³⁾ Боткинъ, бывший тогда въ Парижѣ.

⁴⁾ «Имп. Александръ I и В. Н. Каразинъ».

⁵⁾ Вина, преступленіе.

по проискамъ Герольда, Франкова намѣстника ¹⁾)? это я слышалъ здѣсь, и Долгоруковъ пишетъ. Что же, во всемъ этомъ Шуваловъ ²⁾) работаетъ съ пресловутымъ либераломъ Киселевымъ ³⁾) или одинъ?

2-е. Скажи твое мнѣніе (я, если велите, сохранию его въ тайнѣ до второго пришествія) насчетъ «Будущности». Долгор. предлагаетъ ее издавать Трюбнеру. Да окупалась ли она? или служила больше для удовольствія и здоровья? Вообще, что ты объ этомъ думаешь?

3. Не имѣешь ли ты понятія, что за человѣкъ *Садовскій* у васъ въ Парижѣ? Не актеръ,—того я и самъ знаю. А этотъ г-нъ прислалъ мнѣ «Процессъ Воронцова» ⁴⁾) съ письмомъ о его правотѣ. Почему? Что ему за дѣло, или что задѣло его въ моей отмѣткѣ. «Che cosa? Cosa che?» ⁵⁾), какъ говорилъ мой бывший цоваръ Франсуа.

In Russland geht es... ⁶⁾). Я такъ и жду, что будетъ бунтъ. Дворяне хотятъ въ мужики, а Николай Филипычъ ⁷⁾) говоритъ: «attendez, я и князь Суворовъ не хотимъ», а Аксаковъ говоритъ: «хотимъ, но позвольте поляка подъ микитки съѣздить», а Головинъ говоритъ: «полно говорить» ⁸⁾). Его слушаетъ одинъ Краевскій ⁹⁾),— тотъ ничего не говоритъ.

Зачѣмъ же ты поддерживаешь Вестминстерскій Вѣстникъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ ¹⁰⁾?

Еще каковъ, братъ, вылупился баринъ изъ Чичерина! Зато Громека и уважилъ его ¹¹⁾).

А, вѣдь, небось, москвичи наши (я тебя въ ихъ число не включаю съ тѣхъ поръ, какъ ты Рю-Риволинъ ¹²⁾) и съ нимъ, и съ Павловымъ друзья, «Редереръ» пьютъ... и кричатъ противъ «Колокола».

1) Владѣлецъ книжной фирмы А. Франка, изъ преданности русскому золоту прекратившій изданіе «Будущности» кн. П. В. Долгорукова.

2) Шефъ жандармовъ.

3) Парижскій посоль.

4) Толстая книга «Procès du prince Woronzow contre le prince Pierre Dolgoroukow et „le Courrier du Dimanche“», Paris, 1862, изданная на средства Воронцова.

5) Какая причина? Причина какая?

6) Въ Россіи идетъ....; послѣднее слово не разобрано.

7) Павловъ.

8) Т.-е. запрещаетъ цензурѣ пропускать многое о русской жизни.

9) Тогда издавалъ «Спб. Вѣдомости» и «Отеч. Записки».

10) «Русскій Вѣстникъ».

11) Изъ письма Громеки къ Герцену о Чичеринѣ была напечатана выдержка въ «Колоколѣ».

12) Тургеневъ жилъ въ Парижѣ на Rue de Rivoli.

Пожалуйста, отвѣчай, если можно, за день до полученія письма.

А. Г.

Р. S. Я сейчасъ писалъ къ Долгор. и просилъ его достать мнѣ книгу Корфа о *Сперанскомъ* ¹⁾. (Выписывать—три мѣсяца). Не знаешь ли, гдѣ ее достать?

Пока еще денегъ Бак. не нужно (я собралъ фр. 1500, но твои 500 записалъ. Имѣй ихъ въ виду).¹

А братъ-то... братъ-то Бакунина?

Девиль перевезенъ изъ сумасшедшаго дома во Францію.²

◆◆ 1. Чтобы обезпечить Бакунина, по крайней мѣрѣ, на первые годы, Герценъ организовалъ дружескую складчину, въ которой участвовалъ и Тургеневъ. 25 января послѣдній писалъ Герцену: «Доставленіе *постоянной* суммы М. А. затруднительнѣе. С. давно уѣхалъ въ Египетъ, да и, сколько мнѣ извѣстно, это—чванливое животное, которое не дастъ гроша, если нельзя протрубить о немъ во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва ли согласится на что-нибудь постоянное. Впрочемъ, я еще съ нимъ потолкую. Объ остальныхъ здѣшнихъ русскихъ и говорить нечего. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что касается до меня, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Бакунину ежегодную сумму 1500 фр., впредь на неопредѣленное время, и первые 500 фр. (считая съ 1-го янв.) отправляю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ $\frac{1}{4}$ часть желаемой суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной» («Письма», 143).

2. 11 февраля Тургеневъ отвѣчалъ Герцену:

«1. «Колоколь» нисколько не запрещенъ и продавался еще вчера вечеромъ *повсюду*.

«2. Не имѣй никакого дѣла съ «Будущностью», и Трибнеру не совѣтую. Этотъ журналъ не окупался и не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха...

«3. Не имѣю никакого понятія о Садовскомъ, но ты поступи благо разумно, если не прикоснешься болѣе ни единымъ пальцемъ до всего этого дѣла. Долгоруковъ (между нами) нравственно погибъ и едва ли не подѣломъ; ты сдѣлалъ все, что могъ въ «Колоколь»; надо было его поддержать въ силу принципа, а теперь предоставь его своей судьбѣ. Онъ будетъ къ тебѣ лѣзть въ самую

¹⁾ «Жизнь гр. Сперанскаго», Спб., 1861 г.

глотку; но ты отхаркаешься. Нечего говорить, что Воронцовыхъ тебѣ не изъ чего поддерживать; превратись въ Юпитера, до котораго всѣ эти дразги не должны доходить.

(Освѣщеніе Тургенева невѣрно и несправедливо—*М. Л.*).

«4. Въ Россіи, точно, кутерьма, но прошу тебя убѣдительно, не трогай пока Головнина. За исключеніемъ двухъ-трехъ вынужденныхъ, и то весьма легкихъ, уступокъ, все, что онъ дѣлаетъ, хорошо. (Вспомни его разрѣшеніе Кавелину и др. читать публичныя лекціи и т. д., и т. д.). Я получаю очень хорошія извѣстія о немъ. Не безпокойся: если онъ свихнется, мы тебѣ его «предоставимъ», какъ говорятъ мужики, приводя виноватыхъ для сѣченія въ волюсть.

«5. Et tu, Brutel Ты, ты меня упрекаешь, что я отдаю свою работу въ «Русскій Вѣстникъ»! Но изъ чего же я разсорился съ «Современникомъ», воплощеннымъ въ образѣ Некрасова? Въ программахъ своихъ они утверждаютъ, что они мнѣ отказали, яко отсталому; *mais tu n'es pas dupe* ¹⁾, надѣюсь, этого маневра, и очень хорошо знаешь, что я бросилъ Некрасова, какъ безчестнаго человѣка. Куда жъ мнѣ было дѣться съ своей работой? Въ «Библиотеку» пойти? Да и, конецъ концовъ, «Рус. Вѣстникъ» не такая ужъ дрянь, хотя много въ немъ мнѣ противно до тошноты.

«6. Я бы тебя вызвалъ на дуэль, если бы ты заподозрилъ меня въ дружбѣ съ Чич.; но даже въ отношеніи къ москвичамъ ты не правъ: многие изъ нихъ имъ гнушаются.

«7. Дромадеръ Бакунинъ былъ здѣсь, мямлилъ, скрипѣлъ и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ-то *Lazare freres*, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1000 франковъ.

«Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 фр. прибавилось пока 200. Надѣюсь, однако, собрать всѣ. Бакунинъ пишетъ мнѣ о 1000 руб. сер. Я готовъ ихъ выдать ему *до* моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пенсіона (не вполне трехлѣтняго,—я обѣщаль 1500 фр. въ годъ, а 1000 р. сер. съ 500 фр. составляетъ меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ осмотрится сперва. Надобно соображаться со средствами, а они едва ли будутъ велики. Боткинъ долго ничего не дастъ и т. д.» («Письма», 144—146).

¹⁾ Но ты, вѣдь, не поддался.

1794. Письмо къ А. Таландье.

(10 февраля 1862 г.)

Venez diner chez nous après demain (mercredi) à 5¹/₂. Si le jour ne vous convient pas—écrivez moi un mot. Vous trouverez chez nous beaucoup de Bakounine et encore plus d'amitié.

Ogareff et M-me vous saluent. Mon fils de retour de son voyage de Norvège est ici.

Je vous salue de tout mon coeur.

A. Herzen.

Avez-vous lu par hasard l'article sur la Russie dans la «Revue des 2 M.» du 15 janvier?

Переводъ.

Приходите послѣзавтра (въ среду), въ половинѣ шестого къ намъ обѣдать. Если день для васъ неудобенъ, черкните мнѣ словечко. У насъ вы найдете Бакунина въ большемъ количествѣ и еще больше дружбы.

Отаревъ съ супругою кланяются вамъ. Сынъ мой, вернувшійся изъ поѣздки по Норвегіи, сейчасъ здѣсь.

Отъ всего сердца кланяюсь вамъ.

A. Герцень.

Не прочли ли вы случайно въ «Revue des 2 M.» отъ 15 января статьи о Россіи?

1795. Письмо къ И. С. Тургеневу.

12 Febr. 1862.

Orsett House, Westb. terrace.

Спасибо тебѣ, о, исправнѣйшій изъ путешественниковъ и корреспондентовъ!

Отвѣчаю, если не съ быстротой молніи, то со скоростью зарницы. Во-первыхъ, насчетъ Бакунина: будь остороженъ; это тоже неряшество, Bettina will schlafen... Bettina kann kein Geid zahlen... ¹⁾

¹⁾ Беттина хочетъ спать, Беттина не можетъ платить денегъ.

и пр... въ 50 лѣтъ! Поручи мнѣ это дѣло—я считаю, что русскіе должны ему собирать на Auskommen ¹⁾, но не больше; ех. гт., 3.500 франковъ, ну, и будемъ ихъ собирать; твои 500 фр. за глаза довольно, но, если *ты хочешь* за полстолѣтіе впередъ заплатить, то этого будетъ мало; ни впередъ, ни взадъ платить не надобно, *а въ настоящее*. Пока я въ Лондонѣ, я беру съ ему выдавать по 10 liv. въ мѣсяцъ. Дромадеръ говорилъ, что ты берешься за какіе-то долги (а братья его ни за что?).

Оби «Рус. Вѣстн.» я дурачился, а, все жъ, лучше помѣщать въ «Отечест. Запискахъ», даже въ «Русскомъ Словѣ». Ужъ и Панаевъ Johann ²⁾ начинаетъ тебя кусать за паюсныя икры твои. Я все это читаю на сонъ грядущій.

Знаешь ли ты, что нѣкто Блюмеръ ³⁾ издаетъ новый русскій журналъ въ Берлинѣ «Свободное Слово»?

Теперь исторія съ «Дневникомъ Познанскимъ». Либеральная Пруссія отдала подъ судъ за Hochverrat ⁴⁾ издателя за то, что онъ осмѣлился перепечатать статью изъ «Колокола» о «Великоруссѣ». Левальдъ, адвокатъ, писалъ ко мнѣ. Вотъ, если его осудятъ на штрафъ, слѣдовало бы русскимъ взять на себя. Какъ вы думаете? Тутъ я готовъ отъ себя дать и на колѣнкахъ просить.

А объ «Мясѣ освобожденія» ты, все-таки, не писалъ.

Сегодня обѣдаетъ у меня Луи Бланъ съ Бакунинымъ.

А Сперанскаго книга—зрело ⁵⁾.

Головнина я такъ съ бархатцемъ, улыбаясь, коснулся—будьте благонадежны ⁶⁾. Неужели ты къ объявленію констипаціи ⁷⁾ не поѣдешь? Я ѣду.

Tausend Jahre—und noch nichts für Ewigkeit getan ⁸⁾.

¹⁾ Прожитіе.

²⁾ Иванъ Ивановичъ, въ «Современникѣ».

³⁾ Леонидъ Петровичъ.

⁴⁾ Государственную измѣну.

⁵⁾ Надѣюсь.

⁶⁾ См. № 1802.

⁷⁾ Отъ фр. constipation—запоръ; конечно, Г. имѣлъ въ виду открытіе памятника тысячелѣтія Россіи.

⁸⁾ Тысяча лѣтъ—и ничего еще не сдѣлано для вѣчности. Пародія на извѣстные стихи изъ «Донъ Карлоса» Шиллера.

1796. Письмо къ И. С. Тургеневу.

Четвергъ, 13 февраля (1862).

Вотъ пошло на письма, такъ пошло. Вчера, по отправленіи моего къ вамъ доклада, явился Бакунинъ и разсказалъ мнѣ, что онъ *наканунѣ* (и ты писалъ наканунѣ!) писалъ къ тебѣ о томъ, чтобъ не дѣлать подписки для него. Онъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Подписка необходима, но не въ Парижѣ, а въ Россіи; я полагаю, что ты своимъ авкторитетомъ можешь сдѣлать.

Онъ говоритъ, что ты самъ предложилъ въ видѣ займа его братьямъ 1.000 руб. сер. Неужели это ты такъ опростоволосился? А по всему сему сдѣлай одолженіе, послушайся меня: собирай ему на прожитоку и пересылай мнѣ, а суммъ для братьевъ не доставай. Если общалъ Лазарю — дѣлать нечего, но подписку дѣлай очень секретно, а то и дадутъ мало, да еще накричатъ.

Далѣе, вотъ тебѣ новость; если ты ея не знаешь, такъ вспрыгнешь:

Въ моск. двор. соб. плантаторъ Безобразовъ осмѣлился предложить «просить государя отказаться въ пользу сына», и предложеніе пошло на голоса,—183 противъ, 165 за!

«Сперанскаго» Долгоруковъ прислалъ.

Прощай.

1797. Капитанъ-палачъ.

Второй запросъ нашъ не остался безъ отвѣта. Мы получили имя корабля, шедшаго изъ Риги въ Гулль, на которомъ капитанъ до того варварски дралъ мальчика, что англичанинъ кормчій довелъ объ этомъ до свѣдѣнія гульскихъ властей.

Корабль назывался «Урго» («Urgo»),
Капитанъ—Бренцъ (Brentz).

Посоль въ Лондонѣ, которому объ этомъ писано, называется Бруновъ. Въ Гуллѣ есть русскій консулъ. Очень любопытно знать, что сдѣлалъ посоль и консулъ.

1798. Политическое преслѣдованіе въ Пруссіи.

Людвигъ Ягельскій, издатель «Познанскаго Дневника», отданъ подъ судъ за перепечатаніе какой-то статьи изъ «Колокола». Вотъ что значить родство и кумовство. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, какъ себя окажетъ *либеральная* Пруссія.

1799. Въ министерствѣ финансовъ свой Путятинъ.

Только онъ называется Княжевичъ 18/30 января распущенъ Технологической институтъ за то, что воспитанники отказались подчиниться какимъ то княжевичнымъ не дѣльнымъ правиламъ.

Сей старецъ погибнетъ въ *грозь* ¹⁾?

1800. Столбовой олигархъ нашего времени.

Рыцарствующій побѣдитель Мурмина ²⁾ замѣчаетъ въ 1 № своего журнала ³⁾, что «образованнаго челоуѣка, въ точномъ значеніи этого слова, можно встрѣтить *только* между дворянами, и что образованный челоуѣкъ или родится дворяниномъ, или дѣлается имъ».

По всему видно, что наше время *павловское*, а не современное. ¹

◆ 1. Въ октябрѣ 1861 г. издававшій еженедѣльную газету «Наше Время» Н. Ф. Павловъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ разрѣшить ему изданіе газеты ежедневно. Черезъ нѣсколько дней получился отказъ. Тогда Павловъ ѣдетъ въ СПб. и достигаетъ своего: 26 октября Валуевъ пишетъ гр. Путятину: «Во вниманіе къ нынѣшнему направленію издаваемой въ Москвѣ г. Павловымъ газеты «Н. В.», болѣе другихъ соотвѣтствующему современнымъ требованіямъ, государь императоръ высоч. разрѣшить соизволилъ, согласно ходатайства издателя, расширить предѣлы ея программы, предоставить ей право помѣщенія политическихъ извѣстій и частныхъ объявленій и превратить изъ еженедѣльной газеты въ ежедневную».

Одновременно въ совершенно конфиденціальномъ письмѣ Валуевъ добавилъ: «Въ послѣднее время русскіе журналы и газеты, начинающіе имѣть у насъ большое вліяніе на общественное мнѣніе, стали направлять оное враждебно къ существующему порядку и дѣйствіямъ правительства. Чтобы предупредить опасныя отъ этого послѣдствія и во-время противодѣйствовать такому вредному вліянію прессы, нужно нынѣ же употребить одинаковое съ нею оружіе

¹⁾ Константинъ Карловичъ Гротъ имѣлъ большое вліяніе на министра финансовъ, какъ своего начальника.

²⁾ Н. Ф. Павловъ.

³⁾ Ежедневная газета «Наше Время».

Для сего, по мнѣнію моему, прежде всего надлежитъ тѣмъ правительственнымъ газетамъ и журналамъ, которые существуютъ издавна и приобрѣли уже многочисленный кругъ читателей, сообщить постепенно другое направленіе, болѣе согласное съ видами правительства. Эта мѣра, несмотря на ожидаемую отъ нея пользу, не можетъ, однакоже, быть принята отдѣльно и исключительно. Нѣтъ сомнѣнія, что публика при содѣйствіи другихъ изданій, находящихъ прямую и матеріальную прибыль въ упадкѣ своихъ соперниковъ, заподозритъ правительственные газеты. Для отвращенія сего нужно искать содѣйствія въ той самой средѣ, противъ вліянія которой предстоитъ дѣйствовать. Поэтому, если нужно полагать преграды вліянію вредному, то едва ли еще въ большей мѣрѣ правительство обязано покровительствовать тѣмъ частнымъ изданіямъ, въ стремленіи которыхъ оно встрѣчаетъ явные залого общественнаго спокойствія и порядка.

«Въ этихъ видахъ я имѣлъ счастье 20 сего октября повергнуть на высоч. благоусмотрѣніе предположеніе мое объ оказаніи покровительства издаваемой въ Москвѣ г. Павловымъ газетѣ «Наше Время» нѣкоторымъ денежнымъ вспомошествованіемъ, расширеніемъ предѣловъ ея программы для увеличенія круга ея читателей, предоставленіемъ ей права помѣщать политическія извѣстія и превращеніемъ изъ еженедѣльной въ ежедневную газету. Г. и., одобливъ такое предположеніе, высоч. повелѣтъ соизволилъ предоставить министерствамъ нар. просвѣщенія и вн. дѣлъ окончательно опредѣлить, по взаимному соглашенію, тѣ условія, на которыхъ могло бы быть разрѣшено преобразование газеты «Наше Время», и тѣ пособія, которыя со стороны правительства могли бы быть оказаны ея издателю, не выходя изъ заранѣе опредѣленнаго для сихъ пособій крайняго размѣра».

Павловъ представилъ министру нѣсколько памятныхъ записокъ, содержащихъ его пожеланія: о платѣ за отправку газеты изъ Москвы по губерніямъ по 1 р. 50 к., а за доставку изъ Москвы въ СПб. и по Москвѣ—50 к., разрѣшеніе подписаться на иностранные журналы въ петерб. почтамтѣ и получать ихъ въ моментъ прихода поѣзда; получать иностранные журналы безъ просмотра цензуры (какъ имѣлъ право «Русскій Инвалидъ» и др.); получать по телеграфу депеши политическія и биржевыя, и притомъ по пониженному тарифу; получать въ тотъ самый день, раньше напечатанія, всѣ высоч. приказы по министерству вн. дѣлъ.

Валуевъ предоставилъ въ распоряженіе Павлова свой министерскій телеграфъ, казенную субсидію и поручилъ его газету особой любезности своего вѣрнаго товарища А. Г. Тройницкаго. Такимъ образомъ, правительство имѣло въ СПб. офиціальныи

органъ—«Сѣверную Почту», а въ Москвѣ—офиціозъ «Наше Время». Кн. Горчаковъ тоже не могъ протестовать и согласился на п. X программы «Нашего Времени»: «телеграфическія депеши о политическихъ событіяхъ и о денежныхъ курсахъ на главныхъ рынкахъ Европы. Эти свѣдѣнія будутъ передаваться въ редакцію газеты по телеграфу одновременно съ СПБ. и будутъ сообщаться публикѣ прежде полученія петербургскихъ газетъ».

1 января 1862 г. Павловъ поздравлялъ Валуева съ новымъ годомъ и сообщилъ, что въ московскомъ цензурномъ комитетѣ «показываютъ всѣмъ желающимъ бумагу или письмо, гдѣ приказывается цензуровать меня милостивѣе за мою извѣстную благонамѣренность». «Мнѣ говорили еще въ СПБ, что изъ III Отдѣленія идетъ слухъ о томъ, что я проданъ правительству, а теперь здѣсь утверждаютъ иные, что это сдѣлалось извѣстно имъ отъ г. Потапова. Такимъ образомъ цензура и III Отдѣленіе, давно уже помѣщенные общественнымъ мнѣніемъ Европы въ число рыцарскихъ установленій, глава цензоровъ и глава шпіоновъ возмутились моею недобросовѣстностью и распространяютъ невыгодное мнѣніе о человѣкѣ, которой не дѣлалъ, подобно имъ, никакихъ уступокъ и не торговалъ совѣстью. Я, какъ писатель, безукоризненъ и такимъ останусь. Ваше пр—во приведете, можетъ быть, для памяти, что я имѣлъ честь говорить съ вами наединѣ. Это были не хитрыя слова, чтобы закрасить ими дѣло, нѣтъ, а чистосердечное убѣжденіе. Я буду издавать газету въ томъ духѣ, въ какомъ намѣренъ былъ издавать два года тому назадъ; я, какъ и всѣ мыслящіе, благородные люди, думаютъ, что должны по долгу гражданина оказать, въ мѣру ихъ силъ, содѣйствіе правительству, поддержать его, сражаться съ умственной анархіей, изъ которой ни въ какомъ случаѣ толку не выйдетъ; правительство само раздѣляетъ наше убѣжденіе, и вотъ оно же, въ лицѣ своихъ представителей, старается мѣшать такому, кажется, не предосудительному дѣлу». «Я въ короткое время съ скудными средствами успѣлъ многое, почти все сдѣлано для начала, устроилъ типографію, составилъ редакцію изъ людей даровитыхъ, чистыхъ, безукоризненныхъ, которыми не всякій редакторъ можетъ похвалиться; я изложилъ имъ со всею откровенностью, ибо въ этомъ отношеніи мнѣ скрывать нечего, направленіе, духъ газеты; они во всемъ согласны со мною, принялись за дѣло съ жаромъ—и вдругъ г. Щербининъ бросаетъ мнѣ бревно подъ ноги. Защитите меня, какъ вы знаете, отъ III Отдѣленія и отъ воронцовскаго лакея. Дешешъ я не получилъ. Это была бы совершенная бѣда, но какъ вчера было воскресенье, а сегодня табельный день, то, согласно моей программѣ, я не обязанъ выдать газеты ни сегодня,

ни завтра; первый нумеръ явится въ среду, но если завтра я не получу вечеромъ депешъ, то не знаю, что и дѣлать; на первый разъ не сдержатъ обѣщанія, даннаго публикѣ,—это гибель изданія». Вообще, видно, что московская цензура порядочно допекала Павлова.

14 января Павловъ писалъ министру внутр. дѣлъ: «Я еще не знаю вашего мнѣнія о газетѣ, которое, помимо вашего высокаго званія, чрезвычайно мнѣ любопытно. Слухи, распространяемые самими чиновниками правительства, начинаютъ здѣсь падать. Газету одобряютъ. Это я слышу со всѣхъ сторонъ. Изъ СПБ., изъ двухъ становъ получилъ извѣстіе, что она нравится даже врагамъ моимъ. Но теперь идетъ другой слухъ: говорятъ, что я не выдержу, недостанетъ средствъ. Нѣкоторые петербургскіе издатели показываютъ особенную злобу и даже петерб. книгопродавцы, которые съ ними въ близкихъ сношеніяхъ, вредятъ мнѣ. Но это не опасно. Мнѣ кажется, что по тому сочувствію, которое они возбудили въ моихъ сотрудникахъ, распространеніе ея непріятно. Но нужна настойчивость. Думаю, что ясно видно, что люди пишутъ по убѣжденію, безпристрастно и не поддаются подъ (слово не разобрано—*М. Л.*). Сдѣлайте милость, в. пр—во, хоть двумя строками сообщите мнѣ ваше мнѣніе».

А цензура все давила Павлова, требовала утренняго представленія матеріала и т. п. 31 января онъ писалъ: «Пущенный слухъ здѣсь совершенно падаетъ; теперь идетъ другой: что Чичеринъ продался за три тысячи рублей». Матеріальное положеніе газеты было трудно; предлагали устроить товарищество, но Павловъ, предвидя хорошіе барыши послѣ перваго труднаго времени, отказался. «Я нахожусь въ совершенной необходимости просить у васъ незначительнаго кредита, хотя расходы велики. Мнѣ нужно немного и не вдругъ. Безъ 3000 р. въ мѣсяцъ я не обойдусь. Эта надобность мнѣ продолжится не болѣе, какъ 3—4 мѣсяца. Съ меньшей суммой нельзя было бы предпринимать такое изданіе». 7 февраля: «Примите, в. пр—во, душевную благодарность за подкрѣпленіе моихъ слабѣющихъ силъ. У газеты есть всѣ данныя, чтобъ она шла хорошо, только-бы матеріальныя затрудненія не помѣшали ей. Позвольте просить васъ отправить первую уплату по почтѣ по слѣдующему адресу: ея высокородію Натальѣ Осиповнѣ Танненбергъ (гражданская жена Павлова—*М. Л.*), на Зубковскомъ бульварѣ, въ домѣ Мацнева, противъ Земледѣльческой школы. Не угодно ли вамъ будетъ послать черезъ вашего управляющаго, а не черезъ чиновника. На чье имя прикажете доставить расписку? Я бы желалъ получить какъ можно скорѣе».

Валуевъ представилъ нѣкоторыя статьи «Нашего Времени» государю. Къ 7 марта газета имѣла 1200 подписчиковъ, изъ нихъ

80 даровыхъ и ...700 даровыхъ за недоставку газеты въ 1861 г. Въ С.П.Б. было 125 подписчиковъ, а 50 экз. посылались на комиссію. У «Москов. Вѣдомостей» подписка сократилась на 2000.

Въ апрѣлѣ Павловъ сообщилъ Валуву, что вел. кн. Елена Павловна говорила Чичерину о компаніи для изданія «Н. Вр.» и потребовала, чтобъ онъ сообщилъ ей отвѣтъ, который получить отъ А. В. Веневитинова, изъявившаго желаніе составить товарищество для поддержанія газеты. «Полагаю, что съ этой стороны все окончится словами, и болѣе возлагаю надеждъ на васъ». «Компанія, такъ или иначе, я полагаю, образуется, но до тѣхъ поръ убѣдительно прошу васъ подкрѣпите мои силы. На это короткое время не оставьте уже газету. Мнѣ каждый день теперь дорожъ».

Валуевъ узналъ, очевидно, отъ цензуры, что въ апрѣльской книжкѣ «Современника» (появилась въ С.П.Б. 15 мая) выйдетъ статья Чернышевскаго «Научились ли?», и приказалъ Павлову приготовить отвѣдъ. 18 мая Павловъ извѣщалъ министра, что книжка еще не получена въ Москвѣ, но статья не замедлитъ появиться вслѣдствіе ея приходомъ; (въ № 107 «Нашего Времени» отъ 22 мая помѣщена передовая статья). «Убѣдительно прошу в. пр.—во помедлить. Возраженіе необходимо. Если возразить одинъ циркуляръ, это, мнѣ кажется, ужасно. Я предвижу, что сказано, и знаю, что сказать. Надо бы предоставить «Современнику» свободу умирать своею смертію. Мнѣнне начинаетъ вооружаться противъ него. Оказывается, доля вліянія и «Нашего Времени»... Съ Веневитиновымъ я коротокъ съ юности, да онъ хочетъ устроить дѣло такъ, чтобъ, употребивъ много денегъ, протрубивъ на весь міръ, уложить совсѣмъ газету въ одну недѣлю. Теперь у насъ есть будущность, а онъ хочетъ отнять всякій лучъ надежды. Онъ полагаетъ, что стоитъ собрать деньги—и газета будетъ; и ему первый Чичеринъ писалъ, что *если не такъ сдѣлать, какъ я полагаю*, то чтобъ на него и не рассчитывали. Другіе мои сотрудники то же скажутъ. Я готовъ на всякій денежный контроль. Въ лицѣ моемъ, въ лицѣ моей газеты уронится партія благомыслящихъ людей, представится явное доказательство, что у принципа, который взяли они защищать, нѣтъ жизненной силы. Мнѣ страшно объ этомъ и подумать». А. В. Веневитиновъ отъ компаніи уклонился; Еленѣ Павловнѣ Чичеринъ объ этомъ написалъ за границу, «но гдѣ же ей тамъ заняться этимъ вопросомъ?». «Не желая нисколько придавать важности моему изданію, — писалъ Павловъ 24 мая,—да и не имѣя надобности, ибо вы лучше меня знаете, насколько оно нужно и полезно, я не могу не замѣтить, что оно теперь необходимѣе, чѣмъ было 6 мѣсяцевъ тому назадъ. Что первое «Н. Время» сказало, то теперь стали

повторять петербургскія газеты, но въ такой формѣ, съ примѣскою такихъ мыслей и чувствъ, что, можетъ быть, лучше было бы остаться при однихъ врагахъ, чѣмъ имѣть такихъ друзей. Хотя бы статья «Сѣв. Пчелы» въ защиту статьи «Учиться или не учиться». Стоитъ ее прочесть, чтобъ получить отвращеніе къ дѣлу, которое они защищаютъ. Не знаю, довольны ли вы моей статьей. Здѣсь мнѣ ее хвалятъ. У многихъ это было по душѣ. Что же мнѣ дѣлать, в. пр—во? Я просто погибну. Не разрѣшите ли написать письмо къ государю? Если мнѣ обѣщаютъ ссуду на годы, я выплачу... Хочется мнѣ написать о прокламаціяхъ. Не знаю, пропустить ли цензоръ. Это очень нужно бы. Здѣсь явились такія, что перещеголяли Марата».

10 іюня: «Меня ожидаетъ такой срамъ, о какомъ я и не грезилъ въ цѣлую жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и позоръ идеи, которой моя газета служить выраженіемъ. Пожары пришли на мою бѣду. Тутъ ужъ, конечно, было не до составленія компаній. Теперь моя газета нужнѣе, чѣмъ прежде. Теперь ея матеріальный успѣхъ болѣе несомнѣненъ, а я между тѣмъ рѣшительно не имѣю никакихъ средствъ продолжать. Я предвидѣлъ, что первый годъ будетъ тяжелъ, и началъ газету съ такой увѣренностью, что, если она будетъ хороша, то меня поддержать... В. пр—во въ лицѣ моемъ нашло людей честныхъ, независимыхъ, съ талантами, съ знаніями; ихъ убѣжденія въ главныхъ чертахъ таковы, какія желательны; такъ именно этихъ-то людей, въ лицѣ моемъ, слѣдуетъ предать позору. Для меня это непонятно, да не пойметъ и никто. Со всѣхъ сторонъ хвалятъ, пишутъ изъ СПб.: «продолжайте, продолжайте, вы первый заговорили дѣло, нужно время, еще время» и проч. — и никто не подумаетъ пріобшиться къ дѣлу, чтобъ оказать ему серьезное содѣйствіе. О, Русь, мать героев!» «Вся надежда на васъ. Нельзя ли, что я пишу, повергнуть возрѣнію государя императора? Деньги я заплачу, если буду живъ. Мнѣ нужна помощь немедленная. Если вы найдете это возможнымъ, то прошу выслать по *друіому* адресу: Евгеніи Александровнѣ Танненбергъ, на М. Дмитровкѣ, въ домѣ Шубиной. Я поставилъ себя въ страшную зависимость и вѣрьте, что мнѣ это нелегко».

Государь былъ доволенъ газетой, что и говорилъ Валуеву, а, между тѣмъ, финансовая часть ея была въ не лучшемъ положеніи, по крайней мѣрѣ, по словамъ Павлова. Эта оговорка очень важна: кто не знаетъ, какъ любилъ пожить Н. Ф. и какъ много проигрывалъ въ карты; именно это-то и заставило Валуева не такъ часто, какъ хотѣлось бы, открывать казенный сундукъ. Въ іюнѣ Павловъ писалъ ему, что кредитъ его подорванъ неуплатой въ

опекунскій совѣтъ взятыхъ подъ имѣніе жены (Танненбергъ, а не К. К. Павловой—*М. Л.*) 12,000 руб. «Я убѣжденъ, что вы помогли бы мнѣ, но у васъ есть свои затрудненія, своя борьба, гдѣ отсутствіе идей, эта русская болѣзнь, служитъ камнемъ преткновенія. Между тѣмъ, вся надежда у меня только на васъ. Дѣло идетъ о жизни и смерти для меня. Я увѣренъ что, если газета прекратится, то многіе пожалѣютъ. Въ самомъ дѣлѣ неловко будетъ, что люди, которые поддерживали власть по искреннему убѣжденію и съ талантомъ, опозорятся». Благодаря вліянію Валуева, воен. министръ Д. А. Милютинъ приказалъ печатать въ «Н. В.» объявленія министерства. Павловъ хотѣлъ хлопотать о томъ же и по другимъ вѣдомствамъ. Одновременно онъ разсчитывалъ на помощь московскаго купечества черезъ ген.-губернатора Тучкова. «Если напишете ему то ради бога не сдѣлайте какого-либо намека, который представилъ бы меня не какъ человѣка, дѣйствующаго не по убѣжденію. Военный министръ предлагаетъ мнѣ изданіе «Инвалида» съ полной независимостью и съ блестящими надеждами, но этого предложенія, какъ вамъ извѣстно, я принять не могу да, сверхъ того, и не желаю».

Вскорѣ Павловъ писалъ, что бар. Раденъ увѣдомила Чичерина объ интересѣ, съ которымъ в. кн. Елена П. относилась къ «Н. В.», и о распоряженіяхъ, данныхъ ею Абазѣ, который въ іюлѣ будетъ въ тамбовской деревнѣ и тамъ поговорить съ Чичеринимъ. «Смѣю просить васъ забыть, что я писалъ о Тучковѣ. Это—бредъ воображенія».

Въ іюлѣ Валуевъ ясно далъ понять Павлову, что ему надобно дать его постоянныя просьбы. «Скрѣпя сердце и заглушивъ всѣ мои привычныя чувства,—отвѣчалъ публицистъ,—отправился я къ кн. Мещерскому съ вашей запиской, хотя послѣднія строки ея заставляли меня долго колебаться. Князь и княгиня приняли меня радушно, какъ стараго знакомаго, и онъ чрезвычайно удивилъ меня, сказавъ, что все сдѣлано, что Бобринскіе, Строгановы, Шуваловы подписались, что онъ самъ видѣлъ списокъ, что это было еще въ мартѣ или апрѣлѣ. Объ Веневитиновѣ кн. Мещерскій не зналъ. Вслѣдствіе нашего разговора, онъ обѣщаль въ ту же минуту написать въ СПБ., припоминалъ съ княгиней, кто еще теперь въ СПБ., и обѣщаль дать мнѣ знать немедленно; о газетѣ сказалъ, что она не должна прекратиться, а въ Москвѣ нашель, согласно со мною, что дѣлать нечего... Нѣтъ ли какого-либо средства въ виду состоявшейся подписки поддержать мою газету? Въ концѣ августа или сентября я явлюсь въ СПБ. и деньги, полученныя теперь, всѣ заплачу изъ той суммы, которая соберется».

15 октября 1862 г. Павловъ писалъ Валуеву: «М. Г. Петръ Александровичъ, канцелярія в. пр.—ва требуетъ съ меня денегъ за телеграфическія извѣстія, и я опять долженъ прибѣгнуть къ вашей благосклонности и просить дать мнѣ отсрочку. Къ этой покорнѣйшей просьбѣ долженъ присоединить и другую: не угодно ли вамъ будетъ разрѣшить присылать мнѣ по телеграфу же извѣстія о самыхъ важныхъ внутреннихъ событіяхъ, какъ, напр., отставка г. Чевкина или какое-нибудь происшествіе въ Польшѣ? Этихъ извѣстій будетъ очень немного, сумма за нихъ ничтожная, и она не обременитъ моего долга; а при отправленіи ихъ по казенной проволоцѣ я не буду платить вдвойнѣ. Не знаю, какова судьба ожидаетъ мое изданіе. К. Мещерскій увѣдомилъ меня, что компанія не составляется. Великая княгиня въ чужихъ краяхъ. Инструкція, присланная ея высочествомъ къ г. Абазѣ, не возымѣла еще послѣдствій, ибо г. Абаза пропалъ гдѣ-то въ Кіевской или Тамбовской губерніи. Подъ гнетомъ стѣсненныхъ обстоятельствъ веду дѣло не такъ, какъ бы желалъ и какъ бы могъ» (Архивы мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 10, мин. нар. просв., дѣло № 151993 и П. Я. Дашкова).

1801. Ерническій тонъ русскихъ газетъ.

Рядомъ съ *цикорнымъ* аристократизмомъ Н. Ф. Павлова не мѣшаетъ указать на невѣроятную дерзость благородныхъ разночинцевъ, издающихъ у насъ журналы. Въ 16 № «Сѣв. Почты» мы читаемъ:

«Типъ русской женщины купеческаго быта. Изъ Волоколамска отъ 6 ноября пишутъ, что въ двухъ верстахъ отъ красновской мельницы замерзла на дорогѣ въ городъ тамошняя купчиха Анна Ивановна Смирдина, вывалившись изъ саней въ нетрезвомъ видѣ, при возвращеніи со свадьбы съ дочерью и кучеромъ, которые, бывъ также въ нетрезвомъ видѣ, ее оставили».

Кто далъ это грубое, дикое заглавіе? *Официозная «Пчела»* или *официальная «Почта»*? А мы еще недавно дивились, что какой-нибудь Чевкинъ не пускаетъ въ казенный садъ купцовъ! Натура-то чиновничья, шляхетская,—нѣтъ-нѣтъ, да, какъ старый сифилисъ, и высыпетъ.

1802. Не будь ни А-поллосовъ, ни Павловъ.

(посл. къ Коринѣ. ¹)

«И не вводи во искушеніе Головнина», прибавимъ мы. Говорятъ, что онъ далъ первый напругай московской цензурѣ за «День» ²)... Лиха бѣда—первый шагъ, увлекательно... Очень жаль, что онъ его сдѣлалъ. И, добро бы, онъ вступился за бѣдную Польшу, которую любить пошколить *великорусская* повременница ³). Въ самомъ дѣлѣ что-нибудь одно: или надо дать право полякамъ отвѣчать, или отнять право у заносчивыхъ побѣдителей добывать несчастный народъ патриотическимъ словонеистовствомъ. Осадное положеніе *faça da se* ⁴) и не имѣеть необходимости въ *осадной* журналистикѣ.

Но «*Indépendance Belge*» говорить, что дѣло стало не изъ поляковъ, а изъ календаря и вышло изъ того, что «День» не совпадаетъ съ *нашимъ временемъ* ⁵). Боляринъ Павловъ-Мурминскій, также князь Суворовъ-Рымникскій любятъ аристократію, и оба защищаютъ ее: боляринъ Павловъ въ «Нашемъ Времени», Суворовъ въ своемъ городѣ ⁶). Оба, какъ римскій помѣщикъ Катонъ, «любятъ побѣжденныхъ». А потому и неудивительно, что одинъ изъ сановниковъ, именно Павловъ, сталъ ихъ отстаивать противъ *дневного* свѣта. Само правительство, видя несчастное положеніе сего главнаго въ имперіи сословія, предоставило ему на дняхъ въ неотъемлемое владѣніе право *воспоминанія о великихъ дѣяніяхъ его предковъ*. Но Павловъ не можетъ на это согласиться: до «Нашего Времени» ему нечего вспоминать. Хорошо демократничать человѣку, у котораго есть *семейная хроника* ⁷) (и нѣтъ на душѣ мурминскаго усмирения)... Все это, можетъ быть, и такъ, но Головнину-то зачѣмъ было мѣшаться?. Подождаль бы еще *день-другой*, можетъ, и такъ обошлось бы.

¹) Аполлосъ, или Аполлъ,—ученый и краснорѣчивый еврей, получившій подробное наставленіе въ ученіи Христовомъ. Въ Коринѣ любовь къ нему учениковъ породила нѣкоторое раздѣленіе въ церкви, о чемъ ап. Павелъ и писалъ коринѣянамъ: «Я разумѣю то, что у васъ говорятъ: «я Павловъ», «я Аполлосовъ», «я Кифинъ», «а я Христовъ», (гл. 1, 12). «Кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и притомъ поскольку каждому далъ Господь» (гл. 3, 5).

²) Газета И. С. Аксакова.

³) «День».

⁴) Постоить за себя.

⁵) Т.-е. не поеть въ унисонъ «Нашему Времени».

⁶) Спб. генераль-губернаторъ.

⁷) И. С. Аксаковъ, сынъ автора «Семейной хроники»—С. Т.—ча.

◆ 1. Вл. И. Ламанскій писалъ послѣ этого И. Аксакову: «...теперь много появилось такихъ поклонниковъ народности. Разумѣется, Г—нъ ихъ родоначальникъ. Для меня эти друзья русскаго народа, ругающіеся надъ вѣрою и церковью, такъ же смѣшны, нелѣпы и жалки, какъ и матеріалисты, проповѣдующіе любовь и свободу» («Рус. Мысль» 1917, III—IV, 61).

1803. Возобновленіе клеймъ.

Забѣтятся о сохраненіи историческихъ воспоминаній нашего дворянства, правительство не упускаетъ изъ вида сохранять ихъ и на лицахъ податного состоянія. На дняхъ русскія газеты сообщили намъ высочайше одобренныя правила о томъ, въ какихъ случаяхъ *возобновлять клейма* на лицѣ преступниковъ, которыя отъ времени изгладятся... Ноздри рвать радикальнѣе: перегородка никогда не выросла... Пусть Мамай радуется въ вѣчномъ кочевьѣ своемъ: если

Русскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе за Донъ отыскивать свободы,

его и побѣдили, то сдѣлались сами зато навѣки вѣковъ истыми монгольскими татарами да еще не Золотой, а византійской орды.

1804. Статья М. А. Бакунина.

Мы печатаемъ въ прибавочномъ листѣ *первую* статью Бакунина ¹⁾. «Колоколу» по праву принадлежитъ его слово, молчавшее такъ долго и не утратившее своей крѣпости и энергіи ни въ казематахъ, не въ снѣжныхъ пустыняхъ.¹

◆ 1. 9 января 1862 г. Арнольдъ Руге писалъ Валесроду, просившему у Герцена и Бакунина статей для демократическаго журнала: «Бакунинъ, кажется, еще болѣе русскій, чѣмъ Герценъ; его тщеславный отвѣтъ, съ которымъ онъ обратился къ Мейзенбугъ, чтобы она перевела изъ «Колокола» его устарѣлую статью, не заставилъ бы меня на его мѣстѣ написать молодой дамѣ. Русская революція дѣлаетъ русскихъ, держащихъ ее на откупѣ, какъ Герценъ и Бакунинъ, еще безстыднѣе, и я готовлюсь услышать самы

¹⁾ «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ».

пламенныя рѣчи о «молодости» Россіи и объ «отжившей», гнилой Германіи» («Arnold Ruge's Briefwechsel und Tagebuchblätter» etc., II, 217).

Въ этомъ письмѣ отлично выражено общее отношеніе Руге къ Герцену и его сочиненіямъ.

1805. Приписка къ М. К. Рейхель.

19 фев. 1862.

1, Delamere cres., Upper Westbourne terrace.

Ужъ какъ я, нехристь, виновать-то, и сказать не могу, и вообразить не смѣю, и во снѣ увидѣть боюсь. Туда, сюда, никуда, а время все

пѣ—тухъ

пѣ—тухъ

тириририри—бумъ!

Ну, да, слава богу, всѣ здоровы и васъ помнятъ.

Голицыну разрѣшено ѣхать въ Россію, въ силу чего, кажется, онъ остается здѣсь.

Получили ли статью Бакунина?

Рейхеля обнимаю.

1806. Письмо къ И. С. Тургеневу.

20 февраля (1862).

Я жду тебя.

Любезнѣйшій Тургеневъ, податель сего—самъ Трюбнеръ; при-ми его съ изяществомъ; онъ особенно желаетъ знать твое мнѣніе хотя вопроса, о чемъ, онъ и не составилъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣятельный и очень полезный книгопродавецъ

Вотъ ты меня и славянофиломъ матюкнулъ, а самъ какихъ Хореи съ Калинычемъ вывелъ.

Читалъ ли статью Щапова въ «Отечественныхъ Запискахъ» ¹⁾?

До субботы 12 часовъ не ложусь спать и жду тебя.

Прощайте, Т. s. v. p. ²⁾.

¹⁾ «Земство и расколъ» въ I кн. 1862 г.

²⁾ Tournez, s'il vous plaît—переверните, пожалуйста.

Читалъ ли ты новую брошюру Шедо-Ферроти? забавно и, очень. Правда ли, что онъ Фирксъ? а Долг. пишетъ, что онъ по III Отд.

Если можешь что-нибудь для Трюбнера по Парижу, то сдѣлай.

1807. Письмо къ И. С. Тургеневу.

22 (февраля 1862).
Orsett House, Westb. terrace.

Я очень радъ, что ты не приѣдешь. Ты разрушишь одну изъ самыхъ интересныхъ ореоль, одинъ изъ самыхъ пахучихъ нимбовъ—восточныя чары и пр... и пр.

1-го августа было 1-ое письмо въ Торки ¹⁾).

1 февр.—последнее съ срокомъ. И ты еще объясняешь—злочастивнѣйшій охотникъ.

Я пишу къ тебѣ для того, чтобъ узнать, какъ къ вамъ попалъ Голов. ²⁾, что онъ дѣлаетъ и правда ли, что на-дняхъ будетъ.

Читалъ ли 2-ю брош. Шедо-Ферроти противъ меня? Дѣло становится яснѣе и яснѣе... они меня обходятъ и хотятъ поймать на дерзость какого-нибудь спадасина... это не весело, хоть и скучно.

Противъ Блюмера, кажется, врутъ; онъ мнѣ прислалъ коррек. листъ своего журнала—ничего дурного нѣтъ.

Напиши строку.

Ласкалъ ли ты Трюбнера?

1808. Русская заграничная литература.

Въ Берлинѣ вышла I книга новаго русскаго журнала «Свободное Слово.» Программа написана въ духѣ примирительно-прогрессивномъ и независимомъ. Успѣхъ такого органа намъ кажется несомнительнымъ. Издатель «Свободнаго Слова» — г. Шнейдеръ, редакторъ—Л. Блюмеръ.

Тамъ же вышла III часть превосходно составленныхъ «Материаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ». ¹

¹⁾ Тоугуау.

²⁾ И. Г. Головинъ.

◆◆ 1. Агентомъ Бруннова въ Лондонъ былъ Strauss, подписывавшій свои донесенія псевдонимомъ «Charles Todt». 8 марта Брунновъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что «корреспонденціи Герцена изъ СПб. и Москвы всегда пріостанавливаются; вотъ почему «Колоколь» такъ *бѣденъ*. Это его выраженіе съ нѣкоторыхъ поръ. Но онъ надѣется получать оныя чрезъ посредство русскаго студента въ Берлинѣ». III Отдѣленіе умозаклѣчило, что то былъ, вѣроятно, Леонидъ Блюммеръ...

15 марта оберъ-прокуроръ синода Ахматовъ просилъ кн. Долгорукова сдѣлать распоряженіе по почтовому вѣдомству о скорѣйшемъ составленіи списка всѣхъ лицъ духовнаго вѣдомства, къ которымъ за послѣднее время были адресованы различныя письма, и, вообще, имѣть наблюденіе за ихъ заграничной корреспонденціей (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. I эксп. 1861 г., дѣло № 556).

1809. (Императорская ложа и отмороженная рука солдата).

*И еще помолимся о христіанствѣ воинствъ нашихъ!
Господу помолимся!*

Мы получили письмо, которое обдало насъ какой-то своего рода безвыходной тоской. Мы напечаталъ его содержаніе, но выйдетъ ли изъ этого толкъ, сомнѣваемся. Если-бъ въ фактъ, который мы укажемъ, былъ умыселъ, з оупотрѣсеніе, можетъ, кто-нибудь и вступился бы, но тутъ чистая ненужность и чистое пѣвшательство. Говорятъ, что военный министръ ¹⁾ умный и хорошій челвѣкъ; просимъ его прочитатъ слѣдующія строки: «Съ 6 на 7 января 1862 въ Москвѣ морозъ доходилъ до 2°. Солдатъ, стоявшій нѣсколько часовъ часовымъ въ театрѣ при пустой императорской ложѣ (запертой на ключъ и запечатанной директорской печатью), возвращаясь съ караула, отморозилъ себѣ руку между прочимъ, и оттого, что рукавица была худая. Солдатъ этотъ находится въ госпиталѣ; *ему отняли всю кисть руки.*

«Солдаты должны приходять за часъ до начала спектакля, т.е. въ 6 часовъ, и простоять подъ ружьемъ, передъ запертыми дверьми ложи до конца спектакля. Т.е. до 12 часовъ. Изъ казармъ солдаты идутъ въ 5 часовъ безъ ужина, а возвращаются послѣ ужина, т.е. остаются голодными».

Зачѣмъ эта ненужная, безсмысленная пытка?

1810. Ученая Москва.

Мы получили еще три письма о московскомъ университетѣ, — черныя, печальныя письма... Пусть насъ опять осмѣютъ за то, что

¹⁾ Д. А. Милютинъ.

у насъ есть человѣческое сердце, но мы не скроемъ глубокой боли, съ которой мы чигали эти письма. Мы не лжемъ на себя ни чувствъ, ни безчувствія. Намъ дорога память о московскомъ университетѣ и о московскомъ кругѣ нашемъ. Мы хранимъ пизгетъ къ друзьямъ юности и къ московской alma mater; въ ея аудиторіяхъ провели мы святѣйшія минуты юности и вѣности безъ ранъ на спинѣ всѣ оскорбленія николаевскаго деспотизма; тамъ сѣужилась, окрѣпла та мысль борьбы, которой мы остались вѣрны; оттуда мы разсѣялись по ссыткамъ и тамъ собрались черезъ нѣсколько лѣтъ около кафедръ Грановскаго... Грчовскаго... Какъ тяжело становится при его имени... Теперь нашъ чередъ сказать о немъ то, что онъ сказалъ о Блинскомъ: «блага умершему во-время!»¹⁾ Въ 1849 году гнетъ былъ внѣшній; тамъ, куда не досягало ни ухо жандарма, ни рука квартальнаго, тамъ было чисто... А теперь?...

И, будто, въ эгихъ гнусностяхъ участвовали др. зья, товарищи, ставленники Грановскаго?

Кто они?... Тѣ, когорые докраснѣють, читая наши строки, тѣ, когорые почувствуютъ, что, какъ ни кричи, а что-то неладное на совѣсти не перекричишь!

А если и такихъ нѣтъ?

Благо умершему во-время!

Письма, о которыхъ идетъ рѣчь, очень опоздали. Одно изъ нихъ представляеть полную исторію университетскаго дѣла, оно будетъ помѣщено въ слѣдующемъ листѣ; изъ двухъ остальныхъ мы выписываемъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Надѣмся, что писавшіе ихъ увѣрены въ фактахъ, которые они намъ сообщаютъ. И снова напомнимъ нашимъ корреспондентамъ, что всякій ризъ, крѣдъ они достизаютъ намъ невѣрные слухи, извѣсти, взявъ съ нихъ преувеличенія духомъ партіи (какъ это было весьма недавно²⁾), они на нихъ дѣлають гораздо больше вреда, чѣмъ въ Шуваловы съ своими вольными и временно-обязанными слушателями.³⁾

◆ I. Эготъ нумеръ «Колокола» былъ посланъ Герценомъ на имя совѣта московскаго университета; послѣдній не пожелалъ полу-

¹⁾ «Полярная Звѣзда» на 1859, стр. 216. А. И. Г.

²⁾ Намекъ на письмо Л. П. Бююмера «Злѣчта московскихъ профессоровъ», помѣщенное въ № 119-120 «Колокола» за его полной подписью.

³⁾ Слѣдуютъ выдержки изъ писемъ, характеризующя Ешевскаго, С. М. Соловьева, Н. Ф. Павлова, бр. Коршай и Бабста, какъ вполне сочувствующихъ реакціонной проповѣди Чичерина. †

читать его и просилъ ректора представить листъ по начальству (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1834 г. I эксп., дѣло № 239, ч. 10).

1811. «Ятаганъ», убитый аукціономъ.

«Ятаганъ» ¹⁾ убитъ аукціономъ! *Послѣднія цѣны на Павловыхъ въ Москвѣ не слишкомъ дороги.* «Свободное Слово» въ *первомъ выпускѣ* печатаетъ слѣдующее торговое извѣстіе о покупкѣ правительствомъ за 25,000 р. Павлова, Николая Филипповича: «Павловъ самъ накупился, т.-е. предложилъ свои услуги. Ему даже было отказано одинъ разъ,—такъ онъ съѣздилъ въ Петербургъ, побывалъ у Вяземскаго и Долгорукова и получилъ вспоможеніе на изданіе своей полезной газеты» «Какого Вяземскаго?»—спрашиваетъ наивно редакторъ «Свободнаго Слова»,—«неужели Петра Андреевича?» Что же тутъ удивительнаго? Вы «уважаете остатки чело-вѣческой личности во всякомъ чело-вѣкѣ»,—это хорошо, но недурно также и *знать* личности чело-вѣковъ.

1812. Безъ масонъ.

«Я публикую мой проектъ подъ своимъ именемъ, потому что думаю, что пора намъ перестать *бояться*; потому что, желая, чтобъ съ нами перестали обращаться, какъ съ дѣтьми, мы должны перестать дѣйствовать по-дѣтски; потому что тотъ, кто хочетъ правды и справедливости, долженъ умѣть безбоязненно стоять за нихъ».

Когда мы прочли эти слова, исполненныя героической простоты, Н. Серно-Соловьевича въ предисловіи къ его замѣчательной брошюрѣ о *крестьянскомъ дѣлѣ* ²⁾, изданной въ Берлинѣ, мы были увѣрены, что отъ нихъ начнется новая эпоха заграничнаго русскаго слова,—эпоха съ открытымъ забраломъ. Это—огромный шагъ впередъ. И вотъ А. Кошелевъ издаетъ въ Лейпцигѣ свое рѣшеніе земскаго вопроса ³⁾. Не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи передать нашимъ читателямъ его предисловіе.

¹⁾ Въ 1835 г. появились «Три повѣсти» Н. Ф. Павлова, въ ихъ числѣ «Ятаганъ», и были очень привѣтливо встрѣчены прогрессивной печатью, и очень несочувственно государемъ и администраціей.

²⁾ «Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса», Берлинъ, 1861 г.

³⁾ «Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія», Лейпцигъ, 1862.

1813. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 марта (1862).
Orsett House, Westb. terrace.

Нынѣшній «Колоколъ» сдѣлаеть на васъ, Марья Каспаровна, вѣроятно, очень грустное впечатлѣніе... Вы поймете изъ начала статьи «Ученая Москва», что между нами и бывшими близкими людьми въ Москвѣ все окончено,—до ихъ оправданія. Поведеніе Коршей, Кетчера, а потомъ Бабста и всей сволочи таково, что мы поставили надъ ними крестъ и считаемъ ихъ внѣ существующихъ. Статью эту я написалъ со слезами, но, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, какъ 20... какъ 10... есть для меня святыни дороже лицъ.

Аминь.

Здѣсь опять море гадостей. Нѣмцы съ однимъ англійскимъ маньякомъ снова атаковали Бакунина, какъ русскаго агента отъ правительства. Пошла перебранка; кстати, и насъ припутали. Все это скучно. Погода къ тому же мерзкая ¹⁾).

А въ Россіи-то что дѣлается? Оба брата Бакунина ²⁾ въ крѣпости; черезъ недѣлю вы прочтете адресъ тверскаго дворянства,—подпис. 112. ¹

Затѣмъ всѣ здоровы. Рейхеля обнимаю и дѣтей тоже. О Гаугѣ, о которомъ не было ни духу, ни слуху, вдругъ вѣсть: онъ поднесъ отъ своей жены и другихъ нѣмокъ шпагу Гарибальди и въ рѣчи сказалъ, что имя Гарибальди до того велико, что въ Германіи дѣти зовуть отца и мать:

Papa—baldi.
Mama—baldi.

У васъ въ Дрезденѣ такъ же?

◆◆ 1. Въ литературѣ дѣло тверскихъ мировыхъ посредниковъ обычно смѣшивается съ общимъ дѣломъ протеста тверскаго дворянства, оставшимся безъ всякаго административнаго воздѣйствія и судебного разбирательства. Документальная сторона обоихъ дѣлъ, однако, представлена неполно и неточно, повидимому, съ искаженныхъ копій; неисправными первоисточниками слѣдуетъ считать «Колоколъ» 1862 г. (мартъ—августъ) и кн. I «Освобожденія» 1903 г.

¹⁾ См. № 1835.

²⁾ Николай и Алексѣй Александровичи.

Я нахожу нужнымъ внести точность и ясность именно въ дѣло мировыхъ посредниковъ, поскольку оно прошло въ наиболѣе интересной — административной — стадіи, и совершенно не коснулось адреса дворянства, его постановленій и пр., оставляя ихъ для особаго изслѣдованія, которое обнаружило бы, какъ легкомысленно утвержденіе «кадетствующихъ» историковъ (напр. г. Корнилова), называющихъ выступленія тверского дворянства «совершенно демократическими» (стр. 116 «Обществен. движенія при Александрѣ II», М., 1909 г.). Дамъ одну только мелкую деталь къ собранію. 3 февраля Валуевъ телеграфирональ тверскому губернатору: «Прошу пригласить Унковскаго, Европеуса и (Алексѣя Адриановича) Головачева и, напомнивъ имъ въ двухъ, что вы объ нихъ ходатайствовали, выразить ожиданіе, что они не заставятъ объ этомъ сожалѣть. Вообще, прошу васъ слѣдить за собраніемъ. Здѣсь ходятъ о немъ разные слухи. Напомните и Бровцыну, что и онъ вамъ обязанъ» (особое дѣло канц. мин. вн. дѣлъ № 45).

Я придаю серьезное значеніе выступленію мировыхъ посредниковъ и всего тверского дворянства, именно, какъ началу программнаго конституціоннаго движенія, которое, однако, наступившей реакціей было почти сразу же и сорвано правительствомъ на нѣсколько лѣтъ. 21 декабря 1861 г. тверской губернаторъ донесъ министру вн. дѣлъ о данномъ имъ разрѣшеніи на созывъ чрезвычайнаго дворянскаго губернскаго собранія къ 1 февраля для совѣщанія объ учрежденіи поземельнаго банка. Этимъ былъ нарушенъ циркуляръ министра отъ 26 августа 1861 г. по поводу собраній о земскихъ банкахъ. Не желая подрывать авторитетъ мѣстной власти, Валуевъ не нашелъ удобнымъ отмѣнить даннаго разрѣшенія. Собраніе состоялось и 4-го февраля было уже закрыто. 6 февраля гр. Барановъ донесъ, что Унковскій и Европеусъ во время засѣданій «вели себя умѣренно и не обращали на себя исключительнаго вниманія»; Головачевъ вовсе не былъ, живя въ Полтавской губ. «О земскомъ банкѣ дворяне говорили не много, и то въ первое только засѣданіе, а потомъ перешли къ разсужденіямъ о выкупѣ и къ другимъ болѣе или менѣе важнымъ для нихъ въ настоящее время вопросамъ. Результатомъ этихъ преній было прошеніе, которое дворяне намѣрены послать къ государю императору по почтѣ въ собственныя руки, что уже и исполнили. Содержаніе прошенія мнѣ не извѣстно, но я могу, все-таки, положительно сказать, что прошеніе это—о чемъ бы оно ни было написано—никакъ не выражаегъ общей мысли и убѣжденій всего дворянства губерніи, такъ какъ на съѣздѣ было всѣхъ дворянъ не болѣе 145 чел. (всего въ губерніи имѣли право голоса 940 мужчинъ и 723 женщины, а въ

выборахъ могли участвовать 555 и 181), и изъ нихъ до 10 разъ-ѣхались до окончанія засѣданій: въ пользу прошенія вотировали, какъ говорятъ, 110 чел., но набралось ли столько же подписей къ прошенію, не знаю. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что если бы на сѣздѣ было хотя двѣ трети всего дворянства губерніи, то настоящее прошеніе не состоялось бы».

На другой день губернаторъ прислалъ министру письмо отъ шт.-кап. Николая А. Бакунина отъ 6 февраля, въ которомъ онъ, какъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по назначенію правительства, просилъ объ увольненіи въ отставку. «Вслѣдствіе Заявленія несостоятельности законоположеній 19 февраля, сдѣланнаго губернскимъ собраніемъ, а вмѣстѣ съ прочими дворянами подписаннаго и мною, я по совѣсти не считаю себя въ правѣ занимать далѣе то мѣсто, которое обязывало бы меня дѣйствовать въ смыслѣ враждебномъ обществу». 9-го числа аналогичное письмо послалъ и другой членъ присусгвія отъ правительства— Алексѣй Толстой. 10 февраля Барановъ прислалъ министру копию журнальнаго постановленія губернскаго присутствія отъ 8-го числа по представленному новоторжскимъ уѣздн. предводителемъ дворянства А. Бакунинымъ заявленію нѣсколькихъ тверскихъ дворянъ, служившихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ Заявленіе это напечатано въ 126 л. «Колокола» неисправно, а потому привожу точный его текстъ:

«12 декабря 1861 года мировые посредники Тверской губерніи высказали правительству и обществу, что единственный исходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ — обязательный выкупъ и установленіе общественнаго порядка на взаимномъ довѣрїи между правящими и управляемыми; но, не считая себя въ правѣ принять это убѣжденіе за руководство своей дѣятельности, пока само общество не подтвердитъ, правильно ли оно сознали его потребности, посредники продолжали употреблять всѣ усилія для приведенія въ дѣйствіе закона 19 февраля.

«Тверское дворянство на чрезвычайномъ собраніи 1, 2 и 3 февраля сего 1862 г. прошеніемъ государю императору заявило: 1) несостоятельность закона 19 февраля, 2) необходимость предоставленія крестьянамъ земли въ собственность, 3) несостоятельность сословныхъ привилегій и 4) несостоятельность правительства удовлетворять общественнымъ потребностямъ, и указало единственный неизбѣжный къ тому путь—собраніе представителей отъ всего народа безъ различія сословій. Такое заявленіе среды общества, которое одно имѣетъ какую-нибудь возможность обсудить и высказать правительству свои потребности, подтверждающее

вѣрность личнаго убѣжденія, вынесеннаго посредниками изъ прямого сношенія съ другой средой—крестьянами, дѣлается для посредниковъ, какъ слугъ общества, нравственно обязательнымъ,— а потому мы считаемъ долгомъ принять эти убѣжденія за единственное руководство нашей дѣятельности и заявляемъ, что всякій образъ дѣйствій, противный этимъ убѣжденіямъ, признаемъ враждебнымъ обществу. Г. Тверь. февраля 5 дня 1862 г. Членъ губернскаго присутствія *Николай Бакунинъ*, мировые посредники: *Павелъ Глазенавъ*, *Николай Харламовъ*, (*Николай*) *Полторацкій*, (*Максимъ*) *Лазаревъ*, предсѣдатель новоторжскаго мирового съѣзда, предводитель дворянства *А(лексѣй) Бакунинъ*, мировой посредникъ (*Борисъ*) *Лихачевъ*, кандидатъ миров. посредника *Л(eonидъ) Ширококовъ*, предсѣдатель корчевскаго мирового съѣзда (*Сергѣй*) *Балкашинъ*, мировые посредники (*Андрей*) *Кислинскій*, (*Александръ*) *Невѣдомскій*, *А(ексѣй) Демьяновъ*, *В(асилій) Кудряцевъ*.

Три члена присутствія (предсѣдатель, исправл. должн. губернскаго предводителя дворянства и управл. палатою государств. имуществъ) считали, что для всякаго, состоящаго на службѣ, и нравственно и юридически обязательно руководствоваться законами, и что враждебенъ обществу лишь тотъ порядокъ, который основанъ не на положительномъ законѣ, а на произволѣ, а потому полагали написать объ этомъ всѣмъ подписавшимся, кромѣ Николая Бакунина, уже оставившаго свою должность, а копію журнала представить министру вн. дѣлъ. Иначе смотрѣлъ на дѣло губернской прокуроръ Тимротъ: находя заявленіе нарушеніемъ служебныхъ обязанностей, представить его правит. сенату. Постановлено было привести въ исполненіе мнѣніе большинства.

Валуевъ запросилъ мнѣніе шефа жандармовъ и министра юстиціи и въ тотъ же день, 12 февраля, представилъ государю докладъ. Послѣднему онъ придавалъ такую важность и пока секретность, что весь его написалъ собственноручно, чего, вообще, почти никогда не дѣлалось. Изложивъ вкратцѣ суть дѣла, министр писалъ: «Осмѣливаюсь думать, что этотъ поступокъ требуетъ скорого и строгаго взысканія. Съ моей стороны, полагая необходимымъ дать настоящему дѣлу немедленно самый строгій судебный ходъ, я не премину вслѣдъ засимъ представить на высоч. благоусмотрѣніе в. в.—ва мои предположенія о ближайшихъ по сему предмету исполнительныхъ распоряженіяхъ». Резолюція царя: «Подобныя противузаконныя дѣйствія не должны быть не подъ какимъ видомъ терпимы и потому всѣхъ виновныхъ слѣдуетъ предать суду. О томъ какъ привести это въ дѣйствіе, желаю чтобы вы снеслись съ Мин. Юст. и представили мнѣ общее ваше заключеніе,

въ самомъ скорѣйшемъ времени». Вечеромъ оба министра (въ началѣ совѣщанія былъ и шефъ жандармовъ) пришли къ заключенію, что слѣдовало бы: 1) командировать въ Тверскую губ. одного изъ ген.-адъютантовъ съ особымъ высоч. полномочіемъ, 2) дать ему въ помощь оберъ-прокурора сената, 3) придать къ нимъ двухъ жандармскихъ офицеровъ и двухъ чиновниковъ, 4) «предоставить въ полное распоряженіе командированнаго ген.-адъютанта нужное, по его усмотрѣнію, число офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ расположенныхъ въ губерніи частей войскъ, подчинивъ ему вообще мѣстныхъ военныхъ, начальниковъ», 5) поручить ему арестовать и доставить въ Спб. крѣпость всѣхъ подписавшихъ заявленіе, 6) о преданіи ихъ суду предоставить министру юстиціи предложить сенату, 7) предоставить ген.-адъютанту арестовать и другихъ, кто могъ бы оказаться «непосредственно причастнымъ къ происшедшимъ въ губерніи противозаконнымъ дѣйствіямъ», 8) «подчинить ему по предмету охраненія общественнаго порядка и спокойствія или возстановленія оныхъ тамъ, гдѣ они могли бы быть временно нарушены, начальника губерніи и все мѣстное губернское управленіе» и предоставить замѣщать устраняемыхъ имъ лицъ, 9) предоставить право удалять отъ должностей, въ случаѣ крайней необходимости, мировыхъ посредниковъ, которыхъ дѣйствія клонились бы къ нарушенію порядка, и вообще поручить разслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла въ совокупности.

13 февраля государь одобрилъ всѣ эти мѣры и назначилъ ген.-ад. Н. Н. Анненкова. 14го послѣдній выѣхалъ въ Тверь, получивъ на расходы 5000 руб. сер. Въ помощь ему былъ назначенъ д. ст. сов. Собѣщанскій, какъ представитель министерства вн. дѣлъ; отъ прочей свиты Анненковъ отказался.

Между тѣмъ, 12-го Барановъ донесъ, что подписавшіе хотятъ разослать свое заявленіе по всѣмъ мировымъ съѣздамъ губерніи, и что «убѣжденія тверского дворянства, выраженныхъ на бывшемъ чрезвычайномъ собраніи въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ его и направленныхъ отчасти косвенно, а отчасти и прямо противъ правительства, распространяясь болѣе и болѣе, принимаютъ, повидимому, неблагоприятный оборотъ и могутъ отозваться неблагоприятно на ходѣ крестьянскаго дѣла въ губерніи; а потому, если вы признаете принятыя мною мѣры недостаточными, то не угодно ли вамъ будетъ указать, какъ мнѣ должно дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ».

Въ день отъѣзда Анненкова Валуевъ представилъ второй всепод. докладъ, въ которомъ просилъ разрѣшенія заявить на слѣдующій день въ совѣтѣ министровъ о постановленіяхъ тверского дворянства (противъ этого мѣста царь написалъ: «непремѣнно и

передъ тѣмъ хочу еще съ тобою переговорить»). «Одно изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія, Дворянство опредѣлило разослать во всѣ губерніи копии со всѣхъ своихъ постановленій и просить тверского губернатора о разрѣшеніи напечатать оныя въ официальной части «Губернскихъ Вѣдомостей». Я счелъ нужнымъ нынѣ же по телеграфу спросить гр. Баранова, что имъ сдѣлано по сему предмету» (помѣтка царя: «надѣюсь что онъ этаго недопустилъ»). Губернаторъ сообщилъ, что печатать не разрѣшить.

16 февраля высоч. приказомъ Н. Бакунинъ и А. Толстой уволены отъ службы, по прошенію.

15-го Анненковъ прибылъ въ Тверь, а 16-го телеграфировалъ, что сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи 13 лицъ, прося изъ Москвы четырехъ жандармскихъ офицеровъ. 18 февраля, по докладу Панина, приказано было предать всѣхъ 13 и могущихъ оказаться впоследствии прикосновенными суду сената по 1 отдѣленію 5 департамента. Къ 22 февраля всѣ 13 были уже собраны въ крѣпости,—послѣднимъ доставили Демьянова. Въ тотъ же день Анненковъ сообщилъ Валлеву, что «въ краю все спокойно и никакого опасенія за нарушеніе въ настоящее время порядка и спокойствія ни гр. Барановъ, ни я не имѣемъ», а потому просилъ высоч. повелѣнія о возвращеніи въ СПб. Государь разрѣшилъ. Барановъ донесъ, что арестованіе «произвело грустное впечатлѣніе на нѣкоторую часть общества и на лицъ, служащихъ по мировымъ учрежденіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу, что гг. испр. д. губ. предводителя Бровцынъ, управл. палатую Коробкинъ и членъ присутствія Литвиновъ преувеличиваютъ свои опасенія за пагубныя послѣдствія принятой мѣры. Зная близко дворянство Тверской губ., я убѣжденъ, что лица, служащія доннынѣ въ мировыхъ учрежденіяхъ, не откажутся отъ полезной и безкорыстной дѣятельности своей, и что еще многіе образованные и преданные общественному интересу дворяне не откажутся также вступить на это поприще, когда будутъ къ сему приглашены». Указанныя Барановымъ три лица высказали свое мнѣніе въ засѣданіи губерн. присутствія 20 февраля, выслушавъ довольно рѣзкую отвѣдь своего колдги Н. А. Зубкова. Въ журналѣ указано, что «убѣжденные въ полной справедливости опасеній, выраженныхъ членомъ Зубковымъ, они не могутъ не обратить вниманіе на тѣ послѣдствія, которыя должны неблагоприятно отразиться на ходѣ начавшагося по благимъ предначертаніямъ государя императора, великаго государственнаго преобразования. Призванные содѣйствовать успѣшному развитію этого дѣла, они не смѣютъ скрыть, что то высокое значеніе, которое законодательною властью даровано должности мировыхъ посред-

никовъ, вызвало къ общественной дѣятельности людей опытныхъ и полезныхъ, посвятившихъ себя трудовой службѣ не изъ личныхъ выгодъ, а единственно изъ безкорыстнаго сочувствія къ совершающемуся по высоч. волѣ преобразованію, и что лишь сохраненіе за посредниками тѣхъ служебныхъ преимуществъ, въ сущности которыхъ лежитъ огражденіе ихъ дѣятельности и личности, можетъ обезпечить службѣ этой лицъ вполне достойныхъ и способныхъ докончить начатое дѣло. Храня глубокое убѣжденіе, что сокрытіе подобныхъ опасеній было бы противно чувству долга и вѣрноподданнической присягѣ, означенные члены подавали бы просить г. министра вн. дѣлъ повергнуть это на высоч. воззрѣніе е. и. в., для чего и препроводить копію съ журнальной статьи». Съ этимъ согласился и Зубковъ. Губернскій прокуроръ остался опять при особомъ мнѣніи: крестьянское дѣло, начатое въ губерніи сравнительно съ другими съ большимъ успѣхомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ не страдаетъ. Валуевъ не счелъ нужнымъ доводить объ этомъ засѣданіи до свѣдѣнія государя, о чемъ и увѣдомилъ губернатора. Въ іюнѣ сенатъ, подъ натискомъ Панина и двора, приговорилъ, въ концѣ концовъ, всѣхъ 13 къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ смирительномъ домѣ. 18-го іюля они были посажены въ смирительный домъ, а 22-го, въ день именинъ государыни, царь приказалъ освободить ихъ, оставивъ въ силѣ ограниченіе въ правахъ, состоявшее въ запрещеніи поступать на госуд. службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемыми въ какія-либо должности.

24 сентября 1862 г. тверской губернаторъ донесъ министру, что 17 сентября въ имѣніи бывшаго миров. посредника Кудрявцева былъ предположенъ съѣздъ дворянъ; были приглашены 12 его товарищей по «дѣлу», ихъ семейства и прочіе, всего до 80 чел.; съѣхалось не болѣе 50, даже и изъ 13-ти были не всѣ «Праздникъ весь прошелъ безъ всякихъ особыхъ спичей и манифестацій, тѣмъ болѣе, что среди гостей было много и такихъ лицъ, которыя вовсе не раздѣляли убѣжденій и не сочувствовали извѣстнымъ 13-ти».

Въ іюнѣ 1865 г. кн. Суворовъ, по письму Невѣдомскаго, возбудилъ вопросъ о совершенной амнистіи ихъ, но Валуевъ увѣдомилъ его, что государь приказалъ отложить до времени разрѣшеніе этого вопроса. Невѣдомскій возбуждалъ его опять въ 1866 г., но получилъ отказъ. Въ 1868 г. министръ вн. дѣлъ призналъ возможнымъ доложить черезъ шефа жандармовъ просьбу П. Глазенапа, не дѣлая изъ нея общаго для всѣхъ 13-ти вопроса. Государь простилъ Глазенапа 18 сентября, въ январѣ 1869 г. — Харламова,

20 мая 1870 г.—Байкашина, Невѣдомскаго и Кудрявцева, въ мартѣ 1871 г.—Полторацкаго и Лазарева; объ остальныхъ свѣдѣній не имѣется (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1862 г. № 43). Любопытно, что въ первоначальномъ приговорѣ 1 отдѣленія 5 департамента Кислинскаго и Кудрявцева опредѣлено было просто освободить на поруки.

1814. Письмо къ И. С. Тургеневу.

28 марта (1862).

Orsett House, Westb. terrace.

Тургеневъ моего сердца, Бакунинъ тебя проситъ, и я приговариваю, отдать 950 фр. этому Лазарю. Ты, стало, по-моему, за этотъ годъ безнедоимоченъ. А деньги уже выходятъ. Работаетъ онъ мало. Ему со всѣхъ сторонъ предложенія, а онъ ни тпру, ни ну, отяжелѣвши. А вотъ на-дняхъ мнѣ *50 лѣтъ!*

Здѣсь на мѣсто Альберта ¹⁾ явился Альбертини ²⁾.

Уркахотъ напечаталъ ругательную статью на Бакунина. Мы послали протестъ. Я жду отвѣта и написалъ «Ультиматумъ р. р. с.», который, вѣроятно, вамъ придется по вкусу, а, впрочемъ, какъ знать ³⁾.

Видѣли ли вы, какую статью обо мнѣ помѣстилъ «Секиль» ⁴⁾ (писалъ Henry Martin), кажется, 26 числа? ²⁾

А статья «Rev. d. 2 M.» ⁵⁾ надѣлала въ Россіи шумъ большой. Они мнѣ нарочно дозволили въ Петерб. открытую продажу Шедо-Ферроти письма. Его раскупили въ одинъ день весь запасъ. ³⁾

Статейку моего сына въ «Сѣв. Пчелѣ» «Сквозь туманъ», о Норвегій, Усовъ ⁶⁾ представилъ въ III Отд. Долгоруковъ спросилъ государя. Государь спросилъ статью и Долгор. прислалъ въ редакцію съ надписью: «Дозволить печатать, но *прошу* не выставлѣть заглавныхъ буквъ имени и фамилии».

А... дѣломъ-то занимаютъся!

Отчего ты все пишешь томы, а мнѣ не пишешь ничего? У васъ, вѣроятно, новости всякій день.

¹⁾ 14 декабря скончался принцъ Альбертъ, мужъ королевы Викторіи.

²⁾ Николай Викентьевичъ.

³⁾ См. № 1840.

⁴⁾ «Siècle».

⁵⁾ «Revue des Deux Mondes», статья Ch. Mazade

⁶⁾ Павелъ Степановичъ, редакторъ.

Огаревъ кланяется, Бак. тоже. Оба ждутъ еще тебя, — романтики.

◆◆ 1. Альбертини мало извѣстенъ мирной публикѣ, между тѣмъ, въ средѣ тогдашнихъ прогрессивныхъ журналистовъ онъ занималъ довольно видное мѣсто, былъ «человѣкомъ прекрасно и разносторонне образованнымъ»; въ 1866 г. онъ былъ арестованъ и высланъ въ Архангельскую губ., откуда переведенъ въ Ревель, а совершенно амнигированъ только въ 1880 г. («Вѣст. Европы» 1890, IX, 427). Живя 5 мѣсяцевъ 1862 г. въ Лондонѣ, онъ часто бывалъ у Герцена, гдѣ ближе сошелся съ Кельселевымъ.

2. Статья Н. Martin въ «Le Siècle» отъ 26 марта и 2 и 12 мая 1862 г. написана по поводу «Le monde russe et la révolution. Memoires de A. Herzen, traduits par H. Delaveau». Статья начинается съ анализа того кризиса и политическаго и общественнаго, который переживала Россія. Перечисляются ея бѣды, общія съ другими странами, и другія—присущія ей одной. Указывается на четыре главныхъ причины, какъ на происхождение и объясненіе настоящаго ея положенія: крѣпостное право, насильственное насажденіе западничества Петромъ I, концентрація свѣтской и духовной власти въ рукахъ самодержца и завоеваніе Польши. Далѣе авторъ говоритъ, что Россія до сего времени совершенно неизвѣстна Франціи. Франц. путешественникъ Кюстинъ изобразилъ только нравы высшихъ слоевъ петербургскаго общества. Знаменитые русскіе писатели, какъ Пушкинъ и Гоголь, извѣстны Франціи лишь по имени, либо по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ ихъ произведеній; оба Тургенева сдѣлали въ этомъ направленіи больше, чѣмъ кто-либо другой, одинъ—въ области социальныхъ идей, другой—въ области нравовъ, обычаевъ и характера русскаго народа.

Чтобы полностью приподнять завѣсу, нужно было исключительное стеченіе обстоятельствъ. «Для того, чтобы вскрыть все, касающееся Россіи, и не столько для Европы, сколько для самой Россіи, и дать возможность проникнуть обвинительнымъ рѣчамъ черезъ всѣ препятствія и барьеры прямо въ сердца русскаго народа, нужно было не только исключительное положеніе Герцена, но и его необыкновенный характеръ, смѣлость и способность. То, что сдѣлалъ этотъ челоѣкъ изъ глубины своей ссылки, невѣроятно. Будетъ очень мало—и какъ еще мало—если сравнимъ его съ «Gazette de Hollande» (печатавшей въ Голландіи листки и брошюры изгнанниковъ-протестантовъ противъ Людовика XIV—М. Л.) и полемической литературой противъ Людовика XIV. Они говорили больше для Европы, чѣмъ для Франціи, и если Франція охладѣла

къ великому королю, то скорѣе по причинамъ внутренняго характера, нежели изъ-за вѣшной политики. Со Ланнъ Герценъ, наоборотъ, взволновалъ всю Россію. Набатъ его «Колокола» доносился даже до Сибири; журналы и газеты, которые онъ издаетъ въ Лондонѣ, переходятъ всѣ границы путемъ удачной и неустанной контрабанды. Онъ осуждалъ одновременно и теорію и практику русскаго строя. Тотъ же голосъ, который требуетъ общихъ реформъ, вскрываетъ всѣ злоупотребленія всѣ несправедливости; всякое должностное лицо—чиновникъ-взяточникъ или притѣснитель—можетъ быть увѣренъ, что рано или поздно имя его обнаружится въ листкахъ Герцена, которые летаютъ повсюду.

«Журналы, газеты, книги, одно за другимъ издаетъ и выпускаетъ Герценъ. Чтобы познакомить насъ съ Герценомъ, какъ съ человѣкомъ и писателемъ, Н. Delaveau выбралъ для перевода собственно не политическую его работу, а воспоминанія его личной жизни. Выборъ удаченъ. Именно отсутствіе системы и непосредственной цѣли въ «Воспоминаніяхъ», написанныхъ съ такой простотой и искренностью, внушаютъ такое большое довѣріе и пробуждаютъ громадный интересъ». «Русское общество такъ правдиво отражается въ зеркалѣ личнаго существованія Герцена; сколько живыхъ портретовъ и оригинальныхъ фигуръ! Это Тютчевъ, Михайлъ Орловъ—левъ въ клѣткѣ, задыхающійся въ николаевской Россіи, и самъ Николай—этотъ всемогущій правитель съ его бюрократической посредственностью и желѣзной волей».

Авторъ говоритъ, что трудно себѣ представить то отвращеніе, которое появляется къ русскому правительству послѣ прочтенія «Было и думъ». Картина административной машины вырисовывается, какъ идеальное средство для изуродованія и подавленія человѣческихъ душъ. Н. Martin старается пересказомъ и цитатами дать хоть небольшое представленіе о книгѣ. Далѣе онъ даетъ общее свое мнѣніе, очень благоприятное о существѣ русской націи съ рядомъ примѣровъ о добротѣ и отзывчивости русской души, о ея героизмѣ.

Затѣмъ идутъ біографическія данныя о Герценѣ. Особенно авторъ чтитъ Герцена за его необычайную любовь къ Россіи, считаетъ его современнымъ патриотомъ, такимъ, который не отдѣляетъ патриотизма отъ справедливости и хочетъ братства, а не антагонизма націй.

Далѣе авторъ анализируетъ Герцена, какъ политика и философа. Онъ не можетъ не улыбаться скорбно при мысли, что такой ясный и живой умъ, какъ Герценъ, такъ тонко осмѣявъ варварскій языкъ и пустыя абстракціи своихъ друзей, первыхъ гегелианцевъ,

испускаетъ радостный крикъ при видѣ того, что расцвѣтается этотъ туманъ, чтобы взошло... солнце Фейербаха.

Martin заявляетъ, что *идеи* Герцена онъ «оспариваетъ», а *дѣла* его «аплодируетъ». Онъ находитъ, что Герценъ—«ложный философъ», но «хорошій политикъ». «Философія Герцена глядитъ въ безпредѣльное будущее, а его политика разглядываетъ настоящее; она здорова, практична и справедлива». Она принимаетъ добро изъ всяческихъ рукъ, она не ставитъ трудныхъ условій—даже правительству, съ которымъ борется. Онъ нападаетъ скорѣе на режимъ, чѣмъ на династію, скорѣе на принципъ самодержавія, чѣмъ на самого властелина. Martin излагаетъ вкратцѣ социальную теорію Герцена, говоритъ, что совокупность тѣхъ реформъ, которыя требуетъ для Россіи Герценъ, неизбѣжно приведетъ къ конституціи, которой социальная теорія Герцена мало придаетъ значенія, но его практической смыслъ принимаетъ, какъ фактъ. «Очевидно, что революціонеръ сумѣетъ удовлетвориться реформами. Да пошлетъ небо, чтобы всѣ утописты были вмѣстѣ съ тѣмъ и такими политиками!»

3. Въ февралѣ черезъ книгопродавца Дюфура отъ издателя Шедо-Ферроти Бока было потребовано въ Петербургъ 600 экз. брошюры для открытой продажи («Своб. Слово» 1862, I, вып. 2, 136—137).

Первымъ отозвавшимся на появленіе ея въ Россіи былъ «Русскій Вѣстникъ» Каткова. Въ статьѣ Пановскаго «Что дѣлается въ Москвѣ» находимъ:

«Что же такое читаетъ теперь Москва? Еще не такъ давно, я отвѣчалъ бы: Не спрашивайте такъ громко... Москва читаетъ теперь то, что читаютъ украдкой—это не для всѣхъ... Но это недавнее время прошло, и теперь я отвѣчу во всеуслышаніе: Москва читаетъ письмо г. Герцена, извѣстнаго русскаго «réfugié», къ русскому посланнику въ Лондонъ и комментаріи на это письмо г. Скедо-Ферроти. Эта книжка раскупается въ Москвѣ тысячами экземпляровъ въ недѣлю.

«Брошюрка «Ферроти», какъ ее называютъ въ Москвѣ, представляетъ литературную расправу по личному вопросу, который не могъ бы возбудить такого всеобщаго любопытства, даже въ нашей публикѣ, такъ падкой до всякихъ скандаловъ, если бы не особенныя обстоятельства. Но независимо отъ своего содержанія, книжка эта имѣетъ большой современный интересъ: она служитъ свидѣтельствомъ, что наше правительство убѣждается въ пользѣ широкой гласности, и общество видитъ въ этомъ явленіи задатокъ такъ жадно ожидаемой свободы печатнаго слова.

«Брошюра Ферроти — у насъ необызвалое явленіе; мы не видимъ у ней, на оборотѣ первой странички (не даромъ называемой въ типографскомъ argot: Schmutz-Titel), обычной надписи, встрѣчаемой во всѣхъ читаемыхъ нами русскихъ книгахъ; не обозначено даже, сколько экземпляровъ этого сочиненія слѣдуетъ доставить въ Публичную бібліотеку... Все это для насъ новость, а Москва до новостей охотница. Вотъ почему она такъ раскупаетъ, читаетъ брошюру г. Скедо Ферроти, толкуетъ о ней и спорить» («Соврем. Лѣтопись Русскаго Вѣстника» 1862 г., № 16).

Какъ только въ мартѣ брошюра появилась въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, часть русскаго общества поддалась на удочку... А когда реакція стала крѣпнуть, то апологетъ III Отдѣленія имѣлъ уже довольно замѣтный успѣхъ... Разумѣется, лучшіе люди не могли не презирать такую гнусную «борьбу», и первымъ рѣзко противъ нея высказался студентъ Павелъ Сергѣевичъ Мошкालовъ, написавшій прокламацію:

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ ¹⁾).

Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость тезуита. Не переставая ссылать, застѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполне достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера) Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро, и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое Правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ Правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспото-

¹⁾ Отъ заглавія была сдѣлана выноска: «Интересно бы знать, во сколько обходится это покровительство!»

тизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно — убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль! — она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо Ферроти, ему не вполне удалось замаскировать и предать посмѣянію подобную мысль.

Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать прежде, чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не преминетъ дать пощечину въ своемъ «Колоколѣ» какъ Шедо Ферроти, такъ и нашему Правительству.

Печатано въ Петербургѣ, въ карманной типог(р)афії.

Въ маѣ она уже была распространена въ разныхъ углахъ Россіи, не исключая окраинъ (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1862 г. № 178).

Гораздо пространнѣе реагировалъ на брошюру извѣстный критикъ Д. И. Писаревъ, привлеченный за это къ суду и посаженный въ крѣпость. Причужу его прокламацію по подлиннику, хранящемуся въ сенатскомъ архивѣ:

«Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себѣ вовсе не заслуживаетъ вниманія, но изъ-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживаетъ въ немъ и патриотическій жаръ, и литературный талантъ. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, какъ маневръ нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умнѣе самого Шедо-Ферроти, но что дѣлать, — мы покуда отъ нихъ зависимъ, мы съ ними боремся, стало быть, надо же взглянуть въ глаза нашимъ естественнымъ притѣснителямъ и врагамъ.

«Обскурантовъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣтъ того квартальнаго надзирателя, нѣтъ то о цензора, нѣтъ того академика, нѣтъ даже того великаго князя, который не считалъ бы себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ мирнаго прогресса. Считая себя либераломъ, какъ-то неловко сажать людей подъ арестъ или высылать ихъ въ дальнія губерніи за печатно выраженное мнѣніе или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоитъ изъ либераловъ, начинаетъ это чувствовать. Александру Николаевичу совѣстно сослать Михайлова и Павлова; сослать-то онъ ихъ сослалъ, но, Боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Студенту Лебедеву проломили голову, но правительству тутъ же сдѣлалось такъ прискорбно, что оно напеча-

тало въ газетахъ объясненіе: такъ и такъ, дескать, это случилось по нечаянности, ножами жандармской сабли. Словомъ, наше либеральное правительство уважаетъ общественное мнѣніе и для своихъ мирно-прогрессивныхъ цѣлей пускаетъ въ ходъ благородныя средства, какъ-то, печатную гласность. Валугевъ и Никитенко сооружаютъ газету съ либеральнымъ направлениемъ, а при этомъ и продолжаютъ, все-таки, преслѣдовать честную журналистику доносами и цензурными тисками. Публицистъ III Отдѣленія, баронъ Фирксъ, Шедо Ферроти тожь, по порученію русскаго правительства, пишетъ и печатаетъ въ Берлинѣ брошюры безъ цензуры; великодушное правительство смотритъ сквозь пальцы на ввозъ этого заказаннаго, но официально запрещеннаго товара; его продаютъ открыто въ книжныхъ лавкахъ; не давая официальнаго разрѣшенія, правительство упрочиваетъ за книжкою заманчивость запретнаго плода; допуская и поощряя изъ-подъ руки продажу книжки, правительство обнаруживаетъ свое великодушіе. О, какъ все это тонко, остроумно и политично. А между тѣмъ журналамъ не позволялось разбирать книжонку; Шедо-Ферроти, какъ въ прошлую осень Борисъ Чичеринъ, объявляются личностями священными и неприкосновенными. Горбатаго одна могила исправитъ; наши умѣренныя либералы ни при какихъ условіяхъ не сумѣютъ быть честными людьми; наше правительство никогда не отучится отъ николаевскихъ замашекъ. У него есть особенный талантъ оподлять всякую идею, какъ бы ни была эта идея сама по себѣ благородна и чиста. Напримѣръ, всѣ порядочные люди имѣютъ привычку на печатное обвиненіе отвѣчать также печатно и защищаться, такимъ образомъ, тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ противникъ. Наше правительство захотѣло доказать, что оно тоже порядочный человѣкъ. Находя, что Герценъ несправедливо обвинилъ его, наше правительство высылаетъ своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Ну посмотрите поближе. Произведеніе Шедо-Ферроти впушено въ Россію, а сочиненія Герцена остаются запрещенными. Публика видитъ, что Герцена отдѣлываютъ, а того она не видитъ, за чтò его отдѣлываютъ. Конечно, и «Полярная Звѣзда», и «Колоколъ», и «Голоса изъ Россіи», и грозное «Подъ Суды!» извѣстны нашей публикѣ, но, вѣдь, всѣ эти вещи привозятся и читаются вопреки волѣ правительства; стало-быть, если оцѣнивать только намѣренія правительства, то надо будетъ убѣдиться въ томъ, что оно хочетъ чернить Герцена, не давая возможности оправдываться и обвинять, въ свою очередь. Чернить человѣка, котораго сочиненія строжайше запрещены! Подло, глупо и бесполезно! Закрывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герценѣ, правительство,

очевидно, хочеть продиктовать обществу мнѣнія на будущее время. Это видно по тому, что мнѣнія, противоположныя мысленкамъ Шедо-Ферроти, не допускаются въ печати. Правительство сражается двумя оружіями: печатною пропагандою и грубымъ насиліемъ, а у общества отнимается и то единственное средство, которымъ оно могло и хотѣло бы воспользоваться. Обществу остается или либеральничать съ разрѣшенія цензуры, или итти путемъ тайной пропаганды, тѣмъ путемъ, который погелъ на каторгу Михайлова и Обручева. Хорошо, мы и на это согласны; это все отзовется въ день суда, того суда, который, вѣроятно, случится гораздо пораньше второго прѣшествія Христова.

«Изъ чтенія брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отродное впечатлѣніе. Намъ порадовало то, что при всей своей щедрости правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Пріятно видѣть, что правительство не умѣетъ выбирать себѣ умныхъ палачей, сыщиковъ, доносчиковъ и клеветниковъ; еще пріятнѣе думать, что правительству не изъ чего выбирать, потому что въ рядахъ его приверженцевъ остались только подонки общества, то, что пошло-подло, то, что неспособно человѣчески мыслить и чувствовать.

«Брошюра Шедо-Ферроти имѣетъ двѣ цѣли: 1) доказать, что петербургское правительство не имѣетъ ни надобности, ни желанія убить Герцена, 2) осмѣять и обругать при семъ удобномъ случаѣ Герцена, какъ пустого самохвала и какъ загордившагося выскочку.

«Чтобы доказать первое положеніе, Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ вовсе не опасенъ для русскаго правительства и что, слѣдовательно, даже III Отдѣленіе не рѣшится убить его. Процессъ доказательствъ идетъ такъ: убиваютъ только такихъ людей, отъ смерти которыхъ можетъ перемѣниться весь существующій порядокъ вещей въ одномъ или въ нѣсколькихъ государствахъ; если Герценъ, получая подметныя письма о намѣреніяхъ русскаго правительства, вѣрить этимъ письмамъ, тогда онъ считаетъ себя особою европейской важности и, слѣдовательно, обнаруживаетъ глупое тщеславіе; если же онъ, не вѣря этимъ письмамъ, поднимаетъ гвалтъ, тогда онъ пустой и вздорный крикунъ. Весь этотъ процессъ доказательствъ разсыпается, какъ карточный домикъ. Во-первыхъ, правительства ежегодно убиваютъ нѣсколько такихъ людей, которые могли бы оставаться въ живыхъ, вовсе не нарушая существующаго порядка. Дезертиръ, котораго запарываютъ шпицрутенами, вовсе не особа европейской важности. Бакунинъ, котораго захватили обманомъ, Михайловъ, Обручевъ, по-

ручикъ Александровъ ¹⁾ вовсе не особы европейской важности. а, между тѣмъ, правительство эживо хоронитъ ихъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ. Правительство вовсе не такъ дорожитъ жизнью отдѣльнаго человѣка, чтобъ казнить и миловать со строгимъ разборомъ. Вѣдь, турецкій султанъ и персидскій шахъ вѣшаютъ зря, какъ вздумается, а, кажется, въ наше время только учебники географіи проводятъ различіе между деспотическимъ правленіемъ и правленіемъ монархическимъ, неограниченнымъ. На основаніи какого закона повѣшено пять декабристовъ? А если правительство казнить по своему произволу, то отчего же оно не можетъ, по тому же произволу, подослать убійцу? Гдѣ разница между казнью безъ суда и убійствомъ изъ-за угла? Въ наше время каждый неограниченный монархъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ держаться только непрерывнымъ рядомъ преступленій. Чтобы подданные его не знали о своихъ естественныхъ человѣческихъ правахъ, надо держать ихъ въ невѣжествѣ—вотъ вамъ преступленіе противъ человѣческой мысли; чтобы случайно просвѣтившіеся подданные не нарушили субординаціи, надо дѣйствовать насиліемъ—вотъ еще преступленіе; чтобы имѣть въ рукахъ ордіе власти—войско, надо систематически уродовать и забивать нѣсколько тысячъ молодыхъ, сильныхъ, способныхъ людей—опять преступленіе. Идя по этой дорогѣ преступленій, нельзя отступать отъ убійства. Посмотрите на Александра II; въ его личномъ характерѣ нѣтъ ни подлости, ни злости, а сколько подлостей и злодѣяній лежитъ уже на его совѣсти. Кровь поляковъ, кровь мученика Антона Петрова, загубленная жизнь Михайлова и Обручева и другихъ, нелѣпное рѣшеніе крестьянскаго вопроса, исторіи со студентами—на что ни погляди, вездѣ или грубое преступленіе, или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко дѣлаются злодѣями. Преступленіе, на которое никогда не рѣшился бы Александръ II, какъ частный человѣкъ, будетъ непременно совершено имъ, какъ самодержцемъ всея Россіи. Тутъ мѣсто портигъ человѣка, а не человѣкъ мѣсто. Если бы наше правительство потихоньку отправило Герцена на тотъ свѣтъ, то, вѣроятно, въ этомъ не нашли бы ничего удивительнаго тѣ люди, которые знаютъ,

¹⁾ Капитанъ варшавской телеграфной станціи. Онъ сосланъ на вѣчную каторгу за то, что, получивъ изъ Петербурга телеграмму отъ Александра II на имя намѣстника Царства Польскаго Лидерса, предписывавшую «разгонять толпу холоднымъ оружіемъ, а если нужно, то употребить картечь», и не желая подвергать разстрѣлу поляковъ, собиравшихся служить доминки по убитымъ въ 1861 г. на улицахъ Варшавы, передалъ Лидерсу телеграмму иначе: «дѣйствовать увѣщаніемъ».

что дѣлалось въ Варшавѣ и Казанской губерніи. Но допустимъ даже, что наше правительство не намѣревалось убить Герцена; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы III Отдѣленіе не могло написать къ нему нѣсколько писемъ, наполненныхъ глупыми угрозами и площадною бранью; судя по себѣ, Бруты и Кассіи нашей тайной полиціи могли надѣяться, что Герцена можно запугать; чтобы разомъ покончить всѣ эти нелѣпныя продѣлки, Герценъ написалъ и напечаталъ письмо къ представителю русскаго правительства. Этимъ письмомъ онъ заявилъ публично, что если бы за угрозами послѣдовали дѣйствія, то вся тяжесть подозрѣнія упала бы на Александра II. Агенты, подсылавшіе къ Герцену письма, должны были увидѣть, что Герценъ ихъ угрозъ не боится. Слѣдовательно, имъ осталось или дѣйствовать, или замолчать. Дѣйствовать они не рѣшились — духу не хватило; замолчать тоже не хотѣлось; вѣдь, они думаютъ, что правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово; вотъ они и выдумали пустить противъ Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо Ферроти и сочинителями подметныхъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію; не даромъ же Шедо-Ферроти на двухъ языкахъ отстаиваетъ передъ Россією и передъ Европою нравственную чистоту III Отдѣленія. Свой своему поневоля другъ.

«Шедо-Ферроти плохо защитилъ правительство; онъ ничѣмъ не доказалъ, что оно не могло имѣть намѣренія извести Герцена или, по крайней мѣрѣ, запугать его угрозами. Усилія его оклеветать и оплевать Герцена еще болѣе неудачны. Шедо-Ферроти, этотъ умственный пигмей, этотъ продажный памфлетистъ, силится доказать, что Герценъ самъ деспотъ, что онъ равняетъ себя съ коронованными особами, что онъ только изъ личнаго властолюбія враждуетъ съ теперешнимъ русскимъ правительствомъ. Доказательства очень забавны. Герценъ деспотъ потому, что не согласился напечатать въ «Колоколѣ» отвѣтъ Шедо-Ферроти на письмо Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. Да какой же порядочный редакторъ журнала пуститъ къ себѣ Шедо-Ферроти съ его остроуміемъ, съ его казеннымъ либерализмомъ и съ его пристрастіемъ къ III Отдѣленію? Герценъ не думаетъ запрещать писать кому бы то ни было, но и не думаетъ также открывать въ «Колоколѣ» богачдѣльно для нравственныхъ уродовъ и умственныхъ паралитиковъ подобныхъ Шедо-Ферроти. Панегеристъ III Отдѣленія требуетъ, чтобы его статьямъ было отведено мѣсто въ «Колоколѣ»; въ случаѣ отказа онъ грозитъ Герцену, что будетъ издавать свои произведенія отдѣльно съ надписью: «запрещено цензурою „Колокола“». Вотъ испугаль-го! Да всѣ статьи Булгарина, Аскоченскаго, Рафаила

Зотова, Скарятина, Модеста Корфа и многихъ другихъ достойныхъ представителей русской вицмундирной мысли запрещены цензурою здраваго смысла. Приступая къ изданію своего журнала, Герценъ вовсе не хотѣлъ сдѣлать изъ него клоаку всякихъ нечистотъ и нелѣпостей. Эпиграфомъ къ «Полярной Звѣздѣ» онъ взялъ стихъ Пушкина: «Да здравствуетъ разумъ». Этотъ эпиграфъ прямо и рѣшительно отвергаетъ всякое ханжество, всякое раболѣпство мысли, всякое преклоненіе передъ грубымъ насиліемъ и передъ нелѣпымъ фактомъ. «Да здравствуетъ разумъ», и да падутъ во имя разума дряхлый деспотизмъ, дряхлая религія, дряхлыя стропила современной официальной нравственности! Всякія попытки мирить разумъ съ нелѣпостью, всякое требованіе уступокъ со стороны нравственности противорѣчатъ основной идеѣ дѣятельности Герцена. Если бы даже Шедо-Ферроти былъ просто честный простачокъ, вѣрующій въ возможность помирить стремленія къ лучшему съ существованіемъ нашего средневѣкового правительства, то и тогда Герценъ, какъ человѣкъ, искренно и честно служащій своей идеѣ, не могъ бы помѣстить въ «Колоколъ» его старушечью болтовню. Но теперь, когда всѣ знаютъ, что Шедо-Ферроти наемный агентъ III Отдѣленія, теперь его претензіи печатать свои литературные доносы въ «Колоколъ» кажутся намъ въ то же время смѣшными и возмутительными по своей безпримѣрной наглости.

«Шедо-Ферроти упрекаетъ Герцена въ томъ, что тотъ, будто бы, сравниваетъ себя съ коронованными особами. Въ этомъ упрекѣ выражается какъ нравственная низость, такъ и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разница между простымъ человѣкомъ и помазанникомъ божіимъ? И какая же охота честному дѣятелю мысли сравнивать себя съ царственными лежебоками, которые, пользуясь довѣрчивостью простого народа, поѣдаютъ вмѣстѣ съ своими придворными деньги, благосостояніе и рабочія силы этого народа? Если бы кто-нибудь вздумалъ провести параллель между Александромъ Ивановичемъ Герценомъ и Александромъ Николаевичемъ Романовымъ, то, вѣроятно, первый серьезно обидѣлся бы такому сравненію. Но посмотримъ, на чемъ же Шедо-Ферроти основываетъ свое обвиненіе? «Вы убѣждены, — пишетъ онъ Герцену, — что вы не только либераль, но и социалистъ-республиканецъ, врагъ монархическому началу, а поминутно у васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами. Въ письмѣ къ барону Брунову, сказавъ, что вы не допускаете мысли, чтобы императоръ Александръ II вооружилъ противъ васъ спадасиновъ, вы присовокупляете: «я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ». Въ

томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разсланныхъ за моря и горы den Dolch im Gewande ¹⁾, и цитируя стихи Шиллера, вы опять сравниваете себя съ царствующимъ лицомъ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Наконецъ, самое оглавленіе (заглавіе) статей «Колокола», извѣщающихъ всю Европу о грозящей вамъ опасности: «Бруты и Кассіи III Отдѣленія» — содержитъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. Брутъ и Кассій были убійцами Юлія Кесаря».

«Шедо-Ферроти, какъ умственный пигмей и какъ сыщикъ III Отдѣленія, вполне выражается въ этой тирадѣ. Онъ не можетъ, не умѣетъ опровергать Герцена въ его идеяхъ; поэтому онъ придирается къ случайнымъ выраженіямъ и выводитъ изъ нихъ невѣроятныя по своей нелѣпости заключенія; эта придирчивость къ словамъ составляетъ постоянное свойство мелкихъ умовъ; кромѣ того, она замѣчается особенно часто въ полицейскихъ чиновникахъ, допрашивающихъ подозрительныя личности и желающихъ изъ усердія къ начальству сбить допрашиваемую особу съ толку и запутать ее въ мелкихъ недоговоркахъ и противорѣчійхъ. Вступая въ полемику съ Герценомъ, Шедо-Ферроти не могъ и не умѣлъ отстать отъ своихъ полицейскихъ замашекъ. Адвокатъ III Отдѣленія остался вѣренъ какъ интересамъ, такъ и преданіямъ своего кліента.

«Вся остальная часть брошюры состоитъ изъ голословныхъ сравненій между Шедо-Ферроти и Герценомъ. Шедо-Ферроти считаетъ себя истиннымъ либераломъ, разумнымъ прогрессистомъ, а Герцена признаетъ вреднымъ демагогомъ, сбивающимъ съ толку русское юношество и желающимъ возбудить въ Россіи возстаніе для того, чтобы возвратиться самому въ Россію и сдѣлаться диктаторомъ. Шедо-Ферроти, какъ адвокатъ III Отдѣленія, старается увѣрить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намѣреніями, и что отъ него должны исходить для великой, малой и бѣдой Россіи всевозможныя блага, матеріальныя и духовныя, вещественныя и невещественныя. Шедо-Ферроти, конечно, не предвидитъ возможности переворота или, по крайней мѣрѣ, старается увѣрить всѣхъ, что, 1-хъ, такой переворотъ невозможенъ и что, 2-хъ, онъ во всякомъ случаѣ повергнетъ Россію въ бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всѣмъ порядочнымъ людямъ отвращеніе и презрѣніе къ его личности и дѣятельности. Низверженіе благополучно царству-

¹⁾ Кинжалъ подъ плащомъ (изъ стихотворенія Шиллера «Die Bürgschaft»).

ющей династіи Романовыхъ и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла.

«Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы дольше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительственно все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается: примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать.

«Династія Романовыхъ и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

«То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчокъ и забросать грязью ихъ смердящіе трупы».

Герценъ никогда не узналъ текста этой защиты со стороны молодого, страстнаго критика.

Въ 1867 г. Шедо-Ферроти выпустилъ въ Берлинѣ брошюру «Etudes sur l'avenir de la Russie. Neuvième étude: Le nihilisme en Russie». Разумѣется, тамъ Герцену удѣлено не мало страницъ, но сейчасъ насъ интересуетъ сказанное по поводу брошюры 1862 года. Самъ авторъ дѣлаетъ слѣдующія признанія: «книга имѣла изумительный успѣхъ, многіе въ книжной же лавкѣ вырывали мой отвѣтъ» (стр. 39; «въ маѣ 1862 г. я былъ въ Петербургѣ; пріятели меня сторонились» (40—41). Затѣмъ, очевидно, придавая серьезное значеніе одному собранію въ домѣ его пріятеля, Шедо-Ферроти приводитъ изложеніе его бесѣды на французскомъ и русскомъ

языкахъ. Оно настолько курьезно, что я считаю излишнимъ процитировать съ соблюденіемъ орѳографіи первоисточника (стр. 43—71).

«Человѣкъ, открывшій мнѣ двери, повелъ меня въ столовую и сказалъ что тотчасъ доложить Петру Васильевичу, находящемуся въ кабинетѣ съ прочими гостями. Хотя меня нѣсколько поразило, что меня не пригласили взойти «къ прочимъ гостямъ», но я далъ себѣ слово ничему не удивляться и сказалъ человѣку, что подожду.

«Оставшись одинъ, я окинулъ взоромъ съ давнихъ поръ знакомую мнѣ комнату, и едва узналъ ее въ настоящемъ ея видѣ. Большой овальный столъ, поставленный посреди зала, былъ покрытъ зеленымъ сукномъ; на столѣ красовались три огромныхъ канде-лабра, носящіе каждый по двадцать четыре свѣчи; между канде-лабрами и на концахъ стола виднѣлись искусственно устроенные кучки разнородныхъ папиросокъ, окруженныя пепельницами и мундштуками; вокругъ стола стояли двѣнадцать стульевъ, и предъ каждымъ лежалъ листъ бѣлой бумаги, нѣсколько очиненныхъ карандашей и экземпляръ моей брошюры: «Письмо А. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ», а на одномъ концѣ стола, кромѣ того, положено было полное собраніе всѣхъ номеровъ «Колокола», нѣсколько томовъ «Полярной Звѣзды» и «Голосовъ изъ Россіи» и по одному экземпляру моихъ брошюръ, въ то время вышедшихъ.

«Торжественность этой обстановки привела меня къ вопросу, что здѣсь готовится? Дружеская ли бесѣда любителей политической литературы, совѣщаніе ли патріотовъ-единомышленниковъ, или судъ надъ оскорбителемъ общественнаго мнѣнія? Послѣднее оказалось всего вѣроятнѣе, и я только успѣлъ себѣ сказать, что подсудимый, очевидно, я самъ, какъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и вошелъ хозяинъ дома въ сопровожденіи «прочихъ гостей» коихъ я насчиталъ восемь человѣкъ.

«Петръ Васильевичъ подошелъ ко мнѣ торопливыми шагами, подалъ мнѣ обѣ руки и сказалъ нѣсколько торжественнымъ голосомъ: «благодарю васъ, Феодоръ Ивановичъ, что вы приняли мое приглашеніе; вы этимъ доказали, что я не ошибся въ оцѣнкѣ независимости вашего характера и чистоты вашихъ побужденій; насъ можетъ раздѣлять бездна въ отношеніи мнѣній, но мы можемъ пожалть другъ другу руки въ убѣжденіи личнаго достоинства политическаго противника». Обращаясь потомъ къ своимъ гостямъ Петръ Васильевичъ сказалъ очень громко: «позвольте, господа, познакомиться васъ съ стариннымъ моимъ, пріятелемъ».

«Пошли представленія. Ко мнѣ подвели, одного за другимъ, двухъ молодыхъ офицеровъ, одного чиновника военнаго министерства и двухъ студентовъ с.-петербургскаго университета, но когда

хозяинъ обернулся къ остальнымъ гостямъ, какъ мнѣ казалось, также студентамъ или гимназистамъ, то первый изъ нихъ остановилъ его и сказалъ съ самодовольной улыбкою: «на что тутъ имена и фамиліи? вашъ пріятель намъ, извѣстенъ подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти; это псевдонимъ; итакъ, позвольте намъ пользоваться тѣмъ же правомъ; я—Сидоръ Поликарповичъ, а вотъ мой двоюродный братъ Поликарпъ Сидоровичъ». Я поклонился Сидору Поликарповичу и Поликарпу Сидоровичу, но, раздосадованный явною несправедливостью этой выходки, послѣ того, какъ Петръ Васильевичъ назвалъ всѣмъ гостямъ мою настоящую фамилію, я не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить: «Вашъ псевдонимъ, господа, имѣетъ неоспоримое преимущество передъ моимъ, который сдѣлался очень прозрачнымъ и за которымъ я скрываюсь; но я не прячусь, такъ что всякій желающій можетъ за нимъ найти живого человѣка, готоваго принимать на себя полную отвѣтственность за всѣ дѣянія и слова псевдонима». Замѣчаніе мое осталось безъ отвѣта, и тѣмъ кончились взаимныя представленія, и послѣдній гость Петра Васильевича остался для меня безъ имени и безъ псевдонима.

«Я не успѣлъ сказать, что почти въ тоже время, когда вошелъ хозяинъ съ гостями, человѣкъ внесъ огромный подносъ съ налитымъ въ стаканахъ чаемъ, съ ромомъ, разрѣзаннымъ лимономъ и грудю сухарей. Стаканы были мигомъ разобраны, и когда, по окончаніи церемоніала представленій, мы съ Петромъ Васильевичемъ подошли къ столу, устроенный тамъ порядокъ былъ уже нарушенъ. Стулья были частью заняты, частью отодвинуты; кто устроился у окна, кто на угловыхъ диванахъ, кто остался за большимъ столомъ; въ наскоро сформировавшихся группахъ спорили, смѣялись; одни въ тихомолку, другіе громогласно; всѣ пили чай или курили папироски и собраніе стало походить на обыкновенную офицерскую вечеринку.

«Это такъ продолжалось болѣе получаса, но когда гости стали отказываться отъ чаю и человѣкъ вынесъ подносъ, наполненный нетронутыми стаканами, то Петръ Васильевичъ напомнилъ гостямъ, что пора бы заняться дѣломъ. Всѣ поднялись; стулья были придвинуты къ прежнимъ мѣстамъ, бумага, карандаши и брошюры разложены, и въ нѣсколько минутъ комната приняла опять тотъ торжественный видъ который она имѣла при моемъ входѣ. По приглашенію хозяина всѣ усѣлись. Мнѣ указали мѣсто у одного конца стола, противъ Петра Васильевича, занимающаго другой конецъ. Возлѣ меня посадили Александра Васильевича Х. и Бориса Ивановича У...

«Господа, сказалъ тогда Петръ Васильевичъ обращаясь *«къ прочимъ юстямъ»*, вы мнѣ сдѣлали честь назначить меня руководителемъ нашей бесѣды; такъ позвольте мнѣ сперва объяснить новому гостю нашему поводъ и цѣль нашего собранія. Когда вы, почтеннѣйшій Федоръ Ивановичъ, продолжалъ Петръ Васильевичъ обратившись ко мнѣ, напечатали послѣднія ваши брошюры, то вы конечно предвидѣли, что онѣ станутъ извѣстны всѣмъ приверженцамъ Александра Ивановича Герцена, а потому вы и не могли имѣть другого побужденія, какъ надежду что вамъ удастся убѣдить вашихъ читателей, что онѣ ошибаются въ оцѣнкѣ достоинствъ Герцена, который, по вашему, вмѣсто похвалъ, заслуживаетъ порицанія и насмѣшки. Тутъ весь вопросъ заключается въ томъ, кто ошибается и кто нѣтъ, и если вы могли ласкать себя надеждою, что ваши доводы поколеблуютъ послѣдователей «Колокола», то по чему бы намъ не надѣяться, что намъ удастся васъ убѣдить въ ошибочности вашихъ воззреній? Представителемъ вашего мнѣнія вы здѣсь одни, а мы всѣ такого мнѣнія, что вы очень дурно сдѣлали напечатать брошюры такого содержанія; такъ изложите же намъ вашъ взглядъ на современное положеніе общественныхъ дѣлъ, а потомъ выслушайте и насъ, и быть можетъ мы еще разойдемся единомышленниками».

«Когда Петръ Васильевичъ замолчалъ всѣ обратились ко мнѣ какъ бы въ ожиданіи отвѣта. Я видѣлъ что мнѣ не миновать было участвовать въ разговорѣ, а потому, желая ограничить (localiser) предметъ преній я сказалъ: «если я не ошибаюсь господа, то рѣчь идетъ не столько объ общихъ моихъ взглядахъ на вещи, сколько о содержаніи послѣднихъ моихъ брошюръ, а потому позвольте мнѣ отвѣтить прямо на вопросъ поставленный такимъ образомъ: хорошо или дурно я поступилъ напечатать мои брошюры? Все, что публика въ правѣ требовать отъ публициста ограничивается двумя пунктами: чтобы факты имъ утверждаемые были совершенно правдивы, и чтобы заключенія изъ нихъ выведенныя, были вполне логичны. Этимъ двумъ условіямъ, буде я не ошибаюсь, отвѣтствуютъ всѣ мои сочиненія; впрочемъ они лежатъ передъ вами господа, а потому я васъ прошу указать мнѣ въ осуждаемыхъ вами брошюрахъ какой-либо придуманный или искаженный фактъ, какой-либо нелогичный выводъ».

«Петръ Васильевичъ къ которому я болѣе всѣхъ обратился, ничего не отвѣчалъ, но младшіе изъ его гостей ни мало не затруднялись моимъ вопросомъ. Они усердно перелистывали лежащую предъ ними брошюру, и, останавливаясь то на одномъ, то на другомъ мѣстѣ, спросили меня на чемъ основано такое то увѣреніе,

по чему мнѣ извѣстно такое то обстоятельство? Мнѣ не трудно было отвѣчать моимъ экзаменаторамъ, указывая имъ, то на самый текстъ, то на примѣчанія къ тексту, и обращая ихъ вниманіе на то что я нигдѣ не пускался въ *предположенія* о томъ какъ думаетъ и рассуждаетъ г. Герценъ, что я ни разу не выразилъ его мысли моими словами, что могло бы подагь поводъ къ обвиненію въ умышенномъ или неумышенномъ искаженіи его мнѣній. но что я всегда приводилъ *его собственныя слова* буквально перепечатанныя изъ его же сочиненій.

«Мало по малу перекрестный огонь вопросовъ сталъ ослабѣвать, тогда, увидѣвъ неудачу молодой фаланги. другой противникъ выступилъ на сцену. «По моему мнѣнію, сказалъ сидяшій возлѣ Петра Васильевича чиновникъ, вопросъ поставленъ не такъ какъ слѣдуетъ. Главное дѣло заключается не въ самыхъ фактахъ, которые могутъ быть всѣ правдивыми, а въ оцѣнкѣ фактовъ, которая можетъ быть таковою, что несмотря на отсутствіе всякой лжи, книга, все таки вредна. Въ брошюрѣ «*Lettre à monsieur Herzen*» издателю «*Колокола*», старавшемуся съ начала убѣждать правительство въ необходимости принятія нѣкоторыхъ либеральныхъ мѣръ, *ставится въ упрекъ*, что онъ перемѣнилъ направленіе и обращается съ своими совѣтами уже не къ правительству, а къ самому обществу и преимущественно къ молодому поколѣнію. Фактъ совершенно справедливъ, но оцѣнка его ошибочна. На что продолжать учить правительство когда видно, что оно плохо учится? Русское общество и тѣмъ паче молодое поколѣніе готово воспріять ученіе великаго русскаго патріота, а когда все общество будетъ дѣйствовать по одному направленію, то правительство поневолѣ покорится такой силѣ.

«Въ другомъ мѣстѣ той же брошюры, продолжалъ чиновникъ, Герцена упрекаютъ въ томъ, что говоря о высшихъ сановникахъ онъ употребляетъ выраженія грубая, а иногда допускаетъ даже ругательства, которыя только могутъ остервенить этихъ господъ противъ него и его сочиненій, такъ что иной очевидно добрый совѣтъ не будетъ принятъ правительствомъ, встрѣчая сопротивленіе въ оскорбленномъ самолюбіи вліятельныхъ лицъ. Что Герценъ иногда ругается, нельзя оспаривать; фактъ стало быть также справедливъ, но значеніе ему придано не вѣрное. Какимъ въ самомъ дѣлѣ языкомъ должно говорить съ нашими тузами? вѣдь они добромъ ничего слышать не хотятъ. Имъ что хочешь докладывай, такъ ухомъ не пошевелятъ; а вотъ какъ ихъ хорошенько проучать то можетъ быть и образумятся. И съ чего, наконецъ съ ними церемониться? вѣдь они сами ни кого не жалбуютъ. Развѣ кто изъ нихъ когда остановился, чтобы не обидѣть подчиненнаго?

Не только «дурака», но иной разъ и «осла» получишь, а если косо посмотришь, то и пошеямъ вытолкають. По дѣламъ имъ, право по дѣламъ, а такъ иногда и сердце порадуется прочитавши какъ ихъ отдѣляетъ «Колоколь». Не знаю какъ вы скажете господа, а мнѣ кажется, что Герцена надо высоко уважать за то, что у него рѣчь такая твердая и мужественная.

«Я совершенно согласенъ съ вами, отвѣчалъ господинъ, котораго назвали мнѣ Поликарпомъ Сидоровичемъ, что Герценъ прекрасно дѣляетъ, когда унижаетъ нашихъ «граньсеньеровъ», но я нахожу, что онъ ихъ еще мало ругаетъ и не умѣетъ выбрать, кого именно слѣдуетъ ругать. Онъ было началъ хорошо, когда рассказывалъ объ извѣстныхъ скачкахъ по Россіи съ загонокъ до смерти крестьянскихъ лошадей, но къ сожалѣнію, остановился, тогда какъ по этой именно дорогѣ надобно было продолжать, чтобы достигнуть цѣли. Какъ ихъ смѣшаешь съ грязью, сперва одного, потомъ другаго и третьяго, то народъ невольно очнется... Тутъ середины нѣтъ, и народъ или всѣхъ уважаетъ или всѣхъ ругаетъ. Отъ Людовика XIV, которому поклонялись *по убѣжденію*, до XVI котораго казнили *также по убѣжденію*, переходъ быстрый. Монархическое правленіе какъ дубъ, его не погнешь, а какъ сумѣешь подкопаться подъ него, то онъ отъ перваго вѣтра повалится. Вотъ что слѣдуетъ дѣлать Герцену, если онъ хочетъ заслужить имя великаго русскаго патріота, а этого онъ недостигнетъ ругательствами на разныхъ графовъ и превосходительныхъ лицъ. За корни господа, за корни надобно вѣзаться, тогда нашъ дубъ не долго устоитъ, и тогда наконецъ придетъ тотъ день всѣмъ желанный когда мы примемъ самаго Александра Ивановича Герцена въ свои объятія и подъ его личнымъ руководствомъ осуществимъ новый, лучшій порядокъ вещей!»

«Ты крайне ошибаешься, сказалъ на это безъимянный и беспсевдонимный гость, если полагаешь, что всѣ такъ и ждутъ прибытія Герцена. Къ чему намъ его присутствіе? У насъ найдутся люди и безъ него! Я васъ, можетъ быть, удивлю, господа, продолжалъ ораторъ, обращаясь къ всѣмъ присутствующимъ, но я скажу откровенно, что въ брошюрѣ по поводу письма къ русскому послу, личность Герцена описана справедливо, и что я о немъ даже худшаго мнѣнія чѣмъ г. Шело-Ферроти. По моему Герценъ не только фантазеръ и хвастунъ, но я его считаю въ полнѣйшій степени неспособнымъ къ какой либо практической мысли, а тѣмъ болѣе неспособнымъ руководить исполненіе какого-либо серьезнаго плана. Въ тотъ день, когда дѣло дойдетъ до дѣйствій намъ Герцена уже не нужно будетъ и если бы онъ тогда захотѣлъ явиться въ Россію, его бы

надобно было просто выгнать, чтобы лишнимъ фразерствомъ не помѣшалъ дѣло дѣлать. А не смотря на то я нахожу, что напечатаніе брошюры г. Шедо-Ферроти, особенно послѣдней, есть преступленіе противъ русскаго народнаго дѣла. Указывая на противурѣчія въ сочиненіяхъ Герцена, и выставляя его самаго въ смѣшномъ видѣ, воскликнулъ г. ? обращаясь ко мнѣ, вы, можетъ быть у многихъ, у очень многихъ поколебали то безусловное довѣріе, которое они имѣли ко всему что печаталось въ «Колоколѣ», вы значительно ослабили нравственное вліяніе Герцена на массы, а у насъ, чтобы дѣйствовать на массы, нѣтъ другаго двигателя какъ онъ. Для насъ, нѣсколько по яснѣ понимающихъ сущность дѣла, Герценъ непрактическій болтунъ, для массы же его читателей его имя сдѣлалось знаменемъ русскаго народнаго дѣла русскіихъ патриотическихъ стремленій. Такое знамя, воздвигнутое какъ бы въ укоръ знамени развѣвающимуся на зимнемъ дворцѣ, необходимо для массъ. Около него стекаются всѣ обиженные, всѣ несчастные, всѣ недовольные существующимъ порядкомъ вещей и могущіе выиграть отъ его ниспроверженія. Что на знамени написано, о томъ массы не спрашиваютъ. Знаютъ только что нѣтъ двуглаваго орла, и что лозунгъ гласитъ: *сопротивленіе существующей власти*. Этого для массы довольно, и ихъ поведешь куда угодно. Вотъ что для насъ значитъ Герценъ, и на это то знамя вы рѣшились поднять руку. Но повѣрьте, что это вамъ не пройдетъ даромъ. Ваше имя сдѣлается такъ непопулярно въ Россіи, что достаточно будетъ его называть, чтобы возбудить негодованіе, и не смотря на ваши усилія, вамъ не удастся остановить перерожденіе Россіи. Съ Герценомъ или безъ Герцена, найдутся люди, чтобы взволновать общество и довести его до того, чтобы оно наконецъ разбило свои оковы и возстало самобытнымъ русскимъ народомъ!»

«Позвольте тутъ прибавить одно слово,—сказалъ я запыхавшемуся отъ восторга оратору, и пусть мнѣ будетъ позволено слово это прочесть изъ порицаемой вами брошюры: *«ну если бы вамъ удалось на самомъ дѣлѣ поднять такую страшную бурю, чѣмъ вы надѣетесь ее унять и успокоить?»*»

«Что тутъ унять, кого тутъ успокоить! восклицалъ съ пылающими какъ отъ внезапнаго вдохновенія глазами, юноша назвавшійся Сидоромъ Поликарповичемъ. Въ томъ то и состоитъ ошибка всѣхъ этихъ краснобаевъ и мнимыхъ реформаторовъ, Прудоновъ, Луи Блановъ, Герценовъ и прочихъ, что они воображаютъ, что открыли окончательную формулу соціальнаго контракта, долженствующаго осчастливить весь родъ Человѣческій, и полагаютъ что одного поколѣнія удачно руководимаго, достаточно для осущест-

ствленія ихъ замысловъ. Нашъ вѣкъ еще не созрѣлъ до яснаго опредѣленія того, что нужно создать. Мы, какъ сквозь густой туманъ, видимъ одни слабые очерки того что когда то *должно быть*, и съ полнымъ сознаниемъ можемъ только указать на то, что тогда не *должно быть*, то есть на весь хламъ современныхъ предразсудковъ и учреждений, какъ то: *авторитеты* духовныя, гражданскіе, юридическіе и военныя. Точно такъ же нелѣпо полагать, что одно поколѣніе можетъ начать и окончить громадную задачу перерожденія общества. Кому бы пришло въ голову, что сломка стараго строенія и возведеніе на томъ же мѣстѣ новаго зданія могутъ быть исполнены одними и тѣми же мастеровыми? Тутъ нужно чтобы были ломщики для разрушенія старыхъ стѣнъ, возчики для убиранія мусора, землекопы для копанія фундамента, коперщики для забивки свай, каменщики, плотники, столяры, стекольщики и такъ далѣе».

«Да вы тутъ архитектора забыли», — началъ было Петръ Васильевичъ, но восторженный юноша продолжалъ будто ничего не слышалъ...

«При возведеніи новаго общественнаго зданія каждая группа мастеровыхъ представляется инымъ поколѣніемъ, имѣющимъ каждое свою задачу. Если всякое поколѣніе добросовѣстно исполнитъ выпадающую на его долю работу, то зданіе воздвигнется стройное, гармоническое, неразрушимое, а потому, пусть старается каждый о томъ какъ бы окончить свой урокъ, не останавливаемый тщетными мудрствованіями о томъ, что придется дѣлать слѣдующей смѣнѣ. На долю нашего поколѣнія выпалъ починъ гигантскаго предпріятія. Мы ни что иное какъ ломщики, такъ нечего намъ размышлять о томъ что будетъ; наша задача разрушать то что есть, ломать то что мѣшаетъ воздвиженію новаго зданія. Что именно ломать? спросятъ меня. Да все что мы видимъ, все что нынѣ существуетъ! Я торжественно отрекаюсь отъ всѣхъ застарѣлыхъ предразсудковъ. Для меня нѣтъ ни вѣры, ни правительства, ни семейства, ни права собственности въ нынѣ существующей формѣ. Все это старье, отцовское наслѣдство, насильственно привитые обряды, а не самобытныя учрежденія свободныхъ народовъ. Что же останется послѣ нашей работы, что мы передадимъ слѣдующему поколѣнію? А вотъ что останется: Широкое, необозримое разгульное поле, очищенное отъ предразсудковъ, авторитетовъ, и всякаго рода рабскихъ учреждений, готовое для начертанія плана будущаго зданія. Вотъ что мы оставимъ грядущему люду! Найдутся послѣ насъ и землекопы и каменщики и маляры и золотильщики; они въ свое время сдѣлаютъ каждый свое дѣло, а мы, по мѣрѣ

силъ и возможности, займемся рѣшеніемъ нашей задачи. Отвѣтимъ непоколебимымъ и громкимъ: НѢТЪ! на всякое утверженіе объ обязательной силѣ законовъ духовныхъ, гражданскихъ, отношеній семейныхъ, общественныхъ; разберемъ, камень за камнемъ, всю груду старыхъ предрасудковъ и когда рухнется послѣднее укрѣпленіе за которымъ прячутся такъ называемые *власти*, то сами ляжемъ подъ развалинами, покроемся русскою землею какъ зеленымъ саваномъ, и скажемъ въ упованіе на потомство: *Наше дѣло сдѣлано!*»

«Едва Сидоръ Поликарповичъ произнесъ послѣднія слова, какъ сидящій возлѣ него Поликарпъ Сидоровичъ бросился ему на шею, и обнялъ его со слезами радости на глазахъ. Мнѣ таки признаться, тоже плакать хотѣлось, но не отъ радости, а отъ глубокаго, сердечнаго сожалѣнія о такой высоко одаренной интеллигенціи, безвозвратно пропавшей вслѣдствіе дурныхъ примѣровъ и ложнаго направленія.

«Нѣсколько драматическое изліяніе восторга Поликарпа Сидоровича послужило сигналомъ, что засѣданіе кончено. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, и Петръ Васильевичъ увидѣвъ, что я сталъ отыскивать свою шляпу, подошелъ ко мнѣ. Ему видно совѣстно было за своего гостя и пожимая слегка плечами, онъ мнѣ сказалъ: «извините», не думая уже спросить меня, не присталь-ли я къ числу его *«единомышленниковъ»*.

«Съ такимъ впечатлѣніемъ о настроеніи умовъ приверженцевъ Герцена, я выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Не смотря на запутанность мыслей этихъ господъ, тутъ таилась огромная сила. Слѣдуя совѣтамъ «Колокола», во многихъ мѣстахъ образовались тайныя общества съ цѣлью заняться пропагандою революціонныхъ мыслей; что то таинственное готовилось съ судорожною поспѣшностью; и я не мало не удивился когда одинъ изъ моихъ петербургскихъ корреспондентовъ въ сентябрѣ 1862 года писалъ мнѣ: «мы здѣсь живемъ въ атмосферѣ столько же душной, какъ предшествующая страшной грозѣ. Все тихо, ничего не шевелится, но какъ то дышится съ трудомъ. Чего всѣ боятся, никто сказать не можетъ; то чего должно опасаться не имѣетъ никакой определенной формы, но всѣ чувствуютъ что какая-то бѣда приближается неудержимыми шагами».

1815. Прогрессъ въ Россіи.

Петербургскій профессоръ Павловъ ¹⁾ за какую-то лекцію высланъ на жительство въ губернской городъ подъ надзоръ полиціи.

Въ газетахъ мы прочли съ удовольствіемъ расширеніе привилегій долгоруковского застѣника: журналы и альманахи должны посылаться въ эту шпионницу такъ же, какъ въ цензуру.

Не безъ радости также узнали мы, что старшій чиновникъ III Отдѣленія Туруновъ ²⁾ сдѣланъ членомъ (вѣроятно, тайнымъ) министерства внутреннихъ дѣлъ. Мы очень благодарны, что русскія газеты обличаютъ имена доблестныхъ людей, служащихъ отечеству и чести въ III Отдѣленіи. ¹

◆◆ 1. 18 марта 1862 г. всѣмъ губернаторамъ было приказано обратить особое вниманіе на личный составъ своихъ канцелярій и возложить производство секретныхъ дѣлъ только на такихъ лицъ, которыя имѣютъ «правильныя понятія о служебномъ долгѣ», — иначе неизбѣжно опубликованіе въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ секретныхъ распоряженій правительства (Архивъ мин. вн. дѣлъ 1862 г., дѣло канц. № 125).

1816. «Взглядъ на дѣла Россіи» Н. Тургенева, Лейпцигъ, 1862.

Николай Ивановичъ Тургеневъ, старѣйшій и самый неутомимый врагъ крѣпостного состоянія, сорокъ три года тому назадъ, въ 1819 году, подавалъ императору Александру I записку объ ограниченіи помѣщичьей власти, рѣзко и благородно высказывая свое мнѣніе о крѣпостномъ правѣ. Александръ, какъ всегда, былъ тронутъ, хотѣлъ сдѣлать многое и не сдѣлалъ ничего. Прошло сорокъ лѣтъ, и *что-нибудь* сдѣлалъ другой государь; «мои надежды меня не обманули: мнѣ дано было дожить», — такъ заключаетъ Николай Ивановичъ свое предисловіе, — «и быть свидѣтелемъ святого дѣла освобожденія русскихъ крестьянъ; я надѣюсь также дожить и до уничтоженія въ Россіи тѣлесныхъ наказаній и увидѣть, что и это постыдное пятно будетъ смыто съ моей родной земли».

Съ уваженіемъ прочтутъ всѣ люди, любящіе Россію, послѣднюю театръ «Заграничнаго Сборника».

¹⁾ Платонъ Васильевичъ. Дѣло его см. въ моей книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

²⁾ Михаилъ Николаевичъ, потомъ сенаторъ.

1817. Письма, отвѣты, поправки и пр. (Реутъ, Латышевъ).

Одинъ корреспондентъ упрекаетъ насъ въ непослѣдовательности, основываясь на томъ, что мнѣніе Огарева о закрытіи университетовъ вовсе не сходится съ мнѣніемъ составителя полуофициальной записки, помѣщенной нами въ «Колоколъ». Корреспондентъ нашъ еще больше разсердится, увидя доносъ московскихъ профессоровъ на студентовъ и Тучкова, не только не согласный съ мнѣніемъ нашимъ, но и совершенно противоположный ему. Какъ же почтенный корреспондентъ не подумалъ, что мнѣніе, высказанное Огаревымъ,—мнѣніе *наше*, мнѣніе нашихъ друзей, «Колокола», а въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для составленія исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II» входятъ весьма разные *документы*? Изъ двухъ помѣщенныхъ записокъ одна была читана въ комитетѣ министровъ и отличается необыкновенно умнымъ и яснымъ изложеніемъ,—ее приписываютъ Кавелину ¹⁾; мы ее считаемъ очень замѣчательнымъ матеріаломъ, особенно, если ее сравнить съ *лифландой* московскихъ жандармовъ науки и квартальныхъ просвѣщенія.

Въ блаженные времена, когда за литературой, наравнѣ съ публичными женщинами, смотрѣлъ оберъ-полицмейстеръ, и этотъ оберъ-полицмейстеръ былъ извѣстный своею простотою Рылѣевъ ²⁾, какой-то мартинистъ написалъ «назидательную бесѣду христіанина съ аееемъ» ³⁾; само собою разумѣется, что аеи былъ дуракъ, христіанинъ — умный, и еще болѣе разумѣется, что онъ разбилъ его наповаль. Рукопись свою благочестивый препинатель отдалъ Рылѣеву. Рылѣевъ прочиталъ, былъ очень доволенъ, что религія восторжествовала, но подписалъ: «все, что говоритъ аеи, богопротивно, а потому выпустить, остальное же къ печати дозволяется».

Мы не согласны съ методомъ Рылѣева и въ доказательство упомянемъ еще о двухъ письмахъ.

Одно написано въ защиту Реута или, лучше, въ отвѣтъ на нашъ вопросъ: правда ли, что онъ держалъ въ тюрьмѣ больше года своего крестьянина? Корреспондентъ говоритъ, что дѣло было не такъ, что мировой посредникъ Молодзяховскій былъ не въ ладахъ съ Реутомъ; что крестьянинъ имѣнія Варково, фольварка Ксаверикова, по имени Берпъ, былъ одержимъ падучей болѣзью, которая впослѣдствіи стала переходить въ бѣшенство, отъ котораго его лѣчилъ докторъ Шукевичъ. Крестьяне фольварка, тяготясь больнымъ, сковали его и *подбросили* въ контору; пока спрашивали, что съ нимъ дѣлать, у главнаго управляющаго, наѣхалъ мировой посредникъ и пр.

Другое письмо о г. *Латышевѣ* мы оставляемъ до слѣд. листа.

¹⁾ Въ № 119—120 и въ «Письмахъ Кавелина и Тургенѣва къ Герцену».

²⁾ Никита Ивановичъ, при Екатеринѣ II.

³⁾ Т.-е. атеистомъ.

1818. Прогрессъ въ почтѣ.

Письмо изъ Петербурга съ деньгами, посланное 9 октября, пришло въ Варшаву 18 числа. Отчего изъ Мадрида въ Варшаву письма проходятъ скорѣе, чѣмъ изъ Петербурга? Отъ Варшавы до Петербурга 1075 верстъ, 500 верстъ (до Динабурга) желѣзная дорога. Правда ли, что посылки изъ Петербурга на одну изъ подмосковныхъ станцій, лежащихъ по направлѣнію желѣзной дороги, доходятъ по адресу недѣли черезъ двѣ?

Къ этимъ домашнимъ дѣламъ почтоваго прогресса мы прибавимъ шутку его, выходящую изъ границы не только имперіи, но и приличій Франкированныхъ письма въ Лондонъ очень часто не вѣрятъ въ свое освобожденіе и являются здѣсь снова обязанными платить оброкъ почтовому вѣдомству.

Милая разсѣянность!

Это намъ напоминаетъ купальню въ одномъ французскомъ городѣ на одной половинѣ было написано «для дамъ», на другой «для мужчинъ», а въ серединѣ на досчечкѣ: «on ne recoit pas de distractions» ¹⁾!

Что бы почтовому вѣдомству завести марки или вывести воровъ?

1819. [Смерть гр. А. Замойскаго].

Что значить, что вслѣдъ за правительственнымъ отрицаніемъ пытокъ Александра Замойскаго, газеты извѣщаютъ о его кончинѣ отъ истязаній? Не скажете ли намъ этого юный и обильный надеждами Крыжановскій? ²⁾

1820. Письмо къ М. К. Рейхельт.

25 марта
6 апрѣля 1862.

Съ высоты 50 лѣтъ пишу вамъ. Итакъ, старость, старость официальная—и скоро финаль...

Полстотѣлія!

И четверть,—какъ мы съ вами познакомились.

Вчера вечеромъ, т.-е. сегодня,—я продолжаю,— какъ разъ кстати явился Куманинъ отъ Егора Ив.; привезъ портреты Ив. Алек. и Луизы Ивановны и отъ него письмо, въ которомъ не мало

¹⁾ Разсѣянность не допускается!

²⁾ Николай Андреевичъ, исправлявшій должность варшавскаго генераль-губернатора.

забавнаго; напр., Егоръ Иван. жалуется на *блудную* жизнь Зонненберга, которому стукнуло 85 л.; пишетъ, что Вѣра Артам. слаба, — ей 96. Но *la fine fleur* ¹⁾ — это, что Тат. Пет. ему сказала, что я очень хотѣлъ выдать Тату за ея сына и жалѣю, что не удалось.

Каково на старости лѣтъ вру вретъ тетушка-племянница ²⁾?

Бой-баба... Излишняя материнская любовь мнѣ ненавистна была всегда.

А десять лѣтъ тому назадъ, помните, какъ я проводилъ рождение? Васъ ждали въ Ницу... Ну, вотъ и все.

Прощайте.

Пошлите прилагаемую записочку Егору Ивановичу.

Знаете ли вы, что дѣлается въ *Russland*'ѣ? Константинъ Никол. управляетъ всѣмъ, Алекс. кушаетъ и ѣздитъ на охоту.

Я васъ вотъ о чемъ прошу: пошлите Егору Ив. эту записку просто съ своей припиской, — я убѣдился, что это ничего. Да попросите, чтобъ васъ увѣдомили о полученіи.

Усердный богомолецъ. ¹

◆◆ 1. 25 марта 1862 г. министръ вн. дѣлъ разослалъ всѣмъ губернаторамъ слѣдующій секретный циркуляръ: «По случаю испрашиваемаго передвиженія небольшихъ воинскихъ командъ въ губерніяхъ, сдѣлано было сношеніе съ военнымъ министромъ, который отозвался, что начальники губерній, на основ. 411 и 412 ст. II т. Св. Зак. Гражд. (изд. 1857 г.) и 456—467 ст. ч. III кн. I Св. Воен. Пост. (изд. 1859 г.), имѣютъ полное право распорядиться командированіемъ незначительныхъ командъ. Посему и имѣя въ виду, что при настоящемъ положеніи дѣлъ весьма часто можетъ встрѣчаться надобность въ настоятельной помощи войскъ для поддержанія порядка и спокойствія среди крестьянскаго населенія и что въ подобныхъ случаяхъ испрошеніе мѣстными гражданскими губернаторами всякій разъ особыхъ разрѣшеній на перемѣщеніе войскъ влечетъ за собою чувствительную потерю времени, могушую имѣть неблагоприятныя послѣдствія, ген.-адъют. Милютинъ отъ 6 марта с. г. проситъ сообщить начальникамъ губерній, дабы они въ точности руководствовались приведенными статьяями законовъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы о каждомъ вынужденномъ передвиженіи командъ были въ то же время поставлены въ извѣстность частныя

¹⁾ Лучшій номеръ.

²⁾ Т. П. Пассекъ была племянницей Герцена, но, будучи старше годами, называлась «тетушкой».

начальники войскъ, а также сообщаемо было прямо въ военное министерство для всепод. доклада государю императору. Раздѣляя вполнѣ, съ своей стороны, таковой отзывъ воен. министра, увѣдомляю о семъ для должнаго въ потребномъ случаѣ исполненія» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 63).

1821. Солидарность съ нѣмцами.

Русское войско было опозорено образчиками, высланными на похороны славянскаго палача Виндишгреца ¹⁾... Бѣдное русское войско! Отчего Англія, отчего Франція не посылають никакихъ депутатовъ хоронить Гейнау ²⁾, Виндишгреца и подобныхъ имъ изверговъ въ бѣломъ мундирѣ, а русскій кейзеръ посылаетъ?

1822. Преступные мальчишки въ Твери.

Въ тверской гимназiи былъ 16 февраля спектакль и танцевальный вечеръ. Между танцующими была жена капельмейстера, который дирижировалъ оркестромъ. Жены подьячихъ и разночинцевъ, помѣщицы и офицерши нашли несомнѣннымъ съ ихъ высокимъ общественнымъ положеніемъ участіе въ балѣ жены капельмейстера. Мерзавцы школьники благороднаго шляхетскаго происхожденія «подошли къ дамѣ и требовали, чтобы она вышла вонъ. Бѣдная женщина, униженная и испуганная ими, со слезами на глазахъ поспѣшила показать имъ билетъ въ свое оправданіе и, конечно, мало помогла дѣлу: ее грозили вывести, если она не выйдетъ добровольно. Скандаль обратился на себя общее вниманіе, и въ то время, когда дама съ своей сестрой выходила изъ зала, пансіонеры закричали: «Браво» ³⁾...

Этотъ отвратительный фактъ, сдѣланный именно въ теперешнюю эпоху, не долженъ пройти, не оставивъ позорнаго клейма на мерзкихъ мальчишкахъ и на еще больше мерзкихъ воспитателяхъ ихъ.

Кто были эти *будущіе* воры-чиновники, крѣпостники-помѣщики, которые подошли къ дамѣ съ наглой рѣчью? кто кричали «браво» слезамъ обиженной женщины? Несовершеннолѣтіе нисколько не покрываетъ ихъ, они поступили очень сознательно. Пусть же ихъ, какъ ядро каторжника, провожаетъ укоръ и порицаніе. Это облегчитъ однимъ изъ нихъ очиститься искусомъ и покаяніемъ, другимъ скорѣе попасть въ чиновники III Отдѣленія, сдѣлаться тиранами-помѣщиками или варварами-офицерами.

Мы просимъ списокъ негодяевъ.

¹⁾ Прославился жестокостію при подавленіи пражскаго возстанія 1849 г.

²⁾ Усмиритель венгерскаго возстанія 1849; извѣстенъ свирѣпыми казнями революціонеровъ въ гг. Арадѣ и Пештѣ.

³⁾ М. Тетяевъ, Тверь, 17 февраля (Изъ письма въ редакцію «Моск. Вѣд.»).

1823. (Брошюра Шедо-Ферроти).

Брошюра, вышедшая въ Берлинѣ у Бера подъ заглавіемъ «Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и пр.», дозволена въ Россіи и, говорятъ, сильно расходится. За такую услугу нашему дѣлу и лично мнѣ можно охотно подвергнуться гомеліямъ ¹⁾ автора письма Герцена «съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями». Снять виноградный листъ цензуры съ имени человека, это—полвозвращенія правъ гражданства; перестать быть на-мекомъ, крѣпкимъ словомъ, котораго въ печати не употребляютъ, равносильно побѣдѣ.

◆◆ 1. Атака велась всѣми силами купленныхъ «публицистовъ». 28 апрѣля 1862 г. министръ просвѣщенія Головинъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что государь разрѣшилъ продавать находившіеся въ комитетѣ иностранной цензуры экземпляры изданной въ 1859 г. стат. совѣтниками Елагинымъ и Дягилевымъ книги «Искандеръ Герценъ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 237).

3 января 1862 г. Головинъ представилъ государю первый опытъ извлеченія изъ русскихъ журналовъ и газетъ по образцу составлявшихся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Александръ II написалъ на немъ: «прошу и впредь также продолжать». Извлеченія представлялись почти черезъ день. 8 марта оно было посвящено «Отцамъ и дѣтямъ» Тургенева. 26 мая приведена была статья изъ № 32 «Дня», гдѣ, между прочимъ, было сказано: «признавая за каждымъ безусловное право на свободу рѣчи изустной и печатной, мы полагаемъ» и т. д. Царь противъ этого написалъ: «не слѣдовало бы пропускать, ибо подобное право у насъ не признается, и не можетъ быть признано»... а вверху помѣтилъ: «долженъ сдѣлать опять замѣчаніе за слабость цензуры». 31 мая представлена была статья изъ № 113 «Нашего Времени» о прокламаціяхъ. Царь написалъ: «статью я признаю дѣйствительно благонамеренною». 26 іюля была представлена «Замѣтка» Каткова объ издателяхъ «Колокола», а 4 сентября—«Письмо провинціала» изъ № 188 «Нашего Времени», но ни на этихъ извлеченіяхъ, ни на другихъ, посвященныхъ статьямъ газеты Павлова, очень много рѣчиво писавшаго о Герценѣ, царь не сдѣлалъ никакихъ надписей (бумаги А. В. Головина въ Россійской Публичной библіотекѣ).

¹⁾ Homélie—проповѣдь, поученіе.

1824. Отъ издателей.

Сорокъ одинъ фунтъ пять шиллин. для извѣстнаго назначенія съ величайшей благодарностью получили.

1825. Письмо къ И. С. Тургеневу.

11 апрѣля. 1862.
Orsett House, Westb. terrace.

Отче Иоаннѣ (въ звательномъ, чай, те не надо?)!

Записку эту тебѣ доставитъ благороднѣйшій и добрѣйшій докторъ медиц. и армянинъ *Налбандовъ* ¹⁾. Прими его мило; онъ вполне заслуживаетъ. Онъ недавно былъ въ Калькутѣ и теперь ѣдетъ въ татаро-финскій городъ Moscow.

Пишу я, между прочимъ, вотъ почему. Нѣкій Куманинъ сказалъ мнѣ, что Кавелинъ въ Парижѣ. Что же это значитъ, что онъ не пишетъ? Отдай ему прилагаемую записенку,—пожалуй, пошли съ Налбандовымъ. ¹⁾

На тебя мнѣ былъ доносъ, что ты нѣмцевъ хвалишь. Что съ тобой? Ты пополощись боявленской водицей.

Изъ Москвы, что ни вѣсть,—подарокъ... У Кетчера былъ soirée, на которомъ кто-то осмѣлился что-то сказать противъ Чичер. К—ръ изгналъ его изъ храма своей. Ев. Коршъ сдѣлался Топильскимъ при Чич... и пр.... и пр.

Кавелинъ долженъ знать, правда или нѣтъ.

А читалъ ли ты статью противъ Ферро-Шедоти въ «Свобод. Словѣ»? ²⁾

День Троицынъ проходитъ,
Мальбука нѣтъ, какъ нѣтъ ³⁾,

а Бакунинъ все вѣритъ еще ⁴⁾.

◆◆ 1. На записку Герцена Кавелинъ отвѣчалъ изъ Парижа 18 апрѣля: «Черезъ мѣсяцъ, много полтора, я у васъ, друзья.

¹⁾ Михаилъ Лазаревичъ Налбандянъ.

²⁾ «Beau masque» (Прекрасная незнакомка), въ № 2.

³⁾ Изъ анонимной франц. пѣсенки «Мальбрукъ въ походъ собрался».

⁴⁾ Т.-е. вѣритъ въ скорый прїѣздъ Тургенева въ Лондонъ. ²⁾

Много нужно переговорить; пока некогда». «Читаете ли вы «Nord» и новости, которыя онъ сообщаетъ въ послѣднее время о преобразованіи государственнаго совѣта, о составленіи министерства и т. д.? Если не читаете, прочтите. Есть данныя, по которымъ кажется, что эти слухи и вѣсти не лишены основанія. Не знаю, что вы скажете, а эта игра въ конституцію меня пугаетъ такъ, что я ни объ чемъ другомъ и думать не могу. Разбѣсять дворяне мужиковъ до послѣдней крайности, увѣрять ихъ своимъ псевдо-либеральнымъ балагурствомъ, что они, дворяне, въ самомъ дѣлѣ затѣвуютъ что-то противъ царя,—и пойдетъ потѣха. Это ближе и возможнѣе, чѣмъ кажется. Наше историческое развитіе страшно похоже на французское; не дай богъ, чтобы результаты его были также похожи, а чего добраго, дворянство своимъ безразсудствомъ, правительство своимъ безуміемъ, просвѣщенное большинство своимъ доктринаризмомъ и отсталостью приведутъ къ тому. Я скоро à la Swerbejeff буду всѣми силами стоять за существующій безпорядокъ, т.-е. за всѣ реформы, но противъ конституціи. Дурачье не понимаетъ, что ходить на угольяхъ, которыхъ не нужно расшевеливать, чтобы не вспыхнули и не произвели взрыва. Но кому суждено погибнуть, тотъ сперва обезумѣетъ, это извѣстное дѣло. Я никоимъ образомъ не могъ сообщить тебѣ отвѣта по твоему порученію къ братьямъ Б—на. О затруднительномъ его положеніи дано имъ знать,—это совершенно вѣрно; но никакого отвѣта не было получено, и такъ до сихъ поръ. Очень жалѣю объ этомъ господинѣ (М. А. Бакунинѣ—*М. Л.*), но, сознаюсь тебѣ, мало ему довѣряю и ничего путнаго отъ него не жду. Ушелъ онъ изъ Россіи нехорошо, нечестно. И зачѣмъ, собственно, ушелъ? Что же онъ будетъ дѣлать? Манифесты и воззванія писать? Это старо и никто изъ-за нихъ пальца не ударить о палець. Безбородые юноши, и тѣ читаютъ ихъ холодно. Теперь не воодушевить ими никого. Не то нужно.

«Огарева обнимаю. Записки, которыя онъ получилъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ, я знаю. Это—только мнѣнія и объ нихъ писать нечего. Вопросъ страшно затягивается и конца ему не видать, потому что дорѣзались въ немъ до сути, до живого, до организации судебной власти. Пока правительство не посмотритъ на дѣло прямо и честно (а до этого долго ждать), до тѣхъ поръ не сладить ему съ судоустройствомъ. Крѣпко и здорово устроенный судъ да свобода печати, да передача всего, что прямо не интересуетъ единства государства, въ управленіе мѣстнымъ жителямъ—вогъ на очереди три вопроса. Ими бы слѣдовало заняться, вмѣсто игры въ конституцію. За разрѣшеніемъ ихъ конституція

пришла бы сама собою, какъ, необходимое послѣдствіе, dans une couple d'années ¹⁾)» («Письма», 45—48).

Выѣзжая за границу, Кавелинъ получилъ отъ Сигизмунда Сѣраковскаго письмо, датированное 1 марта 1862 г., на имя Владислава Неголевскаго, Карла Либельта и Александра Гутри, найденное позже въ бумагахъ гр. Дзялынскаго:

«Многоуважаемые господа и братья! Послѣ долгаго молчанія, другъ ген.-аудитора Флека посылаетъ вамъ поклоны и братски васъ обнимаетъ. Письмо это вручить вамъ проф. Кавелинъ,—человѣкъ, подобнаго которому вы не найдете между вашими братьями. Онъ нашъ истинный одномыслящій другъ: онъ стоитъ за федерацію, которая въ настоящее время едва ли возможна; впрочемъ, во многихъ пунктахъ я не согласенъ съ его намѣреніями; но во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ уважать и любить, какъ одну изъ самыхъ симпатичныхъ личностей. По моему мнѣнію, онъ болѣе пессимистъ и видитъ все въ чрезъ мѣру мрачномъ цвѣтѣ. Онъ здѣсь другъ всѣхъ насъ, сотрудниковъ прежней редакціи «Слова». Кавелинъ, какъ одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей великорусскихъ, имѣетъ полное право разсчитывать на ваше знакомство. Онъ въ продолженіе 20 лѣтъ боролся и оказывалъ влияніе и сталъ во главѣ умственнаго движенія въ своемъ отечествѣ. Онъ вполнѣ понимаетъ критическую сторону настоящихъ обстоятельствъ, но, какъ вообще всѣ подобныя ему люди, признавая необходимость посѣва, въ то же время мало вѣруетъ въ возможность скорого урожая... Кавелинъ желалъ бы въ Парижѣ познакомиться съ лицами, которыя имѣли бы для него цѣну и которыя были бы вашихъ убѣжденій. Я снабдилъ его только письмами къ Миловичу, находящемуся, вѣроятно, теперь въ Гейдельбергѣ, и къ Галензовскому. Людвигъ весьма мало уважаетъ чужія убѣжденія. Если бы Миловичъ былъ въ Парижѣ, то онъ могъ бы предупредить Людвигъ о посѣщеніи Кавелина, иначе они не поймутъ другъ друга. Я передалъ Кавелину, что лучшее общество оставило теперь Парижъ, знакомство съ односторонними людьми для него бесполезно. Если же вы, познакомившись и переговоривъ съ Кавелинымъ; найдете умѣстнымъ сблизить его съ кѣмъ-либо изъ вашихъ друзей въ Парижѣ, то прошу васъ снабдить его письмами; равно прошу васъ дать Кавелину письмо къ Смолкѣ и его товарищу въ Вѣнѣ, съ которыми онъ также желаетъ познакомиться. Такъ какъ Кавелинъ—другъ петербургскаго «Слова», то онъ съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ смотритъ на издаваемое въ

¹⁾ Черезъ два-три года.

Лембергъ «Слово»; поэтому было бы желательно познакомить его съ лембергскими представителями».

Вѣдя слѣдствіе по дѣлу Сфраковскаго (1863 г.), жандармы бросились за Кавелинымъ, выѣхавшимъ за границу 3 марта 1862 г. Оказалось, что его не было въ СПб., но «швейцаръ университета старикъ Савельичъ отозвался, что онъ его ожидаетъ со дня на день и что у него хранятся всѣ письма, получаемыя въ СПб. на имя Кавелина». Конечно, письма эти очень интересовали III Отдѣленіе; «казалось бы полезнымъ вытребовать ихъ осторожнымъ и ловкимъ образомъ чрезъ начальство университета»—гласить агентская справка отъ 26 іюня 1863 г. 24 іюля Кавелинъ вернулся въ СПб. съ женой и дочерью на пароходѣ. Любопытна справка отъ 30-го: «Жена Ді В. Стасова (служившаго въ сенатѣ), еще будучи невѣстою, говорила одному лицу, что Стасовъ, дѣлая ей предложеніе, объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что ему придется, быть можетъ, жертвовать собою и семействомъ, потому что онъ непременно вступить въ тайное общество, имѣющее цѣлью совершить переворотъ въ Россіи. Къ сему г-жа Стасова присовокупляла, что проф. Кавелинъ совѣтовалъ, однакожъ, мужу ея повременить до тѣхъ поръ присоединеніемъ къ тайному обществу, покуда онъ не предупредитъ его, что настала пора. Кавелинъ и Димитрій Стасовъ въ тѣсной дружбѣ». 2 августа самарскому жандарму было предписано имѣть негласное наблюденіе за Кавелинымъ, отправлявшимся въ Самару (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 206).

◆◆ 2. 24 апрѣля Бакунинъ писалъ Налбандову: «Да вытолкайте же его скорѣе изъ Парижа,—намъ смерть хочется съ нимъ повидаться, и я надѣюсь, что онъ пробудетъ съ нами никакъ не менѣе недѣли» (мои «Очерки освободительнаго движенія etc.», 76).

1826. Отъ редакціи.

Восемьдесятъ талеровъ съ извѣстнымъ назначеніемъ мы получили и благодаримъ.

1827. Письмо нъ И. С. Тургеневу.

21 апрѣля (1862).

Orsett House, Westbourne Terrace.

Во-первыхъ, ты на меня поклепалъ. Когда я отдалъ Налбандову письмо, твоей повѣсти не было въ Лондонѣ ¹⁾. Онъ прожилъ

¹⁾ «Отцы и дѣти» во II кн. «Русскаго Вѣстника».

еще три дня, и она пришла, я ее прочиталъ за присѣсть. Это—вещь, не такъ просто обсуживаемая; передамъ первыя впечатлѣнія—*sauf erreur omission* ¹⁾). Ты сильно сердился на Базарова, съ сердцовъ карикировалъ ²⁾ его, заставлялъ говорить нелѣпости, хотѣлъ его покончить «свинцомъ»—покончилъ тифусомъ, а онъ, все-таки, подавилъ собой и пустѣйшаго человѣка съ душистыми усами, и размазю отца и бланманже Аркадія ³⁾). За Базаровымъ мастерски очерченныя лица лѣкаря и его жены,—совершенно живыя и живущія не для того, чтобъ поддерживать твою полемику, а потому, что родились. Это—люди въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ кажется, что ты, какъ достолюбезный бреттѣръ, остановился на дерзкой, сломанной, желчевой наружности, на плебейско-мѣщанскомъ оборотѣ и, принявъ это за оскорбленіе, пошелъ далѣе. Но гдѣ же объясненіе, какимъ образомъ сдѣлалась его молодая душа черстой снаружи, угловатой, раздражительной?... Что воротило въ немъ назадъ все нѣжное, экспансивное?... Не книга же Бюхнера ⁴⁾)?

Вообще, мнѣ кажется, что ты несправедливъ къ серьезному, реалистическому, опытному воззрѣнію и смѣшиваешь съ какимъ-то грубымъ, хвастливымъ матеріализмомъ, но, вѣдь, это—вина не матеріализма, а тѣхъ «Неуважай-Корыто» ⁵⁾, которые его скотски понимаютъ. Идеализмъ въ нихъ также гадокъ.

Requiem на концѣ, съ дальнимъ аппрошемъ ⁶⁾ къ безсмертію души, хорошъ, но опасенъ: ты эдакъ не дай стречка въ мистицизмъ.

Вотъ на первый случай налету схваченное впечатлѣніе. Мнѣ кажется, что великая сила твоего таланта не въ *Tendenz-Schrift'*ахъ ⁷⁾. Если-бъ, писавши, сверхъ того, ты забылъ о всѣхъ Чернышевскихъ въ мірѣ, было бы для Базарова лучше. ¹

А прогос, я въ твоей запискѣ вовсе не понимаю, что за *desperatio* ⁸⁾ отъ того, что въ Москвѣ Чичеринъ, въ Петер.—Чернышев.? Слава Богу, у насъ на Руси столько людей, которые не читаютъ послѣд. и еще не слышали о существованіи другого, что жизнь идетъ внѣ редакцій двухъ журналовъ. Литература—важный

¹⁾ Оставляя за собою право исправленія ошибокъ и недосмотровъ.

²⁾ Т.-е. выставилъ въ смѣшномъ видѣ.

³⁾ Павелъ Кирсановъ, Николай Кирсановъ и молодой Кирсановъ, сынъ Николая.

⁴⁾ «Kraft und Stoff»—«Сила и матерія».

⁵⁾ Крѣпостной, принадлежавшій Коробочкѣ («Мертвыя души»).

⁶⁾ *Approche*—приближеніе.

⁷⁾ Тенденціозныхъ писаніяхъ.

⁸⁾ Отчаяніе.

органъ, но органъ. Я вовсе не намѣренъ складывать рукъ, когда офицеры сотнями подписываются противъ тѣлесныхъ наказаній ¹⁾, и рядъ глупыхъ проектовъ расшатаетъ существующее, предоставляя мѣсто... вамъ, какъ всякому... у кого есть силы и охота.

Теперь твой чередъ—оттаскай меня за статью противъ Каткова (въ «Колоколѣ», который завтра пошлю); семинарская дерзость свистуновъ мнѣ все еще возможнѣе этому себяобожанію и барству школярей. ²

Налбандовъ—очень и очень честный и хорошій человекъ. Не вели ему возить сюда желеу Б.-³⁾.

Затѣмъ прощай. Въ четвергъ я ѣду до понедѣльника въ St. Léopards ³⁾.

Прилагаемое письмо отдай Налб., если онъ не уѣхалъ. Если уѣхалъ, привези его съ собой (хотя я и увѣренъ, что ты не пріѣдешь) ⁴⁾.

◆ 1. 28 апрѣля Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа: «Милый А. И., немедленно отвѣчаю на твое письмо не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и въ то же время заявить, что при сочиненіи Базарова я не только не сердился на него, но чувствовалъ къ нему «влеченье, родъ недуга», такъ что Катковъ на первыхъ порахъ ужаснулся и увидалъ въ немъ *апостола* «Современника» и, вслѣдствіе этого, уговорилъ меня выбросить не мало смягчающихъ чертъ, въ чемъ я раскаиваюсь. Еще бы онъ не подавилъ собою «человѣка съ душистыми усами» и другихъ! Это—торжество демократизма надъ аристократіей. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виновнымъ передъ Базаровымъ и не могъ придать ему ненужной сладости. Если его не полюбятъ, какъ онъ есть, со всѣмъ его безобразіемъ, значитъ, я виноватъ и не сумѣлъ сладить съ избраннымъ мною типомъ. Штука была бы неважная представить его идеаломъ, а сдѣлать его волкомъ и, все-таки,—это было трудно; и въ этомъ я, вѣроятно, не успѣлъ. Но я хочу только отклонить нареканіе въ раздраженіи противъ него. Мнѣ, напротивъ, сдается, что противное раздраженію чувство свѣтится во всемъ, въ его смерти и т. д. Но *basta così*; увидѣвшись, поговоримъ болѣе» («Письма», 146).

¹⁾ Въ № 85 «Сѣв. Пчелы» напечатанъ протестъ 106 офицеровъ противъ статьи свѣтл. князя Э. Зайнъ-Витгенштейна-Берлебурга въ «Воен. Сборникѣ», защищавшей тѣлесныя наказанія въ арміи.

²⁾ М. А. Бакунинъ.

³⁾ Мѣстечко въ графствѣ Суссексъ.

⁴⁾ Письмо было адресовано гр. Е. В. Салиасъ де-Турнемиръ, которая и получила его отъ Тургенева, пріѣхавъ въ Парижъ.

2. Въ январской книжкѣ «Современника» («Свистокъ») Чернышевскій укололъ Герцена слѣдующими строками: «Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ, а такъ какъ литература служитъ отраженіемъ жизни, то значить, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь. Но едва мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ жилахъ отъ ужаса: что скажетъ о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, если бы вознегодовалъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе пылкій, который такъ и крикнетъ: «very dangerous!» и назоветъ меня «окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ» или «ископаемымъ кандидатомъ». Въ самомъ дѣлѣ, какая безразсудная забывчивость бездушнаго скептицизма! какъ могъ я забыть, что въ эти пять лѣтъ свершено освобожденіе крестьянъ!»

1828. Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма. ¹

Studiate la matematica e lasciate le donne! ¹⁾

Совѣтъ, данный Ж.-Ж. Руссо
маленькою итальянкой.

Вы, господа, не призваны къ *живой жизни*, вамъ не понятенъ ея странный, нестройный голосъ; вы слишкомъ хорошо знаете генералъ-басъ, чтобы вынести ея диссонансы, и умно дѣлаете, что не бросаетесь въ море, закипающее около васъ; но зачѣмъ же вы другихъ смущаете? Книжники почти всегда, вездѣ держатся въ сторонѣ отъ тревоженій житейскихъ; не они дѣлаютъ исторію, они ее только пишутъ и являются послѣ битвы съ своимъ фонаремъ осмотрѣть раны павшихъ, сдѣлать опись покинутого имущества и мудро разсудить, отчего побитые побиты, а побѣдители взяли верхъ, будущимъ поколѣніямъ въ наученіе, современнымъ въ назиданіе. Исторія, это—Мольеровъ мѣщанинъ ²⁾, говорящій живо, краснорѣчиво иногда, но не знающій, что онъ говоритъ прозой; ученые историки не говорятъ въ этомъ шумѣ и гамѣ, похожемъ на извѣстную рыночную сцену въ «Севильскомъ цырюльникѣ», но знаютъ, что Журденъ говорилъ прозой. Все это въ порядкѣ вещей, но надобно честь знать. Нельзя же позволить книжникамъ, ка-

¹⁾ Изучайте математику и бросьте женщинъ!

²⁾ Изъ его комедіи «Bourgeois gentilhomme» главнѣе дѣйствующее лицо—Журденъ.

кими бы сановниками они ни были, сбивать съ толку своей школьной контраверзой ¹⁾ и общественное мнѣніе, и людей, идущихъ на жизнь и смерть, людей, готовыхъ на казематы и Сибирь; нельзя имъ позволить праздно таскаться по лагерю Валленштейновымъ капуциномъ, нагоняя схоластической дичью тоску и недовѣріе на ратниковъ ²⁾. Подъруку человѣку, сосредоточенному на одномъ дѣйствиі, можетъ говорить или личный врагъ его, или врагъ дѣла, или человѣкъ, до того занятый собой, что не въ состояніи думать о другомъ. Крикните Блондена ³⁾, когда онъ середь каната, крикните ему изъ чистѣйшаго желанія показать, что вы знаете лучше его статику, а Блонденъ-то, все-таки, упадетъ.

Такой силы наши тузы журнализма не имѣютъ, но вредъ, приносимый ими, значителенъ. Въ личной жизни человѣка и въ извѣстная эпохи народной жизни есть кризисы и переломы, есть торжественныя минуты усилій и увлеченій, въ которыя нервы до того подняты и натянуты, что неумѣстно сказанное слово разстраиваетъ гармонію, разрушаетъ строй, бросаетъ подъ ноги полѣно.

— Но такое ли время теперь для Россіи?

Нѣтъ... этого вопроса не сдѣлаетъ, не можетъ сдѣлать *ни одинъ русскій* въ самомъ дѣлѣ! Каждый внутри своей груди, въ своей крови, въ волненіи, въ которомъ онъ живетъ, въ мучительномъ ожиданіи чувствуетъ, знаетъ—мыслью, любовью, ненавистью знаетъ. Замерзшій мозгъ въ панинской вершинѣ и изсушенные подъ бѣлымъ клобукомъ мозги Филарета *знаютъ и боятся*. Неужели же найдутся не Панины, не нѣмцы, а литераторы, журналисты, публицисты, до того *выучившіеся вонъ* изъ всякаго сочувствія съ поднимающей ихъ волной, что они не могутъ изъ-за случайностей, брызговъ, шероховатостей, безпорядка морскихъ зыбей разглядѣть величавый потокъ, захватившій и влекущій все: волостное правленіе, расколъ, университетъ, крестьянъ, дворянъ, суды, дворцы, царя?

Нѣтъ, это невозможно, до этого они не забыли родину. Вѣдь, и Филарету съ дѣтства надобно было изуродовать душу, надобно было семьдесятъ лѣтъ отучать его отъ всего живого, естественнаго, радостнаго, скоромнаго, чтобъ довести его, николаевскаго іерарха, до слезнаго сѣтованія и духовной защиты тѣлеснаго стеганія ⁴⁾.

¹⁾ Рѣчь, имѣющая цѣлью опроверженіе «иначе мыслящихъ».

²⁾ См. «Лагерь Валленштейна» Шиллера.

³⁾ Знаменитый въ свое время канатоходець.

⁴⁾ Мнѣніе Филарета въ защиту тѣлесныхъ наказаній см. «Колоколъ» л. 130 и въ ч. I т. V «Собранія мнѣній и отзывовъ etc.», М., 1887 г.

Зачѣмъ же берутъ на себя люди скучную до безконечности роль резонеровъ старыхъ комедій trouble-fête ¹⁾, мухъ въ бокалѣ съ виномъ, тяжелыхъ гостей въ дружеской бесѣдѣ?

Зачѣмъ эта натянутая брюзгливость, эта начальническая раздражительность? Зачѣмъ они такъ распускаются, наши почетные попечители общественнаго мнѣнія, наши Гизо Леонтьевскаго переулка и гнействующие Кузены ²⁾? Зачѣмъ это важничаніе нѣмецкихъ гувернеровъ, свысока смотрящихъ на молодежь въ пансіонахъ, потому что она молода, и потому что она состоитъ изъ русскихъ?

Добрѣйшіе педели нашего просвѣщенія, оберъ-нахъ-шнейдеры ³⁾ нѣмецкой науки, подумайте, нельзя же вносить всѣхъ привычекъ и всѣхъ пріемовъ школьнаго учителя въ окружающую вась жизнь. Знаемъ мы, что каѳедральныя занятія неволью передаютъ человѣку что-то дидактическое и назидательное, поучающее съ властью и внушающее со строгостью въ формахъ и рѣчахъ. Купаясь въ рѣкѣ, можно узнать учительствующаго ученаго такъ же легко, какъ военнаго фронтовика, статскаго чиновника и соединяющаго въ себѣ обѣ службы—военнаго и партикулярнаго портного.

Учитель по должности, потому, что онъ сидитъ на каѳедрѣ, потому, что ему платятъ за это, долженъ не говорить, *а поучать*, долженъ больше знать, чѣмъ ученики, и не только не скрывать, что больше знаетъ ихъ, но застрашивать своимъ непогрѣшительнымъ вѣдѣніемъ и безапелляціоннымъ авторитетомъ.

Внѣ школы этого тона вынести нельзя, особенно когда къ нему примѣшивается снисходительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сладострастное сознаніе своего превосходства. Этотъ тонъ рѣшительно больше возбуждаетъ отпора и озлобленія, чѣмъ всякая желчевая выходка и всякая злая иронія. Тамъ предполагается, что человѣкъ сердится, что онъ раздраженъ, можетъ быть, страдаетъ, можетъ, ему больно,—это примиряетъ. А тутъ, совсѣмъ напротивъ, въ каждомъ словѣ сквозитъ спокойное, олимпийское чувство самодовольства, готовое даже перегнуться въ скромность схимника, считающаго себя ниже червя и выше фельдмаршала. Это—какое-то платоническое наслажденіе самимъ собою, эпикурейское душееніе-ство, глядящее съ сожалѣніемъ на насъ смертныхъ, съ аттической солью шпыняющее надъ милліонами мелюзги, готовое и жалѣть ее, и журить, и поплакать объ ней; какъ плакалъ уми-

¹⁾ Нарушителей праздника.

²⁾ «Русскій Вѣстникъ» сначала былъ поклонникомъ программъ и взглядовъ Гизо и Гнейста.

³⁾ Шутливый намекъ на придуманное Герценомъ придворное званіе Н. А. Муханова—«оберъ-форшнейдеръ».

рающей Неронъ, думая, какого тенора лишится въ немъ римская имперія.

Къ этому фонд присоединяется еще берлинское нѣмцо-поклонство тридцатыхъ годовъ, вердеровскихъ ¹⁾ времяя и фатство-графа Нулина, *патріотически* радующагося, что «умы у насъ ужъ развиваться начинаютъ» ²⁾, и душевно желающаго, чтобъ à la fin des fins ³⁾ и мы «просвѣтились».

«Если со временемъ» — внушаютъ сенаторы — «разовьется у насъ политическая жизнь, и образуются партіи», тогда мы съ вами поговоримъ. До тѣхъ поръ, извините, великъ инструментъ, не по вашему мозгу.

«У насъ ничего нѣтъ похожаго на политическую жизнь. У насъ есть слова и нѣтъ дѣла... Наши кружки, наши партіи, ихъ борьба и ихъ сдѣлки, ихъ статьи и ихъ журналы,—все это явления воздушныя, все это—чистѣйшій обманъ, призракъ, пустота»

«Что пріятнѣе нашей жизни? Постоянная вѣчная игра! *Прежде* (вѣроятно, во времена Станкевича, Бѣлинскаго, Бакунина) *играли* въ философскія партіи, теперь *играютъ* въ политическія партіи» (Михайловъ? Обручевъ? высланные студенты? Убитый Лебедевъ? 13 мировыхъ посредниковъ въ казематахъ?.. Впрочемъ, и прежде были шалуны: 14 декабря *доигрались* они до висѣлицы...).

«Мы никогда не искали чести принадлежать къ какой-нибудь изъ *нашихъ* партій; не только къ эгимъ *шутовскимъ* партіямъ, но и къ партіямъ *серьезнымъ*, если бы онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть».

И это было сказано въ 1862, когда Михайловъ скованный шелъ въ Иркутскъ; когда дворянство нѣсколькихъ губерній порывается сбросить съ себя сословныя привилегіи, когда весь народъ русскій заявилъ еще разъ спокойно и твердо свое право на землю, когда московскіе профессора подали свой благородный протестъ противъ ссылки Павлова ⁴⁾, т. е. я ошибся: московскіе профессора послали доносъ Путятину, это петербургскіе профессора.—когда вся Русь поднимается отъ тяжелаго сна и идетъ на совершение судебъ, которыхъ главныя черты начинаютъ прорѣзываться изъ-за несущихся тучъ стѣсняющихся облаковъ, когда даже Зимній дворецъ приостановился и сталъ думать Думу.

¹⁾ Карлъ Вердеръ, нѣмецк. ученый и философъ, послѣдователь Гегеля.

²⁾ Перестановка словъ; у Пушкина: «...у насъ умы ужъ развиваться начинаютъ».

³⁾ Въ концѣ концовъ.

⁴⁾ Платонъ Васильевичъ.

Господа, *studiate la matematica e lasciate le donne!*

Ни микроскопъ, ни телескопъ вамъ не помогутъ, тутъ надобно имѣть *простые* глаза, а вы ихъ-то и испортили сѣрой нѣмецкой печатью. Лучше ужъ и не выходить изъ аула да изъ кабинета, а то какъ бы вамъ не пришлось опростоволоситься, какъ это случилось съ вашими предшествѣнниками, іерусалимскими профессорами богословскаго факультета,—и не услышать грозный упрекъ:

«Я былъ среди васъ, и вы Меня не узнали!»

— Да гдѣ? когда? Помилуйте!

Въ томъ-то и дѣло, что не узнали. Вы еще ждете мессію по *писаніямъ*, въ церковномъ облаченіи, въ сіяніи и торжествѣ, въ сопровожденіи самого Молилари ¹⁾, а онъ родился опять въ *овчарнѣ*. Мы согласны съ вами: что за мѣсто для потомка царя Давида—въ ясляхъ?

Да что жъ дѣлать! ¹

◆◆ 1. Съ началомъ пробужденія Россіи (1855 г.) и до 1862 г. русская печать была чиста отъ явно реакціонныхъ органовъ, если не считать «Домашней Бесѣды», которая, по отсутствію всякаго *сміянія*, и не можетъ итти въ счетъ, бывъ дѣломъ рукъ одного Аскоченскаго. Съ началомъ 1862 года общее согласіе, вообще, либеральной печати мѣняется и, соотвѣтственно большому отклоненію радикальныхъ органовъ («Современникъ» и «Рус. Слово») влѣво. вправо выдвигается реакціонная клика, во главѣ которой становится «Наше Время» Н. Ф. Павлова съ Б. Н. Чичеринымъ, авторомъ статей «Мѣра и границы» и «Что такое охранительная начала?». Этотъ первый реакціонный и подкупленный органъ, пользовался административной защитой настолько, что министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ 1 января 1862 г. предписалъ цензурнымъ комитетамъ «при разсмотрѣніи статей, заключающихъ въ себѣ возраженія противъ мнѣній проф. Чичерина, руководствоваться общими цензурными постановленіями, не позволяя въ этихъ статьяхъ ничего оскорбительнаго для личности г. Чичерина, на общемъ основаніи».

Какъ разъ въ это время вышла февральская книжка «Русскаго Вѣстника», редакторъ-издатель котораго М. Н. Катковъ также хотѣлъ опредѣлить и свое мѣсто въ дифференцировавшейся печати. Мѣсто это указывалось, съ одной стороны, напечатаніемъ въ той же книжкѣ «Отцовъ и дѣтей», съ другой,—статьей «Къ

¹⁾ Густавъ, ² бельгійскій экономистъ, долгое время былъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей».

какой мы принадлежимъ партіи?». Партія Каткова читателямъ извѣстна, а потому приведу изъ статьи лишь тѣ строки, которыя ясно устанавливали роль ея среди другихъ органовъ общественнаго мнѣнія.

«У насъ есть философы всѣхъ разрядовъ: и матеріалисты, и идеалисты, и всевозможные исты, хотя философіи у насъ еще не бывало. У насъ есть политическія партіи всѣхъ оттѣнковъ: консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты (даже не выговорить этого ужаснаго термина!), и демократы, и демагоги, и социалисты, и коммунисты; но у насъ нѣтъ ничего похожаго на политическую жизнь... Не только къ этимъ шутовскимъ партіямъ, но и къ партіямъ серьезнымъ, если-бъ онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть. Мы понимаемъ всю важность политическихъ партій тамъ, гдѣ онѣ являются дѣломъ серьезнымъ; мы готовы отдать должную честь органамъ политическихъ партій тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, и, однако, сами не согласились бы принять на себя обязанность служить органомъ какой бы то ни было партіи».

Эта статья въ связи съ сообщеніями изъ Москвы о роли Каткова и П. М. Леонтьева въ дѣлѣ московскаго университета и была причиною появленія статьи Герцена. На сообщеніе послѣдняго о предстоящей его статьѣ Тургеневъ замѣтилъ: «Если ты распекъ Каткова за его статью въ «Р. В.», то я рукоплещу тебѣ и съ наслажденіемъ прочту статью твою» («Письма», 147).

1829. («Indépendance»).

«Indépendance» говоритъ, что, несмотря на всѣ усилія Горчакова, *большинство* министровъ не хочетъ признавать Италіи. Кто не составляетъ это большинство за Бурбоновъ, за Австрію? Интересно знать нумера. Нѣмцы-то, нѣмцы-то—дядья, сватья, шурины да девери, какъ гиря, стягиваютъ петербургское правительство.

1830. [Изъ дневника].

27 апрѣля 1862.
Sevenoaks.

Еще два года... на-дняхъ мнѣ было пятьдесятъ лѣтъ, на-дняхъ будетъ десять лѣтъ послѣ 2 мая 1852. Какъ въ позднюю осень, короткіе дни становятся свѣтлѣе, сухо, прозрачнѣе, не такъ мѣшаетъ листь—роза подмерзла, и даль видна съ своими исчезаю-

щами, холодными горизонтами и очерками еще покрытых... ¹⁾, какъ саваномъ.

...²⁾ Sevenoaks было первое загородное мѣсто, первый огромный паркъ, которые я видѣлъ; тамъ встрѣтилъ я R. Owen'a—и этому почти уже 10 лѣтъ (это было поздней осенью 1852).

... Тишина! сельская тишина, знакомая намъ, русскимъ; дальній видъ, лѣса и много солнца,—для насъ это роскошь; мнѣ было такъ легко, успокоительно на эту минуту; мнѣ даже казалось возможнымъ наше возвращеніе въ Россію,—что я написалъ эти строки.

1831. Отвѣты М. И. Михайлова.

Сенаторы и, вообще, сановники были до настоящаго времени мало рѣчисты; они представляли молчащій хоръ, обои, почетную обстановку самодержца всероссійскаго, безсловесныя орудія, которыми онъ дрался. Въ его присутствіи они не смѣли говорить; въ его отсутствіе съ ними не смѣли говорить никто, кромѣ равныхъ до чину, а тѣмъ нечего было сказать.

Но времена двигаются впередъ, а съ ними двигаются вперёдъ и наши сенаторы. И вотъ намъ удалось на *sea side* ³⁾ встрѣтить усовершенствованнаго сенатора съ даромъ слова, съ *репетиціей*. Последній русскій сановникъ, котораго я видѣлъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, сановникъ первой величины, былъ Викторъ Панинъ, сидѣвшій согнувшись въ *каретъ* на пароходѣ. Прогрессъ огромный: Панинъ все молчалъ въ каретѣ, сенаторъ постоянно говорилъ въ вагонѣ.

Замѣтивъ его наклонность къ велерѣчію, я вдругъ спросилъ его:

— Вы были въ Петербургѣ во время суда Михайлова?

— Какъ же.

— Тутъ, несмотря на восхваляемый прогрессъ, ваши товарищи поступили не лучше николаевскихъ палачей и инквизиторовъ, разныхъ Бибиковыхъ и Гагариныхъ.

— Позвольте,—перебилъ меня сенаторъ,—я, по счастью, не былъ въ числѣ его судей, стало, я не себя защищаю; по челоуѣчеству, мнѣ его жаль,—я видѣлъ его: болѣзненный, худой,—но съ тѣмъ вмѣстѣ я вамъ долженъ сказать, что такой законной дер-

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Тоже.

³⁾ На морскомъ берегу.

зости, какую показалъ Михайловъ, я не видывалъ, c'est du Robespierre ¹⁾... Вы не имѣете идеи, что такое. Прежде, по крайней мѣрѣ, люди отпирались, чувствовали ужасъ своего положенія, а этотъ господинъ, тщедушный, въ очкахъ, прямо говоритъ: такъ и такъ. Я помню нѣкоторые изъ его отвѣтовъ, — въ Англии, сидя вдвоемъ въ вагонѣ, страшно повторить. Что же правительству дѣлать, что дѣлать судьямъ?

— Да вы припомните что-нибудь?..

— Такія вещи не часто удается слышать, я у себя въ памятную книжку записалъ.

— Это чрезвычайно любопытно.

— Да-съ, я думаю. Вотъ постоитъ, она у меня тутъ въ сакѣ. Онъ порылся и досталъ книжку, потомъ добавилъ:

— Посудите сами.

Тутъ онъ началъ читать, пропуская, останавливаясь, повторяя.

На вопросъ: *какихъ вы убѣжденій относительно русскаго правительства?* Михайловъ отвѣчалъ:

«Я давно уже имѣлъ случай ознакомиться съ принципами нашего правительства и нахожу ихъ таковыми, что честный человекъ не только не можетъ раздѣлить, но и одобрять ихъ. Напрасно уничтоженіемъ крѣпостного права на бумагахъ вы хотите включить Россію въ число умѣренно-либеральныхъ, цивилизованныхъ державъ. Она теперь не что иное, какъ огромное имѣніе, разстроенное распутствомъ богатаго своего помѣщика. Напрасно въ сводѣ законовъ вы помѣстили слово «гражданинъ», потому что гдѣ нѣтъ гражданскихъ правъ, тамъ это слово — мертвая буква. У насъ, вмѣсто правъ, существуютъ сословныя привилегіи и преимущества, выросшія на почвѣ личнаго произвола».

Не выражали ли вы вашихъ убѣжденій публично?

«За неимѣніемъ публичной общественной мысли и при нынѣшнемъ положеніи прессы, которое дѣйствительнымъ гнетомъ лежитъ на дорогѣ нашего національнаго развитія, писателю невозможно высказаться передъ народомъ, а народу невозможно высказаться въ писателѣ. Уничтожьте цензурный комитетъ, если васъ интересуетъ взглядъ мыслящаго общества на правительство. Вы только откройте инструментъ, а музыка будетъ».

Не дѣйствовали ли вы противъ правительства и какъ именно?

«Вы дошли, наконецъ, до того вопроса, на который привыкли получать отрицательный отвѣтъ. Но на этотъ разъ откровенность

¹⁾ Это пахнетъ Робеспьеромъ.

взяла верхъ. Я не буду спорить съ вами. Да, я дѣйствовалъ противъ правительства путемъ пропаганды, — тѣмъ послѣднимъ путемъ, который вы стараетесь запретить легіонами вашихъ сыщиковъ. А, кстати, по какому праву эта подлая сволочь, спрошу я васъ, содержится на счетъ правительства, а не государя? Кому нужно, тотъ пусть и оберегаетъ и холить это нѣжное, боящееся свѣта растеніе нашей отечественной флоры, возвращенное въ жандармски-полицейскомъ цвѣтникѣ. Вы хотите знать, въ чемъ состояла эта пропаганда? Я въ этомъ случаѣ поспѣшу, какъ умѣю, удовлетворить вашей любознательности. Я старался сообщить народной массѣ тѣ идеи, при пониманіи которыхъ невозможенъ существующій порядокъ вещей. Будьте увѣрены, что если бы все общество получило хоть какое-нибудь социальное образованіе, въ Россіи была бы конституція. Министры и весь этотъ штатъ вельможно-лакейскихъ воровъ, прихлебателей, съ расшитыми золотомъ воротниками были бы стерты съ лица земли. Зимній бы дворецъ опустѣлъ. Памятникъ Николая незабвеннаго не обезображивалъ бы больше Исаакіевскую ¹⁾ площадь».

Насколько вѣрны записки сенатора, я не знаю, но общій характеръ, кажется, сохраненъ. ¹

◆◆ 1. Вслѣдъ за привлеченіемъ къ суду М. И. Михайлова Шелгуновъ ожидалъ осложненій и въ своей судьбѣ, а когда въ декабрѣ 1861 г. другъ его былъ отправленъ въ Сибирь, Шелгуновы рѣшили слѣдовать за нимъ и тамъ, можетъ быть, принять мѣры къ совмѣстному бѣгству за границу по примѣру Бакунина. 26 марта Шелгуновъ былъ уволенъ отъ службы полковникомъ съ мундиромъ и пенсіей, и въ маѣ поѣхалъ съ женою въ Сибирь. Благодаря перехваченному конспиративно посланному письму его къ сидѣвшему въ крѣпости Н. Серно-Соловьевичу, слѣдственная комиссія кн. Голицына заподозрила его въ соучастіи съ послѣднимъ и признала нужнымъ учредить за нимъ секретное наблюденіе, о чемъ и дала знать III Отдѣленію 31 іюля. 14 августа вторая оплошность повела къ большому осложненію: по перлюстрированному письму Шелгуновой къ М. В. Авдѣеву комиссія сообщила III Отдѣленію, что, такъ какъ Шелгуновъ задался цѣлью способствовать облегченію участи Михайлова, а пребываніе его въ мѣстахъ, населенныхъ ссыльными, можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями, то комиссія входила по этому поводу съ докладомъ, на которомъ

¹⁾ Впослѣдствіи переименована въ Маринскую.

положена высоч. резолюція: «его слѣдуетъ арестовать и по осмотрѣ его бумагъ и снятіи допроса рѣшу его участь».

Между тѣмъ, уже въ концѣ іюня Шелгуновъ проѣхалъ черезъ Тобольскъ на пароходѣ, гдѣ подъ видомъ сообщенія статистическихъ свѣдѣній о разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣстѣ съ тамошнимъ полицмейстеромъ осмотрѣлъ острогъ; тамъ содержался В. А. Обручевъ, съ которымъ ихъ бесѣда ограничилась вопросами о здоровьѣ и времени прибытія. Въ Томскѣ Шелгуновы съ двумя дѣтьми прибыли 12 іюля и, пробывъ сутки, выѣхали въ Иркутскъ. Содержатель гостиницы на вопросъ свой, куда и по какимъ дѣламъ ѣхалъ полковникъ, узналъ, что онъ отправился въ Иркутскъ для свиданія съ однимъ искреннимъ другомъ, къ чему его обязывала святость даннаго ранѣ обѣщанія Государь былъ очень недоволенъ визитомъ Шелгунова Обручеву и приказалъ замѣтить это ген.-губ. Дюгамелю. Поиски Шелгунова въ Сибири продолжались долго; 28 октября приказано было доставить его и жену по арестованіи въ Иркутскъ, гдѣ и держать подъ строгимъ домашнимъ арестомъ впредь до особаго распоряженія. Между тѣмъ, 28 сентября полк. Дувингъ нашель ихъ на кабинетскомъ золотомъ Казаковскомъ промыслѣ, въ квартирѣ начальника послѣдняго, поруч. Михайлова, гдѣ былъ и сосланный братъ инженера—М. И. Михайловъ. Дувингъ догадался о близости его съ женой Шелгунова по сходству съ Михайловымъ двухлѣтняго ея сына. При обыскѣ ничего предосудительнаго найдено не было; Шелгунова была такъ поражена этой неожиданностью, что съ нею случился апоплексическій ударъ, отъ котораго отнялись обѣ ноги (то же случилось съ нею еще въ 1860 г.). Сначала они были препровождены въ Ундинскую слободу, а 19 января 1863 г. — въ Иркутскъ. Родители Шелгуновой Михаэлисы и сами Шелгуновы просили себѣ право пріѣхать въ СПб. 21 декабря комиссія увѣдомила, что разрѣшено освободить ихъ отъ домашняго ареста, оставивъ въ Иркутскѣ подъ надзоромъ. Въ февралѣ 1863 г., вслѣдъ за доносомъ Вс. Костомарова (не ожидая еще документированія его въ письмѣ на имя Соколова), по постановленію комиссіи, ген.-губ. В. Сибири было предписано прислать Шелгунова въ СПб., а женѣ разрѣшено свободно вернуться туда же. 16 марта Шелгуновъ былъ отправленъ, 15 апрѣля прибылъ въ III Отдѣленіе и въ тотъ же день переданъ въ Алексѣевскій рavelинъ, гдѣ занялъ «покой» № 1 ¹⁾. 14 мая приказано было пре-

¹⁾ Небольшая справка для детальнѣхъ изслѣдованій: Чернышевскій сидѣлъ въ № 11, Бейдеманъ (съ апрѣля 1862)—№ 14, Обручевъ—№ 10, Серно-Соловьевичъ—№ 16, Налбандовъ (съ августа 1862) № 17; въ № 1 до Шелгунова былъ учитель Василій Шевичъ.

дать Шелгунова военному суду. Въ іюнѣ комиссія послѣдняго, учрежденная при Спб. ордонансъ-гаузѣ, запросила III Отдѣленіе, въ чемъ именно проявлялось противоположительственное направленіе Шелгунова, въ какихъ его дѣйствіяхъ и сочиненіяхъ, кромѣ приложенной къ дѣлу о немъ статьи его для «Русскаго Слова», запрещенной 15 февраля 1862, и кто такой и гдѣ находится Николай Ивановичъ Соколовъ, къ которому писалъ В. Костомаровъ изъ Тулы. Отвѣты III Отдѣленія были очень уклончивы.

22 іюля Шелгуновой и ея сестрѣ были разрѣшены свиданія съ Н. В.; п томъ была присоединена и теща, Евгенія Михаэлисъ, и сестра его Надежда. 18 августа Шелгуновой было, наконецъ, разрѣшено отправиться за границу на мѣсяць, но съ тѣмъ, что она была обязана не вывозить туда ни писемъ, ни рукописей, и съ предупрежденіемъ, чтобы за границею была осторожна въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ; на границѣ по пути изъ Россіи ее приказано было обыскать. Въ ноябрѣ ей былъ данъ вторично загр. па портъ, опять съ тѣми же условіями, но уже на полгода. Въ апрѣлѣ 1864 г. было разрѣшено отсрочить паспортъ на годъ.

Въ августѣ 1865 г. министерство иностр. дѣлъ увѣдомило III Отдѣленіе, что съ живущей въ Женевѣ Шелгуновой взыскивается ссуда въ 600 р., полученная ею еще отъ благотворительнаго комитета при иркутскомъ обществѣ губернскомъ управленіи; между тѣмъ, она, «ведя жизнь предосудительную», содержи въ Женевѣ гостиницу для русскихъ эмигрантовъ.

Шелгуновъ писалъ въ крѣпости довольно много; всѣ его статьи поступали къ Спб. воен. ген. губернатору, отъ котораго шли въ цензуру, оттуда въ управленіе крѣпости, а затѣмъ выдавались сестрѣ; въ маѣ 1864 г. коменданту было приказано присылать всѣ рукописи прямо въ III Отдѣленіе.

23 іюля 1864 г. ген.-аудиторъ увѣдомилъ III Отдѣленіе, что «подсудимый Шелгуновъ по предмету сношеній съ госуд. преступниками Обручевымъ и Михайловымъ съ противозаконною цѣлью, въ составленіи воззванія къ солдатамъ, чтеніи его нѣкоторымъ изъ нихъ, и участвованіи съ Чернышевскимъ въ составленіи другого воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ», по неосознанію подсудимаго и неимѣнію доказательствъ, на основаніи военно-уголов. устава, оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, но какъ Шелгуновъ изъявилъ желаніе по всѣмъ этимъ предметамъ обвиненія принять очистительную присягу, то изъ опасенія клятвопреступленія, судъ, не допустивъ его къ присягѣ, освободилъ его отъ подозрѣнія». Однако, прежде освобожденія его изъ-подъ ареста судъ запросилъ шефа жандармовъ, удобно ли дозволить ему жить въ столицѣ, и притомъ

безъ надзора. Было отвѣчено, что вопросъ преждевремененъ, такъ какъ формально дѣло еще не совсѣмъ окончено. 26 октября выс. утверждено было рѣшеніе ген.-аудиторіата о лишеніи Шелгунова права на пенсію и мундиръ и о высылкѣ подъ надзоръ въ одну изъ отдаленныхъ губерній. 24 ноября онъ былъ выпущенъ изъ рavelина и направленъ къ Спб. оберъ-полицмейстеру, который отправилъ его въ Великій-Устюгъ, а потомъ въ Никольскъ Вологодской губерніи.

Въ январѣ 1865 г. Шелгуновъ просилъ министра вн. дѣлъ отпустить его за границу для лѣченія отъ грозившей ему чахотки, или, въ случаѣ рѣшительной невозможности, перевести его въ другую губернію, но III Отдѣленіе не нашло это возможнымъ. Въ декабрѣ Шелгуновъ вновь обратился съ той же просьбой, но уже прямо къ государю, прося о посредничествѣ шефа жандармовъ, которому 2-го числа писалъ, между прочимъ: «Зако́нъ, назначившій мнѣ ссылку, конечно, не хотѣлъ моей смерти; иначе судъ приговорилъ бы меня къ смертной казни. Ссылка больного человѣка въ Вологодскую губ. та же казнь, но только медленная». III Отдѣленіе вновь потребовало медицинскихъ свидѣтельствъ и не отвѣчало, пока 10 октября 1866 г., уже изъ Никольска, Шелгуновъ третій разъ просилъ одновременно объ отпускѣ за границу и о переводѣ, указавъ, что къ нему возвращается жена съ ребенкомъ; одновременно жена просила перевести мужа или въ шлиссельбургское имѣніе ея родителей («Подоль») или въ Самару. Министръ вн. дѣлъ не нашелъ возможнымъ переводъ въ Самару, «лежащую на самомъ оживленномъ водяномъ пути», а полагалъ ограничиться Ветлугой или Кологривомъ Костромской губ. 13 декабря царь сообразовалъ на-эту «милость». Шелгуновъ отъ нея отказался, а въ маѣ 1867 г. (уже изъ Кадникова) просился въ Вологду, гдѣ были хотъ извѣстные врачи; о томъ же одновременно просила и жена, бывшая уже въ Кадниковѣ; въ іюнѣ просьба была удовлетворена. Въ февралѣ 1868 г. Шелгуновъ просился въ Ярославль—отказъ: «слишкомъ сближенъ съ Москвой»; въ ноябрѣ просьба о переводѣ въ имѣніе тещи—«повременить»; въ февралѣ 1869 г. просьба въ Тверь—«его величество, вспомнивъ о прошедшей вредной дѣятельности Ш., неоднократно обратившей его вниманіе, не соизволилъ на переводъ его въ Тверь, но высоч. разрѣшено, буде здоровье Ш. это требуетъ, перевести его въ лучшей климатъ, но въ такое мѣсто, которое не находится на желѣзной дорогѣ»; въ апрѣлѣ перевели, по просьбѣ жены, въ Калугу. Когда къ нему пріѣзжали родственникъ жены Петръ Вольскій, учитель П. А. Гайдебуровъ и Г. Е. Благо-свѣтловъ, объ этомъ было донесено III Отдѣленію. Затѣмъ было

отклонено еще нѣсколько просьбъ о переводѣ въ Тверь, Новгородъ и въ шлиссельбургское имѣніе; не былъ распространенъ на Шелгунова и манифестъ 13 мая 1871 г. по случаю рожденія вел. кн. Георгія Александровича. Въ іюнѣ 1873 г. былъ разрѣшенъ прїѣздъ на три недѣли въ СПБ., куда онъ ѣхалъ по совѣту врачей, опасавшихся начала психическихъ страданій. Въ маѣ того же года жена просила о переводѣ Н. В. въ Выборгъ; III Отдѣленіе нашло, что просьба эта подана «не безъ затаенной цѣли, ибо выборгскій климатъ едва ли лучше калужскаго, но близъ Выборга поселился въ прошломъ году Берви (Флеровскій) и это обстоятельство не мѣшаетъ имѣть въ виду». Когда въ Выборгѣ было отказано, была возобновлена просьба о Новгородѣ. Шуфаловъ просилъ ст. сов. Г. Перетца дать справку о литературной дѣятельности Шелгунова за послѣднее время. Въ справкѣ этой отъ 15 декабря 1873 г. сказано, что «статьи его въ журналъ «Дѣло», по мысли и по способу изложенія были вполне солидарны съ извѣстнымъ общимъ направленіемъ журнала и потому не всегда были безупречны въ политическомъ отношеніи, хотя и не касались вопросовъ чисто политическаго свойства. Вообще, участію III въ журналѣ самъ редакторъ Благосвѣтловъ придавалъ руководящее значеніе, что очень рельефно подтверждается выпискою изъ письма, писаннаго имъ въ іюнѣ 1870 г. къ находившемуся въ Екатеринбургѣ подъ надзоромъ полиціи врачу Веньямину Португалову. Въ письмѣ этомъ Б. говоритъ: «Я былъ бы страшно несчастливъ, еслибы вы или III. или Ж. Лефрень оставили меня. Вы и III. ведете «Дѣло», а я у васъ чернорабочій!». Воспользовавшись этимъ матеріаломъ, 3-я экспедиція III Отдѣленія сдѣлала отъ себя заключеніе: «принимая во вниманіе, во-1-хъ, что онъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія занимался исключительно литературою и не былъ въ это время причастенъ ни къ одному изъ массы дѣлъ политическаго характера, во-2-хъ, что въ послѣднее время и литературная его дѣятельность, обращенная къ обсужденію спеціальныхъ вопросовъ педагогіи, не отличалась вреднымъ направленіемъ, и въ 3-хъ, что хотя III. и принадлежитъ несомнѣнно къ числу лицъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей, но тѣмъ не менѣе онъ человекъ настолько серьезный, что навѣрно понимаетъ всю несостоятельность какой бы то ни было подпольной антиправительственной дѣятельности, и потому, казалось бы, на его спокойное отношеніе къ дѣламъ политическаго свойства можно положиться». 17 февраля 1874 г. послѣдовало высоч. разрѣшеніе на переводъ въ Новгородъ; въ маѣ было разрѣшено прибыть въ СПБ. на три недѣли; потомъ поѣздки въ столицу разрѣшались нѣсколько разъ. Въ апрѣлѣ 1875 г. состоялся

переводъ въ Выборгъ; черезъ годъ Н. В. просилъ и получилъ разрѣшеніе вернуться въ Новгородъ. 7 декабря 1876 г. высоч. разрѣшено снять надзоръ и дано право повсемѣстнаго жительства, кромѣ столицъ и ихъ губерцій, а въ іюнѣ 1877 г. снято и это ограниченіе (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 экзп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 28).

Кое-что изъ приведеннаго мною матеріала дано въ статьѣ В. Н. П. («Голосъ Минув.» 1915, VI); большаго авторъ не могъ почерпнуть изъ дѣла военно-суднаго архива; недостаточное его знакомство съ литературой тогдашняго времени является причиной очень досадной неясности на стр. 235, гдѣ, слѣдуя безграмотному военному чиновнику, названіе журнала «Русское Слово» напечатано съ малыхъ буквъ и безъ кавычекъ, отчего смыслъ получается совсѣмъ другой. Приведа официальное изложеніе прокламаціи къ солдатамъ, авторъ, конечно, не зналъ, что прокламація потомъ (послѣ доноса Костомарова на Михайлова) была измѣнена Шелгуновымъ и, все-таки, напечатана. Объ этомъ Л. П. Шелгунова лично сообщила мнѣ въ 1898 г., указавъ, что уцѣлѣвшій у нея экземпляръ прокламаціи подаренъ П. Я. Дашкову, гдѣ я его и нашель. Такимъ образомъ выпущеннымъ въ свѣтъ текстомъ является впервые опубликованный мною на стр. 321—323 т. XI. Подробности жизни Шелгунова въ провинціи разсказаны г. Пругавинымъ во II и III кн. «Рус. Мысли» 1910 г.

1832. Чудотворное дѣйствіе императора.

Извѣстно, что въ средніе вѣка французскіе короли были очень полезны отъ золотухи: больныхъ дѣтей клали на камни при входѣ въ соборъ, король прикасался, и золотуха проходила. Свойство это утратилось у нихъ, вѣроятно, потому, что золотуха всего королевства перешла въ бурбонскую кровь, въ силу чего пошли всѣ эти несвѣжіе Людовики XV, рыхлые и прожорливые Людовики XVI, таскающіе ноги Людовики XVIII, подагрики съ колыбели Генрихи V.

Александръ Николаевичъ лѣчитъ у насъ больныхъ отъ духовной золотухи съ необычайнымъ успѣхомъ. Второе излѣченіе стоитъ перваго. Модеста Корфа государь радикально излѣчилъ отъ «Восшествія Николая на престолъ»¹⁾, давши ему случай выкупаться въ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній: «Indépendance» говоритъ, что онъ составилъ проектъ, и притомъ очень хорошій.

¹⁾ Полное названіе книги Корфа: «Восшествіе на престолъ имп. Николая I».

Не нужно ли еще кого выстирать уничтоженіемъ цензуры? Панина бы хорошо, да нельзя,—корыта нѣтъ въ цѣлой имперіи, въ которомъ Виктора Никитича можно было бы промыть до затылка? Кого же? Адлерберга, отца и сына или обоихъ вмѣстѣ, а, коли не стыдно, то и съ Бутковымъ? Все равно, только поскорѣ ихъ въ стирку.

1833. *Similia similibus* ¹⁾).

Законы природы умиительно постоянны, однородныя силы всегда, вездѣ отталкиваютъ другъ друга. Съ истиннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о восплѣдовавшей разиолквѣ двухъ государственныхъ людей Третьяго Отдѣленія, *in partibus infidelium* ²⁾, Тимашева и Шувалова.

1834. (Объясненіе).

Фельетонъ «Сѣверной Пчелы» отъ 11 апрѣля ³⁾ напомнилъ намъ ошибку, сдѣланную нами и, слѣдственно, наша обязанность ее исправить.

Оскорбленные грубымъ выраженіемъ о женщинахъ купеческаго сословія въ странѣ, въ которой дворянская спесь на нѣмецкій манеръ доходитъ до того, что дамъ не дворянскаго званія обижаютъ въ собраніяхъ и гимназіяхъ, не пускаютъ въ сады, открытыя для шляхты, и пр., мы спросили («Колоколъ» л. 122 и 123), кто назвалъ пьяную купчиху, вѣхавшую со свадьбы, *типомъ* женщины купеческаго сословія: *официальная «Почта»* или *офиціозная «Пчела»*... и попали въ тотъ же самый грѣхъ. Слово *«офиціозная»* убѣждаемся мы больше и больше, къ «Пчелѣ» идетъ такъ же мало, какъ типическое значеніе бѣдной замерзшей купчихи къ цѣлому сословію.

Благородное направленіе «Сѣверной Пчелы», наиболѣе независимой русской газеты, вмѣняетъ намъ въ обязанность извиниться въ нашемъ выраженіи. Мы сдѣлали бы это прежде, но дѣло вышло изъ головы. Сердитый тонъ фельетона напомнилъ нашу обязанность. Мы ее исполняемъ отъ чистаго сердца.

¹⁾ «*Similia similibus curantur*», т.-е. «однородное излѣчивается однороднымъ»: принципъ, выдвинутый въ медицинѣ основателемъ гомеопатіи Ганеманомъ.

²⁾ Буквально: «въ странахъ, обитаемыхъ невѣрными», иронически употребляется въ отношеніи сановника не у дѣлъ, нѣчто, въ родѣ «министръ безъ портфеля».

³⁾ № 96, «Наши журналы. „Наше Время“, газета, издаваемая Н. Ф. Павловымъ».

1835. The Foreign Revolutionists in England.

To the Editor of «The Free Press».

March 12, 1862.

Orsett House, Westbourne terrace.

Sir, you have inserted in your newspaper of the 5-th March an article stating that Bakunin is an agent of the Russian Government. Unhappy we only read it on the 12 instant.

We being the friends of Bakunin from our youth and the Editors of the Russian journal alluded to in your article, we solemnly protest against this calumny, warmed up from former times, and protected by anonymity.

The assertion concerning Bakunin is as false and as absurd, as that relating to our journal.

Our journal is no secret, anybody can easily ascertain its tendencies.

Relying upon your feeling of right and justice, we beg to insert this note in your journal.

We remain etc. *Alexander Herzen,*
Nicolas Ogareff,
Editors of the «Kolokol».

Переводъ.

Иностранные революціонеры въ Англіи.

Редактору «The Free Press».

12 марта 1862.

Сэръ, вы помѣстили въ вашей газетѣ отъ 5 марта статью, утверждающую, что Бакунинъ — агентъ русскаго правительства. Къ сожалѣнію, мы прочли ее только 12-го.

Будучи друзьями Бакунина съ дней нашей юности и редакторами журнала, на который вы ссылаетесь въ вашей статьѣ, мы самымъ категорическимъ образомъ протестуемъ противъ этой клеветы, подогреваемой съ давнихъ временъ подъ покровомъ анонимности.

Утвержденіе относительно Бакунина такъ же ложно и нелѣпо, какъ и то, которое относится къ нашему журналу.

Нашъ журналъ — не секретъ, всякій легко можетъ ознакомиться съ его тенденціями.

Полагаясь на ваше чувство правды и справедливости, мы просимъ васъ помѣстить настоящую замѣтку въ вашемъ журналѣ.

Пребываемъ и проч. *Александръ Герценъ,*
Николай Огаревъ,
Редакторы «Колокола».¹

◆ 1. Въ № 3 ежемѣсячнаго журнала «The Free Press» отъ 5 марта, въ статьѣ «Вакунинъ» было высказано предположеніе, что онъ — агентъ русскаго правительства. Опроверженіе Герцена могло появиться въ № 4 отъ 5 апрѣля, но почему-то понало только въ слѣдующій, 5-й, отъ 7 мая. Редакція сопровождала это письмо своими замѣчаніями, въ которыхъ нападала и на Бакунина и на Герцена. См. №№ 1813 и 1814.

1836. [Отъ редакціи]¹).

Письмо это — совершившійся фактъ, оно было послано, и врядь оно не первое ли письмо, писанное человѣкомъ, испытавшимъ на себѣ всю тягость крѣпостного состоянія. Если Александръ Николаевичъ прочелъ это письмо и сравнилъ *народный идеалъ земскаго царя съ царемъ Зимняго дворца*, то онъ провелъ печальную минуту угрызений и боли. Возможность такого идеала свидѣтельствуешь о юности просыпающагося народа. Мы слишкомъ стары, чтобы имѣть его. Но охотно передаемъ нашимъ читателямъ это «Письмо»: «Колоколъ» никогда не хотѣлъ быть одной нотой роговой музыки²).

1837. Отъ издателей.

Мы съ большимъ удовольствіемъ узнали, что государь обратилъ, наконецъ, вниманіе на необходимость своихъ приближенныхъ прибѣгать къ незаконнымъ мѣрамъ, чтобы не платить долговъ, и желая узаконить то,

¹) Напечатано въ видѣ примѣчанія къ «Письму къ Александру II» П. А. Мартыанова, въ которомъ онъ высказалъ свое политическое profession de foi, но многомъ расходившееся со взглядами «Колокола».

²) Принципъ такъ называемой «роговой музыки», заключается въ томъ, что каждый изъ составляющихъ хоръ духовыхъ инструментовъ («рожковъ») издаетъ только одинъ звукъ, ансамбль же ихъ даетъ хроматическую гамму.

что допускалось, какъ самовольное нарушеніе всякаго юридическаго смысла, дозволилъ кн. Меншикову-Альмскому обратитьъ, въ видахъ *неплатежа долговъ* его дѣтей, внучатъ и правнучатъ, его имѣніе въ заповѣдное. Одни говорятъ, что это за Крымскую кампанію, другіе—за кампанію противъ освобожденія крестьянъ, — все равно, но дѣти и внучата будутъ *законно* платить долговъ. Умно и послѣдовательно,—вотъ и земскій царь!

1838. Письмо къ И. С. Тургеневу.

9 мая (1862).

Orsett House, Westbourne terrace.

Досадно, но ни тѣни возможности. Я нанималъ возлѣ насъ двѣ большія комнаты, гдѣ жила моя дочь и Мейзенб. Наталья Алексѣевна ѣдетъ на островъ Wight завтра, а Мейз. и моя дочь— въ ея комнату. А посему это невозможно, т. е. нѣтъ ни одного угла. Но комнату гдѣ-нибудь возлѣ я берусь тебѣ сыскать и недорого. Во-первыхъ, въ домѣ, гдѣ живетъ Бакунинъ—10, Paddington Green, во-вторыхъ, спрошу возлѣ насъ, у доктора Нефталя ¹⁾, словомъ найду, особенно если ты выѣдешь во вторникъ, а пріѣдешь въ среду (я ѣду, можетъ, на день или на два, тоже по квартирной части, въ Wight). ¹

Мой человекъ говоритъ, что фатеру найдетъ.

У меня дней десять стоитъ какой-то ящикекъ для твоей гурнантки.

Не можешь ли ты меня одолжить, отославши прилагаемую книжку Огар. ²⁾ (чрезвычайно замѣчательную) Henri Martin (каковы его статейки-то?)? Но пошли сейчасъ.

«Письмо помѣщ.» ³⁾ писалъ юный малороссійскій помѣщикъ. Я не знаю, за что ты на него очень разсердился; въ слѣдующ. листѣ есть дальнѣйшее развитіе: Нельзя же не допускать всякаго рода мысли, когда основа ихъ не противорѣчитъ намъ.

Здѣсь видимо-невидимо литературы— Потѣхинъ ⁴⁾ и множество.

Если будетъ 3-я статья Н. Martin, пришли, пожалуйста.

Да вотъ еще—отошли прилагаемую записку къ Делаваѣ.

Получилъ письмо отъ Мельгунова; онъ сталъ гораздо меньше забавень и гораздо больше глупъ. О, Москва!

¹⁾ Переѣхалъ изъ Россіи въ Англію; пріятель Герцена.

²⁾ «Essai sur la situation russe», Londres, 1862.

³⁾ «Голосъ за народъ (письма помѣщика)» въ №№ 131, 132 и 133 «Колокола».

⁴⁾ Николай Антиповичъ (см. стр. 109 моихъ «Очерковъ освободительнаго движенія etc.»).

♦♦ 1. 24 апрѣля Бакунинъ писалъ Налбандову: «Private gentleman» (Герценъ—*М. Л.*) отправляется сегодня съ junior (сынъ—*М. Л.*) отыскивать дачу. Погода прекрасная; оба въ веселомъ расположеніи духа; имъ будетъ весело. Поэтъ (Огаревъ—*М. Л.*) сидитъ дома, такой же твердый страдалецъ, милый и тихій, какъ всегда. Мы обѣдали вчера у нихъ съ Мартыновымъ и Альбертини, — послѣдній подвиль. Private поднесъ двѣ бутылки шампанскаго да потомъ коньячку, — не выдержалъ Альбертини, проспалъ цѣлый вечеръ (мои «Очерки освободительнаго движенія etc.», 75).

1839. Отъ издателей.

Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакціи «Колокола» сборъ денегъ, предназначаемыхъ на *общее наше русское дѣло*; мы беремъ на себя не только обязанность храненія денегъ, но и тяжелую отвѣтственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ, вѣроятно, предлагающіе прислать деньги не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ *ясный отчетъ* тогда, когда онъ будетъ возможенъ.

12 мая 1862.

Orsett House, Westbourne terrace. ¹

♦♦ 1. Деньги, собиравшіяся до этого объявленія, чаще всего присылались на какое-нибудь заранѣе опредѣленное употребленіе; съ мая 1862 г. было положено основаніе «Общему Фонду», съ которымъ не слѣдуетъ смѣшивать пожертвованіе Бахметева, о чемъ рассказано въ VI части «Былого и думъ».

1840. Ultimatum.

р. р. с. ¹)

Пошлю клевету, выдуманную еще въ 1848, что *Бакунинъ*— агентъ русскаго правительства, и распространенную теперь на насъ, снова подогрѣли мелкіе англійскіе и нѣмецкіе листы.

Для русскихъ намъ не нужно опровергать это вранье. Въ Россіи не найдется ни одного человѣка достаточно глупаго, чтобъ повѣрить, достаточно подлаго, чтобъ повторить это.

¹) Par procuration — по полномочию (сокращеніе, принятое въ дѣловой перепискѣ).

Такого рода нелѣпости осѣдаютъ только въ грязномъ, тинистомъ отстоѣ послѣднихъ политическихъ броженій тридцати шести германскихъ отечествъ и всплываютъ въ тронутомъ мозгу *неузнаваемыхъ* государственныхъ мужей Великобританіи, несчастныхъ жениховъ власти, сошедшихъ съ ума и съ совѣсти отъ неудовлетворенной любви къ ней и корчащихся роль тонкихъ, глубокихъ дипломатовъ передъ тощей и тупоумной толпой уѣздныхъ поклонниковъ и клубныхъ second rate ¹⁾ политиковъ.

Жалкое стадо, принимая зависть за призваніе и желчь за гений, качаетъ своей глупой головой, повторяя: «одинъ человекъ и есть, который все знаетъ, все можетъ... и *онъ-то*, именно онъ-то не у дѣлъ!». За эту скромную награду неудавшіеся министры готовы клеветать не только на какихъ-нибудь русскихъ выходцевъ, но на Гарибальди и Маццини.

Мы протестовали, такъ, какъ протестовали въ 1848 и въ 1854. Они продолжаютъ нести свою галиматью. Наконецъ, это надоѣло. Впредь ни за себя, ни за друзей *мы вступаться не будемъ!*

Истина этимъ людямъ равнодушна.

Россію они ненавидятъ, и притомъ вовсе не правительство, а вообще все русское и всѣхъ русскихъ. Разбирать, что мы проповѣдуемъ, чего мы хотимъ, почему мы работаемъ въ пользу русскаго народа и противъ *нѣмецкаго* правительства въ Петербургѣ, что мы толкуемъ о *правѣ на землю*, о сельской общинѣ, о сельскомъ самоуправленіи, о уничтоженіи сословныхъ правъ, почему мы, *русскіе*, хотимъ полной независимости Польши, и не только отъ Петербурга, но и отъ Вѣны и Берлина,—все это разбирать имъ недосугъ, скучно, да при общемъ невѣжествѣ образованія не легко. Гораздо проще—людей, которыхъ вся жизнь, фактъ за фактомъ, была посвящена народному дѣлу, которые съ первой юности до сѣдыхъ волосъ боролись съ русскимъ самодержавіемъ, которые лучшіе годы жизни провели въ ссылкахъ и тюрьмахъ, въ насильственномъ или добровольномъ изгнаніи, выдавать за *агентовъ русскаго правительства*.

Тактика эта вовсе не новая,—руководствуясь ею, свели на гильотину Анахарсиса Клоотса ²⁾ и обвинили Томаса Пена ³⁾.

Протестъ нашъ былъ послѣднимъ знакомъ уваженія къ честнымъ людямъ среды, въ которой мы живемъ... Что касается до

¹⁾ Второго сорта.

²⁾ Нѣмецъ по происхожденію, членъ Конвента, мечтавшій о братствѣ народовъ; въ 1794 г. былъ арестованъ, по требованію Робеспьера, и казненъ.

³⁾ Знаменитый англійскій публицистъ, много содѣйствовавшій развитію революціонныхъ идей въ Сѣв. Америкѣ.

миѣнія о насъ всякихъ Кауницовъ ¹⁾ безъ мѣста и Меттерниховъ безъ портфеля, намъ до него дѣла нѣтъ.

Мы—чужіе въ этомъ мірѣ, мы, собственно, живемъ не здѣсь, а дома. Было время, когда мы думали, что наше призваніе состояло, между прочимъ, и въ томъ, чтобъ *свидѣтельствовать* передъ Западомъ о возникающемъ русскомъ мірѣ. Это время прошло. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ событіемъ мы становимся дальше и дальше отъ среды, въ которой жить осуждены нашей дѣятельностью. Мы этого не скрываемъ. Мы остаемся внѣ Россіи только потому, что тамъ свободное слово невозможно, а мы вѣруемъ въ необходимость его высказывать. Заграничная жизнь для насъ вовсе не *partie de plaisir*, а *жертва*, огромная жертва, которую мы приносимъ нашему дѣлу.

Мы не чувствуемъ благодарности за то, что живемъ здѣсь, и не просимъ ни признанія, ни гостепріимства, ни участія, мы беремъ по праву ту защиту закона, которую свободная страна безвозмездно даетъ всѣмъ преступникамъ; мы пользуемся той терпимостью, которую англійское уложеніе распространяетъ не только на выходцевъ другихъ странъ, но и на своихъ теоретическихъ измѣнниковъ, стремящихся ниспровергнуть вѣковыя, святыя учрежденія своего отечества въ пользу Австріи и абсолютизма.

Итакъ, *vorwärts* ²⁾, господа! мы оставляемъ поле, мы дѣлаемъ вамъ теперь нашъ прощальный визитъ и поручаемъ себя вашимъ дружескимъ обвиненіямъ и братскимъ клеветамъ.

Твердые нашей чистотой,

Твердые святостью нашего дѣла,

Твердые вѣрой въ насъ русскихъ,

Мы молча будемъ *васъ презирать*.

15 мая 1862.

1841. [Отъ редакціи] ³⁾.

Мы равно не дивимся ни поведенію Барятинскаго, ни слову «*la canaille*», имъ употребленному и показывающему не только отсутствіе всякаго

¹⁾ Кауницъ—австрійскій государственный дѣятель и дипломатъ.

²⁾ Впередъ.

³⁾ Къ статьѣ «Преображенскій Барятинскій и братья Шульгины», въ которой сообщается, что кн. Барятинскій, командиръ Преобр. полка, въ 1861 г. сказалъ Шульгинымъ, что, участвуя въ спектаклѣ въ пользу Литер. Фонда, они будутъ играть въ присутствіи бога знаетъ кого «*et au profit de cette canaille*» (и въ пользу этой сволочи). Потомъ онъ приказалъ имъ уйти изъ полка. За Шульгиныхъ вступился капитанъ Сороко,—всѣ остальные офицеры безмолвовали...

воспитанія, но всякаго такта. Никто никогда не выдавалъ Бярятинскаго ни за умнаго, ни за образованнаго человѣка. Не дивимся также и конфирмаціи государя. *Но товарищи-то какковы?*

Дѣйствительно, капитанъ Сороко долженъ былъ оставить полкъ и перейти куда-нибудь.

1842. Смерть Піотровскаго, доносы Филарета, инквизиція на всѣхъ парахъ.

У насъ не только розги и тѣлесныя наказанія находятъ защитниковъ, но, что еще удивительнѣе, и защитники розогъ находятъ своихъ защитниковъ. Не такъ давно за Филарета вступился въ Парижѣ—и кто же?.. Паки въ дѣятельность воздвигнувшійся С. П. Шевыревъ,—Шевыревъ московскій, италіанскій, ярый боець славянофильства сороковыхъ годовъ, Шевыревъ, представлявшій женственно-мягкое начало въ журнальномъ союзѣ съ циклопически-неотесаннымъ, обрывистымъ, ухабистымъ, крѣпкоустымъ Погодинымъ, тотъ самый Шевыревъ, о которомъ мы *такъ почти-теально* молчали,—зацѣпилъ насъ своимъ дѣтскимъ *soprano* ¹⁾.

Видно, что тѣлесныя наказанія у насъ очень народны, не даромъ существуютъ пословицы въ родѣ: «за битаго двухъ небитыхъ даютъ» ²⁾.

Но вотъ новый камень испытанія защитнику преосвященнѣйшаго. Будеть ли Степанъ Петровичъ защищать филаретовскіе доносы и его духовныя розги, которыми онъ засѣкаетъ до плотской смерти? Филаретъ сдѣлалъ гигантскій шагъ къ III Отдѣленію, онъ не нынче-завтра дастъ постнаго киселя Долгорукову и будетъ митрополитомъ и шефомъ корпуса жандармовъ. Тимашевъ и Шуваловъ, иже за III Отдѣленіе пострадавшіе, вѣрно, пойдутъ въ іеродіаконы. Одна надежда и есть на скудельность земнаго тѣла,—зажился старче во временной гостиницѣ, пора и ко дворамъ беззаборнаго и превѣчнаго вселенія.

Затѣмъ просимъ вниманія къ слѣдующимъ страшнымъ фактамъ, повергающимъ, дѣйствительно, въ ужасъ и уныніе всякаго русскаго, особенно, когда вспомнимъ наше безправіе, отсутствіе суда, вмѣшательство ханжей, частныхъ профессоровъ и экстраординарныхъ кварталныхъ московскаго университета и всѣхъ свѣтскихъ священно-монасей на половинѣ ея величества!

¹⁾ Въ субботу на страстной недѣлѣ (19 апрѣля 1862 г.) въ Парижѣ Шевыревъ прочелъ русскую лекцію о Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ.

²⁾ Намекъ на столкновение Шевырева съ гр. В. А. Бобринскимъ (см. стр. 398 и др. т. VIII).

«Домашняя Бесѣда» 1862, въ 13 выпускѣ, марта 31, напечатала слѣдующія каннибальскія строки: «*Страшное извѣщеніе*. Богъ видитъ, что не съ злорадованіемъ, а съ желаніемъ внушить кому слѣдуетъ осторожность сообщаемъ слѣдующее ужасное извѣщеніе: читатели «Домашней Бесѣды», безъ сомнѣнія, были глубоко возмущены *сатанинскимъ* кощунствомъ нѣкоего Піотровскаго, который дерзнулъ подвергнуть критикѣ и кощунственному осмѣянію слова самого Христа Спасителя («Дом. Бесѣда» 1861, вып. 49, стр. 974); объ этомъ ужасномъ кощунствѣ заявлено и въ *письмѣ московскаго священнослужителя* («Душепол. Чтеніе» 1862, кн. январская). Что же? Въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» мы читаемъ: «18 марта, Васильевской части, въ 6 часу пополудни, дворянинъ Игнатій Піотровскій, въ 21 году отъ роду, въ квартирѣ своей застрѣлился изъ револьвера». Ужасно! Но иначе и быть не могло. Богъ поругаемъ не бываетъ».

Что за письмо? что за священнослужитель московскій?.. *Письмо*, о которомъ упоминаетъ инквизиторскій журналъ, писано Филаретомъ московскимъ государю. Оно напечатано въ «Душеполезномъ Чтеніи» и особой брошюрой, но не вполне, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ письма московскаго священнослужителя въ Петербургъ, декабря 17 дня 1861». Брошюра у насъ передъ глазами: это—дикій вопль изуверства, блѣднѣющаго передъ мыслью, передъ человѣческой волей и зывающаго къ гоненіямъ и казнямъ. Въ этомъ преступномъ и безумномъ писаніи доносъ на литературу, на журналы, на общественное мнѣніе и вслѣдъ за общимъ доносомъ, который можетъ иногда прикрываться своей безличностью, *частные доносы* на статьи съ означеніемъ страницъ, съ выписками. Піотровскаго инквизиторъ указалъ, какъ отступника отъ Христа, и уже свѣтская власть притянула его временными брздами и собиралась его сослать, когда несчастный молодой человекъ рѣшился ее предупредить—и *застрѣлился*.

И надъ этимъ трупомъ юноши прочелъ свои поминки Аскоченскій,—Аскоченскій, который недавно съ братомъ ¹⁾ разыгралъ библейскую исторію Каина и Авеля, въ которой и Авель—Каинъ.

Въ слѣдующемъ листѣ мы перепечатаемъ страницу изъ духовной барковщины Филарета. ¹

◆◆ 1. Когда въ концѣ 1861 г. вышла въ свѣтъ составленная Невскимъ «Хрестоматія или избранныя статьи для народнаго чтенія» въ изданіи Общества для распространенія полезныхъ книгъ между народомъ, Піотровскій въ «Сѣверной Пчелѣ» напечаталъ

¹⁾ Аристархъ Ипатьевичъ, врачъ психопатологъ.

рецензію, въ которой, приведя нѣсколько строкъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Послушайте, дѣти, наказанія отча и внемлите разумѣти помышленія»; «на пути нечестивыхъ не иди, ниже возревнуй путемъ законопреступныхъ», восклицалъ: «Вотъ начало хрестоматіи! какъ видите, слогъ не то русскій, нѣ то греческій: на дубу растутъ еловыя шишки». Аскоченскій набросился на рецензента и косвенно на «Пчелу». Изъ его вопля читатель увидитъ еще кое-какія мѣста рецензіи. «Бѣдненькій! писала «Домашняя Бесѣда», Онъ не понимаетъ даже того, что понятно и неграмотному мужичку, что это слогъ и не русскій и не греческій, а просто славянскій, тотъ самый, на которомъ читали св. писаніе святые Божіи: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ митрополиты московскіе и цѣлый сонмъ прославленныхъ Богомъ угодниковъ и святителей русской земли; онъ не знаетъ, что глумленіе его простирается на изреченія той книги, которая содержится въ особенномъ уваженіи Церковью Православною, изъ которой подъ великіе праздники читаются вслухъ всего народа париміи. Какъ же онъ, при такомъ жалкомъ немогузности, смѣлъ, — какъ у него повернулся языкъ назвать такія наставленія «галиматьей, правилами, смыслъ которыхъ отрицаетъ жизнь и вмѣсто нея создается прозябаніе»? Что подобныя правила были чужды г. Пѣтровскому и «нѣсколько не дѣйствовали на его стремленія и проявленія природныхъ потребностей» — это мы видимъ, но почему же онъ полагаетъ, что и для народа нашего они теперь, «если не смѣшны, то совершенно не нужны»? «У васъ, отвѣчаетъ г-нъ Пѣтровскій редактировавшимъ хрестоматію, было время заниматься пустяками (каково!..) но есть ли лишнее время у народа? Необразованный человѣкъ прежде всего ищетъ авторитетности, и чѣмъ послѣдняя недоступнѣе его ограниченному смыслу, тѣмъ онъ легковѣрнѣе проникается уваженіемъ къ ней. Но неужели ради этого безсознательнаго поиска авторитетности народомъ, можно сочувствовать ошибкамъ общества?» «Нужно, заключаетъ народный цивилизаторъ, или возвышаться надъ міросозерцаніемъ учащихъ или подавить въ себѣ гордое желаніе учить». Понятна ли вамъ эта мысль, высокоумствующіе обозрѣватели религіознаго движенія современной Европы? Понимаете ли вы, что въ область міросозерцанія входитъ и Богъ, и человѣкъ, и міръ видимый и невидимый, и загробная жизнь, и безсмертіе души, и что отъ всего этого совѣтуютъ намъ отказаться и начать радикальную реформу всего, чѣмъ до сихъ поръ живетъ русскій человѣкъ? Да снизойдите же, ради Самого Христа Спасителя, съ высоты своего величія, пожалѣйте бѣдный народъ, въ среду котораго, какъ въ стадо беззащитныхъ овецъ, ворвался волкъ сѣрый!..»

«Книга г. Невскаго, — пишетъ Пiотровскій, — была бы, пожалуй, весьма дѣльной книгой, если бы ее составлялъ болѣе свѣтлый человѣкъ. Мы, впрочемъ, сознаемся откровенно, не читали ее и читать не будемъ въ этомъ изданіи, а, получивъ ее, развернули, и намъ открылось начало второго полулиста стр. 9. Вотъ что мы тамъ нашли на срединѣ страницы: *Вы соль земли* (?). Если же соль потеряетъ *силу* (?), то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже *ни къ чему* негодна (?), *какъ развѣ выбросить ее вонъ* (вотъ что значить не знать наукъ) *на попраніе* людямъ. *Вы свѣтъ міра*. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы (отъ чего укрыться?)... и т. д. Мы можемъ только сказать, что это издается для народа, которому, по мнѣнію г. Невскаго, логичность въ мысли совершенно излишня». Какъ хотите, господа, а это уже не мелочи. Сколько намъ извѣстно, слова, кощунственно осмѣянные критикомъ и заподозрѣнные въ отсутствіи логичности, суть буквально слова Спасителя міра. Посмотрите евангеліе отъ Матѳея главу 5 ст. 13 и далѣе. Одно изъ двухъ: или г. Пiотровскій не зналъ этого, или зналъ. Если не зналъ, то какъ же онъ беретъ за миссію народнаго учителя? Если зналъ и при всемъ томъ позволилъ себѣ кощунствовать надъ ними, то гдѣ же судъ церковный? Гдѣ ратоборцы воинствующей на землѣ Церкви Христовой?!..» (№ 49).

Московскій ратоборець Филаретъ обратилъ вниманіе на этотъ доносъ и повторилъ его въ письмѣ, которое переиздано въ «Собраніи мнѣній и отзывовъ» его въ качествѣ письма къ московскому ген.-губернатору Тучкову (т. V, ч. I, стр. 182—186), но, по видимому, первая редакція была полнѣе и, можетъ быть, и была послана государю 17-го декабря, будучи повторенной сокращенно Тучкову 20-го.

Вотъ что писалъ, между прочимъ, митрополитъ: «Въ «Сѣверной Пчелѣ» (1861 г. № 256), по случаю критики на одну хрестоматію, выписаны слова Христа Спасителя Матѳ. 5 гл. ст. 13 и 14. Слова Христовы по мѣстамъ съ особенною цѣлью напечатаны курсивомъ, съ знаками вопроса, удивленія и съ критическими замѣчаніями въ скобкахъ..... Критикъ полагаетъ, что въ точныхъ словахъ Христа Спасителя нѣтъ логичности мысли, и что они подлежатъ тѣмъ порицательнымъ знакамъ недоумѣнія и удивленія, которые онъ разставилъ между словами евангельскаго текста. Такъ судящій Христа, видно, не имѣетъ притязанія быть и почитаться вѣрующимъ во Христа. А провозглашая свой судъ въ народѣ, онъ, видно, надѣется заслужить рукоплесканія за свое свободное сужденіе, и желаетъ распространить свой образъ мыслей».

Разумѣется, статья Аскоченскаго и письмо Филарета возымѣли свое дѣйствіе. Піотровскому, уже бывшему на замѣчаніи и подѣ надзоромъ полиціи за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ, грозила бѣда.

1843. Письмо къ И. С. Тургеневу.

19 мая 1862.

Orsett House, Westbourne terrace.

Никакъ я не думаль, что сегодня же придется къ тебѣ писать ¹⁾. Въ 11 часовъ утра явился ко мнѣ полякъ Władysław Maczusi, говоря, что ты мнѣ поручилъ ему дать денегъ и за тѣмъ прійти ко мнѣ. Я ему сказалъ, что ты мнѣ никогда не поручаль.¹

Если это Almosen ²⁾, то будьте же, наконецъ, справедливы: нельзя же мнѣ одному справляться; если это комиссія, я готовъ ему выдать на твой счетъ, что хочешь.

Всего лучше напиши ему прямо: Władysław Maczusi, 1, Clipstone st., Great Portland.

Усердно кланяюсь.

Что книга Og?

Напиши, пожалуйста, гдѣ мнѣ найти Достоевскаго воспоминанія о каторгѣ ³⁾.

1844. Письмо къ И. С. Тургеневу.

21 мая (1862).

Orsett House, Westb. terr.

Прощайте. Bon voyage и пр.

Письмо получилъ; не забудь, пожалуйста, Рыбникова книгу ⁴⁾. 2-ое. Если ты, дѣйствительно, хочешь мнѣ сдѣлать пластырь на раны, нанесенныя твоей діалектикой, то *пришли* «Записки изъ мертваго дома»,

«записки ИЗЪ МЕРТВАГО дома»,
«ЗАПИСКИ изъ мертваго ДОМА»

(Это—американская манера переписки).

¹⁾ Въ этотъ день Тургеневъ уѣхаль изъ Лондона.

²⁾ Милостыня.

³⁾ «Записки изъ мертваго дома».

⁴⁾ Павелъ Николаевичъ; I т. «Сборника былинъ».

Прошу усердно излишній экземпляръ книги Огар. ¹⁾ послать
Делавъ.

Вчера получилъ длинное письмо отъ pater Печерина; увѣряетъ
о какомъ-то моемъ призваніи на *allerlei* и *manches* ²⁾.

Я собираюсь писать тебѣ *авангардное* письмо о нашемъ
спорѣ ³⁾.

«Записки ИЗЪ МЕРТВАГО
ДОМА»

«ЗАПИСКИ изъ мертваго дома»

прислать очень легко: отдай на почту или съ пассажиромъ—
на Трюбнера, 60, Paternoster row.

Генриху Мартыну ⁴⁾ послать ли? Кавел. брошюру не полу-
чили. ⁴

◆◆ 1. Въ № 3 «Правдиваго» кн. П. В. Долгорукова, отъ 12 мая
1862 г., Герценъ прочелъ слѣдующее:

«Теперь перейдемъ къ книжкѣ «Дворянство и освобожденіе
крестьянъ». Безыменная книжонка эта, пошлая и подленькая, не
заслуживала бы ни малѣйшаго вниманія, если бы намъ не удалось
узнать имя сочинителя ея, который былъ либераломъ и однимъ
изъ коноводовъ между людьми, жаждущими законнаго порядка и
уничтоженія произвола, а нынѣ, увлеченный честолюбіемъ, перебѣ-
жалъ въ лагерь высшей бюрократіи, въ лагерь константиновцевъ,
куда умѣлъ переманить его умный и хитрый А. В. Головинъ.
Если бы сочинитель этой книжонки выставилъ свое имя, то мы бы
ограничились сожалѣніемъ о егo политическомъ переселеніи въ
другой лагерь, но онъ имя свое скрылъ. Когда человекъ печатаетъ
истину, неприятную петербургскому правительству, и скрываетъ
свое имя, это понятно: не всякій находится въ томъ положеніи,
что можетъ открыто печатать все, что мыслить; въ такомъ слу-
чаѣ его анонимъ слѣдуетъ беречь: пусть онъ останется подъ за-
браломъ и провозглашеніемъ истины принесетъ пользу обществу.
Но когда человекъ прибѣгаетъ къ безыменности, чтобы писать
вещи, пріятныя петербургскому правительству, и отвергать закон-
ныя и разумныя требованія своихъ соотечественниковъ,—это по-
ступокъ дурной; съ такого человека слѣдуетъ срывать личину и
предавать продѣлку его суду общественнаго мнѣнія. Мы это дѣ-

¹⁾ «Essai sur l'état actuel etc.»

²⁾ Всякая всячина.

³⁾ См. № 1881.

⁴⁾ Henri Martin.

лаемъ въ настоящую минуту: срываемъ съ него личину и объявляемъ громогласно его имя. Это—кто бы могъ подумать?—К. Д. Кавелинъ!

«Въ своей книжонкѣ онъ повторяетъ пошлыя возраженія противъ конституціи, выдуманная высшею петербургскою бюрократіею: Россія, дескать, не созрѣла еще для конституціи, не доросла еще до нея; пусть русскіе землевладѣльцы живутъ въ имѣніяхъ своихъ и занимаются одними мѣстными интересами, а управленіе государственное пусть предоставятъ правительству, и прочая дребедень.

«...Пошлая книжонка г. Кавелина имѣла для него послѣдствіемъ порученіе, возложенное на него министромъ просвѣщенія А. В. Головиннымъ: путешествовать по Европѣ для обозрѣнія устройства учебной части въ различныхъ государствахъ. Нынѣ г. Кавелинъ разъѣзжаетъ по Европѣ, воспѣвая хвалебные гимны петербургскому правительству и клеветая на русскихъ разглагольствованіемъ, что мы не дозрѣли до конституціи, и что нынѣшніе пріатели г. Кавелина должны продолжать управлять русскими, какъ дѣтьми, и держать насъ въ опеку... Изъ Петербурга пишутъ, что г. Кавелину обѣщано, по возвращеніи въ Россію, мѣсто попечителя одного изъ университетовъ...»

Герценъ зналъ характеръ Долгорукова, понималъ, что въ приведенныхъ строкахъ не мало неправды, зналъ хорошо и Кавелина, но, все-таки, былъ очень взволнованъ. Въ результатѣ—письмо чуть ли не на другой день послѣ полученія «Правдиваго» въ Лондонѣ, нигдѣ мною не найденое.

22 мая Кавелинъ уже отвѣчалъ изъ Парижа: «Мнѣ было очень горестно и тяжело читать твою записку, любезный Герценъ. Мнѣ бы никакъ не хотѣлось вѣрить, что Долгоруковъ съ его правдивостью можетъ вдругъ измѣнить тонъ дружескихъ нашихъ отношеній прежде, чѣмъ ты узнаешь отъ меня, что и какъ было.

«Брошюра моя написана въ маѣ 1861 года, когда руссiйское дворянство драло горло о конституціи, разумѣя подъ нею отмѣну положенія 19-го февраля. Вскорѣ послѣ того я отдалъ одинъ экземпляръ этой статьи пріятелю, ѣхавшему за границу, съ просьбой напечатать. Пріятель отдалъ ее Бэру въ Берлинѣ, который выпустилъ ее въ свѣтъ въ декабрѣ или январѣ нынѣшняго года. Брошюра слишкомъ не согласна съ общимъ настроеніемъ и потому не пошла. Бэръ жаловался мнѣ на это и просилъ позволенія выставить имя мое, на что я согласился, потому что нимало не скрываю своего образа мыслей, и такъ же мало ищу популярности, какъ и царской милости. ...Долгоруковъ слишкомъ поздно хватился срывать съ меня маску: я снялъ ее самъ задолго до его пасквиля.

«...Повторяю, мнѣ было очень горько получить твою записку. Ты недоволенъ, что я не пишу къ тебѣ; я хотѣлъ тебя видѣть и съ тобой говорить. Письмо не замѣнитъ разговора...

«Если этихъ объясненій тебѣ мало, то больше я не имѣю никакихъ. Еще въ 1859 году мы много разговаривали съ тобою, и съ тѣхъ поръ мой образъ мыслей мало измѣнился. Правительство сдѣлалось съ тѣхъ поръ еще глупѣй, публика — еще нелѣпѣй» («Письма», 50—52).

16 июня Кавелинъ извѣщалъ М. А. Марковичъ, очевидно, интересовавшуюся столкновениемъ старыхъ друзей: «Отвѣта изъ Лондона—никакого. Впрочемъ, я въ этомъ отношеніи каменный: меня не пробрать никакими письмами, ни статьями. Досадно, больно, горестно, а я, все-таки, буду твердить свое, пока убѣжденіе не перемѣнится» («Невскій альманахъ», вып. II, 65).

1845. Приписна къ сыну.

21 мая (1862).

Я совѣтовалъ кн. Долгоруку привить—Нефтяль ходитъ съ своей рукой и раздаетъ прыщи соотчикамъ. Видя это, Тхорж. началъ чесаться и чувствуетъ воспу; я ему совѣтую пить «рябиновку»¹⁾.

Это объяснить Бакун.

1846. Письмо къ Ж. Мишле.

27 mai (1862).

Orsett House, Westbourne terrace.

Cher Monsieur, je vous remercie pour votre lettre — comme toujours si bonne et si amicale pour moi. Il y a quatre mois de cela — que Bakounine et moi nous vous avons écrit — et j'ai pris la liberté d'ajouter dans une enveloppe — nos deux photographies. Tout cela a été remis à Bakounine — frère du célèbre Michel. Il nous a écrit de Florence qu'il ne pouvait trouver les lettres — mais que les portraits étaient chez lui. J'ai été sûr qu'il vous enverra les portraits — mais je vois qu'il n'a rien fait.

J'ai bien appris du malheur qui a frappé votre famille — je me suis abstenu de vous écrire pour ne pas réveiller un triste souvenir.

¹⁾ Каламбуръ — рябины послѣ оспы можно, де, предотвратить рябиновой водкой.

La brochure d'Ogareff (c'est mon ami et collaborateur qui demeure ensemble avec moi et s'occupe de la rédaction du «Kolokol» avec moi) est à mon avis la plus importante publication — qui ait été faite sur l'état actuel de la Russie. Il a cru vous faire hommage et un plaisir en envoyant son livre.—

Bakounine reste aussi à Londres—et travaille avec nous. Nous marchons toujours—et le trône soldatesque, tartare et allemand s'écroule a vue d'oeil.

Je vous serre la main avec amitié et sympathie. *A. Herzen.*

Переводъ.

27 мая. 1

Дорогой г. Мишле, благодарю за ваше письмо, такое же, какъ всегда, милое и дружественное. Четыре мѣсяца тому назадъ я и Бакунинъ писали вамъ, и я позволилъ себѣ вложить въ конвертъ наши фотографическія карточки. Все это было передано Бакунину, брату знаменитаго Михаила. Онъ написалъ намъ изъ Флоренціи, что не могъ разыскать писемъ, но что портреты были у него. Я былъ увѣренъ, что онъ вамъ перешлетъ портреты, но вижу, что онъ ничего не сдѣлалъ.

Я зналъ о несчастіи, постигшемъ вашу семью, но не написалъ вамъ, не желая вызвать печальнаго воспоминанія.

Брошюра Огарева (это—мой другъ и сотрудникъ, который живетъ вмѣстѣ со мною, и мы вмѣстѣ съ нимъ редактируемъ «Колоколь») является, по моему мнѣнію, наиболѣе важнымъ изъ того, что написано о современномъ положеніи Россіи. Посылкою своей книги онъ хотѣлъ вамъ заявить о своемъ почтеніи и доставить удовольствіе.

Бакунинъ также остается въ Лондонѣ и работаетъ вмѣстѣ съ нами. Мы все идемъ впередъ—и солдатскій, татарскій и нѣмецкій престолъ замѣтно разваливается.

Дружески жму вамъ руку

A. Герценъ.

◆◆ 1. Мишле писалъ Герцену 22 мая 1862 г. изъ Парижа: «Дорогой Герценъ, я ничего не читалъ болѣе *интереснаго, болѣе захватывающаго* (нѣкоторыя мѣста проникаютъ въ душу), *чѣмъ ваше 3-й томъ*. Кромѣ того, въ немъ много поучительнаго для меня, это *основа встѣх основъ*. Мнѣ передаютъ, что г. Бакунинъ сдѣлалъ мнѣ честь написать. Я этимъ счастливъ, но письма его не получалъ. Только-что получилъ изъ Лондона работу г. Огарева, имѣющую важное значеніе («Опытъ о нынѣшнемъ положеніи

Россіи»), но я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Я очень хотѣлъ бы его поблагодарить. Портретъ Бакунина, который я получилъ отъ вашей очаровательной жены, безпрестанно напоминаетъ мнѣ о ней и очень близокъ моему сердцу. Все, что вы о ней пишете въ вашихъ «Воспоминаніяхъ», трогаетъ мою душу. Какъ я жалѣю, что не видѣлъ васъ, когда вы тутъ проѣзжали! Сколько у меня пожеланій для васъ и для вашей страны! Писалъ ли я вамъ, что я потерялъ сына и дочь? У меня остается трое дѣтей моей дочери, мой зять Дюмениль (авторъ книги «Новая вѣра, открываемая въ искусствѣ»), и, сверхъ всего, моя жена, которая раздѣляетъ всѣ мои труды. Жму вамъ и г. Бакунину руку съ большой любовью».

1847. Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ ¹⁾.

Вамъ, Н. А. ²⁾, послѣднему нашему маркизу Позѣ ³⁾,
отъ всей души посвящаю этотъ очеркъ.

I.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Въ первые годы царствованія Александра I, т.-е. когда уроки Лагарпа были еще въ памяти, и урокъ, данный монархамъ, вообще,

¹⁾ Въ моей первой юности я видаль раза два-три *Василія Назаровича Каразина*; помню, что мой отецъ рассказывалъ объ его письмѣ къ Александру I, объ его близости къ нему и о быстромъ паденіи. Въ 1860 году я прочелъ замѣчательную жизнь этого человѣка въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ порывистой, многосторонней, исполненной инициативы дѣятельности Каразина все захватывало вниманіе, всего больше то, чего въ «Сѣверной Пчелѣ» не было, т.-е., что осталось по ту сторону цензурныхъ колодокъ. Случайно досталъ я письмо Каразина къ императору (оно было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1810) и нѣсколько другихъ бумагъ. Сначала я думалъ только напечатать это письмо въ дополненіе упомянутой статьи. Потомъ мнѣ захотѣлось по поводу отношеній Александра I къ Каразину высказать нѣсколько общихъ замѣчаній, я это и сдѣлалъ. Ни статья «Сѣверной Пчелы», ни эти замѣчанія далеко не составляютъ біографіи В. Н. Каразина. Это—только матеріалы для нея; я, съ своей стороны, почти не касался до жизнеописанія Каразина; мнѣ хотѣлось только загрузовать фондъ и набросить обстановку, въ которой выступаетъ его фигура. А. И. Г.

²⁾ Н. А. Серно-Соловьевичъ. ¹

³⁾ Дѣйствующее лицо изъ трагедіи Шиллера «Донъ Карлосъ», идеальность, другъ и наперсникъ наслѣднаго принца.

въ Парижѣ и русскимъ самодержцамъ, въ особенности, въ Михайловскомъ дворцѣ ¹⁾), не были забыты,—у императора Александра I бывали литературные вечера; на нихъ приглашались нѣсколько близкихъ лицъ къ государю, особенно извѣстныхъ за грамотныхъ.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ чтеніе длилось долго; читали новую трагедію Шиллера.

Чтець кончилъ и остановился.

Государь молчалъ, потупя взглядъ. Можетъ, онъ думалъ о своей судьбѣ, которая такъ близко прошла къ судьбѣ Донъ Карлоса, можетъ, о судьбѣ своего Филиппа ²⁾)... Нѣсколько минутъ продолжалась совершенная тишина; первый прервалъ ее князь Александръ Николаевичъ Голицынъ ³⁾); наклоня голову къ уху графа ⁴⁾ Виктора Павловича Кочубея, онъ сказалъ ему вполслова, но такъ, чтобъ всѣ слышали:

— У насъ есть свой маркизъ Поза!

Кочубей усмѣхнулся и кивнулъ ему головой. Глаза всѣхъ обернулись на челоуѣка лѣтъ тридцати, сидѣвшаго поодаль.

Императоръ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на окружавшихъ, остановилъ недовѣрчивый, пытливый взглядъ на челоуѣкѣ, сдѣлавшемся предметомъ общаго вниманія, наморщилъ брови, всталъ мрачный и недовольный, откланялся гостямъ и вышелъ.

Князь Александръ Николаевичъ улыбался; будущій министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, инквизиторъ и масонъ, покровитель Магницкаго ⁵⁾ и Рунича ⁶⁾), начальникъ Библейскаго общества и почтоваго вѣдомства, другъ императора Александра, который безжалостно пожертвовалъ его Аракчееву, другъ императора Николая, который не поручилъ ему никогда ничего дѣльнаго, былъ доволенъ. Зная подозрительный характеръ Александра, онъ былъ увѣренъ, что слово его взойдетъ,—и не ошибся. Почему онъ вредилъ этому челоуѣку, этого онъ не зналъ, это лежало въ его на-

¹⁾ Потомъ Инженерный Замокъ; намекъ на убійство Павла.

²⁾ Отець Донъ Карлоса.

³⁾ Товарищъ дѣтскихъ игръ Александра I, впоследствии министръ народнаго просвѣщенія.

⁴⁾ Князя.

⁵⁾ Попечитель казанскаго университета.

⁶⁾ Попечитель петербургскаго учебнаго округа; оба прославились крайнимъ обскурантизмомъ.

турѣ царедворца; на всякій случай не мѣшало отстранить лишняго человѣка.

Безъ сомнѣнія, на ту минуту изъ всѣхъ бывшихъ на чтеніи только двое искренно и пламенно желали добра Россіи: государь и В. Н. Каразинъ, названный маркизомъ Позой.

Эти двѣ личности—одна «вѣнчанная и превознесенная» въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Платономъ, сокрушившая Наполеона и сокрушившаяся подъ бременемъ славы и безвыходнаго, безпомощнаго самодержавія, и другая личность неутомимаго работника на общую пользу, бравшаяся за все и за все съ необыкновенной энергіей, толкавшаяся во всѣ двери и встрѣтившаго вездѣ отпоръ, препятствія и невозможность въ этой средѣ произвести что-нибудь путное,—эти двѣ личности бросаютъ два печальныхъ луча на гладко подмерзнувшія тундры петровской Россіи, въ которыхъ затирались, затираются энергія и воля, таланты и силы, пропадая безъ вѣсти въ болотныхъ топяхъ, какъ сваи, на которыхъ построены Петербургъ.

Характеръ императора Александра I мало выясненъ. Наши историки не могли о немъ писать, иностранные не могли и не могутъ понять, въ чемъ его трагическій *смыслъ*. Этого равно не объясняютъ ни его царское достоинство, ни его личныя несчастія; онъ же, совсѣмъ напротивъ, былъ необыкновенно счастливъ, какъ царь, счастливъ даже послѣ смерти. Нельзя быть рельефнѣе поставлену въ исторіи, какъ онъ. Наслѣднику Павла только и недоставало имѣть преемникомъ Николая. Между гатчинскимъ тигромъ, котораго пришибли, какъ бѣшенаго звѣря, и застегнутымъ на всѣ пуговицы удавомъ, душившимъ тридцать лѣтъ Россію, сутуловатая фигура императора Александра вырѣзывается какъ-то человѣчественно и кротко, то освѣщенная заревомъ Москвы, то озаренная шарижскими площадками, то удерживающая руку нѣмецкихъ владѣтельныхъ воришекъ, то останавливающая дикую мечь побѣдителей, доорвавшихся до непріятельской столицы.

И эта фигура Агамемнона, примирителя Европы, на вершинѣ своего величія становится смутнѣе, видимо тускнеть, стирается за страшной тѣнью Аракчеева и пропадаетъ одиноко на берегахъ Чернаго моря, подавая руку поздняго примиренія женщинѣ, которой вся жизнь, прикрытая императорской багрянницей, была однимъ оскорбленіемъ, и которая одиноко, колѣнопреклоненная передъ умирающимъ, закрыла его глаза и пережила его ¹⁾.

¹⁾ Императрица Елизавета Алексѣевна.

Every inch ²⁾), «каждый вершокъ» — потрясающая трагедія.

Не думайте искать отгадки въ смерти Павла, — она могла прибавить еще черную нитку въ его жизни, но found дальше, обширнѣе, глубже. Какая-то неумолимая, роковая стихія обнимаетъ ее и далеко перехватываетъ. Въ этой средѣ чуется зловѣщее вѣяніе, присутствіе *преступленія*, не совершившагося, не прошедшаго, а преступленія *продолжающагося*, невольнаго; оно бродитъ въ кровь, имъ пропитаны стѣны. Кровь отравлена въ жилахъ до рожденія; воздухъ, которымъ тутъ дышатъ люди, тлетворенъ; каждый вступающій вовлеченъ, хочеть онъ или нѣтъ, въ омутъ нелѣпости, гибели, грѣха. Пути ко всему злему раскрыты во всю ширь. Добро невозможно. Горе тому, кто остановится и подумаетъ, кто спроситъ себя, что онъ дѣлаетъ, что дѣлаютъ вокругъ него, — онъ сойдетъ съ ума; горе тому, кто въ этихъ стѣнахъ допуститъ человѣческое чувство въ своемъ сердцѣ, — онъ сломится въ борьбѣ.

Вотъ это-то останавливавшееся лицо въ рядѣ русскихъ вѣнценосцевъ послѣ Петра и былъ императоръ Александръ I. Оттого-то онъ и есть единственный *наказанный* изъ всѣхъ Романовыхъ, наказанный человѣчески, внутренней борьбой, наказанный прежде вины, *но досрочій до нея* впоследствии.

Сравните его судьбу съ судьбой Петра III, Павла, пожалуй, Николая, и вы поймете, почему именно этотъ человѣкъ, названный «Благословеннымъ», умершій на своей кровати, и притомъ никѣмъ не побѣжденный, гораздо больше — трагическое лицо, чѣмъ всѣ его предшественники. Что трагическаго въ томъ, что пьянаго идиота убила и обобрала развратная женщина? Это случается сплошь да рядомъ въ закоптѣлыхъ домахъ темныхъ лондонскихъ переулковъ. Или — въ томъ, что человѣкъ, обороняясь отъ сумасшедшаго, хватилъ его табакеркой въ високъ, а другіе покончили его? Это — не трагическія катастрофы, а дѣла уголовной палаты и смиренныхъ домовъ.

Трагическій элементъ не опредѣляется ни болью, ни синими пятнами, ни кулачной борьбой, а тѣми внутренними столкновениями, независимыми отъ воли, противорѣчащими уму, съ которыми человѣкъ борется, а одолѣть ихъ не можетъ, — напротивъ, почти всегда уступаетъ имъ, измочалившись о гранитные берега неразрѣшимыхъ, повидимому, антиномій. Для того, чтобы такъ разбиться, надобно извѣстную степень человѣческаго развитія, своего рода помазаніе. Есть природы до того будничныя, до того рутинныя, до того узкія и посредственныя, что ихъ счастье и несчастье пошло.

²⁾ «Every inch a king!» — «каждый дюймъ — король!» («Король Лиръ»).

по крайней мѣрѣ, не интересно. Въ холодныхъ глазахъ, въ прозѣ военно-учебнаго самовластія Николая, въ его ограниченномъ взглядѣ, постоянно обращенномъ на мелочи и подробности, въ его субалтернской точности и пристрастіи къ прямымъ линиямъ, къ геометрическимъ фигурамъ лежитъ исключеніе всего поэтическаго. Напрасно изъ послѣднихъ дней его хотять сдѣлать что-то величаво-мрачное. Человѣкъ этотъ не останавливался ни на чемъ, не сомнѣвался ни въ чемъ, на него не находило раздумье, у него не было раскаянія, не было идеаловъ, онъ зналъ, что царствуетъ по волѣ божіей, что должность императора — военная, и былъ совершенно доволенъ собой; онъ не подозрѣвалъ, что нравственная жизнь государства понизилась *имѣ*, что онъ, кругомъ сомкнутый и обворочанный, поставилъ Россію на край пропасти, Узнавши послѣднее, онъ съ досадой увидѣлъ, что не доросъ даже до того, чтобъ совладать съ первой неудачей, и тотчасъ умеръ отъ безсильной злобы. Это—урокъ, примѣръ, угроза, но не трагедія. Въ противномъ случаѣ можно сдѣлать трагическій типъ не только изъ всякаго наказаннаго разбойника, но даже изъ желчезоваго труса Аракчеева, умирающаго въ Грузинѣ, всѣми ненавидимаго и оставленнаго, у окаянной могилы, облитой кровью цѣлой дворни ¹⁾.

Не таковъ былъ императоръ Александръ. Императрица Екатерина, сосредоточивая на немъ династическій интересъ и то материнское чувство, которое она никогда не имѣла къ своему сыну, дала ему очень человѣческое воспитаніе и, какъ это бываетъ съ старыми грѣшницами, воспитывала его въ невѣдѣніи того, что дѣлалось вокругъ. Александръ былъ мечтатель, юноша съ романтическими идеями, съ той неопредѣленной филантропией, которая тогда была въ ходу и составляла какъ бы сѣверное сіяніе или холодный и мерцающій отблескъ иной болѣе горячей филантропіи, которая проповѣдывалась тогда въ Парижѣ. Но со всѣмъ тѣмъ его воспитаніе кончилось рано, и онъ съ Лагарпомъ въ головѣ является на царскій помостъ, окруженный сѣдымъ, догнивающимъ развратомъ послѣднихъ лѣтъ екатерининской эпохи.

...«Я отнюдь недоволенъ своимъ положеніемъ», пишетъ великій князь В. П. Кочубею 10 мая 1796 года, т. е. 18 лѣтъ отроду ²⁾. «Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ.

¹⁾ Намекъ на убійство любовницы Аракчеева его дворовыми и слѣдствіе по этому дѣлу, сопровождавшееся страшными жестокостями.

²⁾ Корфъ, «Восшествіе Николая», стр. 228—229. А. И. Г.

Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоящихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не *желалъ бы имѣть у себя и лакеями*; а, между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З....., П....., Б....., оба С....., М..... и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться. Я просилъ Г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.»

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ прийти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ челоѣкомъ, полагая мое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произне-

сите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться «покойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастнымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію».

Екатерина умерла. Павелъ съезъ въ трескучій морозъ тѣло Петра III въ Петропавловскую крѣпость, *прихоронить* его покойницѣ, и заставилъ графа А. Орлова и Бяратинскаго нести его корону. Александръ еще ближе подвинулся къ вершинѣ, окруженной тѣмъ гноемъ, о которомъ онъ писалъ. Но тамъ все ужъ измѣнилось одною смертію; все стало еще сквернѣе, только въ другомъ родѣ. Жалѣть пришлось ему сановниковъ, которыхъ онъ не хотѣлъ «имѣть лакеями». Избалованная, пресыщенная дворня старѣй барыни замѣнилась каптенармусами и камердинерами наслѣдника, которые внесли во дворецъ казарму и переднюю. На мѣсто надменныхъ дворецкихъ воровъ явились воры-доносчики, на мѣсто лакеевъ—палачи; дворецъ изъ публичнаго дома сталъ застѣнкомъ. Развратъ чувственный смѣнился развратомъ свирѣпости, боли, заколачиванія.

Тревожно и грустно стоялъ цесаревичъ, подавленный ужасомъ, у подножія дикаго трона; безсильный помочь и лишенный возможности отойти, Александръ, какъ Гамлетъ, бродилъ по этимъ заламъ, не умѣя ни на что рѣшиться; другіе рѣшились за него.

Такъ же тревожно и грустно, да и еще къ тому жъ съ чернымъ пятномъ на совѣсти, взошелъ онъ самъ на вершину страшной скалы, съ которой только-что сбросили обезображенный трупъ убитаго отца его. Онъ хотѣлъ добра, и ему вѣрили. На его юныя и крѣткія черты смотрѣли съ упованіемъ; уповалъ и онъ, что сдѣлаетъ изъ Россіи рай; онъ ей отдастъ лучшіе годы, лучшія силы, народъ благословитъ его, онъ замолитъ грѣхъ своего участія въ кровавомъ дѣлѣ, и тогда, Траянъ и Маркъ-Аврелій, онъ исполнитъ писанное къ Кочубею и пропадетъ въ виноградныхъ садахъ на берегахъ Рейна ¹⁾.

Александръ былъ откровененъ въ этихъ мечтахъ, онъ имъ вѣрилъ, и не онъ одинъ: имъ вѣрила вся Россія, т.-е. Россія *порядочныхъ людей*, Россія признанная людскою; до *черной* Руси, до

¹⁾ Мечта объ отреченіи занимала его до самой смерти. А. И. Г.

Руси податной это не касалось; она и тутъ, какъ, вообще, на торжествахъ и праздникахъ, была исключена изъ общей радости, да и сама не старалась принять въ ней участіе, вспоминая матушку-императрицу и, словно, чуя, что новое царствованіе за кровь десятого человѣка заплатитъ военными поселеніями.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую любовь, на такую вѣру, на такую радость о смерти злодѣя...

Теперь дай человѣка мнѣ, создатель...
 Ты много далъ мнѣ: только человѣка
 Ты дай теперь мнѣ...
 Молю тебя о другѣ; я не такъ,
 Какъ ты, всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобою
 Посланные, самъ вѣдаешь, какіе
 Они мнѣ слуги. Изъ-за денегъ только
 Они мнѣ служатъ.
 Мнѣ правды надо... ¹⁾.

Прошло дней десять послѣ смерти Павла. Во дворцѣ былъ большой пріемъ; радостныя лица, одѣтыя въ глубокой трауръ, входили, выходили, низко кланялись, повторяли раболѣпныя фразы. Застѣнчивый Александръ, мало привыкнувшій къ этой работѣ и къ этой роли бога, передъ которымъ все падаетъ, на котораго все уповаешь, утомленный, взошелъ послѣ пріема въ свой кабинетъ и бросился на кресло передъ своимъ рабочимъ столомъ. На его столѣ, въ его кабинетѣ, въ который никто не смѣлъ входить, лежало толстое письмо... запечатанное и надписанное ему.

Онъ сорвалъ печать и развернулъ письмо; по мѣрѣ чтенія глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли; онъ положилъ письмо, и крупныя слезы продолжали катиться по его щекамъ. Ихъ видѣли графъ Паленъ ²⁾ и Трощинскій ³⁾. «Господа, сказалъ имъ государь, неизвѣстный человѣкъ положилъ на мой столъ это письмо; оно безъ подписи, същите мнѣ непременно, кто его писалъ».

¹⁾ См. «Донъ Карлосъ» Шиллера, перев. Мих. Достоевскаго.

²⁾ Петръ Алексѣевичъ, госуд. дѣятель царствованій Екатерины II и Павла.

³⁾ Дмитрій Прокофьевичъ, госуд. дѣятель царствованія Александра I.

II.

ПИСЬМО.

Вотъ что прочелъ императоръ:

«Какимъ прекраснымъ днемъ началось Твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила тебя...¹ Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! десятый день уже освѣщаетъ весеннее солнце твоихъ, надеждами исполненныхъ, подданныхъ, и день отъ дня, часъ отъ часу ты болѣе оправдываешь сіи надежды. Какая легкая будущность ожидаетъ насъ!...

«Въ сіе время всеобщаго восторга кто пощадилъ бы жизнь свою на защищеніе твое? Но ты въ немъ не имѣешь нужды... Прости жъ, если, искавъ принести тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины,—я, удаленный отъ двора твоего и упованія наградъ, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россиянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную; приими ее засвидѣтельствомъ довѣренности къ твоимъ добродѣтелямъ, знакомъ истинной подданнической любви. Безъ сомнѣнія, все, что я ни скажу тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣно уже въ твоей благородной душѣ или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которыми ты окружаешь себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть *лепту вдовы въ сокровищницу*, такъ точно, какъ самое блистательное понятіе о славѣ твоей никогда не удержитъ меня отъ рвенія распространять ее во всякомъ для меня приступномъ кругу моею хвалою...

«Государы! Ты царствуешь надъ сорокою милліонами человѣкъ, искони приобыкшихъ безпредѣльно чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто довольно, чтобы разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія,—чтобъ устроить счастье, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ...

«Имперія, которая *своимъ* называть тебя будетъ,—не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единого языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку

¹⁾ Случилось, что 11 марта 1801 года въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; 12-го же, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила. В. К. °).

°) Позднѣйшее примѣчаніе Каразина.

изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣя сношенія съ чужими странами въ совершенной независимости. Она имѣетъ и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія большею частію *ей одной свойственныхъ* произведеній и надежныя руки сыновъ своихъ для искусственного ихъ обработыванія. Посему богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на природѣ основанная, должны возрастать съ самимъ временемъ. Она представляетъ, такъ сказать, подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя, изъ середины ея изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобы сообщать руководлія Европы Азіи и азіатскія богатства Европѣ *кратчайшими путями*. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ океаномъ или странами столько же неприступными, какъ и онъ; въ остальной же части имѣетъ сосѣдей, привыкшихъ почитать русское могущество. Что могу сказать тебѣ, государь, новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ твоего народа, который среди временъ грубѣйшаго невѣжества обращалъ уже на себя вниманіе? народа, въ нынѣшнемъ состояніи нравственнаго міра, едва ль не менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденнаго?... Напомню только одну изъ этихъ добродѣтелей, обезпечивающую незыблемость отечества. Пожертвованіе жизни за него всегда и вездѣ почитаемо было достойнымъ вѣчныхъ похвалъ; но сіе жертвованіе, безъ всякихъ видовъ славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе великое самоотреченіе свойственно рѣдкимъ лишь душамъ, и россійскіе ратники способны къ нему болѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ воиновъ. Рѣшительный военачальникъ идетъ на смерть: я почитаю его; но вижу, что слава, которая изъ-за предѣловъ гроба простираетъ къ нему свой лавръ, наполняетъ его воображеніе удивленіемъ соотечественниковъ и потомства, что сія слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе, желаніе пріобрѣсть блестящее отличіе упоетъ его. Самая необходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, къ которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ отличатся, не ожидаетъ наградъ; солдатъ, котораго участь не перемѣняется послѣ двадцати выигранныхъ сраженій и который, не думая о свидѣтеляхъ, о потомствѣ, объ исторіи, умираетъ *весь*, у котораго священный *долгъ* есть единое побужденіе,— для меня прямо великій герой! Таковъ россійскій солдатъ, и такихъ имѣешь ты сотни тысячъ!...

«Время образовало Человѣческую премудрость; время, усовершенствовавъ все, предуготовляетъ законодателю способъ быть благотворителемъ Человѣчества. Если-бъ Екатерина, если-бъ Маркъ-Аврелій сами жили въ желѣзномъ вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавляема своеволиемъ феодализма,—много ли бы они могли сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственнаго сердца, созданнаго для блага Человѣковъ, изъ собственнаго всеобъемлющаго разума извлекли бы законы; предположивъ, что они нашли бы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать, и глубоко размышлять, проникать безъ всякихъ предварительныхъ познаній въ составъ обществъ, въ сердца людей,—гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образованія общественнаго не были еще произведены. Въ наши дни, государь, наука законодательства вмѣстѣ съ прочими науками, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представитъ тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя, объята бывъ благодѣтельнымъ твоимъ духомъ, искушены, подобно какъ золото искушается огнемъ, религіозностію твоихъ чувствованій, могутъ положиться въ основаніе счастья россіянъ. Велика заслуга мудреца, многотрудно открывающаго истину; но тотъ, кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительныя приложенія сей истины, достоинъ алтарей! Онъ—Богъ, собирающій носимые бесполезно по воздуху пары въ благотворный дождь, который даетъ плодоносіе долинамъ и воды рѣкамъ, орошающимъ ихъ. Ежели земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго Существа, создавшаго милліоны міровъ, то, конечно, тогда только, когда они подражаютъ его благодѣтельности...

«Воззри на послѣдокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло ль быть когда либо время *способнѣе* для возведенія твоей «Россіи на верхъ славы и блаженства», въ сходство обѣщанія твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противоположены другъ другу, что ты никогда не можешь быть въ необходимости принять оружіе, если самъ будешь имѣть миролюбивыя намѣренія, если суетныя хвалы умовъ праздныхъ (*такъ называемая* слава завоевателей) никогда отъ тебя не удостоятся быть звѣнчиваемы на ряду съ благословеніями тысячей и темъ Человѣковъ, которыхъ судьба отъ тебя зависитъ. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, поколебавшій толико правлений, не только не сдѣлалъ вреда Россіи, въ которую его начала не могли и вѣчно уже не могутъ проникнуть, но принесъ ей еще

ощутительную выгоду, отвративши, во-первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время и потомъ, новымъ расположеніемъ связей ихъ, уюливши нашъ дворъ отъ необходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которая обѣ теперь, почитая соучастіе наше рѣшительнымъ, должны наперерывъ искать нашего благорасположенія. Россія вышла, чрезъ неожиданное это стеченіе обстоятельствъ, изъ всегдашней (со времени Петра Великаго) скрытой войны со *всѣми* европейскими державами. Самую молодость ея, которая еще чрезъ цѣлое столѣтіе не могла бѣ быть забыта, революція навсегда изгладила изъ памяти.

«Въ семь состояній дѣль внутренніе и внѣшніе долги государства твоего не важны, судя по великости источниковъ твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго затрудненія.

«Таковы средства, государь, которыми ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ, среди счастливѣйшаго народа на земли...

«Ночью, проходя мимо чертоговъ твоихъ, я представлялъ себѣ сію картину благословеннаго твоего политическаго положенія и размышлялъ, каковы будутъ пути твои?»

«Неужели захочетъ онъ, говорилъ я самъ себѣ, произвольно разстроить рѣдкое согласіе неба и земли въ его пользу и благотворное предуготовленіе цѣлаго полвѣка оставить безъ исполненія? Неужели онъ, созданному для душъ обыкновенныхъ, удовольствію самовластія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою и тою наградою, которая по долговременной, безмятежной, семейственныхъ радостей исполненной жизни, ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства?

«Нѣтъ! Онъ раскроетъ напоследокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины. Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою мноючисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ онъ ихъ въ роды родовъ. Онъ скажетъ Россіи: «Вотъ предѣлъ самодержавія моего и моихъ наследниковъ нерушимый вовеки!...» И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ, и желѣзныи своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта.

«Въ этомъ будетъ онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ, отъ Творца ей уготованныхъ. Онъ призоветъ въ помощь свою вѣчный разумъ, имѣющій озарить его душу; имъ руководствуясь, обозритъ онъ весь составъ законовъ доннѣ существующихъ, дабы безъ нужды и по-

одной лишь любви къ новостямъ не разрушать утвержденнаго и оправданнаго уже временемъ. Именемъ отечества истребуешь онъ совѣтъ у мужей мудрыхъ, счастливою для насъ судьбою поставленныхъ близъ его, и другихъ, *годохъ* которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему можетъ. *Подъ званіемъ строжайшей скромности* спроситъ онъ ихъ; со свѣтильникомъ чистой своей совѣсти пройдетъ творенія законодателей міра, древнихъ и новыхъ: сообразитъ оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ истиннымъ, какое общаетъ намъ наступившій вѣкъ, послѣ жестокихъ испытаній прошедшаго... Онъ составитъ въ тайнѣ, но торжественно, предъ лицомъ внимающей вселенной издастъ государственное уложеніе, основу законовъ, которые *сами*, нечувствительно, могутъ *предварить* ея обнародованіе. Онъ повелитъ, на послѣдокъ, въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ, достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ; и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти,—да охраняютъ святая святыхъ отечества... Онъ приметъ и другія мѣры, почерпнутыя изъ опыта вѣковъ, для утвержденія правъ своихъ подданныхъ. Онъ-то первый употребитъ самовластіе для обузданія самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ *человѣчеству* собственными выгодами! И *человѣчество*, возрыдавъ отъ радости, вознесетъ кумирь Его выше кумировъ прочихъ царей, и сонмы народовъ чуждыхъ притекутъ лобызать его подножіе, и вкусить среди насъ блаженство!...

«Безъ сомнѣнія, нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ, что *довѣренность къ правительству*, утверждаемая извѣстностію *непретяжныхъ* его началъ, *одна* рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія.

«Съ довѣренностію къ правительству на одной степеніи поставитъ онъ *дѣру къ правосудію*. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: *гражданинъ, отечество* суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!

«Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ якобы частныя неправды не обращаются обществу во вредъ, якобы для государства «все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки». Предоставивъ весь судъ *избраннымъ отъ народа*, онъ удалитъ ихъ отъ соблазновъ не законами, безгласными *по необходимости*, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, содержанія соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и поревнованію объ общей пользѣ. На сей же конецъ подчинитъ, онъ судей общественному

мнѣнію. Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе не умолимо, нежели высшія инстанціи, не рѣдко движимыя *одинаковыми же* началами на вѣщее посрамленіе законовъ!

«Онъ положитъ единожды навсегда твердое основаніе государственному достоянію: изочтетъ богатства своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ *по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива изобразительныхъ знаковъ богатства неподверженному*, и скажетъ: «*Симъ* обязаны вы взаимно состояніе къ состоянію; *симъ* обязаны относительно къ государственной сокровищницѣ; *симъ*, напоследокъ, располагаетъ лице государя». Тогда однѣ чрезвычайныя, всею мудростію человѣческою непредвидимыя нужды государства останутся неопредѣленными; но на удовлетвореніе ихъ готовы коренныя, такъ сказать, *утробныя* его силы, которыя съ покоемъ *неопредѣленно же* возрастаютъ.

«Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія *мнимыхъ* доходовъ; но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клонятся будутъ къ уменьшенію издержекъ. И *симъ вѣрнѣйшимъ* путемъ, сопровождаемый благословіями гражданъ, трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ онъ до постоянного *избытка государственнаго*, которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

«Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца его; уменьшитъ дворъ свой, изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

«Онъ ограничитъ суетную *любовзательность*; сіе желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство представляетъ еще безкровныя хижины. Не художества призоветъ онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ; но въ премудрости своихъ учреждений и въ любви народной найдетъ ихъ; онъ несокрушаемы временемъ и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

«Самыя художества не будетъ онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ своихъ, съ условіемъ, чтобъ они платили ему лестью; но дѣйствительно ободритъ ихъ, *умноживъ общее благодостояніе* и разрѣшивъ узы ума и талантовъ.

«Вообще онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и моральное изящество будетъ первѣйшимъ его предметомъ.

«Не удостоить онъ занять себя подробностями и иждивать на мелочи драгоценное время, въ которое едва-едва вмѣститься могутъ *всеобщія* попеченія владѣтеля пространнѣйшей имперіи въ свѣтѣ. Онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы, дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава, — и всѣ прочія потекутъ правильно!

«Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся бесполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждѣ, то, безъ сомнѣнія, обратитъ онъ всю свою внимательность на *воспитаніе* своихъ подданныхъ соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ онъ сословію *блюстителю законовъ*, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназій, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставляются не тѣмъ проповѣдникамъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать государя въ городскихъ храмахъ; но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ; тѣмъ, которые, учредивъ училища, нелѣпно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлятъ должностямъ челоуѣка и гражданина.

«Такимъ образомъ, не жезлъ денно-ночно властію подъятый заставитъ исполнять законы; но гораздо дѣйствительнѣе собственное удостовѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ законы будутъ охраняемы нравами, и нравы—законами.

«Съ другой стороны еще подѣйствуетъ онъ на нравственность состояній, называемыхъ *последними*. Онъ обезпечитъ права челоуѣчества въ *помятыхъ ихъ крестьянахъ*; введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностію обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе. Простѣйшимъ поселянамъ предоставитъ онъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, питьямъ, чувства оглушающимъ, и другимъ побужденіямъ разврата, иногда отчаянія и неключимаго рабства.

«Земледѣліе распространится подъ кроткимъ его скипетромъ. Онъ заселитъ мало-по-малу пространныя степи Россіи, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скорѣпостижно, за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны, по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ и дѣйствительно смертоносныя по чрез-

вычайному различію климатовъ, но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ, вызывая и ободряя наградами и льготою.

«Безводные, но впрочемъ тучные края благословенныхъ климатовъ, будетъ онъ умѣть содѣлать обитаемыми и превратить въ цвѣтушіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращающія въ пользу пространныя озера, или одѣвая исподволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только просвѣщенные столицы имѣютъ право на подобныя симъ издержки правительства? Неужель не обязано оно готовить жилища будущимъ родамъ и... убѣжища тѣмъ, которые отъ Запада, вѣроятно, придутъ нѣкогда искать у насъ Отечества?»

«Не толпы алчущихъ чиновниковъ поставитъ онъ на стражѣ у лѣсовъ, сего украшенія земли и сокровищницы водъ; но благо-разумнымъ распредѣленіемъ въ собственность, сохранить ихъ для государства. Дикія только степи и непроходимые лѣса могутъ быть помѣстьемъ казны; но должны содѣлаться собственностію частныхъ людей какъ скоро они досягаемы для трудолюбія. Горе правительствамъ, которыхъ учрежденія *служатъ только къ соблазну*, не искореняя зла въ самыхъ его основаніяхъ...

«Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличатся или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія, или промышленности. О семъ и подобномъ тому предоставитъ онъ судить не мѣстнымъ начальникамъ, удобно развлекаемымъ пристрастіемъ или скуднымъ государственнымъ соображеніями, но устроить временныя путешествія по имперіи особъ, исполненныхъ познаніями въ обзрѣваемой части и достойныхъ представлять собственное его око. Самъ онъ нерѣдко оставитъ единообразіе дворской жизни, чтобы *на дѣлѣ* видѣть и слышать; и управление Богомъ вѣреннаго ему, прекраснаго, пространнѣйшаго царства не заключитъ въ тѣсныя предѣлы работъ надъ подносимыми ему бумагами.

«Руководлія возбуждать онъ станетъ не самовластнымъ *внезапнымъ* запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно согласить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ!); но привилегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Впрочемъ, Россія *можетъ*, безъ малѣйшей для себя невыгоды, великодушно уступить многія вѣтви промышленности и руководлія народамъ скуднымъ землею. Ей ли, избыточной существующими богатствами, присвоить ненасытимо всѣ источники существованія?.. желать самой *все* обрабатывать, когда она несравненно дешевле можетъ имѣть *наемниковъ* себѣ внѣ пре-

дѣловъ «своихъ»? Доколѣ мы измѣрять себя будемъ мѣрилами чуждыми и подражать младенчески!..

«Внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и руководѣлій, втеченіе немногихъ лѣтъ, сама собою безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвыситъ внѣшнюю въ нашу пользу. *Великими* примѣрами распространяемая благодравіе и любовь ко всему отечественному послужатъ также къ уменьшенію надобностей въ заграничныхъ произведеніяхъ. Цѣна російскихъ существенныхъ богатствъ, а тѣмъ вмѣстѣ и цѣна изобразительныхъ, возрастетъ неминуемо.

«Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, онъ, конечно, потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемая ему теперь Провидѣніемъ, которое *явно* простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, предоставлено начертать смѣлый планъ *постоянной* политики, свойственный російской министеріи и одной ей принадлежащій. Не имѣетъ ли онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находить ли по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, *въ цѣлѣ еще находящейся*, таково ли, чтобъ жертвовать людьми безъ *крайнейшей* необходимости?.. О, какая участь обращать на себя признательныя взоры любви и уваженія всѣхъ народовъ; быть извѣстнымъ со стороны безпредѣльнаго могущества, — и благотворить!.. Если Всевышній мерзитъ челоуѣкоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны, если Ему угодно, чтобъ когда либо существовала истинно-христіанская держава, то сей примѣръ удобнѣе всего въ Россіи, и въ царствованіе Александрово.

«Въ счастливое сіе время, вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: *охраненіе общаго спокойствія*. Въ ожиданіи, пока безумный какой-либо врагъ дѣйствительно покусился бы на него, найдутся средства занять миллионъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоящихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ; не заставляя ихъ лить кровь въ странахъ и дѣлахъ чужихъ... Прѣжде всего оградитъ онъ западные предѣлы имперіи своей удвоеннымъ забраломъ крѣпостей: да кажутся онѣ сосѣдямъ страшными рядами зубовъ покоющагося льва. Потомъ, по примѣру римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить воинами общественныя работы, строить

славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали такіе-же опыты, и въ числѣ ихъ самаго основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станеть онъ употреблять, по очереди, часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества приобывшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному ихъ жалованію возбудить ихъ дѣятельность; и какъ много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ въ виду и въ понятіи у непріятелей.

«Онъ соединить война съ поселяниномъ, и поселянина съ прочими состояніями союзомъ *взаимной пользы*, ощущение которой, братолюбіе и подданическая обязанность, будутъ одно и то же чувство подъ тремя различными только видами.

«Онъ... но могу ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго; могу ли представить себѣ исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежитъ въ его человѣколюбивомъ сердцѣ?..

«Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительству, чтобъ они были: царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ; онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцамъ: къ несчастію мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *россіянъ*. Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!..

«Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно направливаетъ ихъ ко всѣмъ царямъ, увѣряя каждого, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли...

«О, ты, котораго обожаетъ мое сердце! не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствованіями тебѣ приносимую. Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности. Геній-благотворитель любезнаго моего Отечества!»

III.

МАРКИЗЪ ПОЗА.

На другой день Трощинскій доложилъ государю, что привезъ автора письма, что онъ—чиновникъ одной изъ его канцелярій, *Василій Назаровичъ Каразинъ*. Государь, отпустивъ Трощинскаго, пригласилъ Каразина въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его:

— Вы писали ко мнѣ это письмо?

— Виновать, государь,—отвѣчалъ Каразинъ.

— Дайте же мнѣ обнять васъ за него. Благодарю васъ, я желалъ бы, чтобъ у меня больше было такихъ подданныхъ. Продолжайте всегда со мной говорить такъ откровенно, продолжайте всегда говорить мнѣ *правду!*

Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ, рыдая, какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами: «Клянусь, что буду всегда говорить правду».

Александръ усадилъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки, двери кабинета были открыты для него...

«Маркиза Позу допускать ко мнѣ
«Впередъ безъ всякаго доклада»¹⁾).

... Маркизъ Поза нашъ началъ свою политическую карьеру годъ за два передъ тѣмъ. Двадцати пяти лѣтъ онъ оставилъ военную службу. Образованный, съ рѣдкой многосторонностью, онъ простился съ Семеновскимъ полкомъ для того, чтобъ изучать Россію и заниматься точными науками. Это было время пущаго разгара павловскаго безумія. Когда молодой человекъ взглянулъ въ положеніе несчастной Россіи, стегаемой направо и налево, безъ разбору, ея палачомъ, такой ужасъ, такое отвращеніе, такое отчаяніе овладѣли его душой, что онъ рѣшился, во что бы то ни стало, уѣхать въ чужіе края. Заграничные паспорта были запрещены. Каразину не дали дозволенія ѣхать. Онъ рѣшился переправиться черезъ границу безъ паспорта. При переправкѣ черезъ Нѣманъ его схватили драгуны и свезли въ Ковно.

Гибель Каразина была неминуема. Онъ хватился за самое опасное и несбыточное средство; оно спасло его. Предупреждая официальное донесеніе, онъ послалъ 14 августа 1798 съ эстафетой слѣдующее письмо къ Павлу:

¹⁾ Слова короля Филиппа.

14, августа 1798, Ковно.

«Государь,

«Несчастный преступникъ осмѣливается къ тебѣ писать: преступникъ противъ твоихъ повелѣній, самодержецъ Россіи, не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озарить меня *единный* лучъ твоей прозорливости, прежде нежели сожжетъ молнія твоего гнѣва!

«Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну твоей державы; покусился, вопреки твоёй, *двукратно*, т.-е. всенародно и частно, на мое лицо выраженной, воли. Ночью противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправкѣ въ Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ Екатерининскаго гренадерскаго полка: въ короткое время достигнетъ о томъ официальное донесеніе.

«Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С.-Петербурѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободской-украинской ¹⁾ губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно вѣрить, что они не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спастись бѣгствомъ. Оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей.

«Прійми мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего, молвою, вѣроятно, удесятеренные, грозили мысли и воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя. Но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ.

«Теперь въ волѣ твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой, или простить,—и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что я столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердомъ!».

Павлу не часто приходилось читать такія письма. Ужась передъ его деспотизмомъ, заставившій молодого человѣка бѣжать, и простодушное признаніе его взяли Павла врасплохъ. Стоя въ третью танцевальной позиціи и опираясь преднамѣренно неловко на трость, Павелъ сказалъ приведенному къ нему *преступнику* своимъ сильнымъ голосомъ: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься, что служба въ Россіи можетъ быть не дурна и при мнѣ; при комъ хочешь ты служить?». Хотя намѣреніе Каразина перелѣзть черезъ границу и не было доказательствомъ особенно сильнаго желанія испытывать прелесть павловской службы, но тутъ

¹⁾ Нынѣ Харьковской.

разсуждать было нечего: Каразинъ назвалъ Трощинскаго; Павелъ велѣлъ его опредѣлить и оставить въ покрѣ.

Для Александра такой человѣкъ былъ кладъ; казалось, что онъ понималъ это. Неутомимая дѣятельность Каразина и глубокое научное образованіе его были поразительны: онъ былъ астрономъ и химикъ, агрономъ, статистикъ, не риторъ, какъ Карамзинъ, не доктринеръ, какъ Сперанскій, а живой человѣкъ, вносившій во всякій вопросъ совершенно новый взглядъ и совершенно вѣрное требованіе.

Сначала императоръ безпрестанно посылаетъ за нимъ, пишетъ ему собственноручныя записки ¹⁾. Каразинъ, упоенный успѣхомъ, удесятерять свои силы, пишетъ проекты, между прочимъ, проектъ министерства просвѣщенія, подаетъ записку объ *искорененіи рабства* (т.-е. крѣпостного состоянія) въ народѣ, въ которой прямо говорить, что послѣ того, что дворяне освобождены имъ дарованной грамотой, чередъ за крестьянами; вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ о народныхъ школахъ, составляетъ самъ два катехизиса, одинъ *свѣтскій*, одинъ *духовный*, и вдругъ, въ пушіи разгаръ своего фавора, беретъ отпускъ и пропадаетъ на своей родинѣ въ Малороссіи. Не думайте, что онъ поѣхалъ отдохнуть, набрать новыхъ силъ,—такіе люди не устаютъ, нѣтъ, онъ возвращается черезъ нѣсколько недѣль въ Петербургъ съ 618.000 р. с., которые онъ вымолилъ, выплакалъ у харьковскаго и полтавскаго дворянства и купечества на учрежденіе университета въ Харьковѣ. Государь хочетъ наградить его, Каразинъ отказывается. «Я становился, государь, на колѣни передъ дворянами и купцами, я вымаливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все это изъ желанія получить награду».

Александръ имъ доволенъ, все идетъ хорошо, но уже замѣтна какая-то непріязненная сила, которая то тамъ подкатитъ бревно подъ колеса, то тутъ опуститъ тормазь...

Проектъ министерства просвѣщенія утвержденъ, но онъ уже не тотъ; утвержденъ и проектъ харьковскаго университета, но колоссальный замыселъ Каразина суживается въ обыкновенные размѣры нѣмецкой провинціальной Hoch-Schule ²⁾. Каразинъ мечталъ о центральномъ учебномъ заведеніи не только всей Малороссіи, но юго-западныхъ славянъ, даже грековъ. Ему хотѣлось привлечь туда величайшія знаменитости ученаго міра. Лапласъ и Фихте согласи-

¹⁾ Какъ хотѣлось бы намъ видѣть эти записки. Такія достоянія исторіи не должно хранить подъ спудомъ. А. И. Г.

²⁾ Высшей школы.

лись ѣхать, вызванные имъ, но правительство нашло ихъ не по карману.

Едва замѣчая *неудачу своихъ удачъ*, Каразинъ выписываетъ изъ чужихъ краевъ, на свой счетъ, въ Харьковъ тридцать два семейства типографовъ, переплетчиковъ и другихъ работниковъ, является во дворецъ вдовствующей императрицы, пишетъ для нея трактаты о женскомъ воспитаніи, статьи о педагогическомъ и пр. Это его нисколько не отрываетъ отъ другихъ порученій Александра и отъ другихъ предпринятыхъ работъ. Съ небольшимъ въ два года онъ успѣлъ, сверхъ сказаннаго, написать уставъ для академіи, для университетовъ, для всѣхъ учебныхъ заведеній, собрать матеріалы для исторіи финансовъ и для исторіи медицины въ Россіи, заняться собраніемъ первыхъ статистическихъ свѣдѣній и привести въ порядокъ государственный архивъ.

Въ 1804 году Каразинъ возвратился со слѣдствія, которое онъ дѣлалъ совокупно съ Державинымъ надъ губернаторомъ ¹⁾ Лопухинымъ. Злоупотребленія этого человѣка, находившаго сильную поддержку, были раскрыты. Лопухинъ отданъ подъ судъ. Оставалось наградить слѣдопроизводителей; но уже нитка, по которой маркиза Позу пускали ходить, была коротка.

Ничего не замѣчая, онъ явился къ государю. Государь его принялъ съ насупившимися бровями. Каразинъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

— Ты хвастаешься моими письмами?

— Государь...

Но государь не далъ ему отвѣтить.

— Посторонніе знаютъ, что я тебѣ писалъ одному и никому не показывалъ. Ты можешь итти.

Каразинъ вышелъ, и между ними все было кончено. Каразинъ подалъ въ отставку; государь принялъ его просьбу.

Итакъ, въ 1804 году императоръ не зналъ, что содержаніе писемъ бываетъ *известно почтовому вѣдомству*.

Поневоѣ вспомнишь печальный анекдотъ, рассказанный Н. И. Тургеневымъ, какъ Александръ гдѣ-то на конгрессѣ, получивъ просьбу крестьянина, проданнаго своимъ помѣщикомъ, спросилъ Тургенева, «будто законами дозволяется продажа людей безъ земли, и будто продажа врозницу допускается?». Тургеневъ, знавшій хаосъ законовъ по этой части, хотѣлъ воспользоваться вопросомъ, чтобъ уничтожить невольническую продажу, и, разумѣется, не успѣлъ. Послѣ засѣданія въ совѣтѣ, на которомъ Тургеневъ

¹⁾ Калужскимъ.

горячился, В. П. Кочубей подошелъ къ нему и, горько улыбаясь, сказалъ: «И вы думаете, что изъ этого что-нибудь будетъ?... *Вы лучше вотъ чему подивитесь: что юсударь двадцать лѣтъ царствуетъ и не зналъ, что у насъ людей продаютъ по одиночкѣ!*».

IV.

ПРАРОДИТЕЛЬСКІЙ ГРѢХЪ.

Петровское правительство необычайно свободно. Оно имѣетъ виды, корысти, отношенія, *но нравственныхъ обязанностей* никакихъ.

Освобождаясь отъ застоявшихся преданій родительскаго дома, оно въ то же время оборвало всѣ кровныя связи, не налагая на себя другихъ; оно отдало свою родную мать чужому вотчиму въ кабалу, но и ему не подчинилось.

Сложные, разноначальные элементы западной жизни были взяты на выборъ, подтасованы. Изъ цѣлой фразы, въ которой самыя противорѣчія смягчали односторонности, выполняли крайности и дѣлали своего рода строй, были выхвачены нѣсколько звуковъ, разрушившихъ ея сочетаніе и смыслъ. Все, увеличивающее власть, все, подавляющее человѣка, было взято; все, ограждающее лицо, оставлено въ сторонѣ; казуистика инквизиторіальнаго процесса обогатилась татарской пыткой, нѣмецкій чинъ—византійскимъ чиновничаніемъ.

Самое *слово* человѣческое, безусловно подавленное и презираемое, получало только тогда мощь безграничнаго несчастья и неотвратимой угрозы, власть *дѣла*, когда оно сулило доносъ!

Такого правительства, отрѣшеннаго отъ всѣхъ нравственныхъ началъ, отъ всѣхъ обязанностей, принимаемыхъ на себя властью, кромѣ самосохраненія и сохраненія границъ, въ исторіи нѣтъ. Петровское правительство—самая чудовищная абстракція, до которой можетъ только подняться германская метафизика eines Polizeistaates ¹⁾: правительство для правительства, народъ для государства полная независимость отъ исторіи, отъ религіи, отъ обычая, отъ человѣческаго сердца,—матеріальная сила, вмѣсто идеала, матеріальная власть, вмѣсто авторитета.

Будь Россія завоевана, положимъ, Польшей, была бы борьба. Польское панство принесло бы свои традиціи шляхетной воли, оно

¹⁾ Полицейскаго государства.

вызвало бы, какъ въ Малороссіи, какъ во время самозванцевъ, изъ оскорбленной народности Ляпуновыхъ, Мининыхъ, Пожарскихъ, Хмельницкихъ. Два элемента помѣрились бы. Побѣдитель посмотрѣлъ бы, кто этотъ побѣжденный, въ чемъ его особенность, въ чемъ его народность. Но петровское завоеваніе Россіи, безъ ино-племенниковъ, безъ враждебнаго знамени, безъ открытаго боя, взяло всю страну врасплохъ. Народъ тогда догадался, что онъ побѣжденъ, когда всѣ крѣпкія мѣста были въ рукахъ непріятеля; для *побѣдителей* побѣжденный народъ не имѣлъ даже интереса новости неизвѣстнаго; напротивъ, отчуждившійся притѣснитель презиралъ *черный* народъ русскій, былъ увѣренъ, что знаетъ его, и чувствовалъ себя тою же плотью и тою же кровью, но очищенной тою же цивилизаціей и призванной управлять *чернью*.

Около Петра собирается куча голи дворянской, непомнящей родства, иностранцевъ, непомнящихъ родины, денщиковъ и сержантовъ, въ пересыпочку съ старыми боярскими дѣтьми и вѣчными интриганамъ, ползающими у ногъ всякой власти и пользующимися всякими милостями. Кругъ этотъ растетъ и умножается быстро, давая всюду свои чужеродные побѣги.

Мало-по-малу по всей Россіи распространяется эта плѣсень; она тащится по грязи и снѣгу, съ офицерскимъ дипломомъ, съ сенатскимъ указомъ о мѣстѣ, съ купчей крѣпостью, голодная и алчная, свирѣлая съ народомъ и подлая съ начальствомъ. Изъ нея составляется какая-то сѣть, охраняемая солдатами, собирающаяся въ узелъ вверху Зимняго дворца и уловляющая внизу каждой петлей мужиковъ и горожанъ. Это какое-то разсѣянное дворянски-чиновничье государство съ общимъ армейски-помѣщичьимъ характеромъ. Въ немъ все сбрито: борода, областная самобытность, личная особенность. Оно одѣвается по-нѣмецки и старается говорить по-французски.

Съ ужасомъ и отвращеніемъ смотритъ народъ на измѣнниковъ, но сила съ ихъ стороны, и какъ онъ ни стонетъ, и какъ ни возстаетъ,—ревізій и рекрутчины, барщины и оброки, кнутъ и розги идутъ своимъ чередомъ. Онъ ропталъ, дѣлалъ опыты частныхъ возстаній; сговорившись съ казаками и татарами, поднялся, было, въ цѣломъ краѣ ¹⁾,—но воиска, войска... и пошла опять кнотовая расправа. Оглушенный болью, задавленный отчаяніемъ, онъ грохнулъ на землю и около ста лѣтъ пролежалъ въ оцѣпенѣніи.

¹⁾ Возстаніе Пугачева.

Только съ тѣхъ поръ петровская Россія сдѣлалась тѣмъ мертвымъ, беззвучнымъ моремъ, котораго не подниметь никакой ураганъ.

До семидесятыхъ годовъ петровскіе денщики и сержанты вовсе не входили въ русло. Люди эти, пьяные отъ вина и крови, привыкшіе къ топору палача, къ стону пытаемыхъ, лизнувшіе власти и битые палкой, съ надменной отвагой и безъ всякаго чувства чести, помнили очень хорошо, какъ легко въ безнародномъ государствѣ сажать на престолъ всякую дрянъ и сгонять ее съ престола.

Они знали, что въ императорскомъ «Мы» есть и ихъ доля... Дальновидные изъ нихъ хотѣли въ свою пользу ограничить самовластіе, но истые сержанты предпочитали просто душить царей и сажать на ихъ мѣсто своихъ любовницъ. Дерзкая дворня была опасна, требовательна. Князю Григорью Григорьевичу Орлову мало было Екатерины, ему хотѣлось титула ея мужа. Зная, какъ узы брачныя легки, Екатерина соглашалась, но другіе денщики и сержанты и не думали ей позволить. Имя Юанна Антоновича ¹⁾ было произнесено.—она его велѣла убить, какъ кошку; имя княжны Таракановой ²⁾ вспомнилось,—она велѣла ее украсть, какъ крадутъ собаченокъ.

Все это дѣлалось отъ страха. Страхъ лихорадочный, непобѣдимый овладѣвалъ человѣкомъ, какъ только онъ садился на ржавый отъ крови тронъ Петра. На такихъ вѣрноподданныхъ, какъ денщики и сержанты, какъ нѣмецкіе искатели приключеній, опереться было трудно; на народъ,—на этотъ затоптанный въ грязь, подаренный дворянству, безгласный народъ, еще меньше: онъ не существовалъ. Вѣнценосцы куражились, старались забыться, но страхъ бралъ верхъ, и вдругъ на нихъ напалъ ужасъ человѣка, стоящаго на канатѣ: внизу чернь головъ понурыхъ, не смотрящихъ наверхъ—голосъ до нея достигнуть не можетъ; возлѣ... ужъ лучше бы никого... возлѣ сержанты, денщики и никого близкаго... Они пугались собственнаго безплодія и посылали искать гдѣ-нибудь у нѣмецкихъ ландграфовъ и архіепископовъ каплю петровской крови въ четвертомъ, пятомъ колѣнѣ ³⁾, или наскоро заказывали дѣтей, какъ

¹⁾ Сынъ Анны Леопольдовны, заточенный въ Шлиссельбургскую крѣпость.

²⁾ Претендентка на русскій престолъ, заключенная, по приказанію Екатерины II, въ Петропавловскую крѣпость.

³⁾ Намекъ на происхожденіе Петра III, сына герцога Голштейнъ-Готторпскаго и Анны Петровны.

Елизавета Екатеринѣ ¹⁾), и все осматривались, и все боялись, не идетъ ли денщикъ, выпивши... съ андреевской лентой и съ веревкой.

Пришелъ другой, и все измѣнилось. Тучи разсѣялись, свои узнали своихъ. Раскрылась міру картина величайшаго семейнаго счастья: богоподобная Фелица, «мать отечества», спокойно стояла на вершинѣ силы и власти, благосклонно улыбаясь колѣнопреклоненнымъ денщикамъ и сержантамъ, сенаторамъ и кавалерамъ; все молилось ей, все благоговѣло передъ ней. Лучезарная стразами на манеръ *энциклопедическихъ* брилліантовъ, она сіяла мудростью Беккари и глубокомысліемъ Монтескье, говорила античныя рѣчи степнымъ помѣщикамъ, надѣвала римскіе шлемы своимъ *balafrés...* ²⁾ вызывала законодателей, принимавшихъ *ея волю* за законъ... Ея полководцы побѣждали ея на сушѣ и на морѣ, Державинъ ее пѣлъ тяжелыми стихами, Вольтеръ ее превозносилъ легкой прозой, и она, упоенная властью, удрученная любовью, отдавала все *своему* народу, все: свое тѣло, души вольныхъ казаковъ, монастырскія имѣнія. «Славься, славься, ты, Екатерина!»

Кто сдѣлалъ это чудо, кто заарканилъ Россію ренегатовъ и нѣмцевъ? Кто привѣнчалъ Фелицѣ крамольныхъ денщиковъ и окривленныхъ сержантовъ?

Одна извѣстная степная старушка-барыня, въ родѣ помѣщицы Коробочки, приворожила ихъ.

Дѣло, говорятъ, было такъ:

Пугачевъ проѣзжалъ ея усадьбой; струхнула старушка и вышла его величество звать хлѣба-соли! откушать.

— А что, какова она у васъ, православные?—спросилъ государь-казакъ мужиковъ.

— Не хотимъ, ваше царское величество, грѣха на душу брать: мы барыней завсегда довольны,—мать намъ родная.

— Хорошо, старушка, пойду къ тебѣ, выпью твоей водки, благо, народъ хвалить.

Старуха угостила, чѣмъ могла. Пугачевъ простился съ ней и пошелъ садиться въ сани, Народъ его ждалъ. Лица были довольны.

— Али просьба какая? говори смѣлѣй!

— Да что же, твое царское величество, при чемъ же мы-то... то-есть останемся?

— А что?

¹⁾ Намекъ на происхожденіе Павла.

²⁾ Рубакамъ.

— Да, вѣдь, вотъ ты, батюшка, былъ тамъ-то—помѣщика-то повѣсилъ да и дѣтенышей-то его, вотъ и тамъ-то... ну, а мы-то какъ?

— Да, вѣдь, вы же говорите, что больно хороша ваша старуха.

— Оно точно, твое величество, она добрая женщина, да, вѣдь, все же, лучше порѣшить.

— Ну, братцы, коли хотите, какъ хотите, пожалуй, и порѣшимъ.

— Жаль-то жаль, но дѣлать нечего, — говорили мужички, отправляясь за старушкой, спокойно убиравшей посуду на радостяхъ, что царь ее простилъ, и, къ крайнему ея удивленію, повѣсили ее на перекладинѣ. Она-то, говорятъ, и сглазила крамольныхъ денщиковъ и правительствующихъ сержантовъ.

Призадумались они, видя такую *нелицепріятную* справедливость.

«Такъ ли мы *ею* засѣкли? Скажите на милость, да, вѣдь, это съ каждымъ изъ насъ можетъ случиться? Нѣтъ, полно крамольничать, что мы сдѣлаемъ безъ царской помощи?».

И семейная ссора была покончена.

Съ этого времени начиная, правительство не смѣло ни въ чемъ подать руки крестьянамъ. Дворянство потеряло всякій смыслъ гражданской доблести передъ правительствомъ и всякое чувство нравственнаго стыда въ отношеніи крестьянъ. Двѣ Россіи окончательно перестали другъ въ другѣ понимать людей. Между ними не было ничего человѣческаго—ни состраданія, ни справедливости, разная нравственность, разныя святыни. Запуганный крестьянинъ жался въ своей деревнѣ, боялся исправника, боялся города, гдѣ всякій могъ его бить, гдѣ его кафтанъ и поддевка считались подлой одеждой, гдѣ онъ бороду только встрѣчалъ на иконахъ Христа. Помѣщикъ, искренно плакавшій за повѣстями Мармонтеля, хладнокровно дралъ на конюшнѣ мужика за недоимку. Мужикъ съ спокойной совѣстью надувалъ помѣщика и судью. — «Ты-то что за баринъ,—говорила какая-нибудь старушка въ кучерской Митькѣ или Кузькѣ,—что ѣшь скоромное въ постъ? То баринъ,—съ него и не взыщется, а ты-то съ чего не исполняешь законъ божій?».

Далѣе раздвоеніе игти не можетъ.

Народъ сломился. Безъ ропота, безъ бунта, безъ упованія пошелъ онъ, стиснувъ зубы, *слѣдующую тысячу* розогъ, изнуренный падалъ, умиралъ, гнали его дѣтей, и такъ одно поколѣніе за другимъ. Тишина водворилась, оброки платились, барщины исполнялись, трубила псовая охота, играла крѣпостная музыка. Весело было материнскому сердцу императрицы.

Упрочился петербургскій тронъ. Четырнадцать расширяющихся обручей табели о рангахъ, прикрѣпленные къ землѣ штыками и прикладами, поддерживали его; имъ помогало провинціальное дворянство, всосавъ: ись въ крестьянскую грудь. Западный свѣтъ блѣдно и холодно скользилъ по верхушкѣ пирамиды, освѣщая одну сторону ея; по другую, за ея тѣнью, нельзя было ничего разглядѣть, да и нечего было смотрѣть: тамъ лежало какое-то засѣченное тѣло, покрытое рогожей, въ ожиданіи *кого-то*, кто долженъ рѣшить, умеръ онъ или нѣтъ... Казалось, побѣда была совершенная.

Но петровскій переворотъ замѣшалъ обоюдоострый элементъ въ жизнь дворянской Россіи. Петру нравилась матеріальная сторона цивилизаціи, прикладная наука; ея богатяя средства удесятаярили власть; но онъ не зналъ, какіе шипы кроются въ этихъ западныхъ розахъ, а, пожалуй, слишкомъ презиралъ свой народъ, чтобъ думать о томъ, что онъ можетъ усвоить и еще кое-что, кромѣ фортификаціи, кораблестроенія и канцеляр каго порядка. Наука стоитъ всякаго червя; подтачиваетъ день и ночь до тѣхъ поръ, пока гдѣ-нибудь да выйдетъ на свѣтъ, пробьется до сознанія; а *иное сознаніе*, точно угрызение совѣсти, пойдетъ бродить до тѣхъ поръ, пока поднимется вся опара.

Въ 1789 случился вотъ какой случай: одинъ неважный молодой человѣкъ, отужинавъ съ друзьями въ Петербургѣ, поѣхалъ въ почтовой кибиткѣ въ Москву. Первую станцію онъ проспалъ, на второй, въ Софіи, онъ долго хлопоталъ о лошадяхъ и, должно быть, отъ него разгулялся такъ, что, когда свѣжая тройка понесла его, звеня колокольчикомъ, онъ, вмѣсто сна, сталъ слушать пѣсню ямщика на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ; странныя мысли пришли въ голову неважнаго человѣка. Вотъ его слова:

«Извозчикъ мой затянулъ пѣсню по обыкновенію зауывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсень, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсень суть тону мягкаго.—*На семъ музыкальномъ разположеніи народнаго уха, умѣй учреждать бразды правленія.* Въ нихъ найдешь образование души нашего народа. *Посмотри на рускаго человѣка; найдешь его задумчива.* Если хочеть разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочеть повеселиться, то идетъ въ кабакъ... *Бурлакъ идущей въ кабакъ повѣся голову, и возвращающейся обаяренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить досель гадательное въ Исторіи Россійской.*»

Ямщикъ все плачетъ свою пѣсню; путникъ все думаетъ свою думу, и, не доѣхавъ до Чудова, онъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ въ Петербургѣ когда-то ударилъ своего Петрушку за то, что онъ

былъ пьянъ, да и заплакалъ, какъ ребенокъ, и, не краснѣя за дворянскую честь, имѣлъ безстыдство написать: «О есть ли бы онъ тогда, хотя пьяной опомнился, и тѣбѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу!»¹⁾

Отъ этой пѣсни, отъ этихъ слезъ, отъ этихъ словъ, потерянныхъ на почтовомъ трактѣ, между двухъ станцій, надобно считать одну изъ начальныхъ точекъ обратнаго теченія; зачатіе дѣлается всегда тихо, и слѣдъ его обыкновенно сначала пропадаетъ.

Императрица Екатерина поняла, въ чемъ дѣло, и изволила «съ жаромъ и чувствительностью» сказать Храповицкому²⁾: «*Радищевъ—бунтовщикъ хуже Пушчева!*».

Удивляться, что она его отослала въ цѣпяхъ въ Илимскій острогъ—нелѣпность. Гораздо удивительнѣе то, что Павелъ воротилъ его; но онъ это сдѣлалъ назло покойной матери,—другой цѣли у него не было.

Съ тѣхъ поръ время отъ времени являются какіе-то потерянные, безгромныя зарницы; являются люди, воплотившіе въ себя историческое угрызеніе совѣсти, безсильные искупители, неповинные страдальцы за грѣхи отцовъ. Многіе изъ нихъ готовы были все отдать, всѣмъ пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять ихъ жертву. Одни стучались во дворецъ, на колѣняхъ умоляли опомниться; ихъ рѣчь будто потрясала вѣнценосцевъ, но изъ этого ничего не вышло; другіе стучались въ избу, но не могли ничего сказать мужику,—такъ разошлись ихъ языки. Крестьянинъ смотрѣлъ сурово и недоувѣрчиво на этихъ «дары несущихъ данаевъ», и съ горестью отходили отъ него раскаивающіеся, сознавая, что у нихъ нѣтъ родины.

Сироты мысли, сироты любви, иностранцы дома, разобщенные между собой, эти пять-шесть лучшихъ людей въ Россіи гибли въ праздности, окруженные безучастіемъ, ненавистью, непониманіемъ. Новиковъ сидѣлъ въ крѣпости, Радищевъ—въ Илимскѣ. Хорсша имъ показалась, вѣроятно, Россія, когда Павелъ ихъ выпустилъ...

... Ничего нѣтъ удивительнаго, что всѣ съ упованіемъ взглянули на Александра.

Молодой, прекрасный собой, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и чрезвычайно привѣтливый, онъ могъ очаровать ихъ. Развѣ онъ не страдалъ о боляхъ Россіи, какъ они? развѣ онъ не хотѣлъ ихъ исцѣлить, какъ они?... но онъ,

¹⁾ Радищевъ, «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

²⁾ Александръ Васильевичъ, сенаторъ и статсъ-секретарь.

сверхъ тою, и моѣ это сдѣлать, такъ, по крайней мѣрѣ, имъ казалось.

И Радищевъ, дорого заплатившій за то, что пожалѣлъ черную Русь, идетъ съ такою же вѣрой, какъ Каразинъ, предлагать свои силы юному императору, и его онъ принимаетъ. Рьяно бросается Радищевъ на работу, пишетъ рядъ законодательныхъ проектовъ, которые должны вести къ уничтоженію крѣпостного состоянія, тѣлесныхъ наказаній. Но вдругъ, какъ-то, потолковавши, не съ ямщикомъ, а съ графомъ Завадовскимъ, онъ остановился, замялся, на него напало сомнѣніе, страхъ; онъ подумалъ, подумалъ, налилъ себѣ стаканъ купороснаго масла и выпилъ его. Александръ послалъ къ нему своего лейбъ-медика Вилліе—помочь было поздно. Вилліе только сказалъ, глядя на черты агонизирующаго: «должно быть, этотъ человѣкъ былъ очень несчастенъ!».

Должно бытъ!

Это было осенью 1802 года; Каразинъ тогда былъ *въ силѣ*, онъ Радищева зналъ очень хорошо, даже затерялъ какъ-то тетрадь его проектовъ,—но потрясающій примѣръ не подѣйствовалъ. Высланный изъ дворца, онъ возвращается черезъ пять лѣтъ, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать, черезъ *тридцать* съ своимъ проектомъ освобожденія крестьянъ и дворянскаго представительства, съ своимъ переворотомъ *сверху внизъ*. Не замѣчая, наконецъ, что уже царствуетъ Николай, онъ стучится и къ нему въ двери и толкуетъ этому ограниченному фронтовику о томъ, что «подымаются бури, что быть бѣдѣ, что надобно для сохраненія трона дѣлать уступки», и никакъ не можетъ сообразить, за что Александръ въ 1820 велѣлъ его посадить въ крѣпость, а изъ передней Николая его велѣлъ вывести жандармамъ оберъ-жандармъ Бенкендорфъ.

Ему бы спросить у Сперанскаго, какъ крутыя горки плоскаго Петербурга укатываютъ рьянаго коня и дѣлаютъ изъ него почтенную упряжную клячу, важно ходящую въ шорахъ.

Но какъ же эти люди могли такъ обманываться или зачѣмъ же ихъ обманывалъ Александръ? Да этого вовсе не было. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, по крайней мѣрѣ, до 1806—7 года, сомнѣваться въ его искреннемъ желаніи облегчить судьбу своихъ подданныхъ: оградить крестьянъ отъ *злоупотребленія* помѣщиковъ, отъ *злоупотребленія* чиновниковъ, отъ подкупнаго суда и несправедливости сильныхъ. Александръ не ставилъ исключительной цѣлью своего царствованія тупое поддержаніе и увеличеніе своей власти, какъ какой-нибудь Николай. Онъ не желалъ, чтобъ его слово равнялось приему стрихнина; онъ домогался, чтобъ его не только боялись, но и любили. Въ самыя страстныя минуты онъ могъ не

только выслушать мнѣніе другого, но и принять егб. Рѣшившись разстрѣлять въ 1812 году Сперанскаго, онъ отмѣнилъ безумную казнь, поговоривши съ академикомъ Парротомъ ¹⁾. Все это такъ, но сдѣлать что-нибудь путнаго для русскаго народа *онъ не могъ*. Въ этомъ-то и состояла трагическая роль его.

Но почему знать, не ударился ли онъ во внѣшнія войны оттого, что онъ сталъ разглядывать заколдованный кругъ, который расширялся всякій разъ, когда онъ приказывалъ наборъ, увеличивалъ тяги народныя, и тотчасъ суживался, когда онъ предпринималъ что-нибудь для народа. Онъ становится нерѣшительнъ, его давить недовѣріе къ другимъ, неувѣренность въ себѣ; колебаніе растеть съ пораженіями, растеть съ побѣдами; изъ Парижа онъ возвращается мрачнъ мистикомъ,—не хочетъ больше ни пересоздавать, ни улучшать; онъ возвращаетъ Сперанскаго, но проекты его остаются сосланными въ архивъ; онъ Энгельгардту ²⁾, сказавшему ему что-то о приведеніи въ порядокъ гражданской части, печально отвѣчаетъ: *«Не къмъ взять!»*.

Къ власти онъ привыкъ, славы ему было не нужно больше, ему хотѣлось теперь покоя, и онъ между всѣми министрами и сановниками, между генералами, покрытыми славой, и людьми приближенными выбралъ бездушнаго палача—Аракчеева и передалъ ему Россію... да еще такъ распорядился, чтобъ она и послѣ его смерти досталась *другому* Аракчееву ³⁾.

Дворянству *онъ не върилъ, народа онъ не зналъ*, и чему же дивиться, когда возлѣ него стояли люди, какъ Сперанскій и его противникъ Карамзинъ, какъ предтеча славянофильства Шишковъ, которые *могли знать народъ, но не знали его?* Когда умнѣйшіе государственные люди, какъ Мордвиновъ ⁴⁾, толковали о дворянствѣ, какъ объ единой опорѣ престола, когда честные сенаторы, какъ Лопухинъ ⁵⁾, возмущались при мысли объ освобожденіи крестьянъ?

Жаль, что Александръ былъ немного глухъ и не ѣздилъ одинъ въ кибиткѣ по большимъ дорогамъ,—можетъ, и его какъ-нибудь разбудила бы на зарѣ пѣснь ямщика, и онъ въ ней, а не въ Эккартсгаузенѣ ⁶⁾ поискалъ бы ключа къ тайнствамъ народа.

¹⁾ Georg-Friedrich von Parrot, знаменитый физикъ, съ 1826 г. членъ Петербургской Академіи Наукъ.

²⁾ Егоръ Антоновичъ, помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта.

³⁾ Т.-е. Николаю.

⁴⁾ Графъ Николай Семеновичъ.

⁵⁾ Иванъ Владиміровичъ, извѣстный мистикъ и дѣятельный членъ новиковскаго кружка.

⁶⁾ Карлъ, извѣстный нѣмецкій мистикъ и алхимикъ.

...Для того, чтобъ знать русскій народъ, Александру мало было убить отца, ему надобно было отречься отъ «премудрой бабки», отъ «великаго Петра», отъ всего роду и племени. Ему—страшно сказать,—ему надобно было отречься отъ Лагарпа, который изъ него сдѣлалъ человѣка, но который никогда бы не понималъ, что «объ русской исторіи государственныхъ актовъ можно узнать у бурлака, который угрюмо идетъ въ питейный домъ и окровавленный выходитъ изъ него»!

V.

FAREMO DA NOI ¹⁾).

Когда двери государева кабинета затворились для Каразина, онъ еще сдѣлалъ опытъ, пользуясь правомъ ему предоставленнымъ, писать къ нему. Но маркизь Поза не имѣлъ больше интереса для коронованнаго Донъ Карлоса. къ тому же Александръ теперь былъ поглощенъ и занятъ вопросами другой важности,—вопросами европейскими: онъ мѣрился съ Наполеономъ и напрашивался на войну, которая должна была кончиться тѣмъ, что насъ побьютъ подъ Аустерлицомъ.

Начинаетъ заниматься другимъ и Каразинъ; онъ, какъ отверженный любовникъ, *par dépit amoureux* ²⁾, бросается въ дѣятельность, изумительно многостороннюю. Въ его огненной, безпокойной головѣ несутся, чередуются, переплавляются вереницы мыслей, государственные планы, агрономическіе проекты, ученныя теоріи, машины, наблюденія, снаряды, новое винокурение, усовершенствованіе кожевеннаго производства, земледѣльческіе опыты съ иностранными сѣменами, легкій способъ сушить и сохранять плоды и пр. Начинается война,—Каразинъ пишетъ о средствахъ умноженія селитры, дѣлаетъ мясные консервы и рядомъ съ этимъ хлопочетъ объ учрежденіи повсемѣстныхъ метеорологическихъ наблюденій въ Россіи; ставитъ въ 1808 году совершенно *ясныя наукообразныя* требованія по этой части, которая наука до сихъ поръ не можетъ удовлетворить; ищетъ средствъ употребить на пользу воздушное электричество, заводитъ филотехническое общество въ Слободско-украинской губерніи, печется о своемъ харьковскомъ университетѣ и пр., и пр.

¹⁾ «Постоимъ за себя». Въмѣсто «noi», было «se», которое въ «Колоколѣ» Герценъ—самъ и исправилъ.

²⁾ Въ ненависти отъ любви.

Но главная мысль, главная боль, основной тонъ жизни не тутъ.

Улучшая винокуренные заводы и стараясь на дѣло употребить воздушное электричество, Каразинъ страстно слѣдитъ за другими событіями и ищетъ другого громоотвода. Между тѣмъ, время идетъ да идетъ.

Александръ царствуетъ уже двадцатый годъ. Чего и чего не было съ тѣхъ поръ, какъ со слезами на глазахъ онъ читалъ письмо Каразина?.. Тильзитъ и 1812 годъ, Москва и Парижъ, Вѣнскій конгрессъ и св. Елена. Общественное мнѣніе, разбуженное столькими выстрѣлами и толчками, двинулось впередъ, правительство стало отставать. Александръ не исполнилъ своихъ обѣщаній. Неудовольствіе росло. Народъ, давшій столько крови и получившій за это шишковскую прозу манифеста, ропталъ на новыя рекрутскія наборъ тѣмъ больше, что поговаривали о бессмысленной войнѣ для поддержанія австрійскаго ига въ Италіи, о повтореніи нелѣпѣйшей суворовской кампаніи.

Молодые люди, энергическіе и образованные, смотрятъ угрюмо. Каразинъ все это видитъ, но онъ продолжаетъ вѣрить, что Александръ *можетъ и хочетъ* предупредить собирающуюся бурю.

Въ началѣ 1820 года государь простилъ какой-то казенный долгъ тестю Каразина. Каразинъ просилъ дозволеніе лично принести свою благодарность—отказъ. Онъ написалъ государю письмо, въ которомъ между прочимъ, говорить:

«Я ничего особливаго писать не буду; но попрошу только, потребуйте, всем. государь, у графа Виктора Павловича ¹⁾ бумагу въ нѣсколько листовъ, писанную мной для него 31 марта по поводу одного съ нимъ разговора, и еще письмо у дѣйств. тайнаго совѣтника князя Вяземскаго ²⁾, писанное къ нему изъ Масальской его деревни купцомъ Роговымъ съ 1-го апрѣля, которое онъ мнѣ читалъ на сихъ дняхъ. Нельзя было безъ ужаса встрѣтить столь рѣшительнаго сходства мыслей *человѣка, столь удаленнаго отъ меня по вѣств. отношеніямъ*, съ моими и со всѣмъ тѣмъ, что занимаетъ мою душу постоянно *съ 1817 юда*, когда я имѣлъ дерзновеніе открыть сіе въ письмѣ моемъ изъ Украйны вашему величеству. Нельзя было не привести себѣ на память, что *точно такъ* изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ, предъ наступленіемъ гибельнаго переворота, и что *точно такъ* были пренебрегаемы! «Il est singulier que dans ce siècle de

¹⁾ Кочубя.

²⁾ Николай Григорьевичъ, сенаторъ.

lumières les souverains ne voient venir l'orage que quand il éclate», сказаль Наполеонъ Ласъ-Казу на островѣ св Елены (р. 93, § CCCLXVII) ¹⁾. Столь чудное согласіе различныхъ умовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, заслуживаетъ вниманія, *должно* въ себѣ заключать нѣчто справедливое, тѣмъ больше, что подобныя чувствованія открываются въ бесѣдахъ частныхъ обѣихъ столицъ съ нѣкотораго времени! Довольно, если половина, если *нѣкоторая доля* — есть тутъ основательнаго!

...«Время — говоритъ онъ въ запискѣ, поданной, по приказанію государя, В. П. Кочубею, — время укрѣпить разслабѣвающей составъ нашего государства; время замѣнить *религіозное* къ престолу почтеніе другимъ, основаннымъ на законахъ.

«Конечно, годъ-два, можетъ, и болѣе еще протянется, но для того-то я теперь и пишу, *для того-то и! отваживаю всею себѣ*. Моя участь должна быть или ссылка за Байкаль, *пока еще сослать можно*, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать уже не стану».

Каразинъ умоляетъ государя «не вѣрить словамъ, которыми губернаторы его встрѣчаютъ: *все благополучно, все попрежнему!*». «Великая перемѣна, говоритъ онъ, произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ...» Въ семеновской исторіи, въ которой онъ оправдываетъ солдатъ и удивляется имъ, онъ явно видитъ «ступеньку лѣстницы, которую строить *для насъ духъ вѣка*».

Но гдѣ же его громоотводы? Вотъ они. «Постепенное освобожденіе крестьянъ и вызовъ выборныхъ людей отъ всего *дворянства*, какъ представителей общественнаго мнѣнія въ семейномъ совѣтѣ правительства»; этой думой, полагаетъ Каразинъ, «будетъ спасено все и безъ ущерба монархической власти, лишь бы не ушло время». «Земля, единственная въ своемъ составѣ, въ преддверіи величайшаго твоего несчастія, ты можешь еще быть спасена *искреннимъ семейнымъ союзомъ твоею государя съ ея дворянствомъ!* Впрочемъ, да будетъ, какъ и во всемъ, воля божія!

...«Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь *тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена?*

...«Всѣ мѣры полицейской и духовной цензуры недостаточны противъ распространяющихся мнѣній. Излишняя строгость возмущаетъ лишь сердца. Натянута вервь внезапно перервется. Въ мно-

¹⁾ Странно, что въ этотъ вѣкъ просвѣщенія государи видятъ грозу только тогда, когда она уже разражается.

гихъ *разночинцахъ и отпущенникахъ* я предвижу злодѣевъ, которые превзойдутъ Робеспьеровъ. Есть и дворяне, прожившіе свое имѣніе, воспитанные въ развратѣ и дурныхъ началахъ, недовольные службою, слѣдовательно, готовые присоединиться къ черни. Время Пугачева, московскаго бунта при Еропкинѣ и явленія безначалія при нашествіи въ 1812 году; въ разныхъ мѣстахъ Московской и Калужской губерніи (?) оказавшіяся, возвѣщаютъ завременно, какова чернь наша при невозбранномъ употребленіи вина! *Горе намъ! престолъ потонетъ въ крови дворянства!*».

На этотъ крикъ ужаса и предостереженія императоръ Александръ велѣлъ В. П. Кочубею потребовать у Каразина «подробностей, доказательствъ, имена», иными словами—*доносъ*. Развился «Траянъ и Маркъ-Аврелій» въ двадцатилѣтнее царствованіе!

Каразинъ отказался. Государь велѣлъ его посадить въ крѣпость и потомъ удалить на житье въ его малороссійское имѣніе.

За что?

За то, что мѣшался не въ свои дѣла, но этого-то Каразинъ и не могъ никакъ понять. «А давно ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить, — говоритъ онъ, — мои дѣти и внуки, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? ¹⁾ Изъ какой азіатской системы взята эта мысль? *Учить правительство* — выраженіе, изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ, составляющихъ. Но авторы, издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательства, финансовъ и пр., развѣ не болѣе еще должны называться виновными? Мы всё учимъ и учимся до самой смерти. Правительство есть средоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. *Горе, если мы станемъ разсуждать на площади* подобно другимъ народамъ!... Да и много ли насъ теперь въ Россіи *желающихъ, умиляющихъ и держающихъ* говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: *ему не наскучатъ!*».

Какъ бы то ни было, но Каразинъ былъ въ крѣпости и могъ на досугѣ обдумывать, что опаснѣе: спасти сильныхъ міра сего или толкать ихъ въ пропасть.

¹⁾ Наивный Николай не раздѣлялъ мнѣнія Каразина. Вотъ какъ харьковскій губернаторъ сообщилъ ему (24 ноября 1826) высочайшее разрѣшеніе оставить деревню: «Г. начальникъ главнаго штаба е. и. в. сообщилъ мнѣ, что государь императоръ вамъ разрѣшаетъ всемъ право жить, гдѣ пожелаете, съ дозволеніемъ имѣть *пребываніе въ Москву, кромѣ однакоже Санкт-Петербурга, впредь до повелѣнія* и съ тѣмъ, чтобы вы воздержались отъ *всякаго сужденія до васъ непринлежащаго!*» — Каковъ языкъ и каковъ мозгъ! А. И. Г.

Въ тѣ ночи безъ сна, когда Каразинъ писалъ Кочубею свои политическія рапсодіи, не спали и другіе дѣятели; не спали они въ гвардейскихъ казармахъ, въ штабѣ второй арміи, въ московскихъ старинныхъ, господскихъ домахъ. Они догадались, что Александръ дальше двухъ-трехъ либеральныхъ фразъ не пойдетъ, что въ Зимнемъ дворцѣ нѣтъ мѣста ни маркизу Позѣ, ни Струэнзе ¹⁾; они поняли, что спасеніе для народа не можетъ выйти изъ той же комнаты, изъ которой вышли военныя поселенія. Они ничего не ждали отъ правительства и хотѣли своими силами справиться; *ими* свѣтлая полоса пирамиды нѣсколько опустилась; вершина стала тускнеть за туманомъ. Образование, умъ, жажда воли, — все это было теперь въ другомъ поясѣ, въ другой средѣ; не дворцовой; въ ней была юность, отвага, ширь, поэзія, Пушкинъ, рубцы 1812 года, зеленые лавры и бѣлые кресты. Между 1812 и 1825 годами развилась цѣлая плеяда, блестящая талантами, съ независимымъ характеромъ, съ рыцарской доблестью (явленіями совершенно новыми въ Россіи). Ею было усвоено все то изъ западнаго образованія, что было запрещено къ ввозу. Лучшаго ничего не производила петровская эпоха, это были ея *предповоротныя* цвѣты и, несмотря на роковую косу, разомъ подрѣзавшую ихъ, ихъ вліяніе, какъ Волгу въ морѣ, можно далеко прослѣдить въ печальной, николаевской Россіи.

Сказаніе о декабристахъ становится больше и больше торжественнымъ прологомъ, отъ котораго всѣ мы считаемъ нашу жизнь, нашу героическую генеалогію. Что за титаны, что за гиганты и что за поэтическія, что за сочувственныя личности! Ихъ нельзя было ничѣмъ ни умалить, ни исказить: ни висѣлицей, ни каторгой, ни блудовскимъ «Донесеніемъ», ни корфовскимъ поминаніемъ..

Да, это были люди!

Когда, черезъ тридцать лѣтъ, нѣсколько старцевъ, пережившихъ Николая, возвратились, согбенные и опираясь на клюку, изъ своей томной, долгой ссылки, николаевское поколѣніе забытыхъ, желчныхъ, разочарованныхъ смотрѣло съ смущеніемъ на эту *юность*, сохранившую въ казематахъ, рудникахъ и Сибири прежній жаръ сердца, молодое упованіе, несокрушимую волю, непреклонныя убѣжденія, — на эту *юность*, осѣненную серебряными волосами, въ которыхъ виднѣлись слѣды терноваго вѣнка, лежавшаго больше четверти столѣтія на ихъ головахъ. Не они искали у остывшаго очага своего опоры, успокоенія, нѣтъ, — они утѣшали слабыхъ, *они* подавали руку больнымъ дѣтямъ, ободряя ихъ, поддерживая ихъ силы и ихъ надежды!

¹⁾ Знаменитый датскій госуд. дѣятель и реформаторъ XVII в.

Какъ утомленный Фаустъ обращался за отдыхомъ и миромъ къ вѣчно изящнымъ типамъ матерей, такъ наше молодое поколѣніе обращается за родной силой и крѣпительнымъ примѣромъ къ этимъ отцамъ.

Святой фалангой декабристовъ очищенъ петербургскій періодъ; далѣе дворянство не могло итти, не выйдя въ народъ, не разодравъ своей грамоты.

Это—его Исаакъ, принесенный на жертву примиренія съ народомъ. Коронованный Авраамъ не слыхалъ гласа божія и зятянулъ веревку...

Народъ не плакалъ.

Трагическій элементъ петровскаго періода достигъ высшаго, раздирающаго душу выраженія,—далѣе и ему нельзя итти.

Жертва была, дѣйствительно, полная, и эту полноту дало ей именно *безучастіе народа*.

Только теперь становились возможными выходъ и примиреніе. Отпаденіе стъ народа, выработавшее въ себѣ столько любви и силы, чистоты и раскаянія, столько отрицанія самого себя и преданности другому, было, дѣйствительно, искупленіемъ. Готовность этой кучки аристократовъ и дворянъ не только поступиться неправымъ стяжаніемъ, доставшимся по наслѣдству, *se faire roturier de gentils-hommes* ¹⁾, какъ выражался графъ Ростопчинъ, но умереть, итти на каторжную работу за это, стираетъ историческій грѣхъ!

VI.

ПО ТУ СТОРОНУ.

...Когда въ 1826 Якубовичъ ²⁾ увидѣлъ князя Оболенскаго ³⁾ съ бородой и въ солдатской сермягѣ, онъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «Ну, Оболенскій, если я похожъ на Стеньку Разина, то неминусемо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина ³⁾!»... Тутъ взошелъ комендантъ: арестантовъ заковали и отправили въ Сибирь на каторжную работу.

Народъ не призналъ этого сходства, и густыя толпы его равнодушно смотрѣли въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда правозили колодниковъ въ самое время ярмарки. Можеть, они думали: «наши-то

¹⁾ Стать разночинцемъ изъ аристократовъ.

²⁾ Декабристы.

³⁾ Знаменитый грабитель и добровольный сыщикъ XVIII в.

сердечные *пшечкомъ* ходять туда, а вотъ господь-то жандармы возять!».

Но по ту сторону Уральскаго хребта настаеть печальное равенство передъ каторгой и передъ безвыходнымъ несчастіемъ. Все измѣняется. Мелкій чиновникъ, котораго мы привыкли знать за бездушнаго, грязнаго взяточника, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ умоляетъ ссыльныхъ въ Иркутскѣ принять отъ него денежное подаваніе; грубые казаки, конвоирующіе ихъ, мирволятъ имъ насколько могутъ, купцы угощаютъ ихъ при проѣздѣ. По ту сторону Байкала нѣсколько изъ нихъ остановились за перевозомъ у Верхнеудинска; жители провѣдали, кого везутъ; какой-то старичокъ тотчасъ посылаетъ имъ съ внукомъ корзину бѣлаго хлѣба и булокъ, и самъ дѣдушкѣ плетется потолковать о забайкальскомъ краѣ да ихъ поразспросить о бѣломъ свѣтѣ.

Еще въ усольскомъ заводѣ князь Оболенскій пошелъ рано утромъ на назначенное ему мѣсто рубить деревья. Во время его работы показался изъ лѣсу какой-то человекъ, посмотрѣлъ на него пристально, привѣтливо и пошелъ своей дорогой. Вечеромъ, идучи домой, Оболенскій его опять встрѣтилъ; онъ дѣлалъ знаки указывалъ на лѣсъ; на другое утро онъ вышелъ изъ чащи и указалъ Оболенскому, чтобъ онъ шелъ за нимъ. Оболенскій пошелъ. Завѣдя его въ чащу, онъ остановился и торжественно сказалъ ему: «Мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи, въ пророчествѣ Іезекииля сказано о васъ. Мы васъ ожидали, нашихъ здѣсь много, *идѣйтесь на насъ, мы васъ не выдадимъ!*». Это былъ ссыльный духоборецъ.

Давно Оболенскій мучился желаніемъ имѣть вѣсти о своихъ черезъ княгиню Трубецкую, которая пріѣхала въ Иркутскъ. Средства ей доставить письмо не было никакихъ. Оболенскій попросилъ помощи раскольника. Тотъ не долго думалъ. «Завтра въ сумерки» сказалъ онъ, я буду на такомъ-то мѣстѣ, приносите письмо оно будетъ доставлено».. Оболенскій отдалъ ему письмо, и онъ въ ту же ночь отправился въ Иркутскъ; черезъ два дня отвѣтъ былъ у Оболенскаго.

Что было бы, если-бъ его поймали?

Свои не считаютъ..

Раскольникъ заплатилъ со стороны народа за Радищева.

Итакъ, въ лѣсахъ и рудникахъ Сибири впервые Россія петровская, помѣщичья, чиновническая, офицерская и Русь черная, крестьянская, сельская, обѣ сосланная, скованная, обѣ съ топоромъ за поясомъ, обѣ, опираясь на заступъ и отирая потъ съ лица, взглянули другъ на друга и узнали давно забытыя род-

ственные черты. Пора тому же совершиться бѣлымъ днемъ, громко, открыто, вездѣ.

Пора дворянству, искусственно поднятому нѣмецкими машинами надъ общимъ уровнемъ въ своемъ водоемѣ, слиться съ окружающимъ моремъ. Къ фонтанамъ приглядѣлись, и «Самсонъ»¹⁾ не удивляетъ своимъ стержнемъ воды изъ львиной челюсти рядомъ съ безконечностью морской зыби.

Петергофскій праздникъ конченъ, куртажная.²⁾ пьеса въ костюмахъ сыграна, лампы тухнуть и чаждать, водомеры едва сочатся,—пойдемте домой!

«Все это такъ, но... но... не лучше ли народъ поднять?»

Можно, только надобно знать, что поднимать на дыбу—одна вѣрная метода и есть,—метода Преображенскаго застѣнка, метода Петра I, Бирона, Аракчеева. Потому-то и императоръ Александръ ничего не сдѣлалъ съ Каразиными и Сперанскими, а, дошедши до Аракчеева, на немъ и остановился.

Народу слишкомъ много, чтобъ его въ самомъ дѣлѣ можно было поднимать въ 14 классъ³⁾, и, вообще, каждый народъ имѣетъ

¹⁾ Главный фонтанъ въ Петергофѣ.

²⁾ Cour-Tag—приемный день при дворѣ.

³⁾ Старовѣры англійскаго толка, обязанные, по ученію своему, сохранять вѣковыя пріобрѣтенія исторической жизни даже и тогда, когда ихъ нѣтъ, или когда они вредны, не согласны съ этимъ. Они думаютъ, что всякія права, благо- и зло-пріобрѣтенныя, надобно беречь и къ нимъ пріобщать другихъ: Напр., вмѣсто того, чтобъ у дворни отнять право сѣчь и драться съ мужиками,—дать это право мужикамъ. Встарь говаривали, что хорошо бы весь народъ произвести въ 14 классъ, чтобъ его не били; не лучше ли прямо произвести въ гвардіи капитаны или въ потомственное дворянство, благо, у насъ потомство считается въ обратную сторону? А вотъ украинцы въ XVII столѣтіи разсуждали не такъ, когда ихъ хотѣли облагородить, да и притомъ не книжные школяры, а блестящее, пышное, размахистое панство вольной Рѣчи Посполитой: имъ казалось лучше остаться казаками. Такое же казацкое мнѣніе—въ органическомъ развитіи вообще (которое наши доктринеры очень любятъ брать въ примѣръ); одна сторона организма можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ особенно развиться, взять верхъ всегда въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Самъ по себѣ органъ этотъ можетъ быть очень развитъ, но въ организмѣ составляетъ уродство, котораго никакъ не снимешь; искусственно развивая до нелѣпости остальныя части.

Это приводитъ намъ на память замѣчательный случай изъ религіозно-хирургической практики принца Гогенлоэ^{o)}. Принцъ Гогенлоэ былъ одинъ изъ послѣднихъ смертныхъ, одаренныхъ чудотворными силами. Это было въ ту благословенную эпоху нашего вѣка, когда все феодальное, клерикальное, съ пудрой и ладаномъ воскресало на развалинахъ французской революціи. Принцъ былъ призванъ къ больному, у котораго одна нога была

^{o)} Александръ-Леопольдъ, мюнхенскій пасторъ, лѣчилъ народъ возложеніемъ рукъ, слылъ чудотворцемъ.

сильно опредѣленный физиологическій характеръ, который и самая завоеванія рѣдко измѣняютъ. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ принимать народъ за глину, а себя за ваятелей и съ нашего *прекраснаго высoka* лѣпить изъ него статую à l'antique ¹⁾, на французскій ладъ, на манеръ англійскій или на нѣмецкую колодку, мы въ народѣ ничего не встрѣтимъ, кромѣ упорнаго безучастія или обидно-страдательнаго повиновенія.

Педагогическая метода нашихъ цивилизаторовъ скверная. Она идетъ изъ того основанія, что мы все знаемъ, а народъ ничего не знаетъ. Какъ будто, мы научили его *праву на землю*, общинному владѣнiю, устройству артели, мiрской сходкѣ?

Само собою разумѣется, мы многое можемъ указать народу, но многому и намъ придется учиться у него, изучать въ немъ. У насъ есть теорiи, усвоенныя нами и представляющія выработанныя слѣдствiя западнаго быта, для того, чтобъ опредѣлить, что и какъ идетъ къ нашему народному быту. Недостаточно подстрочно переводить, мало лексикона, надобно съ нимъ сдѣлать, во-первыхъ, то, что теоретическое вѣдѣнiе старается сдѣлать на Западѣ съ бытомъ европейскихъ народовъ,—привести его къ сознанiю.

Народъ упоренъ въ своемъ бытѣ, онъ ему вѣритъ, но, вѣдь, и мы упорны въ нашихъ теорiяхъ, и мы имъ вѣримъ да еще думаемъ, что *знаемъ ихъ*, что *такъ дѣло и есть*. Передавая кой-какъ заученное нами изъ книгъ, языкомъ условнымъ, мы съ отчаянiемъ видимъ, что народъ не понимаетъ, и сѣтуемъ на глупость народа, точно такъ, какъ школьникъ краснѣетъ за бѣдную родню за то, что она не знаетъ, гдѣ писать *ль*, никогда не подумавъ, для чего двѣ буквы для одного звука!

Откровенно желая добра народу, мы ищемъ лѣкарства его болѣзнямъ въ иностранныхъ фармакопеехъ; тамъ травы иностранныя,—но въ книгѣ искать легче, чѣмъ на полѣ. Мы дѣлаемся легко и послѣдовательно либералами, конституціоналистами, демократами, якобинцами, но не русскими народными людьми. До всѣхъ политическихъ оттѣнковъ этихъ можно дочитать: все это понято, объяснено, записано, напечатано, переплетено... А тутъ иди цѣликомъ. Русская жизнь стоитъ лѣса, въ которомъ Данте за-

короче; родные его не догадались, что, собственно, у него *другая* нога была длиннѣе. Чудотворный князь принялся за свои молитвы... растетъ нога; но князь какъ-то не остерегся и очень неумѣренно помолился,—короткая нога переросла; досада какая,—онъ за другую молиться, и та переросла;—онъ къ прежней... Кончилось тѣмъ, что князь оставилъ паціента, все-таки, съ неравными ногами, да къ тому же на живыхъ ходуляхъ. А. И. Г.

¹⁾ Во вкусѣ древнихъ.

блудился, и дикія *bestii* ¹⁾ такія же есть, даже гаже флорентинскихъ, но нѣтъ *Virgilia* ²⁾; попались, было, какіе-то московскіе Сусанины, да и тѣ, вмѣсто избы, свели на кладбищенскую часовню...

Не зная народа, можно притѣснять народъ, кабалить его, завоевывать, но *освободить нельзя*.

Безъ народа его не освободить ни царь съ писарями, ни дворянство съ царемъ, ни дворянство безъ царя.

То, что теперь совершается въ Россіи, слѣпымъ должно открыть глаза. Никогда не признавая законнымъ крѣпостное право народъ выносилъ страшную тягость его. Видя силу противъ себя, онъ молчалъ. Но какъ только его захотѣли освободить по-своему, онъ отъ ропота, отъ страдательнаго противодѣйствія дошелъ почти до открытаго мятежа. А, вѣдь, явнымъ образомъ ему теперь лучше. Какихъ же знаменій еще ждутъ цивилизаторы?

Только тотъ, кто, призванный къ дѣятельности, пойметъ бытъ народа, не утративъ того, что ему дала наука, кто затронетъ *ею* стремленія и на осуществленіи ихъ оснуетъ свое участіе въ общемъ земскомъ дѣлѣ, тотъ только и будетъ *женихомъ ирадушимъ*.

Этотъ урокъ равно намъ повторяетъ печальная фигура Александра съ своей короной, Радищевъ съ своимъ стаканомъ яда, Каразинъ, пронесшійся горящимъ метеоромъ по Зимнему дворцу, Сперанскій, свѣтившій годы цѣлые луннымъ свѣтомъ, безъ теплоты, безъ красокъ, и наши святые мученики 14 декабря.

Кто же будетъ этотъ суженный?

Императоръ ли, который, отрекаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельянъ Пугачевъ, казакъ, царь и раскольникъ, или пророкъ и крестьянинъ, какъ Антоній Безднинскій?

Трудно сказать, — это частности, *les détails* ³⁾, какъ говорятъ французы. Кто бъ ни былъ, *наше дѣло итти къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью!*

◆◆ 1. Съ легкой руки В. П. Батуринаго, полагаютъ, что статья посвящена Н. А. Милютину, а отсюда уже сдѣланы вздорные выводы объ отношеніи Герцена къ этому государственному дѣятелю.

¹⁾ *Bestia*—животное.

²⁾ Какъ извѣстно, тѣнь поэта *Virgilia* была проводникомъ Данте въ его блужданія въ загробномъ мірѣ.

³⁾ Подробности.

1848. [Отъ издателя] ¹⁾.

Отрывки эти были намъ доставлены съ примѣчаніемъ, что они писаны однимъ современникомъ декабристовъ, который лично былъ въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ ними, несмотря на то, что явнымъ образомъ не раздѣлялъ ихъ образа мыслей. Каждая подробность (даже непріязненно высказанная или безъ глубокаго пониманія) о великихъ мученикахъ и дѣятеляхъ 14 декабря безконечно важна для насъ. Мы съ искренней благодарностью помѣщаемъ присланные намъ отрывки въ «Полярную Звѣзду».

Мы сочли необходимымъ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, выпустить цѣлыя фразы или нѣсколько словъ, замѣняя ихъ точками.

1849. Письмо отъ офицеровъ.

Мы получили на-дняхъ письмо изъ Польши отъ одного русскаго офицера ²⁾, писанное отъ имени нѣсколькихъ товарищей его. Много тяжелыхъ минутъ, много устали и горя стираютъ такія строки. Если больше будетъ такихъ офицеровъ, они легко очистятъ русское оружіе отъ ржавчины, которой его покрыла запекшаяся на немъ польская и крестьянская кровь...

Вотъ что онъ пишетъ, между прочимъ: «Едва поляки замѣтили наши слабыя усилія сблизиться съ ними и смуть позорное пятно, лежащее на насъ, какъ братски подали намъ руку; имъ обязаны мы тѣмъ, что получаемъ «Колоколъ»,—имъ, что можемъ переслать это письмо. Къ сожалѣнію, они имѣютъ много правъ не довѣрять намъ, *потому что офицеры часто принимаютъ на себя роль шпионовъ*»...

(Слѣдуетъ небольшой перечень шпионствующихъ офицеровъ, состоящихъ при варшавскомъ ордонансъ-гаузѣ. Мы просимъ корреспондента еще разъ провѣрить имена, и тогда мы охотно *ихъ напечатаетъ* въ прощреніе другимъ).

«Мы думаемъ, что съ нашей стороны необходима искупительная жертва, мы готовы на нее и только ждемъ случая принести ее съ возможно большей пользой...»

¹⁾ Предисловіе это сдѣлано къ «Выдержкамъ изъ записокъ одного декабриста».

²⁾ А. А. Потебня.

«...Мы не настолько самолюбивы, чтобы не понимать, что мы вовсе не хватаемъ звѣздъ съ неба; мы трудимся *только изъ-за сознанія*, что въ общемъ ульѣ будетъ капля и нашего меду».

Съ этимъ сознаніемъ прошлаго грѣха, съ этой готовностью пасть жертвой искупленія, съ этимъ смиреніемъ можно надѣлать чудеса.

Вашу руку, будущіе герои, будущіе мученики, будущіе воины русскаго земства! ¹

◆◆ 1. Въ статьѣ «*Democrata Polski*» отъ 3 мая 1862 о «Колоколѣ» сказано: «Колоколъ», издаваемый Герценомъ въ Лондонѣ, какъ извѣстно всему интеллигентному свѣту, принесъ неоцѣненныя услуги въ дѣлѣ освобожденія Россіи, а потому и освобожденія всего человѣчества, чѣмъ, однако, въ свою очередь, отчасти обязанъ братьямъ-полякамъ. Мы такъ глубоко уважаемъ благороднаго чувствами Герцена, что совсѣмъ не предполагаемъ, чтобы онъ ставилъ намъ въ упрекъ высказываніе правды только для самой правды».

1850. Москва намъ не сочувствуетъ.

Еще р. р. с. ¹).

Прости, Москва, пріютъ родимый!
«Тройка».

Не можемъ удержаться, чтобы не выписать слѣдующихъ строкъ изъ письма, полученнаго нами изъ Москвы, и притомъ отъ истаго москвича ²): «Москва рѣшительно не за васъ, скорѣе Петербургъ, Тверь... Москва *вамъ не сочувствуетъ*, напротивъ. Мы всѣ здѣсь, къ какой бы партіи ни принадлежали, люди *историческіе*, и радикализма мы переварить не можемъ. Не думайте, чтобы я говорилъ про одинъ какой-либо кружокъ. Нѣтъ; я говорю о всѣхъ, исключая, разумѣется, небольшой части молодежи. У насъ уважаютъ искренность вашихъ убѣжденій, пользу отъ большей части сообщаемыхъ вами извѣстій и объ васъ говорятъ не иначе, какъ съ любовью, но на этомъ и останавливается сочувствіе».

Мы догадывались и прежде, что *историческое* общество, легко переваривающее соборныя доносы университетскихъ приставовъ

¹) См. стр. 129.

²) Н. А. Мельгуновъ («Вольное Слово» 1883, № 58).

науки, начальническія распеканциі отцовъ-доктринеровъ, шляхетную газетчину, которую ставятъ въ казну постолько-то за аршинъ¹⁾, о розгѣ архипастырское умиленіе Филарета...—многого переваривать не можетъ и въ томъ числѣ насъ. Но дорого намъ было узнать изъ прямого, дружескаго источника, что и мы, бѣднне, въ нашей дали не забыты, что и намъ отвели скромное мѣсто на листахъ проскрипціи англійскаго клуба и византійскаго университета,—вмѣстѣ съ преступнымъ Михайловымъ, съ злокачественнымъ «Великоруссомъ», съ крамольными студентами, не пощаженными ни православнымъ «Днемъ», ни бироновскимъ профессорствомъ, ни даже самимъ полицмейстеромъ Сечинскимъ.

Прости, Москва, пріютъ родимый!

...Какъ же она измѣнилась съ тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ... съ тѣхъ время, когда Бѣлинскій начиналъ свое литературное пош ище, Грановскій открывалъ свой курсъ! Что было тогда ея святой, ея непорочный университетъ, который тревожилъ подозрительнаго и сумрачнаго тирана въ Зимнемъ дворцѣ? Что было тогда московское общество съ своими литературными кругами, философскими спорами, съ своими «фрондерами», какъ ихъ называлъ Гакстгаузенъ?

Все, что впоследствии развилось и вышло наружу, все, около чего теперь группируются мнѣнія и лица,—все зародилось въ эту темную, московскую ночь; за свѣчкой бѣднаго студента, за товарищеской бесѣдой на четвертомъ этажѣ, за дружескимъ споромъ юношей да отроковъ. Тамъ изъ неопредѣленной мглы стремлений, изъ горести и упованія отдѣлились мало-по-малу, какъ два волчьихъ глаза, двѣ свѣтовые точки, два фонаря локомотива, растущія на всемъ лету, бросая длинные лучи свѣта—одинъ на пройденный путь, другой на путь предстоящій. Въ Москвѣ была умственная инициатива того времени, въ ней подняты всѣ жизненные вопросы, и въ ней на разрѣшеніе ихъ тратились сердце и умъ, весь досугъ, все существованіе. Въ Москвѣ развились Бѣлинскій и Хомяковъ. Въ Москвѣ каведра Грановскаго выросла въ трибуну общественнаго протеста.

Москвѣ недоставало одного—простора, шири; накопившіяся мысли ныли по волѣ...

... Прошло время—нѣтъ ни Николая, ни Закревскаго; веревку, которой была связана мысль, отпустили на палецъ, и Москвѣ фрондеровъ, Москвѣ университета и «Московскихъ Вѣдомостей» не-

¹⁾ «Наше Время».

чего сказать. Москва обойдена Тверью и Харьковымъ, Владиміромъ, Петербургомъ и двадцатью другими. Государь трясеть за шиворотъ закоснѣлое дворянство, призываетъ его à la pudeur ¹⁾—она ничего... и, вмѣсто Бѣдинскаго, Павловъ, въ университетѣ—проповѣдь рабскаго повиновенія, въ дворянскомъ собраніи—предложеніе Безобразова ²⁾.

Трагическая судьба нашего первопрестольнаго города! Для широкой, свѣтлой стороны жизни у Москвы нѣтъ органа, нѣтъ силы. Она идетъ впередъ, когда Россія идетъ назадъ, и пятится назадъ, когда Россія идетъ впередъ. Она является въ исторіи на первомъ планѣ, когда бѣда грозитъ всему народу или уже разразилась; она является, какъ врачъ, какъ духовникъ, какъ сестра милосердія, какъ вдова, лекущаяся о сиротахъ... Прошла бѣда, и Москва спитъ.

Татары ли одолѣютъ Русь вѣчевую, удѣльную, народную, и все склонится передъ ихъ *азіатской цивилизаціей*,—въ ничтожной Москвѣ закипаетъ мысль освобожденія отъ варварскаго ига и растеть и растеть до Мамаева побоища, но на другой день послѣ побѣды надъ Золотой Ордой Москва становится ордой бѣлокаменной и тѣснить свои русскіе улусы не хуже татаръ.

Польша ли возьметъ верхъ, Москва опять становится городомъ народнымъ и кличетъ кличъ по всей Руси, и вся Русь встаетъ на ея выручку, льетъ свою лучшую кровь, тратитъ послѣдній алтынъ. Но лишь только Русь оправляется, Москва куетъ ее въ цѣти, куетъ и Украину, добровольно отдавшуюся, куетъ до тѣхъ поръ, пока выкуетъ самую чудовищную машину рабства—Петра I.

Она, было, хотѣла отшарахнуться отъ его цивилизующаго застѣнка, но поздно—сзади стояли драбанты ³⁾ и сержанты, пришлось возвратиться къ до-татарской ничтожности и ждать новой напасти народной, чтобъ поднять голову. Ждала она цѣлый вѣкъ; наконецъ, пришелъ Наполеонъ—и она подняла ее; передъ заревомъ Москвы «померкло солнце Австерлица» ⁴⁾.

Едва Москва обстроилась послѣ 1812 года, Россію постигло николаевское царствованіе.

Мертвящая сила царизма, схвативъ за горло молодую развивавшуюся жизнь, замерла въ тридцатилѣтней борьбѣ. Едва прихо-

¹⁾ Къ стыду.

²⁾ Николай Александровичъ, основатель крѣпостнической газеты «Вѣсть».

³⁾ Тѣлохранители.

⁴⁾ Померкни, солнце Австерлица!

Пылай, великая Москва! («Наполеонъ» Пушкина).

дившая въ себя жизнь слабѣла, становилась блѣднѣе и блѣднѣе, потухала. Отчаяніе въ поэзіи, отчаяніе въ картинахъ, отчаяніе и пустота дома, въ гостиныхъ, Сибирь, Кавказъ, каторжная работа и опущенный шлагбаумъ на границѣ. Обезумѣвшій властелинъ скакалъ изъ угла въ уголь имперіи, преслѣдуя, какъ кварталный или дядька, отрощенныя бороды, растегнутые воротники, пиджаки и тетрадки стиховъ; казалось, онъ все утопталъ, какъ дворъ казармы. Только въ старомъ сердцѣ Москвы теплилась надежда, теплилась вѣра, и въ аудиторіяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ она шептала молодежи: «погодите немного—онъ не одолѣетъ, онъ не задушить... вѣрьте и работайте».

Николай чутьемъ ненавидѣлъ Москву и гналъ ея университетъ, которому онъ *теперь* такъ охотно далъ бы андреевскія и георгіевскія ленты съ бантами на электрическія и пневматическія машины.

...*Теперь!*—мало ли что теперь!... Кто эти посторонніе, эти враги? Это—наши *друзья!* Кто эти несочувствующие, эти *историческіе* люди? Это—наши хористы!

Пушкинъ отгадалъ только вполовину, сказавши: «*Во Московѣ не царь*»: въ ней нѣтъ и *земскаго дѣла!* ¹

◆◆ 1. Какъ видно изъ архива семьи Герцена, Мельгуновъ общалъ своимъ московскимъ друзьямъ, Кетчеру, Коршу и друг., воспользоваться прежними нѣмецкими связями и «пробрать» Герцена въ одномъ изъ нѣмецкихъ изданій. Дѣйствительно, въ № «*Berliner Revue*» отъ 11 іюля 1862 г. появилась статья «*Russische Zustände und Urtheile*», въ которой анонимный авторъ старался соблюсти внѣшнюю объективность, что ему не помѣшало сказать очень многое...

Указавъ, что Герценъ прочно основалъ за границею русское печатное слово, авторъ говоритъ:

«Онъ объявляетъ себя и на самомъ дѣлѣ есть представитель тѣхъ идей и плановъ, которые столь кровавымъ образомъ были уничтожены при восшествіи на престолъ имп. Николая... Уже въ годы своего студенчества онъ сдѣлалъ изъ декабристовъ предметъ культа и открыто стремился къ тому, чтобы осуществить въ Россіи ихъ идеалы». Вначалѣ на Герцена возлагали надежды, какъ на либерала въ духѣ либерализма «*Journal des Débats*», но мало-по-малу онъ сдѣлался «республиканцемъ, коммунистомъ, социалистомъ и прежде всего атеистомъ, ожесточеннымъ врагомъ всякой позитивной религіи». Разсказавъ о томъ, какъ Герценъ оставилъ Россію, «переславъ за границу значительный наслѣдственный капи-

талъ», и объ основаніи разныхъ изданій, авторъ даетъ слѣдующую литературную характеристику: «Герценъ пишетъ блестяще, не будучи на самомъ дѣлѣ писателемъ, поверхностно, но увлекательно, безъ всякихъ научныхъ и положительныхъ познаній, но съ необычайной свободой и, главнымъ образомъ, съ такимъ огнемъ, что заставляетъ простить и излишества. Кто въ писаніяхъ его ищетъ системы, какой-нибудь руководящей мысли, какого-нибудь прочнаго зерна, ради котораго можно было бы не обращать вниманія на недостатки и на отвратительную выросшую сорную траву ихъ, тотъ долженъ зажечь тысячи фонарей. Герценъ, это—приблизительно то же, что господа Эйхгофъ и Болльманъ въ Пруссіи и Германіи. Какъ извѣстно, и этихъ господъ читаютъ съ жадностью, но отъ этого они не поднимаются въ уваженіи своихъ довольныхъ читателей... Герценъ, это—раздражающая мазь, еще болѣе ухудшающая существующее въ дѣйствительности зло, ничуть не помогающая лѣченію, и, во всякомъ случаѣ, помогаетъ ли или ухудшаетъ, быстро выбрасывается вонъ, какъ изношенное и, слѣдовательно, ненужное для зачинающагося вновь жизненнаго процесса»... Настоящая сила Герцена—въ сообщеніяхъ, получаемыхъ имъ изъ Россіи, въ *chronique scandaleuse*, наполняющей «Колоколь». Долгое время Герценъ, пользуясь тѣмъ, что пишетъ на незнакомомъ для З. Европы языкѣ, дѣйствовалъ безнаказанно, но съ недавняго времени, даже со стороны симпатизирующей ему печати, были сдѣланы указанія на его злоупотребленія печатнымъ словомъ. На это, однако, онъ отвѣтилъ тѣмъ, что обозвалъ своихъ критиковъ «оплаченными червями». Затѣмъ авторъ переходитъ къ Шедо-Ферротти и др. русскимъ писателямъ за границей.

2852. Руфинъ Піотровскій.

I.

Въ трехъ послѣднихъ книжкахъ «*Revue des Deux Mondes*» г. Клячко помѣстилъ извлеченія изъ «Записокъ» Руфина Піотровскаго ¹⁾. Богатый мартирологъ польскій приобрѣлъ еще одну превосходную страницу. Что за простота, что за искренность разсказа! Нѣтъ ни озлобленія, ни черныхъ красокъ, и оттого-то именно

¹⁾ Въ 1831 г. эмигрировалъ во Францію; изъ Сибири бѣжалъ туда же; въ 1863—66 г. секретарь Парижскаго народнаго комитета, составившагося изъ «Комиссіи единства».

картина такъ черна, и озлобленіе кипитъ само собою въ душѣ читателя. Слѣдя за Піотровскимъ, такъ и хочется склониться непокрытой головою передъ кроткимъ страдальцемъ.

Содержанія «Записокъ» мы не намѣрены рассказывать. Ихъ надобно цѣликомъ перевести на русскій языкъ,—пусть наши дѣти и отроки учатся, какъ люди жертвуютъ идеѣ, какъ выносятъ страшнѣйшія бѣдствія, и съ какой непреклонной твердостью, съ какимъ присутствіемъ духа они умѣютъ освободиться изъ остроговъ, изъ наковалень Сибири. Піотровскій съ тѣмъ святымъ, безразсуднымъ геройствомъ, съ которымъ, вообще, совершаются великіе подвиги, и который неоспоримо принадлежитъ подьскому характеру, отправился въ началѣ 1843 г. эмиссаромъ изъ Парижа въ Каменецъ-Подольскъ; правительство напало на его слѣды, его схватили 31 декабря 1843 года и, кое-какъ произведя слѣдствіе, осудили на вѣчную каторжную работу и отправили скованнаго въ Сибирь. Онъ работалъ на Екатерининскомъ заводѣ въ обществѣ клейменныхъ и сѣченыхъ кнудомъ обыкновенныхъ преступниковъ, бѣжалъ оттуда въ началѣ 1846 и пріѣхалъ 22 сентября того же года въ Парижъ, пробравшись *черезъ Архангельскъ и Ригу*.

Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на двѣ вещи. Во-первыхъ, до какой степени у насъ до сихъ поръ не знаютъ подробностей закулисной исторіи николаевскаго царствованія. Пора выступить наружу всѣмъ рубцамъ этого кнута, этого холоднаго палача. Вотъ эпизодъ изъ сибирской жизни, рассказанный Піотровскимъ ¹⁾.

Нѣтъ, дальше на этотъ разъ писать нельзя. Мы остановимся передъ этимъ крестомъ на снѣгу, передъ этимъ крестомъ на крови; мысль тускнѣетъ, голова кружится и горитъ. Пусть поляки оцѣнятъ не ту ненависть, которую *въ нихъ* возбуждаетъ рассказъ этихъ звѣринныхъ ужасовъ, но ту смѣшанную съ позоромъ, стыдомъ и чувствомъ кровнаго родства, которую мы ощущаемъ. Пусть они поймутъ, что значить такъ же невольна и такъ же бессильно стоять не съ святымъ базильянцемъ подъ ударами цѣлаго баталіона палачей, а съ той стороны, на которой гнусный Голофѣевъ и его гнусный атаманъ... Пусть они поймутъ, что какъ ни страшно видѣть родную мать, которую колотить ни за что, ни про что пьяный вотчимъ, все же, это легче, чѣмъ ее видѣть въ забытій разврата, униженную до злодѣйства, до циническаго безстыдства, и чувство-

¹⁾ Слѣдуетъ большая цитата съ рассказомъ о мученичествѣ поляка Сѣроцинскаго въ Сибири; ему и его товарищамъ солдатамъ, готовымъ выполнить смѣлый заговоръ завладѣнія мѣстами заключенія и ссылки и освобожденія ссыльныхъ, пришлось погибнуть подъ ударами палокъ и розогъ.

вать не только презрѣніе, не только кровную связь, не только жалость, но и то, что *она вовсе не такова*, что онъ еще опомнится, — и не имѣть права сказать слово передъ вопіющимъ фактомъ.

Если поляки это поймутъ, тогда поймутъ они, откуда столько горечи, ироніи, отрицанія въ нашей душѣ, и молча пожмутъ нашу руку!

II.

Второй предметъ, на который мы хотѣли обратить вниманіе нашихъ читателей въ «Запискахъ» Р. Піотровскаго, это его отношенія во время ссылки, каторжной работы и длиннаго бѣгства изъ Сибири къ *черному* народу. То, что мы знали по собственному опыту и рассказамъ бывалыхъ людей, то, что съ умиленіемъ прочли въ «Запискахъ» князя Евгенія Оболенскаго, то подтверждаютъ вполнѣ «Записки» Піотровскаго.

При всей грубости нравовъ, при тѣсныхъ понятіяхъ, суженныхъ голодомъ и рабствомъ, при суевѣріи и привязанности къ своимъ обычаямъ, русскій мужикъ, русскій простолюдинъ въ своей убогой избѣ и въ каторжной работѣ, человѣчественнѣе относится къ политическому сосланному, безъ всякаго различія, русскій онъ или полякъ, чѣмъ застрашенное и раболѣпное чиновничество, чѣмъ *благородная* Русь. Свидѣтельство это, сдѣланное полякомъ, очень важно. У многихъ до сихъ поръ остался предрасудокъ о какой-то племенной ненависти между поляками и русскими; не знаемъ, что скажутъ украинцы, а что касается до Великороссіи, до Волги, Урала, всего сѣверо-востока, мы этого петербургскаго, *официальнаго* чувства тамъ не видимъ, и намъ сильно сдается, что оно *глубже* четырнадцатаго класса не опускается, да и тамъ, по большей части, основано не столько на ненависти, сколько на усердіи и служебной ревности.

Весьма вѣроятно, что первое время послѣ самозванцевъ народъ русскій помнилъ оскорбленіе своихъ святынь, своихъ обычаевъ; его ополченіе, его битвы были такъ недавно, сожженныя села курились, крестьяне говорили между собой о томъ, что поляки хотѣли посадить на русскій престолъ царевича-католика, но память объ этомъ, вѣка спустя, была совершенно задвинута новыми бѣдствіями; раны, нанесенныя поляками, закрылись подъ рубцами московскаго и петербургскаго кнута; святыни и обычаи были еще больше поруганы, русская одежда, борода были объявлены преступленіемъ, позоромъ, и, вмѣсто католическаго королевича, на престолѣ сидѣли свѣже-православныя протестантскія нѣмки. Въ нашихъ столкновеніяхъ гдѣ, кромѣ Украины, могла поддерживаться не-

пріязнь со стороны русскихъ крестьянъ къ полякамъ? Въ какомъ случаѣ полякъ могу обижать, оскорблять русскаго? Все, тѣснившее его, шло не изъ Варшавы, а изъ-Петербурга, все ненавистное ему называлось не полякомъ, а *нѣмцемъ* и было зачастую *бритое русское*.

Помѣщичья власть и земская полиція отшибли у крестьянина память. Онъ былъ слишкомъ несчастенъ, чтобъ ненавидѣть; его голова была слишкомъ пригнута къ сохѣ и барщинѣ, чтобъ имѣть досугъ на историческую вражду.

Со стороны русскаго крестьянина нѣтъ даже особеннаго достоинства, что онъ не имѣетъ непріязненнаго чувства къ врагу какихъ-то незапамятныхъ временъ. Съ нашей стороны было легко перестать враждовать, а со стороны поляка перестать ненавидѣть русскаго—подвигъ. Поляку не лѣтопись для этого приходилось забыть, а вчерашній день, разореніе семьи, ежедневную обиду. Вотъ почему мы и тронуты всякій разъ, когда полякъ, какъ это сдѣлалъ Піотровскій, говоритъ безъ мажѣйшаго озлобленія, даже съ теплымъ чувствомъ, о русскомъ народѣ.

И тутъ чрезвычайно замѣчательно, какъ при своемъ сочувствующемъ взглядѣ на крестьянъ Піотровскій остается всеовершеннѣйшимъ полякомъ по духу, католикомъ мистицизма, чело-вѣкомъ старой цивилизаціи, сложившейся, оконченной, — цивилизаціи *аристократической*, даже въ *демократическомъ революціонерѣ*. Стоитъ сличить рассказы Піотровскаго о его товарищахъ на работѣ съ рассказами «русскаго ссыльно-каторжнаго» (Львова †)), чтобъ рельефно себя представить, въ чемъ дѣло.

Піотровскому *стоитъ мною усилій*, чтобъ побѣдить свое отвращеніе къ новымъ товарищамъ своимъ, такимъ же осужденнымъ на каторгу, какъ онъ, но за *обыкновенныя преступленія*; для него русскій уголовный судъ, стало-быть, *все-таки, судъ*. Мы согласны, что по доброй волѣ выбрать себя товарищами клейменныхъ и битыхъ кнутомъ трудно, но никакъ не можемъ понять, чѣмъ это невольное товарищество съ обличенными и наказанными злодѣями противнѣе и унизительнѣе того товарищества, въ которомъ мы всѣ находились съ генералами въ родѣ Голофѣева, съ помѣщиками, засѣквашими крестьянъ и насиловавшими ихъ женъ, съ взяточниками и казнокрадами, съ полушпіонами большаго свѣта и полулоретками гостиныхъ?. Мы этой нравственной гадливости не знаемъ; мы не уважаемъ приговоровъ, произнесенныхъ царскими судьями, по царскимъ кодексамъ.

†) Петрашевца.

Отвращеніе отъ патентованнаго преступника идетъ рядомъ съ ужасомъ передъ патентованнымъ преступленіемъ. Намъ патенты равнодушны, насъ не удивишь названіемъ.

«— Давно ли ты на заводѣ?—спросилъ Піотровскій молодого человѣка съ беззаботнымъ видомъ, работавшаго вѣдѣль него на Екатерининскомъ заводѣ.

«— Да уже третій годъ.

«— И на сколько?

«— На всю жизнь.

«— Что же ты сдѣлалъ?

«— Барина своего убилъ.

«*Я содрогнулся, но продолжалъ:* «Какъ убилъ — преднамѣренно?»

«— Нѣтъ, такъ, безъ намѣренія; у меня, видишь, за поясомъ топоръ былъ *случайно*, я его схватилъ въ обѣ руки да и разсѣкъ ему голову.

«— За что же ты убилъ его *съ такой свирѣпостью*?

«— За что? Конечно, не изъ удовольствія. Баринъ нашъ былъ страшный злодѣй, морилъ насъ на работѣ и засѣкалъ до смерти. Чтобъ освободить всю деревню отъ изверга, я взялъ дѣло на себя и убилъ его. Богъ помиловалъ, подъ кнутомъ не умеръ, а здѣсь мнѣ жить не хуже прежняго. Жаль только бабу, ну, да она красива и молода—найдетъ себѣ мужа.

«— *Да неужели ты не раскаиваешься, что убилъ этого человека?*

«— Какой онъ человѣкъ—чортъ!»

И Піотровскій не протянулъ руки героическому крестьянину, не сказалъ ему ни одного слова въ утѣшеніе, а, напротивъ, попробовалъ смутить его совѣсть!

Отъ этого неумолимаго взгляда на *обыкновенныя* преступленія Піотровскій, естественно, доходитъ до слѣдующаго замѣчанія:

«Каторжные товарищи мои», говоритъ онъ, «обращались хорошо со мною; они никогда не издѣвались надо мной, не дѣлали грубыхъ шутокъ и звали меня съ самаго начала «господиномъ». Часто предлагали они мнѣ помочь въ слишкомъ тяжелой работѣ или просто брали ее на себя, давая мнѣ что-нибудь легкое. *Незаслуженное несчастіе* поселяло уваженіе въ этихъ людяхъ, грубыхъ, даже дикихъ, но которые, несмотря на всю хвастливую загроубѣлость свою, имѣли сознаніе, *что они преступники*».

Послѣ этого неудивительно, что Піотровскій добавляетъ черезъ нѣсколько строкъ: «У меня не было *ни ложнаго стыда, ни неумѣстной юркости* въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними, и часто

я подолгу бесѣдовалъ съ моими товарищами, разспрашивая ихъ, изучая нравы, характеры»...

Это не личное мнѣніе Піотровскаго. Онъ на практикѣ гораздо выше его; это видно въ томъ свѣтломъ, добромъ взглядѣ, съ которымъ онъ рассказываетъ о разныхъ встрѣчахъ. Нѣтъ, это — мнѣніе, принадлежащее всему европейскому воззрѣнію. Гуманность западнаго человѣка не идетъ дальше; онъ можетъ быть мягкій, снисходительный къ преступнику, онъ можетъ съ нимъ говорить «безъ ложнаго стыда и неумѣстной гордости», но забыть, что патентованный преступникъ — преступникъ, онъ не можетъ. Вѣдь, западный человѣкъ *призналъ* существующій государственный порядокъ съ его судомъ и осужденіемъ, онъ его *приговорилъ*, какъ встарь бояре приговаривали то, что царь указывалъ, и потому онъ своимъ отношеніемъ къ преступнику защищаетъ свое мнѣніе о правѣ. А намъ откуда взять эту круговую поруку со свodomъ, эту стыдливость и гордость, эту нравственную брюзгливость?.. Наша юридическая нравственность впереди, мы ничего не приговаривали. Тутъ тоже снѣжная поляна во всѣ стороны, и, вмѣсто чернаго креста, петербургскій полосатый шлагбаумъ!

1852. А. В. Поджіо и его племянники.

Въ 103 л. «Колокола» было напечатано о томъ, что племянники А. В. Поджіо Александръ и Левъ Осиповичи не отдали старцу, по возвращеніи его изъ Сибири, его имѣнія. Съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшимъ увѣдомить нашихъ читателей, что старшій племянникъ Поджіо Александръ Осиповичъ честно и добросовѣстно рассчитался съ дядей. ¹

◆◆ 1. Бѣлоголовый рассказываетъ, что послѣ долгой и весьма волновавшей старика Поджіо переписки, племянникъ его отказался признать свой долгъ и выдать ту часть состоянія дяди, которая, по расчетамъ послѣдняго, оставалась въ его рукахъ. Тогда Бѣлоголовый, сговорившись съ женой Поджіо и скрывъ отъ старика ихъ замысль, обратился къ помощи «Колокола», которая и дала блестящій результатъ («Воспоминанія», 104—107).

1853. Личное объясненіе.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 6 декабря 1837 въ Вяткѣ я произнесъ плохую рѣчь, исполненную уступокъ, и очень дурно сдѣлалъ.

Двадцать пять лѣтъ спустя первое слово мое, вышедшее изъ гроба, въ которомъ было схоронено четырнадцать лѣтъ все, мною писанное,—первая статья, всплывшая гласно въ Россіи,—та самая *вятская рѣчь*.

Съ какую цѣлью «Сѣверная Пчела» (9/21 мая 1862) напечатала ничтожную рѣчь *6 декабря 1837 г.*? Я не знаю, могу догадываться, но не мнѣ судить объ этомъ. Она имѣла на это право и воспользовалась имъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ сказана была вятская рѣчь. На мѣстѣ губернатора Тюфяева былъ Корниловъ; объ немъ у меня осталось хорошее воспоминаніе; я полагаю, что онъ былъ благородный человѣкъ и очень не глупый, хотя большой педантъ въ мелочахъ. Онъ присталъ ко мнѣ съ просьбой сказать рѣчь при открытіи бібліотеки; просьба губернатора для человѣка, состоящаго подъ надзоромъ, всегда убѣдительна. Сначала я отказывался, потомъ написалъ черновую. Корниловъ расхвалилъ ее, но тутъ же *собственной рукой* вписалъ *два-три* выраженія, говоря, что этого требуетъ *haute convenance*¹⁾, и что это не больше имѣетъ смысла какъ слова «вашъ покорнѣйшій слуга» въ концѣ письма. Я спорилъ. Наконецъ, мы раздѣлили грѣхъ пополамъ.

Рѣчь была сказана, причемъ пермскій архіепископъ Нилъ, шеллингистъ и страшный гонитель раскольниковъ (такъ, какъ бывають у насъ страшные гонители раскольниковъ и либералы), меня благословилъ. Казалось бы, тѣмъ и кончено. Но этой рѣчи было на роду написано имѣть странную судьбу. Когда ее въ корректурныхъ листахъ показали Корнилову, онъ переправилъ нѣсколько выраженій, потомъ опять переправилъ; у меня осталось въ памяти, что онъ вымаралъ нѣсколько словъ, сказанныхъ въ похвалу Н. С. Мордвинову. Это было передъ самымъ моимъ отъѣздомъ во Владиміръ; бумага о моемъ переводѣ была получена. Жуковскій и Арсеньевъ писали, что они больше сдѣлать не могли, но обѣщались хлопотать впослѣдствіи. Я уже предчувствовалъ Москву и волю. А Корниловъ опять поправлялъ несчастную рѣчь. Она мнѣ опротивѣла, я махнулъ рукой, забылъ объ ней и уѣхалъ.

Все вмѣстѣ было дурно.

И вотъ черезъ *двадцать пять лѣтъ* пожелтѣлые корректурные листы моей рѣчи поднимаются, какъ тѣнь Банко, жужжать

¹⁾ Высшее приличіе.

на пчелиныхъ крыльяхъ, цинически упрекаютъ и зовутъ меня къ отвѣту ¹⁾).

27 мая 1862.

◆◆ 1. «Рѣчь» и описаніе обстоятельствъ ея появленія въ Россіи въ 1862 г. см. подъ № 162.

1854. Письмо къ Н. А. Огаревой.

1 іюня (1862), воскресенье.
Orsett House.

Пишу только для того, чтобъ сказать, что, мнѣ кажется, Тхоржевскій нашель кладъ, а не домъ за Finchley road, гдѣ мы жили; домъ съ садомъ и пр. Онъ отъ него въ восхищеніи, и условія хороши. Я, стало, не совѣтую тебѣ искать квартиру. Мы ѣдемъ завтра утромъ къ хозяину и смотрѣть.

Ты (какъ я думаю) можешь переѣхать туда и тамъ остаться одна съ дѣтьми до конца сентября. Потомъ приѣдетъ Огар., а я повезу дѣтей въ Италію и приѣду зимой туда же.

Боюсь, чтобъ опять не вышло не по-твоему (пиши сейчасъ, можетъ, письмо застацетъ, — а рѣшиться, я полагаю, надобно), и этотъ страхъ парализуетъ меня.

Мы въ среду ѣдемъ (если ничего не помѣшаетъ), но, можетъ, поздно, т.-е., чтобъ Ог. не ѣхать по жару, и, стало, въ четвергъ приѣдемъ.

Приѣхаль Ковалевскій ²⁾. Съ Бакунинымъ все нелады; объясняется безпрестанно, — опять-таки скучно. ¹⁾

III vol. «Misérables» ³⁾ очень хорошъ, — привеземъ.

Кавелинъ совсѣмъ пошелъ въ Чичерины.

¹⁾ Рѣчи этой у меня не было, и я ее перечиталъ только теперь въ «Сѣверной Пчелѣ», но объ ней я помнилъ, да и трудно было забыть, и по корректурамъ, и по нильскому благословенію. Но въ прошедшемъ году я получилъ мою статью изъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (начала 1838 года) объ открытіи публичной бібліотеки во Владимірѣ, — та же рѣчь, но перефразированная. Сколько я ни ломалъ себѣ голову, этой статьи совсѣмъ не помню, а знаю навѣрное, что при открытіи бібліотеки во Владимірѣ я не былъ. Очень вѣроятно, что я подписалъ статью, писанную моимъ товарищемъ по редакціи, кандидатомъ Небабой (см. «Былое и думы»). Можетъ даже, онъ составилъ ее по моей рѣчи. А. И. Г.

²⁾ Владиміръ Онуфриевичъ, палеонтологъ, потомъ мужъ Софіи Ковалевской.

³⁾ III т. романа Виктора Гюго «Отверженные».

Лиза, дядя тебя цѣлуетъ и малютокъ.

Часы куплены превосходные; ночники завтра пошлютъ.

◆◆ 1. Письма Бакунина даютъ возможность узнать объ этомъ больше. Вскорѣ послѣ изданія при «Колоколѣ» первой половины его воззванія «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву, отказавшимся приложить вторую половину, по несогласію съ нею:

«Итти противъ васъ, даже отдѣльно отъ васъ, не испытывъ всѣхъ средствъ для понаго соединенія, если можно дойти до него жертвою всякаго самолюбія и даже жертвою убѣжденій второстепенной важности,—было бы поэтому въ моихъ глазахъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе, что въ цѣляхъ мы, кажется, совершенно согласны, расходимся только, можетъ быть, въ путяхъ и средствахъ,—не только преступленіемъ, но и глупостью. Вы создали силу. Создать другую такую силу не легко, у меня нѣтъ герценовскаго таланта,—принимая слово «талантъ» въ обширномъ, не только литературномъ смыслѣ. Но во мнѣ, все-таки, есть сила, полезная и благородная, которую вы, пожалуй, не признаете, но которую я знаю. Обречь ее на бездѣйствіе я не хочу, да и не имѣю права. Когда я приду къ убѣжденію, что въ соединеніи съ вами для нея нѣтъ ни выраженія, ни дѣла, тогда я, разумѣется, отъ васъ отдѣлюсь, и по средствамъ и по умѣнью буду дѣйствовать особенно, вполне сознавая, что вамъ этимъ, во-первыхъ, ущербъ не принесу никакого, а себя лишу крѣпкой опоры, и въ глазахъ нашей общей публики много потеряю.

«Я ни на каплю не потерялъ еще вѣры, съ которою пріѣхалъ въ Лондонъ, и твердаго намѣренія, во что бы то ни стало и какъ бы это ни было трудно, сдѣлаться вашимъ другомъ, быть третьимъ въ вашемъ союзѣ,—единственное условіе, при которомъ наше соединеніе возможно,—въ противномъ случаѣ мы будемъ союзниками и, пожалуй, пріятелями, но вполне независимыми и неотвѣтственными другъ за друга.

«Погодите отвѣчать. Налбандовъ пришелъ, и я долженъ оставить письмо. Вечеромъ напишу продолженіе. А до тѣхъ поръ распорядитесь, чтобъ мнѣ возвратили мою статью. Разумѣется, что все, что издержано на ея первое напечатаніе, должно быть взято изъ денегъ, которыя находятся у Герцена. А напечатанное пришлите ко мнѣ» («Письма, 79 -- 80).

Другое письмо отъ 20 мая:

«Вы правы, друзья, *«дружеское и союзное возлѣ»*,—вотъ то отношеніе, въ которомъ я долженъ стоять къ вамъ. Но надо

уяснить и опредѣлить это отношеніе для того, чтобы оно стало дѣйствительнымъ. Личныхъ объясненій между нами болѣе не будетъ. Сердце мое удовлетворено. Спасибо вамъ за то, что вы приняли письмо мое такъ серьезно и не искали въ немъ выраженій раздраженнаго самолюбія,—для себя лично я ничего большаго не желаю,—тѣмъ не менѣе, ощущаю необходимость о многомъ говорить съ вами и въ бесѣдѣ и письменно, а потому, съ вашего позволенія, предоставляю себѣ право посылать вамъ иногда письма, по мѣрѣ собранія моихъ мыслей. А теперь еще разъ спасибо и до свиданія».

1855. Письмо къ ин. Роману Чарторижскому.

Mon Prince, j'ai profondément réfléchi à votre invitation de prononcer quelques mots au meeting du 6 Juin. Chaque fois que nos frères Polonais s'assemblent au nom d'indépendance Polonaise et nous invitent—quelque d'ailleurs soient les nuances des opinions que peuvent nous diviser—nous sommes bien reconnaissants, nous avons une grande expiation à faire, et nous nous sentons soulagés par vos marques de sympathie. Et pourtant vous me permettez de décliner l'honneur que vous et vos amis me proposent. Ce qu'un Russe devait dire en vue des derniers événements de Varsovie—j'ai tâché, autant que j'en avais la force, de le faire, en mon nom et au nom de mes amis en Russie, vous connaissez nos articles du «Kolokol». Il m'est impossible de rien ajouter, je n'ai que le même cri de malédiction et de larmes à apporter à la tribune.

Les férocités récentes de nos allemands bysantinisés de Pétersbourg n'ont rien changé à notre point de vue sur la question polonaise, elles ont seulement mieux accentué nos rapports. Depuis douze ans nous avons prêché le dogme de *l'indépendance absolue* de la Pologne—c'est sur cette indépendance d'une fédération slave que nous basions l'espérance, l'avenir et qui d'un autre côté nous guide dans la question des frontières. Nous avons constamment affirmé que dans l'avenir les populations doivent décider elles-mêmes avec lequel des voisins elles veulent se lier plus intimement, voire même avec aucun. J'ajouterai que chaque Russe qui ne le partage pas,—est notre ennemi comme le vôtre.

En terminant ma lettre—je veux à mon tour vous demander un mot de sympathie sur le fosse toute fraîche qu'on a remplie près de Kazan de corps des paysans russes qui n'ont commis d'autre crime que d'avoir cru à l'affranchissement et à la sincérité d'un gouvernement qui l'annonce.

Recevez...

Переводъ.

(1—3 іюня 1862).

Князь, я глубоко обдумалъ ваше предложеніе произнести нѣсколько словъ на митингѣ 6 іюня. Каждый разъ, какъ наши братья поляки собираются во имя независимости Польши и приглашаютъ насъ, мы, каковы бы ни были отѣнки убѣжденій, которые могутъ насъ разъединять, глубоко благодарны; за нами — великое искупленіе, и мы чувствуемъ облегченіе, благодаря знакамъ вашей симпатіи. И, тѣмъ не менѣе, позвольте мнѣ отклонить ту честь которую вы и ваши друзья мнѣ предлагаете. То, что долженъ былъ сказать русскій въ виду послѣднихъ событій въ Варшавѣ, я постарался, насколько было силъ, сдѣлать отъ своего имени и отъ имени моихъ друзей въ Россіи; вы читали наши статьи въ «Колоколъ». Мнѣ нечего больше прибавить, я могу принести на трибуну только тотъ же крикъ проклятій и тѣ же слезы.

Недавнія звѣрства нашихъ византійскихъ нѣмцевъ въ Петербургѣ нисколько не измѣнили нашей точки зрѣнія на польскій вопросъ; они только рѣзче подчеркнули наши отношенія. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ мы проповѣдывали *абсолютную независимость* Польши; именно на этой независимой славянской федераціи основывали мы надежду на будущее, и, съ другой стороны, ею мы руководствуемся въ вопросѣ о границахъ. Мы постоянно утверждали, что въ будущемъ народы сами должны рѣшать, съ кѣмъ изъ сосѣдей хотятъ они войти въ болѣе близкую связь, или, можетъ быть, ни съ кѣмъ. Я прибавлю, что каждый русскій, не раздѣляющій этого убѣжденія, — *нашъ врагъ, равно, какъ и вашъ.*

Кончая письмо, я хочу, въ свою очередь, попросить у васъ нѣсколько сочувственныхъ словъ надъ свѣжей могилой около Казани, наполненной тѣлами русскихъ крестьянъ, преступленіе которыхъ состоитъ только въ томъ, что они повѣрили освобожденію и искренности правительства, которое его провозглашаетъ...

Примите...

1856. Письмо къ К. Д. Кавелину.

7 іюня (1862).

Ventnor.

Пока я долго и грустно думалъ, писать мнѣ о печальной брошюрѣ твоей или нѣтъ, ты мнѣ прислалъ поклонъ ¹⁾ и приба-

¹⁾ Съ В. П. Боткинымъ.

вилъ, что «кажется, я сержусь на тебя». Это мнѣ напомнило, что, всегда чистый и откровенный передъ близкими людьми, я молчать не долженъ. Слово «сердиться» не идетъ. Прочитавъ твою брошюру, у меня опустились руки. Грановскій въ гробу, Кетчеръ, Коршъ въ Чичеринѣ, а Чичеринъ—въ твоей брошюрѣ. И это писалъ Кавелинъ, котораго такъ мы любили и отпускали 3 года назадъ съ такими надеждами... Послѣдній представитель московской эпохи, второй юности, которому я посвятилъ «Р. О.»—и этотъ тощій, стертый и вредный памфлетъ, писанный (и это твои защитники приводятъ въ твою пользу) *не для печати*, для какого-то Николая Николаевича и, стало-быть, для негласнаго руководства либералующему правительству... Это слишкомъ.

Я схоронилъ женщину, которую любилъ и уважалъ безкомично, я схоронилъ Грановскаго матеріально, я схоронилъ К—ра, К—ша психически, Тур. дышитъ на ладанъ ¹⁾—и ко всему этому долженъ прихоронить тебя. Но этого я не сдѣлаю молча.

Твоя брошюра кладетъ между нами предѣлъ, черезъ который одинъ шагъ и есть—твое отреченіе отъ нея, какъ въ ошибкѣ, писанной подъ вліяніемъ временнаго увлеченія.

Я думаю, что это такъ и было, т.-е., что ты не понимаешь *portée* ²⁾ твоего памфлета.

Создать изъ дворянъ классъ привилегированныхъ землевладельцевъ, потому что и въ Ганноверѣ и въ Гессенъ-Касселѣ было высшее сословіе, и это въ то время, какъ дворянство летитъ подъ гору и разсыпается впрахъ безъ тормоза доктринеровъ-бюрократовъ и бюрократовъ-кнутинеровъ—страшная нелѣпость.

Отрицая олигархію, мы ея вовсе не отрицаемъ въ пользу канцеляріи. Прусская цивилизирующая администрація съ проспектомъ лѣтъ черезъ 500 дойти до англійской болѣзни и все это основывать на томъ, что народъ русскій—скотъ и выбрать людей для земства не умѣетъ, а правительство—умница, все знаетъ, и какую реформу куда поставить и кого выбрать (*il a fait ses preuves*) ³⁾...

Не хочу говорить о формѣ, о политическо-сентиментальныхъ сентенціяхъ и нравоученіяхъ М-те Жанлисъ ⁴⁾. Ошибка—и ошибка! Буду ждать твоего отвѣта—или не буду ждать и тебя. Противъ брошюры мы писать будемъ, но сохранимъ ея анонимность

¹⁾ Т.-е. вотъ-вотъ отношенія съ нимъ оборвутся.

²⁾ Значенія.

³⁾ Оно это доказало.

⁴⁾ Графиня Стефани-Фелисите, въ свое время пользовалась извѣстностью, какъ авторъ многочисленныхъ слащаво-нравоучительныхъ романовъ.

и, разумѣется, не забудемъ ни то, какъ мы разстались въ 1847, ни то, какъ свидѣлись три года тому назадъ.¹

◆◆ 1. 11 июня Кавелинъ отвѣчалъ изъ Парижа: «Письмо твое, дорогой мой Герценъ,—одно изъ самыхъ тяжкихъ событій въ моей жизни. Ты ставишь вопросъ очень просто: мнѣ остается выборъ между тобою или между моими мнѣніями. Середины нѣтъ. Послѣ Грановскаго я никого такъ не любилъ, какъ тебя, да и при Грановскомъ я тебя любилъ не меньше его. За мнѣнія свои я отдалъ всего себя и отдаю всего теперь, хотя врагамъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ прежде. Горько мнѣ разстаться съ тобою, но дѣлать нечего. Какъ я писалъ, такъ я и думаю, больше, чѣмъ когда-нибудь. Не самолюбіе заставляетъ меня говорить это, а убѣжденіе. Если-бъ дѣло шло о личномъ вопросѣ, я бы повинился, чего бы это ни стоило». Дальше Кавелинъ опровергалъ слухъ, что брошюра писана для великаго князя. Затѣмъ, оставляя всѣ доводы Кавелина въ защиту его брошюры, приведу лишь тѣ мѣста изъ его пространнаго письма, которыя обрисовываютъ взаимныя отношенія друзей въ прошломъ и въ моментъ этой переписки.

«Ты огорченъ моимъ поступкомъ. Если можешь, дочитай спокойно до конца это письмо и потомъ, если найдешь фальшь,—тогда оттолкни меня отъ себя. Но до тѣхъ поръ принеси эту послѣднюю жертву нашей дружбѣ—выслушай.

«Въ одномъ изъ № «Колокола» ты сказалъ такую мысль: люди приискиваютъ себѣ общественную форму, какая по нимъ ладно приходится. У cadaго народа—свой идеалъ, выше котораго онъ не идетъ. По муравьямъ и пчеламъ какъ разъ приходится ихъ общественность, и, какъ знать, сколько прошло времени, пока они ее по себѣ приладили.

«У меня нѣтъ подъ руками «Колокола» и я передаю твою мысль своими словами. Въ то время, какъ почти всѣ упивались твоими памфлетами, я выбиралъ эти бисеринки изъ твоихъ статей, которыя казались мнѣ программами для цѣлыхъ будущихъ трактатовъ, и благоговѣлъ передъ этими проблесками гениальности, закидывавшими мысль за столѣтія впередъ».

«...Мнѣ казалось и до сихъ поръ кажется, что разница между твоими и моими понятіями опредѣляется темпераментомъ, а не самымъ дѣломъ. Думаешь ли ты навязывать Россіи и человѣчеству какую-нибудь извѣстную политическую и гражданскую форму? Вѣроятно, нѣтъ! Въ этомъ отношеніи не можетъ быть православнаго символа вѣры, какъ и во всемъ прочемъ. Въ этомъ мы согласны. Разнимся же мы тѣмъ, что ты нетерпѣливѣй меня, видя вещи

издали въ радужныхъ цвѣтахъ, и думая, что стоитъ сдѣлать одно усиліе, рвануться—и все пойдетъ ладно; а я вожусь всю свою жизнь въ пакости нашей общественной жизни, вижу и знаю многое, чего ты не видишь и не знаешь, и, вѣря, что изъ теперешней дичи выйдетъ, дѣйствительно, что-то новое и великое, убѣжденъ, что оно еще далеко впереди, а на первомъ планѣ стоитъ пройти кризисъ какъ можно спокойнѣе, бережнѣе, съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ силъ, чтобъ сохранить ихъ на будущее.

«Теперешнія стремленія, мысли, страсти, волненія, кажутся мнѣ пѣной, призраками, изъ-за которыхъ никакъ не стоитъ ставить все будущее на карту. Кто-нибудь изъ насъ ошибается; можетъ быть, мы оба ошибаемся; но скажи, положи руку на сердце, можно ли изъ-за этого бросать другъ въ друга камнями? Когда ты обличалъ у насъ все съ неслыханной и невиданной смѣлостью, когда ты бросалъ въ гениальныхъ своихъ статьяxъ и памфлетахъ мысли, которыя забѣгали на вѣка впередъ, а для текущаго дня ставилъ требованія самыя умѣренныя, самыя ближайшія, стоявшія на очереди, ты мнѣ представлялся тѣмъ великимъ человѣкомъ, которымъ должна начаться новая русская исторія. Я плакалъ надъ твоими статьями, зналъ ихъ наизусть, выбиралъ изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдованій политическихъ и философскихъ. Еще недавно Ch. Mazade въ «*Revue des Deux Mondes*» написалъ о тебѣ нѣсколько страницъ, которыя говорятъ объ этой твоей дѣятельности. Послѣ ты нѣсколько уклонился отъ этой программы. Тебя взяло нетерпѣніе и досада. Изъ мыслителя, обличителя ты сталъ политическимъ агитаторомъ, главою партіи, которая, во что бы то ни стало, хочетъ теперь же, сію минуту водворить у насъ новый порядокъ дѣлъ, и, если нельзя мирными средствами, такъ переворотомъ. Я считаю это ошибкой. Мнѣ больше по сердцу прежняя твоя дѣятельность. Я думаю, что на этой только почвѣ и можно у насъ работать съ пользой. Твои требованія, направленныя исключительно къ реформѣ, поддержанныя не однимъ громаднымъ талантомъ и любовью къ Россіи, но и отсутствіемъ всякой тѣни насилія, имѣли неотразимую силу, производили потрясающее впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что, измѣнивъ этотъ путь, ты ослабилъ себя и подкрѣпилъ враговъ дѣла. Я хотѣлъ, пріѣхавши въ Лондонъ, сказать тебѣ все это; но считая новое твое направленіе или, скорѣе, твоего органа ошибочнымъ, я никакъ не думалъ, что намъ изъ-за этого нужно повернуться спиной другъ къ другу. Понятно, что, выбирая разныя средства для одной и той же цѣли,—ибо я настаиваю, что цѣль одна,—мы можемъ и должны спорить; но разставаться изъ-за сего—этого я

не понимаю. Ты для меня все тотъ же, хотя бы, по моему мнѣнію, и ошибался. Если ты ошибаешься искренно, съ убѣжденіемъ,—трудно тебѣ сказать: или ты откажись отъ своихъ мыслей, или я тебя знать не хочу.

«Я сказалъ все. Горько мнѣ писать тебѣ такое письмо. Теперь я спрашиваю: можешь и хочешь ты меня видѣть у себя или нѣтъ? Если да, я буду очень счастливъ и готовъ дать тебѣ всѣ объясненія, какія потребуешь. Если нѣтъ,—будь по-твоему. Это будетъ не первое и не послѣднее мое горе, но помочь ему нельзя. Я не могу отступить ни отъ одной іоты моихъ убѣжденій, прежде чѣмъ самъ не увижу, что ошибался. Но тогда я скажу объ этомъ во всеуслышаніе отъ самого себя, по доброй волѣ, а не по чьему-либо требованію. Такихъ аккордныхъ пунктовъ я не принималъ и не приму никогда.

«Жду отъ тебя категорическаго отвѣта: долженъ я пріѣхать къ тебѣ или нѣтъ? Прежде чѣмъ отвѣтить, взвѣсь хорошенько это письмо и мои вины. У тебя много поклонниковъ и почитателей; друзей осталось мало. Я и теперь люблю тебя по-старому, хоть ты и несправедливъ ко мнѣ,—несправедливъ, какъ не бываютъ и посторонніе. Если ты меня и оттолкнешь отъ себя, я, все-таки, не перестану тебя любить, потому что дружба — не старые башмаки: ихъ не выбросишь за окно, когда захочешь» («Письма», 54—62).

Почти одновременно (19 іюня) Кавелинъ писалъ своему другу В. Д. Спасовичу: «Говорить о ректорствѣ теперь, когда открытіе вновь университета болѣе, чѣмъ когда-либо сомнительно, было бы нелѣпостью съ моей стороны. Если Деляновъ показывалъ вамъ, дорогой другъ, мое письмо, то вы, вѣроятно, знаете подробно мой взглядъ на этотъ вопросъ. Я не считаю возможнымъ сдѣлать въ университетѣ что-нибудь путное, пока онъ и студенты не будутъ имѣть своей автономіи. При теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствахъ объ автономіи не можетъ быть и рѣчи, слѣд., не можетъ быть и рѣчи объ успокоеніи университета. Тутъ не поможетъ ни ловкость, ни самоотверженіе, ни умъ, ни характеръ. Пока наши мысли не примутъ другого направленія, пока мы будемъ надѣяться провести въ Россіи новый порядокъ дѣль зажигательными прокламаціями, воззваніями къ бунту, къ рѣзнѣ, будемъ дѣйствовать таковыми обществами и яacobинскими клубами, правительство будетъ на такой способъ дѣйствій отвѣчать военными судами, осаднымъ положеніемъ и казнями. Это лежитъ въ логикѣ вещей. Если-бъ мы съ вами были правительство, и мы бы дѣлали то же самое. Тутъ нечего дѣлать. Честнымъ и либеральнымъ людямъ нужно устра-

ниться и съ горестью смотрѣть на послѣдствія пошлостей, которымъ ни пособить, ни противодѣйствовать они не въ состояніи. Потому ни за какія блага въ мірѣ я не могъ бы принять теперь никакое дѣятельное участіе въ университетскихъ дѣлахъ, пока насиліе есть единственное, чего ожидать можно съ обѣихъ сторонъ, какъ на войнѣ... Петербургскія событія произвели на меня потрясающее дѣйствіе. Неужели это называется прогрессъ, свобода? Боже великій! Да такой прогрессъ заслуживаетъ только карточка и висѣлицу! Видно, люди никогда не поумнѣютъ. Если теперь реакція восторжествуетъ и подниметъ голову, неужели можно будетъ винить ее? Она будетъ такъ же неблагоприятна, какъ ея противники, но какое имѣемъ мы право требовать, чтобъ она была благоумнѣе?» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1863 г. № 453).

1857. Письмо къ дочерямъ.

(10 іюня 1862) Вторникъ.
Ventnor.

Татасашаоля
Malvidaque ¹⁾!

Нѣтъ, вы счастливыѣ: здѣсь стужа и вьюга продолжаются; вчера (понедѣльникъ) было получше, и мы ѣздили въ Sandown и Blackgang Chine (т.-е. мы ходимъ пѣшкомъ, а ménagerie ²⁾), какъ говоритъ Ага, ѣздила),—тамъ хорошо. Сегодня опять февраль. Мнѣ смертельно жаль Огарева: въ кои вѣки выѣхалъ—и не удалось. Это дѣйствуетъ на нервы. Впрочемъ, Огар. говоритъ, что онъ себя свѣжѣе годы не чувствовалъ.

Отъ Ротшильда письмо,—я правъ.

Мы, вѣроятно, до пятницы, а, можетъ, до понедѣл. останемся. Miss Barthélemy, которая была здѣсь, на желѣзной дорогѣ дѣмчалась и поиспортилась, такъ что лежитъ въ починкѣ. И все это всегда дѣлается на Брейтонской дорогѣ.

Разговоръ.

Дѣйств. лица:

Arthur Briand,
Я,
Огар. (молчить).

¹⁾ Т.-е. «и Мальвида».

²⁾ Звѣринецъ.

Я. Have you perchance Bordeaux?

А. Бр. No, sir, such a vine—we dont keep them. No sir... we have only Claret.

Я. But Claret—that is Bordeaux.

А. Бр. Yes, sir—but we have no Bordeaux ¹⁾ (это винопролавецъ).

Огар. (молчитъ).

Затѣмъ я ему сказалъ, что прежде тутъ въ лавкѣ сидѣла старуха...

А. Бр. (смѣется)... Yes, sir... My mother, sir... (смѣется)... she is dead, sir... (смѣется)...

Я. Indeed?—very respectful lady ²⁾.

Оба смѣемся.

Огаревъ молчитъ.

P. S. Напиши Кельсіеву:

1-е, что пусть онъ Блюммеру напишетъ очень мило и притомъ скажетъ, что мы удивляемся, почему же и тѣ русскіе, которые любятъ свободу печати, терпѣть не могутъ свободу мнѣній. 2-е, Огар. получилъ сегодня письмо отъ Салиасъ; она мичего не говоритъ о полученныхъ деньгахъ; нельзя ли справиться или еще написать?

Ольгѣ отдай особо прилагаемое письмо.

Олятата, кланяюсь вамъ.

1858. Письмо къ сыну.

11 іюня (1862), среда.

Любезный Саша, буря и стужа продолжаютъ. Мы хотѣли отсрочить отъѣздъ до субботы или понедѣльника, но, кажется, лучше не будетъ. Я въ воображеніи не могъ себѣ ничего представить въ половинѣ іюня. Впрочемъ, занятія у насъ устроились, т.-е. Огар. и я попрежнему полдня пишемъ. Даже Огар. не можетъ ходить по-своему часа четыре—до того дурно. Все это почти больно.

¹⁾ *Я.* Быть можетъ, у васъ имѣется случайно бордо?

А. Бр. Нѣтъ, сударь, мы не держимъ этого вина. Нѣтъ, сударь... у насъ есть только кларетъ.

Я. Но кларетъ, вѣдь, и есть бордо.

А. Бр. Да, сударь, но мы не имѣемъ бордо.

²⁾ *А. Бр.* ...Да, сударь... моя мать, сударь... Она умерла, сударь...

Я. Дѣйствительно? Очень достойная женщина.

Читай ли ты французское письмо, посланное ко мнѣ тобою безъ пакета (если пакетъ цѣль, не худо сохранить)? Это — шпионъ, предлагающій услуги; ему поручено узнать имена корреспондентовъ и онъ хочетъ надуть и меня, и правительство. Постороннимъ никому не говори до приѣзда, а если можно въ глубочайшей тайнѣ узнать черезъ Тхоржевскаго (ему можешь сказать, но тоже пока по секрету), что за господинъ французъ, навѣрное, живетъ: 4, Greville st. Hatton grdn., у какого-то Emile Gruwe и называется (вѣроятно, псевдонимъ) Louis Erregg, — узнать, не поминая меня ни однимъ словомъ, а письмо — ни однимъ звукомъ.

Если у тебя деньги вышли, ты можешь взять, и расписаться, у Трюбнера 5 фунтовъ.

Передалъ ли ты о квартирѣ въ St. John's wood'ѣ? Natalie хочетъ переѣхать къ 1 июля; я уговаривать не могу послѣ этого опыта. Къ тому же эта квартира передъ совершенно враждебнымъ человѣку-элементомъ моря, шумнаго, безобразнаго и надоѣдающаго до скуки степи (sauf le respect que je dois à m-lle Malvide) ¹⁾.

Квартиру мы нашли очень хорошую, противъ Бонифасъ-Villas; одно имя чего стоитъ: aratum villas; можетъ, Natalie и переѣдетъ на двѣ недѣли туда. Хорошо бы узнать отъ Тхоржевск., легко ли найти. Можетъ, Огар. уѣдетъ въ субботу, а я — послѣ переѣзда.

Во всякомъ случаѣ посылай все сюда до контръ-ордра.

Тату благодарю за длинное письмо и жду рапорта о National Gallery ²⁾, т.-е. пусть она напишетъ, что ей больше нравится изъ картинъ.

Ольга пишетъ хорошо, но ужъ больно безграмотно.

Лиза очень мила, но шалить еще больше, чѣмъ прежде. Дѣвочка ³⁾ становится пластически хороша; такой пропорціональности я не видывалъ въ 6 мѣсяцевъ.

Скажи Мейзенб.: Dass es mir doch gefällt so als Tiberius in Capri — von der Ferne nah zu bleiben. Ich liebe nicht mitten im Gedränge zu leben. Der erste Brief an Turgeneff — fertig, der 2 angefangen ⁴⁾.

Ольга, тебѣ посылаю книжку съ вентнорскими карикатурами. Ага, Natalie всѣмъ кланяются.

¹⁾ При всемъ уваженіи, которое я питаю къ m-lle Мальвидѣ.

²⁾ Картинная галерея въ Лондонѣ.

³⁾ Елена.

⁴⁾ Что мнѣ, какъ Тиверію на Капри, пріятно оставаться вблизи далекаго. Я не люблю жить среди сутолоки. Первое письмо Тургеневу написано второе начато.

1859. Письмо къ сыну.

(12 июня 1862) Четвергъ.

Сатао-шаталя! ¹⁾

Съ перваго часа ночи дождь льетъ, какъ изъ ведра, стѣны дрожатъ, все закрыто; теперь время обѣда, и буря еще во всей силѣ. На дворѣ слякоть, выйти нельзя (вчера ужъ мы сидѣли). Итакъ, вся поѣздка безвозвратно погублена подлымъ климатомъ. Въ силу всего,

Resolve ²⁾: переѣхать въ Cowes ³⁾, и Natalie съ дѣтьми тамъ будетъ ждать фатеру въ St. John's Wood.

Détails ⁴⁾. 1-е, Огаревъ ѣдетъ завтра вечеромъ въ Cowes и занимается квартиру;

2-е, Занявши оную, слѣдуетъ по трахтѣ въ Зауфтонтъ ⁵⁾ и Лондонъ, Orsettbedroom ⁶⁾.

3-е, Я ѣду со всѣми въ понедѣльникъ въ Cowes; если будетъ хорошо, останусь до среды; если дурная погода, приѣду во вторникъ,—но ты не говори этого ai seccatori ⁷⁾, а скажи, что я приѣду не раньше субботы,—въ Коусъ, молъ, и Осборнѣ.

Бумаги можешь оставить и показать Огаръ; посылать ли или нѣтъ, онъ скажетъ; полагаю, что это ненужно. Ты и Тата хорошо бы сдѣлали, познакомившись съ О'Коннельшей,—сходите къ ней.

Кто это D-г Масловъ?

Книга Ольгѣ съ изображеніями англо-глупыми seaside ⁸⁾ отправляется вмѣстѣ съ письмомъ.

А я къ тебѣ, Ольга, не пишу особо, потому что пишу всѣмъ вмѣстѣ, цѣлой овчарнѣ.

Деньги для студентовъ получены или обѣщаны? Я поѣду одинъ въ Sevenoaks отдохнуть отъ Вентнора, моря и Лондона.

Latest intelligence ⁹⁾.

¹⁾ Первые слоги въ обоихъ словахъ составляютъ—Саша, вторые—Тата, третьи—Оля.

²⁾ Резолюція.

³⁾ Городъ на о-вѣ Уайтѣ.

⁴⁾ Подробности.

⁵⁾ Southampton.

⁶⁾ Спальня въ Orsett House (лондонскій адресъ Герцена.)

⁷⁾ Ворчуну.

⁸⁾ Морского берега.

⁹⁾ Послѣднее извѣстіе.

Буря и дождь продолжаютя. А что Боткинъ Майкель ¹⁾?

Скажи Мальвидѣ si c'est la mer—c'est la mère coupable de Beaumarchais—mais très chère ²⁾.

Тата, если ты хочешь, и Мальвида сдѣлаеть мнѣ сію френд-шипъ ³⁾, то вы сдѣлайте визитъ къ M-me O'Connell:

6, Westbourne park, Villas.

Скажите ей, что мнѣ очень жаль, что она не застада меня, что какъ я прїѣду, такъ буду у нея.

Тебѣ полезно знать артистку.

Если же у васъ причины не итти, то прошу Сашу сходить сейчасъ къ ней.

1860. Письмо къ Н. П. Огареву.

(14 юня 1862).

У насъ съ тобой лафатеровская струна ⁴⁾ не совсѣмъ хороша: наивная горничная—воровка, да, такъ-таки просто вещи беретъ, будто русскій вице-губернаторъ.

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь въ необходимости, чтобъ ты написалъ Писемскому ⁵⁾.

1861. Письмо къ сыну.

Vent du Nord ⁶⁾.

Continue ⁷⁾.

13 юня (1862), пятница.

Огар. сейчасъ поѣхалъ; можетъ, онъ будетъ ночевать на дорогѣ. Ты спрашиваешь, почему онъ не остался; какъ будто, ты не знаешь, что Огар. ни уговорить въ этихъ вещахъ, ни остановить нельзя. Къ тому же у него сдѣлался на щекѣ чирій.

Вы можете писать сюда одинъ разъ (т.-е. завтра *утромъ*), въ понедѣльникъ почта привезеть утромъ, а, если успѣеть—въ вос-

¹⁾ Михаилъ Петровичъ.

²⁾ Дословно: «Если это—море, то это—преступная мать Бомарше, но—очень дорогая». Все вмѣстѣ представляетъ непередаваемый каламбуръ, основанный на однозвучности словъ: la mer—море и la mère—мать и на сходствѣ словъ bon marché—дешевый и Beaumarchais—имя автора знаменитой драматической трилогіи, послѣдняя часть которой носитъ название «La mère coupable», то-есть «Мать-преступница».

³⁾ Отъ англійскаго Friendship—милость.

⁴⁾ Лафатеръ—основатель теоріи фізіономики.

⁵⁾ Алексѣй Теофилактовичъ, извѣстный писатель.

⁶⁾ Игра словъ: сѣверный вѣтеръ—Ventnor.

⁷⁾ Продолжаю.

кресенье. Въ 11 часовъ мы ѣдемъ (въ понедѣльникъ) въ Cowes. Если очень нужно, можешь писать туда *poste rest.*, но, если не нужно, погоди до слѣдующаго письма. Хорошо, кабы Чернецк. догадался мнѣ прислать *mise en page* ¹⁾.

Кавелина письмо я тебѣ дамъ... И жаль его дчень и надобно итти своей дорогой.

За M-me O'Коннель изъясляю мою высочайшую благодарность. Да для кого же она хочетъ сдѣлать мой портретъ? Не стану же я ей платить за такую ненужную полезность?

Какъ же ты не прислалъ второе письмо шпиона?

Прощай.

Тата, мы ѣдемъ въ Коровы ²⁾—вѣроятно, тамъ будетъ отличное молоко. Я очень радъ, что Г-жа Одеколонъ ³⁾ тебѣ понравилась; я самъ иногда отъ головной боли примачиваю. Если-бъ она тебѣ стала давать уроки, вмѣсто мыши въ лѣсу ⁴⁾, можетъ, было бы лучше. Долго ли она пробудетъ?

Malvida Meysen-
bug gewidmet v.
einem Mann, der
sich bereut, Mann
zu sein ⁵⁾.

So brummte der alte Brugham,
So männerlich wurden die Frauen,
Frauenhofer aus München
Zum Andenken an seinen Familiennamen,
Ehren—sage—femme—ernannt;
Das ist überall bekannt.

Latest intell. Europa wird von jetzt an weibersch genannt.

Pas de Calais—L'appas de la Caille ⁶⁾.

Отдай Огареву письмо Dieu donné и карточку. За деньгами слѣдуетъ послать Тхоржевскаго. Ех. гр., «Смѣсь» Чернец. послалъ, но мало очень. Что привезъ Масловъ?

¹⁾ Вѣрстка «Колокола».

²⁾ Cowes—коровы и названіе города.

³⁾ O'Коннель.

⁴⁾ Очевидный каламбуръ съ фамиліей итальянскаго учителя живописи.

⁵⁾ Посвящается Мальвидѣ Мейзенбургъ мужчиной, жалѣющимъ, что онъ
мужчина.

Такъ ворчалъ старый Брухемъ,
Женщины приобрѣли обликъ мужинъ,
Фрауенгоферъ изъ Мюнхена,
Въ воспоминаніе о его фамилии,
Назначенный почетной акушеркой;
Это всюду извѣстно.

⁶⁾ Послѣднее извѣстіе: отнынѣ Европу будутъ называть по-женски.
Па-де-Калэ—Прелести перепелки (игра словъ).

1862. Письмо къ сыну.

14 іюня (1862).
Ventnor.

Я твоимъ письмомъ, какъ оно ни грустно, очень доволенъ Ты, наконецъ, дошелъ до *недовольства собой*; это—первый шагъ для выхода изъ празднои неопредѣленности; у тебя начинается страхъ передъ будущимъ и почти раскаяніе въ прошедшемъ. Если ты серьезно вызовешь силу воли, если ты имѣешь то, что называется характеръ, *persévérance*, ты начнешь совершеннѣйшую жизнь—ученымъ или артистомъ, политическимъ человѣкомъ или чѣмъ хочешь, но человѣкомъ, твердо идущимъ, на твердыхъ нравственныхъ основахъ, гласнымъ, а не согласнымъ.

Теперь, только теперь, можетъ быть, ты поймешь, что такое за благо, что ты можешь имѣть такого друга по преданію, какъ Огаревъ,—вотъ тебѣ рядомъ со мной маякъ. Что его оскорбляетъ, противъ чего *онъ*, гуманнѣйшій человѣкъ, возстаетъ, того бойся; вспомни, что оскорбило его два года тому назадъ ¹⁾.

Большіе пороки иногда останавливаютъ порицаніе и требуютъ объясненія. Мелкіе эгоистическіе недостатки просто сердятъ и, что всего хуже, запираютъ душу, любящую и желающую исправить. Тутъ хочется бранить, давать отпоръ, наказывать. Между тѣмъ, безъ какого-нибудь идеала, религіи, зазнобы, которая бы давала постоянное направленіе всему твоему бытію и, слѣдственно, сглаживала бы мелкую раздражительность... она-то и выставялась—съ строптивостью во вздорѣ, докторальностью въ пустякахъ, невоздержностью въ отвѣтахъ. Все вмѣстѣ дѣлало твое поведеніе неэстетическимъ. *Oh donc*, разъ навсегда пойми, что все то, что неэстетично, непременно граничитъ съ дурными сторонами нашего существованія.

Что общаго въ твоемъ существованіи и положеніи Бельтова ²⁾? Бельтовъ оттого бросался изъ угла въ уголъ, что его социальная дѣятельность, къ которой онъ стремился, находила *внѣшнее* препятствіе. Это—пчела, которой не позволяютъ ни дѣлать ячейки, ни отлагать медь—*c'est du miel rentré* ³⁾... Тебя, напротивъ, все тянетъ на всѣ дѣятельности, ни одной таможни, ни одной заставы.

Благослови ту минуту, въ которую на тебя нашло раздумье. Моя рука, мое сердце тутъ, я готовъ и писать и говорить, потому что этотъ языкъ—мой языкъ.

¹⁾ Пропускъ нѣсколькихъ интимныхъ фразъ, по желанію Н. А. Герцеля.

²⁾ Герой «Кто виноватъ?».

³⁾ Это—медъ, который не нашелъ себѣ выхода.

Я прїѣду во вторникъ вечеромъ или въ среду. Мнѣ Писем. вообще не очень хочется видѣть: онъ писалъ дурныя вещи, въ самомъ гадкомъ смыслѣ и направленіи. Статья Каткова забавна. Можетъ, напишу нѣсколько словъ въ отвѣтъ, но чему же удивляться, что обиженный au viv¹⁾ лягается?¹

Завтра воскресенье; въ понедѣл. мы ѣдемъ въ Коусъ, въ 11 часовъ.

Прочти это письмо съ Огаревымъ на досугѣ и поговори. У меня не особенно свѣтло на душѣ, но надежды не теряю—и впередъ, впередъ.. Да будетъ это и твой девизъ.

Прощай. Въ деньгахъ, оставленныхъ мною и взятыхъ у Труб., ты мнѣ подай счетъ,—не на хозяйство же у васъ вышло 15 фун. въ 10 дней.

Черезъ два часа. Помни еще одно, что тебѣ 22 года—время уходитъ, но не *ушло*. Тебя, вѣроятно, обойдетъ та бурная эпоха страстей и потери времени и силъ, которая встрѣчала въ Россіи почти всѣхъ. Твое развитіе позднее,—бѣды въ этомъ нѣтъ. Повторяю, я радъ, что ты попалъ на этотъ порядокъ идей. Что дальше, какъ дальше, этотъ вопросъ нельзя разрѣшить однимъ рецептомъ; онъ зависитъ отъ того, какъ ты переработаешь свое раздумье и наши слова.

◆◆ 1. Въ «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника» отъ 16 мая, № 20, въ статьѣ, посвященной массовому демонстративному выходу въ отставку мировыхъ посредниковъ, солидарныхъ съ своими арестованными тверскими коллегами, Катковъ, между прочимъ, написалъ то, что приведено Герценомъ въ № 1873.

Несмотря на продажу въ Россіи брошюры Шедо-Ферроти, на открытое упоминаніе имени Герцена въ связи съ ней въ «Соврем. Лѣтописи Русскаго Вѣстника» отъ 18 апрѣля и въ № «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей» отъ 21 апрѣля,—Катковъ не могъ еще выступить, какъ хотѣлъ... Вскорѣ онъ получилъ разрѣшеніе на отчаянную атаку.

1863. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 іюня (1862).
Ventnor.

Письмо твое изъ Cowes получилъ. Квартира возьмется, какъ сказано. Ѣдемъ въ понедѣлн., въ 11 часовъ. Можетъ, я во вторникъ

¹⁾ Задѣтый за живое.

пріѣду. Посылаю тебѣ письмо ко мнѣ Саши. Теперь я истинно готовъ съ колѣнопреклоненіемъ просить, чтобъ ты на первомъ планѣ занялся имъ—не *entre-mets* ¹⁾, а серьезно. Я ему писалъ первое письмо объ этомъ и буду писать сто, но именно, пользуясь моимъ отсутствіемъ, ты можешь поправить нашу общую вину.

Твое письмо дурно на меня подѣйствовало. Къ тому же я сначала распечаталъ Каткова отвѣтъ и расположился скорѣе хотать (онъ ругается и называетъ меня *выболтавшимся вонъ* острословомъ) ²⁾, а тутъ письмо Саши,—его жаль, больно, чувствуешь долю вины,— и потомъ твое письмо. Смотрю и я впередъ не весело, ты это знаешь; жду и я отъ близкихъ (и это, Огаревъ, не новое чувство у меня, а наслѣдство, доставшееся отъ 1852 года), но того, что ты сказалъ, я тѣми словами не сказалъ бы...

Ну, а затѣмъ, если Солдатенковъ ³⁾ дасть денегъ, скажи Кельсіеву, чтобъ онъ переименовалъ его въ Прапорщениковъ.¹

Князь-іезуитъ Гагаринъ прислалъ письмо съ большими симпатіями и пишетъ, что отправилъ ко мнѣ Чаадаева *избранныя* сочиненія. Это—жихаревскія бумаги, вѣроятно. Получилъ ли ты?

Есть ли что для будущаго «Колокола» въ московскихъ бумагахъ?

Лиза вчера мнѣ говорить, и я не измѣняю ни юты въ этой чисто-русской фразѣ:

«Ужъ какъ папа Ага меня любитъ, какъ шекоютомъ угощаетъ, всегда угощаетъ!»

Минутами тоска, а то и ничего. Погода подлая; вчера (въ пятницу) вечеромъ было такъ холодно, что я хотѣлъ, было, пуншемъ утѣшиться, чего, однако, не сдѣлалъ.

Отъ Мейзенб. письмо. Она замѣчательно молода духомъ; она не въ дѣвкахъ осталась, а въ дѣвочкахъ.

Неужели я такъ старъ, что Кат. ругательства производятъ во мнѣ одинъ смѣхъ, почти добродушный? или въ самомъ дѣлѣ я себя вообразилъ Цезаремъ...

◆ 1. Въ іюнѣ Кельсіевъ писалъ Н. Ѳ. Петровскому: «К. Т. былъ здѣсь, не сказалъ ни да, ни нѣтъ,—говоритъ, что подумаетъ и вышлетъ деньги въ августѣ и т. п. Я сѣлъ, какъ ракъ на мели». Черезъ мѣсяць:—«Двѣ недѣли тому назадъ былъ здѣсь К. Т. Онъ отозвался мнѣ, что знать ничего не знаетъ, но что, впрочемъ,

¹⁾ Между прочимъ.

²⁾ Сказанное Катковымъ приведено Герценомъ въ № 1873.

³⁾ Ковыма Терентьевичъ.

не прочь помочь 6000 руб. сер., только прежде посоветуется съ вами, т. е. не раньше августа. Я спросилъ у него не 3000, а 6000 руб. сер., потому что теперь придется печатать на болѣе широкихъ размѣрахъ» (мои «Очерки освободительнаго движенія etc.», 33, 34).

1864. Панинъ и смѣшеніе половъ.

Викторъ Панинъ (эта длиннѣйшая мѣра нелѣпости, царящей въ верхнемъ словѣ нашего правительства) пустился въ Ж. Санды и шутить объ *женской эмансипаціи* и равноправности обоихъ половъ, разумѣется, рассматривая ихъ съ ему свойственной стороны. Онъ горячо отстаиваетъ сѣченіе женщинъ, говоря, что женскій полъ не можетъ служить причиною изъбавленія отъ тѣлесныхъ наказаній.

Нашъ Иванъ Великій не догадался одного: ему бы мужчинъ принять за женщинъ, да и ихъ бы отнять отъ розги. Ну, да слишкомъ многого гдѣ же отъ него требовать—*вода* и та поднимается только до извѣстной высоты въ насосѣ. Мы наблюдали въ зоологическомъ саду жираффу—плоха! Она и одному царствованію не была бы годна на юстицію; впрочемъ, она повыше. Истина прежде всего!

1865. Письмо къ К. Д. Кавелину.

15 июня 1862.

Ventnor, Isle of Wight.

Получивъ твое письмо, я съ полчаса не читалъ его, отдавая минуту искуса. Изъ этого ты можешь понять, что не съ *gaieté de coeur*¹⁾ я терзаю моихъ друзей.

Ты ошибаешься, но ошибаешься добросовѣстно; я никогда не предполагалъ никакихъ цѣлей, видовъ, но въ ту эпоху, въ которой мы живемъ, ошибка—преступленіе, ошибка Кавелина—двойное. Въ 93 году тебѣ за это отрубили бы голову; и ты, и я, мы эти средства ненавидимъ, но во время разгрома я не нашелъ бы это несправедливымъ. Если-бъ ты видѣлъ первое впечатлѣніе твоей брошюры, то тогда ты понялъ бы, почему я бранилъ тебя даже при нѣкоемъ Куманинѣ, который, защищая тебя, сказалъ, что брошюра писана для Ник. Ниц.²⁾

Твое письмо меня потрясло; я какъ-то снова смотрю на тебя, какъ на сбившагося друга, но близкаго,—но мнѣнія не принимаю.

¹⁾ Сердечной веселостью.

²⁾ Великій князь.

ни одного. Въ твоей защитѣ, дѣйствительно, уже есть отстаиваніе своего произведенія, во что бы ни стало. Отсюда прямо вопросъ (и сегодня я хочу только на него отвѣчать): слѣдуетъ или не слѣдуетъ тебѣ пріѣзжать, пока насъ дѣлитъ такая пропасть? Думаю, думаю и честно, добросовѣстно, свято, искренно говорю: нѣтъ, не слѣдуетъ!

Объяснить намъ, измѣнить наше воззрѣніе ты не можешь; читая все, что мы пишемъ (хотя бы и послѣдн. мою статью о Карзинѣ), ты можешь измѣрить различіе. Что же будетъ за смыслъ свиданія? Можемъ ли мы встрѣтиться, не говоря объ этомъ?

Не лучше ли дать время еще и еще обдуматься? Можеть, повязка съ твоихъ глазъ падеть.

Подумай объ этомъ. Печально и дружески-грустно жму твою руку. ¹

◆◆ 1. 19 іюня Кавелинъ отвѣчалъ изъ Парижа опять пространнѣмъ письмомъ, изъ котораго привожу лишь немногое:

«Письмо твое, дорогой Герцень, было для меня такою же радостью, какъ депеша изъ Эмса о пріѣздѣ туда моей жены съ дочерью. Много и много разъ благодарю тебя за него. Личною связью съ тобою я дорожу безмѣрно и чѣмъ больше живу, тѣмъ больше. Жизнь безжалостно вырвала листки изъ пышнаго цвѣтка дружбы и теперь ихъ осталось немного: роскошничать этимъ счастьемъ нельзя и не по лѣтамъ, передъ тѣмъ, какъ начинаешь обращаться въ минералогическое царство. Ты не хочешь, чтобъ я пріѣхалъ,—будь твоя воля; для меня свиданіе съ тобою есть дѣло сердца, воспоминаній, я готовъ почти сказать—поклоненія, хотя мы и стоимъ на разныхъ дорогахъ. Повторяю, я думаю, что насъ раздѣляютъ средства, а не цѣли. Повторяю, мысли твои, которыя ты бросаешь мимоходомъ, какъ будто невзначай, кажутся мнѣ программами на вѣка. Если будетъ время, я когда нибудь займусь выборкой этихъ jets de lumière ¹⁾, какъ недавно Frauenstaedt ²⁾ сдѣлалъ такую выборку изъ Шопенгауэра. Какъ мыслителя, я не знаю тебѣ равнаго. Но не сердись на меня, если я тебѣ скажу, что ты непослѣдователенъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Міръ цѣлый валится, цѣлый синтезъ одряхлѣлъ. Можно ли хоть одной партіи, хоть одному мнѣнію, протянуть руку? Признаюсь я не вижу» («Письма», 77—80).

¹⁾ Искры свѣта.

²⁾ Юліусъ, нѣм. философъ. Заглавіе книги, о которой говоритъ Кавелинъ: «Art. Schopenhauer. Lichtstrahlen aus seinen Werken».

Биографъ Кавелина, проф. Д. А. Корсаковъ, ошибочно отнесъ разрывъ ихъ къ началу 1863 г. и самыя обстоятельства разрыва сообщилъ невѣрно («Вѣст Европы» 1886, X, 752—756).

Женѣ Кавелина и сыну Дмитрію заграничный паспортъ былъ выданъ на 4 мѣсяца въ 1858 г. и въ маѣ 1860 г., затѣмъ въ 1862 г. (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣла деп. полиціи 1858 г. № 627 и 1860 г. № 27).

1866. Письмо къ Н. П. Огареву

15 іюня (1862), воскресенье.
Ventnor.

Завтра, если ничего не помѣшаетъ, въ 11 часовъ ѣдемъ въ Cowes; письмо это брошуеще въ Вентнорѣ, а, можетъ, и тамъ. Погода лучше и гораздо, но не лѣто. Вотъ копія съ моего письма Кавел. Я Маслову не вѣрю (да какой это Масловъ? не тотъ ли, что служилъ при Скобелевѣ ¹⁾?) А ты еще толкуешь—не сердиться на Каткова!... Эхъ, вы!

Вчера я не могъ все сообразить насчетъ письма Саши. Дѣло твое не должно исключительно состоять изъ научнаго вліянія. По его письму ты видишь, что онъ самъ сознается въ отсутствіи любви къ наукѣ и инициативы. Эдакъ можно человѣка лишить всякой надежды на что-нибудь иное. Въ артистическое призваніе я тоже не вѣрю. Да есть еще широкое назначеніе и категория, обнимающая все, это—очеловѣченная и нравственная *Gediegenheit* ²⁾. Сатинъ—не музыкантъ, не химикъ, а человѣкъ; таковъ былъ бы и К—ръ ³⁾ и Касатк. ⁴⁾ и Фрикенъ ⁵⁾ и не знаю кто, если-бъ К—ръ не ударился въ безумные. Теоретическое, артистическое призваніе—спеціальность; сдѣлай изъ меня математика, политическаго эконома, грамматика...

Ты это самъ поймешь очень хорошо. Письмо твое изъ Лондона пришло сюда и принесено сегодня утромъ, въ 8 часовъ. Стало, въ Cowes писать было лишнее,—ты ошибся 24 часами.

Я приѣду въ среду, въ обѣдъ или, если успѣю ихъ всѣхъ устроить, во вторникъ вечеромъ. Да, думаю, что ты долженъ не-

¹⁾ Иванъ Никитичъ; генералъ, комендантъ Петропавловской крѣпости.
† въ 1849 г.

²⁾ Порядочность.

³⁾ Кетчеръ.

⁴⁾ Викторъ Ивановичъ Касаткинъ.

⁵⁾ Алексѣй Федоровичъ. ¹

преимѣнно написать записку къ *Писемскому*: я получилъ отъ него еще письмо: Онъ просилъ, богъ знаетъ какъ, увѣдомить о твоёмъ и о моемъ прїѣздѣ. Въ среду, такъ въ среду, но полагаю, черкнуть надобно же.

Второе письмо Тургеневу почти готово ¹⁾. Я доволенъ. Я на чистомъ воздухѣ могу лучше работать и безъ постороннихъ.

Каткову отвѣтъ набросалъ, но еще не увѣренъ ²⁾.

Адресъ Писемскаго: 25, Woburn Place, Russel square, London; это, стало, у Шпая ³⁾. Зачѣмъ же всѣ Бакунина не предупредили?

«Крѣлокъ» получилъ. Ошибки есть, и варварскія. Кельсиеву ⁴⁾ это скажи, если увидишь.

◆ 1. 7 декабря 1866 г. министръ, вн. дѣлъ препроводилъ шефу жандармовъ прошеніе жившаго во Флоренціи отст. штабсъ-ротмистра Алексѣя Федоровича фонъ-Фрикена объ отстрочкѣ ему дальнѣйшаго пребыванія за границею на 5 лѣтъ. По свѣдѣніямъ III Отдѣленія, Фрикенъ состоялъ корресподентомъ «Современнаго Слова» и въ перепискѣ и дружбѣ съ Герценомъ. Въ 1861 г. выѣхалъ за границу; въ декабрѣ 1862 г. Герценъ писалъ ему: «Я отпускаю мою дочь въ Италию... она ѣдетъ для серьезныхъ студій; только потому я рѣшилъ отпустить ее. Поэтому сдѣлайте мнѣ дружескую услугу и отстраните, во-первыхъ, всю русскую колонію... Простите и впредь не предлагайте злодѣямъ нашихъ услугъ». Шефъ жандармовъ полагалъ въ просьбѣ Фрикену отказать. Въ мартѣ 1867 г. мать его, Анна Григорьевна, просила за сына, но также получила отказъ. 17 сентября 1868 г. Фрикенъ писалъ гр. Шувалову изъ Парижа: «Ваше сіятельство, вы были такъ добры, что позволили мнѣ писать вамъ, и я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы изложить вамъ мои обстоятельства и вмѣстѣ просьбу мою къ вамъ, я не могъ писать къ вамъ раньше, потому что вчера вечеромъ г. Ханыковъ передалъ мнѣ то, что вы сказали баронессѣ Schöpping о моемъ дѣлѣ. Въ январѣ 1866 г. я получилъ чрезъ русское импер. посольство во Флоренціи приглашеніе отъ г. министра вн. дѣлъ возвратиться въ Россію. Если я не явился тогда на вызовъ, то это потому, что нѣсколько дней послѣ полученія его сдѣлался женихомъ и въ слѣдующемъ маѣ былъ уже женатъ. Вхвать при подобныхъ условіяхъ въ Россію съ женой иностранкой, которая ни одной зимы не проводила внѣ Италиі, казалось мнѣ ужаснымъ, тѣмъ болѣе, что,

¹⁾ См. № 1881.

²⁾ См. № 1873.

³⁾ Spanish place.

⁴⁾ Читалъ тогда корректуру «Колокола».

сколько я могъ предвидѣть, мнѣ не въ скоромъ времени было бы снова возможно выѣхать изъ Россіи, но даже выбрать тамъ мѣсто жительства по своему желанію. Но я нисколько не отказался отъ мысли вернуться въ Россію и только ждалъ удобнаго случая, чтобы сдѣлать это. Въ чемъ состоитъ моя вина, это вы, конечно, знаете такъ же хорошо, какъ и я. Но мое знакомство съ А. И. Герценомъ, мои дружескія отношенія съ нимъ и его семействомъ никогда не имѣли политическаго характера; я могу по совѣсти сказать, что не участвовалъ никакимъ образомъ ни въ одномъ дѣлѣ, направленномъ противъ русскаго правительства. Мои сношенія съ Гарибальди и съ людьми партіи движенія въ Италіи я также не намѣренъ скрывать: но я пріѣхалъ въ Италію въ 60-мъ году въ эпоху самаго сильнаго увлеченія. Вы, вѣроятно, помните, какъ гремѣло тогда имя Гарибальди не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Не было туриста самаго невиннаго характера, который не горѣлъ бы желаніемъ поговорить съ этимъ легендарнымъ человѣкомъ; пожатіе его руки казалось верхомъ блаженства и становило на пьедесталь. Я же писалъ тогда письма въ русскіе журналы; понятно, что я искалъ сближенія съ Гарибальди и съ окружающими его людьми. Но я еще разъ повторяю, что не дѣйствовалъ противъ русскаго правительства. Впрочемъ, я готовъ отвѣчать и на другіе вопросы, которые вы сдѣлаете мнѣ. Увлеченія исчезли и вмѣстѣ съ этимъ измѣнился мой взглядъ на событія, на жизнь, на существующіе факты. Въ послѣдніе три года я вовсе не занимался политикой, а дѣломъ болѣе серьезнымъ: я изучалъ христіанскія древности, я писалъ сочиненіе о римскихъ катакомбахъ и о христіанскомъ искусствѣ первыхъ вѣковъ. Первая книга этого сочиненія уже готова, и я жду своего возвращенія въ Россію, чтобы напечатать ее. Василій Петровичъ Боткинъ, человѣкъ нѣсколько знакомый вамъ, мой покровитель въ этомъ дѣлѣ, принималъ на себя изданіе этого сочиненія ¹⁾.

«Что я теперь прошу у в. с., это вовсе не паспорта для дальнѣйшаго пробыванія за границей, а позволенія вернуться въ Россію не сейчасъ же, а весной, и если мнѣ будетъ назначено мѣсто жительства, то—разрѣшенія поселиться на югѣ Россіи, напримѣръ, въ Одессѣ. Могу ли я вернуться съ прежнимъ паспортомъ или долженъ я получить новый до весны, если вы позволите мнѣ остаться въ Италіи эту зиму,—это вы знаете лучше меня. Въ Россію я возвращусь во всякомъ случаѣ, даже и тогда, если получу отъ васъ

¹⁾ «Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства», ч. I, М., 1872, изд. Солдатенкова.

самый неутѣшительный отвѣтъ; я вернусь потому, что мысль полного отчужденія отъ своего отечества невыносима для всякаго русскаго; но отъ васъ зависитъ облегчить мнѣ мою судьбу и уменьшить искупленіе моихъ прежнихъ грѣховъ. Я прошу позволенія жить на югѣ Россіи, потому что жена моя едва ли будетъ въ состояніи переносить наши сѣверныя зимы; потому что я самъ десять лѣтъ живу въ тепломъ климатѣ и, наконецъ, потому что мои утомленные глаза не могутъ выносить холода. Если мнѣ сообщать срокъ, который я долженъ буду выжить въ Россіи до позволенія на время отлучиться за границу, то я сочту это большою милостью, не потому что я намѣренъ торговаться объ условіяхъ моего возвращенія, а чтобы устроить дѣла свои на болѣе или менѣе долгое время. Имѣніе жены моей остается за границей и, наконецъ, трудъ, о которомъ я говорилъ выше, я могу продолжать въ Россіи, только принявъ должныя мѣры; потому-то я желалъ бы знать, сколько времени я буду лишень права выѣхать изъ Россіи.

«Кончая это письмо, я не могу не напомнить вамъ одно обстоятельство, которое, можетъ быть, удивить васъ, покажется вамъ нескромнымъ и особенно неумѣстнымъ, но я почему-то надѣюсь, что оно поможетъ мнѣ обратить ваше вниманіе на мою просьбу: я былъ когда-то вашимъ товарищемъ въ Пажескомъ корпусѣ; м. б., прочитавъ эти строки, вы вспомните старое время, во многихъ случаяхъ лучшее время жизни, и сдѣлаете для меня что можно».

Возобновленіе паспорта и отсрочка возвращенія въ Россію весной были высоч. разрѣшены.

1 іюня 1869 г., прибывъ въ СПБ., Фрикенъ написалъ Шувалову, что жена его не могла ѣхать съ нимъ, и просилъ его принять его для объясненія своего положенія. При этомъ было приложено письмо отъ Валуева, въ которомъ сообщалось, что Фрикенъ служилъ въ Кирасирскомъ гатчинскомъ полку; хотѣлъ жениться на дочери Герцена, но женился потомъ на дочери шведскаго консула во Флоренціи, и что Валуевъ слышалъ чтеніе первыхъ двухъ главъ сочиненія, узналъ, что авторъ является ученикомъ Rossi, и не сомнѣвается, что, занявшись наукой, онъ отказался отъ своихъ прежнихъ увлеченій.

При свиданіи Фрикенъ спросилъ Шувалова только о томъ, будетъ ли ему разрѣшено съѣздить въ свое время за женой. Въ августѣ это было разрѣшено. 2 октября 1869 г. Фрикенъ писалъ управляющему III Отдѣленіемъ ген. Мезенцову изъ Флоренціи, что неожиданно для себя находится подъ надзоромъ и, прося снять съ него это ограниченіе, приложилъ письмо Василія Петровича Погген-

поля, бывшаго нашимъ дипломатическимъ агентомъ въ Тосканѣ. Послѣдній удостовѣрялъ, что, хотя Фрикенъ «былъ увлеченъ тогдашними итальянскими событіями и былъ знакомъ съ нѣкоторыми извѣстными по образу мыслей лицами, но никогда не участвовалъ ни въ какихъ революціонныхъ совѣщаніяхъ» и «не только не раздѣляетъ образа мыслей выше означенныхъ лицъ, но совершенно отрекся отъ прежняго своего увлеченія». Поггенполь также указалъ, что Фрикенъ «имѣлъ счастье прочесть введеніе своего ученаго сочиненія государынѣ вел. кн. Маріи Николаевнѣ, и ея имп. высочество поражены были ученостью его труда». Мезенцовъ помѣтилъ на письмѣ Фрикена: «Г. фонъ-Фрикенъ и его свѣтлостѣря перчатки мнѣ извѣстны; я только не понимаю, съ какой стати онъ во Флоренціи чувствуетъ себя подъ надзоромъ III Отдѣленія». Дѣйствительно, надзоръ за нимъ не учреждался (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3-эксп. 1866 г., дѣло № 148).

1867. Письмо къ сыну.

16 Іюня (1862).
Ventnor.

Сегодня я всталъ въ седьмомъ часу,—первый хорошій день. Что за безуміе, что мы живемъ въ Лондонѣ! Въ тишинѣ можно бы больше работать. Черезъ часъ или полтора мы ѣдемъ въ Cowes; завтра, думаю, вечеромъ ѣхать, ночевать въ Соутгамптонѣ и явиться къ вамъ въ среду утромъ... Если-бъ воля да умъ, остался бы въ Sevenoaks на мѣсяцъ.

До какой степени мнѣ досадно и жаль, что Огаревъ уѣхалъ, это нельзя сказать,—ну, хоть бы одинъ день. Кстати, что его нарывъ на щекѣ?

Я думаю и думаю о твоёмъ послѣднемъ письмѣ... Сегодня писать некогда: сборы, безвыходная исторія счетовъ и обманозъ: Вентноръ не то, что былъ. А, вѣдь, я до сихъ поръ не могу надивиться, какъ ты могъ нанять эту скверную квартиру, хотя бы и на одну недѣлю.

Полагаю, что писать ужъ будетъ не о чемъ, и потому всѣхъ васъ обнимаю.

Какъ идетъ дружба у Таты съ М-те Одеколонъ? Мальвидѣ кланяюсь. Ольгѣ привезу отрывокъ змѣи.

Здѣсь въ домѣ ограбили насъ, какъ въ лѣсу, — далеко превосходитъ многое изъ лондонскихъ цѣнъ. Хозяйка составила счетъ за недѣлю (безъ вина, содовой воды) въ слишкомъ 15 фунтовъ

и, разумѣется, пригнала все это къ тому, когда садиться въ карету.

1868. Письмо къ сыну.

(17 Юня 1862) Понедѣльникъ, 10 вечера.
Cowes, Gloucester Hotel.

Не знаю, что Гарибальди, но такой прогулки не удастся часто видѣть—здѣсь теплое лѣто, а мы-то корпимъ чертъ знаетъ гдѣ. Вѣроятно, у насъ будетъ вѣчный споръ съ Ог.: онъ будетъ имѣть море и звѣзды внутри, а я снаружи; онъ — меня упрекать въ эпикурействѣ abroad ¹⁾, я его—въ свинцѣ, въ abdomen ²⁾. Въ Соутгэмптонѣ мнѣ сказали ѣхать на Cowes и надули,—изъ Райда ближе. Теперь я въ пурпарле ³⁾ о цѣнѣ, сдерутъ вдвое; если же ждуть желѣзной дороги (каково развился Wightl), то потеряешь часовъ шесть. Вѣроятно, оттуда я проѣду въ Райдъ. Билетъ return ⁴⁾ я не взялъ. А Чернецкому не забудь сказать, что express въ Surbiton'ѣ не останавливался, и я былъ бы flambé ⁵⁾. Не понимаю, какъ Natalie не нравится здѣшній островокъ (Англія уголокъ); я нахожу, что это—одно изъ лучшихъ мѣстъ.

Ограбили, и я ѣду за 28 шилл.

7 часовъ утра.

Ѣду сейчасъ. Ночь спалъ скверно. Засимъ прошайте.

1869. Письмо къ Н. А. Серно-Соловьевичу.

Милостивый Государь Николай Александровичъ,

На письмо ваше, въ которомъ вы спрашиваете мое согласіе на изданіе моихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Россіи, — честь имѣю увѣдомить васъ, что я совершенно согласенъ на ваше пред-

¹⁾ Потустороннемъ.

²⁾ Въ брюхѣ.

³⁾ Pourparler—переговоры.

⁴⁾ Обратный.

⁵⁾ Разорень.

ложение. Слѣдующія деньги, т.-е. 10 процентовъ съ получаемой отъ продажи суммы, предоставляю моимъ дочерямъ.

Увѣдомляя васъ, Милостивый Государь, честь имѣю пребыть
вашимъ

покорнымъ слугою

Александръ Герцена.

8/20 іюня 1862.

Лондонъ,

Орсеттъ Гоусъ,

Вестборнъ Террасъ.

М. Г. Николаю Александровичу

Серно-Соловьевичу

въ

С.-Петербургъ.

1870. Приписка къ Н. А. Серно-Соловьевичу.

(20—24 іюня) 1862.

Кажется, рѣчь о нашемъ сбѣжавшемъ восточномъ пріятелѣ ¹⁾. Поклонитесь ему, это—преблагороднѣйшій человѣкъ; скажите ему, что мы помнимъ и любимъ его.

Прилагаю официальное письмо; если оно не такъ написано, я готовъ написать другое; 10⁰/₀ я поставилъ зря — уменьшайте и увеличивайте, дѣлайте, какъ знаете.

Чтобъ не забыть, прибавлю еще маленькую просьбу. Если вамъ нельзя, любезный другъ, самимъ пріѣзжать съ письмами, то пишите ихъ такъ, чтобы мѣжно было хоть половину разобрать. Мы мучились день цѣлый и то не все поняли. Вмѣсто воскресныхъ школь, я становлюсь... ²⁾.

Да вы не сердитесь.

А какова «Соврем. Лѣтоп.»? Вотъ я вамъ вылупилъ *хризиды* Кат. и Леонт.

Если скоро будетъ оказія, напишите. Знаете ли вы Г. Петца ³⁾? Онъ, кажется, очень хорошій и образованный человѣкъ.

Дайте вашу руку. У меня сегодня болитъ голова и потому написалъ одинъ вздоръ. Прощайте.

¹⁾ Налбандьянъ.

²⁾ Слово испорчено шнуркомъ, скрѣпляющимъ «дѣло».

³⁾ Григорій Григорьевичъ.

Мы готовы издавать «Совр.» здѣсь съ Черныш. или въ Женевѣ. Печатать предложеніе объ этомъ?

Какъ вы думаете?

1871. Письмо къ Н. А. Огаревой.

21 іюня (1862).
Orsett House.

Что за кашель у Лизы? И получили ли поясъ и лепешечки?—вчера я посылалъ. Послали мы также и ипекакуанный рецептъ. Пиши же тотчасъ о кашлѣ.

Я сбить съ ногъ: портретъ, Голынский (который далъ 1,000 фр. для Б. ¹⁾), ¹ Браницкій, Клячко, русскихъ безъ числа, письма, статьи... М-me О'Коннель—замѣчательный талантъ. Если-бъ она могла Татѣ передать свою дѣятельность... Она толстая, à la Tatiana Petr. ²⁾ дама лѣтъ 40, и жива, и работаетъ 10 часовъ въ день. Вчера былъ первый сеансъ, отъ $\frac{1}{2}$ 9 до 12, сегодня—второй, и еще два. Когда я вчера взошелъ, она едва выслушала два слова и отвѣчала: «Je suis très heureuse de faire votre portrait — veuillez-vous asseoir—un peu à droite—c'est à cela—commençons» ³⁾. Съ послѣднимъ ударомъ кисти она говоритъ: «Vous êtes libre» ⁴⁾—и идетъ. Рисуетъ, со смѣлостью страшной.

Съ Писемскимъ и Коршемъ ⁵⁾ были сильныя и сильно неприятныя объясненія. Отъ Кавелина длинное письмо, добродушное,—его жаль. Но остальные—и «съ богомъ, въ дальнюю дорогу» ⁶⁾.

M-me Meys. печалится о томъ, что Мотелессъ и О'Коннель говорятъ рѣшительно, что дѣлать Татѣ нечего въ Италиі, а ѣхать или въ Парижъ или въ Антверпенъ, а О'Коннель просто прибавляетъ, что и въ Лондонѣ есть всѣ средства.

Мнѣ отъ этого не легче, потому что все такъ же впереди гумань.

Трюбнерова квартира оказывается цѣлымъ домомъ съ садомъ; на сей разъ Тхорж. ничего не отыскалъ. Погоди еще немного въ

¹⁾ Бакунинъ.

²⁾ Татьяна Петровна Пассекъ.

³⁾ Я очень счастлива, что буду рисовать вашъ портретъ—присядьте, пожалуйста—немного правѣе—такъ—начинаемъ.

⁴⁾ Вы свободны.

⁵⁾ Валентинъ Федоровичъ.

⁶⁾ «Похоронная пѣснь» Пушкина.

Cowes. Кельсіева поѣдетъ тоже въ Cowes; ты могла бы выпросить о квартирѣ, — она будетъ съ нянькой, и имъ довольно двухъ комнатъ.

Погода здѣсь ужасная.

Пожары въ Россіи идутъ своимъ чередомъ. Ждемъ газеты всякій день съ трепетомъ.

Прощай. Лизу крѣпко—такъ ей и скажи—очень крѣпко цѣлую. А что дѣвочка и не дѣвочка? ¹⁾

Объ мантильѣ Лизы мы напишемъ, ты лучше не пиши. Письмо ея хозяина ужасно грубо. (Что ей сказала такое?). А, вѣдь, если она не лжетъ, хороши и вы всѣ, что не нашли мантильи.

Пиши же о здоровьѣ Лизы.

◆◆ 1. 11 июня 1848 г. Яковъ Толстой донесъ III Отдѣленію, что доходившій до отчаянія отъ недостатка средствъ Иванъ Головинъ былъ выведенъ изъ этого положенія «богатымъ помѣщикомъ Могилевской губ. Александромъ Викентьевичемъ Голынскимъ, принявшимъ его къ себѣ и доставившимъ ему средства къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ». По справкѣ, наведенной у могилевскаго ген.-губернатора, было установлено, что Голынскій выѣхалъ за границу съ давняго времени и съ тѣхъ поръ не возвращался; что «имѣнія за нимъ никакого по губерніи не состоитъ и объ образѣ мыслей, равно и нравственныхъ качествахъ его и жизни никому тамъ неизвѣстно». 21 сент. 1853 г. Толстой писалъ Сагтынскому, что Голынскаго онъ «зналъ лично и не колеблется объявить, что онъ чрезвычайно опасенъ». «Въ 1847 г. онъ долженъ былъ оставить Парижъ, вслѣдствіе дѣла объ игрѣ, не дѣлавшей ему чести и отправился путешествовать въ Америку; во время революціи 1848 возвратился въ Парижъ и вошелъ въ сношенія съ демократическою партією, давалъ жалованье Ивану Головину и принималъ участіе въ клубѣ социалистовъ. Имя его даже было напечатано и прибито къ стѣнамъ въ Парижѣ, какъ члена демагогическаго общества. Чрезъ это въ 1849 г., во время министерства Леона Фоше велѣно было его изгнать; онъ былъ высланъ изъ Франціи вмѣстѣ съ его другомъ Головинымъ. Я его видѣлъ въ проѣздѣ его въ Гаврѣ, и тамъ еще въ заведеніи Фраскати (игорный домъ) онъ громко клеветалъ самыми возмутительными словами и проносилъ самыя гадкія ругательства противъ Россіи и своего августѣйшаго монарха, до того, что гаврскій полицейскій комиссаръ приказалъ ему оставить городъ и немедленно отправиться въ

¹⁾ Елена и Алексѣй.

Англию». При письмѣ Толстого было приложено анонимное за подписью «Х», гдѣ Голынской характеризованъ, какъ «полякъ, примѣчательный по жестокости его враждебныхъ дѣйствій противъ всего, что есть русское, и по своей настойчивости въ дѣйствіяхъ»; «предать себя оскорбленіямъ особы е. и. в., ничего ему не значить; для этого онъ не жалѣетъ трудовъ, денегъ и путешествій; если бы у него была смѣлость, онъ готовъ бы былъ посягнуть на жизнь е. величества... Кошелекъ его открытъ для всѣхъ враговъ государя императора и для всѣхъ, которые хотѣли писать клеветы противъ монарха». Анонимъ прибавилъ, что Голынской собирается тайно прѣхать въ Россію, чтобы обратить въ деньги вновь купленные имъ помѣстья. Виленскій ген.-губ. Бибииковъ добавилъ, что на стр. 109 изданнаго въ Парижѣ въ 1837 г. альманаха о Польшѣ показанъ Александръ Голынской изъ Подоли, находившійся во Франціи, въ г. Монпелье (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1848 г., дѣло № 298).

1872. (Зарево).

Вѣсти изъ Петербурга исполняютъ душу какимъ-то ужасомъ ожиданія и боли. Что это за огненная чаша страданій идетъ мимо насъ?! Огонь ли это безумнаго разрушенія, кара ли, очищающая пламенемъ?... Да развѣ недовольно было несчастій и каръ?... И что довело людей до этого средства? и кто эти люди? Какія тяжелыя минуты отсутствующему, когда, обращаясь туда, гдѣ вся любовь его, все, чѣмъ живетъ человѣкъ, онъ видитъ одно нѣмое зарево. ¹

◆◆ 1. Когда Герценъ писалъ эти строки, онъ еще не зналъ, что проходило русское общество въ тѣ дни.

И до 1862 г. горѣла деревянная и соломенная Россія, горѣлъ и Петербургъ (напр., въ 1860 г.), но тогда не было того страшно напряженнаго и, что главное, — утомленнаго состоянія общественнаго настроенія... 16 мая начались пожары въ СПб. и продолжались почти три недѣли. Здѣсь не мѣсто останавливаться на нихъ; скажу только, что, по словамъ современниковъ, впечатлѣніе, производимое этимъ бѣдствіемъ, и паника были поразительны. За нѣсколько дней до того въ обѣихъ столицахъ появилась прокламація Центрального Революціоннаго комитета, называвшаяся «Молодая Россія», — первая очень радикальная прокламація, совершенно не считавшая возможнымъ какіе бы то ни было компромиссы съ правительствомъ (объ этомъ дальше особо). Никому не было дѣла до того, что Централь-

наго Революціоннаго комитета тогда не существовало, что и порицаемый прокламаціей Герценъ и радикаль Чернышевскій вмѣстѣ съ своими единомышленниками относились къ листку отрицательно.

«Она вышла наканунѣ пожаровъ—«лѣвая» интеллигенція виновата въ нихъ! студенты—вотъ поджигатели!» кричала масса, а за нею и часть печати: «Сѣверная Пчела», «Наше Время», «Домашняя Бесѣда», «Современная Лѣтопись» и tutti quanti. Замѣчу, кстати, что въ первой изъ названныхъ газетъ особенно пламенно выступилъ Н. С. Лѣсковъ (№ 143), призывавшій полицію образумить молодежь... Какъ только узнали, что авторъ неподписанной редакционной статьи—онъ, такъ вся лучшая часть литературы отвернулась отъ «господина полицмейстера» (такія способности признавалъ въ себѣ самъ Лѣсковъ—см. «Поминку» по немъ Фаресова въ «Книжкахъ Недѣли» 1896 г., III), и съ этого момента имя Лѣскова-Стебницкаго стало уже чуждо прогрессивной литературѣ. Какъ увидимъ, даже Кавелинъ раздѣлялъ его нелѣпое мнѣніе.

Реакціонная печать въ нѣсколько дней сыграла громадную роль и сумѣла устроить даже такихъ людей, которые еще 15 мая совершенно ея не читали. Правительство, въ лицѣ Валуева, кн. В. А. Долгорукова, Адлерберговъ и пр., сумѣло использовать общественное возмущеніе, если не само же провокаторски и создало пожары... Дѣло реформъ было погублено.

Въ припахивающихъ III Отдѣленіемъ очеркахъ «Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные русскіе дѣятели», изданныхъ въ 1862 г. въ Берлинѣ В. Вегг'омъ (Е. Воск), Герценъ прямо былъ обвиненъ въ организаціи поджоговъ. «Дѣятели ваши теперь разбѣжались; они знаютъ, чего имъ ожидать отъ разореннаго народа; но судъ правильный разберетъ ихъ дѣла и, конечно, воздастъ достойное виновнымъ. Много будетъ жертвъ, но будьте покойны, Александръ Ивановичъ, за вашимъ крѣпкимъ угломъ, ваше мѣсто на сей разъ даетъ вамъ возможность съ улыбкою смотрѣть на гибель безпримѣрно разореннаго народа, во имя котораго вы полагаете благоденствовать.. Сколько бѣдствій вышло отъ вашихъ ученій, съ вашимъ краснорѣчивымъ, но ядовитымъ словомъ; вы, конечно, убили науку, ибо вы лишили молодыхъ людей спокойствія, необходимаго для умственной работы, не испытавъ сами тѣхъ бѣдствій, съ которыми мы столь практически ознакомились чрезъ ваши дѣйствія и которыя, наконецъ, формируютъ ваше убѣжденіе» и т. д. (главы IV и V).

Вскорѣ послѣ пожаровъ, въ Берлинѣ, при содѣйствіи русскаго посольства, были изданы двѣ литографіи, получившія тогда въ Россіи достаточное распространеніе. Одна изъ нихъ называется «Прозекъ

памятника предположеннаго воздвигнуть на бывшемъ Толкучемъ Рынкѣ», другая—«Скоты-дѣятели». Обѣ исполнены граверомъ Г. Линкѣ и отпечатаны von Mieller. На первой на переднемъ планѣ изображенъ памятникъ въ видѣ большого прямоугольнаго постамента, на которомъ стоитъ Герценъ, держащій въ правой рукѣ топоръ, въ лѣвой—дымящуюся головню; надпись на постаментѣ: «Искандеру. Разоренный народъ 1862, 28 мая». На заднемъ планѣ пылающій рынокъ, обезумѣвшій народъ, купцы и пр. Полицейскій, держа за руку мужика, укоризненно показываетъ ему на памятникъ. Вторая литографія въ другомъ родѣ. Въ колымагу, съ верхомъ отъ дождя, впряжена пара въ дышло—Огаревъ и, вѣроятно, Бакунинъ, больше похожій на В. С. Курочкина, что было сдѣлано врядъ ли не умышленно; за кучера сидитъ на разбитомъ колоколѣ жирный котъ съ лицомъ Герцена; въ колымагѣ на соломѣ, въ арестантскихъ халатахъ, сидятъ М. И. Михайловъ, В. А. Обручевъ и третья фигура, лицо которой почти не видно; сзади идетъ обезьяна съ лицомъ П. В. Долгорукова, держащая въ рукахъ его изданія; у Долгорукова и Герцена надѣты тяжелыя сумки съ надписью: «польза ругательства». Вдали пылающій городъ.

Валуевъ съ чувствомъ исполненнаго долга докладывалъ государю въ 1864 году: «Опустошительные пожары, происходившіе въ Петербургѣ въ послѣднихъ числахъ мая 1862 года, послужили *поводомъ* къ принятію новыхъ мѣръ для огражденія общественной безопасности и вмѣстѣ съ тѣмъ произвели сильное нравственное впечатлѣніе не только на жителей столицы, но и на всю Россію. Ясно было, что пожары происходили отъ поджоговъ. Не менѣе явною *казалась* связь между поджигателями, старавшимися распространить смятеніе и неудовольствіе въ народѣ путемъ матеріальныхъ опустошеній, и тѣми другими преступниками, которые усиливались возжечь нравственный пожаръ правительственнаго и соціальнаго переворота. Несмотря на неудачу или неполный успѣхъ полицейскихъ изслѣдованій, здравый смыслъ народа не усомнился въ этой связи. Чуткое чувство самосохраненія возбудило другія чувства, которымъ *слѣдовало бы* пробудиться и ранѣе майскихъ пожаровъ. Въ эту эпоху совершился первый благоприятный переворотъ въ общественномъ мнѣніи; затихли похвалы, которыя, несмотря на возмутительное зрѣлище университетскихъ безпорядковъ, упорно приносились недоучившейся и вовлеченной въ преступныя заблужденія молодежи ¹⁾; въ нѣкоторыхъ литературныхъ

¹⁾ 19 мая министръ просвѣщенія Головинъ писалъ III Отдѣленію: «Вслѣдствіе всепод. доклада моего о статьѣ г. Чернышевскаго подъ заглавіемъ «Научились ли», помѣщенной въ № 4 за сей годъ «Современника», я, въ

органахъ стала замѣтною перемѣна направленія; наконецъ, въ нихъ появились прамые протесты противъ измѣническихъ дѣйствій нашихъ заграничныхъ агитаторовъ, до тѣхъ поръ пользовавшихся въ Россіи непостижимымъ кредитомъ. Всѣ почувствовали, что для спасенія общества и государства нужны были энергическія правительственныя распоряженія, и въ то время, сколь бы ни были рѣшительны мѣры, принятыя правительствомъ, онѣ бы всѣ были встрѣчены почти всеобщимъ сочувствіемъ» (всепод. отчетъ мин. вн. дѣлъ за 1861—63 гг., архивъ П. Я. Дашкова). Подчеркнутыя слова какъ-то поневолю возстановляютъ въ памяти мнѣніе, что пожары были дѣломъ рукъ самого Валуева и III Отдѣленія.

Неоцѣненный сподвижникъ министра вн. дѣлъ, сумѣвшій провести своимъ двуличнымъ поведеніемъ почти все современное ему либеральное общество, министръ народнаго просвѣщенія Головинъ писалъ конфиденціально Валуеву 23 -апрѣля: «Мнѣ говорили, что родственники нѣкоторыхъ студентовъ предлагали имъ деньги для поѣздки за границу и что молодые люди отказались, говоря, что они должны провести лѣто здѣсь; что вообще они ведутъ себя странно, избѣгаютъ родныхъ и, очевидно, заняты чѣмъ-то, что скрываютъ. Я убѣжденъ, что лѣтомъ или осенью будутъ уличные безпорядки и что студенты суть орудіе незвѣстныхъ мнѣ лицъ. Мнѣ кажется, что было бы необходимо ввести здѣсь теперь же съ нѣкоторыми перемѣнами правила о полицейскихъ судахъ, данныя литовскимъ губерніямъ. Я пишу объ этомъ кн. Долгорукову и кн. Суворову. Подумайте, пожалуйста, серьезно» (архивъ П. Я. Дашкова). Приведенныхъ документовъ достаточно любому историку (кромя, развѣ, упорно кадетствующимъ), чтобы оцѣнить Головина.

исполненіе высоч. повелѣнія, предписалъ вмѣстѣ съ симъ по цензурѣ мин. нар. просвѣщенія, чтобы обвиненія и оправданія студентовъ Спб. университета въ бывшихъ въ Спб. безпорядкахъ допускались впредь къ печати въ періодич. изданіяхъ только въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, а черезъ 10 дней сдѣлаю распоряженіе о прекращеніи вовсе появленія въ печати статей подобнаго содержанія, такъ какъ онѣ возбуждаютъ раздраженіе и не содѣйствуютъ къ водворенію порядка» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 61).

1873. Дурныя оружія.

Hamlet. One!
Laertes. No!
Hamlet. Judgement! ¹⁾

Вотъ какія времена пришли: нашъ *монологъ* становится мало-по-малу *диалогомъ*. Продолжая говорить и говорить безъ отвѣта, мы договорились-таки до того, что начальство разрѣшило насъ упоминать, намъ отвѣчать, насъ бранить. Спасибо и на томъ.

«Современная Пѣтопись» (№ 20) ударила насъ своей учительской линейкой, но сгоряча чуть ли не погрѣдила себѣ больше, чѣмъ намъ. Говорятъ, что, если хочешь узнать характеръ знакомаго, то надобно посмотрѣть на него, когда онъ проигрываетъ въ карты. Не всѣ игроки, да еще поди жди проигрыша, а сердятся всѣ; стоитъ посмотрѣть на человѣка, *какъ* онъ сердится, *какъ* онъ даетъ отместку, *какими* оружіями нападаетъ, мститъ,—и сейчасъ узнаешь, левъ ли это заносящій лапу и готовый разорвать, осель ли, отвѣчающій копытомъ, да и то повернувшись заломъ, или звѣрь, который обороняется вонью... Примѣръ животныхъ, впрочемъ, не идетъ: средства ихъ очень ограничены, судьба ихъ лишила мощныхъ человѣческихъ орудій—доноса и клеветы. Животное царство не имѣетъ Третьяго отдѣленія скотнаго двора.

Статья наша «Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма» попала въ цѣль. Сенаторы разсердились, и разсердились, какъ слѣдуетъ сенаторамъ, не римскимъ, а московскихъ департаментовъ, т. е. до потери сознанія *о добротѣ и злѣ* средствъ, ими употребляемыхъ. Что избалованные люди, привыкнувшіе себя считать неприкосновенными статсъ-дамами общественнаго мнѣнія, разсердились за нашъ совѣтъ заниматься *математикой* и не тормозить мертвящей схоластикой юные порывы просыпающейся страны,—это понятно: что ученый гнѣвъ ихъ разразился тяжело и тупо,—и это въ порядкѣ вещей. Но что насъ удивило, это—неразборчивость средствъ, это отсутствіе того такта, того декорума, того нравственнаго чутья, по которому человѣкъ никогда не беретъ за нѣкоторыя оружія. Какъ могли они подъ влияніемъ раздраженнаго самолюбія склониться до полицейской лужи и съ ея дна брать камень для своей пращи, какъ будто они не знаютъ,

¹⁾ Гамлетъ. Разъ!
 Лаэртъ. Нѣтъ!
 Гамлетъ. Пусть судятъ!

что оттуда никвда не добросишь, а камень падаетъ назадъ? Какъ могли они подогрѣть обвиненія Елагина и повторить остроумныя замѣчанія III Отдѣленія?

Насъ этимъ они не оскорбили, но пусть посмотрятъ на свои руки,—чисты ли онѣ.

«Неужели суждено (говорить «лѣтописецъ») еще продлиться этому анархическому состоянію общественнаго мнѣнія, этому положенію вещей, въ которомъ раздраженныя и разлаженныя общественныя силы сталкиваются между собою, парализируя себя взаимно и предоставляя агитировать кому вздумается, какому-нибудь *свободному артисту* ¹⁾, который уже серьезно воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, рѣшителемъ его судьбы, распорядителемъ его владѣній и, дѣйствительно, вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ углахъ русскаго царства, и самъ, сидя въ безопасности за спиною лондонскаго полисмена, для своего развлечения высылаетъ ихъ на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью, да еще не велитъ «сбивать ихъ съ толку» и «не говорить ему подъ руку». Кто этому острослову, «выболтавшемуся вонъ» (*sit venia verbo* ²⁾) изъ всякаго смысла,—кто даетъ ему эту силу и этотъ призракъ власти? Не даромъ же воображаетъ онъ себя Цезаремъ, презрительно ожидающимъ своихъ Брутовъ и Кассіевъ, и, наконецъ, «мессіей въ ясляхъ». Легко смѣяться надъ безобразіемъ и безуміемъ; но явленіе, котораго мы коснулись, не смѣшно, а прискорбно. Въ этомъ Цезарѣ и въ этомъ мессіи читаемъ мы ясно свое собственное безобразіе. Можетъ быть, намъ удастся поговорить нѣсколько подробнѣе объ этомъ ³⁾; но мы не можемъ не замѣтить, что должно же быть въ настоящемъ порядкѣ вещей что-нибудь радикально неправильное, если оно дѣлаетъ возможными подобныя явленія»...

Мы обращаемся прямо къ совѣсти издателей «Современной Лѣтописи» и спрашиваемъ ихъ: *кого же это, когдa*, при какомъ случаѣ погубилъ нашъ совѣтъ, кого свелъ въ казематы и Сибирь? Намъ достаточно одного имени. Если издатели не могутъ назвать его (*по обстоятельствамъ, отъ редакціи не зависящимъ*), пусть назовутъ его самимъ себѣ... для насъ и этого довольно. Если рѣчь идетъ о Михайловѣ, то неужели вы, публицисты, журналисты, оста-

¹⁾ Должно быть, это—какое-нибудь новое ругательное слово; можетъ, это значить воръ, доктринеръ или шулеръ? Ей богу, не знаемъ А. И. Г.

²⁾ Съ позволенія сказать.

³⁾ Обращаю вниманіе на этотъ намекъ о близости появленія нашумѣвшей позже «Замѣтки» Каткова.

лись при первыхъ выдумкахъ, при *юлубыхъ* ¹⁾ уткахъ и московскихъ сплетняхъ? Его исторія теперь извѣстна, она не тайна съ тѣхъ поръ, какъ несчастный Михайловъ на каторгѣ... Да, можетъ, вы такъ сказали, для тѣни, а жандармы-то въ III Отдѣленіи радуются и ликуютъ, ударяя въ шпоры сладкогласныя!

Далѣе, чему вы обрадовались чужой остротъ, что я считаю себя Цезаремъ? Какъ же вы-то сами, Цицероны, не поняли всю нелѣпость этой уловки, надъ которой въ первый разъ можно было улыбнуться, а во второй нельзя даже зѣвнуть? Нѣтъ, господа, вы дурно сердитесь... И мы вамъ совѣтуемъ всего прежде успокоиться, дать улечься дурнымъ сокамъ, поднимающимся съ кровью въ вашу голову, и потомъ отвѣчать. А то посмотрите, вы въ азартъ не понимаете простого смысла фразъ; скажите на милость, можно ли человѣку, *сохранившему* здравый смыслъ, прибавить къ чужому Цезарю свою чушь объ яслахъ ²⁾. Нѣтъ, господа, вы не умно сердитесь!

По словамъ вашего предшественника Елагина, вы толкуете съ упрекомъ о томъ, что мы сидимъ *безопасно въ Лондонѣ за спиною полисмена*. Почему же полисмена, ученики Елагина, но и ученики Гнейста ³⁾? Почему же не за спиной свободной англійской конституціи? Отчего это, когда вы писали вашу статью, васъ все безпокоили полицейскіе образы и тѣни?

Итакъ, вы, подцензурные литераторы, журналисты въ колодахъ, вы, въздыхающіе о свободѣ книгопечатанія,—вы представляете актомъ самосохраненія нашу дѣятельность въ Лондонѣ, вы представляете трусостью, что русское свободное слово раздалось въ первый разъ, когда вы всѣ повѣсили носъ и притихли, какъ пойманные школьники въ худшее время николаевского террора... И что за наивное непониманіе, что свободное слово только и могло раздаться тамъ, гдѣ (употребляя ваше выраженіе) спина полицейскаго ограждаетъ человѣка отъ дикой, власти, а не тамъ, гдѣ спина

¹⁾ То-есть исходящихъ отъ жандармовъ.

²⁾ Дѣствительно, намъ приходится сомнѣваться въ добросовѣстности или въ здоровомъ смыслѣ ученыхъ редакторовъ «Лѣтописи»; въ заключеніи моей статьи сказано: «Вы еще ждете Мессію по *писаніямъ*, въ церковномъ облаченіи, въ сіянии и торжествѣ, въ сопровожденіи самого Молиари... а онъ родился опять въ *овчарнѣ*. Мы согласны съ вами,—что за мѣсто для потомка царя Давида въ ясляхъ?».

И это, будто, они приняли за то, что я говорю о себѣ! А. И. Г.

³⁾ Знаменитый нѣм. ученый, поклонникъ англійскаго государственнаго строя; органъ московскихъ профессоровъ «Русскій Вѣстникъ» въ первую эпоху своего существованія такъ же заявилъ себя поклонникомъ англійской конституціи и, въ частности, послѣдователемъ Гнейста

профессоровъ гнется передъ политическимъ начальствомъ, прося его о присылкѣ дикой власти въ университетъ?

Вамъ не нравится то, что мы печатаемъ за-границей, — отчего же вы сами не печатаете? Если мы ошибались, отчего вы не возражали намъ? Если мы сбивались съ пути, отчего вы намъ не указывали его?.. Намъ кажется, что свободная рѣчь, какъ чистый воздухъ чахоточному, слишкомъ рѣзка для васъ. То ли дѣло съ сурдинкой, съ *важнымъ* невысказываемымъ, съ намекомъ на какую-то глубь премудрости... «Отворите мнѣ темницу, отнимите мнѣ цензуру и посмотрите, что за гималайская манна словъ посыплется на васъ...» Ну, какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, господа, назовете свободу книгопечатанія?.. вѣдь, бѣда!

На первый случай довольно; впрочемъ, еще одно слово, и я не буду больше отнимать ваше драгоценное для *математики* время. Вы, кажется, предполагаете, что я изъ фанфаронства выдумалъ или изъ безумнаго самолюбія повѣрилъ шуткѣ и въ силу того предалъ общественному позору угрозы полицейскихъ Брутовъ и Кассевъ? Если вы *думаете такъ* (знать навѣрное вамъ нельзя, потому что для этого надобно имѣть знакомство съ III Отдѣленіемъ вообще и съ Шуваловымъ въ особенности, чего, боже сохрани), то не хотите ли убѣдиться въ противномъ? *Именно теперь* я могу указать вамъ *одинъ изъ путей*, по которому я получилъ извѣщеніе, и лицо, *въ высочайшмъ нравственно-мъ достоинствѣ котораго вы не сомнѣваетесь* ¹⁾, можетъ вамъ сказать, была ли это шутка или нѣтъ.

Хотите?

20 іюня 1862 г. ¹

◆◆ 1. Послѣ рѣдкаго по своей быстротѣ и рѣшительности поворота массы русскаго общества въ реакцію вслѣдъ за петербургскими пожарами, Катковъ отвѣчалъ Герцену съ еще большей разнузданностью:

«Недавно случилось намъ упомянуть о русскихъ агитаторахъ, проживающихъ комфортабельно за морями; развѣ то, что они дѣлаютъ, не тѣ же поджоги? Или они такъ невинны, что не понимаютъ, къ чему клонятся ихъ манифесты? Или они думаютъ, что возбуждать стихійныя страсти, которыя такъ же мало разбираютъ свои жертвы, какъ и пожары, которыя также сопровождаются всеобщими бѣдствіями, падающими на бѣдныхъ и богатыхъ, на

¹⁾ И. С. Тургеневъ, — сотрудникъ «Русскаго Вѣстника».

честныхъ и безчестныхъ и еще болѣе на первыхъ—не значить поджигать, особенно, когда проповѣдники живутъ весело въ сторонкѣ и еще менѣе обыкновенныхъ поджигателей рискуютъ своей особой? Развѣ это не одно и то же? Развѣ это еще не хуже? Развѣ нельзя ожидать всего отъ людей, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ? Люди, потерявшіе живое чувство и смыслъ дѣйствительности, способны на все. Невольники поджигали Капитолій, но Римъ поджигали также и обезумѣвшіе артисты, съ тѣмъ, чтобы полюбоваться великолѣпнымъ спектаклемъ и подразнить свою притупленную чувственность. Люди, загубившіе свой умъ и сердце въ фразѣ, люди, потерявшіе способность что-нибудь дѣйствительно почувствовать и о чемъ-нибудь серьезно подумать, способны на всякіе эксперименты, не хуже неосмысленныхъ ребятишекъ.

«Наши заграничные *réfugiés* (мы хорошо знаемъ, что это за люди) находятъ, что Европа отжила свое время, что революціи не удаются въ ней, что въ ней есть много всякаго хлама, препятствующаго прогрессу, какъ, напримѣръ: наука, цивилизація, свобода, права собственности и личности,—и вотъ они возымѣли благую мысль избрать театромъ для своихъ экспериментовъ Россію, гдѣ, по ихъ мнѣнію, этихъ препятствій нѣтъ или гдѣ они недостаточно сильны, чтобы оказать успѣшный отпоръ. Они пишутъ и доказываютъ, что Россія есть обѣтованная страна коммунизма, что она позволяетъ дѣлать съ собою, что угодно, что она стерпитъ все, что оказалось нестерпимымъ для всѣхъ человѣческихъ цивилизацій. Они увѣрены, что на нее можно излить полный фіалъ всѣхъ безумствъ и всѣхъ глупостей, всей мертвечины и всѣхъ отсѣдовъ, которые скоплялись въ разныхъ мѣстахъ и отовсюду выброшены, что для такой операціи время теперь благопріятно и что ненадобно только затрудняться въ выборѣ средствъ. Всѣ эти прелести съ разными гримасами появлялись въ русскихъ заграничныхъ листкахъ,—всѣ онѣ воспроизводятся и развиваются въ подметныхъ прокламаціяхъ, которыя появляются въ самой Россіи и которыя были бы невозможны нигдѣ, кромѣ Россіи. Да, рабскіе инстинкты, нравственное несовершеннолѣтіе творятъ чудеса; они дѣлаютъ возможнымъ, что было бы невозможно нигдѣ. Благодаря имъ, даже скорбный поэтъ Огаревъ попалъ въ пророки. *Еда и Саулъ во процѣхъ?*

«Малолѣтство ума, не привыкшаго дѣйствовать, причиною того, что самыя чудовищныя и самыя бессмысленныя вещи выслушиваются и принимаются, какъ нѣчто серіозное; въ пассивныхъ умахъ ничто, ни дурное, ни хорошее, ни смыслъ, ни бессмыслица, не возбуждаютъ никакой дѣятельности разбирающей, оцѣнивающей,

усвояющей, отвергающей; все сваливается въ одну глупую груду, а инстинкты рабства готовы покорствовать всякому возбужденію, всякому велѣнію.

«Но отъ слова до дѣла еще огромный шагъ, и мы все еще не хотимъ вѣрить, чтобъ этотъ шагъ былъ совершенъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не замѣтить утѣшительныхъ признаковъ, которые обнаруживаются съ одной стороны въ спокойствіи и твердости правительства, съ другой — въ энергической нравственной реакціи, которую, наконецъ, обнаруживаетъ общество противъ всѣхъ тѣхъ пряностей, которыми потчевали его, разсчитывая на его неразборчивость и паралитическое состояніе. Всего опаснѣе были бы такія мѣры, которыя клонились бы къ стѣсненію этой возбудившейся въ обществѣ жизни и которыя, имѣя въ виду подавить зло, стали бы поддерживать и усиливать условія, благопріятствующія злу. Что производитъ зло, наука ли, энергія ли общественнаго мнѣнія, свобода ли? Наука ли можетъ быть виною того возмутительнаго невѣжества, того искаженія смысла, той одичалости, которыя высказываются въ издѣліяхъ тайныхъ типографій? Живое ли развитіе общественныхъ интересовъ виною той безхарактерности, съ которою все у насъ выслушивалось безъ малѣйшаго отпора, а еще съ благодушнымъ умиленіемъ? Свобода ли была виною этихъ рабскихъ инстинктовъ, которые проглядываютъ въ складѣ мыслей у нашихъ умниковъ? Честная ли печать овладѣваетъ во мракѣ невинною молодежью, растлѣвая ее во всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ основахъ, обманывая и обольщая ее и трактуя ее, какъ *chair à saop*, какъ матеріаль для своихъ экспериментовъ и орудіе для своихъ замысловъ? Когда наука получить у насъ все должное ей уваженіе и силу, когда она дастъ новую лучшую жизнь нашимъ гимназіямъ и университетамъ, тогда станетъ невозможнымъ это недостойное положеніе, въ которомъ находится наше юношество, тогда оно не дастся въ руки всякому интригану и плуту; когда у насъ будетъ самоотвѣтственная печать, тогда потеряютъ значеніе заграничныя типографіи; когда у насъ будетъ вполнѣ правильный судъ съ присяжными и со всѣми гарантіями, тогда исчезнутъ такъ называемыя жертвы, хотя кары будутъ рѣшительны и грозны; когда общественнымъ интересамъ будетъ дана надлежащая сила и значеніе, когда праву собственности, незыблемому и безспорному въ своихъ основаніяхъ, будетъ дано все принадлежащее ему вліяніе,—тогда прекратится безхарактерность мнѣній и безучастіе къ общественному дѣлу. Тогда только превратится въ смѣшное воспоминаніе тотъ чудовищный, поразительный фактъ, оскорбляющій теперъ до послѣдней глубины наше народное

чувство, — тотъ фактъ, что нѣсколько господъ, которымъ нечего дѣлать, нѣсколько челоуѣкъ неспособныхъ контролировать свои собственныя мысли, считаютъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами народа съ тысячелѣтнею исторіей (бѣдный тысячелѣтній народъ, за что суждено тебѣ такое униженіе?), предписывая законы его неучащейся молодежи и его недоученымъ передовымъ людямъ. Въ далекой перспективѣ воспоминанія станетъ также смѣшонъ, а не отвратителенъ этотъ осторожный и благоговѣйный тонъ, съ которымъ говорятъ у насъ о вышеупомянутыхъ законодателяхъ даже тѣ изъ нашей пиущей братіи, которые въ душѣ или исподтишка осмѣливаются роптать и негодовать на нихъ.

«Кстати припоминается намъ теперь слово, сказанное когда-то нынѣшнимъ императоромъ французомъ, когда онъ еще былъ президентомъ республики, — слово, которое имѣло бы еще большее значеніе, еслибъ оно болѣе оправдывалось дѣломъ тамъ, гдѣ было сказано: «Le meilleur moyen de réduire à l'impuissance ce qui est dangereux et faux, c'est d'accepter ce qui est vraiment bon et utile... Hâtons-nous; le temps presse; que la marche des mauvaises passions ne devance pas la nôtre!» ¹⁾ («Соврем. Лѣтопись Рус. Вѣстника» 1862 г., № 23, 6 іюня).

Черезъ недѣлю, 13 іюня, цензурные комитеты получили отъ Головина извѣщеніе: «Государь императоръ, обративъ вниманіе на статью, помѣщенную въ послѣднемъ номерѣ «Соврем. Лѣтописи Рус. Вѣстника» и начинающуюся словами: «Наши заграничные réfugiés», изволилъ, между прочимъ, отмѣтить: «Весьма хорошая статья».

Резолюція, собственно, тутъ не вся; дальше слѣдовалъ еще вопросъ: «Кѣмъ она написана?», на который московскій цензурный комитетъ отвѣчалъ указаніемъ на Каткова. 21 іюня объ этомъ было доложено государю (*К. Цвѣткова*, «Добровольный отвѣтъ на «вынужденное объясненіе» Н. М. Павлова», «Рус. Обзорніе» 1895 г., X) ²⁾.

1874. Новая тюрьма.

Сердобольное русское правительство (Долгоруковъ, Панинъ и К^о) въ ожеческомъ попеченіи своемъ о благѣ народа оза-

¹⁾ «Чтобы лишить силъ то, что ложно и опасно, лучшее средство принять то, что дѣйствительно хорошо и полезно... Поспѣшимъ, время не ждетъ; не допустимъ, чтобы вредная страсти опередили насъ».

²⁾ Составителемъ обзорній для государя съ конца 1860 г. состоялъ П. К. Щебальскій, носившій званіе «редактора литературныхъ обзорній для представленія Е. И. В.» (Архивъ мин. нар. просвѣщенія, дѣло № 152531).

бочено теперь устройствомъ тюрьмы для политическихъ преступниковъ, такъ какъ число ихъ увеличивается *и въ будущемъ предвидится ихъ еще болѣе!* Въ началѣ мая схвачены: артиллерійскій офицеръ Аверкіевъ, учитель гимназіи Дезе, бывшіе студенты Евреиновъ и Яковлевъ и одинъ ученикъ академіи художествъ; было еще нѣсколько арестовъ и обысковъ; между прочимъ, не пощаженъ и прекрасный полъ (обыски были у г-жъ Александровской и Блюмеръ). Число лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, возрастаетъ. ¹

♦♦1. Въ маѣ 1862 г. въ Кронштадтъ прибыли фрегаты «Громобой» и «Олеги», на которыхъ, по свѣдѣніямъ нашего гамбургскаго повѣреннаго Кудрявскаго, были привезены разныя заграничныя запрещенныя сочиненія. Въ іюнѣ туда отправился директоръ инсп. деп. морского министерства кн. Мих. Павловичъ Голицынъ, отъ котораго III Отдѣленіе скрыло источникъ своей информации, сказавъ, что знаетъ объ этомъ отъ своего тайнаго агента. Было также извѣстно, что къ этому дѣлу прикосновенны гардемаринъ Владиміръ Александровичъ Дьяконовъ и юнкеръ 23 флотскаго экипажа Владиміръ Трувеллеръ изъ неокончившихъ курсъ Сяб. университета, сынъ инженернаго генерала. Сообщение подтвердилось. У перваго были найдены 20 экз. «Что нужно народу?», у втораго—50 экз. русской азбуки; на «Громобоѣ» обнаружены нѣсколько листовъ «Колокола». Ожидавшихся тюковъ съ воззваніями и типографскихъ станковъ не найдено. Была назначена особая слѣдственная коммиссія въ Кронштадтѣ подъ предсѣдательствомъ контръ-адм. Кузнецова. 20 іюня прибылъ въ портъ фрегатъ «Свѣтлана»; его приказано было также осмотрѣть, но ничего не обнаружено. Подозрѣніе на Трувеллера пало послѣ того, какъ командиру «Олега» Андрееву донесъ объ этомъ іеромонахъ фрегата Палладій, сообщивъ, что при стоянкѣ у Портсмута матросы получали отъ него разныя возмутительныя сочиненія. Трувеллеръ привезъ два ящика изданнаго за границею Евангелія, которое и роздалъ нижнимъ чинамъ съ разрѣшенія командира. Онъ показалъ, что купилъ за границею нѣсколько изданій въ родѣ воззваній «Что надо дѣлать войску?», «Что нужно помѣщикамъ?» и «Что надо дѣлать духовенству», считая содержаніе ихъ евангельскою истиною; что онъ давалъ читать ихъ съ цѣлью просвѣтить и высказывалъ свои убѣжденія, совершенно согласныя съ этими сочиненіями, всѣмъ и каждому; что поэтому онъ хотѣлъ, но не успѣлъ, купить за границею станокъ и шрифтъ, чтобы и самому печатать подобныя изданія.

Затѣмъ слѣдствіе выяснило, что Трувеллеръ обучалъ команду фрегата грамотѣ; нижніе чины заявили, что никогда не слышали

отъ него ничего политическаго, какъ и не получили ничего, кромѣ Евангелія. Очень любопытно общее заключеніе, къ которому пришелъ опытный сыщикъ и человѣкъ, не отличавшійся способностью стать выше своихъ коллегъ,—чиновникъ III Отдѣленія Горянской. Явленіе личностей, подобныхъ Трувеллеру, есть произвольное, но какъ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ настоящей эпохи: сколько преступенъ Трувеллеръ, столько же заслуживаетъ онъ состраданія. Есть много Трувеллеровъ, дѣйствующихъ тайно и которые при своей опытности никогда не будутъ отвѣчать предъ закономъ; но не много есть такихъ, которые сами выдаютъ себя. Трувеллеръ озлобленъ противъ правительства, но понятіе о правительствѣ онъ рѣзко отдѣляетъ отъ идеи объ особѣ государя императора. Для Трувеллера правительство составляютъ ближайшіе его начальники и вообще начальники второстепенные, но не высшее правительство, о непосредственныхъ дѣйствіяхъ котораго, при отсутствіи у насъ гласности, онъ рѣшительно не можетъ имѣть никакого понятія. Между тѣмъ ему извѣстны, какъ и всякому другому, мелкія, а иногда и крупныя злоупотребленія второстепеннаго правительства. Онъ объ этомъ слышитъ въ обществѣ, читаетъ въ журналахъ, даже встрѣчаетъ подобныя личности и съ презрѣніемъ отъ нихъ отворачивается. Будучи такъ обставленъ, онъ читаетъ ѣдкія заграничныя изданія и вотъ молодой умъ невольно поддается запретительной ихъ обаятельности, онъ находитъ въ нихъ самую потребную пищу, не разбирая, ядъ это или медъ, и иногда при всѣхъ добрыхъ зачаткахъ, увлекается ими до самозабвенія и незамѣтно оказывается на краю гибели... Строгое заслуженное наказаніе нѣкоторыхъ попавшихся едѣ ли исцѣлитъ остальныхъ, скорѣе можно думать, что казнь 10 политическихъ преступниковъ родитъ скорѣе же 20 такихъ, которые въ самой казни будутъ видѣть мнимый вѣнецъ ихъ подвиговъ на пользу отечества. Я видѣлъ и слышалъ Трувеллера, Дьяконова и около 20 гардемаринъ и юнкеровъ. Это не мятежники, но юноши увлеченные, въ показаніяхъ которыхъ, несмотря на преступность, есть что-то честное, благородное, а главное молодое, не опытное (всѣ они отъ 19 до 21-лѣтняго возраста). Еслибы имъ дано было первоначально лучшее направленіе, еслибы за ними было болѣе надзора, они были бы полезны дѣятелямъ.

Дьяконовъ отрицалъ свое участіе въ замыслахъ Трувеллера; послѣдній его старался выгородить. Въ это время въ III Отдѣленіе былъ доставленъ гамбургскимъ повѣреннымъ Кудрявскимъ тукъ воззваній «Что нужно народу?» и «Что надо дѣлать войску?». всего около 1000 экз., посланный Трувеллеромъ изъ Лондона

Нашъ «дипломатъ» просилъ о награжденіи чиновника гамбургской полиціи Крона, уже получившаго нѣсколько лѣтъ назадъ Станислава 3 степ. Разумѣется, 2-я степень была дана немедленно. Въ августѣ на «Олегѣ» въ дулѣ орудія были найдены 186 экз. «Что нужно народу?».

23 іюля Трувеллеръ и Дьяконовъ были доставлены изъ Кронштадта въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости. На допросахъ въ слѣдств. комиссіи кн. А. Ѳ. Голицына Трувеллеръ, не признавая дѣйствій своихъ преступными и не изъявляя въ нихъ никакого раскаянія, выразился, что цѣлью его было «мѣшать кровопролитіямъ, уничтожить надѣянность нашего правительства на физическую силу, понудить его прислушаться и внять новымъ требованіямъ народа и вообще желалъ произвести пассивную революцію». Въ январѣ 1864 г., по приговору морского генераль-аудиторіата, первый изъ нихъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія съ ссылкой въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на три года.

Однако, Трувеллеръ былъ отправленъ въ тобольскую тюрьму, а 19 февраля, вмѣсто каторжныхъ работъ, ему разрѣшено было остаться на поселеніи въ Западной Сибири съ тѣмъ, чтобы ген.-губернаторъ учредилъ за нимъ строгій надзоръ и ежегодно сообщалъ морскому министерству о его поведеніи и образѣ мыслей. Мѣстомъ ссылки былъ назначенъ г. Курганъ. Въ маѣ 1865 г. больной Трувеллеръ былъ отданъ на попеченіе матери съ оставленіемъ подъ надзоромъ и обязательствомъ жить въ ея имѣніи Боровичскаго у. Новгород. губ. Въ октябрѣ разрѣшено привезти его въ СПб., въ психіатрическую лѣчебницу д-ра Штейна, гдѣ онъ пробылъ до середины іюля 1866 г., а потомъ былъ возвращенъ въ имѣніе. 12 октября высоч. разрѣшено возвратити ему всѣ права состоянія, оставивъ, однако, подъ надзоромъ; въ декабрѣ 1868 г. надзоръ былъ снятъ, но учреждено «негласное наблюденіе». Въ августѣ 1877 г. Трувеллеръ выѣхалъ навсегда въ Швейцарію, чѣмъ встревожилъ губернатора, министра вн. дѣлъ и III Отдѣленіе: паспортъ ему выданъ не былъ. На этомъ дѣло кончается (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, чч. 9 и 10).

По этому дѣлу правительство не опубликовало ни одного слова; въ №№ 152 и 190 «Колокола» приговоръ напечатанъ не точно.

1875. Старая исторія.

Мы получили подробное описаніе гадкой исторіи Сабурово-Адлербергской, напечатанной уже въ «Правдивомъ» 12 мая; тутъ

все есть: и несчастная жертва административнаго разврата (ученица театральнаго училища), и суммы, внесенныя Адлербергу, и безсиліе государыни ¹⁾, и безнаказанность Сабурова ²⁾. Какъ не гадко Александру Николаевичу въ этомъ обществѣ? Вотъ что значитъ плохое воспитаніе и дурныя привычки. Конечно, и Христось былъ распятъ между Паткулями и Адлербергами, но, вѣдь, онъ былъ распятъ, а кутить съ ними, съ шапкой Мономаха набекрень, не хорошо. Мы это говоримъ со скорбью, съ истинной скорбью!

1876 (Что-то сдѣлаетъ Константинъ Николаевичъ?)

«Что-то сдѣлаетъ Константинъ Николаевичъ въ Польшѣ? ³⁾ Офиція-то флотская, чай, какъ радуется: опять линьки, кулаки, швабра, въ гробъ заколачивать матросовъ. Да и, вообще, чай, на вершинахъ Петрограда веселье. Варшава далеко, дѣлай себѣ какъ знаешь,—намъ-то бы перевести духъ, тѣлесныя-то отстоять, землицей-то поприжать. Ну, тамбуръ-мажоръ юстиціи,—веселый маршъ и по три Буткова направо—жай! ¹

◆◆ 1. По поводу пріѣзда вел. князя въ Варшаву была издана небольшая польская прокламація, очень рѣдкая и, какъ кажется, неизвѣстная даже и въ польской литературѣ. Воспроизвожу ее въ переводѣ:

«Было выпущено воззваніе въ томъ смыслѣ, чтобы принять Цесаревича Константина съ почетомъ, другими словами, холодно и равнодушно, какъ этого заслуживаетъ человекъ, котораго царь посылаетъ намъ въ знакъ своего мнимаго благоволенія. Народъ вель себя съ достоинствомъ: ни одинъ истинный полякъ не вышелъ Цесаревичу навстрѣчу; но полиція, набранная изъ шпионовъ и предателей, устроила ему овацію. Народъ не принималъ въ ней участія и самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ нея; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявляетъ, что привлечетъ къ строгой отвѣтственности тѣхъ ренегатовъ, которые къ ней примкнули, равно и тѣхъ,

¹⁾ По несчастью, она только сильна, когда дѣлаетъ, не вѣдая, что творить, волю всякихъ Леонтьевыхъ, Налетовыхъ, подковырнувшихъ въ Смольномъ монастырѣ Ушинскаго. А. И. Г.

²⁾ Андрей Ивановичъ, по разсказу «Правдиваго», купилъ въ 1851 г. званіе гофмейстера за 25,000 руб., внесенныхъ любовницѣ министра двора кн. П. М. Волконскаго.

³⁾ Назначеніе великаго князя намѣстникомъ Ц. Польскаго было построено вождями реакціи, чтобы устранить его отъ общей внутренней политики.

кто въ будущемъ осмѣлится принять участіе, отъ имени народа, въ какой-либо демонстраціи, устраиваемой въ честь Цесаревича: не только презрѣніе ждетъ ихъ, но и заслуженная и неминуемая кара. Трауръ, печаль, равнодушіе, избѣганіе тѣхъ мѣстъ, гдѣ появится Цесаревичъ, — вотъ достойная линія псевденія въ будущемъ» (подлинникъ переданъ мною въ Росс. Публ. Библіотеку).

1877. Злодѣйство бѣлевской помѣщицы Муромцевой.

«Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, въ с-цѣ Савинковѣ, временно-обязанная дворовая женщина Наталья Дементьева, 23 лѣтъ, скоропостижно умерла отъ побоевъ, причиненныхъ ей помѣщицею Муромцевою. О семъ производится слѣдствіе» («Тул. Губ. Вѣд.».)

И послѣ этого есть люди, которые дивятся, что крестьяне не вѣрятъ своему освобожденію? Когда же, въ самомъ дѣлѣ, правительство настолько образумится, чтобъ принять какія-нибудь мѣры противъ шляхетнаго каннибальства?

1878. Отъ редакціи.

Мы получили на-дняхъ 764 *фр.*, назначенные нуждающимся студентамъ въ Петѣбургѣ и Москвѣ. Деньги эти будутъ доставлены. (Сверхъ того, получена нами 1.000 *фр.* съ особымъ назначеніемъ).

1879. Письмо къ Н. А. Огаревой.

26 іюня (1862).

Orsett House.

Сегодня на дворѣ посвѣтлѣе и на душѣ попокойнѣе и, какъ будто, посвѣтлѣе. Телеграмма пришла въ самый обѣдъ. Посмотри же, Наташе, какъ легко тебѣ было на первый случай все обдѣлать съ *dur* на *moll*¹⁾. Саша мнѣ говоритъ, что очень хочется съѣздить въ *Cowes*, и мы начинаемъ пособириваться.

Тата вчера и третьяго дня лежала весь день и вечеромъ только сошла, потому что Рубинштейнъ игралъ на клавикордахъ²⁾. Стало,

¹⁾ Съ твердаго, жесткаго на мягкое, нѣжное.

²⁾ Николай Григорьевичъ, піанистъ-виртуозъ, бывалъ у Герцена, гдѣ и игралъ въ присутствіи гостей.

платка не купила, а сегодня она купить, и я сегодня же пошлю ей «Грибуля»¹⁾, если найду, и «Робинзона» куплю сегодня же.

Портретъ остановили (она дѣлаетъ Брайта и Em. Girardin). Онъ, какъ картина, приводитъ всѣхъ въ восторгъ (видъ свирѣпый), да всѣхъ безъ исключенія. Жемчужниковъ говоритъ, что это—chef-d'oeuvre. Я оставлю его для дѣтей, а, чай, меньше 1000 фр. она не возьметъ... Вотъ на старости лѣтъ и я дуракомъ сталъ.

Мейзенб. отдалъ 3 фунта за дорогу нѣмки.

Тата пошла за платкомъ. «Грибуль» найденъ. Все будетъ отправлено, но придетъ ли завтра, не знаю.

Мнѣніе Галлэ²⁾ въ пользу Италіи, но именно—ѣхать въ Римъ.

Посылаю тебѣ стихи Ольги, уморительные. Между прочимъ, я долженъ сказать, что, несмотря на шалости, она идетъ сильно впередъ и натурою богаче всѣхъ.

Огар. хотѣлось бы въ Sevenoaks, — вотъ бы тебѣ переѣхать (наша квартира занята уже Бигсами). Въ St. John's Wood'ѣ рѣшительно нѣтъ домовъ. Тебѣ можно на одинъ мѣсяцъ, если находишь хорошимъ и удобнымъ, остаться въ Cowes (перестань толковать о расходѣ, — 7 фунт. найдется, и ихъ довольно). Теперь я рѣшительно могу сказать, что мнѣ скоро можно будетъ пріѣхать.

Я видѣлъ сегодня во снѣ Лизу и мальчика³⁾, и, будто, онъ ужасно ко мнѣ ласкался. Лиза остается для меня отдыхъ и польсей поэзіи.

Можетъ, сегодня же напишу еще.

Флигель-адъют. Ростовцовъ (сынъ Як. И.) арестованъ и нѣсколько офицеровъ.¹

◆◆ 1. Сыновья гр. I. И. Ростовцова (Николай и Михаилъ) явились къ Герцену послѣ кончины своего отца и просили его принять во вниманіе, что смертью на посту крестьянскаго дѣла онъ загладилъ свой грѣхъ 1825 года; потомъ бывали у него. Высочайшимъ приказомъ 5 іюня 1862 г. уволены отъ службы флигель-адъютанты Его И. В. полковники: находящійся въ безсрочномъ отпуску генеральнаго штаба графъ Ростовцовъ 1-й и л-гв. Кирасирскаго Е. В. полка графъ Ростовцовъ 2-й.

¹⁾ «Gribouille» — популярный рассказъ Ж. Сандъ для дѣтей, изданный по-русски съ предисловіемъ Герцена, см. № 1530.

²⁾ Луи Gallait, бельгійскій художникъ, учившій Н. А. Герценъ и настаивавшій на продолженіи ею занятій живописью.

³⁾ Алексѣй.

1880. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

30 Juni (1862).

Ich schicke Ihnen, liebe Malvida, den Brief und doch rate ich Ihnen, daran noch einmal zu denken. Schön wird es nicht ausfallen—sollte man nachher in «de Merigny»—den Talándier erkennen.

Sie sind immer ein schlechter Psychologe, Sie wollen nicht fassen—dass deswegen jede Arbeit bei uns so «accomplished» herauskommt—weil wir nichts ebaudiren—sondern durcharbeiten. Und deswegen—braucht man Zeit und auch sehr viel Musse. Die Vorrede enthält eben das, was Sie wollen.—Hinzufügen, korrigiren will ich mit dem grössten Vergnügen. Unser Leben ist jetzt so agitirt und nervös—mit allen den Neuigkeiten, und mit der tagtäglichen Erweiterung des Einflusses dort.

Adieu.

Ihr Freund A. Herzen.

Переводъ.

Посылаю вамъ, милая Мальвида, письмо и, все же, совѣтую вамъ еще разъ подумать объ этомъ. Не очень пріятно было бы, если бы впослѣдствіи въ «de Merigny» узнали Таландые.

Вы все еще плохой психологъ. Вы не хотите понять, что каждая наша работа потому такъ совершенна, что мы ни изъ чего не дѣлаемъ себѣ забавы, но во все вкладываемъ душу. А для этого нужно время, и много свободнаго времени. Предисловіе содержитъ въ себѣ именно то, что вы желаете. Дополнять, исправлять я готовъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Наша жизнь теперь такая дѣятельная и нервная—со всѣми ея новостями и съ ежедневнымъ расширеніемъ вліянія по ту сторону.

Adieu.

Вашъ другъ А. Герценъ.

1881. Концы и начала.

Предисловіе.

Когда, годъ тому назадъ, я написалъ «Концы и начала», я не думалъ ихъ такъ круто заключить. Мнѣ хотѣлось въ двухъ-трехъ послѣдующихъ письмахъ ближе означить «начала»; «концы» казались мнѣ сами по себѣ яснѣе. Сдѣлать этого я не могъ. Строй

мыслей измѣнился: событія не давали ни покоя, ни досуга, — они принялись за свои комментаріи и за свои выводы. Трагедія продолжаетъ расти передъ нашими глазами и все больше и больше станвится изъ частнаго столкновенія введеніемъ въ міровую борьбу Прологъ ея окончился, — завязка сложилась хорошо; все перепуталось: ни людей, ни партій узнать нельзя... Поневолю приходится въ голову образъ дантовскихъ единоборцевъ, въ которомъ члены бойцовъ не только переплелись другъ съ другомъ, но, по какой-то метаморфозѣ, послѣдовательно превращаются другъ въ друга.

Все юношеское, восторженное, — отъ молитвы передъ распятиемъ до безразсудной отваги, отъ женщины, одѣвшейся въ черное, до тайны, хранимой цѣлымъ народомъ, — все давно увядшее въ старомъ мірѣ, отъ митры и рыцарскаго меча до фригійской шапки, явилось еще разъ во всемъ поэтическомъ блескѣ своемъ въ возставшей Польшѣ, какъ будто для того, чтобъ украсить молодыми цвѣтами *старцевъ цивилизаціи*, медленно двигающихся на борьбу, которой они боятся...

Съ другой стороны, *начала* едва пробиваются сквозь дымъ сожженныхъ селъ и городовъ... Здѣсь происходитъ совершенно обратное явленіе: все отжившее *старую міра* поднялось на защиту петербургской имперіи и отстаиваетъ ея неправое стяжаніе всѣми оружіями, оставленными въ наслѣдство дикими вѣками военной расправы и растлѣннымъ временемъ дипломатическихъ обмановъ, — отъ пытокъ и убійства плѣнныхъ до ложныхъ амнистій и поддѣльныхъ адресовъ, отъ татарскаго изгнанія цѣлой части населенія до журнальныхъ статейъ и филигранной риторики горчаковскихъ нотъ.

Сотрясенія послѣдняго времени взболтали тихій омутъ нашъ. Многое, хранившееся въ молчаніи, подъ гробовой доской прошлаго гнета, вышло наружу и обличило всю порчу организма. Только теперь становится возможнымъ измѣрить *толщину*, которую растлило петербургское императорство, германизируя насъ полтора вѣка. Нѣмецкая лимфа назрѣла въ грубой крови, здоровый организмъ далъ ей свѣжую силу и, зараженный ею, не утратилъ ни одного собственнаго порока... Безчеловѣчное, узкое безобразіе нѣмецкаго рейтера ¹⁾ и мелкая, подлая фигура нѣмецкаго бюролиста ²⁾ давно срослись у насъ съ широкими, монгольскими скулами, съ звѣриной, безраскаянной жестокостью восточнаго раба и византійскаго звнуха. Но мы не привыкли видѣть эту сводную личность

¹⁾ Reiter—кавалеристъ.

²⁾ Buraliste—сборщикъ податей.

внѣ казармъ и канцелярій; она не такъ рѣзко выступала внѣ службы; малограмотная, она не только мало писала, но и мало читала; — теперь нашъ минотавръ всплылъ не во дворцахъ и застѣнкахъ, а въ обществѣ, въ литературѣ, въ университетѣ...

Мы думали, что наша литература такъ благородна, что наши профессора такъ *апостолы*, — мы ошибались въ нихъ, и какъ это больно... Насъ это возмущаетъ, какъ всякое зрѣлище нравственнаго паденія. Нельзя не протестовать противъ ужасныхъ дѣлъ и ужасныхъ словъ, нельзя не отойти отъ бѣснующихся силъ, отъ безчеловѣчной бойни и еще больше безчеловѣчныхъ рукоплесканій. Можегъ, намъ придется вовсе сложить руки, умереть въ своемъ *à parte* ¹⁾ прежде, чѣмъ этотъ чадъ *образованной* Россіи пройдетъ... Но зерна, лежащаго въ землѣ, эта буря не вырветъ и не затронетъ, а, пожалуй, еще укрѣпитъ его. Восходящей силѣ все помогаетъ: преступления и добродѣтели; она одна можетъ пройти по крови, не замаравшись, и сказать свирѣпымъ бойцамъ: «я васъ не знаю, — вы мнѣ работали, но, вѣдь, вы работали *не для меня*».

Посмотрите на дикаго сатрапа въ Литвѣ ²⁾: онъ душитъ польскій элементъ, а синія пятна выйдутъ у петербургской имперіи; онъ гонитъ съ мѣста, отталкиваетъ польское дворянство, — а побѣжитъ русское.

Дворники, они не знаютъ, кому метутъ, кому расчищаютъ путь, такъ, какъ римская волчица не знала, *кого* она кормитъ и что вскармливаетъ. По ихъ кровавой дорогѣ пройдетъ тоже, если не Ромуль, то Ремъ, обиженный въ прошедшемъ: ему-то и расчищаютъ дорогу и царѣ и сатрапы.

Но пока онъ явится, еще много прольется крови, еще случится страшное столкновеніе двухъ міровъ. Зачѣмъ она польется? конечно, зачѣмъ: Да что же дѣлать, что люди не умнѣютъ? событія несутся быстро, а мозгъ вырабатывается медленно. Подъ влі-ніемъ темныхъ влеченій, фантастическихъ образовъ, народы идутъ, какъ спросонья — рядомъ неразрѣшимыхъ антиномій, дерутся между собой и доходятъ, ничего не уяснивши себѣ, черезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ страшнаго разгрома римскаго міра, до времени Германика и Алариха, переложенныхъ на нравы XIX вѣка.

1 августа 1863 г.

¹⁾ Одиночествѣ.

²⁾ Гр. М. Н. Муравьевъ.

Письмо первое.

Итакъ, любезный другъ, ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ, лѣниво колеблющихся свои листья послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшитъ, что дни уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ, и дуетъ иногда струя воздуха, зловѣщая и холодная; ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ-подъ снѣга, да и, вообще, нашего упованія на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго еще мы не сдѣлали... Что же, съ богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

...Тебѣ остается небольшая упряжка. Ты пріѣхаль, — вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянущаяся въ гоньбѣ, — изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями.

Будь увѣренъ, что я вполне понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ передъ неустройствомъ ненаѣзженной жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности, и ярифомъ къ такимъ, которыя *могутъ быть* лучше, но которыхъ *нѣтъ лучше*.

Мы, вообще, люди европейской, горрдской цивилизаціи, можемъ жить только по-готовому. Горрдская жизнь насъ приучаетъ съ малолѣтства къ скрытому, закулискому замиренію и уравнивленію нѣстройныхъ силъ. Сбиваясь случайно съ рельсъ, на которые она насъ вводитъ съ дня рожденія и осторожно двигаетъ, мы теряемся такъ, какъ кабинетный ученый, привыкнущій къ музеямъ и гербаріямъ, къ звѣрямъ въ шкапу, теряется, поставленный лицомъ къ лицу со слѣдами геологическаго переворота или съ густымъ населеніемъ средиземной волны.

Мнѣ случилось видѣть двухъ-трехъ отчаянныхъ ненавистниковъ Европы, возвращавшихся изъ-за океана. Они поѣхали туда до того оскорбленные реакціей послѣ 1848, до того озлобленные противъ всего европейскаго, что едва останавливались въ Нью-Йоркѣ, торопясь въ Канзасъ, въ Калифорнію. Года черезъ три-четыре они снова явились въ родныя кафѣ и пивныя лавочки старой Европы, готовые на всѣ уступки, лишь бы не видать дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, ея непочатой почвы, лишь бы не быть tête à tête съ природой, не встрѣчать ни дикихъ звѣрей, ни змѣй съ гремуш-

ками, ни людей съ револьверами. Не надобно думать, впрочемъ, что ихъ просто испугала опасность, матеріальная нужда, необходимость работы,—и здѣсь мрутъ съ голода, не работая, и здѣсь работаютъ по 16 часовъ въ сутки, а опасность полиціи и шпіонства на старомъ континентѣ превышаетъ опасность звѣрей и револьверовъ. Ихъ испугала, утомила пуще всего неочеловѣченная природа, отсутствіе того благоустроеннаго порядка, того администраціей обезпеченнаго покоя, того художественнаго и эпикурейскаго комфорта, которые обусловливаются долею жизнию на одномъ мѣстѣ, берегутся сильными полицейскими плотинами, покоятся на невѣжествѣ массъ и защищаются церковью, судомъ и казармами. За эту чечевичную похлебку, *хорошо сервированную*, мы уступаемъ долю челоуѣческаго достоинства, долю состраданія къ ближнему и *отрицательно* поддерживаемъ порядокъ, въ сущности, намъ противный.

Во Франціи мы видѣли другой примѣръ: беллетристы, жившіе въ риторикѣ, художники, жившіе въ искусствѣ для искусства и для денегъ, были внѣ себя отъ безпокойства, причиненнаго февральской революціей. У насъ есть знакомый учитель пѣнія, который отъ 1848 года переселился изъ Парижа въ Лондонъ, въ отечество горловыхъ болѣзней, бронхитовъ, астмъ и разговора сквозь зубы, только чтобы не слышать набата и дѣйствительнаго хора массъ.

Въ теперешней Россіи соединены обѣ причины, заставлявшія людей бѣжать изъ Парижа и изъ Арканзаса. Въ Америкѣ пугала пуще всего *юдая* природа, дикая природа, у которой сотвореніе міра на листьяхъ не обсохло, и которую мы такъ горячо любимъ въ картинахъ и поэмахъ (человѣкъ съ револьверомъ, наивно убивающій ближняго, относится такъ же къ пампамъ ¹⁾, какъ и наивный тигръ съ своими зубами въ вершокъ величины). Во Франціи природа ничего, прибрана и выметена, тигры не ходятъ, а виноградъ растеть; но зато въ 1848 тамъ снова разнуздались страсти, и снова покачнулись основы благочинія. У насъ, при непечатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится,— все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропила и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественные пути наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи—грязь помѣщичьей жизни, къ нашимъ зимнимъ вьюгамъ—Зимній дворецъ, а тутъ

¹⁾ Вѣсто—пампасамъ.

генералитетъ, кабинетъ, буфетъ, Филаретъ, «жандармскій авангардъ цивилизации» изъ нѣмцевъ и аррьергардъ съ топорами за кушакомъ, со стихійной мощью и стихійной неразвитостью, — то, сказать откровенно, надобно имѣть сильную *завзобу или сильное помъшательство*, чтобъ по доброй волѣ ринуться въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое пророчествующими радугами и великими образами, постоянно стремящимися вырѣзаться изъ-за тумана, который постоянно не могутъ побѣдить.

Завзоба и помъшательство—своего рода таланты и по волѣ не приходятъ. Одного тянетъ непреодолимо въ водоворотъ, другого онъ отталкиваетъ брызгами и шумомъ. Штука, собственно, въ томъ, что иному сонъ милѣе отца и матери, а другому сновидѣнiе. Что лучше? Я не знаю; въ сущности, и то и другое, пожалуй, сведется на *одинъ бредъ*.

Но въ эти философскія общія разсужденiя мы съ тобой не пустимся; они же обыкновенно, тѣмъ или другимъ путемъ, приводятъ къ неприятному заключенiю, что, ваяйся себѣ на перинѣ или безпокойся въ бѣлицемъ колесѣ, полезный результатъ этого будетъ одинъ и тотъ же,—чисто агрономическiй. Всякая жизнь, какъ поетъ студентская пѣсня, начинается съ: «*Juvenes dum sumus*»¹⁾ и оканчивается: «*Nos habebit humus*»²⁾! Останавливаться на этихъ печальныхъ приведенiяхъ всего на свѣтѣ *къ нулю* не слѣдуетъ,—ты же назовешь эдакъ *нигилистомъ*, а нынче это—крѣпкое слово, замѣнившее гегелистовъ, байронистовъ и пр.

Живой о живомъ и думаетъ. Вопросъ между нами даже не въ томъ, имѣетъ ли право человѣкъ удалиться въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древнiй философъ передъ безумiемъ назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ ли дѣлѣ вѣковыя обитатели, упроченныя и обросшiя западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное—такъ прочны, какъ были, и, съ другой стороны, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, какихъ нибудь чаръ въ нашихъ сновидѣнiяхъ подъ снѣжную вьюгу, подъ тресчанные бубенчики и нѣтъ ли основанiя эгимъ чарамъ?

Было время, ты защищалъ *идеи* западнаго мiра и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно ненужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляли давно вѣтми признанный майоратъ человечества; ее гораздо прежде, чѣмъ имѣнiе Меншикова-Альм-

¹⁾ «Пока мы молоды».

²⁾ «Насъ поглотитъ земля». Такъ же, какъ и предыдущая фраза — стихи изъ извѣстной студентской пѣсни «*Gaudeamus!*».

скаго, нельзя было ни продать, ни заложить ¹⁾). Наука совершенно свободна отъ меридiana, отъ экватора, она, какъ гетевскій «Диванъ», *западно-восточная* ²⁾).

Теперь ты хочешь права майората перенести и на самыя формы западной жизни и находишь, что исторически выработанный бытъ европейскихъ бель-этажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка; что *она* только и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни; что искусство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ и что, наконецъ, другого искусства нѣтъ совсѣмъ. Остановимся на этомъ сначала.

Пожалуйста, не подумай, что съ точки зрѣнія суроваго цивизма и аскетической демагоги я стану возражать на то мѣсто, которое ты даешь искусству въ жизни. Я съ тобой согласенъ въ этомъ. Искусство—*c'est autant de gris* ³⁾; оно вмѣстѣ съ зарницами личнаго счастья—единственное несомнѣнное благо наше; во всемъ остальномъ мы работаемъ или толчемъ воду для человѣчества, для родины, для извѣстности, для дѣтей, для денегъ, и притомъ разрешаемъ безконечную задачу; въ искусствѣ мы наслаждаемся, въ немъ цѣль достигнута, это—тоже *концы*.

Итакъ, отдавъ Діанѣ эфесской ⁴⁾, что Діанѣ принадлежитъ, я тебя спрошу, о чемъ ты, собственно, говоришь: о настоящемъ или прошедшемъ? О томъ ли, что искусство развилось на Западѣ, что Данте и Буонарроти, Шекспиръ и Рембрандтъ, Моцартъ и Гете были по мѣсту рожденія и по мнѣніямъ *западниками*? Но объ этомъ никто не спорить. Или ты хочешь сказать о томъ, что долгая историческая жизнь приготовила и лучшую арену для искусства и красивѣйшую раму для него, что хранилищницы въ Европѣ пышнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, галереи и школы богаче, учениковъ больше, учителя даровитѣе, театры лучше обставлены и пр.? И это такъ (или почти такъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ Большая Опера возвратилась къ первобытному состоянію бродячихъ изъ города комедіантовъ, одна великая опера и есть *überall und allends* ⁵⁾). Вся Америка не имѣетъ такого Campo Santo, какъ Пиза,

¹⁾ О томъ, какъ А. С. Меншиковъ устроилъ себѣ майоратъ, было тогда рассказано въ «Колоколѣ».

²⁾ Намекъ на циклъ восточныхъ стихотвореній Гете, объединенныхъ общимъ названіемъ «Westöstlicher Divan».

³⁾ Само по себѣ есть цѣнность.

⁴⁾ То-есть искусству. Храмъ Діаны эфесской былъ причисленъ древними къ семи чудесамъ міра.

⁵⁾ Всздѣ и нигдѣ.

но, все же, Campo Santo— кладбище; къ тому же довольно естественно, что тамъ, гдѣ было больше коралловъ, тамъ и коралловыхъ рифовъ больше... Но гдѣ же во всемъ этомъ искусство творческое, живое, гдѣ художественный элементъ въ самой жизни? Вызывать постоянно усопшихъ, повторять Бетховена, играть «Федру» и «Аталію»¹⁾ очень хорошо, но ничего не говоритъ въ пользу творчества. Въ скучнѣйшія времена Византіи на литературныхъ вечерахъ читали Гомера, декламировали Софокла; въ Римѣ берегли статуи Фидіаса и собирали лучшія изваянія наканунѣ Гензенриховъ и Алариховъ. Гдѣ же новое искусство, гдѣ художественная инициатива? Развѣ, въ будущей музыкѣ Вагнера.

Искусство не брезгливо, оно все можетъ изобразить, ставя на всемъ неизгладимую печать дара духа изящнаго и безкорыстно поднимая всякую случайность бытія, всякій звукъ и всякую форму: сонную лужу подъ деревомъ, вспорхнувшую птицу, лошадь на водопой, нищаго мальчика, обожженного солнцемъ,—въ уровень Мадоннъ и полубоговъ. Отъ дикой, грозной фантазіи ада и страшнаго суда до фламандской таверны съ своимъ отвернувшимся мужикомъ, отъ «Фауста» до Фоблаза, отъ Requeim'a²⁾ до «Камаринской» все подлежитъ искусству... Но и искусство имѣетъ свой предѣлъ. Есть камень преткновенія, который рѣшительно не беретъ ни смычокъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искусство, чтобъ скрыть свою немогуту, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ карикатуры. Этотъ камень преткновенія—*мѣщанство*... Художникъ, который превосходно набрасываетъ челоуѣка совершенно голаго, покрытаго лохмотьями или до того совершенно одѣтаго, что ничего не видать, кромѣ желѣза или монашеской рясы, останавливается въ отчаяніи передъ *мѣщаниномъ въ фракѣ*. Отсюда посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу, съ какого-нибудь банкира снять сюртукъ, галстукъ и отогнуть ему рубашку, такъ что, если-бъ онъ послѣ смерти самъ увидѣлъ свой бюстъ, то передъ женой покраснѣлъ бы до ушей... Робертъ Макеръ³⁾, Приюдомъ⁴⁾—великія карикатуры, иногда гениально вѣрныя, вѣрныя до трагическаго у Диккенса, но карикатуры; далѣе Гогарта этотъ родъ итти не можетъ. Банъ Дейкъ и Рембрандтъ мѣщанства—«Пуншъ» и «Шаривари»; это—его портрет-

¹⁾ Трагедіи Расина.

²⁾ Знаменитое произведеніе Моцарта.

³⁾ Герой буффонады франц. писателей Бенжамэна и Фредерика Леметра.

⁴⁾ Безсмертный типъ пошляка, выведенный въ романѣ Анри Монье «Mémoires de Joseph Prudhomme».

ная галерея и лобное мѣсто. Это — фамильная *фаста*.¹⁾ и пилори ?).

Дѣло въ томъ, что весь характеръ мѣщанства съ своимъ добромъ и зломъ противенъ, тѣсенъ для искусства; искусство въ немъ вянетъ, какъ зеленый листъ въ хлорѣ, и только всему человеческому присущія страсти могутъ, изрѣдка вырываясь въ мѣщанскую жизнь или, лучше, вырываясь изъ ея чинной среды, поднять ее до художественнаго значенія.

Чинный, это—настоящее слово. У мѣщанства, какъ у Молчалина, два таланта, и тѣ же самые: «умѣренность и аккуратность». Жизнь средняго состоянія полна мелкихъ недостатковъ и мелкихъ достоинствъ; она воздержна, часто скупа, бѣжитъ крайности, излишняго. Садъ превращается въ огородъ, крытая соломой изба—въ небольшой урздный домикъ съ разрисованными щитами на ставняхъ, но въ которомъ всякій день пьютъ чай и всякій день ѣдятъ мясо. *Это огромный шагъ впередъ*, но вовсе не артистическій. Искусство легче сживается съ нищетой и роскошью, чѣмъ съ довольствомъ, въ которомъ видны бѣлыя нитки, чѣмъ съ удобствомъ; составляющимъ цѣль; если на то пошло, оно ближе съ куртизанкой, продающей себя, чѣмъ съ нравственной женщиной, продающей втридорога чужой трудъ, вырванный у голода. Искусству не по себѣ въ чопорномъ, слишкомъ прибранномъ, разсчетливомъ домѣ мѣщанина, а домъ мѣщанина *долженъ быть* таковъ; искусство чувствуетъ, что въ этой жизни оно сведено на роль внѣшняго украшенія, обоевъ, мебели, на роль шарманки; мѣшаетъ—прогонять, захотятъ послушать—дадутъ грошъ, и квитъ... Искусство, которое по преимуществу — изящная соразмѣрность, не можетъ выносить аршина, этой самодовольной въ своей ограниченной посредственности жизни, запятнанной въ его глазахъ самымъ страшнымъ пятномъ въ мѣрѣ—*вульгарностью*.

Но это нисколько не мѣшаетъ всему *образованному* миру идти въ мѣщанство, и авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство—идеаль, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна. Это—та «курица во шахъ», о которой мечтали Генрихъ IV. Маленькій домъ съ небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работникъ для тяжелой работы—да, это, въ самомъ дѣлѣ, гавань спасенія, *havre de grâces!*

1) Fasti—римскій календарь, въ который включались свѣдѣнія о праздникахъ, общественныхъ играхъ, историческихъ событіяхъ, астрономическихъ явленіяхъ и проч.

2) Позорный столбъ, у котораго въ старину выставлялись преступники.

Прогнанный съ земли, которую обрабатывалъ вѣка для ба-рина, потомокъ разбитаго въ бою селянина, осужденный на вѣч-ную каторгу, голодъ, бездомный поденщикъ, батракъ, родящійся нищимъ и нищимъ умирающій,—только дѣлаясь собственникомъ, хо-зяиномъ, буржуа, отираетъ потъ и безъ ужаса смотритъ на дѣтей; его сынъ не будетъ отданъ въ пожизненную кабалу изъ-за хлѣба, его дочь не обречена ни фабриктъ, ни публичному дому. Какъ же ему не рваться въ мѣщане? Идеаль *хозяина*-лавочника, этихъ ры-царей, этихъ поповъ средняго состоянія, носится свѣтлымъ обра-зомъ передъ глазами поденщика до тѣхъ поръ, пока его заско-рузлыя и усталыя руки не опустятся на надломленную грудь, и онъ не взглянетъ на жизнь съ тѣмъ ирландскимъ покоемъ отчая-нія, которое исключаетъ всякую мечту, всякое ожиданіе, кромѣ мечты о цѣломъ полуштофѣ виски въ слѣдующее воскресенье.

Мѣщанство — послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности, демократизація ари-стократіи, аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива-равень Фигаро ¹⁾; снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крѣстьянинъ — *мѣщанинъ* хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ — *будущій* мѣщанинъ. Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться и тотчасъ покинула своего фанати-ческаго любовника, Маццини, измѣнила своему мужу-геркулесу, Гарибальди, лишь только гениальный мѣщанинъ Кавуръ, толстень-кій, въ очкахъ, предложилъ ей, взять ее на содержаніе.

Съ мѣщанствомъ стираются личности, но стертые люди сы-тѣе; платья дюжинныя, незаказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ больше. Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но ра-стетъ ея благосостояніе. Античный бѣднякъ изъ Трастевере ²⁾ упо-требляется на черную работу гунявымъ лавочникомъ Via del Corso. Толпа гуляющихъ въ праздничный день въ Елисейскихъ поляхъ, Кенсингтонъ-Гарденъ, собирающихся въ церквахъ, театрахъ, наво-дитъ уныніе пошлыми лицами, тупыми выраженіями, но для гуляю-щихъ въ Елисейскихъ поляхъ и для слушающихъ проповѣди Ла-кордера и пѣсни Левассера до этого дѣла нѣтъ, они даже этого не замѣчаютъ. Но что для нихъ очень важно и замѣтно, это то, что отцы и старшіе братья ихъ не въ состояніи были итти ни на

¹⁾ Главные дѣйствующія лица драматической трилогіи Бомарше.

²⁾ Пригородъ Рима.

гулянье, ни въ театрѣ, а они могутъ; что тѣ иногда ѣздили на козлахъ каретъ, а они сами ѣзять, и очень часто, въ фіакрахъ.

Во имя *этого* мѣщанство побѣдитъ и должно побѣдитъ. Нельзя сказать голодному: тебѣ больше къ лицу голодъ, не ищи пищи. Господство мѣщанства — отвѣтъ на *освобожденіе безъ земли*, на открѣпленіе людей и прикрѣпленіе почвы малому числу избранныхъ. Въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ нѣтъ никакой необходимости. Наука не можетъ не натолкнуться на ближайшія открытія. Фотографія, эти органы живописи, замѣняетъ артиста; хорошо, если явится художникъ съ творчествомъ, но вопіющей нужды въ немъ нѣтъ. Красота, талантъ вовсе ненормальны, это — исключеніе, роскошь природы, высшій предѣлъ или резульатъ большихъ усилій цѣлыхъ поколѣній. Стать лошадей Дерби, голосъ Маріо—рѣдкости, но хорошая квартира и обѣдъ—необходимость. Въ самой природѣ, можно сказать, бездна мѣщанскаго; она очень часто останавливается на середкѣ на половину,—видю, дальше итти дужу не хватаетъ. Кто тебѣ сказалъ, что у Европы хватить?

Европа провела дурную четверть часа,—мѣщанство чуть не лишилось плодовъ долгой жизни, долгихъ усилій, труда. Внутри человѣческой совѣсти поднялся какой-то неопредѣленный, но страшный протестъ. Мѣщане вспомнили войны свои за права, войны съ крестьянами, вспомнили героическія времена и библейскія преданія, Тома Мюнстеръ, Ремъ, Авель были еще разъ усмирены, и на ихъ могилахъ еще долго будетъ расти трава, въ предупрежденіе того, какъ караетъ самодержавное мѣщанство. Все съ тѣхъ поръ пришло въ свой порядокъ; онъ проченъ, онъ рационаленъ изъ своихъ началъ, онъ силенъ ростомъ, но артистическаго смысла, но художественной струны въ немъ не прибыло, онъ ихъ и не ищетъ; онъ слишкомъ практиченъ; онъ согласенъ съ Екатериной II, что серьезному человѣку не идетъ хорошо играть на фортепіанахъ,—императрица тоже смотрѣла на мужчинъ съ *практической* точки зрѣнія. Для цвѣтовъ его гряды слишкомъ унавожены; для его грядъ цвѣты слишкомъ бесполезны; если онъ иногда раститъ ихъ, то это на продажу.

Весной 1850 года я искалъ въ Парижѣ квартиру. Тогда я уже настолько обжился въ Европѣ, что мнѣ опротивѣла тѣснота и давка цивилизаціи, которая сначала очень нравится намъ, русскимъ; я съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, смотрѣлъ на безпрестанно двигающуюся, кишашую толпу, предчувствуя, какъ она у меня отниметъ подмѣста въ театрѣ, въ дилижансѣ, какъ она бросится звѣремъ въ вагоны, какъ нагрѣетъ и насытитъ собою воздухъ, а поэтому я и квартиру искалъ не на юру и сколько-нибудь не

похожую на уютно-пошляя и убійственно однообразныя квартиры въ три спальни, à trois chambres à coucher de maitre ¹⁾).

Мнѣ кто-то указалъ флигель большого стараго дома по ту сторону Сены, въ самомъ С.-Жерменскомъ предмѣстьи или около. Я пошелъ туда. Старуха, жена дворника, взяла ключи и повела меня *дворомъ*. Домъ и флигель стояли за оградой; внутри двора, за домомъ чахлѣ зеленѣли какія-то деревья. Флигель былъ неубранъ, запущенъ; вѣроятно, въ немъ много дѣтъ никто не жилъ; полу-старинная мебель времени первой имперіи, съ римской прямолинейностью и почернѣлой позолотой. Флигель этотъ былъ не великъ, не богатъ, но расположеніе комнатъ, мебель,—все указывало на *иное* понятіе объ удобствахъ жизни. Возлѣ небольшой гостиной была еще крошечная, совершенно въ сторонѣ, близъ спальни; кабинетъ со шкапами для книгъ и большимъ письменнымъ столомъ. Я походилъ по комнатамъ и мнѣ показалось, что я послѣ долгаго скитанія снова встрѣтилъ человѣческое жильё, *un chez soi* ²⁾, а не *номеръ*, не людское стойло.

Это замѣчаніе можно распространить на все: на театры, на гулянья, на трактиры, на книги, на картины, на платье; все степенью понизилось и страшно возросло числомъ. Толпа, о которой я говорилъ,—лучшее доказательство успѣха, силы, роста; она прорываетъ всѣ плотины, наполняетъ все и льется черезъ край. Она всѣмъ довольствуется и всего ей мало, Лондонъ тѣсенъ, Парижъ узокъ, сто прицѣпленныхъ вагоновъ недостаточны, сорокъ театровъ—мѣста нѣтъ; для того, чтобъ лондонская публика могла видѣть *пьесу*, надобно ее давать кряду три мѣсяца.

— Отчего у васъ такъ плохи сигары?—спросилъ я одного лондонскаго торговца.

— Трудно доставать, да и хлопотать не стоитъ: знатоковъ мало, а богатыхъ знатоковъ еще меньше.

— Какъ не стоитъ? вы берете 8 пенсовъ за сигару,

— Это у насъ почти никакого разсчета не дѣлаетъ. Ну, вы и еще десять человѣкъ будутъ покупать у меня, много ли барыша? Я въ день сигаръ по 2 и по 3 пенса больше продамъ, чѣмъ тѣхъ въ годъ. Я ихъ совсѣмъ не буду выписывать.

Вотъ человѣкъ, постигнувшій духъ современности. Вся торговля, особенно англійская, основана теперь на количествѣ и дешевизнѣ, а вовсе не на качествѣ, какъ думаютъ старожилы, покупавшіе съ уваженіемъ тульскіе перочинные ножики, на которыхъ была англій-

¹⁾ Съ тремя шикарными спальнями.

²⁾ Свой уголь.

ская фирма. Всё получаетъ значеніе гуртовое, оптовое, рядское, почти всѣмъ доступное, но не допускающее ни эстетической отдѣлки, ни личнаго вкуса. Возлѣ, за угломъ, вездѣ дожидается стотысячеголовая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всѣмъ наѣсться; это—та самодержавная толпа сплоченной посредственности (*conglomerated mediocrity*) Ст. Милля, которая все покупаетъ и потому всѣмъ владѣть, толпа безъ невѣжества, но и безъ образованія; для нея искусство кричить, машеть руками, лжетъ, экзажерируетъ ¹⁾ или съ отчаянія отворачивается отъ людей и рисуетъ звѣринныя драмы и портреты скота, какъ Ландсирь ²⁾ и Роза Бонеръ ³⁾.

Видѣлъ ли ты въ Европѣ актера, одного актера, который бы не былъ гаеръ, паяцъ сентиментальности или паяцъ шаржа? Назови его!

Эпохѣ, которой послѣднее выраженіе въ звукахъ Верди, на роду могло быть написано много хорошаго, но, навѣрное, не художественное призваніе. Ей совершенно по плечу ея созданье—*cafés chantants*, амфибія между поливной и бульварнымъ театромъ. Я ничего не имѣю противъ *cafés chantants*, но не могу же я имъ дать серьезное артистическое значеніе; они удовлетворяютъ общему «костюмеру», какъ говорятъ англичане, общему потребителю, давалцу, стоголовой гидрѣ мѣщанства,—чего же больше?

Выходъ изъ этого положенія далекъ. За большинствомъ, теперь господствующимъ, стоитъ *еще большее* большинство кандидатовъ на него, для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства—единственная цѣль стремленій; ихъ хватить на десять переимѣнъ. Міръ безземельный, міръ городского преобладанія, до крайности доведеннаго права собственности не имѣетъ другого пути спасенія. И весь пройдетъ мѣщанствомъ, которое въ нашихъ глазахъ страшно отстало, а въ глазахъ полевого населенія и пролетаріевъ представляетъ образованность и развитіе. Забѣжавшіе впередъ живутъ въ крошечныхъ кругахъ въ родѣ свѣтскихъ монастырей, не занимаясь тѣмъ, что дѣлаютъ міряне за стѣной.

Было это и прежде, но и размѣры, и сознаніе были меньше; къ тому же прежде были идеалы, вѣрованія, слова, отъ которыхъ билось и простое сердце бѣднаго гражданина, и сердце надменнаго рыцаря, и богатаго купца; у нихъ были общія святыни, передъ которыми, какъ передъ дарами, склонялись всѣ. Гдѣ тотъ псаломъ.

¹⁾ Exagérer—преувеличивать.

²⁾ Эдвинъ, англійскій живописецъ, прекрасно рисовалъ собакъ.

³⁾ Франц. художница, рисовала животныхъ.

который могутъ въ наше время съ вѣрой и увлеченіемъ пѣть во всѣхъ этажахъ дома, отъ подвала до мансарда, гдѣ наша Gottes feste Burg ¹⁾ или марсельеза?

Когда Ивановъ ²⁾ былъ въ Лондонѣ, онъ съ отчаяніемъ говорилъ о томъ, что ищетъ новый религіозный типъ и нигдѣ не находитъ его въ окружающемъ мірѣ. Чистый артистъ, боявшійся, какъ клятвopепреступленія, солгать кистью, прозрѣвавшій больше фантазіей, чѣмъ анализомъ, онъ требовалъ, чтобъ мы ему указали, гдѣ тѣ живописныя черты, въ которыхъ просвѣчиваетъ новое искупленіе. Мы ему ихъ не указали. «Можетъ, укажетъ Маццини», думалъ онъ.

Маццини ему указалъ бы на «единство Итали» тогда,—можетъ, на Гарибальди въ 1861 году, какъ на предтечу, на этого великаго послѣдняго.

Ивановъ умеръ, стучась,—такъ дверь и не отверзлась ему.

Isle of Wight, 10 июня 1862.

Письмо второе.

Кстати къ Маццини, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появился первый томъ полнаго собранія его сочиненій. Въмѣсто предисловія или своихъ «Записокъ», Маццини связалъ статьи, писанныя имъ въ разныя времена, рядомъ пополненій; въ этихъ пояснительныхъ страницахъ бездна самаго живого интереса. Поэма его монашескаго житія, посвященная *одному* богу и *одному* служенію, раскрывается сама собою въ разбросанныхъ отлѣткахъ, безъ намѣренія, можетъ, больше, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Энтузіастъ, фанатикъ съ кровью лигура ³⁾ въ жилахъ, Маццини отрокомъ безвозвратно отдается великому дѣлу освобожденія Игаліи и этому дѣлу остается вѣренъ и нынѣ, и присно, и вѣвѣки вѣковъ, oga e sempre ⁴⁾, какъ говорить его девизъ; тутъ его кность любовь, семья, вѣра, долгъ. Мужъ единой жены, онъ ей не измѣнилъ, и, сѣдой, исхудалый, больной, онъ удерживаетъ смерть, онъ не хочетъ умереть прежде, чѣмъ Римъ не будетъ столицей единой

¹⁾ Знаменитая пѣсня Лютера «Ein feste Burg ist unser Gott», написанная на мотивъ 46-го псалма: «Богъ намъ прибѣжище и сила».

²⁾ А. А., извѣстный художникъ.

³⁾ Лигуры—древнѣйшіе обитатели Европы.

⁴⁾ Теперь и всегда.

Итадіи, и левъ св. Марка не разорветъ на лоскутки развѣвающуюся надъ нимъ черно желтую тряпку ¹⁾).

Свидѣтельство такого человѣка, и притомъ гонителя скептицизма, социализма, матеріализма, человѣка, жившаго всѣми сердцебіеніями европейской жизни въ продолженіе сорока лѣтъ, чрезвычайно важно.

Послѣ первыхъ *пансіонскихъ* увлеченій всякой революціонной карьеры, послѣ поэзіи заговоровъ, таинственныхъ формулъ, свиданій ночью, клятвъ на необагранныхъ кинжалахъ, молодого человѣка беретъ раздумье.

Какъ ни увлекаетъ южную романскую душу обстановка и ритуаль, серьезный и аскетическій Маццини скоро разглядываетъ, что въ карбонаризмѣ гораздо больше приемовъ, обрядовъ, чѣмъ дѣла, больше сборовъ и приготовленій, чѣмъ пути. Давно догадались и мы, что политическая литургія священнослужителей конспирацій, какъ и церковная литургія, — одно драматическое представленіе. Сколько чувствъ и искренности ни вносятъ священники иногда въ службу, все же, агнецъ закалается въ хлѣбѣ и истекаетъ виномъ. Но Маццини это замѣтилъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

Дойдя до этого, молодому карбонару было трудно остановиться. Вглядываясь въ недавнія событія рухнувшей имперіи, свидѣтель монархическихъ реставрацій и реставрацій революціи, конституціонныхъ попытокъ и республиканскихъ неудачъ, Маццини пришелъ къ заключенію, что у современной европейской жизни нѣтъ, какъ онъ выразился, «никакой инициативы», что консерваторская идея и идея революціонная имѣютъ только отрицательное значеніе: одна ломаетъ, не зная, для чего, другая хранитъ, не зная, для чего; что во всемъ, что дѣлается (а дѣлалась тогда революція тридцатаго года), нѣтъ ничего чинополагающаго новый порядокъ дѣлъ.

Въ этихъ словахъ будущаго соперника папы есть звуки погребальнаго колокола, въ который ударялъ Мэстръ, другъ папы.

Пустота, которую ощущалъ Маццини, понятна.

Приливъ революціоннаго моря поднимался торжественно въ 1789 и, не мучимый никакими сомнѣніями, затоплялъ старую весъ; но когда все было покрыто его волнами, и на минуто всплышія головы безъ туловища (и въ томъ числѣ одна въ коронѣ), митры безъ головы и шляпы съ плюмажемъ пошли на дно, тогда впервые почувствовался какой-то страшный *просторъ отсутствія*. Овобожденныя силы развѣдали другъ друга, потомъ устали и остано-

¹⁾ Левъ изображенъ на соборѣ св. Марка—патрона Венеціи, принадлежавшей тогда Австріи; національные цвѣта послѣдней черный и желтый.

видись, — имъ нечего было дѣлать, онѣ ждали событія дня, какъ поденщики ждуть работы. Постоянныя войска эти во время мира кипѣли боевой энергіей, но не было боя, а главное, не было ясной цѣли. А если цѣли нѣтъ, все можетъ быть цѣлью: Наполеонъ ихъ увѣрилъ, что *онъ* — цѣль, что война — цѣль, и отлил больше человѣческой крови, чѣмъ напоръ волнъ революціонныхъ прилилъ идей.

Маццини понялъ это и, прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ, онъ посмотрѣлъ за политическія стѣны. Тамъ ему встрѣтился колоссальный эгоизмъ Гете, его покойное безучастіе, его любознательность естествоиспытателя въ дѣлахъ человѣческихъ; тамъ ему встрѣтился гложущій себя колоссальный эгоизмъ Байрона.

Поэзія презрѣнія возлѣ поэзіи созерцанія; плачь, смѣхъ, гордое бѣгство и отвращеніе отъ современнаго міра возлѣ гордаго довольства въ немъ. Герои Байрона поражаютъ Маццини; онъ ищетъ, откуда ведутъ свое начало эти странные отшельники, безъ религіи и монастыря, сосредоточенные на себѣ, ненужные, несчастные, безъ дѣла, безъ родины, безъ интересовъ, эгоисты и аскеты, готовые на жертвы, которыхъ не умѣютъ принести, готовые презирать себя въ качествѣ людей. И снова Маццини наталкивается на ту же причину. Въ байроновскихъ герояхъ недостаетъ объективнаго идеала вѣры; мечта поэта, отвернувшись отъ бесплодной, отталкивающей среды, была сведена на лиризмъ психическихъ явленій, на *внутрь вошедшіе* порывы дѣятельности, на больные нервы, на тѣ духовныя пропасти, гдѣ сумасшествіе и умъ, порокъ и добродѣтель теряютъ свои предѣлы и стѣняются привидѣніями, угрызениями совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненнымъ упоеніемъ.

Успокоиться на этомъ *свидѣтельство болѣзни* дѣятельный духъ Маццини не могъ. Ему, во что бы ни стало, хотѣлось сыскать слово новой вѣры, инициативу, — онъ и сыскалъ ихъ.

Теперь рычагъ въ его рукахъ. Онъ повернетъ міръ, онъ пересоздастъ Европу, замѣнитъ гробъ колыбелью, разрушителей сдѣлаетъ зодчими, разрѣшитъ противорѣчіе общества и лица, свободы и авторитета, дастъ сердцу вѣру, не отнимая у разума разумъ... Чтѣ же, ты думаешь, это *magnum ignotum* ¹⁾? — *Единство и освобожденіе Италии съ древнимъ Римомъ въ центрѣ.*

Тутъ, само собою разумѣется, нѣтъ мѣста ни разбору, ни критикѣ. Не оттого ли, что Маццини предвидѣлъ новое откровеніе,

¹⁾ Великое неизвѣстное.

новое искупленіе міра въ итальянскомъ risorgimento ¹⁾, онъ не предвидѣлъ одного—именно, Кавура? Кавуръ онъ долженъ былъ ненавидѣть больше, чѣмъ Антонелли ²⁾. Кавуръ былъ прозаическимъ переводомъ его поэмы, онъ выполнилъ одну будничную часть мацциневской программы; за Римомъ и Венеціей à la longue ³⁾ дѣло не станеть. Кавуръ, это—итальянская Марѳа, мѣшающая хозяйственными дрязгами единой мечтѣ итальянской Маріи. И въ то время, когда Марія съ умиленіемъ видѣла искупленіе міра въ освобождающейся Италіи, Марѳа кроила для Италіи бельгійскій костюмъ, и страна, довольная, что конституція не жметъ ее, пошла себѣ по торной западной колѣѣ, по большому торговому тракту, а по немъ не дойдешь ни до какого пересозданія міра, *не пустившись въ опасный бродъ.*

Фанатикъ Маццини ошибался; колоссальность его ошибки сдѣлала возможнымъ соизмѣримаго Кавура и единую Италію. Для насъ, впрочемъ, вовсе неважно, какъ онъ разрѣшилъ вопросъ; для насъ важно то, что западный человѣкъ, какъ только становится на свои ноги и освобождается отъ готовыхъ формулъ, какъ только начинаетъ вглядываться въ современное состояніе Европы,—чувствуетъ неловкость, чувствуетъ, что что-то *не туда идетъ*, что развитіе *дало въ сторону*. Обмануть это чувство замѣною недостающаго начала началомъ національности легко могутъ революціонеры и консерваторы, особенно, если, по счастью, ихъ родина будетъ покорена. Но что же дальше? Что дѣлать, возстановивши независимость своего народа? Или что дѣлать, когда она и безъ того независима?

Маццини, сознавая какую-то *пустоту* демократической мысли, указываетъ на освобожденіе Италіи отъ «тедесковъ» ⁴⁾. Ст. Милль видитъ, что все около него пошлѣетъ, мельчаетъ, съ отчаяніемъ смотритъ на подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ мириадъ мѣщанской мелкоты, безъ инициативы, безъ пониманія, но и безъ австрійскаго ига, безъ папы и неаполитанскаго Бурбона. Тутъ что дѣлать?

...Я предчувствую нѣвъ нашихъ крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ научнымъ фабрикамъ и схоластическимъ заводамъ; я вижу, какъ они бѣлымъ днемъ яростно смотрятъ на меня своими ночными глазами филина и говорятъ: «Что онъ за вздоръ несетъ? какъ будто, исторія можетъ дать въ сторону, какъ будто, она

¹⁾ Возрѣженіе.

²⁾ Джакомо, кардиналь, министръ иностранныхъ дѣлъ при Пии IX.

³⁾ Подъ конецъ.

⁴⁾ Итальянское названіе нѣмцевъ, въ частности—австрійцевъ

не двигается по своимъ законамъ, какъ планеты, которыя никогда не даютъ въ сторону и не срываются съ орбиты?».

На послѣднее можно сказать, что всякое бываетъ, и нѣтъ причины, чтобъ иной разъ планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцѣлѣло и вертится съ нимъ, у Юпитера оно лопнуло, и изъ него сдѣлались бусы мѣсяцевъ. Но, вмѣсто обсерваторіи, стоитъ заглянуть въ любую больницу, чтобъ видѣть, какъ живые организмы *даютъ въ сторону*, развиваются въ своемъ отклоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ. Шаткое равновѣсіе всего живого колеблется и до нѣкоторой степени уступаетъ уклоненіямъ; но еще шагъ въ ту же сторону—и худо стянутый узелъ, связующій ихъ, развязанъ, и освобожденные элементы идутъ въ другія сочетанія...

Разумѣется, что общіе законы остаются тѣ же, но въ частныхъ приложеніяхъ они могутъ разниться до совершенно противоположныхъ явленій. Повинуясь одному и тому же закону, пухъ летаетъ, а свинець падаетъ.

При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ развитіе въ природѣ, въ исторіи не то, что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ иногда отклоненіе даетъ себя знать болью, и тутъ часто боль является слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, рѣдко имѣя возможность остановить отклонившееся, удержать забѣжавшее или нагнать его, да рѣдко имѣя и желаніе на то: желаніе предполагало бы всякій разъ сознаніе и цѣль.

Сознаніе, съ своей стороны, очень далеко отъ практическаго приложенія. Боль не лѣчить, а вызываетъ лѣченіе. Патологія можетъ быть хороша, а терапія скверная; можно вовсе не знать медицины и ясно видѣть болѣзнь. Требованіе лѣкарства отъ чловека, указывающаго на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Христіане, плакавшіе о грѣхахъ міра сего, соціалисты, раскрывшіе раны быта общественнаго, и мы, *недовольныя, неблагодарныя* дѣти цивилизаціи,—мы вовсе не врачи, *мы—боль*; что выйдетъ изъ нашего кряхтѣнія и стога, мы не знаемъ, но *боль заявлена*.

Передъ нами цивилизація, послѣдовательно развившаяся на безземельномъ пролетаріатѣ, на безусловномъ правѣ собственника надъ собственностью. То, что ей пророчилъ Сіэйесъ, то и случилось: среднее состояніе сдѣлалось *всѣмъ* на условіи владѣть *что-нибудь*. Знаемъ ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства

въ государство народное, или нѣтъ, все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ.

Подъ словомъ «уродство», «болѣзнь» мы обыкновенно разумѣемъ что-то неестественное, противозаконное, не отдавая себѣ отчета, что уродство и болѣзнь *естественныя* нормальнаго состоянія, представляющаго алгебраическую формулу организма, отвлеченіе, обобщеніе, идеаль, собранный изъ разныхъ частныхъ исключеніемъ случайностей. Отклоненіе и уродство *подзаконны* тому же *закону*, какъ и организмы; въ ту минуту, когда бы они освободились отъ него, организмъ бы умеръ. Но, сверхъ общей подзаконности, они еще состоятъ на особыхъ правахъ, имѣютъ свои частные законы, послѣдствія которыхъ опять-таки мы имѣемъ право выводить безъ всякихъ ортопедическихъ возможностей поправлять. Видя, что у жираффы передняя часть развита *односторонне*, мы могли догадаться, что это развитіе сдѣлано на счетъ задней части, и что, въ силу этого, въ ея организмѣ непременно будетъ рядъ недостатковъ, соответствующихъ его одностороннему развитію, но которые для нея естественны и относительно нормальны.

Переднюю часть европейскаго камелеопардала ¹⁾ составляетъ мѣщанство, — объ этомъ можно бы было спорить, если-бъ дѣло не было такъ очевидно; но, однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видать всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку. Противъ него равно будетъ несостоятельна нелѣпость родовой аристократіи и несчастье родowego пролетаріата. Правительство должно умереть съ голоду или сдѣлаться его приказчикомъ; у него на пристяжкѣ пойдутъ его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолѣтняго рода человѣческаго — адвокаты, судьи, нотаріусы и пр. вмѣстѣ съ его господствомъ разовѣется пониженіе всего нравственнаго быта, и Ст. Милль, напр., вовсе не преувеличивалъ, говоря о суживаніи ума, энергіи, о стертости личностей, о постоянномъ мельчаніи жизни, о постоянномъ исключеніи изъ нея общечеловѣческихъ интересовъ, о сведеніи ея на интересы торговой конторы и мѣщанскаго благосостоянія. Милль прямо говоритъ, что по этому пути Англія сдѣлается *Китаемъ*; мы къ этому прибавимъ: и не одна Англія.

Можетъ, какой-нибудь кризисъ и спасетъ отъ китайскаго маразма, но откуда онъ придетъ, какъ, и вынесетъ ли его старое

¹⁾ Одногорбаго верблюда.

тѣло или нѣтъ? Этого я не знаю, да и Ст. Милль не знаетъ. Опытъ насъ проучилъ; осторожнѣе Мазцини, мы смиренно держимся точки зрѣнія *прозектора*: лѣкарствъ не знаемъ, да и въ хирургию мало вѣримъ.

Мнѣ же особенно посчастливилось,—мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники; не стоило смотрѣть въ атласъ, ни ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологии: болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами.

Агонія іюльской монархіи, тифъ папства, преждевременное рожденіе республики и ея смерть, за февральскими *сумерками* іюньскіе *дни*, вся Европа, въ припадкѣ лунатизма сорвавшаяся съ крыши Пантеона въ полицейскую лужу! Десять лѣтъ въ обширнѣйшемъ музеѣ патологической анатоміи—на лондонской всемирной выставкѣ образцовъ всѣхъ прогрессивныхъ партій въ Европѣ, рядомъ съ туземными образцами всѣхъ консерватизмовъ со временъ іудейскихъ первосвященниковъ до шотландскихъ пуританъ.

Десять лѣтъ!

Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь, въ то, что дѣлалось вкругъ; но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобрать на лбу этихъ людей цицероновское «*vixerunt!*»¹⁾.

Съ каждымъ годомъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе здѣшнихъ людей, объ ихъ равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтреность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безапелляціонный критеріумъ, и привычка—не доказательство. Иногда я пріостанавливаюсь; мнѣ кажется, что худшее время прошло; я стараюсь быть непослѣдовательнымъ; мнѣ кажется, напримѣръ, будто, сгнетенное слово во Франціи вырастаетъ въ мысль... я жду, надѣюсь... бываетъ же иногда и исключеніе... будто, что-то брезжить... Нѣтъ, ничего!

И этого никто не чувствуетъ... На тебя смотрятъ съ какой-то жалостью, какъ на поврежденнаго... Мнѣ только случилось встрѣчать старыхъ стариковъ, какъ-то очень грустно качавшихъ сѣдой головой.

Этимъ старикамъ было, видимо, неловко съ своими *чужими*, съ сыновьями и внучатами...

...Да, саго пію, есть еще въ здѣшней жизни великій типъ для поэта, типъ вовсе непочатый... Тотъ художникъ, который здѣсь

¹⁾ Они отжили!

всмотрится въ *дѣдовъ* и *внучатъ*, въ *отцовъ* и *дѣтей* и безбоязненно, безпощадно воплотить ихъ въ черную, страшную поэму,— тотъ будетъ надгробный лауреатъ этого міра.

Типъ этотъ—типъ Донъ Кихота революціи, старика 89 года, доживающаго свой вѣкъ на хлѣбахъ своихъ внучатъ, разбогатѣвшихъ французскихъ мѣщанъ; онъ не разъ наводилъ на меня ужасъ и тоску.

Ты подумай объ немъ, и у тебя волосъ станетъ дыбомъ.

Isle of Wight, Cowes, 20 іюля 1862.

Письмо третье.

...Фу, какое отвратительное лѣто: холодъ, темнота, слякоть, постоянные вѣтры; нервы раздражены, носовая перепонка тоже, и все это продолжается три мѣсяца, а передъ ними были семь предшественниковъ ихъ по ту сторону вступленія въ знакъ Овна! ¹⁾.

Наконецъ-то, солнце явилось на безоблачномъ небѣ. Море разгладилось и блеститъ; я сижу у своего окна въ крошечной фермѣ и не могу наглядѣться,—такъ давно я не видѣлъ солнца и дали. Сегодня даже тепло. Я просто обрадовался, увидя, что природа еще цѣла; зато пиръ горой: шмели, пчелы, птицы летаютъ, жужжатъ, поютъ, шумятъ, на дворикѣ фермы кричитъ во все горло просохнувшій пѣтухъ, и старая собака, забывъ лѣта и общественное положеніе, лежитъ на спинѣ, какъ щенокъ, задравши ноги вверхъ, и покачивается изъ стороны въ сторону, съ невольнымъ эпикурейскимъ ворчаньемъ. Людей не видать изъ моего окна, но полей, но деревьевъ, но садовъ—безъ конца; несмотря на море въ сторонѣ, видъ этотъ напоминаетъ наши великорусскіе виды, къ тому же пахнетъ травой и деревьями.

Пора было погодѣ исправиться, а то я начиналъ опасаться ужъ не соціального переворота, а геологическаго; я такъ и ждалъ, что вслѣдъ за десятимѣсячной дурной погодой Европа дастъ трещину и вулканической мѣрой разрубитъ гордіевъ узелъ современныхъ вопросовъ и *impass'овъ* ²⁾, приглашая желающихъ начать не то что съ азбуки, а съ Адама II.

Ты въ качествѣ поэта и идеалиста, должно быть, не вѣришь такой чепухѣ, а Ламэ ³⁾, въ качествѣ одного изъ величайшихъ

¹⁾ Овенъ—зодіакальное созвѣздіе изъ 57 видимыхъ нами звѣздъ.

²⁾ *Impasse*—тупикъ.

³⁾ Габріэль, франц. геометръ.

математиковъ нашего времени, о которомъ благосклонно и одобрительно отзывался самъ «Вѣстникъ»¹⁾, и самъ Брашманъ²⁾ не того мнѣнія. Ему кажется, что равновѣсіе скучившихся материковъ очень непрочное и что, взявъ къ тому же въ расчетъ быстрое движеніе въ одну сторону и кой-какіе факты передвиженія массъ въ Исландіи,—того и смотри, что шаръ земной дастъ трещину въ Европѣ. Онъ даже составилъ рядъ формулъ, сдѣлалъ рядъ вычисленій... Ну, да что тебя пугать,—до Орловской губерніи трещина не дойдетъ.

Лучше, пользуясь казусно хорошей погодой, потолкуемъ оныя объ нашихъ «концахъ и началахъ», а придетъ трещина, она сама распорядится.

Донъ Кихотъ революціи не идетъ у меня изъ головы. Суровый, трагическій типъ этотъ исчезаетъ, — исчезаетъ, какъ бѣловѣжскій зубръ, какъ краснокожіе индѣйцы, и нѣтъ художника, который бы помѣтилъ его черты, старья, рѣзкія, носящія на себѣ слѣды всѣхъ скорбей, всѣхъ печалей. идущихъ изъ *общихъ* началъ и изъ вѣры въ человѣчество и разумъ. Скоро черты эти замрутъ, не сдавшись, съ выраженіемъ гордаго и укоряющаго презрѣнія, потомъ сотрутся, и человѣческая память утратитъ одинъ изъ высшихъ, крайнихъ предѣльныхъ типовъ своихъ.

Это—вершины горъ, которыми заключается хребетъ XVIII столѣтія; ими онъ достигаетъ своего предѣла и замыкается, ими обрывается рядъ усилій подняться. Дальше этимъ вулканическимъ напоромъ итти нельзя.

Титаны, остающіеся послѣ борьбы, послѣ пораженія при всѣхъ своихъ титаническихъ стремленіяхъ, представителями неудовлетворенныхъ притязаній, дѣлаются изъ великихъ людей печальными Донъ Кихотами. Исторія подымается и опускается между пророками и рыцарями печальнаго образа. Римскіе патриціи, республиканцы, стоики первыхъ вѣковъ, отшельники, бѣжавшіе въ степи отъ христіанства, ополченнаго въ официальную религію, пуритане, наполнившіе цѣлое столѣтіе скрежетомъ зубовъ за достиженіе своего скучнаго идеала, — все это, оставленное тливомъ, упорно рвущееся впередъ и вязнущее въ тинѣ, не поддержанное волною, все это—Донъ Кихоты, но Донъ Кихоты, нашедшіе своихъ Сервантесовъ. Для сподвижниковъ начальной церкви есть томы легендъ, есть иконопись и живопись, есть ихъ благословляющія изваянія. Типъ пуританизма закрѣпленъ въ англій-

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ».

²⁾ Николай Дмитріевичъ, профессоръ московскаго университета.

ской литературѣ, въ голландской живописи, а типъ Донъ Кихота революціи вывѣтривается на нашихъ глазахъ, становится рѣже и рѣже, и никто не думаетъ о томъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, снять фотографію.

Фанатики земной религіи, фантасты не царства божія, а царства человѣческаго, они остаются послѣдними часовыми идеала, давно покинутаго войскомъ; они мрачно и одиноко стоятъ полстолѣтія, безсильные *измѣнить* и все ожидающіе пришествія республики на землѣ; грунтъ возлѣ понижается, понижается,—они этого не хотятъ видѣть. Я еще засталъ нѣсколько изъ этихъ апостоловъ девяностыхъ годовъ; рѣзкія, печальныя, крупныя фигуры ихъ, переросшія два поколѣнія, казались мнѣ какими-то угрюмыми и неподвижно разрушающимися по камешку Мемнонами ¹⁾ въ египетскихъ степяхъ... И у ихъ ногъ копошились, хлопотали, таскали товары крошечные люди и маленькіе верблюды, едва видные изъ-за урагана пыли.

Смерть давала все больше и больше знать о своемъ приближеніи; старый пожелтѣлый взглядъ становился суровѣе, уставалъ отъ напряженія, высматривая смѣну, отыскивая, кому сдать честь и мѣсто.—Сыну? Старикъ хмурится.—Внуку? Онъ махнулъ рукой. Бѣдный король Лиръ въ демократіи,—куда ни обращаетъ онъ угасающій взглядъ свой: къ своимъ, къ приснымъ, вездѣ его встрѣчаетъ непониманіе, безучастье, осужденіе, полускрытый упрекъ, мелкіе счеты и мелкіе интересы. Его яковинскихъ словъ боятся при постороннихъ, ему просятъ прощеніе, указывая на изрѣдѣвшія сѣдины. Его невѣстка мучитъ его примиреніемъ съ церковью, и іезуитскій аббатъ шныряетъ по временамъ, какъ мимолетный воронъ, посмотрѣть, сколько еще силъ и сознанія, чтобы поймать его въ предсмертномъ бреду.

Еще хорошо, если гдѣ-нибудь въ околоткѣ гражданина Лира есть гражданинъ Кентъ, который находитъ, что «въ его лицѣ есть что-то, напоминающее 94 годъ», какой-нибудь темный сподвижникъ Сантера ²⁾, солдатъ арміи Марсо и Гоша, гражданинъ Спартакюсъ-Брютьюсъ-жюніоръ ³⁾, дѣтски вѣрный своему преданію и гордо держащій лавочку рукой, которой держалъ пику съ фригійской шапкой. Лиръ зайдетъ къ нему иной разъ отвести душу, покачать

¹⁾ Мемнонь—легендарный царь Эѳіопіи, имени котораго были присвоены двѣ колоссальныя статуи близъ г. Фивъ въ Египтѣ, одна изъ коихъ издавала на разсвѣтѣ жалобный звукъ.

²⁾ Парижскій пивоваръ, командовавшій національной гвардіей въ 1793 г.

³⁾ Подражаніе французскому произношенію; собственно, Спартакъ-Брутъ-юніоръ, или младшій: составное имя, придуманное Герценомъ.

головой и вспомнить старину съ ея огромными надеждами, съ ея великими событіями, побранить Талиена и Барраса, реставрацію съ своими *safards* ¹⁾, короля-лавочника *et ce traître de Lamartine* ²⁾. Оба *знаютъ*, что часъ революціи пробьетъ, что народъ проснется, какъ левъ, и снова подниметь фригійскую шапку, и въ этомъ упованіи одинъ изъ нихъ засыпаетъ.

Насупивъ брови, идетъ Лиръ за гробомъ Спартакюсъ-Брютюсъ-жюніора или Спартакюсъ-Брютюсъ-жюніоръ, не скрывая глубокаго отвращенія ко всему родству покойнаго, идетъ за гробомъ Лира—и изъ двухъ величавыхъ фигуръ остается одна, и та совершенно лишняя.

«И его нѣтъ, и онъ не дождался»—думаетъ оставшійся старикъ, возвращаясь съ похоронъ; «неужели, въ самомъ дѣлѣ, изувѣрство и монархизмъ, сторона Питта ³⁾ и Кобурга ⁴⁾ окончательно взяли верхъ? неужели вся долгая жизнь, усилія, жертвы?.. Нѣтъ, не можетъ быть, истина съ нашей стороны, и побѣда будетъ съ нашей... Разумъ и справедливость восторжествуютъ, разумѣется, с ерва во Франціи, потомъ во всемъ родѣ человѣческой и—«*Vive la République, une et indivisible!*» ⁵⁾, молится старецъ восьмидесятилѣтними губами, такъ, какъ другой старецъ, отдавая съ миромъ духъ свой Господу, шепчетъ ему: «да прійдетъ царствіе твое», и оба спокойно закрываютъ глаза и не видятъ, что ни царство небесное на землѣ, ни единая и нераздѣльная республика во Франціи вовсе не водворяются, и не видятъ потому, что духъ ихъ принялъ съ миромъ не Господь, а разлагающееся тѣло.

Святые Донъ Кихоты, вамъ легка будетъ земля!

Эти фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость истины, *потому что она истина*, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго, эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары,—это-то и есть *вершина*... Гора окончена; выше, дальше холодный воздухъ, мгла, ничего. Опять спускаться! Отчего нельзя продолжать? Отчего Монъ-Бланъ не стоитъ на Чимборазо, и Гималай не продолжаетъ ихъ,—какова бы была гора?

Такъ нѣтъ—у cadaго геологическаго катаклизма свой романъ, своя поэма горъ, свой хребетъ, свои гранитныя, базальтовыя лич-

¹⁾ Лицемѣрами.

²⁾ Этого измѣнника Ламартина.

³⁾ Вильямъ, англійскій первый министръ, врагъ Франціи.

⁴⁾ Фридрихъ, саксонскій принцъ, австрійскій фельдмаршалъ, командовавшій войсками противъ Франціи.

⁵⁾ Да здравствуетъ единая и нераздѣльная республика!

ности, подавляющія своимъ величіемъ низменные бассейны. Памятники планетныхъ революцій, они давно обросли лѣсами и мхомъ въ свидѣтельство тысячелѣтняго застоя потомъ. И наши забѣжавшіе піонеры революціи оставили въ исторіи свои Альпы; слѣды ихъ титаническихъ усилій не прошли и долго не пройдутъ. Чего же больше?

Да, для исторіи. Тамъ своя гуртовая, безпощадная оцѣнка; тамъ, какъ въ описаніи сраженій,—движеніе корпусовъ, дѣйствіе артиллеріи, напоръ лѣваго фланга, отступленіе праваго; тамъ свои личности, «30-й егерской, а послѣ 45-й»¹⁾. Далѣе бюллетень не идетъ, онъ довольствуется потомъ итогомъ труповъ, а «пятое дѣйствіе» каждаго солдата идетъ далѣе, и оно имѣетъ свой совершенно *статскій* интересъ.

Что вынесли эти люди *послѣдняю* прилива, оставленные отливомъ въ тинѣ и слякоти! Что выстрадали эти *отцы*, съ своими *дѣтьми* одинокіе въ своихъ семьяхъ, больше, чѣмъ монахи въ своихъ кельяхъ! Какія страшныя столкновенія всякаго часа, всякаго дня!.. Какія минуты устали и отчаянія!

Не странное ли дѣло, что въ длинномъ ряду «несчастныхъ», выванныхъ В. Гюго²⁾, являются и старики... а *несчастный старикъ* по преимуществу отодвинутъ на задній планъ, пропущенъ? Гюго едва замѣтилъ, что возлѣ мучительнаго сознанія виновности есть другая пытка—мучительное *сознаніе ненужной правоты своей*, сознаніе своего бесплоднаго превосходства надъ слабостью всего близкаго, молодого, переживающаго... Великій риторъ и поэтъ между скорбными существованіями французской жизни чуть коснулся величайшей скорби въ мірѣ—старца, юнаго душою, окруженнаго больше и больше мельчайшимъ поколѣніемъ.

Ну, что передъ ними и мучительныя, но ненужныя и чисто субъективныя страданія Жанъ Вальжана, такъ утомительно подробно рассказанныя въ романѣ-омнибусѣ Гюго? Конечно, сострадать можно всякому несчастью, но не всякому—глубоко сочувствовать. Боль отъ перелома ноги и боль отъ перелома жизни вызываютъ рѣзкое участіе.

Мы слишкомъ мало французы, чтобъ понимать такіе идеалы каторжниковъ, какъ Жанъ Вальжанъ, и сочувствовать такимъ героямъ полиціи, какъ Жаверь. Жаверь для насъ просто отвратителенъ. Вѣроятно, Гюго не думалъ, чертя эту совершенно національную

¹⁾ «Горе отъ ума».

²⁾ Романъ его «Les misérables», персонажи котораго и называются дальше.

фигуру шакала порядка, какое клеймо онъ выжегъ на плечѣ своей «прелестной Франціи». Въ Жанъ Вальжанъ намъ только понятна его внѣшняя борьба добраго, несчастнаго звѣря, травимаго цѣлымъ гончимъ обществомъ. Внутренняя борьба его для насъ остается посторонней; этотъ сильный человѣкъ мышцами и волей, въ сущности, чрезвычайно слабый человѣкъ. Святой каторжникъ, Илья Муромецъ изъ тулонскихъ галеръ, акробатъ въ пятьдесятъ лѣтъ и влюбленный мальчикъ чуть не въ шестьдесятъ, онъ исполненъ суевѣрія. Онъ вѣруеть въ клеймо на плечѣ; онъ вѣруеть въ приговоръ; онъ вѣруеть, что онъ — отверженный человѣкъ, оттого что тридцать лѣтъ тому назадъ укралъ хлѣбъ, да и то не для себя. Его добродѣтель — болѣзненное раскаяніе; его любовь — старческая ревность. Натянутое существованіе его поднимается до истинно трагическаго значенія только въ концѣ книги, отъ бездушноты ограниченности Козеттина мужа и безграничной неблагодарности ея самой.

И тутъ Жанъ Вальжанъ, дѣйствительно, граничитъ съ нашими стариками: раскаяніе одного и правота другихъ смѣшиваются въ жгучемъ страданіи. Ртуть термометра, замерзшая въ пулю, обжигаетъ, какъ раскаленная пуля изъ свинца. Сознаніе правоты, отхватывающее полсердца, полсуществованія, стоитъ угрызенія совѣсти и еще хуже: тутъ есть искупленіе исповѣди, вознагражденіе, тамъ — ничего. Между старикомъ девяностыхъ годовъ, фанатикомъ, фантастомъ, идеалистомъ, и сыномъ, который *старше* его осторожностью, благоразуміемъ, разочарованіемъ, — сыномъ, черезъ край удовлетвореннымъ «меньшей линіей», и внукомъ, который, шеголяя въ мундирѣ императорскаго гида, мечтаетъ о томъ, какъ бы лукнуть въ супрефекты pour exploiter sa position ¹⁾, нарушено естественное отношеніе, нарушено равновѣсіе, искажена органическая преемственность поколѣній.

Жанъ Вальжанъ въ своей старческой дѣвственности, въ своей лирической, личной сосредоточенности самъ не зналъ, чего требовалъ отъ молодой жизни. Чего хотѣлъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ Козетты? Развѣ она могла быть его подругой? Онъ въ неопытной непочатости своего сердца перешагнулъ любовь отца.. Онъ исключительно *для себя* хотѣлъ любить ее, а такъ отецъ не любитъ. Сверхъ того, онъ, всю жизнь внутренно драпируясь въ куртку каторжнаго, сломился подъ бременемъ отвращенія, которое ему показалъ ограниченнѣйшій молодой человѣкъ, — типическій представитель пошлѣющаго поколѣнія.

¹⁾ Чтобы использовать свое положеніе.

Я не знаю, что Гюго хотѣлъ сдѣлать съ Маріюсомъ. Мнѣ кажется, что онъ, вообще, «шелъ въ комнату, попалъ въ другую»¹⁾, и, можетъ, потому-то многое имѣетъ такую portée²⁾. Для меня онъ въ своемъ поколѣніи такой же типъ, какъ Жаверъ въ своемъ. Въ инстинктахъ этого молодого человѣка мерцаютъ*какимъ-то отблескомъ другого дня благородные и горячіе порывы, безъ разсужденія, безъ корня, почти безъ смысла—по преданію, по примѣру. Въ немъ и закваски XVIII вѣка больше нѣтъ,—этой неутомимой потребности анализа, критики, этого грѣзнаго вызова всего на свѣтѣ на провѣръ ума; у него и ума нѣтъ, но онъ еще добрый товарищъ, пойдетъ на баррикаду, не зная, что потомъ; онъ живетъ по-готовому, и, зная à code ouvert³⁾, что добро и что зло, такъ же мало беспокоится объ этомъ, какъ человѣкъ, знающій достовѣрно, что скоромное ѣсть грѣшно въ постъ. На этомъ поколѣніи останавливается и начинается свое отступленіе революціонная эпоха; еще поколѣніе—и нѣтъ больше порывовъ, все принимаетъ обычный порядокъ, личность стирается, смѣна экземпляровъ едва замѣтна въ продолжающемся жизненномъ обиходѣ.

Я воображаю, что нѣчто подобное было въ развитіи животныхъ: складывавшійся видъ, порываясь свыше силъ, отставая ниже возможностей, мало-по-малу уравнивался, умѣрялся, терялъ анатомическія эксцентричности и физиологическія необузданности, приобрѣтая зато плодовитость и начиная изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ повторять, по образу и подобию перваго остепенившагося праотца, свой рѣзко обозначенный видъ и свою стертую индивидуальность.

Тамъ, гдѣ видъ сложился, *исторія* почти прекращается, по крайней мѣрѣ, становится скромнѣе, развивается исподволь... въ томъ родѣ, какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору понемногу; есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ; есть землетрясенія тамъ-сямъ, нѣтъ общаго переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разныхъ возможностяхъ, больше или меньше, въ ту или другую сторону одностороннихъ; они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а если-бъ и перешагнули, то въ смыслѣ той же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ—форелью, Голландія—Швеціей.. Если-бъ можно было предположить животные идеалы, то идеаль рака былъ бы тоже ракъ, но

1) «Горе отъ ума».

2) Важность, значеніе.

3) Съ перваго взгляда.

съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, какъ Англія и Франція, не сомнѣвающіяся въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти, что онѣ—передовыя страны міра. Пока одни успокаиваются на достигнутомъ, развитіе продолжается въ несложившихся видахъ возлѣ, около *ютоваю*, совершившаго свой циклъ вида.

Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и улы достигали относительнаго удовлетворенія и уравниженія, движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, фантазіи, идеалы потухали. Довольство богатыхъ и сильныхъ подавляло стремленіе бѣдныхъ и слабыхъ. Религія являлась всѣхъ скорбящихъ утѣшительницей. Все, что сосало душу, почему страдалъ человѣкъ, все, что беспокоило и оставалось неудовлетвореннымъ на землѣ, все разрѣшалось, удовлетворялось въ вѣчномъ царствѣ Ормузда, превыше Гималая, у подножія престола Іеговы. И чѣмъ безропотнѣ выносили люди временныя несчастія земной жизни, тѣмъ полнѣе было небесное примиреніе, и притомъ не на короткій срокъ, а вѣки вѣковъ.

Жаль, что мы мало знаемъ внутреннюю повѣсть азіатскихъ народовъ, вышедшихъ изъ исторіи, мало знаемъ тѣ періоды безъ событій, которые предшествовали у нихъ насильственному вторженію дикихъ племенъ, все избивавшихъ, или хищной цивилизаціи, все искоренявшей и перестраивавшей. Она намъ показала бы въ элементарныхъ и простыхъ формахъ, въ тѣхъ пластическихъ, библейскихъ образахъ, которые создаетъ одинъ Востокъ, выходъ народа изъ историческаго тревоженія въ покойное *statu quo* жизни, продолжающейся въ безспорной смѣнѣ поколѣній—зимы—весны, весны—лѣта...

Тихимъ, невозмущаемымъ шагомъ идетъ Англія къ этому покою, къ незыблемости формъ, понятій, вѣрованій. На-дняхъ «Таймсъ» поздравлялъ ее съ отсутствіемъ интереса въ парламентскихъ преніяхъ, съ безропотностью, съ которой работники умиряютъ съ голоду «въ то время, какъ еще такъ недавно ихъ отцы, современники О'Коннора» ¹⁾, потрясали страну своимъ грознымъ ропотомъ. Прочно, какъ вѣковой дубъ, стоитъ, глубоко пустивши корни, англиканская церковь, милосердно допуская всѣ расколы и увѣренная, что всѣ они далеко не уйдутъ. Упираясь по старой памяти и кобенясь, низвергается Франція задомъ напередъ, чтобы придать себѣ видъ прогресса. За этими колоссами пойдутъ и

¹⁾ Фергюсъ, ирландскій агитаторъ.

остальные двумя колоннами, нѣкогда пророчески соединенными подъ однимъ скипетромъ... ¹⁾ Съ одной стороны, худой, суровый, постный типъ испанца, задумчиваго безъ мысли, энтузіаста безъ цѣли, озабоченнаго безъ причины, принимающаго всякое дѣло къ сѣрцу и не умѣющаго ничему помочь, словомъ, типъ настоящаго Донъ Кихота Ламанческаго; съ другой—дородный типъ голландца, довольнаго, когда онъ сытъ, напоминающій Санчо Пансо.

Не оттого ли здѣсь дѣти *старше* своихъ отцовъ, старше своихъ дѣдовъ и могутъ ихъ называть à la Dumas jun. ²⁾ «блудными отдами», что старость-то и есть главная характеристика теперь живущаго поколѣнія? По крайней мѣрѣ, куда я ни смотрю, я вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившія спины, завѣщанія, итоги, выносы, *концы*, и все ищу, ищу *началь*,—они только въ теоріи и отвлеченіяхъ.

10 августа 1862.

Письмо четвертое.

Прошлымъ лѣтомъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Девонширѣ одинъ пріятель, саратовскій помѣщикъ и большой фурьеристъ.

Сдѣлай одолженіе, не сердись на меня, — т.-е. это не помѣщикъ мнѣ сказалъ, а я тебѣ говорю за то, что я безпрестанно сѣрачиваю съ дороги. Вводныя мѣста—мое счастье и несчастье. Одинъ французъ, литераторъ времянъ реставраціи, классикъ и пуристъ, не разъ говаривалъ мнѣ, продолжительно и академически нюхая табакъ (такъ, какъ скоро перестанутъ нюхать): «notre ami abuse de la parenthèse avec intempérance!» ³⁾ Я за отступленія и за скобки всего больше люблю форму писемъ, и именно писемъ къ друзьямъ: можно не стѣсняясь писать, что въ голову придетъ.

Ну, вотъ мой саратовскій фурьеристъ въ Девонширѣ и говоритъ мнѣ:

— Знаете ли, какая странность? Я теперь былъ первый разъ въ Парижѣ. Ну, конечно... что и говорить, а если разобрать поглубже, въ Парижѣ скучно... право скучно!

— Что вы?—говорю я ему.

— Ей богу.

— Впрочемъ, отчего же вы думали, что тамъ весело?

— Помилуйте, послѣ саратовскихъ степей.

¹⁾ Испанскихъ королей.

²⁾ Какъ Дюма-сынъ.

³⁾ Нашъ другъ чрезчуръ злоупотребляетъ скобками.

— Можетъ, именно поэтому. А, впрочемъ, не оттого ли вамъ было въ Парижѣ скучно, что тамъ черезчуръ весело?

— Ха! ха! ха!... Вы попрежнему дурачитесь.

— Совсѣмъ нѣтъ. Лондонъ, смотрящій сентябремъ, намъ больше по душѣ; впрочемъ, и здѣсь скука страшная.

— Гдѣ же лучше? Видно, по старой поговоркѣ: *иди настигнѣ!*

— Не знаю, а думать надобно, что и тамъ не очень хорошо.

...Разговоръ этотъ, кажется, не то, чтобъ длинный или особенно важный, расшевелилъ во мнѣ рядъ старыхъ мыслей о томъ, что въ мозгу современнаго челювѣка недостаетъ какого-то рыбьяго клея; оттого онъ не отстаивается и мутенъ отъ гущи; новыя теоріи—старыя практики, новыя практики—старыя теоріи.

И что за логика? Я говорю, что въ Парижѣ и Лондонѣ скучно, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Гдѣ же лучше?». не замѣчая вовсе, что эту діалектику употребляли у насъ дворовые люди прежняго покроя; они обыкновенно на замѣчаніе: «Да ты, братецъ, кажется, пьянъ?» отвѣчали: «А развѣ вы подносили?».

На чемъ основана мысль, что людямъ гдѣ-нибудь хорошо? можетъ, должно быть хорошо? и какимъ людямъ? и чѣмъ хорошо? Положимъ, что людямъ въ одномъ мѣстѣ лучше жить, чѣмъ въ другомъ. Почему же Парижъ и Лондонъ—предѣлы этого лучше?

Развѣ, по гиду Рейхардта ¹⁾.

Парижъ и Лондонъ замыкаютъ томъ всемірной исторіи,—томъ, у котораго едва остаются нѣсколько неразрѣзанныхъ листовъ. Люди, старающіеся изъ всѣхъ силъ *скорѣе* перевернуть ихъ, дивятся, что, по мѣрѣ приближенія къ концу, въ прошедшемъ больше, чѣмъ въ настоящемъ, и досаждаютъ, что два полнѣйшіе представителя *западнаго міра садятся съ нимъ вмѣстѣ*.

Въ общихъ разговорахъ, носящихся, какъ нѣкогда духъ божій надъ водами,—удаль и отвага страшная, а какъ дойдетъ не только до дѣла, а до критической оцѣнки событій,—все забыто, и старыя вѣсы и старыя аршины вытаскиваются изъ бабушкиной кладовой.

— Обветшалыя формы только и могутъ спастись совершеннымъ перерожденіемъ; Западъ долженъ возродиться, какъ фениксъ, въ огненномъ крещеніи.

— Ну, такъ съ богомъ въ полымя его.

— А какъ онъ не возродится... а опалить свои красивыя перья или, пожалуй, сгорить?

¹⁾ Генрихъ-Августъ, издатель путеводителей.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте его крестить *водой* и не скучайте¹⁾ въ Парижѣ. Вотъ мой отецъ, напримѣръ: онъ жилъ лѣтъ восемь въ Парижѣ и никогда не скучалъ; онъ черезъ тридцать лѣтъ любилъ рассказывать о праздникахъ, которые давали маршалы и самъ Наполеонъ, объ ужинахъ въ Palais Royal, на которыхъ являлись актрисы и оперныя танцовщицы, украшенныя брильянтами, выковыренными изъ побѣжденныхъ коронъ, объ Юсуповыхъ, Тюфякиныхъ и другихъ *princes russes*, положившихъ тамъ больше крестьянскихъ душъ, чѣмъ ихъ легло подъ Бородинымъ. Съ разными перемѣнами и *un peu plus canaille* ¹⁾ то же существуетъ и теперь. Маршалы *биржи* даютъ праздники не хуже боевыхъ маршаловъ, ужины съ улицы St.-Honoré переѣхали на Елисейскія поля, въ Булонскій лѣсъ... Но вы—человѣкъ серьезный, больше любите смотрѣть за кулисы всемірной исторіи, чѣмъ Оперы... Вотъ вамъ парламентъ, и два, вотъ либеральный консерваторъ Пальмерстонъ и набожный министръ финансовъ Гладстонъ, — чего же вамъ больше?.. Съ какой завистью и болью слушалъ я, бывало, людей, пріѣзжавшихъ изъ Европы въ тридцатыхъ годахъ, — точно, будто у меня отняли все то, что они видѣли... а я не видалъ. Они тоже не скучали, а много надѣялись: кто на Одилона Барро, кто на Кобдена. Умѣйте же и вы не скучать... и во всякомъ случаѣ будьте сколько-нибудь послѣдовательны и, если вамъ, все-таки, скучно, ищите причину. Можетъ, найдете, что вы требуете пустяковъ, тогда лѣчитесь; это — скука праздности, пустоты, неумѣнія найтись. А, можетъ, вы найдете другое: что вамъ оттого скучно, что на стремленія, больше и больше растущія въ сердцѣ и мозгу современнаго человѣка, Парижъ и Лондонъ не имѣютъ отвѣта, что вовсе не мѣшаетъ имъ представлять высшее развитіе и блестящій результатъ былого, богатые концы богатаго періода.

Я это говорилъ десять разъ, но безъ повтореній обойтись невозможно; люди привычные знаютъ это. Я какъ-то сказалъ Прудону (въ тѣ времена, когда онъ еще сидѣлъ въ St. Pelagie, издавалъ «La Voix du Peuple», былъ въ открытой войнѣ съ государственной несправедливостью и не писалъ ни *de la justice*, ни *de la guerre* ²⁾) о томъ, что въ его журналѣ часто помѣщаются почти одинакія статьи, съ небольшими вариациями.

— А вы воображаете, — отвѣчалъ мнѣ Прудонъ, — что разъ сказали, такъ и довольно? что новая мысль такъ вотъ и примется.

¹⁾ Сортомъ пониже.

²⁾ Ни о справедливости, ни о войнѣ; «De la justice», «La guerre et la paix» — названія книгъ Прудона.

сразу? Вы ошибаетесь: долбить надобно, повторять надобно, безпрерывно повторять, чтобъ мысль не только не удивляла, больше, не только была бы понята,—а усвоилась бы, получила бы дѣйствительныя права гражданства въ мозгу.

Прудонъ былъ совершенно правъ. Есть двѣ-три мысли, особеннѣе дорогія для меня, и очень извѣстныя теперь,—я ихъ повторяю около пятнадцати лѣтъ; фактъ за фактомъ подтверждаетъ ихъ съ ненужной роскошью: часть ожидаемаго совершилась, другая совершается передъ нашими глазами,—а онѣ такъ же дики, неупотребительны, какъ были.

И, что всего обиднѣе;—люди, будто, понимаютъ васъ, соглашаются, но мысли ваши остаются въ ихъ головѣ чужими, не идущими къ дѣлу, не становятся той непосредственностью сознанія и нравственнаго быта, которая, вообще, лежитъ въ безспорной основѣ нашихъ мнѣній и прѣступковъ.

Отъ этого двойства люди, повидимому, очень развитые, безпрепятственно поражены неожиданнымъ, взяты врасплохъ, возмущаются противъ неминуемаго, борются съ неотразимымъ, идутъ мимо нарождающагося и лѣчатъ всѣми аллопатіями и гомеопатіями дышащихъ на ладанъ. Они знаютъ, что ихъ часы были хорошо поставлены, но, какъ «неоплаканный» Клейнмихель, не могутъ понять, что меридіанъ не тотъ.

Отвлеченная доктрина, схоластика мѣшаютъ пониманію,—простому, живому пониманію больше, чѣмъ изувѣрство и невѣжество. Тутъ остались инстинкты мало сознанные, но вѣрные; сверхъ того, невѣжество не исключаетъ страстнаго увлеченія, изувѣрство — непоследовательности.

Во время итальянской войны одинъ добрый, почтенный профессоръ изъ нѣмцевъ читалъ своимъ студентамъ о великихъ успѣхахъ международнаго права, о томъ, какъ нѣкогда крупно набросанныя основанія Гуго Гроція, развиваясь, внѣдрились въ народное и правительственное сознаніе; о томъ, какъ вопросы, которые прежде разрѣшались рѣками крови, несчастіями цѣлыхъ провинцій, цѣлыхъ поколѣній, разрѣшаются теперь, какъ гражданскіе вопросы между частными людьми, на началахъ международной совѣсти.

Кто же, кромѣ какихъ-нибудь старыхъ кондотьеровъ по ремеслу, не будетъ согласенъ съ доцентомъ, что это—одна изъ величайшихъ побѣдъ гуманности и образованія надъ дикой силой? Бѣда не въ томъ, что сужденіе доцента несправедливо, а въ томъ, что человѣчество этой побѣды вовсе не одерживало.

Когда профессоръ краснорѣчивой рѣчью увлекалъ юношей въ эти созерцанія мира, на поляхъ Мадженты и Сольферино дѣла-

лись другіе комментаріи на международное право.. Итальянская война тѣмъ меньше могла быть устранена какими-нибудь амфикионовыми судами ¹⁾, что на нее никакой международной причины не было, такъ какъ не было спорнаго предмета. Войну эту Наполеонъ велъ съ медицинской точки зрѣнія, чтобъ утомить французовъ гимнастикой освобожденія и потрясеніями побѣдъ. Какой же Гроцій и Ваттель ²⁾ могли бы разрѣшить такую задачу? Какъ же было возможно отстранить войну, которая была необходима для внутреннихъ интересовъ? Не австрійцевъ, такъ кого-нибудь другого надобно было бить французамъ,—остается радоваться, что именно австрійцы подвернулись.

Далѣе, Индія, Пекинъ, война демократовъ за рабство черныхъ, война республиканцевъ за рабство государственной нераздѣльности,—а профессоръ продолжаетъ свое; слушатели тронуты, имъ кажется, что слышенъ послѣдній скрипъ церковныхъ воротъ въ Янусовомъ соборѣ ³⁾; что войны сложили оружіе, надѣли миртовые вѣнки и взяли прялки въ руки; что арміи распущены и воздѣлываютъ поля.. И все это въ то самое время, когда Англія покрывалась волонтерами, что ни шагъ — мундиръ, что ни лавочникъ—оружье; французское и австрійское войско стояло съ зажженными фитилями, и самъ принцъ, кажется, гессенъ-кассельскій поставилъ на военную ногу и вооружилъ револьверами друхъ гусаръ, мирно и безоружно зажившихъ за его каретой со времени Вѣнскаго конгресса.

Вспыхни война, —а это зависѣло отъ тысячи случайностей, отъ одного выстрѣла кстати въ Римѣ, на границѣ Ломбардіи,—она разлилась бы кровавымъ моремъ отъ Варшавы до Лондона. Профессоръ удивился бы, профессоръ огорчился бы, а «кажись, не подобаешь» ⁴⁾ ни удивляться, ни огорчаться — исторія дѣлается не за угломъ! Бѣда доктринеровъ въ томъ, что они, какъ нашъ Дидро ⁵⁾, споря, закрываютъ глаза, чтобъ не видать, когда противникъ хочетъ возражать, а противникъ-то ихъ—сама природа, сама исторія.

¹⁾ Такъ у древнихъ грековъ назывались судилища, на которыхъ рѣшались спорныя дѣла сосѣднихъ племенъ.

²⁾ Швейцарскій юристъ и дипломатъ; отстаивалъ въ своихъ сочиненіяхъ права націй на самоопредѣленіе.

³⁾ Храмъ «двуликаго» бога Януса у древнихъ римлянъ состоялъ изъ двухъ сводовъ, соединенныхъ аркой, двери которой въ мирное время запирались, а во время войны оставались открытыми.

⁴⁾ Невѣрная цитата изъ эпиграммы Пушкина «Въ академіи наукъ», гдѣ сказано: «Говорятъ, не подобаешь» и т. д.

⁵⁾ Б. Н. Чичеринъ.

Въ дополненіе конфузіи не слѣдуетъ терять изъ виду, что *отвлеченно-логически* профессоръ правъ, и что, если-бъ не сто человѣкъ, а сто милліоновъ человѣкъ понимали Гроція и Ваттеля, такъ они и не стали бы рѣзать другъ друга ни для моціона, ни изъ клочка земли. Да несчастіе-то въ томъ, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ могутъ понимать Гроція и Ваттеля сто человѣкъ, а не сто милліоновъ. Оттого то ни лекціи, ни проповѣди не дѣйствуютъ, оттого-то ни отцы доктринеры, ни духовные отцы не могутъ принести намъ облегченія; монахи науки такъ же, какъ и монахи невѣжества, не знаютъ ничего внѣ стѣнъ своихъ монастырей, не повѣряютъ своей теоріи, своихъ выводовъ по событіямъ, и тогда, какъ люди гибнутъ отъ изверженія вулкана, они съ наслажденіемъ бьютъ тактъ, слушая музыку небесныхъ сферъ и дивясь ея гармоніи.

Бзконъ Веруламскій давнымъ давно уже раздѣлилъ ученыхъ на *паукоѳъ* и *пчелъ*. Есть несчастныя эпохи, въ которыхъ пауки рѣшительно берутъ верхъ, и тогда развивается бездна паутины, но мало собирается меду. Есть условія жизни, особенно способствующія паукамъ. Для меда надобны липовыя рощи, цвѣтистыя поля и пуще всего крылья и общежительный образъ мыслей. Для паутины достаточенъ тихій уголь, невозмущаемый досугъ, много пыли и безучастіе ко всему внѣ внутренняго процесса.

Въ обыкновенное время, по пыльной гладкой дорогѣ еще можно плестись, дремля и не обрывая паутины, но чуть пошло черезъ кочки да цѣликомъ—бѣда.

Была истинно добрая, покойная полоса европейской исторіи, начавшаяся съ Ватерлоо и продолжавшаяся до 1848 г. Войны тогда не было, а международнаго права и постояннаго войска — очень много. Правительства поощряли явно «истинное просвѣщеніе» и давали втиши *ложное*; не было большой свободы, но не было и большого рабства, даже деспоты всѣ были добродушные, въ родѣ патріархальнаго Франца II, піэтиста Фридриха-Вильгельма и аракеевскаго Александра; собственно, неаполитанскій король и Николай были исключеніями. Промышленность процвѣтала, торговля процвѣтала еще больше, фабрики работали, книгъ писалась бездна, это былъ золотой вѣкъ для всѣхъ паутинь, — въ академическихъ аулахъ и въ кабинетахъ ученыхъ сплелись ткани безконечныя!

Исторія, уголовное и гражданское право, право международное и сама религія,—все было возведено въ область чистаго знанія и падало оттуда самыми кружевными бахромами паутины. Пауки качались привольно на своихъ ниточкахъ, никогда не касаясь земли, что, впрочемъ, было очень хорошо, потому что по

землѣ ползали другія насѣкомья, представлявшія великую идею государства въ *моментъ самозащиты* и сажавшія слишкомъ смѣлыхъ пауковъ въ Шпандау и другія крѣпости. Доктринеры все понимали какъ нельзя лучше à vol d'araignée ¹⁾). Прогрессъ чело-вѣчества тогда былъ извѣстенъ, какъ высочайшій маршрутъ инкогнито, этапъ въ этапъ, — на станціяхъ готовили лошадей. А-тутъ

24 февраля, 24, 25, 26 июня, 2 декабря!

Эти мухи были не по паутинѣ.

Сравнительно слабый толчокъ июльской революціи и тотъ убилъ наповалъ такихъ гигантовъ, какъ Нибуръ и Гегель. А еще торжество-то было въ пользу доктринаризма: журналистика, *Collège de France*, политическая экономія садились на первыя ступени трона вмѣстѣ съ орлеанской династіей. Оставшіеся въ живыхъ оправились и кой-какъ сладили съ 1830 г., они сладили бы, вѣроятно, и съ республикой трубадура-Ламартина.

Но какъ совладать съ июньскими днями?

Какъ—со вторымъ декабря?

Конечно, Гервинусъ поучаетъ, что за демократическимъ переворотомъ *слѣдуетъ* эпоха централизаціи и деспотизма, но все что-то не ладно. Одни начали поговаривать, не воротится ли въ средніе вѣка, другіе — просто напросто въ католицизмъ; столпники революціи указывали неподвижной рукой по всей желѣзной дорогѣ вѣка на 93 годъ; іудеи доктринаризма продолжали, вопреки фактамъ, свои лекціи, ожидая, что чело-вѣчество побалуесть да и воротится къ Соломонову храму доктринерской премудрости.

Прошло десять лѣтъ.

Ничего не удалось. Англія не сдѣлалась католической, какъ хотѣлъ Доносо Кортесъ; XIX вѣкъ не сдѣлался XIII-ымъ, по желанію нѣкоторыхъ нѣмцевъ; народы рѣшительно не хотятъ ни французскаго братства (или смерти), ни международнаго права по Реасу Society ²⁾, ни почтеннаго убожества по Прудону, ни киргизской діэты—меда и млека.

А католики несутъ свое...

Средне-вѣковики—свое...

Столпники 93 г.—свое..

И всѣ *доктринеры*—свое...

— Куда же чело-вѣчество идетъ, если оно пренебрегаетъ такими авторитетами?

¹⁾ Съ высоты (свисающаго) паука.

²⁾ Мирному конгрессу.

— Можетъ, оно само не знаетъ.

— Да мы за него должны знать.

— Видно, не туда, куда мы думали. Оно и, въ самомъ дѣлѣ, трудно знать, куда попадешь, ѣхавши на шарѣ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ чуть не угодилъ подъ комету, а не нынче-завтра дать трещину, какъ я тебѣ сообщалъ въ прошломъ письмѣ.

1 сентября.

Концы! Концы!

(Постскриптумъ къ четвертому письму).

...la foresta dorme; il leone è ferito!.. ¹⁾

«Il Diritto», 8 Settembre 1862 ²⁾.

...Да, любезный другъ, трудно знать, куда попадешь, ѣхавши на земномъ шарѣ, не только потому, что комета за спиной, а подъ ногами возможная трещина, а потому, что мы несемъ въ поѣздѣ съ странными товарищами и не можемъ ни выйти на полдорогѣ, ни остановиться, ни направить путь.. Захватило и несеть.

Ты, вѣрно, помнишь ту итальянскую оперу, въ которой представляется внутренний дворъ сумасшедшаго дома; кругомъ закрытыя двери съ окошечками, никого нѣтъ и все тихо; но при появленіи героя оперы, при звукахъ его пѣсни, во всѣхъ окошечкахъ являются обезображенные больные и поютъ свой дикій хохотъ. На этотъ разъ все знакомыя лица въ окошечкахъ: Кошутъ, Клапка, молодые итальянскіе генералы, самъ король-честный человекъ ³⁾.

Концы!... концы!...

И *вѣчный городъ* опять выдвигается болѣе черной массой изъ своего мрака. Къ этому обвалившемуся столбу, покрытому плѣсенью и мхомъ двухъ міровъ, все еще привязаны судьбы Запада, и не могутъ оторваться никакой средобѣжной силой. Битый всѣми бурями, полуразрушенный, отслуживъ свою службу Юпитеру и Христу, онъ пережилъ ихъ. Идутъ вѣка, никто о немъ не думаетъ, но доходитъ вопросъ до наслѣдства, до *началъ*, — и вдругъ тянетъ съ того конца, и люди невольно вспоминаютъ, что старикъ на Тибрѣ еще живъ и духовную не отдавалъ; такъ и хо-

¹⁾ Лѣсъ объять сномъ, левъ свирѣпствуетъ!.

²⁾ «Право», итальянская газета, основанная въ 1860 г. во Флоренціи депутатомъ Валеріо; органъ лѣвой піемонтскаго парламента.

³⁾ Т.-е. Наполеонъ III, который, какъ извѣстно, будучи еще президентомъ, неоднократно въ своихъ рѣчахъ заявлялъ, что всякій, кто рѣшится нарушить конституцію, будетъ «безчестнымъ человекомъ».

чется его спросить, какъ Францъ Мооръ спрашивалъ своего отца: «что онъ, не въ самомъ ли дѣлѣ, вѣчно хочетъ жить?»¹⁾

Умѣлъ же онъ разъ, одряхлѣвши отъ побѣдъ, сбросить съ себя и лавровый вѣнокъ и цезарскую мантию для того, чтобъ постричься въ монахи и начать новую жизнь... Умѣлъ же онъ отказать отъ всѣхъ благъ земныхъ для удержанія власти... умѣлъ же разъ связать *концы съ началами*...

На-дняхъ²⁾ я простился съ Маццини. Тяжело было это прощанье. Въ успѣхъ его дѣла я не вѣрилъ, да и онъ самъ не вполне вѣрилъ... Итти назадъ, остановиться *и мѣ обоимъ* было поздно. Чередъ былъ за ними; два послѣднихъ поэтическихъ образа, двѣ величавыя тѣни высшей *вершины* революціоннаго хребта должны были исчезнуть въ рдѣющемъ блескѣ горнаго заката. Два послѣднихъ Донъ Кихота революціи³⁾, дни безумно бросили перчатку цѣлой части свѣта, съ вѣрой въ правое дѣло. Съ кучкой друзей они пошли на бой противъ военныхъ поселеній, называемыхъ Франціей, противъ арміи, называемой Австріей, противъ французскаго департамента, называемаго Италіей,—безумно протестуя, во имя *родины и человѣческаго достоинства*, противъ штыковъ и военной дисциплины.

Сѣдой, блѣдный, худой до прозрачности, сидѣлъ передо мной Маццини (мѣсяца два тому назадъ онъ былъ при смерти боленъ); лицо его выражало скорбь и заботу, и только глаза стараго орла свѣтились прежней несокрушимой энергіей. Я смотрѣлъ на него съ безконечною грустью и мнѣ пришло въ голову обратное привѣтствіе гладіаторовъ: «*идушимъ на шибель остающіеся въ живыхъ кланяются!*»⁴⁾. Догадываясь, что происходило во мнѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ на мое молчаніе:

— Да, можетъ, мы и погибнемъ! Но Италия не вынесетъ нашей гибели!

А мнѣ казалось, *вынесетъ*, только я ему не сказалъ этого. Черезъ четыре дня *все было кончено*⁵⁾.

¹⁾ См. рассказъ старика Моора въ «Разбойникахъ» Шиллера.

²⁾ 25 или 26 августа. А. И. Г.

³⁾ Просимъ вспомнить значеніе, которое мы дали этому слову въ III письмѣ. Донъ Кихоть—одинъ изъ самыхъ трагическихъ типовъ людей, переживающихъ свой идеалъ. А. И. Г.

⁴⁾ Гладіаторы привѣтствовали цезаря восклицаніемъ: «*Ave, imperator! Morturi te salutant*», т-е. «Привѣтъ тебѣ, императоръ! Обреченные на смерть привѣтствуютъ тебя».

⁵⁾ 29 августа Гарибальди, предводительствовавшій 3000 волонтеровъ изъ Палермо въ походъ на Римъ, былъ раненъ въ битвѣ съ королевскими войсками у Аспромонте и взятъ въ плѣнъ; въ его лѣченіи, между прочими, принималъ участіе Н. И. Пироговъ.

На этотъ разъ нельзя жаловаться, чтобъ мы долго ждали развязки.

И, словно, что-то оторвалось въ сердцѣ.

Прощайте, великіе безумцы; прощайте, святые Донъ Кихоты!.. Много мечтаній дорогихъ человѣку, въ которыя онъ вѣрилъ, вопреки уму, садятся съ вами за небосклонъ; вы много унесете съ собой; бѣднѣе будетъ жизнь безъ васъ... пошлѣе... пока прозябнуть новыя идеалы новой весны.. Васъ помянутъ тогда: будущій Данте стихомъ, будущій Буонарроти ¹⁾ рѣзцомъ изваяютъ раненаго льва подъ деревомъ, народнаго вождя, пораженнаго единоплеменной пулей въ горахъ дикой Калабрій, и худого старика, изгнанника, сходящаго съ Альпъ въ обѣтованную родину, не зная, что все кончено.

Задумается какой-нибудь сѣверный Фортинбрасъ надъ этой группой, надъ этой повѣстью Гораціо ²⁾ и, съ раздумьемъ вздохнувши, пойдетъ въ дубравную родину свою — на Волгу, къ *своему* земскому дѣлу.

Но при жизни побѣжденнымъ вождямъ нечего ждать, да имъ нечего больше и жить. Они знаютъ, *чья взяла*; они знаютъ своихъ побѣдителей; тутъ не можетъ быть подозрѣнія въ шири пониманія,—они вездѣ встрѣтятъ ликующую улыбку полицейскихъ патріотовъ, подло-разумныя разсужденія мѣщанъ (которыя теперь ужъ могутъ вкусить въ «Таймсѣ») и строгій приговоръ управы благочинія надъ *всемірной исторіей*; поверженныхъ львовъ не только лягнетъ всякое копыто,—ихъ будетъ жалить всякая пчела ³⁾, которая въ своемъ ульѣ будетъ перепечатывать трутнямъ, что «законъ ко всему глухъ, что для него *такіе* люди ни болѣе, ни менѣе, какъ бунтовщики» ⁴⁾. Итакъ, умрите, господа!

А жаль, жаль ихъ, этихъ благородныхъ прошедшихъ!

...Человѣкъ ужасно непослѣдователенъ: сидитъ у изголовья умирающаго, видитъ, какъ его силы падаютъ, какъ дыханія недостааетъ, какъ онъ весь слабѣетъ, а, все-таки, рыдаетъ у его гроба, какъ будто, онъ не ждалъ его смерти.

И будемъ непослѣдовательны...

7 сентября 1862.

¹⁾ Микель-Анджелло.

²⁾ Фортинбрасъ и Гораціо—персонажи «Гамлета».

³⁾ Намекъ на «Сѣверную Пчелу», очень порицавшую «бунтаря» Гарибальди.

⁴⁾ Какая тупая бестія долженъ быть этотъ законъ! А. И. Г.

Письмо пятое.

«... Въ первыя времена моей юности меня поразилъ одинъ французскій романъ, «Arminius», котораго я впослѣдствіи не встрѣчалъ; можетъ, онъ и не имѣетъ большихъ достоинствъ, но тогда онъ на меня сильно подѣйствовалъ, и я помню главныя черты его до сихъ поръ.

«Всѣ мы, больше или меньше, знаемъ встрѣчу и столкнове- ніе двухъ историческихъ міровъ въ первые вѣка: одного класси- ческаго, образованнаго, но растлѣннаго и отжившаго, другого—ди- каго, какъ звѣрь лѣсной, но полнаго непочатыхъ силъ и хаоти- ческихъ стремленій, — только знаемъ мы по большей части одну офціальную, *газетную* сторону ихъ столкновенія, а не ту, которая совершалась по мелочи, въ тиши домашней жизни. Мы знаемъ гуртовья событія, а не частныя судьбы, не драмы, въ которыхъ безъ шума ломились жизни и гибли въ личныхъ/столкновеніяхъ, кровь замѣнялась горькими слезами, опустошенные города—разру- шенными семьями и забытыми могилами.

«Авторъ «Arminius'a» попытался воспроизвести эту встрѣчу двухъ міровъ у семейнаго очага: одного, идущаго изъ лѣса въ исто- рію, другого—изъ исторіи въ гробъ. Всемирная исторія тутъ грани- чить со сплетнями и потому становится ближе къ намъ, доступнѣе, соизмѣримѣ¹⁾).

«Не приходило мнѣ тогда въ мысль, что я самъ попаду въ такое же столкновеіе, что и въ моей жизни развернется, со всей губящей силой своей, подобное столкновеіе, что и мой очагъ опу- стѣетъ, раздавленный при встрѣчѣ двухъ міровыхъ колесъ исторіи...

«Въ нашемъ отношеніи къ европейцамъ, при всемъ несход- ствѣ, которое я очень хорошо знаю, дѣйствительно, есть сходныя черты съ отношеніемъ германцевъ въ римлянамъ. Несмотря на нашу наружность, мы, все же, варвары. Наша цивилизація накожна, раз- вратъ грубъ; у насъ изъ-подъ пудры колетъ иной разъ щетина, изъ-подъ бѣлилъ пробивается загаръ. У насъ бездна лукавства ди- кихъ и уклончивости рабовъ; у насъ все разрѣшается кулакомъ или деньгами. Мы готовы дать плюху безъ разбора и повалиться въ ноги безъ вины, но... но, я упорно повторяю, мы далеко отстали

¹⁾ Я былъ до тѣго увлеченъ «Арминіемъ», что написалъ рядъ подоб- ныхъ сценъ, и ихъ критически разбиралъ при мнѣ въ слѣдственной комис- сии (въ 1834 г.) оберъ-полицмейстеръ Цынскій. А. И. Г. ²⁾

²⁾ Такія произведенія мнѣ неизвѣстны; «Лициній» и «Вильямъ Пенъ» записаны послѣ 1834 г.

въ развѣдающей, наслѣдственно зараженной тонкости западнаго растлѣнія.

«У насъ умственное развитіе служить (по крайней мѣрѣ, служило до сихъ поръ) чистилищемъ и порукой. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ; на этомъ основаніи во все николаевское время правительство не могло составить ни тайной полиціи, ни полицейской литературы въ родѣ французскихъ.

«На Западѣ это не такъ. И вотъ русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдаются въ руки всякому человѣку, касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ заповѣдныя мысли, забывая, что для него эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, въ родѣ учтивости, что большей частью онъ ихъ повторяетъ, пожалуй, и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ попъ, думая вовсе о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго; забывая, сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся и страстно себялюбивой душѣ западнаго человѣка, сколько онъ уже источень, изношенъ завистью, нуждой, тщеславіемъ, самолюбіемъ и въ какой страшный эпикуреизмъ вышаго, болѣзненно-нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженіе, нищета и горячечный бой соревнованія.

«Мы все это узнаемъ, когда ударъ нанесенъ; насъ это ошеломляетъ. Мы чувствуемъ себя одураченными и хотимъ отмстить. Глядя на это, иногда мнѣ кажется, что много прольется крови изъ-за столкновенія этихъ двухъ разныхъ развитій»...

Строки эти были писаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ ¹⁾.

Я и теперь того же мнѣнія, несмотря на то, что русскіе пользуются въ Европѣ репутаціей самыхъ развратныхъ людей. Это происходитъ отъ безцеремонности нашего поведенія и отъ помѣщичьихъ хватокъ. Мы увѣрили весь свѣтъ въ нашей порочности такъ, какъ англичане его увѣрили въ своихъ семейныхъ добродѣтеляхъ. На самомъ дѣлѣ ни то, ни другое не глубоко. Русскіе за границей не только беспорядочно живутъ, но хвастаются своими дикими и распущенными привычками. По несчастью, всрѣчаясь, при самомъ переѣздѣ границы, съ неловкой и подобострастной родиной кельнеровъ и гофратовъ, русскіе, какъ вообще недовоспитанные люди, перестаютъ стѣсняться, распускаются еще больше и въ этомъ зазорномъ состояніи пріѣзжаютъ въ Парижъ и Лондонъ. Мнѣ случалось

¹⁾ Изъ ненапечатанной части «Былого и думъ». ²⁾ А. И. Г.

³⁾ Глава XLIII; цитировано Герценомъ съ большими неточностями по своей же рукописи.

много разъ замѣчать, какъ русскіе бросаются въ глаза совершенными мелочами, а потомъ поддерживаютъ первое впечатлѣніе какой-то вызывающей *nargue* ¹⁾, съ которой они (великіе мастера покорности и вытяжки дома!) не хотятъ покориться принятымъ обычаямъ. Русскаго узнаютъ въ большихъ отеляхъ, потому что онъ кричитъ въ общей залѣ, хохочетъ во все горло, ѣсть съ ножа и непремѣнно протестуетъ, что нельзя курить въ столовой. Вся эта заносчивость официанта, вышедшаго за ворота господскаго дома, показываетъ гораздо больше недозрѣлости, непривычки въ волѣ, чѣмъ глубокой испорченности; съ этой нравственной «сыростью» неразрывно хвостовство. Намъ хочется, какъ 14-лѣтнимъ мальчикамъ, не только напиться, но и показать всему свѣту, «вотъ, моль, какъ я налился». А весь свѣтъ разсуждаетъ иначе,—онъ, глядя на *то*, что русскіе обнажаютъ, думаетъ, качая головой: что же послѣ этого скрыто-то у нихъ? А тамъ—ничего, какъ въ ранцѣ солдатскомъ на парадѣ: только видѣ, что туго набито.

Долгая цивилизація, перешедшая поколѣнія и поколѣнія, получаетъ особый букетъ, который *разомъ* не возьмешь; въ этомъ судьба людей схожа съ судьбою рейнвейна. Эстетически выработанной пристойностью особенно увлекаться нечего, хотя ходить по ней, какъ по выметенной дорожкѣ, гораздо пріятнѣе. Мы, нельзя не признаться, дурно выметены,—и грязи много и жесткихъ камней довольно.

Дрессура наша въ образованіе свѣжа въ памяти: она дѣлалась черезъ пень колоду и совершенно въ томъ родѣ, какъ крестьянина, взятаго во дворъ, стригутъ въ нѣмца и заставляютъ *служить*. Отрекаясь, по высочайшему повелѣнію, отъ всего склада жизни народной, дворянство упорно сохранило всѣ дурныя ея стороны; бросая за бортъ вмѣстѣ съ предрасудками строгій чинъ и строй народнаго быта, оно осталось при всѣхъ грубо-барскихъ привычкахъ и при всемъ татарскомъ неуваженіи къ себѣ и къ другимъ. Тѣсная, обычная нравственность прежняго времени не замѣнилась ни аристократическимъ понятіемъ чести, ни гражданскимъ понятіемъ чести, ни гражданскимъ понятіемъ доблести, самобытности; она замѣнилась гораздо проще нѣмецкой казарменной дисциплиной *во фронтъ*, подлымъ уничиженіемъ, подобострастнымъ кліентизмомъ въ *канцеляріи* и ничѣмъ *внѣ службы*.

Внѣ службы дворянинъ превращался изъ битаго денщика въ бьющаго Петра I; въ деревнѣ ему было полное раздолье, тутъ самъ онъ становился капраломъ, императоромъ, вельможей и отцомъ вотчины. Изъ этой жизни волка и просвѣтителя вмѣстѣ вышли

¹⁾ Безцеремонностью.

всѣ колоссальныя уродства—отъ Бироновъ и Потемкиныхъ большого размѣра до Бироновъ и Потемкиныхъ въ микрометрическомъ сокращеніи; отъ Измайлова, сѣкущаго исправниковъ, до Ноздрева съ оборванной бакенбардой; отъ Аракчеева всея Россіи до баталіонныхъ и ротныхъ Аракчеевыхъ, *заколачивающихъ* въ гробъ солдата; отъ взяточниковъ первыхъ трехъ классовъ до голодной стаи пернатыхъ, *записывающихъ* бѣдныхъ мужиковъ въ могилу,—со всѣми неистощимыми варіаціями пьяныхъ офицеровъ, забіякъ, картежныхъ игроковъ, героевъ ярмарокъ, псарей, драчуновъ, сѣкуновъ, серальниковъ. Въ ихъ числѣ тамъ-сямъ изрѣдка попадался помѣщикъ, сдѣлавшійся иностранцемъ для того, чтобъ остаться человѣкомъ, или «прекрасная душа» Маниловъ, горлица-дворянинъ, воркующій въ господскомъ домѣ близъ исправительной конюшни.

Казалось бы, что могло зародиться, вырасти, окрѣпнуть путнаго на этихъ грядахъ между Аракчеевыми и Маниловыми?—что воспитаться этими матерями, брившими лбы, рѣзавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подобострастными передъ всѣми высшими, дикими тиранами со всѣмъ низшимъ? А именно между ними развились люди 14 декабря, фаланга героевъ, вскормленная, какъ Ромулъ и Ремъ, молокомъ дикаго звѣря... Оно имъ пошло впрокъ! Это какіе-то богатыри, кованые изъ чистой стали съ головы до ногъ, воины-пророки, вышедшіе сознательно на явную гибель, чтобъ разбудить къ новой жизни молодое поколѣніе и очистить дѣтей, рожденныхъ въ средѣ палачества и раболѣпія. Но кто же ихъ-то душу выжегъ огнемъ очищенія? что за *непочатая сила* отреклась въ нихъ-то самихъ отъ *своей* грязи, отъ наноснаго гноя и сдѣлала ихъ мучениками будущаго?..

Она была,—для меня этого довольно теперь, я помѣчаю это и возвращаюсь къ тому, что сказалъ;—кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого-то неустоявшагося, неуравновѣсившагося броженія; это—горячка опьяненія, захватившая цѣлое словіе, сорвавшееся съ пути безъ серьезнаго плана и цѣли; она не имѣетъ той въ глубь уходящей, той изъ глуби поднимающейся, тонкой, нервной, *умной*, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдают, умираютъ образованные слои западной жизни.

Но какъ же это случилось? Что за нравственный самумъ подулъ на образованный міръ?.. Все прогрессъ да прогрессъ, свободныя учрежденія, желѣзныя дороги, реформы, телеграфы?..

Много хорошаго дѣлается, много хорошаго накапливается, а самумъ-то дуетъ себѣ да дуетъ какими-то *memento mori* ¹⁾, по-

¹⁾ «Помни о смерти».

стоянно усиливаясь и сметая передъ собой все, что на пути. Сердиться за это такъ же нечего, какъ сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ, на море—за то, что послѣ прилива (и, какъ на смѣхъ—въ самую лучшую минуту его) начинается отливъ. Къ этому колебанію, къ этому ритму всего сущаго, къ этой смѣнѣ дня ночью пора привыкнуть.

Эпоха *линянья*, въ которой мы застали западный міръ, самая трудная: новая шкура едва показывается, а старая окостенѣла, какъ у носорога: тамъ трещина, тутъ трещина, но en gros ¹⁾ она держится крѣпко и приросла глубоко. Это положеніе между двухъ шкуръ необычайно тяжело. Все сильное страдаетъ, все слабое, выбывавшееся на поверхность, портится; процессъ обновленія неразрывно идетъ съ процессомъ гніенія, и который возьметъ верхъ, неизвѣстно.

Дай мнѣ объяснить мою мысль въ слѣдующемъ письмѣ. Мо-жетъ, я и успѣю тебѣ доказать, что это не *manière de dire* ²⁾, не субъективное негодованіе (трудно, въ самомъ дѣлѣ, имѣть лич-ность со всемірною исторіей), а нѣсколько чертъ, подмѣченныхъ глазами, свободными отъ куриной слѣпоты школьнаго доктрина-ризма и отъ темной воды мистицизма.

15 октября 1862.

Письмо шестое.

Мы остановились на томъ, что не надобно сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ, и за то, что всякій годъ зима слѣдуетъ за лѣтомъ. Признаніе неотвратимаго—сила. Только зная морскіе токи и постоянно смѣняющіеся экваторіальныя вѣтры, и можно плавать по океану.

Вглядись, какъ, вообще, дѣла дѣлаются въ природѣ. Въ каждой формаци, въ образованіи каждаго вида развитіе идетъ на тѣхъ началахъ, съ которыми опредѣлилось зачатіе. Оно укрѣпляется; обособляется, получаетъ больше или меньше безвозвратный характеръ отъ взаимнаго дѣйствія развивающихся началъ и среды. Новые элементы могутъ превзойти, новыя условія могутъ измѣнить направ-леніе, могутъ остановить начатое и замѣнить его совсѣмъ инымъ; но опредѣлившееся развитіе, если оно не утратить своей индивидуальности, если оно продолжится, пойдетъ далѣе непременно съ своей *особенностью*, развивая свою *односторонность* и односторон-

¹⁾ Въ общемъ.

²⁾ Манера выражаться.

ность своей среды, т.-е. свой *частный случай*. Это нисколько не мѣшаетъ сосѣдямъ по пространству или по времени развивать всевозможныя варіаціи на ту же тему, съ разными восполненіями и недостатками, съ своими односторонностями, сообразными другимъ условіямъ и другой средѣ. Только при началѣ образованія видовъ есть неопредѣленная и безхарактерная эпоха, — эпоха, такъ сказать, дозоологическаго состоянія въ яйцѣ и зародышѣ.

О перерожденіи животныхъ видовъ мы очень мало знаемъ. Вся *исторія* ихъ, вообще, совершилась за спиной человѣка и въ огромные періоды лѣтъ, въ которыхъ не было *свидѣтеля*. Передъ нами стоятъ теперь оконченные, осѣдлые типы, до того далекіе другъ отъ друга, что всякій переходъ между ними невозможенъ. За каждымъ животнымъ просвѣчиваетъ длинная исторія стремленій, прогресса, avortement ¹⁾ и уравниженія, въ которомъ формы его успокоились, наконецъ, не выполнивъ смутнаго идеала своего, но остановившись на возможномъ, на русскомъ «жить и такъ».

Само собою разумѣется, что естественныя явленія не имѣютъ ни въ чемъ ни рѣзкихъ границъ, ни безвозвратныхъ приговоровъ. Приостановившееся творчество, сведенное на одно повтореніе, можетъ всегда быть разбужено; оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешло изъ-подъ вліяній теллурическихъ ²⁾ подъ вліяніе человѣка; онъ своей культурой развилъ растительныя и животныя виды, которые сами собою не развились бы.

Все это бросаетъ огромный свѣтъ на вопросы, насъ занимающіе.

Исторія представляетъ намъ *на самомъ дѣлѣ* схваченную, неосѣвшую, осѣдающую формацію, и притомъ хранящую въ памяти главныя фазы своего развитія и ихъ перелизы. Однѣ части рода человѣческаго достигли соотвѣтствующей формы и побѣдили исторію; другія въ разгарѣ дѣятельности и борьбы творятъ ее; третьи, какъ недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всякихъ сѣмянъ, для всякихъ проѣвовъ и всѣмъ даютъ неистощенную, тучную почву.

Такъ, какъ нельзя сказать, глядя на тихое море, что оно черезъ часъ не будетъ вовлечено въ бурю, такъ нельзя положительно утверждать, что Китай, на примѣръ, или Японія будутъ продолжать вѣка и вѣка свою отчужденную, замкнутую, остановившуюся форму бытія. Почему знать, что какое-нибудь слово не падетъ каплей дрожжей въ эти сонные милліоны и не подниметъ ихъ къ новой жизни? Но если мы не имѣемъ права безусловнаго,

¹⁾ Неудачи.

²⁾ Стихійныхъ.

непреложнаго заключенія, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ, всматриваясь и наблюдая, мы не имѣли права дѣлать никакихъ заключеній. Рыбакъ, глядящій на безоблачное небо во время безвѣтрія, почти навѣрное будетъ правъ, предполагая, что *черезъ часъ* не будетъ бури.

Я только этого права и добиваюсь въ разсматриваніи современной исторіи. Для меня очевидно, что западный міръ доразвился до какихъ-то границъ... и въ послѣдній часть у него недостаетъ духу ни перейти ихъ, ни довольствоваться пріобрѣтеннымъ. Тягость современнаго состоянія основана на томъ, что на сію минуту дѣятельное меньшинство не чувствуетъ себя въ силахъ ни создать формы быта, соотвѣтствующаго новой мысли, ни отказаться отъ старыхъ идеаловъ, ни откровенно принять выработавшееся по дорогѣ *мѣщанское государство* за такую соотвѣтствующую форму жизни германо-романскихъ народовъ, какъ соотвѣтственна китайская форма Китаю.

Мучительное состояніе, колебаніе и нерѣшительность дѣлаютъ жизнь Европы невыносимой. Успокоится ли она, отбрасывая предразсудки прошлаго и упованія на будущее, или безпокойный духъ западныхъ *вершинъ и низовъ* смоетъ новыя плотины,—я не знаю, но во всякомъ случаѣ считаю современное состояніе какимъ-то временемъ истомы и агоніи. Нельзя жить между двумя идеалами.

Одинъ примѣръ со всѣми подробностями даетъ намъ исторія.

Длинный процессъ окончанія древняго міра и водворенія міра христіанскаго представляютъ намъ всѣ формы исторической смерти, переселенія душъ и рожденія. Цѣлыя государства остановились, вышли изъ движенія, не взошли въ христіанскую формацію, одряхлѣли и разрушились. Дикія племена, едва собранныя въ правильныя стада, сложились рядомъ съ ними въ новыя сильныя государственныя организмы... а Римъ, древній городъ по превосходству, переродился въ городъ по превосходству католическій.

Тѣ, которые отрицаютъ внутреннюю необходимость смерти древняго Рима и находятъ, что онъ убитъ насильственно, забываютъ одно: что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежитъ въ понятіи живого организма, она внѣ его, за его предѣломъ. Старчество и болѣзнь протестуютъ своими страданіями противъ смерти, а не зовутъ ее, и, найди они *въ себѣ силы* или *внѣ себя* средства, они побѣдили бы смерть.

Варвары—варварами, но не надобно думать, что вся болѣзнь античнаго міра была отъ побоевъ. Мысль его съ тацитовскихъ временъ явнымъ образомъ становилась мрачной, усталой. Тягость, тоска доходили до самоубійства, до того, что весь міръ чуть не

сошелъ съ ума и дѣйствительно повредился, повѣривъ самой несбыточной теодицеѣ и самому неестественному спасенію, принявъ отчаяніе за утѣшеніе и религію смерти—за новую жизнь. Люди, которые не могли сойти съ ума, удалялись съ общей сатурналіи похоронъ,—похоронъ въ розовыхъ вѣнкахъ за амфорами винъ, похоронъ въ вѣнкахъ терновыхъ, съ плачемъ о грѣхахъ міра сего,—удалялись съ нихъ двумя небольшими дверями: стоицизма и скептицизма.

Возлѣ людей, презиравшихъ смерть, возлѣ людей, не вѣрившихъ жизни, возлѣ фанатиковъ, шедшихъ на разрушеніе древней вѣси до послѣдняго камня, и фанатиковъ, ожидавшихъ, что древняя вѣсь возникнетъ съ допуническими добродѣтелями, была *толпаковая* посредственность, толпа не слѣпыхъ и не зрячихъ, толпа міоповъ¹⁾, которые за недосугомъ ежедневныхъ заботъ, за военными новостями, за сенатскими дѣлами, придворными сплетнями, схоластической мелодой и безконечной задачей домашняго хозяйства ничего не видали, ни Катилину, ни смерти, пожимали плечами, слушая бредъ христіанскихъ якобинцевъ, презирали варваровъ и смѣялись надъ ихъ неотесанностью, не догадываясь, что эти лѣсные готтенты, бѣлобрысые и длинноволосые, идутъ на историческую смѣну.

Отслужили и варвары свою службу, отстояли свои часы; страшно богатая и широкая эпоха развилась ими, но и они дошли до предѣловъ *своего* образованія: имъ приходится отречься отъ основныхъ началъ своихъ или въ нихъ успокоиться.

Міру современной цивилизаціи очень трудно сладить съ новыми началами, мучащими его. Что можно было поправить,—поправлено, что переверотить,—переверотено; далѣе приходится хранить пріобрѣтенное или выйти изъ той *односторонности*, изъ того *частнаго случая*, который составляетъ его личность. Послѣднее слово католицизма сказано реформаціей и революціей; онѣ обнаружили его тайну; мистическое *искупленіе* разрѣшено политическимъ *освобожденіемъ*. Символь вѣры никейскаго собора, основанный на отпущеніи грѣховъ, выразился признаніемъ правъ каждаго человѣка въ символѣ послѣдняго вселенскаго собора, т-е. конвента 1792 года. Нравственность іудейскаго пролетарія и евангелиста Матѳея та же самая, которую проповѣдуетъ женевскій пролетарій и деистъ Ж.-Ж. Руссо: *вѣра, любовь и надежда* при входѣ, *свобода, братство и равенство* при выходѣ.

Въ громахъ и ураганахъ, слѣдовавшихъ за торжественнымъ 1789 годомъ, завершился германо-романскій міръ. Землетрясеніе французской революціи шло вершинами и пропастями, великимъ

¹⁾ Близорукихъ.

и страшнымъ, побѣдами и терроромъ, частными обрывами и потрясеніями до 1848 года; тутъ *аминь*, *pes plus ultra* ¹⁾. Катаклизмъ, поднявшійся со временъ возрожденія и реформы, окончился.

Внутри идетъ работа, ночная работа, микроскопическое тканье, вывѣтриваніе и наносы, «мышья бѣготня» ²⁾ исторіи, вулканическая работа подъ землей, просасываніе волосяными сосудами прошлой осени въ будущую весну. Вверху страшныя сновидѣнія, мертвецы въ старыхъ доспѣхахъ и старыхъ тіарахъ и фантастическіе, несбыточно свѣтлые образы, мучительныя страданія, безумныя надежды, горькое сознаніе своей слабости и безсилія разума. Внизу бездонная пропасть стихійныхъ страстей доисторическаго сна, дѣтскихъ грезъ, циклопической, кротовой работы; на это дно и голосъ человѣческой не доходитъ, какъ вѣтеръ не доходитъ до глубины морской; иной разъ только слышится тамъ военная труба и барабанъ, зовущіе на кровь, сбѣщающіе убійства и дающіе разореніе.

Между фантастами наверху и дикими внизу колышется *среднее состояніе*, не имѣя ни силы гордо сказать свое: *Я цари*, ни самоотверженія итти въ іезуиты или въ социалисты.

Этотъ слой, колеблющійся *между двумя нравственностями*, и представляетъ именно своимъ колебаніемъ ту среду порчи, о которой идетъ рѣчь.

— Да какъ это между двумя нравственностями? Что такое между двумя нравственностями? И развѣ есть двѣ нравственности? развѣ не одна вѣчная, безусловная нравственность, *une et indivisible*? ³⁾

Можетъ, ты и не спросишь меня этого, да я ужъ настраждался вашими «веймарскими геніями» съ Неглинной ⁴⁾; ихъ строго ученое непониманіе, ихъ педантская тугость и сенаторская важность дворецкихъ науки, ихъ языкъ—не то, чтобъ гуманный, а, все-таки, напоминающій «людскую» ⁵⁾, наконецъ... да ужъ лучше я отвѣчу тебѣ, хотя и придется опять зады протверживать.

Что дѣлать съ тѣмъ, что абсолютная нравственность дѣлится судьбу всего абсолютнаго, т.-е., что она внѣ теоретической мысли, внѣ отвлеченій вовсе не существуетъ. Нравственностей *нѣскольکو*, и всѣ онѣ очень относительныя, т.-е. историческія:

Первые христіане высказали это очень прямо, очень смѣло, безъ обиняковъ и, объявивши, что новый Адамъ принесъ новую

¹⁾ Предѣлъ.

²⁾ См. «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы» Пушкина.

³⁾ Единая и нераздѣльная.

⁴⁾ Б. Н. Чичеринъ и его друзья.

⁵⁾ Каламбуръ: гуманный значить человѣческой, «человѣкъ» («люди») — прислуга.

нравственность, что языческія добродѣтели для христіанина—блестящіе пороки, что мудрость однихъ — безуміе другихъ, закрыли Платона, закрыли Цицерона и пошли тащить съ пьедесталовъ златовласыхъ Афродитъ, волоокихъ Геръ и другія *иргошныя святыни* старой нравственности.

Плиній смотрѣлъ на нихъ, какъ на дураковъ, Траянъ презиралъ ихъ, Лукіанъ хохоталъ надъ ними, а они начали новый міръ и *новую* нравственность. Ихъ новая нравственность, въ свою очередь, сдѣлалась старой. Объ этомъ у насъ только и идетъ рѣчь.

Революція, что могла, *секуляризовала* изъ катехизиса, но революція такъ же, какъ реформація, стояла на церковномъ погостѣ. У Эгмонта и Альбы, у Кальвина и Гиза, у Людовика XVI и Робеспьера были общія вѣрованія; они отличались, какъ раскольники, отѣнками. Вольтеръ, пріѣхавшій, закутавшись въ шубу, въ каретѣ смотрѣтъ восхождение солнца и ставшій на дрожашія колѣни съ молитвой на устахъ, — Вольтеръ, благословившій Франклинова внука «во имя Бога и свободы», — такой же богословъ, какъ Василій Великій и Григорій Назіанзинъ, только разныхъ толковъ. Лунный, холодный отсвѣтъ католицизма прошелъ всѣми судьбами революцій и въ двѣнадцатый часъ ея еще развернулъ хоругвь съ надписью «*Dio e Popolo!*»¹⁾.

Кое-гдѣ на вершинахъ начинается заря новаго дня и борется съ мѣсячнымъ свѣтомъ, обличая вопіющее противорѣчіе вѣры и сознанія, церкви и науки, закона и совѣсти, но объ этомъ на долинахъ не знаютъ, это для малаго числа избранныхъ.

Честный союзъ науки съ религіей невозможенъ, а *союзъ есть*, — отсюда и дѣлай заключеніе о нравственности, которая основана на такомъ союзѣ. Дѣло въ томъ, что разумъ, боясь скандала, скрываетъ свою истину, наука скрываетъ свою беременность новымъ искупителемъ не отъ Іеговы, а отъ Пана²⁾, и обѣ обмалчиваются, шепчутся, говорятъ шифрами или просто лгутъ, оставляя людей въ совершенномъ хаосѣ сбивчивыхъ понятій, въ которыхъ молитвы о дождѣ смѣшаны съ барометрами, химія — съ чудесами, телеграфы — съ четками.

И это все какъ-то рутинно, по привычкѣ, — вѣрь не вѣрь, только исполняй извѣстныя приличія. Кто обманутый? Для чего все это? Одно обязательное правило и осталось сильнымъ и общепринятымъ: *думай, какъ знаешь, но лжй, какъ другіе.*

¹⁾ «Во имя бога и народа!»

²⁾ У древнихъ грековъ богъ стадъ и лѣсовъ, символъ чувственнаго „земного“ начала въ природѣ.

Съ вѣрой можно было ждать вѣка Мессію и торжество Израиля; пророки могутъ вести народы видѣніями и страстными словами, но не могутъ вести, скрывая даръ пророчества или поклоняясь Ваалу.

Чему же дивиться, что пустота жизни растеть со страшной быстротой, наталкивая людей неяснымъ пониманіемъ, жертвующей скукой на всякаго рода безумія—отъ игры на биржѣ до игры въ вертящіеся столы?

Повидимому, все идетъ въ порядкѣ: солидные люди заняты ежедневными заботами, своими дѣлами, возможными цѣлями; они ненавидятъ всякія утопіи и всѣ перехватывающіе идеалы; а, въ сущности, это не такъ, и сами солидные люди съ своими праотцами все, что ни выработали хорошаго, выработали, постоянно идучи за радугой и осуществляя невозможности въ родѣ католицизма, реформаціи, революціи. Этихъ-то радугъ больше и нѣтъ, по крайней мѣрѣ, оптической обманъ не обманываетъ больше.

Всѣ прежніе идеалы потухли, *встѣ до единая*, отъ распятія до фригійской шапки.

...Помнишь ли ты ту страшную картину въ рядѣ геніальной галиматы Ж.-П. Рихтера, въ которой онъ представляетъ, не помню á прогос чего, какъ всѣ кающіеся народы бѣгутъ въ день страшнаго суда, испуганные, къ кресту, молясь о спасеніи, о ходатайствѣ сына божія; Христось отвѣчаетъ коротко: « Уменя нѣтъ отца».

Такой отвѣтъ раздается теперь со всѣхъ крестовъ, къ которымъ подходятъ уповающіе народы, измученные борьбой, измученные путемъ. Съ каждой Голговы громче и громче раздается: «У меня нѣтъ свободы!», «У меня нѣтъ равенства!», «У меня нѣтъ братства!» И обманутая надежда тухнетъ одна за другой, бросая догорающіе лучи на печальные образы Донъ Кихотовъ, упорно не хотящихъ слышать голоса съ Голговы... Они машутъ людямъ, чтобъ тѣ шли скорѣе за ними, и одинъ за другимъ исчезаютъ во мглѣ зимнихъ сумерекъ.

И это не все; люди съ двойнымъ ужасомъ стали разглядывать, что у революціи не только нѣтъ *отца*, но нѣтъ и *сына*.

Страшные, бесплодные іюньскіе дни 1848 были протестомъ отчаянія; они не создавали, они разрушали, но разрушаемое оказалось крѣпче. Со взятіемъ послѣдней баррикады, съ отправкой послѣдней депортаціи безъ суда настаетъ эра новаго *порядка*. Утопія демократической республики улетучилась такъ же, какъ утопія царства небеснаго на землѣ. *Освобожденіе* оказалось окончательно такъ же несостоятельнымъ, какъ *искупленіе*.

Но общественное броженіе не настолько успокоилось, чтобъ люди занялись тихо своимъ дѣломъ; надобно было *занять умы*,

а безъ утопій, безъ эпидемическихъ увлеченій идеалами плохо. Хорошо еще, если-бъ безъ нихъ, обманутыя въ ожиданіи, народныя массы только бы плѣснѣли и загнивали на ирландскій манеръ, какъ стоячая вода, а то, пожалуй, онѣ поднимутся одичалыя и попробуютъ своими самсоновскими мышцами, крѣпки ли столбы общественной храмины, къ которымъ онѣ прикованы!

Гдѣ же взять безопасныя идеалы?

Затрудняться нечего—въ душѣ человѣческой обителѣй много. Сортировка людей по народностямъ становилась больше и больше бѣднымъ идеаломъ въ этомъ мірѣ, сохранившемъ революцію.

Политическія партіи распустились въ *національныя*,—это не только шагъ за революцію, но шагъ за христіанство. Общечеловѣческія стремленія католицизма и революцій уступили мѣсто языческому патріотизму, и честь знамени осталась единственной неприкосновенной честью народовъ. И если-бъ южная Америка не дралась съ геройствомъ *за рабство*, можно было бы думать, что міръ только и дерется изъ-за зоологическаго распорядка по видамъ.

Когда мнѣ приходитъ въ голову, что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ парижскихъ салонахъ гуляка и шутъ Ромье проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что возбужденныя революціонныя силы надобно своротить съ ихъ страшной дороги и направить на вопросы національныя, пожалуй, династическіе, я невольно, по старой памяти, краснѣю отъ стыда.

Воевать, за что бы то ни было, надобно, иначе въ этомъ застоѣ нападетъ китайскій сонъ, ну, а его долго не разбудишь. Да нужно ли будить? Въ этомъ-то и вопросъ.

Послѣднимъ могиканамъ XVIII столѣтія, Донъ Кихотамъ революціи, социалистамъ и долею литераторамъ, поэтамъ и вообще всякимъ эксцентричностямъ спать не хочется, и они, насколько могутъ, мѣшаютъ массамъ заснуть голландскимъ сномъ. Нерѣчистое мѣщанство, боясь книжнаго языка, совѣстится признаться, что ему спать хочется, и туда же—бормочетъ въ полуснѣ неясныя слова о прогрессѣ, свободѣ...

Будить надобно войной. А есть ли во всей оружейной палатѣ прошлаго знамя, хоругвь, слово, идея, изъ-за которыхъ бы люди пошли драться, которыхъ бы они не видали опозоренными и въ грязи?.. *Suffrage universel* ¹⁾, можетъ быть?..

Нѣтъ, не пойдетъ человѣкъ нашего времени ни за одинъ развѣнчанный идолъ съ тѣмъ свѣтлымъ самоотверженіемъ, съ которымъ шель его предокъ на костеръ за право пѣть псалмы, съ

¹⁾ Всеобщая подача голосовъ.

той гордой самоувѣренностью, съ которой шель его отецъ на гильотину за единую и нераздѣльную республику: вѣдь, онъ знаетъ, что ни псалмы, пѣтые по-нѣмецки, ни освобожденіе народовъ по-французски ни къ чему не ведутъ.

А за *незнакомаю бога*, тайкомъ идушаго за стѣнкой, умирать нельзя. Пусть онъ прежде скажетъ, кто онъ такой, пусть признаетъ себя за бога и съ дерзостью св. Августина скажетъ въ глаза старому міру, что «его добродѣтели— пороки, что его истины— нелѣпость и ложь».

Ну, это будетъ не сегодня и не завтра.

Благодарный челоуѣкъ нашего вѣка, какъ Фридрихъ II: *esprit fort* ¹⁾ въ своей комнатѣ и *esprit accommodant* ²⁾ на площади. Входя въ свой кабинетъ, изъ котораго выслались лакеи, король дѣлался философомъ; но выходя изъ него, философъ дѣлался королемъ.

...Вотъ тутъ-то «быки и стоятъ передъ горой» ³⁾!

А, впрочемъ, нельзя отрицать, что свѣтъ разума все больше и больше разсвѣваетъ тьму предрасудковъ... Всего досаднѣе, что людямъ недосугъ и рано умираютъ; только начнетъ въ умъ входить челоуѣкъ, глядишь,—а ужъ и несутъ на кладбище. Невольно вспомнишь извѣстную лошадь, которую пасторъ совсѣмъ, было, отучилъ отъ ѣды, да смерть помѣшала.

...Въ альпійскихъ ледникахъ всякое лѣто оттаиваетъ кора льда, но масса его такъ толста, что осень всякій разъ захватываетъ на полдорогѣ дѣло лучей солнечныхъ, и кора опять начинаетъ замерзать, иногда, впрочемъ, не достигая прежней толщины. Метеорологи разсчитывали много разъ, сколько вѣковъ и вѣковъ необходимо лѣту работать надъ зимой, чтобъ распустить весь ледъ. Многіе сомнѣваются, чтобъ вообще солнце само по себѣ дошло до этого,—развѣ, вулканической взрывъ поможетъ.

Въ исторіи этотъ счетъ еще не дѣланъ.

20 октября 1862

Письмо седьмое.

Шесть дней на работу, а седьмой на отдыхъ. Не даромъ Моисей и Прудонъ защищаютъ день субботній. Однообразный трудъ страшно утомляетъ. Надобно періодическія паузы, въ которыя че-

¹⁾ Независимый умъ, вольнодумецъ.

²⁾ Приспосабливающийся умъ.

³⁾ «Da stehen die Ochsen am Berge» — нѣмецкая поговорка, употребляющаяся для обозначенія безвыходнаго положенія.

ловѣкъ, вымывши руки и надѣвъ чистое платье, идетъ не на работу, а гулять, посмотрѣть на добрыхъ людей, посмотрѣть на природу, одуматься, свободно вздохнуть, «воскреснуть»¹⁾.

Вотъ и я сдѣлалъ себѣ изъ моей періодической болтовни о «концахъ и началахъ» воскресную рекреацию и ухожу въ нее отъ ежедневныхъ диссонансовъ, газетныхъ мерзостей и будничныхъ споровъ, въ которыхъ мѣняются часы и числа, но мнѣнія и рѣчи остаются тѣ же... ухожу, какъ въ какую-нибудь отдаленную келью, изъ оконъ которой не видать многихъ подробностей, не слышать многихъ звуковъ, но ясно видны молчалие очерки близкихъ и далекихъ горъ, и внятно доходитъ морской гулъ.

Можетъ, ты найдешь, что я невесело праздную свои праздники, — вспомни, что я въ Англии, гдѣ изъ всѣхъ скучныхъ дней воскресенье самый скучный.

Ну, что-жъ дѣлать, поскучай еще разъ, а я, съ своей стороны, постараюсь какъ можно забавнѣе тебѣ рассказать тѣ печальныя вещи, о которыхъ мы говоримъ.

Да точно ли онѣ печальны? И не пора ли, если-бъ и въ самомъ дѣлѣ было такъ, примириться съ ними? Нельзя вѣчно горевать о вещахъ, которыя не въ нашей волѣ перемѣнить. Не лучше ли по добру да по здорovu провѣрить приходо-расходныя книги, достающіяся намъ по наслѣдству и, забывая неумѣренныя траты и невознаградимыя потери, принять со смиреніемъ духа итогъ за новую точку отправленія? Тоскуй, сколько хочешь, дѣлу не можешь; мало ли кто какъ *могъ* употребить свой наслѣдственный капиталъ, мало ли кто что грезилъ, получая его, и что мы грезили за него... *Симфонія эройка*²⁾ кончена, начинается дѣловая жизнь. Вино отшипѣло, будемъ пить *сухую tisane de champagne*³⁾. Оно не такъ вкусно, но, говорятъ, здоровѣе.

Сегодня я въ особенно кроткомъ расположеніи духа и невольно склоненъ къ оптимизму и розовому цвѣту.

Дѣло въ томъ, что часть образованнаго міра страдаетъ стародѣвической тоской о счастьи, котораго она не утратила, а вовсе не имѣла, и, вмѣсто того, чтобы твердо рѣшиться на вдовство

¹⁾ Sie feiern *Auferstehung* des Herrn,
Denn sie sind selber *auferstanden*

Aus niedriger Häuser dumpfen Gemächern — *Faust* 4). А. И. Г.

²⁾ Они празднуютъ сегодня воскресенье Господне, ибо сами воскресли изъ душевныхъ комнатъ своихъ низкихъ жилищъ (слова Фауста).

³⁾ *Sinfonia eroica* — знаменитое музыкальное произведение Бетховена, посвященное памяти Наполеона.

⁴⁾ Легкое шампанское.

безъ замужества, хнычетъ о томъ, что *идеалы* молодыхъ дѣтъ не похитилъ, не увезъ ее... Что дѣлать—не увезъ, а теперь поздно.

Люди досаждаютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ, и отъ этого не заботятся объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того, что есть.

Рядомъ съ христіанскими идеалами сѣрафимскихъ крыльевъ, больше и больше пропадающими во мракѣ прошедшаго, и идеалами другихъ крыльевъ, исчезающими въ будущемъ, сложился цѣлый самобытный міръ, на который мечтатели сердятся за то, что онъ исполнилъ то, что могъ, а не то, что они ожидали, т.-е. не крылья. Пока этотъ міръ не признаютъ официально власть и право имущеіе, до тѣхъ поръ продолжится лихорадочное броженіе, постоянная ложь въ жизни, невольная измѣна и своему идеалу и практической реальности, которая обличается въ непрерывномъ противорѣчій словъ и дѣлъ, фразы и поведения.

Міръ этотъ не боекъ на словахъ и не рѣчишь, несмотря на то, что онъ создалъ великій рычагъ, стоящій рядомъ съ паромъ и электричествомъ, рычагъ афиши, объявленій, *рекламъ*.

«Онъ не умѣетъ *se faire valoir* ¹⁾), стать во весь ростъ, во всю толщину и громко сказать народамъ: «Я—альфа и омега вашего развитія; идите ко мнѣ, и я успокою васъ, дамъ, что дать можно; но перестаньте толкаться во всѣ двери, которыя вамъ не отпираютъ: однѣ потому, что некому отпереть, другія потому, что нигде не ведутъ. Помните, наконецъ, что нѣтъ вамъ бога, развѣ меня, и перестаньте поклоняться всѣмъ кумирамъ на свѣтѣ и желать всякихъ крыльевъ на свѣтѣ. Поймите, что нельзя проповѣдывать въ одно и то же время христіанскую нищету и политическую экономію, соціальныя теоріи и безусловное право собственности. Доселѣ моя власть существуетъ, какъ фактъ, но не какъ признанная основа нравственности, даже не какъ знамя, и еще хуже—меня отрицаютъ, меня оскорбляютъ въ церквахъ и академіяхъ, въ аристократическихъ залахъ и сходкахъ клубистовъ, въ рѣчахъ и проповѣдяхъ, въ романахъ и журналахъ... Мнѣ надоѣла роль богатой провинціальной родни, отъ которой столичные фаты получаютъ деньги и домашніе запасы, но о которой умалчиваютъ или говорятъ краснѣя. Я не только хочу царствовать, но хочу одѣться въ порфиру».

¹⁾ Заставить себя уважать.

Да, любезный другъ, пора прійти къ покойному и смиренному сознанию, что *мѣщанство*—окончательная форма западной цивилизации, ея *совершеннолѣтіе*—*état adulte* ¹⁾; *илиз* замыкается длинный рядъ его сновидѣній, оканчивается эпопея роста, романъ юности—все, вносившее столько поэзіи и бѣды въ жизнь народовъ. Послѣ всѣхъ мечтаній и стремленій... оно представляетъ людямъ скромный покой, менѣе тревожную жизнь и посильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжкимъ трудомъ свои зимнія квартиры; пусть другіе покажутъ свою прыть. Время отъ времени, конечно, будутъ еще являться люди прежняго броженія, героическихъ эпохъ, другихъ формаций—монахи, рыцари, квакеры, якобинцы, но ихъ мимолетныя явленія не будутъ въ силахъ измѣнить главный тонъ.

Великіе стихійные ураганы, поднимавшіе всю поверхность западнаго моря, превратились въ тихій морской вѣтерокъ, не опасный кораблямъ, но способствующій ихъ прибрежному плаванію. Христіанство обмелѣло и успокоилось въ покойной гавани реформациі; обмелѣла и революція въ покойной гавани либерализма. Протестантизмъ, суровый въ мелочахъ религіи, постигъ тайну примиренія церкви, презирающей блага земныя, съ владычествомъ торговли и наживы. Либерализмъ, суровый во всѣхъ политическихъ мелочахъ, умѣлъ соединить еще хитрѣе постоянный протестъ противъ правительства съ постоянной покорностью ему.

Съ такой снисходительной церковью, съ такой ручной революціей... западный міръ сталъ отстаиваться, уравниваться: все, что ему мѣшало, утягивалось мало-по-малу въ тяжелѣвшія волны, какъ наскомья, захваченныя смолой янтаря. Задыхаясь, испустивъ крикъ боли и досады Байронъ и бѣжалъ одинъ изъ первыхъ *куда-нибудь*... въ Грецію ²⁾). Стоически оставшись во Франкфуртѣ, медленно задыхался Шопенгауэръ, помѣчая, какъ Сенека, съ разрѣзанными венами, прогрессъ смерти и привѣтствуя ее, какъ избавительницу... Это нисколько не мѣшало повороту всей европейской жизни въ пользу тишины и кристаллизациі, напротивъ, онъ становился яснѣе и яснѣе. Личности стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, *безпокойное*, эксцентрическое. Люди, какъ товаръ, становились чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ,

¹⁾ Совершеннолѣтіе.

²⁾ До какой степени развитые люди чувствовали тогда свое отчужденіе и выдумывали себѣ жизнь, занятія и пр., ты можешь ясно видѣть въ «*Recollections of the last days of Byron and Shelley*» *) Трелоне. А. И. Г.

*) «Воспоминанія о послѣднихъ дняхъ Байрона и Шелли».

дюжиннымъ, дешевле, плоше врозь, но многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ. Индивидуальности терялись, какъ брызги водопада, въ общемъ потоцѣ, не имѣя даже слабаго утѣшенія «блеснуть и отличиться, проходя полосой радуги». Отсюда противное намъ, но естественное равнодушіе къ жизни ближняго и судьбѣ лицъ: дѣло въ типѣ, дѣло въ родѣ, дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицѣ. Сегодня засыпало въ угольной копи сто человѣкъ, завтра будутъ засыпаны пятьдесятъ; сегодня на одной желѣзной дорогѣ убито десять человѣкъ, завтра убьютъ пять... и всѣ смотрятъ на это, какъ на частное зло. Общество предлагаетъ страховать... Что же оно можетъ больше сдѣлать?.. Въ перевозимомъ товарѣ, живомъ и мертвомъ, оттого, что убили чьего-нибудь отца или сына, недостатка не можетъ быть, въ живыхъ снарядахъ для углекопей тоже. Нужна лошадь, нуженъ работникъ, а ужъ именно саврасая ли лошадь, или работникъ Анемподистъ—совершенно все равно. Въ этомъ *все равно*—вся тайна замѣны лицъ массами, поглощенія личныхъ самобытностей родомъ.

Одна буря, было, подымалась, грозя всѣхъ разбудить и помѣшать мѣщанской кристаллизациі, снести колокольни и каланчи, ограды и таможни, но, во-время отведенная громоотводами, она вѣѣ игры. И легче себѣ представить Европу, возвратившуюся въ католицизмъ временъ Григорія Гильдебрандта, по приглашенію Доносо Кортеса и графа Монталамбера, чѣмъ соціальной республикой по рецепту Фурье или Кабэ. Впрочемъ, кто же теперь серьезно говорить о соціализмѣ!? Съ этой стороны западный міръ можетъ быть доволенъ,—ставни закрыты, зарницѣ не видать, до грома далеко... Онъ можетъ спокойно покрыться стеганымъ одѣяломъ, повязать фуляръ и погасить свѣчу.

Gute Nacht, gute Nacht,
Liebe Mutter Dorothee! ¹⁾

Но у бѣдной матери Доротей, какъ у Гретхенъ, братъ солдатъ и, какъ всѣ солдаты, любигъ шумъ и драку и не даетъ спать. Она бы его давно сбывла съ рукъ, да есть кой-какіе дорогіе пожитки, такъ насчетъ голодныхъ сосѣдей безъ сторожа нельзя. Ну, а брату мало быть сторожемъ—амбиція. «Я, говоритъ, рыцарь, жажду подвиговъ».

...Да, если-бъ можно было свести войско на опричниковъ собственности, на тѣлохранителей капитала и лейбъ-гвардію имущества, все-бы быстро достигнуло прочнаго, окончательнаго строя. Но въ

¹⁾ Спокойной ночи, спокойной ночи, дорогая мать Доротей!

міръ нѣтъ ничего совершеннаго, и наслѣдственный рыцарскій духъ мѣшаетъ покойному осажденію докипающей жизни и поддерживаетъ броженіе. Какъ грабежъ ни заманчивъ, и кровожадность ни естественна людямъ вообще, но гусарская удаль и суворовскій задоръ несомнѣсны съ совершеннolѣтіемъ, съ ровнымъ и тихимъ развитіемъ. Отвращеніе Китая отъ всего военнаго гораздо понятнѣе у сложившагося народа, чѣмъ николаевское пристрастіе къ «выпушкамъ, погончикамъ, петличкамъ» ¹⁾.

Вотъ тутъ и загвоздка! Что дѣлать съ *великимъ народомъ*, который хвастается тѣмъ, что онъ—*народъ военный*, который весь состоитъ изъ зуавовъ, пью-пью ²⁾ и французовъ, т.-е. тоже солдатъ?..

Peuple de France—peuple de braves! ³⁾

Смѣшно говорить о покойныхъ ночахъ, прогулкахъ при лунномъ свѣтѣ, о свободѣ политической, торговой и всяческой, когда пятьсотъ тысячъ штыковъ, праздныхъ и скучающихъ, требуютъ заявить свое «право на работу».

На то галльскій пѣтухъ, чтобъ ни одна индѣйка, ни одна утка и ни одинъ гусь въ Европѣ не дремалъ покойно.

Въ самомъ дѣлѣ, перейди Франція изъ военной службы въ штатскую (безъ службы она ужъ не можетъ жить)—и все пойдетъ какъ по маслу. Англія бросить въ море ненужныя ружья, купленныя для рейфльменовъ ⁴⁾, мой grosceг ⁵⁾ Джонсонъ (and Son ⁶⁾) первый промѣняетъ свой штуцеръ на удочку и пойдетъ въ Темзѣ удить рыбу, Кобденъ ослабитъ все, что укрѣпилъ Пальмерстонъ, и фельд-маршала кембриджскаго выберутъ предсѣдателемъ Peace Society ⁷⁾.

Но Франція и не думаетъ выходить изъ военной службы, да и нельзя: на кого оставить Мексику, папу римскаго и *безъ малато* единую Италію? Знамя замѣшано,—дѣлать нечего!

Peuple de France—peuple de braves!

Какъ же быть?

Позволь мнѣ на этомъ остановиться и рассказать новую встрѣчу съ однимъ старымъ знакомымъ; онъ смѣлѣй меня рѣшалъ этотъ вопросъ, потому ли, что онъ «поврежденный», или потому его и считали «поврежденнымъ»; что онъ имѣлъ куражъ говорить такіа вещи,—этого я не знаю.

¹⁾ «Горе отъ ума».

²⁾ Pionniers—солдаты пѣхотинцы.

³⁾ Французскій народъ—народъ храбрецовъ!

⁴⁾ Rifleman—англійскій стрѣлокъ.

⁵⁾ Торговецъ колониальными товарами.

⁶⁾ Съ сыномъ.

⁷⁾ Мирнаго конгресса.

Вотъ какъ было дѣло. Иду я какъ-то года два тому назадъ по Странду, смотрю—въ дверяхъ большой лавки съ дорожными вещами хлопочетъ какая-то толстенъкая подвижная фигура, рѣзко не лондонская, съ разными признаками Италиі, въ свѣтло-сѣрой шляпѣ, въ легкомъ желтомъ пальто и съ огромной черной бородой. Мнѣ казалось, что я гдѣ-то видалъ ее... Всмотриваюсь... Онъ, точно онъ, мой здоровый, разбитной лѣкарь, съ волчьими зубами и веселостью хорошаго пищеваренія, тотъ самый лѣкарь, съ кѣторымъ въ былыя времена мы «рѣзали собакъ и кошекъ», какъ онъ выражался, и то не въ Италиі, а въ анатомическомъ театрѣ московскаго университета ¹⁾).

— На этотъ разъ,—сказалъ я русскому итальянцу,—не вамъ первому достанется честь узнать стараго знакомаго.

— Eccoli! ²⁾ вотъ прелесты! скажите, пожалуйста!—и онъ бросилъ меня цѣловать:—такъ коротко онъ познакомился со мной во время своего отсутствія.

— Если вы будете часто такъ поднимать обѣ руки,—замѣтилъ я ему,—у васъ непременно отрѣжутъ дорожный мѣшочекъ.

— Знаемъ, знаемъ, классическая страна воровства... Помните, Донъ Жуанъ? ну, тамъ въ концѣ, когда онъ возвращается въ Лондонъ?

— Помню. Ну, а вашъ чудакъ съ вами?

— Какъ же, разумѣется, здѣсь, онъ меня ждать остался въ *hôtel'*; сунулъ, было, на улицу, да тотчасъ назадъ: такая, говорить, толпа и духота, что морская болѣзнь сдѣлается,—вотъ меня и послалъ купить кой-какія вещицы на дорогу,—мы завтра отправляемся въ Техась.

— Куда?

— Въ Техась... Ну, знаете, въ Америкѣ.

— Зачѣмъ?

— А зачѣмъ жили въ Калабріи? Телемакъ-то мой ни на волосъ не перемѣнился, только эдакъ солиднѣе прежняго заговаривается. Помните, какъ онъ вамъ толковалъ, что планета больна и что пора людямъ вылѣчиться отъ исторіи? Вотъ онъ и убѣдился теперь, что лѣченіе въ Европѣ идетъ медленно,—исторія, видите, какъ пошла писать въ Италиі, ну онъ и ѣдетъ въ какой-то Техась. Я привыкъ къ нему, все попрежнему споримъ цѣлый день,—это людей ужасно связываетъ. Что же, посмотримъ и Америку!

— Ну, а что въ Калабріи?

¹⁾ О немъ же въ № 722.

²⁾ Вотъ онъ!

— Ему-то тамъ сначала понравилось, т.-е. по-нашему, вся Калабрія хуже послѣдняго уѣзднаго города въ какой-нибудь Саратовской губерніи,—тамъ хоть бильярдъ есть, ну, какая-нибудь вдовушка чиновница, ну, хоть какая-нибудь солдатка въ слободкѣ, а тутъ разбойники, пастухи да попы, да такіе, что и не различишь, который разбойникъ, который попъ. Наняли мы тамъ полуразвалившійся радклифовскій вертепъ; ящерицы, бестіи, бѣлымъ днемъ по полу ходятъ, а ночью нетопыри по залѣ летаютъ,—хлопъ въ стѣну, хлопъ. Я, впрочемъ, уѣзжалъ нѣсколько разъ и въ Неаполь, и въ Палермо... А каковъ Гарибальди? Вотъ человѣкъ-то! съ такимъ не пропадешь!.. А онъ все сидѣлъ въ своемъ замкѣ, только разъ съѣздилъ въ Римъ. Римъ ему по вкусу пришелся, будтѣ, сейчасъ пѣвчіе перестали пѣть «со святыми упокой!». Гамлетъ, гробокопатель!

— А что, вашъ Гамлетъ показывается?

— Безъ сомнѣнія. Онъ поминалъ васъ нѣсколько разъ; «онъ, говоритъ, сбивается еще, а, впрочемъ, на хорошей дорогѣ», ха, ха, ка!

— И то хорошо. Пойдемте къ нему.

— Съ удовольствіемъ.

Евгенія Николаевича я нашелъ сильно постарѣвшимъ. Лицо его, больше покойное, получило какой-то клерикально задумчивый оттѣнокъ; сухая, матовая блѣдность придавала его лицу что-то неживое; темные обводы около глазъ, больше прежняго впавшихъ, дѣлали зловѣщимъ прежнее грустное выраженіе ихъ.

— Вы бѣжите отъ насъ, Евгеній Николаевичъ, за океанъ?—сказалъ я ему.

— И вамъ совѣтую.

— Что же такъ?

— Утомительно-съ очень здѣсь.

— Да, вѣдь, вы это знали и прежде: вы мнѣ говорили это восемь лѣтъ тому назадъ.

— Это правда, но, признаюся, я думалъ, что будетъ война.

— Какая война?

— Война!—и онъ покрутилъ рукой.

— Это вы въ Калабріи сдѣлались такимъ кровожаднымъ?

— Мнѣ собственно ничего, но больно быть свидѣтелемъ, вчужъ жаль, особенно молодое поколѣніе.

— Да войну вамъ на что? чтобъ помочь молодому поколѣнію?

— Я не виноватъ, вопросъ такъ сталъ. Выбора нѣтъ: или война или разоренье на содержаніе войска.

— Каюсь вамъ чистосердечно, что ясно вашей мысли не понимаю.

— Наша коса на камень,—вставилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Это оттого, что вы и сомнѣваетесь и немного вѣрите. Это бѣда-съ. Ясно, что столы не вертятся, а тутъ сомнѣніе: «ну, а какъ столы въ самомъ дѣлѣ вертятся?»,—оно и не ясно-съ. Вотъ Филиппъ Даниловичъ—другое дѣло, онъ ортодоксъ, онъ и знаетъ, какъ тамъ прогрессъ идетъ и все такъ къ лучшему, а я вотъ, какъ ни прикидываю, вижу, что люди заступили за постромку и все дальше и дальше несутся въ болото.

— Такъ это лошадь заступила за постромку, такъ ей ноги прочь, сейчасъ ампутацію? Радикальное лѣченіе!

— Найдите снадобье—и ампутаціи снадобно. А какъ его нѣтъ, такъ такъ и оставить больного? Западные народы изъ силъ выбились, да и есть отчего: они хотять отдохнуть, пожить въ свое удовольствіе, надоѣло безпрестанно перестраиваться, обстраиваться да и ломать другъ другу дома. У нихъ все есть, что надобно—и капиталы, и опытность, и порядокъ, и умѣренность... что же имъ мѣшаетъ? Были трудные вопросы, были любимыя мечты,—все улеглось, на что вопросъ о пролетаріатѣ—и тотъ утихъ. Голодные сами или сдѣлались ревностными поклонниками чужой собственности, въ надеждѣ пріобрѣсти свою, или сдѣлались тихими лаццарони индустриі, у которыхъ ропотъ и негодование сломлены вмѣстѣ со всеми остальными способностями, и это, безъ сомнѣнія,—одна изъ гажнѣйшихъ заслугъ фабричной дѣятельности... А покоя все такъ нѣтъ... держи войско, держи флоты, трать все выработанное на защиту,—кто же, кромѣ войны, можетъ покончить со всѣмъ этимъ?

— Это гомеопатически клинъ клиномъ вышибать,—замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Можно ли,—продолжалъ мой чудакъ,—беззаботно работать въ своемъ садикѣ, зная, что возлѣ, въ ущели какой-нибудь вертепъ бандитовъ, пандуровъ ¹⁾, янычаръ?

— Позвольте,—перебилъ Филиппъ Даниловичъ,—одно слово: лари на бутылку бургонскаго, что вы не знаете, кто эти тормозы просвѣщенія, прогресса, эти пандуры и янычары!

— Что жъ, Австрія и Россія?

— Ха, ха, ха—навѣрняка обыгралъ за вами бутылка шамбертенъ.

— Ну, помилуйте,—замѣтилъ съ упрекомъ Евгеній Николаевичъ,—что же Австрія можетъ сдѣлать? Страна употребляетъ всѣ усилія, чтобъ не умереть, натягиваетъ всѣ мышцы, чтобъ части не распозлились, ну, гдѣ же ей кому-нибудь грозить? Человѣкъ

¹⁾ Въ XVIII ст. иррегулярная армія, пользовавшаяся весьма дурной репутаціей.

одной рукой придерживаетъ ногу, чтобъ она безъ него не ушла, а другой голову, чтобъ она не отвалилась, а тутъ говорятъ, что она на драку лѣзетъ. Пора и Россію послѣ кампаніи отчислить изъ пугаль; ее не только никто не боится, но на нее никто и не надѣется больше, ни сербы, ни болгары, ни всѣ эти славянскіе патриоты, отыскивающіе съ IV столѣтія свое отечество и свою само-бытность. Да это и хорошо: пусть Россія «чаеѣ жизни будущаю въка», а въ настоящемъ отучаетъ чиновниковъ воровать да драться. Въ Европѣ есть гнеты, прессы почище устроенные, отъ которыхъ воздуха въ легкихъ и покоя въ сердцѣ недостаетъ.

— Такъ это вы Англию и Францію такъ честите?

— Безъ сомнѣнія, еще съ Англіей можно бы было какъ-нибудь сладить, она все эдакъ потихоньку, за угломъ, отрицательно давить, тутъ поддерживаетъ дряхлое, тамъ давнеть такъ молодое, что оно расти перестанетъ; голоднаго встрѣтитъ, говорить ему: «что-жъ, съ Богомъ, ты свободный-человѣкъ, иди, я тебя не держу». А Франція.. ну, помилуйте,—одинъ баталіонъ, за барабаномъ и двумя дудками вся Франція пойдетъ, куда хотите—въ Казань, Рязань, а въ Англию и безъ барабана вплавь бросится, лишь бы въ докахъ-то, въ Сити похозяйничать, какъ въ пекинскомъ дворцѣ. Не правда ли, какое чудо, что между ними нѣтъ войны? Кто могъ ждаты, что эти два заклятыхъ врага будутъ покойно смотрѣть другъ на друга съ той ненавистью, которую не могли преодолѣть ни вѣка, ни образованіе, ни торговая выгода, и притомъ сдвигаясь все ближе и ближе, такъ что ужъ между Парижемъ и Лондономъ остается только десять часовъ ѣзды? Съ одной стороны Ламанша legion d'honneur ¹⁾, съ другой—habeas corpus, и они терпятъ другъ друга! Понимаете ли вы это: такъ страстно ненавидѣть и не имѣть духу? Послѣ этого я рѣшительно въ Техасъ.

— Понять трудно, это правда, но что *оно такъ*, это не со-всѣмъ дурно. Вотъ уже когда ваша война будетъ, и французы переплывутъ Ламаншъ, разумѣется, чтобъ *освободить* Англию, тогда я и самъ отправлюсь въ Техасъ.

— A la bonheur ²⁾,—вскрикнулъ обрадованный Филиппъ Даниловичъ.

— Дренажъ-съ, временное дѣло, для расчистки мѣста и воздуха. Гдѣ-жъ имъ здѣсь остаться? Москва—не Лондонъ, и то взяла всякихъ нѣмцевъ по дорогѣ да и пошла въ Парижъ.

¹⁾ Почетный легионъ.

²⁾ Въ добрый часъ!

— Что-жъ изъ этого? или у васъ есть въ запасѣ какой-нибудь Людовикъ XIX?

— *Во немъ не будетъ надобности.*

— Евгений Николаевичъ, — сказалъ я, помолчавъ, — и все-то это для того, чтобъ дойти до голландскаго покоя, и за эту похлебку изъ чечевицы проститься съ лучшими мечтами, съ святѣйшими стремленіями?

— А чѣмъ худо, — замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ, снова показывая свои бѣлые зубы, — ѣсть сельди да вафли съ чистой соевѣстью и такой же салфеткой въ домѣ, который только-что выстирали, съ женой изъ рубенсовскихъ мясовъ, и кругомъ малъ мала меньше. Скидамъ, фаро и кюрасо — я больше ничего голландскаго не знаю. Ха, ха, ха, изъ чего бились всѣ эти Фурье да Оуэны!

— Не они одни: католики и протестанты, энциклопедисты и революціонеры... всѣ изъ чего бились? А ихъ трудъ, ихъ вѣра, ихъ борьба, ихъ гибель... это развѣ ничего? Вамъ еще надобно, чтобъ и весь господня и Feste Burg ¹⁾, и фаланстеръ, и якобинская республика, — все бы въ самомъ дѣлѣ осуществилось? Я помню... — онъ пріостановился и потомъ съ какимъ-то внутреннимъ умиленіемъ спросилъ меня: — испытали вы, что чувствуетъ человѣкъ, когда онъ передаетъ свое воззрѣніе другому и видитъ, какъ оно всходитъ въ немъ?

— Все это хорошо. Воля ваша, — перебилъ ученикъ Гиппократа, — да какой же прокъ съ наслажденіемъ переливать изъ пустого въ порожнее?хлопотать-то изъ чего?

— Эхъ, Филиппъ Даниловичъ, мы-то съ вами изъ чего хлопочемъ? не дошли же мы до того, чтобъ лѣчиться отъ смерти, а вѣдь, гробовой-то покой хуже голландскаго. Ну, да ужъ вамъ и богъ проститъ, вы — ортодоксъ. А вотъ вы-то какъ же эдакъ спотыкаетесь? — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, печально качая головой.

И потомъ, вдругъ расхохотавшись своимъ нервнымъ, невеселымъ смѣхомъ, сказалъ:

— Я вспомнилъ теперь одну нѣмецкую книгу, въ которой разсказывается о труженическомъ существованіи крота, — очень смѣшно. Звѣрь маленькій, съ большими лапами, со щелочками вмѣсто глазъ, роетъ въ темнотѣ, подъ землей, въ сырости, роется день и ночь, безъ усталы, безъ разсѣянія, съ страстной настойчивостью до старости. Едва перекуситъ какихъ-нибудь зернышекъ

¹⁾ Крѣпкій оплотъ.

да червячковъ, и опять за работу, зато для дѣтей готова норка, и кротъ умираетъ спокойно, а дѣти-то начинаютъ во всѣ стороны рыть норки для своихъ дѣтей. Какова заплатная цѣна за пожизненную земляную работу? Каково соотношеніе между усиліями и достигаемымъ? Ха, ха, ха! Самое смѣшное-то въ томъ, что, выстроивши свои отличные коридоры, переходы, стоившіе ему труда цѣлой жизни, онъ не можетъ ихъ видѣть... Бѣдный кротъ!

Этой моралью моего поврежденнаго я и заключу первый отдѣлъ «Концовъ и началъ» и послѣдній мѣсяць 1862 года. Черезъ два дня *новый годъ*, съ которымъ тебя поздравляю; надобно набрать къ нему свѣжія силы на кротовую работу—лапы чешутся.

29 декабря 1862.

Письмо восьмое.

Мужайся, стой и дай отвѣтъ ¹⁾!

— ...Halte-là! Stop! ²⁾ — сказалъ мнѣ на этотъ разъ не *поврежденный*, а, напротивъ, одинъ *поправленный* господинъ, входя въ мою комнату съ «Колоколомъ» въ рукѣ.—Я пришелъ къ вамъ объясниться. Ваши «Концы и начала» перешли всякую мѣру, пора честь знать и, дѣйствительно, положить имъ конецъ, сожалѣя о ихъ началѣ.

— Неужели до этой степени?

— До этой. Вы знаете,—я васъ люблю, я уважаю вашу талантъ...

Ну, подумалъ я, дѣло плохо; видно «поправленный» не на шутку хочетъ меня обругать, а то не сталъ бы забѣжать такими лестными апрошами ³⁾.

— Вотъ моя грудь,—сказалъ я,—разите!

Мое самоотверженіе, смѣшанное съ классическимъ воспоминаніемъ, хорошо подѣйствовало на раздраженнаго пріятеля, и онъ съ болѣе добродушнымъ видомъ сказалъ мнѣ:

— Выслушайте меня покойно, безъ авторскаго самолюбія, безъ изгнаннической исключительности... Къ чему вы все это пишете?

— На это много причинъ. Во-первыхъ, я считаю истиной то, что пишу, а у cadaго челоуѣка, неравнодушнаго къ истинѣ, есть слабость еѣ распространять. Во-вторыхъ... впрочемъ, я полагаю, что и перваго достаточно.

¹⁾ «ловъ» Ломоносова.

²⁾ Остановись!

³⁾ Approches—подступы.

— Нѣтъ. Вы должны знать публику, съ которой говорите, ея возрастъ, обстоятельства, въ которыхъ она находится. Я вамъ скажу прямо: вы имѣете самое пагубное влияние на нашу молодежь, которая учится у васъ неуваженію къ Европѣ, къ ея цивилизації, въ силу чего не хочетъ серьезно заниматься, хватается вершки и довольствуется своей широкой натурой, т.-е. распускающейся широко въ праздно болтовнѣ и поверхностномъ всезнаніи.

— У! какъ вы состарились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ: и молодежь браните и воспитывать ее хотите ложью, какъ няньки, поучающія дѣтей, что новорожденныхъ приносить повивальная бабка, и что дѣвочка отъ мальчика отличается покроемъ платья. Подумайте лучше, сколько вѣковъ люди безбожно лгали съ нравственной цѣлью, а нравственности не поправили; отчего же не попробовать говорить правду? Правда выйдетъ не хороша, привѣръ будетъ хорошъ. Съ вреднымъ влияніемъ на молодежь я давно примирился, взявъ въ расчетъ, что всѣхъ, дѣлавшихъ пользу молодому поколѣнію, постоянно считали развратителями его, отъ Сократа до Вольтера, отъ Вольтера до Шелли и Бѣлинскаго. Къ тому же меня утѣшаетъ, что нашу русскую молодежь очень трудно испортить. Воспитанная въ помѣщичьихъ, плантаторскихъ усадьбахъ николаевскими чиновниками и офицерами, окончившая курсъ своихъ наукъ въ казармахъ и канцеляріяхъ, она или не можетъ быть испорчена, или уже до того испорчена, что мудрено прибавить много какой-нибудь горькой правдой о Западѣ.

— Правдой!.. Да позвольте васъ спросить, правда-то ваша въ самомъ ли дѣлѣ правда?

— За это я отвѣчать не могу. Вы можете быть въ одномъ увѣрены—что я говорю добросовѣстно, какъ думаю. Если же я ошибаюсь, не сознавая того, что же мнѣ дѣлать? Это скорѣе ваше дѣло раскрыть мнѣ глаза.

— Васъ не убѣдишь и знаете почему? потому что вы *отчасти* правы. Вы хорошій *прозекторъ*, какъ сами говорили, и плохой *акушеръ*.

— Да, вѣдь, и живу-то я въ клиникѣ и въ анатомическомъ театрѣ.

— А пишете для воспитательныхъ домовъ. Дѣтей надобно учить, чтобъ они другъ у друга каши не ѣли да не таскали бы другъ друга за вихры, а вы ихъ потчуете тонкостями вашей патологической анатоміи да еще приговариваете: «вотъ, молъ, какіе скверные потрохи были у западныхъ стариковъ». Къ тому же у васъ двѣ мѣры и два вѣса. Взялись за скальпель,—ну, и рѣжьте одинакимъ образомъ.

— Какъ же это и живыхъ-то рѣзать? Страсти какія! да еще дѣтей! Что же я за Иродъ вамъ достался?

— Шутите, какъ хотите,—меня не собьете. Вы съ большой чуткостью произносите діагнозъ современнаго человѣка, да только, разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы проповѣдуете, что все это произошло отъ того, что пациентъ—французъ или нѣмецъ. А тѣ дома у насъ и, въ самомъ дѣлѣ, воображаютъ, что у нихъ-то и молодость, и будущность. Все, что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи западныхъ народовъ, вы взрѣзываете безъ оглядки, безъ жалости, выставляя наружу страшныя язвы, и тутъ вы въ вашей прозекторской роли. Но валандаться вѣчно съ трупами вамъ надоѣло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ,—не золотого тельца, а бараній тулупъ,—да и давай ему поклоняться и славословить его: «Абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, соціальный!». Вы, который сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ и въ ультра-фанатическомъ экстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобъ не видать, что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ расплюснутъ до скулъ и усы сардинскаго короля. Вамъ что ни говори, какіе ни приводи факты, вы «въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ» толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о многообъщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей не перебродившей соціально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ, отуманенная и хмельная, пока себѣ сломитъ шею или разобьетъ носъ объ *дѣйствительную* дѣйствительность нашу? Разумѣется, что и ихъ, какъ васъ, протрезвить трудно: исторія, филологія, статистика, неотразимые факты вамъ ни по чемъ.

— Позвольте, однако, и я, въ свою очередь, скажу: надобно знать мѣру,—какіе же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, фактъ, что мы русскіе принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ, *genus europaeum* ¹⁾, и, слѣдовательно, *по самымъ неизмѣннымъ законамъ физиологіи, должны идти по той же дорогѣ*. Я не слышалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

¹⁾ Европейская порода.

— Представьте себѣ, что и я не слышалъ.

...Я останавливаюсь на этомъ пріятномъ моментѣ полного согласія съ моимъ противникомъ, чтобъ снова обратиться къ тебѣ и отдать на твой судъ таковыя до чести и добродѣтели моихъ жосланій относящіяся нареканія.

Грѣхъ мой весь въ томъ, что я избѣгалъ догматическаго изложенія и, можетъ, слишкомъ полагался на читателей; это привело многихъ въ искушеніе и дало моимъ *практическимъ* противникамъ орудіе противъ меня разныхъ закаловъ и не одинаковой чистоты. Постараюсь сжать въ рядъ афоризмовъ основы того воззрѣнія, на которыя опираясь, я считалъ себя въ правѣ сдѣлать тѣ заключенія, которыя передавалъ, какъ сорванныя яблоки, не упоминая ни о лѣстницѣ, которую приставлялъ къ дереву, ни о ножницахъ, которыми стригъ. Но прежде, чѣмъ я примусь за это, я хочу тебѣ показать на одномъ примѣрѣ, что мои строгіе судьи не то чтобъ были очень хорошо подкованы. Ученый другъ, приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ, какъ ты видѣлъ, за *несомнѣнный фактъ, за неизмѣнный физиологическій законъ*, что, если *русскіе* принадлежать къ *европейской семьѣ*, то имъ предстоитъ та же дорога и то же развитіе, которое совершенно романо-германскими народами. Но въ сводѣ физиологическихъ законовъ тако-го § не имѣется.

Это мнѣ напоминаетъ чисто московское изобрѣтеніе разныхъ учреждений, постановленій, въ которыя всѣ вѣрятъ, которыя всѣ повторяютъ, и которыя, между прочимъ, никогда не существовали. Одинъ мой знакомый называлъ ихъ *законами англійскаго клуба*.

Общій планъ развитія допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ, какъ хоботь слона, какъ горбъ верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончія, борзья, водолазы, моськи... Общее происхожденіе нисколько не обуславливаетъ одинаковость біографій. Каинъ и Авель были родные братья, а какія разныя карьеры сдѣлали. То же самое во всѣхъ нравственныхъ родахъ или общеніяхъ. Все христіанское имѣетъ сходныя черты въ устройствѣ семьи, церкви и пр., но нельзя сказать, чтобъ судьба англійскихъ протестантовъ была очень сходна съ судьбой абиссинскихъ христіанъ, или чтобъ очень католическая австрійская армія была похожа на чрезвычайно православныхъ монаховъ афонской горы. Что утка не дышитъ жабрами, это вѣрно; еще вѣрнѣе, что кварцъ не летаетъ, какъ колибри. Впрочемъ, ты, вѣрно, знаешь, а ученый другъ не знаетъ, что въ жизни утки была минута колебанія, когда зорта не загибалась своимъ стержнемъ внизъ, а вѣтвилась съ притязаніемъ на жабры; но, имѣя физиоло-

гическое преданіе, привычку и возможность развиться, утка не устанавливалась на бѣднѣйшемъ строеніи органа дыханія и переходила къ легкимъ.

Это значить просто напросто, что рыба *приладилась* къ условіямъ водяной жизни и далѣе жабръ не идетъ, а утка идетъ. Но почему же это рыбье дыханіе должно сдунуть мое воззрѣніе, -- этого я не понимаю. Мнѣ кажется, что онѣ, напротивъ, объясняютъ его. Въ «genus eugoraeum» есть народы, состарившіеся безъ полянаго развитія мѣщанства (кельты, нѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.), есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ, какъ вода жабрамъ, -- отчего же не быть и такому народу, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки?

Въ чемъ же состоитъ та злая ересь, то отпаденіе отъ своихъ собственныхъ принциповъ, отъ непреложныхъ законовъ мірозданія и отъ всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ ученій и уставовъ, что я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства, того устройства, къ которому Россія стремится, и, достигая котораго, она, можетъ, *пройдемъ* мѣщанской полосой? Можетъ, народы европейскіе сами перейдутъ къ другой жизни; можетъ, Россія вовсе не разовьется, но именно потому, что это *можетъ быть, можетъ быть* и другое. И тѣмъ больше, что въ томъ череду, какъ стали вопросы, въ случайностяхъ мѣста и времени развитія, въ условіяхъ быта и жизни, въ постоянныхъ *складкахъ* характера бездна указаній.

Народъ русскій, широко раскинувшійся *между* Европой и Азіей, принадлежащій какому-то двоюроднымъ братомъ къ общей семьѣ народовъ европейскихъ; онъ одинъ не принималъ почти никакого участія въ длинной семейной хроникѣ Запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою полную неспособность къ развитію, или развить что-нибудь свое подъ вліяніемъ былого и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и своего угла отраженія.

До нашего времени Россія ничего не развила своего, но кое-что сохранила; она, какъ потокъ, отражала верхнимъ слоемъ тѣ снившіе ее берега, отражала ихъ вѣрно, но поверхностно. Византійское, можетъ, было самое глубокое; остальное шло по петровски: брилась борода, стриглись волосы, рѣзались, помы кафтана, народъ молчалъ, уступалъ, меньшинство переряжалось, служило, а государство, которому дали общій европейскій чертежъ, росло, росло... Это -- обыкновенная исторія ребячества. Оно окончилось. Въ этомъ никто не сомнѣвается: ни Зимній дворецъ, ни

юная Россія. Долгій ростъ пришелъ къ концу, пора облечься въ тогу совершеннѣтїа, стать на свои ноги, — зачѣмъ же непременно на деревянныя? потому что онѣ иностранной работы? Зачѣмъ же наряжаться въ блузу, когда есть своя рубашка съ косымъ воротомъ?

Мы досаждемъ на бѣдность силъ, на узкость взгляда правительства, котрое въ своей бесплодности усовершенствуетъ нашъ бытъ тѣмъ, что вмѣсто черно-желтой Zwangsjacke ¹⁾, въ которой насъ пасли полтора ста лѣтъ, надѣваетъ трехцвѣтную *camisole de force* ²⁾, шитую по парижскимъ выкройкамъ. Но тутъ не правительство, а мандарины литературы, сенаторы журнализма, «баньосы» политической экономіи и иныхъ каедръ проповѣдуютъ намъ, какъ мой ученый другъ, что ужъ такой *неизмѣнный законъ физиологїи*: принадлежишь къ *genus eugraeum*, такъ и продѣлывай всѣ старыя глупости на новый ладъ; что и мы, бѣдные, какъ бараны, должны споткнуться на той же рытвинѣ, упасть въ тотъ же оврагъ и сѣсть потомъ вѣчнымъ лавочникомъ и продавать овощъ другимъ баранамъ.

Пропадай онъ совсѣмъ, этотъ физиологическій законъ! И отчего же Европа была счастливѣе? ее никто не заставлялъ *da saro* ³⁾ играть роль Греціи и Рима.

Въ природѣ, въ жизни нѣтъ никакихъ монополій, никакихъ мѣръ для предупрежденія и пресѣченія новыхъ зоологическихъ видовъ, новыхъ историческихъ судебъ и государственныхъ формъ; предѣлы ихъ — однѣ невозможности. Будущее импровизируется на тему прошедшаго. Не только фазы развитія и форма быта измѣняются, но создаются новые народы и народности, которыхъ судьбы идутъ иными путями. На нашихъ глазахъ, такъ сказать, образовалось новое различіе, *varietas* ⁴⁾ *сводно-европейская* въ Сѣверной Америкѣ. Не только бытъ, нравы, приемы американцевъ развили свой особый характеръ, но наружный типъ англо-саксонскій и кельтическій измѣнился за океаномъ до того, что американца почти всегда узнаешь. Если достаточно было новой почвы для старыхъ людей, чтобъ изъ нихъ сдѣлать своеобразный, характеристическій народъ, почему же народъ, самобытно развившійся при совершенно другихъ условїяхъ, чѣмъ западныя государства, съ иными началами въ бытѣ долженъ пережить европейскіе зады, и *это, зная очень хорошо, къ чему они ведутъ?*

¹⁾ Смирительная рубашка.

²⁾ То же по-французски.

³⁾ Сначала.

⁴⁾ Разновидность.

Да, но въ чемъ же эти начала?

Я говорилъ много разъ, въ чемъ, *ни разу не слышалъ* серьезнаго возраженія и всякій разъ опять слышу *одни и тѣ же* возраженія,—добро бы отъ иностранцевъ, а то отъ русскихъ...

Дѣлать нечего, повторимъ и ихъ опять. ¹

15 января 1863 г.

◆ 1. Тургеневъ писалъ Герцену по поводу «Концовъ и началъ» нѣсколько разъ. Привожу всѣ эти письма.

Послѣ прочтенія четвертаго письма, 18 октября изъ Баденъ-Бадена:

«Милый А. И., я оттого долго не отвѣчалъ, что все собирался *большое* письмо написать, но прїездъ Лугинина далъ мнѣ толчокъ — и я пишу тебѣ, — не знаю, какъ выйдетъ; коротко или длинно. Прежде всего скажу тебѣ, что самъ Лугининъ мнѣ понравился такъ, какъ давно молодой человекъ мнѣ не нравился: это — благородное и дѣльное существо. Насчетъ адреса я уже подробно отвѣчалъ ему, — и ты, вѣроятно, получилъ мой отвѣтъ. Я просилъ его переслать тебѣ его немедленно. Что же касается до моего отвѣта на «письма», помѣщенные въ «Колоколъ», то уже нѣсколько страницъ было набросано — я тебѣ покажу ихъ — но, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ты пишешь мнѣ, я прїостановился, тѣмъ болѣе, что получилъ подъ рукою *офиціозное* предостереженіе не печататься въ «Колоколъ». Потеря, въ сущности, небольшая для публики, хотя для меня оно было бы важно. Главное мое возраженіе состояло въ томъ, что ты въ отношеніи собственно ко мнѣ не такъ поставилъ вопросъ: не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни я удалился, какъ говорить Гоголь, подъ *стѣнь струй* европейскихъ принциповъ и учреждений. Мнѣ было бы 25 лѣтъ — я бы не поступилъ иначе — не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль *образованнаго* класса въ Россіи быть передателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать; это, въ сущности, скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ, хотя ее приводитъ въ дѣйствіе революція: эта роль, по-моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что всего важнѣе, въ сущности *отрекаетесь отъ революціи*, потому что народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, — консерваторъ *par excellence* и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ

теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставить за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ «письмахъ». Далекое нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ. Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. *Земство*, о которомъ вы пишете въ Лондонѣ протрубили уши, это пресловутое *Земство* оказалось на дѣлѣ такой же кабинетной, высиженной штучкой, какъ родовой бытъ Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ (истинно потрудился!), и ничто не измѣнить теперь моего убѣжденія. *Земство*—либо значить то же самое, что значить любое относительное западное слово, либо ничего не значить и въ щаповскомъ смыслѣ не понятно ровно ста мужикамъ изо ста. Приходится вамъ прискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: «земство, артель и община», или сознаться, что тотъ особый строй, который придастся государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоить опасность то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ чуть не на одной страницѣ Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ¹⁾. Кстати о немъ: на стр. 21 онъ говоритъ: «Въ 1863 г. бытъ въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшитъ созвать все-народную земскую думу». Если онъ хочетъ, я ему предлагаю какое угодно пари: я утверждаю, что царь ничего не созоветь, и 1863 годъ пройдетъ *преувеличенно тихо*. Es gilt? Я увѣренъ, что и тутъ мое предсказаніе сбудется, какъ и сдѣланное мною, помнишь, весною въ Лондонѣ насчетъ уставныхъ грамотъ. Я ошибся только въ томъ, что думалъ, что къ концу года половина ихъ будетъ представлена, а онѣ теперь уже почти всѣ представлены. Эхъ, старый другъ, повѣрь: единственная точка опоры для живой революціонной пропаганды—то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое Бакунинъ называетъ и гнилыми и оторванными отъ почвы и измѣнниками. Во всякомъ случаѣ, у *тебя* другой публики нѣтъ» («Письма», 160—162).

Послѣ пятаго письма, 4 ноября изъ Парижа:

«Что касается до твоего письма въ «Колоколъ», оно, какъ всѣ прежнія, умно, тонко, красиво, но безъ вывода и примѣненія. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что въ столь часто повторяемой анти-

¹⁾ «Народное дѣло».

тезѣ Запада, прекраснаго снаружи и безобразнаго внутри, и Востока, безобразнаго снаружи и прекраснаго внутри, лежитъ фальшь, которая потому еще держится даже въ замѣчательныхъ умахъ, что она, во-первыхъ, не сложна и удобопонятна, а, во-вторыхъ, а l'air d'être très ingénieuse et neuve (имѣетъ видъ очень замысловатой и новой—*М. Л.*). Но уже на ней мнѣ видятся бѣлые нитки и истертые локти, и все твое краснорѣчіе не спасетъ ее отъ зіяющей могилы, гдѣ она будетъ лежать en très bonne compagnie (въ очень хорошей компаніи—*М. Л.*) вмѣстѣ съ философіей Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовымъ бытомъ славянъ и — дерзну прибавить—статьями великаго социалиста Николая Платоновича.

«Тотъ самумъ, о которомъ ты говоришь, дуетъ не на одинъ Западъ, онъ разливается и у насъ, но ты, въ теченіе почти четверти столѣтія (16 лѣтъ) отсутствуя изъ Россіи, пересоздалъ ее въ своей головѣ. Горе, которое ты чувствуешь при мысли о ней, горько, но повѣрь, оно, въ сущности, еще горче, чѣмъ ты предполагаешь, и я на этотъ счетъ больше мизантропъ, чѣмъ ты. Россія—не Венера Милосская въ черномъ тѣлѣ и въ узахъ; это—такая же дѣвица, какъ и старшія ея сестры—только что вотъ з..... у ней будетъ пошире—и она уже....—и такъ же будетъ таскаться, какъ и тѣ. Ну—рыломъ-то она въ нихъ не вышла, говоря языкомъ Островскаго. Шопенгауэра, братъ, надо читать поприлежнѣе, Шопенгауэра.

«Однако, довольно. Все-таки, жду твоего будущаго «письма» съ нетерпѣніемъ и дружески жму тебѣ руку».

Послѣ шестого письма, 8 ноября изъ Парижа:

«Экая пошла у меня съ тобою корреспонденція, любезнѣйшій А. И.! Можетъ быть, она тебѣ не по вкусу, — да такой на меня стихъ нашелъ. Нынѣшнее письмо вызвано твоимъ послѣднимъ «письмомъ» ко мнѣ въ «Колоколъ».—Оно замѣчательно, хотя написано нѣсколько не то что вычурно, а мудрено для многихъ читателей, которые не сразу поймутъ ни зарожденіе отъ *Пана*, ни *допуническое*, но это мелочи. Ты съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозъ современнаго человѣчества, но почему же это непременно *западное* человѣчество, а не «bipedes»¹⁾ вообще? Ты точно медикъ, который, разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляетъ, что вся бѣда происходитъ оттого, что пациентъ — французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ-то

¹⁾ Двуногое.

видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ—das Absolute ¹⁾, однимъ словомъ; то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идола разбиты, а безъ идола жить нельзя,—такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо, о немъ почти ничего неизвѣстно — и опять можно молиться, и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что вы отъ него ждете,—это, по-вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшней властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидитъ то, что вы любите,—богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надобль, съ этимъ специфическимъ ультра-фанатическимъ экстазомъ твердите о «весенней свѣжести, о благодагныхъ буряхъ» и т. д.—Исторія, филологія, статистика—вамъ все ни по чемъ; ни по чемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, «genus europaeum» и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физиологіи, должны итти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ *уткѣ*, которая, принадлежа къ породѣ *утокъ*, дышала бы жабрами, какъ рыба. А, между тѣмъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого,— по цивилизаци, по законности, по самой революціи, наконецъ, и, наливъ молодыя головы вашей еще непребродившей социальнo-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмельными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, горестно, съ горячимъ и искреннимъ самоотверженіемъ — въ этомъ я не сомнѣваюсь — и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь.... но отъ этого не легче. Одно изъ двухъ: либо служи революціи, европейскимъ идеаламъ попрежнему, либо, если ужъ дошелъ до убѣжденія въ ихъ несостоятельности, имѣй двухъ и смѣлость посмотрѣть черту въ оба глаза, скажи: guilty (виновень—*М. Л.*) въ лицо *всему европейскому человечеству*—и не дѣлай явныхъ или подразумеваемыхъ исключеній въ пользу ново-долженствующаго прійти расейскаго мессіи, въ котораго, въ сущности, ты лично такъ же мало вѣришь, какъ и въ еврейскаго. Ты скажешь: это страшно — и популярность можно

¹⁾ Абсолютное.

потерять и возможность продолжать дѣятельность. Согласенъ, но, съ одной стороны, и такъ дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь—безплодно, а, съ другой стороны, я въ тебѣ, назло тебѣ, предполагаю достаточно силы духа, чтобы не убояться никакихъ послѣдствій отъ высказыванія того, что ты считаешь истиной. Мы еще подождемъ, а теперь довольно» («Письма», 169—172).

1882. Отъ редакціи.

Мы получили 27 іюня 2500 фр. съ особымъ назначеніемъ, которое и исполнено. ¹

◆♦ 1. 1 іюля, въ день пятилѣтія даты 1-го № «Колокола», Герцену былъ данъ обѣдъ, на которомъ присутствовали Огаревы, дѣти, Бакунинъ, Кельсіевы, Тхоржевскіе, Чернецкій и др.

1883. Письмо къ В. В. Стасову.

10 July 62.

Я былъ у васъ, чтобы сказать, что я еще здѣсь и ѣду, вѣроятно, въ воскрес. утромъ на недѣлю.

1884. МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССІЯ.

Въ Петербургѣ терроръ, самый опасный и безсмысленный изъ всѣхъ—терроръ оторопѣлой трусости, терроръ не львиный, а телячій, терроръ, въ которомъ угорѣлому правительству, не знающему, откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драгаться зря,—помогаютъ общество, литература, народъ, прогрессъ и регрессъ...

«День» запрещенъ, «Современникъ» и «Русское Слово» запрещены, воскресныя школы заперты, Шахматный клубъ запертъ, читальныя залы заперты, деньги, назначенныя для бѣдныхъ студентовъ, отобрааны, типографіи отданы подъ двойной надзоръ, два министра и Третье отдѣленіе должны разрѣшать чтеніе публичныхъ лекцій; безпрестанные аресты, офицеры, флигель-адъютанты въ казематахъ, инквизиторъ Голицынъ (jun. прежнихъ временъ) призванъ на совѣтъ въ Зимній дворецъ съ Липранди... котораго съ

омерзениемъ оттолкнулъ года три тому назадъ тотъ же Александръ II ¹⁾. ¹

Гдѣ свободныя учрежденія сверху внизъ, гдѣ революція кверху ногами, гдѣ демагоги-абсолютисты министерства? Видно, не удивимъ мы Европу въ тысячелѣтіе; видно, николаевщина была схоронена заживо и теперь встаетъ изъ-подъ сырой земли, въ форменномъ саванѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—и государственный совѣтъ, и протодіаконъ Панинъ, и Анненковъ-Тверской ²⁾, и Павелъ Гагаринъ, и Филаретъ съ розгой спѣваются за угломъ, чтобъ грянуть: *Николай воскрес!*

Воистину воскрес! скажемъ и мы этимъ неумершимъ мертвымъ; праздникъ на вашей улицѣ, только улица ваша идетъ не изъ гроба, а въ гробъ.

— Позвольте, позвольте, кто же виновать въ этомъ? Съ одной стороны, горитъ Щукинъ дворъ, съ другой — «Молодая Россія»...

— Да когда же въ Россіи что-нибудь не горѣло? Изъ этого Петербургскаго удивленія передъ пожарами и поджогами только видно, что Петербургъ—въ самомъ дѣлѣ иностранный городъ. Развѣ въ 1834 году не горѣло Лефортово, Рогожская, Якиманская часть ³⁾? Развѣ прежде и послѣ не выгорали губернскіе и уѣздные города, села и деревни? Поджоги у насъ заразительны, какъ чума, и совершенно національное выраженіе «пустить краснаго пѣтуха»— чисто народное, крестьянское.

— Очень хорошо, мы знаемъ, что поджигательства были всегда, но «Молодая Россія»?

— Да что это за «Молодая Россія»? — спрашивали мы съ безпокойствомъ ⁴⁾.

— О, это ужасная Россія! знаете, отрицаніе всего,—ничего святого, такъ-таки ничего: ни власти, ни собственности, ни семьи, никакого авторитета: для нея «Великоруссь» не далеко ушелъ отъ «Сѣверной Пчелы», и вы—отсталый публицистъ.

¹⁾ Кн. А. Ѳ. Голицынъ былъ поставленъ во главѣ слѣдственной комиссіи, которая должна была вскрыть всю антиправительственную дѣятельность въ литературѣ, общественной жизни и пр. Какъ она работала и понимала свои задачи, видно не только изъ литературы (напр., моихъ «Очерковъ освободительнаго движенія»), но изъ ея собственнаго отчета, опубликованнаго въ IV кн. «Голоса Минувшаго» за 1915 г.

²⁾ Николай Николаевичъ.

³⁾ Въ Москвѣ.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, мы получили ее не прежде 1 іюля. А. И. Г.

Наконецъ-то, этотъ листъ, ужаснувшій правительство и литературу, прогрессистовъ и реактовъ, цивилизованныхъ парламентаристовъ и цивилизующихъ бюрократовъ, дошелъ и до насъ. ²

Мы прочли его разъ, два, три раза.. Со многимъ очень не согласны (и въ другой статьѣ поговоримъ объ этомъ), но, по совѣсти признаемся, не понимаемъ ни бѣлой горячки правительства, ни хныканья добросовѣстныхъ журналовъ, ни душесмятенія платоническихъ любовниковъ прогресса... Маловѣрные, слабые люди! какъ мало надобно вашимъ женскимъ нервамъ, чтобъ испугаться, бѣжать назадъ, схватиться за фалду квартальнаго; какъ мало надобно, чтобъ ваши парныя чувства остыли и свернулись; какъ мало—чтобъ и вы, туда же, пустили свой камень въ преслѣдуемыхъ. И никому изъ васъ не пришло въ голову того, что сказали и «Daily News» и «Star»: неурядица въ Россіи и лихорадочное волненіе идетъ оттого, что правительство хватается за все и ничего не выполняетъ, что оно дразнить всѣ святыя стремленія человѣка и не удовлетворяетъ ни одному, что оно будитъ и бьетъ по головѣ проснувшихся. Нѣтъ, господа, не попадете вы ни въ адъ, ни въ рай, Харонъ васъ отгонитъ весломъ на прѣсный берегъ.

Дѣло другое—открытое, энергическое положеніе, оно понятно. Для насъ во всей этой оргіи страха совершенно ясно и рельефно-ясно, какъ на блюдечкѣ, положеніе Липранди и *литературныхъ* товарищей его въ Москвѣ ¹⁾. Липранди какъ-то нашелъ средство въ самыхъ доносахъ перейти Рубиконъ и свернулся; Николай не во время умеръ. Липранди поторопился съ своей академіей шпионства, какъ бы предупреждая по ясновидѣнію семейную переписку московскаго академическаго сената ²⁾ съ флотскимъ начальникомъ своимъ ³⁾, словомъ, Липранди попалъ не въ тонъ и, какъ тараканъ, упавшій на спину, долго не могъ справиться и, само собою разумѣется, съ восторгомъ ухватился за «Молодую Россію», чтобъ стать опять на свои шесть ногъ. Для него «Молодая Россія»—точка опоры, и онъ поплелся устраивать свою карьеру да поправлять свои дѣла. Карьеру онъ составитъ, дѣла поправитъ, Филаретъ дастъ ему неба, которое нужно для души, государь дастъ ему земли, котсрая нужна для крестьянъ,—все это понятно, тутъ есть логика. Литераторы, идущіе на пристяжкѣ III Отдѣленія, тоже понятны: они имѣютъ очень реальные виды, они пишутъ изъ денегъ, изъ мести, изъ зависти, изъ самохраненія и пр.; они готовы своей доктринъ

¹⁾ «Наше Время» и «Рус. Вѣстникъ».

²⁾ Университетъ.

³⁾ Министръ Путятинъ.

нерской риторикой натягивать *круговую поруку* (знаменитое *complicité morale!* ¹⁾) между неосторожными словами юноши и зажженнымъ углемъ, подброшеннымъ въ сарай, между заревомъ революціонныхъ идей и заревомъ Щукина двора; изъ-за этого, можетъ, кого-нибудь и повѣсятъ, но гражданская доблесть выше всего! Столько же понятна и *третья* категорія, разрабатывающая пожары въ свою пользу, — категорія мошенниковъ и воровъ, которые, пользуясь передрагой и общей бѣдой, обкрадывали погорѣлыхъ. Эта отрасль практическихъ эксплуататоровъ имѣетъ, впрочемъ, передъ своими товарищами одну огромную нравственную выгоду и не менѣе огромную практическую невыгоду въ рискѣ и опасности, сопровождающихъ воровство и нисколько неугрожающихъ доносамъ и намекамъ.

Оставляя въ сторонѣ *смирительную* литературу и будущихъ жильцовъ смирительнаго дома, мы обращаемся къ дѣйствительно честнымъ, но слабымъ людямъ и спрашиваемъ ихъ: они-то чего испугались «Молодой Россіи»? Добро бы, они вѣрили, что русскій народъ такъ и схватится за топоръ по первому крику: «да здравствуетъ социальная и демократическая республика Русская!». Нѣтъ, они всѣ хоромъ говорятъ, что это невозможно, что народъ этихъ словъ не понимаетъ и, напротивъ, озлобленный за пожары, готовъ растерзать тѣхъ, которые ихъ произносятъ. И, все-таки, каждый *честный* человекъ считаетъ себя обязаннымъ ругнуть молодыхъ людей, осыпать упреками и проклятіями, считаетъ себя обязаннымъ ужасаться, возводить глаза горѣ.

Разберите-ка, господа, построже ваше чувство, и вы со стыдомъ увидите, что васъ поразила не опасность, не ложь, не вредъ, а *продерзость* вольнаго слова: чувство *іерархической дисциплины* обижено: не по лѣтамъ и не по чину говорятъ...

Если молодые люди (а для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что летучій листъ этотъ писанъ очень молодыми людьми) въ своей заносчивости наговорили пустяковъ, остановите ихъ, вступите съ ними въ споръ, отвѣчайте имъ, но не кричите о помощи, не подталкивайте ихъ въ казематы; III Отдѣлене *fara da se* ²⁾, а шпионовъ не хватить — у него есть вспомогательная литература, которая только ждетъ конца русскаго секретнаго, застѣночнаго слѣдствія, чтобъ обвинить ихъ въ зажигательствѣ.

Итакъ, все это страшное дѣло, поставившее Россійскую имперію и Невскій проспектъ на край социальнаго катаклизма, разор-

¹⁾ Нравственное соучастіе.

²⁾ Постоить за себя.

вавшее послѣднюю связь между хроническимъ и острымъ прогрессомъ, сводится на юношескій порывъ, неосторожный, несдержанный, но который не сдѣлалъ никакого вреда *и не могъ сдѣлать*. Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацію, но винить ихъ мы не станемъ. Ну, что упрекать молодости ея молодость? Сама пройдетъ, какъ поживуть... Горячая кровь, *il troppo giovanile bollore* ¹⁾, тоска ожиданія, растущая не по днямъ, а по часамъ, съ приближеніемъ чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется и чего еще нѣтъ, а тутъ святое нетерпѣніе, двѣ-три неудачи—и страшныя слова крови, и страшныя угрозы срываются съ языка. Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а, если прольется, то это будетъ ихъ кровь—юношей-фанатиковъ.

Въ чемъ же уголовщина?

Если-бъ правительство умѣло понимать и не хранило бы важную серьезность швейцара съ булавой, какъ бы оно громко расхохоталось теперь, глядя на испугъ мужественныхъ либераловъ, гранитныхъ прогрессистовъ, отважныхъ защитниковъ правъ и свободы книгопечатанія, неустрашимыхъ обличителей станovýchъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, глядя, какъ они, голубчики, побѣжали подъ крылышки той же полиціи, того же правительства, требуя даже мощнымъ органомъ *рижской* газеты примѣрнаго наказанія. А вы знаете, что такое примѣрное наказаніе по образцовому своду нашему? Посмотрите-ка уголовные законы, съ особенной любовью отработанные кроткимъ и добрымъ царемъ Николаемъ съ еще болѣе добрымъ и кроткимъ рабомъ его и легистомъ Губе... Стыдно вамъ! Вы всю жизнь молчали отъ страха передъ дикою властью, помолчите же сколько-нибудь отъ страха будущихъ угрозъ совѣсти.

«Молодая Россія» намъ кажется двойной ошибкой. Во-первыхъ, *она вовсе не русская*; это — одна изъ варіацій на тему западнаго социализма, метафизика французской революціи, политическо социальная *desiderata* ²⁾, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка — ея неумѣстность; случайность совпаденія съ пожарами усугубила ее.

Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищій и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ, — больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закалъ и раковина мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый

¹⁾ Слишкомъ юношескій порывъ.

²⁾ Пожеланія.

ходъ. Рѣчь ихъ такую и вышла; въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или *строй организованной партіи*.

Но, сказавъ это, мы прибавимъ, что неустрашимая послѣдовательность ихъ — одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русскаго гения, *отрѣшенную отъ народа*. Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ *уважаемыхъ почтенностей*, которыя мѣшаютъ западному человѣку, но которыя ему дороги. За рабство, въ которомъ мы жили, за чуждость съ своими, за разрывъ съ народомъ, за безсиліе дѣйствовать намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе—въ наготѣ отрицанія, въ логической беспощадности, и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, *крайнія* слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣднѣя и осматриваясь. Да, мы произносили ихъ громко, и, будто, становилось легче въ ожиданіи бури, которую вызовутъ они. Намъ нечего было терять.

Обстоятельства перемѣнились. Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбриогеніи. Въ помощь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламация, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ, это—непониманіе ни дѣла, ни народа, это—неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну есть ли тѣнь вѣроятія, чтобъ народъ русскій возсталъ во имя социализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него не понятны?

Вы насъ считаете отсталыми—мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ, а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески обратимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Моора ¹⁾ и

¹⁾ Дѣйствительно, въ «Молодой Россіи» столько же Шиллера, сколько Бабефа. Благородные и нѣсколько восторженные и метафизическіе порывы Шиллера облекались очень часто въ кровавыя сентенціи Моора, Позы, Фердинанда, за которыми билось его любящее, вѣчно юное сердце. За одинъ эпиграфъ его въ «Разбойникахъ» московскіе сенаторы подвели бы его подъ первые два пункта, какъ уличеннаго зажигателя. «*Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat*». А. И. Г.

²⁾ «Чего не излѣчиваютъ лѣкарства — излѣчиваетъ желѣзо, чего не излѣчиваетъ желѣзо — излѣчиваетъ огонь» — изреченіе знаменитѣйшаго греческаго врача Гиппократя.

Гракха Бабефа на русской площади не только старъ, но сбывается на маскарадное платье. Французы—народъ смѣшливый, но почти-тельный: ихъ можно было озадачить римской латиклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ.... народъ требоваль головы несчастнаго Обручева ¹⁾.

...И вотъ опять слышится хоръ—не подземный, а бельэтажный, хоръ трусовъ, разслабленныхъ, чающихъ легкаго движенія прогресса.

— Да, да,—кричатъ они,—посмотрите, что дѣлаетъ хваленый народъ! это—дикій звѣрь! Вотъ что насъ ждетъ! Подите, объясните имъ, что мы теперь не помѣщики, а землевладѣльцы, что мы хотимъ не барщину, а думу,—не оброка, а правъ гражданина.

Тугонекъ народъ на пониманіе и не можетъ такъ быстро сообразить, что вѣковой кровный врагъ его, который его грабилъ, позорилъ его семью, морилъ его съ голоду, унижалъ, вдругъ впалъ въ такое раскаяніе... «братъ, говоритъ, родной!» да и только...

Бываютъ страшныя историческія несчастія, черныя плоды черныхъ дѣлъ; передъ ними, какъ передъ грозой, смолкаетъ человѣческая мудрость и покрываетъ своими руками свои глаза, полные горькихъ слезъ.

Наши жертвы искупленія, какъ Михайловъ, какъ Обручевъ, должны вынести двойное мученичество: они не станутъ народной легендой, какъ братья Бандьера и Пизакане, народъ ихъ не знаетъ, нѣтъ—хуже, онъ знаетъ ихъ за дворянъ, за враговъ. Онъ не жадѣетъ ихъ, онъ не хочетъ ихъ жертвы.

Вотъ куда привелъ разрывъ. Народъ намъ не вѣритъ и готовъ побить камнями тѣхъ, которые за него отдають жизнь. Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье.

Не за себя несутъ наши мученики тяжкую кару народной ненависти, а за другихъ. Эти *другіе* слишкомъ торопятся получить амнистію; съ своей стороны, они, кажется, не были такъ великодушны, и что же они сдѣлали такого,—потерявши устрицу, рѣшаются бросить раковину! Развѣ шляхетная Магдалина ²⁾ своимъ собственнымъ сердцемъ дошла до раскаянія? развѣ слово *освобожденія* было сказано ею? развѣ она не упиралась, пока думала, что можно упираться? Такъ легко и съ такой недовольной миной не дѣлаются искупленія и не прощаются вѣковые рубцы.

¹⁾ Обрядъ гражданской казни надъ В. А. Обручевымъ былъ совершенъ 31 мая, умышленно въ разгаръ пожаровъ; толпа требовала смертной казни.

²⁾ Дворянство.

Очень печально, безгранично печально явленіе на петербургской площади, но вы, бѣдные страдальцы, не предавайтесь отчаянію. Довершитъ вашъ подвигъ преданности, исполните великую жертву любви и съ высоты вашей Голгофы и изъ подземелій вашихъ рудниковъ отпустите народу невольную обиду его и скажите *тѣмъ* строгимъ-то, что *онѣ имѣютъ право на это заблужденіе, что вы благословляете его!*

◆◆ 1. 2 марта на литературномъ вечерѣ въ пользу Литературнаго фонда выступилъ между прочими проф. П. В. Павловъ, прочитавшій свою статью «Тысячелѣтіе Россіи» и 5-го уже арестованный, а 6-го отправленный въ Ветлугу. 8 марта на публичной лекціи Н. И. Костомарова произошелъ «безпорядокъ»... Головнинъ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ; государь приказалъ «учредить неотлагательно секретный надзоръ за тѣми лицами, участіе коихъ въ безпорядкѣ слѣдуетъ предполагать по секретнымъ свѣдѣніямъ». Но это была лишь одна изъ мѣръ, которыя царь принялъ въ тотъ же день. Докладъ Головнина, включавшій обидія соображенія его, кн. Суворова и шефа жандармовъ, предлагалъ еще: 1) согласно мнѣнію Суворова, не производить о происшествіи 8 марта формальнаго слѣдствія, 2) предоставить ген.-губернатору, когда онъ признаетъ своевременнымъ, закрыть Шахматный клубъ, 3) пересмотрѣть правила для публичныхъ лекцій 1841 г., вводя въ нихъ непремѣннымъ условіемъ наблюденіе городской полиціи за благочиніемъ на лекціяхъ, 4) прекратить тѣ лекціи, которыя, по обсужденію Головнина, не должны продолжаться ¹⁾, 5) сообщить попечителю Спб. учебнаго округа, что дѣло проф. Павлова будетъ окончательно рѣшено по полученіи ожидаемаго отъ него объясненія его дѣйствій. Последнее сдѣлано было въ виду ходатайства профессоровъ университета, предположившихъ превратное объясненіе словъ лектора (Архивъ мин. вн. дѣлъ 1862 г., дѣло № 77).

Не входя въ сколько-нибудь подробную исторію закрытія воскресныхъ школъ, приведу лишь одинъ до сихъ поръ неизвѣстный документъ.

1 июня была высоч. учреждена слѣдственная комиссія о воскресныхъ школахъ, сначала только относительно Сампсоніевской и Введенской школъ въ Спб., а затѣмъ, по разъясненію отъ 22 июня—и вообще всѣхъ въ Россіи; предсѣдателемъ ея назначенъ былъ С. Р. Ждановъ, членами: Хвостовъ и полк. Дурново.

¹⁾ Распредѣленіе публичныхъ лекцій напечатано въ книгѣ Пантелѣева неврѣно; Соколовъ, Стасюлевичъ и Павловъ указаны неправильно.

Въ печатномъ циркулярѣ губернаторамъ министръ вн. дѣлъ 12 іюня указалъ, что «надзоръ, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказалъся недостаточнымъ; въ послѣднее время обнаружено, что подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности, люди злоумышленные покушались развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи и превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе»; въ силу этого, послѣ обсуждения вопроса въ совѣтѣ министровъ, государь приказалъ впредь до преобразования воскресныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія и читальни.

Въ заключеніе своей работы Ждановъ представилъ, между прочимъ, слѣдующую записку отъ 30 августа 1862 года:

«Совершившіяся въ недавнее время событія въ Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школахъ не были явленіями только случайными, возникшими, такъ сказать, изъ какихъ-либо минутныхъ необдуманыхъ увлеченій и обстоятельствъ непредвидимыхъ; напротивъ, событія эти, имѣя важное политическое значеніе, сложились и выработались особымъ, своеобразнымъ путемъ, среди новой обстановки внутренней жизни нашего общества. Всѣмъ уже извѣстно, что съ того времени, когда въ ходѣ общественнаго мнѣнія и литературы, допущена такъ называемая *обличительная ласность*, или разборъ недостатковъ не только общественной, но и государственной жизни, — идеи прогресса и реформъ неминуемо заняли умы всѣхъ и cadaго. И въ обществѣ и въ литературѣ развились безчисленныя тенденціи: «о преобразованіяхъ, о переходномъ періодѣ жизни государства, о необходимости обновленія и возрожденія» и т. п. При этомъ, конечно, высказано весьма много полезныхъ мыслей людьми благонамѣренными, сознающими долгъ вѣрноподданнаго престола и истиннаго сына Россіи, но, съ другой стороны, появились литературные крикуны и алармисты, которые, увлекаясь ложными идеями иностранной прессы, сочли за честь критиковать не только все прошедшее, но и всякія мѣры разумнаго и умѣреннаго прогресса на пути къ постепеннымъ реформамъ. Смѣлая и даже нахальная дѣятельность подобныхъ личностей, присвоившихъ себѣ названіе передовыхъ людей, не могла не имѣть вліянія на умы многихъ, а въ особенности молодого поколѣнія, среди поднятыхъ самимъ правительствомъ вопросовъ. Такимъ образомъ незамѣтно развилась у насъ мода: недовольствоваться настоящимъ, доказывать несостоятельность не только общества, но даже правительства, стремиться къ эмансипаціи и либерализму во всемъ и, вообще, желать чего-то другаго, новаго.

«Легко понять, что при подобной обстановкѣ жизни обще-

ственной весьма удобно было людямъ неблагонамѣреннымъ, *подъ предлогомъ прогресса*, проводить идеи вредныя и опасныя и для государства и для общества, идеи социализма и революціонной пропаганды. Такъ и случилось! Путь для этого избранъ самый удобный и эластическій—именно: образованіе простаго народа, возбуждавшее разнообразныя толки и пренія въ журналистикѣ. Затѣмъ инициатива о *распространеніи грамотности* въ народѣ и о воскресныхъ для сего школахъ вышла не отъ правительства непосредственно, а къ несчастію, отъ тайнаго общества, образовавшагося въ 1855 году въ Харьковѣ съ цѣлю измѣнить образъ правленія и вообще внутренней порядокъ въ Россіи. Основателями и главными двигателями этого возмутительнаго общества были студенты Харьковскаго университета: *Бекманъ, Моравскій, Ефименко, Завадскій и Ивковъ*, а соучастниками—студенты *Левченко, Португаловъ, Зеленскій, Раевскій* и другіе. Не уяснивъ себѣ еще мысли объ учрежденіи воскресныхъ школъ, общество стало сперва трудиться надъ *распространеніемъ грамотности въ народѣ*, а въ особенности между раскольниками посредствомъ разныхъ рукописныхъ статей (замѣтокъ, поученій и т. п.) возмутительнаго содержанія. Потомъ, когда вслѣдствіе бывшихъ въ 1858 году безпорядковъ въ Харьковскомъ университетѣ, нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества (Бекманъ, Моравскій и Левченко) переѣхали въ Кіевъ, то здѣсь составилъ новый болѣе обширный кругъ ихъ общества, привлекавшаго къ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ Кіевскаго университета. Въ этомъ-то кругѣ впервые проявляется отчетливое и сознательное намѣреніе объ *учрежденіи воскресныхъ школъ* для распространенія посредствомъ нихъ пропаганды въ народѣ. Во главѣ сего предпріятія становится профессоръ Павловъ;—при дѣятельномъ участіи его, какъ *агента правительства* и вмѣстѣ *передовою* чловѣка, съ одной стороны, получается разрѣшеніе начальства на *учрежденіе воскресныхъ школъ въ Кіевѣ*, подъ главнымъ надзоромъ его же, Павлова, а съ другой,—соединенныя при немъ личности съ преступными тенденціями, начали дѣйствовать свободнѣе и рѣшительнѣе и завели сношенія со студентами университетовъ столичныхъ.

«Тайная и преступная цѣль воскресныхъ школъ въ Кіевѣ очевидна изъ многихъ намековъ и мыслей, выраженныхъ главными дѣятелями въ ихъ бумагахъ, разсмотрѣнныхъ слѣдственною комисією, а въ особенности изъ словъ бывшаго преподавателя въ тѣхъ школахъ Левченко, который положительно высказался: *«что средствомъ къ распространенію въ массу простаго народа либеральныхъ идей должны служить воскресныя школы»*. Кромѣ того, достойно вниманія, что на вечерѣ, данномъ студентами Кіевскаго

университета профессору Павлову 14 декабря 1859 года, Зеленскій позволилъ себѣ намекнуть на параллель 14 декабря 1825 года, а Павловъ, котораго благодарили за участіе въ воскресныхъ школахъ, провозгласилъ тостъ за здравіе того, кто стоитъ въ главѣ прогрессивнаго движенія Россіи ¹⁾. Примѣру Кіева вскорѣ послѣдовали и въ Харьковѣ, гдѣ воскресныя школы учреждены, по распоряженію начальства, въ 1860 году; изъ писемъ объ этомъ Левченка къ Бекману и Павлову въ Кіевѣ видно, что по случаю открытія въ Харьковѣ школъ, Завадскій, *которому тамъ было мною дѣла*, не побѣжалъ тогда въ Петербургъ; что занятія *Харьковскихъ школъ* предполагаются *гораздо шире*, нежели въ Кіевѣ, одно только не хорошо, что школы *подчинены штатнымъ смотрителямъ*. Участвуя такимъ образомъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ, злоумышленники не упускали распространять пропаганду и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также разсылать въ разныя мѣста запрещенныя сочиненія иностранной прессы и имѣть сношенія съ своими агентами въ столицахъ.

«Неудивительно затѣмъ, что съ мая 1860 года стали появляться воскресныя школы въ С.-Петербургѣ, и первое открытіе ихъ здѣсь, совпадая съ появленіемъ въ столицѣ профессора Павлова, представляетъ фактъ весьма знаменательный, бросающій яркій свѣтъ на тѣ послѣдствія, коими сопровождалось существованіе воскресныхъ школъ. Подъ вліяніемъ и авторитетомъ Павлова, въ учрежденіи сихъ школъ въ С.-Петербургѣ принимали участіе воспитанники училища Правовѣднія и Лицея, студенты университета и Медико хирургической академіи и вообще молодые люди и даже дамы. Такое участіе, — доходящее до энтузіазма, весьма понятно за изложенными выше модными идеями нашего общества о *прогрессѣ* во всемъ, а преимущественно въ дѣлѣ образованія. При этомъ нельзя, конечно, отвергнуть, что полное сочувствіе благомыслящаго общества къ дѣлу образованія народа имѣло весьма полезную и вполне гуманную цѣль, что посему многіе, принимая на себя преподаваніе въ воскресныхъ школахъ, были проникнуты добросовѣстнымъ желаніемъ принести посильную пользу меньшей братіи въ облегченіи имъ средствъ къ пріобрѣтенію познаній; но, съ другой стороны, къ сожалѣнію, несомнѣнно и то, что въ столицѣ, какъ въ средоточіи литературы и молодежи разныхъ учебныхъ заведеній, злоумышленная пропаганда развилась въ размѣрахъ болѣе обширныхъ и опасныхъ, нежели въ Кіевѣ и Харьковѣ. Нѣкоторые молодые люди, подъ вліяніемъ неблагонамѣренныхъ

¹⁾ Т.-е. лондонскаго изгнанника Герцена. *Ждановъ*.

авторитетовъ, были часто орудіемъ преступныхъ дѣятелей, не подозревая того, что подъ личиною чловѣколюбивой заботливости о низшихъ классахъ населенія, между ними разбрасывалось сѣмя жагубной нравственной заразы, а подъ видомъ безкорыстнаго содѣйствія правительству и подъ его официальнымъ кровомъ проповѣдывалось ученіе, направленное противъ основныхъ началъ гражданственности и всѣхъ священныхъ идей чловѣчества. Другіе, сдѣлавшись главными двигателями на поприщѣ народнаго образованія, руководились въ то же время сознательно преступными цѣлями и побужденіями. Лучшимъ доказательствомъ сего служатъ дѣйствія: *Рымаренка, Аверкіева, Павлова, Печаткина, Посникова, Блюммеръ и Александровской*. Преступныя намѣренія и тенденціи сихъ лицъ, при несознаніи ихъ, хотя не могутъ быть вполнѣ доказаны по формамъ судебного процесса, но они достаточно очевидны изъ слѣдственнаго дѣла и для административной власти, и для моральнаго убѣжденія. Нельзя умолчать еще здѣсь о томъ важномъ обстоятельствѣ, что Рымаренко, бывший сначала студентомъ Харьковскаго университета, потомъ С.-Петербургской Медико-хирургической академіи, а въ послѣднее время распорядителемъ Сампсоніевской воскресной школы, обвиняется нынѣ въ *составленіи и печатаніи* преступныхъ прокламацій и въ заказываніи для сего станковъ.

«Таковъ въ общихъ чертахъ былъ ходъ учрежденія у насъ воскресныхъ школъ! Изъ него нельзя не прійти къ заключенію, что школы эти были, если можно такъ выразиться, уже заражены пропагандою прежде, нежели успѣли развиваться, и что въ самомъ основаніи ихъ положены были гибельныя сѣмена зла, которое уже начало созрѣвать. Заключение это еще болѣе окажется вѣрнымъ, если обозрѣть дѣйствія въ этомъ отношеніи органовъ правительства, а преимущественно министерства народнаго просвѣщенія. Учрежденіе впервые въ Россіи школъ для образованія простаго народа, по важности своей и, вообще, по условному значенію *образованія*, составляющаго, такъ сказать, мечъ обоюдоострый, требовало строгаго вниманія, осторожности и надзора со стороны правительства. Между тѣмъ, изъ предыдущаго видно, что мысль о воскресныхъ школахъ вышла не отъ правительства, а была ему навязана личностями неблагонамѣренными—аномаліями общества. Правда, что школы открывались каждый разъ по разрѣшенію учебнаго начальства, но ни при началѣ ихъ учрежденія, ни въ теченіе цѣлаго 1860 года,—когда проявлялась самая энергическая дѣятельность и литературы и пропагандистовъ въ дѣлѣ воскресныхъ школъ, не существовало по сему предмету никакихъ правилъ. Въ слѣду-

ющемъ, 1861 году изданы правила для воскресныхъ школъ въ Спб. Но опредѣлительность или, лучше сказать, только наружная формальность сихъ правилъ бросается въ глаза съ перваго взгляда; по смыслу ихъ: во 1-хъ, и распорядителемъ и преподавателемъ школы могъ быть каждый, безъ разбора и справокъ о его благонадежности и компетентности къ дѣлу; во 2-хъ, надзоръ за школами директоровъ и штатныхъ смотрителей училищъ былъ только *номинальный*, ибо способовъ для осуществленія онаго вовсе не указано, и въ 3-хъ, что всего важнѣе — въ преподаваніи допускалась полная свобода не только по книгамъ, указаннымъ начальствомъ, но даже *по рукописямъ*.

«Послѣдствія этого очевидны изъ дѣла: избраніе преподавателей производилось безъ вѣдома директора училищъ; указанная программа объема предметовъ не исполнялась; условіе, чтобы въ школахъ употреблялись только книги, признанныя учебнымъ начальствомъ полезными, тоже не соблюдалось. Наконецъ, и выс. повелѣніе о томъ, дабы священники вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ наблюдали въ школахъ за сохраненіемъ ученія православной церкви, не было приведено въ исполненіе. Однимъ словомъ, должно сознаться съ грустію, что каждому прилично одѣтому весьма легко было прійти въ школу и читать преспокойно свою рукописную пропаганду въ кружкѣ воспитанниковъ воскресной школы. Если ко всему этому прибавить еще отсутствіе всякаго надзора и со стороны полиціи и со стороны начальниковъ губерній за воскресными школами, то сдѣлаются вполнѣ ясными какъ вредныя послѣдствія тѣхъ школъ, такъ и то обстоятельство, почему лица, на коихъ, по закону, лежалъ надзоръ за школами, не обнаружили ни одного случая возмутительной пропаганды въ школахъ. А, между тѣмъ, такое гибельное ученіе существовало. Обнаруженіе этого зла въ Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школахъ, какъ извѣстно, совершенно не агентами учебного вѣдомства. Если бы не случай, съ рѣшимостію схваченный и изслѣдованный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то воскресныя школы существовали бы еще попрежнему, и самозабвеніе продолжалось бы признаваться надзоромъ.

«Важность означеннаго факта требовала, конечно, мѣръ радикальныхъ и рѣшительныхъ. Вслѣдствіе сего, по выс. повелѣнію, воскресныя школы закрыты, а для разслѣдованія дѣйствій распорядителей и преподавателей школъ, равно свойства преподаваемаго въ нихъ ученія, назначена была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ члена совѣта мин. вн. дѣлъ тайн. сов. Жданова.

«Едва ли нужно распространяться о томъ, что означенной комиссіи предстояла задача весьма трудная и щекотливая: обнаружить

вину преступниковъ тайныхъ и подитическихъ, кои дѣйствуютъ обыкновенно съ особенною осторожностію, дабы избѣгнуть легальнаго изобличенія предъ формальнымъ судомъ, требующимъ преимущественно собственнаго сознанія виновнаго или уликъ, неопровержимыхъ юридически. Тѣмъ не менѣе, затрудненія эти, по возможности, преодолѣны. Первоначально слѣдственная коммисія подвергла аресту: учителей Сампсоніевской школы студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи *Хохрякова* и *Крапивина*, учителя Введенской школы студента той же академіи *Беневоленскаго*, учителя школы при 3-й гимназіи студента здѣшняго университета *Варгасова*, поручика 16-го стрѣлковаго баталіона *Ушакова* и 6-ть учениковъ воскресныхъ школъ изъ сословія фабричныхъ рабочихъ. Засимъ по ближайшему изслѣдованію обнаружено, что Хохряковъ и Беневоленскій читали и разъясняли ученикамъ брошюру весьма возмутительную: «Что нужно народу?»; Крапивинъ письменными объясненіями старался облегчить фабричнымъ рабочимъ пониманіе прокламаціи «Молодая Россія»; Ушаковъ передалъ одному фабричному ту же прокламацію и «Колоколь»; Варгасовъ вселялъ въ ученикахъ неуваженіе къ особѣ его величества и, наконецъ, 6-ть учениковъ фабричныхъ распространяли на фабрикахъ прокламацію «Молодая Россія», «Колоколь» и другія возмутительныя статьи. Эти факты, составляющіе существенный результатъ дѣйствій коммисіи, говорятъ сами за себя. Затѣмъ, хотя въ другихъ школахъ и внѣ столицы *законныхъ*, уликъ въ пропагандѣ не открыто, но что она, безъ всякаго сомнѣнія, тамъ проповѣдывалась, въ этомъ убѣждаетъ все вышеизложенное и самый ходъ слѣдствія. Отрицательныя же донесенія въ этомъ отношеніи начальниковъ губерній, не доказывая ничего, кромѣ недостатка ихъ надзора, опровергаются примѣрами вовсе противными; такъ, въ Перми *Иконниковъ*, оказавшійся виновнымъ въ изготовленіи типографскаго станка и въ распространеніи возмутительныхъ сочиненій, былъ учредителемъ и распорядителемъ пермской воскресной школы; въ городѣ Ардатовѣ Нижегородской губерніи преподаватель воскресной школы дьяконъ *Щегловъ*, назвавъ себя декабристомъ, явно обнаружилъ свою неблагонамѣренность, и, не взирая на то, начальникъ губерніи требовалъ Щеглова для преподаванія въ школѣ. Впрочемъ, вся важность этого дѣла состоитъ не въ уликахъ и обвиненіяхъ частныхъ, которыя, по случаю гласнаго начатія изслѣдованія, естественно, обнаружились противъ немногихъ, а въ общемъ ходѣ возмутительныхъ идей, въ этой таинственной мити злоумышленниковъ, имѣвшихъ свои сношенія и агентовъ, которая легко могла бытъ заброшена въ разныя мѣста и концы

имперіи. Нить эта вполне разоблачена и открыта комиссією, и это даетъ нынѣ полную возможность *уничтожить зло во самомъ ея корнѣ*.

«Совокупное соображеніе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельство приводитъ къ тому непосредственному заключенію, что, независимо отъ наказанія и преслѣдованія агитаторовъ и пропагандистовъ, дальнѣйшее существованіе воскресныхъ школъ на прежнихъ основаніяхъ невозможно, безъ явнаго вреда для государства и общества. Вообще, образованіе у насъ простаго народа, проникнутаго святымъ ученіемъ православной церкви и извѣстнаго своею благоговѣйною любовію къ монарху, преданностью престолу и отечеству, имѣетъ весьма важное значеніе: правильное воспитаніе народа, составляющаго большую половину кореннаго населенія націи, это—залогъ прочности союза государственнаго и общественнаго, это—существенная надежда на будущее благоустройство, спокойствіе и безопасность какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю въ особенности при существенныхъ преобразованіяхъ разныхъ отраслей управленія. Здѣсь не мѣсто говорить о новыхъ началахъ для устройства воскресныхъ школъ, ибо начала эти требуютъ особыхъ весьма тщательныхъ и всестороннихъ соображеній. Но, какъ членъ комиссіи ст. сов. Хвостовъ представилъ въ этомъ отношеніи свой докладъ, то по этому случаю остается только замѣтить, что вопросъ о дѣйствительной необходимости и будущемъ устройствѣ воскресныхъ школъ долженъ быть соображенъ и согласованъ съ устройствомъ общихъ сельскихъ школъ и что, на какихъ бы началахъ ни было предположено новое учрежденіе воскресныхъ школъ, онѣ тогда только принесутъ пользу, когда въ устройствѣ ихъ примутъ совмѣстное участіе и городскія сословія, и учебное вѣдомство и, наконецъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, которому и долженъ принадлежать высшій надзоръ за этими заведеніями».

О «Шахъ-клубѣ», или какъ говорилось о Шахматномъ клубѣ, знали не очень много, но понимали, что тамъ собиралась лучшая часть литераторовъ и общественныхъ дѣятелей. Не очень обширная свѣдѣнія администрація имѣла и позже; это видно изъ нелѣпнѣйшаго доноса агента, студента технологическаго института Волгина, оберъ-полицеймейстеру Анненкову, который и приведу текстуально:

«Партія великоруссовъ существуетъ уже давно, гораздо до открытія Шахматнаго клуба, который основанъ года два назадъ крайней революціонной партіей, отдѣлившейся отъ великоруссовъ вслѣдствіи ихъ медлительности. Изъ этого то Шахматнаго клуба и вышли такія лица, какъ Михайловъ, Обручевъ, Добролюбовъ,

Пютровскій, Чернышевскій, Писаревъ, Благосвѣтловъ, Героглифовъ и др. Пропаганда въ воскресныхъ школахъ была введена по проэку Чернышевскаго черезъ посредство Утинскаго кружка, изъ котораго вышли на сцену: Евгенийъ Печаткинъ, Баллодъ; Беневоленскій, Давыдовъ и др. Александръ Венецкій вышелъ изъ Московскаго Деркачевскаго кружка и онъ къ Шахматному клубу не принадлежалъ.

«Мысль объ учрежденіи Шахмат. клуба принадлежала Герцену, отъ котораго покойный Добролюбовъ получилъ ее во время своего путешествія за границу, и по приѣздѣ его эта мысль была осуществлена Графомъ Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко. На вечерахъ этого клуба собирались люди всѣхъ оттѣнковъ революціонной партіи. Пропаганда револуціи велась всѣми возможными способами, какъ въ народныхъ школахъ, такъ и на фабрикахъ и въ кабакахъ и портерныхъ. Большое количество заграничныхъ изданій было распространено чрезъ посредство агентовъ и книжныхъ магазиновъ: Серно-Соловьевича, Ѳедорова, Исакова, Терскаго и др. Главные члены Шахматнаго клуба были члены крайней партіи. Благосвѣтловъ, Чернышевскій, Писаревъ, Поповъ, Мордовцевъ, Героглифовъ, партія В. Курочкина, Всеволодъ Костомаровъ (включенъ, разумѣется, чтобы показать, что объ его «роли» ничего не было извѣстно—*М. Л.*), Николай Курочкинъ, Елисеевъ ¹⁾, Гербель, Викторъ Михайловъ, Антоновичъ, Ипполитъ Панаевъ, Графы Ростовцевы, Князь Сибирскій, Графъ Кушелевъ, Серно-Соловьевичъ, Щелковы и другіе многіе.

«Изъ лицъ, сошедшихъ со сцены, тамъ были: Михайловъ, Обручевъ, Добролюбовъ, Пютровскій, Ив. Панаевъ и многіе другіе).

«Прокламации и изданіе «Великоруссь» вышли изъ среды Шахматнаго клуба».

Наконецъ, для иллюстраціи работы Головнина среди опредѣленно настроеннаго студенчества приведу его записку отъ 5 мая къ шефу жандармовъ, на которой послѣдній къ слову «секретно» сдѣлалъ добавленіе «весьма»: «Сегодня я докладывалъ государю прилагаемый списокъ и теперь препровождаю оный вашему сіятельству, надѣясь на-дняхъ доставить болѣе полный и подробный. Это—составъ комитета, избраннаго въ прошлое воскресенье Отдѣленіемъ (Литературнаго фонда; см. книгу Пантелѣва—*М. Л.*) для

¹⁾ Справка III Отдѣленія отъ 28 марта 1862 г.: «Отст. надв. сов. Григорій Елисеевъ принадлежитъ къ числу литераторовъ, составляющихъ интимный кружокъ Чернышевскаго, который имъ весьма дорожить; статьи его въ «Современникѣ» носятъ отпечатокъ проводимыхъ этимъ журналомъ идей. Елисеевъ членъ Шахъ-клуба и сильно старается поддерживать это учрежденіе» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 61).

пособія учащимся. Въ немъ находятся люди, говорятъ, умные, но *самые крайніе*. Президентомъ они выбрали сенатора Ковалевскаго, и у него на дому уже было два засѣданія, какъ онъ удостовѣряетъ, весьма приличныя. Польза этого учрежденія слѣдующая: 1) прежнія тайныя сборища замѣнены гласными; 2) постановленія комитета и расходы извѣстны. Ведутся протоколы и расходныя книги; 3) студентская касса передана казначею общества; 4) извѣстны имена всѣхъ, принадлежащихъ къ этому разряду лицъ; 5) устроенъ громоотводъ отъ университета, ибо члены Отдѣленія уже не будутъ дѣйствовать, какъ студенты, и вѣроятно, оставятъ университетъ въ покоѣ, а это и нужно, чтобъ не мѣшать другимъ учиться; 6) Ковалевскій, имѣя на этихъ лицъ большое вліяніе, будетъ удерживать ихъ отъ крайностей».

Списокъ: Николай Утинъ, Лонгинъ Пантелѣевъ, Печаткинъ Евгений, Виссаріонъ Гогоберидзе, Наталія Корсини, Александръ Жукъ, Петръ Моравскій, Марія Богданова, Фѣдоръ Дозе, Михаилъ Гулевичъ, Серно-Соловьевичъ, Станиславъ Издебскій. Кандидаты: Сергѣй Ламанскій, Фанъ-дерь-Флитъ, Чернышевскій, Хорошевскій, Гердь, Островскій.

2. «Молодая Россія»—первый послѣ «Къ молодому поколѣнію» по величинѣ листъ; онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ первый номеръ журнала подъ этимъ названіемъ, издаваемого «Центральнымъ Революціоннымъ Комитетомъ»; послѣдующіе номера или листы выпущены не были. Листъ вышелъ безъ подписи, печати и даты. Полный, но неточный текстъ «Молодой Россіи» появился въ 4 № «Свободнаго Слѣва»; съ еще большими (какъ всегда) искаженіями перепечаталъ его оттуда Богучарскій въ «Матеріалахъ для исторіи револ. движенія въ Россіи въ 60-хъ гг.», Paris, 1905, а въ петербургскомъ изданіи «Матеріаловъ» долженъ былъ сдѣлать еще и довольно значительныя купюры; въ прочихъ изданіяхъ (Бурцева, Куклина и т. п.) также даны только отрывки. Однако, я не считаю нужнымъ приводить всю прокламацію полностью и ознакомлю читателя только съ самой существенной частью—программой Ц. Р. Комитета и его отношеніемъ къ Герцену, эпиграфомъ изъ котораго (изъ статьи «Робертъ Оуэнъ») начинается самый текстъ. Сначала, впрочемъ, нѣсколько строкъ, которыя въ связи со всѣмъ текстомъ и вызвали такое негодованіе къ «М. Россіи» въ массѣ русскаго общества.

«Въ современномъ общественномъ строѣ, въ которомъ все ложно, все нелѣпо отъ религіи, заставляющей вѣровать въ несуществующее, въ мечту разгоряченнаго воображенія—Бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно изъ основаній которой не выдер-

живаеъ даже поверхностной критики, отъ узаконенія торговли, этого организованнаго воровства, и до признанія за разумное положеніе работника, постоянно истощаемаго работою, отъ которой получаетъ выгоды не онъ, а капиталистъ; женщины, лишенной всѣхъ политическихъ правъ и поставленной наравнѣ съ животными.

«Выходъ изъ этого гнетущаго страшнаго положенія, губящаго современнаго человѣка, и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшія силы, одинъ—*революція, революція кровавая и невозможная,—революція, которая должна измѣнить радикально всё, всё безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.*

«Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что *прольется рѣка крови, что пошбнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это и, всетаки, приветствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!*

«...Съ Романовыми разсчеъ другой! Своею кровью они заплатятъ за бѣдствія народа, за долгіи деспотизмъ, за непониманіе современныхъ потребностей. *Какъ очистительная жертва, сложитъ головы весь домъ Романовыхъ!*»

«Не находя ни въ одномъ органѣ полнаго выраженія революціонной программы, мы помѣщаемъ теперь главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество, а въ слѣдующихъ номерахъ постараемся развить подробнѣе каждое изъ этихъ положеній.

«Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ собраній. На сколько областей распадается земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

«Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которой пользуются одинаковыми правами.

«Всякій человѣкъ долженъ непременно приписаться къ той или другой изъ общинъ; на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли, отъ которой онъ, впрочемъ, можетъ отказаться или отдать ее въ наемъ. Ему предоставляется также полная свобода жить внѣ общины и заниматься какимъ-угодно ремесломъ, только онъ обязанъ вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

«Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не въ пожизненное пользованіе, а только на извѣстное количество

лѣтъ, по истеченіи которыхъ мѣръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество членовъ общины остается неприкосновеннымъ въ продолженіе ихъ жизни, по смерти дѣлается достояніемъ общины.

«Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбирались самимъ народомъ; требуемъ, чтобы общинамъ было предоставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ.

«Мы требуемъ, чтобы, кромѣ Національнаго Собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія областныя Собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней. Національное Собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собой, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя Собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

«Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ; желаемъ, чтобы онъ падалъ всею своею тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого мы требуемъ, чтобы Національное Собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣлило бы его только между областями. Уже Областныя Собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины въ полномъ своемъ собраніи рѣшаютъ, какую подать долженъ платить какой членъ ея, причемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго, однимъ словомъ, вводится налогъ прогрессивный.

«Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

«Мы требуемъ общественнаго питанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ насчетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія насчетъ общества больныхъ и стариковъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія.

«Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины; требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія

въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а, слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства.

«Мы требуемъ уничтоженія главнаго притона разврата — монастырей, мужскихъ и женскихъ — тѣхъ мѣстъ, куда со всѣхъ концовъ государства стекаются бродяги, дармоѣды, люди, ничего не дѣлающіе, которымъ приятенъ даровой хлѣбъ, и которые въ то же время желаютъ провести всю свою жизнь въ пьянствѣ и развратѣ. Имущества какъ ихъ, такъ и всѣхъ церквей должны быть отобраны въ пользу государства и употреблены на уплату долга внутренняго и внѣшняго.

«Мы требуемъ увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья войску и уменьшенія солдату срока службы. Требуемъ, чтобы по мѣрѣ возможности войско распускалось и замѣнялось національной гвардіею.

«Мы требуемъ полной независимости Польши и Литвы, какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіею.

«Мы требуемъ доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшить по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной республики русской».

Такова была программа «Молодой Россіи».

Герцену было отведено большое мѣсто:

«Несмотря на все наше глубокое уваженіе къ А. И. Герцену, какъ публицисту, имѣвшему на развитіе общества большое вліяніе, какъ человѣку, принесшему Россіи громадную пользу, мы должны сознаться, что «Колоколь» не можетъ служить не только полнымъ выраженіемъ мнѣній революціонной партіи, но даже и отголоскомъ ихъ.

«Съ 1849 г. у Герцена начинается реакція: испуганный неудачною революціею 48 года, онъ теряетъ всякую вѣру въ насильственные перевороты. Два, три неудавшихся возстанія въ Миланѣ, ссылка и смерть на его глазахъ французскихъ республиканцевъ, наконецъ, казнь Орсини, окончательно тушатъ его революціонный задоръ, и онъ принимается за изданіе журнала съ либеральною (не болѣе) программю.

«Колоколь», встрѣченный живымъ привѣтромъ всей мыслящей Россіи, какъ первый свободный органъ, вскорѣ становится загадкою для людей дѣйствительно революціонныхъ. Гдѣ же разборъ современнаго политическаго и общественнаго быта Россіи, гдѣ проведеніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ должно построиться новое общество?

«Проходитъ еще годъ, и «Колоколъ», оказывая влияние на правительство, уже совсѣмъ становится конституціоннымъ. Увлеченіе имъ молодежи уменьшается, революціонная партія ищетъ другого органа, и, если онъ читается, то этому способствуетъ еще прежняя слава Герцена,—Герцена, привѣтствовавшаго революцію, Герцена, упрекавшаго Ледрю-Роллена и Луи Блана въ непослѣдовательности, въ томъ, что они, имѣя возможность, не захватили диктатуры въ свои руки и не повели Францію по пути кровавыхъ реформъ для доставленія торжества рабочимъ.

«Наконецъ, его надежды на возможность принесенія добра Александромъ или къмъ-нибудь изъ императорской фамиліи; его близорукій отвѣтъ на письмо человека ¹⁾, говорившаго, что пора начать бить въ набатъ и призвать народъ къ возстанію, а не либеральничать; его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи; надежда на мирный переворотъ; его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми однѣми можно только что-нибудь сдѣлать,—окончательно уронили журналъ въ глазахъ республиканской партіи.

«Но намъ могутъ возразить, что ошибаемся мы, а не Герценъ, что отвращеніе его отъ насильственныхъ переворотовъ произошло изъ знакомства съ исторіею Запада, отъ его увѣренности, что каждая революція создаетъ своего Наполеона.

«Мы отвѣтимъ на это, что и самъ Герценъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, да и революціи кончались худо отъ непослѣдовательности людей, поставленныхъ во главѣ ея».

Авторъ или составители «М. Россіи» до сихъ поръ документально не установлены. Л. Пантелѣевъ рассказываетъ, какъ получилъ ее отъ П. Заичневскаго, котораго въ маѣ—іюнѣ посѣтилъ въ одной изъ московскихъ полицейскихъ частей; какъ Заичневскій сказалъ: «вотъ наша программа» и т. п., но все это наводило бы на сомнѣнія, потому что Пантелѣевъ же «видѣлъ» на листѣ заголовковъ: «Отъ русскаго центр. революц. комитета», который не напечатанъ («Изъ воспоминаній прошлаго», 268—269),—наводило бы сомнѣнія, если бы не свидѣтельство А. М., написанное по своему временно веденному дневнику. Она категорически утверждаетъ, что Заичневскій редактировалъ «М. Р.» и блестяще защищалъ свое дѣтище «отъ нападокъ собесѣдниковъ» (сборн. «О минувшемъ», 180, 186). Подъ сомнѣніемъ для меня участіе Аргиропуло: и его убѣжденія и состояніе здоровья въ то время врядъ ли могутъ

1) Чернышевскаго.

давать основаніе заподозрить его въ составленіи такой рѣшительной и ультра-рвущейся впередъ прокламаціи ¹⁾.

Другой свидѣтель, С. Н. Южаковъ, рассказалъ мнѣ со словъ Ив. Ив. Гольцъ-Миллера, что Чернышевскій присылалъ въ Москву А. А. Слѣпцова, давъ ему порученіе уговорить «Центр. Революц. Комитетъ» какъ-нибудь сгладить крайне неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное «М. Россіей». Это даетъ основаніе полагать, что въ общемъ съ Заичневскимъ были солидарны нѣкоторые его товарищи по дѣлу, какъ Гольцъ-Миллеръ, и самочинно назвали «Центр. Революц. Комитетомъ». Думаю, что результатомъ переговоровъ (доступъ къ Заичневскому въ Тверскую часть былъ очень свободенъ) и была выпущенная по возвращеніи Слѣпцова въ Спб. прокламація «Предостереженіе», умышленно для безопасности и отвода глазъ власти отпечатанная не въ Москвѣ. Я не буду приводить ее здѣсь (впервые она перепечатана въ моей книгѣ «Политическіе процессы etc.», 110—112), но обращаю на нее особенное вниманіе всѣхъ, серьезно интересующихся эволюціей революціонной мысли начала 60-хъ годовъ. По существу, это было частичное отступление послѣ неудержной атаки «М. Россіи».

Надо перенестись въ обстановку государственной и общественной жизни середины 1862 года, чтобы понять, до какой степени роковымъ слѣдуетъ признать стеченіе обстоятельствъ, выразившееся въ одновременности появленія «Молодой Россіи», внѣшне такъ хорошо изданной (значить, думали, это — не то, что предыдущіе листки), и пожаровъ въ Спб., такъ всполошившихъ тревожно настроенный городъ. Правительство обезумѣло первое, за нимъ — масса общества, за ними — городская народная масса, въ которую уже были брошены провокаторскія указанія на молодежь

¹⁾ Кстати сообщу, что, по словамъ московскаго жандарма Воейкова, въ октябрѣ 1862 г. среди студентовъ циркулировалъ слухъ о попыткѣ Аргиропуло отравиться (Арх. III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 154). Онъ умеръ въ концѣ 1863 г. въ Мясницкой больницѣ, въ Москвѣ. Пользуюсь случаемъ указать на свой промахъ. Говоря о процессѣ Заичневскаго и его товарищей (стр. 172—192 т. XI), я упустилъ изъ вида, что сенатская записка объ его дѣлѣ напечатана въ сборникѣ «О минувшемъ»; правда, главное, что цѣнно въ представленномъ мною матеріалѣ, — пространныя показанія Заичневскаго и Аргиропуло — тамъ какъ разъ снято, а потому, исправляя свое указаніе на почти полную неизвѣстность въ литературѣ этого процесса (см. также Н., «Къ исторіи процесса П. Г. З.», «Современникъ» 1913, II), все-таки, долженъ констатировать, что использованное мною дѣло архива мин. вн. дѣлъ даетъ весьма цѣнныя дополненія и оживляетъ данныя, опубликованныя въ сенатской запискѣ. Аргиропуло былъ приговоренъ къ заключенію въ смиренномъ домѣ на годъ.

студенческую, значить — дворянскую, еще недавно бунтовавшую противъ царя-освободителя... Совершенно понятно, что въ представленіи нѣкоторыхъ круговъ и «М. Р.» и пожары были дѣломъ рукъ полиціи и III Отдѣленія. Масса общества была до такой степени далека отъ какой бы то ни было партійно-политической группировки, до того мало дифференцировалась въ этомъ направленіи, что сама придавала «М. Р.» и силу, и вліяніе, и пророческое яредвидѣніе близкаго будущаго, а затѣмъ, испугавшись всего этого, круто шарахнулось вправо, прямо въ объятія реакціи съ правительствомъ, Катковымъ и Павловымъ во главѣ.

Все это произошло въ теченіе іюня ст. ст.; Герценъ и его друзья не могли быстро воспринять такой внезапный переломъ, тѣмъ болѣе, что—первую половину іюля по н. стидю почти никто не пріѣзжалъ къ нимъ изъ Россіи изъ числа прежнихъ знакомыхъ—кто пріѣхалъ раньше, кто позже. Потомъ, и очень скоро, они поняли происшедшее и уже по-своему на него реагировали, но нѣкоторое время между ними и русскимъ обществомъ была какая-то пропасть взаимнаго непониманія.

Это не мѣшало либераламъ, даже и наиболѣе добросовѣстнымъ изъ нихъ, связывать «М. Р.» съ Герценомъ; круги менѣе политически освѣдомленные распространяли цѣлыя легенды. Такъ, 20 іюля кн. Черкасскій писалъ Ю. Э. Самарину: «Слышали ли вы разсказъ Тургенева о Герценѣ? Т. говорилъ въ Москвѣ, что Г., котораго онъ недавно видѣлъ, расплакался, упоминая о пожарахъ, о *молодой Россіи* и о направленіи нашей молодежи и сказалъ: вотъ что надѣлали мы! Счастливые славянофилы—они одни могутъ съ покойной совѣстью сказать: «Мы не сдѣлали вреда» (Трубецкая, «Матеріалы для біографіи кн. Черкаскаго» II, 405). Апокрифичность этого разсказа очень характерна и для Тургенева, не видѣвшаго Герцена *оскорь* послѣ появленія «Молодой Россіи».

«Мы, въ Лондонѣ, не думали,—говоритъ Кельсіевъ въ «Исповѣди» 1867 г.,—что появленіе «Молодой Россіи» и пожары были обратною точкою общественнаго настроенія. Они намъ крѣпко досадили, какъ и журнальныя статьи, вызванныя ими, но мы приняли это за минутный испугъ, за колебаніе, и намъ въ голову не приходило, что исторія уже сдала насъ въ архивъ, что мы заживо похоронены, привидѣнія прошлаго. Я понялъ это только черезъ годъ, Герценъ же и Огаревъ годъ тому назадъ вѣровали еще въ «Колоколъ» (я уже годъ, какъ не переписываюсь съ ними и не вижу ихъ изданій). Взглядъ нашъ на «Молодую Россію» высказанъ былъ Герценомъ въ «Колоколѣ». Она, дѣйствительно, болѣе смѣшна, чѣмъ страшна, но испугала она потому, что и умѣренные люди

такъ же не понимали общественныхъ дѣлъ, какъ нимисты. Она представилась имъ манифестомъ огромнаго тайнаго общества изъ людей, которые могутъ исполнить свои угрозы, а мы, въ Лондонѣ, поняли, что это—произведеніе полдюжины мальчишекъ, не понимающихъ даже, о чемъ они говорятъ (религія! бракъ! императорская партія!). «Молодая Россія» была необходимымъ слѣдствіемъ неурядицы нашихъ кружковъ и распушенности ихъ вождей: въ ней, какъ и во всѣхъ тогдашнихъ прокламаціяхъ и задорныхъ статейкахъ, все есть, кромѣ практическаго знанія жизни, людей, а, въ особенности, Россіи. Нынѣшняя свобода книгопечатанія и самоизученіе народное навсегда покончили съ подобными послѣдствіями долгаго бюрократизма и цензуры, подрывавшими вѣру и въ правительство и во все, писанное и печатанное не тайкомъ».

Насколько несочувственно было общее отношеніе къ «Молодой Россіи», видно изъ извѣстнаго въ литературѣ отзыва Чернышевскаго и мнѣнія Бакунина, высказаннаго имъ въ выпущенной въ началѣ сентября 1862 г. брошюрѣ «Народное дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель?»: «Редакторовъ «М. Россіи» я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во-первыхъ, въ безумномъ и въ истинно-доктринерскомъ пренебреженіи къ народу; а, во-вторыхъ, въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія, для успѣха котораго они между тѣмъ готовы жертвовать своею жизнью. Они, видно, такъ мало привыкли еще къ настоящему дѣйствию, что имъ все кажется, будто они вращаются въ мірѣ абстракцій. Въ теоріи все сходитъ съ рукъ. На практикѣ, особливо въ такое время, какъ наше, что не полезно, то вредно. Появленіе «М. Р.» причинило положительный вредъ общему дѣлу, и виновниками вреда были люди, желавшіе служить ему. Безъ дисциплины, безъ строя, безъ скромности передъ величіемъ цѣли мы будемъ только тѣшить враговъ нашихъ и никогда не одержимъ побѣды. Но прокламація редакторовъ «М. Р.» не можетъ быть принята за серьезное выраженіе идей передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей «собрались» и издали свою прокламацію... Довольно было, чтобъ перепугать до смерти нашихъ бѣдныхъ правителей. Правда, что юноши говорятъ и объ «общемъ собраніи» и о «комитетахъ провинціальныхъ тайнаго революціоннаго общества», но, вѣдь, это было сказано зря, для пущей важности и для того, чтобы доставить лишнее впечатлѣніе черезчуръ впечатлительному правительству».

Въ маѣ почта стала присылать въ III Отдѣленіе пакеты съ «Молодой Россіей», адресованные разнымъ лицамъ. 20-го царь при-

казаль: «Всѣ пакеты уничтожить, а за перепискою означенныхъ лицъ имѣть наблюдение».

25 мая московскій ген.-губернаторъ сообщилъ министру вн. дѣлъ, что съ 18-го «Молодую Россію» начали разбрасывать на бульварахъ и у подъѣздовъ домовъ, а также разсылать по городской почтѣ. Нѣсколько экз. было найдено въ правленіи университета, въ книгѣ, гдѣ записываются адреса студентовъ (Арх. мин. вн. д., дѣло канц. 1861 г. № 1).

Въ іюнѣ цензура запретила двѣ статьи Ф. М. Достоевскаго, написанныя о текущихъ событіяхъ; министръ нар. просвѣщенія направилъ рукописи въ III Отдѣленіе; послѣднее передало ихъ кн. А. Ф. Голицыну. Слѣдственная комиссія призывала автора, спрашивала, знаетъ ли онъ составителей «Молодой Россіи», которую приписывалъ «тремъ золотушнымъ школьникамъ». Достоевскій заявилъ, что это—не больше, какъ литературная форма, но что ему никто не извѣстенъ ¹⁾. Видя въ статьяхъ вообще вредное направленіе, комиссія, по высоч. повелѣнію, послала рукописи министру вн. дѣлъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 экзп. 1862 г., дѣло № 230, чч. 2 и 10).

1865. Выстрѣлы, раны и убійства.

(Константинъ Николаевичъ, Лидерсъ, Аригольдтъ и пр).

Съ внутреннимъ ужасомъ и негодованіемъ прочли мы о томъ, что какой-то фанатикъ (говорятъ, ультра-католикъ) выстрѣлилъ въ Константина Николаевича и слегка ранилъ его. До какой нелѣпости, до какого безумія доводятъ людей бессмысленныя правительства, уступающія съ воздержаніемъ, воздерживающіяся съ уступками, дающія, оставляя что-нибудь въ рукъ, прощающія вполнину, мягкія снаружи, пустыя внутри. Это мерцаніе добра и зла, непослѣдовательность, непрочнось гибельно дѣйствуетъ на нервы: страсти возбуждены, удовлетворенія нѣтъ, фантазія мутится, и человекъ въ припадкѣ бѣшенства берется за пистолеть.

Мы ненавидимъ всякаго рода кровавыя расправы и, несмотря на наше полное равнодушіе къ тому, что Лидерсъ ²⁾ живъ или

¹⁾ Замѣчу, что, такимъ образомъ, ясна принадлежность Достоевскому одной статьи изъ т. II «Сборника статей, недозволенн. цензурою въ 1862 г.»—«Пожары и зажигатели», стр. 412.

²⁾ Гр. Александръ Николаевичъ; въ 1861 г. назначенъ исправл. должность намѣстника Ц. Польскаго; 15 іюня, во время прогулки по Варшавѣ, тяжело раненъ.

нѣтъ, досадно, что его подняли до выстрѣла и реабилитировали до раны.

На убійство надобно привилегію, съ привилегіей убійство дѣлается безопасно и навѣрняка. Вотъ посмотрите, какъ нашъ фрейшюцъ ¹⁾ Лидерсъ стрѣляетъ высочайше заколдованными пулями ²⁾.

Что прибавить къ этому каннибальству? Замѣтимъ мимоходомъ двѣ вещи: новую методу убійствъ при нынѣшнемъ государѣ, — *онъ во сторонѣ*, онъ скорбитъ душою и плачетъ... это все другіе, какой-нибудь Апраксинъ, какой-нибудь Лидерсъ убиваетъ; кабы отъ него завистло, онъ простилъ бы...

P. S. Когда мѣсяца полтора тому, назадъ въ иностранныхъ газетахъ писали объ открытіи заговора между русскими офицерами въ Варшавѣ, казенная русская и подкупная иностранная журналистика отвѣчала, что этого никогда не было, и что все это взято изъ того, что какіе-то пьяные офицеры побуянили и попали за то на гауптвахту. Милые лгунишки, на колѣни и на горохъ васъ... а мы будемъ знать, что значить *démenti* ³⁾ нашего правительства! ¹

◆ 1. Записка шефа жандармовъ кн. Долгорукова своему помощнику 22 іюня: «Вчера вечеромъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ телеграфировалъ, что въ девятомъ часу, выходя изъ театра, онъ увидѣлъ человѣка, подходившаго къ нему, какъ будто бы съ просьбою. Виѣсто того, этотъ человѣкъ сдѣлалъ на него выстрѣлъ изъ пистолета въ упоръ; пуля пробила пальто, сюртукъ, рубашку, оцарапала ключицу и тутъ остановилась. Его В—во чувствовалъ только родъ ушиба, но, вообще, здоровьемъ своимъ доволенъ. Преступникъ взятъ, но подробностей о немъ нѣтъ. Вотъ все, что мы знаемъ до сихъ поръ. Разглашать этого ненужно; но если бы о происшествіи уже заговорили, то я сообщаю вамъ для предупрежденія толковъ, настоящую истину».

¹⁾ «Freischuetz», или «вольный стрѣлокъ», согласно старинной нѣмецкой легендѣ, вступилъ въ союзъ съ діаволомъ, который заколдовалъ его пули: изъ нихъ шесть безошибочно попадали въ цѣль, избранную стрѣлкомъ, а управление же седьмой было предоставлено діаволу. Легенда эта получила мировую извѣстность, благодаря знаменитой оперѣ Вебера, написанной на ея сюжетъ.

²⁾ Слѣдуетъ выдержка изъ «Русскаго Инвалида» о дѣлѣ поручика Ивана Арнгольда, подпоручика Петра Сливничаго, ун.-офицера Франца Ростовскаго и др., обвиненныхъ въ разной степени сочувствія полякамъ и нежеланіи повиноваться исполненію воинскаго долга, частью разстрѣлянныхъ и сосланныхъ по конфирмаціи Лидерса 16 іюня.

³⁾ Проверженіе.

Въ ночь вел. князь телеграфировалъ царю: «Ночью сдѣлано много арестованій по подозрѣнiямъ; нѣкоторыя подтвердились; вѣроятно, существуетъ цѣлая шайка».

У совершившаго покушенiе Людвига Ярошинскаго при арестѣ было найдено въ карманѣ польское воззванiе, написанное имъ самимъ чернилами и донинѣ неизвѣстное. Привожу его въ официальномъ переводѣ: «Народу! Со времени прошлогоднихъ происшествiй было много крови, а потомъ много слезъ и страданiй, рѣзали насъ, какъ телятъ, не было ни одного человѣка, который бы отплатилъ за злодѣянiе, но уже будетъ этого! Нужно крови за кровь; изъ любви къ родинѣ, мстя за невинно пролитую кровь, я выстрѣдилъ въ Лидерса. Теперь остается еще выродокъ ¹⁾, униженiе польскаго имени, московской слуга, который по разлитой 27 февраля крови проложилъ себѣ дорогу къ царскимъ почестямъ. Его я долженъ убить. Такъ, народъ, дѣлай съ каждымъ! убивай и мучь мошенниковъ и скорѣе достигнешь желаемой цѣли. Семейство мое повѣряю твоей памяти, народъ. Прощайте, братья и поляки, я недолго уже буду жить, пойду на другой свѣтъ. Пойду молить Бога, который вдохновилъ мнѣ эту мысль, о лучшей будущности для Польши и объ отмщенiи нашимъ врагамъ».

«Опекѣ Божией васъ оставляю» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 164).

Напомню, что Бакунинъ отнесся неодобрительно къ покушенiю Ярошинскаго. «По-моему, этотъ выстрѣлъ—промахъ ужасный; вѣдь, Константинъ не успѣлъ еще высказаться» (мои «Очерки освободительнаго движенiя» etc., 25).

Въ придворныхъ сферахъ взволновались послѣ случая отравленiя литьевой водой караула Измайловскаго полка въ Зимнемъ дворцѣ 3-го iюля и Гатчинскаго полка — 4-го. Немедленно была наряжена особая комиссiя изъ двѣнадцати врачей и химиковъ. Успокоились только тогда, когда было выяснено, что причиной были свинцовыя трубы водопровода. Адьербергъ, III Отдѣленiе, министръ вн. дѣлъ—все было поднято на ноги... (Архивъ мин. вн. дѣлъ, медиц. деп., 1862 г. № 8253). При такомъ настроенiи тверской губернаторъ гр.-Барановъ 28 iюля препроводилъ при дворянинѣ Иванѣ Ивановичѣ Тютчевѣ письмо на имя кн. Долгорукова, сообщая, что это лицо желаетъ открыть государю какую-то тайну. Явившись къ шефу, Тютчевъ, однако, отказался сдѣлать это. На другой день онъ опять былъ вызванъ въ III Отдѣленiе и, послѣ вторичныхъ убѣжденiй шефа жандармовъ, рассказалъ ему такое, о чемъ сказано въ справкѣ:

¹⁾ Вѣроятно, генералъ Заблоцкiй.

«я думаю, что г. Т. все рассказанное имъ видѣлъ во снѣ,—рассказъ весьма неправдоподобенъ». Оказалось, что еще въ 1833 г. юнкеръ Иванъ Тютчевъ, сынъ помѣщика Орловской и Смоленской губ., вызывался открыть тайну государю, получилъ на проѣздъ въ С.Пб. 215 р. асс., но неизвѣстно, исполнилъ ли свое обѣщаніе. Братъ его Алексѣй сосланъ въ каторжныя работы по дѣлу декабристовъ и умеръ въ Сибири. Въ жизни ему очень не везло, онъ остался безъ всякихъ средствъ, и по службѣ не былъ оцѣненъ. А вотъ и тайна, записанная чиновникомъ III Отдѣленія. 22 іюля, выйдя на богомолье въ Желтиковскій монастырь близъ Твери, при входѣ въ рошу Тютчевъ встрѣченъ былъ тремя вооруженными незнакомцами въ охотничьемъ платьѣ, которые, рассказавъ ему всю его жизнь, увлекли въ лѣсъ и тамъ предложили вступить въ организованное за границу «священное ополченіе» съ девизомъ «свобода, равенство и вѣра» и съ задачей уничтожить всю царскую фамилію, всѣ власти и всѣхъ дворянъ, до 50.000 чел. Изъ видныхъ въ первую очередь были назначены кн. Долгоруковъ, гр. Панинъ и кн. Суворовъ; пощадится только Валуевъ. Говорили о Бакунинѣ, Огаревѣ и др., но имя Герцена не произносили. Союзъ дѣлится на 10 отдѣленій; во главѣ каждого три лица, одно старшее и два помощника; 11-ое отдѣленіе предлагалось Тютчеву и ему же давались разныя порученія, а на выполнение ихъ—3000 руб. сер; въ доказательство своего присоединенія Тютчевъ долженъ былъ убить кого-нибудь изъ царской фамиліи въ отмщеніе за брата и все перенесенное въ жизни... 8 августа на всемъ этомъ вздорѣ Александръ II написалъ: «хотя весь рассказъ его не очень правдоподобенъ, его все-таки слѣдуетъ благодарить и дать пособіе, если онъ дѣйствительно нуждается». 14 августа были выданы 300 р. сер. сестрѣ Тютчева Сусаннѣ Тютчевой, потому что самъ онъ былъ уже въ больницѣ; въ 1863 г. былъ психически боленъ, опять дважды хотѣлъ открыть тайну, но его уже не слушали (Арх. III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 362).

1886. Адлербергъ I, какъ хозяинъ, судья и золотопромышленникъ ¹⁾.

Кстати къ Адлербергу I, мы имѣли на-дняхъ пріятное извѣстіе о прибытіи въ Висбаденъ *графини* Мины Ивановны, гдѣ она проигрываетъ большія деньги и платитъ золотомъ *русскую чекана*. Откуда у нея такая куча русскаго золота? На паспортъ теперь не выдаютъ даже 60 имперіаловъ. Какъ вы думаете, господа, откуда?

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена анонимная статья о продѣлкахъ друга государя. Послѣ нея Герценъ прибавилъ отъ себя нѣсколько строкъ.

1867. Подрядчики русскаго посольства въ Лондонѣ.

Мы искренно совѣтуемъ русскому посольству быть очень осторожнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ вольнопрактикующими шпионами и доносчиками, предлагающими свои услуги изъ любви къ русскому правительству, но и не изъ ненависти къ русскимъ ассигнаціямъ. Во время оно Хрептовичъ срѣзался на одномъ кандидатѣ въ корреспонденты III Отдѣленія. Полгода тому назадъ сильно хлопотали о томъ, какъ, черезъ кого, куда посланы отдѣльно напечатанные экземпляры «Что нужно народу?», хлопотали въ Лондонѣ, хлопотали въ Германіи, всегда готовой на дружеское шпионство для сродниковъ, и ничего не узнали. Экземпляры проѣхали всѣ. Но опять ихъ не учить; деньги казенныя... «а, можетъ, что-нибудь и узнается».

Мѣсяцъ тому назадъ получили мы письмо отъ одного миллаго незнакомца, который извѣщалъ насъ, что *онъ подрядился* русскому посольству доставлять имена нашихъ корреспондентовъ... и предлагалъ *намъ свои услуги* — обманывать (небезвозмездно) русское правительство. Такъ какъ мы, вообще, съ посторонними не шутимъ и русское посольство знаемъ только по слухамъ, мы не отвѣчали ничего. Подрядчикъ посольства, не ограничиваясь однимъ письмомъ, написалъ другое, написалъ третье и замолкъ ¹⁾. Мы начинали думать, что все это — невинная уловка, чтобы сорвать съ насъ нѣсколько фунтовъ.

Но дней семь тому назадъ мы получили письмо изъ Петербурга, въ которомъ *знакомый почеркъ* извѣщаетъ насъ, что русское посольство въ Лондонѣ сообщило въ министерство предложеніе нѣкоего подрядчика доставлять ему доносы. Что Горчаковъ отвѣчалъ, мы не знаемъ, можетъ: «la Russie se recueille et n'écoute pas aux portes» ²⁾. Во всякомъ случаѣ, странное совпаденіе между письмами и вѣстью изъ Петербурга заставляетъ насъ дать этому гласность.

Если надобно непременно шпионовъ, то совѣтуемъ посольству быть осмотрительнѣе. Нельзя же всякому мошеннику протягивать руку только потому, что онъ выдаетъ себя за *шпиона*. ¹

◆◆ 1. 13 іюня 1862 г. шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ писалъ Валуеву по-французски: «Императоръ поручилъ мнѣ, дорогой Петръ Александровичъ, сообщить вамъ прилагаемое письмо,

¹⁾ Письма хранятся у насъ. А. И. Г.

²⁾ Россія думаетъ свою думу и не подслушиваетъ у дверей.

полученное Горчаковымъ отъ Бруннова. Читая его, вы вспомните русскую поговорку: «съ больной головы да на здоровую». Это—мои корреспонденты, которые, судя по тому, что мнѣ сказали, были завербованы нашимъ посланникомъ, чтобы открыть въ Англии русскія прокламаціи. Судя по ихъ мнѣнію, «Молодая Россія» напечатана вовсе не въ Лондонѣ, а въ Россіи» (архивъ П. Я. Дашкова).

1888. Князя-безсребреники.

Александра Федоровна въ духовномъ завѣщаніи своемъ забыла упомянуть объ Александрійскомъ дворцѣ въ Москвѣ. Министръ двора писалъ къ министру финансовъ объ этомъ и просилъ его сдѣлать оцѣнку дворца и имущества, въ немъ находящагося. Дворецъ оцѣнили въ 40,000, а имущество въ 30,000. Все это слѣдовало раздѣлить между четырьмя братьями: Александромъ, Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ, но три послѣдніе брата отказались въ пользу Александра Николаевича. Этотъ послѣдній благодарилъ ихъ за вниманіе къ нему и приказалъ выдать изъ суммъ *государственную казначейства* каждому по 110,000, что они и получили. Министръ финансовъ спрашивалъ у нихъ, желаютъ ли они получить золотомъ? Они, по расположенію и состраданію своему къ русскимъ, рѣшили взять 5% билетами, которые стоятъ довольно низко.

1889. Павелъ Гагаринъ.

Врагъ освобожденія съ землею, инквизиторъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, желчевой реакціонеръ, пережившій николаевскія времена. Павелъ Гагаринъ назначенъ предсѣдателемъ въ государственномъ совѣтѣ и *въ комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія* (во время болѣзни Блудова, который, какъ извѣстно, неизлѣчимо боленъ). Передъ такими ошибками, въ которыхъ презрѣніе къ народу едва смягчается колоссальностью тупости, падаютъ руки.

Ну, Гагаринъ, покажите-ка народу русскому, какъ онъ ошибается въ своемъ земскомъ царѣ! Царь Павла Гагарина, царь Виктора Панина не можетъ быть царемъ народной фантазіи.

Гагаринъ этотъ во время процесса Петрашевскаго хотѣлъ погубить Александра Николаевича. Носились слухи, что тогдашній наслѣдникъ предостерегъ Момбелли и Львова. Это дошло до свѣдѣнія Гагарина. Процессъ дѣлался въ пушую эпоху бѣшенства Николая, и мысль погубить сына, подслужившись отцу доносомъ на него, исполнила благороднымъ рвеніемъ нашего князя Павла. Рядомъ прозрачныхъ намековъ, обѣщаній, уловокъ онъ хотѣлъ выведать отъ Львова, какъ было дѣло. Онъ обѣщалъ ему про-

щеніе, карьеру, не знаю что. Львовъ, разумѣется, съ презрѣніемъ отказался, и князь Павелъ съѣлъ грибъ. Въ нашихъ бумагахъ есть *подробное изложеніе* этихъ драматическихъ сценъ между княземъ-сыщикомъ и благороднымъ арестантомъ. Мы не печатали ихъ, полагая, что послѣ наглой оппозиціи въ дѣлѣ освобожденія этотъ вредный чиновникъ будетъ отброшенъ, какъ Муравьевъ-Вѣшатель и др. Но теперь, когда въ угарѣ и чаду отъ пожара снова выходятъ на горизонтъ патибулярныя ¹⁾ фигуры Гагарина и Липранди, мы готовы сдѣлать все, отъ насъ зависящее, для прославленія ихъ дѣяній ²⁾.

1890. Келлеръ!

Что это за Келлеръ, идущій теперь впередъ въ Польшу?.. Келлеръ?.. Келлеръ?.. Одинъ Келлеръ былъ женатъ на родственницѣ *бывшаго* поляка Ржевускаго; одинъ Келлеръ, бывший надзирателемъ въ Кіевѣ, чуть не попалъ подъ судъ, будучи губернаторомъ въ Минскѣ, но жена его попала въ время въ Ниццу, тогда «незабвенная» была еще жива, и пр.
Да, это тотъ самый Келлеръ ³⁾.

1891. Письмо гг. Каткову и Леонтьеву.

Милостивые государи и ученые редакторы!

Если-бъ вы въ варшій полемикѣ противъ насъ держались въ общихъ сферахъ и въ общихъ грубостяхъ, я не позволилъ бы себѣ утруждать васъ письмомъ, съ одной стороны, очень уважая многосложность вашихъ занятій, а съ другой,—вовсе не уважая ни васъ, ни вашихъ мнѣній.

Но вы позволили себѣ публично сдѣлать намекъ чрезвычайно неопредѣленный, но явно относящійся къ частной жизни нашей, и тѣмъ дали намъ, и въ особенности мнѣ, какъ несчастному виновнику статьи, раздражившей васъ, право требовать отъ васъ поясненія. Публичные намеки и клеветы имѣютъ большое неудобство передъ кедейнымъ злословіемъ и служебными доносами, до поры до времени покрываемыми канцелярской тайной.

Вотъ ваши слова: «*наши заграничные réfugiés (мы хорошо знаемъ, что это за люди)*»... («Совр. Лѣт.»).

Вѣроятно, вы не станете отречься, что подъ словомъ *заграничные réfugiés* (и при этомъ я долженъ признаться, что я до

¹⁾ Patibulaire—вызывающій на мысль о виселицѣ.

²⁾ Въ 140 л. «Кол.» помѣщена статья «Львовъ и Гагаринъ».

³⁾ Графъ Эдуардъ Федоровичъ, членъ совѣта управленія Ц. Польскаго.

сихъ поръ думалъ, что всѣ réfugiés и эмигранты—болѣе или менѣе заграничные) вы разумѣли насъ, *издателей* «Колокола», и поэтому позвольте васъ спросить:

Какіе же мы люди, г. Катковъ?

Какіе же мы люди, г. Леонтьевъ?

Вы, вѣдь, *хорошо* знаете, какіе мы люди,—ну, какіе же?

Если въ васъ обоихъ есть одна малѣйшая искра чести, вы не можете не отвѣчать; не отвѣчая, вы меня приведете въ горестное положеніе сказать, что вы сдѣлали *подлый намекъ*, имѣя въ виду очернить насъ въ глазахъ вашей публики.

Говорите все... Въ нашей жизни, какъ въ жизни каждаго человѣка, жившаго не только въ латинскомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толокѣ дѣйствительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченія, *но нѣтъ поступка*, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ бы то ни было, который мы бы хотѣли скрыть отъ кого бы то ни было.

Если вы то же можете сказать, поздравляю васъ, г. Катковъ, поздравляю васъ, г. Леонтьевъ... хотя я и не сомнѣваюсь, что вы можете.

Да, гг. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза... Кто кого пересмотритъ?

Можетъ, вы слышали, какъ въ 1849 году, въ народномъ собраніи въ Парижѣ Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся на ту минуту въ страшный судъ: «Говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности; я могу это принять за личность, и тогда я не картель вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой: здѣсь, съ этой трибуны я расскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ; каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потомъ пусть расскажетъ мой противникъ свою жизнь*».

Затѣмъ позвольте нацѣяться, что вы, милостивые государи, испросите у вашего начальства разрѣшеніе напечатать это письмо въ многоуважаемой «Лѣтописи» вашей. Вы слишкомъ любите гласность и английскую ширь оправданія, чтобъ намъ можно было сомнѣваться въ этомъ.

Желаю въ заключеніе, чтобъ письмо это засталъ васъ въ добромъ здоровьѣ.

Лондонъ, 10 іюня 1862.
Orsett House, Westbourne terrace.

1892. Отъ издателей.

Мы предлагаемъ издателямъ «Дня», «Современника», «Русскаго Слова» и издателямъ журналовъ, которые будутъ запрещены, вслѣдствіе политическаго террора, въ Россіи, продолжать ихъ изданія въ Лондонѣ. На первый случай мы готовы печатать, если это будетъ нужно, на свои собственный счетъ, безъ всякаго вознагражденія. 1

◆◆ 1. Уже самое объединеніе противоположныхъ по своему направленію органовъ достаточно ясно показываетъ, что, разумѣется, цѣль замѣтки была не дѣйствительное предложеніе издателямъ всѣхъ запрещенныхъ журналовъ, а угроза правительству. Это еще разъ показываетъ, что въ тотъ моментъ Герценъ не зналъ, насколько реакція уже была глубока въ самомъ обществѣ.

Къ тому же листу «Колокола» былъ приложенъ № 1 прибавленія «Общее Вѣче», редактировавшагося Огаревымъ и В. И. Кельсиевымъ. Герценъ сочувствовалъ этому расширенію цѣлей своего изданія, но опять-таки и здѣсь не учелъ момента, когда такое изданіе бросалось въ русскіе старообрядческіе и раскольничьи круги; не учли этого и его сотрудники. Деньги на изданіе «Общаго Вѣча» далъ К. Т. Солдатенковъ (см. комментарий къ № 1863). Въ 1862 г. вышли №№ 1—7, въ 1863—съ 8 по 25 и въ 1864 г.—съ 26 по 29.

Основанію «Общаго Вѣча» предшествовали предварительныя сношенія со старообрядцами разныхъ толковъ, предпріятыя отчасти и самимъ Герценомъ подъ вліяніемъ настойчивыхъ убѣжденій Кельсјева и Огарева. Я ограничусь указаніемъ на тѣ обстоятельства, въ которыхъ фигурировалъ, хотя бы и не активно, самъ Герценъ или Кельсјевъ въ качествѣ представителя его, какъ главы лондонской русской эмиграціи. Наша литература, особенно праваго лагеря, усиленно не вникала въ разницу лицъ въ этомъ вопросѣ, создаваемую пропагандой и личными выступленіями Кельсјева и Огарева и самого Герцена; ей надо было всѣ обвиненія направлять на сильнѣйшаго и наиболее виднаго. Остановлюсь на статьѣ Н. И. Субботина (псевд. Г.) «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій», не лишенной свѣдѣній, имъ однимъ сообщенныхъ въ печати. Статья эта писана сообща съ Пафнутіемъ, присоединившимся тогда къ православію, искавшимъ черезъ Субботина милостей правительства и роли и бывшего подъ покровительствомъ

Филарета, который вліялъ и на самую статью (Марковъ, «Переписка Н. И. Субботина» и «Собрание мнѣній и отзывовъ Филарета», т. V, ч. 2).

По словамъ Г., «виды на старообрядцевъ у г. Герцена явились довольно не рано и мы не беремся рѣшать, откуда именно они возникли, — своимъ ли собственнымъ умомъ дошелъ до нихъ г. Герценъ, или просвѣщенъ былъ примѣромъ польской эмиграціи, которая производила, и не совсѣмъ безъ успѣха, пропаганду между некрасовцами, или наконецъ, и въ этомъ случаѣ не мало значили для него услужливыя корреспонденціи его русскихъ почитателей, извѣщавшія о неотразимомъ вліяніи г. Герцена даже на старообрядческое общество».

«...Нашлось и между московскими старообрядцами нѣсколько личностей, которыя вслѣдъ за другими увлекались современнымъ направлениемъ. Люди, считавшіе себя передовыми въ своемъ обществѣ, и дѣйствительно умные и любознательные, но не получившіе образованія, они читали съ жадностью все, что печаталось наиболѣе либеральнаго въ томъ или другомъ отношеніи, и особенно эти запретныя лондонскіе листы, которые какими-то тайными путями проникали во всѣ углы російскаго государства», «Между ними возникла уже мысль—въ интересахъ раскола открыть сношенія съ издателемъ «Колокола», отдать подъ его охрану и защиту непризнанныя права русскаго старообрядчества».

Парламентаромъ рѣшено было послать коломенскаго епископа Пафнутія Овчинникова (не слѣдуетъ смѣшивать съ казанскимъ), человека, по отзыву Субботина, «весьма даровитаго, съ обширною начитанностью, съ замѣчательнымъ даромъ слова и рѣшительнымъ, энергическимъ характеромъ... приобрѣвшимъ сильное вліяніе въ старообрядческомъ обществѣ и въ управленіи церковными дѣлами старообрядцевъ».

Отправившись изъ Москвы въ началѣ марта 1861 г., Пафнутій, однако, не доѣхавъ до Лондона, принужденный, по старообрядческимъ дѣламъ, вернуться домой. Тамъ «попрежнему шла безурядица, на которую ему противно было смотрѣть и которая невольнo приводила къ мысли, что для спасенія и оживленія старообрядчества, потрясаемаго этою неурядицей, необходимы какія-либо чрезвычайныя средства, въ родѣ тѣхъ, основаніе которымъ предполагалось положить въ Лондонѣ: совершенно свободная старообрядческая епископія съ каедральнымъ при ней соборомъ, съ училищемъ и типографіей, — однимъ словомъ, правильно и разумно устроенный разсадникъ будущихъ пастырей и проповѣдниковъ старообрядчества».

Получивъ по своему мірскому имени паспортъ на имя кагульскаго первой гильдіи купца Поликарпа Петрова Овчинникова—Пафнутій поѣхалъ вторично въ ноябрѣ 1861 г., не желая раскрыть себя и въ Лондонѣ, но сказавшись старообрядцемъ. По видавшисъ предварительно съ Тхоржевскимъ и Кельсіевымъ, котораго Пафнутій освѣдомилъ, однако, о планахъ старообрядцевъ, онъ на третій день (26 декабря) былъ у Герцена въ присутствіи Огарева и Чернецкаго. «Гостя принялъ онъ очень радушно, но съ сохраненіемъ подобающей ему важности. Разговоръ, само собою разумѣется, шелъ преимущественно о расколѣ и, главнымъ образомъ, объ его отношеніяхъ къ правительству. Герценъ рѣзко порицалъ всѣ правительственныя мѣры противъ раскола и не безъ самоувѣренности предлагалъ принять его подъ свою охрану. Чтобы придать силу своимъ словамъ, онъ распространился о своихъ обширныхъ связяхъ въ Россіи, о своемъ вліяніи въ разныхъ даже правительственныхъ сферахъ и тутъ же кстати сообщилъ, что не дальше, какъ въ этотъ самый день, получилъ всеподданнѣйшее письмо изъ Польши, въ которомъ его просятъ уступить полякамъ Малороссію. И это говорилось серьезно!...»

Можно только добавить по адресу Субботина: и это писалось серьезно...

На слѣдующій день въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ и, узнавъ, что Пафнутій рассказывалъ о его сподвижникѣ на пражскихъ баррикадахъ иннокъ Олимпіи Милорадовѣ, пожелалъ съ нимъ увидѣться.

«Вечеромъ 5-го января (1862), въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ «Во Іорданѣ крещающуся, Тебѣ Господи», тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія: это былъ самъ г. Бакунинъ».

Пафнутій быстро разочаровался въ Кельсіевѣ, Бакунина понималъ, какъ человѣка, не имѣвшаго возможности скрыть своего кощунства, а изданія Вольной русской типографіи охарактеризовалъ Герцену такъ: «Если бы вы хотѣли написать что-нибудь съ особеннымъ намѣреніемъ возстановить противъ себя народъ, то ничего лучше этихъ книжекъ написать не могли: такъ онѣ противны характеру и истиннымъ потребностямъ русскаго народа! И отчего же не составили вы книжки о томъ, что нужно русскому царю? Вы хотите ниспровергнуть весь существующій порядокъ, а не говорите прямо и рѣшительно, чѣмъ и какъ замѣнить его».

Странно, что, несмотря на все это, Пафнутіи очень обстоятельно обсуждалъ осуществимость надеждъ старообрядцевъ на лондонскую кафедру, кандидата въ епископы и прочее. «Герценъ, съ своей стороны, особенно настаивалъ на томъ, чтобы поспѣшить исполненіемъ предпріятія; ему хотѣлось именно сдѣлать торжественное открытіе кафедры во время приготовлявшейся тогда лондонской всемірной выставки... Пафнутіи, съ своей стороны, завѣрялъ, что къ маю мѣсяцу въ Москвѣ могутъ приготовить иконостасъ, написать иконы, устроить облаченіе, утварь и проч. По мнѣнію Герцена, еслибы дѣйствительно удалось открыть лондонскую старообрядческую кафедру во время всемірной выставки, когда Лондонъ будетъ наполненъ представителями образованнѣйшихъ націй со всего свѣта, это было бы событіемъ великой важности для будущихъ судебъ старообрядчества и—что, надобно полагать, ему особенно нравилось,—въ высшей степени чувствительнымъ для русскаго правительства. Воображеніе нарисовало предъ нимъ и самыя подробности будущаго открытія лондонской старообрядческой церкви съ торжественною встрѣчей во вратахъ ея будущаго новгородскаго епископа, облаченнаго въ древнія святительскія одежды по примѣру софійскихъ владыкъ. Онъ говорилъ, что къ тому времени научится употребленію старыхъ обрядовъ и самъ, одѣвшись въ длинный старообрядческій кафтанъ, съ хлѣбомъ и солью встрѣтитъ владыку, при чемъ скажетъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой изобразитъ всю великую важность событія, составляющаго торжество истинно просвѣщенной европейской вѣротерпимости, открывающаго возможность двѣсти лѣтъ гонимому русскому старообрядчеству свободно и безбоязненно отправлять свое благолѣпное богослуженіе. Рѣчь эта, напечатанная въ переводѣ на всѣ европейскіе языки, тогда же роздана будетъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Торжество заключится банкетомъ, который онъ устроитъ у себя для всѣхъ друзей свободы и просвѣщенія... Увлеченный краснорѣчивымъ развитіемъ этихъ фантазій предъ своими слушателями, онъ едва ли замѣчалъ, какое впечатлѣніе производили онѣ на сидѣвшаго передъ нимъ старообрядческаго епископа».

И опять—едва ли самъ Субботинъ понялъ, какимъ Хлестаковымъ онъ выставилъ Пафнутія или, въ крайнемъ случаѣ—неумнымъ человѣкомъ себя, не понявъ, что ничего подобнаго нельзя было приписать Герцену, хотя бы ужъ по тому соображенію, которое прежде всего должно было прийти въ голову сотруднику «Русскаго Вѣстника»: вѣдь, всю эту клоунату Герцену никогда не простили бы его единомышленники и друзья изъ русской и особенно заграничной эмиграціи. Кстати, еще одна деталь: «занять кафедру въ Лон-

донѣ предлагали самому Пафнүтію», а, между тѣмъ, онъ никогда никому не называлъ себя... Пробывъ шесть недѣль въ Лондонѣ, Пафнүтій уѣхалъ, крайне разочарованный («Рус. Вѣстникъ» 1867, IV).

Теперь обратимся къ «Исповѣди» Кельсіева въ той ея части, гдѣ говорится о прїѣздѣ Поликарпа (такъ онъ называетъ Пафнүтія). Вотъ какъ тамъ описывается свиданіе его съ Герценомъ и Огаревымъ на квартирѣ перваго.

«Мы явились съ Поликарпомъ. Поликарпъ и ихъ обворожилъ своимъ умомъ и своимъ умѣньемъ держать себя. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, онъ вѣкъ свой выжилъ между литераторами и свѣтскими людьми: такъ просто и ненапрянуто себя онъ велъ, такъ ни по чему нельзя было замѣтить, что онъ попалъ въ новый міръ. Ясно и сдержанно отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы, жаловался на несправедливость правительства, которое терпитъ и не терпитъ ихъ церковь, чтѣ ихъ ставить въ вѣчно фальшивое положеніе относительно мелкихъ властей; рассказалъ пропасть фактовъ въ подтвержденіе своихъ словъ и опять заявилъ, что сами старообрядцы ищутъ познакомиться съ нами, потому что имъ не къ кому болѣе прибѣгнуть. «Мы такіе же православные, какъ и великороссійская церковь», говорилъ онъ. «Вся разница наша только въ томъ, что мы держимся только стараго обряда и старыхъ книгъ и, даже я самъ скажу, держимся не по разуму упорно, да дѣлать нечего,—народъ у насъ такой жестокой сталъ въ эти двѣсти лѣтъ, что насъ гонять,—надо ему уступать, не вводить въ соблазнъ. Сказано: «еще кто отъ васъ соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне есть ему да обѣсится на выю его жерновъ осельній»... Вотъ и остерегаемъ испугать невѣждъ, чтобы въ безпоповскія сѣти не попали. А великороссійская церковь признаетъ передѣланный обрядъ и нашего не хулитъ, потому что у единовѣрцевъ одинъ обрядъ съ нами, да только ей хочется насъ подъ свое начало подвести. А намъ этого и нельзя, оттого что не можемъ признать ни ея обряда, ни того, чтобы одинъ епископъ или священникъ, или дяконъ могъ на два разныхъ манера священнодѣйствовать. Насъ за это и жмутъ, а безпоповцы радуются и смущаютъ народъ своимъ ехиднымъ ученіемъ. Да. А мы—православные, мы—первые враги всякихъ сектъ. Только мірская-то власть объ этомъ не знаетъ.

«Тутъ онъ рассказалъ пропасть вещей о придирахъ къ нимъ консисторій съ цѣлью сорвать съ нихъ, что можно, о духовныхъ увѣщаніяхъ, объ отдачѣ ихъ на покаяніе, объ оскорбившемъ ихъ арестѣ двухъ ихъ епископовъ, Аркадія и Олимпія (во время послѣдней войны, въ Тульчѣ), который надѣлалъ столько шума и возбудилъ такое неудовольствіе противъ правительства. Расска-

заль о закрытіи ихъ моленныхъ, о затруднительности совершать
 требы, о необходимости хитрить, обманывать и подкупать началь-
 ство, чтобы оно не лишало народъ возможности исполнять пред-
 писанія и установленія церкви. О политикѣ и объ социальныхъ во-
 пресахъ говорилось мало; сразу видно было, что эти стороны рус-
 ской жизни ему мало знакомы и вовсе его не интересуютъ. О ти-
 пографіи онъ сказалъ, что посоветуется съ своими московскими
 друзьями, но необходимость денежнаго пожертвованія ихъ на это
 заставляла его сильно задумываться, хотя онъ этого и не выска-
 зывалъ, равно какъ и не показывалъ удивленія, что у насъ нѣтъ
 фондовъ.

«Нужно ли говорить, что Герценъ и Огаревъ не могли не
 удивляться его уму и такту, и что онъ произвелъ на нихъ такое же
 выгодное впечатлѣніе, какъ и на меня».

Свиданіе съ Бакунинымъ состоялось позже. «Бакунинъ» явился
 посмотрѣть любовитнаго старообрядца, котораго я, признаться,
 пряталъ, чтобы избѣжать разгласки, а тѣмъ болѣе изъ боязни,
 что онъ, посмотря на пустозвонство нашихъ прѣзжихъ, вынесетъ
 чрезвычайно дурное мнѣніе о нашей партіи. Сколько помню, я
 не могъ утаить его только отъ князя Голицына, который, впро-
 чемъ, мало имъ интересовался, да отъ жившихъ тогда въ Лон-
 донѣ Альбертини и 18-тилѣтняго правовѣда Ковальскаго, изучав-
 шаго англійское право. Ковальскій прѣхалъ въ Лондонъ очень
 краснымъ, — но, мальчикъ неглупый, наблюдательный и остро-
 умный, онъ чрезвычайно скоро подмѣтилъ нашу несостоятель-
 ность, а сближеніе съ Бакунинымъ окончательно опошшло въ его
 глазахъ все революціонное. Бакунинъ на этотъ счетъ золотой че-
 ловѣкъ; онъ хотъ кого выльчить отъ охоты потрясать престолы;
 если-бъ его пустить въ кружокъ самыхъ рьяныхъ нигилистовъ, въ
 какой-нибудь комическій «Адъ» или въ «Организацію», страдавшую
 отсутствіемъ всякой организаци, онъ бы въ мѣсяць довелъ ихъ
 до ненависти къ нигилизму. Альбертини—личность безцвѣтная: у
 него убѣжденія мѣняются, смотря по тому, съ кѣмъ онъ говорилъ
 послѣдній разъ Придетъ, бывало, ко мнѣ революціонеромъ, вый-
 деть отъ меня реформаторомъ; зайдетъ къ Мартыянову—и убѣ-
 дится во вредъ высшихъ сословій, а ляжетъ спать легитимистомъ,
 потолковавъ съ Лугининымъ, приверженцемъ идей, которая теперъ
 проповѣдуетъ «Вѣсть»¹⁾. Альбертини, если его взять въ руки и ни-
 куда не пускать, чтобы его кто не сбиль съ толку, можетъ быть
 чрезвычайно полезнымъ публицистомъ: пишетъ бойко, ясно и,

¹⁾ Разумѣется, Кельсievъ плохо понялъ Лугинина:

главное, чрезвычайно проворно; ему только намекнуть—онъ самъ разовѣсть мысль, и разовѣсть отлично.

«Явился Бакунинъ. Онъ и прежде видался съ Поликарпомъ у Герцена, но у Герцена, у *принципала*, державшаго его на уздѣ, ему нельзя было такъ развернуться, какъ у меня, и показать всѣ свои таланты. Помню, что онъ поднялся ко мнѣ въ кабинетъ, распѣвая во всю глотку какой-то тропарь,—это было *captatio benevolentiae* ¹⁾ у старообрядца. Затѣмъ онъ сталъ какъ-то приторно дружески просить Поликарпа разъяснить ему въ назиданіе, какая разница между старообрядчествомъ и православіемъ, намекая, что и онъ самъ не прочь сдѣлаться старообрядцемъ, буде Поликарпъ убѣдитъ его въ правотѣ старой вѣры. Не понять этой грубой ловушки Поликарпъ не могъ, но, челоуѣкъ крайне деликатный, онъ пустился рассказывать ему обстоятельно о древне-русскомъ обрядѣ, о реформахъ Никона. Бакунинъ ахаль, удивлялся свѣдѣніямъ Поликарпа, поддакивалъ ему, приходилъ въ негодованіе на никоновскія нововведенія и, наконецъ, самъ, утомленный этой ненужной и позорной комедіей, сталъ просить Поликарпа давать ему уроки русской исторіи. Я даже фразу его запомнилъ: «Да, у васъ, батюшка Поликарпъ Петровичъ, я буду брать уроки русской исторіи; вы знаете такія вещи, какихъ и въ книгахъ не найдешь!».

«Нѣтъ», отвѣчалъ вѣчно спокойный и обстоятельный Поликарпъ: «это напечатано въ «Исторіи о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ» Іоанна Охтенскаго, на страницахъ такихъ-то первой части, потомъ въ книжкѣ господина Берга «Царствованіе Алексѣя Михайловича», на страницъ такой-то, и еще въ «Исторіи церкви» Павла Бллокриницкаго...» и т. д., и т. д., съ перечисленіемъ всѣхъ источниковъ, по его обыкновенію.

«Непремѣнно прочту; у васъ, Кельсіевъ, навѣрное, есть всѣ эти книги,—вѣдь, вы много надъ этимъ копаетесь,—дайте мнѣ,—надо, въ самомъ дѣлѣ, приняться за изученіе этого вопроса,—вѣдь, это дѣло не пустяковое, о спасеніи души идетъ, этимъ шутить нельзя!...»—не унимался Бакунинъ и тутъ же думалъ, что уже расположилъ къ себѣ Поликарпа, началъ такъ же толорно рисовать ему какую-то картину возстанія, путалъ сюда и Пугачева, и Стеньку, и стрѣльцовъ, и Никиту Пустосвята, и еще не знаю кого, сдѣлалъ какой-то винегретъ, а изъ винегрета вышло торжество старообрядчества надъ православіемъ, такъ что и государь сдѣлался старообрядцемъ, и орденскіе кресты приняли осьмико-

¹⁾ Снискиваніе расположенія.

нечную форму и... ну, и вышло что-то совсѣмъ невѣроятное и неожиданное, какіе-то туманы непроглядные.

«Я краснѣлъ, Поликарпъ хлопалъ глазами, какъ въ чаду, маленькій Ковальскій посмѣивался въ кулакъ, прячась за книгой,— словомъ, выходило скверно, а управы на Бакунина не было,—я былъ слишкомъ моложе его, чтобъ его останавливать, да и въ матеріальномъ отношеніи онъ отъ меня не зависѣлъ, какъ отъ Герцена. Наконецъ, онъ убрался, взявъ съ Поликарпа слово прійти къ нему на чай. Какъ ни было это мнѣ не по сердцу, а пришлось отправляться, и въ назначенный день мы отправились. Небольшая квартира его уже полнымъ была полна гостей; тутъ былъ и Мартыновъ, и Ковальскій, и еще, кажется, кто-то, чуть ли не Альбертини. Накурѣно было донельзя; разговоръ шель о политикѣ, о народѣ, о революціи, о монархіи и о республикѣ; всѣ говорили, никто не слушалъ, спорили, горячились, приводили съ задору самыя крайнія мнѣнія. Поликарпъ только руками разводилъ и какъ-то удивленно восклицалъ по временамъ: «да здѣсь судьбы міра рѣшаются!.. да! каково! судьбы міра рѣшаются! Судьбы міра!».

Ему въ первый разъ въ жизни случилось тогда присутствовать при подобной бесѣдѣ, и онъ никакъ не могъ отличить фразъ отъ дѣла. Онъ привыкъ спорить о догматахъ, но споры о догматахъ у людей вѣрующихъ производятся чинно, безъ шутокъ. Безъ остротъ, безъ поминанья на каждомъ словѣ чорта, — а тутъ, вдругъ, его непривычныя уши услышали самое безцеремонное трактованіе политическихъ вопросовъ, съ которыми обходились запросто. Вдобавокъ горячность спора изъ-за теорій и принциповъ новичковъ и простонародье сплошь и рядомъ пугаетъ—имъ все кажется, что спорящіе перессорятся; они вовсе не понимаютъ, что споръ ведется вовсе не серьезно, а какъ препровожденіе времени, и что рѣшенія, къ которымъ пришли спорящіе, не обязываютъ ихъ ни къ чему; что отъ тоста революціи, отъ проекта баррикады построить и гильотину завести до дѣла еще больше, чѣмъ далеко. Эти споры — отдушники, предохранительные клапаны,—накричатся люди, напѣтушатся, отругаются всласть,—ну, и легче имъ станеги на редѣлю, на двѣ, благо, душу отвели, и благо, утомились. А тамъ опять накипитъ всякой ерунды въ головѣ—опять «соберутся, поговорятъ и разойдутся», какъ сказалъ Грибоѣдовъ. Кто много наблюдалъ за такими періодическими словоизверженіями пріятельскихъ кружковъ, тотъ хорошо знаетъ, какую оцѣнку слѣдуетъ давать этимъ буйнымъ возгласамъ, дерзкимъ планамъ и отчаяннымъ рѣшеніямъ, которыя на нихъ высказываются, и хорошо тоже знаетъ, какія мокрая курицы на дѣлѣ и въ прак-

тической жизни эти террористы въ четырехъ стѣнахъ. А было время, и весьма недавно, когда либералы 1825 и 1849 гг. каторгой платились за фразы, срывавшіяся у нихъ въ такихъ пріятельскихъ словопреніяхъ.

«Поликарпъ былъ крайне смущенъ. Ему казалось, что онъ присутствовалъ чуть не на конвентѣ, что приговоръ міру и порядкамъ его произнесенъ былъ не на шутку, и удивлялся моему равнодушію, когда мы возвращались домой. Дня два я не могъ убѣдить его, что тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, а что люди упражнялись въ спорѣ только отъ скуки и чтобы провѣрить свои взгляды; что никто изъ нихъ и не думаетъ даже объ осуществленіи высказанныхъ желаній и что, если-бъ кто и затѣялъ это, то средствъ къ тому не найдетъ. Поликарпъ только удивлялся. Наконецъ, я нашелъ *argumentum ad hominem* ¹⁾, который его успокоилъ: я сравнилъ Бакунина и его гостей съ тѣми старообрядцами, которые, не понимая писанія, кричатъ, спорятъ, откапываютъ небывалыя ереси и мутятъ народъ, сами не зная ничего и ничего не только не собираясь, но даже и въ силахъ не будучи устроить. «Вотъ и между нами есть тоже раздорники, горланы, которые на насъ тѣнь бросаютъ. Насъ они въ грязь тянутъ своей глупостью, а сами людей смѣшати и въ соблазнъ вводятъ». Это онъ понялъ и тутъ же объявилъ, что, кромѣ Герцена, Огарева и меня, ему въ Лондонѣ никто не понравился.

«Затѣмъ, мнѣ кажется, нечего болѣе прибавить къ разсказу о пребываніи Поликарпа въ Лондонѣ. Мы съ нимъ ничего не рѣшили насчетъ типографіи, потому что ему нужно было переговорить объ этомъ съ его пріятелями въ Москвѣ и достать тамъ капиталъ на подъемъ дѣла (6000 р. с., высчитали мы). Толковали мы, правда, о заведеніи въ Лондонѣ старообрядческаго подворья, съ перенесеніемъ туда ихъ митрополіи, но, какъ это ни казалось намъ обоимъ и полезнымъ и выгоднымъ, но проектъ былъ слишкомъ смѣлъ, чтобы мы сами считали его исполнимымъ: Я и упоминаю объ немъ только потому, что объ немъ послѣднее время говорилось въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (именно въ статьѣ Г.—М. Л.). Это была мечта, но никакъ не больше, хоть мечта и заманчивая. «Русскій Вѣстникъ» разсказываетъ еще, будто Поликарпъ рѣзко спорилъ съ Герценомъ; этого я что-то не помню, а что я хотѣлъ скрыть отъ него наше направленіе, не давая ему «Полярной

¹⁾ Способъ доказательства, къ которому прибѣгаютъ, когда желаютъ заставить противника согласиться съ защищаемымъ мнѣніемъ, исходя изъ его же собственныхъ утвержденій.

Звѣзды» и «Съ того берега», это значитъ, что я давалъ Поликарпу только тѣ книги, которыя онъ могъ понять по его образованію. Библиотеку мою онъ имѣлъ въ полномъ своемъ распоряженіи, могъ читать все, что хотѣлъ, но онъ почти ничего не читалъ, ничѣмъ не интересуясь, кромѣ богословія. Да и читаетъ онъ, какъ всѣ старообрядцы, очень медленно; искусство легко и скоро читать развивается только на романахъ, а романъ онъ и всего одинъ, кажется, прочелъ, да и то не прочелъ, а выслушалъ отъ меня—„Гришу“ Мельникова»

Такимъ образомъ, катковскій Хлестаковъ можетъ быть оцѣненъ читателемъ вполне, хотя и безъ помощи Кельсіева каждому было ясно, могъ ли Герценъ унизиться до такой ноздревщины.

Въ свою мартовскую побѣдку въ СПБ. и Москву Кельсіевъ видѣлся съ Пафнугіемъ и его единомышленниками (см. мои «Очерки освободительнаго движенія etc.») и главнымъ образомъ хлопоталъ объ организаціи въ Лондонѣ типографіи и періодическаго изданія.

«Крѣпко удивились они, когда я объявилъ имъ, что революціи не будетъ и не должно быть и что главная цѣль моего пріѣзда и знакомства съ ними—предупрежденіе взрыва устройствомъ правильной оппозиціи старымъ порядкамъ. Систему мою я имъ тутъ же изложилъ, но имъ она въ головы не дѣзла: они ожидали, что я буду вопить о крови, о цареубійствѣ, выну и разорву портретъ государя,—словомъ, они ничего не понимали по своей неподготовленности къ политическимъ вопросамъ. Затѣмъ я поднялъ вопросъ о печатаніи ихъ книгъ,—они сейчасъ же снабдили меня рукописями, но крайне удивились, что у насъ нѣтъ средствъ на заведеніе типографіи. «Да, вѣдь, у васъ въ Лондонѣ милліоны, билліоны должны быть», говорили они мнѣ, и сильно потерялъ я въ ихъ глазахъ, намекнувъ, что, можетъ быть, имъ придется раскошелиться. «Мы люди небогатые, намъ это не по силамъ, кой-какъ торговлишкой своей промышляемъ; надо за такимъ дѣломъ къ вельможамъ обратиться,—это только они могутъ устроить». И такимъ вельможей, человѣкомъ съ понятіемъ и просвѣщеніемъ, былъ, по ихъ мнѣнію, Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, но онъ выѣхалъ незадолго передъ тѣмъ за границу. Много труда и терпѣнія нужно было мнѣ, чтобъ растолковать имъ, чего намъ нужно отъ нихъ, и сильно я сомнѣваюсь, поняли они меня или нѣтъ,

«И поповцы и безпоповцы просили меня завести для нихъ газетку. Мой планъ, ими самими одобренный, состоялъ въ томъ, что газетка эта будетъ наполняться преимущественно ихъ богословскими полемическими статьями, не разбирая, отъ какой секты или толка онъ идутъ, а затѣмъ рассказывалось бы о притѣсне-

ніяхъ, которыя терпятъ сектанты, и уже затѣмъ проводились съ политическіе взгляды. Такую газетку всѣ бы согласія читали, всѣ бы ею интересовались и обогащали бы статьями. Она стала бы связью ихъ между собою и приучила бы ихъ смотрѣть на насъ какъ на людей безпристрастныхъ въ ихъ спорахъ, а, главное, поставила бы насъ въ близкія сношенія съ ними и понемногу развила бы у нихъ наши политическіе взгляды». Возвратясь въ Лондонъ, Кельсіевъ настѣлъ на Огарева. «Дайте подумать, Кельсіевъ, дайте подумать. Еще успѣется—надо все хорошенько обсудить», говорилъ Огаревъ. А, между тѣмъ, Трюбнеръ, понявъ, въ чемъ дѣло, чуть не плакалъ отъ нетерпѣнія быть издателемъ новаго органа, который могъ бы доставить ему хорошій барышъ... Наконецъ, надумался Огаревъ и рѣшилъ, что газета непременно должна будетъ состоять подъ ихъ цензурой. Я охотно согласился на это, твердо рѣшась своимъ собственнымъ примѣромъ поддерживать ихъ диктаторство и вполне убѣжденный, что солидарность съ ними есть необходимое условіе успѣха нашего дѣла. Покуда я подготовлялъ статьи къ первому номеру, Огаревъ приговорилъ эту газету быть приложеніемъ къ «Колоколу». Что я ни толковалъ, что ни язькъ, ни направленіе, ни содержаніе «Колокола» недоступны простому народу, упрямый Огаревъ стоялъ на своемъ,—пришлось покориться да и отказаться отъ помѣщенія богословскихъ полемическихъ статей. Половина моихъ статей была забракована. Статьи самихъ старообрядцевъ, догматическаго содержанія, тоже не прошли цензуры. Первый номеръ вышелъ безцвѣтнымъ, а во второмъ я уже и не участвовалъ... Мартыновъ изъ себя выходилъ, напачалъ на слогъ, на обороты, на направленіе, не знаю на что и почти видѣться со мною пересталъ! Надъ названіемъ газеты долго думалъ Огаревъ и, наконецъ, придумалъ: «Общее Вѣче». «Назвать «Вѣчемъ»—нельзя», говорилъ онъ, «слишкомъ сильно выйдетъ, а эпитетъ «Общее», хоть, повидимому, усиливаетъ, а, въ сущности, ослабляетъ...» Меня часто потомъ спрашивали старообрядцы, что значитъ слово «вѣче», а мы въ Лондонѣ совершенно и не знали, что у нихъ совершенно забыты удѣльные времена.

«Узналъ я, что Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ въ Лондонѣ. Онъ пріѣзжалъ на всемірную выставку, и я рѣшился познакомиться съ нимъ. Мнѣ казалось, что такой меценатъ, издатель, человѣкъ, во всякомъ случаѣ, понятливый болѣе прочихъ своихъ единовѣрцевъ, не можетъ уклониться отъ такого выгоднаго для нихъ дѣла, какъ печатаніе ихъ книгъ. Трудно было свидѣться съ нимъ, но настоялъ, и свиданіе наше устроилось.—«Да какая же польза будетъ отъ этого печатанія?»—спросилъ онъ меня, когда я изло-

жилъ ему свое дѣло и разсказаль о Пафнутіи и о моей поѣздкѣ въ Москву.—«Поставить васъ въ самостоятельное положеніе, привлечетъ къ вамъ сочувствіе образованныхъ людей, насъ поудержитъ...» — развиваль я ему. — «Ахъ, какой это Пафнутій съ Шебаевымъ горячій и неосторожный! — отозвался Солдатенковъ. — Я боюсь, чтобъ такое дѣло не поссорило насъ хуже съ правительствомъ!» — Я опять началъ толковать ему въ томъ смыслѣ, какъ тогда было принято говорить о правительствѣ и какъ на него тогда смотрѣли.—«Я такъ боюсь—говорилъ какъ-то безпокойно Солдатенковъ. — Вы знаете, что я подъ строгимъ надзоромъ; за мной всюду слѣдятъ. Вѣдь, вы это знаете?»—«Знаю», отвѣчалъ я, чтобы не уронить въ глазахъ его нашего пресловутаго лондонскаго всевѣднїя, о которомъ тогда говорили столько чудесъ. — «Ну, вотъ видите, вотъ и вы сами знаете, вѣдь, у васъ все извѣстно! Слѣдятъ! Даже въ Парижъ отправлены за мной агенты; куда ни выйду, ужъ такъ и знаю, кто-нибудь стоитъ изъ нихъ и смотритъ на меня, и смотритъ, такъ и смотритъ! Меня даже знакомые предупреждаютъ всѣ, чтобъ я осторожнѣй былъ!» — Онъ, кажется, нѣсколько тронуть на этомъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, когда онъ мнѣ толковаль, что за нимъ слѣдятъ, онъ мнѣ показался мономаномъ. Кончили мы на томъ, что онъ поговорить въ Москвѣ, посоветуется, надо подумать; короче, я поняль, что съ его стороны ждать нечего безъ энергическаго содѣйствїя Пафнутія и его кружка» («Исповѣдь»).

Въ заключеніе приведу слова Пафнутія изъ письма его къ прїятелю Субботину отъ 26 января 1868 г., т.-е. послѣ опубликованїя состряпанной ими обоими статьи. «Вы желаете знать, каково было отношеніе г. Кельсіева къ намъ и къ статьямъ нашимъ, относящимся до лондонскихъ оракуловъ. «Расколъ, какъ орудіе» весьма благовременно было Василью Ивановичу прочитать въ Третьемъ отдѣленїи, такъ и читаль онъ тамъ и повидимому куражится тамъ, какъ мы объ его добрыхъ душевныхъ качествахъ относились благодушно, такъ сказать доволенъ онъ за себя нашими статьями, только нѣсколько морщится за Александра Ивановича Герцена, котораго онъ такъ любитъ и жалѣетъ, и въ то же время надѣется вѣрно на возвращеніе его въ лоно матушки Россїи, по примѣру его» (Марковъ, назв. соч., 853—854).

1893. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 іюля (1862).

Orsett House.

Мнѣ ужасно досадно, что отъ вашей фермы переписка затруднена. Картина была послана въ субботу утромъ (вѣроятно, въ Rosemund): Въ понедѣльникъ утромъ письмо изъ Россіи, изъ Гейдельберга и «Nord», вечеромъ поздно пакетъ отъ Чернецкаго; вчера письмо и «Nord» и фунтъ табаку. Вѣроятно, есть контора Parcel-Del ¹⁾—справьтесь.

Ольга почти совсѣмъ стала на ноги, т.-е. сегодня первый разъ выходила въ садъ; блѣдна, какъ воскъ.

Вчера былъ Достоевскій ²⁾. Онъ наивный, несовсѣмъ ясный, но очень милый человѣкъ. Вѣрить съ энтузіазмомъ въ русскій народъ. ¹⁾

Теперь сплетни. Мартыновъ ³⁾, избранный судьей по дѣлу новой статьи Бакунина, сказалъ мнѣ, что статья, очень хороша, что ее напечатать слѣдуетъ, во-первыхъ, чтобъ защитить Бак. отъ нареканий, во-вторыхъ, — что онъ, наконецъ, имѣетъ право высказаться, какъ онъ хочетъ, безъ *посторонняго вліянія*. Предв. Бакунинъ ⁴⁾ меня извѣстилъ о семъ триумфѣ и, между прочимъ, запиской, написанной въ очень странномъ тонѣ, Говоря о какомъ-то полякѣ изъ Парижа, онъ добавляетъ: «высокомѣріе», съ которымъ я принимаю, и «презрѣніе» его рекомендаціей, лѣнь и пр. Я, дѣйствительно, не подаль ему повода на такой тонъ и потому отвѣчалъ ему просто, что, я думаю, тутъ ошибка; что мы вовсе не такъ близки, и что я никому и не навязываюсь. Все это было вчера, и онъ не былъ.

Пришелъ послѣдній «Современ.», — ничего нѣтъ, и «От. Зап.»—ихъ не смотрѣлъ.

Въ газетахъ ничего. Только француз. газеты говорятъ: Константинополь освободить Варшаву... Ceci tuera cela ⁵⁾... Макъ-Клелланъ ⁶⁾ разбитъ; теперь извѣстны всѣ подробности. Можетъ, придется мнѣ съѣздить самому за море-кѣанъ ⁷⁾.

¹⁾ Посыльныхъ.

²⁾ Федоръ Михайловичъ.

³⁾ Иванъ Михайловичъ, археологъ, эмигрантъ, вступившій въ орденъ іезуитовъ.

⁴⁾ Александръ Александровичъ.

⁵⁾ «Это уѣдетъ то» — знаменитая фраза Клода Фролло (изъ романа В. Гюго «Соборъ Парижской Богоматери»), которую онъ произнесъ, указывая одною рукой на печатную книгу, а другою—на соборъ.

⁶⁾ Джорджъ, главнокомандующій арміей американцевъ-сѣверянъ.

⁷⁾ Для выясненія вопроса о потеряхъ, которыя Герценъ могъ понести на американскихъ фондахъ.

Нефталъ сегодня не былъ. Я посылаю за рецептомъ, его не было дома. Какъ получу, пришло.

17 июля.

Разумѣется, ты правъ, но все, что ты написалъ, какъ оно ни грустно, а не ново. А развѣ я тебѣ не писалъ изъ Ventnor, что мы С. ¹⁾ научными требованіями мучили? Насчетъ Т. ²⁾ ты меньше правъ, — она не сложилась и имѣетъ много элементовъ для того, чтобы было во что сложиться. Для этого нужна *женщина*. Гдѣ она? Тутъ ни Natalie, ни Мейз. ничего не сдѣлаютъ. Natalie — потому что она вся обращена на личное; Мейз. — поражаетъ меня благородной смутностью и безтолковостью... Она идетъ до того, что С. и Т. видятъ это. Больно, досадно, но pas de remède. ³⁾ — вынести натурѣ хорошо... способствовать надобно.

Твое вліяніе сильно и кротко. Застѣнчивость, робость (въ этомъ отношеніи) — попушеніе, *laisser aller*. Я, дѣйствительно, не думалъ, чтобы ты былъ въ состояніи давать уроки, — захотѣлъ и даешь. Какой-нибудь часъ или два серьезнаго разговора *въ недѣлю* очень важно. Инициативы ты не разовьешь, но извѣстный діапазонъ благородства возможенъ, извѣстная серьезность. Жизнь наша дурно устроена; она вся рассчитана для насъ и устроена такъ, чтобы молодому поколѣнію доставалось, пицевареніе, усталъ, «вечеромъ не расположенъ» etc., etc... Да, можетъ, иначе и нельзя, можетъ, но тогда надобно аксептировать ⁴⁾, и безъ послѣдствій. Въ частной жизни я печально смотрю впередъ. Никого нѣтъ виноватаго, никого нѣтъ праваго... Мы, наиболѣе отвѣтственные, дадимъ другъ другу руку на помощь всѣмъ. Вотъ и все.

А тутъ, когда ты вообразишь разореніе (... ⁵⁾ разбитъ совершенно), то и не одинъ холодъ пройдетъ по жиламъ. Ты не знаешь, что такое разореніе — не для одного человѣка, который фанатизмомъ и энергіей себя поддерживаетъ, а для нѣсколькихъ разнохарактерныхъ элементовъ.

И прощай.

Думать нечего, чтобы я остановился на фермѣ — я остан. *просто въ cours* ⁶⁾.

¹⁾ Саша — сынъ.

²⁾ Тата — дочь.

³⁾ Нѣтъ никакого средства.

⁴⁾ *Accepter* — принять.

⁵⁾ Слово не разобрано.

⁶⁾ На постояломъ дворѣ.

◆ 1. Въ маѣ 1862 г. Достоевскій былъ уволенъ за границу для излѣченія болѣзни, по высоч. повелѣнiю, испрошенному III Отдѣленiемъ. Переписка по этому поводу утрачена во время пожара архива министерства внутр. дѣлъ въ 1862 г.

Министръ вн. дѣлъ 22 iюня запросилъ заключенiе шефа жандармовъ. 27 iюня послѣднiй увѣдомилъ, что государь на просьбу Достоевскаго выразилъ согласiе. Такимъ образомъ ясно, что О. М. поѣхалъ прежде всего въ Лондонъ. 13 iюня 1863 г. Спб. ген.-губернаторъ донесъ министру вн. дѣлъ, что проживающiй въ Спб. съ декабря 1859 г. отст. подпоручикъ Федоръ Достоевскiй, состоящiй подъ секретнымъ надзоромъ полицiи, обратился къ нему съ просьбою о выдачѣ ему заграничнаго паспорта на 6 мѣс. для поправленiя разстроеннаго здоровья. «При этомъ подпор. Достоевскiй объяснилъ, что положенiе его самое отчаянное и безвыходное. Припадки падучей болѣзни, которыми онъ страдаетъ съ давняго времени, никогда еще не повторялись такъ часто, какъ теперь, особенно въ послѣднiй мѣсяцъ. Съ каждымъ припадкомъ память его слабѣетъ до чрезвычайной степени: онъ не узнаетъ знакомыхъ, прочитанная книга, какого бы ни была содержанiя, чрезъ нѣсколько дней забывается имъ совершенно; кромѣ того, послѣ cadaго припадка чувствуетъ невыносимую тоску, которая можетъ довести его до сумасшествiя или до отчаянiя. Вслѣдствiе этого Достоевскiй рѣшается отправиться за границу, чтобы воспользоваться совѣтами извѣстнѣйшихъ европейскихъ специалистовъ, занимающихся преимущественно падучею болѣзнию, а именно проф. Труссо и докторовъ Герпена и Ромберга, и въ случаѣ надобности пользоваться у нихъ въ продолженiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ». Спб. физикатъ призналъ выданное О. М. удостовѣренiе врачей Бессера, Барча и Розенберга заслуживающимъ уваженiя.

Изъ справки видно, что, по всеподд. докладу шефа жандармовъ, Достоевскiй въ 1859 г. получилъ разрѣшенiе жить въ столицѣ съ учрежденiемъ за нимъ секретнаго надзора. 14 мая 1864 г. онъ снова просилъ Спб. генераль-губернатора о выдачѣ заграничнаго паспорта для лѣченiя отъ падучей; III Отдѣленiе не препятствовало; Валуевъ на этотъ разъ самъ доложилъ государю и 4 iюня получилъ согласiе. 12 апрѣля 1866 г.—опять такое же ходатайство; 13 мая государь разрѣшилъ. 7 апрѣля 1867 г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что государь разрѣшилъ вновь выдать заграничный паспортъ для отъѣзда Достоевскаго на лѣченiе. Въ ноябрѣ 1867 г. III Отдѣленiе получило свѣдѣнiя, что «въ числѣ экзальтированныхъ русскихъ, находящихся въ Женевѣ», агентъ называетъ Достоевскаго, «который очень друженъ съ Огаревымъ». Гр. Шува-

ловъ написалъ: «что побудило III Отдѣленіе дать согласіе на выѣздъ Достоевскаго?», а затѣмъ: «послѣ полученныхъ свѣдѣній слѣдуетъ наблюсти за его возвращеніемъ». Немедленно было предписано пограничнымъ жандармамъ «произвести у Достоевскаго самый тщательный осмотръ и, если что окажется предосудительное, то такое немедленно представить въ III Отд., препроводивъ въ такомъ случаѣ и самого Достоевскаго арестованнымъ въ это Отдѣленіе» (Архивы III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1867 г., дѣло № 154 и мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи 1863 г., отд. II, столъ 2, № 1025).

Достоевскій самъ указалъ на свое посѣщеніе Герцена въ «Дневникѣ писателя», но такъ кратко и отрывочно, что и цѣль и содержаніе ихъ бесѣды остаются неясными. Въ первомъ «Дневникѣ» Достоевскій рассказалъ то, что уже приведено мною въ комментаріяхъ къ «Съ того берега». Во второмъ онъ попробовалъ охарактеризовать его вообще: «Герценъ былъ продуктъ нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde ¹⁾ прежде всего, — типъ, явившійся только въ Россіи и который нигдѣ, кромѣ Россіи, не могъ явиться. Герценъ не эмигрировалъ, не полагалъ начало русской эмиграціи, — нѣтъ, онъ такъ ужъ и родился эмигрантомъ... Герцену, какъ будто, сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія. Въ этомъ смыслѣ его типъ исторической... Разумѣется, Герценъ долженъ былъ стать социалистомъ и именно, какъ русскій баричъ, т. е. безъ всякой нужды и цѣли, а изъ одного только «логическаго теченія идей» и отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества; отрицалъ семейство(?) и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность(?), а въ ожиданіи успѣлъ устроить дѣла свои и съ удовольствіемъ ощущалъ за границей свою безпечность. Онъ заводилъ революціи(?) и подстрекалъ къ нимъ другихъ(?) и въ то же время любилъ комфортъ и семейный покой. Это былъ художникъ, мыслитель, блестящій писатель, чрезвычайно начитанный человѣкъ, остроумецъ, удивительный собесѣдникъ (говорилъ онъ даже лучше, чѣмъ писалъ) и великолѣпный рефлектёръ. Рефлексія, способность сдѣлать изъ самаго глубокаго своего чувства объектъ, поставить его, передъ собою, поклониться ему и сейчасъ же, пожалуй, и посмѣяться надъ нимъ, была въ немъ развита въ высшей степени. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ необыкновенный; но чѣмъ бы онъ ни былъ — писалъ ли свои «Записки», издавалъ ли журналъ съ «Труднонмъ», выходилъ ли въ Парижѣ на баррикады (что такъ ко-

¹⁾ Русскій баринъ и гражданинъ міра.

мически описалъ въ своихъ «Запискахъ»); страдалъ ли, радовался ли, сомнѣвался ли, посылалъ ли въ Россію, въ шестьдесятъ третьемъ году, въ угоду полякамъ свое воззваніе къ русскимъ революціонерамъ, въ то же время не вѣря полякамъ (?) и зная, что они его обманули (?), зная, что своимъ воззваніемъ онъ губить сотни этихъ несчастныхъ молодыхъ людей (?); съ наивною ли неслыханною признавался въ этомъ самъ въ одной изъ позднѣйшихъ статей своихъ, даже и не подозрѣвая, въ какомъ свѣтѣ самъ себя выставляетъ такимъ признаніемъ, — всегда, вездѣ и во всю свою жизнь онъ прежде всего былъ *gentilhomme fusse et citoyen du monde*, по-просту — продуктъ прежняго крѣпостничества, которое онъ ненавидѣлъ и изъ котораго пришель не по отцу только, а именно чрезъ разрывъ съ родной землей и съ ея идеалами.

Если нужно искать доказательствъ малой проницательности Достоевскаго въ оцѣнкѣ чуждыхъ ему по духу людей, то приведенная характеристика должна быть причислена именно къ такимъ доказательствамъ; не говорю уже о тѣхъ многихъ фактическихъ ошибкахъ, наличность которыхъ. станетъ ясна для всѣхъ, прочитавшихъ настоящее «собраніе».

Къ сказанному самимъ Достоевскимъ необходимо прибавить нѣсколько словъ, написанныхъ его біографомъ Н. Н. Страховымъ:

«Онъ поѣхалъ въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, гдѣ видѣлся съ Герценомъ, какъ самъ о томъ упоминаетъ въ «Дневникѣ» «Гражданина». Къ Герцену онъ тогда относился очень мягко, и его «Зимнія замѣтки» отзываются нѣсколько вліяніемъ этого писателя; но потомъ, въ послѣдніе годы часто выражалъ на него негодованіе за неспособность понимать русскій народъ и неумѣніе цѣнить черты его быта. Гордость просвѣщеніемъ, брезгливое пренебреженіе къ простымъ и добродушнымъ нравамъ, — эти черты Герцена возмущали Э. М., осуждавшаго ихъ даже и въ самомъ Грибоѣдовѣ, а не только въ нашихъ революціонерахъ и мелкихъ обличителейхъ» («Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Э. М. Достоевскаго», 240).

1894. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 іюля (1862).

Пишу нѣсколько строкъ. Въ понедѣльникъ ѣду. Скажи Лизѣ, что я ей везу такой гостинецъ, такой гостинецъ, сверхъ стола и стульевъ, что она такъ и ахнетъ.

Ну отгадайте...

Ну, Тата...

Ну, Ага...

Кто отгадал?

Посылаю «Таймсъ»—*finis memento* ¹⁾. Посылаю въ «Таймсъ» «Вѣче» съ замѣтками Мартьянова и письмо (и отвѣтъ Кельсиева. Сора кипить... Михалархагель ²⁾) потѣтъ, Альбертини сконфужень... Въ «Спб. Вѣд.» говорятъ обо мнѣ и о Кельсиевѣ. У меня былъ воръ, обокравшій казначейство, какъ товарищъ по службѣ. Я его принялъ, какъ Панинъ—Тома Пуса ³⁾.

Ольга вчера весь день пролежала съ сиднѣйшей головной болью.

1895. Письмо къ сыну.

25 июля (1862).

Cowes (Isle of Wight).

Пишу къ тебѣ, любезный Саша, изъ Cowes, чтобы сказать, что послѣднее письмо твое я получилъ еще въ Лондонѣ, а потомъ поѣхалъ провожать Natalie и Лизу въ Вайтъ. Natalie хотѣла ѣхать для здоровья, да и что-то послѣднее время не клеилось съ Ольгой. Мы выдумали попробовать снова Мейзенб. (то-есть она будетъ ходить всякій день); потомъ, думаю, что и дѣти поѣдутъ къ морю. Теперь ѣзда въ Рейдъ и Cowes по экспрессу—7 шилл.

Получилъ ли ты мое письмо, въ которомъ я тебѣ писалъ, между прочимъ, о типографіи? Странно мнѣ, что ты такъ разсѣянно отвѣчаешь, что нельзя понять.

Если нечего взять для Мар. Касп., возьми игрушку, а я потомъ съ тобою пришло. Я жду тебя здѣсь, т.-е. въ Лондонѣ, къ 25.

Прощай.

1896. Письмо къ Н. П. Огареву и сыну.

30 июля (1862).

Furzebush, Cowes.

Огаревъ, прошу тебя тотчасъ послѣ полученія письма (хотя бы въ рабочее время) поговорить съ М. Meusenb. Она мнѣ написала глупое, грубое и ничѣмъ не вызванное съ моей стороны письмо.

¹⁾ Помни конецъ, т.-е. посмотри въ конецъ многолистнаго нумера, гдѣ были сдѣланы вложенія.

²⁾ Бакунинъ.

³⁾ Карликъ, см. стр. 345 т. VIII.

Она разсердилась за то, что я не тотчасъ посылаю Тату къ Галлэ. Скажи же ей, что, *вѣдь, онъ вовсе еще не согласенъ* давать уроки. Съ чего она выдумала, что я къ нему писалъ (ей богу, все это идетъ отъ утеруса ¹⁾), да и я утрусь, чортъ съ нимъ). Она грозитъ, что уѣдетъ въ пятницу и никогда не воротится въ домъ (я этого здѣсь не говорилъ), требуетъ, чтобы я пріѣхалъ въ четвергъ, говорить, что я ее компрометировалъ передъ Галлэ. Ты ей скажи умно, что это глупо. Я упрашивать не стану.

Что за бессмысленныя письма вы прислали Ануфріева? Для этого надобно плетъ.

Въ другомъ письмѣ, при которомъ 20 лив., написано: «передайте письмо (оно у меня) Кельсіеву да посоветуйте ему быть меньше болтливымъ».

Прощай.

Голицынскій концертъ въ Парижѣ возвѣщенъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

Саша, я не пишу тебѣ особо. Учитесь у Мошелеса, учитесь у него три раза. Я, дѣйствительно, взбѣщенъ письмомъ Мейз. и всѣми остальными. Въ пятницу буду.

Прощай.

1897. Арнгольдтъ, Сливицкій и Ростковскій.

Какъ незамѣтно пролилась кровь трехъ русскихъ мучениковъ въ Польшѣ... «Инвалидъ» помѣстилъ каннибальскій приговоръ, иностранные журналы пролепетали, не безъ ошибокъ, ихъ имена—и все прошло! Неужели такъ легко скатывается съ императорской мантии и крестьянская и офицерская кровь? Николаю тридцать лѣтъ не могли простить пять висѣлицъ... а, вѣдь, имъ предшествовалъ громадный заговоръ, возмущеніе на площади, поднятіе оружія... а здѣсь гдѣ необходимость пролитой крови? гдѣ извиненіе убійства?.. Нельзя же ссылаться, въ самомъ дѣлѣ, то на барскій задоръ Апраксина, то на военное звѣрство Лидерса?

Убить трехъ человекъ за то, что они читали «Великоруссъ» и «Историческій сборникъ» и *что то* говорили о священной особѣ государя! Это напоминаетъ гнуснѣйшія времена религиозныхъ и политическихъ гоненій. А *его* еще называютъ добродушнымъ, мягкосердымъ!

¹⁾ Uterus—матка.

Или трехъ несчастныхъ, въ самомъ дѣлѣ, пожертвовали Хрулеву? И Хрулевъ это допустилъ, и государь допустилъ? Мы даже не повѣрили бы этому, если-бъ не было официальныхъ опроверженій.

Можетъ, что-нибудь скрыто подъ фразой, «возбуждать къ возстанію»? Развѣ, правительство думаетъ, что для публики *пріятнѣе* знать, что оно купается въ крови безъ достаточной причины?

А само не можетъ въ себя прийти отъ «Молодой Россіи» и, разстрѣливая съ какой-то наглостью и свирѣпостью, не можетъ надивиться, что подстрѣлили Лидерса, подписавшаго приговоръ!

Какъ Константинъ Николаевичъ не предупредилъ казни? Своя кровь скользка!

16 іюня 1862 г. совершилось великое преступленіе... Черный день этотъ будетъ памятенъ и вамъ, поляки, за которыхъ умерли три русскихъ мученика, и ихъ товарищамъ, которымъ они завѣщали великій примѣръ, и намъ всѣмъ, которымъ они указали не только, какъ это правительство, набѣлненное прогрессомъ, легко убиваетъ, но какъ проснушіеся къ сознанію офицеры наши геройски умираютъ! ¹

◆◆ 1. 2 августа командующій войсками въ Ц. Польскомъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что въ варшавскомъ гарнизонѣ распространена прокламація «Духовное завѣщаніе поручиковъ Арнольда и Сливицкаго, унтеръ-офицера Ростковскаго и рядоваго Щура». Разумѣется, поднята была тревога и приняты бюрократическія мѣры канцелярской переписки (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230 ч. 152) ¹. Текстъ до сихъ поръ неизвѣстной прокламаціи привожу буквально:

Духовное завѣщаніе

Поручиковъ *Арнольда и Сливицкаго*, Унтеръ-Офицера *Ростковскаго* и Рядоваго *Щура*, погибшихъ мученическою смертью 16-го іюня 1862 года въ крѣпости Новогеоргіевскѣ.

Солдаты! Готовясь къ позорной смерти посылаемъ вамъ наше послѣднее слово, нашъ предсмертный завѣтъ.—Умираемъ безвинно: знаете *вы* всё это, знаютъ также палачи наши—царь и его генералы. Намъ боялись разстрѣлять въ Варшавѣ, зная, что *вы* въ насъ стрѣлять не станете, что вы не пойдете противъ правды и совѣсти, Намъ боялись казнить передъ всѣми и рѣшились убить втихомолку;—это служить лучшимъ доказательствомъ невинности

¹) Вниманію изслѣдователей исторіи революц. движенія въ арміи—стр 39—53 ч. IV «Воспоминаній» Теобальда (В. А. фонъ-Роткирхъ): о дѣлѣ Арнольда много интереснаго.

нашей! Да, мы погибаемъ безвинно, погибаемъ за то, что старались вразумить *васъ*, что *вы* люди, за то, что старались показать *вамъ* всю безотрадность участи вашей! Мы погибаемъ за неподкупную преданность, за христіанскую любовь къ *вамъ* угнетеннымъ и несчастнымъ нашимъ братьямъ.

Мы погибаемъ, но не погибла для *васъ* надежда лучшей доли.— Есть еще между *вами* много товагищей нашихъ, трудящихся втихомолку для *вашею* блага: Это *ваши* молодые офицеры. Общее несчастье соединяетъ *васъ* съ ними.

У насъ нѣтъ закона, и всѣ ровно страдаютъ отъ произвола начальниковъ; Солдата убиваютъ подъ палками, Богъ знаетъ за что, офицера выгоняютъ изъ службы и дѣлаютъ нищимъ. Оттого-то офицеры *ваши* любятъ *васъ* искренно, ваша участь — ихъ участь. Они хотятъ, чтобы *васъ* не обкрадывали, не били и не мучили, а обходились съ вами какъ защитниками отечества.

Они хотятъ уменьшенія срока службы и достаточнаго для *васъ* содержанія на службѣ. Они хотятъ, чтобы васъ не таскали за нѣсколько тысячъ верстъ отъ дому, а чтобы *вы* служили на родинѣ, чтобы *вы* защищали родную землю, а не проливали кровь ради прихоти царской.

Они хотятъ, чтобы вы были дѣйствительно христіанскими воинствомъ, а не шайкой разбойниковъ, проливающихъ кровь невинныхъ.—

Они хотятъ наконецъ, свободы и земли для отцовъ, братьевъ и дѣтей вашихъ. Да, они хотятъ всего этого, но не хотятъ вашъ царь, не хотятъ великіе князья, не хотятъ ваши генералы, не хотятъ всѣ тѣ, которые живутъ въ золоченыхъ чертогахъ на деньги, выработанныя въ кровавомъ поту отцами и братьями вашими; не хотятъ всѣ глотающіе тысячныя блюда, тогда какъ *вы* хлебаете грязную водицу. Они не хотятъ улучшенія участи вашей потому, что съ вашей бѣдности, недостатка, съ вашей горести — ихъ веселье. Но ихъ сотни, а *васъ* тысячи; поймите это, соединитесь дружно и злодѣевъ не станетъ.

Не бойтесь истребить ихъ: кровь ихъ облагородитъ, а не опозоритъ васъ.

Соединитесь съ вѣрою — съ вашими офицерами: Они поведутъ васъ на утеснителей, они доставятъ вамъ свободу и благодѣйствіе. Пусть кровь наша готовая пролиться, скрѣпитъ вашъ союзъ съ нами — тогда мученичество наше не пропадетъ даромъ.

Умираемъ съ этой мыслью не жалѣя; благословляемъ *васъ* на святой подвигъ во Имя *Отца и Сына и Святаго Духа*. Аминь.

По свидѣтельству М. Ашенбреннера, «небольшая группа молодыхъ офицеровъ бригады, расположенной въ Варшавѣ, сблизилась съ извѣстными польскими революціонными дѣятелями офицерами Сѣраковскимъ, Домбровскимъ, который былъ впоследствии главнокомандующимъ войскъ парижской коммуны, и Потемней. На своихъ совѣщаніяхъ они пришли къ признанію необходимости и практической осуществимости организациі военной силы для борьбы съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ Россіи. Истинными учредителями первой организациі или, какъ они выражались, ядра или кадровъ русской революціонной арміи, были русскіе офицеры Арчгольдтъ, Сливицкій 2-й и Каплинскій. Были ли Домбровскій и Сѣраковскій вдохновителями русскихъ офицеровъ, я не знаю» («Былое» 1907, IV, 17). Надо поправить — Ярославъ Домбровскій былъ генераломъ парижской коммуны, убитъ 27 мая 1871 г.; Потемня былъ русскимъ офицеромъ. Первый разъ онъ былъ у Герцена въ концѣ іюня или началѣ іюля съ письмомъ отъ имени революціоннаго офицерскаго комитета войскъ, стоявшихъ въ Ц. Польскомъ. Тогда его видѣлъ Кельсіевъ, помянувшій объ этомъ въ своей «Исповѣди».

До того, 7 іюня Потемня писалъ Герцену изъ Варшавы: «М. Г., въ своемъ воззваніи къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ въ 54 г. вы писали: «мы скажемъ вамъ, что дѣлать, когда придетъ часъ»; по нашему крайнему убѣжденію, этотъ часъ пришелъ; что можно было сдѣлать, сдѣлано; если вы имѣете вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, вы должны знать также и духъ войска въ Польшѣ; мы настолько сблизились съ патріотами польскими, что, во всякомъ случаѣ, примемъ *прямое* участіе въ близкомъ возстаніи Польши; но мы настолько привыкли уважать ваше имя, что хотѣли бы прежде знать ваше мнѣніе по этому вопросу. Я уже писалъ вамъ разъ, по порученію своихъ товарищей; тогда я еще не зналъ, что пропаганда будетъ такъ легка и такъ успѣшна; теперь войско, квартирующее въ Варшавѣ, стоитъ на такой ногѣ, что готово драться съ своими, если-бъ они вздумали итти противъ поляковъ. На свое письмо я не получилъ никакого отвѣта; можетъ быть, оно не дошло до васъ; можетъ быть, вы не нашли нужнымъ отвѣчать на письмо, правда, нѣсколько дикое. Во всякомъ случаѣ, отъ имени многихъ офицеровъ обращаюсь еще разъ къ вамъ съ просьбою увѣдомить насъ о вашемъ мнѣніи о положеніи нашемъ въ Польшѣ» («Колоколь» л. 162).

Потемня принималъ дѣятельное участіе въ составленіи адреса на имя Константина Николаевича, составилъ комитетъ русскихъ офицеровъ и соединилъ его съ обществомъ «Земля и Воля». Въ

ноябрь 1862 г. онъ былъ вторично въ Лондонѣ, а 5 декабря писалъ изъ Варшавы Герцену: «Я только-что возвратился... Я не могу вамъ писать теперь подробно о результатѣ этой поѣздки, но, вообще, онъ оказался лучшимъ, нежели мы могли предполагать. Событія приближаются, работы слишкомъ много у каждого, у меня въ особенности; а, между тѣмъ, мое положеніе со дня на день становится труднѣе; за мной просто охотятся, и не знаю, долго ли можно будетъ скрываться отъ нихъ» (тамъ же). Съ началомъ возстанія онъ собралъ отрядъ. Положеніе было очень труднымъ. Онъ снова побывалъ въ Лондонѣ, давши слово сохранить комитетъ русскихъ офицеровъ и его связь съ «Землей и Волей». Потомъ онъ присоединился съ своимъ отрядомъ къ отряду Лангевича, а въ апрѣлѣ былъ убитъ.

«Я видѣлъ его только одинъ разъ—пишетъ Кельсіевъ. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, когда я сидѣлъ у Бакунина, и слышалъ его рассказы о происходящемъ въ Польшѣ. Онъ говорилъ, что положеніе русскаго комитета въ крайней степени затруднительно, потому что онъ почти не въ силахъ удержать возстанія нашихъ войскъ. Недовольство правительствомъ, говорилъ онъ, превосходить всякое вѣроятіе. Солдату совѣсть запрещаетъ разгонять толпы, идущія за духовенствомъ, съ крестами, со свѣчами, съ пѣніемъ молитвъ. Начальство держитъ его всегда наготовѣ; это его раздражаетъ и заставляетъ желать, чтобъ поляковъ не вынуждали къ демонстраціямъ; а неумѣренные и неосторожные офицеры внушаютъ ему, что, не будь начальства, не будь у правительства прихоти насиліемъ держать въ подданствѣ поляковъ, и солдатамъ было бы легче и наборовъ было бы у насъ меньше. Да и многіе тогда говорили,—не полякамъ нужно отъ насъ освободиться, а намъ отвязаться отъ нихъ... Рассказы Потемни окончательно убѣдили Герцена и насъ всѣхъ, что дѣло идетъ положительно не на шутку: это окончательно рѣшило вопросъ о предводительствѣ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ и съ Русскимъ, получилъ отъ нихъ извѣстные адреса, возбудившіе такую полемику, и сталъ организовывать общество подъ названіемъ «Земля и Воля», какъ окрестилъ его Огаревъ. Что это было за общество, гдѣ оно было и насколько имѣло вліянія, я ничего не умѣю сказать, хотъ и былъ его агентомъ въ Царьградѣ, былъ уполномоченъ собирать на него вклады, на что у меня и квитанціи даже были, очень красиво отпечатанныя, распространялъ его прокламаціи, и, вообще, считалъ себя обязаннымъ ему повиновеніемъ. Оно сорганизовалось по моему отъѣздѣ, и всѣ мои сношенія съ нимъ ограничились перепискою съ Герценомъ и Огаревымъ».

Почти одновременно былъ и представитель поляковъ, о которомъ узнаемъ изъ писемъ Бакунина отъ 16 и 17 июля:

«Любезный Герценъ, сегодня я ни обѣдать, ни вечеромъ не прїѣду. А прїѣхалъ сюда полякъ съ прилагаемымъ письмомъ отъ Высоцкаго. Онъ прїѣхалъ также сюда и отъ Гарибальди, съ которымъ видѣлся въ Palermo. Самъ же онъ—гвардейскій артиллерійскій офицеръ, воспитывавшійся въ академіи, товарищъ и пріятель Лугинина и только-что теперь получившій изъ Петербурга, куда онъ ѣхать не хочетъ, приказаніе немедленно воротиться. Что онъ говоритъ о Польшѣ и Варшавѣ, очень интересно. Онъ желаетъ непременно тебя видѣть и самъ по себѣ и по порученію Высоцкаго, и, несмотря на твое высококомѣрное, систематическое, въ лѣнивую привычку у тебя обратившееся презрѣніе къ моимъ рекомендаціямъ, считаю, однако, на сей разъ обязанностью побѣдить свое отвращеніе и рекомендовать тебѣ сего молодого человѣка, какъ такого, съ которымъ, по моему мнѣнію, ты непременно долженъ видѣться. Завтра онъ будетъ у меня въ два часа, и мы вмѣстѣ будемъ у Mazzini, а послѣ того, до поздней ночи, когда вы назначите, къ вашимъ услугамъ.... Письмо Высоцкаго пришли назадъ».

«Виноватъ, Герценъ. Прошу тебя—не сердись. По врожденной неловкости, съ языка сорвалось жесткое слово, когда въ сердцѣ не было жесткаго чувства. А что, если бы тебѣ пришлось получить всѣ записки, которыя ты мнѣ написалъ? Вѣдь, ты бы давно услалъ меня не въ Парижъ, а въ Калькутту. Но не стану шутить. Ты долженъ знать, Герценъ, что уваженію моему къ тебѣ нѣтъ мѣры, и что я искренно люблю тебя. Прибавлю еще, что безъ задняго чувства, но съ полною радостью я тебя ставлю во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше себя, по способностямъ и знанію, и что для меня твое мнѣніе во всякомъ дѣлѣ очень важно. Послѣ этого зачѣмъ мнѣ уѣзжать въ ссылку въ Парижъ, хоть бы и существовала между нами второстепенная случайная рознь. Я въ самомъ дѣлѣ иногда упрекаю тебя въ томъ, что для тебя литературное дѣло чуть ли не важнѣе практическаго и литераторъ милѣе простыхъ дѣятелей. Высоцкій—не великій, но честный человѣкъ, пользующійся теперь, кажется, изъ всѣхъ эмигрантовъ исключительнымъ довѣріемъ края. Молодой человѣкъ, имъ присланный,—умный и симпатичный, даже и тебѣ понравится, тѣмъ болѣе, что говорить по-русски, какъ мы, и, служа между русскими, выучился думать по-русски. И потому прошу тебя, прими насъ благосклонно. А будемъ мы у тебя отъ Mazzini, между 4^{1/2} и 5^{1/2} часами» («Письма», 81—83).

Вернусь къ «Исповѣди» Кельсиева, чтобы привести его очень интересное и важное свидѣтельство о бесѣдѣ принца Наполеона съ нашими лондонскими эмигрантами:

«Установившаяся такимъ образомъ связь наша съ поляками, которую они покупали за весьма тяжелыя для нихъ уступки ¹⁾, обратила вниманіе и прочихъ благопріятелей Россіи. По случаю всемірной выставки пріѣхала въ Лондонъ та особа, которую я называлъ высочайше учрежденной комиссіи (имя принца Наполеона записано въ ея протоколѣ—*М. Л.*), но имя которой считаю лишнимъ передавать бумагъ (*literae trahunt* ²⁾), изъявила желаніе видѣться съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ ³⁾. Устроился завтракъ, на которой были приглашены и польскія знаменитости; за завтракомъ много толковалось о прогрессѣ, о священныхъ принципахъ 89-го года, о мученичествѣ поляковъ, о свободѣ и, словомъ, обо всемъ, какъ слѣдуетъ. Затѣмъ было ясно выражено, которое, именно, правительство держитъ сторону прогресса, содѣйствуетъ ему всѣми зависящими средствами и готово помогать дѣлу цивилизаціи восточной Европы, даже при помощи своихъ консуловъ, которымъ будетъ *предписано* передавать наши прокламаціи кому мы укажемъ, а посылать ихъ, равно какъ и всю нашу корреспонденцію, мы можемъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Герценъ благодарилъ за обязательность; Огаревъ, по обыкновенію, молчалъ и конфузился; Бакунинъ ораторствовалъ и развивалъ какія-то экономическія и революціонныя теоріи.

«Ну, что-жъ вы сдѣлаете съ этимъ предложеніемъ?—спросилъ я Герцена вечеромъ того дня.

«Ничего не сдѣлаю. Поблагодарилъ и довольно,—нельзя же мѣшать въ нашу домашнюю распрю съ правительствомъ иностранцевъ...

«Само собой разумѣется, — отвѣчалъ я, — свои собаки грызутся, чужая—не мѣшайся. Дать возможность чужимъ запускать лапы въ наши дѣла, это значитъ готовить себѣ участь всякихъ индѣйцевъ и турокъ».

«Замѣчу, кстати,—мы никогда и ни въ чемъ не прибѣгали къ помощи иностранныхъ правительствъ; это дѣлалось, не скажу, чтобы не по расчету, а какъ-то инстинктивно. Насъ отталкивала

¹⁾ Адресъ Центрального Комитета Герцену и полемика по этому адресу. *В. К.*

²⁾ Латинская поговорка, означаетъ приблизительно: письмо—ненадежный повѣренный.

³⁾ И съ княземъ Долгорукимъ, если память мнѣ не измѣняетъ. *В. К.*

отъ нихъ та pruderie ¹⁾, которая заставляетъ частнаго человѣка молчать о своихъ семейныхъ дрязгахъ и не позволяетъ ему допускать постороннихъ мѣшаться въ домашнія ссоры. Бени какъ-то устроилъ, что «Колоколь» можно было пересылать ему черезъ англійское посольство въ Петербургъ,—мы не посылали. Если мы съ поляками входили въ сношенія, то только потому, что принадлежали къ одному государству съ ними и искренно желали сбыть съ рукъ это несчастное Царство Польское, стоившее намъ бездну крови, денегъ, непріятностей и вѣчно вводившее насъ въ столкновение съ Западомъ».

Завтракъ съ принцемъ Наполеономъ происходилъ въ самомъ концѣ іюня или въ самыхъ первыхъ числахъ іюля, когда онъ былъ въ Лондонѣ.

Приведу еще неизвѣстную донинѣ прокламацію, распространенную въ августѣ 1862 г. по Ц. Польскому, С.-З. и Ю.-З. краямъ:

Къ русскимъ войскамъ.

Храбрѣйшіе воины! пора вамъ уже вѣрить въ эту святую истину, что вы, какъ сыны отечества, должны служить отечеству—народу, но не этому грязному правительству, которое довело васъ до этой гнусной низости, что вы ни къ чему другому лучшему не способны, какъ только стрѣлять по толпамъ безъ защитнаго народа, въ числѣ котораго можетъ быть, находились ваши отцы, братья или родные, требующаго возврата отнятой собственной земли и закрепошенной воли—Тиранить и убивать въ церквахъ польскій народъ, проклинающихъ тѣхъ нѣмецкихъ варваровъ за ихъ тиранства—колоть и убивать лучшихъ юношей отечества (студентовъ) за то, что они требуютъ свободы обученія и предоставленія средствъ бѣднымъ учиться—Разстрѣливать лучшихъ мужей отечества, посвятившихся на освобожденіе угнетенной Россіи и народа. Словомъ васъ сдѣлали палачами, а народъ русскій грабѣжами чиновниковъ и откупщиковъ ввергло въ крайнюю бѣдность и нищету. Знайтѣ то, что настоящей порядокъ въ Россіи никакъ долѣе продолжаться не можетъ, что этимъ-то чужно-нѣмцамъ, скоро скоро предстоитъ широкой путь отправиться восвояси; а вамъ придется возвратиться на родину къ народу, которому вы были палачами. Теперь воины! пора вамъ дружно соединиться съ роднымъ народомъ, и вмѣстѣ грянуть на это грязное правительство, прогнать царствующихъ нынѣ въ Россіи нѣмцевъ варваровъ и, тѣмъ положить конецъ бѣдствію и рабству отечества. А затѣмъ

¹⁾ Неприступность.

подать руку помощи другимъ нашимъ братьямъ славянамъ, бѣдствующимъ, подъ гнетомъ нѣмцовъ и турковъ.

Изъ Великорусса.

Москва 1 августа 1862 г.

Что означаетъ указаніе: «Изъ Великорусса», трудно сказать.

1898. Министерская поправка.

Поправка, помѣщенная въ неофициальномъ отдѣлѣ въ № 138 «Сѣверной Почты» (стр. 551, столб. 4) относительно журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово» и газеты «День», оказалась неточною: два первые журнала не запрещены, а временно приостановлены, и притомъ не по высочайшему повелѣнію, а по взаимному соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія; газета «День» не подверглась запрещенію, а только бывший ея издатель, надворный совѣтникъ Аксаковъ, лишень права на изданіе газеты. Объ этой неточности съ упомянутой поправкѣ сообщается здѣсь по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ («Сѣв. Пчела»).

Такъ что, если «День» захочетъ, то онъ можетъ выходить безъ редактора, или министръ ему дастъ своего Павлова. Валуевъ рѣшительно филологъ и пуристъ; если-бы у насъ, вмѣсто разстрѣливанія, употреблялась гильотина, онъ утѣшалъ бы родныхъ казненнаго, говоря, что такому-то не отрубили голову, а, по соглашенію съ управляющимъ министерствомъ просвѣщенія, только отрубили туловище отъ головы.

1899. [Отъ редакціи].

Редакція «Колокола» была бы очень благодарна, если бы кто-нибудь былъ такъ добръ и прислалъ тѣ №№ «Нашего Времени», въ которыхъ Н. Ф. Павловъ громилъ «Молодую Россію» и насъ, русскихъ стариковъ; не подписываться же намъ на такой журналъ! ¹⁾

Вообще журналы, спущенные на насъ распоряженіемъ высшаго начальства, насъ очень одолжили бы, присылая свои статьи.

Какія мѣры въ Лондонѣ ни берутъ, всѣ журналы (кромѣ «Спб. Вѣдомостей», «Сѣверной Пчелы» и «Московскихъ Вѣдомостей») опаздываютъ мѣсяцами, въ томъ числѣ «Искра» и «Современная Лѣтопись».

1900. (Извѣщеніе).

Редакція извѣщаетъ о полученіи векселя въ 25 фунт., съ особымъ назначеніемъ.

¹⁾ № 113 отъ 30 мая, передовая статья.

1901. Письмо къ В. В. Стасову.

9 августа (1862).

Orsett House, Westbourne terrace.

Наши польскіе корреспонденты прислали намъ листъ именъ, означенныхъ на границѣ, которыхъ по возвращеніи будутъ задерживать. Листъ начинается *ваши.мв и.мене.мв*—и кого-кого тамъ нѣтъ: Рубинштейнъ и Жемчужниковъ. «Листъ этотъ поляки уже посылали въ «Czas», я его напечатаю въ «Колок», въ «Opinion Nationale» и въ «Daily News».

Воскресенья и среды надобно пріостановить; пріѣзжайте сегодня или во вторникъ вечеромъ, но не завтра. Шпіонство усилилось до нагяости.

Весь вашъ *Ал. Герценъ*.

1902. Отъ издателей.

Помѣщая въ нынѣшнемъ листѣ «Колокола» приглашеніе г. Блюммера, которое поддерживаемъ всѣми силами ¹⁾, мы скажемъ нѣсколько словъ о нашемъ сборѣ денегъ на общее дѣло. Мая 15, въ 133 листѣ мы объявили, что въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы готовы учредить при редакціи «Колокола» сборъ денегъ. До 15 августа нами получено около *тысячи франковъ* ²⁾.

Сумма до такой степени мала, что ея даже недостаточно для пособія русскимъ эмигрантамъ, число которыхъ возрастаетъ, благодаря безумному террору, царящему въ Петербургѣ.

Существованіе заграничной кассы для общаго дѣла необходимо; мы молчали объ ней до вызова и дѣлали, что могли, на свои средства. Просьба, повторяемая съ разныхъ сторонъ, заставила насъ заявить нашу готовность. Къ чему же это привело? Мы просимъ нашихъ друзей въ Россіи серьезно подумать объ этомъ.

1903. [Къ слѣдствію о пожарахъ].

¿ Отчего правительство притаилось съ слѣдствіемъ о зажигательствѣ? Отчего оно не объявляетъ имена тѣхъ политическихъ фанатиковъ, социалистовъ, коммунистовъ, которые жгли С.-Петербургъ?

¹⁾ Оно не напечатано ни въ томъ, ни въ слѣдующихъ листахъ.

²⁾ И въ то же время мы получили съ особымъ назначеніемъ для студентовъ и пр. до 6000 франковъ. *А. И. Г.*

Не была ли это такая же гнусная продѣлка, какъ натравливаніе обмаиутаго народа на студентовъ? ¹

◆ 1. Слѣдствіе ничего пріятнаго реакціи не открыло, несмотря на всѣ натягиванія полиціей и др. разнообразныхъ показаній. Подъ сурдинкой III Отдѣленіе распространяло басню объ участіи въ организации пожаровъ Чернышевскаго и даже задолго до того изъятаго изъ жизни Михайлова, о чемъ, напр., со словъ Потапова, говоритъ К. Головинъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ», I, стр. 106.

Кстати приведу здѣсь конфиденціальную записку пресловутаго проф. М. И. Касторскаго «Смыслъ и значеніе статей, запрещенныхъ цензурою въ 1862 г. (Литературныя партіи)», датированную 7 декабря 1862 г. и составленную, очевидно, по чистымъ листамъ еще невыпущеннаго въ свѣтъ «Сборника недозволенныхъ статей». Изъ нея мы, наконецъ, можемъ узнать, что тогдашняя власть понимала подъ словомъ «коммунизмъ», которое она такъ часто употребляла въ разнаго рода документахъ.

«Въ настоящемъ году коммунизмъ считаетъ менѣе приверженцевъ, нежели даже сепаратизмъ. Причина та, что правительство, вынужденное ближе познакомиться съ этою истинно-революціонною школою, успѣло прекратить ея распространеніе, Публика отрезвилась. Журналы, наученные событіями сего года, поддержали общее настроеніе. Утопическая теорія коммунизма пала бы совершенно, но она живеть убѣжденіемъ, что найдено ея осуществленіе въ десяти милліонахъ русскихъ раскольниковъ. Теорія коммунизма касается преимущественно трехъ сторонъ быта человѣческаго. Во-первыхъ, владѣнія землею сообща, съ исключеніемъ всякаго рода капиталистовъ, потому что только личный, механический трудъ есть источникъ собственности и производительности. Во-вторыхъ, устраненія властей. Власти выборныя завѣдуютъ какъ работами, такъ и вообще интересами вольныхъ коммунъ. Въ-третьихъ, преобладаетъ надъ всѣмъ обществомъ нѣтъ значенія недѣлимимымъ. Недѣлимые лишены духовности, лишены сознанія различія добра и зла. Вся жизнь двигается *пользою*, осуществляемою массами. Поэтому нѣтъ и наукъ нравственныхъ и гуманистическихъ; есть науки точныя: математическія, механическія и физическія. Для доведенія настоящаго общества до такого состоянія нужны *перевороты*» (секретный архивъ Архива III Отд. С. Е. И. В. канц., шкапъ № 2, дѣло № 294).

1904. Журналисты и террористы.

Еще и еще камень... Ну, этотъ мимо... И вотъ еще... Это—не камень, что-то рыхлое, ледящееся, это изъ-за Черной-Грязи ¹⁾).

Почти всѣ, владѣющіе прашею въ русской журналистикѣ, явились одинъ за другимъ на высочайше разрѣшенный *тиръ* и побиваютъ насъ... По счастью, у иныхъ рука невѣрна, словно, дрожить отъ волненія, отъ угрызенія совѣсти, отъ воспоминаній; другіе нарочно пускаютъ мимо, а третьи бросаются грязью,—это очень гадко, но не больно.

Потѣшайтесь, господа; мы только того и хотѣли, чтобы какъ-нибудь возвратиться къ вамъ; мы возвращаемся мишенью; итакъ, а vos pièces, canonniers! ²⁾

Ну ужъ этотъ проклятый 94 годъ! «Почему, скажутъ намъ наши противники, — почему вы вспомнили именно 8 термидоръ и команду якобинскаго генерала Анріо?» ³⁾

Одна изъ самыхъ странныхъ странностей войны противъ насъ состоитъ въ томъ, что «пожилая Россія» обвиняетъ насъ въ жадѣ взрывовъ, насильственныхъ переворотовъ, въ террористическихъ поползновеніяхъ, чуть не въ поджигательствѣ, и въ то же время «Молодая Россія» упрекаетъ насъ за то, что мы утратили революціонный задоръ и потеряли «всякую вѣру въ насильственные перевороты».

«Пожилой Россіи», впредь до непредвидѣнныхъ обстоятельствъ мы отвѣчать не будемъ. Чѣмъ же убѣдишь людей, которые намъ толкуютъ о *chair à canon* ⁴⁾ послѣ «Мяса освобожденія» ⁵⁾? Что сказать людямъ, наивно признающимъ, что если-бъ мы *тихв-то* побранили, а *этихв* полюбил, то все было бы ладно? Что же дѣлать, что намъ дерзкій шалунъ, бросающій камень въ фонарь, не такъ отвратителенъ, какъ какой-нибудь самодовольный лимфатическій клопъ, читающій ему *нотацию*. ¹⁾

А потому мы и обращаемся къ «Молодой Россіи». Она думаетъ, что «мы потеряли всякую вѣру въ насильственные перевороты».

¹⁾ Т.-е. изъ Москвы.

²⁾ Къ орудіямъ, канониры!

³⁾ Пламенный революціонеръ, прозванный Маратомъ «спасителемъ отечества»; въ 1793 г. былъ командиромъ національной гвардіи въ Парижѣ; погибъ на эшафотѣ въ 1794 г. вмѣстѣ съ Робеспьеромъ.

⁴⁾ Пушечномъ мясѣ.

⁵⁾ См. № 1785.

Не вѣру въ нихъ мы потеряли, а любовь къ нимъ. Насильственные перевороты бываютъ неизбѣжны; можетъ, будутъ у насъ; это—отчаянное средство, *ultima ratio* ¹⁾ народовъ, какъ и царей; на нихъ надобно быть готовымъ; но выкликать ихъ въ началѣ рабочаго дня, не сдѣлавъ ни одного усилія, не истощивъ никакихъ средствъ, останавливаться на нихъ съ предпочтеніемъ намъ кажется такъ же молодо и незрѣло, какъ *неразсчитливо и вредно* пугать ими.

Кто знакомъ съ возрастомъ мыслей и выраженій, тотъ въ кровавыхъ словахъ «Юной Россіи» узнаетъ лѣта произносящихъ ихъ. Терроръ революцій съ своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношамъ такъ, какъ терроръ сказокъ съ своими чародѣями и чудовищами нравится дѣтямъ.

Терроръ легокъ и быстръ, гораздо легче труда, «гнетъ, не паритъ, сломитъ—не тужитъ», освобождаетъ деспотизмомъ, убѣждаетъ гильотиной. Терроръ даетъ волю страстямъ, очищая ихъ общей пользой и отсутствіемъ личныхъ видовъ. Оттого-то онъ и нравится гораздо больше, чѣмъ *самообузданіе въ пользу дѣла*.

Было время, громовые раскаты девяностыхъ годовъ захватывали и нашу душу; человекъ легко увлекается кровью, даже дикія пѣсни военнаго каннибальства, называемыя патріотическими гимнами, пьянятъ и увлекаютъ своимъ грубымъ алканіемъ крови, своимъ ликованіемъ на грудахъ незнакомыхъ труповъ людей, не сдѣлавшихъ убійцамъ никакого вреда. И это до того истинно, что тѣ же самые мирные граждане, которые дошли до несказаннаго ужаса и риторическихъ проповѣдей при чтеніи «Молодой Россіи», готовы со слезами подтягивать какой-нибудь героической кантатѣ объ избіеніи турокъ или нѣмцевъ. Турки, нѣмцы, пушки, Севастополь,—все это далеко, и всю эту отвагу и славу мы узнаемъ изъ газетъ, а «Молодая Россія» ближе, возлѣ. Къ тому же старая монополія всему «шпоры носящему»—на убійство.

Мы давно разлюбили объ чаши, полная крови, штатскую и военную, и равно не хотимъ ни пить изъ черепа нашихъ боевыхъ враговъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ... Какая бы кровь ни текла—гдѣ-нибудь текутъ слезы, и если иногда слѣдуетъ перешагнуть ихъ, то безъ кровожаднаго глумленія, а съ печальнымъ трепетнымъ чувствомъ страшнаго долга и трагической необходимости...

Къ тому же и май смерти, какъ и май жизни, цвѣтетъ только

¹⁾ Послѣдній доводъ.

одинъ разъ und nicht wieder ¹⁾). Терроръ девяностыхъ годовъ повториться не можетъ; онъ имѣлъ въ себѣ наивную чистоту невѣдѣнія, безусловную вѣру въ правоту и успѣхъ, которыхъ послѣдующіе терроры не могутъ имѣть. Онъ развился, какъ тучи развиваются, и разразился, когда былъ слишкомъ переполненъ электричествомъ; оттого-то въ его мрачномъ характерѣ есть какая-то дѣвственная непорочность, въ его беспощадности—дѣтское добродушіе. И при всемъ этомъ терроръ нанесъ революціи страшнѣйшій ударъ.

Французскій терроръ всего менѣе возможенъ у насъ. Революціонные элементы во Франціи стекались изъ городовъ въ Парижъ, тамъ троились въ клубахъ и конвентѣ и шли съ мечомъ и топоромъ въ рукѣ проповѣдывать филантропическіе идеалы и философскія истины до послѣдняго городского вала, до послѣдняго *юрожанина*, рѣдко далѣе. Крупичи падали и мужикамъ, но случайно, Революція, какъ стремительный потокъ, захватывала берега полей. подмывала ихъ, но не теряла своего главнаго, муниципальнаго русла.

Децентрализація—первое условіе нашего переворота, идущаго отъ нивы, отъ поля, отъ деревни и вовсе не въ Петербургъ, откуда народъ до 19 го февраля 1861 года ничего не получалъ, кромѣ бѣдствій и униженій, и не въ Москву, гдѣ рядомъ съ мощами почиваютъ и живые, довольные, какъ Симеонъ-богопримецъ, тѣмъ, что увидѣли нарождающуюся Русь.

Да и обстоятельства совершенно иныя.

Франція революціонная хотѣла отрѣшиться отъ традиціоннаго быта, вѣками окрѣпнущаго, благословеннаго мощной церковью и зарубленнаго мечомъ побѣдителя на землѣ и на сердцѣ побѣжденнаго. Революція возвѣщала новое, небывалое право,—право человѣка, и на немъ стремилась установить разумный союзъ общественный; разрываясь съ прошедшимъ, котораго представители были очень сильны, она, по колѣна въ крови, торопилась возвѣщать міру новость земного равенства и братства. Ей надобна была республика, собранная въ одинъ узелъ, *une et indivisible* ²⁾), ей надобенъ былъ комитетъ общаго спасенія, соединявшій въ одну волю всѣ лучи революціи и ковавшій изъ нихъ молніи. Молніи эти, дѣйствительно, разгромили монархическую Францію, но республики не создали. На тронъ, облитый кровью, сѣла централизованная полиція. Революціонная идея была не по плечу народу.

¹⁾ И не повторится (Шиллеръ, «Resignation»).

²⁾ Единая и нераздѣльная.

У насъ нѣтъ ни новыхъ догматовъ, ни новыхъ катехизисовъ для оглашенія. Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ. Закрѣпляя право каждаго на землю, т.-е. объявляя землю тѣмъ, чѣмъ она есть—*неотъемлемой стихіей*, мы только подтверждаемъ и обобщаемъ народное понятіе объ отношеніи челоуѣка къ землѣ. Отрекаясь отъ формъ, чуждыхъ народу, втѣсненныхъ ему полтора вѣка тому назадъ, мы продолжаемъ прерванное и отклоненное развитіе, вводя въ него новую силу мысли и науки.

Инстинктивное чувство, которое навело правительство на мысль объ освобожденіи, смутно бродитъ въ немъ; но, закоснѣлое въ рутинѣ и предрасудкахъ, оно не можетъ рѣшиться итти одной дорогой, а качается, какъ маятникъ, касаясь то одной стороны, то другой. Въ этомъ колебаніи долгое время оставаться нельзя: не сидѣтъ же, въ самомъ дѣлѣ, народу цѣлый вѣкъ сложа руки при томъ возбужденіи вопросовъ, которое есть, ожидая, пока свая петербургскаго правительства, подгнивающая снизу и вывѣтривающіяся сверху, сами рухнутъ. Гнилые лѣса стоятъ долго и большею частью стоятъ до бури. Но прежде всякой бури пробовалъ ли кто-нибудь сильной рукой или сильнымъ голосомъ указать путь?

Императорская власть у насъ—*только власть*, то-есть сила, устройство, *обзаведеніе*; содержанія въ ней нѣтъ, обязанностей на ней не лежитъ; она можетъ сдѣлаться татарскимъ ханатомъ и французскимъ комитетомъ общественнаго спасенія, — развѣ Пугачевъ не былъ императоромъ Петромъ III? Что общаго между Алексѣемъ Михайловичемъ и Петромъ? Одна неограниченная власть, пытки и казни. Николай подъ самодержавіемъ разумѣлъ сочетаніе власти азіатскаго шаха и прусскаго вахмистра. Народъ подъ *земскимъ* царемъ представляетъ себѣ какую то соціальную республику, накрытую Мономаховой шапкой.

Середь неопредѣленности и неурядицы настоящаго, когда никто не сказалъ своего послѣдняго слова, когда все бродитъ, все ждетъ—одни думу, другіе землю; когда народъ, что ни объявляй самъ государь, какъ ни ораторствуй губернаторы, по-русски и по-малороссійски, упорно вѣрить въ *друую* волю,—вы его зовете противъ царя и дворянства, т.-е. противъ ненавистной ему касты, *къ которой онъ причисляетъ васъ*, и противъ власти, въ которой онъ видитъ своего защитника. Ошибается онъ или нѣтъ—все равно. Онъ увѣренъ, что онъ не ошибается, и поэтому онъ съ вами не пойдетъ, и вы погибнете. Никакое меньшинство изъ образованныхъ не можетъ сдѣлать у насъ неодолимаго переворота безъ

власти или безъ народа—такъ стали вопросы; пока деревня, село, степь, Волга, Уралъ покойны, возможны одни олигархическіе и гвардейскіе перевороты, лейбъ-преображенская передержка лицъ, Анна Леопольдовна, нѣтъ—Елизавета Петровна.

До сихъ поръ народъ былъ глухъ и нѣмъ ко всѣмъ революціоннымъ стремленіямъ, потому что онъ не понималъ, чего недостаетъ господамъ. Но въ настоящей борьбѣ народъ замѣшанъ живой силой; вопросъ объ освобожденіи сталъ черезполоснымъ вопросомъ обѣихъ Россій—вершинной и полевой; народъ и дворянство его такъ и поняли. Столкновение неминуемо. До сихъ поръ не видно, чтобъ народъ готовъ былъ уступить землю или дворянство—дешево отдать ее. Оба обращаются къ общему посреднику—къ правительству. Что-жъ оно сдѣлало? Дало землю? Нѣтъ. Отняло? Нѣтъ. Есть поползновеніе сдѣлать то и другое. Пусть оно попробуетъ вырвать у крестьянъ землю изъ-подъ ногъ, то есть сдѣлать то, чего не могли ни Петръ I, ни крѣпостное право. Народъ уже заявилъ свое страдательное veto. Не даромъ не подписываетъ онъ ни уставныхъ грамотъ, ни переходитъ съ барщины на оброкъ; онъ ждетъ земли.

Но пока земля *фактически* за нимъ, народъ не подыметъ. Для народа подняться трудно; это—не рискъ своимъ лицомъ, не каторга, не палачи, а полное разореніе семьи, невспаханное поле, голодныя дѣти, саранча-постоя. Вотъ отчего крѣстьянинъ терпитъ, ужасно долго терпитъ, и только изрѣдка, когда уже мѣра переполнена, онъ является въ какомъ-то мрачномъ отчаяніи и убиваетъ гуртомъ не только враговъ, но и своихъ собственныхъ дѣтей, чтобъ они не сдѣлались военными поселенцами.

Звать къ оружію можно только наканунѣ битвы. Всякій преждевременный призывъ—намекъ, вѣсть, данная врагу, и обличеніе передъ нимъ своей слабости.

А потому оставьте революціонную риторiku и займитесь дѣломъ. Соединяйтесь плотнѣе между собой, чтобъ вы были сила, чтобъ вы имѣли единство и организацію; соединяйтесь съ народомъ, чтобъ онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную для него *религію земли*... и будьте готовы. Придетъ роксвой день—станьте грудью, лягте костыми, но не зовите его, какъ *желанный день*. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, а будетъ ли оно въ Мономаховой шапкѣ или во фригійской—все равно. Развѣ французы мало доказали вамъ, что за переводъ съ феодально-монархическаго языка мѣсть и чиновъ на римско-республиканскій не стоитъ проливать не только крови, но и чернилъ...

Стань царская власть во главу народнаго дѣла, гдѣ найдется достаточная сила, могущая бороться съ ней и ей противодѣйствовать во имя своекорыстныхъ интересовъ касты, сословія?

Все недовольное, шумящее теперь у насъ, отъ *vieux boyards moscovites* ¹⁾ до русскихъ нѣмцевъ, отъ николаевскихъ генераловъ до мелкопомѣстныхъ плантаторовъ, исчезнетъ, сотрется. Какъ? Куда? А куда исчезаютъ мыши и крысы при первыхъ лучахъ свѣта, куда пропадаютъ днёмъ сверчки? Иной мышенокъ и попадетъ въ мышеловку, иного сверчка и ошпарятъ горячей водой, но тутъ не дойдетъ ни до какого библейскаго избіенія по домамъ и стогнамъ, ни до мясничества Петра I, ни до прогуливающейся гильотины со своими букетами ноядъ и митральядъ ²⁾.

Но для того, чтобъ власть царская стала властью народной, ей надобно понять, что волна, которая ее подмываетъ и хочетъ поднять,—въ самомъ дѣлѣ волна морская, что ее нельзя ни остановить, ни сослать въ Сибирь, что приливъ начался, и что, нѣсколько раньше, нѣсколько позже, а ей придется сдѣлать выборъ между кормиломъ народной державы и иломъ морского дна.

Свидѣтельствуйте объ этомъ всѣми свидѣтельствами, кричите ей объ этомъ денно и ночью, — она крѣпка на ухо и на умъ! Пусть она выскажется, и только послѣ ея отвѣта вы узнаете, что говорить народу и къ чему его звать. ²

◆◆ 1. Въ іюль 1862 г. отецъ кн. Ю. Н. Голицына, находясь въ Швейцаріи, сознался шефу жандармовъ, что, возмущенный петербургскими пожарами, онъ написалъ и издалъ въ 100 экз. листокъ «*Adresse de la nation russe aux russes expatriés, ennemis de leur pays*», juillet 1862 Vevey, imprimerie G.-F. Recordon., о чемъ и доводилъ до свѣдѣнія III Отдѣленія, чтобы знать, не найдетъ ли, однако, правительство поступокъ его неумѣстнымъ. «Оставить безъ послѣдствій» — вотъ все, чѣмъ отвѣтило III Отдѣленіе, выкинувъ куда-то самый листокъ. Въ архивѣ семьи Герцена хранится этотъ курьезный княжескій памфлетъ, но имя автора Герцену такъ и не было извѣстно. Приведу его полностью въ переводѣ.

«Обращеніе русскаго народа къ русскимъ изгнанникамъ, братьямъ своей родины».

«Съ нѣкотораго времени нѣсколько русскихъ изгнанниковъ, забывъ чувство благоговѣнія передъ религіею, повиновенія своему государю и преданности отечеству, попирая ногами все самое святое»

¹⁾ Староѣ московскаго барства.

²⁾ *Noyade*—бросаніе въ воду, *mitraille*—стрѣльба картечью.

въ мірѣ, эти, такъ называемые, русскіе стараются самыми гнусными способами революціонизировать Россію: обманывая народъ, они, въ то же время, стараются возстановить его противъ царя, властей и дворянства. Они мошенническимъ путемъ ввозятъ въ Россію зажигательную литературу, на печатаніе которой за границею у нихъ достаточно времени, такъ какъ они лично защищены отъ преслѣдованій закономъ «habeas corpus», живя въ странѣ, гдѣ мало беспокоятся подобными заговорами. Для увѣнчанія этой адской системы они въ настоящее время прибѣгаютъ къ пожарамъ, ни мало не думая о разореніи множества бѣдныхъ семей, въ сердцахъ которыхъ они желали бы зажечь снѣдающія ихъ самихъ чувства. И эти подстрекатели самыхъ гнусныхъ дѣлъ прячутся, окружаютъ себя глубокою тайною, ставя этимъ себя гораздо ниже разбойниковъ съ большой дороги, которые, по крайней мѣрѣ, рискуя жизнью, часто платятся за свои преступленія. Но вы, жалкіе агитаторы самой худшей породы, вы трепещете передъ закономъ и наносите удары во тьмѣ. И кто вы такіе, вы, становящіеся во главѣ адскихъ шаекъ, желающихъ только разоренія, безпорядка и возстанія? Нѣсколько бѣглыхъ изъ тюрьмы, отбросы человечества. Это нѣкто Герценъ, желающій возродить православную Россію, но въ то же время считающій лишнимъ крестить своихъ собственныхъ дѣтей. О его стремленіяхъ можно судить по слѣдующимъ размышленіямъ, которыя вызываются у него видомъ пожара въ Москвѣ: «Зрѣлище разрушенія и дикой силы симпатично моей душѣ. Пожаръ заключаетъ въ себѣ нѣчто революціонное; онъ смѣется надъ собственностью, онъ уравниваетъ состоянія» («Тюрьма и ссылка», русское изданіе въ Лондонѣ, 1858 г., стр. 5). Въ настоящее время онъ счастливъ: онъ могъ насладиться этимъ симпатичнымъ его душѣ зрѣлищемъ. Его достойный другъ и сотрудникъ Н. Огаревъ, революціонеръ худшей породы, безотвѣтственный, вслѣдствіе эмиграціи, напечаталъ недавно въ Гейдельбергѣ зажигательную брошюру, въ которой, надававъ совѣты общинамъ, какъ имъ устроиться въ имѣніяхъ помѣщиковъ, кончаетъ слѣдующимъ образомъ: «Мы полагаемъ, что возставшіе крестьяне не дойдутъ до убійствъ; они удовлетворятся правомъ репрессалій: они выпорютъ помѣщиковъ и чиновниковъ и послѣ этого прогонятъ ихъ» (стр. 29). А онъ самъ, боясь порки со стороны своихъ крестьянъ, удралъ за границу. И это только слабые образчики діалектики и стремленій этихъ отвратительныхъ грубіановъ, стоящихъ во главѣ движенія. Въ концѣ концовъ, русскій народъ знаетъ васъ и презираетъ до глубины души, какъ трусовъ, не имѣющихъ даже мужества своихъ произведеній и скрывающихся, чтобы облить помоями и раз-

рушать. Итакъ, сколько бы васъ тамъ ни было, внѣ или внутри Россіи, знайте, что Россія изрыгаетъ васъ и страшится со своего лона, какъ недостойныхъ носить имя русскаго: ея возмущеніе противъ васъ дошло до высшей точки, вы внушаете ей только ужасъ. Она не нуждается ни въ вашихъ совѣтахъ, ни въ поученіяхъ. Мы имѣемъ счастье быть управляемыми государемъ, желающимъ блага своей странѣ; онъ это доказалъ; у него великодушное сердце. Богъ ему поможетъ уничтожить и всѣ ваши гнусныя махинаціи. Таково настроеніе всей благомыслящей части русскаго народа, выразителемъ котораго служитъ настоящее обращеніе. Вотъ почему оно не подписано: личная подпись, теряясь въ количествѣ, становится излишней».

2. Въ № 153 «Нашего Времени» отъ 17 іюля 1862 г. была помѣщена вторая передовая статья, начинавшаяся словами: «Говорятъ, что недавно въ Лондонѣ былъ митингъ. Можетъ легко статья,—скажутъ намъ,—да съ чего же вы взяли на себя трудъ извѣщать объ этомъ публику!..» «Холодный сѣверъ—продолжаетъ газета—занималъ небольшую кучку людей, удостоившихъ въ туманной столицѣ Альбіона посвятить свое драгоценное время на заботы о судьбахъ Россіи. Сходка была немногочисленна, славянское племя, родная намъ кровь преобладала на ней. Петербургскіе пожары были предложены къ разсмотрѣнію. Одинъ изъ главныхъ ораторовъ почтеннаго собранія, извѣстный своимъ остроуміемъ и своимъ литературнымъ талантомъ точно такъ же, какъ отсутствіемъ всякаго политическаго смысла и всякаго пониманія исторіи (Герцень—*М. Л.*), держалъ рѣчь противъ пожаровъ, противъ поджоговъ. Онъ осудилъ ихъ безусловно. Но другой, связанный съ нимъ тѣсными узами дружбы (Огаревъ—*М. Л.*) не уступилъ ея внушеніямъ, сталъ выше пріязненныхъ отношеній, другу предпочелъ истину и Вашель, что пожары не такъ дурны, какъ съ перваго раза кажутся, что они *шевелятъ общество*. Надо бы прибавить—*плодятъ мысль*. Мы передаемъ слухи, не ручаясь за ихъ достовѣрность, хотя имѣемъ поводъ сказать, что если этого не было, то могло, то должно было быть».

1905. Хроника террора.

Мы получили длинное письмо изъ Петербурга. Терроръ не унимается; непрерывные аресты, преміи доносчикамъ, благодарность потапствующимъ литераторамъ, подкупы солдатъ... всѣ безобразія страха, нестѣсняемаго ничѣмъ, страха какого-то недоросля и Нерона вмѣстѣ ¹⁾.

¹⁾ Слѣдуютъ отрывки изъ письма о поджогахъ арестахъ, тверскихъ мировыхъ посредникахъ и пр.

Пріятно послѣ этого перечня безумныхъ и гадкихъ дѣйствій видѣть, что гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

Катковъ получилъ благодарность отъ высшаго начальства за 23 № «Современной Лѣтописи». Николай Филипповичъ Павловъ ждетъ двѣ, а Павелъ Филипповичъ Минихъ, фельдфебель 3-й саперной роты, произведенъ въ чиновники 12-го класса и утвержденъ потомственнымъ дворяниномъ¹⁾.

Шуваловъ, окончившій курсъ полицейскаго образованія въ Парижѣ, воавращается длѣ занятія мѣста *министра полиціи*... Совѣтуемъ Головинну быть осторожнѣе на словахъ въ комитетѣ министровъ: при министрѣ Шуваловѣ тамъ будетъ шпионъ²⁾.

Въ «*Indépendance Belge*» говорится о какихъ-то *несчастныхъ офицерахъ гвардейскаго сапернаго баталіона*, попавшихся подѣ слѣдствіе за политическое дѣло. Вѣроятно, Павелъ Филипповичъ Минихъ не въ ихъ числѣ! !

◆ 1. Въ іюнѣ 1862 г. государь приказалъ Валуеву реформировать кореннымъ образомъ петербургскую полицію. Къ ней было прикомандировано 950 нижнихъ чиновъ гвардіи, а расходъ увеличенъ на 200,000 р. въ годъ. На cadaго полицейскаго приходилось 189 обывателей... (всепод. отчетъ мин. вн. дѣлъ за 1861—63 гг., архивъ П. Я. Дашкова).

1906. (Списокъ лицъ, которыхъ правительство велѣло арестовать при возвращеніи изъ-за границы)

Мы получили отъ польскаго корреспондента, котораго искреннѣйшимъ образомъ благодаримъ, имена лицъ, которыя находятся теперь за границей и которыхъ прогрессивное правительство петербургское велѣло задержать на первой польской станціи желѣзной дороги. Вотъ этотъ списокъ:

Стасовъ, Владиміръ,
Калиновскій, Балтазаръ,
Альбертини, Николай,
Ковалевскій, Петръ,
Ковалевскій, Юліанъ,
Ковалевскій, Оскаръ,
Суздальцевъ, Владиміръ,
Плаутинъ, Федоръ,
Плаутинъ, Сергѣй,

¹⁾ За доносъ на Арнгольдта и др.

²⁾ Очень ядовитый уколъ Герценъ зналъ, что Головиннъ не лучше другихъ на дѣлѣ, но на словахъ очень старался казаться лучше.

Боткинъ, Сергѣй,
 Коршъ, Валентинъ,
 Писемскій, Александръ,
 Бетгеръ, Александръ,
 Загоскинъ, Павелъ,
 Совѣтовъ, Александръ,
 Жемчужниковъ, Николай,
 Гамалѣя, Александръ,
 Рубинштейнъ, Николай,
 Давыдовъ, Павелъ,
 Давыдовъ, Денисъ,
 Достоевскій, Ѳедоръ.

...«Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній¹⁾ !
 И какая исполинская, колоссальная глупость нашего правительства.
 Не поумнѣетъ ли оно, когда Шувалова сдѣлаютъ Балашовымъ²⁾ ?»¹

◆◆ 1. Послѣ провала агента Михаловскаго, III Отдѣленіе при помощи бар. Брунова и свящ. Попова долго работало для созданія какого-нибудь вѣрнаго источника, откуда оно могло бы черпать свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ около Герцена, особенно же усилило свои поиски послѣ прибытія въ Лондонъ Бакунина. Наконецъ, помимо спорадическихъ освѣдомителей, въ домъ Герцена удалось ввести неизвѣстнаго пока намъ агента. Первое его сообщеніе было предувѣдомленіе III Отдѣленія, что въ началѣ іюля ст. ст. въ СПБ. пріѣдетъ изъ Лондона Павелъ Александровичъ Ветошниковъ и привезетъ много писемъ къ разнымъ лицамъ отъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсіева. Вскорѣ послѣ того агентъ сообщилъ, что «18 іюня въ Лондонѣ у Герцена были вечеромъ: Огаревъ, Бакунинъ, г-жа О'Коннель (француженка, занимающаяся живописью), Кельсіевъ, Г. Г. Перетцъ, Б. Ѳ. Калиновскій, Н. В. Альбертини, С. Тхоржевскій, Н. Жемчужниковъ, Н. Г. Рубинштейнъ, П. А. Мартяновъ, Гамалѣя, Печниковъ, Ветошниковъ, Голынский, В. О. Ковалевскій, Чармакъ (профессоръ Прагскаго университета). Говорили о прокламаціи «Молодая Россія», которая еще не была получена». Слѣдующее сообщеніе касалось собравшихся 6 іюля н. ст., наканунѣ отъѣзда Ветошникова изъ Лондона. Но словамъ агента, были: Огаревъ, Бакунинъ, Ветошниковъ, Кельсіевъ, Перетцъ, В. В. Стасовъ, Альбертини, Ковалевскій, братья Суздальцевы, Л. Чернецкіи, Тхоржевскій, гр. Ксаверій Браницкій, два брата Плаутины, два

¹⁾ См. поэму Пушкина «Братья-разбойники».

²⁾ Т.-е. министромъ полиціи.

поляка и трое русскихъ. «Ветошниковъ весьма долго разговаривалъ съ Бакунинымъ въ другой комнатѣ. Герценъ читалъ статью о пожарахъ и о прокламаціи «Молодая Россія»...

Разумѣется, Ветошниковъ на границѣ былъ арестованъ и доставленъ въ СПб. При немъ нашли, между прочимъ, и письмо Герцена къ Н. А. С.-Соловьевичу, написанное нарочно официально, чтобы онъ могъ имѣть въ рукахъ документъ при переговорахъ объ изданіи сочиненій.

Подробности большого «процесса 32-хъ» изложены мною въ книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятихъ годовъ» и здѣсь повторены не будутъ.

Поиски шпіона велись энергично Герценомъ, его друзьями и знакомыми, но такъ и не дали ничего безспорнаго. Впослѣдствіи А. А. Серно-Соловьевичъ послалъ по адресу Кельсіева тяжкое обвиненіе: «ужъ не онъ ли самъ и выдалъ-то Ветошникова» (стр. 13 «Миколки /публициста»), справедливость котораго не только ничѣмъ не подтверждается, но отрицается совершенно и безспорно. А. А. Слѣпцовъ указалъ мнѣ на позднѣйшія подозрѣнія въ отношеніи Перетца; это убѣжденіе сложилось въ 1866—67 гг., когда тотъ официально служилъ въ 3-й экспедиціи (развѣдочной и справочной) III Отдѣленія, да и до того высказывалось многими, не исключая Герцена.

Надо сознаться, что агентъ былъ освѣдомленъ хорошо; и если тотъ получалъ свѣдѣнія отъ кого-нибудь изъ бывавшихъ у Герцена (напр., отъ Перетца), то, очевидно, налицо была уже и нѣкоторая организація. Вотъ еще его работа:

«Герцена въ Лондонѣ посѣщаютъ:

- 1) Ксаверій Браницкій,
- 2) Чехъ Наперстокъ (старый пріятель Бакунина),
3. Редакторъ «Морск. Сборника» Мельницкій,
4. Владиміръ Стасовъ,
5. Калиновскій, профессоръ,
6. Ветошниковъ,
7. Литераторъ Альбертини,
8. Ковалевскій (кажется, правовѣдъ),
- 9 и 10) Два брата Суздальцевы (имѣютъ контору въ Лондонѣ),
11. Кельсіевъ,
12. Чернецкій, завѣд. типографіею «Колокола»,
13. Тхоржевскій,
- 14 и 15. Два брата Плаутины (гвард. офицеры),
16. Мартьяновъ,
17. Боткинъ (живущій въ Москвѣ, бываетъ у Бакунина),

18. Коршъ,
10. Писемскій,
20. Бетхеръ, быв. студентъ,
21. Загоскинъ, профессоръ,
22. Давыдовъ,
23. Видбергъ, московскій помѣщикъ,
24. Профессоръ Совѣтовъ,
25. Г-жа О'Коннель, французенка, портретистка,
26. Жемчужниковъ. Николай, сотрудникъ «Современника»,
27. Рубинштейнъ, братъ Антона,
28. Гамалѣя, два брата } въ 1861 г. окончили курсъ
29. Печниковъ } университета.
30. Полякъ Голынский.
31. Чермакъ, быв. профес. Пражскаго унив.,
32. Докторъ Неффцерь или Нефталъ,
33. Касаткинъ, быв. издатель «Библиографъ, Записокъ», старый пріятель Герцена,
34. Давыдовъ, кавалергардъ или конногвардеецъ, высокій, недурень собою, блондинъ,
35. Ѳедоръ Достоевскій, литераторъ,
36. Сытинъ (Сатинъ).

Въ другомъ экземплярѣ списка, менѣе полномъ, имя Кельсіева зачеркнуто карандашомъ и написано «Перетцъ», а на третьемъ спискѣ, еще болѣе неполномъ, написано Долгорукowymъ 15 іюля: «Какой можетъ быть Давыдовъ изъ числа лицъ здѣсь поименованныхъ?».

Изъ приложенной справки видны нѣкоторыя дополненія 3 экспедиціи и срокъ выдачи заграничнаго паспорта:

1. *Стасовъ*, Владиміръ Васильевичъ, іюня 1862 г.
2. *Калиновскій*, Балтазаръ Ѳомичъ, профессоръ Спб. университета, мая 1862 г.
3. *Альбертини*, Николай Васильевичъ (Викентьевичъ — *М.Л.*), отст. кол. ассессоръ, февраля 1862 г.,
4. *Ковалевскій*. Петръ, капитанъ, съ женою, апрѣля 1861 г.,
5. *Ковалевскій*. Юліанъ Михайловичъ, ст. совѣтникъ, іюля 1862.
6. *Ковалевскій*. Оскаръ Юліановичъ, докторъ медицины, кол. сов., тоже,
7. *Суздальцевъ*. Владиміръ, лич. почет. гражданинъ, іюня 1861 г.
8. *Плаутино*, Ѳедоръ Сергѣевичъ, штабсъ-ротмистръ, декабря 1861 г.
9. *Плаутино*, Сергѣй Николаевичъ, ротмистръ, флигель-адъютантъ, іюля 1862,

10. *Боткинъ*, Сергѣй Петровичъ, надв. сов., ординар. проф. Спб. Медико-Хирург. академіи, съ женою Настасією, апрѣля 1862 г.
11. *Коршъ*, Валентинъ Ѳедоровичъ, -отст. кол. ассессоръ, мая 1862,
- 11а. *Писемскій*, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, отст. тит. сов., апрѣля 1862 г.
12. *Бетхеръ*, Александръ, быв. студентъ, октября 1861 г.,
13. *Заюскинъ*, Павелъ Николаевичъ, кол. сов., съ дѣтьми, мая 1862 г.
14. *Совѣтовъ*, Александръ Васильевичъ, кол. ас., адъюнктъ-проф. Спб. унив., февраля 1862 г.
15. *Жемчужниковъ*, Николай Михайловичъ, отст. тит. сов., мая 1862 г.,
16. *Рубинштейнъ*, Николай, губ. секр., марта 1862.,
17. *Гамалья*, Александръ Николаевичъ, канд. правъ Спб. унив., января 1862.,
- Печниковъ*, Александръ Николаевичъ, канд. правъ, января 1862 г.
18. *Давыдовъ*, Павелъ Дмитріевичъ, гв. ротмистръ, мая 1862,
19. *Давыдовъ*, Денисъ Львовичъ, гв. поручикъ, іюня 1862,
20. *Достоевскій*, Ѳедоръ Михайловичъ, отст. подпоручикъ, марта 1862.

Всѣмъ, кромѣ Рубинштейна, паспорта были выданы Спб. ген-губернаторомъ, а ему—московскимъ.

30 іюля было предписано имѣть наблюденіе за заграничною корреспонденціею Владиміра Стасова и Всеволода Мельницкаго и въ тотъ же день управл. III Отдѣленіемъ Потаповъ предписалъ мѣстнымъ жандармамъ сообщить свѣдѣнія о сихъ лицахъ, увѣдомивъ, «въ какой степени можетъ заслуживать вѣроятія это извѣщеніе».

Въ вѣнской газетѣ «Wanderer» 8 авг. и въ вечернемъ приложеніи къ № 15624 «Börsen-Halle» отъ 9 августа приведена была депеша объ арестованіи лицъ, указанныхъ въ статьѣ Герцена, и объ отправленіи въ Спб. всѣхъ помѣченныхъ нумеромъ въ послѣднемъ списокѣ, а вмѣсто Писемскаго напечатано было «Alexander Pithunski»,—очевидно, благодаря ошибкѣ телеграфа. Увидя газеты, Долгоруковъ написалъ 2 августа: «Странно, что въ числѣ напечатанныхъ именъ нѣтъ еще одного лица. Правильно ли наименованы и тѣ, которые напечатаны?».

Одновременно пришла изъ Варшавы записка вел. кн. Константина Николаевича на имя Долгорукова: «Сегодня мнѣ была доложена полученная въ канцеляріи бумага изъ деп. внѣшней торговли

съ препровожденіемъ списка 22 лицъ, которыхъ слѣдуетъ тщательно свидѣтельствовать въ таможняxъ при возвращеніи ихъ изъ-за границы. Во вчерашнемъ номерѣ газеты «Czas» (отъ 7 авг. н. ст.—*М. Л.*) этотъ списокъ напечатанъ въ томъ же порядкѣ, какъ онъ изложенъ въ присланной сюда официальной бумагѣ». Долгоруковъ 31 іюля написалъ на ней: «Пріятное распоряженіе, которое, въ слѣдствіе нашего разговора, тому нѣсколько дней, вѣроятно происходитъ отъ Д-та Внѣшней торговли».

Однако, напечатанные списки не были вполне идентичны съ тѣми, которые III Отдѣленіе разослало пограничнымъ таможнямъ. Въ посланные не входили Калиновскій, Сергѣй Плаутинъ и Павелъ Давыдовъ, но зато были включены: Иванъ Суздальцевъ, Григорій Перетцъ, надв. сов., быв. студ. Гамалѣя, Печниковъ, Видбергъ, Голыньскій, Неффцеръ или Нефталъ докторъ и Касаткинъ (кстати, о времени выдачи паспортовъ четыремъ послѣднимъ III Отдѣленію ничего не было извѣстно).

8 авг. н. ст. отецъ и сынъ Ковалевскіе (Юліанъ и Оскаръ) обратились съ личнымъ заявленіемъ къ нашему дрезденскому послу, то они готовы дать объясненія и отправиться въ СПб. съ первымъ же поѣздомъ, «не будучи ни къ чему либо, ни словомъ, ни дѣломъ прикосновенны», но что, если сообщеніе газетъ невѣрно, то просятъ ихъ успокоить, такъ какъ черезъ 10 дней ожидаютъ прибытія своего семейства съ пятью малолѣтними дѣтьми».

Министерство иност. дѣлъ довело объ этомъ до свѣдѣнія III Отдѣленія, причемъ Потаповъ 14 августа отвѣчалъ лукаво: «Правительству неизвѣстно, почему въ газетѣ «Czas» напечатанъ этотъ списокъ, но если бы присутствіе гг. Ковалевскихъ было нужно, то вызовъ ихъ въ Россію былъ бы сдѣланъ на основаніи существующихъ постановленій, а не черезъ публикацію въ заграничныхъ журналахъ».

Изъ письма Павла Давыдова отъ 11 августа изъ Остенде къ кн. Долгорукову также видно его удивленіе находженіемъ своего имени въ газетномъ списокѣ. (Онъ выражалъ удивленіе перемѣнѣ происшедшей въ двухъ Ростовцовыхъ, своихъ однополчанахъ, послѣ пожаровъ). «Изъ Киссингена я поѣхалъ въ Лондонъ. Мнѣ сильно желалось знать, въ какой связи петербургскія исторіи съ лондонской эмиграціей. Тщетны были всѣ мои старанія,—любопытство брало верхъ надъ благоразуміемъ. Я жилъ въ Лондонѣ съ Плаутинымъ, товарищемъ дѣтства, съ которымъ росъ, учился и служилъ вмѣстѣ. Огаревъ—родной его дядя, слѣд., понятно, почему Плаутинъ съ нимъ видался. Наканунѣ моего отъѣзда изъ Лондона (въ среду, 9 іюля) я получилъ приглашеніе посѣтить эмигрантовъ

Вся вина моя заключается въ томъ, что я принялъ это предложеніе. Я былъ въ Паддингтонѣ $\frac{1}{2}$ часа. (Это я бы сказалъ в. с. и такъ, по возвращеніи въ Россію). Я нашелъ много народу, мнѣ совершенно незнакомаго; я стоялъ лицомъ къ лицу съ людьми оппозиціонной партіи, думающими не по нашему и дѣйствующими противно нашимъ убѣжденіямъ! Интересу было много; я смотрѣлъ на нихъ, какъ смотрѣлъ народъ на Чарльза Немира въ Павловскѣ, послѣ кампаніи. Разговоръ былъ самый пустой; Герценъ предложилъ мнѣ сигару, отъ которой я отказался; Бакунинъ — чаю съ лимономъ, котораго я не пилъ, а съ Огаревымъ я спорилъ объ Ростовцовыхъ, повторяя слово въ слово то, что я говорилъ въ письмѣ генералу Вендриху и офицерамъ. Тѣмъ дѣло и кончилось; на другой день я былъ въ Парижѣ». Резолюція царя на этомъ письмѣ: «Можете его совершенно успокоить на счетъ ожидающей его судьбы и присовокупить что Шефъ его ему вѣрить».

23 августа управляющій вержболовской таможенной донесъ, что въ тотъ же день былъ осмотрѣнъ Григорій Перетцъ и что при немъ ничего, кромѣ иностран. книгъ и рукописи «Une correspondance», а также портфеля съ письмами, не найдено.

27 августа онъ же донесъ, что наканунѣ былъ подвергнутъ самому строгому обыску Николай Рубинштейнъ, но ничего подозрительнаго и при немъ не оказалось.

4 сентября той же участи подверглись С. П. и А. Боткины, при которыхъ оказались только научныя книги; 12 сентября сообщено о Ѳ. С. Плаутинѣ — ничего не найдено; 15 сентября — о Вл. Стасовѣ, — пакетъ съ его рукописями направленъ былъ въ слѣдственную комиссію; 5 октября осмотрѣнъ былъ Павелъ Загоскинъ, при немъ не было ничего; 2 ноября 1862 г. А. Гамалѣя — тоже, 31 іюля 1863 г. — Печниковъ, тоже.

Въ сентябрѣ 1865 г. вернулся въ Россію, по случаю смерти своего отца, Николай М. Жемчужниковъ. Перлюстраціей установлено, что онъ былъ за границу въ близкихъ отношеніяхъ съ Э. Желиговскимъ, «обвинявшимся главнѣйше въ поддѣлкѣ нашихъ кредитныхъ билетовъ»; разумѣется, это былъ вздоръ, сообщенный надувавшими полицію заграничными агентами; о Желиговскомъ см. т. XI стр. 471. 22 сентября сенаторъ Викторъ Арцимовичъ письменно ручался кн. Долгорукову за полную политическую благонадежность своего родственника.

6 октября 1865 г. директоръ деп. таможенныхъ сборовъ запросилъ шефа жандармовъ, надлежитъ ли все еще руководствоваться спискомъ 1862 г., имѣя въ виду, что возвращающіеся изъ за границы указанная въ немъ лица ничѣмъ не обнаружили своей неблагона-

дежности. III Отдѣленіе полагало, что распоряженіе можно отмѣнить, за исключеніемъ одного Касаткина, «представлявшагося чрезвычайно вредною для насъ личностью, такъ какъ изъ имѣющихся о немъ свѣдѣній онъ въ послѣднее время принимаетъ дѣятельное участіе въ нашей заграничной эмиграціи» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г. дѣло № 230, ч. 94).

Повидимому, правдивый агентъ проработалъ немного (что даетъ основаніе думать, что онъ былъ изъ прѣхавшихъ въ Лондонъ ненадолго, въ самый разгаръ всемірной выставки); въ концѣ іюля стали присылаться свѣдѣнія совершенно вздорныя. Такъ, 27 іюля Долгоруковъ помѣтилъ:

«На прилагаемомъ листкѣ записаны мною имена еще нѣсколькихъ лицъ, которыя, по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Лондона, служатъ корреспондентами Герцена».

«Доп. списокъ изъ Лондона:

СПБ. Полк. Нарышкинъ.

Исполниковъ.

Ковно. Ласъ

Бордускій

Инвфаникъ

Монгубо

Санниковскій».

Другой, нѣмецкій списокъ отъ іюня изъ Гамбурга заключалъ слѣдующихъ корреспондентовъ Герцена:

въ *СПБ.*—Колосовъ, Бодютниковъ, Базилевскій, в. Муравьевъ, в. Шишмаревъ, Аболешевъ, Неплюевъ, кн. Голицынъ, ген. Охотниковъ, Колзакъ, Трапезниковъ,

въ *Москваѣ*—Молчановъ, полк. Доринбинъ (Dorinbin), Ф. В. Массаровъ, ... Ивановичъ Сокко, гв. шт.-кап. Степановъ;

въ *Кіевѣ*—Тихонравовъ, д-ръ Благодславскій; въ *Харьковѣ*—И. Ольбесковъ, въ *Херсонѣ*—Чебышевъ, въ *Ригѣ*—кап. Тизенгаузенъ, Бржизонскій, въ *Кронштадтѣ*—оберъ-полиц. Сивункинъ.

Изъ отвѣтовъ, поступившихъ отъ мѣстныхъ жандармовъ, видно, что доносъ на указанныхъ имъ для разысканія лицъ почти не подтверждался: то такихъ лицъ не было, то они уже давно умерли и т. п.

24-мъ октября 1862 г. помѣчена записка, изъ которой видно, что въ сношеніяхъ съ Герценомъ и въ распространеніи возмутительныхъ сочиненій подозрѣвались: Егоръ Ковалевскій и Голубъ, помѣщикъ Ахтырскаго у. Харьковской губ., Федоръ Булацель изъ Екатериносл. губ., Николай Петровичъ Бѣлокопытовъ изъ Данкова Рязанской губ., и быв. студ. москов. унив. Плавильщи-

ковъ, жившій въ Москвѣ. Приказано было разслѣдовать. Екатеринославскій жандармъ ген.-м. Рындинъ сообщилъ, что свѣдѣній о Булацелѣ собрать не удалось, но что онъ извѣстенъ ему только, какъ «преимущественно заботящійся о пользѣ помѣщиковъ и что скорѣе можно отнести его къ числу плантаторовъ»; это подтвердилъ и губернаторъ. Бумага была отправлена въ слѣдственную комиссію.

Какъ видно изъ надписи Долгорукова на справкѣ объ А. С. Клевановѣ, «слышемъ» корреспондентомъ Герцена, она взята имъ «вслѣдствіе одного указанія Альфреда Потоцкаго». Послѣдній былъ однимъ изъ субъ-агентовъ главнаго агента по наблюденію за Ц. Польскимъ Штибера. Какъ бывший директоръ берлинской полиціи, Штиберъ казался очень цѣннымъ сотрудникомъ; Александръ II самъ внимательно и подробно обсуждалъ съ шефомъ жандармовъ условія его вознагражденія при возобновленіи осенью одного года контракта на слѣдующій годъ. Служба Штибера продолжалась съ января 1861 по конецъ 1864 года; денегъ для него не жалѣли. Его субъ-агентами, кромѣ Потоцкаго, состояли Церницкій (ключъ къ стр. 606—607 т. IX), von Cerrini di Monte Varchi (саксонскій инспекторъ жандармовъ), Александръ Бутовскій (по Швейцаріи) и др. (Архивъ III Отд., спеціальн. дѣло о Штиберѣ).

По агентурнымъ свѣдѣніямъ, III Отдѣленіе считало еще рядъ лицъ, переписывавшихся съ Герценомъ: Германа Яковлевича Апельрода, учителя школы межевыхъ топографовъ и николаевского сиротскаго института Павла Ефимовича Басистова, проф. Нила Александровича Попова, Живаго, Александра Федоровича Абакумова и поэта Дмитрія Минаева.

5 октября 1862 г. слѣдств. комиссія сообщила министру вн. дѣлъ, что государь согласился съ ея опредѣленіемъ о высылкѣ бывшаго адъюнктъ-проф. Калиновскаго въ Еногаевскъ Астраханской губ. «за обнаруженныя сношенія его съ находящимся въ Лондонѣ русскимъ изгнанникомъ Герценомъ». Просьба его остаться въ Астрахани, чтобы имѣть заработокъ на содержание 70-лѣтней матери и двухъ племянниковъ, была уважена (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло по канц. 1862 г. № 192).

Въ январѣ 1863 г. Калиновскій писалъ изъ Астрахани В. Д. Спасовичу: «Моихъ писемъ здѣсь не читаютъ; здѣсь нѣсколько моихъ друзей стерегутъ, когда придетъ почта и вынимаютъ изъ сумки письма, чего имъ никто не возбраняетъ. Мною отправляемыхъ писемъ здѣсь тоже не читаютъ, развѣ, у васъ въ СПб. распечатываютъ, что вы уже лучше узнаете. Въ заключеніе я долженъ тебѣ сказать нѣсколько словъ объ изгнанникахъ... Данненбергъ здѣсь

самый способный изъ всѣхъ сюда сосланныхъ. Онъ умѣлъ такъ одурачить Дегаю (губернатора), что послѣдній принялъ его въ свою канцелярію и даже велъ небольшую войну съ министерствомъ, когда оно на это не соглашалось. Теперь онъ помѣстилъ его при Костенкѣ, гдѣ онъ получаетъ 386 р. жалованья. Дегай считаетъ его гениемъ и не можетъ имъ нахвалиться, а между тѣмъ Данненбергъ боится, чтобы не попасть въ какую-нибудь бѣду. Вообрази себѣ, онъ собираетъ у себя крестьянъ, иногда ходитъ переодѣтый въ кабаки и ведетъ тамъ глупые разговоры. Разъ я самъ былъ свидѣтелемъ ихъ и долженъ отдать ему справедливость, что онъ умѣетъ говорить съ простымъ народомъ. Вовлекъ онъ въ это дѣло и Берви, хотя я и не вижу въ этомъ никакой пользы, потому что къ чему же поведетъ увѣреніе народа, что земля принадлежитъ ему. Я, сколько могу, уговариваю его, чтобы, вмѣсто этой пропаганды, онъ убѣждалъ народъ открыть у себя школы, но мои убѣжденія не помогаютъ. Онъ до сихъ поръ имѣетъ надежду, что можно вызвать крестьянскую революцію или, лучше, рѣзню. Теперь онъ началъ читать имъ изъ «Современника» самыя красныя статьи противъ помѣщиковъ, а такихъ статей тамъ довольно и между прочимъ «Дворянскіе выборы», но все это кажется мнѣ страшнымъ ребячествомъ. Много рассказывалъ онъ мнѣ о своихъ экспедиціяхъ въ Спб. на Сѣнную площадь, гдѣ ихъ ходило всегда нѣсколько переодѣтыми, о чемъ мы совершенно не слыхали; будто бы слѣдствія этого были очень очевидны, впрочемъ, я очень сомнѣваюсь въ этомъ».

Федоръ Ростиславовичъ Данненбергъ и Вильгельмъ Вильгельмовичъ Берви (псевд. Флеровскій) ни въ чемъ не сознались, а Калиновскій на допросахъ показалъ, что оперировалъ непровѣренными слухами, да еще плохо, торопливо изложенными въ письмѣ. По постановленію казанской комиссіи, судить ихъ было нельзя; приказано было оставить дѣло безъ послѣдствій.

Въ результатѣ Калиновскій былъ сосланъ въ Бійскъ, въ маѣ 1868 г.—въ Тулу; Берви—въ Кузнецкъ, откуда 1864 г. по болѣзни переведенъ въ Томскъ, въ 1866 г.—въ Вологду, въ 1868—въ Тверь; въ 1870 надзоръ снятъ, а въ 1871 г. усиленъ за выпускъ книги по рабочему вопросу; Данненбергъ—въ Тобольскую губ., а въ 1865 г. переведенъ въ Самарскую (Архивы III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10, лит. А. Б., 1863 г. № 23, ч. 206 и мин. вн. дѣлъ 1863 г., дѣло канц. № 448).

1907. Осада Нижняго.

Войско против памфлетовъ. «Le Nord» (6 авг.) извѣщаетъ насъ о новомъ доказательствѣ безконечной трусости петербургскаго правительства. Предполагая, что возмутители общественного порядка воспользуются стеченіемъ народа на нижегородской ярмаркѣ для распространения подметныхъ и запрещенныхъ сочиненій, оно велѣло окружить Нижній войскомъ и эшелонировать ихъ по берегу Волги подъ начальствомъ Лауница. Самъ «Nord» не вытерпѣлъ и удивился.

1908. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 августа (1862).
Esplanade hotel, Ventnor.

Вчера мы прѣѣхали въ девятомъ часу, потому что въ Портсм. опоздали на пароходъ и изъ Райда ждали карету до 6. Тамъ обѣдали и видали Кон. Ник. ¹⁾ въ спину.

Здѣсь на первый случай все тихо, и дурного ничего не было, но многого я сказать еще не могу.

Если на столѣ найдешь записку отъ Miss Founnerumlace, да еще есть въ столѣ письмо къ Мейз. и тетрадь, — письма пришли.

Утромъ явился Вас. Петр. ²⁾. На кварт. ничего дамы не приготовили. Мы за ночь съ Сашей платили 9 шилл.

Сегодня всѣ обѣдаютъ у меня.

Прощай. *Два часа.*

1909. Письмо къ Н. П. Огареву.

18 августа (1862), четвергъ.
Swiss Cottage.

Приписку твою я получилъ. Да что же ты это думаешь: такъ вотъ взялъ да Мильнеръ-Гибсону и написалъ о справкѣ?.. И почему ты знаешь, что онъ захочетъ? Развѣ черезъ Бени узнать. Ну что скажешь объ амнистіи Люд.-Нап.? А у Вас. Петр. чирій. Мы перѣѣжаемъ сюда, въ Swiss cottage, т.-е. я и Саша, а дѣти—въ новый домъ Melbourne House, и Nat. съ ними, а Мейз. остается въ Pelham'ѣ. Все это довольно глупо, но поумнѣе, чѣмъ прежде.

¹⁾ ?

²⁾ Боткинъ.

Лиза въ первую минуту меня дичилась, а Сашу боялась, но черезъ полчаса со мной пошла такая дружба, что просто не отходить и плачетъ, если я за дверь. Она совершенно здорова и поджарилась на солнцѣ.

Разговоровъ у насъ было не много,—есть тѣнь раскаянія или неудовольствіе собой, есть, пожалуй, и надежды; вообще, все шло кротко и тепло, но одно остается неизмѣнно: ни Nat., ни Мейзенб. не могутъ никогда научиться воспитывать дѣтей. Все дѣлаютъ онѣ, чтобы ихъ портить. Это—истиннее несчастіе, и не придумаю, что дѣлать. Мейз. видитъ сама, что *cela cloche* ¹⁾; она хочетъ прожить одна для купанья двѣ недѣли. О послѣднихъ письмахъ не было помину; письмо твое получено, стало, не его я послалъ Мельгунову.

Я думаю, что миръ и гармонія между нами водворятся, да, почти увѣренъ въ этомъ, но на дѣтскомъ вопросѣ можетъ все срѣзаться. Полагай всю вѣру на меня, на мое искреннее желаніе излѣчить N... Какъ теперь идетъ дѣло—можетъ много хорошаго выйти.

Лиза любитъ Боткина. Птица моя произвела фуроръ: она тряслась надъ ней и въ ту же минуту изодрала. Негръ понравился; она не тряслась надъ нимъ, но казнь была сдѣлана въ сутки.

Прошай. Дѣти умоляютъ остаться подольше. Можетъ, съѣзжу одинъ въ Лондонъ.

Получено ли первое письмо? Я забылъ написать: «London».

1910. Письмо къ гр. Е. В. Салиасъ де Турнемиръ ²⁾.

21 августа 1862.
Orsett House

Оба письма ваши мнѣ доставлены, но ни предисловія, ни перевода еще нѣтъ. Гораздо дешевле будетъ печатать въ другой типографіи (т-е. не въ Лондонѣ). Если вы желаете, я могу узнать. Тотъ ли это переводъ, о которомъ мнѣ говорилъ Клячко, или нѣтъ? Съ предисловіемъ все будетъ сдѣлано, и я увѣренъ, что тутъ нѣтъ причины безпокойства. Въ Россіи терроръ, но, вѣдь, его надобно было ждать. Страшно больно, что С.-С. ³⁾, Чер. ⁴⁾ и другихъ взяли. ¹⁾

¹⁾ Это не то.

²⁾ Елизавета Васильевна, писавшая подъ псевдонимомъ «Ев. Туръ».

³⁾ Н. А. Серно-Соловьевичъ.

⁴⁾ Н. Г. Чернышевскій.

Это—у насъ незакрывающаяся рана на сердцѣ, но дѣло не оставалось, но вопросъ ставится, и, если онъ поставится, то именно на той почвѣ, на которую ставить Огаръ; либеральная партія, которая не сумѣетъ на нее стать, будетъ раздавлена между двумя колесами. ²

Брань Каткова я знаю по статейкѣ Бени въ мою защиту; «Рус. Вѣст». еще не пришелъ сюда. Это меня не заставляетъ худѣть, а Каткова я обличилъ для пользы отечества; онъ получилъ, говорятъ, перстень ¹).

Видѣли ли вы каннибальскую статью въ «От. Зап.» (июнь, «Все и ничего») и ирокезную въ «Пет. Вѣд».—Ильи Арсеньева ²)? Что же дѣлать правительству, когда есть такая литература?.. Я правительство считаю за *злое безсмыслие*, безъ направленія; поѣдетъ—задавить,—а эти? Что же противъ нихъ не возстанетъ общественное мнѣніе?—Краевс. не богъ знаетъ какой баринъ.

Много и много благодарю васъ за колю съ портрета.

◆◆ 1. III Отдѣленіе давно и постепенно собирало свѣдѣнія о всѣхъ, болѣе или менѣе замѣченныхъ въ противоправительственномъ образѣ мыслей, не брезгуя ни анонимными доносами, ни услугами мелкихъ доносчиковъ, ни Павловыми, ни ужъ, конечно, Всеволодами Костомаровыми.

Въ концѣ юня 1862 г. въ 3 й экспедиціи былъ составленъ списокъ обреченныхъ, который и приведу буквально.

1. Чернышевскій, литераторъ. — Подозрѣвается въ составленіи воззванія «Великоруссь», въ участіи составленія прочихъ воззваній и въ постоянномъ возбужденіи враждебныхъ чувствъ къ правит-ву.
2. Шелгуновъ, Подполков. — въ томъ же и, кромѣ того, въ дружбѣ съ прест. Михайловымъ.
3. Обручевъ, полков. ³) — тоже и, кромѣ того, въ сношеніяхъ съ Чернышевскимъ.
4. Два брата Серно-Соловьевичъ } въ томъ же.
5. Пыпинъ, профессоръ. }
6. Захарьинъ (служ. въ пароход. общ. «Кавказъ и Меркурій»). — въ сношеніяхъ съ Чернышевскимъ.

¹) См. № 1915.

²) Тоже.

³) Николай Николаевичъ.

7. Огрызко, типографщикъ — въ сношен-хъ съ Чернышевскимъ и кромѣ того, послѣднія возванія отпечатаны прифтомъ, имѣющимся въ его типографіи.
8. Рычковъ, артил. офицеръ — родств. Чернышевскаго, подозрѣваемый въ сообщничествѣ.
9. Боковъ, докторъ (по дѣлу Обручева) — въ сношеніяхъ съ Чернышевскимъ.
10. Елисеевъ, литерат. — тоже.
11. Студенскій, студентъ — родств. Чернышевскаго, который употреб-лъ для письма его.
12. Благосвѣтловъ, литер. — обнаруживаетъ вражд. чув. къ прав-у и первенств. въ Шахъ-Клубѣ, гдѣ ведетъ рѣзкіе раз-го-воры.
13. Антоновичъ, литер. ¹⁾ — пріятель Чернышевскаго, которому приписывается состав-е воззваній.
14. Лавровъ, полков. — бывалъ на студентскихъ сход-кахъ и сочувств. имъ.
15. Милюковъ, учитель — находится въ переп. съ издате-лемъ въ Берлинѣ предосуд. русск. жур. «Своб. Слово».
16. Семевскій, литер-ъ ²⁾ — Предосуд. образъ мыслей.
17. Героглифовъ — раздавалъ до 10 экз. воз. «Вели-коруссъ».
18. Рошковскій — замѣчены у него ночныя сходки экстерновъ Константиновскаго воен. училища, и объ немъ из-вѣстно въ част-мъ письмѣ.
19. Керсновскій, арт. офицеръ — у него сходки офицеровъ и вос-пит. Констант. училища и по-дозрѣвается въ храненіи запрещ. библиотеки.
20. Вериго, арт. оф. } бывали на сходкахъ и замѣчаются
21. Скопинъ, студ. медиц. } въ подозрительности.

¹⁾ Максимъ Алексѣевичъ.

²⁾ Михаилъ Ивановичъ.

22. Утинъ, Николай, студ.	}	замѣчены въ студ. безпорядкахъ, сдѣлали демонстрацію на лекціи Костомарова, знакомы съ Чернышевскимъ и подозрѣваются въ напечат. воззв. въ пользу Павлова.
23. Печаткинъ, студ.		
24. Гогоберидзе, студ.		
25. Бобровский, офицеръ (Николаев. инжен. акад.)	—	предосуд-го образа мыслей и подозрѣвается въ «Великоруссѣ».
26. Гюбнеръ, студ.	}	заподозрѣны въ заказѣ ручного типографскаго станка для отпечатанія воззваній съ тѣмъ, чтобы оныя выпустить въ Нижнемъ къ тысячелѣтію.
27. Мультиановскій, студ.		
28. Ложеницынъ, студ.		
29. Березинъ, студ.		
30. Рымаренко, студ.		
31. Домъ Калпанова (на Выборгской сторонѣ)	—	наполненъ студентами медикохирург. Академіи, кои занимаются чтеніемъ запрещ. книгъ.
32. Евреиновъ, студ.	—	заподозрѣнъ въ распространеніи воззваній.
33. Аверкіевъ, артил. офиц.	—	замѣченъ въ возбужденіи ненависти къ правит-ву.
34. Дозе, учит. Ларин. гимназ.	—	раздавалъ воззваніе къ офицер-мъ.
35. Меригооровскій, учит.	—	виновникъ безпорядковъ въ Технологич. Институтѣ.
36. Полетика (два брата)	}	подозрѣваются въ дѣйств-хъ противъ правит-ва.
37. Горный инженеръ		
38. Костенко	}	заподозрѣны въ печатаніи и распространеніи возмутительныхъ воззваній.
39. Самаринъ		
40. Подосскій		
41. Левенталь		
42. Киселевъ		
43. Дрызло		
44. Боссе		
45. Кунъ		
46. Виноградскій		
47. Тибленъ, типографщикъ		
48. Блюммеръ	}	у нихъ сборъ студентовъ и занимаются распротр. воззваній.
49. Александровская		
50. Волковъ, студентъ	—	живетъ праздно и подозрѣвается въ неблагонамѣр. дѣйствіяхъ.

студенты Спбурскаго университета.

2. Это указаніе надо понимать, какъ полную солидарность Герцена съ напечатанной Огаревымъ въ № 2 «Общаго Вѣща» (22 августа) статьёй «Что надо дѣлать народу?». Основная мысль ея: «сходиться и-столковываться и просить царя міромъ, чтобы не вѣрилъ своимъ генераламъ, военнымъ и штатскимъ, которые въ СПб. указы и приказы пишутъ, а собралъ бы Земскій Соборъ изъ выборныхъ людей отъ всего народа, отъ всего земства, ихъ бы спросилъ и съ ними бы столковался, какъ учредить порядки, какіе по правдѣ слѣдуетъ». Земскому Собору надлежало разрѣшить прежде всего вопросъ о землѣ, затѣмъ о выборныхъ, судѣ и администраціи, о государственной смѣтѣ и потребныхъ для нея налогахъ, сборахъ и податяхъ, о народномъ образованіи и о свободѣ вѣры. «Обо всемъ здѣсь писанномъ надо народу по деревнямъ, селамъ, посадамъ и городамъ подумать и столковаться, чтобы просить царя, не отлагая, собрать для постановленій по всѣмъ онымъ дѣламъ земскій соборъ, и чтобы онъ постановленія земскаго собора утвердилъ своимъ царскимъ согласіемъ на благо всѣхъ областей и цѣлаго земства и тѣмъ доказалъ бы, любить ли онъ народъ».

Идея великаго земскаго собора назрѣвала въ русскомъ обществѣ постепенно и понемногу просачивалась черезъ цензуру на страницы журналистики и столбцы прессы. О ней говорилъ и «Великорусскъ» (позже—«Земская дума»), о ней писались статьи, ходившія по рукамъ въ рукописяхъ, еще въ 1861 г. И чѣмъ яснѣе дѣлалась дифференціація политической мысли и тактики, тѣмъ больше эта идея встрѣчала общее сочувствіе, разумѣется, за исключеніемъ радикаловъ, которые были увѣрены, что земскій соборъ будетъ фикціей народнаго представительства и, какъ таковой, окажется въ рукахъ правительства. Вопросы Ц. Польскаго, Финляндіи, Малороссіи и Кавказа побуждали опять-таки къ созванію собора. И когда въ серединѣ 1862 г. большинство либеральнаго общества шарахнулось въ реакцію, меньшинство стало дорожить идеей о соборѣ еще больше, надѣясь съ его помощью, все-таки, увидѣть въ Россіи осуществленіе такихъ реформъ, которыя правительство готово было сдать въ архивъ своихъ ошибокъ и заблужденій подъ натискомъ недавно еще осаждавшаго его большинства.

Чтобы видѣть, какъ пришелъ къ земскому собору Герценъ, приведу интересный рассказъ Кельсиева въ его «Исповѣди», немного нарушивъ, правда, его цѣльность пропускомъ мѣстъ, не имѣющихъ прямого для насъ интереса.

Характеризуя вереницы пріѣзжавшихъ къ Герцену разнообразныхъ соотечественниковъ, онъ замѣчаетъ: «Въ сущности,

сколько я могъ замѣтить, мало кто изъ нихъ понималъ ясно, чего добивается «Колѣколь»; гости наши, въ простотѣ души, считали насъ революціонерами, тогда какъ мы были *реформаторами*; они принимали Герцена за агитатора, а онъ былъ органомъ оппозиціи старому порядку вещей, начавшейся и дѣйствовавшей въ самой Россіи. Съ кѣмъ можно сравнить Герцена и Огарева по ихъ взгляду на вещи и по ихъ направленію, это скорѣе всего съ Брайтономъ и Кобденомъ. Обстоятельства *принудили ихъ, противъ ихъ воли*, сдѣлаться агитаторами, но на этомъ агитаторствѣ и подорвалось ихъ вліяніе».

«...Заговоромъ Герценъ не дѣлалъ, тайныхъ обществъ не основывалъ. «Пусть въ самой Россіи заводятъ оппозиціонныя и реформистскія лиги,—твердилъ онъ каждому пріѣзжему;—намъ изъ-за границы этого дѣлать неудобно, да и нечестно бы было толкать людей на гибель, зная, что сами ничему не подвергаемся. Наше дѣло быть органами движенія, путь ему и цѣль указывать, высказывать то, о чемъ цензура заставляетъ молчать»... И, дѣйствительно, несмотря ни на просьбы, ни на какія убѣжденія, Герценъ и Огаревъ не рѣшались выступить агитаторами, на манеръ Маццини. Такъ было до лѣта 1862.

«Это, смотря на дѣло съ тогдашней точки зрѣнія, было большой ошибкой. Вся Россія волновалась лондонскою пропагандой, все готово было дѣйствовать противъ правительства, но никто не зналъ, какъ и съ чего начать; даже чего хотѣть, не знали. Люди пріѣзжали въ Лондонъ съ полной готовностью служить дѣлу; они отдавались въ безусловное распоряженіе Герцена; они команды ждали, имъ нужна была формула, катехизисъ чего хотѣть и чего не хотѣть,—и въ отвѣтъ не получали ничего опредѣленнаго. Я тысячу разъ указывалъ на это Герцену и Огареву, но они стояли на своемъ. «Ну, хоть уставъ лиги сочините,—гозорилъ я,—напишите его по параграфамъ; ваши слова, вашъ приказъ будетъ имѣть силу и авторитетъ. Укажите точно и ясно, чего слѣдуетъ добиваться, а то, вѣдь, хаосъ идетъ вопіюшій между прогрессистами». Ничего нельзя было подѣлать: оппозицію они создали, а организовать ее не сумѣли; проще выразиться—они были публицисты, а Герценъ—даже и очень талантливый, но имъ однихъ пустяковъ недоставало: *они не были государственные люди*.

«Съ самаго Парижскаго мира, когда, съ наплывомъ русскихъ за границу, такъ быстро стали расходиться ихъ изданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ ихъ пріобрѣлъ такое огромное значеніе, имъ чуть не каждый пріѣзжій, чуть не каждое письмо предлагали деньги на поддержку пропаганды и на основаніе капитала для тай-

наго общества,—они не принимали, а собрать могли бы сотни тысячъ. «Нашихъ собственныхъ средствъ довольно,—отвѣчали они,— для веденія пропаганды; пріемомъ денегъ мы навлечемъ на себя и большую отвѣтственность и, чего добраго, набросимъ тѣнь на чистоту нашихъ цѣлей. Употребите эти деньги въ Россіи: тамъ онѣ болѣе нужны, потому что тамъ нужно дѣло дѣлать». Жертвователи пожимали плечами, спускали деньги въ Парижѣ или въ Баденъ-Баденѣ, а кто и не спускалъ, кто и желать бы отдать ихъ кому-нибудь въ Россіи, тотъ не зналъ, къ кому обратиться. Даже когда авторитетъ пропаганды сталъ падать, одинъ *юный офицеръ*, только-что получившій по наслѣдству что-то около 100.000 руб. наличными, не считая огромнаго имѣнія (Казаковъ, помнится, его звали), привезъ свой капиталъ (въ 1862) въ Лондонъ и отдавалъ его Огареву, обѣщаясь отдать и то, что выручится отъ продажи имѣнія. «Мы заводимъ теперь Общій фондъ,—сказалъ Огаревъ,— и мы рѣшили, что у кого меньше 5000 рублей (если не ошибаюсь) дохода, тотъ пусть 5% своего дохода вноситъ, а у кого больше, тотъ—10%, а такихъ пожертвованій мы не можемъ принять». Это мнѣ самъ Казаковъ рассказывалъ въ Парижѣ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ и, очевидно, перемѣняя убѣжденія. Сколько я, съ самаго начала моего знакомства, ни убѣждалъ Герцена и Огарева въ необходимости имѣть капиталъ на непредвидимыя обстоятельства, нельзя было ихъ уломать. А послѣдствія показали, что я былъ правъ, и что сила Лондона главнымъ образомъ состояла въ томъ, что тамошнихъ дѣятелей считали людьми очень дѣловыми, и что никто не могъ допустить, чтобы они, волнуя Россію, не были готовы стать въ данную минуту во главѣ возстанія. Энтузіасты думали, что у насъ не только несмѣтные капиталы, но что у насъ есть даже склады пушекъ, пороху, ружей...

«Горько мнѣ разоблачать ошибки людей, которымъ я нѣкогда слѣпо вѣровалъ и которыхъ до сихъ поръ искренно люблю, особенно Герцена... Мнѣ тяжело писать разъясненіе ихъ неудачъ, но разъясненіе это необходимо сдѣлать. Государь и правительство его сдѣлали столько добра Россіи въ эти 13-ть лѣтъ (писано въ 1867 г.—*М. Л.*), они такъ сумѣли перегнуть насъ, тогдашнихъ прогрессистовъ, что долгъ лежитъ на каждомъ добросовѣстномъ русскомъ раскрыть имъ прошедшее и настоящее,—все, что можетъ облегчить имъ труды ихъ въ будущемъ.

«Еще что погубило насъ, это—нападки Герцена на русскихъ литераторовъ и журналистовъ. Послѣ войны всѣ журналы наши и вся литература приняла оппозиціонный характеръ; всѣ образованные люди сочувствовали возникновенію русской типографіи за

границей, и если кто и ропталъ на лондонскую пропаганду, то только въ томъ смыслѣ, что она недостаточно ловко ведетъ дѣло, бьетъ не туда, куда слѣдовало бы. Удовольствіе, что у насъ явилась оппозиція, было общее, и вся журналистика ее поддерживала. вмѣсто того, чтобъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ настроеніемъ умовъ, Герценъ и Огаревъ стали нападать на Каткова, на Краевскаго, на Усова, да почти что на всѣхъ безъ исключенія, за ихъ обмолвки или за ихъ взгляды, въ которыхъ они не сходились съ «Колоколомъ». Если-бъ эти мелочи оставить безъ вниманія, не требовать отъ людей невозможнаго единомыслія по всѣмъ второстепеннымъ вопросамъ, то едва ли бы возникла такая вражда къ намъ сначала «Московскихъ Вѣдомостей», а потомъ и всѣхъ прочихъ журналовъ. Герценъ съ Огаревымъ, какъ и Чернышевскій съ Благосвѣтловымъ, не сумѣли справиться съ свободою книгопечатанія, потому что были излишне приучены къ строгой цензурѣ. Они совершили самоубійство, вызвавъ, безъ малѣйшей нужды, оппозицію своимъ принципамъ. Они дотравили своихъ противниковъ до перемѣны убѣжденій изъ-за наносимыхъ имъ оскорбленій, а извѣстно, что убѣжденія и взгляды людскіе всего легче мѣняются изъ-за личныхъ неудовольствій. Я злился, что русскіе публицисты стали нападать на «Колоколь», а Герценъ и Огаревъ радовались; имъ казалось: публичныя возраженія на ихъ принципы только распространятъ эти принципы въ обществѣ,—такъ глубоко вѣрили они въ правоту своего дѣла».

Разумѣется, весь этотъ послѣдній абзацъ показываетъ, какъ плохо понималъ Кельсіевъ суть общественнаго настроенія и ^{причины} создававшія его серьезные переходы, и я цитирую это мѣсто, чтобы не нарушить его общей мысли и показать читателю, какъ осторожно надо относиться къ его указаніямъ.

«Въ 1860 г. каждый пріѣзжій слушалъ ихъ съ благоговѣніемъ, въ 1861—начали робко возражать имъ, въ 1862—съ ними уже спорили и прямо въ глаза имъ говорили, что они забыли Россію. Даже мнѣ наединѣ жаловались на промахи и на политическую несостоятельность Герцена и Огарева. А Герценъ все острилъ да шутилъ, хоть иногда и со слезами на глазахъ, въ силу своего глубокаго юмора и сильно любящаго сердца, и никакъ не могъ удержаться отъ статей въ родѣ той, гдѣ говорилось, будто его хотятъ похитить. Что письмо объ этомъ, дѣйствительно, къ нему пришло, это положительно, и что почеркъ лица, которымъ оно было писано, былъ знакомъ, хотя никто не зналъ, кто этотъ тайный другъ пропаганды—все это вѣрно. Но, во-первыхъ, не слѣдовало обращать вниманія на такую несбыточную угрозу, а, во-вто-

рыхъ, слѣдовало догадаться, что если и былъ такой умыселъ, то онъ никакъ не принадлежалъ самому правительству, а если даже и принадлежалъ, то существовалъ, какъ проектъ, какъ предположеніе, объ осуществленіи котораго даже и не думали, потому что и въ секретѣ его не держали. Статья эта тоже сильно скомпрометировала Герцена, сдѣлавъ его смѣшнымъ.. Впрочемъ, трудно даже и перечислить всѣ причины, поведшія его къ паденію съ той высоты, на какой онъ стоялъ до 1861—62 года. Довольно того замѣтить, что въ то время, когда я выступилъ агитаторомъ, нашъ кредитъ былъ уже сильно подорванъ, а наше безсиліе въ финансовомъ отношеніи, какъ и недостатокъ въ слѣпо преданныхъ послѣдователяхъ, а излишекъ въ врагахъ и въ критикахъ окончательно подорвали наше вліяніе и, какъ я ни бился, я уже не могъ возстановить его».

«Герценъ и Огаревъ наотрѣзъ отказали мнѣ въ разрѣшеніи ѣхать (въ СПб. и Москву—*М. Л.*), и пришлось слушаться, потому что я самъ запросился въ эмиграцію, самъ остался въ Лондонѣ, противъ ихъ желанія, потому что всякая разлада между мной и ими повела бы только къ ослабленію моихъ силъ дѣйствовать для *блага* Россіи.—Возраженія ихъ были тѣ, что подобная поѣздка не имѣетъ опредѣленной цѣли, что если раскольникамъ нужно, они и сами пріѣдутъ, сами попросятъ завести типографію съ церковнымъ шрифтомъ, сами заведутъ у себя склады. Но, мнѣ кажется, у нихъ была и задняя мысль, впрочемъ, весьма основательная: моя поѣздка, моя чисто агитаціонная дѣятельность непременно выдвинула бы меня впереди, и мое имя загородило бы ихъ имена, такъ что ихъ значеніе, какъ публицистовъ, померкло бы передъ моимъ—значеніемъ агитатора. А я еще былъ слишкомъ молодъ (25—26 лѣтъ), да и недавно сталъ имъ извѣстенъ. Кто могъ поручиться, что легко пріобрѣтенная извѣстность не вскружитъ мнѣ голову, не толкнетъ меня злоупотребить своимъ вліяніемъ и не надѣлаетъ бѣды раздѣленіемъ лагеря? Чѣмъ я могъ обезпечить ихъ, что я не наговорю лишняго, не затѣю вздора, что, въ случаѣ ареста, не выдамъ, изъ малодушія, людей, которые мнѣ довѣряются?.. Разумѣется, мнѣ не было это высказано, но не понять ихъ мотивовъ было нельзя. Я проглотилъ пилюлю, какъ она ни была горька—и покорился.—«Выдержите искусь, Кельсіевъ», говорилъ мнѣ часто Герценъ, всегда болѣе расположенный ко мнѣ, чѣмъ Огаревъ: «знаю, что вамъ тяжело; знаю, что нелегко, но крѣпитесь, закалите свою волю; даже монахомъ нельзя сдѣлаться, не побывавъ послушникомъ, даже въ офицеры не иначе производятъ, какъ изъ кадетовъ или изъ юнкеровъ. Терпи казакъ—атаманъ будешь!»—И я терпѣлъ, выносилъ безро-

потно свое послушаніе,—но атаманомъ не сталь, или и сталь (какъ закъ-баши), но уже совершенно другого рода».

Наконецъ, Кельсіевъ, все-таки, предпринялъ свою поѣздку, именно потому, что неосновательно подозрѣвалъ въ мысляхъ Герцена—хотѣлось роли и положенія.

«Что Герценъ дѣлаеть?» спрашивали его русскіе революціонные работники,—«какъ смотритъ на нынѣшнее движеніе, какъ ведетъ его, что организуетъ и кого поставилъ въ предводители?»—«Словомъ,—пишетъ Кельсіевъ—всѣ либералы того времени смотрѣли на Герцена, какъ на агитатора, и думали, что онъ основалъ тайное общество, къ которому они, если и не принадлежатъ, то единственно по недостатку довѣрія съ его стороны. Я долго не могъ ихъ разубѣдить въ этой иллюзіи: нужно было подробно опредѣлить имъ характеръ и взглядъ Герцена, его направленіе, чтобы они поняли, почему онъ не хочетъ браться за «практическую дѣятельность», а ограничивается ролью пропагандиста и руководителя общественнымъ мнѣніемъ.—«Но это ужасно!—вскричалъ Николай Серно-Соловьевичъ, понявъ, наконецъ, что я его не обманываю:—«тогда и мы погибли, и, чего добраго, Россія погибнетъ съ нами». Я поблѣднѣлъ, услышавъ эти слова. Серно-Соловьевичъ формулировалъ въ ясныхъ и простыхъ словахъ мысль, которая мнѣ давно уже не давала покоя, но которую я самъ боялся себѣ высказать. Онъ сразу пришелъ къ тому выводу, до котораго я не могъ дойти годами,—что движеніе, поднятое Герценомъ, вредно, потому что совершается безъ плана. «Что же это значитъ?»—продолжалъ онъ, какъ бы съ самимъ собою, откинувшись на диванѣ. Это значитъ, что «Колоколъ» вызвалъ къ политической дѣятельности пропасть лучшихъ силъ образованнаго меньшинства, эти силы просятъ дѣла, работы, направленія и ничего не находятъ, потому что Герценъ не хочетъ или не умѣетъ обуздывать ихъ и править ими. Теперь и понятно, почему у насъ такая разногласица, что нѣтъ двухъ человѣкъ, согласныхъ въ принципахъ или въ цѣли. Теперь и понятно, почему молодежь бросается въ нелѣпныя теорія и фантазіи, никого слушать не хочетъ, несетъ чушь, и только компрометируетъ либераловъ, нося съ ними одно названіе. Это ужасно! Покуда весь этотъ хаосъ еще сдерживается вѣрою въ Герцена и готовностью идти въ огонь и въ воду по его слову,—а потеряй имя Герцена это обаяніе, какъ оно уже и теряетъ, тогда что выйдетъ? Выйдетъ, что мы между собой передеремся и тѣмъ потеряемъ силу, а потеряй мы силу,—все отсталое, тупое, ретроградное подыметъ голову и начнетъ разрушать даже и то небольшое хорошее, что теперь сдѣлано правительствомъ! А чего добраго, какъ отъ этого распадѣнія на-

шего, какая-нибудь горсть дураковъ или энтузіастовъ затѣетъ революцію,—что тогда будетъ? Тогда пиши пропало всему! Революція—еще не совсѣмъ бѣда, когда ее ведутъ умные и честные люди,—люди, знакомые съ нуждами государства,—ну, а пусть во главѣ ея стануть дураки и интриганы, тогда и государство исчезнетъ».

«Въ этихъ словахъ—весь Серно-Соловьевичъ, какимъ я его видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ, и за эти слова я почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе; это не былъ пустозвонъ въ родѣ Ничипоренка и тысячи другихъ, безсмысленныхъ, по модѣ увлекавшихся движеніемъ. Онъ былъ прежде всего государственный человѣкъ, то-есть разсчитывалъ, что полезно и что вредно, не увлекаясь ни фразами, ни обаятельными призраками, ни фантастическою надеждою, что стоитъ только уничтожить все старое, чтобы все пошло, какъ по маслу. Правда, онъ былъ раздражителенъ, даже озлобленъ: сгоряча и у него срывались тогдашнія модныя фразы въ родѣ знаменитой, что «нужно все похерить», но стоило съ нимъ поговорить часа два, чтобы увидѣть глубокое пониманіе вопросовъ подъ этой кажущейся революціонной діалектикой.—«Вѣдь, что бѣситъ?—говорить онъ—бѣситъ то, что при всемъ желаніи сдѣлать что-нибудь путное, ничего сдѣлать не можешь, потому что у насъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Правительство и радо бѣ радехонько послѣдовать указаніямъ общественнаго мнѣнія,—а мнѣнія этого никакъ не уловить. Все перепуталось, никто другъ друга не понимаетъ. Требуютъ отъ правительства такихъ крайностей, какихъ оно даже выполнить не можетъ, на примѣръ, отмѣны брака, которая даже человѣческаго смысла не имѣетъ. А правительство, прислушиваясь къ этимъ толкамъ и пугаясь революціонной декламации, становится втупикъ и теряетъ довѣріе и уваженіе къ общественному мнѣнію. Оно и радо бы итти впередъ, да его пугаютъ, и оно со страхомъ вдается въ періодическія реакціи. Экая досада, что Герценъ не понимаетъ своей роли и губить дѣло неумѣстнымъ церемоничаньемъ, что онъ внѣ всякой опасности».

«Послѣ многихъ толковъ и даже споровъ по отдѣльнымъ вопросамъ, мы пришли съ Николаемъ къ слѣдующему заключенію.—Въ государствѣ, какъ Россія, гдѣ нѣтъ ни свободы книгопечатанія, ни конституціи, правительство не можетъ знать, куда ему итти и что дѣлать. Нужно какое-нибудь учрежденіе, которое доводило бы до него свѣдѣнія о потребностяхъ народа и общества, но было бы въ то же время вполне отъ него независимо, такъ какъ зависимость исключаетъ искренность. Это же учрежденіе должно руководить общественнымъ мнѣніемъ, подталкивая отсталыхъ и сдерживая забѣгающихъ впередъ. Прежде, чѣмъ заставить общество говорить о»

какихъ-нибудь нуждахъ, на примѣръ, о потребности гласнаго судопроизводства, о свободѣ вѣроисповѣданій и т. п., оно само должно убѣдиться, дѣйствительно ли такая потребность существуетъ въ народѣ, а чтобы убѣдиться въ этомъ, оно должно было наводить справки, пуская слухъ, будто правительство само думаетъ ввести данное преобразованіе. Если слухъ хорошо примется, слѣдовало его поддерживать, разрабатывать вопросъ, сдѣлать его предметомъ толковъ такъ, чтобы онъ, прежде чѣмъ правительство приступитъ къ его обсужденію, уже облекся бы въ положительныя формы, выработанныя общественнымъ мнѣніемъ; а если слухъ произвелъ дурное впечатлѣніе, если задуманная мѣра противорѣчитъ инстинктамъ народа, то и оставить его въ покоѣ: на этомъ, я думалъ, разомъ покончить съ коммунистическими, революціонными и атеистическими утопіями. Вѣдь, правительство, говорили мы, вовсе не прочь послушать дѣльнаго совѣта и даже, въ первое время «Колокола», было отчасти благодарно Герцену за высказываемыя имъ горькія истины. Оно вовсе не консервативно по своимъ преданіямъ: оно—вѣчный революціонеръ, только ведетъ революцію сверху, а не снизу. Отчего оно теперь начинаетъ пятиться? оттого, что пугается итти за общественнымъ мнѣніемъ, которое мечется во всѣ стороны, сбивая его съ толку и теряя его уваженіе къ себѣ съ каждымъ днемъ. Вотъ почему даже для правительства легче было бы имѣть дѣло съ толковой оппозиціей, съ серьезными, даже придирчивыми цензорами его дѣйствій, чѣмъ съ этой бессмысленной толпой крикуновъ и свѣже-испеченныхъ доморощенныхъ революціонеровъ. Правительство выиграло бы отъ умной оппозиціи—лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ глупымъ найти; вѣдь, у него нѣтъ собственныхъ сословныхъ или династическихъ интересовъ, какъ въ Пруссіи или во Франціи; оно у насъ состоитъ изъ царской фамиліи, о правахъ которой никто и не споритъ, да изъ людей, достигшихъ высокаго положенія въ силу своихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ заслугъ, а стать въ ряды этихъ людей никому у насъ не закрыта дорога, по крайней мѣрѣ de jure. Стало быть, по духу нашихъ убѣжденій, правительство, это—лучшіе люди того же самаго общества, которое мы сами составляемъ, а будь это общество толково въ своихъ требованіяхъ, члены его, входящіе въ составъ правительства, не могутъ не поддерживать этихъ требованій.

«Разумѣется, во всемъ этомъ было много идеализаціи и теоретичности, но, сколько помню, ни отъ одного изъ тогдашнихъ либераловъ я не слышалъ плана дѣльнѣе и толковѣе сочиненнаго нами съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ. Да они даже ничего не сочиняли; ихъ беспокоили больше всего ихъ теоріи да громкія

фразы, а серьезно подумать о государственныхъ отношеніяхъ имъ и въ голову не приходило. Государь разбудилъ общество отъ долгаго сна, онъ самъ вызвалъ его къ обсужденію государственныхъ вопросовъ,—но больше онъ не могъ сдѣлать. Люди, никогда не думавшіе, не умѣли справиться ни съ мыслью, ни съ словомъ и заметались спросонья, какъ птицы, разбуженныя молніей въ глухую ночь. Много лѣтъ пройдетъ еще, пока наше общество станетъ такимъ же трезвымъ и умѣреннымъ, какъ англійское».

Опять-таки отмѣчу, что Кельсіевъ просто приписалъ Н. Серно-Соловьевичу свои мысли, да и то позднѣйшія, тотъ же не высказывалъ ему своихъ истинныхъ убѣжденій.

«Изъ проекта нашего вытекало само собой слѣдующее. Нужна была крѣпкая организація множества существовавшихъ тогда мелкихъ кружковъ, съ безусловнымъ подчиненіемъ ихъ кружкамъ губернскимъ, которые, въ свою очередь, должны были слѣпо повиноваться петербургскому, московскому, кievскому и еще, не помню теперь, какимъ, но помню, что эти центры предполагалось устроить, образуясь съ географическими и этнографическими условіями. Тогда въ сильномъ ходу было ученіе «почвенниковъ», которое и я принималъ, соглашаясь, что потребности разныхъ частей государства не могутъ быть одинаковы, хотя Серно-Соловьевичъ держался французской школы, что что разумно въ одной данной мѣстности, то пригодно и для всего земного шара. Затѣмъ, всѣ эти центральные кружки должны были подчиняться одному общему для всей Россіи, какъ бы онъ ни сложился: въ видѣ ли періодическихъ съѣздовъ или въ видѣ постояннаго комитета, засѣдающаго въ Петербургѣ; главою же и диктаторомъ его долженъ быть Герценъ. Только Герценъ и могъ занять этотъ постъ. Его имя пользовалось безграничнымъ уваженіемъ, на него всѣ привыкли смотрѣть, какъ на вождя, ему каждый могъ подчиниться, не считая это униженіемъ. Онъ былъ внѣ моды, которая тогда выносила на пьедесталъ то М. И. Сухомлинова, то П. В. Павлова, то Н. И. Костомарова, и свергала ихъ такъ же неожиданно, какъ и возносила. Онъ не принадлежалъ ни къ какой школѣ, какъ Чернышевскій, Благосвѣтловъ, Достоевскій, Щегловъ. Онъ былъ слишкомъ далеко отъ Россіи, чтобы съ нимъ можно было имѣть личности. Онъ былъ въ безопасности, стало, никакіе аресты или преслѣдованія не могли отнять его у партіи. Рѣшено было, что я употреблю всѣ мѣры для убѣжденія Герцена принять на себя эту должностъ и что не отстану отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится. Я долженъ былъ представить ему всю опасность положенія Россіи, въ которой вызванное имъ же самимъ движеніе грозило принять необузданный характеръ и произвести или бессмыслен-

ную революцію или, что не лучше, превратить прогрессивное правительство въ ретроградное. Кто ручался намъ тогда, что правительство, «появвъ, наконецъ, что надъ нигилистами нѣтъ никакой управы, однимъ почеркомъ пера не усилило бы цензурныхъ строгостей, не закрыло бы всѣхъ комитетовъ о реформахъ, словомъ, не отняло бы всего, что дало или хотѣло дать, и не возвратилось бы къ страшной системѣ 1849—53? А это и было бы, если-бъ «Молодая Россія» и пожары не повернули бы общественнаго мнѣнія въ другую сторону, разомъ уничтоживъ потребность въ принятой нами организаціи либераловъ. Я не приверженецъ и не поклонникъ Каткова, у меня въ душѣ, все-таки, осталась, можетъ быть, невольная *gaspine* ¹⁾ за его слишкомъ безцеремонное обращеніе съ нами, за его неджентльменскіе поступки съ своими литературными врагами, но надо отдать ему честь, что онъ спасъ Россію отъ нигилистовъ и отъ реакціонеровъ, замѣнивъ предполагаемое тайное общество «Московскими Вѣдомостями», которыя долгое время были, въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ посредникомъ между народомъ и правительствомъ, какимъ мы хотѣли сдѣлаться. Самый фактъ огромнаго вліянія «Московскихъ Вѣдомостей» показываетъ, что въ 1862 г. была, дѣйствительно, потребность въ укрощеніи необузданныхъ либераловъ и въ разъясненіи истинныхъ стремленій и желаній людей трезвыхъ и понимающихъ государственные вопросы. Мы съ Серно-Соловьевичемъ чувствовали это раньше, говорили объ этомъ, когда никто еще даже и не думалъ, и если хотѣли достигъ этого путями *незаконными*, то только потому, что не видѣли другого исхода. Журналистикой до катастрофы нечего и думать было пособить горю,—журналистика вся тогда превратилась въ какое-то гнусное поле для личной перебранки и литературныхъ доносовъ. Всѣ принципы осмѣивались въ ней, ни одна редація не уважала другой и считала каждую дѣльную идею, появившуюся въ чужомъ изданіи, чуть не личной обидой. Положеніе было, дѣйствительно, «ужасное», какъ выражался бѣдный Серно-Соловьевичъ, и исходъ изъ него видѣлся только въ диктатурѣ Герцена—о диктатурѣ Каткова тогда и въ голову не могло прійти, да и она никого не прельщала, потому что Катковъ, дѣлавшій литературные доносы и выработывавшій принципы не по убѣжденію, а изъ ненависти къ нападавшимъ на него нигилистамъ, былъ вовсе не симпатичной личностью. Не мы съ Серно-Соловьевичемъ были виноваты въ нашихъ планахъ и въ со-вѣщаніяхъ, а духъ времени насъ толкалъ, и горячая любовь къ

¹⁾ Злоба.

Россіи руководила нами,—страхъ за ея будущность, недовѣріе къ своимъ и чужимъ, запутанность положенія, опасность катастрофы. Онъ стоялъ очень близко къ петербургскимъ либераламъ, я—также близко къ лондонцамъ, и мы оба видѣли, что дѣло идетъ изъ рукъ вонъ плохо и грозитъ правительственной реакціей. Мы и протянули другъ другу руки для спасенія будущности Россіи, потому что, кромѣ насъ, никто не заботился горячо объ этой будущности,—по крайней мѣрѣ, мы не видѣли, чтобы кто-нибудь серьезно искалъ исхода изъ тогдашняго неопредѣленнаго положенія. Передъ закономъ мы преступники, но совѣсть у насъ чиста: мы хотѣли спасти Россію и отъ революціи и отъ реакціи, и исторія насъ оправдаетъ, хотя намъ не удалось осуществить нашего начинанія».

Все это наивно, сумбурно и молодо, все это, повторяю, не вѣрно рисуеть Серно-Соловьевича, бывшаго съ Лондономъ въ совершенно ясныхъ и прямыхъ сношеніяхъ,—но до извѣстной степени вѣрно освѣщаетъ общее настроеніе либеральной части русскаго общества, прикасавшагося къ идеѣ революціонной работы; русскіе революціонно настроенные круги, исключая радикаловъ во главѣ съ Чернышевскимъ, искали сильной руки и единой головы, не вѣря въ свои разрозненныя усилія при тогдашней, если можно такъ выразиться, рѣдкости революціоннаго населенія и его разобщенности разстояніями и усиліями полиціи и жандармеріи. Опыта революціонной работы не было, а примѣры прошлаго указывали на центры, какими были Пестель, Маццини и т. д.

Кельсіевъ не допускалъ, повидимому, мысли, что Серно-Соловьевичъ былъ болѣе сдержаннымъ конспираторомъ и говорилъ съ нимъ исключительно потому, что надѣялся на старообрядчество, гдѣ работалъ Кельсіевъ. Самодержавіе въ корнѣ противорѣчило его послѣднимъ, передъ арестомъ, убѣжденіямъ.

Однако, все краснорѣчіе и вся горячность Кельсіева не измѣнили убѣжденія Герцена, очень поколебали Огарева и вполнѣ были поддержаны Бакунинымъ, внесившимъ только измѣненіе въ имя центральной фигуры, которой онъ самъ не прочь былъ и стать.

Въ Одессѣ въ августѣ 1862 г. ходила по рукамъ рукописная прокламація, вполнѣ подтверждающая искательство предводительства и руководства. Приведу ее буквально:

Голосъ русскаго народа.

Да здравствуетъ Республика! (Народное правленіе).

Да здравствуетъ великій диктаторъ Россіи А. Искандеръ!

Да здравствуетъ всеобщій славянскій союзъ!

Да здравствуетъ Свобода и Единство!

Долой чухонско-нѣмецкая династія ¹⁾ лже-Романовыхъ ²⁾.

Долой ихъ кабачно-нѣмецкое правительство, сложенное съ
льстецовъ, воровъ, грабителей и палачовъ.

Долой казенное чиновничество и стародуры, жандармы, шпіоны
и цензура!

Лѣтняя реакція, какъ нельзя болѣе ясно подчеркнувшая полную немощность разобщенной по кружкамъ революціонной работы (читатель видѣлъ уже разнообразныя прокламаціи, вышедшія до 1 іюля 1862 г., а къ нимъ надо добавить еще выпущенную въ апрѣлѣ «Земскую Думу»), не убѣдила Герцена въ справедливости настояній Кельсјева, но обратила его мысль въ сторону возможно быстрого и прочнаго устройства Россіи, благо, не все еще было погребено властной реакціей. Средствомъ такого устройства казался земскій соборъ. Вотъ почему появляется статья Огарева, вызывающая у Герцена полное одобреніе.

Мало того, что Огаревъ,—самъ Бакунинъ примыкаетъ къ той же мысли и въ согласіи съ Герценомъ выпускаетъ свою брошюру «Народное дѣло», основой которой является именно все-народный земскій соборъ. «Очистившись отъ старыхъ друзей, сомнительныхъ и слабонервныхъ, мы стали сильнѣе,—писалъ Бакунинъ. Намъ нужны теперь люди, которые до конца были бы преданы *народному дѣлу* и на которыхъ, поэтому, можно было бы разсчитывать, ибо теперь наша партія окончательно стала партіею дѣла. А наше дѣло—служить революціи». Исходъ ея «будетъ мирный и благодатный, если царь, ставъ во главѣ движенія народнаго, вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ приступитъ широко и рѣшительно къ коренному преобразованію Россіи въ духъ свободы и земства». «Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если-бъ царь созвалъ *теперь* земскій соборъ, онъ *впервые* увидѣлъ бы себя окруженнымъ людьми, дѣйствительно ему преданными». «Русскій народъ, жотя и главная жертва царизма, не потерялъ вѣры въ царя. Бѣды

¹⁾ Это всему міру извѣстно: что Екатерина II, ведя распутную жизнь, не могла имѣть наслѣдника на русскій престолъ, секретно приняла за своего ребенка, одного чухонца и сдѣлала съ него Павла I, который въ одно прекрасное время царствованія своего былъ убитъ за разныя варварства. *Прокламація*.

²⁾ Съ кончиною Петра I родъ Романовыхъ совершенно угасъ, послѣ его и Екатерины I овладѣли русскимъ престоломъ нѣмцы, а въ послѣдствіи чухно-нѣмцы, которые нынѣ существуютъ подъ ложнымъ названіемъ Романовыхъ. *Прокламація*.

свои онъ приписываетъ кому и чему вамъ угодно.—и помѣщикамъ, и чиновникамъ, и попамъ, только отнюдь не царю». «Какъ ни горько сознаться въ этомъ, но я думаю, что для будущаго успѣха самого революціоннаго дѣла мы должны громко высказать то убѣжденіе, что до сихъ поръ вліяніе нашей партіи на народъ было близко къ нулю. Революціонерная пропаганда еще не нашла къ нему доступа и не умѣла еще потрясти его безумной, его несчастной вѣры въ царя. Никогда еще не чувствовался такъ сильно разрывъ, существующій между народомъ и нами, и никто изъ насъ не перешелъ еще черезъ пропасть, отдѣляющую насъ отъ него». «Скажемъ правду: мы охотиѣе всего пошли бы за Романовымъ, если-бъ Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій еще его признаетъ, и что сила его создана, готова на дѣло и могла бы сдѣлаться непобѣдимой силою, если-бъ онъ далъ ей только крещеніе народное. Мы еще потому пошли бы за нимъ, что онъ *одинъ* могъ совершить и окончить великую мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови. Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но, все-таки, онѣ зло, великое зло и большое несчастіе, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и къ полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской».

Все это, а особенно программа, достигаемая путемъ всенароднаго земскаго собора, убѣждаетъ насъ, что въ то время у Бакунина было много точекъ общихъ съ Герценомъ.

Программа его была такова:

«1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобъ не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

«2. Хотимъ самоуправленія народнаго, общиннаго, волостнаго, уѣзднаго, областного и, наконецъ, государственнаго, съ царемъ или безъ царя,—все равно, какъ захочетъ народъ. Но чтобъ не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.

«3. Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, финнамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также и кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

«4. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго

союза съ Польшею, Литвою, Украиною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь.

«5. Вмѣстѣ съ Польшей, съ Литвой, съ Украиною мы хотимъ подать руку помощи нашимъ братьямъ славянамъ, томящимся нынѣ подъ гнетомъ прусскаго королевства, австрійской и турецкой имперіи, обязываясь не вложить меча въ ножны, пока хоть одинъ славянинъ останется въ нѣмецкомъ, въ турецкомъ или другомъ какомъ рабствѣ.

«6. Мы будемъ искать тѣснаго союза съ Италіей, съ которою у насъ чувства, интересы и враги общіе,—съ мадьярами, ненавидящими, какъ и мы, австрійскую монархію, если только они совершенно откажутся отъ притѣсненія славянъ,—съ румынами и даже съ греками, когда послѣдніе оставятъ въ покоѣ болгаръ и, довольствуясь быть собою, забудутъ свои честолюбивыя и свободопротивныя, а главное, суетныя византійскія мечты.

«7. Мы будемъ стремиться вмѣстѣ со всѣми племенами славянскими къ осуществленію завѣтной славянской мечты: къ созданію *Великой и вольной федераціи Всеславянской*, гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ; чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ—за cadaго, и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи, но чтобъ существовала единая и нераздѣльная общеславянская сила».

1911 Письмо къ И. С. Тургеневу.

22 августа 1862.

Orsett House, Westbourne terrace.

Я твоему письму былъ очень радъ и, хотя ни минуты не сомнѣвался, что ты не можешь аппробовать ¹⁾ говнословіе Каткова, но, все же, весело было прочесть. Я еще не удостоился прочтенія «Рус. Вѣст.», но статью Бени въ «С. Пч.» видѣлъ. ¹ Если-бъ твое письмо пришло днемъ позже, то въ «Колоколѣ» была бы статья (уже набранная и поправленная). Саго тіо, не бойся въ сущности

¹⁾ Одобрять, отъ фр. approbation—одобрение.

за наши акціи (вотъ за мои Disunited States 6%, ¹⁾ бойся) — мы идемъ тѣмъ же путемъ, и двѣ статьи мои о «Молод. Россіи» имѣли большой успѣхъ.

Читалъ ли ты рядъ моихъ посланій къ тебѣ («Концы и начала»)? доволенъ ли ими, или прогнѣвался?.. Прошу сказать.

Посылаю прошлый листъ и тотчасъ пришлю завтрашній, да и подожду отвѣта. ²

Всѣ, даже Петръ Влад. Дол. ³⁾, здоровы.

◆◆ 1. Дальше читатель увидитъ, о какомъ «письмѣ въ редакцію» Бени уже вторично упоминаетъ Герценъ. Пользуясь вновь полученными матеріалами, добавлю ихъ для біографіи и характеристики Бени.

Немедленно по выходѣ № 203 «Сѣв. Пчелы» 1862 г. съ «письмомъ», довольный Катковымъ министръ просвѣщенія Головинъ запросилъ, кто его авторъ; предсѣдатель ценз. комитета В. Цеэ донесъ, что Артуръ-Вилліамъ Бени; министръ сообщилъ объ этомъ шефу жандармовъ. Справка III Отдѣленія именуетъ Бени «капиталистомъ», указываетъ, что онъ родомъ изъ Познани, и называетъ его «молодымъ человѣкомъ 23 лѣтъ, замѣчательныхъ способностей». «До пріѣзда Бени въ Россію, подъ осень прошлаго, 1861 г. онъ находился, какъ положительно извѣстно, въ короткихъ, даже дружескихъ отношеніяхъ съ Герценомъ. Такъ какъ Бени готовился быть гражданскимъ инженеромъ, то намѣреніе его было отправиться на наши золотыя пріиски, но, осмотрѣвшись немного въ СПБ., онъ предпочелъ остаться здѣсь и посвятить себя литературнымъ занятіямъ, для какой цѣли сталъ изучать русскій языкъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что могъ держать экзамень на кандидата въ здѣшнемъ университетѣ. Прежде, чѣмъ Бени рѣшилъ перемѣнить свою карьеру, онъ въ октябрѣ 1861 г. уѣзжалъ на нѣкоторое время въ Лондонъ и Парижъ. Увѣряютъ, что Герценъ описалъ Бени Россію такими красками, что послѣдній думалъ здѣсь найти страшную неурядицу; убѣдившись въ противномъ, онъ написалъ объ этомъ Герцену, сдѣлавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ заслуженный упрекъ, вслѣдствіе чего между ними завязалась полемика въ письмахъ. Неизвѣстно, продолжается ли она до настоящаго времени, но, говорятъ, что Бени, сдѣлавшійся сотрудни-

¹⁾ 6% (облигаціи) *Разъединенныхъ* Штатовъ—шутливый намекъ на происходившую въ то время междоусобную войну.

²⁾ Долгоруковъ..

комъ «Сѣверной Пчелы», полюбилъ Россію до того, что уже поговаривалъ о намѣреніи своемъ вступить въ наше подданство».

Все это было направлено въ слѣдственную комиссію кн. А. Ѳ. Голицына. 17 октября 1862 г. послѣдній сообщилъ шефу жандармовъ, что комиссія «находитъ, что расположеніе Бени къ откровенному объясненію о сношеніяхъ съ Герценомъ могло бы служить большимъ пособіемъ въ производимыхъ розыскахъ для обнаруженія злоумышленниковъ», вслѣдствіе чего Голицынъ просилъ Долгорукова «пригласить къ себѣ Бени и предложить ему объяснить упомянутыя его сношенія, равно не извѣстны ли ему другія лица въ СПБ., бывшія въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, и не видѣлся ли онъ здѣсь съ пріѣзжавшимъ изъ Лондона въ мартъ сего года Василіемъ Кельсіевымъ». Долгоруковъ помѣтилъ на этой бумагѣ «исполнить», а А. Л. Потаповъ:—«пригласить ко мнѣ г. Бени запискою въ 3 лицѣ на субботу 20 окт., въ 2 часа и подать тогда это отношеніе. Жительство Бени должно быть извѣстно И. С. Бернару или А. Ф. Шульцу», т.-е. двумъ чиновникамъ III Отдѣленія, которые, очевидно, уже наводили какія-то справки.

4 ноября III Отдѣленіе, прилагая показанія Бени относительно сношеній его съ Герценомъ и Кельсіевымъ, сообщило свѣдѣнія о его личности, словесно отобранныя лично Потаповымъ: «Артуръ Бени сынъ пастора мѣстечка Томашова Ц. Польскаго, мать его англичанка, имѣющая все родное въ Лондонѣ. Артуръ Б. воспитывался въ Піотроковской гимназій, съ дѣтства оказывалъ особенныя способности къ языкамъ и потому посвятилъ себя филологіи; по окончаніи курса въ 1857 г., получивъ эмиграціонный паспортъ, онъ переселился въ Англію къ родственникамъ своей матери, гдѣ и принялъ великобританское подданство. По смерти одной изъ тетокъ, преимущественно ему покровительствовавшей, переѣхалъ въ Парижъ, съ цѣлью слушать курсъ медицины, но, вслѣдствіе болѣзни, познакомься съ золотопромышленникомъ Томашевскимъ, прибылъ съ нимъ въ СПБ. лѣтомъ 1860 г., съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Сибирь, но за неудачею предпріятія Т., оставшись здѣсь безъ средствъ, обратился къ литератору Курочкину, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Лондонѣ, и чрезъ него, а также чрезъ Тургенева, вошелъ въ литературный кругъ СПБ. и Москвы, особенно близко сошелся съ Ничипоренко, съ которымъ лѣтомъ 1861 г. ѣздилъ въ Москву, Ярославль, Нижній-Новгородъ и располагалъ проѣхать въ Малороссію и Кіевъ, единственно, какъ показываетъ Бени, съ научно-литературною цѣлью, но, доѣхавъ до Орла, возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до осени, посѣщая литературныя общества, преимущественно гр. Сальясъ; въ концѣ сентября 1861 г. онъ

возвратился въ С.П.Б. и съ тѣхъ поръ занимается въ редакціи «Сѣв. Пчелы». Бени не отвергаетъ, что онъ прибылъ въ Россію съ социалистическими воззрѣніями, почерпнутыми изъ сношеній его съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсиевымъ, но ближайшее ознакомленіе съ состояніемъ Россіи заставило его измѣнить свои убѣжденія и, не скрывая ихъ, онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ кругу своихъ знакомыхъ, что онъ—агентъ тайной полиціи. Въ настоящее время Бени намѣренъ принять русское подданство и посвятить себя литературѣ».

Затѣмъ онъ былъ преданъ суду сената по дѣлу 32-хъ (см. мои «Очерки освободительнаго движенія etc.»), гдѣ, какъ и раньше—въ комиссіи Голицына, давалъ показанія, которыя я не буду здѣсь приводить. 1 ноября 1863 г. Спб. ген.-губ. кн. Суворовъ сообщилъ III Отдѣленію, что Бени просится съѣздить въ Ц. Польское къ больной матери; сенатъ не имѣлъ ничего противъ; Суворовъ интересовался заключеніемъ шефа жандармовъ. Послѣдній отвѣтилъ, что препятствій не встрѣчаетъ, но необходимо поставить объ отъѣздѣ въ извѣстность намѣстника Ц. П. гр. Берга для учрежденія тамъ за нимъ надзора, а жандармамъ желѣзныхъ дорогъ предписать подвергнуть Бени и его вещи осмотру при выѣздѣ изъ С.П.Б. и при его возвращеніи. Суворовъ выдалъ Бени свидѣтельство на двѣ недѣли со 2 ноября. 17 ноября Бени вернулся; ничего подозрительнаго при немъ найдено не было.

5 декабря Долгоруковъ написалъ: «Въ одномъ безымянномъ письмѣ пишутъ что извѣстный агентъ Польскій и другъ Герцена Бени служить въ 3 мѣ Отдѣленіи. Несмотря на пустоту этого вздора я бы желалъ имѣть свѣденіе о Бени. Онъ у насъ на замѣчаніи и недавно еще происходила о немъ переписка». Такимъ образомъ ясно, что Бени не былъ его «сотрудникомъ». 24 октября 1867 г. П. В. Анненковъ писалъ гр. П. А. Шувалову: «Пользуясь дозволеніемъ вашимъ, сообщеннымъ мнѣ братомъ моимъ генераломъ И. В. Анненковымъ, препровождаю къ В. С. просьбу на ваше имя бывшаго Великобританскаго подданнаго Артура Бени, и вмѣстѣ частное письмо И. С. Тургенева ко мнѣ, которымъ онъ возлагаетъ на меня порученіе доставить ее въ ваши руки. Я не могъ отказать отъ исполненія этого порученія, такъ какъ съ нимъ косвенно связано рѣшеніе судьбы и участи одного человѣка, совершенно чуждаго мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, но въ высшей степени несчастнаго. Еслибы В. С. угодно было лично или черезъ посредство служащихъ подъ вашимъ начальствомъ потребовать отъ меня свѣдѣній и объясненій по этому дѣлу, то я готовъ сообщить подробно все, что знаю о личности, прибѣгающей теперь къ вашему состраданію и покровительству».

Приложенное письмо Тургенева отъ 21/9 октября 1867 г. изъ Баденъ-Бадена: «Любезный Павелъ Васильевичъ, обращаюсь къ вамъ, какъ къ неизмѣнному и старинному пріятелю, съ слѣдующей просьбой. Прилагаемое письмо къ графу П. А. Шувалову писано тѣмъ самымъ А. И. Бени, котораго, помнится, и вы когда-то знали и съ которымъ я встрѣтился здѣсь послѣ его высылки изъ С.-Петербурга. Онъ возбѣдиль во мнѣ искреннее участіе своимъ неліцемернымъ желаніемъ загладить свои прошлыя, въ сущности, невинныя юношескія увлеченія, дѣйствительнымъ и усерднымъ служеніемъ Россіи, которую одну онъ признаетъ своимъ отечествомъ и внѣ которой ему рѣшительно не живетъ. Милость, оказанная нашимъ добрымъ царемъ Кельсіеву, тѣмъ болѣе ободрила Бени и возбудила въ немъ надежду, что главное обвиненіе противъ него состояло въ недоведеніи до свѣдѣнія Правительства пріѣзда этого самаго Кельсіева въ Петербургъ.

«Жизнь Бени дѣйствительно тяжела: здѣшніе наши *réfugiés* и поляки отворачиваются отъ него съ негодованіемъ, да и онъ самъ избѣгаетъ ихъ, не имѣя уже ничего съ ними общаго, а доступъ въ Россію ему запрещенъ.

«Письмо его къ графу Шувалову проникнуто самой несомнѣнной искренностью и откровенностью. Я очень былъ бы радъ, еслибъ оно достигло своей цѣли; я самъ бы съ великимъ удовольствіемъ обратился къ графу, еслибъ я зналъ его лично и еслибы я могъ полагать, что онъ захочетъ принять мое ручательство въ совершенной надежности и благонадѣжности Бени. Онъ хотѣлъ, было, отправить свое письмо прямо къ графу; но я подумалъ, что послать это письмо черезъ ваши руки имѣетъ ту выгоду, что вы, быть можетъ, найдете удобный случай довести просьбу Бени до графа посредствомъ какого-нибудь близко стоящаго къ нему лица, и такимъ образомъ снимется съ него тотъ офиціальнй оттѣнокъ, который неизбѣжно ложится на всѣ подобныя заявленія. Въ справедливости графа я не сомнѣваюсь, также, какъ и въ его прозорливости, но я боюсь именно этого офиціального оттѣнка.

«Повторяю, Бени вполне заслуживаетъ умоляемаго имъ снизхожденія; я увѣренъ, что онъ всей своей будущей полезной дѣятельностью докажетъ свою благодарность.

«Еще разъ прошу васъ похлопотать по этому дѣлу и, ранѣе благодаря васъ за вашу доброту, крѣпко жму вашу руку. Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

«P. S. Отвѣтъ можетъ быть присланъ по моему адресу: Бени не живетъ въ Баденѣ, но я всегда буду знать, куда ему доставлять письма».

Письмо Бени къ гр. Шувалову отъ 20 октября 1867 г., приложенное, въ свою очередь, къ письму Тургенева, привожу буквально:

«Я не русскій по происхожденію, я даже не русскій подданный, и слѣдовательно не имѣю никакого права на Ваше вниманіе; тѣмъ сильнѣе я долженъ просить Васъ подарить его и мнѣ и благосклонно прочесть это письмо, которое я постараюсь сдѣлать на столько краткимъ, на сколько это будетъ совмѣстимо съ вѣрнымъ и искреннимъ изложеніемъ того, что мнѣ нужно сказать Вашему Сіятельству. Уже больше года я думаю объ этомъ письмѣ, собираюсь его написать чуть ли не каждый день, мечтаю о томъ, какъ Вы его прочтете и о томъ, какое будетъ Ваше рѣшеніе—рѣшеніе, отъ котораго зависитъ вся моя будущность; но теперь, когда наконецъ представилась возможность довести мою просьбу непосредственно до В. С., теперь только я чувствую, какъ ничтожно все, что я могу сказать въ этомъ письмѣ, какъ слабъ мой языкъ въ сравненіи съ тѣмъ, что я бы желалъ выразить... такъ будьте великодушны, Графъ, дополняйте сами смыслъ моихъ словъ, вѣрьте, что каждое выраженіе, которое могло бы Вамъ показаться пустой фразой, горько и долго выстрадано мною, и я убѣжденъ, что тогда Вы и поймете мою просьбу и, можетъ быть, сообразовите содѣйствовать ея осуществленію.

«Въ силу Высочайше утвержденнаго (30 марта 1865 г.) приговора Прав. Сената, я былъ заключенъ въ тюрьму на три мѣсяца «за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о прибытіи въ Петербургъ русскаго подданнаго Василія Кельсіева, по паспорту турецкаго подданнаго Василія Яни». Объ этой части приговора я не говорю ничего: какъ ни страннымъ могло бы казаться такое обвиненіе, но законъ вѣроятно не допускалъ другаго исхода. Но къ моему несчастію приговоръ прибавляетъ: «а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія правительства о прибытіи означеннаго Василія Кельсіева въ Россію съ знаніемъ, что Василій Кельсіевъ неосужденный государственный преступникъ, оставить въ' сильномъ подозрѣніи и затѣмъ выслать за границу, воспретивъ на всегда въѣздъ въ Россію». Объ отмѣнѣ этой-то второй, для меня по истинѣ ужасной, половины моего приговора я теперь покорно прошу и умоляю В. С.

«Позвольте мнѣ сперва указать на нѣкоторые факты, объясняющіе мое участіе въ этомъ дѣлѣ, но которые Сенатъ, разумѣется, не могъ принять во вниманіе. Съ Василіемъ Кельсіевымъ я познакомился еще въ Лондонѣ, во время моей службы въ англійскомъ военномъ министерствѣ. Весною 1862 г. Кельсіевъ пріѣхалъ

въ Петербургъ и, желая видѣть г. Ничипоренко, съ которымъ я тогда вмѣстѣ работаль въ «Свѣт. Пчелѣ», зашелъ ко мнѣ, чтобъ узнать адресъ Ничипоренко. Зная, что этотъ послѣдній долженъ былъ въ это время находиться въ редакціи «С. П.», я послалъ за нимъ, а К. пока дожидался его у меня. Весь нашъ, впрочемъ очень непродолжительный, разговоръ ни разу не коснулся цѣли пріѣзда К. въ Россію, такъ какъ, по причинамъ, на которыя я укажу ниже, я самъ избѣгалъ этотъ предметъ. Говорили же мы о прежней лондонской жизни, да о моихъ отношеніяхъ къ Герцену и его мнѣніи обо мнѣ. Черезъ четверть часа пришелъ Н. и, послѣ завтрака, ушелъ вмѣстѣ съ К. Вотъ все, рѣшительно все, что я зналъ о пріѣздѣ этого послѣдняго въ Россію. Ничипоренко умеръ; но К., какъ я узналъ изъ газетъ, теперь въ Петербургѣ и спрошенный, я увѣренъ, не можетъ не подтвердить буквальной точности всего только-что изложеннаго мною. Онъ Всемилостивѣе прощенъ и освобожденъ отъ всякой отвѣтственности за свои прежнія дѣйствія, а слѣд. нѣтъ никакой причины, по которой бы онъ не говорилъ полную правду въ этомъ дѣлѣ. Сенатъ, очень естественно, долженъ былъ находить болѣе нежели страннымъ, чтобы человѣкъ въ такомъ положеніи, въ какомъ тогда былъ К., зашелъ ко мнѣ и все-таки не сообщилъ бы причину своего пріѣзда. Во время самаго слѣдствія и суда я не имѣлъ никакой возможности представить доказательства моей безвинности, въ этомъ дѣлѣ, а потому я и былъ «оставленъ въ сильномъ подозрѣніи» и вслѣдствіе этого изгнанъ изъ Россіи. Но теперь, когда единственный человѣкъ, показаніе котораго рѣшило бы вопросъ, находится въ Петербургѣ, я умоляю В. С. дозволить, чтобъ К. былъ спрошенъ по этому дѣлу, и если онъ подтвердитъ мои тогдашнія и тепершнія показанія, чтобъ и я былъ освобожденъ отъ тяготѣющаго надо мною подозрѣнія и отъ наказанія, которое было его слѣдствіемъ. Будь я русскій, этого было бы конечно довольно: справедливость В. С. уже достаточно извѣстна въ Европѣ, чтобы я былъ совершенно увѣренъ, что и мнѣ не будетъ въ ней отказано. Но будучи великобританскимъ подданнымъ, я не могу ссылаться на мое право вернуться въ Россію, и потому долженъ объяснить В. С. мое горячее желаніе въ этомъ отношеніи хоть краткимъ описаніемъ моего прошлаго.

«Я родился въ Ц. Польскомъ, отъ отца полу-нѣмца полу-италианца и матери англичанки; шестнадцати лѣтъ я уѣхалъ къ роднымъ въ Англію, гдѣ со временемъ поступилъ на государственную службу. Но воспоминанія дѣтства съ одной стороны, и антипатичный мнѣ характеръ англійскаго общества съ другой, всегда

поддерживали во мнѣ желаніе поселиться въ Россіи. Меня, разумѣется, сильно заинтересовалъ Герценъ, около этого времени начавшій изданіе «Колокола» и, познакомившись съ нимъ случайно, я всячески старался поддержать это знакомство и съ истиннымъ упоеніемъ читалъ его книги и брошюры. Онѣ-то еще увеличили мое желаніе побывать въ Россіи, да пожалуй и содѣйствовать при совершеніи тѣхъ великихъ соціальныхъ переворотовъ, которые «Кюякоколь» предсказывалъ въ такомъ близкомъ будущемъ. И такъ я воспользовался первымъ представившимся случаемъ и, бросивъ службу и другія мои занятія, я уѣхалъ въ Петербургъ. (Желая сдѣлать это письмо по возможности краткимъ, я не вхожу въ разныя подробности, которыя однако В. С. можете найти въ бумагѣ представленной мною ген.-маіору Потапову въ ноябрѣ 1862 г.). Поѣздка, совершенная мною вскорѣ затѣмъ въ глубь Россіи, разумѣется, очень скоро убѣдила меня въ совершенной тщетности и неосновательности герценскихъ надеждъ и въ положительномъ вредѣ какой исполненіе этихъ надеждъ принесло бы Россіи, еслибы даже оно было возможно. Разумѣется, высказываніе этихъ новыхъ мнѣній не могло быть пріятнымъ моимъ петербургскимъ знакомымъ, между которыми, по тогдашнему обыкновенію, я очень скоро прослылъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства; это мнѣніе вскорѣ сталъ раздѣлять и Герценъ. Я отказался отъ кружка моихъ прежнихъ знакомыхъ и собирался, проживая зимы въ Петербургѣ, путешествовать каждое лѣто по любой части Россіи и Сибири съ цѣлью ознакомить съ нею Западную Европу посредствомъ англійскихъ и нѣмецкихъ журналовъ, съ которыми я находился въ сношеніяхъ. Въ Петербургѣ я занялся литературной работой и готовясь сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ, держалъ экзаменъ на степень кандидата, когда вслѣдствіе уже упомянутаго посѣщенія Кедьсіева, всѣ мои планы и надежды на полезную дѣятельность въ Россіи были уничтожены. Какъ только я узналъ о моей прикосновенности къ этому дѣлу, я подалъ прошеніе въ Высоч. учрежденную Слѣдств. комиссію о разрѣшеніи мнѣ принять русское подданство, желая этимъ съ одной стороны подтвердить совершенную мою невиновность, а съ другой оградить себя отъ несчастія быть высланнымъ изъ Россіи какъ иностранецъ. Комиссія разрѣшила мнѣ вступить въ русское подданство, но прежде чѣмъ я успѣлъ въ этомъ, дѣло перешло въ Сенатъ, чтó и отняло у меня возможность сдѣлаться русскимъ подданнымъ до произнесенія приговора. Оставленный этимъ приговоромъ подозрѣніемъ, отъ котораго у меня тогда не было никакой возможности оправдаться, я долженъ былъ оставить Россію, мое отечество, если и не по праву,

то тѣмъ болѣе по любви и по влеченію. Въ западной Европѣ— даже въ Англіи, гдѣ я снова нашель себѣ работу и занятіе—я вездѣ чужой; мой складъ ума, мой характеръ, мои стремленія сдѣлались уже слишкомъ русскими; здѣсь меня никто не понимаетъ и—что гораздо больнѣе—никто не понимаетъ Россію и ея великую будущность, никто не понимаетъ ея великаго Государя, всѣ ихъ бранятъ и толкуютъ о нихъ вкривь и вкось; а я, который такъ горячо люблю Россію, что охотно посвятилъ бы всю свою жизнь на служеніе ей хоть бы въ самой скромной роли, я который такъ ясно вижу какую блистательную будущность готовить ей ея великій Царь-Освободитель,—я приговоренъ къ тому, чтобы всю жизнь слушать кругомъ себя эти глупыя бредни разъяренной зависти и ненависти, приговоренъ по подозрѣнію—извините, Графъ, быть можетъ смѣлое, но искреннее выраженіе—ей Богу, несправедливому.

«Сжальтесь надо мною Графъ; дайте мнѣ возможность вернуться въ Россію, сдѣлаться вѣрнымъ и преданнымъ подданнымъ Русскаго Царя, и—какъ ни хвастливымъ Вамъ могутъ показаться эти слова—я твердо увѣренъ; что—какая бы дѣятельность ни выпала на мою долю,—я твердо увѣренъ, что сумѣю оправдать Вашу благосклонность и сдѣлаюсь полезнымъ членомъ великой Русской семьи.

«Примите, Графъ, выраженіе глубочайшаго уваженія, съ которымъ и т. д.»

Шуваловъ помѣтилъ на письмѣ Анненкова: «Мнѣ эта личность совершенно неизвѣстна а потому желалъ бы словеснаго доклада основаннаго на имѣющихся документахъ». Послѣ доклада Лотаповъ написалъ: «Предложить г. Аннѣнкову прислать болѣе подробную записку о томъ чѣмъ намѣревается заниматься Бени еслибы ему было дозволено возвратиться въ Россію».

На это Анненковъ отвѣтилъ: «Проситель Бени извѣщаетъ, что, если бы ему дозволено было возвращеніе въ Россію, онъ посвятилъ бы себя или дѣятельности нотаріуса или присяжнаго повѣреннаго, такъ какъ обладаетъ юридическимъ образованіемъ, прибавляя къ тому, что во всѣхъ занятіяхъ, каковы бы они ни были, руководящею мыслью его будетъ скромность, осторожность и обдуманность, требуемая самимъ его положеніемъ».

На этомъ помѣтка 24 ноября: «повременить впредь до востребованія», а внизу приписка: «умеръ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 151).

О пребываніи Бени во Франціи см. рассказъ гр. Е. А. Салиаса «Двѣнадцать часовъ—воскресенье» («Истор. Вѣстн.» 1898, III, 838—840, 841).

«Съ Бени—писаль Кельсіевъ въ «Исповѣди» еще до полученія III Отдѣленіемъ писемъ Анненкова, Тургенева и Бени,—мы до сихъ поръ не были особенно близки; я познакомился съ нимъ въ Лондонѣ, когда онъ былъ еще секретаремъ у какого-то лорда, потомъ видѣлся съ нимъ, когда золотопромышленникъ Томашевскій вывезъ его изъ Парижа, и они вмѣстѣ принялись составлять въ Лондонѣ компанію для разработки какого-то пріиска; простился я съ нимъ тамъ же, провожая его въ Сибирь. Въ Сибирь Бени не попалъ, потому что не поладилъ съ Томашевскимъ, который пріятельское обращеніе съ нимъ за границей, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, измѣнилъ на высококомѣрно-хозяйское, и Бени, одаренный отъ природы необыкновенною легкостью изученія языковъ, сдѣлался русскимъ литераторомъ, чѣмъ бы и до сихъ поръ былъ, если-бъ мой пріѣздъ не погубилъ его вмѣстѣ съ другими. Даже и забыли мы въ Лондонѣ о существованіи Бени, какъ вдругъ, осенью 1860 года, онъ опять очутился въ Лондонѣ. Случилось дѣло такое. Бени только-что пріѣхалъ въ Россію, прямо попалъ въ кружокъ студентовъ и подобныхъ имъ горячихъ головъ и, разумѣется, не могъ не увлечься ихъ пыломъ—ему же было тогда что-то не больше 22-хъ лѣтъ. Въ азартѣ своемъ онъ тотчасъ же рѣшился выступить агитаторомъ, написалъ адресъ государю съ просьбой о конституціи или о чемъ-то въ родѣ конституціи и отправился путешествовать по Россіи для собиранія подписей. Выставить впереди имена неизвѣстныхъ, какихъ-нибудь студентовъ, было бы неловко: надо было, чтобъ люди съ вѣсомъ подписались, а эти люди съ вѣсомъ боялись довѣриться неизвѣстному мальчику, котораго никто не зналъ и который, не будучи самъ русскимъ, никакъ не могъ объяснить, почему онъ принимаетъ такое участіе въ русскихъ дѣлахъ. А объясненіе-то было очень просто: онъ былъ крайне юнъ, у него не было національности, и ему очень хотѣлось пристать къ какой-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ его былъ итальянецъ, но сынъ, кажется, испанки; мать была нѣмка, но дочь французки, а Артуръ Бени родился въ Польшѣ, жилъ въ Англіи, занимался медициной въ Парижѣ и сдѣлался русскимъ публицистомъ и агитаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ его такъ обласкали, что онъ въ душѣ полюбилъ Россію, какъ свою родину, которой, именно, у него и недоставало. Никто не соглашался подписать его адреса, пока Катковъ не подпишетъ, а Катковъ тогда былъ большимъ конституционистомъ, и либералы смотрѣли на него, какъ на главу и на предводителя; за то-то Катковъ и повелъ такую ожесточенную борьбу противъ Герцена и Чернышевскаго, что они впоследствии свергли его съ этого пьедестала. Партіи образуются только

изъ-за личностей,—Бени явился къ Каткову. Катковъ задумался., «Вѣдь, не отъ себя же вы дѣйствуете, наконецъ?» спросилъ онъ Бени.—«Я—агентъ Герцена», привралъ Бени, разсчитывая на поддержку въ Лондонѣ.—«Есть у васъ на это документъ какой-нибудь? если есть, то я сейчасъ подпишу...» Документа у Бени не было, а если-бъ былъ, то, я думаю, адресъ бы состоялся. Пришлось бѣдняку ѣхать въ Лондонъ за полномочіемъ, и полномочія онъ не получилъ, по нелюбви Герцена вести какую-нибудь агитацию. Положеніе интернаціональнаго юноши стало весьма незавидно: до самаго изгнанія изъ Россіи на него не переставали смотрѣть, какъ на агента III Отдѣленія, и никакія усилія его друзей не могли вывести его изъ этого двусмысленнаго положенія».

Разумѣется, сказаннаго Кельсиевымъ было довольно, чтобы закрыть Бени путь въ Россію.

2. 27 августа Тургеневъ отвѣчалъ изъ Бадена: «Милый А. И., во-первыхъ, спасибо за скорый отвѣтъ, а, во-вторыхъ, говоря поэтическимъ языкомъ, легкія *лени* на тебя за то, что ты могъ подумать, что твои двѣ статьи («Концы и начала») могли меня разсердить. Я ихъ только теперь прочелъ (и принимаясь за чтеніе, даже не подозрѣвалъ, что онѣ ко мнѣ обращены, потомъ скоро догадался) и нашелъ въ нихъ всего тебя, съ твоимъ поэтическимъ умомъ, особеннымъ умъньемъ глядѣть и быстро и глубоко, затаенной усталостью благородной души и т. д.;—но это еще не значитъ, что я съ тобой вполне согласенъ; ты, мнѣ кажется, вопросъ не такъ поставилъ. Я рѣшилъ тебѣ отвѣчать въ вашемъ же журналѣ, хотя это не совсѣмъ легко во всяческомъ смыслѣ этого слова, а ты, пожалуйста, сохрани мое имя въ тайнѣ и даже, если можно, отведи другимъ глаза. Я надѣюсь черезъ недѣлю послать тебѣ отвѣтъ,—онъ уже начатъ... Второе твое письмо къ «Молодой Россіи» лучше перваго: тебѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, слѣдуетъ вразумлять ихъ. Но какъ это вы напечатали предложеніе издателямъ «Соврем.», «Русскаго Слова» и «Дня» издаваться на вашъ счетъ въ Лондонѣ?! Вѣдь, это все равно, что кирпичомъ ихъ по головѣ; да и вѣроятно ли, что Некрасовъ, гр. Кушелевъ или даже Аксаковъ (или его продолжатель Елагинъ) захотятъ сжечь свои корабли? Это было очень необдуманно съ вашей стороны; Некрасовъ, пожалуй, увидитъ въ этомъ желаніе отмстить ему» («Письма», 148—149).

1912. Перечисленіе св. Митрофанія воронежскаго съ товарищи въ лица менѣ замѣчательныя.

Мы съ удовольствіемъ прочли въ «Спб. Вѣдомостяхъ», что мысль, поданная «Колоколомъ» о подвижныхъ и лицеперемѣнныхъ медальонахъ на памятникѣ тысячелѣтія, правительствомъ принята, и первая смѣна людей «менѣ замѣчательныхъ болѣе замѣчательными» сдѣлана. Въ числѣ отставленныхъ отъ памятника находятся, сверхъ св. Митрофанія (чѣмъ угодникъ согрѣшилъ, не понимаемъ), Дмитревскій и Шевченко (одинъ актеръ, — въ самомъ дѣлѣ, какъ-то неприлично, другой кобзарь изъ крѣпостныхъ, — это ужъ совсѣмъ негодно); на ихъ мѣсто поступаютъ Николай и Державинъ. Мы согласны, что лицедѣй Дмитревскій и чуть ли не единственный народный поэтъ Шевченко не идутъ вмѣстѣ съ Николаемъ, но если Николай попалъ въ барельефъ, замѣняя двоихъ, то зачѣмъ же нѣтъ Аракчеева? Мы рѣшились требовать Аракчеева.

1913. Первый и послѣдній русскій дворянинъ.

Первый дворянинъ русскій покончилъ благородное сословіе свое, назвавъ фельдфебеля Миниха ¹⁾ *послѣднимъ* дворяниномъ. Давать дворянство за доносъ — яacobинская уловка, которой мы отъ души сочувствуемъ. Неужели между первымъ и послѣднимъ дворяниномъ не найдется ни одного *средняго* дворянина, который бы отказался отъ касты, обновляемой лазутчиками, доносчиками и шпионами?

Писаря, кантонисты, каптенармусы, фельдфебеля только мечтаютъ о томъ, чтобы выслужиться доносомъ; оно легко, безопасно и прибыльно. Царская фамилія поощряетъ деньгами, льготами, наградами доносчиковъ, яkшается съ ними, царь *облагораживаетъ* ихъ въ родѣ и родъ.

Въ лейбъ-Уланскомъ полку унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Николаевъ просится въ Петербургъ на три дня. Три дня проходятъ, Николаева нѣтъ; вмѣсто него пріѣзжаетъ Николай Николаевичъ на смотръ и говоритъ полковнику: «Ты отпустилъ Николаева на три дня; онъ не явился въ срокъ, онъ остался, съ моего разрѣшенія, по *государственной дѣлу*». Преданный унтеръ донесъ великому князю, что онъ знаетъ общество поджигателей, напугалъ всякій вздоръ, и знатокъ птичьяго сердца и куриного полета не догадался прогнать доносчика, а повѣрилъ ему. Говорятъ, что при возведеніи его въ потомственное дворянство онъ получить фамилію *Дѣйствительно-Николаевъ*.

1914. Министръ полиціи будущаго тысячелѣтія Россіи.

Говорятъ, что въ ознаменованіе безпорочнаго тысячелѣтняго существованія, Россіи государь пожалуетъ III Отдѣленіе въ министерство — и это очень хорошо. Но мы не можемъ понять, почему на это возвышенное мѣсто

¹⁾ См. № 1905.

назначаютъ Шувалова. Потѣповъ показалъ такую проницательную способность въ составленіи таможенныхъ листовъ людямъ, невозможнымъ безпош-линно изъ-за границы, что, кажется, его бы и графомъ вмѣсто Тимацева и Балашовымъ вмѣсто Шувалова.

Кстати, Шуваловъ на-дняхъ посѣтилъ здѣшнюю столицу для осмотра всеріиной выставки и устройства *служебнаго аппарата* въ Лондонѣ; работы идутъ успѣшно.

Надѣмся, что друзья наши не преминутъ извѣстить насъ о новыхъ лондонскихъ товарищахъ и сподвижникахъ министра.

1915. По поводу крѣпкихъ словъ г. Каткова и слабостей генерала Потопова ²⁾).

Вашъ дядюшка *дуракъ!*

Бетрищевъ.

Дуракъ, ваше превосходительство.

Чичиковъ ¹⁾).

Между вами есть *подлецъ!*

Александръ II — Л.-гв. Измайл. офицерамъ.

Есть, ваше императорское величество.

Л.-гв. Измайл. офицеры — Александру II.

Русскій человекъ ругаться любитъ, особенно, когда высшее и высочайшее начальство примѣръ подаетъ, мирволитъ и, не стѣняясь, ругаетъ даже дѣтей въ кадетскомъ корпусѣ *по-извозчицки*. Впрочемъ, у насъ всего больше и чище ругаются вовсе не извозчики, а бюрократы порядка и благочинія, полицейскіе во всѣхъ родахъ различныхъ.

¹⁾ Неточная цитата изъ II части «Мертвыхъ душъ».

²⁾ Цинизмъ *потопляющихъ* журналовъ далеко оставилъ за собой Булгарина и литераторовъ, кѣмъ «среди грозныхъ бѣдъ» никлаевскаго царствованія самъ Дубельтъ «гимны смѣлые внушалъ». «Отечественныя Записки» доходятъ до бѣшенства китайскихъ палачей, и «Спб. Вѣдомости» становятся какимъ-то «*Rége Duchesn'омъ*» реакціи. Мы радуемся за почтеннаго А. А. Краевскаго, что «Спб. Вѣдомости» переходятъ съ будущаго года въ другія руки ³⁾: онъ наполовину меньше будетъ имѣть несчастныхъ необходимостей, помѣщать статьи, несогласныя съ его чувствительнымъ сердцемъ и образованнымъ умомъ. Краевскій, сдѣлавшій всю карьеру свою, давая пріютъ и трибуну гуманному направленію, вынужденъ (вѣроятно, бѣдностью, — не по доброй же волѣ онъ это дѣлаетъ) на старости лѣтъ отдать свой пріютъ подъ бойню, въ которую прасолы III Отдѣленія гоняютъ, подъ

³⁾ Краевскій, съ помощью Головинна, съ 1 января 1863 г. открылъ газету «Голосъ».

Покойникъ М. Н. Загоскинъ, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ русскаго ругательства, рассказывалъ мнѣ съ какимъ-то умилениемъ о томъ, что приговаривалъ полицейскій унтеръ-офицеръ, выгоня какого-то мужика, зашедшаго на гулянья въ *благородныя дорожки*. Чего тутъ не было помянуто, отъ родительницы мужика и какого-то теленка до солдатскаго аппетита и пропажи безъ вѣсти...

Все это хорошо, но я не могу привыкнуть къ современному отсутствію единства во всемъ, что дѣлается у насъ въ правитель-

предлогахъ зажигателей, все молодое, энергическое, и его подмастерья ихъ пластаютъ, четвертують и пр. Позавидуетъ теперь Андрей Александровичъ не разъ «Современнику». *Du civisme, citoyen*!), закройте-ка отечественную бойню и передайте поскорѣ потопляющія «Вѣдомости».

Вотъ какъ выражается Марать-Эвальдъ «Отечеств. Зап.»:

«Всѣ ждуть, что полиція разыщетъ этихъ каннибаловъ! Всѣ хотятъ, всѣ требуютъ, чтобы имена ихъ были оглашены для того, чтобы знать, кого нужно бояться. Всѣ хотятъ, всѣ требуютъ наказанія; народъ даже присуждаетъ этимъ злодѣямъ такую казнь, которой нѣтъ и въ законѣ. Разстрѣляніе и повѣшеніе, по его мнѣнію, слишкомъ легкія, слишкомъ благородныя казни для такихъ варваровъ. Если бы они попались въ руки народу, онъ бы рвалъ ихъ на куски руками, онъ бы жегъ ихъ на кострахъ, онъ бы живыхъ ихъ закапывалъ въ землю и замуравливалъ въ тѣ самыя стѣны, которыя стоятъ теперь, какъ могильные памятники человѣческаго безумія и злобы. Во всякомъ случаѣ народъ ждетъ висѣлицы, ждетъ ружейныхъ залповъ. *Она должна быть отмщена*, потому что онъ слишкомъ много страдаетъ теперь отъ этихъ тайныхъ враговъ /своихъ» (стр. 196) ⁹⁰⁾.

Но возлѣ разстроенаго воображенія этой Салтычихи журнализма пріятно видѣть плачъ Ильи Арсеньева о свирѣпой, безчеловѣчной казни Аригольдта, Сливичкаго и Ростковскаго, объ этой ненужной казни, которой кровь никогда не смоетъ нынѣшнее царствованіе:

«Неужели это преступленіе,—взываетъ и восклицаетъ филлерствующій Илья Арсеньевъ,—не будетъ преступленіемъ послѣднимъ? Неужели найдется въ Варшавѣ еще нѣсколько капель той ядовитой крови, которая, попавъ въ жилы человѣка, превращаетъ его въ свирѣпое, бѣшеное животное, бросающееся на *всѣхъ*, кто попадается ему навстрѣчу? При полученіи извѣстій о подобныхъ событіяхъ всякій здравый анализъ, всякое логическое обсужденіе совершившагося факта дѣлаются рѣшительно невозможными... Тяжкое, отвратительное чувство, чувство омерзѣнія овладѣваетъ вами, и вы въ первую минуту готовы гнущаться общимъ именемъ *человѣка*, составляющимъ, все-таки, нѣкоторую связь между вами и тѣмъ, который, во имя великаго всемірнаго Учителя, нѣсколько минутъ назадъ имѣлъ еще полное право назвать васъ *братомъ*».

...Нѣтъ, господа, успокойтесь: этотъ крикъ негодованія, состраданія раздался не послѣ залпа, отъ котораго пали три невинныя жертвы,—объ нихъ никто не помянулъ,

Боясь зимы и продолжительной и хладной! А. И. Г.

9) Изъ чувства гражданской доблести, гражданинъ.

100) Въ статьѣ «Все и ничего», VI кн. 1862 г. 2

ственныхъ кругахъ. Въ то время, какъ всѣ усилія Суворова и Анненкова ¹⁾ обращены на то, чтобъ *явнобрачные* блюстители порядка становились все учтивѣе и учтивѣе, чтобы они не иначе ставили фонарь, какъ извиняясь и прибавляя, что это имъ чрезвычайно непріятно; что одинъ священный долгъ можетъ превозмочь ихъ отвращеніе; что, впрочемъ, они приложатъ всѣ старанія, чтобъ поставить самый крошечный фонарикъ; что это будетъ почти пріятно и во всякомъ случаѣ красиво...—въ то самое время *тайнобрачные* будочники и городовые начинаютъ все хуже и хуже ругаться, а Потапову—ничего, будто не его дѣло. Это, говоритъ онъ, все громко ругаются, а я подслушиваю, что говорятъ шопотомъ.

Позвольте, генераль, позвольте! Всѣмъ извѣстно, что теперь, по вашей ботаникѣ, тайнобрачные раздѣляются на два семейства: на семейство *подделушивающихъ* и на семейство *убѣждающихъ*, на семейство *липрандевидныхъ* и на семейство *павловоустыхъ*.

Почему же на нихъ, на послѣднихъ-то не распространяется приказаніе фонари ставить съ учтивостью? отъ чего отъ офиціозныхъ литераторовъ не требуется благовоспитанности будочника, мягкости выраженій городского и изящныхъ манеръ унтера? Примѣръ начальства увлекаетъ. Когда явно-полицейскіе дрались на улицахъ, тогда всѣ прочіе, записанные въ бархатную книгу или въ какую-нибудь службу, тоже дрались. Теперь разрѣшили убѣдителямъ III Отдѣленія ругать «нарушителей общественнаго порядка»—ну вотъ они и довели Каткова до статьи, въ которую онъ упалъ, какъ въ помойную яму ²⁾. Какъ бы онъ не захлебнулся въ ней по примѣру генераль-адъютанта и бывшего Спб. оберъ-полицмейстера Кокошкина. ¹

◆◆ 1. Въ уже приведенныхъ комментаріяхъ я отчасти кончился важнаго историко-литературнаго момента, когда русская цензура вдругъ рѣшила дозволить упоминаніе Герцена. Теперь считаю необходимымъ освѣтить этотъ моментъ полнѣе и ярче, частью пользуясь неизданными источниками.

Прежде всего приведу нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ на силу и вліяніе Герцена въ тотъ моментъ.

Панегиристъ Каткова, кн. Н. П. Мещерскій, сознается что «въ концѣ 50-хъ годовъ и въ первые 60-хъ у насъ царилъ Герценъ», что «Колоколъ» былъ сильнымъ орудіемъ для воздѣйствія на офи-

¹⁾ Иванъ Васильевичъ, Спб. оберъ-полицмейстеръ.

²⁾ Статьи Каткова мы не читали еще. «Рус. Вѣст.» нѣтъ (22 августа), но намъ довольно образчиковъ. А. И. Г.

ціальное правительство; дѣйствительно, вліяніе въ то время Герцена было изумительно». «Разсказывали, что о немъ часто была рѣчь при дворѣ, что какъ-то на разводѣ государь громко поздравилъ одного генерала съ тѣмъ, что онъ попалъ въ «Колоколь». Въ Лондонъ направлялись вереницами полонники къ нему на поклоненіе» («Памяти М. Н. Каткова», 4—5).

Ө. Ө. Воропоновъ, вращавшійся въ либеральныхъ кружкахъ Москвы, отмѣчаетъ, что «имя Герцена было популярно, въ большомъ почетѣ, и слова его иными принимались съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ, какъ непререкаемый авторитетъ... Герценомъ восхищались и такіе помѣщики, которые, годъ спустя, переносили свои хвалы на дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ» («Вѣстн. Европы» 1904, VII, 25).

Самъ Катковъ свидѣтельствуетъ, что въ 1862 г. «все русское общество, отъ мала до велика, съ трепетомъ или сочувствіемъ, внимало голосу лондонскаго «Колокола» («Москов. Вѣдомости» 1865 г. № 3).

27 октября гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій писалъ: «У насъ такъ распоряжаются, что «Колоколь» и «Будущность» свободно гуляютъ по всей Россіи» (И. Барсуковъ «Гр. Н. Н. М.-Амурскій», I, 632). Это, конечно, не мѣшало тому же сановнику писать своему брату въ маѣ 1862 года: «Герценъ въ глазахъ моихъ совершенно себя уронилъ своею неосновательностью и диктаторскими своими приговорами; то и другое вмѣстѣ стало уже смѣшно: у него, какъ видно, нѣтъ никакой цѣли; и хотя изрѣдка являются дѣльные статьи, полезныя тѣмъ, что государь прочтетъ то, чего другимъ путемъ узнать не можетъ, но эти дѣльные статьи затемняются множествомъ клеветы, и всякое довѣріе къ нему исчезаетъ» (тамъ же, 629).

Итакъ, ясно, что вліяніе Герцена въ первую половину 1862 г. было на той же, если не на большей, высотѣ, что и въ 1861 г. Не предвидя общественнаго поворота въ реакцію, происшедшаго только въ маѣ-юніѣ 1862 г., правительство съ начала этого года было озабочено ослабленіемъ вліянія «Колокола». Мы видѣли, что и раньше ему уже предлагались проекты такой борьбы съ лондонской печатью. Одинъ изъ послѣднихъ принадлежалъ кн. В. Ө. Одоевскому.

Хотя и не законченный, онъ, все же, повидимому, получилъ распространеніе въ административныхъ кругахъ, ибо частично былъ осуществленъ. По мнѣнію «Дѣдушки Иринейя», прежде всего слѣдовало «противъ враждебныхъ русскихъ изданій употребить точно такія же и столь же разнообразныя изданія; напр., можно бы начать съ біографіей Герцена, Огарева, Петра Долгорукова, Гага-

рина, Юрія Голицына и проч. Такія біографіи о людяхъ, имѣющихъ извѣстность, но, все-таки, загадочную для иностранцевъ, еѣ радостію бы издали тѣ же самыя лондонскіе, парижскіе и нѣмецкіе спекуляторы, ибо сіи біографіи имѣли-бы большой расходъ. Оцѣнка сихъ господъ, написанная ловко, забавно и безъ всякихъ личностей, уничтожила бы наполовину дѣйствіе ихъ изданій на публику»... «Но для того, чтобы нашлись люди въ Россіи, способные и талантливые, для борьбы съ людьми такими же талантливыми и ловкими, какъ, напр., Гагаринъ и Герценъ (ибо по заказу талантъ не создается), необходимо дать нашимъ ратникамъ доступъ къ оружію, другими-словами, снять съ враждебныхъ намъ книгъ безусловное запрещеніе и позволить писать противъ нихъ». Впрочемъ, кн. Одоевскій полагалъ ограничиться предоставленіемъ такого права высшимъ чиновникамъ, академикамъ, профессорамъ, членамъ ученыхъ обществъ и благонамѣреннымъ писателямъ. «Должно имѣть въ виду—замѣтилъ авторъ проекта—и то, что въ иныхъ случаяхъ для людей, рѣшившихся на такую борьбу, нужно будетъ иногда и денежное пособіе» («Рус. Архивъ» 1874, II, 30—39).

Еще раньше министерству народнаго просвѣщенія ту же самую мѣру предлагалъ Н. И. Пироговъ. Въ 1859 г. онъ «умолялъ двухъ министровъ (Норова и Ковалевскаго) исходатайствовать для нашей цензуры позволеніе пропускать критическія статьи противъ «Колокола» и другихъ заграничныхъ запрещенныхъ книгъ, всѣмъ знакомыхъ» («О минувшемъ», 25).

Надъ этимъ-то вопросомъ и задумался министръ просвѣщенія Головининъ, вѣдавшій тогда цензурныя дѣла, тѣмъ болѣе, что проектъ непосредственно входилъ въ оставленную ему министромъ внутреннихъ дѣлъ область «направительства»...

12 февраля Головининъ послалъ Валуеву статью для «Сѣв. Почты» и «записку» «того господина, котораго просилъ написать статью противъ «Колокола»... «Мысли его, сколько мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія. При свиданіи поговоримъ подробнѣе и тогда я закажу еще другимъ лицамъ подобныя же статьи»... Статья въ «Сѣв. Почтѣ» не появилась и не сохранилась, «записка» уцѣлѣла и приводится мною полностью.

«Мысль о возраженіи на статьи «Колокола» имѣетъ нѣкоторое основаніе; но при болѣе глубокомъ обсужденіи этого вопроса представляются слѣдующія соображенія: для точнаго и положительнаго опроверженія какой-нибудь мысли надобно представить ее ясно и полно на судъ читателя, а потомъ уже разобрать ее въ подробности и доказывать систематически и наглядно всю неосновательность и противорѣчіе; иначе едва ли можно дости-

гнуть убѣдительнаго опроверженія. Слѣдовательно, при такомъ способѣ дѣйствій придется почти цѣликомъ перепечатывать въ «Сѣв. Почтѣ» статьи лондонскаго журнала, разумѣется, съ надлежащими на оныя возраженіями; но если дѣлать это часто, чего, безъ сомнѣнія, потребуетъ самое свойство и направленіе «Колокола», то не будетъ ли это тождественно допущенію этого журнала ко всеобщему чтенію въ Россіи? Наконецъ, кромѣ «Колокола», существуютъ еще другіе, подобные ему журналы, какъ, напр., «Будущность». Слѣдовательно, правительство будетъ находиться въ постоянной полемикѣ съ этими враждебными ему изданіями, причемъ невыгода окажется рѣшительно на сторонѣ правительства потому именно, что тѣ классы нашего общества ¹⁾, между которыми распространень «Колоколъ», вовсе или почти не читаютъ «Сѣв. Почты», та же часть публики, которая слѣдитъ за нашими официальными и полуофициальными газетами, какъ уже болѣе зрѣлая, менѣе нуждается въ опроверженіи неосновательныхъ и даже нелѣпныхъ статей этого демагогическаго журнала.

«Намъ кажется, что вредное вліяніе «Колокола» и всѣхъ ему подобныхъ журналовъ можетъ быть устранено болѣе прочнымъ и для правительства болѣе достойнымъ образомъ слѣдующими мѣрами:

«во-первыхъ, въ случаѣ, если бы «Колоколъ» или другое подобное ему заграничное періодическое изданіе сообщило въ своихъ столбцахъ какой-нибудь фактъ совершенно ложный или въ превратномъ видѣ представленный, то вслѣдъ за появленіемъ о семъ статьи должно быть не только въ «Сѣв. Почтѣ», но и во всѣхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ напечатано точное и положительное опроверженіе, безъ всякой полемики съ заграничными журналами: этимъ потрясется довѣріе къ ихъ правдивости, а это будетъ уже великій шагъ къ ослабленію и, наконецъ, къ уничтоженію ихъ вліянія;

«во-вторыхъ, правительство можетъ парализовать сильное сочувствіе къ статьямъ подобныхъ журналовъ, продолжая неотлагательно и неуклонно тѣ благодѣтельныя реформы, которыя начаты со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго государя императора. Даровавъ низшему необразованному слою общества самостоятельный судъ, оно не можетъ отказать въ томъ же и образованнымъ сословіямъ, а посему слѣдовало бы какъ можно скорѣе привести къ окончанію предположенія о гласномъ судопроизводствѣ,

¹⁾ Напр., молодые посѣтители нижегородской ярмарки и питомцы нашихъ университетовъ и вообще учебныхъ заведеній. *Авторъ записки.*

этомъ краеугольномъ камнѣ государственной реформы и едва ли не первой насущной потребности нашего общества. Этимъ правительствомъ удовлетворитъ законнымъ желаніямъ всѣхъ людей благомыслящихъ и дастъ занятіе и пищу тѣмъ личностямъ, которыя за недостаткомъ оныхъ бросаются нынѣ съ такою жадностью на чтеніе взмутительныхъ статей нѣкоторыхъ заграничныхъ журналовъ. То же самое юное поколѣніе, которое употребляетъ свободное отъ своихъ уроковъ время на чтеніе запрещенныхъ изданій, устремится тогда въ публичныя засѣданія судовъ и въ зрѣлищъ живой борьбы между законностью и личными стяжаніями и другими пороками, будетъ изучать на самомъ дѣлѣ современную нашу жизнь и отечественные законы;

«въ-третьихъ, нельзя не сознаться, что въ настоящее время существуетъ сильное раздраженіе во всѣхъ классахъ общества, и это раздраженіе объясняетъ возрастающее сочувствіе ко всѣмъ демагогическимъ выходкамъ нашихъ заграничныхъ пропагандистовъ. Не трудно было бы правительству значительно успокоить умы, дѣйствуя нынѣ болѣе ссторожно на полѣ нашей отечественной журналистики и не дозволяя ей, безъ всякой нужды, раздражать всѣ сословія. Къ чему, напримѣръ, допускать печатное обнародованіе тѣхъ распоряженій губернскихъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствій, которыя имѣютъ единственною цѣлью болѣе или менѣе раздражать и безъ того уже раздраженное дворянство. Уничтоженіе крѣпостного права можно уподобить необходимой, но мучительной операціи, которую рука медика должна была совершить надъ человѣкомъ, удрученнымъ опасною болѣзью. Операція была неизбежна. По требованію правительства, дворяне ей подчинились, но за симъ уже, намъ кажется, слѣдуетъ обращаться съ сословіемъ землевладѣльцевъ точно такъ же, какъ опытный и человѣколюбивый врачъ обошелся бы съ больнымъ, надъ которымъ только что совершилъ тяжелую и мучительную операцію, т.-е. не волновать бы и не приводить въ негодованіе больного безъ всякой явной необходимости, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока рана не станетъ заживать. Какая цѣль въ публикованіи такихъ распоряженій, какъ, напр., посредника Ярославской губ., который наложилъ 5 р. сер. штрафа на помѣщика за то, что тотъ, будучи одержимъ мучительной болѣзью (sic doulougeux), не могъ явиться къ посреднику въ назначенный день, или, напр., подобнаго же дѣйствія мирового посредника Калужской губ., который пришедшихъ къ нему крестьянъ для утвержденія уставной грамоты, совершенной ими съ добрымъ помѣщикомъ (sic) по вполнѣ взаимному отношенію, убѣждалъ долго и настойчиво въ томъ, что они имѣютъ право платитъ оброкъ

гораздо менѣе назначеннаго Положеніемъ. Далѣе, къ чему ведутъ статьи, подобныя тѣмъ, которыя печатаются въ «Сѣв. Пчелѣ» не только противъ иностранцевъ, но даже и противъ русскихъ поданныхъ нѣмецкаго происхожденія, проживающихъ въ Россіи? Не явная ли цѣль подобныхъ статей возбуждать всѣ сословія противъ правительства и противопоставить сословія и національности другъ противъ друга и тѣмъ потрясти довѣріе всѣхъ благомыслящихъ людей къ прочности существующаго порядка. Пусть литература караетъ отдѣльныя личности, если онѣ дѣйствительно по своей винности того заслуживаютъ, но она только тогда исполнитъ свое великое призваніе, если приметъ за основаніе своихъ обвиненій дѣйствительные факты, а не одни слухи и толки и будетъ при этомъ дѣйствовать добросовѣстно и безъ увлеченій. При предварительной же цензурѣ нельзя допускать въ современной журналистикѣ статей, возбуждающихъ страсти и направленныхъ бездоказательно противъ цѣлыхъ сословій, ибо подпись цензора есть нравственная гарантія правительства въ томъ, что оно одобряетъ подобный родъ мыслей. Но можетъ ли при этомъ общество быть спокойнымъ и уповать на защиту правительства и не естественно ли, что оно дѣлается весьма воспримчивымъ къ наущеніямъ и подстрекательствамъ, имѣющимъ цѣлью нарушеніе существующаго порядка.

«Итакъ, лучший способъ парализовать пагубное вліяніе «Колокола» и подобныхъ ему журналовъ есть постоянное неуклонное удовлетвореніе законнымъ и справедливымъ желаніямъ общества и твердое направленіе современной литературы къ успокоенію умовъ, къ залѣченію свѣжихъ ранъ и къ распространенію убѣжденія, что только при твердомъ и сильномъ правительствѣ и при тепломъ содѣйствіи ему всѣхъ классовъ общества, Россія можетъ быть благополучна» (архивъ П. Я. Дашкова).

Надо думать, что Валуевъ не согласился съ этой запиской, сумѣлъ раскритиковать ее и убѣдить Головнина въ невозможности пойти по пути «анонимнаго господина», потому что послѣдній вскорѣ послѣ этого снова стоялъ передъ тѣмъ же нерѣшеннымъ вопросомъ: какъ дискредитировать Герцена въ общественномъ мнѣніи?

Неизвѣстно, къ какому бы рѣшенію пришелъ министръ самостоятельнымъ путемъ, но вотъ что рассказываетъ о дальнѣйшемъ тогдашній предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета Цеэ.

«При первомъ моемъ докладѣ Головнинъ объявилъ мнѣ, что онъ конфиденціально сносился съ шефомъ жандармовъ и съ министромъ финансовъ, чтобы узнать отъ нихъ, какія мѣры они со-

чтуть необходимыми принять для предупрежденія громаднаго ввоза «Колокола» въ Россію; и оба отвѣтили ему, что всѣ возможныя мѣры для достиженія этой цѣли приняты и что за симъ они не признають возможнымъ придумать что-нибудь другое. При этомъ Головининъ спросилъ мое мнѣніе, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Я ему отвѣтилъ, что, по моему искреннему убѣжденію, съ силою не физической, а нравственною можно бороться только такою же силою, а потому я полагаю бы весьма полезнымъ разрѣшить нашей печати возражать на статьи «Колокола», и при этомъ выразилъ надежду, что наша печать сумѣетъ разоблачить тѣ крайнія увлеченія, которыми, несмотря на замѣчательный умъ и способности Герцена, изобиловала его газета, имѣвшая за собою преимущество запрещеннаго плода. Выслушавъ меня, Головининъ отвѣтилъ, что онъ вполне раздѣляетъ мое мнѣніе» («Рус. Старина» 1897, XI, 274).

Онъ доложилъ о /своей бесѣдѣ съ Цез государю; послѣдній затребовалъ отъ него по этому вопросу особый докладъ, а 29 мая написалъ на немъ: «Весьма дѣльно. Дай Богъ дѣйствительнаго успѣха» (архивъ П. Я. Дашкова, письма Головина къ Валуеву).

Оставалось искать «обличителей». Недостатка въ нихъ не могло быть: настолько общество, а за нимъ и печать ударились въ реакцію. Характерно, что само правительство все еще не отдавало себѣ яснаго отчета въ состояніи общественнаго настроенія и никакъ не думало, что поворотъ въ обществѣ будетъ такъ рѣшителенъ и опредѣлененъ. Мы уже видѣли, что за одно свое выступленіе противъ Герцена въ іюнѣ Катковъ удостоился высочайшаго одобренія... Послѣ открытаго вызова со стороны Герцена, ему нельзя было молчать да и не было никакого основанія не пойти навстрѣчу жаждавшей «обличеній» власти.

Какъ только въ Москву пришелъ номеръ «Колокола», Катковъ задержалъ выпускъ въ свѣтъ готовой іюньской книжки «Рус. Вѣстника», написалъ свою пресловутую «Замѣтку для издателя *Колокола*», представилъ ее московской цензурѣ и ждалъ событий. Московскій комитетъ послалъ статью министру, получилъ личное его разрѣшеніе на напечатаніе, и 18 іюля іюньская книжка вышла въ свѣтъ.

Вотъ этотъ историко-литературный документъ полностью

Замѣтка для издателя «Колокола».

Нѣсколько словъ, сказанныхъ нами въ «Современной Лѣтописи» о лондонскихъ страдальцахъ за русскую землю, дошли по адресу. Одинъ изъ нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ со-

общишь намъ выдержку изъ «Колокола», гдѣ напечатанъ одинъ отзывъ, а на этихъ дняхъ получили мы изъ Лондона, какъ надобно думать, отъ самого издателя, послѣдній № этой газеты съ новымъ отзывомъ. Мы радуемся открывшейся возможности поговорить съ г. Герценомъ. Мы давно этого добивались; но до послѣдняго времени онъ былъ для русской литературы неприкосновенною святыней, болѣе чѣмъ всѣ potentаты міра, такъ что мы должны были ограничиваться лишь очень отдаленными намеками, которые, вѣроятно, и не достаивались счастья быть имъ замѣченными. Намъ еще затрудняло и то обстоятельство, что публика у насъ съ нимъ разная; но въ этой бѣдѣ онъ намъ самъ помогъ. Онъ вдругъ заговорилъ о насъ и о нашихъ мнѣніяхъ, обидѣвшись тѣмъ, что мы не придаемъ значенія нашимъ политическимъ партіямъ, и гнѣвно указывалъ намъ на недавнія жертвы политической агитаціи, попавшія въ казематы и Сибирь. Онъ полагалъ, что слово останется за нимъ, а намъ говорить о немъ не позволятъ; однакожъ, намъ удалось при случаѣ сказать слово о «свободномъ артистѣ», который самъ сидитъ въ безопасности, а другихъ посылаетъ на подвиги, ведущіе ихъ въ казематы и Сибирь. Это и удивило и раздражило его, и удивленіе его высказалось такъ же наивно, какъ и раздраженіе.

Онъ увѣряетъ, что никого не подуцалъ, и говорить о какихъ-то сплетняхъ, ходившихъ въ Москвѣ, о какихъ-то голубыхъ уткахъ, выражаясь совершенно непонятными для насъ намеками. Онъ предполагаетъ, что мы слѣдили за его особой, за его частными отношеніями и ловили сплетни о немъ. Никакихъ сплетенъ о немъ до насъ не доходило, ни о какихъ его личныхъ отношеніяхъ мы не говорили, да и говорить бы не стали. До него лично намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Съ кѣмъ именно онъ находится въ сношеніяхъ, кого именно подуцаетъ,—обо всемъ этомъ мы никогда не справлялись. Мы говорили о дѣлѣ открытомъ; мы имѣли въ виду его публичную дѣятельность, которая ни для кого не тайна. Этотъ острякъ, говорящій обо всемъ не иначе, какъ съ плеча и фигурами, требуетъ скрупулезнѣйшей бережливости въ выраженіяхъ, когда рѣчь касается его.

Итакъ, онъ умываетъ руки и объявляетъ, что онъ ничему не причастенъ, что его дѣло—сторона, и что мы написали извѣтъ на него, доносъ въ III Отдѣленіе. Сколько благородства въ этихъ оправданіяхъ и сколько смысла въ этихъ обвиненіяхъ! Онъ ничему не причастенъ, онъ никого не подуцаетъ!.. Да что же онъ дѣлаетъ въ своихъ лондонскихъ листкахъ? Что же онъ дѣлаетъ, какъ не агитацію, самую поджигательную? Онъ забылъ, что его писанія

расходятся по свѣту, что самъ же онъ принимаетъ дѣятельныя мѣры къ распространенію ихъ, что они, какъ запрещенная вещь, читаются съ жадностью, и, какъ запрещенная вещь, не встрѣчаютъ себѣ никакого отпора въ беззащитныхъ, незрѣлыхъ и разстроенныхъ умахъ, и увлекаютъ ихъ къ подражанію,—и эти люди дѣлаютъ у себя на родинѣ то самое, что дѣлаетъ онъ въ Лондонѣ; только онъ дѣлаетъ это комфортабельно и спокойно, сыто и весело, а они подвергаются безумной опасности и попадаютъ на каторгу. Онъ не пойдетъ въ Сибирь; но зато онъ будетъ встрѣчать и провожать рукоплесканіями этихъ бѣдныхъ актеровъ, которые разыгрываютъ его штуки на родинѣ; онъ будетъ съ озлобленіемъ шикать на тѣхъ, кто попытается образумить ихъ отрезвляющимъ словомъ.

Онъ гордится тѣмъ, что пишетъ на полной свободѣ, объявляетъ себя единственнымъ представителемъ свободнаго русскаго слова. Онъ язвитъ насъ тѣмъ, что мы писатели подцензурные и ставитъ это обстоятельство въ вину намъ. Онъ—представитель свободнаго русскаго слова! Однако, хорошо же это русское свободное слово! Стоило же за этимъ словомъ ѣхать въ Лондонъ! Нѣтъ, онъ ошибается: его слово не похоже на слово 'свободнаго человѣка. Свобода обяываетъ—обяываетъ пуше, чѣмъ все другое. Ни на какомъ изъ цивилизованныхъ языковъ невозможно было бы передать всѣ прелести его тона и его выраженія. Онъ самъ это чувствуетъ, и когда ему приходилось передавать на другомъ языкѣ то, что прежде было сказано имъ по-русски, то фраза его сглаживалась и принимала болѣе благоприличный видъ.

Онъ пишетъ не «подъ сурдинкой»; онъ этимъ хвастаетъ передъ нами. Что онъ уѣхалъ за границу, что онъ поселился въ Англіи, что у него есть деньги, въ этомъ онъ полагаетъ свою нравственную заслугу и этимъ онъ гордится. Онъ полагаетъ свою заслугу въ томъ, что пишетъ и печатаетъ не только безъ всякой цензуры, но и безъ всякой отвѣтственности, ничѣмъ не рискуя. Но что же онъ пишетъ? Какъ воспользовался онъ своимъ положеніемъ? Онъ говоритъ: «если мы сбѣгались съ пути,—отчего вы намъ не указывали его?» А зачѣмъ же онъ хвастается свободой своего слова? Если свобода не указывала ему путей, зачѣмъ же ушелъ онъ изъ подъ цензуры? Но и пробовали ему указывать; только пользы отъ этого не было. Кстати: пишушій эти строки, еще три года тому назадъ въ бытность свою въ Лондонѣ, встрѣтился съ этими господами въ одномъ домѣ, какъ съ старыми знакомыми, изъ которыхъ съ однимъ былъ довольно близокъ въ молодости. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Лондона онъ заглянулъ

къ нимъ не безъ нѣкоторой наивной надежды перемолвиться съ ними добрымъ словомъ объ ихъ направленіи. Но съ самаго начала онъ увидѣлъ всю тщету своей надежды, и разговоръ ихъ ограничился общими мѣстами ¹⁾).

Г. Герценъ печаталъ разные документы, приходившіе къ нему изъ Россіи. Эти документы придали интересъ его изданію, но бессмысленность и неразборчивость всего, что шло отъ самой редакціи, часто ослабляли ихъ значеніе или дѣлали ихъ болѣе вредными, чѣмъ полезными. Во всякомъ случаѣ, прилично ли ему хвастаться печатаніемъ документовъ, отъ которыхъ зависѣлъ весь интересъ его изданія, и которые онъ умѣлъ только портить? Пусть ужъ лучше онъ оставитъ эту заслугу за лондонскимъ полисменомъ или, если ему это больше нравится, за англійской конституціей.

Онъ пользовался полною свободой, и изданіе его приобрѣтало интересъ отъ разныхъ сообщений изъ Россіи: что же онъ сдѣлалъ съ своей стороны, чтобы оправдать этотъ интересъ и доказать благотворное свойство свободы? Какъ воспользовался онъ тѣмъ значеніемъ, которое приобрѣлъ благодаря особымъ обстоятельствамъ нашего общественнаго положенія? Чему научилъ онъ эти незрѣлые умы, которые питались его писаніями съ жадностію, благодаря приправѣ запрещенія? Въ то время, когда онъ начиналъ дѣйствовать, Россія, дѣйствительно, вступала въ новую эпоху. Но онъ оставался все тотъ же; онъ продолжалъ жеманиться какъ и въ то время, когда писалъ «Записки доктора Крупова», статьи объ изученіи природы и социалистическія *бредни съ тою берега*. Онъ остался все тотъ же—недоносокъ на всѣхъ поприщахъ,—кипящей раздраженіемъ плѣнной мысли, безспорно утвердившей за собою только одно качество,—качество бойкаго остряка и кривляки. Онъ остался все тотъ же, какимъ былъ во времена своей юности, когда у него «синѣли ногти» отъ размышленій о паденіи древняго міра и объ

¹⁾ Къ сожалѣнію, о посѣщеніи Катковымъ Герцена въ 1859 г. не удалось найти никакихъ матеріаловъ,—нельзя же считать неумѣлымъ пересказъ этихъ строкъ Т. П. Пассекъ за что-нибудь серьезное. Приведу, впрочемъ, и его. «Михаилъ Никифоровичъ сказывалъ мнѣ, что видѣлся съ Александромъ, и сожалѣлъ, что вслѣдствіе недоразумѣнія они разстались съ взаимнымъ неудовольствіемъ. Мнѣ это было очень непріятно; по разсказу Михаила Никифоровича я видѣла въ ихъ разладѣ недоразумѣніе и, чтобы разъяснить его, написала Александру, что онъ превратно понялъ отношенія къ нему Михаила Никифоровича. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Тебѣ Богъ попрыскалъ очи такой водой, что ты розы видишь, а шиповъ не можешь видѣть никогда». Такъ стараніе мое и пропало даромъ» («Воспоминанія», II, 353). Надо ли говорить, что весь этотъ разсказъ по своей правдоподобности не цѣннѣе прочихъ подобныхъ разсказовъ Пассекъ.

апостолъ Павлѣ. Онъ остался все тотъ же, какъ и въ то время, когда въ своихъ статьяхъ *объ изученіи природы* заставлялъ чело-вѣчество совершать удивительный процессъ лежанія съ высунутымъ языкомъ и топтанія себя въ грудь своими же ногами; онъ остался все тотъ же, какимъ былъ, когда съ докторомъ Круповымъ исправлялъ мозги чело-вѣчества. Онъ привередничалъ, какъ беременная женщина: то подавалъ руку грубѣйшему матеріализму, то терялся въ отвлеченностяхъ искусственной идеалистики; то проповѣдывалъ атеизмъ для дѣтскаго возраста, то изнывалъ подъ бременемъ все-мїрной скорби; то заявлялъ права на титулъ «неисправимаго соціалиста» и проклиналъ собственность, то вдругъ становился поборникомъ индивидуализма, и романтически сѣтовалъ на исчезаніе характеристическихъ угловатостей въ современной цивилизаціи; то отрицалъ въ чело-вѣчествѣ все, кромѣ мозговъ и постепенной ихъ выдѣлки, то вдругъ гнушался матеріальнымъ благосостояніемъ народовъ и отвращался мыслию отъ картины общества, гдѣ всѣ сыты и довольны, живутъ въ волѣ и холѣ, но гдѣ нѣтъ, зато никакого наркотическаго драматизма для удовольствія зрителя, которому нечего дѣлать и не на что употребить свою праздную мысль. Всѣ эти капризы избалованной, изнѣженной, изломанной мысли, которая сама не знаетъ, чего хочетъ, весь этотъ фесфоръ, вся эта трескотня остротъ и фразъ, то жеманно рыдающихъ о мозгахъ чело-вѣчества, то мефистофелевски хохочущихъ надъ исторіей и надъ *всѣми почтенностями*, которыя она понадѣлала, то съ пророческимъ жаромъ возвѣщающихъ пришествіе новаго мессіи, и новое небо, и новую землю, — весь этотъ сумбуръ, вся эта сатурналія полумыслей, полуобразовъ, все это броженіе головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли, все это мозгобѣсіе было бы, пожалуй, хорошо въ досужемъ фельетонѣ, безъ претензіи на политическое вліяніе, на практическое дѣйствіе, безъ тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя окружаютъ нашего лондонскаго выходца и которыя сразу должны были бы отрезвить его мозги. Можно ли повѣрить, чтобы, доживъ до сѣдыхъ волосъ, онъ вовсе не понималъ себя, чтобы посреди сложившихся обстоятельствъ въ немъ не было малѣйшей потребности сообразить—чтò онъ такое, чтò онъ говорить, чего онъ хочетъ, и способенъ ли онъ нести серіозную отвѣтственность? Нѣтъ, онъ чѣмъ-нибудь дурманитъ себя... Но здѣсь прервемъ мы рѣчь для личнаго объясненія.

Одно мѣсто въ нашей замѣткѣ вскипятило въ немъ благородное негодсваніе,—два-три слова, сказанныя въ скобкахъ. Онъ не уважаетъ насъ и нашихъ мнѣній, и не хочетъ отвѣчать на наши общія «грубости» (однако, отвѣчалъ). Но онъ не могъ стерпѣть

этихъ двухъ-трехъ словъ въ скобкахъ, и отнесся письмомъ на имя пишущаго эти строки, издателя «Русскаго Вѣстника», единственнаго автора возмущившей его замѣтки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на имя его товарища по редакціи. Изъ сферы общей нашъ рыцарь захотѣлъ перенести дѣло на почву личностей. Его милая личность дороже ему всего на свѣтѣ, и онъ, оставляя въ сторонѣ все, что можетъ имѣть интересъ для публики, хочетъ занять ее своею голой особой, не сомнѣваясь, что и для публики, какъ для него самаго, она важнѣе всего на свѣтѣ.

Говоря о нашихъ заграничныхъ агитаторахъ ¹⁾, мы употребили неловкій плеоназмъ: «наши заграничные *réfugiés*». Г. Герценъ ѣдко поправляетъ насъ и справедливо замѣчаетъ, что всѣ «*réfugiés* и эмигранты болѣе или менѣе заграничные». Но сила не въ этомъ: говоря объ этихъ *réfugiés*, мы замѣтили въ скобкахъ слѣдующее: «мы хорошо знаемъ, что это за люди». Въ этихъ словахъ г. Герценъ видитъ намекъ «чрезвычайно неопредѣленный, но явно относящійся къ частной жизни» издателей «Колокола». «Публичные намеки и клеветы, говоритъ онъ, имѣютъ большое неудобство передъ келейнымъ злословіемъ и служебными доносами, до поры до времени покрываемыми канцелярскою тайной». Онъ требуетъ отъ насъ «поясненія» и спрашиваетъ, обращаясь поименно къ пишущему: эти строки и къ его товарищу:

«Какіе же мы люди, г. Катковъ? Какіе же мы люди, г. Леонтьевъ? Вы, вѣдь, хорошо знаете, какіе мы люди,—ну какіе же? Если въ васъ обихъ есть одна малѣйшая искра чести, вы не можете не отвѣчать; не отвѣчая, вы меня приведете въ горестное положеніе сказать, что вы сдѣлали *подлый намекъ*, имѣя въ виду очернить насъ въ глазахъ вашей публики. Говорите все... въ нашей жизни, какъ въ жизни каждаго человѣка, жившаго не только въ латинскомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толкѣ дѣйствительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченія, *но нѣтъ поступка*, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ бы то ни было, который мы бы хотѣли скрыть отъ кого бы то ни было. Если вы то же можете сказать, поздравляю васъ, г. Катковъ, поздравляю васъ, г. Леонтьевъ... Хотя и не сомнѣваюсь, что вы можете. Да, гг. ученые редакторы, мы, поднявши голову, посмотримъ въ ваши ученые глаза. Кто кого пересмотритъ?»

Чрезвычайно неопредѣленный, какъ самъ онъ выражается, намекъ называетъ онъ подлымъ: сколько же благородства въ этомъ

¹⁾ Современная Лѣтопись, № 28. Катковъ.

очень опредѣленномъ намекѣ, что мы сморгнемъ, смотря ему въ глаза? Онъ уже заранѣе увѣренъ, что пересмотритъ насъ, а мы сморгнемъ. Чтобы устранить всякія сомнѣнія насчетъ исхода этой дуэли, онъ уподобляетъ насъ Тьеру, а себя Прудону, который въ 1849 году сказалъ первому «спокойно стоя на трибунѣ, превратившейся въ ту минуту въ страшный судъ»,—сказалъ слѣдующее: «говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности, я это могу принять за личность, и тогда я не картель вамъ пошло, а предложу вамъ другой бой: здѣсь съ этой трибуны я расскажу вамъ всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ инѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потомъ пусть расскажетъ мой противникъ свою жизнь*».

Жалкій ломака! У него не достало нравственнаго такта и на то, чтобы понять все неприличіе этой выходки! «Какіе же мы люди, спрашиваетъ онъ,—ну какіе же?» Пусть онъ успокоится. *Мовстонъ* не значить мошенникъ, и свободный артистъ еще не значить шулеръ. Пусть онъ успокоится,—у насъ и въ мысляхъ не было назвать его чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Но пусть онъ также подумаетъ, прилично ли уважающему себя человѣку рыцарски хвастаться тѣмъ, что онъ не шулеръ, не воръ, не мошенникъ.

Онъ уподобляетъ себя Прудону, который похвастался передъ Тьеромъ своею нравственностью. Но Прудону простительна его родомонтада ¹⁾, тотъ еще могъ похвастаться, что вышелъ не мошенникомъ, потому что онъ родился въ горькой долѣ, всѣмъ обязанъ себѣ, жилъ постоянно въ нуждѣ, да и до сихъ поръ не выбился изъ нея, несмотря на свою литературную знаменитость. А доблестный то издатель «Колокола» въ какой это маялся «толокъ дѣйствительной жизни», и какимъ серьезнымъ испытаніемъ подвергалась его честность? Ему ли хвастаться? Посреди фантазій, дилетантскихъ фантазій и болтовни, могъ ли онъ получить понятіе о томъ, что такое жизнь съ ея испытаніями дѣйствительной нужды и лишеній? Серіозная дѣятельность началась для него съ тѣхъ поръ, когда онъ открылъ свое изданіе въ Лондонѣ,—но въ томъ-то и вопросъ, какъ онъ воспользовался этимъ положеніемъ и чѣмъ оказался въ этой дѣятельности?

Сыдно человѣку въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится издатель «Колокола», претендовать на уваженіе за то только, что онъ не нарушилъ крайней юридической нормы нравственности. Стыдно подлагать такой грубый смыслъ подъ слова, очевидно его не имѣвшія. Не добросовѣстно заминать дѣло и за-

¹⁾ Rodomontade—бахвальство.

маскировывать его дешевымъ рыцарствомъ. Пусть онъ исчисляеть свои домашнія добродѣтели и любитъ ими; мы не будемъ мѣшать ему. Мы не имѣемъ привычки искать аргументовъ въ частной жизни человѣка и выводить на сцену его чисто-личныя обстоятельства; но мы не оспариваемъ этого права у другихъ, особенно не оспариваемъ его относительно себя. Мы не только не уклоняемся, а напротивъ приглашаемъ г. Герцена прервать созерцаніе своихъ прелестей и заняться нашимъ безобразіемъ; смѣемъ увѣрить его, что мы не сморгнемъ, глядя въ его ясныя очи, и что для этого намъ не нужно поднимать голову.

Что же касается до него, то намъ достаточно той его дѣятельности, которая открыта для всѣхъ и которой видимые результаты подлежатъ общей оцѣнкѣ. Человѣкъ въ своей публичной дѣятельности стоитъ на горѣ, у всѣхъ на виду; тутъ клеветы не возможны и лжетолкованія не дѣйствительны.

«Ну, какіе же мы люди?»—спрашиваетъ онъ.

Какіе же вы люди? Да не совсѣмъ вы люди честные!

Человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій, и сознающій это самъ, хотя бы и смутно, потому что человѣку, дожившему до сѣдыхъ волосъ, невозможно вовсе не имѣть сознанія о самомъ себѣ,—человѣкъ безъ убѣжденій и говорящій тономъ пророка посреди обстоятельствъ, которыхъ значеніе не можетъ не быть ему извѣстно, не заслуживаетъ называться честнымъ.

Онъ знаетъ, къ какой публикѣ онъ обращается; онъ не можетъ не знать, какъ дѣйствуетъ этотъ пророческій тонъ на людей незрѣлыхъ, въ тревожную эпоху общественной жизни. Онъ это знаетъ и продолжаетъ говорить тономъ пророка. Онъ не могъ дойти до такого отупѣнія, чтобы серіозно быть убѣжденнымъ въ этихъ фигурныхъ обѣтъваніяхъ какого-то новаго мессіи, какого-то новаго времени. Каждый годъ, каждый день приноситъ что-нибудь новсе; ежеминутно наступаетъ новое время; но онъ не можетъ не знагъ, что пока природа остается природою, законы ея неизмѣнны, что несмотря на множество эпохъ, чрезъ которыя перешелъ человѣкъ, онъ въ своей природѣ все тотъ же, и что ни въ какомъ случаѣ не потекутъ по землѣ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Человѣкъ способный, даже и безъ серіознаго увлеченія, завѣдомо клеветать и лживо показывать, не можетъ называться честнымъ. Чтобы не далеко ходить.—въ той самой статейкѣ, гдѣ онъ изливаетъ свой гнѣвъ на насъ, онъ дѣлаетъ мерзкую выходку противъ московскаго университета, и не стыдится сказать, что профессора этого университета призывали какую-то *дикю* силу на студентовъ. Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, дошелъ до такого оду-

рѣнія, что не сознаеть злокачественности своей клеветы и того дѣйствія, которое она можетъ произвести на легковоспламеняемые умы юношей? Какой смыслъ этихъ выходокъ? Онѣ были бы непростительны и мальчику въ пылу увлеченія; но что сказать о человѣкѣ зрѣломъ, который издали и на полнѣйшю свободу обзрѣваетъ событія? Простительно ли ему поддерживать лжетолкованія, смуту и раздраженіе? Положимъ, что онъ не все знаетъ; положимъ, что онъ сомнѣвается. Но въ такомъ случаѣ честный человѣкъ удержится отъ сужденія, умѣритъ свои выраженія, и выгоду сомнѣнія предоставитъ тому, что можетъ успокоить, а не тому, что можетъ безсмысленно взволновать. Наука есть нейтральная почва; молодежь должна учиться; это несомнѣнно. Кто сколько-нибудь любитъ свою родину, кто не отъявленный врагъ ея, особенно, кто чувствуетъ тяжесть самоотвѣтственности, тотъ болѣе всего долженъ заботиться о томъ, чтобы успокаивать и отрезвлять ее. Нынѣшнія волненія не ограничатся вредомъ въ настоящемъ, они отзовутся еще болѣе вредомъ въ будущемъ; что бы тамъ ни вышло, а нѣсколько поколѣній молодежи, потерявшей время и силы, будетъ во всякомъ случаѣ бѣдствіемъ для страны. Каково же раздражать и безъ того возбужденные умы, кокетничая съ ними,—и для этого прибѣгать къ намѣренной клеветѣ! Профессорская корпорація московскаго университета вела себя съ достоинствомъ, котораго не отнять у ней никакому фразеру...

Онъ хочетъ измѣрять свое нравственное достоинство тѣми искушеніями, которыхъ онъ по случайнымъ обстоятельствамъ не испытывалъ. Пусть лучше онъ сообразитъ, чистъ ли нравственно онъ вышелъ ихъ тѣхъ испытаній, которыя дѣйствительно съ нимъ были и которыхъ результаты на виду. Пусть онъ подумаетъ, какая дрянъ долженъ быть тотъ человѣкъ, въ которомъ, при полномъ отсутствіи всякаго внѣшняго контроля, всякаго принудительнаго ограниченія, не оказывается чувства самоствѣтственности, побуждающей человека отдавать себѣ полный и строгій отчетъ въ каждомъ словѣ и дѣлѣ. Онъ величаво отвертывается отъ мелкихъ людшекъ, которые продаютъ за деньги свои услуги и Богу, и дьяволу. Онъ ударитъ себя по карману, и скажетъ съ гордостію: «а я вотъ за деньги не продамъ своей совѣсти!» Но нечестныя побужденія бываютъ всякаго рода: не въ однѣхъ деньгахъ сила; кресты и перстни тѣ же деньги. Онъ такъ же величаво отвертывается и отъ тѣхъ, которые кривятъ душой изъ уголивости, изъ тщеславнаго исканія почестей и продаютъ себя за чины и за власть. Онъ истощаетъ свое остроловіе на генеральскіе чины и мундиры; онъ свысока смотритъ на нравственность Тьера. Но пусть онъ осмотрится

въ томъ особомъ мѣрѣ, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ: тамъ есть свои мундиры и генералы. Пусть онъ подумаетъ; какъ онъ живетъ въ этой республикѣ разноплеменныхъ выходцевъ и политическихъ агитаторовъ всѣхъ сортовъ. Сначала онъ ухаживалъ за великими этого особаго міра, добиваясь ихъ интимности, собиралъ ихъ записочки и предавалъ ихъ тисненію, хотя въ этихъ записочкахъ часто ничего другого не значилось кромѣ «здравствуйте» и «прошайте» или приглашенія на чашку чаю. Ухаживая за великими, онъ, наконецъ, и самъ захотѣлъ сдѣлаться великимъ. Мадзини—представитель Италіи; ему надобно сдѣлаться представителемъ Россіи. И вотъ тайная пружина его дѣятельности; вотъ на что употребилъ онъ свою свободу и представившіяся ему средства дѣйствія. Вотъ, чѣмъ онъ дурманилъ себя, вотъ за что онъ продалъ свою совѣсть. Нашъ острякъ не сообразилъ, что въ Мадзини была положительная, а не фантастическая народная сила; онъ забылъ, что у итальянскаго агитатора написано на знамени: «Богъ и народъ», и что если къ его агитаціи примѣшивались революціонныя начала, то тѣмъ съ большею праданностію держался онъ положительныхъ основъ, которыя давали силу и смыслъ его агитаціи. За нимъ была родина, раздѣленная, томившаяся подъ иноземнымъ игомъ, стремившаяся къ единству, добивавшаяся независимости по прямому завѣту своей великой исторіи—и онъ дѣйствовалъ бы уснѣшнѣе, еслибы въ немъ не было примѣси теорій, которыхъ не хочетъ жизнь, которая отвергаетъ народное чувство. Народное чувство есть великая сила, и понятны увлеченія, которымъ предаются люди, повинуваясь ему. Какъ и всякая положительная сила, которой служатъ люди, она облагораживаетъ ихъ и многое искупаетъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ преступныхъ средствъ. Кошутъ ли прельщалъ воображеніе нашего артиста? Но и зачетимъ агитаторомъ также родина, которая ищетъ возстановленія своихъ историческихъ правъ и національной независимости. За Кошутомъ его прежняя политическая дѣятельность; онъ, на дѣлѣ, а не въ фантазіи, былъ представителемъ своего народа и держалъ въ рукахъ его судьбы. Всѣ эти выходцы имѣютъ какое-нибудь политическое значеніе; каждый опирается хоть на что-нибудь положительное, каждый примыкаетъ хоть къ чему-нибудь опредѣленному въ своемъ народѣ, каждый знаетъ, чего онъ хочетъ. Чего же захотѣлъ и на что опирается нашъ фразеологъ? Ему захотѣлось что-нибудь значить между этими знаменитостями и стать генераломъ отъ революціи. Родина его не раздѣлена и не находится подъ иноземнымъ политическимъ игомъ; тяжкая и трудная исторія создала ее великимъ цѣльнымъ организмомъ; русскій народъ, одинъ изъ всѣхъ

славянскихъ, достигъ политическаго могущества и сталъ великою державой; благодаря ему, славянское племя не исчезло изъ исторіи какъ чудское и латышское; но эту судьбу купилъ онъ цѣною великихъ усилій и пожертвованій. Государственное единство есть благо, которымъ русскій народъ дорожить и долженъ дорожить, если не хочетъ обратить въ ничто дѣло тяжкаго тысячелѣтія и исчезнуть съ лица земли. Это—основа его національнаго бытія, купленная дорогою цѣной, и онъ долженъ крѣпко держаться ея, и онъ крѣпко ея держится. Но настала пора, когда задержанныя и подавленные прежнимъ развитіемъ силы должны вступить въ дѣйствіе; настала пора внутреннихъ преобразованій, которыя должны воскресить эти силы. Открылась новая эпоха, которая требуетъ новыхъ тяжкихъ усилій; началось дѣло, исполненное величайшихъ трудностей. Явился необозримый рядъ новыхъ потребностей и задачъ. Такое могущественное движеніе въ общественномъ организмѣ не можетъ не сопровождаться броженіемъ умовъ и разстройствомъ многихъ интересовъ. Въ чемъ же состоитъ задача честнаго писателя, сколько-нибудь мыслящаго и дѣйствительно любящаго свою родину? Броженію ли этому способствовать или созидательному дѣлу? Запутывать ли дѣло всякою негодною примѣсью, капризами и фантазіями, и вызывать губительныя реакціи, или разъяснять и упрощать его, и сосредоточивать общественное вниманіе на элементахъ существенныхъ и безспорныхъ? Каждый честный человѣкъ, въ такую минуту принимающійся за публичное слово и находящійся на полной свободѣ, не раздражаемый стѣсненіемъ, долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность, несомнѣнную съ легкомысліемъ, и избѣгать всего, чего онъ на сознаетъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ. Если онъ при всемъ этомъ ошибется или увлечется, и поданный имъ совѣтъ окажется невѣрнымъ или одностороннимъ или неблагоприятнымъ, то онъ останется, по крайней мѣрѣ, чистъ предъ своею совѣстію, и дѣйствительно будетъ имѣть право на имя честнаго человѣка. Такъ ли дѣйствовали нашъ Мадзини или нашъ Кошутъ? Можетъ ли онъ, положа руку на сердце, сказать, что онъ такъ дѣйствовалъ? Онъ не дѣйствовалъ, онъ флилъ и вертѣлся, ломался и жеманничалъ, бросался подъ ноги всякому дѣлу; онъ умѣлъ только смущать, запутывать, вызывать реакціи. Передъ каждымъ практическимъ вопросомъ онъ раскрывалъ бездну своего пустого и бессмысленнаго радикализма и только пугалъ, раздражалъ и сбивалъ съ толку. Результаты его дѣятельности на виду: было ли сказано въ его писаніяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершались, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ

возникали? Что путнаго было сказано, напримѣръ, по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и самаго труднаго? Ничего, кромѣ тупоумныхъ разглагольствій г. Огарева и сценическихъ вскрикиваній г. Герцена. Они то ругались холопски, то съ приторною аффектаціей болѣе оскорбительною, чѣмъ ихъ грубости, выражали свое сочувствіе: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» кричалъ нашъ Мадзини, стоя на одной ногѣ, какъ балетмейстеръ. Было ли хоть что-нибудь разъяснено, было ли хоть въ одномъ словѣ видно желаніе сказать что-нибудь серіозно обдуманное? Было ли сказано хоть одно слово, въ которомъ могъ бы узнать себя какой-нибудь положительный интересъ, /важный для страны, дорогой для народа,—не для сочиняемаго въ фантазіи, а для настоящаго, живого русскаго народа? На что опирались издатели «Колокола»? Что имѣлъ за собою нашъ генералъ отъ революціи? Онъ опирался на то, отъ чего мы должны, во что бы то ни стало, отдѣлаться; онъ опирался на то зло, которое выработалось и скопилось у насъ за прежнее время. Единственная сила, на которую онъ опирался, есть не что иное, какъ безсиліе нашей общественной цивилизаціи, безсиліе нашего общественнаго мнѣнія, безсиліе нашей казенной науки и тотъ внутренній разладъ, который господствуетъ между мыслию и жизнію,—жизнію, которая идетъ сама по себѣ, и мыслию, которая сочиняетъ для нея въ облакахъ формы и утопіи. Силы этой оказалось довольно, оказалось довольно разгулявшейся безсмыслицы и идиотизма, пустившагося мыслить, и негѣжества, принявшагося поучать, и безмозглой мечтательности, схватившейся за дѣло. Силы этой оказалось довольно, и онъ не безъ гордости могъ явиться въ сонмѣ генераловъ и занять тамъ приличное мѣсто какъ представитель русскаго народа. И вотъ для этой-то чести, ради этого высокаго чина, нашъ герой не усомнился пожертвовать своею совѣстью. Онъ не можетъ не знать, что его создало и что его держитъ, и онъ раболѣпствуетъ передъ этою дикою силою, онъ ей покорствуется, онъ ей служитъ за тѣ почести, которыя она ему дала, за тотъ чинъ, которымъ онъ красуется въ сонмѣ демагоговъ. Онъ достигаетъ своей цѣли; онъ принимаетъ поздравленія и адреса, и участвуетъ на совѣщаніяхъ о всемірной революціи. Онъ усиливаетъ свою пропаганду и еще пуще принимаетъ тонъ пророка, и окончательно отождествляетъ себя съ русскимъ народомъ; онъ вступаетъ въ переговоры съ представителями другихъ державъ, и великодушный potentatъ, готовъ поступиться своими владѣніями и соглашается рѣшить судьбу нѣкоторыхъ провинцій точно такимъ же образомъ, какъ была рѣшена судьба Савойи и Ниццы,—что потомъ и повторилось въ тѣхъ подметныхъ листкахъ, за которые недавно пострадалъ Обручевъ!

Но зачѣмъ ходить далеко? Вотъ образчикъ, который вполне обрисовываетъ человѣка и при этомъ имѣетъ всю прелесть современности: въ томъ листкѣ, который онъ прислалъ намъ, онъ разсуждаетъ по поводу одной изъ самыхъ послѣднихъ прокламацій, которая разбрасывалась въ Петербургъ и Москвѣ подъ заглавіемъ «Молодая Россія». Публикѣ отчасти извѣстно изъ газетъ содержаніе этого безобразнаго издѣлія нашихъ революціонеровъ. Здѣсь требуется ни болѣе ни менѣе, какъ признать не существующимъ Бога, затѣмъ уничтожить бракъ и семейство, уничтожить право собственности, открыть общественныя мастерскія и общественныя лавки, достигнуть всего этого путемъ самаго обильнаго кровопусканія, какого еще нигдѣ не бывало, и забрать крѣпко власть въ свои руки. Лондонскій представитель русской земли написалъ объ этомъ произведеніи статью, и, признаемся, статью эту читали мы съ несравненно большимъ омерзѣніемъ, чѣмъ прокламацію. Тамъ просто дикое сумасбродство; а тутъ видите вы старую блудницу, которая вышла плясать передъ публикой.

Въ прокламаціи упомянуть и издатель «Колокола», упомянуть съ должнымъ уваженіемъ, какъ родоначальникъ, какъ великій политическій умъ, впервые провозгласившій на русскомъ языкѣ теорію «кровавыхъ реформъ»; но авторы прокламаціи находятъ, что онъ отсталъ, сдѣлался слишкомъ мягокъ и сбивается на тонъ простыхъ либераловъ, которые не хотятъ кровавыхъ реформъ. Изъявляя ему должное уваженіе, они признаются, что недовольны имъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни скудоумны эти революціонеры, а поняли, что есть что-то неладное въ этомъ человѣкѣ, который издали поджигаетъ революціонныя страсти. Пожалуй, они крикнутъ ему ту самую итальянскую фразу, которая такъ полюбилась ему: «studiate la matematica e lasciate le donne» ¹⁾, или просто по-русски: «убирайся къ чорту, болтунъ, съ своими благословеніями». Но болтунъ себѣ на умъ; онъ еще не теряетъ надежды поладить съ ними. Онъ прочиталъ эту «Молодую Россію», и какъ вы думаете?—какое родилось въ немъ впечатлѣніе, или лучше сказать, что онъ написалъ по прочтеніи ея? Весь цинизмъ своихъ истасканныхъ и избитыхъ остротъ изливаетъ онъ на правительство и на общество. Виновато правительство, которое не осталось сложа руки, виновато общество и литература, которая не съ умиленіемъ приняла эту прокламацію, виноваты, наконецъ, народъ (хотя онъ и прощаетъ ему), который получилъ дурное воспитаніе и готовъ побить камнями своихъ благодѣтелей. «Народъ, говоритъ онъ съ меланхоліей, намъ не вѣритъ

¹⁾ Изучайте математику и оставьте въ покоѣ женщинъ.

и готовъ побить камнями тѣхъ, которые отдають за него жизнь. Темною ночью, продолжаетъ онъ, вызвышаясь до поэзіи,—темною ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье». Всѣ виноваты, и народъ, и правительство, и смирительная литература (это острота), и помѣщики (на нихъ лежитъ тяжкій грѣхъ крѣпостного права, который они еще не искупили покаяніемъ: фразеръ иначе не говоритъ теперь, какъ библейскимъ языкомъ), всѣмъ учитель даетъ острастку и строгое наставленіе. Правы только авторы этой прокламаціи. Обо всѣхъ говоритъ онъ съ негодованіемъ и съ злобной ироніей; къ нимъ однимъ обращается онъ съ словомъ нѣжности, съ чувствительнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. Въ «Молодой Россіи» видитъ онъ пріятную смѣсь Шиллера съ Бабефомъ. «Вы насъ считаете отсталыми, говоритъ онъ, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали отъ васъ сердцемъ, а сердце даетъ тактъ». Какой же тактъ даетъ ему сердце? Онъ отечески журить «Молодую Россію» только за двѣ ошибки,—во-первыхъ, что она одѣта не по-русски, а болѣе по-французски; во-вторыхъ, что она появилась не кстати, тѣмъ болѣе, что вскорѣ случились пожары. Онъ вразумляетъ нашихъ Шиллеровъ съ примѣсю Бабефа, чтобъ они были попрактичнѣе и не прибѣгали къ французской декламаціи и къ формуламъ социализма Бланки. Противъ основаній ихъ программы онъ ни слова не говоритъ, но находитъ, что революціонныя ученія Запада должны быть переложены на русскіе нравы, въ чемъ, конечно, онъ и подсобить имъ...

«Чего испугались?» восклицаетъ онъ съ презрѣніемъ, обращаясь къ русскому обществу, которое, по прочтеніи «Молодой Россіи» будто бы ударилось со всѣхъ ногъ спасаться отъ прокламаціи подъ покровъ квартальнаго надзирателя (это мечь за лондонскаго полисмена). «Чего испугались?» говоритъ онъ: народъ этихъ словъ не понимаетъ и готовъ растерзать тѣхъ, кто ихъ произноситъ... Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь,—юношей-фанатиковъ. Въ чемъ же уголовщина?»

Бездушный фразеръ не видитъ въ чемъ *уголовщина*. Ему ничего,—пусть прольется кровь этихъ «юношей-фанатиковъ»! Онъ въ сторонѣ,—пусть она прольется. А чтобы имъ было веселѣе, и чтобъ они не одумались, онъ перебираетъ всѣ натянутыя струны въ ихъ душѣ, онъ шевелитъ въ нихъ всю эту массу темныхъ чувствованій, которая мутитъ ихъ головы, онъ поетъ имъ о «тоскѣ ожиданія, растущаго не по днямъ, а по часамъ съ приближеніемъ чего то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется и чего еще нѣтъ», онъ поетъ имъ о «святомъ нетерпѣніи»... Что жъ! Пусть

прольется ихъ кровь, онъ прольетъ о нихъ слезы; онъ отслужить по нихъ панихиду; шутовской папа, онъ совершить торжественную канонизацію этихъ японскихъ мучениковъ. У религіи Христа, въ которую онъ не вѣритъ, онъ беретъ ея святыню, и отдаетъ имъ, этимъ несчастнымъ жертвамъ безумія, глупости и презрѣнныхъ интригъ. Онъ почтилъ ихъ титуломъ Шиллеровъ; онъ показываетъ имъ въ священной перспективѣ славу умершаго на Голгорѣ. Чтобы дать имъ предвкусіе ожидающей ихъ апофеозы, онъ поетъ молебны жертвамъ, уже пострадавшимъ за подметные листки, и молить ихъ, чтобъ они «съ высоты своей Голговы» отпустили грѣхъ народу, который требовалъ ихъ головы.

Вотъ вамъ человѣкъ! Что же онъ такое? И еслибъ еще былъ онъ на мѣстѣ, съ ними, съ этими «юношами-фанатиками», еслибъ еще онъ самъ съ ними дѣйствовалъ и дѣлилъ ихъ опасности,— нѣтъ, онъ поетъ имъ изъ-за моря, и гнѣвно спрашиваетъ встревоженное русское общество: «чего же вы испугались? вѣдь прольется только ихъ кровь,—юношей-фанатиковъ».

Но эти юноши-фанатики еще не побиты камнями. Можетъ быть, при видѣ общаго впечатлѣнія, произведеннаго ихъ безуміемъ, они бы одумались; можетъ быть, прошелъ бы ихъ угаръ. Такъ вотъ, чтобъ они не очнулись, поддается имъ жару. Раздается голосъ, снова призывающій все, что, можетъ быть, съ испугомъ и стыдомъ шобѣжало изъ нихъ вонъ. Вся дурь возвращается въ головы, ободренная и подкрѣпленная; великодушныя чувствованія, остатки извращенныхъ религіозныхъ инстинктовъ и весь пылъ молодости подбрасывается на подтопку безумнѣйшихъ мыслей. Они гордо поднимаютъ голову посреди этого общества, которое, будто бы испугалось ихъ, и мудрено ли, что они полѣзутъ на ножи, чтобъ съ высоты Голговы отпустить народу его грѣхъ?

Нѣтъ, никто ни минуты не опасался, чтобъ на голосъ ихъ могъ сочувственно отозваться народъ. Такой глупости никому не приходило въ голову. Не смыслъ, не содержаніе этой нелѣпой прокламаціи и другихъ ей подобныхъ могли возбуждать серьезное опасеніе. Трудно было читать ее безъ смѣха, и первымъ движеніемъ каждаго было желаніе, чтобъ она была обнародована и предана общественному посмѣянію. Но смѣхъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ уступаетъ мѣсто тяжелой мысли, что нашлись у насъ люди, которые, можетъ быть, съ серьезнымъ увлеченіемъ сочиняли эту галмачью, и что число этихъ людей растетъ, благодаря неопредѣленности положенія, подъ вдіяніемъ интригановъ. Многіе точно впадаютъ невинными жертвами, но имъ не останется утѣшенія сказать себѣ, что они пострадали за какое-нибудь дѣло, и кровь этихъ

несчастныхъ падеть не на народъ, она падеть на этихъ безчестныхъ поджигателей, которые такъ расточительны на кровь — на свою, а чужую.

Ну, а если имъ удастся, наконецъ, раздражить этотъ народъ, которымъ они шугаютъ, если, наконецъ, поднимется этотъ великанъ, поднимется не за тѣмъ, чтобы слѣдовать за ними, а за тѣмъ, чтобы предать ихъ избіенію за оскорбленіе его святыни и царя, которому онъ непоколебимо вѣренъ, — одна ли кровь этихъ фанатиковъ прольется, будутъ ли стихійныя силы, выступившія изъ береговъ, разбирать виновныхъ и невинныхъ? Петербургское общество знаетъ, кому, между прочимъ, во время пожаровъ приходилось прятаться отъ разъяреннаго народа за полицейскими служителями, кому приходилось мѣнять свое платье, чтобы выйти безопасно на улицу.

Отъ петербургскихъ пожаровъ отрекаются революціонныя агитаторы, — отрекаются съ добродѣтельнымъ жаромъ. Но все ихъ отличіе отъ простыхъ поджигателей въ томъ только и состоитъ, что тѣ поджигаютъ по мелочи, а они en grand. Да, наконецъ, что же было бы слѣдствіемъ ихъ попытокъ, какъ не страшный рядъ пожаровъ, которые зажжетъ этотъ великанъ, ища ихъ же, своихъ самозванныхъ дѣтей, чтобы избить ихъ, и избивая вмѣстѣ съ ними все, что ни попадетъ ему подъ руку?

Издатели «Колокола» спрашиваютъ насъ, какіе они люди. Мы сказали. Честными ни въ какомъ случаѣ назвать ихъ нельзя. Отъ безчестія имъ одна отговорка — помѣшательство.

Конечно, общество отнеслось къ этой выходкѣ различно. Одни были вполне солидарны съ «Замѣткой», другіе находили нежелательной лишь ея рѣзкость; третьи же окончательно порвали съ Катковымъ всякія прошлыя связи и имя его обратили въ своемъ кругу въ ругательство не болѣе лестное, чѣмъ «Ѳаддей Булгаринъ»... Всегда жившая девизомъ: «и нашимъ и вашимъ», «Сѣверная Пчела» сначала помѣстила даже письмо къ издателю, озаглавленное: «Gratitez l'anglomane russe et vous trouverez le tartare»¹⁾, подписанное инициалами А. Б. (А. Бени). Въ этомъ единственномъ сколько нибудь сильномъ протестѣ, и то противъ *тона* «Замѣтки», пропущенномъ цензурою, заслуживаютъ вниманія начало и конецъ.

«Я только что получилъ послѣднюю (іюньскую) книжку «Русь В», и съ негодованіемъ, хотя и безъ удивленія, прочелъ въ ней замѣтку, для надлежащаго опредѣленія которой я бы долженъ об-

¹⁾ Поскребите русскаго англomана и вы найдете татарина.

ладать площаднымъ краснорѣчіемъ ея автора.... Неужели вы, милостивый государь, или любой другой органъ вашей журналистики не вступится за оскорбленное приличіе, за оскорбленную честь русской литературы, и не лишитъ писавшаго эти жалкія строки того уваженія въ глазахъ публики, которое онъ окончательно потерялъ тономъ своей послѣдней замѣтки у всѣхъ его иностранныхъ читателей» («Сѣв. Пчела», № 203).

Изъ письма Тургенева къ М. А. Марковичъ видно, что это письмо подняло бурю, но Бени не поспѣлъ ни въ какую крупную непріятность и даже собирався забрать «Сѣв. Пчелу» въ свои руки, пользуясь тѣмъ, что въ его распоряженіе былъ отданъ весь заграничный отдѣлъ. Этого, однако, не случилось, и газета не перемѣнила своего фронта, («Мин. Годы» 1908 VIII, 95).

Въ редакціонной замѣткѣ № 212 «Сѣв. Пчелы» «Колокола и Русскій Вѣстникъ» было заявлено: «Помѣстивъ въ № 203 нашей газеты письмо г. А. Б. (который доставилъ намъ свой адресъ и карточку), направленное противъ тона «Замѣтки» «Русскаго Вѣстника» для издателя «Колокола», мы перепечатаваемъ вслѣдъ за симъ всю эту замѣтку»..

На другой день была помѣщена редакціонная статья «О Замѣткѣ „Русскаго Вѣстника“ и о характерѣ дѣйствій г. Герцена». Въ ней, между прочимъ, сказано: «Г. Катковъ призналъ за Герценомъ такое значеніе, какого послѣдній, по нашимъ понятіямъ, никогда въ Россіи не имѣлъ, да и никогда имѣть не будетъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, для насъ до сихъ поръ г. Герценъ? ...Г. Катковъ упустилъ изъ вида, что г. Герценъ не человѣкъ дѣла. Гремя своимъ «Колоколомъ» противъ безнравственности богатства, онъ едва ли можетъ въ подкрѣпленіе своей теоріи указать на себя, какъ на примѣръ самоотверженія въ пользу общую. Извѣстно, что г. Герценъ, разглагольствующій о безнравственности богатства, самъ очень богатъ и не основалъ еще ничего въ родѣ рочдельской рабочей ассоціаціи или Нью-Ленарка»... «Г. Катковъ не имѣлъ основаній отрицать честность г. Герцена» (№ 213).

Катковъ понялъ, что «Сѣв. Пчела» очень ловко старалась анулировать его громъ и молніи, и поэтому написалъ статью, въ которой старался оттъннить двѣйственность занятаго газетой положенія. Сказавъ, что «Пчела» «оскорблена тономъ нашей замѣтки», что «она сомнѣвается, чтобы издатель «Колокола» имѣлъ слишкомъ большое вліяніе», Катковъ продолжалъ: «Она находитъ, что вліяніе его ограничивается лишь какою-нибудь сотнею горячихъ головъ. Намъ кажется, что «С. П.» ошибается. Нѣтъ сомнѣній, «Колоколь» приобрѣлъ вліяніе фальшивымъ образомъ, благодаря

причинамъ, отъ его редакціи не зависящимъ, но нельзя отрицать, что вслѣдствіе этихъ независящихъ отъ реакціи причинъ, ничтожество выросло въ огромную силу и распространило свое вліяніе повсюду. Сказать-ли? Почтенная редакція «Сѣв. П.», которая такъ оспариваетъ силу и размѣры этого вліянія, сама невольно подчиняется ему)... «Несмотря на доводы этой газеты, мы находимъ, что принятый нами тонъ былъ умѣстенъ и что, по нѣкоторымъ причинамъ, писать инымъ тономъ было бы даже нечестно. Мы отвѣчали точно такимъ тономъ, въ какомъ обращались къ намъ». Въ концѣ же Катковъ укоризненно отнесся къ перепечаткѣ «Сѣв. Пчелой» полностью своей «Замѣтки», въ чемъ видѣлъ нарушеніе авторскаго права («Современ. Лѣтопись», № 33).

Изъ пространнаго отвѣта «Сѣв. Пчелы» интересны нѣсколько мѣстъ.

«Просвѣщенная редакція замѣчаетъ намъ, что мы какъ будто робѣемъ передъ Герценомъ, какъ будто ласкаемся къ нему, величая его по имени и отчеству; удивляется нашей щепетильности въ оцѣнкѣ тона, какимъ переговариваются съ издателемъ «Колокола», и ставитъ намъ на видъ равнодушіе, съ какимъ мы слушали ругательства на Токвиля, Кавура, Манинѣ и другихъ..... Мы г. Герцена никогда не боялись, хотя никогда и не считали его человекомъ, которому ужъ и отвѣчать не стоитъ. Отчего же? Какъ съ литераторомъ, мы съ нимъ давно очень хотѣли поговорить, потому что съ нимъ есть надежда договориться до дѣла, тогда какъ съ его «собачками», что дальше въ лѣсъ, то больше дровъ...

«Теперь о вліяніи «Колокола». Мы стоимъ на томъ, что вліяніе это далеко не столь велико, какъ полагаетъ нашъ благородный противникъ, остроумно замѣтившій, что вліяніе «Колокола» произошло «благодаря причинамъ отъ его редакціи не зависящимъ».. «Колоколь» читается всѣми, кто можетъ его достать, просто, какъ запрещенная вещь, гдѣ часто рассказываются разные секреты... У насъ г. Герценъ для нѣкоторой части публики просто «бѣдовый», «душка», оглашающій разныя вещицы и больше ничего. А какая у него задача во лбу? Помилуйте, объ этомъ никто никогда не думалъ, «Колоколь»—не органъ партіи. Его читаетъ и ярый консерваторъ, и либераль, и красный, и голубой, и всѣ довольны...

«Другое дѣло—литературный талантъ г. Герцена. Просвѣщенная редакція «Русскаго Вѣстника» не признаетъ въ Герценѣ замѣчательнаго таланта, а наше уваженіе въ этой редакціи не позволяетъ утверждать, что корень ея отрицанія кроется въ иномъ чувствѣ... Другая московская редакція («Наше Время»—М. Л.), печатающая «интересную характеристику издателя «Колокола», ведетъ

дѣло гораздо тоньше и безпристрастнѣе. Она признаетъ въ Герценѣ серьезный беллетристическій талантъ.

«...Кто же согласится съ просвѣщенной редакціей «Русскаго Вѣстника», что у Искандера ужъ только и красоты, что «риторическія движенія слога да прикрасы острословія»... Г. Каткову должно быть извѣстно, что эти «Записки» (доктора Крупова—*М. А.*), напечатанныя въ «Современникѣ», были однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній литературы тогдашняго времени... Г. Герценъ умѣлъ вліять на нравы, онъ великій мастеръ бороться съ «преготическими затѣями», и это, кажется, должно было бы составлять его литературную задачу, а онъ занялся политикою... Можетъ быть, и нашъ «неисправимый социалистъ» когда-нибудь опять употребитъ свое талантливое перо на разработку тѣхъ вопросовъ, поднятіе которыхъ дало ему литературную извѣстность... Мы даже позволяемъ себѣ думать, что это совсѣмъ не невозможно, ибо, несмотря на «пензенское подкрѣпленіе» (Огаревъ—*М. А.*), Искандеръ въ 141 листѣ *Колокола* уже даетъ нотацію *Молодой Россіи*... Все равно, немножко раньше или немножко позже, г. Герценъ долженъ же убѣдиться, что его много и очень много обманывали люди, которые сами не знаютъ, чего хотятъ и на что надѣются» («Сѣв. Пчела», № 232).

Конечно, Павловъ и ему подобные въпуски принялись теперь «обличать» Герцена, и столбцы «Нашего Времени», «Сына Отечества», «Домашней Бесѣды» и tutti quanti запестрѣли его именемъ.

Асоченскій перепечаталъ «Замѣтку» Каткова, сопроводивъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Заимствуемъ статью эту изъ «Р. В.», желая познакомить и нашихъ читателей съ личностью чловека, пользующагося черезчуръ ужъ громкой извѣстностью и составляющаго для нашихъ ультра-прогрессистовъ что-то въ родѣ золотого тельца, которому поклоняются они съ безусловнымъ фетишизмомъ. Пора, давно пора, сорвать маску съ этого говоруна и показать его тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Герценъ въ послѣднее время дописался, какъ говорится, до чортиковъ, и сталъ уже смѣшонъ и жалокъ съ своею злобою и ненавистью ко всему священному на небѣ и на землѣ» («Домашняя Бесѣда» 1862 г., № 32).

Сказать хоть что-нибудь, стоящее вниманія, противъ этой клики не удалось: всѣ подобныя статьи были воспрещены цензурой, по распоряженію Головнина еще отъ 30 іюля: «не пропускать ни одной статьи противъ «Замѣтки» Каткова на Герцена, не показавъ предварительно предсѣдателю цензурнаго комитета» (П. Усовъ, 66). Въ «Сборникѣ Статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 г.», острѣчаемъ пять такихъ статей. Ни «Современникъ», ни «Русское

Слово», ни «День», приостановленные къ этому времени, даже и въ цензуру ничего не представили.

Статья, представленная «Свѣточемъ»—«Герценъ и Катковъ», очень обширна; къ сожалѣнію, авторъ невыясненъ. «Бранить и шельмовать челоѵѵка, котораго почему бы то ни было *не должно* хвалить, а тѣмъ болѣе ему сочувствовать—дѣло вполне хорошее, честное и достойное. Къ этому и противъ этого мы отъ себя ничего *не смѣемъ* прибавить. Да и бесполезно, думаемъ мы». «Герценъ, дѣйствительно, можетъ быть, вредный и опасный челоѵѵкъ, его дѣятельность, дѣйствительно, можетъ быть, не соотвѣтствуетъ нашимъ требованіямъ, ну, тогда, если вы, г. Катковъ, уже взяли за дѣло, докажите намъ это и приведите въ ясность ваши убѣжденія, опровергающія убѣжденія противника вашего. Иначе вы не поможете дѣлу и только еще больше испортите его. Приведите въ фактическую и осязательную ясность всю нелѣпость, несостоятельность и безчестность дѣятельности Герцена и докажите это его послѣдователямъ, какъ $2 \times 2 = 4$ ».

Статья «Нѣсколько соображеній относительно замѣтки г. Каткова для издателя „Колокола“, тоже анонимная (какъ и всѣ прочія) и представленная, повидимому, «Библиотекой для Чтенія», обширна не менѣе первой. Журналъ считалъ, что «о г. Герценѣ нужно или ничего не говорить или говорить все—и про и contra... «Будучи эмигрантомъ и подлежа дѣйствию извѣстныхъ статей закона, г. Герценъ, всетаки, не сумасшедшій и не бѣшенный челоѵѵкъ. Есть пункты, въ которыхъ онъ и правъ, есть пункты и очень важныя, въ которыхъ мы съ нимъ вполне согласны и въ которыхъ согласна съ нимъ почти вся литература и здравомыслящая часть русскаго общества». «Критика, которую г. Катковъ старается дѣлать ученію г. Герцена, оказывается вполне несостоятельно можетъ привести къ результатамъ еще болѣе плачевнымъ, можетъ убить всякій зародышъ серьезной критики мнѣній г. Герцена со стороны нашего молодого поколѣнія. Всѣ другіе аргументы его, совершенно согласныя между собою, могутъ вести только къ той цѣли, на которую авторъ не могъ разсчитывать. Такъ, онъ старается уронить безъ всякихъ доказательствъ тѣ труды г. Герцена, которые были напечатаны имъ еще въ Россіи подъ сурдинкою. Общественнаго мнѣнія нѣсколькими фразами перевернуть нельзя. Наша публика находила смыслъ и въ «Запискахъ доктора Крупова» и въ историко-философическихъ очеркахъ, писанныхъ въ свое время г. Герценомъ». «Мы не надѣемся, чтобы когда-нибудь наша литература могла заставить г. Герцена отказаться отъ своего изданія. Но смягчить его, изгнать изъ него то, что есть въ немъ

вреднаго для единственнаго возможнаго намъ мирнаго развитія нашей жизни, она можетъ. Только для этого нужны не такіе дѣятели, какъ г. Катковъ, и не тотъ способъ отношенія къ нашимъ эмигрантамъ, какой позволилъ себѣ г. Катковъ».

Объ остальныхъ трехъ статьяхъ «Сборника» скажу только, что всѣ онѣ несомнѣнно за Герцена и противъ Каткова.

Головинская цензура, ввѣренная Цез. исполнила свой долгъ— гублика не увидала ничего подобнаго. «Свѣточъ» кончилъ свое существованіе, «Библиотека для Чтенія» ограничилась какой-то страничкой никому непонятныхъ недомолвокъ (VIII кн., «Внутреннее обозрѣніе»), а «Отеч. Записки» довка попали въ цѣль, удовлетворивъ обѣ стороны и не возбудивъ противъ себя цензуры, столь милостивой къ Краевскому:

«Хотѣлось бы намъ сказать кое-что по этому случаю г. Герцену, но удерживаемся только потому, что не хотимъ воспользоваться одностороннимъ правомъ открыто нападать на тѣ мнѣнія, которыя нельзя защищать такъ же открыто». Въ устахъ далеко нелиберальнаго журнала это было очень много значительно и вѣско... Впрочемъ, это не помѣшало Краевскому вслѣдъ за появленіемъ «Замѣтки» обратиться къ Каткову съ просьбой ее перепечатать... Катковъ отказалъ, потому что «это могло быть отнесено къ правительственному внушенію», и протестовалъ «всею силою своихъ авторскихъ правъ»... Ловкій Андрей Александровичъ не задумался и написалъ приведенное уже выше...

Яснѣе друиухъ умѣла высказаться «Искра» В. С. Курочкина. Въ № 22, въ статьѣ П. «Бой нашихъ пѣтуховъ съ поднебесной птицей» было сказано: «Дѣйствительно ли явился и есть такой «свободный артист.» за моремъ, доподлинно сказать не умѣемъ, потому что состоимъ сами по части нашихъ домашнихъ дѣлишекъ, но иностранцыи дѣлами не занимаемся. А надобно полагать, что *взаправду* есть. «Современная Лѣтопись» сильно вооружилась противъ него. Недавно противъ него же открылъ походъ и Николай Филипповичъ Павловъ. И стоитъ, скажемъ мы, если артистъ занимается тѣмъ, что сманиваетъ людей въ казематы да въ ка-торгу и нарочито для своей безопасности прячется за спину лондонскаго полисмена. Стоитъ за то, что не дѣйствуй такъ... Дѣйствуй, какъ мы. Мы пишемъ открыто, благородно, не прячемся ни за чьи спины. Казни насъ, если окажемся виноваты. А если и случаются между нами слабые (въ семьѣ не безъ грѣха), то они прячутся за родныя спины. Конечно, не похвально, но, все-таки, любовь къ отечеству видна»... Въ другомъ нумерѣ Владиміръ Моментовъ (псевдонимъ... В. П. Буренина) писалъ:

Люблю, когда

... ..
 Когда «свободному артисту»
 Меланхолическій свистунъ
 Катковъ, въ элегіи цвѣтистой,
 Пророчить близкій карачунъ.

Высказать полное одобреніе Каткову было очень похвально, и потому, естественно, всѣ *такія* статьи появились немедленно. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе сказанное официальнымъ органомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Приведя полный переводъ «Замѣтки», «Journal de St.-Petersbourg» заявилъ: «Русскій Вѣстникъ», направленіе котораго совершенно независимо и искренно-прогрессивно, и который, поэтому, является представителемъ значительной части нашего общественнаго мнѣнія, отвѣчая одновременно убѣжденіямъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей націи и реальнымъ потребностямъ массъ, напечаталъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ статью, которую мы считаемъ долгомъ предложить читателямъ. Это—энергичная, и безупречная оцѣнка того, что совершается за рубежомъ и цѣлью чего является возбужденіе умовъ, результаты котораго сводятся къ бѣдствіямъ отдѣльныхъ лицъ. Статья эта служитъ краснорѣчивымъ выраженіемъ чувства, которое объединяетъ большую часть нашихъ соотечественниковъ (1862 г., № 196).

Другой официальный источникъ посвятилъ заслугѣ Каткова нѣсколько страницъ. Я говорю объ изданномъ въ концѣ 1862 г. «Краткомъ обзорѣннѣ направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 г.». Составленіе этого весьма любопытнаго официального аттестата нашей печати принадлежитъ гр. П. И. Капнисту, а изданіе—одобрившему текстъ «Обзорѣнія» Головинну. Выражая вообще, удовольствіе тономъ и содержаніемъ прессы, взятой въ руки твердой и продуманной власти, гр. Капнистъ и Головинъ выразили особенное удовольствіе по поводу «обличеній» Герцена. Мѣста эти характерны и интересны:

«Въ половинѣ 1862 г. журналистика, какъ вѣрная истолковательница настроенія всего общества, представляетъ весьма большое количество отзывовъ и нападокъ на такъ называемую «подпольную и заграничную русскую литературу». Не трудно убѣдиться, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ, что характеръ почти всѣхъ статей этого рода свидѣтельствуетъ, какъ о прочности нравственныхъ убѣжденій большинства журналовъ и газетъ,

такъ и, о благопріятномъ для правительства вліяніи журналистики нашей, въ 1862 году, на общественное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи особенно выдалась «Замѣтка для издателя *Колокола*» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», послужившая поводомъ къ цѣлому ряду статей въ газетѣ «Наше Время» и въ «Сѣверной Пчелѣ», порицавшихъ направленіе и дѣятельность издателя «Колокола» и съ успѣхомъ изобличавшихъ его въ глазахъ тѣхъ близорукихъ людей, у которыхъ до того времени онъ пользовался неопровержимымъ авторитетомъ. *Сознавая несомнѣнную пользу такого направленія, цензура считала излишнимъ дать нѣкоторый просторъ статьямъ этого рода, имѣвшимъ цѣлью противодѣйствовать тенденціямъ «подпольной литературы» и нѣкоторыхъ заграничныхъ агитаторовъ.*

«Русскій Вѣстникъ» весьма мѣтко указалъ на ту недобросовѣстность, съ которою издатель «Колокола» относился постоянно къ многознаменательнымъ преобразованіямъ настоящаго царствованія и къ явленіямъ новой русской жизни..... Несмотря на *все литературное достоинство и умъ «Замѣтки»*, впечатлѣніе, произведенное ею, теряло значительную долю своей силы потому, что въ тонѣ ея многіе слышали раздражительность и отсутствіе спокойнаго разсужденія. Тѣмъ не менѣе, *большинство газетъ перепечатали статью «Русскаго Вѣстника»*, и сами воспользовались возможностью разсуждать печатно о нашихъ заграничныхъ агитаторахъ. Весьма полезное впечатлѣніе произвелъ рядъ статей газеты «Наше Время» подъ заглавіемъ: «Г. Герценъ и г. Огаревъ». Отличаясь тономъ болѣе умѣреннымъ, чѣмъ «Замѣтка» «Русскаго Вѣстника», статьи эти не менѣе, если не болѣе способствовали къ подрыву во мнѣніи массъ авторитета г. Герцена. Замѣчательно, что нумера газеты, въ которыхъ печатались эти статьи, покупались нарасхватъ и по этому факту можно съ достовѣрностью предположить о сочувствіи большинства къ стремленію нашей журналистики противодѣйствовать заграничнымъ агитаторамъ. Вотъ, на примѣръ, отзывъ одной изъ статей газеты «Наше Время» о самомъ г. Герценѣ: «Одаренный большимъ литературнымъ талантомъ и неистощеннымъ остроуміемъ» говоритъ газета, «онъ вообразилъ себѣ, что ему предложить другое, не просто литературное поприще, что онъ собственно не литераторъ, а политикъ, политическій дѣятель. Этой злопелучной мысли мы одолжены всѣмъ тѣмъ политическимъ сумбуромъ, который читали въ его заграничныхъ изданіяхъ. Конечно, онъ въ глазахъ очень молодыхъ людей, а также людей, ничего не знающихъ и ни о чемъ не думавшихъ, имѣютъ прелесть, съ которой трудно бороться. Прелесть эта заключается

именно въ недостаткѣ практическаго характера и въ идеальности **стремленій**. Однако, такое убѣжденіе не помѣшало газетѣ «Наше Время» предложить рѣзкую, но вѣрную характеристику политическаго направленія издателя «Колокола». «Г. Герценъ», замѣчаетъ газета, «ничего такъ не желалъ, какъ говорить вслухъ, а между тѣмъ онъ потихоньку былъ гораздо лучше. О многомъ только закричи, такъ оно потеряетъ свою прелесть. Выложи иногда все, что есть за душой, и прославешь не богачемъ, а нищимъ. Свобода для г. Герцена не будни, а праздникъ. Это не спокойное пользование правомъ, не увѣренность, что оно мое, днемъ, ночью, на глазахъ цѣлаго міра, а разгулъ мастерового, который дождался воскресенья да и пируетъ на послѣднія деньги. Г. Герценъ вѣчно находится въ торжественномъ настроеніи, вѣчно торопится, какъ будто боится, что праздникъ скоро кончится. Онъ, кажется, пишетъ не затѣмъ, чтобъ сообщать мысли, а чтобъ доказывать, что пишетъ безъ цензуры. Онъ щеголяетъ не истиной, а силой, не воздержанностью, а необузданностью. У него во всемъ замѣтно какое-то инстинктивное желаніе помѣстить на данномъ протяженіи бумаги какъ можно болѣе свободы слова. Если теперь обратиться, наконецъ, къ содержанію политическихъ трудовъ г. Герцена, къ тому богатству, которымъ горѣлъ онъ нетерпѣніемъ подѣлиться съ нами, то должно придти въ изумленіе, до какой степени скудно число его сокровищъ. Двѣ-три истасканныя мысли, общія мѣста, ропотъ противъ угнетателей завѣренія въ любви къ народнымъ массамъ, на каждомъ шагу звуки знакомой, старинной пѣсни и болѣе ничего. Еслибъ онъ былъ рыцаремъ, то въ его щитѣ слѣдовало бы поставить девизомъ: революція и сплетни. Вотъ его политической катехизисъ въ главныхъ чертахъ». Достойны вниманія также статьи о г. Герценѣ, помѣщавшіяся въ «Сѣверной Пчелѣ», и статья газеты «Сынъ Отечества» подъ заглавіемъ: *«Нѣсколько словъ по поводу одною новою вопроса въ русской публицистикѣ»*. «Если бы г. Герценъ», замѣчаетъ эта статья, «отуманенный своимъ воображаемымъ величіемъ, былъ въ состояніи слушать чьи-нибудь совѣты, мы обратились бы къ нему съ просьбою не вредить развитію Россіи своими крайними выходками, а вмѣстѣ съ нами служить по мѣрѣ силъ и возможности общему, святому дѣлу добра и порядка. Но г. Герценъ, конечно, не послушаетъ нашего смиреннаго голоса, онъ съ олимпійскимъ величіемъ смотритъ на нашу журналистику. Но отказавшись отъ мысли обратить на путь истинный лондонскаго русскаго публициста, мы не отказываемся отъ другой мысли—отъ мысли предостеречь тѣ личности изъ нашего общества, для которыхъ нужны эти предостереженія, отъ обаянія, которое произ-

водитъ на нихъ непроцензурованный листокъ г. Герцена, напоминая, что отсутствіе цензурнаго разрѣшенія отнюдь не можетъ служить мѣриломъ состоятельности не подвергшейся цензурѣ книги».

Уже цитированный кн. Н. П. Мещерскій такъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ интересующаго насъ момента:

«Въ эпоху безграничнаго владычества Герцена вдругъ грянулъ громъ. Среди раболѣпнаго безмолвія послышалась рѣчь Каткова, твердая, мудрая, властная... Камень, брошенный мощною рукой попалъ прямо въ цѣль. Скудельный божокъ далъ трещину съ самой макушки до подножія. Вскорѣ новый ударъ—и божокъ рухнулъ впрахъ. Остались одни черепки». Курьезно, что тотъ же Мещерскій обвиняетъ Головнина въ томъ, что «онъ успѣлъ убѣдить правительство, что допущеніе въ печати гласнаго возраженія на герценовскія произведенія представляло величайшую опасность» («Памяти Каткова», 5).

По мнѣнію Н. А. Любимова, статья его принцепала, Каткова, «выставила лондонскую пропаганду въ истинномъ ея свѣтѣ и сняла съ издателей «Колокола» ореолъ политической честности» («М. Н. Катковъ», 203).

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, въ 1870 году, сказалъ о заслугѣ Каткова въ громадной передовой статьѣ, изъ которой считаю лишней одну цитату:

«Существованіе всѣмъ извѣстной заграничной печати покрывалось всеобщимъ притворствомъ молчанія. Сказать о немъ значило преступить законъ, въ видѣ предварительной цензуры отрицавшей существованіе того, чему запрещено было существовать. Герценъ... да гдѣ же его имя? *Колоколъ*... да въ какомъ же каталогѣ значитъ это заглавіе? Гдѣ оно появлялось, оно было затерто или зачеркнуто; книги задержаны и конфискованы. Его нѣтъ, ихъ не существовало. Можно ли говорить о несуществующемъ? «А, стало быть вы читали революціонныя сочиненія? Гдѣ вы ихъ достали?»—«Что до того! Но я съ нимъ несогласенъ, я признаю вредъ его дѣятельности; я вступаю съ нимъ въ борьбу...»—«Предоставьте это правительству; оно васъ охраняетъ, и не проситъ вмѣшиваться съ своею помощію; революціонныхъ сочиненій даже бытіе должно быть неизвѣстно; упоминая о нихъ, вы разжигаете любопытство, компрометируете правительство.

«Молчало; должно было молчать. Теперешній издатель *Московскихъ Вѣдомостей* прервалъ молчаніе, хотя и подъ цензурой, хотя и противъ правилъ, считавшихся законными, хотя и можно было подвергнуться отвѣтственности, въ силу близоруко-охранительныхъ разсужденій. Имя Герцена произнесено, произнесено безъ

страха, и не только безъ уваженія, но съ негодованіемъ, съ презрѣніемъ.

«Помнимъ впечатлѣніе этого неожиданно произнесеннаго слова. Помните вы? Мы помнимъ хорошо. Хорошая половина жившихъ и дѣйствовавшихъ и разсуждавшихъ свободнѣе вздохнула: она также читала запрещенное, по крайней мѣрѣ, слышала о немъ; также соглашалась, по крайней мѣрѣ, молчала на изъясняемые восторги и угрозы, но внутри тяготилась и смущалась. Спорить было нельзя не только въ печати, но даже словесно. Это было время терроризаціи, нравственное всемогущество лондонскаго диктатора, осадное положеніе русской мысли: заграничная печать не только проповѣдала, но она гнѣла, она застрашивала; она отнимала свободу разсуждать, подавляла нравственно. Половина вздохнула; порадовались другіе» («Современныя Извѣстія» 1870 г., 11 января).

Какъ уже было сказано, мнѣнія, расходящіяся съ только что приведенными, не нашли мѣста въ тогдашней печати и потому ихъ приходится заимствовать изъ напечатанныхъ позже мемуаровъ или изъ исторической литературы послѣдующаго времени.

Прежде всего остановлюсь на разсказѣ сторонника Каткова— Н. М. Павлова. «Въ обществѣ статья Каткова не встрѣтила ни малѣйшаго сочувствія, важность была въ этомъ. Къ крайнему своему разочарованію, ни съ чьей стороны не услышалъ я подтвержденія своему личному впечатлѣнію по поводу этой статьи,—рѣшительно ни отъ кого» («Рус. Обозрѣніе» 1895, V, 319).

И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: «Катковъ неправъ во многомъ относительно Герцена; все-таки, это—благороднѣйшее и симпатичное лицо; Катковъ грубъ и дерзокъ донельзя. Но во многомъ онъ и правъ: такъ выходитъ, и потому статья для Герцена убійственна. На мѣстѣ Каткова, слѣдовало бы, однакожь, нападая на Герцена, дать туза два-три и правительству, чтобъ оно не слишкомъ радовалось низверженію своего обличителя» (Н. Барсуковъ, н. с., т. XIX, 190).

Погодинъ, писалъ гр. Блудовой: «Статья Каткова мнѣ не нравится: 1) носитъ характеръ личности, 2) не касается до главныхъ винъ Герцена, 3) состоитъ изъ ругательствъ площадныхъ. Къ Герцену я не могу быть пристрастенъ, потому что брань моя съ нимъ началась двадцать пять лѣтъ, и онъ и его партія ругаютъ меня при всякомъ случаѣ, чуя врага; но я даже призналъ, что это есть талантъ сильный и что съ нимъ надо бороться посерьезнѣе и нашлись бы давно борцы, еслибы правительство не связало руки» (тамъ же, 190—191).

Сенаторъ К. Н. Лебедевъ,—такъ же, какъ и цитируемые писатели, не подавшій никому повода заподозрить его въ сочувствіи къ Герцену, какъ публицисту,—записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Есть въ этой статьѣ что-то лишнее, мстящее, злорадно глумящееся. Она и послѣ тоже несладенькихъ статей «Колокола» (22 іюня, листъ 137) производитъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Перебирая дѣятельность Герцена и особенно обличительную газету его (съ 1 іюля 1857 г.), не можешь отказать ему ни въ прямотѣ, ни въ постоянствѣ, ни въ безкорыстїи, ни, наконецъ, въ напряженной, обширной дѣятельности. Самая энергія, типичность рѣчи его имѣетъ даже высокое литературное достоинство. Катковъ, какъ правительственный публицистъ, не только не отдаетъ ему никакой справедливости, но видитъ въ немъ человѣка нечестнаго, который рискуетъ, увѣренный въ безопасности, топить другихъ, легкомысленно потчуя ихъ апофеозами и готовъ пожертвовать своей личности благомъ народа... Легонько, грубенько и мелочно... Съ того времени онъ началъ открытую, систематическую войну съ русскимъ правительствомъ за цензуру, за крѣпостное право, за тѣлесныя наказанія и за всѣ тѣ злоупотребленія управленія, которыми полны листы, книги и брошюры его. И что же? Звонъ его слушали, его боялись, ему повиновались. Правительство исполняло его программу: цензура, крѣпость, плети отмѣнены. Но куда мы пришли? Это вина не Герцена. Правительство сочло возможнымъ сдѣлать второй шагъ прежде перваго. Оно вступило въ революціонный путь и запуталось. Герценъ въ чемъ тутъ виноватъ? Оно вынуждено обратиться къ реакціи. А развѣ Герценъ не бичуетъ его за это? Ненадобно быть несправедливу даже къ личному врагу и не забывать продолжительную дѣятельность подъ влияніемъ впечатлѣнія дневныхъ событій. Каткову не повѣрятъ; скажутъ, что онъ, какъ Н. Ф. Павловъ, подкупленъ, и молодежь прилѣпится къ Герцену сильнѣе и плотнѣе. Реакція очень ошибается, если думаетъ опираться на такія статьи. Отнынѣ партія Герцена въ обществѣ и въ литературѣ дѣлается могуществомъ, признаннымъ правительствомъ, какъ это признавала молодежь давно... Шедо-Ферроти увѣряетъ, что «Колокола» порядочные люди не читаютъ. Это несправедливо: его читаютъ дворъ, министры и многіе, правда, морщась («Рус. Архивъ» 1911, III, 407—408»).

Весьма и весьма умѣренный журналъ «Правдолюбивый», издававшійся купленнымъ русскимъ правительствомъ В. Гергардомъ, не одобрявъ выступленія «Journal de St.-Petersbourg», указалъ, что «Герценъ способствовалъ въ Россіи къ уничтоженію многихъ злоупотребленій и къ свободѣ крестьянъ, какъ бы ни мало было его

вліяніе»; «Герценъ — челоѣкъ исключительный»... «Атакуйте, господа, кого хотите, но умно, а не глупо... Нѣтъ, господа du «Journal de St-Petersbourg, не за свое дѣло вы взялись» (1862 № 10).

Въ заключеніе бѣлаго обзора отзывовъ о «Замѣткѣ», приведу указанія Ѳ. Воропонова. «Впечатлѣніе, произведенное статьями Каткова на публику, какъ столичную, такъ и провинціальную, было сильно и значительно измѣнило ея отношеніе къ Каткову и его изданіямъ. Грубый, рѣзкій тонъ ихъ такъ расходился съ тактичностью, приличіемъ и вообще достоинствомъ рѣчи, отличавшими до того «Рус. Вѣстникъ», что привычные къ нимъ его читатели разводили руками, словно, предъ ними вдругъ совсѣмъ другой челоѣкъ заговорилъ... Во время появленія означенныхъ статей я былъ въ провинціи и помню, какое онѣ тамъ возбудили недоумѣніе. Ихъ читали и перечитывали; не мало было по этому поводу толковъ и споровъ; иные почитатели Каткова стали отъ него отворачиваться, а нерѣшавшіеся сразу разставатся съ прежнимъ предметомъ сочувствія какъ бы успокаивали себя заключеніемъ: «Это все Леонтьевъ» («Вѣст. Европы» 1904, VII, 29 — 30).

Справедливость требуетъ сказать, что П. М. Леонтьевъ вовсе не принималъ участія во всѣхъ статьяхъ «Русскаго Вѣстника», направленныхъ противъ Герцена, и если послѣдній адресовалъ свое письмо на имя ихъ обоихъ, то сдѣлалъ это просто для того, чтобы не показать, что знаетъ, кому принадлежали анонимныя статьи. Покойный другъ А. Серно-Соловьевича И. И. Шамшинъ показывалъ мнѣ подлинникъ письма Цезъ къ одному изъ его провинціальныхъ пріятелей. Оно проливаетъ свѣтъ на многое:

«Дорогой Казиміръ Яковлевичъ, ты спрашиваешь меня, кто осмѣлился поднять знамя возмущенія противъ лондонскаго короля, и намекаешь на голубого князя (В. А. Долгоруковъ—М. Л.). Ошибаешься, какъ и во всѣхъ твоихъ отгадываніяхъ петербургскихъ подземныхъ вліяній. Головинъ одобрилъ мою мысль, государь одобрилъ ее въ отдѣлкѣ министра, Валуевъ кусаль губы, что самъ не дошелъ до такой простой вещи, какъ зубъ за зубъ. Дано было знать въ Москву съ указаніемъ, что двору хотѣлось бы видѣть что-нибудь солидное въ лучшемъ тамошнемъ изданіи — «Русскомъ Вѣстникѣ». Катковъ обѣщалъ исполнить просьбу и оправдать надежды, что ему было очень важно въ виду уже поданной частно записки о передачѣ ему «Московскихъ Вѣдомостей» съ 1863 года, за что здѣсь обѣщали замолвить слово. Какъ нарочно, скоро представился случай — король бросилъ вызовъ, думая имъ уничтожить Каткова. Послѣдній его принялъ и принялъ такъ, какъ мы даже не ожидали: написалъ статью и въ черновикѣ прислалъ ее сначала

Өедѣ [(знаешь?) — бар. Ө. А. Бюлеръ, членъ главнаго 'управленія цензуры—*М. Л.*], потомъ черезъ комитетъ министру уже въ отдѣланномъ видѣ! Здѣсь оставалось только написать: «съ Богомъ» — вотъ тебѣ отгадка. Никто въ Москвѣ, даже въ редакціи «Р. В.» ничего не зналъ, а типографія набирала все такими клочками, чтобы наборщики не могли сообщить ничего студенчеству университета, хозяина типографіи. Словомъ, Катковъ проявилъ большую ловкость и способность быть полезнымъ въ важныхъ случаяхъ. Газета за нимъ обезпечена, что бы тамъ ни было».

Цез не оцѣбся: Катковъ получилъ то, чего добивался, и вскорѣ, вообще, занялъ положеніе челоѣка, совершенно не желавшаго считаться съ общими условіями литературной дѣятельности, полагая, что онъ не можетъ быть поставленъ въ рядъ другихъ издателей и редакторовъ. Правительство и императоръ поддерживали его въ этомъ чаще молча, но всегда ясно.

Мнѣнія лѣвой части русскаго общества, разумѣется, рѣзко осуждающія Каткова, я умышленно не привожу — ихъ легко себѣ представить. Сдѣлаю исключеніе лишь для Блюммера «Свободнаго Слова», взглядъ котораго важень, какъ иллюстрація отношенія къ Герцену его коллегъ по русскому заграничному печатному станку и какъ свидѣтельство личнаго мнѣнія издателя, что читателю понадобится знать впослѣдствіи.

«Герценъ предоставилъ рѣшить дѣло общественному мнѣнію. Мы не можемъ не назвать такого молчаливаго отвѣта крайне благороднымъ и позволили себѣ только дать мѣсто выраженіямъ общественнаго мнѣнія... Этимъ мы и кончаемъ наше вмѣшательство, совершенно соглашаясь со слѣдующимъ присланнымъ намъ четверостишіемъ:

Избави, боже, Искандера
(Намъ слишкомъ дни его милы)
Отъ пошлой брани доктринера
И покровительства «Пчелы».

Затѣмъ шло мнѣніе анонимнаго сотрудника:

«Мы ограничимся только нѣсколькими словами для г. Каткова о томъ, что сдѣлалъ Герценъ для Россіи. Герценъ Россію разбудилъ, неусыпно ее оживлялъ и поддерживалъ. Герценъ воспиталъ тысячи доброй благородной молодежи, которой Россія обязана своимъ настоящимъ движеніемъ. Герценъ многія тысячи сдѣлалъ лучшими своимъ горячимъ и живымъ словомъ. Сколькихъ слышали мы, мужчинъ и женщинъ, благодарившихъ Герцена за свое *превращеніе* и съ ужасомъ говорящихъ: что бы изъ меня было, если

бы не оны! На нашъ вопросъ, какъ идутъ дѣла, одна горничная старушка намъ отвѣчала: «Совсѣмъ у насъ перестали сѣчь съ той жоры, какъ читають листики Александра Ивановича. Дай ему Богъ здоровья, нашему родному батюшкѣ. Прикажу дѣтямъ и внукамъ за него Богу молить». Это слышали мы въ Тульской губерніи; то же самое, другими словами выраженное, слышали мы въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Орловской, Херсонской» («Свободное Слово» 1862, т. I, вып. 7—8, 583—585).

2. 29 августа Головинъ, сносясь съ III Отдѣленіемъ по поводу просьбы А. Н. Очкина и Аркадія Эвальда о разрѣшеніи имъ издавать газету «Очерки», писалъ: «Оба эти лица извѣстны мнѣ, какъ весьма благонамѣренныя. Г. Очкинъ былъ самъ цензоромъ, а г. Эвальдъ написалъ извѣстную статью «Учиться или не учиться» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 61).

Въ октябрѣ 1862 г. слѣдственная комиссія кн. Голицына доложила царю, что газета «Очерки» напечатала свою программу съ инымъ содержаніемъ, чѣмъ то ей было разрѣшено, обѣщая публикѣ способствовать «освобожденію человѣческой личности на всѣхъ степеняхъ ея общественнаго положенія, отъ того тяжелаго гнета, въ которомъ она находилась въ теченіе тысячелѣтій»; въ числѣ сотрудниковъ указаны Антоновичъ и Елисеевъ, «касательно коихъ въ секретныхъ дѣлахъ III Отдѣленія имѣются свѣдѣнія, какъ о замѣченныхъ въ неблагонамѣренномъ противъ правительства направленіи». Приказано было передать дѣло мин. нар. просвѣщенія (тотъ же архивъ 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10).

3. «Замѣтка» Каткова имѣла подражателей и болѣе оригинальныхъ, чѣмъ ограничившіеся ея перепечаткой, похвалами Каткову или нѣкоторыми экскурсами въ прошлую литературную дѣятельность Герцена. Ознакомлю съ наиболѣе выдающимся.

Осенью 1862 г. въ берлинской литографіи Рингера была отпечатана брошюра «Предсмертный плачъ Генія». Она очень рѣдка и потому воспроизвожу ее полностью и съ точнымъ соблюденіемъ орфографіи. На обложкѣ изображенъ свалившійся на землю съ укрѣпленнаго столба и разбившійся колоколъ.

«Умираю, добрые соотечественники, достойный народъ Русской, и къ Вамъ съ мольбою о прощеніи, обращаю предсмертныя слова мои.

«Простите меня, что передъ смертію дерзнулъ назвать Васъ соотечественниками; я не достоинъ именовать себя соотечественникомъ Вашимъ—я бѣглець съ родины, я покинулъ ее безумно, увлеченной своимъ самолюбіемъ и тщеславіемъ; въ безуміи своемъ, поставилъ себя Геніемъ-преобразователемъ, мудрецомъ-наставни-

комъ; писалъ пошлости и ругательства про родную землю; собрался, проданъ народу подстрекающему смуты; подлой наемщикъ его, изрыгалъ площадную брань и остроты простите меня!

«Простите меня, доблестное Дворянство Русское, я оскорблялъ Васъ грубыми выходками и возгласами противъ помѣщиковъ; въ порывахъ безумія, безъ различія добраго и дурнаго, обратилъ Васъ въ заплечныхъ мастеровъ, костилъ съ плеча безъ разбора. Легко ругаться безнаказанно—и я пользовался, безнаказанностію; бросалъ въ васъ камнями съ чужаго берега, изъ зависти, что не родился въ вашемъ сословіи—простите меня!

«Простите меня, Старцы и Сановники Русскіе! простите мнѣ дерзость мою, ставить имена ваши въ пошлыхъ изданіяхъ моихъ—передать ихъ теченію времени не дерзаю сказать потомству увѣренъ, что колоколь мой замретъ вмѣстѣ со мною; ругательства мои питали, обогащали меня—безъ нихъ ктобы сталъ читать листы мои—простите меня!

«Простите меня, благородное юношество Русское,—я оглушалъ васъ пустыми громкими рѣчами, безъ вязи логической; я увлекалъ васъ—и увлеченные красивымъ слогомъ, разукрашеннымъ мишурными блестками, вы жадно читали безумныя рѣчи, не очищенные, не облагороженные разсудительною Цензурою и упивались ядомъ злословія и вольнодумства—я много, много и много виновать передъ вами. Простите меня!

«Простите меня! Купцы и купечество Русское! и противъ васъ, еще мало образованныхъ бросалъ я злыя уреканія—но да послужатъ вамъ въ пользу грубыя выходки мои—простите меня!

«Простите меня! Русскіе меня читающіе—я пользовался слабостію каждаго человѣка къ плоду запрещенному; обиралъ васъ безсовѣстно,—вы щедро платили за всѣ листы мною выпускаемые; вы не хотѣли помыслить, что языкъ Русскій малообщественъ, несоотчичи ваши не знаютъ его никтобы не читалъ меня, и я писалъ по Русски, сквернилъ отечественное нарѣчіе и вы на разхватъ покупали бредни мои; ободренный сей подлой добычей, съ сотрудниками мнѣ подобными, мы источали весь ядъ подлаго злословія, облекая его мишурными фразами—простите меня!

«Простите меня *Государь Всемилостивѣйшій*, до Васъ не могутъ достигъ стрѣлы безумія моего, я ничтожная пылинка, держалъ въ сумашествіи своемъ мыслить, становиться въ уровень съ Вами, Помазанникомъ Божіимъ на Царство; жалокъ я долженъ былъ быть въ очахъ Вашихъ, если Вы удостоили бросить Царственный взглядъ Вашъ, на мои къ Вамъ обращенія, гадокъ я самъ себѣ вспоминая выраженіе мое: ДА! ВЫ СОВЕРШЕННО СЧАСТЛИВЫ.

и другіе сему подобныя возгласы;—не смѣю, не дерзаю надѣяться на прощенье Ваше, какъ Государя но какъ поклонникъ Христа, во имя его, простите меня!

«Простите меня, Августѣйшая Царица, и къ Вамъ недосягаемой, дерзаль клонить безумныя рѣчи, дерзаль дѣлать наставленія, Вамъ Царицѣ-Матери, о воспитаніи Порфиророднаго Сына Вашего; простите меня, *Всемилоостивѣйшая Государыня*, простите, во уваженіе всей пошлости мной сказаннаго; хорошъ бы вышелъ чело-вѣкъ, хорошъ бы вышелъ сынъ Отечества, Царственный Сынъ Вашъ, учащійся въ общественной школѣ и имѣвшій ошую и одесную подобныхъ мнѣ товарищей, — мнѣ самому страшна пошлость совѣта моего и- *Вы Царица Мать*, какъ христіанка, простите меня!

«Простите меня всѣ православныя Русскіе—постигаю всю великость гнѣва вашего! постигаю все заслуженное мною презрѣніе Ваше! я передался народамъ Вамъ чуждымъ,—злословилъ, ругаль родную землю, священную каждому благородному — ругаль въ ней все, чтобъ извинить подлость бѣгства моего; торговаль моимъ ругательствомъ и злословіемъ,—всѣми средствами достигая узнавать добрыя и разсудительныя преднамѣренія Правительства, ускоряль писать объ нихъ, дабы легковѣрные думали, что все дѣется по ученію моему, что слова мои имѣютъ вліяніе на благо Ваше—я обманываль Васъ безсовѣстно! Благодарите ежечасно Бога, что между Вами мало мнѣ подобныхъ и какъ христіане простите, простите меня».

Въ X кн. «Странника» за 1862 г. священникъ Михаилъ Архангельскій помѣстилъ рецензію книги Н. В. Елагина, въ которой, между другими нелестными отзывами о Герценѣ, писалъ: «У Герцена, какъ видится по отрывкамъ разбираемой книги, нѣтъ никакого положительнаго взгляда. Онъ просто на просто нигилистъ, вольнодумецъ, атеистъ, революціонеръ, русскій Мадзини, какъ выразилась, не помнимъ какая, газета... Герценъ не пренебрегаетъ никакими средствами, часто прибѣгаетъ къ обманамъ, употребляетъ злонамѣренныя искаженія и толкованія, вообще дѣйствуетъ не столько силою убѣжденія, сколько поддѣлками подъ извѣстный классъ своихъ читателей, чтобы примѣнить къ нимъ свои идеи. А что, если онъ, какъ говорятъ, имѣетъ въ виду посредствомъ развитія своихъ понятій, добывать себѣ деньги въ Россіи, пользуясь извѣстнымъ легковѣріемъ своихъ читателей, такъ какъ вывезенные имъ капиталы приходятъ къ нигилизму!.. «Хорошъ фидософъ!»—всякій скажетъ тогда» (стр. 169—170).

Въ Кіевѣ К. Говорскій издаваль полуофиціозный журналъ «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи». На обложкѣ былъ

выставленъ девизъ: «Историческая истина». Для ея возстановленія, очевидно, и напечатана была статья И. К—аго «Александръ Герценъ, онъ же Искандеръ». Она также очень характерна, и потому приведу ее въ наиболѣе существенной части. Редакторъ рекомендовалъ статью, какъ «не лишнюю для разоблаченія богопротивной и безумной дѣятельности нашего «генерала отъ революціи», который равно вреденъ для всей Россіи», «злѣйшій врагъ Россіи» и «ужаснѣйшій развратитель ума и сердца юнаго нашего легкомысленнаго поколѣнія».

«Горе, вѣчное горе тому несчастному, кто первый у насъ распочалъ эту цивилизацію и этотъ прогрессъ. Горе тому, кто взялъ на себя апѳостольство антихриста, и изъ извращенія Россіи сдѣлалъ задачу для всей своей постыдной жизни! Этотъ несчастный—*Александръ Герценъ, онъ же Искандеръ*. Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ были вредны пока жили, а Герценъ вреднѣе ихъ потому, что ядовитые листки и книжки его переживутъ его, и долго будутъ отравлять неосторожныхъ читателей.

«Старинная слабость нашей природы—*nitimur in vetitum cupimusque pegata* ¹⁾—наше лакомство къ запрещенному плоду чрезвычайно благопріятствовало доселѣ безцеремонному и ѣдкому тону сужденій и приговоровъ Герцена; и многіе изъ имѣвшихъ несчастье читать его контрабандныя сочиненія, нерѣдко, по причинѣ недостатка логическаго оубразованія, принимали дерзость приговоровъ его—за правду. Не даромъ говорить пословица: кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ у насъ и капралъ. Вотъ въ такіе именно капралы надъ легковѣрными умами нѣкоторыхъ своихъ читателей произвелъ самъ себя Герценъ. Построенное имъ капральство, или система прогресса, т. е. развращенія Россіи, уже проявляетъ у насъ свои дѣйствія; зараза уже пущена имъ въ русскую атмосферу. Это *кажется*, еще не *холера*, но какое то странное, *пред-холерное время, располагающее къ эпидеміи*. Пора, пора принять мѣры предосторожности.

«Кто жъ этотъ Герценъ? какія идеи распространяетъ онъ? Опишемъ его собственными его словами, въ сокращенномъ видѣ, изъ его автобіографическихъ статей. (Дальше выдержки изъ «Былого и думъ»).

«Теперь онъ живетъ въ Лондонѣ, завелъ тамъ типографскій станокъ для печатанія русскихъ книгъ, и—печатаетъ богохульство за богохульствомъ, клевету за клеветой. Судъ православной церкви на такихъ богохульниковъ, какъ Герценъ, ежегодно повто-

¹⁾ Стремимся къ запрещенному и желаемъ недозволннаго.

рется въ Недѣлю Православія: слѣдовательно нашъ несчастный отщепенецъ и бѣглецъ не можетъ не знать, какая участь ожидаетъ его въ вѣчности, если онъ не покается, и ежели только вѣрить еще въ загробную жизнь и въ вѣчность души человѣческой.. А что касается этой путаницы скандаловъ о Россіи и ея правленіи, которые безпрестанно печатаетъ Герценъ, то ежели бы въ ней и могла быть какая либо доля горькой правды,—посудите однакожъ, каково это бѣшеное дитя, которое бьетъ по щекамъ свою родную мать, вскормившую его своею грудью... Очевидные свидѣтели говорятъ, что въ Лондонѣ добросовѣстные англичане презираютъ Герцена».

«Чтобы подсластить ядъ своего адскаго ученія, Герценъ употребляетъ слѣдующую уловку: прикидывается поборникомъ правды и честности, бранитъ злоупотребленія (неизбѣжныя у насъ такъ же точно, какъ и во всякомъ другомъ человѣческомъ обществѣ), изъ кожи вонъ лѣзетъ за угнетенную невинность, да тутъ же разомъ—всякую, выставляемую имъ на позоръ неправду частнаго лица растворяетъ своею удушливою ненавистью къ оставленному имъ отечеству, и съ особеннымъ злорадствомъ приписываетъ нашему правленію всѣ наши частныя неправды и злоупотребленія, которыя впрочемъ публикуются имъ безъ всякихъ доказательствъ въ справедливости навѣта. Пусть, кто хочетъ, выдумаетъ и напишетъ какую угодно ложь, оскорбительную для чести Россіи, для ея религіи и ея правленія, и пусть пошлетъ Герцену,—жалкій отщепенецъ съ особеннымъ удовольствіемъ напечатаетъ всякую ложь! Одно изъ двухъ: или вовсе нѣтъ на свѣтѣ ни логики, ни здраваго смысла, или всѣ здравомыслящіе люди должны признать ремесло Герцена *безчестнымъ и безсовѣстнымъ*. Впрочемъ, какой же чести и совѣсти можно ожидать отъ безбожника, даже горящагося своимъ безбожіемъ?.....

«Свои отвратительныя и богомерзкіе листки и книжки Герценъ распространяетъ въ Россіи *путемъ контрабанды*. Не можетъ быть, чтобъ онъ, торгуя контрабандой, не зналъ, что контрабанда, какъ и всякое другое *воровство*, нигдѣ не почитается честнымъ дѣломъ, но законами всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ подвергается достойной казни. А ежели онъ знаетъ это, и всетаки продолжаетъ свою незаконную дѣятельность и торговлю, то это значитъ, что онъ самъ себя ужъ причисляетъ къ числу *«отъявленныхъ»*... Имѣть дѣло съ такимъ «отъявленнымъ», т.-е. читать не *ex officio*, его контрабандные листки, есть уже преступленіе противъ чести и нравственности, противъ всякаго благородства и самоуваженія. Кромѣ опасности такого нравственнаго проступка, не-

осторожные читатели Искандера рискуютъ еще своей головой: мало-мальски не крѣпкая голова какъ разъ одурѣетъ отъ этого ядовитаго чтенія. Посмотрите: какое множество такихъ несчастныхъ—одурѣлыхъ! Это стадо такое жалкое, что нашъ простой народъ, не разбирая праваго и виноватаго, и не зная истиннаго значенія иностраннаго слова «прогрессъ», но только помня свою обиду, ужъ безъ разбора называетъ всѣхъ прогрессистовъ—мошенниками: въ устахъ нашего народа это—два синонима. Страшно попасть на языкъ нашему народу, а не приведи Богъ попасть ему *въ руки* съ герценскимъ прогрессомъ—будетъ еще хуже» (1862 г., XII).

Замѣчу кстати, что на просьбу Говорскаго выписывать изъ-за границы по одному экземпляру воспрещенныхъ въ Россіи книгъ, газетъ и журналовъ, «въ коихъ будутъ заключаться клеветы на Россію и на православіе», III Отдѣленіе еще въ маѣ 1862 г. отказало, по «неимѣнію въ виду примѣровъ подобнаго разрѣшенія», (Архивъ III Отд. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 61).

31 августа 1862 года «отставной гитенфельватеръ» (Huettenverwalter—управляющій заводомъ въ горномъ дѣлѣ—*М. Л.*) Павель Любимовъ просилъ кн. Долгорукова о разрѣшеніи получить полный экземпляръ сочиненій и изданій Герцена для составленія опроверженія на нихъ, но просьба егѡ уважена не была (тотъ же архивъ 1834 1 эксп., дѣло № 239, ч. 10).

1916. Три талера изъ Вильны.

Мы получили небольшую статью, совершенно частнаго содержанія и не имѣющую особеннаго интереса для читателей; при ней были приложены три талера прусскими ассигнаціями. Статьи мы не помѣщаемъ, а три талера, за неимѣніемъ адреса, отослать не можемъ. Мы ихъ отдадимъ бѣднымъ изъ русскихъ, но желали бы, чтобъ намъ или не присылали денегъ, или говорили бы о ихъ назначеніи.

1917. [Къ списку подлежащихъ задержанію].

Сейчасъ мы получили еще дополненіе къ списку лицъ, которыхъ вѣдѣно остановить на границѣ. Вотъ ихъ имена:

Перетцъ, Григорій,
Сытинъ,
Нефталь,
Витбергъ,

Голынской ¹⁾,
Касаткинъ. ¹

◆ 1. Въ первомъ и единственномъ № вышедшей въ Берлинѣ газеты «Вѣсть» Л. П. Блюммера отъ 22 августа 1862 г. была напечатана замѣтка: «Мы получили слѣдующее письмо, которое, говоря откровенно, считаемъ за полицейскую продѣлку: «М. Г., Изъ письма вашего къ А. И. Герцену мы знаемъ, что у васъ въ Берлинѣ бывають *почти всть русскіе*, а потому рѣшились обратиться къ вамъ съ просьбой помочь намъ въ слѣдующемъ: изъ Берлина и изъ Дрездена получается здѣсь (гдѣ?) нѣкоторыми «Колоколъ», который наводитъ на нихъ подозрѣніе. Поэтому высылку его нужно пріостановить *до времени*. Будьте такъ добры примите на себя трудъ объявить это вашимъ русскимъ знакомымъ; если же изъ нихъ не найдется высылающій, то нельзя ли нашу просьбу объявить черезъ напечатаніе въ «Колоколъ». Настоящее положеніе дѣлъ въ Петербургѣ, конечно, объяснить вамъ нашу просьбу и вы не примете ее за трусость, а за благоразумную осторожность, вслѣдствіе которой мы рѣшились даже послать вамъ письмо не-франкированное, анонимное и съ измѣненнымъ почеркомъ.

«Р. С. «Колоколъ» получается съ мая; получено уже четыре номера».

1918. „Записки“ декабристовъ.

Первая посылка «Записокъ» получена нами. Мы не имѣемъ словъ, чтобы выразить всю нашу благодарность за нее. Наконецъ-то, выйдутъ изъ могилъ великія тѣни первыхъ сподвижниковъ русскаго освобожденія, и большинство, знавшее ихъ по Блудову и по Корфу, узнаетъ ихъ изъ ихъ собственныхъ словъ.

Мы съ благочестіемъ средневѣковыхъ переписчиковъ апостольскихъ дѣяній и житія святыхъ принимаемъ за печатаніе «Записокъ» декабристовъ. Мы чувствуемъ себя гордыми, что на долю нашего станка досталась честь обнаруженія ихъ.

Всть вырученныя деньги, за расходами на печать и бумагу, мы раздѣлимъ пополамъ: одну половину перешлемъ для вспомошествованія лицамъ, сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе политическихъ гоненій, *друую* — оставимъ въ Лондонѣ для вспомошествованія русскимъ, которые *внуждены* будутъ покинуть отечество

¹⁾ Неужели это А. Голынской, оставившій Россію въ 1846 г. и не думающій возвращаться? А. И. Г.

по причинѣ тѣхъ же гоненій. Если же эмигрантовъ будетъ не много, то по прошествіи года мы и эти деньги присоединимъ въ сибирскій фондъ.

Мы предполагаемъ издавать «Записки» отдѣльными выпусками и начать съ «Записокъ» И. Д. Якушкина и князя Трубецкого. Затѣмъ послѣдуютъ «Записки» князя Оболенскаго, Басаргина, Штейнгеля, Люблинскаго, Н. Бестужева, далѣе о 14 декабря Пущина, «Бѣлая-Церковь», «Воспоминанія» кн. Оболенскаго о Рылѣевѣ и Якушкинѣ, «Былое, изъ разсказовъ декабристовъ», «Списокъ слѣдственной комиссіи», статья Лунина и разныя письма..

О подробностяхъ изданія извѣстимъ въ послѣдствіи.

1 сентября 1862.

1919. Висѣлица въ Варшавѣ.

Итакъ, вмѣсто александровской конституціи Константинъ Николаевичъ привезъ въ Варшаву николаевскую висѣлицу.

Ярошинскій былъ повѣшенъ 21 августа.

26 августа были повѣшены Рылъ и Ржоньца.

Въ нашихъ глазахъ висѣлица освящена со временъ Пестеля и его друзей,—крестъ былъ тоже висѣлицей. Вообще, мы о родахъ убійства и о тонкостяхъ палачества спорить не будемъ, но въ глазахъ *вѣшателей* это не такъ: они считаютъ смерть на висѣлицѣ *позорной*... Сколько надобно имѣть монгольской злобы и какое отсутствіе такта, чтобъ казнить съ поруганіемъ изъ *личной мести*.

1920. По экзамену „единица“.

(По поводу вопроса о публичныхъ испытаніяхъ).

— Неужели вы моему брату поставили единицу?

— *Единицу*, ваше... ство.

— Представьте, господа, можно ли было думать... Вся семья считала брата чуть не за генія. Какія нынче строгости!

Дѣйствительно, большая разница удивлять свою семью, свою дворню, подчиненныхъ папеньки и братца, домашнихъ учителей и выдержать порядкомъ публичный экзамень. Публичныя испытанія, я всегда былъ того мнѣнія, должны дѣлаться приватно, тайно, а то вотъ видите, что случилось съ *братомъ* Россіи. Вѣдь, публичный-то экзамень идетъ плохо. Большая разница между большимъ

кораблемъ въ морѣ и большимъ городомъ въ Польшѣ. На кораблѣ все свои, кругомъ вода и въ ней цѣлое населеніе, нѣмое, *какъ рыбы*; Варшава (какъ ее петербургская географія ни причисляй) въ Европѣ; все, что тамъ дѣлается, извѣстно...

— А что извѣстно? позвольте спросить.

— Вѣдь, то-то и бѣда, что ничего, за это и *единица*. Ъхаль генераль Сухозанетъ—никто ничего не ожидалъ; ѣхаль генераль Ламбертъ—никто ничего не ожидалъ, даже смерти Герштенцвейга; ѣхаль генераль Лидерсъ—никто ничего не ожидалъ; выстрѣлить надобно было въ него, чтобы его замѣтили.

Но назначеніе Константина Николаевича разбудило всю Европу; въ Америкѣ говорили бы объ этомъ, если-бъ американцы не были заняты теперь дорѣзываніемъ другъ друга... «Que diantre!» ¹⁾ говорили французы; «That is capital!» ²⁾ думали сказать англичане. И мы приостановились... Ёдетъ, наконецъ, царскій братъ... Слава богу... наконецъ-то, отдохнетъ страдалица между народами (больше *отдыха* для нея мы не ждали); ея несчастія въ быломъ найдутъ благочестивое уваженіе, ея справедливыя требованія будутъ признаны, взвѣшены... Не взялъ же бы на себя великій князь, глава прогресса въ петербургскомъ правительствѣ, самолюбивый и самонадѣянный, молодой, исполненный силъ и силы при дворѣ,—не взялъ же бы онъ мѣсто какого-нибудь Паскевича, который не только жилъ, но и умеръ *ракомъ*.

А между тѣмъ,

День Троицынъ проходитъ,
А лучше—нѣтъ, какъ нѣтъ!

Хорошо, что Польша не снимала трауръ и не надѣвала «одежду алу».

Въ самомъ дѣлѣ можно ли было сыграть больше ничтожную роль, какъ это сдѣлалъ великій князь? Великая княгиня, женщина, и та, съ своей стороны, больше сдѣлала,—она, по крайней мѣрѣ, дала жизнь маленькому Вацлаву ³⁾.

Знаете ли, что изъ этого выходитъ?.. Что Александръ, посылая брата, Константинъ, отправляясь, по его приказанію, въ Варшаву, вовсе не имѣли никакой опредѣленной мысли, цѣли,

¹⁾ Чортъ возьми!

²⁾ Это чудесно!

³⁾ Вел. кн. Вячеславъ Константиновичъ родился въ Варшавѣ 1 іюля 1863 г.; † въ 1879 г.

плана;—одинъ не зналъ, зачѣмъ именно онъ посылаетъ, другой не зналъ, зачѣмъ ѣдетъ... Что-нибудь да будетъ, молъ!

За незнаніе-то и ставятъ единицу.

Пока есть время, и экзамены не кончились, берите-ка другой билетъ. Если только возможно, экзаминаторъ сдѣлаетъ изъ *единицы два*.

1921. Ей богу, надоѣло.

Полицейскіе царства животнаго объясятъ въ садья каникулы, горячія головы III Отдѣленія—немного позже.

Прошлой осенью пажи Шувалова ругались письменно и обѣщались извести насъ. Нынѣшній годъ, только-что августъ началъ проходить, опять явились безыменные письма съ ругательствами и угрозами. Въ послѣднемъ письмѣ (брошенномъ на почтѣ въ Лондонѣ) свирѣпый безыменникъ обѣщаетъ *«пустить мнѣ пулю въ лобъ»*.

Это изъ рукъ вонъ скучно, выдумайте что-нибудь умнѣе, новое, другое и, если въ самомъ дѣлѣ, непременно нужно «пустить мнѣ пулю въ лобъ», пускайте ее безъ письма: тутъ есть шансъ, что вы промахнетесь, а письмо всякій разъ достигаетъ цѣли. Поймитесь, какъ порядочные люди стрѣляютъ: русскій, хотѣвшій отмстить своихъ товаришей, пустилъ пулю Лидерсу въ челюсть безъ всякихъ писемъ и ругательствъ.

Потоповъ, en bonne guegге ¹⁾, если это отъ васъ зависитъ, уймите вашихъ шалуновъ. Это недостойно вашего прекраснаго заведенія. Они меня подвергаютъ этимъ вовсе не пулямъ, а Шедо-Ферротамъ и Катковымъ ²⁾. И такое ли теперь время, чтобы шутить? Вы всѣ слишкомъ въ крови, около васъ слишкомъ много слезъ.

◆◆ 1. Н. М. Павловъ привелъ разсказъ какого-то молодого гейдельбергскаго студента, присутствовавшаго какъ разъ при первомъ чтеніи Герценомъ и Огаревымъ статьи Каткова, но «очевидецъ» ввелъ Павлова въ обманъ, что явствуетъ прежде всего изъ настойчиваго и неоднократнаго указанія на день этого чтенія, бывшаго днемъ перваго посѣщенія друзей гейдельбергцемъ; онъ

¹⁾ Давайте говорить откровенно.

²⁾ Статью Каткова въ «Рус. Вѣст.» мы прочли. Отвѣчать на нее мы не станемъ. Кто изъ насъ правъ, пусть рѣшитъ общественное мнѣніе. А. И. Г. ¹

датируетъ его 6-мъ августа н. ст., тогда какъ еще 22 августа «Замѣтка» не была прочитана Герценомъ; не мало также тенденціозныхъ натяжекъ и въ самомъ разсказѣ, истинности котораго я не считаю возможнымъ признать («Рус. Обзорніе» 1895, V, 322—323).

1922. Ah, les misérables! ¹⁾

(Гюго и Бокль).

Представьте себѣ, что наши мизерабли запретили романъ Гюго ²⁾! Что же дѣлалъ при этомъ нашъ Роландъ ³⁾, нашъ министръ прогресса? О, Головининъ, Головининъ!.. И онъ, какъ дѣва орлеанская, скоро заплачетъ, что промѣнялъ «мирныя нивы и поля» ⁴⁾ на министерскій станъ, что изъ Менторовъ одного Телемака сдѣлалъ Менторомъ всей Итаки ⁵⁾. *Имъ*, вѣрно, не понравилось описаніе парижскихъ клоакъ ⁶⁾,—они это приняли за личность.

Но это не все: «Исторія цивилизаціи» Бокля, эта спокойная, благородная книга—и она запрещена... Какое жалкое мѣгадкое варварство.

1923. Письмо къ Н. А. Огаревой.

1 сентября (1862).
Lange, Berners Str.

Пріѣхалъ какъ слѣдуетъ, еще у Ланге въ домѣ. Онъ засталъ и Бак.—Тхорж. распростудился. Пишу, чтобъ сказать, что за перевѣсы ничего не берутъ и что во вторыхъ мѣстахъ ѣхать хорошо.

Не забудьте послать на почту объявленіе.

Мнѣ кажется, что Бак. не уѣдетъ завтра, хотя и говорить. Его надобно брать за огромнаго беби и тогда все пойдетъ хорошо. Кланяюсь всѣмъ и жду 3-го. Для Лизы вамъ куплю подарки.

¹⁾ О, «нищіе духомъ!»

²⁾ «Les misérables».

³⁾ Полулегендарный герой французскаго эпоса XI в. «Chanson de Roland».

⁴⁾ См. монологъ Жанны д'Аркъ въ драмѣ Шиллера «Орлеанская дѣва».

⁵⁾ Менторъ былъ воспитателемъ Телемака, сына Одиссея, царя острова Итаки; Головининъ воспитателемъ царскихъ дѣтей не былъ; его дядя, Ф. С. Лутковскій, былъ однимъ изъ воспитателей вел. кн. Константина Николаевича, наставникомъ котораго по части азбуки гражданственности считался, однако, А. В. Головининъ.

⁶⁾ Въ романѣ В. Гюго.

1924. Письмо къ В. В. Стасову.

5 сент. (1862).

Orsett House, West. terrace.

Очень благодаренъ за ваше письмо,—тѣмъ больше,¹ что, наконецъ, я убѣдился, что перецъ чистъ. Странное дѣло для перца, что не онъ щипаль нашъ языкъ, а нашъ языкъ щипаль его. Въ Петер. вы его непременно оправдайте²). Думаю, что вы совершенно правы въ мнѣніи о Брюлловѣ, а, можетъ, и объ Ивановѣ. Но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ поняли, что я писалъ (въ «Колок.») и Огар. (въ «Поляр. Звѣздѣ») объ Ив. Мы говорили объ его высоко-честномъ стремленіи, а не о *совершенномъ* имъ. Вы тоже въ письмѣ говорите о *будущемъ* искусствѣ (и у Вагнера музыка въ будущемъ или будущаго) и объ условіяхъ его. Я согласенъ съ вами, но увѣренъ, что есть другія социальныя, бытовыя условія въ западной жизни, которыя *не допустятъ* развиваться искусству, или сами распадутся, и тогда измѣнится весь бытъ. Въ этомъ-то—вся антиномія, вся скорбь современнаго. Мало ли на что есть элементы...

На этомъ мѣстѣ случилось престранное происшествіе. Вчера по поводу письма вашего зашелъ съ Огаревымъ разговоръ, и онъ вамъ написалъ диссертацию. Отъ нея я отодралъ, или отрѣзалъ, четвертушку, рѣзавши другую бумагу. Отрѣзанная четверть лежала тутъ же, и теперь не могу ее найти. Ну, тамъ было о томъ, что великія произведенія искусства совпадаютъ съ великими общественными движеніями и великой вѣрой въ религію или вѣрой въ скептицизмъ (Гомеръ, Данте, Шекспиръ),—нынче нѣтъ ни великой вѣры, ни великаго отрицанія.

Затѣмъ прощайте. А прогос, вамъ, какъ неумытно-свирѣпому критику, я дѣлаю вопросъ: неужели вы скажете, что не ясно, не полно силы и энергіи письмо объ общинномъ владѣніи и 1-я статья 2-го листа «Вѣча»?³) Или я совершенно исказилъ свой вкусъ...

Я послалъ, разумѣется, въ Hôtel de Louvre послѣдній листъ «Колокола».

Съ первымъ, кто поѣдетъ, я пришлю рукописи, сколько кончу.

1) Рѣчь идетъ о подозрѣніяхъ на Григорія Перетца.

2) Сочиненія Огарева: «Отвѣтъ на письмо объ «Общемъ Вѣчѣ» и «Что надо дѣлать народу», въ № 2 «Общ. Вѣча».

Гаев. ¹⁾ поклонъ. Узнайте, т.-е. не забудьте узнать, о добромъ подслушивателѣ въ Лондонѣ ²⁾.

Прощайте. Давайте намъ отвѣтъ на художественные вопросы, затронутые письмами.

Весь вашъ А. Герценъ.

1925. Отвѣтъ „г. Поляку“ на статью и письмо.

Милостивый Государь,

Вашъ отвѣтъ Бакунину и «вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ всѣмъ» россійскимъ публицистамъ, пишущимъ о Польшѣ» мы получили мѣсяць тому назадъ и думали, что наше молчаніе будетъ достаточнымъ заявленіемъ нашего нежеланія служить органомъ мнѣнія, съ которымъ мы согласиться не можемъ.

Но второе письмо ваше, отъ 28 августа, не позволяетъ намъ молчать. Вы полагаете, что мы не помѣстили *Отвѣтъ Бакунину*, потому что вы не подписали вашего имени. Вы ошибаетесь... Что же намъ въ вашемъ имени? Мы не помѣстили вашего отвѣта потому, что считаемъ его *вреднымъ*.

Все наше стараніе, гдѣ наши усилія идутъ къ тому, чтобы *независимость* польскаго народа и *свободу* народа русскаго основать на совокупномъ, братскомъ дѣйствіи противъ петербургскаго деспотизма. Первое, что для этого надобно, это — тѣсный союзъ, это взаимное довѣріе и уваженіе между людьми движенія обѣихъ странъ. Такова, повторяемъ мы, наша основная мысль. Во имя ея мы помѣщали статьи въ родѣ «Vivat Polonia» и «Mater Dolorosa»; во имя ея заклинали русскихъ воиновъ скорѣе лечь костью на землѣ польской, чѣмъ стрѣлять въ поляковъ... Вы, вѣроятно, полагаете, что мы ошибаемся, — пишите противъ насъ, продолжайте худо сдержаннымъ озлобленіемъ и неловко прикрытой ироніей раздуть чувства племенной ненависти и родственной вражды (горькій плодъ которыхъ — современное состояніе Польши), но не обращайтесь къ посредству «Колокола». Мы представляемъ *очень рѣзко, очень пристрастно, очень односторонне наше мнѣніе* и вовсе не общались помѣщать статьи, несогласныя съ нимъ.

Теперь русскихъ заграничныхъ органовъ нѣсколько, не го-

¹⁾ Викторъ Павловичъ Гаевскій.

²⁾ Т.-е. о доносчикѣ III Отдѣленію, благодаря которому были аресты по дѣлу 32-хъ.

воря уже о польскихъ; вѣроятно, партія, къ которой вы принадлежите, имѣетъ свой.

Мы не скроемъ отъ васъ, что тонъ вашего второго письма удивилъ насъ. Вы пишете о грубомъ выраженіи въ журналѣ кн. Долгорукова противъ одного изъ вашихъ соотечественниковъ и на насъ вымещаете его. Чѣмъ могли мы это вызвать, чѣмъ дали вамъ это право? Князь Долгоруковъ и теперь издаетъ журналъ; онъ не состоитъ подъ нашей опекой. Видѣли вы въ «Колоколѣ» бранныя слова?

Это ужъ въ родѣ южныхъ американскихъ генераловъ, которые, въ отместку жестокостей федеральныхъ начальствъ, вѣшаютъ плѣнныхъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о нихъ. Можетъ, это въ междоусобіи и идетъ, да дѣло-то все въ томъ, что мы всѣми силами стараемся съ корнемъ выполотъ всякое чувство ненависти между поляками и русскими.

Въ заключеніе позвольте намъ пожалѣть, что до васъ статья Бакунина ¹⁾ дошла не въ оригиналѣ, а въ какомъ-то неизвѣстномъ намъ переводѣ на французскій языкъ. Переводъ, изъ котораго вы дѣлаете выписки, не вѣренъ; въ немъ есть цѣлыя фразы, которыхъ нѣтъ въ текстѣ, на примѣръ, неужели вы вѣрите, что Бакунинъ могъ написать такую нелѣпость: «La question du Christ, c'est-à-dire la question panslaviste» ²⁾. Вѣдь, это—совершенное безуміе, а нашъ другъ Бакунинъ, слава богу, здоровъ.

Позвольте, милостивый государь, надѣяться, что наша переписка этимъ окончится.

¹⁾ «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друвьямъ», приложена при 122—123 л. «Колокола».

²⁾ Думаемъ, что рѣчь идетъ вотъ о какомъ мѣстѣ: «итакъ, весь вопросъ о границахъ возвращается къ тому же, что прежде осуществится: *хлопская Польша* или *Крестьянская Россія*?» ³⁾ Дай Богъ, чтобы онъ осуществились вмѣстѣ и чтобы между нами было не Аpellесово и не Павлово, а Христово, т.-е. *общеславянское, дѣло!* А. И. Г.

³⁾ Въ своей статьѣ Бакунинъ, остановившись на вопросѣ о границахъ Польши, сказалъ: «Поляки требуютъ, можетъ быть, слишкомъ много. Они не удовольствуются однимъ Ц. Польскимъ, изъявлять историческія притязанія на Литву, Бѣлоруссію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украину, включая Кіевъ... Я думаю, что поляки дѣлаютъ большую ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ»; дальше онъ предлагалъ самому населенію всѣхъ этихъ территорій рѣшить вопросъ, слиться ли имъ съ Польшею или съ Россіей, быть самостоятельными и пр.; тогда «хлопская Польша» летѣтъ къ хлопской Россіи, и Россія будетъ нужна славянамъ и полякамъ.

1926. Валувъ и Головиннъ.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что юные вожди реакціи, Валувъ и Головиннъ, за поясъ заткнули ограниченнѣйшаго Долгорукова и безг. анничѣйшаго Панина... Мудрено ли, что съ этими четырьмя копытами Александръ-то нашъ Николаевичъ спотыкается?

1927. Клевета.

Въ Петербургѣ официальные лжецы распространили слухъ, что какой-то господинъ былъ схваченъ на границѣ съ пачкой *манифестовъ къ тысячелѣтію*, печатанныхъ въ Лондонѣ. Мы увѣряемъ нашимъ честнымъ словомъ, что никогда не было не только въ исполненіи, но и въ намѣреніи печатать какой бы то ни было манифестъ.

Дѣло нашихъ читателей разобрать, кому они должны вѣрить: намъ или шпіонамъ III Отдѣленія.¹

◆ 1. Еще весною 1862 г. правительство ожидало появленія подложныхъ манифестовъ о безмездномъ предоставленіи крестьянамъ земли, но они появились только въ апрѣлѣ 1863 года, да и то на Волгѣ, въ связи съ казанскимъ польскимъ заговоромъ (всепод. докладъ мин. вн. дѣлъ за 1861—63 г.; архивъ П. Я. Дашкова). Несомнѣнно, ждали «манifestа» и къ 8 сентябрю отъ «Земской думы», о чемъ косвенно было заявлено въ ея единственной апрѣльской прокламаціи.

5 августа 1862, г., послѣ довольно продолжительной слѣжки, петербургская полиція обнаружила у студ. медико-хирургической академіи Каетана Жизневскаго наборъ, бумагу и пр. принадлежности для отпечатанія слѣдующей, до сихъ поръ никому неизвѣстной прокламаціи. Привожу ее буквально, несмотря на невыправленную передъ выпускомъ корректуру.

«Православные Христіане! ужъ сколько времени прошло а вы еще находитесь, въ оцѣпененіи, подобно камню и ни сколько не мыслите о своемъ положеніи, ожидающемъ васъ въ будущемъ. Вамъ даютъ волю и Вы съ радостью въ душѣ, принимаете ее, не понимая совершенно и смысла ея. Вамъ кажется, что коварное Правительство давая ее Вамъ, старается содѣлать Васъ счастливыми въ есмъ мірѣ, и нѣкоторыя уже изъ Вашей братіи, заявили ему

свою признательность, но недумайте, чтобъ это на самомъ дѣлѣ было такъ истинно, какъ они предполагаютъ, тоже будетъ рабство и тотъ же кнутъ не разъ будетъ прыгать по плоти Вашей, какъ прыгаетъ онъ и по настоящее время: тѣ же кровожадные помѣщики будутъ управителями вашими итакже само будутъ грабить Васъ, пожалуй еще и посильнѣй, какъ грабили Васъ доселѣ. Мы разумѣется говоримъ не обо всѣхъ ихъ, многіе изъ нихъ есть прекрасные люди, о которыхъ Вы съ похвалою и сами отзываетесь, но количество ихъ такъ мало въ сравненіи съ количествомъ подлецовъ какъ мала капля воды въ сравненіи съ моремъ. Отъ этого то большинства подлецовъ и будетъ зависѣть земное счастье Ваше, которое будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ бѣдствіемъ для Васъ же самихъ, и Вы, выкупаясь отъ нихъ, будете еще хуже терпѣть, какъ терпите Вы въ настоящее время. И такая то дикая и бессмысленная воля, да непослужить на радость Вамъ! Она вмѣсто того чтобъ содѣйствовать къ обогащенію Васъ въ матеріальномъ отношеніи, она во истину говоримъ Вамъ, болѣе послужить къ губительному разоренію Вашему. Въ доказательство же этого мы приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ могущихъ дать Вамъ болѣе ясное понятіе а именно: Вы должны вносить ежегодно извѣстную сумму дѣнегъ за выкупъ земли у помѣщика, что будетъ продолжаться болѣе чѣмъ 10 лѣтъ; должны платить извѣстныя подати Правительству; содержать на свой счетъ чиновниковъ по крестьянскому дѣлу а также на свой счетъ поправлять тѣ дороги, которыя будутъ находиться подъ Вашими селами и много еще другихъ предметовъ, за которое вы также будете платить за что платили сперва помѣщики; однимъ словомъ, вся тяжесть помѣщичьихъ повинностей падеть прямо на главу вашу, что сосчитавъ все вмѣстѣ, составитъ сумму въ три раза большую противъ той которую вы платите въ настоящее время своему помѣщику. Разумѣется, что варварское Правительство, желая еще болѣе ограбить васъ для своей пользы и выдумало дать вамъ таковую волю, которая для васъ будетъ хуже неволи. Это объясняется тѣмъ, что оно несогласилось отдать вамъ землю просто безъ всякаго выкупа, какъ требовали многіе благомыслящіе люди, любящіе свой Народъ, такъ какъ земля, по совѣсти и по правдѣ всегда принадлежала вамъ, а не помѣщику и не Правительству, ибо кто завоевалъ ее какъ не вы? Кто обработалъ ее какъ не вы? Кто наконецъ отстаивалъ ее, во время нашествія двухъ народовъ, проливая кровь не помѣщиковъ, не Правительства, а свою родную. Это все говоритъ въ вашу пользу, что земля искони, пока существуетъ Россія, принадлежала и принадлежитъ ни кому иному какъ вамъ, вамъ Православный и воз-

любленный нашъ Народъ! На послѣднія наши слова просимъ васъ убѣдительноше обратить ваше вниманіе и требовать настоятельно отъ Правительства объ отдачѣ вамъ земли безъ всякаго выкупа и что требованья ваши должны быть непременно исполнены Имъ, ибо земля которой вы домогаетесь говоримъ вамъ искони принадлежала и принадлежитъ вамъ по праву и никакая сила не въ состояніи исторгнуть ее у васъ освѣщенную многими вѣками. На зашиту же себя вы смѣло можете теперь рассчитывать на войска которыя составлены изъ вашей братіи и которыя никогда не дерзнутъ обнажить мечъ противъ своихъ же собратій и пролить кровь: видя справедливыя и истинныя ваши требованья. По истинѣ говоримъ вамъ требуйте ее настоятельно сообща отъ Правительства, которое имѣетъ поползновеніи оморочить васъ а въ случаѣ отказа ударьте разомъ ан Него да сокрушите власть Его! Съ Вами Богъ и Крестная Сила да выиграете, то что вамъ присуще испоконъ вѣковъ Аминь».

Къ этому дѣлу прикосновенны: студ. академіи Вячеславъ Масальскій—по словамъ самого Жизневскаго, а по свѣдѣніямъ полиціи, еще и студ. академіи Рыпинскій и Липинскій. 7-го Жизневскій и Масальскій были заключены въ крѣпость. Слѣдств. комиссія кн. Голицына обнаружила, что составителями прокламаціи были Жизневскій и крестьяне Арсеній Симановскій и Викторъ Кореневъ; прикосновенны къ дѣлу мѣщ. Андрей Фроликовъ, испр. дол. суд. слѣдов. въ Оренбургской губ. Александръ Бобровъ, студ. Александръ Ергинъ и Иванъ Шевіусъ. «Подробныя допросы всѣхъ этихъ лицъ и тщательное разсмотрѣніе образа ихъ жизни убѣдили комиссію, что упомянутые поступки сдѣланы ими болѣе по увлеченію молодости, нежели изъ преступаго побужденія и что изъ нихъ Бобровъ, послѣ опредѣленія въ государств. службу, а Ергинъ, по поступленіи къ занятіямъ на частный заводъ въ Вятской губ., отстали отъ прежнихъ своихъ увлеченій». Поэтому она полагала, не предавая ихъ суду, наказать административно: Жизневскаго, Симановскаго, Коренева, Масальскаго и Фроликова выдержать въ смиренномъ домѣ первыхъ трехъ 6, а остальныхъ 2 мѣсяца и выслать изъ СПб.; Боброва и Ергина, по сдѣланіи имъ строгаго внушенія, освободить отъ ареста, выслать перваго въ Пермскую губ., Шевіуса же выслать въ Олонецкую губ., и всѣхъ, вообще, отдать шодъ полицейскій надзоръ. 31 декабря 1862 г. больной чахоткой Жизневскій умеръ въ смиренномъ домѣ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230. ч. 111).

1928. Письмо къ Н. М. Сатину.

(Сентябрь 1862).

Любезный Сатинъ, отъѣздъ твоего племянника даетъ мнѣ случай пожать твою руку и, не сердись, спросить тебя: ты сломалъ или нѣтъ жезлъ надъ нами, грѣшными, за нечестивыя слова наши? Если нѣтъ, какъ я думаю,—бѣги Москвы: тебѣ тамъ тяжело будетъ. Помнишь ли ты, какъ года три тому назадъ мы съ тобой шли по Regent str., и ты удивился моему злобному тону о бывшихъ друзьяхъ? Теперь и его нѣтъ. Для меня Кетчеръ, Коршъ, это—догнивающіе трупы чего-то близкаго; клеветы Чичерина, приятели Павлова, абсолютисты, они заставляють меня краснѣть за бывшее. Бѣги Москвы, если не имѣешь твердой воли разорвать съ ними или дозволить при себѣ обругиваніе насъ... Пусть благородное сердце твое спасетъ тебя отъ этихъ крикуновъ, риторовъ, довольствующихся шутомъ въ кофейной и попойками à propos de bottles ¹⁾. И тутъ еще всякая гнида à la Stankevitch jun. ²⁾ и отъ природы глупорожденный кривецъ Мельгуновъ... Чтѣ за скотный дворъ, въ которомъ Катковъ боровомъ, а Леонтьевъ филологомъ.

Мы идемъ нашей дорогой съ О., не сбиваясь съ нея, идемъ такъ же, какъ шли въ 33 году, 43, 53, и какъ пойдемъ въ 63. Люди становятся меньше нужны; съ Грановскимъ умерла Москва, и, можетъ, это—счастіе для Грановскаго, что онъ умеръ.

Вотъ это-то было у меня на душѣ тебѣ сказать.

Вѣроятно, тебѣ О. или Н. ³⁾ писали, чтобы ты немедленно отдалъ 16 фунт. ст. m-me Clermont,—мы ихъ получили отъ Краффорда ⁴⁾. Я дѣлалъ для Б ⁵⁾ подписку; отовсюду прислали, кромѣ Москвы. Иной разъ не мѣшало бы напомнить Мел., что онъ упорно мнѣ ничего не платитъ.

Что твои дѣти? Имъ пошли недавно книжки и мелочи отъ Н. Дошли ли?

Прощай.

¹⁾ Безъ всякаго повода.

²⁾ Александръ Владиміровичъ.

³⁾ Н. А. Огарева.

⁴⁾ Банкирскій домъ Lane Crawford and Co.

⁵⁾ М. А. Бакунинъ.

1929. (300 руб. с. въ фондъ).

Редакція извѣщаетъ о полученіи 300 руб. сер. въ общій фондъ.

1930. Общій фондъ.

Въ прошломъ листѣ мы упомянули о присылкѣ *трехсотъ рублей серебромъ* въ собираемый нами фондъ. Благодаря неизвѣстную особу, доставившую намъ эту сумму, мы еще разъ должны сказать всѣмъ русскимъ, сочувствующимъ намъ, что денежные присылки, доставленныя намъ, до того ничтожны, что онѣ даже не покрываютъ самыхъ необходимыхъ тратъ для перваго вспоможенія русскимъ, вынужденнымъ оставить Россію на время правительственнаго безумія.

Мы полагаемъ, что всего лучше было бы принять опредѣленную норму пожертвованій; пусть, напримѣръ, всѣ желающіе обложатъ себя извѣстной income tax¹⁾, податью съ доходовъ. Человѣкъ одинокій, имѣющій не меньше 2000 р. сер. можетъ, легко дать 5% въ годъ; люди, имѣющіе больше, могутъ прислать 10%; семейные люди могли бы давать вполонину.

Кстати, къ фонду въ послѣднюю недѣлю мы получили черезъ г. Тхоржевскаго отъ разныхъ лицъ: 2 ф., 2 ф. 7 ш. и 1 ф., всего 5 фунт. 7 ш.

Благодаря гг., приславшихъ деньги, мы доводимъ до свѣдѣнія нашихъ соотечественниковъ, что г. Тхоржевскій уполномоченъ нами принимать деньги въ общій фондъ; его адресъ на *каждомъ «Колоколѣ»*.

1931. Новая побѣда Путятина.

Графъ-отъ-корабля и адмираль-отъ-просвѣщенія Путятинъ, обезсмертившій себя матрикулами и прикладами, ярибылъ для морскихъ наблюдений въ Гейдельбергъ. Молодые люди русскіе, польскіе и даже нѣмцы дали ему *кошачій концертъ*. Храбрая гейдельбергская полиція бросилась на молодыхъ людей съ голыми саблями и начала *ихъ рубить*; храброй полиціи помогали храбрые *гаускиехты*²⁾. Какой-то русскій, послѣ удара саблей плашмя,

¹⁾ Подоходный налогъ.

²⁾ Дворники.

полученнаго отъ офицера, сорвалъ съ него эполеты и побилъ его. Милые, добрые нѣмцы, какіе они. въ самомъ дѣлѣ, *нѣмцы!* А вотъ концертъ, который давали пивовары Берклея и Перкинса Гайнау, былъ успѣшнѣе... можетъ, инструменты лучше—англійской работы ¹⁾. 1

◆◆ I. Въ маѣ 1862 г., по закрытіи Спб. университета, нѣкоторые студенты отправились оканчивать свое образованіе въ гейдельбергскій университетъ; они устроили тамъ русскую читальню. Основателями ея были быв. студ. дерптскаго унив. Владиміръ Игнатьевичъ Бакстъ, отстав. поручикъ артиллеріи Владиміръ Федоровичъ Лугининъ, служащій въ мин. иностр. дѣлъ кол. секр. Гавріилъ Веселитскій, отстав. прапорщ. Константинъ Молоствовъ, отстав. подпоруч. Константинъ Случевскій, отстав. подпор. Аполлонъ Чаплыгинъ и быв. вольнослушатель Спб. унив. шведскій подданный Владиміръ Нагель. Членами читальни, кромѣ Бакста, Веселитскаго и Нагеля, были двор. Александръ Линева, отстав. кол. ас. Альбертини, бывшіе студ. Спб. унив. бар. Александръ Стюартъ и Николай Львовичъ Владиміровъ и помощникъ инспектора классовъ Пажескаго корпуса Семенъ Тимофеевичъ Константиновъ. Изъ письма Линева къ послѣднему видно, что цѣль читальни: «выработка, осмысленіе либеральныхъ идей, возможное распространеніе ихъ между пріѣзжающими молодыми людьми»; «читальню эту завели нѣсколько дѣйствительно развитыхъ людей, принадлежащихъ къ партіи, такъ называемыхъ, «красныхъ», которые, будучи хорошими знакомыми Герцена и вообще всѣхъ трехъ лондонскихъ старичковъ, и вида, какое страшное осѣвжающее вліяніе дѣлаетъ бесѣда съ такими личностями, какъ Герценъ, хотѣли и въ Гейдельбергѣ устроить такое же общество, дабы поддержать, пропагандировать и укрѣплять это направленіе». Въ число членовъ читальни принимались только извѣстные своими либеральными убѣжденіями, желавшіе введенія конституціи. Выборные старшины назывались «головами» (Бакстъ, Лугининъ). Когда возникли несогласія по поводу приѣма въ члены студ. Н. Неклюдова, который вмѣстѣ съ Лугининымъ и учителемъ Львомъ Н. Модзалевскимъ требовалъ преобразования закрытаго клуба въ общественную читальню, открытую всѣмъ русскимъ за взносъ одного гульдена въ мѣсяцъ, въ августѣ 1864 г. она была реконструирована. Число членовъ доходило до 60. Названные лица фигурировали въ 1866 г. въ особомъ дѣлѣ, о которомъ см. въ комментаріяхъ за тотъ годъ (Архивы мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1866 г. № 3 и III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1865 г., дѣло № 180 и 1866 г. № 222).

¹⁾ См. стр. 3—4 т. XI.

Приведу официальные свѣдѣнія о двухъ гейдельбержцахъ.

«Бакстъ, кандидатъ правъ с.-петербургскаго университета и сынъ учителя житомирскаго раввинскаго училища; служилъ переводчикомъ въ азиатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и содержалъ въ С.-Петербургѣ частную типографію. Въ 1861 году на него пало подозрѣніе въ томъ, что онъ имѣлъ сношенія съ русскими эмигрантами за границую и въ типографіи своей печаталъ преступныя воззванія, но такъ какъ подозрѣніе это не подтвердилось въ то время ясными фактами, то Бакстъ, во вниманіе къ его болѣзненности, уволенъ былъ тогда же за границу, гдѣ самовольно и остался. Съ 1862 года онъ тамъ поселился и одно время (1872) въ Цюрихѣ какъ бы вербовалъ пріѣзжающихъ русскихъ въ лагерь социалистовъ. Въ 1866 г. проживалъ въ Берлинѣ. По высочайше утвержденному, въ октябрѣ 1866-го года, заключенію слѣдственной комиссіи, было опредѣлено: по возвращеніи его въ Россію, подчинить его полицейскому надзору, въ случаѣ же продолженія вредной дѣятельности,—подвергнуть высылкѣ въ какую-либо отдаленную мѣстность. Въ 1870 г. ему всемилостивѣйше разрѣшено было вернуться въ Россію, безъ привлеченія его къ отвѣтственности за самовольное оставленіе отечества. Позднѣе онъ вновь отправился въ Швейцарію, гдѣ занимался вербованіемъ пріѣзжающихъ русскихъ въ составъ эмиграціи».

18 іюня 1870 г. Владиміръ Бакстъ писалъ шефу жандармовъ: «Ваше Сіятельство. Если бы дѣло поданной мной на высоч. имя просьбы составляло для меня лишь вопросъ жизни вообще, то смѣю увѣрить, спокойно ожидалъ бы его разрѣшенія и не сталъ бы болѣе беспокоить В. С.—во. Мало того, не чувствуя за собой никакой опредѣленной вины и живя теперь уже болѣе 7 лѣтъ совершенно изолированнымъ, исключительно посвященный научнымъ занятіямъ медициной, я спокойно безъ дальнихъ хлопотъ возвратился бы въ Россію, вполнѣ увѣренный, что на крайній случай могущія постичь меня какія либо непріятности вслѣдствіе стародавнихъ на меня наветовъ скоро должны бы были устраниваться при ближайшемъ разсмотрѣніи, благодаря строгой справедливости в. С.—ва.

«Но по несчастію, для меня лично вопросъ этотъ представляетъ особенный характеръ: здоровье мое слишкомъ разстроено какъ вслѣдствіе уже болѣзненнаго строенія моего организма, такъ и отъ постигшихъ меня въ послѣдніе годы болѣзней. Я живу, что называется еле-еле, и всякая непріятность, всякое малѣйшее нарушеніе строго-покойнаго режима жизни должно вызвать самое глубокое, коренное сотрясеніе организма съ неумолимой опасно-

стью для самой жизни. Эта-то крайняя шаткость, болѣзненность моего организма только заставляетъ еще разъ беспокоить в. с.—во.

«Въ настоящее время рѣшеніе судьбы моей вполнѣ въ рукахъ В. С. Благодаря моей болѣзненности, я въ моментъ встрѣчи съ вами, графъ, былъ такъ душевно потрясенъ, что не могъ сказать и слова собственно по дѣлу. Между тѣмъ все зависитъ тутъ отъ личнаго объясненія, которое одно лучше, правдивѣе всякихъ письменныхъ справокъ выяснитъ вамъ настоящія отношенія дѣла и поставитъ въ настоящемъ свѣтѣ нѣкоторыя обстоятельства, можетъ, не безынтересныя В. С.

— «Еще разъ простите, графъ, что смѣю беспокоить васъ и лишать Васъ лучшаго досуга. Безвыходность положенія вынуждаетъ меня къ этому.

«Въ нетерпѣливомъ ожиданіи вашего благоволенія остаюсь В. С. всепокорнѣйшій слуга *В. Бакста*».

25 іюля государь разрѣшилъ ему вернуться въ Россію безъ дальнѣйшаго за отлучку взыскапія (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1870 г., дѣло № 84).

«Линевъ, Александръ Логгиновичъ, дворянинъ, сынъ отставнаго штабъ-ротмистра; былъ студентомъ с.-петербургскаго университета при закрытіи его въ 1861 году. Въ 1862 году, находясь за границею, посѣщаль гейдельбергскую читальню, въ дѣлахъ которой принималъ самое дѣятельное участіе, былъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ и Огаревымъ и принялъ на себя распространеніе налитографированныхъ имъ же самимъ адреса Герцена (о конституціи въ Россіи) и писемъ Огарева; предлагалъ одного изъ членовъ читальни, Новицкаго, въ редакторы предполагавшагося анти-правительственнаго журнала, а въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ Александрѣ, изъ Гейдельберга, помѣстилъ оскорбительное выраженіе объ особѣ государя императора. Въ 1866 году онъ содержалъ книжную торговлю въ С.-Петербургѣ на имя своей сестры. Въ томъ же году привлекался къ дѣламъ, производившимся слѣдственною комиссіею по обвиненію нѣкоторыхъ молодыхъ людей въ устройствѣ въ Гейдельбергѣ читальни съ цѣлью преступной пропаганды, а также по каракозовскому дѣлу, содержался въ Петропавловской крѣпости и затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 9-го октября 1866-го года, высланъ въ г. Тотьму Вологодской губерніи, подъ надзоръ полиціи на пять лѣтъ, съ воспрещеніемъ затѣмъ вѣзда въ столицы и вѣзда за границу. Вслѣдствіе оказаннаго имъ вреднаго вліянія на мѣстное общество, въ іюнѣ 1869 г. перемѣщенъ въ г. Нолинскъ Вятской губерніи, а въ февралѣ 1871 года получилъ разрѣшеніе переселиться въ Нов-

городскую губернію, къ отцу своему, въ г. Устюжну, съ оставленіемъ подъ надзоромъ. Въ 1872 г., проживая въ Новгородѣ, Линева былъ близко знакомъ съ высланною туда, также подъ надзоръ полиціи, Александрю Дементьевою и посѣщаль устраивавшіяся ею для чтенія социалистическихъ сочиненій литературные вечера, на которыхъ, между прочими, бывали: Лебедевъ, Любимовъ, Чайковскій, Павелъ Франтовъ, Флеровскій и другія неблагонадежныя въ политическомъ отношеніи лица. Въ августѣ того же года, онъ, по выс. повелѣнію, освобожденъ отъ надзора. Въ 1873 г. бѣжалъ за границу и прибылъ въ Цюрихъ, гдѣ поступилъ на политехникумъ. По показанію государственнаго преступника Степана Ширяева, Линева въ 1877 г. находился въ Парижѣ. Въ октябрѣ 1881 года онъ проживалъ въ Лондонѣ, гдѣ слылъ за хорошаго механика и химика» («Исторія социальна-революціоннаго движенія въ Россіи»).

1932. (Стихотворенія Михайлова).

Мы извѣщали въ «Колоколѣ» о предполагаемомъ изданіи стихотвореній Михайлова въ Германіи. Обращаемъ на это изданіе еще разъ вниманіе людей, сочувствующихъ нашему страдалцу; мы достовѣрно знаемъ, что всѣ вырученныя деньги пойдутъ въ пользу Михайлова.

1933. A Monsieur le rédacteur de «La Cloche».

Monsieur le Rédacteur, vous désirez une introduction de ma part dans le premier numéro de «la Cloche»,—cette introduction doit être, n'est-ce pas, une note explicative,—une sorte de profession de foi servant à déterminer la longitude et la latitude..? Cette introduction est toute faite et je vous l'envoie en mauvais français telle qu'elle a été publiée dans un livre qui a paru du vivant de l'empereur Nicolas

Recevez mes vœux pour le succès de «la Cloche». Ils sont d'autant plus sincères qu'il y entre beaucoup d'égoïsme.

A. Herzen.

25 août 1862,
Orsett House, Westbourne terrace.

Переводъ.

Господину редактору «La Cloche».

Вы хотите имѣть отъ меня предисловіе къ первому номеру «La Cloche». Это предисловіе должно, не правда ли, быть какъ бы пояснительнымъ примѣчаніемъ, чѣмъ-то въ родѣ profession de foi, которое опредѣлитъ долготу и широту?... Это предисл^{овіе} готово, и я посылаю вамъ его на плохомъ французскомъ языкѣ,—въ томъ видѣ, какъ оно было напечатано въ одной книгѣ еще при жизни императора Николая.

Примите мои пожеланія успѣха «La Cloche»; они тѣмъ болѣе искрени, что въ нихъ много эгоистическаго.

*А. Герценъ.*¹

25 августа 1862.

◆♦ 1. Съ 20 сентября 1862 г. въ Брюсселѣ стала выходить французская газета «Колоколь. *Vivos vocat La Cloche*»; издатель-редакторъ ея, Léon Fontaine хотѣлъ создать органъ передовой русской мысли на французскомъ языкѣ, указывая русскимъ словомъ «Колоколь» и его девизомъ тѣсную связь съ органомъ Герцена. Статьи послѣдняго и «Колокола»; вообще, составляли преимущественное содержаніе «La Cloche». № 63 вышелъ 1 июля 1865 г., а послѣдній, 64-ый—безъ даты, съ надписью «dernier numéro». Статья, о которой говорится въ письмѣ,—«Введение» къ «Du développement etc.» (см. № 513).

Въ № 1 отъ редакціи «La Cloche» было сдѣлано слѣдующее заявленіе:

«8/20 сентября 1862 г. исполняется тысячелѣтіе существованія Россіи. Намъ казалось, что мы не могли бы выбрать лучшаго дня для ознакомленія съ мужественными усиліями, предпринимавшимися нѣкоторыми превосходными умами для блага фольшого народа. Давно уже издается въ Лондонѣ русскій журналъ «Колоколь», имя котораго прозвучало по всему свѣту. Мы, въ свою очередь, издаемъ переводъ этого журнала. Онъ обращается ко всей Европѣ. Не достоинъ ли симпатіи всѣхъ сердечныхъ людей свободный споръ объ интересахъ 60 милліоновъ людей. Чтобы ввести читателя въ кругъ вопросовъ, разбираемыхъ «Колоколомъ» съ основанія, мы воспроизведемъ въ нашихъ первыхъ номерахъ наиболѣе важныя статьи, опубликованныя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Затѣмъ, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ русскаго изданія, мы будемъ давать его переводъ.»

Въ № 2 было другое «увѣдомленіе»:

«La Cloche» будетъ выходить 10-го и 25-го числа каждаго мѣсяца. Когда обстоятельства потребуютъ, «La Cloche» будетъ имѣть два или три дополнительныхъ нумера въ мѣсяцъ. Въ каждомъ номерѣ будетъ указанъ день выхода слѣдующаго нумера».

Имя редактора-издателя «La Cloche» никогда не было указано на надлежащемъ мѣстѣ и, вообще, до № 43 не называлось, — тогда изъ «письма» Герцена оно стало яснымъ для всѣхъ. Надо имѣть въ виду, что «La Cloche» далеко не вмѣщалъ въ себѣ всего «Колокола», а переводилъ преимущественно написанное самимъ Герценомъ.

1934. Письмо къ И. С. Тургеневу.

22 сент. (1862).

Orsett House, West. terrace.

Отчего же ты не писалъ? А я-то тебѣ:

«письмо третье,
«письмо четвертое»,
«Post scriptum» ¹⁾),
Poste restante—
великій постъ ²⁾).

Отвѣты жду, но какъ же скрыть, кто писалъ «изъ унги Леона» ³⁾).

Рекомендую тебѣ превосходнаго человѣка—Лугинина ⁴⁾), очень дѣльный и энергическій человѣкъ; поговори съ нимъ насчетъ адреса. Мы согласны. ¹⁾

Прощай.

А. Герценъ.

◆◆ 1. Нѣкоторыя дворянскія собранія проектировали всеподданнѣйшіе адреса о созывѣ «выборныхъ всей земли русской» или «земскаго собора», а тверское дворянство, какъ извѣстно, подписало такой же адресъ 2 февраля 1862 г. и послало его царю почтой. Огаревъ находилъ необходимымъ представить адресъ, лишенный

¹⁾ Части «Концовъ и началъ», кромѣ слѣдующей,—шутка.

²⁾ Каламбуръ: poste—почта, звучитъ какъ постъ, а Тургеневъ упорно молчалъ на рядъ «писемъ» Герцена.

³⁾ Т.-е. Гейдельберга, гдѣ, между прочими, жилъ и Лугининъ, изъ буквъ фамиліи котораго составленъ шутка.

⁴⁾ Владиміръ Федоровичъ.

всякой сословности и подписанный людьми самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, даже и не совѣмъ солидарныхъ въ политической программѣ. Онъ составилъ слѣдующій проектъ, заимствуемый мною изъ его записной книжки, хранящейся въ Румянц. музеѣ, и очень неисправно напечатанный Драгомановымъ въ «Письмахъ Кавелина и Тургенева къ Герцену»:

«Государь!

«Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе и опаснѣе. Гроза растетъ, и между тѣмъ никто не знаетъ, что дѣлать и какимъ путемъ выйти изъ бѣды мирно, невредимо, съ обновленными силами на устройство новой, спокойной и обильной жизни.

«Народъ молчитъ въ недоумѣніи. Никто не знаетъ, чего онъ хочетъ; онъ самъ не можетъ уяснить себѣ своихъ потребностей, потому что у него отняты средства столкнуться. Онъ не имѣетъ права собираться для обсужденія своихъ нуждъ и заявленія своего гoлoса. О его нуждахъ никто его не спрашиваетъ; слово, сказанное имъ вслухъ, само правительство В. В—ства; можетъ быть, сочло бы за преступленіе противъ власти; а, между тѣмъ, затаенная сила нѣмого множества втихомолку вырастаетъ до взрыва.

«Дворянство, утративъ помѣщичью власть, не приобрѣло нравственнаго вліянія на народъ и не можетъ приобрѣсти его, пока народъ видитъ въ немъ особое, отдѣльное сословіе, съ особымъ названіемъ, съ особыми льготами,—сословіе, которое отъ начала прошлаго столѣтія и до сего времени держалось отъ народа особо, жило своею народу чуждою жизнью и встрѣчалось съ народомъ только ради разорительнаго и жестокаго угнетенія его, во имя помѣщичьяго крѣпостнаго права и безнаказаннаго чиновничьяго произвола. Само дворянство въ своей гибельной оторванности отъ народа утратило живое пониманіе народныхъ нуждъ и, несмотря на свою образованность, не въ силахъ уяснить ихъ себѣ, не спросивъ о нихъ у самого народа, и, между тѣмъ, не видитъ возможности дѣйствительно столкнуться съ народомъ о пользѣ общей иначе, какъ напередъ отказавшись отъ всѣхъ своихъ сословныхъ льготъ и преимуществъ, отъ своего сословнаго названія и своей уединенности, или, что все одно и то же, не признавъ за народомъ общей всѣмъ одинаковой равноправности.

«Правительство В. В—ства, несмотря на Ваши искреннія, добрыя и благія начинанія, Государь, оказалось не въ силахъ постановить ясныя и опредѣленныя преобразованія. «Положеніемъ о крестьянахъ» оно, не распутавъ окончательно стараго узла, навязало къ нему такъ много новыхъ петель, что, если теперь не поспѣ-

шить распутать ихъ общими народными силами, узелъ въ скоромъ времени затянется до того, что его развѣ мечомъ или топоромъ перерубишь, а не развяжешь работою мирныхъ рукъ.

«Вслѣдствіе запутанности «Положенія о крестьянахъ», дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ-чиновниковъ, получающихъ казенное жалованіе и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство В. В.—ства, вмѣсто пособія дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита и чрезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною,—помѣщицки земли остаются не обработанными.

«Между тѣмъ, «Положеніе» дало возможность урѣзать крестьянскую землю. Крестьянинъ не увѣренъ, что онъ завтра сохранитъ землю, которую обрабатывалъ сегодня. Толки объ уставныхъ грамотахъ, въ которыхъ онъ не безъ основанія боится быть обманутымъ и своею подписью отказаться отъ собственныхъ выгодъ и лучшей будущности, отнимаютъ у него время и охоту для обработки собственныхъ полей. Выкупъ обременительный и невозможный по способу, принятому «Положеніемъ», подвигается относительно цѣлаго населенія въ размѣрѣ булавочныхъ головокъ и не успокаиваетъ народа. Его положеніе становится невыносимое; онъ видитъ попрежнему и даже больше, чѣмъ прежде, въ каждомъ помѣщикѣ своего врага и въ распоряженіяхъ Вашего правительства—хитрыя козни чиновниковъ. Мировые посредники не въ состояніи помочь дѣлу; подъ влияніемъ сбивчивыхъ предписаній министерства, лучшіе люди изъ нихъ бѣгутъ отъ должности, оставляютъ мѣста, на которыхъ не могутъ принести пользы, и народъ, и безъ того взволнованный, попадаетъ подъ власть посредниковъ недобросовѣстныхъ и окончательно озлобляется противъ всего, что не принадлежитъ къ народу по платью, по обычаю, по сословнымъ преимуществамъ.

«Такимъ образомъ земля русская остается невоздѣланною. Покупатели безъ денегъ; купцы не могутъ сбывать своихъ товаровъ и, слѣдовательно, неохотно покупаютъ ихъ у производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются. Все дорого, денегъ нѣтъ, и, между тѣмъ, кредитные билеты постоянно падаютъ въ цѣнѣ. Довѣріе къ государственной состоятельности колеблется, частнаго кредита не существуетъ. Государственные займы лягутъ овыми налогами на страну, которая перестаетъ производить, и

нисколько не помогутъ возстановленію денежнаго курса, потому, что звонкой монеты въ производящей странѣ удержать нельзя.

«Государственные крестьяне безмолвно ждутъ себѣ новой участи, съ увѣренностью, что правительство, состоящее изъ чиновниковъ, исказить благія намѣренія царя; общее экономическое разстройство всего государства не только не позволитъ имъ приступить къ выкупу своихъ *даровыхъ* земель, какъ предполагало министерство В. В—ства,—къ выкупу, равно несправедливому и обременительному, но окончательно вызоветъ ихъ ненависть къ управляющему ими чиновничеству. Всеобщее разореніе подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергаетъ опасности самый престолъ В. В—ства.

«Государь! не спросясь народа, невозможно спасти государство. Безъ Земскаго Собора, который одинъ въ состояніи найти изъ совокупности мѣстныхъ экономическихъ средствъ способъ спасти разоренное государство и безденежное правительство, нельзя обойтись безнаказанно.

«Изъ всѣхъ новыхъ учреждений, введенныхъ по указанію В. В—ства, одно имѣло полный успѣхъ: это сельскіе и волостные выборы судей, старость и старшинъ. Крестьянскіе выборы повсюду были добросовѣстны и безошибочны. Очевидное доказательство, что народъ хорошо знаетъ своихъ избранныхъ и способенъ избрать людей, могущихъ обсудить общія нужды и спасти Россію надлежащими постановленіями и указаніями, чего сдѣлать уже не въ силахъ ни сословное дворянство, ни правительство В. В—ства, составленное изъ дворянъ-чиновниковъ.

«Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, мы, нижеподписавшіеся, безбоязненно, добросовѣстно и искренно обращаемся къ Вамъ, Государь, просимъ и хотимъ, молимъ и требуемъ, чтобы народъ былъ спрошенъ объ общихъ нуждахъ черезъ своихъ избранныхъ людей и призванъ на общій Земскій Соборъ для постановленія, какимъ образомъ, какими учреждениями спасти, успокоить, обновить и возвеличить русскій народъ и всѣ племена его, русскую землю и всѣ ея области.

«Для сего мы просимъ:

1) Чтобы по всѣмъ губерніямъ были учреждены волостные и городскіе сходы для избранія посланцевъ на общій земскій соборъ.

2) Чтобы выбирали всѣ совершеннолѣтніе люди безъ различія сословій, вѣроисповѣданій и толковъ, поголовно, крестьяне срочно-обязанные, крестьяне государственные, удѣльные, приписные дворяне, купцы, мѣщане, духовенство и люди всякаго званія.

3) Чтобы для устраненія недовѣрія со стороны крестьянъ, дворяне для подачи голоса приписывались къ любой волости своего уѣзда, исключая той, къ которой принадлежатъ бывшіе его крестьяне, крѣпостные.

4) Чтобы дворянинъ не имѣлъ въ подачѣ голоса никакого преимущества ни по сословію, ни по чину.

5) Чтобы лица духовнаго чина господствующей церкви приписывались бы для подачи голосовъ къ волостямъ или городамъ, но не къ волостямъ, къ которымъ относится село ихъ прихода, а въ городахъ—къ кварталамъ, къ которымъ не относится ихъ приходъ.

6) Чтобы лица духовнаго званія также не имѣли никакого преимущества при подачѣ голоса ни по сословію, ни по чину.

7) Чтобы въ городахъ купцы не имѣли ни по сословію, ни по гильдіи никакого преимущества передъ мѣщанами и разночинцами.

8) Чтобы мѣстныя власти были вовсе устранены отъ подачи голосовъ и всякаго вмѣшательства въ устройство, веденіе и рѣшеніе выборовъ. Люди, сюда относящіеся, могутъ приписываться для подачи голоса только къ мѣстностямъ, гдѣ они не составляютъ власти.

9) Чтобы избранные волостями и городами люди изъ среды своей избрали, какого бы то званія и чину ни было, троихъ кандидатовъ на уѣздъ и послали бы имена ихъ по волостямъ, селамъ и деревнямъ уѣзда и по городу на утверженіе народомъ одного изъ нихъ по большинству голосовъ.

10) Чтобы утвержденный народомъ кандидатъ и былъ избранникомъ отъ уѣзда на общій Земскій Соборъ.

11) Чтобы такимъ образомъ Земскій Соборъ состоялъ изъ избранниковъ отъ всѣхъ уѣздовъ Русской Имперіи.

12) Чтобы на ономъ Земскомъ Соборѣ, вслѣдъ за опредѣленіемъ порядка засѣданій и подачи голосовъ были обсуждены во всеуслышаніе и постановлены: права поземельнаго владѣнія и всякой собственности; вознагражденіе дворянства, смотря по уступкѣ земель; способъ выборнаго управленія, сельскаго, волостнаго и городского; соединеніе уѣздовъ въ области и способъ областного самоуправленія; составъ и размѣръ податей и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ; роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ; устройство судовъ гражданскихъ и уголовныхъ; устройство высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; устройство церковныхъ приходовъ и содержанія священно- и церковно-служителей; устройство сельскихъ, волостныхъ, областныхъ и государственныхъ кредитныхъ учреждений,—и вообще были бы обсуждены и рѣшены всѣ вопросы, которые Земскій Соборъ почтетъ нужнымъ обсудить и рѣшить.

«Изъ любви къ отечеству и народу русскому мы, нижеподписавшіеся, охотно, искренно и непрекословно подчинимся рѣшенію народныхъ избранниковъ на общемъ Земскомъ Соборѣ и глубоко уповаемъ, что изъ любви къ отечеству и народу русскому такъ же охотно, искренно и непрекословно подчинитесь ему Вы Саи, Государь, какъ единственному способу спасти, успокоить, обновить и возвеличить государство.

«Государы!

«Съ вѣрою и преданностью подписываемъ наши имена».

Этотъ проектъ и былъ данъ Лугинину для передачи Тургеневу. 8 октября послѣдній писалъ Лугинину:

«Посылаю вамъ, по обѣщанію, переданный мнѣ адресъ. Вы увидите, что я не сдѣлалъ никакихъ измѣненій: по зрѣломъ соображеніи я нашелъ, что мнѣ предстояло почти весь адресъ передѣлать, на что я, разумѣется, не имѣлъ никакого права. Я уже излагалъ вамъ, въ чемъ я не схожусь съ Н. П. (Огаревъ—*М. Л.*); считаю нужнымъ повторить вамъ мои слова и прошу васъ доставить это письмо въ Лондонъ.

«а) Адресъ, по-моему, наполненъ фактическими невѣрностями во всемъ, что касается введенія уставныхъ грамотъ (см., между прочимъ, нынѣшнюю «Сѣверную Почту»), выкупа, состоянія крестьянъ и помѣщиковъ. Это—родъ обвинительнаго акта противъ Положенія, а съ *Положенія* начинается новая эра Россіи. Правительство это *знаетъ*, а потому вся первая половина адреса покажется ему, и по справедливости, неосновательною.

«b) Редакція адреса составлена ясно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотенъ или тысячъ подписей отъ крѣпостниковъ, которые, обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эмансипаціи и Положенію, замуряютъ глаза на послѣдствія Земскаго Собора. Но, во-первыхъ, это недобросовѣстно, и не нашей партіи заключать, какія то ни было, коалиціи. Мы держимся только принципами и яснымъ, и честнымъ высказываніемъ ихъ. Такая дипломатія никуда не годится.

«c) Если этотъ адресъ дойдетъ до крестьянъ—а это несомнѣнно—то они, по справедливости, увидятъ въ немъ новое нападеніе дворянства на освобожденіе. Въ одной фразѣ даже выражается какъ бы сожалѣніе *о невозможности барщины!* Другія фразы, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: «Русская земля остается невоздѣланной—крестьянинъ не имѣетъ ни времени, ни охоты обрабатывать собственныя поля»,—поражаютъ крестьянина своей явной неправдой, а мысль о Земскомъ Соборѣ не утѣшитъ его ни на волосъ, если даже не испугаетъ его. Главное наше несогласіе съ О. и Г., а также съ Баку-

нинимъ, состоитъ именно въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ революціонныя или реформаторскія начала въ *народъ*; на дѣлѣ это совсѣмъ наоборотъ. Революція въ истинномъ и живомъ значеніи этого слова—я бы могъ прибавить: въ самомъ широкомъ значеніи этого слова—существуетъ *только* въ меньшинствѣ образованнаго класса, и этого достаточно для ея торжества, если мы только самихъ себя истреблять не будемъ.

«Вообще, весь адресъ какъ бы написанъ заднимъ числомъ: онъ отсталъ на цѣлый годъ и едва ли найдеть гдѣ-нибудь дѣйствительный отголосокъ, кромѣ партіи крѣпостниковъ, а этимъ, я полагаю, сами составители адреса не останутся довольными.

«Я долженъ вамъ признаться, что я самъ ношусь съ мыслью адреса и полагаю составить его въ Парижѣ. Нечего и говорить, что я сообщу мой проектъ въ Лондонъ. Программа адреса вкратцѣ слѣдующая:

«Признавъ великое благо, основанное Положеніемъ, указать на необходимость нѣкоторыхъ дополненій и улучшеній, а главное—на настоятельную потребность привести весь остальной составъ русскаго государства въ гармонію съ совершившимся переворотомъ а для этого, раскрывъ безпощадной рукой всѣ безобразія нашей администраціи, суда, финансовъ и т. д., требовать созванія Земскаго Собора, какъ единаго спасенія Россіи, однимъ словомъ, доказать правительству, что оно должно продолжать дѣло, *имъ начатое*».

«Я очень хорошо знаю, что правительство не приметъ подобнаго адреса и даже будетъ готово наказать подписавшихся; но, такъ же, какъ сообщенный мнѣ адресъ, онъ будетъ написанъ для возбужденія общественнаго мнѣнія—и, по крайней мѣрѣ, всякій будетъ въ состояніи пристать къ нему, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ и не скрывая ихъ.

«Оканчивая это письмо, повторяю одно: не должно забывать, что какія бы ни были послѣдствія отъ «Положенія» для *дворянъ, крестьянннъ* разбогатѣлъ и, какъ они выражаются, *раздобрылъ* отъ него и знаетъ, что онъ этимъ царю обязанъ... Безумно было бы не принимать этихъ фактовъ въ соображеніе и вслѣдъ за М. Безобразовымъ и другими лепетать обвиненія, которыя показываютъ или недобросовѣстность, или незнаніе» («Письма», 152—154).

Въ письмѣ къ Герцену отъ того же числа Тургеневъ замѣтилъ: «Насчетъ адреса скажу одно: мнѣ достаточно того факта, что къ нему могутъ приложить руки М. Безобразовъ и Паскевичъ, чтобы не прикладывать моей» (тамъ же, 162), а въ письмѣ его отъ 16 октября изъ Гейдельберга находимъ: «Любезный другъ А. И.

Такъ какъ Лугининъ сообщилъ тебѣ подробный перечень всего того, что происходило между нами по поводу извѣстнаго тебѣ адреса, то я не считаю нужнымъ повторять то, что ты уже знаешь. Ограничусь нѣсколькими словами для объясненія или, лучше сказать, для точнѣйшаго опредѣленія причинъ, лежащихъ въ основаніи моего воззрѣнія.

«Во 1-хъ) Я полагаю, что взять *«Положеніе»* исходной точкой отрицательнаго или революціоннаго противодѣйствія — и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо. Такъ ли, саякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственной всякому народу, желанія ли примириться на маломъ, если это малое, все-таки, до нѣкоторой степени выгодно,—но земля приняла *«Положеніе»*; скажу болѣе: она въ весьма скоромъ времени сольеть свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о *«Положеніи»* и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ, чему, между прочимъ, служить доказательствомъ новое явленіе перехода крестьянъ, *вмѣсто оброка*, на выкупъ. Нападать при *такихъ* обстоятельствахъ на *«Положеніе»*, какъ на источникъ всей совершающейся неурядицы, и изъ этого выводить необходимость Земскаго Собора, это значитъ играть игру правительства и, пожалуй, окончательно разорвать связь съ народомъ.

«2) Тебѣ извѣстно новое рѣшеніе правительства насчетъ губернскихъ сеймовъ—этого перваго шага къ парламентскимъ формамъ. Не знаю, какой тутъ проектъ восторжествуетъ: милютинскій, отличающійся относительной широтою и свободой своихъ началъ, или изуродованный и іезуитскій Валуева. Если, какъ слѣдуетъ предполагать, будетъ принятъ второй, то вотъ тутъ дѣльная и живая и практическая исходная точка для протестующаго адреса, такого адреса, который предназначенъ поднять и расшевелить общественное мнѣніе. Но во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, теперь необходимо обождать: а) *какъ* именно окончательно разрѣшится вопросъ о *«Положеніи»*—это же должно разрѣшиться очень скоро и б) какое значеніе будутъ имѣть постановленія правительства о децентрализаціи и усиленіи провинціальной самостоятельности. Такой адресъ, представленный именно теперь, кромѣ вреда, принести ничего не можетъ, особенно адресъ въ родѣ вашего; сверхъ того, я увѣренъ, что и подписей именно теперь вы наберете очень немного и произведете выстрѣлъ хуже, чѣмъ на воздухъ—себѣ въ лобъ.

«Вотъ, милый А. И., мое откровенное — unumwunden ¹⁾—мнѣніе. Ты, я надѣюсь, настолько меня знаешь, что не припишешь

¹⁾ Безъ обиняковъ.

этого мнѣнія ничему другому, кромѣ самаго искренняго убѣжденія. Я не трусь, я не люблю вилать ни передъ собой, ни передъ другими, а тебя я слишкомъ уважаю и люблю, чтобы не сказать тебѣ всей истины. согласишься ли ты со мною или нѣтъ, я не знаю, но я увѣренъ, что это нисколько не измѣнитъ нашихъ отношеній» (тамъ же, 165—167).

20 октября Бакунинъ писалъ Лугинину: «Любезный Владиміръ Федоровичъ, прочелъ я ваше письмо къ А. И. (Герценъ—М. Л.) и распечаталъ конвертъ, чтобы прибавить нѣсколько словъ. Пожалуйста, не вѣрьте И. С. Т.; онъ весьма способный литераторъ, милый человѣкъ, но въ политикѣ *шутъ гороховый*. Если бы жертва ограничивалась только тѣмъ, чтобы дать ему свой *адресъ съ включеніемъ условленныхъ пунктовъ*, для удовлетворенія его самолюбія; если бы можно рассчитывать на его слово, дѣятельность и постоянство, то мы, безъ сомнѣнія, съ радостью согласились бы признать за нимъ роль первенствующаго руководителя въ этомъ дѣлѣ; это было бы очень полезно, но на постоянство и серьезную волю Тургенева положиться невозможно. Онъ рисуется и капризничаетъ, что въ обществѣ очень мило, но въ дѣлѣ такой важности не должно быть терпимо. Я говорю это такъ положительно, потому что знаю его съ юныхъ лѣтъ. Положившись на него, сдѣлавъ его краеугольнымъ камнемъ всего предпріятія, вы, навѣрное, будете обмануты, и обманетъ онъ васъ не по сознательной причинѣ и безчестности, а такъ, ради каприза и фантазіи».

22 октября Бакунинъ писалъ Михайлову (?) въ Парижъ: «Получилъ все и за это вамъ душевное спасибо; наши дѣла идутъ быстро, но успѣхъ въ туманѣ; но это и заставляетъ насъ удваивать старанія. Вы тоже выступаете съ предложеніемъ И. С., однакожь, вникните въ сущность дѣла и поймите, насколько ваши отношенія будутъ неравны. Онъ говоритъ всегда свысока, какъ маститый, опытный и глубокомысленный старецъ, а вы проникнуты любовью къ дѣлу. Онъ увѣряетъ, что Паскевичъ и Безобразовъ подпишутся подъ нашимъ адресомъ. Эти увѣренія достаточно раскрываютъ пустословіе Тургенева. Мы его давно знаемъ и часто переписываемся. Итакъ, если Безобразовъ и кн. Паскевичъ и подписались бы на нашемъ адресѣ, что-жъ изъ этого? Да это было бы важное дѣло, и не они одни,—все тверское дворянство подпишетъ. Если вы съ Тургеневымъ уладитесь быть съ нами, неужели вамъ будетъ стыдно итти объ руку съ меньшинствомъ тверскаго дворянства? Я писалъ объ этомъ и Владиміру Федоровичу, который ставитъ Тургенева, какъ крайнюю необходимость для нашего дѣла. Рассмотрите лучше въ него и увидите, какъ онъ воспользовался слухами объ предполагаемомъ правительствомъ юридическихъ и адми-

нистративныхъ реформахъ... Огаревъ немедленно переосмотритъ старый адресъ сообразно новымъ требованіямъ и прибавитъ необходимое. А вы, любезный другъ, не смущайтесь и продолжайте необходимое дѣло. Въ двѣ-три недѣли до отъѣзда Гр. С. все дѣло должно быть кончено. Адресъ при немъ и напечатанъ. Иначе мы будемъ смѣшны» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдств. комиссіи, № 63).

Въ письмѣ къ Бакунину отъ 28 октября изъ Парижа Тургеневъ замѣчаетъ: «Скажи Герцену, что я жду отъ него отвѣта и присылки послѣдняго № «Колокола». Если онъ сердится на меня за мои письма къ нему объ адресѣ, то, все же, не до такой степени, чтобы не писать» (тамъ же, 168). Не надо распространяться, что мысли Тургенева, несомнѣнно, боявшагося подписаться подъ какимъ бы то ни было адресомъ, если онъ не былъ славословіемъ, совершенно точно совпадали съ мыслями либеральнаго, уже поворачивавшаго въ реакцію дворянства.

Но огаревскій проектъ адреса не удовлетворилъ, очевидно, еще и другихъ, съ кѣмъ совѣтовались лондонскіе друзья, такъ какъ Огаревъ внесъ въ него не мало измѣненій, которыя и сообщилъ Лугинину въ перлюстрированномъ письмѣ изъ Ричмонда отъ 30 октября. Приведу его полностью съ копіи, подшитой къ «дѣлу», какъ и предыдущее письмо Бакунина къ извѣстному мнѣ адресату:

«Вотъ гдѣ меня застало ваше письмо, мой юный другъ (въ pendant къ старому другу), и мнѣ страшно досадно, что надо торопиться и *писать ventre à terre*¹⁾. Откладывая печатаніе адреса на 6 недѣль, я уже вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что надо отложить на гораздо дольше время. Вы знаете, что меня заставило спѣшить; шансы вполнину склоняются къ необходимости воздержанія, чему я былъ глубоко радъ, ибо трубная революціонная агитация для меня ненавистна; я изъ нея много не могу сдобировать, какъ человѣкъ сдобируетъ градъ и молніи, но находить прелесть въ движеніяхъ нерасчитанныхъ, невѣрныхъ и потому ненужныхъ, для меня противно. Я ушелъ изъ Лондона въ Ричмондъ на одиночество работать и пишу разборъ основныхъ положеній преобразованій судебной части. Пожалуйста, плюньте на мои примѣчанія къ докладной запискѣ,—это было поспѣшно и неудачно, но слѣдующія статьи въ «Колоколѣ» прочтите со вниманіемъ: я на нихъ основываю выводъ необходимости Земскаго собора. Отъ этого я думаю, что статья въ адресѣ о судебной части тѣперь мною поставлена, какъ слѣдуетъ. Изъ поправокъ и вставокъ вы увидите, что, можетъ,

¹⁾ Во всю прыть.

И. С. удовлетворится болѣе. Между нами' будь сказано, онъ на меня дуется года 4 ихъ-за пустыхъ причинъ, и мое участіе — ему рекомендація противъ; поэтому я вамъ совѣтую, если у него есть экземпляръ, выманить его обратно (пожалуйста, не подозрѣвайте личности съ моей стороны; я этого человѣка люблю, но онъ не выше иныхъ маленькихъ сторонокъ жизни) и дайте ему забыть адресъ. Самъ онъ едва и напишетъ, а ваша мысль о тверскихъ до такой степени вѣрна, что я почти увѣренъ, что они согласятся, лишь бы не мѣнялись двѣ вещи: способъ выборовъ и требованіе безсловности (безъ чего отказъ останется безъ вліянія на массы и согласіе при другомъ способѣ выборовъ было бы гибельно), на остальныя перемѣны я закрываю глаза. Я увѣренъ, что критику Положеній тверскіе оставятъ, какъ есть, или измѣнятъ редакцію, не мѣняя содержанія. Къ тому, о комъ говорилъ вамъ, можно отнестись отъ насъ, а когда адресъ оттуда воротится, тогда и И. С. его подпишетъ, какъ дѣло *тамошнее*. У него составились отмѣнные понятія; на примѣръ, уставныя грамоты скоро будутъ подписаны. Братъ К. писалъ къ нему 2 недѣли назадъ, тоже и теперь пишетъ, что онъ не по наслышкѣ, а на дѣлѣ увидѣлъ, что крестьяне ихъ знатъ не хотятъ и подписываются онѣ безъ ихъ согласія и т. д. Я не смотрю на правительств. реформы враждебно; послѣ губернскихъ думъ имъ нечего будетъ реформировать важнаго, и эти пути реформы крестьянъ, судебная и conseil administratif ¹⁾, никого не удовлетворяютъ. Дѣло пойдетъ потише, попрочнѣе. Я поправокъ для себя исправить не успѣлъ и потому вы ихъ мнѣ возвратите или пришлите мнѣ копію адреса съ оными. Какъ же я радъ, что вы во всемъ храните инкогнито, потому что осторожность нужна.

«Передъ вашимъ отъѣздомъ необходимо увидѣться. Мы скорѣе переѣдемъ въ Ричмондъ; я нашелъ домъ удивительный—и дешево. Спѣшу итти на почту. Боюсь, что уже поздно. Письма ваши получены.

«Послѣ словъ; «не признавъ за народомъ общей всѣмъ одинаковой равноправности» ²⁾):—«Освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости Вы произвели, Государь, спасительный коренной переворотъ въ Россіи; возвратиться вспять крѣпостному праву отнынѣ невозможно.

«Предполагаемымъ преобразованиемъ судовъ вы высказали намѣреніе, послѣ котораго уже настоящее безсудіе держаться не можетъ. Но правительство, вашего величества, несмотря на ваши добрыя и благія начинанія, оказалось не въ силахъ, государь, по-

¹⁾ Губернское управленіе.

²⁾ Стр. 6—7 снизу стр. 481.

становить ясныя и опредѣленныя преобразованія. Вслѣдствіе запутанности Положенія о крестьянахъ, не развязавшаго окончательныхъ обязательныхъ сношеній одного сословія къ другому, дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ-чиновниковъ, получающихъ жалованіе и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство в. в., вмѣсто пособія дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита и чрезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу, — помѣщичьи земли остаются необработанными.

«Между тѣмъ, Положенія дали возможность урѣзать крестьянскую землю. Крестьяне не увѣрены, что они сохранятъ завтра ту землю, которую обрабатываютъ сегодня. Уставныя грамоты подписываются большею частью безъ ихъ согласія. Выкупъ обременительный и невозможный по способу, принятому «Положеніемъ», подвигается относительно цѣлаго населенія въ ничтожныхъ размѣрахъ и не успокаиваетъ народа; его положеніе становится невыносимо; онъ видитъ попрежнему, и болѣе прежняго, въ каждомъ помѣщикѣ своего врага и въ распоряженіяхъ вашего правительства — хитрыя козни чиновниковъ. Мировые посредники не въ состояніи помочь дѣлу; подъ вліяніемъ сбивчивыхъ предписаній министерства, они оставляютъ мѣста, на которыхъ не могутъ принести пользы, и народъ, безъ того взволнованный подпаніемъ подъ власть посредниковъ недобросовѣстныхъ, окончательно озлобляется противъ всего, что не принадлежитъ къ народу по платью, по обычаю и по сословнымъ преимуществамъ. Земля остается невоздѣланною. Прокупатели безъ денегъ; купцы не могутъ сбывать своихъ товаровъ и неохотно покупаютъ ихъ у своихъ производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются, ярмарки торгуютъ въ убытокъ. Все дорого, денегъ нѣтъ и, между тѣмъ, кредитные билеты постоянно падаютъ въ цѣнѣ. Довѣріе къ государственной состоятельности колеблется, частнаго кредита не существуетъ.

«Государственные займы ложатся новыми налогами на страну, которая перестаетъ производить, и нисколько не помогаютъ возстановить денежнаго курса, потому что звонкой монеты въ производящей странѣ удержать нельзя. Государственные крестьяне безмолвно ждутъ себѣ новой участи, съ довѣренностью, что правительство, состоящее изъ чиновниковъ, выскажетъ благія намѣренія царя; общее экономическое разстройство не только не позволить имъ приступить къ выкупу своихъ даровыхъ земель, какъ

предполагало министерство в. в.,—къ выкупу, равно обременительному и несправедливому, но окончательно вызоветъ ихъ ненависть къ устраивающему ихъ чиновничеству.

«Предстоящее рекрутство при общемъ оскудѣннѣи страны (безъ всякой угрожающей опасности отъ внѣшняго врага) будетъ тяжелымъ ударомъ для народа, который ожидалъ совершеннаго преобразования системы рекрутства и не успѣлъ еще забыть, сколько денегъ и людей онъ пожертвовалъ на недавнюю и бесплодную войну.

«Почти половина крестьянъ и городского населенія, тѣсняемая и преслѣдуемая за уклоненіе отъ господствующей церкви, при сродной народу вѣротерпимости, повсемѣстно вооружаетъ мнѣніе народное противъ гоненія за вѣру, которымъ никто не сочувствуетъ, кромѣ чиновниковъ, ищущихъ личной корысти.

«Уничтоженіе откупа при сохраненіи того же обременительнаго и неимовѣрнаго налога на вино не удовлетворитъ народной потребности и, нисколько не ослабляя вреднаго пьянства, помѣшаетъ благоразумному употребленію обычныхъ напитковъ.

«Основные положенія преобразования судебной части, принявъ за правило отдѣленіе судебной власти отъ административной, создаютъ, въ противоположность своему правилу, такую сильную администрацію надъ судебной частью въ лицѣ министра юстиціи (генераль-прокурора и подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ), что искажаютъ все, что содержатъ въ себѣ благого, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ засѣдатели не участвуютъ, и что ни одинъ законъ не воспрещаетъ произвольно замѣнять обычные суды особыми военно-судными комиссіями. Сверхъ того, крестьянство и въ новомъ судопроизводствѣ увидитъ, что, несмотря на то, что различіе подсудности по сословіямъ отмѣняется, учрежденіе судовъ остается сословнымъ и не удовлетворяетъ народа.

«Предположенныя губернскія думы всего яснѣе укажутъ, какая бездна раздѣляетъ народъ отъ правительственныхъ властей.

«Предположенная децентрализація военнаго министерства поставитъ Россію въ осадное положеніе и окончательно взволнуетъ ее. Реформы начаты. Возвратиться назадъ невозможно, а, между тѣмъ, остановка ихъ никого не удовлетворяетъ. Всеобщее неудовольствіе растеть, всеобщее разореніе подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергнетъ опасности самый престолъ в. в., Государь, не спросясь народа и пр. и пр.»...

«Въ концѣ, послѣ словъ: всѣ вопросы, которые земскій соборъ лочтетъ нужнымъ обсудить и рѣшить»¹⁾: «Увѣренный напередъ, что

¹⁾ 1 строка снизу стр. 484.

онъ не разойдется, не покончивъ трудовъ, на него возложенныхъ избравшими его, и что ни одинъ изъ членовъ его не будетъ подверженъ за свою мысль и рѣчь ни аресту, ни преслѣдованію. Изъ любви къ Отечеству и проч.».

«Статью объ откупѣхъ можно выбросить, если сочтете лишнею, а если оставить, то непременно или прежде или тотчасъ послѣ статьи рекрутства. Я думаю, лучше прежде статьи рекрутства.

«NB. Если сочтете лишнимъ, выкиньте, но я думаю, что она имѣла бы хорошее впечатлѣніе не низшее сословіе.

«NB. «Предположенная децентрализація военнаго министерства, вводя всюду военное управленіе, совершенно противорѣчитъ преобразованіямъ, начатымъ в. в., ставить Россію въ осадное положеніе и окомчателно раздражить всѣхъ людей въ государствѣ, къ какому бы сословію они ни принадлежали».

«Я думаю, такъ лучше. Остальное по старому» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., указанное дѣло № 63).

Однако, эти поправки были признаны тоже недостаточными. Рѣзкая позиція, которую все больше и скорѣе занимало правительство во главѣ съ царемъ, подсказывала и болѣе рѣшительную форму адреса, уже, вѣрнѣе—заявленія; Огаревъ составилъ новую, вторую редакцію, тоже нигдѣ до сихъ поръ ненапечатанную и хранящуюся въ той же его записной книжкѣ. Привожу ее полностью.

«Государь,

«Спокойствіе государства зависитъ отъ согласія его жителей подчиниться извѣстному общественному строю и порядку, для всѣхъ безобидному, съ понятіями и потребностями людей согласному и потому заслуживающему общее довѣріе. Приказать этого довѣрія нельзя; все несогласное съ складомъ народнымъ, взрожденнымъ вѣками, отзовется въ приложеніи къ общественной жизни ложью; ложь поведетъ къ общему недоувѣрью, недоувѣріе—къ ропоту, ропоть—къ мятежу и бѣдствію. Россія теперь въ положеніи того общаго недоувѣрія, которое обычно является передъ общимъ волненіемъ.

«Народъ еще вѣритъ въ Васъ, Государь, вѣритъ въ царя, начавшаго его освобожденіе. Помогите же намъ, искренно народу преданнымъ, помогите намъ вашимъ согласіемъ и содѣйствіемъ спасти спокойствіе государства введеніемъ общественнаго устройства, которое было бы понятно народному смыслу, отвѣчало бы на всѣ народныя желанія и потребности, приходилось бы въ мѣру со всѣмъ складомъ народной жизни.

«Государь, народъ еще вѣритъ въ царя, но не вѣритъ въ правительство, не вѣритъ въ дворянъ-чиновниковъ, изъ которыхъ ою

состоить, такъ же, какъ не вѣрить въ дворянъ-помѣщиковъ, отъ которыхъ онъ освобождается далеко не на основаніяхъ, по его понятію, справедливыхъ. Если Вы, Государь, будете поддерживать чиновничій порядокъ, народъ быстро утратитъ вѣру въ царя.

«Для того, чтобъ народъ имѣлъ довѣріе къ чиновникамъ, составляющимъ управленіе и творящимъ судъ, надо, чтобы правители и судьи были его выборные люди,

«Для того, чтобъ дворяне-помѣщики перестали возбуждать народное недоувѣріе и озлобленіе, надо, чтобъ они перестали быть и дворянами, и помѣщиками.

«Для того, чтобъ царь не утратилъ народнаго довѣрія, надо, чтобъ онъ былъ царемъ земскимъ, а не чиновничьимъ.

«Выбора нѣтъ, Государь! Токъ общественной жизни, для того, чтобъ быть плавнымъ токомъ, долженъ итти по руслу, для народа естественному; иначе онъ будетъ потокомъ взволнованнымъ и разъяреннымъ. До тѣхъ поръ, пока учредится порядокъ, совершенно соотвѣтственный народному смыслу, народъ не успокоится.

«Дворянство землевладѣющее ненавистно народу не только вслѣдствіе вѣкового гнета, подъ которымъ оно его держало, но и вслѣдствіе того, какъ народъ смотритъ на поземельную собственность. Отданный въ крѣпость царями и императорами, предшественниками Вашего Величества, народъ не переставалъ считать землю своимъ достояніемъ. Вы, Государь, въ искреннемъ желаніи добра, захотѣли поправить ошибку вашихъ предшественниковъ и освободить народъ изъ-подъ крѣпостнаго ярма. Но народъ не можетъ понять свободы иначе, какъ съ сохраненіемъ своего достоянія, съ сохраненіемъ земли; а, по «Положенію», ему не только не отдана вся земля, состоящая въ межѣ помѣщичьихъ владѣній, но урѣзана и та доля, которою онъ до сихъ поръ пользовался. Не удивительно послѣ того, что крестьяне не подписываютъ уставныхъ грамотъ, съ ихъ понятіемъ несогласныхъ, и такъ туго, такъ неохотно идутъ на выкупъ земель, которыя они считали своими, и не могутъ понять, почему они должны платить за нихъ, покупать свою собственность, какъ будто, она чужая.

«Крестьяне, выходящіе изъ крѣпостнаго состоянія, такъ же мало признаютъ свои земли помѣщичьими, какъ государственные крестьяне признаютъ свои земли казенными. И тѣ и другіе видѣли въ помѣщикахъ и чиновникахъ управителей людьми, а не поземельныхъ собственниковъ, да еще управителей насильственныхъ, нехорошихъ, грабящихъ и угнетающихъ до того, что даже заставляли долю крестьянской земли пахать въ свою пользу.

«Въ этотъ складъ, изъ древняго быта и обычая, выросла на-

родная вѣра. Ее не переѣмнишь, Государь, тѣмъ больше, что она справедлива и здравомысляща.

«Чувствуя разладъ, предвидя волненіе, многіе изъ дворянъ желаютъ отказаться отъ своихъ сословныхъ правъ и просятъ Ваше Величество о дарованіи крестьянству такихъ же правъ, какими пользуются высшія сословія, о дарованіи всѣмъ жителямъ государства равноправности и, слѣдственно, объ уничтоженіи сословныхъ различій. Мы, нижеподписавшіеся, изъ ихъ числа и просимъ того же.

«Но что значитъ отказаться отъ своихъ сословныхъ правъ? Мысль эта, чтобъ не быть пустыми словами, требуетъ опредѣленія.

«Если подъ отреченіемъ отъ дворянскихъ сословныхъ правъ разумѣть отреченіе отъ исключительнаго права бить и сѣчь, налагать оброки и барщину, владѣть людьми и составлять свои, отъ прочихъ сословій отдѣльные, выборы людей въ разныя судебныя и полицейскія должности,—то это еще далеко не удовлетворитъ народа, далеко не уничтожитъ въ немъ недоувѣріе къ отрекающимся отъ правъ сословныхъ.

«Если подъ равноправностью разумѣть, что крестьяне перестанутъ быть битыми палкой и розгами, перестанутъ справлять барщину и платить оброкъ и будутъ сами участвовать на общихъ выборахъ въ должности судейскія и полицейскія, съ правомъ избирать и быть выбранными,—то это еще далеко не сотретъ различія сословій, гибельнаго для спокойствія государства.

«Розги и такъ устранятся по окончаніи переходнаго положенія; барщины и оброки замѣнятся въ упомъ; выборы могутъ изъ сословныхъ перейти въ общіе суды гражданскіе и взысканія по суду, суды уголовные и наказанія по суду могутъ въ непродолжительномъ времени стать для всѣхъ одинаковыми. Равноправность можетъ быть общая, а коренное различіе сословій, безъ уничтоженія котораго народъ не придетъ къ довѣрію и покою, останется. Равноправность будетъ для *всѣхъ сословій* одинаковая, но для *всѣхъ сословій*, а не для *всѣхъ людей безразлично*, потому что *различіе сословій* еще сохранится, несмотря на равноправность, и исказитъ ее, какъ ложь, вкрававшаяся въ правду.

«Слитіе сословій передъ судомъ и управленіемъ, передъ закономъ гражданскимъ, уголовнымъ и полицейскимъ еще не стираетъ коренного различія сословій, которое гнѣздится въ особыхъ правахъ на недвижимую, поземельную собственность. Движимая собственность накапливается, вслѣдствіе умѣнья и оборотливости челоуѣка, и безпрестанно мѣняется, переходя изъ рукъ въ руки; она никогда не станетъ корнемъ различія сословія отъ сословія, и только укажетъ на различіе способностей людскихъ, смотря по челоуѣку, если

особое право на поземельную собственность не даетъ нѣкоторымъ людямъ особое преимущество, которое тотчасъ ихъ отдѣляетъ въ особое сословіе. Корень различія сословій не въ имени дворянина, не въ томъ, что дворянина не сѣкутъ плетью, а въ особомъ отъ народа правѣ на землю.

«Если дворянство сохранить право на особую отъ народа частную поземельную собственность, то различіе особаго отъ крестьянства землевладѣльческаго сословія ничѣмъ не сотрешь. Если дворянинъ продастъ свою землю купцу, купецъ станетъ отъ народа особымъ поземельнымъ собственникомъ. Если продастъ крестьянину—этотъ крестьянинъ станетъ особымъ отъ крестьянства поземельнымъ собственникомъ. Хотя бы имя *дворянина* и было вычеркнуто изъ книги законовъ, одинакія права и цѣли новыхъ поземельныхъ собственниковъ свяжутъ ихъ въ особое сословіе, котораго выгода противоположна выгодѣ народной. Это новое особое землевладѣльческое сословіе устремится на разрушеніе мірской поземельной собственности, потому что вся его цѣль—скупить какъ можно больше земли въ свою частную собственность.

«Крестьяне мірской землею въ Великороссіи владѣютъ міромъ, производя передѣлы по числу тяголь. Крестьяне въ малороссійской Украинѣ и западныхъ губерніяхъ владѣютъ мірской землею въ раздѣлъ, подворно. Но ни тутъ, ни тамъ еще не въ обычаѣ и не въ законѣ продавать участки изъ мірской земли на сторону, такъ, чтобъ участокъ отъ села былъ совсѣмъ отрѣзанъ въ постороннюю частную, вѣчно-отдѣльную собственность. Новое полудворянское, различное, скупческое сословіе землесобственниковъ устремится уничтожить мірской обычай, мірскую межу и завладѣть землею, скупаемой у небогатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ, а ихъ самихъ возьметъ въ батраки.

«Такое сословіе и такое направленіе, Государь, смыслу русскаго народа противно. Будущность, которую оно готовитъ для народа, бѣдственна и для спокойствіе государства гибельна. Этого сословія, несмотря на равноправность по буквѣ закона, народъ не полюбитъ и не приметъ. Правительство Вашего Величества, состоящее изъ чиновниковъ, стремится водворить его. Это видно уже и изъ того, что, по «Положенію о крѣпостныхъ крестьянахъ», за помѣщиками не только въ барщинныхъ, но и въ оброчныхъ имѣньяхъ остаются особья отъ крестьянства земли. Это видно изъ того, что недарованіемъ дворовымъ людямъ даже и урѣзаннаго по «Положенію» крестьянскаго надѣла положено въ Россіи основаніе новому сословію батраковъ и бездомниковъ. Это видно изъ того, что министерство предлагаетъ Вашему Величеству продать государственнымъ

крестьянамъ за деньги ихъ мірскую землю, которою они владѣли *даромъ*, каждому особо, въ его частную собственность.

«Правительство Вашего Величества, состоящее изъ чиновниковъ, стремится создать особое отъ народа сословіе землевладѣльцевъ, которое бы скупило не только, такъ называемая, помѣщичьи, но и самыя мірскія и государственныя земли, и черезъ то положить основаніе коренному различію двухъ сословій: сословію землевладѣльцевъ-скупщиковъ и сословію крестьянъ-батраковъ. Много и много бѣды вырастетъ изъ различія и борьбы этихъ сословій, которыхъ не примиритъ никакая формальная, кажущаяся равноправность, какъ бы крупно ни была она записана въ книгу законовъ.

«Положивъ начало освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, Государь, вы сами признали, что предшественники ваши сдѣлали ошибку и несправедливость раздачею ихъ и ихъ земель въ помѣщичью крѣпость. Русскую землю, отъ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ имя русское живетъ въ памяти людской, народъ заселялъ даромъ и считалъ своею. Предшественники Вашего Величества, Годуновъ и Петръ первый и его преемники, роздали народную землю помѣщикамъ и отписали въ казну ошибочно и несправедливо. Вы, Государь, захотѣли исправить ошибку и несправедливость вашихъ предковъ, и ваше сердце скажетъ вамъ, что единственный способъ исправить прошедшее—отдать народу народную землю, какъ того требуютъ справедливость и самый смыслъ и складъ народный.

«Признавъ землю народною, Государь, вы уничтожите корень того сословнаго различія, которое не только Россію, но и всѣ другія государства ставитъ на край гибели. Останется только различіе движимаго имущества, измѣняющагося по способностямъ людей работать, производить и цриобрѣтать, но которое, при народной земельной собственности, не можетъ ни создать особаго сословія, ни отнять у небогатаго ту почву, на которой онъ ставитъ свой домъ и усадьбу и съ которой снимаетъ жатву для своего прокормленія.

«Признать землю народною иначе нельзя, какъ признать ее для народа *даровою*, за которую нечего платить выкупа, ни цриобрѣтать ее покупкой, и, кромѣ обычныхъ податей и повинностей на государственныя нужды, ничего нельзя съ народа требовать. Мірскія земли неотъемлемо принадлежать міру, а когда населеніе вырастетъ такъ густо, что неминуемо выселить выселокъ, то этотъ выселокъ имѣетъ право на даровое занятіе изъ незаселенной народной земли столькохъ десятинъ, сколько по числу душъ для выселка необходимо.

«Незаселенныя же народныя земли, праздно лежащія, могутъ быть отдаваемы въ наймы, по приговору выборныхъ народомъ лю-

дей, желающимъ на сроки, долгіе или краткіе, смотря по тому, далека или близка ихъ надобность для мірскаго засела, чтобы никогда не препятствовать выселкамъ селиться по народному праву на даровую землю. Наемная плата должна итти на пополненіе и на замѣнъ податей и повинностей—мѣстныхъ областныхъ и общихъ государственныхъ.

«Глубоко мы убѣждены, Государь, что все нами изложенное, съ народнымъ смысломъ и желаніемъ, съ народными понятіями и потребностями, со всѣмъ складомъ народнымъ согласно, и потому не сгоряча, а обдуманно и добросовѣстно, въ виду дѣйствительной, а не мнимой равноправности людей и ради общаго народнаго блага, мы, нижеподписавшіеся, отрекаемся не только отъ нашихъ сословныхъ, дворянскихъ правъ передъ закономъ, но отрекаемся и отъ той доли земли, которая намъ слѣдуетъ по положенію, и возвращаемъ ее въ міръ, которому она принадлежитъ; а себѣ предоставляемъ изъ общей мірскаго земли только тягольные пай, какіе причтутся намъ, по числу тяголъ въ нашихъ семьяхъ, и желаемъ оставаться въ крестьянствѣ, при тѣхъ деревняхъ, гдѣ мы, по ошибкѣ и несправедливости вашихъ предшественниковъ, Государь, числились помѣщиками.

«Но, ради примиренія враждебныхъ направленій, ради того, что дворянству трудно отказаться отъ вѣковой привычки жить въ довольствѣ, что и самое крестьянство совершенно понимаетъ и признаетъ, мы полагаемъ, что дворянству слѣдуетъ и крестьянству не будетъ обидно, дать бывшимъ помѣщикамъ денежное пособие или вознагражденіе. Такое вознагражденіе для народа можетъ быть безобиднымъ только въ томъ случаѣ, если оно будетъ выплачено изъ общихъ государственныхъ податей, отнюдь не превышающихъ душевой размѣръ настоящихъ податей съ государственныхъ крестьянъ. Бывшіе помѣщики сами легко поймутъ, что для нихъ гораздо выгоднѣе и безопаснѣе денежное вознагражденіе, чѣмъ сохраненіе отдѣльной поземельной собственности. Отдѣльную землю они за собой не сохранили бы, а продали бы ее, изъ нужды въ деньгахъ, скупщикамъ задешево и пришли бы въ безвыходное положеніе совершеннаго бездомничества и пролетаріата; между тѣмъ, какъ денежное вознагражденіе, не подвергая болѣе жизнь ихъ опасности изъ-за поземельнаго вопроса, дастъ имъ возможность спокойно приобрѣтать движимое богатство. Вознагражденіе могло бы быть уплачиваемо изъ государственныхъ податей, ежегодными взносами, которые и раздавались бы въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ бывшимъ дворянамъ по раскладкѣ, каждому, смотря по цѣнности утраченнаго, а на полученіе всей суммы за все число лѣтъ былъ бы каждому

выданъ по раскладочной оцѣнкѣ билетъ, на которомъ отмѣчать ежегодное получение, и было бы предоставлено право такіе билеты продавать, закладывать, уступать и вообще передавать кому бы то ни было, на основаніи обычныхъ долговыхъ обязательствъ. Такое вознагражденіе помогло бы дворянамъ завести или продолжать разнаго рода фабричныя и заводскія работы или нанимать для обработки народныя пустопорожнія земли. Наемъ этихъ земель, пополняя и замѣняя суммы, назначенныя для сбора въ подать, долею приведетъ къ тому, что дворянство само себѣ заплатитъ вознагражденіе и сниметъ съ народа долю податной тяги. Наемъ бывшими дворянами пустопорожнихъ народныхъ земель не можетъ составить особаго сословія землевладѣльцевъ, сколько потому, что онъ срочный, а не безсрочный, не вѣчный (что выходило бы то же, что частная собственность), столько и потому, что, кромѣ бывшихъ дворянъ, всякій имѣлъ бы право нанимать народныя пустопорожнія земли.

«Но вознагражденія отбывающихъ помѣщиковъ и правилъ для отдачи пустопорожнихъ земель въ наемъ частнымъ людямъ, не въ силахъ сообразить ни кончающееся дворянство, ни правительство Вашего Величества, состоящее изъ чиновниковъ. Ихъ сообразить и установить можетъ только земскій соборъ.

«Всѣ труды дворянства и всѣ труды чиновниковъ въ дѣлѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ доказали только ихъ безсиліе воздѣлать прочное общественное устройство. Просимъ васъ, Государь, и требуемъ: обратитесь къ народу, спросите людей, имъ избранныхъ, созовите земскій соборъ, на которомъ бы земля была признана народною собственностью, и было бы опредѣлено право владѣнія и право найма, и вознагражденіе дворянству за потерю, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ сословныхъ правъ и частной поземельной собственности,—земскій соборъ, на которомъ было бы обсуждено и постановлено все устройство, раздѣленіе, управленіе, судъ и весь надлежащій порядокъ государства.

«Государь! Это единственное средство спасти Россію отъ смуты и основать ея грядущее благосостояніе.

«Склоните слухъ вашъ на голось людей искреннихъ».

Этотъ текстъ былъ въ концѣ концовъ немного измѣненъ, отягощенъ въ Мангеймѣ и распространенъ по Россіи. Въ этомъ принимали участіе, между прочимъ, и нѣкоторые гейдельбержцы, какъ-то Веселитскій, Линевъ, Нагель и др. Первый изъ нихъ еще раньше ѣздилъ, по порученію Бакста, въ Лондонъ, «склонять составить адресъ болѣе умѣренный, который могъ бы соединить интересы всѣхъ партій», т.-е., вѣроятно, хлопоталъ о распространѣніи первой редакціи. Необходимо замѣтить, что основныя мысли

второй редакціи адреса явились повтореніемъ не только всѣхъ предыдущихъ статей Огарева, но и прокламацій его «Что нужно народу?» и др. Въ производящемся въ 1866 г. «дѣлѣ» по этому поводу авторомъ адреса не вѣрно называется Герценъ (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1866 г. № 3).

Изъ другого дѣла видно, что Лугининъ выѣхалъ за границу въ мартѣ 1862 г. и поселился въ Гейдельбергъ, гдѣ серьезно занимался химіею и металлургіею. Поѣхавъ на всемірную выставку, сблизился съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ, поддерживая съ ними по возвращеніи переписку; изъ письма Бакунина видно, что Лугинину было поручено въ ноябрѣ 1862 г. переслать письмо и посылку купеческому приказчику Фридендеру въ Бреславль, находившемуся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ польскими революціонерами. Въ концѣ февраля 1863 г. Лугининъ опять поѣхалъ въ Лондонъ, почти ежедневно бывалъ у Герцена и Огарева; «они были очень любезны съ нимъ и часто шептались при постороннихъ свидѣтеляхъ. Лугининъ рассказывалъ, между прочимъ, какимъ образомъ онъ со студ. Владиміровымъ выручили лѣтомъ 1862 г. изъ сумасшедшаго дома близъ Штутгарта дѣвицу Жерве, засаженную туда Аделунгомъ, будто бы, по проискажъ и желанію гр. Д. Н. Блудова». Переписка Герцена съ Гейдельбергомъ, вообще, шла черезъ Лугинина (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1865 г., дѣло № 180).

1935. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(Сентябрь—октябрь 1862).

Какой-то Боркгеймъ спрашивалъ меня рекомендацію Жуковскаго; я велѣлъ написать Сашѣ. Сегодня получилъ отъ него дерзкую записку, зачѣмъ писалъ не я. Такъ какъ дѣло о Жуковскомъ, я написалъ еще разъ, но, если вы знакомы съ этимъ боровомъ, то скажите ему, что въ мою жизнь еще ни разу я не испытывалъ, чтобъ вовсе незнакомый человѣкъ грубилъ безъ причины. Мой сынъ писалъ ему: «по порученію моего отца», — онъ же пишетъ всѣ англійскія письма. ¹

◆◆ 1. Въ 144 л. «Колокола» отъ 8 сентября Николай Васильевичъ Жуковскій помѣстилъ письмо къ издателямъ, въ которомъ сообщилъ, что пробрался до Лондона, бѣжавъ изъ Россіи, при помощи поляковъ, которыхъ и благодарилъ за оказанное содѣйствіе. Онъ бѣжалъ изъ СПб. сразу послѣ ареста Баллода, съ которымъ

жилъ на одной квартирѣ. При обыскѣ въ его комнатѣ найдено было письмо неизвѣстной къ кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой въ Москву, въ которомъ, рекомендуя Жуковскаго, писавшая просила вручить ему для пересылки въ Лондонъ деньги, собранныя въ пользу Бакунина.

Изъ писемъ братьевъ Жуковскаго видно, что они получали отъ него всякія нелегальныя изданія и прокламаціи; поэтому Василія и Владиміра приказано было арестовать и доставить въ III Отдѣленіе, Григорія же и Виктора—оставить въ покоѣ.

18 іюля 1862 г. уфимскій жандармъ такъ характеризовалъ братьевъ Жуковскихъ: «Недоучившіеся студенты Спб. (Григорій—Казанскаго) университета, за исключеніемъ Владиміра, окончившаго курсъ кандидатомъ и могущаго быть полезнымъ службѣ и обществу по своимъ способностямъ. Къ несчастію, всѣ они заражены въ послѣдней степени ученіемъ юной Россіи и въ настоящемъ видѣ суть лишь вредные члены и семейства и общества; всѣ они, люди пустые и фаты, хотя и не очень глупые, живутъ при старухѣ матери, не имѣющей другихъ средствъ къ жизни кромѣ 2000 руб. дохода съ золотыхъ прійсковъ; единственная сестра ихъ, женщина порядочная, въ замужествѣ за здѣшнимъ докторомъ Гурвичемъ, человѣкомъ солиднымъ и благонадежнымъ въ политическомъ здравомысліи».

4 августа Владиміръ и Василій были заключены въ Петропавловскую крѣпость за прикосновенность къ распространенію возмутительныхъ воззваній. Въ декабрѣ были освобождены: сначала Василій, а потомъ Владиміръ. Въ февралѣ 1863 г. Потаповъ предписалъ ковенскому жандарму арестовать ѣхавшаго въ Россію Мартьянова, Николая Жуковскаго и помѣщика Ковенской губ. Демонтовича.

21 февраля Николай Жуковскій отказался явиться въ наше лондонское консульство, прося письменно уведомить его о причинахъ такого вызова (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 58).

Свѣдѣнія изъ голицынской десятой главы «Исторіи соціально-революц. движенія въ Россіи»: «Жуковскій, Николай Васильевичъ, дворянинъ Оренбургской губерніи, губернской секретарь, братъ присяжнаго повѣреннаго. Воспитывался въ московскомъ университетѣ, потомъ (1857) состоялъ на службѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ при князѣ М. А. Оболенскомъ, исполняя его порученія по архиву, въ качествѣ секретаря. Въ 1862 г. былъ привлеченъ (вмѣстѣ съ двумя братьями—Владиміромъ, судебнымъ слѣдователемъ г. Уфы, и Василіемъ—неслужащимъ дворяни-

номъ) къ дознанію о печатаніи возмутительныхъ сочиненій студентомъ Баллодомъ, но во время производства слѣдствія скрылся за границу. Въ № 144 «Колокола» за 1862 годъ помѣстилъ онъ объявленіе о своемъ бѣгствѣ изъ Россіи. Живя въ Женевѣ, принималъ участіе въ изданіи газеты «Работникъ». Въ 1874 г. былъ вызываемъ правительствомъ въ Россію, но на вызовъ не явился, вслѣдствіе чего, согласно выс. утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, за ослушаніе противъ правительства, состоявшее въ невозвращеніи изъ-за границы, несмотря на сдѣланный ему лично вызовъ, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ изгнанію навсегда изъ предѣловъ государства. Въ Швейцаріи Жуковскій дѣятельно участвовалъ во всѣхъ затѣяхъ эмигрантовъ. Въ 1870 году состоялъ секретаремъ при эмигранткѣ и нигилисткѣ княжнѣ Зоѣ Оболенской; 7-го мая 1870 г. онъ участвовалъ въ Женевѣ въ собраніи эмигрантовъ, состоявшемся по приглашенію 12-ти цюрихскихъ студентовъ, для составленія протеста швейцарскому правительству въ томъ смыслѣ, что политическіе преступники не подлежатъ выдачѣ, и что русское правительство, въ свою пользу, можетъ только клеветать на эмигрантовъ, не имѣя на то доказательствъ. На сходкѣ присутствовали, кромѣ Жуковскаго съ женой, бывшая жена Огарева, Озеровъ, Элпидинъ, Гулевичъ, Мечниковъ, Огаревъ, Лопатинъ, эмигрантъ Романовъ (изъ Казани), Семень Серебренниковъ, эмигрантъ Жемановъ (бывшій студентъ казанскаго университета) и Нечаевъ. Въ петиціи указано, для примѣра, преслѣдованіе Нечаева, какъ уголовного преступника, и заявлено, что, если онъ будетъ схваченъ въ Швейцаріи, то чтобъ его судили на мѣстѣ, а никакъ не отдавали бы въ руки русскаго правительства. Сношенія Жуковскаго съ Нечаевымъ и Бакунинымъ были весьма близки; въ апрѣлѣ 1870 г., они даже проживали вмѣстѣ въ Женевѣ. Въ 1871 г., 8 декабря, Жуковскій участвовалъ въ общемъ засѣданіи цюрихскаго Славянскаго отдѣла Интернаціонала и сообщилъ присутствующимъ, будто въ гор. Одессѣ, Калугѣ и Житомирѣ образовались уже русскіе отдѣлы Интернаціонала.

«Въ ноябрѣ 1871 г. Жуковскій удостоился быть представителемъ французскихъ и иностранныхъ эмигрантовъ на конгрессѣ Юрской секціи, въ гор. Сонвилье (Sonvillier въ Jura Bernois). Въ годовщину смерти парижскаго коммунара Домбровскаго, 2 іюня 1872 года, Жуковскій (вмѣстѣ съ Ралли, Нечаевымъ, Смирновымъ и Лавровою) говорилъ восторженную рѣчь на поминальномъ торжествѣ, среди поляковъ. Въ 1873 г. онъ вошелъ въ составъ комитета бакунинскаго Интернаціонала и затѣмъ переѣхалъ въ Лозанну вмѣстѣ съ женою, которая, въ іюнѣ 1871 г., ѣздила въ Россію. Въ сен-

тябрь 1873 г. у него въ Женевѣ останавливался таинственный московскій делегатъ (подъ псевдонимомъ Соколовскій), ¹прибывшій на большой конгрессъ Интернаціонала въ Женеву».

1936. (Изъ Варшавы).

Съ чувствомъ глубокаго сознанія нашего братства торопимся мы передать нашимъ соотечественникамъ этотъ документъ (досто- вѣрность котораго несомнѣнна), только-что полученный нами изъ Варшавы. Въ слѣдующемъ листѣ мы будемъ говорить о немъ. Те- перь скажемъ только отъ всей полноты сердца: тотъ русскій, ко- торый и на этихъ основаніяхъ не подастъ руки дружбы полякамъ, тотъ не любитъ свободы! ¹

◆◆ 1. Эта замѣтка была помѣщена послѣ слѣдующаго доку- мента, полученнаго Герценомъ на русскомъ языкѣ:

*Отъ Центральною Народною Польскою комитета въ Варшавѣ
и. издателямъ «Колокола» ¹).*

«Милостивые государи,

«Характеръ настоящаго польскаго движенія не всѣми рус- скими понимается въ настоящемъ видѣ. Всѣ сзѣдѣнія о немъ по- лучаются въ Россіи изъ официальныхъ объявленій, изъ нѣмецкихъ газетъ, часто подкупныхъ, почти всегда враждебныхъ, и изъ нѣко- торыхъ журналовъ французскихъ, мало знакомыхъ съ нашими дѣлами. Въ силу этого, многіе изъ русскихъ остаются при старыхъ понятіяхъ возстанія шляхетской Польши, стремящейся одной силою возстановить свои историческія границы.

«Все это не такъ.

«Союзъ поляковъ съ русскими на дѣло общаго освобожденія представляетъ такую очевидную пользу для обѣихъ сторонъ, что мы рѣшаемся черезъ васъ объяснить вашимъ друзьямъ основы но- ваго польскаго движенія.

«Основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, со- вершенно признаетъ *право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбою.*

¹) Названіе переведено было писавшими не точно: «Komitet Centralny Narodowy»—Народный Центральный Комитетъ; это была революціонная орга- низація красныхъ; аналогичный органъ «бѣлыхъ» былъ «Дугексуа» (Дирекція).

«Цѣль этого письма дать вамъ возможность утвердительно сказать, что вамъ извѣстны наши понятія объ этихъ краеугольныхъ вопросахъ народнаго дѣла нашего.

«Крестьянскій вопросъ у насъ рѣшенъ уже всею Польшей, безъ различія политическихъ партій; всѣ согласны, что крестьянамъ слѣдуетъ отдать ихъ поземельный надѣлъ на основаніи выкупа. Общее согласіе на этотъ счетъ дало намъ, стоящимъ во главѣ движенія, возможность выразить въ нашей политической программѣ, что народная организція въ первую минуту возстанія надѣлится сельскихъ обывателей землей, нынѣ ими обрабатываемой, а Народное Правительство возьметъ на себя вознагражденіе помѣщиковъ изъ общихъ государственныхъ суммъ. Далѣе сказано въ программѣ, что народная организція стремится уничтожить всякаго рода сословныя права и доставить обиженнымъ доселѣ классамъ польскаго общества возможность стать на одинъ политическій уровень съ доселѣ привилегированными сословіями, дабы въ новомъ польскомъ обществѣ былъ *одинъ народъ* изъ вольныхъ и равныхъ гражданъ.

«Вы видите, что основныя идеи польскаго движенія чисто народныя, что въ нихъ нѣтъ ни тѣни шляхетскаго консерватизма, что онѣ стремятся къ уничтоженію сословныхъ различій и къ обезпеченію крестьянъ землею.

«Разница, существующая относительно крестьянскаго дѣла между нами и вами, происходитъ отъ различія общественныхъ началъ и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся. Русское движеніе *земское*, наше *національное*. Въ Россіи социальное движеніе разовьетъ политическую свободу; у насъ реорганизція общества можетъ быть только послѣдствіемъ освобожденія и возстановленія нашего края.

«Вотъ основанія, на которыхъ мы надѣемся, что ваши друзья пойдутъ съ нами рука объ руку,—пойдутъ такъ, какъ шли тѣ русскіе воины, которые запечатлѣли мученической кровью своей правоту нашего дѣла и освятили ею союзъ нашъ съ ними, во имя нашего освобожденія и русскаго земскаго дѣла.

«Переходимъ ко второму вопросу. Вы и въ немъ увидите, что нѣтъ предполагаемой разницы въ воззрѣніи на право свободныхъ народовъ располагать своей судьбой.

«Мы были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали, не могли и не можемъ признавать. Поэтому мы не признаемъ ни новыхъ границъ, ни *правительствъ*, основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ Польши *раздѣленной*, для насъ Польша единая, та, которая

состоить въ соединеніи *Польшы, Литвы и русиновъ*, безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ.

! «Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польшы въ прежнихъ ея границахъ, *оставляя народамъ, въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ, полную свободу остаться въ союзъ съ Польшею или распорядиться собою согласно ихъ собственной волѣ*. Въ настоящихъ же нашихъ приуготовительныхъ дѣйствіяхъ мы почитаемъ нашу святѣйшею обязанностью употребить всѣ усилія для того, чтобы Литва и Украина шли параллельно съ Польшею, и чтобы народное возстаніе одновременно охватило всѣ части угнетенной родины нашей.

«Высказавъ нашъ образъ мыслей въ нашей программѣ, мы высказываемъ его и теперь откровенно, искренно, безъ всякой задней мысли и повторяемъ, что мы даемъ полное удостовѣреніе въ нашемъ уваженіи къ полноправности народовъ, соединенныхъ съ Польшею и страдавшихъ вмѣстѣ съ нею. Требовать отъ насъ, чтобы мы, находясь подъ гнетомъ нашихъ враговъ, не имѣя свободы и возможности распорядиться собою, отреклись отъ союза, который существуетъ и въ настоящее время, несмотря на раздѣлы; требовать отъ насъ, чтобы мы, на основаніи правъ, которыя мы признаемъ у другихъ народовъ, не стремились къ возстановленію Польшы въ прежнихъ границахъ, значить, требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ.

«Изложивъ вамъ, какъ представителямъ свободной русской мысли, начала, на которыхъ мы призываемъ нашу родину къ великой борьбѣ, мы увѣрены, что братскій союзъ между русскими и поляками, на нашей польской землѣ, дастъ равно новую силу обоимъ на исполненіе тѣхъ судебъ, къ которымъ стремятся о. вобождающіеся народы.

«Примите, Милостивые Государи, увѣреніе въ нашемъ глубокомъ уваженіи къ трудамъ вашимъ и истинномъ сочувствіи къ усилямъ вашимъ.

Варшава, 20 (8) сентября 1862 года».

Это «письмо» доставлено было Герцену въ послѣднихъ числахъ сентября тремя членами Центрального Комитета: Падлевскимъ, Гиллеромъ и Влодзиме, жемъ Миловичемъ; по-французски оно напечатано въ № 2 «La Cloche» и въ № 7 «Kolokol».

1937. [О подмогахъ].

И *Третій* разъ спрашиваемъ мы, отчего же правительство молчитъ о послѣдствіяхъ, открытыхъ по дѣлу зажигательствъ въ Петербургѣ? Что же оно не обнаружитъ адскіе ковы сатанинскихъ участниковъ?

1938. Праздникъ тысячелѣтія.

Недѣльность праздника въ Новѣгородѣ превзошла всѣ ожиданія самыхъ свирѣпыхъ поклонниковъ земскаго царя. Какая пошлость и пустота, какая упорность и формализмъ, какая неловкость и неспособность во всемъ, отъ объявленія рекрутскаго несчастія именно въ тотъ день, когда ждали добрыхъ вѣстей, до загвоздки новгородскимъ крестьянамъ, чтобы и впредь не надѣялись на дѣйствительное освобожденіе!.. Нѣтъ, господа Зимняго дворца, на васъ нѣтъ современнаго помазанія, вы ничего не умѣете, въ какой бы формѣ вы ни являлись—Собакевичей или Маниловыхъ, ни даже устроить праздника. Проза, жалкая проза петровскаго времени, въ которой остался тяжелый нѣмецкій слогъ, а мысль отлетѣла! Авось либо, одураченная Русь пойметъ этотъ урокъ и—спасибо Валуеву: онъ одинъ поднялъ голосъ; чтобы, въ свою очередь, одурачить глупое тысячелѣтіе, онъ разослалъ по журналамъ слѣдующую злую насмѣшку:

«*Шестидесятильтіе министерства внутреннихъ дѣлъ.* Въ день открытія памятника тысячелѣтію Россіи, 8 сентября, исполнилось шестидесятильтіе министерства внутреннихъ дѣлъ» («С. П.» 10 сентября).

Такъ какъ мы не беремся выдумать ничего глупѣе и смѣшнѣе, то на этомъ и остановимся.

1939. Нѣмцы не были.

Намъ живутъ изъ Гейдельберга, что въ путятинскій день въ концертѣ («Кол.» 145) не участвовалъ ни одинъ нѣмецъ... То-то намъ казалось, что-то мудрено... «*Katzenmusik einem tapferen Generalen, einem Veteranen, der in Japan gewesen, zu bringen, ihn zu kjonniren—wäre doch etwas zu Schubiak!*» ¹⁾.

¹⁾ Устроить кошачій концертъ храброму генералу, побывавшему въ Японіи, доставить ему неприятность—было бы, все-таки, слишкомъ некрасиво.

1940. [„Наше Время“].

Мы просили нашихъ знакомыхъ прислать намъ тѣ ММ «Нашего Времени», въ которыхъ была статья объ издателѣ «Колокола». Никто не исполнилъ нашей просьбы, а, между тѣмъ, массивноновская ¹⁾ поучительная статья «Сѣв. Пчелы» отъ 28 августа ²⁾ еще больше возбудила интересъ. Намъ остается послѣднее средство (неужели и оно обманетъ, какъ четвертая карта?): мы просимъ Николая Филиповича ³⁾ намъ прислать эти ММ и общаемъ ему выслать стоимость ихъ деньгами, «Колоколами» или картами (географическими) ⁴⁾.

1941. Общій фондъ.

Получено послѣ 15 сентября: 11 фунтовъ 5 шилл., 5 франц полушил., 1 ф. 5 шилл.

1942. „La Cloche“.

Вышелъ первый листъ «Колокола» на французскомъ языкѣ. Изданіе это, совершенно независимое отъ русскаго, дѣлается въ Брюсселѣ. На Западѣ Россію не знаютъ, несмотря на то, что послѣ Крымской войны было довольно писано. Новый органъ, состоящій изъ переводныхъ статей съ русскаго, и притомъ изъ статей, не прошедшихъ *либеральной* цензуры Головнина, безъ сомнѣнія, будетъ полезенъ.

«La Cloche» будетъ выходить въ мѣсяць разъ. Сначала издатели намѣрены, въ видѣ введенія, помѣстить нѣсколько статей разныхъ годовъ, потомъ переводить наиболѣе замѣчательныя статьи изъ послѣднихъ листовъ. ¹⁾

◆◆ 1. Въ январѣ 1863 г. кн. П. В. Долгоруковъ писалъ въ своемъ «Листкѣ»: «Въ Брюсселѣ выходитъ съ сентября мѣсяца французскій переводъ «Колокола» — «La Cloche». Впрочемъ, издатели «Колокола» не принимаютъ никакого участія ни въ переводѣ, ни

¹⁾ Массивнонь—знаменитый французскій проповѣдникъ.

²⁾ Приведенная уже мною статья изъ № 232.

³⁾ Т.-е. Павлова.

⁴⁾ Намекъ на картежничество Павлова.

въ изданіи «La Cloche», коей издатель и переводчики именъ своихъ доселѣ не объявляли. Нѣкоторые лица пишутъ ко мнѣ, будучи къ издателю «La Cloche», и упрекають за нелѣпую безграмотность перевода, въ коемъ, правда, многія мѣста искажены до извращенія смысла, а другія—до возбужденія хохота въ читателейъ. «Крейц-*Zeitung*», этотъ достойный органъ стародуровъ и паяцовъ, берлинскихъ и петербургскихъ, никогда не упускающій случая солгать, объявилъ, что «La Cloche» издается Л. Блюммеромъ. Поэтому объявляю, что ни Л. П. Блюммеръ, ни я, Долгоруковъ, ни въ изданіи, ни въ переводѣ «La Cloche» ровно никакого участія не принимаемъ, и оба искренно сожалѣемъ, что «Колоколь», который мы и любимъ, и цѣнимъ, переводится столь безграмотно, и что «La Cloche» издается столь безтолково» («Листокъ» № 5).

1943. Центральному Польскому Комитету въ Варшавѣ.

Милостивые Государи.

Письмо Ваше къ намъ, помѣщенное въ прошломъ листѣ «Колокола», отмѣчаетъ новую эпоху въ великой эпопеѣ польской борьбы за независимость. Начала, на которыхъ Вы призываете народъ польскій къ возстанію, такъ широки и современны, такъ ясно высказаны Вами, что мы не сомнѣваемся въ глубокомъ дѣятельномъ сочувствіи, которое возбуждаютъ ваши слова во всѣхъ русскихъ, желающихъ свергнуть съ себя устарѣлое и оскорбительное иго правительственной опеки.

Что касается до насъ, намъ легко съ Вами идти; Вы идете отъ признанія правъ крестьянъ *на землю, обрабатываемую ими*; Вы признаете право всякаго народа *располагать своей судьбою*.

Это—наши основы, это наши догматы, наши знамена.

Съ радостью передали мы ваши слова нашимъ соотечественникамъ, и, благодаря Васъ отъ всего сердца за то, что Вы избрали насъ посредниками вашего сближенія съ русскими, мы не можемъ ничѣмъ достойнѣе отъбчать Вамъ, какъ печатая прилагаемое письмо къ русскимъ офицерамъ, стоящимъ въ Польшѣ. Письмо это—отвѣтъ; мы медлили цѣлые мѣсяцы, и очень рады, что медлили—Вы дали намъ «возможность утвердительно сказать, что намъ извѣстны ваши понятія о краѣугольныхъ началахъ народнаго дѣла вашего».

Во имя ихъ да воздвигнется Польша, независимая, искушенная въ несчастіяхъ, окрѣпнувшая въ бою, да воздвигнется она *безсословная, отбросивъ средневѣковые доспѣхи, безъ кольчугъ и*

аристократическаго щита; пусть она явится славянскимъ поюнѣвшимъ атлетомъ, подающимъ одну руку бѣдному хлопцу, а другую—равноправному сосѣду.

Во имя ихъ примите и нашу дружескую руку, слабую силами, но неизмѣнную въ убѣжденіяхъ; мы ее подаемъ Вамъ, *какъ русскіе*, мы любимъ народъ нашъ, мы вѣруемъ въ него и его будущность, и именно потому подаемъ Вамъ ее *на дѣло справедливости и свободы!*

10 октября 1862 г.

Издатели «Колокола»¹⁾

◆◆ 1. Герценъ самъ разсказалъ о нѣкоторыхъ деталяхъ своихъ переговоровъ съ пріѣхавшими въ Лондонъ тремя членами Народнаго Центральнаго Комитета (см. гл. XIII ч. VI «Былого и думъ»), добавлю кое-что.

1 октября 1862 г. Бакунинъ писалъ Герцену:

«Супъ-то я приду ѣсть и Жюля (поваръ Герцена—*М. Л.*) разсужу по всей справедливости,—а хотѣлось бы знать, что вы рѣшили насчетъ довѣрительнаго письма Падлевскому. Ты сказалъ мнѣ вчера что всякій день можно найти случай въ Парижѣ (туда уѣхали члены Комитета, чтобы не обращаться на себя вниманія въ Лондонѣ—*М. Л.*). Вѣдь, это только такъ говорится, а на дѣлѣ это выходитъ не такъ. Они будутъ жить въ Парижѣ только въ ожиданіи нашего письма, а *ихъ заставляютъ ждать невозможно*. Падлевскаго можно бы было наказать за непростительную вѣтренность¹⁾—но, вѣдь, онъ сѣштитъ не для своего удовольствія, а потому медлить мы не имѣемъ права. О посылкѣ письма по почтѣ въ Парижъ и думать нельзя. Остается средство, предложенное мною вчера, а именно—отправить его по почтѣ въ Гейдельбергъ, по тому невинному адресу, который онъ мнѣ далъ отъѣзжая,—а ихъ увѣдомить, что они найдутъ письмо въ Гейдельбергѣ, куда Падлевскій въ сопровожденіи Милов. и безъ того хотѣлъ заѣхать... Или вы усомнились въ пользѣ самого письма, а, можетъ быть, и союза?—«Въ такомъ случаѣ желалъ бы васъ видѣть сегодня».

На другой день Бакунинъ писалъ: «Любезный Герценъ. Ты рѣшительно одаренъ способностью не понимать ни моихъ мыслей, ни моихъ словъ. Въ полезности и въ необходимости союза съ поляками я не сомнѣвался никогда. Въ этомъ ты самъ будешь мнѣ свидѣтелемъ. Если-жъ я сомнѣвался, то единственно только въ вашей вѣрѣ въ него, и, если ты нашелъ вчера на челѣ моёмъ тучи, то не мартьяновскія; а навѣянные опасеніемъ, что вы въ послѣднюю минуту опять усомнитесь. Я ошибся, тѣмъ лучше. Что-жъ касается до разногласія Мартьянова въ этомъ дѣлѣ, оно

¹⁾ ѣхалъ въ С.Пб.

меня за него огорчаетъ, въ отношеніи же къ самому дѣлу несколько не трогаетъ, потому что я давно былъ непоколебимо увѣренъ и въ его необходимости и въ его святой справедливости... Падлевскому напишу, какъ приказываете».

3 октября Бакунинъ писалъ:

«Герценъ, я рѣшительно не того мнѣнія, чтобъ можно было отвѣтить на письмо варшавскаго Комитета письмомъ къ офицерамъ. По моему крѣпкому убѣжденію, мы должны отвѣтить на документъ документомъ, т.-е. письмомъ къ комитету, съ краткимъ изложеніемъ нашихъ началъ и надеждъ въ отношеніи къ Россіи, къ Малороссіи и къ Польшѣ, и скрѣпленнымъ нашими *тремя именами* ¹⁾). Мнѣ кажется, это требуютъ и справедливость и наше достоинство. Мы беремъ на себя *практическую* отвѣтственность въ союзѣ съ поляками, такъ прятаться отъ нея нечего. Иначе скромность покажется трусостью и нежеланіемъ компрометировать себя. Письмо, мнѣ кажется, должно быть коротко, какъ письмо поляковъ, и должно въ немногихъ словахъ высказать нашу *политическую программу*. Въ томъ же номерѣ можемъ тогда помѣстить письмо къ офицерамъ, которое будетъ комментариемъ къ первому.

«Меня вчера поразила *охота*, съ которою ты согласился съ журналомъ Мѣрославскаго («*Wacność*»—*М. Л.*) въ томъ, что «Колоколь» имѣлъ чисто отвлеченно-разрушительное направленіе, безъ всякаго плана для будущаго, безъ всякой практической цѣли.—Во-первыхъ, это несправедливо: «Колоколь» давно проповѣдуетъ общинное земское начало, избирательное самоуправленіе общинное и областное и, наконецъ, федерацію русскихъ областей. Начало и цѣль ясныя, опредѣленныя, практическія, вполне достаточныя, чтобы удовлетворить самымъ строгимъ практическимъ требованіямъ,—и дай богъ, чтобы поляки могли бы намъ указать у себя программу, которая практичностью своею могла бы сравниться съ нашею.— Ну, а если-бъ Мѣрославскій былъ правъ?—Вѣдь, это было бы непростительно плохо, Герценъ.—Опять повторяю, скромность называется трусостью, если ты теперь не рѣшишься на болѣе *откровенное* практическое дѣйствіе. Нареканіе въ самозваннической самонадѣянности, все-таки, за тобою останется—на это завистники и враги—но чести смѣлаго и открытаго дѣла не будетъ.—Ты создалъ силу, огромную силу,—и этой чести у тебя никто не отниметъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, что ты изъ нея сдѣлаешь?—Россія требуетъ теперь пракческаго руководства къ практической цѣли. Дастъ его «Колоколь» или нѣтъ? Если нѣтъ, то черезъ годъ, можетъ

¹⁾ Помѣтка Огарова: «На это я рѣшительно не согласенъ».

быть, и черезъ полгода онъ потеряетъ и смыслъ, и вліяніе, и вся сила, созданная тобою, рухнетъ передъ первымъ смѣлымъ, само-надѣяннымъ мальчикомъ, который, за неспособностью думать, какъ ты, будетъ *смытть* лучше, чѣмъ ты. Подымай знамя на дѣло, Герценъ, подымай его со всею свойственною тебѣ осторожностью, со всѣмъ возможнымъ благоразуміемъ, тактомъ, но подымай его смѣло.—А мы пойдѣмъ за тобою и дружно будемъ работать съ тобою.

«Когда увидимся? Отвѣчай» («Письма», 83—86).

Разсказанное Огаревой («Воспоминанія», 202, 316—317) не даетъ ничего новаго сравнительно съ разсказомъ самого Герцена.

Въ извѣстной работѣ Пшиборовскаго разсказано, что Гиллеръ побѣхалъ къ Герцену, встрѣтился въ Парижѣ съ Надлевскимъ и вмѣстѣ съ нимъ явился въ Лондонъ. Онъ везъ письмо Центрального комитета къ Герцену, вѣроятно, имъ самимъ составленное. Вопросъ о Литвѣ и Руси былъ разрѣшенъ соотвѣтственно мыслямъ русскихъ революціонеровъ вполне сознательно, чтобы заручиться ихъ поддержкой. Письмо хотѣлось напечатать, чтобы сдѣлать извѣстными не только существованіе комитета, но и его программу. Герценъ опубликовалъ письмо и свой отвѣтъ, и это—все, что онъ сдѣлалъ, и посланные комитетомъ вернулись въ Варшаву съ серьезнымъ сомнѣніемъ въ душѣ, можетъ ли польское возстаніе ожидать какой-нибудь помощи отъ русскихъ революціонеровъ, несмотря на увѣренія, что революціонная организація въ Россіи сильна и ихъ поддержитъ. Особенно сомнѣвался Гиллеръ. Падлевскій тоже не особенно довѣрялся, но не былъ убѣжденъ, какъ его товарищъ, допуская, что въ послѣднее время положеніе въ Россіи измѣнилось (Z. L. S. «*Historya dwóch lat*», t. V, 277—281). Важно отмѣтить совершенно невѣрное указаніе на «увѣренія» Герцена въ силѣ и поддержкѣ русской революціонной организаціи; въ «Быломъ и думахъ» дѣло изложено совсѣмъ иначе.

Въ показаніи участника польскаго возстанія Р. Рогинскаго находимъ: «Въ концѣ сентября 1862 г. Бакунинъ, Герценъ и Огаревъ дали письменное полномочіе Падлевскому для дѣйствія и другое письмо ихъ же въ Комитетъ, коимъ поручалось устроить комитетъ изъ русскихъ офицеровъ въ Варшавѣ, Житомирѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и Гродно и въ коемъ упоминалось о соединеніи русскаго комитета съ польскимъ, потому что комитетъ русскій изъ офицеровъ уже существовалъ въ Варшавѣ». «Осенью 1862 г. пріѣхалъ изъ Лондона Мотеня, привезъ воззваніе отъ комитета русскихъ офицеровъ къ офицерамъ штабнымъ, артиллеріи, инженеровъ, кавалеріи и пѣхоты и т. д., въ которомъ, сколько помню, было написано: «товарищи,

правительство распоряжается польскихъ городахъ такъ, что народъ долженъ потерять всякое терпѣніе и возстать, не рассчитывая, будетъ ли удачно или нѣтъ». Къ этому воззванію была приложена печать съ подписью кругомъ: «военный русскій комитетъ въ Варшавѣ», а посреди печати, гдѣ изображены были двѣ руки, надпись: «Земля и Воля». Я получилъ отъ С. Падлевскаго пять экземпляровъ этого воззванія для раздачи уѣзднымъ повѣтовымъ. Мнѣ говорили, что много этихъ воззваній послано было въ Россію, въ Петербургъ. Но гдѣ этотъ комитетъ имѣлъ засѣданія и кто къ оному принадлежалъ, того не знаю» (Росс. Публичн. бібліотека, «Матеріалы по польскому возстанію», тетр. IX, стр. 228, 231).

Даты Рогинскаго невѣрна, невѣрно и указаніе на содержаніе врученныхъ Падлевскому документовъ, равно какъ и на «Землю и Волю» осенью 1862 г. Вообще, къ этому показанію надо отнестись съ большой критикой.

Сумбурностью (особенно хронологической) отличаются также и свидѣтельства Кельсиева въ «Исповѣди»; поэтому цитирую ее не въ порядкѣ изложенія польскихъ отношеній Герцена и не полностью.

«На «Колоколь» поляки смотрѣли, какъ на правительственный органъ, издаваемый съ цѣлью показать Европѣ, что и у насъ есть либералы, что мы не совсѣмъ-таки варвары, а, главное, чтобы поддѣть на это поляковъ, помирить ихъ съ нами на либерализмъ, чтобы потомъ заставить забыть ихъ свою polskosć. Казалось имъ тоже, что либералы русскіе заманиваютъ ихъ въ общее возстаніе для того, чтобы «русская республика» подавила бы только что освобождающуюся Польшу. Вообще, поляки и за ними французы и tutti quanti убѣждены, что всѣ наши реформы только для того и совершаются, чтобы задобрить общественное мнѣніе Европы, привлечь этимъ къ себѣ Западъ, а затѣмъ прийти и tout bonnement ¹⁾ завоевать его... Взглядъ Герцена на польскій вопросъ былъ ясно высказанъ въ первыхъ нумерахъ «Колокола» и возбудилъ сильное негодованіе въ польской печати. Поляки никакъ не могли помириться съ мыслью, что союзъ съ свободной Россіей будетъ для нихъ благодѣтеленъ, что дѣло состоитъ не въ историческомъ правѣ, а въ экономическомъ бытѣ обществъ, что все равно, гдѣ ни будетъ центръ государства, въ Москвѣ или въ Варшавѣ. Также враждебно относились они къ князю Долгорукову и къ Бакунину за его «Хлопскую Польшу»—и рѣдко, очень рѣдко, кто изъ поляковъ проѣзжихъ или изъ эмигрантовъ заглядывалъ къ намъ. Мы были совершенно чужды другъ другу и, я думаю, издатели «Колокола» и теперь (1867 г.)

¹⁾ Не говоря худого слова.

должны быть чужды полякамъ—по крайней мѣрѣ, польскіе журналы очень враждебно къ нимъ относятся».

«Польская эмиграція начала дѣлать попытки къ сближенію съ нами. Первымъ явился полковникъ Сигизмундъ Юрданъ, краковскій уроженецъ, выходецъ съ 1846 года, участвовавшій въ Венгерской и Крымской кампаніи, братъ агента Чарторижскихъ въ Царьградѣ, Владислава. Сигизмундъ Юрданъ имѣлъ большія связи при разныхъ дворахъ, особенно при стокгольмскомъ, гдѣ онъ въ послѣдствіи дѣлалъ демонстраціи противъ Россіи, и пріѣхалъ къ намъ разузнать наши взгляды и, если возможно, сойтись съ нами. Герценъ и Огаревъ изложили ему свою систему; онъ возразилъ на нее только то, что для приведенія ея въ исполненіе надо прежде всего справиться съ правительствомъ, что поляки потому и не предпринимаютъ никакихъ внутреннихъ преобразованій, что лишены возможности совершить ихъ такъ широко, какъ бы хотѣлось. А изъ этого выходило, что, будь Польша возстановлена, она мигомъ бы приложила къ практикѣ всѣ новѣйшія теоріи и сдѣлалась разсадникомъ всѣхъ идей и свободъ для человѣчества; короче, онъ говорилъ то самое, что можно услышать отъ каждаго серба, чеха, венгерца, шюкуда они добиваются политической самостоятельности, и чего никогда не видно у народовъ, недавно добившихся ея,—у румыновъ или грековъ съ тѣми же сербами. Говорилъ онъ ловко, толково, судилъ о современныхъ вопросахъ безъ всякихъ предубѣжденій и, намекнувъ, что польское дѣло и наше дѣло—дѣло общее, уѣхалъ куда-то, оставивъ въ насъ очень выгодное впечатлѣніе. За Юрданомъ другіе стали являться: Браницкій съ Хоецкимъ, Падлевскій, наконецъ, Владиславъ Чарторижскій. Болѣе всего интересовало ихъ знать, готовы ли мы на революцію, сильна ли наша партія и какъ мы смотримъ на польскій вопросъ,—мы ничего не скрывали, потому что и скрывать было нечего. Вѣсти изъ Россіи, доходившія до насъ, были вообще тревожныя».

1944. Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ.

Друзья и братья!

Долго не отвѣчали мы вамъ на два письма ваши. Трудень былъ вашъ вопросъ,—многое останавливало нашъ отвѣтъ; но время шло, обстоятельства росли, гроза становилась ближе и медлить нельзя было больше. Удаленные отъ мѣста дѣйствій, недѣлящіе вашей опасности, мы долго отказывались отъ печальной роли заграничныхъ совѣтниковъ. Но всѣ личныя неудобства должны замол-

кнутъ передъ общимъ дѣломъ, передъ опасностью ошибки съ вашей стороны. Не высказать нашего мнѣнія при теперешнихъ обстоятельствахъ было бы слабостью, почти предательствомъ. Наша любовь къ родинѣ, наша религиозная преданность ея благу, наша искренность въ томъ, что мы говоримъ, заслужили намъ вашъ повторенный вопросъ; мы благодарили васъ и были готовы отвѣчать съ чистой совѣстью, со страхомъ истины и съ благочестіемъ къ судьбѣ вашей на вашъ вопросъ: *что должно дѣлать русскимъ офицерамъ, находящимся въ Польшѣ, въ случаѣ польскаго возстанія?*

Общій отвѣтъ простъ — итти подъ судъ, въ арестантскія роты, быть разстрѣляннымъ, какъ Сливицкій, Арнольдтъ и Ростовскій, быть поднятымъ на штыки, какъ вамъ грозилъ вашъ дикій кондотьеръ Хрулевъ, *но не подымать оружія противъ поляковъ*, противъ людей, отыскивающихъ совершенно справедливо свою независимость.

Поддерживать силою оружія правительство, составляющее польское и наше несчастье, вамъ невозможно, не совершивъ сознательно преступленія или не унижившись до степени безсознательныхъ падачей. Время слѣпого повиновенія миновало. Дисциплина не обязательна тамъ, гдѣ она зоветъ на злодѣйство; не вѣрьте этой религіи рабства, — на ней основаны величайшія бѣдствія народовъ. Не подымать оружія противъ поляковъ заставляють васъ совѣсть, уваженіе къ правотѣ ихъ дѣла, къ достоинству человѣка и, наконецъ, уваженіе къ нашему русскому земскому дѣлу.

Нельзя начинать эру свободы въ своей родинѣ, затягивая веревку на шеѣ сосѣда; нельзя себѣ требовать правъ и тѣснить во имя матеріальной силы и политическихъ фантазій другой народъ. На этихъ властолюбивыхъ притязаніяхъ, на развитіи грубыхъ страстей стяжанія и захватыванія держались и держатся уродства военныхъ, монархій, заслоняющихъ мнимымъ величіемъ и побѣдоносными знаменами внутреннее неустройство и безвыходное рабство подданныхъ.

Клянитесь, хотѣли мы вамъ сказать, не подымать оружія противъ поляковъ, — и чувствовали, что отвѣтъ нашъ *не полонъ*, чувствовали, что это — отвѣтъ *отрицательный*, что онъ только говоритъ, чего вамъ не дѣлать, а надобно подумать о томъ, *что дѣлать*, даже для того, чтобы вы не были въ необходимости погибнуть жертвами искупленія. Мученичество свято и прекрасно, когда оно необходимо. Каждая капля крови вашей дорога русскому народу; передъ нимъ вы будете отвѣчать не только за себя, но за каждаго солдата, т. е. за каждаго вооруженнаго крестьянина, насильственно оторваннаго правительствомъ отъ своей земли. Исто-

рмческіе грѣхи искупаются легко и безъ крови однимъ отрицаніемъ отъ нихъ.

Дѣятельный союзъ вашъ съ поляками не можетъ ограничиться однимъ отторженіемъ Польши отъ Россіи; онъ долженъ стремиться къ тому, чтобъ это отторженіе помогло, въ свою очередь, нашему земскому переустройству, и поэтому степень вашего дѣятельнаго участія зависитъ отъ того, какой характеръ относительно главнаго земскаго вопроса и относительно провинцій будетъ преобладать въ польскомъ возстаніи.

Тяготившее насъ сомнѣніе разрѣшено. Мужественный, открытый языкъ *варшавскаго Комитета* снялъ камень съ нашей груди; онъ намъ указалъ на основную мысль союза поляковъ съ русскими. Отвергая всякій характеръ *сословно-шляхетскій*, завоевательный, Комитетъ прямо указалъ на *поземельное право* крестьянъ и на *самоправность* областей устроиться по ихъ желанію, какъ на основныя начала современнаго движенія.

Земля крестьянамъ, самобытность областямъ—на этомъ основаніи, и только на немъ, можетъ утвердиться дѣятельный союзъ вашъ съ польскими братьями. Опираясь на него, вамъ легко обратиться къ народу русскому, къ русскимъ войскамъ, передъ которыми вы обязаны отчетомъ за себя и за солдатъ, и объяснить имъ, почему вы идете съ вольными людьми за волю. Вы имъ скажете, что народъ польскій—не врагъ Россіи, а врагъ императорскаго деспотизма, что онъ хочетъ своей независимости и признаетъ независимость другихъ народностей, соединенныхъ прежде съ Польшей.

Что Польша желаетъ остаться въ федеральномъ союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, это совершенно естественно, и что она не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самобытности своей, тоже ясно. Если-бъ это было иначе, то Варшава, какъ Петербургъ, причала бы Галицію Австріей, Познань—Пруссіей.

Съ своей стороны, поляки должны понять, что сохранить тотъ же федеральный союзъ будетъ стремленіемъ не только правительства русскаго, но и всего русскаго народа. И это—фактъ, который не слѣдуетъ упускать изъ вида. Какой же русскій не считаетъ, и притомъ совершенно справедливо, *Кіевъ* такимъ же русскимъ городомъ, какъ *Москву*?

Что касается до нашего мнѣнія, мы равно не принимаемъ ни *матеріальную силу за право*, ни *историческое право за силу*. Мы признаемъ не только за каждой народностью, выдѣлившейся отъ другихъ и имѣющей естественныя границы, право на самобытность, но за каждымъ географическимъ положеніемъ. Если-бъ Сибирь завтра

отдѣлилась отъ Россіи, мы первые привѣтствовали бы ея новую жизнь. Государственная цѣлость вовсе не совпадаетъ съ народнымъ благосостояніемъ.

Въ силу этого намъ было бы очень жаль, если-бъ Малороссія, напр., призванная свободно выразить свою мысль, не умѣла бы остаться при полной независимости. Память того, что она выстрадала послѣ Богдана Хмельницкаго чрезъ присоединеніе къ Москвѣ, и память того, что заставило Хмельницкаго итти въ царскую кабалу, могли бы послужить ей великимъ урокомъ.

При теперешнемъ положеніи знать, чего желаетъ Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно; гнетъ русскаго правительства не даетъ ни малѣйшей возможности высказаться, и тотъ же гнетъ заставляетъ ихъ смѣшивать все русское съ правительственнымъ ¹⁾. Изъ этого ясно, что и самый вопросъ надобно оставить, не предрѣшая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить... Скажемъ вмѣстѣ съ поляками: *быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украинѣ, съ кѣмъ они бытъ хотятъ или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узанать не поддѣльную, а дѣйствительную.*

Обращаемся теперь къ вашему внутреннему устройству, къ пути, который, намъ кажется, вамъ слѣдуетъ держать.

Вступая, какъ русскіе, въ союзъ съ поляками, вы должны вступить въ него, *какъ самобытная оріанзація*, и потому требовать участія и голоса въ совѣщаніяхъ. Не распуститься въ польскомъ дѣлѣ должны вы, а сохранить себя въ немъ для русскаго дѣла; польское возстаніе для васъ случайность, вы ея не вызывали, вамъ нельзя ее отклонить; врядъ можно ли уклониться отъ участія, — въ этомъ все трагическое вашего положенія, но, участвуя въ немъ по роковой необходимости, вы должны стремиться къ тому, чтобъ вашъ союзъ съ Польшей двинулъ бы наше земское дѣло. Вы — частный случай его. Вы — одинъ кругъ цѣлой системы круговъ, которыхъ средоточіе сложится. Помните это и старайтесь соединить общимъ планомъ польское движеніе съ движеніемъ русскимъ. Только отъ этой солидарности и можно ждать дѣйстви-

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, господскіе дома, города, капиталы, образованіе, сила умственнаго и промышленнаго развитія со стороны Польши; народъ, села, массы, если не противъ Польши, то, вѣроятно, и не за нее. Тутъ мѣсто широкому, законному влиянію польской цивилизаціи. Пропаганду, вообще, мудрено остановить полицейскими мѣрами, но пропаганду искупленія, отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность *невозможно остановить* никакому правительству въ мірѣ. Это — путь къ завоеванію массъ, противъ котораго мы не скажемъ ни слова.

тѣльнаго успѣха, только тогда вы можете требовать, чтобы поляки вріостановились въ своемъ движеніи. А это — *одна изъ первыхъ* необходимостей: *преждевременный взрывъ въ Польшу ея не освободитъ, васъ погубитъ и непремѣнно остановитъ наше русское дѣло.*

Причинъ на это много, мы укажемъ двѣ главныхъ.

У насъ ничего не готово. Крѣпко устроенный кругъ офицерскій существуетъ, сколько намъ извѣстно, только у васъ; успѣхъ вашъ, правда, колоссаленъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ вы бросили мость черезъ пропасть, отдѣляющую дворянина въ эполетахъ отъ крестьянина съ ружьемъ въ рукѣ, вселили братское довѣріе въ поляковъ и четырьмя мучениками показали міру непреодолимую мощь вашихъ убѣжденій. Казнь товарищей вашихъ ¹⁾ въ Модлинѣ имѣетъ безмѣрное значеніе для Россіи: по одному и *тому же дѣлу*, по которому растрѣяны два офицера, палъ унтеръ-офицеръ ²⁾ отъ тѣхъ же палаческихъ пуль и умеръ засѣченный солдатъ ³⁾. Солдатъ и унтеръ-офицеръ погибли за то, что не выдали офицеровъ. Благословенна могила ихъ, могила двойного примиренія—русскаго воина съ полякомъ, русскаго офицера съ солдатомъ!

Но не увлекайтесь, это — только начало; офицерскіе круги должны учредиться вездѣ внутри Россіи, во всѣхъ арміяхъ, во всѣхъ краяхъ, вездѣ должны они сблизиться не только съ солдатомъ (это—первая обязанность, безъ которой всякая пропаганда—вздоръ), но съ народомъ. Полно ему смотрѣть на русскаго офицера, какъ на враждебнаго опричника, полно самому офицеру смотрѣть на себя, какъ на царскаго слугу, употребляемаго въ мирное время на то, чтобъ быть палачомъ.

Но это еще не сдѣлано; предварительный трудъ, обширный, неутомимый лежитъ на васъ и на друзьяхъ вашихъ. Соединяйтесь въ круги, дѣлайте пропаганду и прислушивайтесь, что дѣлается на великой Руси, какой гулъ тамъ идетъ, чтобъ она васъ не застала врасплохъ.

На Руси въ сію минуту врядъ можетъ ли быть возстаніе.

Помните, что мы, русскіе,—по превосходству народъ сельскій и что надѣлъ землей—основной догматъ нашего земскаго дѣла.

Русскій народъ не возстанетъ ни за какіе фантастическіе идеалы, онъ не пойдетъ ни въ какой крестовый походъ изъ-за гроба; намъ нужно не фантастическое царство, а царство *земное*,

¹⁾ Сливицкаго и Арнгольда.

²⁾ Ростковскій.

³⁾ Щуръ.

т.-е. мы хотимъ собственную нашу землю, чужой намъ не надобно.

Народъ русскій, мрачно молчавшій столѣтїя въ своей невзгодѣ, два раза въ нашъ вѣкъ поднималъ голову. Въ 1812 году, испугавшись за цѣлость *земли русской*, онъ превратился въ ополченіе; теперь онъ боится не за землю русскую, а за свою пахатную, луговую землю; освобожденный вполнину, онъ сторожитъ ее. Осторопѣлое правительство не сумѣетъ ему отдать честно и прямо землю. Вилять послѣ окончанія переходнаго состоянія, т.-е. весною будущаго года, нельзя болыше. Крестьянинъ землю не поступитъ, онъ, навѣрное, упрется; возстанъ тогда Польша, бросьтесь вы, съ вашими и съ ихъ солдатами въ Литву, въ Малороссію, во имя крестьянскаго права на землю,—и гдѣ найдется сила противодѣйствовать? Воляга и Днѣпръ откликнутся вамъ, Донъ и Уралъ!

Вы знаете, что земля, т.-е. *право на нее* земледѣльцевъ, составляетъ ту прочную и самобытную основу, на которой зиждутся всѣ наши надежды на будущность Россіи. Русскимъ отношеніемъ крестьянина къ землѣ, возведеннымъ и обобщеннымъ въ законъ, можетъ только искупиться передъ русскимъ народомъ монгольско-московское и петербурго-нѣмецкое плѣненіе. Намъ многіе говорили, что мы поземельному вопросу даемъ перевѣсъ. Дѣйствительно, въ русскомъ развитіи онъ перевѣшиваетъ, но это сдѣлали не мы. Этотъ перевѣсъ ему данъ духомъ, геніемъ русскаго народа изнутри и несостоятельностью всѣхъ политическихъ революцій извнѣ. Наше переустройство является по преимуществу съ характеромъ сельскимъ, общиннымъ, земскимъ... Вызванное сверху, оно поднимается отъ нивы, полей и дубравъ; оно идетъ отъ плуга, отъ надѣла земель—и безъ земли ни на шагъ. Оно стремится къ сочетанію на существующихъ народныхъ обычаяхъ *общиннаго самоуправленія* съ полнымъ владѣніемъ земель. Ходъ этотъ удивляетъ, конфузитъ, онъ необыченъ, въ немъ не соблюдена западная форма, революціонная рутина, къ которой люди переворотовъ привыкли. Что же дѣлать! Можетъ, этотъ путь труднѣе и тише, но зато имъ не дойдешь до вопроса: «Хлѣба или свинца?», ни до отвѣта: «У кого есть свинець, у того есть хлѣбъ!». Хлѣбъ у насъ будетъ, потому что надѣлъ землю *долженъ быть*.

Не принимайте хлѣба насущнаго легко, не вѣрьте празднымъ риторамъ и пустымъ идеалистамъ.

Бѣдствія Европы, много выстрадавшей въ своихъ исполинскихъ борьбахъ, оправдываютъ вполнѣ народъ русскій.

Нѣтъ освобожденія безъ земли!

Нѣтъ свободы безъ куска хлѣба!

На знамени таборитовъ была *чаша съ кровью искупленія души*, на нашемъ будетъ дискосъ съ хлѣбомъ полей крестьянскихъ, *съ хлѣбомъ искупленія тѣла*.

Не краснѣйте славянской простоты этихъ символовъ, — они полнѣе человѣческимъ смысломъ всѣхъ хищныхъ звѣрей, двуглавыхъ птицъ съ когтями, нелѣпныхъ драконовъ, окровавленныхъ мечей и дымящихся пушекъ, служащихъ эмблемами дикой силы и кровожаднаго стяжанія народовъ, которыхъ неразвитая и испорченная фантазія ихъ избрала.

Съ новой хоругвью пойдѣмъ мы на исполненіе новыхъ судебъ нашихъ. Двери прошедшаго захлопнуло само правительство пошлымъ праздникомъ тысячелѣтія, и нехотя призналось, что для Россіи настаетъ иное время, но оно нами самими должно водвориться; теперь не явится больше Петръ, просвѣтитель съ кнутомъ, — это вы знаете.

Вотъ все, что мы хотѣли вамъ сказать на первый разъ въ отвѣтъ на ваши письма. Вы, друзья, не скажете, что мы не имѣли права вамъ совѣтовать, — вы вызвали нашъ отвѣтъ, и поляки этого не скажутъ — они насъ избрали своими посредниками, и совѣсть наша этого не говорить.

Скажутъ это люди, которыхъ духъ сломился отъ рабства, которые, привыкнувъ съ дѣтства къ молчанію передней и фронта, все еще думаютъ, что право говорить объ общемъ дѣлѣ принадлежитъ присутственному мѣсту и квартальному надзирателю. Пожалѣемъ о нихъ и будемъ съ вѣрсію продолжать наше дѣло.

Издатели «Колокола».

10 октября 1862 г.

1945. [Отъ редакціи] ¹⁾.

Въ Новгородѣ государь давалъ обѣдъ купцамъ, на которомъ самъ не былъ, а только изволилъ взойти для того, чтобы выпить за свое собственное здоровье... Сколько такта, приличія, а главное — презрѣнія къ гостямъ!

1946. Философское управленіе Олонецкою и Курскою губерніями.

Мы получили письмо изъ Петербурга, въ которомъ рассказываютъ, какъ губернаторъ Философовъ ²⁾, черезъ теперь отрѣшеннаго чиновника

¹⁾ Примѣчаніе сдѣлано къ корреспонденціи изъ Москвы.

²⁾ Александръ Александровичъ, олеонецкій гражд. губернаторъ.

Кушелевскаго и другихъ клеветовъ, *улучшаетъ* свое состояніе, подучаетъ крестьянъ дѣлать *неверныя* показанія, распоряжается по судебнымъ дѣламъ, дѣла откупщиковъ считаетъ своими и пр.

Что же во всемъ этомъ удивило корреспондента нашего? Пусть онъ прочтаетъ о какомъ-нибудь пермскомъ губернаторѣ Лошкаревѣ и прибавитъ, что *земскій* царь имъ доволенъ, тогда онъ примирится съ философійю г. Филосоfoва.

Мы все ждемъ, когда мы получимъ письмо, въ которомъ скажутъ о какомъ-нибудь губернаторѣ, который не дѣлаетъ всѣхъ этихъ продѣлокъ; это будетъ гораздо оригинальнѣе.

А пока дождемся—вотъ съ противоположной стороны Россіи ¹⁾.

1947. Тайныя типографіи.

Въ Петербургѣ въ началѣ сентября снова былъ разосланъ дѣтучій листокъ, напечатанный въ тайной типографіи, подъ заглавіемъ: «Къ образованнымъ классамъ». Въ слѣдующемъ листѣ «Колокола» мы перепечатаемъ его. ¹ Несмотря на мощную поддержку г. Скарятинъ ²⁾, правительство петербургское рѣшительно падаетъ въ глазахъ всего мыслящаго въ Россіи. ²

◆◆ 1. Прокламація «Къ образованнымъ классамъ» датирована 30 августа 1862 г., напечатана (конечно, неисправно) въ «Матеріалахъ» Богучарскаго, Paris, 1905 и Спб., 1906 г. Происхожденіе ея рассказано Л. Пантелѣевымъ (стр. 284—285 «Изъ воспоминаній прошлаго»). Разумѣется, «очевидецъ» шестидесятихъ годовъ и здѣсь не могъ остаться вѣренъ истинѣ: «прокламація была *чистенько* отпечатана»,—просто грязненько, съ массою корректурныхъ ошибокъ и типографски вообще гораздо менѣе удовлетворительно, чѣмъ многія другія прокламаціи того времени.

Фактически прокламація была выпущена въ началѣ сентября, довольно широко разослана по СПб. и Москвѣ почтой, многими офиціальнымъ и частнымъ лицамъ, разбросана на вокзалахъ; въ серединѣ сентября она появилась уже и въ провинціи (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 134).

2. 3 іюля 1863 г. въ III Отдѣленіи была составлена слѣдующая «Записка для памяти»: «Дошло свѣдѣніе, что возвратившійся недавно изъ Москвы литераторъ Ѳедоръ Бергъ, видѣлъ у проживающаго въ Москвѣ на дачѣ, въ Ивановѣ (Иваньково—М. Л.), за

¹⁾ Дальше шла корреспонденція о курскомъ воен. губернаторѣ В. И. Денѣ.

²⁾ Владиміръ Дмитріевичъ; началъ свои «литературные» труды въ «Спб. Вѣд.» 1862 г., а съ 1863 г. издавалъ реакціонно-олигархическую газету «Вѣсть».

Петровскимъ паркомъ Александра Николаевичъ Плещеева, нѣсколько нумеровъ революціоннаго листка «Мысль и Дѣло» и типографскій шрифтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Федоръ Бергъ отозвался, что Плещеевъ (который, какъ извѣстно, прикосновененъ былъ къ дѣлу Петрашевскаго) положительно одинъ изъ дѣятелей общества «Земля и Воля». Для ближайшаго разузнанія вышеупомянутыхъ обстоятельствъ можетъ быть употребленъ отставной юнкеръ кавказскихъ войскъ Николай Костомаровъ, служащій нынѣ писцомъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ въ Москвѣ».

При «запискѣ» были приложены тиснутые синей краской наборы слѣдующихъ вещей:

а) «Революціонный комитетъ въ настоящее время нашель возможнымъ не только заявить о своемъ существованіи, но и расширить кругъ своей дѣятельности посредствомъ печати. — Поэтому въ засѣданіи 5 апрѣля 1862 г. рѣшено съ 15 октября 1862 года издавать газету «Мысль и Дѣло» (Программа газеты будетъ разсылаться въ сентябрѣ)».

б) *«Чего они ждутъ?»*

«Вотъ вопросъ, который чаще другихъ слышался послѣ изданія 1-й плакарды Революціоннаго Комитета.

«Чего? — Разумѣется мы не ждемъ, что въ гниломъ мозгу какого нибудь Долгорукова удовлетворительно выработается вопросъ о печати.

«Мы ждемъ, чтобъ на нашъ призывъ откликнулось общество и своимъ содѣйствіемъ упрочило существованіе газеты.

«Мы хотимъ прислушаться къ толкамъ, которые возбудитъ появленіе плакарды, — ибо мы хотимъ, чтобъ газета была органомъ коллективнаго мнѣнія всей либеральной партіи, а не личныхъ соображеній своего редактора».

в) **«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТЪ**

въ засѣданіи своемъ 14-го октября 1862 года

Положилъ:

§ 1. Изданіе газеты «Мысль и Дѣло» пріостановить до новаго года; изготовленные номера сдать на храненіе въ архивъ комитета и затѣмъ дѣйствіе главной типографіи прекратить.

§ 2. По распоряженію Верховной Думы, Всероссийскій съѣздъ депутатовъ назначается въ Петербургъ къ 15-му января. Выборы депутатовъ отъ Московскаго общества будутъ произведены 22 декабря. Временная типографія изготовить по сему предмету особые циркуляры, Литографія жъ комитета озаботится изготовленіемъ трехъ тысячъ экземпляровъ сеймоваго устава.

§ 3. Гг. Казначей приглашаются къ 27 представить трехмѣсячные отчеты».

Дано было приказаніе въ Москву ген. Дренякину и гр. Крейцу «заняться»... 8 іюля Дренякинъ донесъ, что все будетъ исполнено, а 11-го у Плещеева былъ сдѣланъ внезапный обыскъ, но ни революціонныхъ изданій, ни шрифта найдено не было; Николая Костомарова ищетъ и найдя пустить въ дѣло.

Однако, Н. Костомарова не нашли—онъ отправился въ Опочку для поступленія въ Либавскій пѣх. полкъ. Дренякинъ, видимо, былъ успокоенъ, узнавъ отъ самого Плещеева, что у него жена, трое дѣтей и собственный домъ на М. Дмитровкѣ, застрахованный въ 40,000 руб.

По разсмотрѣніи въ слѣдственной комиссіи всего, отобраннаго у Плещеева, не было обнаружено ничего предосудительнаго, кромѣ фотографическихъ карточекъ Герцена, Огарева и нѣкоторыхъ декабристовъ, а также книгъ, не дозволенныхъ цензурою; это было оставлено, а прочее возвращено по принадлежности.

12 іюля 1863 г. Плещеевъ просилъ чиновника III Отдѣленія Ф. Ф. Кранца возвратить ему и рукопись его трехактной комедіи, выражалъ сожалѣніе, что далъ поводъ къ новымъ подозрѣніямъ, и сказалъ: «позвольте мнѣ увѣрить васъ честнымъ словомъ (сомнѣваться въ которомъ, надѣюсь, я никому не подавалъ повода), что я не причастенъ ни къ какимъ аштанціямъ, ознаменовавшимъ послѣднее время. Если я былъ знакомъ съ нѣкоторыми лицами, замѣшанными въ нихъ (до ихъ арестованія), то знакомство это ограничивалось лишь отношеніями чисто литературными. Повторяю, это покажутъ и бумаги мои. Одно, что мнѣ можетъ быть поставлено въ обвиненіе, это фотографическія карточки, которыя, впрочемъ, продавались извѣстное время вездѣ безпрепятственно. Но, признаюсь, я не считаю необходимостью непременно сочувствовать направленію тѣхъ лицъ, которыхъ карточки я приобретаю. Это дѣлается иногда изъ простаго любопытства. Наконецъ, не раздѣляя политическихъ убѣжденій Герцена и Огарева, я, все-таки могу признавать въ нихъ большой литературный талантъ и имѣть у себя ихъ карточки, какъ литераторовъ». Въ февралѣ 1872 г. Плещеевъ былъ освобожденъ отъ надзора полиціи (еще по дѣлу Петрашевскаго) и получилъ право жить въ СПб. (Архивъ III Отд. С. Б. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 97, ч. 69).

Мнѣ не случилось видѣть приведенныхъ листковъ и протокола революціоннаго комитета въ какихъ-нибудь другихъ дѣлахъ или у кого-либо изъ современниковъ тогдашней эпохи, а потому я очень недовѣрчиво отношусь къ подшитымъ въ указанномъ дѣлѣ.

Зная, какъ ловко вилъ свою паутину Всеволодъ Костомаровъ, что и онъ тоже представилъ Путилину экз. приведеннаго протокола, и что братъ его Николай, съ которымъ онъ, будто бы, былъ въ серьезной ссорѣ, на самомъ дѣлѣ оказался такимъ же негодяемъ, какъ Всеволодъ и Алексѣй, съ которыми онъ составлялъ одну подлую компанію, я легко допускаю, что всѣ эти документы были просто сфабрикованы въ связи съ дѣломъ Чернышевскаго, въ которомъ роли А. и В. Костомаровыхъ очерчены мною исчерпывающе въ статьѣ «Какъ создали процессъ Чернышевскаго» въ XIV кн. «Былого» 1919 г.

Это, однако, не значить, чтобы я отрицалъ и самое существованіе въ Москвѣ революціонной организаціи еще до созданія общества «Земля и Воля» въ СПб. Указанія на существованіе особаго московскаго революц. комитета попадались мнѣ уже не разъ въ разнаго рода источникахъ, и его не слѣдуетъ смѣшивать ни съ «Молодой Россіей», ни съ «Библиотекой казанскихъ студентовъ», но до сихъ поръ я, все-таки, не обладаю серьезнымъ матеріаломъ къ исторіи этой организаціи.

1948. Предостереженіе Гутцейту и ему подобнымъ помѣщикамъ.

Кажется, какая связь между орловскимъ помѣщикомъ Гутцейтомъ и другими помѣщиками, *насилно* любящими рабынь своихъ, съ Кавказомъ, а есть. Черкесы просили королеву Викторію заступиться за нихъ и высказали рядъ всякаго рода гнусностей коротко знакомаго намъ петербургскаго правительства. Между прочимъ, они въ запискѣ своей говорятъ о крейсерованіи русскихъ кораблей, мѣшающихъ имъ всякія торговыя сношенія съ Турціей. И дойди эта записка до «Норда», и «Нордъ» *крупнымъ шрифтомъ* напечаталъ отвѣтъ, да такой отвѣтъ, что зачешется въ головы у разныхъ Гутцейтовъ. Видите, все это дѣлается изъ цѣломудрія. Зимній дворецъ хочетъ турку отучить отъ многоженства; онъ все можетъ вынести,— статскую юстицію Панина и военную юстицію Лауница, но черкешенокъ отдавать на развратъ—этого Зимній дворецъ вынести не можетъ. «Еще въ 1774 году, 10 іюня, Екатерина II, 23 артикуломъ Кучукъ-Кайнарджискаго мира, запретила туркамъ доставать дѣвочекъ и *мальчиковъ* изъ... Грузіи и Мингреліи» (ужь, конечно, компетентнѣе судьи по такимъ дѣламъ не было). Не надобно имъ серали, да еще мало дѣвочекъ,— покупаютъ мальчиковъ: мальчиковъ самимъ нужно.

Турки и не подозревали, что это была мономанія, что во всей Россіи были открыты безпрепятственно рынки не только всякаго сорта и возраста крѣпостныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, а старичковъ и старушекъ и, вмѣсто того, чтобъ покупать себѣ въ Чухломѣ или Корчевѣ русскихъ,— все за черкешенками. А русскій флотъ на что въ Черномъ морѣ? Конечно,

его и имѣть почти совсѣмъ, но для защиты прекраснаго пола Зимній дворецъ» даетъ послѣднюю шляпку... Баярды! ¹⁾

Дѣйствительно, митрополитъ Филаретъ правъ въ составленныхъ имъ молитвенныхъ возгласахъ, вознесенныхъ въ памятословіе 8 сентября въ Новѣгородѣ. «Преемственнѣ въ теченіи вѣковъ и созидавшимъ и укрѣплявшимъ, новосозидавшимъ (*это Петръ I*), расширившимъ (*это ужь Екатерина II*) прославившимъ—во благозаконіе и благоустроеніе Имперію Всероссійскую». ¹

◆◆ 1. 20 сентября 1862 г. редакторъ «Le Nord» представилъ шефу жандармовъ подробную литографированную записку о своей газетѣ, а въ особомъ письмѣ просилъ дать ему очень непродолжительную аудіенцію съ нимъ для большаго уясненія положенія газеты.

Приведу изъ записки существенное, еще проливающее свѣтъ на этотъ офиціозный органъ.

Побудительной причиной къ основанію «Le Nord» послужила коалиція, образовавшаяся, во время войны, въ европейской прессѣ противъ Россіи. Предвидя подобную случайность, Поггенполь съ 1849 г. работалъ надъ созданиемъ органа, посвященнаго интересамъ Россіи, и вотъ почему онъ взялъ на себя руководство газетою. Средства были собраны по добровольной подпискѣ и ассигновкѣ правительственной субсидіи. Подписка дала съ самаго начала 126.000 франковъ. Но неудача въ Берлинѣ (прусское правительство неожиданно запрѣтило предполагавшееся въ Берлинѣ издавіе газеты, на чтѣ была уже истрачена значительная сумма) поглотила почти все, чтѣ было собрано подпискою. Первый № вышелъ въ Брюсселѣ 1 іюля 1855 г.

Была вторично собрана сумма по подпискѣ, давшая 33.400 фр., и, благодаря этому, а также помощи правительства, нѣкоторое время можно было держаться. Послѣ войны газета утратила свое значеніе для русскаго правительства. Поггенполь рѣшилъ превратить ее не столько въ правительственный органъ, сколько въ органъ съ независимыми убѣжденіями, который защищалъ бы русскіе интересы и служилъ бы связующимъ звеномъ между Россіей и Европой. Была собрана группа лицъ (человѣкъ 5—6), положившая основаніе газетѣ, и, такъ какъ требовалось, прежде всего, обезпечить легальное ея существованіе въ Бельгіи, то, хотя въ Россіи фактически и не существовало никакого общества газеты «Le

¹⁾ Сподвижникъ французскихъ королей Карла VIII, Людовика XII и Франциска I, оказавшій чудеса храбрости въ войнахъ съ Испаніей и Италіей; прозванъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»; имя его стало нарицательнымъ для обозначенія человѣка съ благороднымъ характеромъ.

Nord», тѣмъ не менѣе былъ выработанъ уставъ, какъ будто бы, такое общество функционировало, а Поггенполь былъ назначенъ завѣдывающимъ дѣлами газеты съ правомъ защиты ея интересовъ передъ бельгійскимъ судомъ. Онъ внесъ въ первый разъ на нужды газеты 40.000 фр.

Къ 31 декабря 1856 г. матеріальные результаты были слѣдующіе:

Активъ 26.269 фр. 13 сант., пассивъ 9.441 фр. 28 сант., разница 16.827 фр. 85 сант.; въ томъ числѣ въ разнаго рода обязательствахъ 16.755 фр. 65 сант.; оставалось въ кассѣ... 72 фр. 20 сант..

Число подписчиковъ въ январѣ 1857 г. было 2.373. 1857 годъ закончился слѣдующими результатами:

Приходъ 269.353 фр. 20 с., въ томъ числѣ правит. субсидія 61.462 франк.; газета выручила 207.891 франк. 20 сант.; расходы 318.074 фр. 34 сант., дефицитъ 48.721 фр. 14 сант.

Поггенполь вынужденъ былъ покрыть дефицитъ, что вмѣстѣ съ предыдущимъ его взносомъ составило 89.682 фр. 90 с. Число подписчиковъ возросло до 2.734. Таково было положеніе газеты за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ правительство лишило ее своей субсидіи.

Поггенполь опять ѣздилъ въ СПБ., гдѣ съ большими затрудненіями созвалъ основателей «Nord'a» въ числѣ 4—5 чел. Среди нихъ было одно лицо, которое главнымъ образомъ и основало и поддерживало «Le Nord» (имя его не названо). Было рѣшено, что Поггенполь возьметъ на себя и руководство газетою и содержаніе ея. Уставъ былъ передѣланъ такимъ образомъ, что Поггенполь остался единственнымъ *денежно и юридически отвѣтственнымъ* за газету лицомъ; онъ обязался внести 250.000 фр., каковая сумма считалась тогда достаточною для покрытія дефицита и продолженія дѣла. Рѣшено было увѣличить общественный капиталъ до 650.000 фр., включивъ номинально въ эту сумму выданныя раньше правительствомъ субсидіи, а также деньги, собранныя по подпискѣ, хотя суммы эти почти полностью были израсходованы до выхода въ Брюсселѣ 1-го нумера. Въ вознагражденіе за пожертвованіе такой большой суммы, Поггенполю, особымъ актомъ, было обезпечено полученіе доходовъ съ изданія на 15 лѣтъ, при условіи слѣдованія политикѣ особаго наблюдательнаго комитета.

Благодаря поддержкѣ откупщика В. А. Кокорева, въ изданіе были введены многія существенныя улучшенія. Въ теченіе пяти лѣтъ «Nord» влачилъ довольно жалкое существованіе, такъ какъ оно основывалось на личныхъ взносахъ Поггенполя, а также на правительственныхъ субсидіяхъ, которыя получались неаккуратно

и приходили всегда съ запозданіемъ. Приходилось прибѣгать къ займамъ.

Слѣдуетъ таблица расходовъ и доходовъ по газетѣ за пять лѣтъ:

РАСХОДЫ.	1857	1858	1859	1860	1861
	во ф р а н к а х ъ .				
1) Содержаніе редакціи	88,677	66,815	87,148	78,628	60,955
2) Корреспонденты	65,893	49,851	41,937	17,912	5,407
3) Наборъ, бумага и печать	73,326	81,951	91,858	83,184	74,259
4) Администрація, франкированіе газетъ, подписка на иностранныя газеты и проч.	40,494	64,689	88,257	87,910	69,254
5) Наемъ помѣщенія, поѣздки, скидка при подпискѣ, разные расходы	49,682	46,183	42,727	100,524	40,796
Общая сумма расходовъ.	318,074	309,492	351,930	368,160	250,673
	ДОХОДЫ.				
1) Подписка .	131,486	161,278	197,694	167,243	125,895
2) Объявленія	32,702	39,879	45,381	53,462	48,123
3) Возвратъ почтовыхъ расходовъ	9,708	11,898	13,565	11,480	9,045
4) Продажа газеты въ розницу	2,663	2,869	6,598	3,510	2,056
5) Поступленія по обязательствамъ и разные доходы	31,330	—	—	561	4,587
6) Правительственная субсидія.	61,462	—	—	—	—
Общая сумма доходовъ	269,353	215,926	263,040	236,259	189,707
Дефицитъ	48,721	93,565	88,889	131,900	60,965

Нужна была ежегодная субсидія въ 100.000 фр., чтобы «Nord» могъ существовать при такихъ условіяхъ. Но такъ какъ ея не было, то пришлось прибѣгать къ экономіи. Вслѣдствіе этого дѣла пошли хуже, упала и подписка; такъ, напр., въ 1859 г., во время итальянской войны она дала около 200.000 фр., а въ 1861 г. была низведена до 125,000 фр.; дефицитъ въ 1860 г. дошелъ до 131.000 фр. вслѣдствіе ликвидаціи старыхъ счетовъ. Дефицитъ этотъ могъ быть погашенъ только при помощи правит. субсидіи въ 105.000 фр., выданныхъ съ этой цѣлью въ послѣдній разъ.

Общая сумма расходовъ за пять лѣтъ 1.598,330 фр. 96 с., доходовъ—1.112,825 фр. 51 с., дефицита—485,505 фр. 45 с.

Хотя русское правительство бросило «Nord» окончательно, но Поггенполь, по глубокому убѣжденію, продолжалъ поддерживать газету, «такъ какъ поддерживать правительство Александра II принято имъ направленіе—долгъ каждаго честнаго русскаго ловѣка, и поэтому онъ давалъ мѣсто на страницахъ «Nord'a»

только критикъ злоупотребленій, которыя желалъ уничтожить императоръ, и не пропускалъ сообщений, содержавшихъ рѣзкіе нападки или обвиненія личностей. Онъ никогда не нарушилъ соглашенія, заключеннаго между правительствомъ и «Nord'омъ», по которому послѣдній былъ совершенно свободенъ во всѣхъ вопросахъ, не задѣвавшихъ интересовъ Россіи, какъ, напр., вопросъ итальянскій, но долженъ былъ придерживаться извѣстной линіи поведенія тамъ, гдѣ русскіе интересы были прямо затронуты, напр., въ восточномъ вопросѣ. Поэтому «Nord», хотя и лишенный правительственной поддержки, долго еще слылъ офиціознымъ органомъ и, слишкомъ либеральный для однихъ, недостаточно передовой для другихъ, очутился внѣ двухъ условій, при помощи которыхъ газета, лишенная значительныхъ средствъ, доставляемыхъ объявленіями въ большихъ городахъ, и предоставленная только платѣ за подписку, можетъ существовать. Эти условія: или органъ офиціозный и поддерживаемый субсидіей, или органъ партійный».

Такъ какъ ни того, ни другого быть не могло, то въ 1861 г. «Nord» вынужденъ былъ прекратиться. «Но съ этимъ Поггенполь не могъ примириться. «Возобновленіе изданія онъ считалъ вопросомъ чести и рѣшилъ, что скорѣе онъ умретъ, но «Nord» будетъ существовать». Съ этой цѣлью онъ выработалъ новую программу и рѣшилъ поѣхать въ СПб., чтобы возродить тамъ свою газету. Сначала онъ предпринялъ путешествіе по Италіи и посѣтилъ Ниццу, гдѣ жило много его друзей, русскихъ и итальянцевъ. Среди нихъ онъ открылъ подписку на фондъ. Подписались представители странъ, долженствовавшихъ войти въ Сѣверный Интернаціональный Союзъ: Это—Россія и славянскія провинціи, Италія, Греція, Франція, словомъ, всѣ страны, союзъ съ которыми въ интересахъ Россіи. «Моей цѣлью, прибавляетъ Поггенполь, сдѣлать изъ этого общества (т.-е. изъ акціонеровъ газ. «Nord») личнаго и финансоваго представителя тѣхъ же интересовъ, тѣхъ же симпатій и международныхъ союзовъ, которые «Nord» желаетъ политически группировать вокругъ Россіи».

Записка кн. Долгорукова Тимашеву отъ 23 сентября:

«Я видѣлъ вчера Поггенполя и переговорю съ вами о содѣйствіи которое могло бы ему быть оказано съ нашей стороны; но объ этомъ не передавайте ему ничего. Между тѣмъ, если увидите съ нимъ прежде нашего свиданія, постарайтесь узнать не согласится ли онъ быть нашимъ, не *агентомъ*, дабы онъ не пугался этого имени, а корреспондентомъ въ улучшемъ видѣ продаждѣ Кардона, съ которымъ вѣроятно придется разстаться ибо онъ деньги отъ насъ беретъ даромъ. Поггенполь имѣя обширныя сно-

шенія въ Парижѣ и со всѣми краями міра, могъ быть, хотя разъ въ недѣлю, сообщать намъ о козняхъ нашихъ враговъ, и раздавать въ мѣлкіе или провинціальныя журналы Франціи разныя статьи въ нашу пользу. Мнѣ кажется что сообщенія мною упомянутыя не могутъ его затруднять ибо многія изъ свѣденій намъ необходимыхъ онъ не будетъ можетъ быть и въ правѣ помѣщать въ своей газетѣ. Дѣлать же ихъ онъ будетъ безъ подписи, на вымышленное имя и, если боится почты, чрезъ посольство. Мы съ своей стороны могли бы давать ему то что даемъ Кордону, не опредѣляя теперь суммы, дабы не связывать себя, и такимъ образомъ, не дѣлая ничего незаконнаго и не получили бы приращеніе къ своимъ расходамъ»... Послѣ переговоровъ съ шефомъ Тимашевъ помѣтилъ 2 октября на запискѣ: «заготовить ордеръ для выдачи г. Поггенполю изъ типографской суммы двѣ тысячи рублей» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1862 г., дѣло № 113).

1949. „Конституція, самодержавіе и Земская Дума“.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла въ Берлинѣ брошюра А. Кошелева ¹⁾. Она была бы полезна для петербургскихъ главъ правительства, если-бъ онѣ могли что-нибудь понимать.

1950. [Общій фондъ].

Въ общій фондъ получено послѣ 1-го октября черезъ г. Тхоржевскаго два голланд. червонца и прислано 1,000 фр.

1951. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(16 октября 1862). Среда.

Письмо твое, милая Тата, я получилъ и посылаю, во-1-хъ. *половину* банковаго билета въ 10 фун. (№ 23868, 9 іюля 1862); когда ты ее получишь и напишешь мнѣ, я тебѣ пришлю *другую половинку*; вмѣстѣ онѣ стоятъ 250 фр. Все, что ты истратишь еще, я съ благодарностью отдамъ M-me Gallait ²⁾ и безпокойтсѣ объ этомъ нечего.

¹⁾ Александръ Ивановичъ, извѣстный публицистъ и общественный дѣятель времени Николая I и Александра II.

²⁾ Жена художника.

Жаль мнѣ, если твое пребываніе въ Брюсселѣ слишкомъ скоро должно прекратиться: лучшаго руководства ты не можешь имѣть. Пользуйся, другъ мой, и работай до усталы; это тебѣ дастъ ту основу, на которой легко усовершенствовать; сосредоточь свои силы теперь на одномъ. Послѣ ты можешь продолжать вездѣ, гдѣ есть галлерейя.

Посылаю тебѣ новый «Кол.»

Ольга ведетъ себя очень хорошо.

Отчего прежде ты писала № 72; а теперь 70?

Обнимаю тебя.

1952. «Къ офицерамъ».

Въ Петербургѣ, сверхъ того, было разслано въ большомъ количествѣ ко всѣмъ военнымъ новое печатное воззваніе *Къ офицерамъ* съ эпиграфомъ: «не терновый вѣнецъ ждетъ васъ, а вѣрный успѣхъ!». ¹

«Кому же будетъ принадлежать честь,—спрашиваетъ воззваніе,—честь освобожденія отечества отъ заразы, отъ смерти?»—и отвѣчаетъ: «Современное состояніе Россіи бросаетъ этотъ завидный жребій на войско: ему должна принадлежать честь поднятія знамени Свободы».

Пусть же оно подымаетъ его. За героями Севастополя, за героями Кавказа итти легко, итти почетно...

Во главѣ движенія русскаго становятся офицеры, они рвутся къ дѣятельности, имъ стала невыносима польская кровь на ихъ мундирахъ; кровь русскаго крестьянина ихъ жжетъ. Они хотятъ стереть *гражданскія* побѣды, домашнія побѣды своихъ предшественниковъ и представляютъ готовую организованную силу въ то время, какъ разсыпчатое *статское* резонерство препинается въ спорахъ и поправляетъ слогъ ¹⁾.

◆◆ 1. Герценъ невѣрно называетъ прокламацію, выпущенную осенью 1862 г. Она носила заглавіе «Офицеры!» и до сихъ поръ нигдѣ не была перепечатана. Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ еще тремя (по крайней мѣрѣ) прокламаціями, обращенными къ офицерамъ, изъ которыхъ одна съ такимъ же названіемъ была выпущена въ первый день Пасхи, 8 апрѣля 1862 г., вторая—воспроизводила первую съ нѣсколькими добавочными строками и третья—отъ «Земли и Воли» (будетъ приведена мною своевременно). Первая перепечатана очень неисправно въ «Материалахъ» Богучарскаго, Paris, 1905, вторая—съ неизбѣжными купюрами въ моей книгѣ

¹⁾ Въ этомъ воззваніи, между прочимъ, говорится о какой-то картинѣ, «касающейся издателя Колокола, изданной иждивеніемъ правительства. Неужели никто не будетъ такъ добръ, чтобъ прислать намъ экземпляръ? Не перомъ—такъ кистью; мало; «Современной Лѣтописью»—еще живописью А. И. Г.

«Политическіе процессы etc.», стр. 131—132; третья—неисправно въ «Матеріалахъ» Богучарскаго, Paris, 1905 и СПБ., 1906 г.

М. Ашенбреннеръ говоритъ, что еще до своего процесса Арнгольдтъ, Сливицкій и ихъ товарищи составили прокламацію къ офицерамъ и напечатали ее въ «Колоколъ»; онъ помнитъ даже ея конецъ: «Мы, на смерть идущіе, вамъ клянемся» («Былое» 1907, IV, 18). Но такой прокламаціи не было напечатано въ «Колоколъ», а, если онъ смѣшалъ «Духовное завѣщаніе», то и оно, ненапечатанное тамъ, не имѣло такой фразы.

Вотъ текстъ осенней прокламаціи, о которой сказано въ статьѣ Герцена; привожу его буквально:

Офицеры!

Приготовительная работа кончена. Наступаетъ минута дѣйствія.

Нѣмецкая Имперія въ Россіи и представительница ея Готтенорпская династія—пали.

Признаки смерти очевидны. Смотрите: царедворцы стрѣляютъ въ царя, а войско отказывается стрѣлять по народу. Правительство чувствуетъ свое бѣзсиліе дѣйствовать открыто и прибѣгаетъ къ подлости: оно подкупаетъ журналы и газеты, нанимаетъ Ш. Феротти, Каткова, Н. Ф. Павлова; распускаетъ лубочныя прокламаціи (Письмо къ Землякамъ) и картины о кающемся Герценѣ¹⁾; арестуетъ пытается и ссылаетъ тысячами. Народъ съ омерзѣніемъ отворачивается отъ разлагающагося царя,—царь ѣдетъ просить помощи къ Остзейцамъ. Господа! Правительство мертво—нужно убрать гниющій трупъ—иначе онъ заразитъ Россію.

Кому же будетъ принадлежать честь освобожденія отечества отъ заразы, отъ смерти?

Современное состояніе Россіи бросаетъ этотъ завидный жребій на войско: ему должна принадлежать честь поднятія знамени Свободы.

Но какой полкъ первый подыметъ это святое знамя? Кто первый кликнетъ кличъ Свободной Русской землѣ и русскимъ людямъ? Кто явится первороднымъ сыномъ освобожденной Россіи? Никто не можетъ рѣшить это: здѣсь логика права бѣзсилна—это рѣшить логика факта. Кто возстанетъ первымъ—тотъ первымъ и наречется.

Полки Россійскіе! Мать-Россія призываетъ васъ къ священной брани; Она призываетъ васъ къ великому историческому подвигу;

¹⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о „Предсмертномъ плачѣ генія“.

Она предлагаетъ вамъ великій призъ: благодарность 60-ти миллионовъ и славу Спасителя-освободителя Отечества. Достаточно одной батарее и одного полка, чтобы совершить великое дѣло: все готово, все ждетъ только инициативы. Офицеры! За вами блестящія преданія—за вами 14 декабря 1825! Великія тѣни Пестеля, Муравьева и Бестужева зовутъ васъ къ отмщенію!

Неужели же мщеніе за святыхъ мучениковъ, неужели любовь къ народу Русскому не соединитъ васъ, не подыметъ на святое дѣло? Нѣтъ! Вы докажете, что способны быть героями не только подъ стѣнами Севастополя, вы освободите народъ отъ внутренняго и самаго сильнаго врага его—лицемѣрнаго царя со всѣми придворными и непридворными, нѣмецкими и не-нѣмецкими грабителями. Гражданскій героизмъ труднѣе и выше военнаго!

Во имя Народа Русскаго, во имя памяти великихъ героевъ мучениковъ, мы призываемъ васъ, офицеры гвардіи и арміи, къ сближенію, къ заговору и къ возстанію! Сближайтесь между собою, сближайтесь съ солдатами, заставьте ихъ уважать и повиноваться вамъ охотнѣе, чѣмъ генераламъ и командирамъ—тогда вы не прольете невинной крови народа русскаго и польскаго—и только тогда вы освободите его!...

Не терновый вѣнецъ ждетъ Васъ, а вѣрный успѣхъ.

Въ № 5 «Общаго Вѣща» (22 октября) была напечатана статья Огарева «Что надо дѣлать духовенству», выпущенная вслѣдъ затѣмъ тѣмъ же шрифтомъ въ Лондонѣ, небольшой брошюрой въ 12 страничекъ, съ указаніемъ въ концѣ: «Цѣна 1 копѣйка». Она довольно скоро была переправлена въ Россію и распространялась широко.

1953. [Общій фондъ].

Въ общій фондъ съ 15-го октября получено 2 ф. 10 шилл.

1954. Письмо къ В. Т. Кельсіевой.

(Октябрь 1862).

Письмо ваше, почтеннѣйшая Варвара Тимоѣевна, я тогда же отослалъ. Въ томъ домѣ, гдѣ живетъ Бакунинъ (10, Paddington green), есть одна комната въ *вс 7 шилл.* и возлѣ *вс 10 шилл.*; тамъ, я полагаю, вы можете провести нѣсколько дней. Мы можемъ на

первый случай вамъ обезпечить еще мѣсяца на два по $1\frac{1}{2}$ фунта въ недѣлю. На сію минуту уроки Ольгѣ даетъ Ковалевскій ¹⁾, онъ черезъ мѣсяць ѣдетъ.

Псылаю вамъ $\frac{1}{2}$ 5-фунтовой бумажки; отвѣчайте тотчасъ о квартирѣ, я тотчасъ по полученіи пришлю 2-ую половину (это будетъ всего 15 фун., т.-е. два мѣсяца съ половиной).

Усердно кланяюсь вамъ

А. Герценъ.

1955. Письмо къ Іосифу Цверцякевичу.

22 octobre 1862.

Très secrète.

10, Paddington green, W ²⁾.

Votre dernière lettre nous a vivement impressionné. Ainsi, l'affaire est décidée et cette décision pourra amener un péril général. Que pouvons-nous faire? Jugez vous-même.

Faut-il que je vous dise que vous rendiez 25,000 hommes victimes de nos entreprises, c'est-à-dire qu'ils deviennent tous recrues militaires? Je ne puis en parler, tellement cela me paraît rebutant.

Et, en même temps, la nécessité de cette entreprise est si claire qu'avec une amère hardiesse je vous dirai encore pour la dernière fois ce qui me paraît très évident: faites des recrues; mais ne faites aucune démonstration pour laquelle il n'y a pas la moindre chance de succès. Les recrues dans deux ou trois ans s'émansiperont; partout où ils se trouveront, ils se tâcheront de s'attacher à l'affaire générale. En agissant maintenant d'une autre façon, vous tueriez ces pauvres gens comme des bestiaux et vous arrêteriez le mouvement russe encore pour un demi-siècle. Quant à la Pologne, elle périrait en ce cas irrévocablement.

Voyez ce qui suit: à Varsovie on a amené trois régiments de la garde impériale. La Prusse, après avoir renversé la constitution, se jettera sur Varsovie au premier appel. Quant à la France, alors elle triomphe partout. De la part de l'autre partie de l'Europe, vous n'avez pas la moindre chance. Ainsi, que pourrons-nous faire? Nous vous disons que nous représentons la force de la propagande littéraire; que jusqu'ici nous n'avons aucune force pratique; que notre organisation est loin d'être prête; par conséquent, nous nous bornons, comme action, à des relations avec le Comité russe à Varsovie. Nous

¹⁾ Владиміръ Онуфріевичъ.

²⁾ Писано у Бакунина.

lui dirons: «Soulevez-vous en même temps que les révoltés polonais à Varsovie». Mais, se soulèveront-ils? C'est encore une question. Vous-même, vous dites que la Pologne agricole ainsi que les paysans en Lithuanie dispensés du service militaire ne seront en état de rien faire. Avec qui donc pourra sympathiser le soldat russe, paysan avant tout lui-même et qui aurait marché d'accord avec les intérêts des paysans et pas avec les intérêts des citadins? Ce n'est pas tout encore. Supposons que les troupes qui résident en ville se révoltent. Elles se couvaincront instinctivement que l'affaire ne se terminera pas avec le renvoi du Gouv-t Russe de Varsovie et qu'il faudra lutter contre les autres troupes. Par conséquent, il est plus qu'indispensable d'avoir chez vous un chef militaire. Ya-t-il un homme que le comité de Varsovie puisse montrer aux troupes et qui, en leur disant: *Marchez!* obtiendrait leur obéissance? Un tel homme nous manque. Par conséquent, de la part des troupes les chances sont plus que douteuses. Ainsi, vous n'agirez pas avec la Pologne agricole, mais seulement avec 25.000 hommes, appelés au service [militaire. Si ces 25,000 hommes étaient réunis en un seul corps de volontaires, cela produirait encore quelque chose. Mais, réfléchissez que ces 25000 hommes sont épars dans les villes de la Pologne. Contre chaque groupe de ces individus il y aura de l'artillerie et une division. Supposons que dans une seule ville les soldats se rallient à nous et que dans une autre ville un autre groupe tire sur le peuple; il n'y a pas la moindre chance de rattacher tous ces hommes au peuple. Etes-vous encore sûr du chiffre de 25.000 hommes? Comment pourra-t-on les obtenir en ne prenant que 5 hommes sur 1000? Dans l'ignorance où nous sommes de toute force qui puisse vous séconder, nous agirions d'une façon ignoble en disant à vos officiers, que nous ne pouvons soutenir: «*Agissez, vous serez soutenus*». Si vous avez la moindre sympathie pour la liberté russe et si votre amour pour la liberté polonaise l'emporte sur votre douleur; si vous craignez de faire des victimes inutiles; alors, je vous supplie de ne faire aucun mouvement, car il n'aurait aucun succès et mettrait les deux libertés en péril en préparant un nouveau triomphe au Cab-t Tsarien. Savez-vous pourquoi la réaction triomphe toujours? Parce qu'elle joue en toute sûreté dans toutes les circonstances, tandis que nous, nous jouons au hasard. Avant que M-r Ogarew vous écrivit une lettre, nous causâmes longtemps ensemble; ainsi, je vous expose ses propres sentiments là-dessus. Croyez à la sincérité de nos sympathies. Mais, songez-y, que pouvons-nous faire si nous ne vous voyons pas en état de remporter une victoire contre votre plus grand ennemi? Remarquez qu'en Russie la consternation règne de nouveau dans les esprits, consternation produite par le faux mirage des réformes et des changements.

Enfin, cela m'étouffel.. Notre réponse, à ce qu'il paraît, imprimée dans le «Колоколь» ne vous a pas convenu.... Tendez-moi votre main.

A. Herzen.

Переводъ.

22 окт. 1862.

Ваше послѣднее письмо произвело на насъ огромное впечатлѣніе. Итакъ, дѣло рѣшено, и это рѣшеніе можетъ повлечь за собой всеобщую опасность. Что мы можемъ сдѣлать? Посудите сами.

Говорить ли мнѣ Вамъ, чтобы Вы пожертвовали 25000 людей для нашего дѣла, т.-е. сдѣлали бы ихъ военными рекрутами? Я не могу этого сказать, настолько мнѣ это кажется ужаснымъ.

И въ то же время необходимость этого настолько ясна, что я Вамъ скажу еще въ послѣдній разъ съ горькой смѣлостью то, что мнѣ кажется очевиднымъ: произведите наборъ рекрутовъ, но не дѣлайте демонстраціи тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Черезъ 2—3 года рекруты проникнутся духомъ свободы; они повсюду, гдѣ бы ни оказались, постараются приобщиться къ общему дѣлу. Если Вы сейчасъ поступите иначе, вы поведете этихъ бѣднягъ на закланіе, какъ животныхъ, и остановите движеніе въ Россіи еще на полвѣка; что же касается Польши, то въ такомъ случаѣ Вы ее безвозвратно погубите.

Посудите: въ Варшаву прибыло три императорскихъ гвардейскихъ полка. Нарушивъ конституцію, Пруссія бросится на Варшаву по первому призыву; что же касается Франціи, то она торжествуетъ повсюду. Со стороны остальной Европы Вамъ рѣшительно нечего ждать. Итакъ, что остается намъ дѣлать? Мы заявляемъ Вамъ, что мы являемся представителями литературной силы; что до сихъ поръ мы не имѣемъ силы практической, что наша организація далеко не закончена. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы ограничиваемъ нашу дѣятельность сношеніями съ русскимъ Комитетомъ въ Варшавѣ. Мы ему заявимъ: «Поднимите возстаніе одновременно съ польскими инсургентами въ Варшавѣ». Но возстанутъ ли они? это — еще вопросъ. Вы сами думаете, что крестьянская Польша и литовскіе крестьяне, освобожденные отъ воинской повинности, ничего не сдѣлаютъ. Куда же потянетъ русскаго солдата, прежде всего землешаца, которому интересы крестьянина гораздо ближе интересовъ горожанъ? Это еще не все. Предположимъ, что возстаніе охватитъ городское войско. Вѣдь, оно инстинктивно почувствуетъ, что дѣло не ограничится изгнаніемъ изъ Варшавы русскаго правительства, что предстоитъ борьба съ другими войсками. Въ результатъ всего этого Вамъ болѣе, чѣмъ необходимъ, военный начальникъ. Имѣется

ли въ распоряженіи варшавскаго комитета человекъ, которому войска повиновались бы, если бы онъ имъ сказалъ: *«Впередъ!»*. Такого человекъ намъ недостаетъ. Слѣдовательно, что касается войскъ, то тутъ надежды болѣе, чѣмъ сомнительны. Итакъ, Вамъ придется дѣйствовать не съ крестьянской Польшей, а только съ 25.000 призванныхъ на военную службу. Изъ этого вышелъ бы еще толкъ, если бы эти 25.000 человекъ были объединены въ полкъ добровольцевъ. Но, вы только подумайте: вѣдь, эти 25.000 человекъ разбросаны по городамъ Польши. Противъ каждой кучки этихъ единицъ будетъ дѣйствовать артиллерія да еще цѣлая дивизія. Предположимъ, что хоть въ одномъ городѣ солдаты перейдутъ на нашу сторону, а въ другомъ городѣ другая группа начнетъ стрѣлять въ народъ; нѣтъ ни малѣйшей надежды заставить всѣхъ этихъ солдатъ примкнуть къ народу.. Увѣрены ли Вы еще въ цифрѣ 25000? Какъ она получается, считая только по 5 человекъ съ 1000? Будучи въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно силы, могущей поддержать васъ, мы бы поступили подло, говоря вашимъ офицерамъ, которымъ мы не въ силахъ оказать помощи: *«Дѣйствуйте, мы васъ поддержимъ»*. Если Вы хоть сколько-нибудь сочувствуете русской свободѣ, и если ваша любовь къ свободѣ Польши перевѣшиваетъ ваше горе; если вы боитесь напрасныхъ жертвъ, — я Васъ умоляю не совершать выступленія, ибо оно не имѣетъ ни малѣйшаго шанса на успѣхъ и лишь подвергнетъ свободу обѣихъ странъ опасности, подготовивъ новое торжество царскому кабинету министровъ. Знаете, почему реакція всегда торжествуетъ? Потому что при всякихъ обстоятельствахъ она дѣйствуетъ съ полной увѣренностью, тогда какъ мы дѣйствуемъ наудачу. Прежде, чѣмъ Огаревъ написалъ Вамъ письмо, мы съ нимъ долго бесѣдовали. Итакъ, я излагаю Вамъ его же мнѣнія по этому вопросу. Вѣрьте въ наше искреннее расположеніе, но подумайте, что же намъ подѣлать, если мы видимъ, что вы не будете въ силахъ побѣдить нашего злѣйшаго врага? Замѣтьте, въ Россіи умы снова возбуждены, и возбужденіе это вызвано обманчивыми призраками реформъ и улучшеній. Я начинаю, наконецъ, задыхаться!.. Повидимому, нашъ отвѣтъ въ «Колоколѣ» Васъ не удовлетворилъ... Жму вашу руку.

А. Герцена.

1956. Письмо къ Н. А. Герценъ.

22 окт. (1862), вторникъ.
 † Orsett House.

Милая Тата, я чрезвычайно доволенъ твоимъ письмомъ къ Огареву, доволенъ всѣмъ въ немъ: и теплотой чувства и пониманіемъ; доволенъ я и тѣмъ, что ты, наконецъ, поняла (и не много надобно было тебѣ времени на это), что, все же, эти хорошіе люди—люди *чужіе*. Я знаю, что наша полумонастырская, полуклубная жизнь не можетъ удовлетворить всѣмъ молодымъ потребностямъ, но, поживши въ ней, ты будешь чувствовать *тѣсноту* всякой другой жизни. Саша и даже Мейз. увлекаются наружнымъ порядкомъ, и я бы его любилъ, если-бъ легко онъ доставался, но онъ покупается очень дорого... Итакъ, другъ мой, оставайся въ душѣ русской дѣвушкой и храни въ себѣ это чувство родства и сочувствія къ нашей формѣ.

Второй пунктъ твоей религіи да будетъ искусство. Помни, что дни твоей жизни въ Брюсселѣ сочтены. Лови каждую минуту и помни: этотъ случай не представится больше.

Кстати, пріѣхать (если ничего не будетъ особеннаго) я готовъ. Напиши мнѣ очень обстоятельно, когда, ты думаешь, мнѣ надобно пріѣхать. Конечно, если-бъ можно было еще мѣсяца два остаться (живши особо), я привезъ бы Ольгу и Мейз.—напиши обо всемъ очень обстоятельно.

Отдай 2-ю половину ¹⁾, которую посылаю, M-me Gallait съ благодарностью; что еще я долженъ за тебя, пришлю или отдамъ лично.

Ольга обижается, что ты ей не напишешь особаго письма.

У насъ все хорошо. Бакунинъ и беби ²⁾ шалятъ, Лиза очень умна. Обнимаю тебя—кланяйся Галлэ—я буду къ нему писать.

Прощай.

Папа не-римскій.

¹⁾ Банковаго билета.

²⁾ Елена и Алексѣй.

1957. Письмо къ И. С. Тургеневу.

28 окт. (1862).

Orsett House, Westbourne terrace.

Любезный Тургеневъ,

Вотъ тебѣ Ник. Плат. Трубецкой,—онъ ѣдетъ въ Италію. Онъ у меня работаль около года очень хорошо; скажи ему адресъ Боткина.

Прощай,

т.-е. до свиданія.

1958. (Четвертый запросъ отъ издателей „Колокола“).

Три раза спрашивали мы, чѣмъ кончилось знаменитое слѣдствіе о зажигательствахъ, по которому сидѣли сотни человѣкъ въ крѣпости и въ частныхъ домахъ. Отвѣта не было, а потому мы сами теперь отвѣчаемъ: все это былъ полицейскій обманъ, который долженъ былъ напугать императора вверху и слабыхъ внизу. Зажигателей внѣ полиціи не нашли, а въ полиціи *не искали*... Не попробовать ли??

1959. Смертный приговоръ.

«Indépendance» говоритъ, что студентъ Яковлевъ приговоренъ быть разстрѣляннымъ, капитанъ Энгель и еще два офицера ¹⁾—къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ правъ состоянія.

Читатели наши помнятъ, что по тому же дѣлу фельдфебель Миннихъ приговоренъ къ потомственному дворянству ²⁾. ¹

◆◆ 1. Въ концѣ ноября въ Москвѣ была выпущена прокламація къ студентамъ, быстро распространившаяся и по другимъ университетскимъ городамъ. Перепечатаваю ее впервые:

«Студенты! Неотложныя требованія, возникшія въ самой жизни вашей,—все соединяется къ тому, чтобы осуществить всѣ надежды ваши и всѣ пламенные ожиданія. Здѣсь придется вамъ еще разъ

¹⁾ Поручики Носниковъ и Еллинскій.

²⁾ Сентенція военнаго суда по этому дѣлу напечатана въ № 286 «Рус. Инвалида» 1862 г.

повторить то же самое, что уже не разъ было нами сказано. Но если вы отчаиваетесь въ успѣхѣ, не видя еще результатовъ,—мужайтесь,—результаты явятся сами собой,—скажите, кто начинаетъ постройку дома съ крыши? Имѣйте только твердыя политическія убѣжденія съ примѣсю нравственныхъ.—Дѣло въ томъ: никогда не измѣняйте имъ и носите ихъ въ душѣ вашей.—

«Должно, однако, сказать, что послѣднее время на васъ при- выкли смотрѣть съ какой-то особой, мрачной точки зрѣнія и вы должны выдержать этотъ напоръ общественнаго мнѣнія съ несокрушимымъ спокойствіемъ.—Работа еще только начинается, только слышны еще первые неровные удары топора... Идите же къ призванію, зовущему васъ неотложной судьбой!—Деспотизмъ убилъ всякую свободную жизнь, и страшно отъ него потерянь челоувѣкъ,— всего должно ожидать сверху отъ высшихъ велѣній.—Деспотизмъ общій подавилъ все, весь интересъ—и мѣстный, и частный.—Онъ не оставилъ ни одного пункта свободнымъ отъ своихъ вліяній и съ умѣнемъ управляетъ въ своихъ общественныхъ дѣлахъ.—Но онъ слишкомъ много взялъ на себя, и его задачи скоро будутъ совершенно не выполнены.

«Надо же подавить его сразу, однимъ ударомъ и все построить совершенно на новыхъ началахъ,—не забудьте, что свобода теперь нисколько не дѣлаетъ шага впередъ,—она скорѣе дѣлаетъ его назадъ и окончательно сосредоточена въ правительственной власти.—Отъ какихъ же причинъ это зависитъ и при какихъ условіяхъ совершается?—Опять повторяемъ: отъ деспотизма.—

«Студенты! Готовьтесь же къ будущимъ подвигамъ, принесите вашему дѣлу и пользу, и славную о себѣ память, да скажетъ грядущее поколѣніе, что вы можете послужить примѣромъ, по неизмѣнной твердости, достойнымъ подражанія».

1960. (Головинская цензура).

Къ характеристикѣ головинской свободы книгопечатанія и безцензурнаго печатанія книгъ научнаго содержанія не мѣшаетъ замѣтить, что первый выпускъ «Сравнительной анатоміи», изданный сыномъ издателя «Колокола», запрещенъ въ Россіи... ⁵⁾ Что у Путьгина были японскія замѣшки, не удивительно, но либеральный

⁵⁾ А. А. Герценъ «Общепонятное изложеніе сравнительной анатоміи и зоологіи», Лондонъ, 1862. Курьезно, что нѣкоторые «библіографы», а за ними и многіе бібліотекари приписывали это сочиненіе отцу.

Головнинъ откуда взялъ библейскія понятія гоненій до седьмого колѣна?.. Какіе мелкіе, ничтожныя люди всѣ эти злые карлики ¹⁾ и злые великаны ²⁾, которые пасутъ Россію.

1961. Письмо къ И. С. Тургеневу.

1 нояб. (1862).

Orsett House, Westbourne terrace.

Итакъ, ты вообразилъ, что я разсердился за адресъ. Во-первыхъ, единственное дѣло адреса, которое можетъ меня посорить съ тобой,—это, если ты мнѣ не дашь адреса твоего дома.

Политическимъ человѣкомъ я тебя никогда не считалъ и теперь не считаю, несмотря на то, что ты съ Робинзономъ Крузе ³⁾ на островѣ Вайтѣ говорилъ объ азбукѣ ⁴⁾.

Напротивъ, то, что ты четыре раза писалъ объясненія, смягченія, кавзы атенуантныя ⁵⁾ и консидераны ⁶⁾ (не Викторы ⁷⁾), меня помирило бы съ тобой и въ самомъ дѣлѣ, если-бъ я въ гнѣвобѣсіе взошелъ. ¹

Позвольте спросить, какъ нравится продолженіе писемъ «Концы.....»?

Если кто вздумаетъ въ фондъ или Б. ⁸⁾ денегъ—бери. А прогос, я твоему полячку далъ еще 10 шилл.

Если Ботк. въ Парижѣ, то скажи ему, что я въ Лондонѣ.

Если Ханьковъ ⁹⁾ въ Парижѣ, то скажи ему, что, если онъ впредь пріѣдетъ ко мнѣ, то, что я умоляю его оставить адресъ свой не въ Испани и не въ Хорассанѣ, а въ томъ городѣ, гдѣ я живу.

Я его искалъ... искалъ, но Лондонъ великъ—одна весь Господня больше, да зато ея нѣтъ.

◆◆ 1. На это Тургеневъ отвѣтилъ 4 ноября изъ Парижа: «Милый А. И.! Твое краткое письмо меня пространно порадовало—

¹⁾ Головнинъ былъ небольшого роста.

²⁾ В. Н. Панинъ.

³⁾ Н. Э. фонъ-Крузе.

⁴⁾ Т.-е. объ организаціи общества для распространенія грамотности.

⁵⁾ Causes atténuantes—смягчающіе вину мотивы.

⁶⁾ Considérants—соображенія.

⁷⁾ То-есть, не Викторы Консидераны; Викторъ Консидеранъ—французскій экономистъ школы Фурье.

⁸⁾ М. А. Бакунинъ.

⁹⁾ Николай Владиміровичъ, ориенталистъ.

сказаль бы авторъ «Мизераблей»¹⁾—и я желаю тебѣ сообщить, что я прибыль сюда на-дняхъ и поселился на своей старой квартирѣ. Я не думаль, что ты сердидься на меня за мое несогласіе на адресъ, но за то, что я, хотя на нѣкоторое время, помѣшалъ другимъ подписаться подь нимъ. Не могу также согласиться съ тѣмъ, что ты говоришь о моихъ колебаніяхъ, смятеніяхъ и объясненіяхъ: мнѣ помнится, я весьма рѣшительно и безъ всякихъ «консидерановъ» изъявилъ мое неодобреніе сообщеннаго мнѣ проекта. Я могъ ошибиться, но я очень ясно зналъ, какого я былъ мнѣнія. Я вполне согласенъ съ тобой, что я—не политическая натура,—но, коли ужъ на то пошло, признаюсь, лучше быть неоплатоникомъ въ моемъ родѣ, чѣмъ политикомъ въ родѣ Огарева или Бакунина» («Письма», 168—169).

1962. [Общій фондъ].

Въ общій фондъ получено черезъ С. Тхоржевскаго 3 фунта и 2 фунта съ особымъ назначеніемъ.

1963. Письмо къ С. Тхоржевскому.

5 nov. 1862.
Orsett House, Westb. terr.

Cher Tchorzevskj, il m'est presque impossible de venir chez vous à 5 h. Mais j'ai déjà fait savoir à Trubner de l'intention de m. Seydewitz par rapport au livre sur l'Espagne. Il veut voir le livre et la traduction. A ce qu'il paraît—l'affaire est faisable. Priez donc m. Seydewitz de s'aboucher avec Trubner le plus tôt possible.

Votre tout dévoué

A. Herzen.

Переводъ.

5 ноября 1862.

Дорогой Тхоржевскій, мнѣ почти невозможно прийти къ вамъ въ 5 часовъ, но я уже далъ знать Трюбнеру о планахъ г. Зейдевица относительно книги объ Испаніи. Онъ хочетъ видѣть книгу и переводъ ея. Повидимому, дѣло сладится. Итакъ, попросите г. Зейдевица, чтобы онъ поговорилъ съ Трюбнеромъ какъ можно скорѣе.

Всецѣло преданный вамъ

A. Герценъ.¹

¹⁾ Т.-е. В. Гюго, авторъ романа «Les misérables».

◆◆ 1. Въ это время назрѣвали планы по реорганизаціи типографіи и издательства Герцена. 4 ноября Тхоржевскій писалъ В. И. Касаткину въ Женеву:

«Вчера вечеромъ уѣхалъ А. А. Серно-Соловьевичъ; онъ мнѣ передалъ ваше письмо, на которое хоть въ части буду отвѣчать... Изъ разныхъ предложеній и съ вашей стороны и со стороны Берневой ¹⁾ типографіи вышелъ на скорую руку планъ не только соединенія двухъ враждебныхъ типографій, но основаніе общества издательства всѣхъ сочиненій и «Колоколовъ», такъ что гдѣ бы они ни печатались, то все равно будетъ и для одной и для другой стороны. Въ обществѣ примутъ участіе главное: Николай Платоновичъ, Александръ Ивановичъ съ сыномъ, Чернецкій, Бакстъ, я и вы; какъ книгопродавцы: Серно-Соловьевичъ, А. А. Черкесовъ и еще двое или трое денежныхъ людей. Общество будетъ основано на акціяхъ, т.-е. соотвѣтственно взносу, барышъ—отъ получаемыхъ изъ «издавництва» «Колокола» и всѣхъ нужныхъ книгъ; люди спеціальные, какъ типографы и другіе, должны получать жалованье, которое, разумѣется, нужно на содержаніе. Мы, если захотите, будемъ заниматься и торговлею книжною, которая не взойдетъ въ общество, но это другой вопросъ. «Колоколъ», какъ всегда, долженъ принадлежать А. И., но общество будетъ печатать и продавать сколько угодно, а редакція будетъ отдѣльно вознаграждена, кромѣ барыша, который редакція будетъ имѣть, какъ акціонерка. Это все—проектъ, составленный вчера мною и Серно-Соловьевичемъ вечеромъ, за нѣсколько часовъ передъ его отъѣздомъ, а утромъ былъ только проектъ соединенія типографій, въ которомъ только должны были участвовать А. И., Чернецкій и Бакстъ. Въ этомъ проектѣ я видѣлъ всю тяжесть на А. И., а потому мысль этого обширнаго проекта надобно развить какъ можно скорѣе и, разумѣется, отдать одному дѣльному законодателю замѣтить на параграфы. Что вы объ этомъ думаете и какъ хотите участвовать? Жаль, что Серно-Соловьевичъ уѣхалъ въ Неаполь, но, кажется, онъ будетъ у васъ въ Женевѣ. Николай Платоновичъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Ричмондъ. Василій Ивановичъ (Кельсіевъ—*М. Л.*) еще въ Константинополь, еще не возвращался, а его жена здѣсь безъ денегъ etc., etc.

«А. И. все еще узнаетъ подробнѣе о томъ, какія «Записки» тоже декабристовъ печатаются въ Берлинѣ у Шнейдера. Это вещь важная, если кто-нибудь такой же экземпляръ продалъ въ Берлинѣ».

¹⁾ Въ гор. Бернѣ.

Касаткинъ писалъ Герцену: «9 утромъ С.-С. и Ч. уѣхали отсюда въ Неаполь. 7 и 8 мы толковали объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ. Результаты нашихъ совѣщаній въ видѣ основныхъ положеній проекта я посылаю къ Тхоржевскому, который и сообщитъ вамъ его. Разсмотрите и обсудите его сообща, по возможности, во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ ваши замѣчанія, измѣненія и соображенія потрудитесь сообщить мнѣ или Баксту для увѣдомленія о томъ С.-С. и дальнѣйшей разработки проекта. Пока еще нѣтъ денегъ, но всѣ, въ томъ числѣ и я, надѣмся, что они скоро будутъ. Мои надежды должны осуществиться къ концу декабря, если дѣло не встрѣтитъ особыхъ препятствій. До тѣхъ поръ положеніе обѣихъ типографій и книжнаго дѣла должно остаться *in statu quo*. По моему мнѣнію, Бакстъ въ настоящемъ положеніи не можетъ ничего сдѣлать; всякія поддержки бесполезны и ни къ чему не приведутъ. Отъ осуществленія же проекта дѣло принимаетъ съ самаго начала его совершенно другой и, можно заранѣе сказать, хорошій оборотъ. Такъ какъ большинство шансовъ за то, что деньги будутъ, то, не теряя времени, слѣдуетъ обсудить и развить проектъ во всѣхъ подробностяхъ, чтобы имѣть возможность сначала же новаго года приступить къ его осуществленію. Больше пока мнѣ нечего прибавить къ этому и я буду ждать вашихъ отвѣтовъ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдствен. комиссіи, № 63).

22 января 1863 г. Тхоржевскій писалъ Касаткину, котораго вызывали черезъ посольство въ Россію: «Сегодня я ваше письмо получилъ и сегодня отвѣчаю, потому что въ васъ разделить неприятную новость, съ одной стороны, но съ другой—она очень хороша: если бы они молчали, то васъ бы поймали, а теперь поклонитесь имъ и пожелайте худого здоровья. Если вы обезпечены денежно, то вамъ, дѣйствительно, пріятнѣе жить за границую теперь, какъ на родинѣ; вѣдь, не долго ждать и я имѣю надежду возвращенія (очень характерное свидѣтельство убѣжденія, что польское возстаніе дастъ положительные результаты—*М. Л.*). Старайтесь какъ можно скорѣе собрать свои деньги,—вотъ въ чемъ дѣло, и, имѣя ихъ въ карманѣ, въ Лондонѣ и даже въ Швейцаріи, особенно въ Швейцаріи, я бы вамъ совѣтовалъ купить что-нибудь такъ, чтобъ быть обезпеченнымъ, а въ части связаться съ нами и помогать тоже и дѣлу и тоже выручать немножко пользы. Если вы къ намъ не приступите, то-есть къ дѣламъ книжной лавки, то, кажется, я съ Александромъ (*А. А. Герценъ — М. Л.*) что-нибудь сдѣлаю, хотя для него теперь тоже главная задача—американскія дѣла, которыя для *А. И. (Герцена—М. Л.)* идутъ очень

плохо: за его бумаги даютъ 40 за 100. Вотъ видите, въ какомъ и они находятся положеніи. Записку вашу передалъ сегодня и буду ихъ просить, чтобъ они вамъ отвѣчали какъ можно скорѣй».

Черкесовъ писалъ Герцену изъ Цюриха 20 апрѣля 1863 г.: «Не имѣя никакихъ полржительныхъ извѣстій изъ Россіи и желая наполнить время выжиданія, я переѣхалъ въ Цюрихъ слушать лекціи въ Политехнической школѣ. Но это нисколько не охлаждаетъ моей ревности къ другой специальности — приносить посильную пользу своему рѣдному дѣлу. Въ Цюрихѣ, какъ вамъ извѣстно, находится Центральный швейцарско-польскій Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Фегели. Комитетъ этотъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ сношенія съ Польшей (слѣдовательно, и Россіей) изъ Швейцаріи. Мнѣ кажется, что было бы крайне полезно сблизиться съ нимъ, чтобы при его содѣйствіи устроить сбытъ мѣстныхъ произведеній въ Россію. Но я не могу имѣть къ нему доступа безъ свидѣтельства о моей благонадежности. Мнѣ не у кого просить его, кромѣ васъ. Сдѣлайте одолженіе пришлите мнѣ нѣсколько строкъ, удостовѣряющихъ, что вы меня знаете, какъ человѣка, готоваго честно работать для русскаго и польскаго освобожденія. Потрудитесь прислать эту записку (на французскомъ языкѣ) на имя Комитета или гр. Платера, вложивъ въ конвертъ на мое имя: Черкесовъ, Цюрихъ, *poste restante*. Затѣмъ, если найдете нужнымъ поручить мнѣ что-нибудь съ вашей стороны, располагайте мною, какъ своей рукой; я уже имѣю кладъ для отправки и потому прошу васъ прислать записку поскорѣе, чтобы не задерживать отправки».

Приведу нѣкоторыя свѣдѣнія о двухъ упоминавшихся сотрудникахъ Герцена по распространенію его изданій.

«Касаткинъ, Викторъ, родился въ 1831-мъ году, эмигрантъ, былъ женатъ на дочери московскаго купца Елисаветѣ Шиловой, сотрудникъ Герцена въ Лондонѣ, человѣкъ съ денежными средствами, переѣхавшій потомъ съ нимъ вмѣстѣ въ Швейцарію. Жена его горячо содѣйствовала ему въ его дѣятельности и оставалась въ Женевѣ послѣ его смерти. Въ мартѣ 1870 года онъ устраивалъ сходку въ *Café Helvétique*, въ Женевѣ, вмѣстѣ съ Трусомъ. Онъ умеръ въ 1871-мъ (?) году въ Женевѣ, а вдова его вышла замужъ за предсѣдателя какого-то демократическаго общества Марсели» (голицынская десятая глава «Исторіи соціально-революц. движенія въ Россіи»).

20 марта 1862 г. новгородскому жандарму было предписано провѣрить, дѣйствительно ли прибывшій въ Череповецкій уѣздъ чиновникъ мин. госуд. имуществъ Александръ Александровичъ Чер-

кесовъ старается распространять вредныя идеи и ложныя понятія относительно права владѣнія землею. Онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при ярославской палатѣ госуд. имуществъ, вышелъ въ отставку и прибылъ въ доставшееся ему по наслѣдству имѣніе, гдѣ и занимался составленіемъ уставныхъ грамотъ, предоставивъ въ пользованіе крестьянъ, вмѣсто положенныхъ 5¹/₂, по 7¹/₂ дес. на душу. Жандармъ находилъ, что при всей осторожности Черкесовъ «нѣсколько увлеченъ ложными понятіями нынѣшнихъ молодыхъ людей, что подтверждается и тѣмъ, что онъ, не имѣя излишнихъ средствъ къ существованію, отправился въ С. Пб. для путешествія, какъ говорятъ, на лондонскую всемірную выставку». 1 августа было предписано арестовать его при возвращеніи изъ-за границы. 15 іюля 1865 г. нижегородскому жандарму предписано было слѣдить, не появится ли подъ чужимъ именемъ эмигрантъ А. А. Черкесовъ, 26—27 лѣтъ, намѣревающийся прибыть туда тайно, а если будетъ обнаруженъ, арестовать и доставить въ III Отдѣленіе. 16 августа онъ былъ арестованъ въ Вержболовѣ и 18-го сданъ III Отдѣленію, которое обвинило его въ близкихъ сношеніяхъ съ Герценомъ, Огаревымъ, А. Серно-Соловьевичемъ, Касаткинымъ, Бакстомъ, Лугининымъ и въ особенности Бакунинымъ, веденіи съ ними переписки и принятіи участія въ ихъ замыслахъ.

Черкесовъ отрицалъ эти обвиненія, сказавъ, что ѣздилъ за границу по болѣзни и для посѣщенія выставки и былъ только нѣсколько разъ въ книжной лавкѣ Тхоржевскаго. Ничего предосудительнаго у него найдено не было, а секретныя свѣдѣнія III Отдѣленія не представляли юридическихъ данныхъ для производства дальнѣйшаго формальнаго слѣдствія. Въ виду этого комиссія запросила сенатъ, нужно ли дальше держать подъ арестомъ Черкесова, вызваннаго имъ собственно для дачи показаній по дѣламъ Губнера, Рымаренка и др.

21 сентября Черкесовъ заявилъ сенату, что послѣ крика на него въ тотъ день сен. Карніюлинъ-Пинскаго, данную имъ подписку о неимѣніи ни на кого изъ сенаторовъ никакого подозрѣнія, онъ считаетъ недѣйствительной. Сенатъ, конечно, взялъ коллегу подъ свою защиту и призналъ, что заявленіе Черкесова подлежитъ оставленію безъ послѣдствій. Въ октябрѣ 1865 г. Черкесовъ былъ освобожденъ отъ ареста (при III Отдѣленіи) и отданъ на поруки (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230 ч. 81).

1964. Общій фондъ.

Съ 1 ноября въ *общій фондъ* получено изъ Италіи 8 фунтовъ и 100 франковъ; сверхъ того, съ особымъ назначеніемъ—изъ Германіи 131 фран. по векселю и 20 франковъ. При этомъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ. Первая присылка денегъ началась съ половины мая; до половины ноября мы получили въ *общій фондъ* 163 фунта 1 шилл., изъ нихъ истратили 90 фун. (30 въ томъ числѣ даны заимообразно); итакъ, у насъ остается 73 фун. 1 шилл.

Теперь мы спрашиваемъ друзей нашихъ, преимущественно тѣхъ, которые просили насъ объ учрежденіи *общаго фонда*, назначаемого для русской пропаганды и для вспомошествованія русскимъ, пострадавшимъ отъ политическихъ гоненій: можемъ ли мы что-нибудь дѣлать съ такими *скромными* средствами?

1965. („Не мое дѣло“).

Кстати, правда ли, что Константинъ Николаевичъ положилъ резолюцію на просьбу маіора Миклашевскаго, разбитаго параличомъ; объ опредѣленіи дѣтей въ казенное заведеніе—«Не мое дѣло»?

1966. Съ кѣмъ война?

Чувствительный корреспондентъ «Русскаго Инвалида», рассказывая о своихъ *сенсацияхъ* при отправкѣ гвардейскаго полка въ Варшаву, заключаетъ сальваторъ-розовскую ¹⁾ картину слѣдующими словами:

«Свистокъ—и поѣздъ, напутствуемый благословеніями, тихо тронулся. Прошло нѣсколько секундъ, но мы всѣ, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то магическаго впечатлѣнія, стояли молча и неподвижно. «Благослови васъ Богъ, товарищи и братья! Укрѣпи ваше мужество и стойкость!»—произнесли мы грустно, взглянувъ въ туманную даль, скрывающую отъ насъ этихъ молодцовъ, съ такой изумительною твердостью и готовностью, оставившихъ, быть можетъ, навсегда, все родное и близкое сердцу, по одному призыву своего государя».

1967. Терроръ по губерніямъ и новый способъ лѣчить отъ чахотки.

Мѣсяца два тому назадъ отставной подпоручикъ Щелканъ безъ всякаго слѣдствія и суда сосланъ на жительство изъ Полтавы въ Астрахань. При этомъ очень замѣчательно то, что та же врачебная управа, которая

¹⁾ Знаменитый итальянскій художникъ Сальваторъ Роза прославился, между прочимъ, жанровыми картинами изъ быта солдатъ и бандитовъ:

два мѣсяца назадъ, свидѣтельствуя его для отставки, нашла у него чахотку въ полномъ развитіи, теперь, свидѣтельствуя его по поводу отзыва его, что онъ до Астрахани живой не доѣдетъ, нашла, что чахотка, къ счастью, миновала и обратилась въ простой катарръ. Свидѣтельствовали доктора: Калиновскій и Величко: Инспекторъ управы, бывшій въ отлучкѣ, пришелъ въ удивленіе отъ быстрого излѣченія болѣзни. Щелканъ взялъ свидѣтельство отъ пяти докторовъ, послѣдовательно лѣчившихъ его: Бобровскаго, Бородева, Цитовича, Клередера и Зеленскаго, и препроводилъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ. Но въ ожиданіи консультаціи Валуева *его, все-таки, повезли въ Астрахань.* †

◆◆ 1. Въ ноябрѣ 1862 г. въ Казани студентомъ университета Умновымъ старшимъ была написана и отпечатана прокламація, начинавшаяся словами: «Долго давили васъ, братцы». Для болѣе вѣрнаго скрятія слѣдовъ ея происхожденія, прокламація была распространена сначала въ центральныхъ и столичныхъ губерніяхъ, а затѣмъ уже выпущена на Волгѣ и въ Казанской губ. Нельзя не отмѣтить, что при своей большой распространенности она попала въ III Отдѣленіе только въ маѣ 1863 г. Привожу ее буквально. Въ VI кн. «Голоса Минувшаго» 1913 г. она перепечатана съ купюрами и многими неточностями.

«Долго давили васъ, братцы, мучили работой, сѣкли розгами, да кнутами, водили женъ и дочерей вашихъ къ барину; все вы терпѣли; все надѣялись, вотъ-де батюшка царь вспомнить объ насъ бѣдныхъ, да и защититъ насъ. Вотъ и вспомнилъ объ васъ царь: написалъ, пять лѣтъ тому назадъ, манифестъ: хочу-де крестьянъ освободить. Повѣрили вы царскому слову и ужъ какъ то, сердечные, молились Богу за своего избавителя, а царь тѣмъ временемъ собиралъ совѣты изъ помѣщиковъ, судилъ да рядилъ съ ними и наконецъ далъ вамъ волю. Прочитали вамъ эту волю; пораскинули вы умомъ разумомъ, да и призадумались. Ничего-то тутъ не поймешь, что это за воля такая. Вольные вы люди стали, только земли то вамъ недали, а хотите имѣть землю такъ выкупайте ее на свои кровныя денежки. Вольные вы люди стали и ужъ помѣщикъ не смѣетъ васъ тронуть, да можетъ онъ пожаловаться начальникамъ, а тѣ хоть полдеревни готовы передраť или сослать въ Сибирь. Не повѣрили вы этому, не повѣрили, чтобы царь обѣщалъ волю дать и не сдержалъ своего обѣщанія царскаго; и подумали вы, что обманываютъ васъ помѣщичики да чиновники, что не царскій они вамъ указъ читаютъ. И послалъ царь вразумить васъ своихъ генераловъ, и стали они вразумлять васъ розгами, да солдатскими штыками, да пулями. Да ужъ больно вы видно на царя-то понадѣялись и пули-то не разувѣрили васъ. Наконецъ царь самъ въ Полтавѣ велѣлъ собрать

волостныхъ головъ и сказалъ имъ: «дошли до меня слухи, что вы ждете черезъ два года какой-то новой воли—никакой вамъ больше воли не будетъ»; да велѣлъ еще это и въ газетахъ припечатать. Восьмого Сентября нынѣшняго года праздновалъ царь въ Новгородѣ тысячелѣтіе Россіи. Нѣкоторые изъ васъ думали, что будетъ милостивый манифестъ и что царь дастъ наконецъ волю. А онъ въ Новгородѣ-то сказалъ народу опять тоже, что и въ Пѣлтавѣ: «вы все ждете новыхъ благодѣяній, не ждите ничего больше, а торожитесь сдѣлками съ помѣщиками». А вмѣсто милостиваго манифеста назначилъ рекрутскій наборъ. Вотъ вамъ и надежда государь!!

«Нѣтъ, братцы, плоха надежда на нашего царя батюшку. Помните-ка сами кто его совѣтники? Бары, да помѣщики. Такъ кто-же ему про вашу нужду расскажетъ; да коли кто и скажетъ ему, да коли онъ и захочетъ что сдѣлать для васъ, такъ тѣже бары-помѣщики помѣшаютъ. Хотѣлъ онъ освободить васъ, собралъ совѣтъ изъ помѣщиковъ—вотъ они васъ и освободили. Вы думали, что царь на то и царь, чтобы слабыхъ защищать отъ сильныхъ, бѣдныхъ отъ богатыхъ; а на дѣлѣ-то выходитъ, что онъ вмѣстѣ съ сильными бьетъ слабыхъ, вмѣстѣ съ богатыми обваровываетъ бѣдныхъ. Пророкъ Самуилъ сказалъ народу Израильскому когда совѣтывалъ ему обойтись безъ царя: «И поставитъ (царь) тебѣ сотники и тысящники; и дщери ваши возметъ въ муроварницы и поварницы; и села ваши, и винограды ваши, и маслична ваша драгая возметъ и отдастъ работъ своимъ; сѣмена ваши и винограды ваши одесятствуетъ; и стада ваша благая возметъ и одесятствуетъ на дѣла своя; и пажити ваша одесятствуетъ, и вы будете ему рабы» (1 книга Царствъ, гл. 8). И нашъ царь оказывается значитъ царемъ самуиловскимъ. Полно же, братцы, утѣшать себя пустяками, полно надѣяться на такого государя.

«Вы скажете: на кого же намъ надѣяться? Надѣйтесь, братцы, на самихъ себя да и добывайте себѣ волю сами. Только помните, братцы, что не слѣдуетъ до поры до времени затѣвать дѣло по кучкамъ,—этакъ кромѣ бѣды ничего не добудете. Приведутъ солдаты, велятъ имъ стрѣлять по васъ: однихъ убьютъ, другихъ изувѣчатъ, третьихъ сошлютъ въ каторгу, а остальныхъ опять отдадутъ помѣщикамъ, и послѣдняя будетъ горше первыхъ, и себя стубите и другимъ пользы не принесете. Другое дѣло, какъ всѣ разомъ скажете: «Будетъ-моль терпѣть-то намъ и отъ баръ и отъ чиновниковъ. Довольно на нихъ поработали, довольно отъ нихъ потерпѣли—время и отдохнуть». Да какъ всѣ въ одинъ голосъ жотребуете себѣ волю вольную, такъ тогда и отказать не посмѣютъ

и царь со всѣмъ своимъ войскомъ не въ силахъ будетъ защитить своихъ холоповъ баръ, да чиновниковъ. Подумайте-ка, братцы, вѣдь однихъ помѣщичьихъ крестьянъ 23 милліона, да государственныхъ 30 милліоновъ, а войскъ-то 500 тысячъ. Только не торопитесь, братцы, чтобы не испортить дѣло. Прежде пообдумайте, да соберитесь съ силами. Знайте братцы, что и между кафтаниками есть такіе, у которыхъ болитъ сердце за васъ, которые, всѣмъ чѣмъ могутъ, готовы помочь вамъ. Они-то и посылаютъ вамъ этотъ листокъ; они же вамъ и напишутъ, когда всѣ будутъ готовы подняться за святое дѣло, за волю вольную.

«А когда всѣ вы будете готовы стоять твердо за свое дѣло, тогда царь не посмѣетъ отказать вамъ ни въ чемъ и тогда можно будетъ отъ него потребовать все, что вамъ нужно и чего теперъ не даютъ вамъ.

«Теперъ царь заставляетъ васъ выкупать себѣ землю; а вы ее съ поконъ вѣковъ воздѣлывали, не зная отдыха, сколько разъ отстаивали отъ враговъ, не жалѣя своей крови, слѣдовательно она и безъ выкупа ваша. Тогда и потребуете, чтобы землей владѣли вы, а не царь, да помѣщики.

«Теперъ податями васъ совсѣмъ разоряютъ; а зачѣмъ собираютъ царь, да чиновники эти подати, и куда ихъ тратятъ, ничего вы не знаете. Тогда можно будетъ требовать, чтобы подати назначались и расходовались не царскими чиновниками, а вами же самими, черезъ выборныхъ людей, которые и будутъ, въ каждой копѣйкѣ, вамъ отчетъ отдавать.

«Теперъ для того, чтобы судить, да разбирать васъ царь держитъ чиновниковъ и платитъ имъ жалованье изъ вашихъ-же денегъ. А что вы видите отъ этихъ чиновниковъ? Кромѣ притѣсненій ничего. Тогда можно будетъ потребовать, чтобы не было этихъ чиновниковъ, чтобы васъ судили и разбирали не царскіе чиновники, а ваши же выборные люди.

«Вотъ тогда-то, братцы, вы и будете жить безъ горя, вотъ тогда-то и будетъ настоящая воля. Вотъ такую волю и надо отъ царя требовать, вотъ за нее-то и надо стоять до послѣднихъ силъ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 97, ч. 55).

1968. Письмо къ И. С. Тургеневу.

22 нояб. (1862).

Orsett House, Westbourne terrace.

Я какъ-то съ мѣсяцъ тому написалъ тебѣ довольно злое письмо и оставилъ его у себя въ столѣ. Потомъ пришло твое съ критикой противъ послѣд. письма «Концы и начала». Ты ошибаешься въ твоей оцѣнкѣ, но писать объ этомъ скучно. Замѣчаешь ли ты, что ты съ своимъ Шопенгауэромъ (о Шопен. я и Энгельс. ¹⁾) писали въ 1-й «Пол. Звѣздѣ», т.-е... въ 1855) становишься нигилистомъ?.. Меня не это фруасировало ²⁾ въ твоихъ письмахъ, а замѣчательная метода на мнѣ казнить другихъ. Во-первыхъ, откуда эта нетерпимость къ Огар.? ³⁾ Вѣдь, эдакія слабости допускаютъ однѣмъ беременнымъ женщинамъ. Ты же, вообще, такъ гуманенъ, т.-е. такъ мало разборчивъ, что могъ быть другомъ и на «ты» съ воришкой Некрасовымъ, вѣроятно, и теперь еще знакомъ и съ Чичер. ⁴⁾ и съ Катк. ⁵⁾, но до этого до всего мнѣ дѣла нѣтъ. Напротивъ, я люблю гуманность, идущую до необходимости исключенія знакомыхъ самобытныхъ для приглашенія нравственныхъ нищихъ и чужедныхъ нахлѣбниковъ à la Strübing ⁶⁾. Но, 1-ое, почему ты съ твоей тонкой наблюдательностью, зная, что я съ Огар. въ хорошихъ, тѣсныхъ, близкихъ сношеніяхъ, считаешь умнымъ ругать его статьи именно въ письмахъ ко мнѣ? 2-ое, полагаю же я, что всякій честный дѣятель, работающій на общей аренѣ, заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ къ порицаніямъ прибавляли больше резонновъ, чѣмъ брюхатая женщина въ своихъ антипатіяхъ. О какой теоріи социализма Огар. ты говоришь? какимъ мнѣніемъ, какимъ выводомъ ты недоволенъ? съ чѣмъ несогласенъ? Почему его добросовѣстный трудъ ты ставишь на одну доску съ fatras ⁷⁾ бакунинской демагогій?

«Колоколь» основалъ Огаревъ.

«Вѣче» основалъ Огаревъ, да оно въ вашихъ паражахъ ⁸⁾ не нравится... а намъ оно принесло переписку съ раскольниками.

¹⁾ В. А. Энгельсонъ.

²⁾ Froisser—задѣтъ.

³⁾ Очевидно, кромѣ приведеннаго отзыва Тургенева объ Огаревѣ, былъ еще одинъ въ неизвѣстномъ намъ письмѣ.

⁴⁾ Б. Н. Чичеринъ.

⁵⁾ М. Н. Катковъ.

⁶⁾ Мюллеръ-Стрюбингъ.

⁷⁾ Пустословіе, наборъ словъ.

⁸⁾ Parage—мѣсто, край.

Было время, когда Бот. ¹⁾ мнѣ говорилъ, что мы много пишемъ объ освобожденіи крестьянъ... Нельзя же было замѣнить для этого диссертациями о эрекцияхъ... Боткинъ—консерваторъ всякій разъ послѣ того, какъ поговорить съ Милютинымъ ²⁾. Ты имѣешь зубъ на *молодое поколѣніе* и грызешь имъ старое, благо, оно ближе.

Засимъ желаю, чтобъ ты строки эти прочелъ не какъ Феть-маршалъ литературы всѣхъ Россій, а какъ человѣкъ, котораго я люблю, и негодуя.

Addio.

А. Герценъ. ¹

◆◆ 1. 25 ноября Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа:

«Любезный А. И.! Мнѣ очень жаль, что ты переимѣнилъ свое намѣреніе и не послалъ мнѣ своего *злою* письма: злое письмо, все-таки, лучше раздраженнаго. Но я не могу вдаваться ни въ какія рекриминаціи ³⁾ и, все-таки, радъ, что ты хоть какъ-нибудь отвѣчалъ. Признаюсь, я ожидалъ возраженій на мои возраженія, но я вижу, что ты огорчился и оскорбился моими, сколько я помню, далеко не рѣзкими и не непочтительными намеками на Огарева или, лучше сказать, на его теорію. Винавать, соглашаюсь, что лучше было не говорить объ этомъ, и общаюсь не задѣвать тебя ни единымъ словомъ съ этой, для тебя столь чувствительной, стороны. Только могу тебя увѣрить, что въ моемъ нерасположеніи къ вышеупомянутой теоріи существуетъ нѣчто не столь неразумное, какъ антипатіи «брюхатой женщины». Я бы могъ изложить тебѣ подробно причины, почему я такъ думаю, но убѣдить тебя не надѣюсь, а огорчить тебя опять боюсь. Итакъ, пусть весь этотъ вопросъ останется между нами въ родѣ истукана въ Саисѣ ⁴⁾ подъ непроницаемымъ покровомъ.

«Не могу также принять твое обвиненіе въ нигилизмѣ. (Кстати, вотъ судьба: я же швырнулъ этотъ камень, и меня же онъ бьетъ въ голову). Я не нигилистъ, потому только, что я, насколько хватаетъ моего пониманія, вижу трагическую сторону въ судьбахъ всей европейской семьи (включая, разумѣется, и Россію). Я, все-таки, европеусъ, и люблю знамя, вѣрую въ знамя, подъ которое я сталъ съ молодости. Ты одной рукой рубишь его древко, а другою ловишь какое-то для насъ еще невидимое древко, — это твое дѣло и, можетъ быть, ты правъ. Но ты менѣ правъ, когда при-

¹⁾ В. П. Боткинъ.

²⁾ Николай Алексѣевичъ.

³⁾ Récriminations—взаимные упреки.

⁴⁾ См. балладу Шиллера «Покрытый истуканъ въ Саисѣ».

нисываешь мнѣ какія-то побочныя цѣли (въ родѣ удовольствія кормить паразитовъ) или небывалыя чувства въ родѣ раздраженія противъ молодого поколѣнія.... Къ чему это? Не похоже ли это на упреки, которныя дѣлають тебѣ въ томъ, что ты, молъ, говоришь и пишешь не изъ убѣжденія, а изъ тщеславія, и т. д.? Этого рода догадки и сплетни, скажу прямо, не достойны насъ съ тобою.

«Засимъ жму крѣпко тебѣ руку и желаю тебѣ здоровья и бодрости. Я очень радъ, что ты меня любишь, и увѣренъ, что, поразмысливъ хорошенько, ты увидишь, что негодовать на меня не за что» («Письма», 174—175).

1869. Письмо къ И. С. Тургеневу.

29 нояб. 1862.

Orsett House, Westbourne terrace.

Хотя Россія—и бранная царица ¹⁾, но бранную переписку русскимъ вести утомительно.

Письмо твое получилъ и пишу, чтобъ защититься. Ты меня утѣшаешь, что я не отвѣчалъ на твою критику послѣд. статьи «Концы и нач.» и, можетъ, жалѣешь, что зашибъ меня до безмолвія. Но я утѣшу тебя—я буду отвѣчать въ слѣдующей серіи писемъ въ «Кол.» 1863 (разумеется, не говоря о письмѣ). Въ письменности tête à tête ²⁾ это скучно. Далѣе, ты съ негодованіемъ цитируешь, что кто-то (вѣроятно, Катк., Чичер., Шедо-Ферроти, Павловъ и Тимашевъ) говоритъ, что все, что я пишу, я пишу изъ тщеславія; за что же за это сердиться?.. да чортъ возьми, изъ чего-бъ я не писалъ—изъ денегъ, отъ скуки,—дѣло въ томъ, was geleistet ist ³⁾—хорошо или скверно. Мнѣ кажется, что писать изъ самоотверженія, какъ Раф. Зотовъ ⁴⁾, хуже, чѣмъ писать по 200 руб. стихъ, какъ дѣлалъ Пушкинъ.

Было время, когда самъ Боткинъ, читая «Съ того берега», и самъ Кавелинъ, читая на томъ берегу, отдавали справедливость, что вѣрная логическая мысль проведена до страшныхъ консеквенцій ⁵⁾, и что общій взглядъ вѣренъ. Какъ удивятся они (а, можетъ,

¹⁾ «Россія, бранная царица!» (Державинъ).

²⁾ Съ глазу на глазъ.

³⁾ Что достигнуто.

⁴⁾ Плодовитый писатель того времени, авторъ романа «Таинственный монахъ».

⁵⁾ Conséquence—слѣдствіе, выводъ.

и ты), взявши *тѣ* статьи и *новья*, увидѣвъ, что тщеславіе и *тогда*, и *теперь* возбуждало одинъ и тотъ же порядокъ мыслей. Стало, внѣшній мотивъ ничего не значить.

Что нигилизмъ тебѣ палъ на голову, это, во-первыхъ, бываетъ со всѣми силачами, бросающими ядра вверхъ, что они на ихъ же голову и падаютъ. Но я повторяю, что твое предпоследнее письмо представляетъ полнѣйшій нигилизмъ *устали, отчаянія* въ противоположность нигилизму *задора и раздражительности* у Чернышев., Доброл. и пр.

Доказательство тебѣ въ томъ, что ты выѣхалъ на авторитетѣ идеальнаго нигилиста, буддиста и мертвиста—Шопенгауэра (а, впрочемъ, я тебѣ благодаренъ, что ты мнѣ его напомнилъ).

Мнѣ очень жаль, что ты не хочешь мнѣ открыть тайну преслѣдованія *теорій* Огарева. Я не могу сердиться ни за какую критику, а желалъ бы видѣть, ех. gr., съ которымъ пунктомъ разбора *юридическ. проектовъ* ты несогласенъ ¹⁾. До тѣхъ поръ бросанье камнями въ людей работающихъ я буду считать, если не капризомъ беременной женщины, то шалостью беременнаго мужчины. Ты меня одолжишь разборомъ и, можетъ, принесешь пользу.

Засимъ, я съ твоего благословенія, полемику прекращаю. ¹

Мои дочери съ Miss Meysenb. будутъ къ 15 нояб. въ Парижѣ, проѣздомъ во Флоренцію—прошу aide et assistance ²⁾.

Затѣмъ жму руку.

А. Герценъ.

30.—Опоздалъ послать. Буду сейчасъ на похороны Симона Бернара ³⁾, процессъ котораго ты недавно читалъ въ «Пол. Зв». Онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ. ²

◆◆ 1. 3 декабря Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа:

«Любезный другъ, не помню, какой-то мудрецъ сказалъ, что нѣтъ такихъ людей, которые умѣли бы освободиться отъ самыхъ очевидныхъ недоразумѣній. Неужели это изреченіе должно оправдаться надъ нами? Посуди самъ: я, напр., пишу тебѣ, что обвинять меня въ любви къ паразитамъ такъ же *нелѣпо*, какъ искать въ тщеславіи причину твоей дѣятельности; а ты съ негодованіемъ доказываешь, что ты работаешь не изъ тщеславія; я *называю* Шопен-

¹⁾ Въ 150—152 лл. «Колокола» статья Огарева: «Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи».

²⁾ Помощи и участія.

³⁾ Франц. политич. дѣятель, участникъ покушенія Орсини на жизнь Наполеона III. См. IV гл. ч. VI «Былого и думъ».

гауэра,—ты упрекаешь меня въ поклоненіи авторитету; я прошу тебя не сердиться на меня за одно слово объ Огаревѣ и отвѣчать мнѣ на мои вопросы,—ты иронически подозрѣваешь меня въ сожалѣніи о томъ, что я опровергъ тебя «до безмолвія», и т. д. Пожалуйста, бросимъ этотъ тонъ: будемъ лучше спорить горячо, но по-приятельски, безо всякихъ ricanements ¹⁾ и недомолвокъ; если я былъ этимъ грѣшенъ (sans le savoir ²⁾), то прошу у тебя извиненія—и basta così ³⁾.

«Ты требуешь, чтобъ я тебѣ изложилъ причины моего нерасположенія къ Огареву, какъ писателю. Я готовъ тебѣ повиноваться, но не могу не замѣтить, что на письмѣ это непременно выйдетъ голословно. Ты самъ хорошо поймешь, что приводить и пересчитывать на письмѣ доказательства невозможно; прошу только тебя вѣрить, что онѣ существуютъ для меня, и что я не подверженъ никакой беременности, ни физиологической, ни психологической. Итакъ, Огареву я не сочувствую, во-1-хъ, потому что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповѣдуетъ старинныя социалистическія теоріи объ общей собственности и, т. д., съ которыми я не согласенъ ⁴⁾; во-2-хъ, потому что онъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и тому подобныхъ показалъ значительное непониманіе народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія дѣлъ; въ-3-хъ, наконецъ, потому что даже тамъ, гдѣ онъ почти правъ (какъ, напр., въ статьѣ о судебныхъ реформахъ), онъ излагаетъ свои воззрѣнія языкомъ тяжелымъ, вялымъ и сбивчивымъ, обличающимъ отсутствіе таланта, что, впрочемъ, ты, вѣроятно, самъ, если не чувствуешь, то подозрѣваешь изъ несомнѣннаго факта постепеннаго паденія «Колокола» и охлажденія къ нему публики. Правда до политическихъ изгнанниковъ также трудно доходить, какъ и до царей; обязанность друзей—доводить ее до нихъ. «*„Колоколъ“ юрзздо менше читается съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ первенствовать Огаревъ*»; эта фраза стала въ Россіи тѣмъ, что въ Англіи называется a truism ⁵⁾). И это понятно: публикѣ, читающей въ Россіи «Колоколь», не до социализма: она нуждается въ той критикѣ, въ той чисто политической агитаціи, отъ которой

1) Зубоскальствъ.

2) Безсознательно.

3) Конечъ.

4) Бакстъ (Владиміръ Игнатьевичъ, молодой врагъ — М. П.) въ Гейдельбергѣ, напр., объявилъ мнѣ, что «Николай Платоновичъ не потому опровергаетъ «Положеніе», что оно несправедливо для крестьянъ, а потому что оно освѣщаетъ принципъ частной собственности въ Россіи». Д. С. Т.

5) «Общимъ мѣстомъ».

ты отступилъ, самъ надломивъ свой мечъ. «Колоколь», напечатаннѣй безъ протеста ^{1/2}, манифеста Бакунина и социалистическія статьи Огарева,—уже не герценовскій, не прежній «Колоколь», какъ его понимала и любила Россія. Вотъ пока все, что я могу тебѣ сказать.

«Съ большимъ удовольствіемъ увижу здѣсь твоихъ милыхъ дочекъ и сдѣлаю для нихъ все возможное» («Письма», 175—176).

Большія и часто, дѣйствительно, очень скучныя, а почти всегда—безцвѣтныя статьи Огарева начали появляться сколько-нибудь систематически еще съ перваго листа 1861 года. Однако, весь 1861 г. «Колоколь» читался не такъ, какъ указалъ Тургеневъ, а съ захватывающимъ интересомъ. Происходило это потому, что, дѣйствительно, Герценъ не выпускалъ изъ своихъ рукъ общее руководство и отлично умѣлъ оживлять нумера, въ которыхъ пространныя статьи Огарева не могли иногда не обнаруживать еще и недостаточную его компетентность въ обсуждавшихся имъ вопросахъ. Въ 1862 г., какъ видитъ и самъ читатель, Герценъ-публицистъ сталъ блѣднѣе; проходятъ нумера, гдѣ нѣтъ ничего характернаго для его громаднаго ума и кипучаго таланта. Тогда только и стало понятно, какъ Огаревъ высушивалъ прежній бойкій журналъ. Почему же Герценъ допустилъ это? Отчего онъ самъ не работалъ интенсивнѣе? Развѣ онъ не видѣлъ разницы въ диапазонѣ своей собственной работы? Развѣ самъ могъ читать съ полнымъ интересомъ тягучія статьи своего друга? Отвѣты на первые три вопроса ясны для каждаго, кто внимательно прочтаетъ 1862 и 1863 годы, и именно въ той связи, которая достигается только благодаря принятому мною методу расположенія всего матеріала.

На четвертый вопросъ отвѣтъ Герцена ясенъ и теперь—увѣренный, что Огаревъ былъ такимъ же выдающимся публицистомъ, какимъ былъ въ его глазахъ, какъ повѣтъ, Герценъ былъ радъ его статьямъ, ошибочно считая ихъ дѣловымъ фундаментомъ. Усидчивость Огарева, бравшагося за все, что требовало сложное время и что въ другихъ изданіяхъ неизбѣжно распредѣлялось между разными специалистами, обманывала Герцена, убѣждала его въ несуществовавшихъ способностяхъ друга, а общее, изъ деликатности, молчаніе недовольныхъ его статьями казалось ему чуть ли не одобреніемъ. Ю. Стекловъ даетъ другое объясненіе явленію, подмѣченному Тургеневымъ: «„Колоколь“, напечатаннѣй безъ протеста половину манифеста Бакунина и социалистическія статьи Огарева,—уже не прежній «Колоколь»! И Тургеневъ былъ совершенно правъ съ своей умѣренно-либеральной точки зрѣнія» («Борцы за социализмъ», 48). Однако, это объясненіе имѣло бы серьезное значеніе, если бы мы обсуждали вопросъ въ другой плоскости, а именно:

почему охладѣвали къ журналу Герцена умѣренные либералы?—но и тогда нужно было бы сдѣлать оговорки, безъ которыхъ нельзя принять утвержденіе г. Стеклова. Я же говорю вообще о читаемости «Колокола» въ то время. Съ усиленіемъ революціонности и социалистическаго оттѣнка отъ него отходила часть прежнихъ читателей, но зато, какъ мы видимъ изъ знакомства съ массою мелкихъ политическихъ процессовъ того времени, появлялся другой читатель—молодой, болѣе радикально настроенный, но, однако, и онъ не очень-то терпѣливо дочитывалъ статьи Огарева.

2. По указанію Нетлау, Герценъ говорилъ у могилы рѣчь въ числѣ другихъ ораторовъ: Бакунина, Ф. Пиза и пр.

1970. Подтасованный наборъ.

«Трудную задачу задаю себѣ русское правительство: оно хочетъ соединить начала англо-саксонскаго гражданскаго строя съ монгольскимъ управленіемъ», сказалъ какъ-то одинъ корреспондентъ «Таймса» въ статьѣ «О Польшѣ» ¹⁾.

Дѣйствительно, задача трудная!

Можно ли что-нибудь выдумать безобразнѣе подтасованнаго рекрутскаго набора въ Польшѣ? Какое оправданіе имѣетъ невская орда, устраивая эту систематическую, разсчитанную за угломъ кражу людей изъ мести, изъ трусости?

Такъ вотъ она великая миссія примиренія, на которую поѣхалъ нашъ сухопутный адмиралъ, государевъ братъ, состоящій въ должности Батыя въ Польшѣ—да и не Батый: Батый былъ полководецъ, побѣдитель, а Константинъ Николаевичъ еще ничего не покорилъ, кромѣ сердца Головнина.

Какъ же онъ, прогрессистъ императорскаго дома, не бросился самъ въ Петербургъ, не растолкалъ нѣмецкую татарву и не объяснилъ своему брату, что брать по выбору администраціи людей въ рекруты чудовищно, безобразно? что поляки не могутъ этого вынести, что изъ-за этого набора польется кровь?

Или они того и хотятъ?

Полноте, господа Зимній дворецъ, дурачить свѣтъ! Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, соединить *habeas corpus* въ дурномъ переводѣ съ усовершенствованными монгольскими кандалами.

Въ то время, какъ мы, завѣдомые анархисты, умоляли полковъ выждать, не торопиться съ возстаніемъ, умоляли русскими офи-

¹⁾ 13 ноября 1862. А. И. Г.

церовъ употреблять всѣ усилія, чтобы устранить, отдалить преждевременное возстаніе, въ то самое время *отца* и *дяди* отечества, консерваторы по положенію, устраиваютъ воровской наборъ въ Польшѣ, какъ будто для того, чтобы вызвать *возстаніе отчаянія*.

Видно, и въ этомъ пожарѣ зажигателями будутъ они сами. Да падутъ же на ихъ голову рушащіеся своды и перегорѣлыя балки.

А мы все терпимъ. Долго ли же мы будемъ молча смотрѣть на этихъ поврежденныхъ, слѣпыхъ, глухихъ ямщиковъ, которые насъ непремѣнно опрокинутъ въ страшную трясину несчастій и позора, и у которыхъ отчета нельзя спросить по малоумію и калѣчеству? Чего мы ждемъ? Пока сзовутъ Думу? Да ея никогда не сзовутъ—надобно, чтобы она собралась. Мининъ не ждалъ царскаго указа, чтобы начать свою агитацію для спасенія Руси. Дума, Соборъ нужны не Зимнему дворцу, а народу русскому; ее надобно *имъ* втѣснить и, если мы хотимъ, мы можемъ это.

Недовольно имъ войны на Кавказѣ,—войны, которая продолжается *послѣ* баятинскаго покоренія, еще польскую войну имъ надобно. Да что же, въ самомъ дѣлѣ, за палачи—русскіе солдаты и офицеры?

Поляки, весьма вѣроятно, не вынесутъ такой наглый произволъ, такую грубую несправедливость, такое удесятереніе тягости самой тяжелой повинности. Со жребіемъ челоуѣкъ можетъ еще мириться, съ назначеніемъ полицейскихъ лазутчиковъ—никогда. Передъ такой обидой нечего разсчитывать силъ. Да и, вообще, возстанія начинаются не большинстами, а энергическимъ меньшинствомъ. Если-бъ мысль возстанія имѣла за себя силу съ самаго начала, тогда возстаніе было бы не нужно. Такой примѣръ дала на-дняхъ Греція: она, соединивши всѣ воли въ одну ногу, преспокойно вытолкнула за дверь баварца ¹⁾, съ меньшими хлопотами, чѣмъ въ Англіи отставляютъ отъ мѣста швейцара.

Итакъ, Варшавѣ еще разъ придется поднять свою покрытую рубцами и закованную руку на защиту дѣтей своихъ отъ людокрадовъ. Наши офицеры, наши солдаты долею стануть съ ними, потому что противъ нихъ итти позорно, и русская кровь польется съ обѣихъ сторонъ, и все это изъ-за чего? Изъ-за капризной мести трусливаго правительства, которое, не давая никому отчета, слѣдуетъ поэтическимъ внушеніямъ своего разстроеннаго воображенія.

Подъ опеку Думы его! подъ опеку Собора Земскаго!... или мы дойдемъ до страшныхъ бѣдствій.

¹⁾ То-есть короля Оттона, бывшаго принца баварскаго.

1971. Потеря сотрудника.

Читатели, вѣроятно, примутъ участіе въ потерѣ одного изъ самыхъ неутомимыхъ сотрудниковъ нашихъ: графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, доставлявшій намъ столько матеріаловъ, наконецъ, палъ, мужественно защищая плети и розги! ¹⁾

1972. [Отъ редакціи] ²⁾.

Письмо это печатаемъ мы по повторенному требованію г. П. Новицкаго, принявшаго на себя наемъ, сдѣланный въ «Свободномъ Словѣ» о какомъ-то Новицкомъ. Права требовать отчета, почему мы *перепечатываемъ* статьи, мы рѣшительно ни за кѣмъ не признаемъ.

1973. Письмо къ А. Ѡ. Фрикену.

3 декабря 1862.

Orsett House, Westbourne terrace. /

Письмо Ваше я получилъ и очень, очень благодаренъ Вамъ. Такъ какъ Вы уже рѣшили меня одолжить, то я беру Васъ за слово и буду прямо и просто просить Васъ о слѣдующемъ. Семейство мое ѣдетъ 15 декабря чрезъ Парижъ, Ниццу etc. Они останутся въ Hôtel du Nord. Если Вы будете имѣть на примѣтѣ очень небольшую квартиру: двѣ спальни, одну для горничной, залу и столовую, то это за глаза довольно. Денегъ у меня на этотъ годъ мало; Америка сильно пришибаетъ, и я не знаю, какъ выпутаться, а поэтому онѣ должны жить скромно и не только поэтому,—и тутъ-то я прошу наибольшую услугу Вашу.

Я отпускаю мою дочь въ Италію единственно потому, что въ послѣднее время, особенно подъ руководствомъ такого великаго художника, какъ Gallait, она показала большую способность къ живописи; она ѣдетъ для серьезныхъ студій,—только потому я

¹⁾ Министромъ юстиціи былъ назначенъ Дмитрій Николаевичъ Замятинъ, человекъ менѣе твердый, чѣмъ Панинъ, но по существу не многимъ менѣе реакціонный, чего наши «историки» все еще не хотятъ признать, считая его въ одной плеядѣ съ превозносимыми Головиннымъ и Рейтерномъ.

²⁾ Помѣщено въ видѣ примѣчанія къ «Письму г. П. Новицкаго», очень рѣзко возразившаго противъ присоединенія его имени къ гейдельбергскимъ ушамъ III Отдѣленія.

рѣшился ее отпустить. Поэтому сдѣлайте мнѣ дружескую услугу, и отстраните, во-первыхъ, всю русскую колонію, а во-вторыхъ, колоніи всѣхъ націй отъ нихъ. Нѣтъ въ мірѣ ничего инкомпатибельнѣе ¹⁾, какъ занятія, сопряженныя съ разсѣянностью пустыхъ знакомствъ. Я Васъ знаю за очень серьезнаго человѣка и потому вѣрю, что Вы захотите мнѣ помочь въ этомъ. Мое искреннее желаніе, чтобы онѣ жили совершенно по-монастырски. Кашперовъ рекомендуетъ пѣвца Кондратьева ²⁾. Что онъ? Можно ли дешево имѣть уроки французскаго языка и музыки? Прощайте. Простите—и впредь не предлагайте злодѣямъ нашихъ услугъ.

Піанчани, это—такая гиль... Я ему пришлю франц. «La Cloche». Адреса?

А. Герцена.

1974. Une réponse.

La police russe annonçait dernièrement la découverte d'un Comité Central polonais, présidé, prétendait-elle, par M. Miéroslawski.

Quelque temps auparavant, nous avons reçu une lettre ³⁾ d'un Comité Central National polonais siégeant à Varsovie, mais n'ayant pas M. Miéroslawski pour président. M. Miéroslawski a cru que c'était ce comité—dont il ignorait lui-même l'existence—qui aurait été découvert par la police russe et a mis en doute—dans «Le Siècle» et dans «L'Opinion Nationale»—l'influence de ce Comité.

En ce qui nous concerne, nous ne mettons nullement en doute l'existence à Varsovie d'un Comité Central polonais, non présidé par M. Miéroslawski, et nous sommes en outre heureux d'annoncer à tous les amis de la Pologne que ce Comité n'a pas du tout été découvert par la police russe.

D'un autre côté, «Le Constitutionnel»,—et après lui «L'Etoile Belge»—contestent l'authenticité de l'adresse des officiers russes en garnison en Pologne au grand-duc Constantin, qui a été insérée dans «Le Kolokol» ⁴⁾, mais ils acceptent pour certain, sans la moindre hésitation, un fait tellement extravagant que nous le citons pour sa bizarrerie:

«Quand «La Cloche» est arrivée à Varsovie le grand-duc Constantin a pris un parti fort simple: il s'est borné à faire lire la pré-

¹⁾ Incompatible—несовмѣстимый.

²⁾ Геннадій Петровичъ, пѣвецъ, ученикъ Репетто; въ 1863 г. дебютировалъ въ Тифлисѣ, съ 1871 г. главный режиссеръ русской оперы.

³⁾ Cette lettre a été publiée dans le № 3 de «La Cloche» A. H.

⁴⁾ Voir le № 6 de «La Cloche» A. H.

tendue lettre devant tous les régiments et dans toutes les casernes. Le lendemain, 16 novembre, les officiers ont fait demander au prince la permission de se présenter devant lui afin de protester contre l'abus qu'on avait voulu faire de leurs noms».

Quant à nous, nous ne doutons en aucune façon de l'authenticité des *Signatures* qui se trouvent au bas de l'adresse des officiers, signatures que nous avons *entre les mains*, mais, en revanche, nous sommes convaincus que l'anecdote concernant les officiers et le grand-duc, est de pure invention.

Les événements marchent vite maintenant en Russie. Les faits prouveront bientôt qui de nous ou de ces journaux a raison.

Les rédacteurs du «KoloKol».

1-er décembre 1862.

Переводъ.

Отвѣтъ.

Недавно русская полиція объявила, что она обнаружила польскій Центральный Комитетъ, предсѣдателемъ котораго, по ея увѣреніямъ, состоитъ г. Мѣрославскій.

Незадолго до того мы получили письмо ¹⁾ отъ польскаго Народнаго Центрального Комитета, который засѣдаетъ въ Варшавѣ, но предсѣдателемъ котораго г. Мѣрославскій не состоитъ. Рѣшивъ, что именно этотъ Комитетъ, — о существованіи котораго онъ не зналъ, — обнаруженъ русскою полиціею, г. Мѣрославскій обратился въ газеты «Le Siècle» и «L'Opinion Nationale» съ письмомъ, въ которомъ подвергъ сомнѣнію вліяніе этого Комитета.

Что касается насъ, то мы нисколько не сомнѣваемся въ существованіи въ Варшавѣ польскаго Центрального Комитета, не имѣющаго г. Мѣрославскаго своимъ предсѣдателемъ, и, кромѣ того, съ радостью сообщаемъ всѣмъ друзьямъ Польши, что *этотъ* Комитетъ вовсе не обнаруженъ русскою полиціею.

Съ другой стороны, газета «Le Constitutionnel», а за нею «L'Etoile Belge» оспариваютъ подлинность помѣщеннаго въ «Колоколъ» ²⁾ адреса русскихъ офицеровъ, стоящихъ гарнизономъ въ Польшѣ, на имя великаго князя Константина и, въ то же время, принимаютъ за достовѣрное, — и безъ малѣйшаго колебанія, — фактъ настолько несуразный, что именно ради его курьезности мы приведемъ здѣсь его буквально:

¹⁾ Это письмо опубликовано въ № 3 «La Cloche». А. И. Г.

²⁾ См. № 6 «La Cloche». А. И. Г.

«Когда «Колоколь» прибылъ въ Варшаву, великій князь Константинъ принялъ весьма простое рѣшеніе: онъ ограничился приказомъ, чтобы мнимое письмо было прочитано предъ лицомъ всѣхъ полковъ и во всѣхъ казармахъ. На другой день, 16 ноября, офицеры ходатайствовали у великаго князя о разрѣшеніи представиться ему, чтобы протестовать противъ злоупотребленія ихъ именами».

Мы, съ своей стороны, нисколько не сомнѣваемся въ подлинности *подписей*, стоящихъ подъ офицерскимъ адресомъ—эти подписи находятся у насъ *въ рукахъ*, но зато мы вполне убѣждены, что анекдотъ объ офицерахъ и великомъ князѣ является чистѣйшимъ вымысломъ.

Событія быстро идутъ теперь въ Россіи. Сами факты скоро докажутъ, кто изъ насъ правъ—мы или названныя газеты.

*Редакторы «Колокола».*¹

1 декабря 1862 г.

◆ 1. Л. Мѣрославскій единолично возражалъ противъ письма офицеровъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ, перепечатавъ свое заявленіе и въ 5 № своей «*Wacznosc*», съ прибавленіемъ, что до тѣхъ поръ не зналъ о существованіи Комитета:

Это его заявленіе было въ сущности отвѣтомъ на отказъ Герцена, Огарева и Бакунина подчиниться его совѣту прервать всѣ сношенія съ поляками. Послѣ такого заявленія Мѣрославскому отвѣчалъ въ «*Le Courrier de l'Europe*», Бакунинъ, выпустившій вслѣдъ затѣмъ свой отвѣтъ отдѣльной брошюрой: «*Le comité central de Varsovie et le comité militaire russe, réponse au général Miroslawski, par M. Wакounine*» (Центральный варшавскій комитетъ и русскій военный комитетъ, отвѣтъ Бакунина генералу Мирославскому). Объ этомъ см. и въ книгѣ А. Moller «*Situation de la Pologne*», стр. 227—230.

15 октября Бакунинъ писалъ Ивану Амборскому¹⁾ изъ Лондона, что онъ получилъ отъ Мѣрославскаго другое письмо. «Вы видите, что онъ очень сердитъ и намѣренъ вмѣстѣ съ другими воспользоваться недоразумѣніемъ, чтобы оклеветать и по возможности ослабить наше вліяніе въ Центр. комитетѣ въ Варшавѣ».

Мѣрославскій въ январѣ 1863 г., находясь въ Парижѣ, былъ назначенъ диктаторомъ именно тѣмъ самымъ Народнымъ Централь-

¹⁾ Былъ студентъ кievскаго унив., получилъ въ Люблинскомъ у. паспортъ на слѣдованіе въ Варшавскую и Радомскую губ. и бѣжалъ за границу въ іюнѣ 1862 г.

нымъ Комитетомъ, а потомъ, послѣ неудачи перебрался въ Познань. Приведу, кстати, сказанное о немъ Кельсиевымъ.

«Какой-то крайній социалистъ затащилъ меня къ Мѣрославскому, у котораго я просидѣлъ съ часъ и вышелъ отъ котораго, пораженный его ничтожествомъ. Вотъ что отвѣчалъ Мѣрославскій моему пріятелю на предложеніе пропагандировать въ Польшѣ историческое право, а коммунизмъ,—въ этихъ словахъ Мѣрославскій рисуется весь, со всѣмъ его пошлымъ тщеславіемъ и вопіющимъ самолюбіемъ. Не даромъ поляки говорятъ про него, что давай ему даромъ Польшу, онъ ее взять не захочетъ: для него Польша—средство показать свои военныя дарованія. Итакъ, этотъ великій военный писатель, вѣчно разбиваемый въ дѣлѣ, отвѣчалъ слѣдующее: «Э, что вы говорите! развѣ я не раздѣляю взглядовъ коммунистовъ? развѣ я не хочу сдѣлать Польшу коммунистической общиной? Только пропагандой ничего сдѣлать нельзя: пропаганда—вздоръ. Вотъ, другое дѣло, когда на конѣ, около стремени моего всѣ эти князья, графы, магнаты, а сзади меня пушки и штыки—тогда я вамъ мигомъ, въ одинъ день, сдѣлаю экономическій переворотъ. А пропагандой ничего сдѣлать нельзя, съ ней трата времени—какъ прикажете вдальбывать въ голову всѣмъ этимъ аристократамъ новые принципы? А будь я на конѣ, и вейся они около моего стремени, дѣло другое. Пушки убѣждаютъ удивительно, онѣ проповѣдуютъ краснорѣчивѣй всякихъ Демосѣеновъ, и когда онѣ стоятъ за вами, а эти магнаты лебезятъ около стремени»... Я не утрирую. Мнѣ врѣзалась въ память эта делѣемая имъ мысль быть на конѣ и видѣть у своего стремени магнатовъ» («Исповѣдь»).

Изъ копии письма Людвигъ Бржозовскаго къ Крипіакевичу видно, что въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ Бакунина были собранія членовъ варшав. Центр. Комит. въ квартирѣ Зенковича, которыя продолжались съ 20 по 23 ноября 1862 г., оканчиваясь въ часъ ночи. На первомъ собраніи принята была программа дѣйствій и написана прокламація къ демократамъ. Смыслъ послѣдней слѣдующій:

«Братья! Усмотрѣвъ, что во Франціи развитіе революціонныхъ идей затруднительно, видя сильный союзъ Наполеона съ царемъ Россіи на могилѣ Польши, мы рѣшили образовать въ Лондонѣ чисто революціонерное общество, которое, будучи независимо отъ происковъ французской полиціи, могло бы управлять парижской эмиграціей и дѣйствовать заодно во время революціи. Признавая варшавскій Центр. Комитетъ, возникшій 1 сентября, за единую власть въ Польшѣ и всякую другую власть—за прогнѣтую нашимъ уложеніямъ, секретные агенты наши должны войти въ сношенія

съ французскими партіями недовольныхъ и готовятъ возстаніе сообщая съ итальянскими и другими друзьями. Бакунинъ избранъ главнымъ секретаремъ польскаго Центрального Комитета. Деньги какъ для вооруженія, такъ и развитія пропаганды должны пересылаться въ Англію. Редакторомъ избранъ Людвигъ Булевскій».

Изъ агентской выписки 1862 г.: «Въ Лондонѣ поляки готовятъ бомбы въ родѣ орсиніевскихъ. Маццини создалъ планъ убить къ веснѣ всѣхъ главныхъ монарховъ въ Европѣ и в. кн. Константина Николаевича. Въ Гамбургѣ тоже фабрикують бомбы. Герцемъ, Маццини и Бакунинъ управляютъ этимъ» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдств. комиссіи, № 63)...

4 октября 1848 г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что Мѣрославскій съ англійскимъ паспортомъ на имя негоціанта намѣренъ пробраться въ Курляндію, а потому ириказалъ всѣмъ, кому слѣдовало, имѣть за нимъ самое бдительное наблюденіе, чтобы «упомянутый мятежникъ, если бы онъ успѣлъ гдѣ появиться въ нашихъ предѣлахъ, немедленно былъ задержанъ и подъ строжайшимъ арестомъ доставленъ въ СПБ., въ III Отдѣленіе». Разумѣется, стѣны послѣдняго его не увидѣли (Архивъ мин. вн. дѣлъ, деп. полиціи, 1848 г., дѣло № 829).

1975. Письмо къ Н. А. Герцень.

5 декаб. 1862.

Милая моя Тата, десять лѣтъ тому назадъ я провожалъ тебя и Ольгу на Варскій мостъ, — вы ѣхали съ Мар. Касп. изъ Ниццы въ Парижъ послѣ похоронъ... Тебѣ было восемь лѣтъ; прощаясь, ты стала плакать; я далъ тебѣ два франка, и ты утѣшилась тѣмъ, что купишь много ¹⁾ на нихъ.

Вы поѣхали, мы пошли назадъ черезъ мостъ, сѣли въ коляску и поѣхали *туда, идѣ я жилъ*, такъ сказано въ записной книгѣ моей. «Дома у меня больше не было; съ вашего отъѣзда все приняло холостой видъ. Половина комнатъ была заперта. Одинъ Саша напоминалъ возрастомъ и чертами, что тутъ была другая жизнь, напоминалъ кого-то отсутствующаго».

И она, та, которая отсутствовала, говорила мнѣ за сутки до своей кончины: «Береги Тату; съ ней надобно быть осторожнымъ, это — натура глубокая и несообщительная».

¹⁾ Слово не разобрано.

Судьба тебя сберегла больше, чѣмъ я. Вѣдна любовь отца въ сравненіи съ материнскою болью о ребенкѣ. Такъ ли, иначе ли, но хорошо, что ты со здоровой душой выходишь изъ ребячества.

И вотъ черезъ 10 лѣтъ я опять провожаю тебя вдаль, тебя и Ольгу. Тебѣ 18 л. Въ Америкѣ дѣвушки твоихъ лѣтъ дѣйствуютъ самобытно, занимаются дѣлами, путешествуютъ совершенно однѣ и не теряются такъ жалко и безпомощно при всякой случайности, какъ наши барышни.

Твое сиротство, Тата, рано приучило тебя становиться на свои ноги. За тобой не слѣдидь съ любовью и страхомъ взглядъ матери, радуясь тебѣ и боясь ошибки, ободряя, предупреждая, вступааясь за тебя. Жаль тебя, но; другъ мой, въ наше время, въ нашей средѣ крѣпость и сила—великое дѣло, великое освобожденіе.

Я не отпустилъ бы тебя въ Италію, если-бъ не вѣрилъ въ твой характеръ и тактъ. Поговоримъ же о твоёмъ путешествіи; изъ моихъ словъ ты увидишь, чего я жду отъ тебя.

Ты ѣдешь для живописи. Талантъ у тебя есть, но для развитія таланта необходимъ упорный, выдержанный трудъ. Ни таланта, ни любви къ искусству недостаточно, чтобъ сдѣлаться художникомъ; одинъ трудъ въ соединеніи съ нимъ можетъ что-нибудь сдѣлать. Безъ работы можно быть дилетантомъ, аматеромъ,—художникомъ никогда. Итакъ, работа должна господствовать надъ всѣмъ въ твоей жизни во Флоренціи. Привычка къ работѣ—дѣло нравственной гигиены. Для работы надо жертвовать многимъ, безъ сомнѣнія. Но, вѣдь, истинной любви, вообще, нѣтъ безъ жертвы, и тамъ, гдѣ любовь къ чему бы то ни было истинна, тамъ жертва легка. Къ тому же искусство не такъ, какъ боги, которымъ тожѣ люди не умѣютъ поклоняться иначе, какъ жертвоприношеніями: оно требуетъ мало, а даетъ очень много.

Оно требуетъ сосредоточенности и исключенія пустой суеты и тревоги празднои жизни.

Для этого необходимо какъ можно меньше имѣть сношеній съ людьми, ничѣмъ не занимающимися, съ людьми, пропадающими отъ скуки, т.-е. пустѣйшими изъ пустѣйшихъ. Въ эстетическомъ отдыхѣ отъ работы недостатка не будетъ; во Флоренціи, можетъ, встрѣтятся два-три знакомыхъ дѣльныхъ и занимающихся. Само собой разумѣется, что отъ нихъ не надо бѣжать, но, скажу откровенно, лучше и ихъ не искать. Отъ первыхъ дней вашего приѣзда будетъ зависѣть все остальное время. Если въ самомъ началѣ ты не сумѣешь поставить свою работу независимо отъ внѣшнихъ помѣхъ, ты не согласишь въ послѣдствіи.

Люди, вовсе не думая, по лѣни и небрежности накладываютъ на себя совершенно ненужныя вериги внѣшнихъ обязанностей и съ ропотомъ таскаютъ ихъ потомъ, не имѣя силы порвать ихъ; это смѣшно и слабо. «Les exigences du monde» ¹⁾ въ самомъ дѣлѣ не требуютъ столько; свѣтъ очень принимаетъ всякую самобытную волю, когда она является наивно и просто, не какъ упрекъ и не какъ порицаніе. И потому не ссылайся на *внѣшнія невозможности*; устроиться такъ или иначе зависитъ отъ тебя.

Теперь перехожу къ другому предмету, близкому мнѣ. На тебѣ лежитъ святая обязанность относительно Ольги. Вы будете дома съ ней почти однѣ; воспользуйся этимъ временемъ, чтобъ теплѣе сблизиться. Ольга очень жива и, вслѣдствіе этого, рѣзва черезъ край. Ты еще настолько молода, что не имѣешь терпимости совершеннолѣтія. Я не виню тебя за это, но думаю, что тебѣ на это надобно обратить вниманіе. Шалости ея съ лѣтами пройдутъ; но, если вы успѣете горячо сблизиться, сближеніе это не пройдетъ. Для Ольги ты представляешь семью, ея преданія, даже родину; умѣй, другъ мой, становиться выше дѣтской шалости. Учи ее непременно по-русски, — этого я требую. Объ Ольгѣ и твоей работѣ пиши мнѣ всякій разъ и довольно подробно; время на это найдется.

Я хотѣлъ, чтобъ вы ѣхали въ Ниццу. Я хотѣлъ, чтобы, вступая въ Италію, въ новый отдѣлъ жизни, ты посѣтила нашу могилу, чтобъ ты привела туда Ольгу и вмѣстѣ съ благоговѣніемъ поклонилась землѣ, подъ которой схоронена ваша мать, цвѣтамъ, растущимъ на ней.

Ольга не знала ея почти совсѣмъ, а ты не много знала... «Мнѣ ужасно, — писала она въ одномъ изъ предсмертныхъ писемъ, — думать, что дѣти не будутъ знать меня!..» «Они будутъ тебя знать», — отвѣчалъ я много разъ. И вы узнали ее. Пока вѣрьте мнѣ: это была великая женщина, и по мысли, и по сердцу, и по безконечной поэзіи всего бытія ея.

Прощайте, Тата и Ольга; именемъ своимъ и именемъ покойной матери благословляю васъ на вашъ путь... Буду съ трепетнымъ сердцемъ ждать вѣстей, буду думать объ васъ, и да будетъ жизнь ваша въ Италіи полна кротости, мира и гармоніи и проникнута серьезной любовью къ искусству.

Обнимаю васъ дружески и горячо. Берегите себя не только ля себя, но и для меня.

Вашъ отецъ.

10 дек. 1862. Лондонъ.

¹ Свѣтскія требованія. 1

◆◆ 1. Это письмо, начатое 5-го и конченное 10 декабря, Гер-
 женъ вручилъ старшей дочери при прощаніи съ нею въ Лондонъ,
 12-го. Шагу этому предшествовала длительная и глубокая психологи-
 ческая работа нѣжнаго отца надъ своими непосредственными чув-
 ствами. Онъ понималъ, что жизнь Наталіи Александровны въ домъ,
 созданномъ Огаревой, обезличить ее, сотреть съ нея все цѣнно-
 индивидуальное, пожалуй, бросить въ первое попавшееся замуже-
 ство; понималъ, что воспитаніе Ольги Александровны (ей шель
 13-й годъ) въ той обстановкѣ и совсѣмъ немислимо; страдалъ, стар-
 рался все наладить, видѣлъ тщетность своихъ усилій и помощи
 Огарева и, наконецъ, пришелъ къ весьма тяжелому заключенію о
 необходимости выпустить ихъ изъ дома, окончательно, можетъ
 быть, отрывать ихъ отъ семьи, но сохранить въ нихъ все самое
 дорогое.

1976. Письмо къ И. С. Тургеневу:

12 декабря (1862), пятница.
 Orsett House.

Письмо это посылаю съ Татой для того, чтобъ она позна-
 комилась съ твоей дочерью, — что гораздо лучше переписки отца
 твоей дочери съ отцомъ моей дочери. Ты меня не убѣдилъ — не
 потому, что я рефужье, а потому, что я только сдаюсь на доводы. —
 Статьи ¹⁾ читаю самъ и сужу объ нихъ не по докладу Бакста.
 Послѣ того, какъ я писалъ, «Общее Вѣче» имѣло эклатантный ²⁾
 успѣхъ. — «Рус. Вѣстн.» помѣстилъ чисто шпіонскую статью: «Но-
 выя продѣлки нашихъ лондонскихъ агитаторовъ» ³⁾. «Nord» ударилъ
 въ набатъ. Раскольникамъ дали льготы. Одни неподкупные друзья
 нами недовольны! Famosi! ⁴⁾ (т.-е. это по-нѣмецки).

А проросъ къ друзьямъ. Рядомъ со шпіонской статьёй, статья
П. Анненкова въ томъ же «Рус. Вѣстн.» ⁵⁾ ...А что, вѣдь, надо-
 бно сознаться, какіе сукины дѣти — наши друзья! Ха, ха, ха!..

Есть и посучье.

Кетчеръ, Е. Коршъ и Бабсть уговорили кретина Солдатен-
 кова издать сборникъ Чичер. статей, поставивъ во главѣ письмо

¹⁾ Н. П. Огарева.

²⁾ Eclatant — блестящій.

³⁾ Д. П., «Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ», IX кн

⁴⁾ Прямо удивительно!

⁵⁾ «О Мининѣ г. Островскаго и его критикахъ».

его ко миѣ. Не напечатать ли миѣ протестъ Кавел. и вась всѣхъ? ¹⁾

Ну, что же передъ друзьями Тимашевъ, Липранди?... Экая шваль, экій навозъ золотушнаго гиппопотама, страдающаго холерой.

«Концы и нач.» въ будущ. «Кол.» 1 янв. — еще не отвѣтъ; это — такъ, веселенькая историческая плясовая.

Засимъ кланяюсь.

А. Герцено.

Ils sont passés ces jours de *Fête* ²⁾.

Этотъ съ чего ругаетъ народъ — христо... фетъ ³⁾, аристофонъ? «Мы, де, въ нашей деревнѣ»... Я случайно набрелъ на его статью въ «Вѣстн.» (каж., майская книжка ⁴⁾)... Что у вась это такая партія — *der Volksmüden* ⁵⁾..?

Что за соотношеніе между смертью Делаво, переводчикомъ статей, и Сазоновымъ ⁶⁾, переводчикомъ денегъ... Боткинъ, чай, дрожить? ¹

◆ 1. 16 декабря Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа: «Гнѣвенъ же ты, любезный А. И. Ужъ такъ гнѣвенъ, что и сказать нельзя. И въ концѣ письма поставилъ такое неразборчивое слово. Я рѣшился прочесть: «за симъ *кланяюсь*», хотя по настоящему выходить: «за симъ *плююсь*». Едва осмѣливаюсь почтительнѣйше доложить, что статьи Огарева я, дѣйствительно, прочелъ самъ (этотъ фактъ нельзя забыть, какъ вообще всякую преодолѣнную трудность); что П. В. Анненковъ, конечно, великій преступникъ, но что онъ, отдавая свою невинную статью «Русскому Вѣстнику» въ *началѣ* года, не могъ съ достовѣрностью предвидѣть, что ее помѣстятъ въ *концѣ* года рядомъ съ виновной; что протестъ К. съ моею подписью ты можешь напечатать когда и гдѣ угодно, и что, наконецъ, ты, вѣроятно, смѣшалъ А. А. Фета, у котораго вовсе

¹⁾ Б. Чичеринъ, «Нѣсколько современныхъ вопросовъ», М., 1862; о протестѣ см. т. IX стр. 423.

²⁾ Они прошли, дни Фета. Каламбуръ и вмѣстѣ съ тѣмъ шутивая передѣлка получившаго значеніе поговорки французскаго стиха «Ils sont passés, ces jours de fête», то-есть, «они прошли, дни *праздниковъ*» (Anseautme, «Le tableau parlant»).

³⁾ Образовано въ подраженіе имени сына Ноя Лафета, родоначальника арійцевъ.

⁴⁾ «Замѣтки о вольнонаемномъ трудѣ» А. Фета въ V кн. «Рус. Вѣстника» 1862 г.

⁵⁾ Пресытившихся народомъ.

⁶⁾ Николай Ивановичъ.

нѣтъ деревни, съ извѣстнымъ англійскимъ богачомъ и аристократомъ, sir Feth'омъ, котораго, впрочемъ, никогда не существовало. А дочки твои прелестныя, особенно Тата,—такое славное, умное, здоровое и здравое существо! Моя дочь просто въ нее влюбилась въ теченіе получасоваго ея посѣщенія. Всѣ наши просьбы не могли убѣдить m-lle M. остаться въ Парижѣ день лишній и намъ пришлось только пожелать имъ счастливаго пути. А засимъ препоручаю себя тебѣ не въ часы гнѣва, а въ часы кротости и подписуюсь *Ив. Турн...*

«Что я! совсѣмъ забылъ. По твоему опредѣленію, я долженъ впредь подписываться слѣдующимъ манеромъ: «частица навоза золотушнаго гиппопотама, страдающаго холерой». Длинно немножко, но я не министръ и резолюцій не подмахиваю» («Письма», 177—178).

1977. Письмо къ В. Н. Кашперову.

12 декабря (1862).

По вашему дружескому совѣту, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Кашперовъ, я написалъ къ Валерію и посылаю письмо къ вамъ, потому что не знаю его адреса. Получилъ ли онъ «La Cloche» на французскомъ языкѣ? Я очень радъ, что онъ хранитъ хорошую память обо мнѣ. Дочери мои ѣдутъ 14-го декабря черезъ Парижъ и, вѣроятно, 20—22 будутъ во Флоренціи. Благодарю васъ за все и скажу вамъ прямо: я больше, нежели вѣрю вамъ,—я рассчитываю на васъ, въ случаѣ нужды. Съ вашими знакомыми Тата познакомится (съ нею очень добрая и умная нѣмецкая дама ¹⁾), но вы имъ черкните слово, что онъ будутъ вести почти затворническую жизнь, Тата—ходить на работу,—а потому да минуетъ ее русская колонія юродивыхъ соотечественниковъ, скучающихъ, разочарованныхъ, очарованныхъ, недовольныхъ міромъ и... освобожденіемъ крестьянъ!

Я на этомъ очень настаиваю. Прощайте. Пришлю вамъ недняхъ «Записки» Якушкина ²⁾—это chef d'oeuvre. Дружески кланяюсь вамъ.

А. Герценъ.

¹⁾ М. Мейсенбургъ.

²⁾ Иванъ Дмитріевичъ, декабристъ

1978. Приписка къ В. И. Баксту.

(15 декабря 1862).

Я начинаю вѣрить, что дѣло сношеній устроится очень хорошо. Теперь мы дѣлаемъ опыты посылокъ новыми дорогами.¹

Принялись ли Вы за Пётровскаго¹⁾ и что напечатали? Вы больше пишете объ общихъ вещахъ, а намъ нужны детали.

Если Касаткину будете писать, попросите его подробнѣе написать, какъ умеръ Сазоновъ и что его дѣти. Большой былъ талантъ, распушенный à la Cléopâtre въ бордельномъ урильникѣ, полномъ водки.

Прощайте.

А. Герценъ.

◆◆ 1. Огаревъ въ тотъ же день писалъ Баксту въ Бернъ: «Да, надо за дѣло приняться съ энергіей, поэтому мы и надѣемся, что въ продолженіе мѣсяца пути совершенно найдутся, ибо одинъ молодой человекъ уже поѣхалъ оныхъ ради. Такъ какъ вамъ теперь нездоровье мѣшаетъ, то дайте это устроить, а черезъ нѣкоторое время съѣздите въ другую мѣстность и устройте еще пути. Мы пришли къ заключенію, что вся задача въ путяхъ, ибо когда можно будетъ сбывать черезъ границу съ 50% уступки (какъ Трюбнеру) и съ назначеніемъ цѣны по расчету, какъ я предполагалъ, то и лондонскія цѣны понизятся почти наполовину, и продажа будетъ производиться дешево, независимо отъ того, гдѣ печатается: здѣсь или въ Германіи. Блюммерово «Свободное Слово» стоитъ 5 фр., а наши «Зап. декабр.», объемомъ не меньше, а больше, стоятъ даже теперь 2 фр. 70 сант. Если путей не будетъ, гдѣ ни печатайте, книги будутъ равно дороги. Я прихожу къ тому убѣжденію, что компаніи и типографіи, если будутъ пути, лучше, безопаснѣе соединить въ Лондонѣ, чѣмъ на материкѣ, а въ цѣнахъ разницы не будетъ. Впрочемъ, это еще послѣ переговоровъ, когда пути будутъ. Но упускать изъ виду нельзя, что большое предпріятіе внѣ Англии, гдѣ бы то ни было, при предстоящей исторіи легко подвести подъ секвестръ и разомъ лишиться и фонда и типографіи на континентѣ, а, между тѣмъ, лондонская типографія окажется уменьшенною, такъ что, вмѣсто добра, выйдетъ худо».

¹⁾ «Замиски» Руфина Пётровскаго.

1979. Пути Пути!

Намъ становится неловко молчать на постоянно повторяемое обвиненіе въ дороговизнѣ русскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ. Разъ навсегда мы объяснимъ нашимъ читателямъ, что цѣна русскихъ книгъ зависитъ не отъ насъ, *а отъ нихъ*.

При заведеніи русской типографіи въ Лондонѣ не было въ виду *торговаго оборота*: все дѣлалось и дѣлается единственно съ цѣлью пропаганды.

До 1857 года не только печать, но и бумага не окупалась; съ тѣхъ поръ всѣ издержки покрываются продажей,—далѣе наши финансовыя желанія не идутъ.

Что касается, собственно, *до избытка* отъ продажи, то его *только что достаетъ* на покрытіе ущерба отъ *перехватываемыхъ* тремя полиціями экземпляровъ, отъ экземпляровъ, которые мы считаемъ необходимымъ посылать безденежно и на нашъ собственный счетъ, отъ экземпляровъ, за которые не платятъ, но которые мы посылаемъ, потому что они доходятъ въ Россію.

Печать въ Лондонѣ очень дорога, это — не новость. Лондонскія цѣны на печать и бумагу извѣстны ¹⁾. Зачѣмъ мы печатаемъ въ Лондонѣ? Затѣмъ, что въ Европѣ нѣтъ вѣрнаго угла, въ которомъ бы можно было печатать. Мы и живемъ въ Лондонѣ вовсе не по пристрастію къ его нравамъ, дороговизнѣ и туманамъ.

Тѣмъ не менѣе, и лондонскія изданія можно было бы свести на половинную цѣну. Кто же виноватъ въ томъ, что они продаются такъ дорого?

Вы, а не мы.

Открыть новые пути сообщенія мы не можемъ, это — ваше дѣло: этого требуетъ справедливость: нельзя же, чтобъ мы все дѣлали, а вы дарили бы намъ одну благосклонность читателя. Всѣ русскіе, съ которыми намъ случалось говорить, увѣряли насъ, что пути провоза книгъ черезъ русскую границу устроить *очень легко*; тѣмъ лучше — мы вовсе не хотимъ васъ обременять тяжкимъ трудомъ; сдѣлайте легкое, но *сдѣлайте во самомъ дѣлѣ*. Когда вы устроите постоянные и *прямые* пути, тогда мы будемъ печатать, вѣсто каждой тысячи, десять тысячъ, и съ каждой тысячею цѣна будетъ больше и больше падать на цѣну бумаги. Тогда русская

¹⁾ Печатный листъ большого формата тысяча экземпляровъ, на русскомъ языкѣ, стоитъ больше 150 фр. въ Лондонѣ и около 75 фр. на континентѣ. А. И. Г.

типографія станетъ независимо отъ трехъ книгопродавческихъ этаповъ; тогда мы не будемъ въ необходимости набавлять *пятнадцать* процентовъ; тогда и цѣна въ Россіи не будетъ возвышена орыщиками, надъ которыми мы контроля имѣть не можемъ.

Безъ вѣрныхъ, правильно устроенныхъ путей не будетъ дешевыхъ книгъ.

Не умѣете, не хотите, скучаете искать вѣрныхъ путей (не смотря на то, что это очень легко), оставайтесь подъ монополію предпримчивыхъ книгопродавцевъ и платите имъ втридорога.

Наконецъ, если это для васъ легче, перепечатавайте внутри Россіи всѣ наши изданія. Россія велика,—какъ не спрятать въ ней типографскаго ящика, когда въ Варшавѣ выходитъ «Рухъ», «Стражница» и пр. подъ носомъ Вѣлепольскаго и всѣхъ шпіоновъ, которымъ еще не обрѣзали уши, какъ Фелькнеру.

Впередъ позвольте намъ на это не возвращаться. ¹

◆◆ 1. Герценъ, Огаревъ, Кельсіевъ, Бакунинъ, поляки-эмигранты и многіе другіе принимали участіе въ организаціи сбыта изданій «Вольной русской типографіи». Кельсіевъ отчасти для этого въ мартѣ 1862 г. ѣздилъ въ Россію. 10 ноября 1862 г. Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву:

«Любезные друзья, письмо Кельсіева я прочелъ, и оно со всѣмъ помирило меня съ нимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ оно возбудило во мнѣ нѣсколько мыслей, которыя считаю нужнымъ передать на ваше серьезное и, надѣюсь, внимательное обсужденіе.

«Передъ явнымъ, систематическимъ и, должно признаться, теперь умнымъ гоненіемъ правительства на всѣ лондонскія изданія, клонящимся къ совершенному уничтоженію нашей пропаганды въ Россіи, мы должны, наконецъ, сами выйти изъ постыдной и гибельной апатіи и противопоставить враждебному дѣлу союзное дѣло.

«Раскрыть, во что бы то ни стало, широкія и постоянныя сообщенія съ Россіею стало дѣломъ первой и ближайшей необходимости. Медлить и тянуть, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, не значитъ еще обдумывать и поступать практично. Время есть сила, которую терять непростительно. И потому съ полною обдуманностью, но не теряя времени, должно приступить къ дѣлу.

«Я радъ, что вы рѣшились, наконецъ, послать Б. (акста, В. И.—М. Л.) въ Сѣверную Германію; предлагаю вамъ послать Жуковскаго (Николай Васильевичъ—М. Л.) на Востокъ, отчасти на помощь Кельсіеву, отчасти и преимущественно съ самостоятельнымъ порученіемъ. Это предложеніе раздѣляется на двѣ части: одна, отвѣчающая

на вопросъ: полезна ли будетъ посылка Жуковскаго и именно на Востокъ? а другая на вопросъ о средствахъ.

«Поговоримъ о пользѣ. Вы видите изъ письма Кельсіева и, вѣроятно, догадывались прежде, что для насъ на Востокѣ плодовитаго дѣла тѣма,—какъ политическаго, такъ и коммерческаго,—и что оба тѣсно между собою связаны. Пропаганда на старовѣровъ въ Турціи и въ Австріи и черезъ нихъ на Россію, устройство складочнаго мѣста и правильной торговли черезъ Константинополь и Галацъ на Одессу, устройство правильной пропаганды черезъ Кавказъ на войско кавказское и далѣе на Донъ—и, прибавлю еще, устройство правильной торговой пропаганды черезъ армянъ на Тифлисъ и на Волгу даже до Нижняго-Новгорода. На все это при всей ревности Кельсіева его одного не станетъ. А дѣло, какъ вы сами видите и знаете, животрепещущей, неотлагательной важности.—«Куй желѣзо, пока горячо»—пословица драгоценная, которую вы, къ сожалѣнію, часто забываете. Я предоставилъ бы Кельсіеву раскольниковъ турецкихъ, бѣлокриницкихъ и все съ ними связанное, а также устройство путей сообщенія черезъ Галацъ и другія мѣста въ Одессу. Жуковскому и Кельсіеву вмѣстѣ поручилъ бы устройство складочнаго мѣста въ Константинополь, но Жуковскому исключительно—всѣ дѣла по Кавказу, по Грузіи, по Волгѣ и по Дону. Не стану распространяться, письмо дополню разговоромъ. Мнѣ кажется, вы бы желали послать въ Константинополь Сахновскаго. По моему крѣпкому убѣжденію, Жуковскій будетъ тамъ въ тысячу разъ полезнѣе. Онъ яснѣе, практичнѣе и крѣпче въ мысляхъ, привыкъ къ дѣлу и, безъ сомнѣнія, способнѣе къ дѣлу коммерческому, чѣмъ Сахновскій,—а тутъ коммерція и политика неразрывны. Къ тому же въ Турціи должно держать себя очень ловко: пользуясь покровительствомъ турецкаго правительства и польскихъ аристократовъ, должно не только что не быть, но даже и не казаться ихъ орудіемъ внутри ли Турціи, напр., противъ болгаръ, которыхъ турки душатъ по-турецки, а поляки насильственно и подлымъ образомъ развращаютъ, по-иезуитски обращая ихъ въ католицизмъ, или внѣ Турціи, въ Россіи, напр., на Дону, гдѣ и турки и поляки и даже сами турецкіе раскольники, по свидѣтельству самого Кельсіева, преслѣдуютъ анти-народно-русскую политику. Не только Сахновскаго, но даже Кельсіева одного на это не станетъ,—надо послать ему на помощь Жуковскаго съ подробною и пространною, *обязательною* инструкціею для нихъ обоихъ и, по моему мнѣнію, должно послать какъ можно скорѣе, никакъ не позже мѣсяца. Мѣсяць необходимъ и для приобрѣтенія турецкаго паспорта, что я беру съ дѣлать черезъ

моего друга булгара, и для первой прочной и ясной обстановки нашего ассоціаціоннаго производства.

«Теперь поговоримъ о средствахъ.

«Каждому изъ нихъ надо положить не менѣе 2000 фр. да на разъѣзды по 1000 фр. въ годъ = 3000 фр., да Варваръ Тимоѣевнѣ (жена Кельсіева—*М. Л.*) около 2000 фр., итого 8000 франковъ. Гдѣ ихъ взять?

«Есть только два источника.

«1. Подъ твоимъ поручительствомъ, Герценъ, и съ займомъ или у тебя, или отъ новой ассоціаціи, или изъ *фонда*, котораго лучше и плодотворнѣе употребить для общаго дѣла невозможно и который, должно надѣяться, дастъ болѣе 3000 фр. Деньги же не потребуются всѣ вдругъ, но въ разные сроки; положимъ, по 2000 въ каждую четверть.

«2. Вся сумма или, по крайней мѣрѣ, 6000 фр. на обоихъ агентовъ, или, по крайней мѣрѣ, половина всей суммы, должна быть, по моему мнѣнію, выдана *ассоціаціею*, какъ летучій капиталъ продуктивнаго потребленія. Я прибавилъ бы къ этому еще 2000 фр. на содержаніе постоянного агента въ Сѣверной Германіи на русско-польской границѣ, о чемъ скажу нѣсколько словъ ниже. Безъ предварительной жертвы продуктивно потребительнаго капитала, безъ обдуманнаго смѣлаго риска никакое торговое дѣло состояться не можетъ. Смѣлость разумной инициативы, вѣра въ расчеты разума составляютъ всю благодарную сторону торговли. Къ тому жъ въ нашемъ дѣлѣ рискъ состоитъ только въ выборѣ людей. Открытіе путей сообщенія возможно, нужно только умѣть воспользоваться этою возможностью.

«Если вѣрныя, правильныя, широкіе пути сообщенія будутъ открыты, какъ на западѣ, такъ и на юго-востокѣ, то капиталъ, потраченный на агентовъ, вознаградится сторицею. Предоставляю Огареву разсчитать финансовымъ образомъ, какая часть жертвъ и выгодъ выпадетъ на долю фонда и какая на долю ассоціаціи, а также и приблизительную долю писателей.—Потомъ можно будетъ подумать и объ агентѣ въ Швеціи.

«Знаю только одно, что если вы теперь не дерзнете, то никогда ничего не сдѣлаете. Въ послѣднее время намъ открылось множество средствъ и дорогъ, которыя требуютъ только прочной организаціи.—На западѣ поляки, на востокѣ все то, о чемъ пишетъ Кельсіевъ.—Требуется только ума да смѣлой, рѣшительной воли—успѣхъ несомнѣненъ.

«Теперь объ агентѣ въ Германіи.—Если-бъ мы были увѣрены въ Блюмерѣ, то можно было бы употребить его. Но я предпо-

челъ бы человѣка совсѣмъ не компрометированнаго, дѣльнаго, честнаго, но очень скромнаго и очень осторожнаго, съ которымъ бы имѣли дѣло и о которомъ знало бы самое малое число людей. Такой человѣкъ, съ русскимъ незапятнаннымъ паспортомъ, войдя въ скромныя и тайныя отношенія съ необходимыми нѣмцами и поляками, принесъ бы безконечную пользу. Онъ могъ бы жить въ Берлинѣ, а въ случаѣ необходимости ѣздить въ Бреславль или куда будетъ нужно. Не можетъ ли Б. выбрать одного изъ скромныхъ русскихъ, учащихся въ берлинскомъ университетѣ? 2000 фр. бѣдному человѣку будетъ огромною помощью, вмѣстѣ съ тѣмъ они обяжутъ того, который возьметъ ихъ и который будетъ поэтому смотрѣть на дѣло, не какъ на вольное дилетантство, а какъ на обязательную службу» («Письма», 90—93).

Подъ «ассоціаціею» Бакунинъ разумѣлъ проектировавшееся тогда объединенное тайное общество «Землю и Волю». Проектъ его не былъ тогда одобренъ Герценомъ.

О роли Бакунина въ средѣ лондонскихъ друзей нѣмецкій «авторитетъ» Ю. Экгардтъ говоритъ: «Несомнѣнно, что безтактность и одичалость въ поведеніи Бакунина и цинизмъ въ способахъ его выраженій коробилъ также его лондонскихъ друзей изъ кружка Герцена; что годы, проведенные въ Сибири, подѣйствовали на него какъ угодно, но только не благоприятно, и что вліяніе его на «Колоколъ», въ редакцію котораго онъ вступилъ полноправнымъ членомъ, было въ высшей степени неблагоотворно. Именно участію Бакунина въ этомъ органѣ, основанномъ Герценомъ, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что изъ журнала не радикальнаго, но направленнаго по существу къ устраненію недостатковъ въ русской жизни и русскомъ государственномъ управленіи, и поэтому признаваемаго даже его противниками, «Колоколъ» превратился въ чисто революціонный листокъ, который сталъ въ несправедливую позицію въ отношеніи къ петербургскому правительству и, вмѣсто реформъ, началъ проповѣдывать переворотъ и именно переворотъ какой бы то ни было цѣной, хотя бы цѣною всеобщаго хаоса». «Чѣмъ неудержимѣе и упорнѣе дѣлалось вліяніе Бакунина на направленіе сообща редактируемаго листка, тѣмъ рѣшительнѣе послѣдній становился на точку зрѣнія чистаго нигилизма, тѣмъ быстрѣе падали его вліяніе и власть. Уже лѣтомъ 1862 г., въ то время, когда Катковъ впервые выступилъ противъ остававшася до того времени неоспоримымъ авторитета «Колокола», стало ясно, что Герценъ принужденъ либо понизить тонъ, либо отказаться играть какую-нибудь роль въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи» («Russland vor und nach dem Kriege», 131, 137). Такъ писалась и

вишется за границей исторія нашей политической и литературной жизни...

1980. Нанцлеръ-памфлетистъ.

Благодаря «Правдолюбивому», мы узнали (10 №), что и горчаковский «Journal de St.-Petersbourg» пустился по слѣдамъ Шедо-Ферроти, Каткова и Елагина и обругалъ издателей «Колокола» на чопорныхъ листахъ своихъ ¹⁾. Куда же пошли уроки Талейрана, который поучалъ Горчакова тайнѣ учтиво и сообразно силѣ и слабости гостей предлагать говядину? ²⁾ Гдѣ осторожность дипломата, умѣвшаго быть другомъ декабристовъ и слугой Николая? Охота же ему, ветхому нотами и протоколами, вступать боксеромъ за министерство иностранныхъ дѣлъ тамъ, гдѣ *три отдѣленія* бойцовъ, несогласные между собой, какъ одинъ кулакъ, защищаютъ тронъ: партія «Рус. Вѣстника», партія «Нашего Времени» и партія *Прошлою Времени* (т.-е. прежнихъ друзей издателей «Колокола»), уговорившая, какъ намъ пишутъ, Солдатенкова перепечатать въ сборникѣ статей г. Чичерина его письмо *къ издателю* «Колокола». Ну, гдѣ же вамъ, князь, на старости лѣтъ угодиться за сими ярыми бойцами? Переводныя ругательства вашего французскаго журнала не имѣютъ пикантнаго *saveur'a* ³⁾ и *haut-goût* ⁴⁾ измѣны и предательства, вы ими не предаете позору всю вашу юность, всѣ благородныя воспоминанія вашей жизни ⁵⁾.

◆◆ 1. Въ анонимной статьѣ № 10 «Правдолюбиваго» отъ 1 декабря 1862 г. (уже не кн. Долгорукова) подъ заглавіемъ «Гг. Герценъ и Катковъ» сказано: «Я не согласенъ во всемъ съ Герценомъ и знаю въ тоже время, что онъ уважаетъ свободу

¹⁾ См. № 1915.

²⁾ «Indépendance». А. И. Г.

³⁾ Смака.

⁴⁾ Вкуса.

⁵⁾ Мы благодарны неизвѣстному корреспонденту «Правдолюбиваго» за то, что вступился за насъ. Но, признаемся, были бы еще благодарнѣе, если бы не только вступался, но и читалъ бы, что мы пишемъ. Гдѣ, въ какомъ сочиненіи, въ которомъ листѣ «Колокола» «другъ правды» вычиталъ желаніе *подчинить малороссовъ* и вообще кого бы то ни было Польшѣ? ¹ Помните, давно ли мы печатали,—конечно, десятый разъ—наше *profession de foi*—«къ русскимъ офицерамъ»? Хоть бы вы взглянули, господа, какъ насъ отдѣлываетъ «Бачность» ²⁾ за противоположное, и тоже несправедливо. А. И. Г. 2

²⁾ То-есть «Васкнотѣ».

миѣній и не имѣеть притязаній на папскую догматическую безошибочность... Я не согласенъ съ г. Герценомъ въ томъ, что онъ, кажется, не только желаетъ, какъ всѣ мы, развитія свободы Польши, но даже подчиненія ей малороссовъ Подольской губ. и пр. Если онъ въ самомъ дѣлѣ для угожденія нѣкоторымъ польскимъ эмигрантамъ хочетъ уступить малороссовъ Польшѣ, то тѣмъ Шевченка, этого пѣвца малороссійской свободы, остановить его! Я не согласенъ съ г. Герценомъ насчетъ его теоретическаго социализма, хотя готовъ, какъ многіе другіе русскіе, хвалить практическій социализмъ, основанный Вернеромъ на ученіи Евангелія и Фурье въ Вюртембергскомъ королевствѣ... Гарibaldi, Маццини, Герценъ—люди исключительные. Называть ихъ сумасшедшими, это—жалкая страсть. Гарibaldi способствовалъ Италіи увеличить ея новое королевство, а Герценъ способствовалъ въ Россіи къ уничтоженію многихъ злоупотребленій и къ свободѣ крестьянъ, какъ бы ни мало было его вліяніе».

2. Въ № 4 «Васнось»¹⁾, издаваемомъ Л. Мѣрославскимъ, Р. Р. посвятилъ Герцену слѣдующую небольшую замѣтку:

«Какъ исторія этого человѣка, такъ и его журнала извѣстны всему читающему міру. Говоря о немъ, нужно постоянно имѣть въ виду, что даже такой большой талантъ,—а, можетъ быть, именно благодаря такому большому таланту—борется только противъ существующаго, не давая ничего новаго. Его журналъ, дѣйствительно, постепенно толкаетъ Россію, помимо ея сознанія, къ окончательному разложенію, подобно тѣмъ ядамъ, которые, проникая, дѣйствуютъ на отпаденіе органовъ, но не даютъ почвы для возникновенія новыхъ». У Герцена нѣтъ своего плана, онъ даже думаетъ, что это не его дѣло.

Въ № 5 «Васнось» передовая (анонимная) статья осуждаетъ Народный Центральный Комитетъ за его обращеніе къ Герцену отъ 20 сент., находя, что самое обращеніе не имѣеть никакого смысла; опубликованіе письма въ «Колоколъ» не можетъ прояснить понятія русскихъ больше, чѣмъ зрѣлище ссылокъ, достаточно ими наблюдаемое. Журналъ находилъ, что письмо оскорбительно для польскаго народнаго чувства, потому что сомнѣвается въ патриотизмѣ Литвы и Руси, сросшихся съ Польшею вѣками, и все вдохновлено московскими и петербургскими представленіями исторіи Царства Польскаго. Очевидно, такой уступкой Комитетъ хотѣлъ заручиться поддержкой издателей «Колокола», считая ихъ, по видимому, полезными для польскаго дѣла; между тѣмъ, идеалы

¹⁾ Внимательность, осторожность.

ихъ въ этомъ отношеніи совпадаютъ съ идеалами царя, «противъ котораго они пишутъ остроумныя статьи, лишь съ той разницей, что царь хочетъ итти практической дорогой завоеванія, а они— путемъ немислимой федерации». Идеаль этотъ—панславизмъ. И Комитетъ вводитъ въ заблужденіе Россію, когда дѣйствуетъ такимъ образомъ.

Кн. П. В. Долгоруковъ такъ характеризовалъ «Васнопа»: «Оно объявляетъ, что нынѣ полякамъ слѣдуетъ перерѣзать всѣхъ русскихъ, не исключая и тѣхъ, которые сочувствуютъ Польшѣ. Въ отвѣтъ на это мы желаемъ людямъ, которые писали подобныя строки, искуснаго врача» («Листокъ», № 5).

1981. («Daily Telegraph»).

«Daily Telegraph» отъ 19 ноября сообщаетъ нѣкоторыя подробности о Фелькнерѣ, шпионѣ, убитомъ въ Варшавѣ. Сынъ нѣмецкаго купца, онъ дослужился до капитанскаго чина, былъ исключенъ изъ службы за воровство и опредѣленъ въ Варшаву *надаирателемъ* и учителемъ русскаго языка въ какой-то школѣ. Это было при Николаѣ. Такого человѣка не могъ не оцѣнить Вѣлепольскій: онъ его сдѣлалъ однимъ изъ главныхъ шпионовъ. Поляки казнили своимъ судомъ этого «scoundrel»¹⁾, какъ его называетъ «Daily Telegraph». Между прочимъ, ему отрѣзали уши. «Кого глазъ искушаетъ, тому лучше глазъ исторгнуть»; кто подслушиваетъ, явнымъ образомъ подвергается опасности уши. Урокъ, данный правительственному мѣшенику, строгъ, но справедливъ.

1982. [Цензура указовъ].

Официальная часть газетъ, по новому распоряженію, подлежитъ цензурѣ наравнѣ съ неофициальной; итакъ, отнынѣ цензора будутъ подписывать одобреніе къ печатанію высочайшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій!

1983. («Сѣверная Пчела»).

«Сѣверная Пчела» (въ 317 №) перепечатала изъ «Сына Отечества», взявшаго изъ «Indépendance», перепечатавшей изъ «Constitutionnel'я» (каковъ чистый родникъ новостей о Россіи для русскихъ журналовъ), слѣдующую вѣсть изъ Варшавы: «Газета «Колоколъ», издающаяся въ Лондонѣ, напечатала въ одномъ изъ

¹⁾ Негодяя.

своихъ послѣднихъ нумеровъ письмо, написанное, будто бы, русскими офицерами къ в. к. Константину Николаевичу съ цѣлью объявить ему, что, если произойдетъ возстаніе въ Варшавѣ или въ какой-нибудь изъ польскихъ областей, то армія откажется прекратить его или же рѣшится на это съ величайшимъ отвращеніемъ. Письмо это было *подложное*. Когда «Колоколь» былъ полученъ въ Варшавѣ, то в. к. рѣшился на очень простую мѣру: онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ прочесть мнимое письмо передъ всѣми полками и во всѣхъ казармахъ. На другой день, 16 (4) ноября, офицеры просили у в. к. позволенія явиться къ нему, чтобы *астъмъ вѣмъстѣ, безъ всякаю исключенія*, принести ему увѣреніе въ ихъ преданности и протестовать въ то же время противъ злоупотребленія ихъ именами. В. к. немедленно ихъ принялъ; онъ сказалъ имъ, что хотѣлъ сообщить имъ напечатанное письмо именно для того, чтобы засвидѣтельствовать имъ свое довѣріе и доказать его полное убѣжденіе въ томъ, что при всякомъ случаѣ они останутся вѣрны законамъ военной чести» («Сынъ Отечества»).

А, вѣдь, повѣсть-то эта, несмотря на авторитетъ «Constitutionnel'я» и «Indépendance», оказывается чуть ли не *подложные* адреса, *который у насъ есть съ подписями*. Во всякомъ случаѣ Комитетъ русскихъ офицеровъ въ Польшѣ будетъ очень благодаренъ в. к. за распространеніе ихъ адреса по полкамъ и казармамъ. Нельзя ли эту новую пропаганду распространить на письмо Комитета къ русскимъ офицерамъ и вообще на «Колоколь»?

1984. Нашего полка прибыло.

Въ концѣ ноября вышелъ 1 № русскаго журнала, издаваемого кн. П. Долгоруковымъ въ Брюсселѣ подъ заглавіемъ «Листокъ». «Листокъ» будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Кн. Долгоруковъ сообщаетъ, что г. Блюммеръ будетъ продолжать свое «Свободное Слово» въ Брюсселѣ и печатать его въ новой русской типографіи, заведенной издателемъ «Листка».

Желаемъ искренно успѣха обоимъ органамъ и типографіи. ¹

◆◆ 1. 8 ноября 1862 г. Л. Блюммеръ писалъ изъ Брюсселя Валуеву: «Господинъ министръ, чувствуя всю странность своего поступка, я, однако, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбою, совершенно законною, впрочемъ, въ отношеніи къ человѣку честному, какимъ считаю я васъ, основываясь на утверженіи людей, васъ лично знающихъ, между прочимъ, кн. П. В. Долгорукова. Мои политическія убѣжденія поставили меня въ положеніе, неприятное для правительства, къ членамъ котораго вы принадлежите.

По опыту знаю, что ради этого я не пользуюсь правомъ свободной переписки съ моими друзьями и родными. Но я не могу думать, что какое бы то ни было правительство въ состояніи предположить, что люди, не сходные съ нимъ въ убѣжденіяхъ, не должны интересоваться судьбою своихъ близкихъ родственниковъ. Дѣлать подобныя предположенія внѣ всякой власти, всякаго закона и всякаго беззаконія; простое человѣческое чувство скажетъ, что желаніе сына и брата узнать объ участи матери и сестры вполне естественно и вполне законно. Между тѣмъ, вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ я никакъ не могу получить свѣдѣніе о моей сестрѣ. Прилагая здѣсь письмо къ ней, я прошу васъ, г. министръ, затруднить себя заботою о доставленіи его по назначенію, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ совершенно домашнія дѣла. Иного пути добиться желаемого я не вижу и слишкомъ вѣрю въ ваше благородство, чтобы не прибѣгнуть къ нему». Валувевъ просьбу исполнилъ, но быть посредникомъ въ отправкѣ Блюммеру отвѣта сестры, жившей въ Воронежѣ подъ надзоромъ полиціи, отказался (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1862 г. № 5). Въ 1864 г. письма были посланы Валувевымъ въ III Отдѣленіе, гдѣ они и задержаны.

1865. (Общій фондъ).

Изъ Германіи получены въ общій фондъ 12 фунт. 10 шилл., 6 рублей, 6 фун. 3 шилл. и 105 фран. съ особымъ назначеніемъ, которые и переданы по принадлежности. Въ Лондонѣ получены 1 фунт. 10 шилл.

1866. Письмо къ Н. А. Герценъ.

20 декаб. (1862).

Orsett House, Westbourne terrace.

Милая Тата! Вотъ уже прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ ты и вы уѣхали. Что вы теперь въ Ниццѣ или ужъ во Флоренціи?

Письмо отъ Мальвиды изъ Марсели пришло и твое отъ Левицк. Жаль, что ты хворала на дорогѣ, и жаль, что вы не остались еще день въ Парижѣ. Жду теперь первыхъ впечатлѣній Италіи, т.-е. больше всего самой Флоренціи. Какъ вы тамъ устроитесь и какъ ты примешься за работу?

У насъ штиль—погода, какъ всегда мерзкая, но было тепло, сегодня холодно, вѣтрено; а у васъ, небось, соловьи цвѣтутъ и розы поютъ...

Отъ Ольги жду особаго письма съ импрессионами дю войажъ ¹⁾, причеъ она обязана разсказать и то, какъ приняла Италию. А Туту ²⁾ все еще въ Orsett Hous'ѣ.

Птица жива.

Ага, Нат., дѣти кланяются,—пишите на всѣхъ.

1987. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

24 декабря 1862.

Я всегда буду писать №.

№ 3.

Милая Тата, я душевно радъ, что вы видѣли Ниццу и могилу въ блескѣ солнца, моря и пр. Твое письмо оттуда меня глубоко тронуло... Будьте же вы счастливы въ этой богатой природѣ... У насъ есть и не веселыя новости: изъ польскихъ знакомыхъ, которые бывали съ Мих. Ад. ³⁾, нѣсколко арестованы въ Парижѣ и въ томъ числѣ тотъ съ длинной бородой, черный, который былъ при кн. Грузинскомъ ⁴⁾. Да и въ Варшавѣ взято много.

Завтра твое рожденіе,—18 лѣтъ; это второй разъ, что ты его проведешь безъ меня (первый былъ 25 дек. 1852).

Поздравляю... Прибавить мнѣ нечего,—развѣ, какъ Іоаннъ-Евангелистъ, повторить:

Любите другъ друга.

Посовѣтуйся съ скульпторомъ насчетъ деревьевъ на могилѣ. Конечно, ихъ слѣдуетъ оставить.

Ну, прощай на этотъ разъ. Надѣюсь, что твой *клу* ⁵⁾, какъ ты называешь, совсѣмъ прошелъ.

Цѣлую тебя много.

Дополненіе для Ольги.

Latest intelligence ⁶⁾.

Сегодня на Christmas ⁷⁾ получаютъ:

¹⁾ Impressions du voyage—путевыя впечатлѣнія; шутливый намекъ на французско-нижегородскій языкъ знаменитыхъ «Сенсацій и замѣчаній госпожи Курдюковой за границей, данъ л'Этранже» Мятлева.

²⁾ Собака Чернецкаго.

³⁾ Бакунинъ.

⁴⁾ Въ Парижѣ были арестованы І. Цверцкевичъ, Игнатій Хиѣлинскій и Мяловичъ; второй въ юнѣ организовывалъ покушеніе на вел. кн. Константина Николаевича.

⁵⁾ Clou—чирей, вередъ.

⁶⁾ Послѣдняя новость.

⁷⁾ Рождество Христово.

Жюль—5 ф.,
 1—отъ меня;
 Жакъ—шинель отъ Ог.,
 Девиль ¹⁾—платье
 и 10 ш. отъ Ог.;
 Германка—idem ²⁾.
 Сарра—брошку
 и 10 шил.

Ольгу всѣхъ больше помнитъ Лиза,—она ужасно скучаетъ нею. Напиши ей.

О полученіи письма тотчасъ извѣстите.

1988. [Къ адресу русскихъ офицеровъ въ Польшѣ].

Nous réimprimons en supplément les deux adresses que nous avons reçues du «Comité des officiers russes en Pologne». On y reconnaît la voix honnête et vraie des hommes russes parlant pour le peuple. La seconde de ces adresses était revêtue du sceau du comité des officiers russes portant pour inscription: *La Terre et la Liberté!* La terre pour le peuple russe, la liberté pour le peuple russe! En portant dans leurs cœurs ce pur amour du peuple, nos officiers et les soldats qui se sont unis à eux ne peuvent couvrir d'opprobre le nom russe en massacrant la Pologne. L'assujettissement de la Pologne par la violence coûte énormément au peuple russe en hommes et en argent, bien loin de lui rapporter le moindre profit; mais y eut-il même profit pour la Russie, *l'honneur russe* lui interdirait encore de tenir dans l'esclavage un peuple qui veut être libre et disposer de lui-même. Peut-être les voies de la Russie et celles de la Pologne, peut-être notre organisation populaire et celle de la Pologne ne pourront-elles jamais se rencontrer.

Si elles se rencontrent, c'est bien; nous vivrons ensemble d'un mutuel consentement; sinon, nous vivrons séparément chacun de notre vie propre et sans nous gêner mutuellement. Voilà ce qu'il faut dire pour être d'accord avec les lois de la saine raison et de la pure conscience. Voilà ce qu'ont voulu donner à entendre les officiers russes en écrivant leur adresse à Constantin Nikolaévitch pour leur justification.

On dit que Constantin Nikolaévitch a interrogé les officiers au sujet de cette adresse; on dit que les officiers ont répondu à ses questions par un profond silence. C'est du moins ce que nous écrivent

¹⁾ Жена доктора.

²⁾ То же.

les officiers russes qui sont en Pologne. Les journaux français ¹⁾, de leur côté, disent que les officiers ont répondu à Constantin Nikolaévitch par une adresse où ils ont protesté de leur fidélité et de leur obéissance. Que peut-on dire dans une adresse semblable, si ce n'est que les officiers et soldats russes sont prêts à massacrer les Polonais? Quant à nous, nous ne croyons pas que les officiers aient présenté une pareille adresse;—ce serait trop honteux pour l'armée. Mais si quelques officiers ont en effet présenté cette adresse, pourquoi Constantin Nikolaévitch ne la fait-il pas imprimer avec les signatures; ce n'est bien sûr pas dangereux—la signature de *cette* adresse ne fera pas fusiller les officiers qui l'auront donnée; on ne les enverra pas pour cela aux galères et leur cause ne sera pas perdue par leur propre supplice ou leur exil. Mais le peuple russe a besoin de savoir quels sont les officiers qui sont ses ennemis et qui consentent à couvrir d'opprobre le nom russe en se faisant satellites de l'injustice et bourreaux.

Mais la voix de la vérité n'arrive pas jusqu'aux princes. Le gouvernement de Pétersbourg en opérant le recrutement en Pologne ne procède pas par le tirage au sort; non, il veut avoir pour recrues des hommes choisis par la direction de la police, imitant en cela les propriétaires qui faisaient raser le front aux paysans qui leur déplaisaient ²⁾.

Ces princes pressureront la Pologne jusqu'à ce qu'elle se soulève et ils forceront par là les officiers et les soldats russes à embrasser le parti des Polonais par générosité et pour sauver l'honneur russe. Et peut-être les officiers et les soldats russes périront dans la lutte... Leur sang retombera alors sur les têtes couronnées qui ne savent pas comprendre la voix de la vérité et de leur conscience. Mais le peuple russe vénérera la mort de ces soldats et de ces officiers comme un exemple de saint martyr pour la cause de l'honneur russe et de la vérité humaine.

En présence des deux adresses des officiers russes, et vu l'époque prochaine du recrutement en Russie, nous dirons encore au peuple russe que les hommes appelés à faire partie des nouvelles recrues doivent, avant de quitter leur maison, leurs pères et leurs mères, jurer, non des lèvres mais du fond de leur coeur, qu'ils ne marcheront pas contre le peuple, qu'ils ne tireront pas sur le peuple et qu'ils se rappelleront la devise des officiers russes: *La Terre et la Liberté!*

Les Éditeurs du «Kolokol».

¹⁾ Nous recevons à l'instant «L'Abeille du Nord» où nous trouvons l'article reproduit de «L'Indépendance». A. H.

²⁾ A l'époque du recrutement on rassemble les paysans et on rase la tête de ceux qui sont désignés pour le service, afin de les reconnaître plus facilement. A. H.

Переводъ.

Въ «Прибавленіи» мы печатаемъ два адреса, полученные нами отъ «Комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ». Въ нихъ узнаешь истинный и честный голосъ русскихъ людей, высказывающихся за народъ. Второй изъ этихъ адресовъ снабженъ печатью комитета русскихъ офицеровъ съ надписью: «Земля и Воля». Земля для русскаго народа, воля для русскаго народа! Съ этой чистой въ сердцѣ любовью къ народу наши офицеры и солдаты, которые къ нимъ присоединились, не запятнаютъ русскаго имени рѣзнею Польши. Насильственное подчиненіе Польши требуетъ отъ русскаго народа огромныхъ жертвъ — какъ людьми, такъ и деньгами, — и вмѣстѣ съ тѣмъ очень далеко отъ того, чтобы принести ему хотя бы малѣйшую пользу; но если бы даже для Россіи была отъ этого выгода, *русская честь* не позволяла бы ей держать въ порабощеніи народъ, который хочетъ быть свободнымъ и самъ располагать собою. Быть можетъ, пути Россіи и Польши, народный строй Россіи и Польши никогда не встрѣтятся. Благо, если встрѣча эта произойдетъ: тогда мы заживемъ вмѣстѣ, по обоюдному соглашенію; въ противномъ случаѣ проживемъ и отдѣльно — каждый изъ насъ собственною жизнью и нисколько другъ другу не мѣшая. Вотъ что слѣдуетъ заявить, если желаешь оставаться въ согласіи съ законами здраваго разсудка и съ велѣніями чистой совѣсти. Это именно и хотѣли дать понять русскіе офицеры, когда писали адресъ Константину Николаевичу въ свое оправданіе.

Говорятъ, что Константинъ Николаевичъ опросилъ офицеровъ по поводу этого адреса; говорятъ, что на его разспросы офицеры отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, пишутъ *намъ* офицеры, живущіе въ Польшѣ. Съ своей стороны, французскія газеты утверждаютъ ¹⁾, что въ отвѣтъ русскіе офицеры поднесли Константину Николаевичу адресъ, въ которомъ завѣряютъ въ своей преданности и повиненіи. Что же другое можно сказать въ подобномъ адресѣ, какъ не то, что русскіе офицеры и солдаты готовы предать поляковъ рѣзнѣ? Что касается насъ, то мы не придаемъ вѣры разсказу о томъ, что подобный адресъ былъ поднесенъ офицерами, — это было бы слишкомъ стыдно для арміи. Но, если нѣсколько офицеровъ и на самомъ дѣлѣ поднесли такой адресъ, почему Константинъ Николаевичъ не велѣлъ напечатать его со всѣми подписями? Опасности это, безъ сомнѣнія, не представляетъ: подпись подъ *такимъ* адресомъ не подведетъ подъ раз-

¹⁾ Мы только-что получили «Сѣверную Пчелу», и въ ней находимъ воспроизведеніе статьи газеты «Indépendance». А. И. Г.

стрѣль тѣхъ офицеровъ, которые присоединились къ нему, за это ихъ не сошлютъ на галеры, и дѣло ихъ не погибнетъ изъ-за ихъ казни или ссылки. Но русскому народу необходимо знать имена офицеровъ, являющихся его врагами и рѣшающихся покрыть русское имя позоромъ, ибо они становятся на сторону несправедливости и берутъ на себя охрану палачей.

Но голосъ правды не доходить до слуха государей. Производя рекрутскій наборъ въ Польшѣ, петербургское правительство не прибрѣгаетъ къ жеребьевкѣ; нѣтъ, оно намѣрено взять въ рекруты людей, указанныхъ полиціей, подражая въ этомъ отношеніи помещикамъ, приказывавшимъ забрать добъ тѣмъ изъ своихъ крестьянъ, которые имъ не угодили ¹⁾.

Эти государи будутъ угнетать Польшу до тѣхъ поръ, пока она не возстанетъ, и тѣмъ самымъ принудятъ русскихъ офицеровъ и солдатъ стать на защиту польскаго дѣла изъ великодушія и для спасенія русской чести. И, быть можетъ, русскіе офицеры и солдаты погибнутъ въ этой борьбѣ... Ихъ кровь падетъ на вѣнчанныя головы, глухія къ голосу правды и собственной совѣсти. Но русскій народъ будетъ глубоко чтить смерть этихъ солдатъ и этихъ офицеровъ, какъ примѣръ святого мученичества за дѣло русской чести и человѣческой правды.

Въ виду обоихъ адресовъ русскихъ офицеровъ и близости рекрутскаго набора въ Россіи, мы еще скажемъ русскому народу, что люди, призванные стать въ ряды новыхъ рекрутовъ раньше, чѣмъ покинуть свои дома, своихъ отцовъ и матерей, должны поклясться, не устами, а изъ самой глубины сердца, что они не пойдутъ противъ народа, что они не будутъ стрѣлять въ народъ и что они будутъ помнить девизъ русскихъ офицеровъ: «Земля и Воля».

Издатели «Колокола».

1860. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ.

27 декаб. (1862).

Orsett House, West. terrace.

Милая Тата, пишу тебѣ только нѣсколько словъ. Очень, очень благодарю за телеграмму изъ Флоренціи и жду обѣщаннаго письма. Напишите вашъ адресъ обстоятельно и какія письма получены.

¹⁾ Во время рекрутскаго набора собираютъ крестьянъ и брютъ голову тѣмъ, которые назначены на службу, чтобы ихъ легче было узнать.

Бываетъ очень скучно здѣсь—обстоятельства дурны, но я откровенно счастливъ за то, что вы подъ голубымъ небомъ и подъ гениемъ Буанарроти.

Цѣлую васъ обѣихъ и поздравляю съ Новымъ годомъ.

Ja, Malvida Филипповна, die Sachen gehen nicht auf Rosen — die Nacht wird finsterner, die russische Regier. herrscht wieder auf dem Kontinent.

Sie haben sehr gut gemacht, indem Sie telegraphirten aus Florenz.

Um Gottes willen, weniger Bekanntschaft. Der Pulski schreibt mir von einer Dame in Florenz—ich schreibe so gern den Namen nicht. Land, Statuen, Bilder, Aleatico, Himmel—alles ist gut — zum Teufel die Leute ¹⁾!

Получень ли вами «Пуншъ»?

Пиши сейчасъ къ Мар. Касп., если не писала.

1990. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

30 декабря 1862.

Orsett House, Westbourne terrace.

Милая Тата, что же значить, что отъ васъ нѣтъ письма? Телеграмма изъ Флоренціи получена 27 дек., а письма еще нѣтъ. Я писалъ къ тебѣ на имя Мейз., а черезъ день тебѣ писала Nat. на твое имя; если ты не получала, спроси на почтѣ.

31 декабря. А вотъ и письмо. Мы всѣ его читали со смѣхомъ и большой радостью. Въ особенности хорошо ты поступила, что не познакомилась съ русской. Надѣюсь, что вы получили всѣ письма. Ваше шло *четыре дня*. Надобно непременно послать что-нибудь Роккѣ. Ты ничего мнѣ не писала о сторожѣ.

Наши знакомые поляки все еще сидятъ. Завтра пошлю тебѣ новый «Колок.»; а былъ ли у тебя послѣдній (15 дек.)?

Сегодня, въ качествѣ послѣдняго дня передъ нувеланомъ ²⁾, хлопотня, и я разсѣялся; тутъ же наша компанія на Соболя, а потому я обнимаю васъ и оканчиваю.

¹⁾ Да, Мальвида Филипповна, путь нашъ не усыпанъ розами — мракъ сгущается, русское правительство снова царить на континентѣ.

Вы прекрасно поступили, пославъ телеграмму изъ Флоренціи.

Ради Бога, поменьше знакомствъ → Пульскій мнѣ пишетъ о какой-то дамѣ во Флоренціи, мнѣ не хочется упоминать ея имя. Страна, статуи, картины, алеатико ³⁾, небо—все прекрасно, къ чорту людей!

²⁾ Le nouvel an—новый годъ.

³⁾ Сортъ вина.

Очень и еще разъ очень радъ, что вы насладитесь Италией, и именно въ первую молодость.

Ольга,

Саша, кажется, тебѣ живописаль бой съ псами. А отъ тебя ждетъ твои записки — «Denkwürdigkeiten meiner italienischen Reise—und aufenthalt in der früheren Hauptstadt des Cosimo Medici»¹⁾.

Цѣлую тебя.

Надѣюсь, ты Татѣ не мѣшаешь? А что же, есть ли у тебя отдѣльное studio?

Твоя бумага, я думаю, слишкомъ толста для почты.¹

◆◆ 1. Въ заключеніе 1862 г. приведу интересныя выписки изъ годового всеподданнѣйшаго отчета шефа жандармовъ, представленнаго имъ весною 1863 г. Какъ и раньше, я не буду останавливаться на ошибкахъ и неточностяхъ кн. Долгорукова, потому что написанное имъ важно не фактической своей стороною, а исключительно, какъ мѣра знанія и пониманія одного изъ самыхъ видныхъ правительственныхъ агентовъ эпохи; однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставленные мною вопросительные знаки должны остеречь мало знакомаго читателя отъ какихъ-либо выводовъ изъ ужъ очень вздорныхъ свѣдѣній шефа жандармовъ.

«Прибытіе въ началѣ минувшаго года въ Лондонъ бѣжавшаго изъ Сибири Михаила Бакунина оживило дѣятельность русской пропаганды. Онъ немедленно вступилъ въ сообщество съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсиевымъ и заявилъ въ «Колоколѣ» необузданную свою революціонную рѣшимость. Слѣдовало ожидать усиленныхъ замысловъ для низверженія въ Россіи законнаго порядка, тѣмъ болѣе, что наступавшій срокъ открытія въ Лондонѣ всемірной выставки представлялъ эмиграціи удобный случай сблизиться съ отправлявшимися туда многими русскими. Посему осторожность требовала учредить въ Лондонѣ самое близкое секретное наблюденіе какъ за политическими выходцами, такъ и за ихъ посѣтителями. Предпріятыя по сему предмету мѣры имѣли полный успѣхъ. Одному, отправленному отсюда съ этою цѣлью лицу удалось приобрести довѣріе Герцена и Бакунина, которые чрезъ нѣсколько времени, видя въ немъ полезнаго соучастника въ дѣлѣ революціи, объяснили ему задуманную ими программу. Сія программа въ общихъ чертахъ состоитъ въ томъ, чтобы на всемъ пространствѣ Россіи учредить отдѣльные кружки, каждый изъ пяти лицъ, не

¹⁾ «Описаніе моего путешествія по Итали и пребыванія въ древней столицѣ Козимо Медичи».

болѣе, привлекая въ члены кружковъ, кромѣ образованнаго класса, и мѣщанъ и дворовыхъ людей, какъ посредниковъ между тѣмъ классомъ и низшимъ слоемъ народа; на составленные же такимъ образомъ кружки возложить, какъ ближайшую задачу, утвержденіе крестьянъ въ мысли, что земля принадлежитъ и должна принадлежать имъ; вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать всѣми средствами довѣріе народа къ правительству, склонять войско на сторону переворота и, наконецъ, подготовить общее требованіе о созывѣ земской думы. По словамъ самого Герцена (?), программа эта въ отношеніи къ народу не получила еще достаточнаго развитія, безъ народа же, говорилъ онъ, ничего сдѣлать нельзя, и потому невозможно начинать открытыхъ дѣйствій до наступленія окончательнаго срока для представленія уставныхъ грамотъ. Тогда, по его мнѣнію, непременно будутъ возстанія крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наступитъ для нихъ, революціонеровъ, пора дѣйствовать, сосредоточивая возстанія, дабы нельзя было оныя подавить. Между тѣмъ онъ, Герценъ, старается объ увеличеніи числа своихъ корреспондентовъ въ Россіи и поддерживаетъ волненіе умовъ посредствомъ своего журнала и другихъ сочиненій.

«Въ разговорѣ о русскихъ выходцахъ Блюмеръ, Петръ Долгоруковъ и Головинъ (?) Герценъ (?) выразился слѣдующими словами: «мы ихъ въ грошъ не ставимъ; печатаемъ же статьи, которыя они намъ присылаютъ, и защищаемъ ихъ потому, что они принадлежатъ къ партіямъ, дѣйствующимъ противъ правительства.

«По предмету пересылки изъ Лондона въ Россію «Колокола» и другихъ сочиненій завѣдующій типографіей Герцена выходецъ Тхоржевскій объяснилъ, что «Колоколъ» посылается къ подписчикамъ по почтѣ, въ видѣ писемъ, въ обыкновенныхъ оберткахъ, а болѣе объемистыя посылки доставляются по назначенію чрезъ контрабандистовъ.

«По наблюденію за русскими, посѣщавшими Герцена въ іюнѣ мѣсяцѣ минувшаго года, оказалось что ихъ было человекъ до тридцати, и что они дѣлились на такихъ, которые приходили къ нему въ опредѣленные пріемные дни, преимущественно изъ любопытства, и на такихъ, которые участвуютъ болѣе или менѣе въ преступныхъ его намѣреніяхъ. Къ сей послѣдней категоріи принадлежали, кромѣ постоянно бывшихъ у Герцена извѣстныхъ выходцевъ, слѣдующія пріѣзжія лица, большею частью мелкіе журнальные писатели: Альбертини, Достоевскій, Мартыновъ, Писемскій, Черкесовъ, Касаткинъ, Калиновскій, Сатинъ, Стасовъ, Ковалевскій, Давыдовъ и Ветошниковъ. Вслѣдствіе дознанія въ Лондонѣ же, что изъ числа помянутыхъ Ветошниковъ, оказавшійся потомъ купече-

скимъ приказчикомъ здѣшняго торговаго дома Фрума, принялъ на себя при отъѣздѣ въ Россію порученіе отъ Герцена,—сдѣлано было распоряженіе о его задержаніи на границѣ и объ осмотрѣ его бумагъ. Между ними оказались революціонныя сочиненія и письма отъ Герцена, Бакунина и Кельсѣва, обнаружившія степень развитія опасныхъ ихъ замысловъ и несомнѣнную виновность лицъ, къ которымъ письма были адресованы.

«Между тѣмъ, дознанія, сдѣланныя въ Лондонѣ, дополнялись въ Парижѣ посредствомъ учрежденнаго *и тамъ* секретнаго наблюденія за перепискою Герцена и Бакунина. Вслѣдствіе сего, кромѣ лицъ, значившихся въ бумагахъ, привезенныхъ Ветошниковымъ, открыты еще многіе другіе корреспонденты и участники въ Парижѣ, Флоренціи и Гейдельбергѣ, какъ-то изъ русскихъ: Лугининъ, Бакстъ, Михайловъ, Миротворцевъ, Тургеневъ; изъ поляковъ же: названные въ предыдущей статьѣ члены Варшавскаго центральнаго народнаго комитета Цверцякевичъ, Амборскій и Сахновскій, нѣкій Теодоръ въ Гейдельбергѣ, оказавшійся по развѣданію Новицкимъ, и глава польской партіи движенія—Мѣрославскій. Содержаніе всѣхъ писемъ, сдѣлавшихся извѣстными, относится къ политическимъ замысламъ, обнаруживая въ Россіи дѣятельныя подготовленія къ возмущенію и собраніе подписей для адреса насчетъ созванія земской думы. По польскому же вопросу выражается ожиданіе скорого взрыва, но въ то же время, со стороны Герцена и даже Бакунина, слабая надежда на успѣхъ, по причинѣ недостаточнаго приготвленія польскихъ крестьянъ и русскихъ войскъ. Бакунинъ въ письмѣ къ Цверцякевичу выразился, что, если вспыхнетъ мятежъ въ Варшавѣ, хотя бы преждевременный, то онъ немедленно явится туда подъ знамена революціи. Изъ перехваченнаго же письма Мѣрославскаго къ Бакунину видно было, что хотя они разошлись въ мнѣніяхъ насчетъ предѣловъ будущаго королевства польскаго, но что они сохраняли еще свои связи, стремясь вмѣстѣ прежде всего къ революціи. Въ томъ же письмѣ Мѣрославскій старался увѣрить Бакунина, что Варшавскаго центр. комитета вовсе не существуетъ, что это лишь обманъ, но что главная революціонная сила заключается въ партіи его, Мѣрославскаго. Въ концѣ года письма Бакунина обнаружили уже явный его съ Мѣрославскимъ разрывъ, *который произошелъ отчасти подъ вліяніемъ одною ловкаю анонимнаго подстрекательства* ¹⁾. Тогда Бакунинъ сталъ печатать во французскихъ и польскихъ журналахъ колкія статьи противъ

¹⁾ Указаніе очень важное для біографовъ Бакунина и Мѣрославскаго и историковъ подготовки восстанія.

Мѣрославскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бакунинъ, сблизившись еще болѣе съ Варшавскимъ центр. комитетомъ, писалъ подъ адресомъ Коссимовскаго, въ Парижъ слѣдующія слова: «Nous avons donné notre main à ce noble comité de héros obscurs, journaliers, mais dont le dévouement sans bornes affrontait les plus terribles dangers à se créer une formidable puissance polonaise contre même de l'oppression moscovite-pétérbourgeoise. Nous lui avons donné et nous lui garderons notre foi ¹⁾. Вы жалѣете, что комитетъ состоитъ изъ людей темныхъ, никому неизвѣстныхъ, — апостолы изъ кого состояли? и проч.»

«Наконецъ, изъ письма Бакунина же во Флоренцію подъ ложнымъ адресомъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ имѣетъ намѣреніе прѣхать въ СПБ., когда представится къ тому серьезный поводъ.

«...Въ іюнѣ изъ захваченныхъ на границѣ писемъ главныхъ русскихъ возмутителей въ Лондонѣ обнаружилось, сколь далеко распространилось уже во всей имперіи злоумышленіе и сколь необходимо было принять противу онаго рѣшительныя мѣры для отвращенія великихъ несчастій. Вслѣдствіе сего состоялись, по высоч. в. в. повелѣнію, закрытіе всѣхъ въ имперіи воскресныхъ школъ и публичныхъ читаленъ, какъ служившихъ проводниками революціонныхъ идей, запрещеніе нѣкоторыхъ вредныхъ журналовъ, закрытіе здѣшняго шахъ-клуба, какъ сборища неблагонамѣренныхъ литераторовъ, усиленіе цензуры изданіемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ правилъ и увеличеніе вообще надзора со стороны исполнительной въ столицѣ полиціи. Съ другой стороны, высоч. учрежденная около того же времени секретная слѣдств. комиссія, обнаруживая, по сообщаемымъ ей III Отдѣленіемъ свѣдѣніямъ, революціонныхъ дѣятелей, задержала главныхъ виновниковъ и многихъ сообщниковъ.

«Исчисленныя здѣсь мѣры строгости имѣли успѣхъ, волненіе умовъ видимо успокоилось; бывшіе въ столицѣ пожары, составляя сами по себѣ большую вещественную потерю, возбудили въ публикѣ, особенно же въ пострадавшемъ наиболѣе торговомъ и низшемъ классѣ здѣшняго населенія, чувство самосохраненія и вмѣстѣ съ тѣмъ общее негодованіе противъ подозрѣваемыхъ въ поджигательствѣ безпокойныхъ студентовъ, поляковъ и вообще противъ мятежныхъ головъ. Герценъ и его пропаганда понесли чрезъ это довольно

¹⁾ Мы протянули руку этому благородному комитету незамѣтныхъ героевъ, поденщиковъ, безграничная преданность которыхъ дѣлу не поколебалась пойти навстрѣчу самымъ ужаснымъ опасностямъ, чтобы создать грозную польскую силу рядомъ съ московско-петербургскимъ владычествомъ. Мы подаримъ его нашимъ довѣріемъ и мы ему его сохранимъ.

сильный ударъ, которому потомъ содѣйствовали еще издатели московскаго журнала «Русскій Вѣстникъ» Катковъ и Леонтьевъ, первые въ Россіи выступившіе печатнымъ рѣзкимъ словомъ противъ несбыточныхъ, пагубныхъ теорій Герцена. Посыпавшіеся на помянутыхъ издателей злыя нападки со стороны либеральныхъ російскихъ журналовъ доказываютъ мѣткость удара, нанесеннаго пропагандѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ солидарность съ оною большою части литературнаго нашего общества.

«Такимъ образомъ удалось на этотъ разъ разсѣять скопившуюся надъ русскою землею революціонную тучу, которая грозила разразиться при первомъ удобномъ случаѣ, и этотъ случай возмутители предвидѣли, между прочимъ, въ готовившемся возмущеніи поляковъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, происки заграничной пропаганды продолжаютъ съ большимъ ожесточеніемъ, въ возмездіе за потерю многихъ усердныхъ ея дѣятелей. Внутри же Россіи пропаганда поддерживается еще либеральною журналистикою, представляющею, на подобіе прессы нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, могущественный рычагъ нравственно-политическаго переворота. Взглядъ на сборникъ запрещенныхъ въ продолженіе 1862 года журнальныхъ статей, составляющій два большихъ тома, вполне обнаруживаетъ направленіе нашей литературной фаланги. Направленіе это имѣетъ двѣ главныя исходныя точки: одна есть школа такъ называемой «юной Россіи», которая отрицаетъ весь существующій со временъ Петра Великаго государственный строй, стремясь къ первичной земской самоуправѣ, въ духѣ чистаго славянизма; другая есть отвлеченное западное утопическое ученіе социализма и коммунизма, примѣненныхъ къ расколу. По словамъ нашихъ реформаторовъ, многочисленныя независимыя общины раскольниковъ образованы на основаніяхъ братскаго равенства, выборнаго начла и солидарности, группируясь въ видѣ федераціи, которая состоитъ уже изъ

¹⁾ Не надо быть предубѣжденнымъ въ провокаціонномъ происхожденіи петербургскихъ майскихъ пожаровъ, чтобы, все-таки, обратить вниманіе на начало этой фразы: «Такимъ образомъ удалось на этотъ разъ и т. д.» Имѣя въ виду, что бумаги въ родѣ всеподданнѣйшаго отчета, вообще, писались очень внимательно и подолгу, что въ нихъ все отдѣливалось, а съ другой стороны—кратко напоминались императору не подлежашіе полному описанію факты глубинъ государственной политики, я увѣренъ, что это указаніе Долгорукова было именно такимъ напоминаніемъ своевременно полученнаго отъ государя согласія на «небольшую огненную шутку», какъ называлъ ее мнѣ покойный сенаторъ И. И. Шамшинъ, бывшій однимъ изъ горячо убѣжденныхъ въ провокаціонности пожаровъ, созданныхъ русско-крѣпостнической партіей. Неоднократныя требованія Герцена, чтобы назвали поджигателей, показываютъ, что и онъ былъ того же мнѣнія.

10 миллионѣвъ душъ и которая подъ личиною религіознаго принципа имѣетъ главною цѣлью сохраненіе гражданской свободы.

«Названныя двѣ школы существуютъ отдѣльно, но обѣ онѣ имѣютъ въ предметѣ передачу верховной власти въ руки народа и, слѣд., обѣ противоборствуютъ правительству. Дѣйствія ихъ сливаются въ преслѣдуемой ими системѣ «нигилизма», или отрицанія всего существующаго государственнаго порядка, при стараніи унижать публично достоинство правительственныхъ лицъ и осуждать принимаемая правительствомъ мѣры судебныя, финансовыя, административныя, и особенно полицейскія. Въ системѣ этой революціонныя дѣятели обѣихъ партій видятъ громадную силу для достиженія своихъ цѣлей.

«Изъясненное преступное направленіе выражается и въ болъшой части статей, неволью разрѣшаемыхъ цензурою, по болѣе отвлеченному ихъ изложенію, но въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, прозорливому читателю скрытый смыслъ понятенъ. Такимъ образомъ нравственный ядъ постепенно проникаетъ въ слои читающаго общества, особенно же онъ поражаетъ пылкое воспримчивое воображеніе молодежи.

«Принятая во второй половинѣ истекшаго года мѣры противъ пропуска въ періодическихъ изданіяхъ статей, написанныхъ въ дурномъ политическомъ духѣ, и арестованіе нѣсколькихъ главныхъ литературныхъ возмутителей, имѣли уже нѣкоторое вліяніе на журналистику. Для болѣе успѣшнаго за оною наблюденія составляется, по повелѣнію в. в., новый цензурный уставъ. Положить окончательный предѣлъ журнальному волненію тѣмъ необходимѣе, что по мѣрѣ распространенія грамотности и развитія общественной жизни между низшими сословіями, это революціонное орудіе получаетъ постоянно болъшую важность. Можно даже утвердительно сказать, основываясь на горькихъ опытахъ западныхъ державъ, прошедшихъ трудный путь народнаго развитія, на который вступаетъ въ настоящій періодъ быстрыми шагами Россія, что устраненіе или по крайней мѣрѣ ограниченіе опасности, грозящей ей со стороны прессы, избавить ее отъ главныхъ бѣдъ, сопряженныхъ обыкновенно съ политическимъ пробужденіемъ народовъ.

«Въ заключеніе я считаю себя въ обязанности повторить, что, несмотря на раскрытіе революціонной въ имперіи стихіи, сія послѣдняя не слабѣетъ, и лондонская пропаганда, конечно, воспользуется для своей преступной цѣли новымъ затрудненіемъ, которое правительство встрѣчаетъ въ Ц. Польскомъ и западныхъ губерніяхъ. Поэтому крайне необходимо не только продолжать, но усилить еще неусыпное наблюденіе за происками революціонеровъ,

дабы отвратить пагубное ихъ вліяніе на общее положеніе государства и на главный оплотъ его силы, на войско, въ рядахъ котораго также стали проявляться признаки сего вліянія».

Переходя къ болѣе детальной характеристикѣ современной прессы и литературы, шефъ жандармовъ докладывалъ о «политическомъ ихъ направленіи»:

«Главною задачею русской литературы послѣдняго времени было выяснить политическое значеніе, по отношенію его къ верховной власти. Съ этою цѣлью наши публицисты обратились прежде всего къ исторической критикѣ: въ до-петровской эпохѣ, какъ на политическую самобытность народа—самоуправленіе—они указывали на мірскіе суды, сходки, соборы, уложенія, на новгородское вѣче и особенно опирались на избраніе государемъ Михаила Феодоровича «съ записью», которую они считаютъ равною ограниченію власти. Послѣдующія затѣмъ событія—усиленіе монархическаго принципа въ ущербъ демократическому началу и образованіе привилегированныхъ сословій, писатели наши признаютъ явленіями враждебными въ жизни русскаго народа. По ихъ мнѣнію, должно разрушать все, что введено у насъ императоромъ Петромъ I; централизацию, бюрократію, притязанія казеннаго права, іерархію, основы чиновъ и сословій, постановленія для собственности и личности; должно уничтожать всѣ реформы, не имѣвшія ничего общаго съ русскою жизнью, потребности которой, вслѣдствіе нѣмецкаго бюрократизма, были не извѣстны; народъ подвергся невѣжеству и бѣдности; явились корыстолюбіе и несправедливость судовъ. Самую власть императорскую называли, хотя не открыто, деспотизмомъ, произволомъ, гнетомъ. Для ослабленія же въ современникахъ уваженія къ этой власти, темою своихъ историческихъ сочиненій избирали большею частью однѣ только несвѣтлыя стороны частной жизни нѣкоторыхъ нашихъ императоровъ и императрицъ, или старались представить въ невыгодномъ свѣтѣ узаконенія тогдашняго времени. Въ тѣхъ же видахъ порицались и органы верховной власти—привилегированныя сословія. Дворянство, по мнѣнію писателей-демократовъ, составляло опричнину Петра I; предавалось вмѣстѣ съ нимъ разнаго рода оргіямъ и, получивъ въ свое завѣдованіе нѣкоторыя отрасли управленія, сдѣлалось измѣнникомъ народу; самое увеличеніе правъ дворянъ было слѣдствіемъ благодарности Екатерины II этому сословію за услуги, оказанныя ей при возведеніи ея на престолъ. Не менѣе сильны были и нападки на классъ служащихъ и на духовенство. Однимъ словомъ, публицисты, защищая народъ, давали ясно понять, что подъ именемъ народа разумѣютъ одинъ непривилегированный классъ, который они назы-

вають «меньшею братією», и только этому сословію стараются придать политическое значеніе. Бывшій профессоръ Спб. университета Павловъ въ напечатанной имъ статьѣ «Тысячелѣтіе Россіи», между прочимъ выразилъ: «обстоятельства избавленія Россіи отъ иноплеменниковъ и избраніе Михаила Θεодоровича имѣють глубокое значеніе. Кто освободилъ Россію? Русскій народъ въ лицѣ нижегородскаго мясника. Кто избралъ на московскій престолъ царя? Также русскій народъ въ лицѣ выборныхъ земскаго собора. Кто, наконецъ, спасъ жизнь избраннаго всею землею царя? Опять тотъ же русскій народъ въ лицѣ мужика. Итакъ, домъ Романовыхъ своимъ восшествіемъ на престолъ, жизнью своего родоначальника, однимъ словомъ, всѣмъ обязанъ русскому народу»¹⁾.

«Переходя затѣмъ къ современному положенію простого народа, писатели подъ видомъ содѣйствія матеріальному и политическому еѳо благосостоянію, высказывали мысли, несогласныя съ сущностью высоч. утвержд. 19 февраля 1861 г. Положеній о крестьянахъ и съ проистекающими изъ нихъ правительственными распоряженіями. Было нѣсколько статей, въ которыхъ говорилось, что помѣщичьи земли нѣкогда принадлежали и должны бы принадлежать крестьянамъ и даже дворовымъ людямъ; критиковались или, лучше сказать, перетолковывались нѣкоторыя постанавленія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и вообще порицались многія дѣйствія административныхъ и судебныхъ мѣстъ, по отношеніямъ ихъ къ быту крестьянъ. Съ другой стороны, было помѣщено нѣсколько разсказовъ изъ быта простого народа. Изображаемая въ нихъ отношенія высшихъ сословій къ низшимъ, по своему оскорбительному для первыхъ содержанію, могли возмущать и усиливать не остывшую еще вражду крестьянъ противъ прежнихъ владѣльцевъ. Въ такихъ статьяхъ крестьянское сословіе представлялось обыкновенно забытымъ, угнетеннымъ; напротивъ, въ статьяхъ о мятежахъ, бунтахъ, о разбойникахъ, каторжникахъ восхвалялись молодечество, удаль, отвага и предприимчивость русскаго челоуѳка.

«Такимъ образомъ, возвышая простой классъ людей въ ущербъ другихъ сословій и проводя идеи о равенствѣ правъ, о равномерности распредѣленія богатствъ, литераторы наши незамѣтно проповѣдывали ученіе социализма и коммунизма. Сочувствіе къ первому фактически доказыаается и тѣмъ, между прочимъ, что нѣкоторые

¹⁾ Ничего вохожаго Павловымъ напечатано не было; шефъ жандармовъ самъ не читалъ его статей (большой въ «Мѣсяцесловѣ на 1862 г.» и брошюрой, малой—во II т. «Сборника статей, недозволенныхъ цензурой»), и кто-то вознательно ввелъ его въ заблужденіе.

изъ нашихъ писателей въ бытность въ 1862 году на выставкѣ въ Лондонѣ, посѣщали какъ извѣстно, Герцена, который самъ о себѣ печатно объявилъ, что онъ неисправимый социалистъ.

«Крайнее мнѣніе нашихъ социалистовъ, проявляющееся, впрочемъ, только отрывочно, состоитъ въ необходимости измѣнить основы общества, какъ устарѣлыя, и ввести общность имущества и женщинъ при подномъ отрицаніи всякой власти и при безнаказанности дѣяній. Какъ на осуществленіе у насъ этой идеи, указывалось на общество раскольниковъ, о которыхъ въ послѣднее время появилось весьма много сочиненій. Вторую степень социальнаго ученія составляетъ мечтаніе о республиканскомъ правленіи на подобіе американскихъ штатовъ, при совершенномъ равенствѣ всѣхъ членовъ государства, при самомъ широкомъ избирательномъ началѣ и полной свободѣ слова. Наконецъ, третье мнѣніе стремится къ осуществленію федеративнаго устройства Россіи по народностямъ при соединеніи всѣхъ славянъ въ одно государство. Это послѣднее мнѣніе усиливается и раздѣляется большинствомъ лицъ. Органомъ малороссійской народности служитъ журналъ «Основа».

«Въ связи съ направленіемъ социальнымъ проводилось у насъ ученіе о матеріализмѣ, къ счастью, имѣвшее немногихъ представителей и появлявшееся преимущественно въ журналѣ «Современникъ». Имѣя цѣлью объяснить все существующее законами физической природы, оно отвергаетъ всѣ нравственныя начала—разумъ, безсмертіе, религію и, наконецъ, самое бытіе Творца. Впрочемъ, ученіе это имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ; такъ, одни признаютъ даже божественность Спасителя, но не признаютъ святости церкви, ея обрядовъ, постановленій и т. п. Послѣдователи сего ученія люди большею частью молодые или недоучившіеся. Всѣ выше упомянутыя идеи излагались весьма отрывочно, осторожно, а иногда иносказательно. Чтобы понять автора, проповѣдывающаго то или другое ученіе, необходимо читать всѣ его сочиненія въ совокупности; иначе—отдѣльныя мысли о такомъ ученіи легко ускользаютъ отъ вниманія цензуры.

«Но если писатели остерегались явно высказывать свои социалистическія и атеистическія убѣжденія, то этого вовсе не замѣтно въ статьяхъ ихъ политическаго содержанія, имѣвшихъ предметомъ обсужденіе современныхъ вопросовъ и распоряженій правительства. Выражая вообще горячее сочувствіе къ совершающимся въ отечествѣ преобразованіямъ, литераторы, даже самые умѣренные, не скрывали единодушно убѣжденія, что правительство, вступивъ на этотъ путь, не можетъ уже остановиться на половинѣ предпринятыхъ имъ реформъ, но для счастья страны должно, предоставляя болѣе простора

свободной общественной дѣятельности, развивать признанныя имъ начала въ формахъ самыхъ обширныхъ. Въ вѣнцѣ дѣйствій правительства они желали видѣть отвѣтственность министровъ, утверженіе законовъ и бюджета выборными отъ всѣхъ сословій; однимъ словомъ, желали учрежденія у насъ представительнаго правленія. При такомъ убѣжденіи литераторы сильно порицали разнаго рода уставленія и вкравшіяся въ оныя злоупотребленія, а равно личности, не только историческія, но современныя, служащія представителями прежняго порядка дѣль. Такое направленіе было столь обще, что сочиненія безъ политической мысли или нравственныя весьма рѣдко появлялись на страницахъ нашихъ журналовъ, заключающихъ въ себѣ главнымъ образомъ всю литературу настоящаго времени. (Изданіе сочиненій отдѣльныхъ почти вывелось изъ употребленія). На авторовъ означенныхъ сочиненій сыпались упреки, обвиненія въ отсталости, въ обскурантизмѣ и даже предательствѣ. Ревностные глашатаи политической свободы и равенства, необузданные преслѣдователи стѣсненій и ограниченій всякаго рода поставили въ литературѣ непреодолимыя границы для автора, расходящагося въ своихъ воззрѣніяхъ съ ихъ утопическими мечтами; враги произвола въ обществахъ людей, они деспотствовали въ области мышленія; соболѣзнуя о государственныхъ преступникахъ, налагали тяжелыя нравственныя оковы на безпристрастнаго и самостоятельнаго писателя. Всѣ прежніе авторы, служащіе украшеніемъ русской литературы, подверглись оскорбительнымъ отзывамъ современныхъ критиковъ.

«1862-й годъ замѣчателенъ въ нашей литературѣ, между прочимъ, и тѣмъ, что въ этомъ году начали печатно говорить у насъ о Герценѣ. Инициатива этого принадлежитъ высшему правительству ¹⁾. Одновременно съ разрѣшеніемъ здѣсь въ продажѣ изданныхъ въ Брюсселѣ и Берлинѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ брошюръ, въ московскихъ нашихъ журналахъ появились статьи, въ которыхъ Герценъ, согласно истинному характеру его политической и литературной дѣятельности, выставленъ, какъ озлобленный врагъ правительства, закона и общественнаго спокойствія. Послѣдствіемъ этихъ статей, написанныхъ съ достоинствомъ и притомъ писателями, которые по своему таланту и политическимъ убѣжденіямъ стоятъ высоко въ общественномъ мнѣніи, было то, что Герценъ даже въ глазахъ людей, увлекающихся разрушительнымъ его ученіемъ, на много утерялъ значенія, пріобрѣтеннаго имъ сколько исключительнымъ его положеніемъ, какъ изгнанника, столько же и продолжи-

¹⁾ Особому вниманію біографовъ Каткова.

тельный молчаніемъ критики о заграничныхъ печатныхъ его сочиненіяхъ.

«Справедливость требуетъ сказать, что благотворное вліяніе на умы имѣло сочиненіе извѣстнаго писателя Ивана Тургенева «Отцы и дѣти». Находясь въ главѣ современныхъ русскихъ талантовъ и пользуясь симпатією образованнаго общества, Тургеневъ этимъ сочиненіемъ, неожиданно для молодого поколѣнія, недавно ему рукоплескавшаго, заклеилъ нашихъ недорослей-революціонеровъ ѣдкимъ именемъ «нигилистовъ» и поколебалъ ученіе материализма и его представителей.

«Совмѣстное появленіе въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ статей противъ Герцена и произведенія Тургенева и сочувствіе къ нимъ, высказанное въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ, составляя эпоху, доказало отчасти и разномысліе въ средѣ литераторовъ; несмотря, однако, на то, большинство крикуновъ-демагоговъ возстало, по своему обыкновенію, и противъ означенныхъ сочиненій. Вообще, въ нашей литературѣ господствуетъ исключительно революціонное направленіе, съ знаменемъ отрицанія всякаго существовавшаго до настоящаго времени порядка. Направленіе это тѣмъ болѣе опасно, что заражая юное поколѣніе, готовитъ увеличеніе фаланги нынѣшнихъ демократовъ массою введенныхъ въ заблужденіе умовъ, готовитъ, быть можетъ, для Россіи въ будущемъ рядъ тѣхъ событій, которыя, во имя ложной свободы и самоуправленія, лишаютъ народы благоденствія» (архивъ П. Я. Дашкова).

Этими данными оперировалъ С. С. Татищевъ въ написанныхъ имъ главахъ «Исторіи соціально-революціоннаго движенія въ Россіи», до сихъ поръ не изданныхъ, и въ монографіи о царствованіи Александра II.

Теперь я имѣю возможность пріоткрыть завѣсу, которой была отдѣлена отъ современниковъ интрига III Отдѣленія въ отношеніи Бакунина и Мѣрославскаго.

Какъ я уже и говорилъ, однимъ изъ агентовъ Штибера былъ Балашевичъ, онъ же Потоцкій, потомъ агентъ III Отдѣленія, вскрытый Элпидинымъ (А. Тверитиновъ, «Объ объявленіи приговора Чернышевскому» 1906, стр. 37, 66). Фамилія эта уже попадалась читателю: его рукоподожилъ самъ Филаретъ (стр. 172 т. XI). Въ моемъ распоряженіи имѣется пріобрѣтенная изъ частныхъ рукъ (дѣло возможное только въ Россіи) обширная записная книга этого сотрудника русскаго правительства.

Для чего онъ вель ее, трудно сказать, но это—драгоценнѣйшій ключъ къ массѣ мелкихъ вопросовъ, связанныхъ съ польскимъ возстаніемъ. Повидимому, Балашевичу надо было имѣть копіи нѣ-

которыхъ документовъ, черезъ него и отъ него получавшихъ дальнѣйшее движеніе, имъ составлявшихся, имъ, при помощи услужливой французской почты (иначе не могло быть), перлюстрированныхъ и т. п.

Правительство было, очевидно, освѣдомлено изъ Варшавы о той «опасности», которой грозила заграничная помощь польскому движенію въ случаѣ дружнаго сотрудничества Бакунина съ Мѣрославскимъ и его друзьями. Отсюда—приказъ III Отдѣленія Балашевичу черезъ Штибера (который, можетъ быть, и уяснилъ эту казавшуюся опасность) какъ-нибудь рассорить ихъ и не допустить сближенія.

Приведу все, что имѣется въ книгѣ по этому вопросу. Какъ увидитъ читатель, оставленныхъ копій вполне достаточно для расшифровки подчеркнутой фразы въ «отчетѣ» шефа жандармовъ.

Балашевичъ написалъ Бакунину анонимное письмо, котораго въ записной книгѣ нѣтъ: оно, повидимому, вырѣзано, такъ какъ виденъ лишь слѣдъ исчезнувшаго перваго листка.

Отвѣтъ Бакунина изъ Лондона отъ 18 декабря 1862 г.: «Милостивый Государы! Позвольте поблагодарить Васъ, во-первыхъ, за Вашу явную симпатію, которую, мнѣ кажется, мы своею искреннею преданностью дѣлу 'польской независимости и свободы, въ нашей мысли связанному неразрывно съ свободою и благомъ Россіи, дѣйствительно, заслужили. Во-вторыхъ, за полезныя предостереженія Ваши противъ интригъ Мѣрославскаго. Еще прежде, чѣмъ получилъ Ваше письмо, я рѣшился отвѣчать на его наглую клевету, прочитавъ же Ваше письмо, еще болѣе убѣдился въ необходимости этого шага. Отвѣтъ мой въ печати; надѣюсь, что друзья наши будутъ довольны и что ему будетъ довольно. Вы общаете, мил. государь, сообщать намъ время отъ времени полезныя свѣдѣнія; мы Вамъ будемъ за нихъ безконечно благодарны. Но прошу Васъ, дайте мнѣ возможность продолжать эту переписку, *назвавъ себя*. Я поставилъ себѣ за твердое правило не переписываться съ анонимами, и, если дѣлаю теперь исключеніе, то единственно потому, что симпатичный тонъ Вашего письма заставляетъ меня предчувствовать въ Васъ союзника и друга. Если, дѣйствительно, хотите быть и тѣмъ и другимъ, то назовите себя. Рѣшившись писать къ намъ, Вы, безъ сомнѣнія, довольно знаете насъ, чтобы быть убѣжденнымъ, что, сказавъ Ваше имя и получивъ наше честное слово, что мы не назовемъ его никому, Вы рѣшительно ничѣмъ не рискуете.

«Позвольте надѣяться, что Вы дадите мнѣ возможность съ Вами познакомиться ближе. А до тѣхъ поръ примите увѣреніе въ моей искренней благодарности. *М. Бакунинъ*».

22 декабря 1862 г. Балашевичъ пишетъ изъ Парижа второе письмо, которое и воспроизвожу съ его копіи:

«Письмо Ваше получилъ, какъ ожидалъ, такъ и случилось, Вы желаете знать мою фамилію—извольте. Причина заставившая меня скрыть ее въ первомъ письмѣ была очень простая—я передалъ его одному знакомому, а тотъ тоже своему знакомому идущему въ Лондонъ. Переходя изъ рукъ въ руки, оно могло перейти и въ руки тѣхъ лицъ, которымъ не нужно знать объ нашей перепискѣ. Предосторожности необходимы особенно въ политическихъ интересахъ. Письмо Ваше успокоило меня, я съ удовольствіемъ многократно прочелъ его и буду беречь, какъ залогъ будущихъ отношеній, какъ память отъ человѣка, котораго я всегда любилъ и уважалъ—даже въ то время, когда Вы томились въ тундрахъ Сибири. Искренно предлагая дружескую руку, я считаю необходимымъ не излагая подробностей, сказать Вамъ, что мое пребываніе въ Парижѣ, составляетъ глубокой секретъ. Событія въ которыхъ я принялъ участіе снабдили меня волчьимъ паспортомъ, какъ «wige Jude ¹⁾», ушелъ изъ родины съ незапятнаннымъ именемъ и силою воли. Враги ужаснулись и приняли всѣ мѣры чтобы отыскать бѣглеца. Зная всѣ тонкости кабинетной политики, я пока не вижу гостеприимнаго крова, подъ которымъ могъ бы возстановить силы. Лондонскій климатъ для моего здоровья очень вреденъ. Поэтому раньше лѣта не надѣюсь. Парижъ соединяетъ всѣ условія: умѣренный климатъ, демократическіе и социальныя клубы, средоточіе новостей, непостоянство женщинъ. Повѣрьте въ жизни женщина преграда къ достиженію цѣли, она одушевитъ художника и поэта, но политическаго дѣятеля низведетъ. Въ исторіи найдете примѣры. Я люблю и боюсь женщинъ. Интриговать ихъ пріятно но подвергаться ихъ интригамъ опасно. Далилъ много на свѣтѣ. Француженки кокетки, а подобныя любить не могутъ. Вотъ достоинство Парижа! Теперь долженъ Вамъ сказать что я природный полякъ, воспитанъ въ снѣгахъ Россіи и подобно Вамъ ссыльный,—калейдоскопъ суеты житейской очень разнообразенъ, опишу Вамъ когда нибудь при болѣе удобномъ случаѣ—я бумагѣ не все довѣряю. Относительно моихъ политическихъ принциповъ, то они не многосложны—я желаю всѣмъ добра, разумной свободы, торжества науки и уничтоженія деспотизма, я не фанатикъ чтобы въ своей церкви видѣть залогъ спасенья, ни космополитъ — *ubi bene, ibi patria* ²⁾), уважая всѣ народности, я желаю свободы всѣмъ пора-

¹⁾ «Вѣчный жидъ».

²⁾ Гдѣ хорошо, тамъ и отечество.

бощеннымъ. Непринадлежа къ никакимъ обществамъ и комитетамъ, я тѣмъ устраниюсь отъ посторонняго вліянія, не давая обѣта, я необязанъ исполнять чужихъ нелѣпостей. Мое правило быть полезнымъ—вездѣ гдѣ могу быть... Мнѣ понравился одинъ идеаль въ пѣсняхъ А. Мицкевича, которому хочу подражать—вѣдь это не грѣшно. Все человѣчество подражаетъ другъ другу. Интересуюсь моей родиной, я съ преданностью ребенка стараюсь уловить въ чертахъ моей матери, выраженіе грусти или радости, разгадать причины—это свойственно всякому любящему существу. Имѣя способность раскрывать политическіе ларчики, я часто заглядываю и изучаю. До сихъ поръ я не видалъ утѣшительныхъ результатовъ. Реакція торжествуетъ, тысячи новыхъ жертвъ и могилъ, отсутствіе опытности, незнаніе дѣла, людей и страны. Не нормальное развитіе пропаганды и конспираціи. Что могутъ сдѣлать юноши, вышедшіе едва изъ подъ крова родныхъ, съ избыткомъ душевныхъ силъ но съ отсутствіемъ опыта. Въ разсвѣтъ лѣтъ бросившіяся на политическое поприще. Развѣ мелкая партизанская война обуславливаетъ успѣхъ противъ регулярной и стройной массы непріятельскихъ войскъ. Развѣ Италіанскія и Греческія событія могутъ быть приложимы къ Россіи? вникнете: Россія далеко раздвинувъ предѣлы слила всѣ народности въ одно имя. Централизація родила бюрокрацію, а бюрократія деспотизмъ. На тѣхъ данныхъ, на которыхъ созидаютъ планы революціи, какъ Центральный, такъ и Сѣверный и др. Комитеты, революція положительно невозможна. Обширность страны, трудныя сообщенія, разъединенность сословій, а главное незнаніе дѣла—вызовутъ плачевные результаты, новыя жертвы. Я съ глубокою скорбью смотрю на мечты могущія низвергнуть начатое дѣло возрожденія Россіи и Польши. Еслибъ Вы знали—то что выпало на мою долю, то вѣрно горе наше было бы общимъ. Я постоянно получаю извѣстія изъ Россіи и Польши—и вездѣ тоже. Развѣ пріятно повторять *parturiunt montes et nascitur mus* ¹⁾). Еслибы это неугрожало гибелью—то драма эта вызвалабы рукоплесканія, не смотря на отсутствіе сцѣническихъ талантовъ—вѣдь мы всѣ актеры болѣе или менѣе удачны, по этой аналогіи вѣрно, по смерти маски снимаютъ. Какой поучительный примѣръ суеты житейской и *memento mori* ²⁾)—гипсовая маска. Драмма революціи всегда плачевна и на могилахъ безумно павшихъ жертвъ явится другое чувство. Наша жизнь кратковременная испол-

¹⁾ Неточно; у Виргилія: разступаются горы, и появляется смѣшной мышенокъ.

²⁾ Помни о смерти.

ненная превратностей—можно быть философомъ—но прежде надо быть человѣкомъ. Простите за откровенность, и бросьте въ огонь—если не сочувствуете. *Абракадабра*».

Послѣ этого было отправлено еще одно или два письма съ сохраненіемъ анонимности.

26 декабря 1862 г. Бакунинъ писалъ «Абракадабрѣ» изъ Лондона, подписавъ подъ датой: «Наше 14 декаб. для насъ дорого»: «Вы странный человѣкъ, но ничего, до сихъ поръ Вы мнѣ нравитесь. Итакъ, soit ¹⁾, буду продолжать эту переписку съ Вами—анонимомъ, и обещаю Вамъ не подвергать Васъ болѣе *полицейскимъ розыскамъ*, даже о г. Клепацкомъ не буду спрашивать никого, а буду ждать, какъ Вамъ будетъ угодно самому снять съ себя анонимную маску, и буду отвѣчать на Ваши письма до тѣхъ поръ, пока мнѣ не надобѣтъ бесполезная мистификація. Разумѣется, я буду говорить мало, а спрашивать много, и буду судить о Васъ по Вашимъ отвѣтамъ, а тамъ ужъ Ваше дѣло, хотите ли Вы отвѣчать или нѣтъ. На первый разъ позвольте мнѣ упрекнуть Васъ въ опрометчивости. Арестъ трехъ соотечественниковъ Вашихъ Вы, не задумываясь, приписываете проискамъ или, просто сказать, доносамъ Мѣрславскаго. Ну, послушайте же, я о Мѣрславскомъ далеко не высококачественнаго мнѣнія. Думаю, что несчастное, чудовищное тщеславіе можетъ довести его даже до дѣлъ преступныхъ. Его нелѣпое отрицаніе существованія Центр. комитета, его неблагородныя выходки противъ насъ ясно доказываютъ, но чтобы онъ былъ способенъ на *формальный* доносъ, въ какомъ его обвиняете, и умъ и сердце, все существо мое противится тому чтобы я могъ этому повѣрить. Qui prouve trop, ne prouve rien ²⁾. Не зарпортовались ли Вы? Вы видите, любезный незнакомецъ, сохраняя свой анонимъ, Вы мнѣ даете право Вамъ грубить, какъ на маскарадѣ. А такъ не увлеклись ли Вы *непозволительнымъ образомъ* своею ненавистью противъ Мѣрславскаго? Если же Вы хотите чтобы я повѣрилъ такому чудовищному факту, то докажите, называя имена, дайте подробностей, какъ можно больше подробностей.

«Вы говорите, что Ваши отношенія и связи позволяютъ Вамъ узнавать многое; это увлекательно и опасно. Ну, да я рѣшился дать увлечь себя, пренебрегая опасности. Итакъ, къ дѣлу. Окажите мнѣ услугу: назовите мнѣ имена трехъ арестованныхъ поляковъ, равно какъ и тѣхъ, которые, можетъ быть, остались подъ присмотромъ. Скажите, за что ихъ арестовали? изъ какихъ

¹⁾ Пусть.

²⁾ Кто доказываетъ слишкомъ много, не доказываетъ ничего.

обстоятельствъ, гдѣ держать и долго ли держать будутъ? До какой степени въ этомъ дѣлѣ замѣшано русское посольство? Что у нихъ нашли? Что открыли? Въ связи ли ихъ арестъ съ недавними арестами въ Варшавѣ? Мы читали въ «Times». Что открыто въ Варшавѣ? Наконецъ, что говорятъ и дѣлаютъ по этому поводу въ парижской блудной эмиграціи? Какія послѣднія извѣстія изъ Польши? И на какой мотивъ шарлатанствуетъ теперь Мѣрославскій? Вы видите, моимъ разспросамъ конца нѣтъ. Да Вы сами оставили меня въ такое положеніе, что я могу только спрашивать. Вы, говоря со мною, знаете, съ кѣмъ говорите; я, обращаясь къ Вамъ, не знаю, и Вы были бы въ правѣ смѣяться надо мною, если-бъ я сталъ исповѣдывать свои воззрѣнія и мнѣнія и то, что знаю, и то, о чемъ догадываюсь, неизвѣстному.

«Итакъ, не сердитесь и до будущаго отвѣта Вашего прощайте.

М. Бакунинъ.»

Отвѣтъ Бакунина «Абракадабрѣ» изъ Лондона отъ 19 января 1863 г.: «Послѣднее письмо Ваше насъ всѣхъ очень заинтересовало. Кажется, Вы честный человѣкъ, намъ другъ, безъ сомнѣнія, умный и къ тому же много знающій человѣкъ. Видите ли сколько комплиментовъ. Прочитавъ его съ друзьями, мы рѣшились спросить Васъ, позволите ли Вы кое-что изъ Вашихъ писемъ печатать въ «Колоколѣ». Для этого прошу Васъ раздѣлить Ваши повѣствованія на двѣ рубрики: одна съ надписью: *между нами*, другая: *для печати*. Такимъ образомъ и скромность будетъ соблюдена и публика по возможности удовлетворена. Согласны?»

«Я Вамъ послалъ третьяго дня мою французскую брошюру противъ генерала Мѣрославскаго. Прочтите и скажите, что думаете, — и также, если возможно, что станутъ говорить о ней различныя партіи въ эмиграціи и самъ Мѣрославскій. Дѣла идутъ совсѣмъ не такъ худо, какъ это является Вашему встревоженному воображенію. Центр. Ком. стоитъ на ногахъ крѣпче, чѣмъ когда-нибудь; ему повинуются съ замѣчательною дисциплиною и Константинъ Николаевичъ и вмѣстѣ съ нимъ Вѣдепольскій стали въ тупикъ. Ils ont abouti à un cul-de-sac d'où ils ne peuvent sortir que par une sottise¹⁾. А интересно было бы подробнѣе знать, что затѣваютъ Замојскіе, Чарторижскіе и пр. магнаты. Неужели у нихъ сердца не станетъ и достанетъ духу мѣшать возрожденію отечества, погубленному ихъ отцами.

¹⁾ Они пришли къ тупику, откуда ихъ можетъ вывести только глупость.

«Мы идемъ скромно, но твердо своимъ путемъ, который, надѣюсь, приведетъ насъ къ желанной цѣли: Вольная Россія—Вольная Польша—Славянское братство и нѣмецкая смерть. Вашъ *М. Бакунинъ*».

Чтобы лучше пояснить обстоятельства, приведу еще нѣсколько другихъ писемъ, копии которыхъ занесены въ книгу Балашевича-Потоцкаго, очевидно, вслѣдъ за ихъ перлюстраціей. Первое изъ нихъ доказываетъ, съ какого времени началась слѣжка за перепиской Бакунина.

15 октября 1862 г. Бакунинъ писалъ «Marie Corday (J. C.)», что Балашевичъ расшифровалъ помѣткой: «(Cwierciaklewicz)», въ Парижъ: «Слава Богу всѣ наши страхи касательно писемъ, порученныхъ нами Сахновскому, разсѣялись съ Вашимъ письмомъ. Вмѣстѣ съ нимъ я получилъ другое отъ Мѣрославскаго, котораго слѣдше послать Вамъ копию, такъ какъ Вамъ необходимо знать все, что между нами по польско-русскому дѣлу дѣлается. Вотъ оно:

«8 octobre 62, Paris. Mon cher compagnon d'exil. Vous me témoignez votre embarras à choisir entre ce que je ne puis appeler autrement que la vérité et terreur, et Vous Vous-prononcez pour celle-ci, pour rester d'accord avec Vos compatriotes. Cela peut-être généreux de Vortre part, mais c'est en même temps fort dangereux.

«Ce, que Vous honorez du nom du Comité Central, c'est une pure fiction, croyez en mon amitié. G*. (Giller—*М. Л.*) unique débris de cette réunion éphémère, l'a appris des son arrivée à Paris, de la bouche même de son ancien représentant (Что это значить? Ужъ не Sicora ли?) et il n'en reste plus d'autre vestige que la facheuse déclaration que G*. s'est permit de déposer au Kolokol. L'effet de ce factum est désastreux. *Л. М.*» ¹⁾

М. Бакунинъ.

¹⁾ 8 октября 62, Парижъ. Дорогой товарищъ по изгнанію! Вы сообщаете объ испытываемомъ Вами затрудненіи въ выборѣ между тѣмъ, что я не могу назвать иначе, какъ истиной, и терроромъ, и высказываетесь въ пользу послѣдняго, чтобы остаться въ согласіи съ вашими соотечественниками. Это, быть можетъ, и благородно съ Вашей стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, очень опасно.

То, что Вы почтили именемъ Центральнаго Комитета, представляетъ чистѣйшую фикцію, вѣрьте моей дружбѣ. Г*, единственный обломокъ этого эфемернаго сообщества, узналъ объ этомъ въ день своего прибытія въ Парижъ, изъ устъ его прежняго представителя, и оно оставило по себѣ единственный слѣдъ лишь въ видѣ досаднаго заявленія, которое Г* позволилъ себѣ помѣстить въ «Колоколъ». Впечатлѣніе отъ этого получилось самое безотрадное. *Л. М.*»

«18 октября. Что скажу еще, — надѣюсь будете довольны 147 № «Колокола»; въ немъ найдете адресъ войскъ, расположенныхъ въ Цар. Польскомъ, къ вел. кн. Константину, письмо Центрального комитета и письмо къ нему.

Вашъ *М. Бакунинъ*».

Тогда же Цверцякевичъ писалъ неизвѣстному изъ Парижа: «Мои милые друзья! сожалѣю, что письмо мое начинаю съ упрековъ. Но что же дѣлать, если Вы не отвѣчаете на мои письма. Я васъ просилъ неоднократно о высылкѣ мнѣ, и то во многихъ экземплярахъ новыхъ вашихъ изданій. Одну только пачку получилъ. Теперь новый «Ruch» и такъ важный съ вашимъ объявленіемъ, и почему я нахожусь такъ долго здѣсь въ такую важную минуту? Прошу васъ отвѣчать. Адресъ войска Русска до кн. Константина и воззваніе къ полякамъ хотѣли печатать въ «Колоколѣ», но это могло бы заставитьъ правительство перемѣнить войска въ Польшѣ, а два мѣсяца времени мало, чтобы приготовить войска въ нашу пользу. Бакунинъ увѣренъ, что мы дѣйствуемъ съ нимъ, мы говорили ему, что революцію въ генварѣ сдѣлать необходимо въ Варшавѣ. Прошу о вѣрномъ извѣстіи о вашихъ планахъ, равно о высылкѣ тотчасъ Лизы, а если она не можетъ пріѣхать, то когонибудь другого. Прошу о высылкѣ не только новыхъ прокламаций. По случаю письма къ офицерамъ Русск. въ «Колоколѣ» № 147 мы съ Владиміромъ (Миловичъ—*М. Л.*) ѣдемъ въ Лондонъ, на слѣдующей недѣлѣ. Игнатій (Хмѣлинскій—*М. Л.*) не поѣдетъ, потому что англійск. языка не знаетъ. Ожидаю извѣстія, прибылъ ли Агатовъ (Гиллеръ—*М. Л.*) въ Варшаву и почему ко мнѣ не пишетъ. Француз. полицію мы проведемъ исправно. Мѣрослав. бросается на всевозмож. обманъ, писалъ въ Лондонъ, что Централ. Комитетъ не существуетъ. Послѣднее письмо ваше было 30 октября».

Если имѣть въ виду, что письмо Центр. Народнаго Комитета въ Варшавѣ къ издателямъ «Колокола» напечатано въ № 146 отъ 1 октября, а въ № 147 отъ 15 октября появились письма издателей «Колокола» Комитету и русскимъ офицерамъ въ Польшѣ, адресъ же русскихъ офицеровъ в. кн. Константину Николаевичу напечатанъ въ № 148 отъ 22 октября, то станетъ ясно, что намѣренія редакціи въ смыслѣ порядка размѣщенія этихъ документовъ мѣнялись соотвѣтственно внѣшнимъ сношеніямъ съ представителями польской эмиграціи и Комитета.

Письмо Бакунина изъ Лондона отъ 19 декабря 1862 г. Marie Corday (J. P.), расшифрованное Балашевичемъ: «(Przewłocki)»: «Вчера Цверц. (якевичъ) и Ланъ (гезичъ), наконецъ, уѣхали въ

въ Брюссель; они взяли съ собой мою статью и письма, но если какъ они не скоро приѣдутъ въ Парижъ, то я просилъ Цверцъ выслать Вамъ и то и другое по почтѣ. Любезный другъ, употребите всѣ усилія, чтобъ статья моя была помѣщена *цѣликомъ* въ одномъ изъ франц. журналовъ. Кромѣ этого, вотъ я на что рѣшился: я написалъ письмо къ редакторамъ «Przegląd R. Pol.» съ просьбою помѣстить мою статью *цѣликомъ* въ польскомъ переводѣ, о томъ же приписалъ нѣсколько словъ Соколовскому. Надѣюсь, что они мнѣ не откажутъ, тѣмъ болѣе надѣюсь, что, судя по послѣднему нумеру, «Przegląd» становится совершенно порядочнымъ журналомъ. Вы получите изъ Брюсселя мое письмо къ «Przegląd'у», отдайте его, прошу Васъ, сами. Получите также и письмо къ Фричу, въ немъ письмо къ Соколовскому, которое ему отдастъ Фричъ и о которомъ Вы, будто бы, не знаете,—знаете только, что я хотѣлъ просить его о помѣщеніи моей статьи въ *exszlachetskom*¹⁾ журналѣ; письмо отдайте собственноручно Фричу, а взаменъ возьмите у него собственноручно мой манускриптъ (28 стран.) славянской брошюры и, застраховавъ, пришлите мнѣ (*enregistré*)²⁾ не *Miss Venn*, адресъ которой оказывается хорошимъ.

«Да зайдите къ Соколовскому и скажите ему, что я просилъ Васъ переговорить о моей статьѣ. Если франц. журналы откажутся, то отдайте ему и франц. оригиналъ и Вашъ польскій переводъ,—только, вѣдь, Вы переводили на скаку, такъ боюсь, что Вашъ переводъ плохъ. Впрочемъ, Вы сами лучше знаете. Если же франц. журналы не откажутся, то попросите ихъ напечатать вмѣстѣ съ тѣмъ 1000 оттисковъ моего письма; 500 сохраните у себя для раздачи и разсылки во Франціи, а 500 пришлите мнѣ. Что будетъ стоить, я Вамъ заплачу. О томъ же попросите «Przegląd» съ тою разницею, что мнѣ пришлите только 100 польскихъ оттисковъ, а остальные 900 сами отправьте въ Польшу.

«Вотъ, любезный другъ, сколько Вамъ хлопотъ изъ-за моего ничтожнаго письма. Да придется же оно солоно Мѣрославскому. Не могу Вамъ сказать, съ какимъ нетерпѣніемъ жду Вашего письма. Что тронъ? Какіе слухи, какія извѣстія изъ Польши? Отложенъ ли или неотложенъ рекрутскій наборъ? А главное, приѣхали ли наши друзья Х. и О.? Довольны ли своимъ отсутствіемъ и что привезли и есть ли извѣстія о Встекломъ (Падлевскій—*М. Л.*)?»

«Берлинскій путь дѣйствуетъ хорошо. Справлялись ли Вы о своемъ застрахованномъ письмѣ? Когда ѣдете? Оттуда пишете и

¹⁾ Бывшемъ шляхетскомъ.

²⁾ Заказнымъ порядкомъ.

присылайте свои адреса, чтобъ я могъ Вамъ отвѣчать, а теперь прощайте. Сердечно обнимаю. *М. Бакунинъ.*

«NB. Узнайте ради Бога, кто такой Клепацкій и какого поля это ягода? Я получилъ довольно интересную корреспонденцію изъ Парижа отъ какого-то анонима Абракадабра. Этотъ анонимъ далъ мнѣ возможность сноситься съ нимъ черезъ какого-то Клепацкаго, живущаго 67 St.-J. Да поскорѣй—одолжите крайне».

26 декабря 1862 г. Бакунинъ писалъ изъ Лондона Коссимовскому: «Любезный другъ! что случилось съ Цверцякевичемъ и Миловичемъ? За что ихъ арестовали? Что у нихъ открыли? Какое участіе русскаго посольства въ этомъ дѣлѣ? Какіе возможные результаты этого ареста? Гдѣ ихъ держатъ, долго ли ихъ держать будутъ и что ихъ ожидать можетъ? Надѣюсь, что вы все узнаете въ подробности и обо всемъ подробно напишете».

Теперь дѣлается ясно, что и два подложныхъ письма Варшавскаго Центр. комитета къ Герцену, о которыхъ послѣдній писалъ Клячко, сфабрикованы въ Парижѣ тѣмъ же Балашевичемъ.

Кстати, приведу письмо агента Штибера и III Отдѣленія Ал. Бутковскаго, характерное просто для постановки русскаго заграничнаго сыска той эпохи.

28 мая 1864 г. Бутковскій писалъ Балашевичу изъ Женевы: «Вотъ уже три дня, какъ я здѣсь. Я прибылъ сюда усталый, измученный. Представь себѣ, что, не взирая на мое изгнаніе изъ Франціи, у меня хватило смѣлости проѣхать чрезъ Metz и Strassburg. Все дѣло зависѣло отъ commissaire speciale, который находится при границѣ. Этотъ комиссаръ не спросилъ ни у кого изъ ѣхавшихъ со мною паспорта, но меня остановилъ и спросилъ паспортъ. Я отдалъ его преспокойно, онъ приложилъ печать, и дѣло кончилось. Когда я спросилъ одного г., чему я подвергался за такую смѣлость, то онъ увѣрялъ меня, что меня вытребовали бы въ Парижѣ, оглаесли бы на всѣхъ границахъ и, продержавъ годъ въ Mazas, предали бы суду безъ вѣдома моего правительства».

«Чтобы ты могъ судить о моемъ положеніи, я считаю нужнымъ сообщить тебѣ письмо отъ г. Шульцъ, вѣдавшій агентурой въ III Отдѣленіи, потомъ начальникъ послѣдняго—*М. Л.*»:

СПБ., 30 апр. 64.

«Такъ какъ Вы, несмотря на встрѣчающіяся въ Вашихъ письмахъ къ другимъ лицамъ рѣзкія выходки противъ Россіи и на заявленное Вами намѣреніе навсегда отказаться отъ всякихъ съ нами сношеній, все-таки, приняли сдѣланное Вамъ предложеніе отправиться въ Швейцарію и Италію для секрет. по возможности раз-

вѣдываній, (то мнѣ поручено сообщить Вамъ, чтобы Вы теперь отправились въ Бернъ, а оттуда въ Женеву, гдѣ Вамъ необходимо будетъ отыскать революціонныхъ дѣятелей и, познакомившись съ ними, извѣщать насъ обо всемъ, что Вамъ удастся узнать. За труды Ваши Вы будете попрежнему получать по 300 fr. въ мѣсяць, а на путевыя издержки Вамъ при семь вексель въ 400 fr. Имѣйте въ виду, что Вы отъ меня долго не получите никакихъ извѣстій, такъ какъ я боленъ и долженъ буду цѣлое лѣто лѣчиться. Въ заключеніе позвольте мнѣ дать Вамъ хорошій совѣтъ. Вамъ уже за 30 лѣтъ и пора перестать быть легкомысленнымъ, что Вамъ доказали послѣдствія Вашего неосторожнаго поведенія, а потому подумайте хорошенько о будущности Вашей, отбросьте всякія пустыя мечты и займитесь серьезно дѣломъ. Въ нѣкоторыхъ доставленныхъ вами бумагахъ вы прибавили разныя выдуманная Вами обстоятельства. Знайте, что всѣ письма, которыя Вы писали къ другимъ лицамъ, находятся въ нашихъ рукахъ».

«Неужели ты, Марс. и Кольбе переслали мои письма? Что же касается тебя, то это дѣло прошедшее, но Кольбе еще не рассчитался со мною, потому что у меня есть его собств. письма, котор. заключаютъ много неостор. выраженій. Далѣе о 75 документахъ, которые просятъ передать секретарю миссіи г. Калошину или кн. Голицыну.

«У меня этихъ документовъ нѣтъ; если я и писалъ тебѣ о 75 экз., то въ томъ числѣ я считалъ и копіи уже доставленныя мною въ СПб. Все остальное и дневникъ, который я вель, помещено въ Марсели и пропало безвозвратно. Пиши M-r Léon Alexandre, 5, r. Grenus, chez M-me Focquet, Genève. Живу подъ именемъ Вельгійца.

«Касаткина видѣлъ въ обществѣ 4 русскихъ».

Библиографическій комментарий.

(Сокращенія: Наталія Александровна Герценъ, жена = Н. А—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—79 гг. = Жен. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г. = СПб. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколъ» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»; сборникъ «Колоколъ», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ = Тих.; Пушкинскій домъ при Академіи Наукъ = Пушк. д.).

1766. Напечатано въ 118 л. «Кол.» (1 января) съ подписью «И—ръ», у Тих. и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

1767. Напечатано въ 118 л. «Кол.».

1768. Тоже.

1769. Тоже.

1770. Тоже.

1771. Тоже.

1772. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.; написано на конвертѣ.

1773. Напечатано въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1774. Напечатано въ «Democrata Polski» отъ 4 сентября 1862 г., въ статьѣ «Rocznica 29 Listopada w New-Castle», какъ письмо, прочитанное секретаремъ польскаго Центрального комитета при предсѣдательствовавшемъ Ленковскомъ.

1775. Напечатано/ неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1776. Напечатано въ 119—120 л. «Кол.» (15 янв.) съ подписью «И—ръ», у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

1777. Напечатано въ 119—120 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

1778. Напечатано въ 119—120 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки «Изд.»; подлинникъ не найденъ.

- 1779.** Напечатано въ 119—120 л. «Кол.».
- 1780.** Напечатано въ 119—120 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по №№ 1792 и 1793; подлинникъ не найденъ.
- 1781.** Напечатано въ 119—120 л. «Кол.».
- 1782.** Тоже.
- 1783.** Напечатано въ прибавленіи къ 119—120 л. «Кол.» съ подписью »И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1784.** Напечатано въ 119—120 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.
- 1785.** Напечатано въ 121 л. «Кол.» (1 февр.) съ подписью «И—ръ», у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.
- 1786.** Напечатано въ 121 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1787.** Напечатано въ 121 л. «Кол.».
- 1788.** Тоже.
- 1789.** Напечатано въ 121 л. «Кол.» съ подписью «Ред.»; подлинникъ не найденъ.
- 1790.** Напечатано въ 121 л. «Кол.».
- 1791.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1792.** Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1793.** Тоже.
- 1794.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1795.** Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1796.** Тоже.
- 1797.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.» (15 февраля).
- 1798.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ № 1795; подлинникъ не найденъ.
- 1799.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.».
- 1800.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по связи съ сказаннымъ о Головинѣ въ №№ 1795 и 1802; подлинникъ не найденъ.
- 1801.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.»; принадлежность выясняется въ связи съ №№ 1800 и 1802; подлинникъ не найденъ.
- 1802.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна изъ № 1795; подлинникъ не найденъ.
- 1803.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ №№ 1800 и 1802; подлинникъ не найденъ.
- 1804.** Напечатано въ 122—123 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 1805.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1806. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1807. Тоже.

1808. Напечатано въ 124 л. «Кол.» (1 марта); принадлежность ясна изъ № 1795; подлинникъ не найденъ.

1809. Напечатано въ 125 л. «Кол.» (15 марта).

1810. Напечатано въ 125 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1811. Напечатано въ 125 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по связи съ другимъ, сказаннымъ о Павловѣ; подлинникъ не найденъ.

1812. Напечатано въ 125 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1813. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1814. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1815. Напечатано въ 126 л. «Кол.» (22 марта).

1816. Напечатано въ 127 л. «Кол.» (1 апрѣля).

1817. Тоже.

1818. Тоже.

1819. Тоже.

1820. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1821. Напечатано въ 128 л. «Кол.» (8 апрѣля).

1822. Тоже.

1823. Напечатано въ 128 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1824. Напечатано въ 128 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

1825. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1826. Напечатано въ 129 л. «Кол.» (15 апрѣля); подлинникъ не найденъ.

1827. Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1828. Напечатано въ 130 л. «Кол.» (22 апрѣля) съ подписью «И—ръ», у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

1829. Напечатано въ 130 л. «Кол.» (22 апрѣля).

1830. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1831. Напечатано въ 131 л. «Кол.» (1 мая); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1832. Напечатано въ № 131 «Кол.».

1833. Тоже.

1834. Напечатано въ 131 л. «Кол.» съ надписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1835. Напечатано въ № 5 «The Free Press» отъ 7 мая; подлинникъ не найденъ.

1836. Напечатано въ 132 л. «Кол.» (8 мая); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1837. Напечатано въ 132 л. «Кол.», какъ замѣчаніе по поводу статьи «Суворовскіе походы по грязямъ петербургскимъ».

1838. Напечатано небрежно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1839. Напечатано въ 133 л. «Кол.» (15 мая) съ подписью «Александръ Герценъ, Николай Огаревъ», у Тих. и отдѣльнымъ листкомъ, широко разсылавшимся при удобномъ случаѣ; подлинникъ не найденъ. Потомъ было повторено.

1840. Напечатано въ 133 л. «Кол.» (въ 134 л. erratum) съ подписью «И—ръ» и неисправно у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1841. Напечатано въ 133 л. «Кол.».

1842. Напечатано въ 133 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ пометки Огарева, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

1843. Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г. свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1844. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1845. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ; приписка сдѣлана къ письму Огарева.

1846. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1847. Напечатано во 2 вып. VII кн. «П. З.», въ X т. Жен. изд. и наполовину въ V т. Спб. изд.; подпись «Искандеръ»; полностью выпущено брошюрой изд. «Основа», Спб., 1906; по-французски въ №№ 28—31 «La Cloche» и «Kolokol» 1868 г. №№ 6—8.

1848. Напечатано во 2 вып. VII кн. «П. З.» съ подписью «Изд.»; подлинникъ не найденъ.

1849. Напечатано въ 135 л. «Кол.» (1 июня) съ подписью «И—ръ», у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подлинникъ не найденъ.

1850. Напечатано въ 135 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1851. Напечатано въ 135 и 136 лл. «Кол.» съ подписью «И—ръ», по-французски въ №№ 1 и 3 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

1852. Напечатано въ 135 л. «Кол.»: принадлежность ясна изъ пометки Чернецкаго, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

1853. Напечатано въ 135 л. «Кол.» съ подписью «Искандеръ», у Тих. и въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

1854. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1855. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ черновикомъ, хранящимся въ АСГ.

1856. Напечатано въ «Письмахъ Кавелина и Тургенева къ Герцену» Женева, 1892, стр. 52—54; свѣрено съ черновикомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1857. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1858. Тоже.

1859. Тоже.

1860. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1861. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1862. Тоже.

1863. Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1864. Напечатано въ 136 л. «Кол.» (15 июня).

1865. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ-копией, снятой Герценомъ для Огарева, написанной на томъ же листѣ, что и № 1866, и хранящейся въ Рум. муз.

1866. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1867. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1868. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1869. Напечатано мною въ «Быломъ» 1906 г. и въ книгѣ «Очерки освободительнаго движенія» etc., стр. 22; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ въ «дѣлѣ о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами».

1870. Тоже.

1871. Напечатано неполно и неисправно въ «Воспоминаніяхъ» Огаревой, стр. 283; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1872. Напечатано въ 137 л. «Кол.» (22 июня); принадлежность устанавливается по подлиннику, хранящемуся въ Рос. Публ. библіотекѣ. Характерно, что и такую небольшую замѣтку Герценъ исправилъ, однако, въ корректурѣ. Слово «обращаясь туда, гдѣ» не было вовсе; вмѣсто «чѣмъ живетъ» было: «за что держится»; вмѣсто «онъ видитъ» — «тамъ, откуда видно». Это указаніе, касающееся многихъ сочиненій, слѣдуетъ помнить тѣмъ, кто легкомысленно склоненъ былъ совѣтовать помѣщать сочиненіе по датѣ написанія, а не по печати.

1873. Напечатано въ 137 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих. и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ хранится въ Рос. Публичной библіотекѣ. Печатный текстъ измѣненъ въ корректурѣ. Кромѣ мелкихъ правокъ, есть двѣ болѣе значительныя: на стр. 228 въ примѣчаніи были еще заключительныя слова: «и они воображаютъ, что они не вышли еще изъ смысла? Если же они и не думали этого, то какіе же они... шутники!»; на той же страницѣ — не было «Почему же полисмена... образы и тѣни?».

1874. Напечатано въ 137 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

1875. Тоже.

1876. Тоже.

1877. Напечатано въ 137 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по подлиннику, хранящемуся въ Рос. Публичной библиотекѣ; текстъ данъ по «Кол.»

1878. Тоже.

1879. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1880. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1881. Напечатано въ 138 (1 июля), 140, 142, 144, 145, 148 и 149 лл. «Кол.» 1862 г. и въ 154 и 156 лл. 1863 г. съ подписью «И—ръ»; выпущено неполно, но съ прибавкой предисловія, по-русски отдѣльною книжкою въ 1863 г., Nottkoering; вошло неполностью въ сборники «Изъ „Колокола“ и „Полярной Звѣзды“», Лондонъ, 1864 и «Еще разъ», Лондонъ, 1866 г.; неполно и въ X т. Женев. изд. (безъ post-scriptum къ IV письму); очень неполно и съ массою купуръ въ V т. СПб. изд.; по-французски въ №№ 4, 6—12, 14 «La Cloche». Рукопись I—III писемъ хранится въ Рос. Публичной библиотекѣ. Текстъ данъ по «Колоколу». Тамъ онъ исправленъ сравнительно съ текстомъ рукописи, подвергшимся перемѣнамъ въ корректурѣ, затѣмъ онъ перепечатывался, а въ Женев. изданіи приведенъ уже съ значительными измѣненіями. Редакторъ послѣдняго указалъ: «Текстъ, который здѣсь печатается, взятъ съ экземпляра 1866 г., *поправленнаго рукою самого автора*. Поправки эти довольно значительны». Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти такой экземпляръ и потому въ комментаріи поневолѣ приходится слѣдовать тексту Женев. изданія безъ проверки. Такъ какъ эта статья представляетъ серьезное значеніе при изученіи эволюціи мировоззрѣнія автора, что въ основномъ текстѣ я считаю болѣе цѣлесообразнымъ дать первоначальный текстъ «Колокола», особенно, имѣя въ виду ту неторопливость, съ которой авторъ писалъ и отдѣлывалъ тогда текстъ, а всѣ варианты Женевского изданія указать ниже.

По мнѣнію Иванова-Разумника, письма эти «замѣчательны», въ нихъ «Герценъ съ громадной художественной силой и съ неоставяющей сомнѣнія опредѣленностью обрисовалъ то этическое мѣщанство, ненависть къ которому двигала его дерзость съ первыхъ же его шаговъ по Европѣ» («Исторія русской общественной мысли», I, 378).

} *Въ Женевскомъ изданіи.*

Стр. 242—11 св. Въмѣсто „еще мы“. „мы еще“.

» —13 св. Нѣтъ „такъ“.

» 243— 7 св. Въмѣсто „вырѣзываться“: „вырѣзывающимися“.

» —15 св. Нѣтъ „общія“.

» 244— 1 св. }

» 245— 1 св. } Нѣтъ: «ее гораздо . . . заложить“.

» 247— 1 св. Въмѣсто „пилора“: „позорный столбъ“.

» —25 св. Послѣ „мѣшаетъ“: „шарманщика“.

» —28 св. Въмѣсто „этой самодовольной“: „самодовольная“.

- Стр. 249—6 св. Послѣ „числу избранныхъ“: „Заработавшая себѣ копѣйку толпа одолѣла и по-своему жуируетъ и владѣеть міромъ“.
- » » — 8 св. Въмѣсто „нѣтъ“: „ей“.
 - » » — 9 св. Въмѣсто „эти органы“: „эта шарманка“.
 - » » — 16 св. Послѣ „онъ“: „кажется“.
 - » » — 5 св. Послѣ „смотрѣлъ“: „уже“.
 - » 250—2 св. Къ „maitre“ выноски:
 „Одинъ очень умный человѣкъ, графъ Оскаръ Рейхенбахъ, мнѣ разъ сказалъ, говоря о зажиточно мѣщанскихъ квартирахъ въ Лондонѣ: «Скажите мнѣ цѣну и этажъ, — и я берусь безъ свѣчи, въ темную ночь, принести часы, вазу, графинъ... что хотите, изъ вещей, непремѣнно бывающихъ во всякомъ жилищѣ средняго круга».
 - » — 7 св. Нѣтъ „чахло“.
 - » — 14 св. Въмѣсто „лондонскаго торговца“: „изъ первыхъ лондонскихъ торговцевъ“ и выноска отъ послѣдняго слова: „У Карераса“.
 - » 251—12 св. Послѣ „Европѣ“: „за послѣдніе шатнадцать лѣтъ“.
 - » » — 13 св. Нѣтъ „страшно“.
 - » » — 5 св. Нѣтъ „и богатаго купца“.
 - » 252—12 св. Нѣтъ „тогда“.
 - » 253—17 св. Послѣ „сколько“: „бы“. Въмѣсто „вносятъ“: „вносили иногда“.
 Нѣтъ „Но“.
 - » 254—22 св. Въмѣсто „Въ“: „У“; „герояхъ“: „героевъ“.
 - » 255—11 св. Въмѣсто „и безъ“: „въ Англии нѣтъ ни“; „безъ“: „ни“;
 „и“: „и“.
 - » 256—6 св. Въмѣсто „мѣсяцевъ“: „у земли одна луна, какъ бѣльмо на глазу“.
 » — 17 св. Въмѣсто „рѣдко имѣя“: „благодаря смѣнѣ поколѣній“.
 » — 16 св. Въмѣсто „да рѣдко то“: „очень мала и мало желается“.
 - » 258—13 св. Послѣ „мужу“: „И потомъ“.
 - » » — 4 св. Послѣ „чужими“: „т-е.“.
 - » 260—1—2 св. Нѣтъ „о которомъ Брашманъ“.
 - » » — 21 св. Нѣтъ „крайнихъ“.
 - » » — 4 3 св. Въмѣсто „благословляющія“: „мозаики“.
 - » 262—26 св. Нѣтъ „будетъ“.
 - » 263—11 св. Нѣтъ „потомъ“.
 - » » — 9 св. Въмѣсто „рѣзкое“: „разное“.
 - » » — 6 св. Нѣтъ „каторжниковъ“.
 - » 265—1—3 св. Нѣтъ „Мнѣ кажется рогѣе“.
 - » » — 14 св. Послѣ „поколѣній“: „окончательно“.
 - » » — 19 св. Въмѣсто „нѣчто“: „кое-что“.
 - » 268—3 св. Нѣтъ: „Ха! ха! ха!“; послѣ „прежнему“: „все“.
 - » 269—15—16 св. Нѣтъ „вотъ либеральный Гладстонъ“.
 » — 10—8 св. Нѣтъ поставленнаго въ скобки.
 270—6 св. Нѣтъ „и очень теперь“.
 » — 23 св. Въмѣсто „Отвлеченная доктрина“: „Доктринерство“.

- Стр. 270—27 св. Послѣ „послѣдовательности“: „а доктрина вѣрна себѣ“.
- » » —29 св. Нѣтъ „изъ нѣмцевъ“; вмѣсто „студентамъ“: „слушателямъ“.
 - » 271—25 св. Послѣ „Вспыхни“: „опять“.
 - » 272—16 св. Нѣтъ „несчастныя“.
 - » » —10 сн. Нѣтъ „собственно“.
 - » » — 9 сн. Вмѣсто „исключеніями“: „въ родѣ десерта“.
 - » 273—26 св. Нѣтъ „доктринерской“.
 - » 277—13 сн. Нѣтъ „дѣйствительно“.
 - » » — 9 сн. Послѣ „у насъ“, „иной разъ“.
 - » » — 8—7 сн. Нѣтъ „у насъ . . . деньгами“.
 - » » — 6 сн. Нѣтъ „далеко“.
 - » 278—13 св. Нѣтъ „въ родѣ учтивости“.
 - » » —16 св. Вмѣсто „Забывая“: „Мы забываемъ“.
 - » » —17 св. Нѣтъ „и страстно себялюбивой“.
 - » » —10 сн. Послѣ „другое—не“: „очень“.
 - » 279— 6 св. Нѣтъ „ѣсть съ ножа“.
 - » » —19 св. Нѣтъ „Эстетически“.
 - » » —24 св. Нѣтъ „и совершенно“.
 - » 280— 1 св. Вмѣсто „Бироновъ“: „Бироновыхъ заплечныхъ мастеровъ“.
 - » » — 2 св. Послѣ „Бироновъ“: „палачей“.
 - » » —11 сн. Послѣ „броженія“: „и обснованій“.
 - » » —10 сн. Передъ „она“: „но“.
 - » » — 9 сн. Послѣ „имѣть“: „еще“.
 - » 281—14 сн. Послѣ „вѣтры“: „безъ желанія ихъ исправлять“.
 - » 282—21 сн. Вмѣсто „теллурическихъ“: „планетныхъ“.
 - » » —15 сн. Нѣтъ „и притомъ“; послѣ „памяти“: „своей“.
 - » » —14 сн. Нѣтъ „своего“.
 - » » —13 сн. Послѣ „побѣдили“: „такъ сказать“.
 - » 284—10 сн. Вмѣсто „грѣховъ“: „грѣха христіанину“.
 - » 285— 4 св. Нѣтъ „ночная работа“.
 - » » —18—12 сн. Нѣтъ „Можетъ, ты . . . съ тѣмъ, что“.
 - » » —12 сн. Послѣ „нравственность“: „должна“.
 - » » —11 сн. Нѣтъ „т. е. что“.
 - » 286— 2 св. Нѣтъ „что . . . другихъ“.
 - » 287— 1 св. Нѣтъ „Съ вѣрой . . . Израилѣ“.
 - » 288—15—17 св. Нѣтъ „И еслибъ . . . по видамъ“.
 - » » —12 сн. Нѣтъ „голландскимъ сномъ“.
 - » » —11 сн. Нѣтъ „боясь книжнаго языка“.
 - » 290—13—11 сн. Нѣтъ „Сегодня я . . . въ томъ, что“.
 - » 291— 8 св. Нѣтъ „христіанскими“.
 - » » —13 св. Нѣтъ „официально“.
 - » » — 20 св. Послѣ „реклама“: „и со всѣмъ тѣмъ“.
 - » » —21 св. Нѣтъ „se faire valoir“.
 - » » —23 св. Нѣтъ „успокою васъ“.
 - » » — 5 сн. Нѣтъ „богатой“.
 - » 292—18 св. Послѣ „покойной“: „и каменистой“

- Стр. 292—19 св. Послѣ «покойной»: «и пѣсчаной».
- » » —22 св. Нѣтъ «всѣхъ».
 - » » —14 сн. Нѣтъ «боли и».
 - » 293— 6 сн. Послѣ «подвиговъ»: «и повмшеній».
 - » 294—11 сн. Послѣ «смѣлѣи»: «съ своей точ. и зрѣнія «поврежденнаго»
 - » » —10—8 сн. Нѣтъ «потому ли, что я не знаю».
 - » 295— 1 св. Нѣтъ «Вотъ какъ было дѣло».
 - » » —23 св. Нѣтъ «разумѣется здѣсь», «остался».
 - » » —25 св. Послѣ «что»: «боюсь»; нѣтъ «сдѣлается».
 - » » — 7—6 сн. Нѣтъ «исторія въ Италиі».
 - » 296— 6 св. Вмѣсто «попъ»: «насторъ».
 - » » — 7 сн. Нѣтъ «особенно».
 - » » — 5—4 сн. Нѣтъ «Выбора . . . войска».
 - » 297— 1 св. Нѣтъ «немного».
 - » » — 2 св. Вмѣсто «сомнѣіе»: «вопросъ».
 - » » — 8 св. Нѣтъ «Такъ это».
 - » » — 9 св. Послѣ «лѣченіе!»— «замѣтили лѣкаръ».
 - » » —17 св. Нѣтъ «сами или».
 - » » —19 св. Нѣтъ «или».
 - » » —24 св. Вмѣсто «совсѣмъ этимъ»: «съ войскомъ».
 - » » — 7 сн. Послѣ «шамбертенъ»: «я другого не люблю».
 - » 298— 8 св. Послѣ «да»: «помѣщиковъ».
 - » » — 9 св. Нѣтъ «прессы».
 - » » —14 св. «Тамъ такъ притиснетъ Молодое».
 - » » —21 св. Нѣтъ «Не правда ли . . . войны?»
 - » » — 9 сн. Нѣтъ «разумѣется».
 - » » — 5 сн. Вмѣсто «временное дѣло» «война, дренажъ-съ».
 - » » — 4 сн. Вмѣсто «здѣсь»: «въ Лондонѣ».
 - » 299—13 св. Вмѣсто «эти»: «ваши».
 - » » — 2 сн. Нѣтъ «до старости».
 - » 301— 6—7 св. Нѣтъ «т. е. . . . всезнаніи».
 - » » —22 св. Послѣ «наукъ»: «въ господскихъ домахъ».
 - » » — 9 сн. Послѣ «я»: «не въ матеріі».
 - » 302— 5 св. Вмѣсто «проповѣдуетъ»: «говорите».
 - » » —11 сн. Послѣ «вамъ»; «обоимъ».
 - » 303—26 св. Послѣ «мой»: «(и т-ой)».
 - » » —12 сн. Послѣ «Авель»: «Ромуль и Ремъ».
 - » 304—19 св. Вмѣсто «можетъ»: «вѣроятно».
 - » » —15 сн. Нѣтъ «одинъ».
 - » » —14 сн. Нѣтъ «длинный».
 - » 305— 1—2 св. Вмѣсто «Додгій ростъ совершеннолѣтія»: «Пора».
 - » » —10 св. Вмѣсто «бавльсы каедръ»: «каедральные профес-
сора».
 - » » —11—12 св. Нѣтъ «какъ мой ученый другъ».
 - » » —14 св. Нѣтъ «и», «бѣдные».

Стр. 305—14 сн. Въмѣсто „новое различіе“: „новая порода“; послѣ „сводно“: „и своб. дно“.

« —14—13 сн. Нѣтъ: „въ Сѣверной Америкѣ“.

1882. Напечатано въ 138 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

1883. Напечатано неисправно въ брошюрѣ Ч. Вѣтринскаго «Странички Герцена», стр. 12; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рос. Публичной Библиотекѣ.

1884. Напечатано въ 139 л. «Кол.» (15 іюля) съ подписью «Искандеръ», и у Тих.; по-французски въ № 3 «La Cloche»; подлинникъ почти всей статьи хранится въ Рос. Публичной Библиотекѣ. текстъ данъ по «Кол.». Сначала, какъ видно изъ рукописи, Герценъ хотѣлъ озаглавить статью «Молодая Россія и угабъ»; несовладеніе мѣстами съ подлинникомъ указываетъ на порядочную правку статьи въ корректурѣ.

1885. Напечатано въ 139 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

1886. Напечатано въ 139 л. «Кол.».

1887. Напечатано въ 139 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ № 1854 и 1861; подлинникъ не найденъ.

1888. Напечатано въ 139 л. «Кол.».

1889. Напечатано въ 139 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1890. Напечатано въ 139 л. «Кол.».

1891. Напечатано въ 139 л. «Кол.» съ подписью «А. Герценъ», у Тих. и въ VI т. СПБ. изд.; подлинникъ не найденъ.

1892. Напечатано въ 139 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1893. Напечатано наполовину въ VI кн. «Вѣст. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1894. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1895. Тоже.

1896. Тоже.

1897. Напечатано въ 140 л. «Кол.» (1 августа) съ подписью «И—ръ», у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подлинникъ не найденъ.

1898. Напечатано въ 140 л. «Кол.».

1899. Тоже.

1900. Напечатано въ 140 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ хранится въ АСГ.

1901. Напечатано неисправно Вѣтринскимъ въ «Страничкахъ Герцена», стр. 12; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рос. Публичной Библиотекѣ.

1902. Напечатано въ 141 л. «Кол.» (15 августа) съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1903. Напечатано въ 141 л. «Кол.» и по-французски въ № 4 «La Cloche».

- 1904.** Напечатано въ 141 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1905.** Напечатано въ 141 л. «Кол.».
- 1906.** Напечатано въ 141 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ предыдущихъ нумеровъ; подлинникъ не найденъ.
- 1907.** Напечатано въ 141 л. «Кол.».
- 1908.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 1909.** Тоже.
- 1910.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1911.** Напечатано въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1912.** Напечатано въ 142 л. «Кол.» (22 августа).
- 1913.** Тоже.
- 1914.** Тоже.
- 1915.** Напечатано въ 142 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания и указаній въ № 1910; подлинникъ не найденъ.
- 1916.** Напечатано въ 142 л. «Кол.».
- 1917.** Напечатано въ 142 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.
- 1918.** Напечатано въ 143 л. «Кол.» (1 сент.) и въ нѣсколькихъ слѣдующихъ съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1919.** Напечатано въ 143 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ пометки Чернецкаго на корректурѣ; подлинникъ не найденъ.
- 1920.** Напечатано въ 143 л. «Кол.»; принадлежность ясна по первому лицу, въ которомъ говоритъ о себѣ авторъ; подлинникъ не найденъ.
- 1921.** Напечатано въ 143 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.
- 1922.** Напечатано въ 143 л. «Кол.».
- 1923.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1924.** Напечатано неисправно Вѣтринскимъ въ «Страничкахъ Герцена», стр. 15; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рос. Публичной Библиотекѣ.
- 1925.** Напечатано въ 144 л. «Кол.» (8 сентября), у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подлинникъ не найденъ.
- 1926.** Напечатано въ 144 л. «Кол.».
- 1927.** Напечатано въ 144 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.
- 1928.** Напечатано неполно и неисправно въ XI кн. «Рус. Мысли» 1902 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 1929.** Напечатано въ 144 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.
- 1930.** Напечатано въ 145 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

1931. Напечатано въ 145 л. «Кол.».

1932. Напечатано въ 145 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго на экземплярѣ, хранящемся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

1933. Напечатано въ № 1 «La Cloche» (20 сентября); подлинникъ не найденъ.

1934. Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1935. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1936. Напечатано въ 146 л. «Кол.»; (1 окт.), по-французски въ № 2 «La Cloche»; принадлежность устанавливается по запискѣ Огарева, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

1937. Напечатано въ 146 л. «Кол.».

1938. Напечатано въ 146 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Огарева на запискѣ Чернецкаго, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

1939. Тоже.

1940. Тоже.

1941. Напечатано въ 146 л. «Кол.».

1942. Напечатано въ 146 л. «Кол.» и въ нѣсколькихъ слѣдующихъ; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

1943. Напечатано въ 147 л. «Кол.» (15 октября), у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; по-французски въ №№ 3 и 5 «La Cloche», по-польски въ «Przegląd Rzeczy Polskich» (15 ноября); подлинникъ не найденъ.

1944. Напечатано въ 147 л. «Кол.» у Тих. въ «Статьяхъ о Польшѣ»; по-французски въ №№ 5 и 6 «La Cloche» и въ № 7 «Kolokol»; по-польски въ «Przegląd Rzeczy Polskich» (15 ноября); подлинникъ не найденъ.

1945. Напечатано въ 147 л. «Кол.».

1946. Тоже.

1947. Напечатано въ 147 л. «Кол.» и по-французски въ № 5 «La Cloche».

1948. Напечатано въ 147 л. «Кол.»

1949. Тоже.

1950. Напечатано въ 147 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

1951. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1952. Напечатано въ 148 л. «Кол.».

1953. Тоже.

1954. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Кружкѣ имени Герцена; дата опредѣляется по времени отъѣзда Кельсиева въ Константинополь и пребыванія еще въ Лондонѣ Ольги А.—ны.

1955. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ Спб. слѣдств. комиссiи, № 63.

1956. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

- 1957.** Напечатано въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.
- 1958.** Напечатано въ 149 л. «Кол.» (1 ноября), у Тих. и по-французски въ № 7 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.
- 1859.** Напечатано въ 149 л. «Кол.»
- 1960.** Напечатано въ 149 л. «Кол.», по-французски въ № 8 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 1961.** Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1962.** Напечатано въ 149 л. «Кол.»
- 1963.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1964.** Напечатано въ 150 л. «Кол.» (15 ноября); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 1965.** Напечатано въ 150 л. «Кол.»
- 1966.** Напечатано въ 150 л. «Кол.» и по-французски въ № 8 «La Cloche».
- 1967.** Тоже.
- 1968.** Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д. Попало въ перлюстрацію нашей заграничной агентуры, по прочтеніи было отправлено по назначенію.
- 1969.** Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д. Это письмо также попало въ перлюстрацію.
- 1970.** Напечатано въ 151 л. «Кол.» (1 декабря) съ подписью «И—ръ», у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; по-французски въ № 9 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.
- 1971.** Напечатано въ 151 л. «Кол.» и по-французски въ № 10 «La Cloche».
- 1972.** Напечатано въ 151 л. «Кол.» съ подписью «Ред.»; подлинникъ не найденъ.
- 1973.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ Спб. слѣдств. комиссиі, № 63.
- 1974.** Напечатано въ № 9 «La Cloche» (10 декабря); подлинникъ не найденъ.
- 1975.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1976.** Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1977.** Напечатано въ I кн. «Рус. Обзорнія» 1898 г.; подлинникъ не найденъ.
- 1978.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ Спб. слѣдствен. комиссиі, № 63. Приписка сдѣлана къ письму Огарева.

- 1870.** Напечатано въ 152 л. «Кол.» (15 декабря) съ подписью «Издатели «Колокола» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1880.** Напечатано въ 152 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.
- 1881.** Напечатано въ 152 л. «Кол.».
- 1882.** Тоже.
- 1883.** Напечатано въ 152 л. «Кол.» и по-французски въ № 10 «La Cloche»; принадлежность устанавливается письмомъ редактора «La Cloche», хранящимся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.
- 1884.** Напечатано въ 152 л. «Кол.».
- 1885.** Напечатано въ 152 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.
- 1886.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1887.** Тоже.
- 1888.** Напечатано въ прибавленіи къ № 10 «La Cloche» отъ 25 декабря; подлинникъ не найденъ.
- 1889.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1890.** Тоже.
-

Опечатки и дополненія.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣд. читать.</i>
13	14 св.	Кочані	Кочаніе
26	№ 1783	нужно было набрать обыкновеннымъ шрифтомъ	
54	7 сн.	Государственную измѣну	Государственное преступленіе
187	10	2852	1851
197	1	В. П.	М: П.
202	8	Брейтонской	Брайтонской
219	3 "	Налбандьянъ	Налбандянъ
220	15 "	Мотеллесъ	Мошеллесъ

Цена 100 рублей.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ

в книжн. магаз. Государственн. Издательства:

ПЕТЕРБУРГ, Проспект 25 октября, № 28;
МОСКВА, Советская площадь (Тверская), № 28.